

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

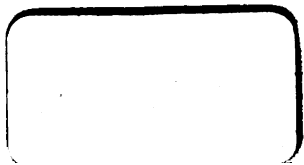
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929235 3

(Callan)
3217

*QCA

/ 00

BIBLIOTEKA DLYA
CHTENIYA

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНИЯ.
XIII.**

089

БИБЛОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

**СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.**

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца *Александра Смирдина.*

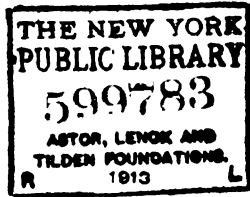

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОВЪ.

***

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 1835 года, октября 31 дня.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

О Г Л А В Л Е Н І Е Д В Ъ Н А Д Ц А Т А Г О Т О М А .

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Желаніе. <i>П. П. Ершова</i>	5.
Сельская элегія. <i>И. И. Козлова</i>	6.
Поэтъ. <i>С</i>	7.
Восторгъ. Изъ Виктора Гюго <i>Ө. М.</i>	14.
Искушеніе. <i>А. Банникова</i>	12.
Пѣснь Миньоны. Изъ Гёте. <i>А. Струговщикова</i>	19.
Къ Художнику. Изъ Гёте. <i>Его же</i>	20.
Смерть дѣвцы <i>Н. С. Гулеваго</i>	20.
Разбитіе Сеннахерима. Изъ Байрона. <i>И. Гогніева</i>	21.
Корсонъ. Комедія. <i>Д. И. Фонъ-Визна</i>	121.
Мысль. <i>А. В. Тимоеева</i>	161.
Молитва. <i>М. Л-вой</i>	162.
Самейство розч. Элегія <i>П. П. Ершова</i>	165.

ПРОЗА.

Жизнь крестьянки. <i>И. Калашникова</i>	23.
Иматра. <i>В. Михайлова</i>	44.
Спасеніе за спасеніе. Военный анекдотъ. <i>А. М.</i>	65.
Записки домового. Статья первая. <i>Барона Брамбеуса</i> .	71.
Любовь бѣдныхъ людей. <i>А. Емичева</i>	121.
Воспоминанія Армейскаго Офицра. <i>П. Гльбова</i>	177.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Генри Перси, графъ Нортomberлендъ. Романъ княгини <i>де-Краонъ</i>	1.
Розамунда Грен. Повѣсть <i>Г. Лема</i>	65.
Французскіе чиновники. Сочиненіе <i>Іенри Моннід</i>	87.
Бесѣды одного Американца съ Бордомъ Байронамъ. Изъ <i>New Monthly Magazine</i>	119.
Изабелла Баварская, Лѣтопись XIV столѣтія. Сочиненіе <i>А. Дюма</i>	134.
Донъ Жуанъ Австрійскій, или Призваніе Комедія <i>Казимира Делавинья</i>	162.

III.
НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Вильно въ 1794 году. <i>Генералу Тужова</i> ,.....	1.
Лордъ Брумъ и послѣднее его сочиненіе.....	32.
✓ Судьбы Еврейскаго народа, <i>Т. Грановскаго</i>	57.
Призраки и Видѣнія. Изъ <i>Penny Cyclopaedia</i>	93.
Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку.....	112.
Высота термометра съ перваго августа по послѣднее число декабря 1812 года, по книгамъ Виленской астрономической обсерваторіи.....	146.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Исторія преобразованія Русскаго помѣстья, съ трехпольнымъ зерновымъ полеводствомъ, въ Англійское, съ пятипольнымъ плодоперемѣннымъ. Часть первая <i>Д. П. Шелихова</i>	1.
Объ исправленіи луговъ, заросшихъ мхомъ. <i>И. Филипова</i>	28.
Исторія преобразованія Русскаго помѣстья. Часть вторая, Преобразованіе, переходъ отъ стариннаго полеводства къ новому и нынѣшній порядокъ въ помѣстьѣ. <i>Д. П. Шелихова</i>	29.

V.

КРИТИКА.

Лекціи профессора Погодина, по Герену, о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. Москва 1855. Часть первая.....	1—12.
Свитригайло, великій князь Литовскій сочиненіе Авлуза Коцебу. Санктпетербургъ 1835.....	25.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1835. Новыя книги.....	1—12.
Ноябрь, 1835. Новыя книги.....	13.
Разныя извѣстія.....	

VII.

СМѢСЬ.

№ 2575.
~~Содержаніе~~

Парижская Академія Наукъ.....	1.
1. Тяжба литотригги съ литотомією.....	1.
2. Наблюденія Г. Д'орбинья надъ крылоногими.....	2.
Компанія застрахованія на жизнь.....	4.
Новые опыты надъ стояніемъ воды внутри земли.....	12.
Новое сочиненіе Альфреда де Виньи.....	15.
1. Наполеонъ Бонапарте мусульманинъ	15.
2. Разговоръ между Наполеономъ и папою Піемъ VII.....	17.
Всеобщій морской языкъ.....	25.
Индійское суевѣріе.....	27.
Театръ нынѣшней войны въ Испаніи.....	28.
Исторія шелковыхъ тканей.....	38.
Добываніе каменнаго угля во Франціи.....	47.
Вѣрность кошекъ.....	48.
Заговариватели змѣй въ Англіи.....	50.
Индійскія ругальщицы.....	57.
Баллины.....	58.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
Gueux de mer, Гг. Лагранже и Кормона. Les Ame-	
ricains en 1781, Гг. д'Епаньи. Rigoletti. Риголетти,	
водевиль. Гг. Арбуза и Жема. Cherubin, воде-	
виль, Г. Деноліе. Le Fils de Figaro, водевиль,	
Гг. L'Octogénaire, Г. Баяра, Adélaïde le Poltron,	
водевиль Г. Баяра. Le deux Creoles, водевиль,	
Гг. Баяра и Ванденбурга. M. Potard, ou le Nègre	
Blanc, ou la bouteille de Cirage, водевиль Гг.	
Гризви и Ружемона. Pauvre Jacques, водевиль	
Гг. Коньоровъ. Une heure à la Malmaison, воде-	
виль. Madelon Friquet, водевиль Гг. Ружемона и	
Дюпети:	
Словесность во Франціи.....	64.
Словесность въ Англіи.....	66.
Словесность въ Германіи.....	69.
Новыя книги: Французскія, Англійскія и Нѣмецкія	71.
Моды (съ картинкою).....	74.

Парижская Академія Наукъ:	
1. Свиной вопросъ.....	77.
2. Превращеніе газовъ въ жидкости.....	79.
3. Обращеніе кометъ около ихъ оси.....	83.
4. Температура одинаковыхъ часовъ.....	84.
Исполнискій наукъ.....	85.
Театръ вытѣшней войны въ Испаніи:	
2. Законы, нравы и обычаи Басковъ и Наварцевъ.....	86.
Маски.....	90.
Что такое Лондонскій Лордъ-меръ.....	95.
Венгерская литература.....	102.
Французскій театръ въ Парижѣ:	
1. Un mariage raisonnable, комедія въ одномъ дѣйствіи Г. Ансело. 2. Un mariage sous l'Empire, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Ансело и Дюпора. 3. La pensionnaire mariée, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Скрыба и Варнера. 4. Le Jugement de Salomon, водевилъ къ одному дѣйствію.	108.
Словесность во Франціи.....	115.
Словесность въ Англіи.....	118.
Словесность въ Германіи.....	121.
Новыя книги: Французскія. Англійскія. Нѣмецкія....	123.
Моды.....	127.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЖЕЛАНІЕ.

Чу! вихорь пронесся по чистому полю,
Чу! крикнуль орелъ въ громовыхъ облакахъ.
О, дайте мнѣ крылья! о, дайте мнѣ волю!
Мнѣ тошно, мнѣ душно въ тяжелыхъ стѣнахъ!

Растя ли нагорному кедру въ теплищѣ,
И краснаго солнца и бурь не видать?
Дышать ли пигаргу свободно въ темницѣ,
И вихри не ввать, и тучи не рвать?

Ни чувству простора! ни сердцу свободы!
Ни вольнаго лету могучимъ крыламъ!
Все мрачно, все пусто, и юные годы
Какъ цѣпи влачу я по чуждымъ полямъ!

И утро заблещеть, и вечеръ затлѣть,
 Но горестъ могилой на сердце лежить!
 И жатва на нивѣ душевной не зрѣть,
 И пламень небесный безсвѣтно горить!

О, долголь стенать мнѣ подъягостнымъ гнетомъ?
 Когда полечу я на свѣтлый востокъ?
 О, дайте мнѣ волю! Орлинымъ полетомъ
 Я солнцу бѣ коснулся и пламень возжегъ.

Я бѣ рвался въ зефирѣ, я мчался бѣ съ грозою,
 И крылья разливомъ зари позлатилъ.
 Я жадно бѣ упился небесной росою,
 И ниву богатою жатвой покрылъ!

Но если бесплодно страдальца моленье,
 Но если имъ чуждо желанье души,
 Мой геній хранитель, подай мнѣ терпѣнье,
 Иль пламень небесный во мнѣ потуши!

П. ЕРШОВЪ.

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГІЯ.

Въ тиши села уединенной
 Младой страдалецъ грустно жилъ,
 И долгой мукой утомленный,
 Онъ добрымъ людямъ говорилъ:
 «Ужъ въ церковь нашего селенья,
 Васъ призываютъ на моленья,
 Въ вечерній колоколъ звоня, —
 Молитесь Богу за меня.

«Когда жь начнет дубрава тмиться,
 Туманы лягутъ надъ водой,
 Тогда скажите: не томится
 Теперь страдалецъ молодой.
 Но вы меня не забывайте,
 Въ упынныхъ пѣсняхъ упоминайте,
 И слыша звонъ съ кончиной дня,
 Молитесь Богу за меня.

«Предъ хитрой, злобной клеветой,
 Я дамъ всю жизнь мою въ отвѣтъ,
 И, съ непорочною душою,
 Безъ страха я покину святъ.
 Недологъ былъ мой путь унылой,
 Въ моей веснѣ ужъ надъ могилой
 Стою въ слезахъ, къ ней взоръ склони:
 Молитесь Богу за меня!

«Мой милый другъ, мой другъ прекрасный!
 Я думалъ долго жить съ тобой,
 Но жертвою мечты, напрасный,
 Мой вѣкъ минутой былъ одной.
 О, сердца нежнаго тревогу
 Простите ей! Молитесь Богу,
 Услыша звонъ въ мерцаньи дня,
 И за нее и за меня.»

ИВАНЪ КОЗЛОВЪ.

П О Э Т Ъ.

=

Весенній вечеръ. Небо усыяно звездами. Вдали море. Поэтъ въ задумчивости сидитъ подъ деревомъ. Другъ подходитъ и кладетъ ему руку на плечо. Поэтъ вздрогиваетъ.

Д р у г ъ .

Объятъ накинъ то чуднымъ сномъ,
 Давно на берегъ морскомъ
 Сидишь въ мечтаніи глубокомъ:
 Гдѣ ты блуждалъ?

П о в т ѣ (приходя въ себя.)

Въ краю далекомъ.
 И мнѣ казалось, дольний міръ
 Покинулъ я, — и геній бури
 Увлехъ меня въ поля лазури;
 У ногъ моихъ бѣжалъ эфиръ,
 И сводъ небесный надъ главою
 Блисталъ сапфирной синевою;
 Толпы міровъ кругомъ меня
 Горѣли пламенемъ огня:
 То въ купы свѣтлыя сливаясь,
 То въ безпредѣльность разсыпаясь.
 И геній бури, спутникъ мой,
 Покинулъ грозный ликъ земной,
 Одѣся радуги лучами,
 И позлащенными крылами
 Прикрылъ меня, къ устамъ припалъ,
 И вдунулъ въ грудь мнѣ восхищенье,
 Я скоро чуднаго узналъ,
 И въ сладкомъ трепетѣ я палъ
 Предъ нимъ: то было вдохновенье!
 И геній радость въ сердце влилъ,
 Мечтой пернатой окрылилъ
 Меня, — и рипулъ межъ звѣздами:
 Я въ безпредѣльности леталъ,
 Свободой гордою дышалъ,
 Я восхищался небесами;
 Мой стихъ гремѣлъ какъ Божій громъ
 И разливался надъ мірами,
 Какъ лучъ въ пространствѣ голубомъ.....
 Я жилъ, я чувствовалъ!

Д Р У Г Ъ.

Мечтатель!

Межь-тѣмъ, какъ ты паришь, пріятель,
 Пространства синяго во мглахъ,
 Давно покинутый мечтою
 Нашъ вѣкъ, желзною рукою
 Куетъ величіе къ землѣ.
 Повѣрь, мой другъ, мечты свободной
 Нашъ не оцѣнить вѣкъ холодной:
 Деспотъ, прозавкъ, хочеть онъ,
 Чтобъ лиру бросилъ Аполлонъ;
 Онъ хочеть, чтобъ любимецъ Феба
 Сошедъ съ безоблачнаго неба,
 Забывъ, что огонь въ груди горить,
 Писалъ людей домашній бытъ
 И нравы общества. Сначала,
 Душа поэта не внимала
 Бельню грозному; вольна,
 Носилась въ облакахъ она;
 Но вѣкъ чугушною рукою
 Увлекъ, свободную, съ собою,
 И гордый, пламенный поэтъ,
 Какъ рабъ, пошелъ за вѣкомъ всадъ,
 Или какъ конь въ цѣпи обоза.
 Кто можетъ противъ вѣка стать?
 Прошла пора стихи писать:
 Потребность вѣка — проза, проза!

П о э т њ.

Виновенъ я ль, что на аккордъ чудесный
 Самимъ Творцемъ настроена душа?
 Что все поэзье дышетъ въ поднебесной
 И что даль синяя роскошно хороша?
 Виновенъ я ль, что шелестъ листьевъ стройный
 Святой мелодіей мой нѣжить слухъ,
 Иль шумъ волны пучины безпкойной
 Восторгомъ сладостнымъ воспаляетъ духъ?

Блаженъ поэтъ, когда ему возможно
 Порывъ души условьямъ подчинить,
 Иль вялой прозой чувства замннить
 И времени отдать дань осторожно!
 Но если огонь палящій, неземной,
 Волпуетъ духъ высокій человѣка, —
 Потонетъ онъ въ пучинѣ грозной вѣка,
 Иль самый вѣкъ умчитъ онъ за собой.

Д р у г ъ.

Порывъ мечты души высокой!
 Но, другъ, ты чувствуешь глубоко,
 А родъ людской уже давно
 Для чувства затворилъ окно.
 Мой другъ, повѣрь, твой стихъ свободный
 Не тронетъ умъ людей холодный,
 И звуки лиры золотой,
 Мелодья та аккордовъ дивныхъ,
 Умрутъ какъ звонъ въ дали пустой,
 Какъ звукъ среди степей пустынныхъ.
 Утратить даромъ жаръ поэтъ!
 И вдохновенье неземное,
 Безъ пользы людямъ, унесетъ
 Злой вѣкъ въ пространство голубое.

П о э т ъ.

Гомеръ, державный царь пѣвцовъ,
 Слышой, убогой странникъ въ міръ,
 Бряцалъ на вдохновенной лирѣ:
 Вѣкъ не цѣнилъ его стиховъ!
 Въ немъ не почтилъ онъ вдохновенье;
 Но за холодное презрѣнье
 Отмстили тридцать пять вѣковъ.
 И сквозь нихъ мглу, покрытый славой,
 Протекъ державно, величаво,
 Пѣвецъ героевъ и боговъ.
 И Тассъ, когда съ небесъ сошедшій
 Восторга духъ его обнялъ,

Посажень былъ какъ сумасшедшій!.....
 И Камозьсь, не средь покаяль,
 Не среди клянковъ и плесканій
 Окончилъ въкъ своихъ страданій:
 Великій духъ его изсякъ
 Средь нищеты, среди презрѣнья:
 Безсмертный, жертва отверженья,
 Въ больницѣ умеръ какъ бѣднякъ!
 Толпѣ ль понять порывы духа?
 Для прозанческаго ль уха
 Аккорды дивные гремѣть?
 Благоговѣя, не цвнѣть
 Коль современники поэта,
 Его не заплескаеть Лета:
 Грядущій рядъ въковъ пойметъ
 Безсмертной лиры прѣсповнѣя;
 Потомство грозное придетъ,
 Заплатитъ дань благоговѣнья,
 И свѣтлой ризою петлянья
 Его творенья облечеть.

c.

В О С Т О Р Г Ъ .

Изъ Виктора Гюго.

«И слышахъ гласъ вели.»

Апокалипсисъ.

Одинъ надъ волнами, я, грустный, сидѣль,
 И ясный сводъ неба звѣздами блестѣль,
 И мысли высоко въ пространствѣ блуждали;
 И горы, долины, и берегъ, и лѣсь,
 Казалось соборомъ живымъ вопрошали
 Волны морскія, звѣзды небесъ.

И звезды златыя, несмытной толпою,
 То тихо, то громко, склоняясь главою,
 Звучали гармоніей стройной съ высоту;
 И синія волны въ излучистомъ ложѣ
 Имъ вторили, зыбля пучиною водъ:
 Все это ты, Господи Боже!.....

О. М.

И С К У Ш Е Н І Е.

=

Есть мѣсто надъ быстрой рѣкой, на горѣ:
 Тамъ дремле обитель стояла;
 Златыя главы возносила горѣ,
 И въ грозномъ величьи сіяла;

И твѣню дубовъ и кедровъ густой
 Былъ тотъ монастырь осѣняемъ;
 Въ оградѣ струился источникъ живой,
 Подгорной рѣкой поглощаемъ.

Въ обители той, въ недоступныхъ мѣстахъ
 Живя, чернецы подвизались
 Въ молитвахъ и строгомъ постѣ, и трудахъ,
 И только во храмѣ встрѣчались.

Межъ пнямъ одинъ былъ отшельникъ молодой, —
 Ко славы небесной влекомый;
 Носилъ на челвѣ оный священный покой,
 Съ волненьемъ мірскимъ незнакомый.

Въ цвѣтушія лѣта покорень оный былъ
 Могучія страсти влеченю:
 Но рано оный сердце свое схоронилъ,
 Предавъ безнадежность забвеню;

И рано для свѣта умерши душой,
На подвигъ тяжелый рѣшился;
Оставилъ на вѣки онъ край свой родной,
И въ дальней обители скрылся.

Себя онъ обрекъ на монашескій трудъ;
Покрылся простой власяницей;
Убогая келья его былъ пріютъ
Съ грозящею взору гробницей.

Тамъ, чашу мятежныхъ страсти испивъ,
Къ себѣ онъ былъ строго суровый;
Святыхъ размышленій обильный приливъ
Облекъ его жизнію повою.

Онъ чувства земныя въ себѣ усыпилъ,
Отрипнулъ свое заблужденье;
Но прежней душою еще онъ любилъ
Природой святой наслажденье.

Когда лучъ заката въ игрѣ умиралъ
На храмъ и стѣнахъ ограды,
Нередко онъ келью свою покидалъ,
Искалъ онъ вечерней прохлады;

Въ то мѣсто, гдѣ брегъ надъ широкой рѣкой
Скалой подымался высокой,
Ходилъ онъ тогда потаенной тропой,
Невидимъ никѣмъ, одинокій;

И тамъ красотамъ удивляясь земнымъ,
Далекъ былъ отъ мысли онъ тѣмной,
И душу питая восторгомъ святымъ,
Звждителя славилъ вселенной;

Въ духовныя думы спокойной душой
Онъ сладостно тамъ погружался,

И долго бесвдуя мирно съ собой,
Къ обычнымъ трудамъ возвращался.

Прекрасный былъ вечеръ: сіялъ съ вышины
Сафнромъ сводъ неба лучистый;
Лились ароматы въ дыханьѣ весны,
И воздухъ былъ сладостно чистый;

Лазурью съ багрянымъ отливомъ рѣка,
Струясь, ласкалась ко берегу;
Зефиръ колыхая листвами сѣтка,
Наввивала томную пѣгу.

Обычной стезею той шелъ онъ порой
На берегъ рѣки быстротечной,
И взоръ услаждая природы красой,
Дивился Премудрости Вѣчной.

Оттуда вокругъ живописный былъ видъ:
Надъ зеркальной высясь рѣкою,
Кленовою рощей былъ берегъ покрытъ
И зеленью нивъ молодою;

Красивыя села видѣлись вдали,
Пригорковъ синѣли вершины;
Кристалльны ручьи, извиваясь, текли
По пестрой одеждѣ долины,

И искры неслись по водамъ голубымъ;
Стада на полянахъ пестрѣли,
И вторили холмы и рощи живымъ
Напѣвамъ пастушьей свирѣли;

Въ багряный покровъ облеченный, сіялъ
Храмъ въ небѣ златыми главами,
И, мнилось, таинственно онъ сѣдинялъ
Нашъ бранный пріютъ съ небесами

Все такъ безмятежно, прекрасно кругомъ,
Все взоры и душу плѣнило;
Все сладость-талцимъ весеннимъ лучемъ
Въ отшельника грудь проникало.....

Ужъ вечеръ въ священной погасъ тишинѣ,
Нисшедъ съ потемнѣвшаго свода;
Закатъ чуть дышалъ въ пурпуровомъ огнѣ;
Въ дрему погружалась природа.

Въ глубокомъ отшельникѣ стоялъ забытъи,
На западъ смотря потухавшій
И ропотъ внимая далекой струи,
Гармоніей слухъ потрясавшій.....

Роскошно дыханье сихъ позднихъ часовъ
Подъ сонною ихъ темнотою;
Льетъ пѣгу ея прихотливый покровъ,
Лелѣя прохладою живую;

И все пылкимъ чувствомъ волнуемый умъ
Влечетъ неизбежнымъ влеченьемъ
Въ оковы тревожныхъ мечтаній и думъ,
Грудь полнить мятежнымъ томленьемъ.

Все въ инока душу желаньемъ живымъ,
Томительно-грустнымъ твспилось.....
И чувство, давно позабытое имъ,
Вновь въ сердце къ нему заронилось,

Глубоко вздохнулъ онъ; сердечной слезой
Взоръ, свѣтлый дотошъ, затмился;
И въ горькомъ уныньѣ, съ поникшей главой
Онъ съ мѣста тоски удалился.

Преслѣдуемъ мыслью, волнующей духъ,
Идетъ онъ пустынной тропею.

Ужъ запада свѣтъ безмятежно потухъ,
И ночи покровъ надъ землею.

Вдругъ слышитъ, — плачливый голосъ за нимъ
Шепнулъ ему звукомъ прѣвѣтнымъ;
Онъ сердцу сказался напѣвомъ роднымъ,
И чувствамъ волненьемъ ответнымъ.....

Чернецъ смутный вздрогнулъ; назадъ онъ глядитъ:
Предъ нимомъ дѣва младая,
Румянцемъ стыдливости нѣжныхъ ланитъ
И взоромъ смущеннымъ сияя.

По трепетнымъ членамъ огонь пробѣжалъ,
Въ груди его вспыхнулъ волненьемъ;
И онъ неподвижно безмолвень стоялъ
Окованный чуднымъ видѣньемъ.

И сладостныхъ звуковъ знакомый прѣвѣтъ,
Взоръ томный, одѣтый смущеньемъ,
Все сердцу сказало былого завѣтъ,
Повѣвало прежнимъ мгновеньемъ;

И все, что въ душѣ онъ давно схоронилъ,
Что было для сердца безцѣнно,
Въ немъ образъ прелестный опять воскресилъ
Незапно, для жизни мгновенной:

Въ томъ голосъ нѣжномъ, въ тѣхъ милыхъ чертахъ
Предметъ своей страсти несчастной
Отшельникъ узналъ..... И съ обѣтомъ въ устахъ
Къ ногамъ упадаетъ прекрасной.

И ужасъ преступную душу сковалъ:
Какъ прежде, онъ сталъ одинокой;
Лишь токъ серебрястый шумъ всплеска издалъ,
И гулъ отзывался далеко.....

Какъ грома стрѣлой пораженный, стоялъ
 Онъ въ бурномъ приливѣ смятенья,
 И въ гладную грудь его мигъ сей вліялъ
 Карающій пламень мученья.

Съ главою отягченною мукой нѣмой,
 Съ душою, терзаемой сильно,
 Убитый отчаяньемъ, шаткой стопой
 Пошелъ онъ, какъ призракъ могильной.

Не смѣлъ преступить онъ обители прагъ, —
 Гремль надъ нимъ гласъ заклинанья;
 И ночь, у затворовъ простертый во прахъ,
 Провелъ онъ въ слезахъ покаянья.

Когда жъ, трепеща, онъ, какъ житель могилъ,
 Въ свой прежній пріютъ возвратился,
 На тяжкую жизнь онъ себя осудилъ,
 И въ кельѣ затворникомъ скрылся!

Не зналъ онъ ни сна, ни покоя въ трудахъ,
 Тяжелой веригой тягчимый,
 Онъ денно и ночью молился въ слезахъ,
 Преступной минутой томимый.

Съ тѣхъ поръ онъ не видѣнъ былъ въ храмъ святомъ,
 Ни съ кѣмъ онъ съ тѣхъ поръ не встрѣчался,
 И заживо мертвый, въ жилищѣ осемя
 Съ всегдашнею мукой скрывался.

Ужъ годы прошли. По заглохшимъ слѣдамъ
 Съ молитвою къ инокъ входятъ.....
 И въ кельѣ разлитъ былъ святой енциамъ, —
 Отшельника жъ въ ней не находятъ!

А. ВАННИКОВЪ.

ПѢСНЬ МИНЬОНЫ.

=

Изъ Гете.

=

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ змѣй апельсинъ
И золотой лимонъ растутъ среди долинъ;
Гдѣ величавый лавръ и томный миртъ цвететь,
И вѣвь вѣтеркомъ съ лазуревыхъ высотъ?
Знакомъ ли онъ тебѣ?

Туда, любезный мой,
Туда, о другъ, пошла бы я съ тобой!

Знакомъ ли домъ тебѣ на мраморныхъ столбахъ?
Картины тамъ и пурпръ и злато на стѣнахъ;
Тамъ блещетъ пышный залъ, тамъ статуй длинный
рядъ:

«Бѣдняжка, что съ тобой?» онъ мнѣ говорить.
Знакомъ ли онъ тебѣ?

Туда, защитникъ мой,
Туда, туда, пошла бы я съ тобой!

Ты гору знаешь ли съ вершиной ледяной?
Тамъ шагъ за шагомъ мулъ излучистой тропой,
Проходитъ облака, — въ тѣспинахъ тамъ живетъ
Съ исчадіемъ драконъ, и водопадъ реветъ,
И рушится скала!

Скажи знакомъ ты съ ней?
Туда лежить нашъ путь. Отецъ! идемъ скорѣй.....

КЪ ХУДОЖНИКУ.

=

Изъ Гатъ.

=

Взгляни, какъ все собою помрачаетъ
 Созданье рукъ твоихъ; смотри, оно всегда
 Какъ яркая на небесахъ звезда,
 Непомерцаемо межъ прочими сіяетъ!
 То подвигъ твой: его свершилъ,
 Въ минуты чистыхъ наслаждений,
 Изъ глубины душевныхъ силъ
 Самимъ собой возванный гений!
 Измѣрилъ ты, постигъ его умомъ
 И довершилъ рачительнымъ трудомъ;
 Смотри: художники, самъ царь, — и всѣ они
 Стоять созданіемъ твоимъ поражены.
 На юношу взгляни: онъ весь въ огнѣ,
 Вся жизнь его теперь на полотнѣ!
 Въ его очахъ горитъ сердечное желанье
 Пріять отъ гения могучее вліянье.
 Сквозь рядъ вѣковъ, художникъ подаетъ
 Путеводительную руку:
 Высокой образецъ искусство въ немъ найдетъ,
 Потомство обрѣтетъ науку!
 Всего, что мужъ добра способенъ совершить,
 Въ своихъ предѣлахъ жизнь не можетъ заключить;
 Вотъ почему тотъ мужъ, покинувъ путь земной,
 По смерти дѣйствуетъ какъ дѣйствовалъ живой;
 Но, смертный на землѣ, за гробовымъ предѣломъ
 Владычествуетъ онъ, какъ словомъ такъ и дѣломъ,
 Безсмертно. Ты таковъ: столѣтья пронеслись, —
 Ты живъ! Жизнь вѣчную познай и насладись.

А СТРУГОВЩИКОВЪ.

СМЕРТЬ ДѢВИЦЫ.

=

Плавалъ мѣсяцъ величавый
 Въ небѣ темно-голубомъ,
 Разсыпая на дубравы
 Свѣтъ серебрянымъ лучемъ,
 И на небѣ голубомъ,
 Тамъ, въ яси, почти незримый,
 Слившись съ бѣлымъ облачкомъ,
 Вился голубъ среброкрылый, —
 На предвѣяхъ пустоты, —
 Близъ таинственнаго свода.
 Онъ тамъ легко какъ мечты,
 Онъ тамъ воленъ какъ свобода.
 Ахъ, съ невинностью твоей
 И съ твоею простотою
 Не сближайся ты съ землею,
 Не ступай сюда ногою!
 Отъ заботъ, отъ клеветы,
 Дружбы иль любви развратной,
 Здѣсь погибнешь, голубъ, ты,
 О, погибнешь невозвратно!....
 Черезъ выпранный эфиръ
 Лучше въ даль скорѣй пустися,
 И въ другой, ты, лучшей мѣрѣ,
 Съ вихремъ въ облакъ песися.
 И тебѣ ль тамъ можно жить,
 Гдѣ кокетство уважаютъ?
 Гдѣ не знаютъ какъ любить,
 Гдѣ невинность презираютъ?
 Тамъ постигнуть ли тебя,
 Гдѣ о золотѣ мечтаютъ?
 Гдѣ всякъ любить лишь себя,
 Гдѣ любви прямой не знаютъ?....

Вдругъ, съ востока покатылась
Свѣтовая полоса,
И на западъ сокрылась,
Озаривши небеса.
И опять какъ небывало
Въ синемъ небѣ ничего:
Только въ морѣ звѣздъ блистало
Луны ясное чело.

— «Что - то было, что - то было
»Въ этой выпрenneй выеи!
«Знать какое - то свѣтило?...»
Юный старца спросилъ.
— «Не метеоръ, не комета,»
Старый юному въ отвѣтъ:
«А отъ горестнаго свѣта
«Душа дѣвы въ рай идетъ.
«Ее ангелы встрѣчаютъ,
«Тамъ, съ эфирной высоты,
«И звѣздами устилаютъ
«Путь въ обитель правоты.»

Н. ГУЛЕВОЙ.

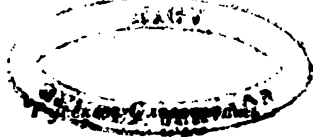
РАЗБИТІЕ СЕННАХЕРИМА.

=

Изъ Байрона.

=

Какъ волкъ на добычу нахлынулъ вдругъ онъ!
И въ златъ горѣли, какъ жаръ его оруды;
Мечи ихъ — какъ звѣзды на синевѣ волнъ,
Когда плещутъ въ ночь Галилейскія воды.

Какъ листья дубравы зеленой весной,
Сихъ полчищъ знамена съ закатомъ мелькали;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Ихъ трупы на прахъ съ разсвѣтомъ лежали!

Духъ смерти въ заразѣ крылъ окупаль,
И бурю бѣдъ опашнулъ вражьи силы;
И очи у спящихъ хладъ смерти сковаль,
Сердца всколебались и на вѣткъ застыли.

И ноздри раздувъ, клонить конь тамъ главу;
Но пламень гордыни его ужъ не грѣсть!
И съ устъ его пѣна, охлынувъ траву,
Какъ отплескъ буруна на ней холодветъ.

Тамъ всадникъ раздавленъ и блѣденъ лежитъ:
Роса на челъ и заржавѣли латы.
И тихо въ шатрахъ все: труба не звучить,
Знамена недвижны и праздны булаты.

И громки къ Ваалу стenanія вдовъ!
И идолы въ храмахъ его сокрушились!
И чужды ударовъ, когорты враговъ,
Отъ взора Еговы какъ снѣгъ растопились!

И. ГОГНІЕВЪ.

П Р О З А.

ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНКИ.

=

Приглядывайте таинство развитія душевныхъ способностей! Тѣ способности, которыя болѣе служатъ для земли нежели для неба, развиваются при зависимости отъ внѣшнихъ случаевъ, потому ли, что сама природа не хотѣла здѣсь равенства между людьми, при которомъ не могъ бы исполниться великій планъ общественной жизни; но тѣ, которыя болѣе нужны для неба чѣмъ для земли, — тѣ не зависятъ ни отъ какихъ внѣшнихъ случаевъ, — напротивъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ еще скорѣе развиваются во всемъ своемъ блескѣ. Таково нравственное, святое чувство стремленія къ добру, драгоценное орудіе, даруемое человѣку для пріобрѣтенія вѣчнаго богатства. При всемъ недостаткѣ умственнаго образованія, человѣкъ можетъ быть весьма высокъ въ нравственномъ отношеніи. Нужны ли доказательства? Нашъ простой народъ представляетъ самое убѣдительное: гдѣ найдете вы болѣе возвышеннаго самоотверженія въ чувствахъ и поступкахъ? Къ несчастію, большая часть прекрасныхъ и благородныхъ дѣлъ его погибаетъ безъ вѣсти.

Я хочу сохранить одно перло изъ множества покиннутыхъ сокровищъ; сохранить въ томъ точно видѣ, какъ получилъ его изъ рукъ самыхъ бережливыхъ.

Отецъ и мать Ненилы были бѣдные старики, къ несчастію, не имѣвшіе сыновей. Ненила замѣнила имъ сына. Она раздѣляла съ ними самыя трудныя рабо-

ты, которыя часто были ей не по силамъ и не по лѣтамъ, и если отецъ или мать, бывало, уговаривали ее не изнурять себя раннимъ вставаньемъ или излишними трудами, она всегда давала одинъ отвѣтъ: «Эхъ, родимые, вы уже трудились на своемъ вѣку много, а я еще только начинаю.» Ненила вмѣстѣ съ отцемъ, а чаще одна, зимой ѣздила за дровами, лѣтомъ пахала хлѣбъ, косила и убирала сѣно.

Лѣтнія работы были для нея болѣе наслажденіемъ, нежели трудомъ. Одаренная чувствительнымъ сердцемъ, она не могла смотреть на мѣръ Божій безъ восхищенія, потому что съ сердцемъ сама природа заговариваетъ.

Бывало, въ полдень, когда солнце станетъ прямо надъ полемъ, и налетѣтъ его своими жаркими лучами; когда все твореніе замолкнетъ; глубокая тишина водворится въ природѣ; только гдѣ-гдѣ кузнечикъ простучитъ въ травкѣ, только гдѣ-гдѣ стрекозка прожужжитъ въ тѣни деревъ, только слышенъ жаворонокъ, котораго сладкая пѣсенька такъ потдѣляется отъ воздуха, такъ и струится, словно рѣзвый ручеекъ, и опять замолкаетъ, и снова лѣтся какъ синяя вода по камешкамъ, — Ненила, отдыхая послѣ утренней работы, на берегу рѣки, подъ развѣсистой ивою, то прислушивалась къ стуку кузнечика, то слѣдила глазами полетъ жаворонка; то разсматривала, какъ облако несется, рѣдѣетъ, исчезаетъ въ лазури, и опять раждается, и опять растетъ и снова улетаетъ отъ взоровъ.

Однажды, въ такомъ положеніи, послышала она издалека заунывный голосъ пѣсни — «Не одна-то во полѣ дороженька.....» Она сперва не обращала на него вниманія, но по мѣрѣ того, какъ голосъ приближался, сердце ея невольно билось сильнѣе. «Не онъ ли?» подумала Ненила. Вдали шелъ рослый, бравый

дѣтина, лѣтъ двадцати, въ красной рубашкѣ, съ голубою лентою на шляпѣ, съ корзиною за плечами. «Онъ! и въ самомъ дѣлѣ онъ!» невольно вскрикнула дѣвушка, и не знала, что дѣлать, — итти ли на встречу, или спрятаться въ кустахъ и дожидаться его на вѣсть; но покамѣстъ продолжались разсужденія, прохожій подошелъ къ ней самъ.

— Здорово, Ненила Ефремовна! сказалъ онъ такимъ голосомъ, отъ котораго у ней вся кровь прилилась къ сердцу. — Ахъ, это ты, Игнатій!

Игнатій считался красавцемъ по всему околотку; восемнадцати-лѣтняя Ненила также была лучшая изъ дѣвушекъ своей деревни: они должны были полюбить другъ друга.

Къ несчастію, Игнатій былъ сирота: онъ жилъ у дяди, а дядя его былъ безчувственный скряга, готовый для корысти на всякую жестокость. По смерти родителей Игнатія, дядя взялъ его къ себѣ въ домъ, единственно для того, чтобы впослѣдствіи отдать въ рекруты за свое семейство: поэтому, несмотря ни на какія просьбы Игнатія, жестокій старикъ не позволялъ ему жениться на Ненилѣ. Расчетъ его былъ веренъ. Оставаясь холостымъ, Игнатій могъ скорѣе впасть въ шалость и подать благовидный предлогъ къ сдачѣ въ рекруты, а женись на Ненилѣ, онъ былъ въ состояніи отдѣлаться отъ него и перейти къ тестю. Но, когда Игнатій наотрѣзъ сказалъ ему, что я выбралъ-де себѣ двѣ дороги, — или жениться на Ненилѣ, или камень на шею, да въ воду, — зная его рѣшительный нравъ, старикъ долженъ былъ согласиться, чтобы въ самомъ дѣлѣ не потерять рекрута.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Игнатія, когда онъ встрѣтилъ Ненилу на съюнокѣ. Разговоръ ихъ, отъ «здорово» да «здравствуй», шелъ далѣе и далѣе, наконецъ остановился наискреннемъ признаніи, что онъ, Игнатій, хочетъ жениться на Ненилѣ.

— Что ты, Богъ съ тобой! отвѣчала Ненила, покраснѣвшись. Да на кого жъ я оставлю батюшку съ матушкой при старости?

— Нѣтъ, ты не любишь меня! сказалъ горестно Игнатій.

— Не любишь? Ахти, Господи, говорила Ненила, залившись слезами: если бъ ты зналъ, какъ я люблю тебя! И Божій свѣтъ безъ тебя не милъ мнѣ, и жизнь не въ жизнь безъ тебя: но, что бы ни было со мной, все покинуть старичковъ моихъ не могу.....

— А развѣ не могу я итти къ вамъ на житье? Развѣ не заработалъ уже я у дяди его хлѣбъ-соль?

— Не дѣлай этого, милый другъ! Дядя твой богатъ, а мы почти нищѣ: за что тебѣ терпѣть нужду да горе?

— Гори все огнемъ! вскричалъ Игнатій, ударивъ шляпою о землю. Ничего ненадобно! Богъ-дастъ, наживемъ, а коли и не такъ, все равно, лишь бы ты была со мной.

Отецъ и мать Ненилы, какъ ни тяжело было имъ разставаться съ нею, сами уговаривали ее выйти за Игнатія, въ надеждѣ, что она будетъ наслаждаться бѣльшимъ спокойствіемъ и довольствомъ въ домѣ его дяди, зажиточнаго крестьянина. Они и не подозревали, чтобы дядя, имѣя достатокъ, могъ рѣшиться пожертвовать сиротой, взятымъ на воспитаніе, потому что сиротство, по понятіямъ нашего народа, есть нѣчто священное, охраняющее человека отъ всякаго оскорбленія и обиды.

Старики издержали послѣднее, чтобы снарядить Ненилу къ замужеству. Кромѣ приданаго, надобно было приготовить подарки для всей родни: тому кушакъ, той повойникъ, и такъ далѣе. Бѣда кого-нибудь обойти подаркомъ!

На всѣ эти приготовленія, которыя вконецъ разорили бѣдныхъ родителей Ненилы, она не могла смотрѣть безъ горькихъ слезъ, и, противъ обыкнове-

нія своихъ подругъ, не въ силахъ была даже мечтать о счастливой жизни съ милымъ Игнатиємъ.

Наконецъ все было готово къ взвѣсу: запряжена парой лошадей телѣга; по телѣгѣ разостлана большая скатерть; поѣздъ двинулся изъ избы. Ненилу едва могли отвести отъ отца и матери: она билась и рыдала, какъ бы ее везли на казнь. Казалось, сердце ея предчувствовало несчастіе.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Игнатій, видя постоянную печаль Ненилы объ отца и матери, которые жили въ другой деревнѣ, сталъ просить дядю, чтобы онъ отпустилъ его жить въ домъ тестя. Старикъ поблѣднѣлъ и затрясся отъ гнѣва, когда услышалъ просьбу Игнатія, и самая грубая брань и вобои посыпались на бѣднаго племянника.

— Какъ, шенокъ! кричалъ разсвирѣпѣвшій скряга: развѣ для того я тебя выкормилъ, чтобы отдать нищииъ для работы! Вижу, что они, мошенники, подбили тебя!.....

— Бога ради, родимый дядюшка, вскричала Ненила, бросившись къ нему въ ноги: не браните моего батюшки и матушки; они ни въ чемъ не виновны передъ тобою? я одна всему виновата!

— Прочь отъ меня, змѣя! завопилъ неистовый старикъ, пнувъ ея ногою.

— Не смѣй бить моей жены! вскричалъ пришедшій въ бешенство Игнатій. Довольно и того съ тебя, что надо мной тѣшишься!

— Такъ до этого дошло! зашипѣлъ змѣинымъ голосомъ дядя. Будешь же ты меня помнить.

Озлившійся старикъ схватилъ шляпу, и опрометью кинулся къ управляющему.

Управляющій былъ иностранецъ, прозванія не помню, развѣвшійся на Русскомъ хлѣбъ такъ что страхъ,

толстый и дебелый Карлъ Карлычъ, былъ истинный слонъ на воеводствѣ: онъ выдавалъ себя за прозорливаго, хотя не видѣлъ далѣе своего краснаго носа, и у него первый, кто приходилъ съ жалобою, былъ всегда правъ, особенно если правоту подкрѣплялъ ассигнаціею. У насъ на Руси, есть предразсудокъ, будто иностранцы не берутъ взятокъ. Всѣ народы берутъ, что можно взять. Привозный Карлъ Карлычъ любилъ взятки не хуже нашихъ доморощенныхъ Иванычей, Сидорычей и Карпычей.

Было, однако жъ, время, когда Карлъ Карлычъ не могъ употреблять во зло своей власти: тогда имѣніе находилось въ рукахъ добраго и умнаго владѣльца, который бѣольшую часть года самъ жилъ въ помѣстьѣ, лично входилъ въ житье и бытѣе своихъ крестьянъ, видѣлъ ихъ избытокъ и нужду, пороки и добродѣтели, и узналъ почти каждаго крестьянина поименно. Добрые крестьяне называли его, отъ чистаго сердца, своимъ отцемъ, и рыдали какъ дѣти, относя его въ могилу, тѣмъ болѣе, что не видѣли пути въ его молодомъ сынѣ, которому они должны были достаться.

Молодой сынъ, только-что возвратившійся изъ-за границы, получилъ тамъ такое образованіе, какое получали многіе лѣтъ десять тому назадъ: слова «свобода, человѣчество, филантропія», не сходили съ его языка, а руки каждый день безпутно сорили ударами и заемными деньгами. Я никогда не видалъ людей съ хвостами, о которыхъ пишетъ Плиній, но я увѣренъ, что «Русскій либераль» собственно значить то же что «человѣкъ съ хвостомъ». Слава тебѣ, Господи, что эта порода перевелась пѣсколько у насъ, на Руси! Само собою разумѣется, что молодой либераль, проводя жизнь посреди мотовъ и красавицъ, ни однимъ глазомъ не заглядывалъ въ свое имѣніе; что ему и въ умъ не приходило поддержать прекрас-

ныя распоряженія своего отца, и что онъ ни разу не подумалъ, въ какомъ положеніи находятся его крестьяне. До того ли ему было? На плечахъ его лежали ужасныя хлопоты о благосостояніи государства, и онъ страхъ боялся, чтобы государство не пало, если онъ не поддержитъ его съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, толкуя, полусонный и полупьяный, о вещахъ, въ которыхъ ни онъ, ни его пріатели, не знали ни *бельмеза*. Извините этотъ монголизмъ въ рѣчи о либеральныхъ идеяхъ. Онъ какъ-то очень къ лицу моему герою.

Между-тѣмъ какъ «человѣкъ девятнадцатаго вѣка» хлопоталъ о разныхъ образахъ правленія, почтенный Карлъ Карлычъ, освободившись отъ всякаго присмотра, разсудилъ за благо ввести въ его имѣніи правительство собственнаго своего изобрѣтенія: онъ судилъ и рядилъ крестьянъ, какъ умѣлъ, и обиралъ, какъ хотѣлъ.

Дядя Игнатія, залѣпивъ сперва мысленное око Карла Карлыча двадцати-пяти рублевою ассигнаціею, упалъ потомъ къ нему въ ноги, и слезно жаловался, что племянникъ вышелъ у него изъ послушанія; что, пьяный, бросился на него съ топоромъ, когда онъ по родству хотѣлъ было поучить его уму-разуму, и что одно средство его исправить, — послать на господскую фабрику, которая была отъ деревни верстъ за сто и наполнена выборомъ негодяевъ изъ всего имѣнія.

Слонъ на воеводствѣ, выслушавъ жалобу съ величайшею важностью, погладилъ себя по брюху, нахмурилъ чело, какъ-бы погрузившись въ глубокое размышленіе, и наконецъ произнесъ великое слово, которымъ рѣшалась судьба крестьянъ: *Карашо!*

Ненила, узнавъ о судьбѣ мужа, едва не лишилась разсудка: она валялась въ ногахъ дяди, умоляла, заклинала его простить Игнатія, который легко-де можетъ развратиться на фабрику и забыть ее между ху-

дыми людьми; что тогда не только она лишится мужа, но и дитя, которымъ она беременна, можетъ потерять отца, остаться сиротою; что Господь самъ прощаетъ грѣшниковъ, и велитъ дѣлать то же людямъ.

Ненила сказала все, что можетъ сказать простая женщина въ минуту страсти, которая одна придаетъ людямъ истинное краснорѣчіе: ничто не тронуло жестокаго дяди. Ненила въ отчаяніи бросилась къ управляющему; но Карлъ Карлычъ смотрѣлъ на Русскаго простолюдина, какъ на звѣря, не предполагая въ немъ ни какого нравственнаго чувства: Ненилу прогнали съ угрозою наказаніемъ, если явится въ другой разъ. Бѣдная женщина отсюда кинулась къ мірской избѣ, но мужа тамъ уже не было: по настоянію дяди, которому староста былъ кумъ и другъ, Игнатія уже увезли, не позволивъ ему проститься съ женою. Ненила была какъ-бы поражена громомъ: все въ головѣ ея перемѣшалось; она не понимала, что съ нею сдѣлалось и что дѣлается; она не знала, и куда идти, и чего хотеть. Передъ нею очутился берегъ, и гладкая поверхность рѣки, въ которой, казалось, было такъ спокойно, такъ безмятежно, манила ее въ свои нѣдра, обольщала ее успокоеніемъ взволнованнаго сердца, утоленіемъ муки, разтерзавшей весь ея составъ. Въ подобныя минуты не бываетъ мѣста ни разсудку, ни совѣсти; человекъ хочетъ избавиться и убежать отъ самого себя. Нѣсколько шаговъ могли спасти Ненилу навсегда отъ ея лютыхъ страданій: искушеніе было ужасное! Она остановилась въ раздумьѣ, и почти уже готова была сдѣлать послѣдній шагъ, какъ ударилъ колоколъ къ вечернѣ: душа ея пробудилась; дрожь пробѣжала по членамъ; опомнившись, начала она, въ ужасѣ, креститься, и опрометью, какъ-бы кто гнался за нею изъ рѣки, побѣжала прямо въ церковь.

Священникъ той церкви былъ добрый старецъ, не-

съ блестящими познаніями, но съ здравымъ умомъ и прекраснымъ христіанскимъ сердцемъ; одинъ изъ тѣхъ добрыхъ нашихъ пастырей, которые увлекають сердца не искусственнымъ краснорѣчіемъ, а простымъ словомъ, выходящимъ прямо изъ души, полной Бога. Храмъ былъ почти пустъ, потому что крестьяне въ это время еще не окончили дневныхъ работъ. Посреди глубокой тишины храма, каждое слово священника было слышимо ясно. Ненила пожирала слухомъ и сердцемъ его молитвы, и въ нихъ искала утѣшенія въ муку, которой люди не хотѣли помочь. Священникъ, послѣ вечерень, читалъ канонъ Божіей Матери. Ненила, блѣдная полумертвая, стояла передъ образомъ Ея, и долго не могла собрать своихъ мыслей. Но когда священникъ, съ глубокимъ внутреннимъ чувствомъ произнесъ превосходную пѣснь — «Молитву пролю ко Господу, и Тому возвѣщу печали моя», слезы ручьями ринулись изъ глазъ Ненилы; она горько зарыдала, такъ, что священникъ обратилъ на нее невольно вниманіе. Священникъ зналъ ее съ дѣтства, даже крестилъ ее.

— Что съ тобою сдѣвалось? спросилъ онъ ее, по окончаніи службы.

Ненила, въ горькихъ слезахъ, рассказала ему свое несчастіе, не утаивъ и того, что чутъ не лишила себя жизни.

— Боже тебя сохрани отъ этого страшнаго грѣха! съ ужасомъ сказалъ священникъ.

Онъ коротко и просто изъяснилъ ей, что страданіями здѣшной жизни покупають будущее блаженство, и что смиренное терпѣніе въ бѣдствіяхъ и преданность Богу суть главныя обязанности христіанина.

— Терпи, говорилъ добрый старецъ, самъ тронутый до слезъ ея страданіемъ: переноси, молись; возложи

печаль твою на Господа: Онъ утѣшить, если не здѣсь, такъ тамъ!

Ей казалось, что она слышала голосъ ангела утѣшителя, и все сказанное умнымъ и добрымъ пастыремъ глубоко запало въ ея сердце.

Священникъ не только словомъ, но и дѣломъ хотѣлъ было помочь своей духовной дочери; но посредство его не имѣло успѣха у Карла Карлыча.

Прошло четыре года, какъ Ненила была безъ мужа: только изрѣдка прїѣзжалъ онъ домой. Въ эти четыре года родились у ней двѣ дочери. Между-тѣмъ дядя столько дѣлалъ ей притѣсненій, поступалъ съ ней такъ жестоко и безчеловѣчно, что трудно было бы повѣрить, если бы разсказъ мой принадлежалъ къ разряду повѣстей и былей. Не только она не смѣла садиться съ нимъ за столъ и братья за что-нибудь, кромѣ черстваго хлѣба, но даже не могла перейти отъ дверей къ переднему углу и должна была съ дѣтьми вѣчно жаться у печки. «Вотъ твое мѣсто, змѣя! говорилъ злой дядя: далѣе шагу не смѣй!» Ненила плакала, и повиновалась. Вмѣстѣ съ тѣмъ самыя трудныя работы были навалены на бѣдную жертву. Она не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью. Тяжкіе труды и горести крушили ее и заставили состарѣться прежде времени; вмѣстѣ съ здоровьемъ улетѣла и красота. Особенно тягостна была ей необходимость покидать дѣтей, уходя на полевыя работы.

Однажды, Ненила, отходя на поле, чувствовала особенное безпокойство, и при прощаніи съ дѣтьми, сама не зная отъ чего, горько заплакала; она почти не могла оторваться отъ нихъ; она нѣсколько разъ возвращалась назадъ, и наконецъ рѣшилась было сказать дядѣ, что она больна, но свирѣпый взглядъ его остановилъ ее; слова замерли на губахъ. Надобно было превозмочь себя, — и она перекрестила дѣтей, и пошла на

поле, прижавъ рукою сердце, которое билось какъ подстрѣленная голубица.

Предчувствіе не обмануло нѣжнаго сердца матери. Въ самый полдень, когда знойное іюльское солнце, подернутое туманомъ продолжительной засухи, рисовалось въ сѣрой атмосферѣ раскаленнымъ ядромъ, чернѣйшій дымъ показался въ сторонѣ селенія. Въ это время утомленные поселяне отдыхали; не отдыхала одна Неняла, все думая о дѣтяхъ, и она первая увидѣла дымъ.

— Пожаръ! пожаръ! закричала она. Дядюшка, отпусти меня: я боюсь за дѣтей!

— Одни ли твои дѣти тамъ, прохрипѣлъ старикъ. Небось, жившое сѣмя прежде другихъ не сгинетъ.

— Дядюшка, будь отецъ родной, умилось надо мною! вопила въ страхъ Неняла. Отпусти меня!.....

Дымъ становился гуще и гуще; вдругъ вспыхнула пламя, и подушій вѣтеръ сталъ доносить звуки набата. Крестьяне вскочили на ноги. Неняла не могла уже болѣе терпѣть, и, не дожидаясь позволенія, бросилась опрометью къ деревнѣ.

Не берусь описывать, что чувствовало сердце матери, когда она увидѣла, что дѣмь, въ которомъ остались ея дѣти, былъ обнятъ пламенемъ, и что старшая дѣвочка бѣгаетъ въ страхъ по избѣ, крича: «Маменька! маменька!» Сказываютъ, что тетрица, которой нельзя упренуть въ нѣжности сердца, бросается на конья, чтобы спасти своихъ дѣтей. Я слыжалъ, что горлица кружится надъ охотникомъ, унесшимъ ея птенцевъ, и уже не дорожить жизнью, которой прелесть похищена у ней вмѣстѣ съ дѣтьми. Что же должно чувствовать въ подобномъ случаѣ матернее сердце существа разумнаго? Въ ужасы ада, въ безчисленные его муки, смѣлись въ одинъ ужасъ и одно мученіе, въ этомъ сердцѣ, котораго напряженныя любовью фибры звонко дрожали отъ потрясеній крика погибающихъ дѣтей. Мил-

ліонъ гремящихъ бурь, ревъ тысячи океановъ— ничто въ сравненіи съ этимъ слабымъ и бесполезнымъ воплемъ: «маменька! маменька!» Невила, въ отчаяніи пвъ изступленіи, бросилась по горящему крыльцу къ дверямъ, но упавшая крылечная кровля не позволила ихъ отпереть. Не понимая, не чувствуя своего положенія, слыша только отражающіяся въ груди страшныя вопли дѣтей, она продолжала тщетныя усилія, пока на ней самой вспыхнуло платье. Ее взяли уже безъ памяти.

Въ продолженіе этого, голосъ ребенка постепенно ослабѣвалъ, а пламя начало проникать сквозь потолокъ въ избу. Крестьяне стояли въ страхъ; никто не рѣшался кинуться на явную смерть. Всѣ молчали и трепетали...

— Спасу! вдругъ вскричалъ отставной солдатъ, бывшій среди ихъ. Во что бы то ни стало, спасу! Ретивое не терпитъ! Благослова, Господи... По-Суворовски! разъ, два, тр.....!

Съ третьимъ разомъ солдатъ вышибивъ окошко, былъ уже въ избѣ. Старшій ребенокъ, задыхаясь, лежалъ на полу; младшаго нельзя было въ дыму отыскать. Благородный воинъ схватилъ перваго, и только хотѣлъ съ нимъ броситься назадъ, какъ потолокъ рухнулъ, и общій большій вопль раздался въ народъ: «Погибъ!» Но провидѣніе восхотѣло спасти великодушнаго, и спасло. Балка, перегорѣвшая съ одного конца, стала наискось на полъ, и поддержала потолокъ. Солдатъ сперва было оробѣлъ, при видѣ падающихъ бревенъ, но тотчасъ оправился, и среди тучи искръ появился въ окошкѣ. «Живъ! живъ!» радостно воскликнулъ народъ. Такъ же скоро, какъ были произнесены эти слова, лихой солдатъ выпрыгнулъ изъ окошка съ дитятемъ, и посадилъ его къ ногамъ матери. «Ай-да, молодець! Ай-да разудалая голова!» слышались крики со всѣхъ сторонъ.

Ребенокъ, отдохнувши у ногъ матери, началъ се будить рученками, и съ плачемъ повторялъ: «Маменька! маменька!» этотъ роковой крикъ вывелъ ее изъ забвенія. Она вздрогнула, съ ужасомъ раскрыла глаза, и, казалось, не вѣрила, что видитъ дочь свою живую.

— Это ты, Маша?

— Я, маменька!

— Гдѣ же Сашенька!

— Она тамъ осталась!

— О, Царь небесный!

Бѣдная, мать опять упала безъ чувствъ. Священникъ, бывшій при этомъ происшествіи, наблюдалъ за нею; онъ велѣлъ перенести ее къ себѣ въ домъ, и когда, послѣ многихъ усилій успѣли привести ее въ чувство, не могъ безъ удивленія видѣть, съ какимъ вниманіемъ Ненила слушала его увѣщанія, и съ какою преданностью волею Божіею переносила свое ужасное горе. «Такъ, отецъ святой! говорила она, стараюсь удержать слезы: вѣрю, что все отъ Господа и Господь милостивъ: авось и вѣзмилуется надо мною! Неужто я никогда не буду счастлива?

Замѣтивъ, что Ненила произносила эти слова почти при всякомъ новомъ несчастіи, и всегда старалась сохранять видъ нѣкоторой веселости, хотя на глазахъ ея сверкали слезы.

Послѣ пожара, Ненила рѣшилась оставить семейство дяди, потому что видѣла въ немъ виновника смерти дочери. Злой старикъ пришелъ въ бѣшенство: онъ вытолкнулъ ее съ ребенкомъ изъ дому, и почти ничего не далъ изъ мужнинаго имѣнія. Напрасно отецъ Ненилы ходилъ къ писарю, старостѣ, управляющему: писарь и староста были запоены, а управляющій задаренъ. Карлъ Карлычъ изволилъ приказать прогнать его изъ дому въ толчки. При безпутствѣ барина, жаловаться было некому. Да если бъ она и

проникла до него, — онъ бы навѣрное велѣлъ наказать ее за дерзость. На эти вещи онъ былъ либераль!

Ненила, полу-нагая, полу-изувѣченная, не столько думала о своей бѣдности, сколько о судьбѣ мужа, на счетъ котораго опасенія ея начинали сбываться; срокъ до котораго посланъ онъ былъ на фабрику, давно прошелъ, но жена напрасно ждала его домой и надѣялась жить съ нимъ, какъ живутъ добрые люди: онъ не возвращался, не радѣлъ о домѣ, не платилъ податей. Игнатій, съ развратными товарищами, сдѣлался и самъ развратникомъ и негодиемъ. Ничто, однако жъ, не могло отвлечь отъ него Ненилы: она любила его попрежнему, и безъ него не могла быть счастливою; она вслѣски старалась исправить его — кроткими укоризнами, — сильными просьбами; оправдывала его передъ отцемъ и матерью; молилась за него каждую ночь съ горькими слезами предъ образомъ Богоматери. Между-тѣмъ готовилось ей новое, болѣе жестокое горе.

Ненила, за недомжку на мужъ, по милости Карла Карлыча, лишилась дочери, которая составляла единственное ея утѣшеніе и отраду въ бѣдности и горь: ее взяли на фабрику, чтобы она заработала долгъ отца. Одинъ только матери могутъ живо представить себѣ положеніе этой несчастной, которая не опомнилась еще отъ потери одного дитяти, и лишилась уже другаго. Отчаяніе снова готово было овладѣть ея душою, но мудрые совѣты священника были въ ея памяти, и, предавая себя Богу, она рѣшилась идти въ городъ, чтобы поискать средства помочь своему несчастію.

Усталая, полу-голодная, не осушавшая слезъ, Ненила шла въ городъ, а городъ самъ шелъ къ ней на встрѣчу: тогда былъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ праздниковъ, которые даетъ добрый Русскій царь своему доброму народу. Тысячи шли, ѣхали и плыли. Всевозможные экипажи, сухопутные и водяные, бы-

ли приведены въ движеніе, — кареты, коляски, дрожки, колымаги, повозки, тельги, фуры, рыбацкія лодки, ялботы, катера, пароходы. Все, что только шло у себя въ карманъ лишній рубль, и въ жизни одинъ день свободный, шло, вхало, ползло, торопилось, спѣшило, обходило, обгоняло, гнало, давило и мяло. На всѣхъ лицахъ были написаны — удовольствіе, радость, надежда. День былъ прекрасный. Люди и природа равно были веселы, радостны, исполнены наслажденія и утѣхи..... И посреди этого всеобщаго празднества, этого всеобщаго веселья, тащилось бѣдное, изнуренное существо съ перегорѣвшимъ отъ горести сердцемъ, съ разтерзанною душою, — шла мать, у которой отняли ребенка. Когда въ такой день, съ веселымъ лицомъ, съ самодовольною улыбкою, развалившись въ коляскѣ съ молоденькой женою, летите какъ стрѣла на лнхой четверкѣ по шумному шоссе и встрѣчаете бѣдную женщину, идущую въ городъ, подумайте, ради Бога, о разницѣ тѣхъ чувствъ, которыми исполнены сами, и тѣхъ, которыя давятъ грудь ея, и дайте ей милостыню! Въдь это ужасъ! Несчастная Ненила глубоко почувствовала эту разницу. Она заплакала при видѣ этой безчувственной радости, которая засыпала ей глаза пылью, оглушила ее хохотомъ, чуть не раздавила, и умчалась далѣе. Ноги у ней подкосились. Она упала на траву, и долго не могла собраться съ силами.

По приходѣ въ городъ, Ненила нашла мѣсто, но мѣсто бѣдное, у бѣднаго чиновника. Хотя она отказывала себѣ во всемъ, хотя каждую копейку берегла какъ свою душу, однако жъ долго не могла скопить потребной суммы. Сверхъ того, она получила печальную вѣсть, что ея отецъ лишился ногъ и мать старуха осталась безъ всякой помощи. Ненила не знала, что дѣлать: она любила дочь, но не могла оставить и

родителей. Къ пущему ея горю, развратившійся мужъ также требовалъ отъ нея денегъ. Ненила съ необыкновеннымъ мужествомъ и терпѣніемъ постоянно приносила себя въ жертву за свое семейство. Нельзя было знать ея, не изумляясь твердости ея характера и возвышенности души. Тутъ не было ничего притворнаго, потому что тутъ не было образованности. Два года прожила она въ этомъ домѣ, и никогда ни какое предосудительное чувство не было ею обнаружено; никогда гнѣвъ не показывался на ея лицѣ; никогда неприличное слово не выходило изъ ея рта; никто не слышалъ, чтобы хотя малышій ропотъ на судьбу вырвался изъ ея страждущей груди. День проводила она въ трудахъ; ночью, когда всѣ засыпали, тихонько вставала и молилась

Подходило время, когда Ненила могла уже имѣть достаточную сумму для выкупа дочери: она начала радоваться, воображая свиданіе съ нею; начинала изъяслять нѣкоторое нетерпѣніе. Оставался мѣсяць, много два..... Но Богъ не судилъ въ этой жизни радоваться Ненилѣ!

Сестра ея, неожиданно прибѣжавшая въ городъ, принесла ей извѣстіе, что ея мужъ, по проискамъ диди, схваченъ и привезенъ къ сдачѣ въ рекруты. Мужъ, хотя развращенный, хотя совершенно почти забывшій ея, хотя вспоминавшій объ ней только тогда, когда ему нужны были деньги, но все-таки былъ мужъ, отецъ ея дѣтей, человекъ, котораго она любила съ молодыхъ лѣтъ, и который не переставалъ быть для нея дороже всего на свѣтѣ, послѣ родителей и Бога.

Чиновникъ, у котораго жила Ненила, былъ тронутъ до глубины души ея страданіемъ, и хотя не надѣялся ей помочь, не имѣя ни связей, ни денегъ, но рѣшился дѣйствовать какъ только было возможно. Онъ былъ изъ числа тѣхъ чудаковъ, которые въ со-

рокъ лѣтъ не выучиваются міру, вѣрять въ добродѣтель, и думаютъ, что и другіе также горячо примутъ участіе въ томъ, что тронуло ихъ слабое сердце.

Имѣніе «человѣка девятнадцатаго столѣтія», какъ само собою разумѣется, взято было въ Опеку.

Чиновникъ, принявшій участіе въ Ненилѣ, отправился ко вновь назначенному опекуну, и въ умѣ своемъ приготовилъ самую сильную тираду, чтобы поразить разомъ его душу. Онъ просилъ его остановить сдачу Игнатія въ рекруты. Одинъ видъ этого опекуна уже охолодилъ бы адвоката Ненилы и заморозилъ его пламенную рѣчь при самомъ рожденіи; но опекунъ объявилъ ему рѣшительно, что онъ не можетъ ничего сдѣлать въ пользу этого человѣка, потому что самое поведеніе Игнатія требуетъ, чтобы онъ былъ удаленъ изъ имѣнія и служилъ примѣромъ другимъ.

Судьба преслѣдовала эту благородную женщину! Тогда какъ всѣ крестьяне ея деревни благословляли попечительность власти, которая спасла ихъ отъ разоренія, та самая попечительность должна была нанести ея сердцу жесточайшій ударъ.

Ненила между-тѣмъ съ ужасомъ ждала у дверей Казенной Палаты рѣшенія своей судьбы, дрожащая и блѣдная какъ полотно. Нѣсколько разъ уже отворялись двери: все еще не онъ! «Господи, Боже мой! повторяла она съ трепетомъ: что будетъ?» Жгучая горестъ изсушила у ней даже самый источникъ слезъ. Она страдала и не могла плакать. Вокругъ нея рыдали многія жены, дѣти, матери, потому что, какъ ни бываетъ иногда разсудокъ увѣренъ въ необходимости и даже святости приносимой жертвы, но сердце все не можетъ скоро примириться съ мыслию о разлукѣ съ тѣмъ, что оно привыкло любить. Рыданія и слезы суть уже признакъ, что сердце начинаетъ облегчаться, что гроза уже проносится, хотя и свирѣпствуетъ еще буря. Но сухое, томительное, безмолвное и ирач-

ное ожиданіе бѣды, — вотъ самое страшное, самое мучительное состояніе сердца! Ненила выпила чашу горести до послѣдней капли.

Прошелъ часъ, другой, третій: это были вѣки, въ которыхъ сердце ея горѣло на костръ, рвалось на части, и умирало каждое мгновеніе. Два роковыя слова, «лобъ» и «затылокъ», непрерывно раздавались по лѣстницѣ, какъ голосъ трубы небесной, возвѣщая жизнь и смерть. Наконецъ и Ненила услышала — «затылокъ!» и едва не умерла отъ радости. Первое движеніе ея было молитва. «Слава тебѣ, Господи!» Самъ мужъ ея былъ радъ безъ памяти, и давно такъ ласково, такъ дружно не говаривалъ съ нею, какъ въ эту минуту. Она обливалась слезами. Въ воображеніи ея воскресло минувшее, и предавшись вполне радости и надеждѣ, она едва могла говорить, рыдая: Другъ мой любезный! авось батюшка, Царь Небесный, и намъ дастъ, что станемъ жить не хуже другихъ. Теперь всего скорѣе намъ надобно выкупить Машеньку. Я чай, дитя мое тамъ съ тоски изсохло. Ахъ, я и вспомнить-то объ ней не могу!..... Вотъ возьми, Игнатій Кириловичъ, все, что я успѣла скопить, и пожалуйста, съѣзди проворнѣе на фабрику, выручи ее оттуда, мою сердечную: да не истрать же этихъ денегъ, ради самаго Господа! Не то лумру съ горя; мнѣ уже не перенести будетъ этого.»

Мужъ съ клятвою увѣрилъ ее, что исполнить ея просьбу. Она еще разъ горячо обняла его. «Прости, прости! Игнатій Кириловичъ! повторяла она, заливаясь слезами: можетъ-быть, я уже не увижу тебя: какъ будто сердце это говорить мнѣ!»

Сердце рѣдко обманываетъ: оно прозорливѣе ума, мы видѣли, что оно никогда не обманывало этой злополучной, когда дѣло шло о несчастіи.

Съ часу на часъ ждала она извѣстія отъ мужа и возвращенія дочери, но извѣстіе не приходило. Ненила начинала уже беспокоиться, и, несмотря на то, вся-

кую свободную минуту употребляла на приготовленія приданого сестрѣ, которая въ это время была просватана. Свадьба сестры также была причиною печали для Ненилы: ей не хотѣлось, чтобы сестра ея была снаряжена, какъ говорила она, хуже людей, а между тѣмъ родители ея были и бѣдные и больные старики. Она отдала сестрѣ послѣднее, что имѣла, и всякой лоскутокъ, всякую тряпку, попадавшуюся къ ней въ руки, старалась на что-нибудь употребить для сестры. Съ какимъ трудомъ, съ какою любовію она лѣпила на лоскутъ стараго камлота брошенные листочки фольги, чтобы шить для сестры нарядный повойникъ! Неужели этотъ старый лоскутъ и эти брошенные листки свѣтящейся мѣди не превратятся когда-нибудь въ великолѣпные цвѣты радуги, чтобы украсить добродѣтель въ области безсмертія!.....

Между-тѣмъ какъ въ сердцѣ Ненилы толпились горести и заботы о дочери, о мужѣ, о сестрѣ, о родителяхъ, прошли, или лучше сказать, протацились, какъ больные, нѣсколько мѣсяцевъ: жестокое время летитъ какъ стрѣла, когда человекъ наслаждается жизнью; онъ хотѣлъ бы остановить ея быстрое стремленіе, и не можетъ; но когда бѣды тяготѣютъ надъ сердцемъ, когда оно желало бы скорѣе пройти поприще скорби, — тутъ время останавливается, приростаеь къ землѣ, каменѣетъ: оно неподвижный утѣсь, съ котораго каплють на сердце минута за минутой, отравленные ядомъ печали, оно памятникъ вашему несчастію.

Наступила весна. Извѣстіе все-еще не приходило; но опасенія Ненилы достигли уже высшей степени: ее мучила и судьба дочери, и едва ли не болѣе, положеніе мужа, о которомъ стали доходить до нея самыя худыя вѣсти. Она не могла болѣе оставаться въ городѣ. Пошла.

Смотрите, какія великолѣпныя палаты настроены на этой дорогѣ, по которой идетъ печальная и бѣдная

мать и жена! Не читаете ли на них таинственных надписей, что первые владѣльцы, которые выстроили ихъ для своего наслажденія и гордости, давнымъ давно отжили въ нихъ, и перешли на иныя квартиры, гораздо меньшія: теперь живутъ здѣсь повые хозяева; снова гордятся ими, снова твердятъ въ пылу тщеславія—«Моя собственность!» и въ свою очередь должны будутъ оставить эту неприкосновенную собственность; наступитъ пора третьихъ, четвертыхъ, пятыхъ.....

Эти великолѣпные чертоги, эти жилища, украшенные всѣми атрибутами роскоши и богатства, суть только мавзолеи мелькающихъ поколѣній, только печальныя скалы, на которыхъ минуту останавливаются люди, уносимыя волною вѣчности!

Великій Боже, изъ чего мы тутъ бьемся! Смерть окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ: она уже похитила у насъ все минувшее, и, едва касаемся будущаго, она вырываетъ его какъ алчный заимодавецъ, и откидываетъ мгновенно въ массу прошедшаго. Сѣкира ея надъ нами уже занесена. Посреди разрушенія, темноты и неизвѣстности, одна Святая Религія подаетъ намъ руку помощи, зажигаетъ свѣтильникъ, озаряющій для насъ бездну жизни: отъ его луча все темное и мрачное дѣлается ясно и свѣтло, и тогда смерть уже не «трепетъ естества и страхъ», но тихій ангелъ, мирно закрывающій отягченныя слезами вежды страдальца.

Этотъ ангелъ пролетѣлъ уже надъ головою нашей страдальцы, и вѣтеръ его траурныхъ крыльевъ освѣжилъ ея измученное сердце.

Ненила, узнавъ еще въ дорогѣ, что мужъ ея не только промоталъ деньги и не возвратилъ дочери, но и самъ попалъ въ важное преступленіе, — не могла уже перенести этой убійственной вѣсти, и почувствовала ужасную боль въ груди. Едва дошла она до деревни, еще хотѣла помогать старухѣ матери въ работѣ,

еще думала похлопотать о сестрѣ, какъ силы ея оставили. То были уже послѣднія успія доброй ея души: смерть начала уже ею овладѣвать. Три дня только, по приходѣ домой, была она на ногахъ, и то полумертвая. «Ахъ! родимая матушка! говорила она, безъ слезъ, потому что плакать уже не могла: не жилица я больше на бѣдомъ свѣтъ! Тутъ,—показывала она на сердце,—тутъ палитъ словно пламенемъ, словно щипцами жметъ сердце, и рветъ его на куски.» На третій день она слегла въ постель. Боль увеличилась. Больная не могла сомкнуть глазъ ни на минуту; свѣлакъ несносный жаръ; антоновъ огонь охватилъ всю внутренность. Неняла все еще думала не о себѣ, но о дочери, о мужѣ; ихъ звала она къ себѣ въ минуты забвенія и бреда; ихъ имена были безпрестанно на ея языкѣ. Каково жъ было ей еще узнать, что негодный мужъ велѣлъ сказать ей самыя обидныя слова? Сестра имѣла неосторожность пересказать ихъ больной: мученія увеличились. Больная ни малѣйшаго ропота не произнесла противъ мужа; однако жъ, съ той поры, больше уже не говорила объ немъ, и стала приготовляться къ смерти; каялась въ своихъ грѣхахъ, и собственно только себѣ приписывала несчастье своихъ родителей, своихъ дѣтей и ихъ отца; сказала, въ чемъ ее положить; просила поминать ее въ молитвахъ, и исполнивъ весь священный обрядъ христіанина, наконецъ, отошла изъ этой юдоли страданія. Смерть ея была самая тихая: она заснула, какъ засыпаетъ младенецъ. Священникъ, нѣкогда принявшій ее изъ колыбели, проводилъ ее на могилу, и не могъ удержаться отъ слезъ, когда молился, чтобы Господь успокоилъ ея духъ тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни и воздыханія, но жизнь безконечная!

И. КАЛАШНИКОВЪ.

=

И М А Т Р А .

=

Льтъ черезъ десять, — болѣе или менѣе : я не дорожу временемъ, — когда гладкое шоссе соединитъ Петербургъ съ границею Финляндіи; когда въ жителяхъ сѣверной столицы, которые уже начинаютъ жестоко ѣздить верхомъ, усилится фанатизмъ къ сельскимъ увеселеніямъ; когда на Каменномъ Острову невозможно будетъ жить за близкимъ соседствомъ и пылью, — Имата, гдѣ уже возникаетъ Англійскій садъ и царскій домъ, сдѣлается Меккою, куда каждый порядочный мужчина и каждая благовоспитанная дама будутъ обязаны совершить льтомъ священное путешествіе, чтобы имѣть право называться хаджи или sporting gentlemen. На берегахъ Воксы и озеръ Финляндскихъ будутъ стоять небольшіе лагеря красивыхъ палатокъ, населенные охотниками въ Парижскихъ звѣроловныхъ костюмахъ и рыбачками въ органди, съ удою изъ краснаго дерева. Веселость, чувствительность, живыя надежды и маленькія загорелыя приключенія оставятъ окрестности Петербурга въ июнь и поѣдутъ почевать въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Подлѣ Иматы будетъ трактиръ.

Я это предсказываю!

Съ первымъ лучемъ солнца мы были уже на границѣ Финляндіи.

Неширокая рѣка Сестра отдѣляла насъ отъ Великаго Княжества. Нѣкогда она служила рубежомъ между Русскимъ царствомъ и Шведскими владѣніями. Мы взѣхали на противоположный берегъ, и первое впечатлѣніе, впечатлѣніе самое пріятное для смертнаго, который ѣдетъ на перекладной телѣгѣ, было то, что бойкая мостовая и сыпучій песокъ, по

которымъ мы до тѣхъ поръ, то прыгали, тотацились, смеются тутъ дорогою ровною, какъ натянутое полотно. Мы покатались по ней стрѣлою, и черезъ минуту остановились у первой Финляндской станціи. Не требуя надорожной, содержатель почтоваго двора подалъ намъ Dag-bok, то есть, книгу, въ которой всякій проезжій долженъ записать свое имя, откуда, куда и на сколькихъ лошадяхъ онъ ѣдетъ. Съ боку, оставлена графа для замѣчанія. Она почти всегда остается блуою, но эта остратка для содержателей и далъ ямщиковъ. Мѣстный законъ угрожаетъ имъ строгимъ наказаніемъ за малѣйшее оскорбленіе путешественника. Ямщикъ не смѣетъ даже попросить на водку, подь опасніемъ быть подвергнутымъ двѣнадцати ударамъ прутьями. За то и удалые наездники, которые въ натушкѣ Россіи, гремя саблею, влетаютъ на станцію съ крикомъ—«лонадей!», и въ каждомъ бѣдномъ смотрителѣ напередъ видятъ врага и притѣснителя, должны здѣсь быть вѣжливы, ежели не хотять перевѣздаться съ Финляндскою Омидою, которая не смотритъ ни на усы, ни на шпоры. Штрафы въ пять, девять и двѣнадцать рублей серебромъ неумолимо взыскиваются съ нарушителя порядка, кто бы онъ ни былъ. Все это вы можете подробно узнать изъ «правилъ», которыя покажутъ вамъ на каждой станціи вмѣстѣ съ висящимъ на стѣнѣ расписаніемъ прогонныхъ денегъ, числа верстъ и лошадей и таксою съѣстныхъ припасовъ: такса — только на тотъ случай, если есть припасы. Обыкновенно, служить она только украшеніемъ стѣнъ и памятникомъ провинцательности Финляндскаго законодательства. Некоторыя изъ этихъ правилъ особенно примѣчательны, и дѣлають честь намѣренію, съ какимъ они сочинены. Никто наприимѣрь, за исключеніемъ крайней надобности, не въ правѣ требовать почтовыхъ лошадей и отправляться въ путь во время церковнаго служенія, въ

воскресные дни. Это установление даетъ вамъ на первой станціи выгодное понятіе о нравахъ народа, который въ самомъ дѣлѣ набоженъ и благочестивъ. Несмотря на значительное отдаленіе, въ которомъ, по большей части, Финскія хижины разбросаны отъ церкви, здѣшній селянинъ всегда оставляетъ свое жилище, чтобъ услышать простую и понятную для него проповѣдь пастора. Кому болѣзнь или старость того не позволяютъ, тотъ остается дома и по книжкѣ поетъ псалмы. Какъ часто, даже около Петербурга, я видалъ въ Чухонскихъ деревняхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, читающихъ по цѣлымъ часамъ Священное Писаніе дряхлымъ и слѣпымъ своимъ дѣдамъ. Лютеранскіе пасторы требуютъ непременно отъ своихъ прихожанъ, чтобы каждый изъ нихъ умѣлъ по крайней мѣрѣ читать и поставляютъ это народу обязанностью вѣры. Хвала вообще Финновъ за набожность, я нахожу въ нихъ еще другія хорошія качества, — добродушіе, услужливость, примѣрную честность и даже безкорыстіе, едва понятное при крайней и почти общей бѣдности ихъ въ Финляндіи. Правда, вызамѣтите иногда лѣнь, неопытность, упрямство, склонность къ пьянству, — хотя, впрочемъ, гораздо въ меньшей степени чѣмъ въ Чухнахъ Петербургскихъ, — и равнодушіе къ собственной пользѣ, доходящее до безчувственности, но многое должно приписать тутъ бѣдности самой страны, суровости климата и другимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ одно кажется особенно важнымъ: Финны были искони народомъ покореннымъ. Хотя они управлялись въ древности природными владѣтелями, эти владѣтели были не иное что, какъ предводители или старѣйшины дикихъ ордъ; чуждыхъ всякой гражданственности, жившихъ въ лѣсахъ и пустыняхъ звѣриною и рыбною ловлею. Раздѣляясь на множество отдѣльных поколѣній, часто между собою враждебныхъ, они

не могли составить одного политическаго тѣла, и рано сдѣлались добычею своихъ сосѣдей. Въ седьмомъ столѣтїи Шведскїй Король Иваръ Видофаній присоединилъ къ прочимъ своимъ владѣніямъ значительную часть области «Суоми», или «Суоменмаа», то есть, страны болотъ, какъ называли Финляндію собственныя ея жители, именуя самихъ себя «Суомелайсетами». Наслѣдники его, то выпускали изъ рукъ это завоеваніе, то, вновь утверждая въ немъ свою власть, проникали и въ дальнѣйшія части Финляндіи, еще совершенно дикія и неизвѣстныя. Въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка, при Эрикѣ IX, Святомъ, ревностью Упсальскаго епископа Генриха, родомъ Англичанина, насаждены первыя сѣмена Христіанства въ южной и югозападной ея части, то есть, въ собственной Финляндіи, Сатакундѣ и Ньюландѣ.

Въ 1249 году Шведскїй военачальникъ Биргеръ Ярмъ покорилъ Остерботтенъ, гдѣ также утвердилась истинная вѣра; а въ 1293 году правитель Швеціи Торкель Кнутсонъ присоединилъ къ Шведскимъ владѣніямъ и всю остальную часть Финляндіи, — Саволакскъ и Карелию до озеръ Ладожскаго и Онежскаго. Онъ обезопасилъ свои завоеванія построеніемъ нѣсколькихъ замковъ и крѣпостей, и Шведы оставались довольно долго спокойными ихъ обладателями. Но въ 1348 году восточный край Финляндіи достался на часть новыхъ завоевателей. Король Магнусъ II, или Сиекъ, задумавшій обратить Новгородцевъ въ католическую вѣру, не успѣлъ въ своемъ предпрїятїи, и самъ, разбитый ими на берегахъ Ижоры, принужденъ былъ уступить Новгороду землю до рѣки Сестры. Эта граница между двумя вѣчно враждовавшими державами не могла однако жъ оставаться постоянною. Мечъ побѣдителя проводилъ рубежъ по произволу, и бѣдная Финляндія въ теченіе столѣтїи была театромъ непрерывныхъ крововроли-

тій, грабежей и пожаровъ. Наконецъ славные для Россіи договоры, Нейштатскій и Абовскій, утвердили за нею Финляндію до Кюмени, а послѣ войны 1809 года и до самого Торнео.

Изъ этого бѣлагообозрѣнія двѣнадцати историческихъ вѣковъ Финляндіи, быть-можетъ, недостаточно видно, что мысидимъ ужъ не на кулъ, набитомъ свиномъ, но въ креслахъ, довольно покойныхъ, утвержденнымъ надъ самою осью. Поэтому тутъ же должно сказать, что Русская телѣга, въ которой мы начали свое путешествіе, смѣнилась здѣсь двухъ-колесною таратайкою, гитомъ, или какъ здѣсь зовутъ, каріолькою. Насъ везетъ блочурый, свроглазый Финнъ; въ зубахъ его, бѣлыхъ какъ слоновая кость, торчитъ короткая трубочка съ курительнымъ табакомъ; за поясомъ, которымъ стянута его полосатая холщевая куртка, заткнута рожокъ, также съ табакомъ, но только съ нюхательнымъ. Онъ держится съ удивительнымъ искусствомъ на облучкѣ таратайки и покрикивая на своихъ лошадокъ, маленькихъ и красивыхъ какъ лисички, вихремъ мчится по гранитному шоссе, ловко избѣгая огромныхъ камней, которые все чаще и чаще съезжаются по обѣимъ сторонамъ дороги. Станціи за двѣ до Выборга вся окрестность ими усыяла, и чѣмъ дальше подвигаешься, тѣмъ болѣе они умножаются въ числѣ и растутъ въ объемъ. Природа, въ минуту своей игривости, дала имъ самыя разнообразныя и самыя диковинныя формы. Здѣсь, на берегу озера, между кустарникомъ, лежатъ угловатые обломки гранита, и съ перваго взгляда немудрено принять ихъ за небольшое селеніе. Тутъ, сквозь чащу лѣса, уродливые валуны выглядываютъ какъ чудовища, выжидающія путника, чтобъ растерзать его. Далѣе огромный монолитъ, похожій на исполнскія вольтеровы кресла, протягиваетъ къ вамъ холодныя и косматыя свои руки, выросшія мхомъ; а тамъ, на лужайкѣ передъ сосною

роцею, стоит рядъ квадратныхъ камней, какъ жертвенники Скандинавскихъ боговъ, и приметныя на нихъ красныя пятна желѣзной руды представляютъ воображенію слѣды человѣческой крови, которою обливались алтари Одиновы. Куда ни взглянешь, вездѣ торчатъ безчисленные граниты, то набросанные въ груды, то лежащіе разсыпано. Видѣ ихъ придасть общей картинѣ страны характеръ безплодія и разрушенія. Кажется, будто разгнѣванное небо одождило здѣсь землю каменными потоками, и пыливый умъ вьдзается въ разныя догадки, чтобъ объяснить, какими силами произведено это явленіе? Г. Лейелль остроумно растолковалъ его переходомъ океана. Пусть будетъ по Г. Лейеллю! Мы взберемся на этотъ холмъ. Съ него открывается красивый ландшафтъ. Минуя окрестныя лѣса и холмы, взоръ стремится къ синѣющей равнинѣ Балтики, на краю которой лежитъ городъ. Древняя башня и нѣсколько колокольныхъ шпилей возвышаются посреди его; влево и вправо разстилаются два предмѣстья: это Выборгъ, столица старой Финляндіи.

Солнце бросало послѣдніе лучи, и морской заливъ облегался тучами, когда мы, оставивъ за собою юго-восточное предмѣстье, вѣвхали въ городъ черезъ ворота, ведущія сквозь крѣпостной валъ. Стража потребовала наши паспорта; черезъ минуту они были намъ возвращены и каріолька запрыгала по мостовой, жалобно дребезжа по крупному булыжнику. Мы приказали везти себя въ трактиръ «Мотти», указанный мнѣ, какъ довольно удобное пристанище. Но безтолковый *эй-мойста* непонималъ насъ, и непременно хотѣлъ причалить къ грязной станціи. Наконецъ, послѣ долгаго странствія по узкимъ и изломаннымъ улицамъ, живо напоминающимъ добрый и неуклюжій Ревель, мы подъѣхали къ двухъ-этажному каменному дому, довольно по-

ношеной наружности. Широкая деревянная лѣстница, зыблясь подъ ногами, ввела насъ въ верхній этажъ. Пройдя корридоръ, мы очутились въ просторной и свѣтлой залѣ. Хозяйка, услужливая старушка, со связкою ключей, какъ слѣдуетъ хозяйкѣ, поспѣшила встрѣтить насъ, и указала незанятую комнату. Чашка чаю съ знаменитыми Выборгскими кренделями подоспѣла очень кстати, подкрѣпить усталыхъ путешниковъ, и черезъ полчаса мы ужъ утопали въ мягкихъ перинахъ, отъ души хваля Шведскій обычай, свято здѣсь сохранившійся. Я начиналъ дремать, какъ вдругъ заунывный голосъ ночнаго сторожа раздался подъ самымъ монимъ изголовьемъ. Не понимая словъ протяжно напѣва, я безъ переводчика догадался, что онъ хотѣлъ сказать :

« Полночь было; добрый часъ!

Спайте, Богъ не спитъ за васъ. »

На другой день, только-что мы проснулись, къ намъ явилась розовая кругленькая Финночка, въ красной кофѣ и въ полосатой юбочкѣ, съ огромнымъ подносомъ, на которомъ уставлены были всѣ принадлежности завтрака. Этотъ обычай тоже не дуренъ. Чего ради, я съѣлъ у окна. Глазамъ моимъ представилась часть города, узкій рукавъ Финскаго Залива, и за нимъ старинный замокъ съ высокою, осьмиугольною башнею. Завоеватель Карелии, Торкель Кнутсонъ, желая утвердиться въ ней, построилъ въ 1293 году крѣпкій замокъ, Выборгъ, на мѣстѣ истребленнаго имъ городка Суоме-Лиина, древней столицы Карелии. Мирные Финны, никогда не видавшіе такихъ твердынь, приписали сверхъ-естественной силѣ быстрое построение замка, и въ народѣ родилось сказаніе, что горный исполинь, помогавшій зодчему, увлекъ его потомъ, за оказанную услугу, въ преисподнее царство. Урокъ этотъ здѣсь очень памятенъ, и Выборгскіе Ви-

трувилъ, чтобы избѣгнуть связей съ нечистою силою, строить съ того времени такъ, что имъ не помогаютъ злые духи. Можно однако жъ сомнѣваться, чтобы этотъ замокъ былъ построенъ въ тѣ времена, когда черти были архитекторами: онъ еще довольно свѣжъ, а сколько осадъ выдержалъ онъ отъ Датчанъ и Русскихъ. Если это страснѣе и то самое, оно по-крайней-мѣрѣ не разъ было возобновляемо, хотя просто никто въ цѣломъ Выборгѣ ничего не знаетъ. Если и были въ замкѣ какія нибудь письменныя свидѣтельства, они не могли уцѣлѣть отъ прошлаго года. Седьмого апрѣля, въ Великій Четвертокъ, когда еще заливъ былъ покрытъ льдомъ, вдругъ сдѣлалась страшная буря, и молнія ударила въ деревянное строеніе внутри башни замка. Пламя мгновенно охватило его. Гарнизонъ замка, при всей своей неустрашимости, не могъ ничего сдѣлать. Въ башнѣ кипѣло какъ въ жерлѣ; наконецъ все рухнуло и пожаръ угасъ по истощенію сгораемыхъ веществъ. Вотъ послѣдній историческій фактъ Выборгскаго замка, если не слишкомъ важный, то довольно любопытный по необычайности явленія грозы въ такое время года.

Путешественникъ, прибывшій въ Выборгъ, долженъ непременно пройтись по городу, чтобы лучше увидѣть, что въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и потомъ уже взойти на городскую башню. Огромныя часы, которые на ней устроены, указываютъ добрымъ гражданамъ, когда имъ пора вставать, садиться обѣдать, дожидаться спать. Эту полезную цѣль часовъ объяснилъ намъ попавшійся у входа въ башню какой-то опрятно одѣтый полу-Шведъ, въ свѣтло-синемъ фракѣ и красномъ сукоцномъ жилетѣ, изъ за котораго выставлялись преогромныя манжеты, не считая сапоговъ съ кисточками. Онъ безкорыстно взобрался съ нами, посто тридцати восьми ступенямъ, на верхъ башни, гдѣ стоитъ часовая и каждыя полчаса послѣ боя часовъ

*

мѣднымъ рупоромъ извѣщаетъ смертныхъ о скоротечности времени. Видъ съ башни очарователенъ. Заливъ моря, пѣрзанный множествомъ мысовъ и устьинный безчисленными утесами и камнями, которыхъ гладкія блестящія вершины, выставляясь изъ воды, отражаютъ солнечные лучи; городъ съ его оживленными улицами; обширныя зеленѣющія равнины и вдали туманные лѣса и горы, — все это составляетъ разнообразную панораму. Между-тѣмъ какъ мы любовались на нее, нашъ проводникъ разсказалъ, что въ городѣ считается до трехъ тысячъ жителей, и что въ предмѣстьяхъ можно полагать столько же; что въ портѣ ежегодно является до шестидесяти иностранныхъ кораблей, но что они къ городу не подходятъ по мелководью залива, а выгружаются у острова Рогеля, въ Трогзундѣ, верстъ за двѣнадцать отъ берега, гдѣ находится таможня и брандвахта; что наконецъ Г.ландсгевдингъ живетъ вотъ въ этомъ домѣ съ садомъ, хотя лучшіе крендели пекутся въ Гельсингфорскомъ предмѣстьѣ, въ той части его, что называется «Смольными.»

Выслушавъ курсъ Выборгской статистики, мы поблагодарили услужливаго незнакомца, сошли съ башни, и на безконечно длинныхъ дрожкахъ, которыя могли бы сказать многое о Карлѣ XII, если бы захотѣли порыться въ своихъ воспоминаніяхъ, отправились въ Мон-герос, знаменитый садъ барона Николаи. Переѣхавъ городской мостъ, мы остановились, и, по ступенямъ, высѣченнымъ въ камнѣ, взошли на огромный утесъ, лежащій влево отъ дороги. На немъ долженъ побывать каждый Русскій. Здѣсь, въ день вступленія Русскихъ войскъ въ Выборгъ, 14 іюня 1710 года, была раскинута палатка Петра Великаго. Большой крестъ и вензель Государя, высѣченные въ гранитъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ; еще видны пробойны, въ которыхъ утверждены были колья

шатра. Адмиралъ Апраксинъ, осаждавшій городъ, нѣмъ уже отъ Царя подробную инструкцію. Приступъ назначенъ былъ въ одно время съ сухаго пути и съ моря, «для лучшей диверсии непріятеля», какъ выражался Петръ въ письмѣ къ адмиралу. «Предъ онымъ же штурмомъ, писалъ далѣе Царь, Господа Бога молить подобаетъ всѣмъ о помощи. Другое, добрую диспозицію учинить. Третіе, понеже всѣ дѣла человѣческія отъ сердца приходятъ, того ради солдатскія сердца Давидовымъ реченнымъ веселіемъ увеселить.» Но когда все было готово къ приступу и уже началось бомбардированіе, Государь, почувствовавшій себя нездоровымъ, приказалъ отложить штурмъ дня на два, до его выздоровленія и прибытія къ войску. Этотъ неожиданный случай отвратилъ кровопролитіе. Комендантъ Выборга, предвидя невозможность устоять, предложилъ сдаться на капитуляцію. Пока онъ велъ переговоры съ Апраксинымъ, Царь при былъ къ осадному корпусу, 11 іюня, и на третій день, съ Преображенскимъ полкомъ, торжественно вошелъ въ городъ, который могъ считаться тогда передовою стѣною новой столицы. Въ званіи контръ-адмирала, Царь самъ донесъ о томъ Князю-Кесарю Ромодановскому: «Извѣствую вашему величеству, что комендантъ Выборгскій, по изготовленіи бреши, не дожидая штурма, вчерашняго числа на аккордъ сдался..... И тако, чрезъ взятіе сего города Санктпетербургу конечное безопасіе получено: чѣмъ вашему величеству поздравляемъ».

Проѣхавъ версты двѣ бесплоднымъ пространствомъ, усяннимъ, какъ всѣ окрестности Выборга, разбитыми утесами и сѣро-красноватыми гранитными валунами, изъ среды которыхъ мѣстами выглядываютъ тощія, искривленныя сосны и кусты можжевельника, мы приблизились къ высокимъ деревяннымъ воротамъ; еще не достроеннымъ. Они привели насъ къ длинной

липовой аллеѣ, которая оканчивается у входа въ садъ. Тутъ, возлѣ забора, съ лейкою въ рукахъ, стоялъ старшій садовникъ. Окинувъ насъ взглядомъ, онъ рѣшилъ по глазомѣру, «что мы люди порядочные», и отворилъ садовую калитку. Мы были въ правѣ назваться очень счастливыми. Грубые шалуны, которые находятъ особенное удовольствіе въ нарушеніи установленнаго порядка, надѣлали здѣсь столько дурачествъ, что владѣтель сада былъ принужденъ ограничить свое гостепріимство, и теперь незнакомыхъ пускаютъ только по воскресеньямъ. Входя въ садъ, мы, для большаго назиданія, прочли прибитое къ воротамъ объявленіе городского суда, на двухъ языкахъ, — Рускомъ и Шведскомъ: оно грозитъ всѣмъ похитителямъ цвѣтовъ, нарушителямъ птичьяго спокойствія и независимости травъ, писателямъ экспромтовъ на скамейкахъ, и прочимъ садовымъ преступникамъ, штрафомъ въ двѣнадцать рублей серебромъ.

Не стану водить васъ съ собою по цвѣтистымъ лугамъ, тѣнистымъ аллеямъ, живописнымъ утесамъ, зеленымъ пригоркамъ этого прелестнаго убѣжища; не стану утомлять описаніемъ всѣхъ мостиковъ, бесѣдокъ, кіосковъ, обелисковъ, памятниковъ, которыми оно украшено. Такія подробности скучны, вялы, холодны, темны и неудовлетворительны. Кто хочетъ имѣть ясное и полное понятіе о Мон Repos, тотъ долженъ видѣть его своими глазами. И право, стоитъ сдѣлать для него нѣсколько десятковъ верстъ, даже пріѣхать издалика, чтобъ полюбоваться здѣсь красотами Финляндскихъ пейзажей. Они счастливо сосредоточены на ограниченномъ пространствѣ, и мѣстоположеніе необыкновенно благопріятствовало тому, чтобъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, расположенный на немъ садъ могъ сдѣлаться произведеніемъ неподражаемо очаровательнымъ. Природа такъ много для него сдѣлала, что стоило только слѣ-

довать за ея указаніями, итти по ея слѣдамъ, и, облегчая ея усилія, дополняя ея твореніе, дѣйствуя въ одномъ съ ней духѣ, проиЗвести нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Быть-можетъ, средства частнаго челоВѣка не были достаточны для подобнаго предпріятія; художникъ, который нарисовалъ этотъ садъ, быть-можетъ, не воспользовался всѣмъ расположеніемъ мѣстности къ изящному; несмотря однако жъ на это, Мед-герозъ изобилуетъ красотами, достойными одобренія възыскательнаго вкуса и справедливыхъ похвалъ.

Мысль владѣльца приуготовить себѣ могилу; окруживъ ее прахомъ мплыхъ сердцу, на вѣковѣчной скалѣ, съ одной стороны неприступной и обрывистой, омываемой волнами моря, съ другой одѣтой зеленью и цвѣтами, — исполнена поэзіи грустной и трогательной. Чрезъ неширокій протокъ, летучій мостъ переноситъ васъ къ берегу высокаго острова. Вьющаяся тропа ведетъ на его вершину. Начинаешь всходить по ней между зеленью кустарникомъ и цвѣтами, и вдругъ взоръ останавливается на небольшомъ мраморномъ памятникѣ, стоящемъ близъ дорожки. На немъ надпись:

• Auf kurze Zeit,
Ist dieser Hügel mein,
Auf lange Zeit,
Binn ich darn sein.

На краткій мигъ;
Прекрасный холмъ, ты мой;
Потомъ на вѣкъ
Я буду твой.

Въ душѣ невольюно раздается звукъ страшнаго закона, который съ высоты небесъ провозглашаетъ челоВѣку: Ты прахъ, и въ прахъ обратишься! Его отголоскамъ вторить шумъ вѣтвистыхъ, мрачныхъ елей и однообразный плескъ моря. Вокругъ васъ, всюду

дремлетъ высокій гранитъ, холодный и твердый, который долженъ одинъ остаться здѣсь послѣ наслажденій человека. На вершинѣ скалы стоитъ небольшой замокъ о четырехъ башняхъ, влѣво отъ него возвышаются надгробные памятники — основателя! Мопгероя, его супруги и двухъ дѣтей. Архитектура замка проста и красива.

Возвратясь въ Выборгъ, вечеромъ того же дня мы мустились къ Иматрѣ. Дорога — такое же природное шоссе, какъ и то, которымъ приближаешься къ Выборгу изъ Петербурга, съ немногими исключеніями: это кражъ, всей Финляндіи. Окрестность, то дикая и пустынная, то воздѣланная и обитаемая, но вездѣ живописная и разнообразная; лѣса смѣняются лугами, за лугами слѣдуютъ холмы, за холмами горы и утесы. Повременамъ зеркало широкаго озера ярко блещетъ отъ косвенныхъ лучей заходящаго солнца, или, одѣваясь туманами, застилаетъ прозрачнымъ покровомъ свою свѣтлую поверхность. Иногда появляются разбросанныя жилища поселенъ, а иногда и хорошо обстроенный Heimath, или усадьба домовитаго помѣщика. Изрѣдка попадалась намъ легкая каріолька съ однимъ или двумя дремлющими сѣдоками, тяжелая колымага, изъ которой выглядывали круглыя, красныя Финскія лица, или длинная вереница роспусковъ съ досками и брусьями, которые везутъ въ Выборгъ съ пильныхъ мельницъ, устроенныхъ на рѣкѣ Воксѣ, чтобы оттуда отправить ихъ моремъ за границу.

За Бентолою, вторую станцію отъ Выборга, убаюканные ровными качаніями таратайки, мы задремали. Порою, нежданый толчокъ взбрасывалъ насъ на воздухъ, постепенно приготовляя сердца къ сильнѣйшимъ ощущеніямъ. Вдругъ, мы оба, какъ-будто по условію, проснулись въ одно время. Осматриваемся, — свѣтаетъ; кругомъ все дико и глухо. Сѣдые туман-

ны, медленно свиваясь, какъ тяжелый занавѣсъ, исподволь открываютъ взору окрестныя лѣса и горы. Наши лошади тихимъ шагомъ, побрякивая своими бубенчиками, воззятъ насъ на косогоръ. Вблизи все тихо и безмолвно; ни малѣйшій вѣтерокъ не колеблетъ лѣса; даже трепещущій листъ осины безъ движенія повисъ на своемъ тонкомъ стеблѣ. Но вдали, за лѣсомъ и горами, глухой, гудящій шумъ встаетъ среди мертваго молчанія природы. Сначала, намъ казалось, что это отдаленный гулъ колокола, и зная, что до водопада оставалось болѣе семи верстъ, я никакъ не воображалъ, что это его звуки. То былъ онъ! Когда я Финляндскую Ниагару называю «водопадомъ», такъ это только изъ подобострастія къ тѣмъ, которые прежде меня дали ей подобное имя: говоря безъ всякой лести, Иматра не водопадъ, а простая катарракта, но катарракта истинно великолѣпная. Мы приказали ѣхать скорѣе, и, съ каждымъ поворотомъ колеса шумъ становился ощутительнѣе, громче, звучнѣе. Вскорѣ, вправо отъ дороги и въ нѣсколькихъ саженьхъ ниже ея, сквозь чашу деревь, начала просвѣчивать поверхность рѣки. Ея широкія разливы мѣстами образуютъ какъ-будто озера. Тутъ, близъ береговъ вода была спокойна и почти безъ движенія; тамъ, въ серединѣ, клопоча, неслась она по камнямъ, быстрою струею. Провхавъ еще нѣсколько десятковъ сажень, мы увидѣли небольшой деревянный домъ, который еще отстроивали, и своротивъ къ нему съ главной дороги вправо, черезъ полминуты остановились на лужайкѣ съ утесистымъ обрывомъ. Мы подбѣжали къ периламъ, которыми огражденъ ея берегъ.

Рѣка, широкая, какъ одинъ изъ протоковъ Невы, быстро катитъ свои воды между холмистыми, зеленѣющими берегами. Мѣстами гряды камней противяся ея стремленію, и волны, пѣнясь, перескакива-

ють через преграды. Достигнув продолговатаго, лѣсистаго острова, она раздѣляется на двѣ руки, и, обнявъ ими островъ, опять соединяетъ свои струи. Но тутъ, ложе ея склоняется внезапно и круто, и вся масса воды ввергается въ узкое гранитное русло, усыянное острыми утесами. Грозный ревъ вырывается изъ клубовъ стремительнаго тока. Облака сребристой пыли носятся падъ этою бурей истерзанной рѣки, и солнце, пронзал ихъ лучами, золотитъ ихъ, или играетъ, въ брызжущихъ капляхъ, семью-цвѣтными лентами радуги. Одна пѣна крутится и кипитъ на покатости потока, рѣзко отдѣляясь отъ черныхъ утесовъ; то мчится внизъ по влажной крутизнѣ, то поднятая, подрыванная налетающими сверху волнами, мечется обратнымъ стремленіемъ и взбѣгаетъ къ вершинѣ водоската. Посреди сшибающихся волнъ внезапно возстаютъ пѣнистые столбы: они, какъ могучіе витязи, схватываются другъ съ другомъ, между тѣмъ, какъ у ногъ ихъ ратуютъ ихъ дружины, оглашая окрестность своими кличками. Иныя волны силятся вскочить на гранитный берегъ, но отраженныя его неприступными стѣнами, въ брызгахъ отпрямываютъ назадъ, и въ одно мгновеніе навиваются на клубы другихъ волнъ. Такъ летитъ бушующая стихія по ложу, пробитому ею въ голомъ гранитѣ на протяженіи болѣе ста сажень, и паденіе ея на такомъ пространствѣ составляетъ только тридцать два фута. Далѣе русло идетъ отможе, берега раздаются, рѣка течетъ быстро, еще грохоча, но уже безъ ярости, и бѣляя волны, какъ стая лебедей, расплываются по разливу.

Поглощенный великолѣпнѣмъ зрѣлища, я и не замѣтилъ, что всплески воды порядкомъ измочили мое платье. Мы сошли въ бесѣдку, стоящую внизу водопада, и долго еще не могли оторвать взоровъ отъ страшной картины, которая съ этой точки представ-

ляется съ новою прелестью. Отсюда можно всю ее окинуть однимъ взглядомъ. «Алмазная гора», кажется прямо на васъ катится, и воображеніе цѣпенѣтъ. Страшишься, что съ каждымъ мгновеніемъ паденіе этой клокочащей лавины увлечетъ васъ съ собою. Подобная участь дѣйствительно постигла одного несчастнаго.

Въ іюнь 1825 года, поручикъ Нейшлотскаго полка С*** былъ посланъ изъ Нейшлота въ Выборгъ, съ отрядомъ солдатъ. Остановясь для дневки въ селеніи, противъ станціи Ситолы, въ верстѣ выше водоската, онъ вздумалъ поохотиться, взялъ двухъ солдатъ, съѣлъ съ ними въ челонокъ и пустился по Воксъ. Пока они лавировали между островками и камнями, которыми рѣка усѣяна въ виду деревни, не было ни какой опасности. Но, замѣтивъ вдалекъ по теченію, дикихъ утокъ, С*** приказалъ грести къ нимъ. Солдаты предостерегали и отговаривали его, но онъ не слушалъ и велѣлъ имъ молчать. Между-тѣмъ быстрина все увеличивалась. Сначала они не замѣчали того; потомъ увидѣли, но уже было слишкомъ поздно. Подняться по теченію было невозможно. Они хотѣли пригresti къ берегу, и едва поворотили, какъ волна ударила въ челнъ: онъ опрокинулся и несчастныхъ понесло въ самую пучину. Еще оставалась надежда: небольшой утесъ подымался изъ воды, передъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ по гранитному обрыву съ грохотомъ низвергается вода. Къ нему примчало погибавшихъ. Двое солдатъ, съ усиленіемъ отчаянья впились въ его траву, и удержались. Несчастный С*** хотѣлъ также захватиться, но рука его скользнула по гладкому камню, а между-тѣмъ теченіе стремилло въ низъ. Еще мигъ,—воплъ раздался среди рева водъ, и бездна поглотила свою жертву! Проходившіе по берегу крестьяне увидѣли солдатъ. Они принесли длинныя шесты, и, помощію ихъ, перетасили этихъ лю-

дей на берегъ. Тѣло погибшаго офицера найдено въ двухъ верстахъ ниже паденья : оно было изломано и истерзано; съ трудомъ можно было узнать черты лица. Житель, который разказывалъ мнѣ этотъ случай, утверждалъ, что случалось находить ниже водоската трупы медвѣдей, увлеченныхъ его стремленіемъ.

На Иматрѣ, какъ я сказаль, строится небольшой деревянный домъ. Онъ назначается для пріѣзда Императорской Фамиліи. Лѣсъ будетъ расчищенъ кругомъ, и превратится въ Англійскій садъ: на противуположномъ берегу это уже сдѣлано.

Въ Ситомѣ мы перемѣнили лошадей, и, помѣстившись съ нашимъ легкимъ экипажемъ на паромъ, стали переправляться на лѣвый берегъ Воксы или Вокши, какъ называютъ ее Русскіе. Эта переправа дѣлается довольно любопытнымъ образомъ. Сперва паромъ, отчаливъ, медленно поднимается на веслахъ вверхъ теченія, держась берега. Достигнувъ одного довольно значительнаго порога въ четверти верстѣ выше пристани, онъ круто поворачиваетъ и вдается въ самое бурное волненіе. Первый напоръ волнъ, несущихся отъ порога, сильно потрясаетъ его, онъ дрожитъ, какъ бы отъ страха, и тихо, боязливо подается впередъ. Но вдругъ теченье его схватываетъ, влечетъ, стремить; паромъ, будто внезапно оживленный, смѣло описываетъ въ рѣкѣ пѣнистую дугу, и черезъ нѣсколько минутъ останавливается у противной пристани. Такое сложное движеніе парома объяснить можно тѣмъ, что отъ самой середины верхняго порога къ двумъ противоположнымъ пристанямъ стремятся два быстрыя теченія, порасходящимся направленіямъ. Причиною того можетъ быть какой нибудь огромный утесъ, лежащій тутъ на днѣ рѣки. У пристаней эти противныя теченія ударяются въ берега, и, отражаясь подъ угломъ своего стремленія, сталкиваются другъ съ другомъ на срединѣ рѣки, гдѣ уже

по покатости русла совокупно несутся къ главному водоскату.

Насъ такъ заняла эта переправа, что мы чуть не забыли взглянуть въ лица людей, управлявшихъ паромомъ. Это было однако жъ записано въ моемъ дорожномъ книжкѣ крупными буквами. Здѣсь, на этомъ паромѣ, дѣва небесной красоты (хотя собственно, и Чухонскаго неба), съ томнымъ голубымъ глазомъ и бѣлымъ челомъ, подѣ которымъ скрывался «цѣлый міръ любви», перевозила Г. Сень-Жюліена. Представьте жъ нашу досаду, когда, вмѣсто прелестной перевощицы, которая извлекла восклицанія такого жаркаго восторга изъ груди автора *Souvenirs et impressions de Finlande*, мы увидѣли рыжаго Чухонца и его морщиноватую подругу, которая годилась бы въ сестрицы Макбетовскихъ вѣдьмамъ! Съ той минуты Иматра потеряла для насъ всю свою прелесть.

Вышедъ на берегъ, мы оглядѣлись: кругомъ разстилался живописный сельскій видъ; солнце играло въ струяхъ быстрой и свѣтлой рѣки; пороги шумѣли и сверкали: крутые, каменистые берега были одѣты пестрою зеленью, которая отъ темнаго цвѣта ели переходитъ въ яркіе отливы березоваго пароста и лоснящагося тальника; гибкіе побѣги дикаго гороха спускались по утесамъ къ водѣ, красиво убирая ихъ своими фестонами; на противномъ берегу, влѣво отъ пристани, стояли двѣ или три хижины, надъ которыми раскинулась купа высокихъ елей, а за ними, далѣе, поля, нивы, и много-этажный амфитеатръ холмовъ и горъ, — но божественной перевощицы съ томнымъ голубымъ глазомъ нигдѣ не было видно!.....

Мы поднялись на берегъ и пошли къ крестьянскому дому, стоящему на горѣ, противъ пристани. Хозяинъ его, красивый и бойкій Русскій мужикъ,

хотя уже довольно пожилой, встретил насъ у порога. Русскіе крестьяне, отпущенные на волю, часто покупаютъ въ Финляндіи участки земли и селятся тамъ отдѣльными дворами. Кто бывалъ на Иматрѣ, тотъ вѣрно припомнитъ Степана Федорова, потому что онъ всякаго разсмѣшитъ или замучитъ своими рассказами и прибаутками. Мы просили его, чтобъ онъ сварилъ намъ уху изъ форелей, которыми славится Вокса, а сами поѣхали къ водоскату, чтобъ посмотреть на него съ этого берега. Тамъ нашли мы толпу Чухонъ, старыхъ и малыхъ. Въ ожиданіи посѣтителей, они стояли съ корзинками ягодъ и камешковъ. Эти камешки составляютъ примѣчательное произведеніе Иматры: они не иное что какъ куски глины, отторгнутые отъ береговъ стремленіемъ рѣки, округленные и обточенные объ утесы и камни, и совершенно отвердѣвшія формы ихъ разнообразны, — то причудливы, то очень правильны. Нѣкоторые покрыты тонкими полосками, струйками и желобками, какъ вещи выточенные на станкѣ. За нѣсколько грошей Финны надавали намъ ихъ цѣлую кучу. Между тѣмъ, мы знаками старались объяснить имъ, что желали бы бросить въ водопадъ отрубокъ дерева. Двое изъ нихъ, посмышленые, тотчасъ поняли и умчались въ лѣсъ. Черезъ минуту они возвратились, таща съ собою нѣсколько сухихъ деревьевъ. Тутъ началась операція. Одинъ изъ нихъ взявъ въ руки дерево, сталъ на самый край обрыва, за периламп. Другой схватилъ его, зацѣпился ногами за выдавшійся камень. Для большей безопасности, мы взяли этого за полы куртки и тоже уперлись ногами въ камень. Вдругъ мы всѣ крикнули разомъ, подброшенное дерево взвилось къверху, и полетѣло въ водопадъ. Сначала оно исчезло въ пѣнѣ; потомъ поднялось своими изсохшими ветвями, будто прося о помощи, и понеслось внизъ. Другое и третье дерево имѣли такую же участь: во-

двороты ихъ крутили, потопляли, взбрасывали, ломали, и течение быстро уносило ихъ отъ глазъ. Полу-сгнившее осиновое бревно было разбито въ щепы. Наконецъ мы бросили длинную, тонкую еловую доску, безъ сучьевъ. Она ушла плашмя и стрѣлою помчалась по водоснату; но, встрѣтивъ надводный утесъ, ударилась въ него острымъ своимъ концемъ, встала прямо, и согнувшись дугою, полетѣла какъ пущенное копьё.

Разставаясь съ Иматрою, мы высѣкли острыми камнями на одномъ изъ прибрежныхъ утесовъ начальный буквы нашихъ именъ, взглянули еще разъ на эту великолѣпную гранитную чашу, которую природа напѣиваетъ во славу собственныхъ дѣлъ своихъ, и пошли ѣсть уху. Многие посѣщали Иматру. Въ каждомъ она произвела впечатлѣнія разнообразныя, смотря по внѣшнимъ обстоятельствамъ и по внутреннему расположенію зрителя. Нѣкоторые видѣли въ ней подобіе паденія Рейна и Финляндскую Шагару. Другіе, не удостоили ея даже названія порога. Тѣ, которые видѣли Иматру и Сиенскую катарракту Шила, говорятъ, что онѣ очень похожи другъ на друга, но что Иматра несравненно шумнѣе и живописнѣе.

У Степана Ѳедорова насъ ожидали богатая уха и знаменитыя форели. Самъ Лукуллъ не ѣдалъ лучшихъ, и хотя Вокшанская рыба не лакомится человѣческимъ мясомъ, какъ Римскія мурены, однако она не менѣе вкусна. Можно совѣтовать любителямъ рыбной ловли и рыбныхъ блюдъ отправляться сюда съ удочками и съ кастрюлями: въ Финляндскихъ рѣкахъ и озерахъ найдутъ они чѣмъ позаняться; они не уступятъ Шотландскимъ въ отношеніи къ ихтиологическимъ потѣхамъ. Воды Финляндіи изобилуютъ нѣжными форелями, жирными сигаами, огромными лососями и лохами, славными налимами, крупными и

рчезвычайно вкусными окунями, а въ нѣкоторыхъ водятся даже стерляди и осетры, не говоря о многихъ другихъ породахъ рыбъ.

Поездка наша шла до сихъ поръ такъ пріятно, и Финляндія такъ манила къ себѣ своими красотами, хотя мы и не нашли прелестной перевоицицы съ томнымъ голубымъ глазомъ, что намъ никакъ не хотѣлось ограничиться тѣмъ, что мы видѣли. Но маршрутъ нашъ былъ составленъ только до Иматры, и мы были въ нерѣшимости, куда отсюда направиться. Въ раздумьѣ долго бродили мы глазами по нашей дорожной картѣ, измѣряя разстоянія, взвѣшивая выгоды и невыгоды того или другаго пути. Какъ вдругъ взоръ нашъ упалъ на Ладожское Озеро, и на островъ Валаамъ, одиноко лежащій въ сѣверномъ углу его. Дорога до города Сердоболя, откуда переправляются водою на Валаамъ, очень гориста и вѣрно живописна; монастырь Валаамскій — древнѣйшій въ Россіи и представляетъ много любопытнаго: поѣдемъ на святой островъ! Мы поѣхали на Валаамъ.

В. Л. МИХАЙЛОВЪ.

=

СПАСЕНІЕ ЗА СПАСЕНІЕ.

=

ВОЕННЫЙ АНЕКДОТЪ.

=

Темень, длиненъ сентябрскій вечеръ; осенняя непогода шумѣла въ окна, но пріятно было въ гостепріимномъ домѣ Яропольца. При тускломъ свѣтѣ алебастровыхъ лампъ, уединенно сидѣлъ я съ молодымъ хозяиномъ въ нашемъ общемъ покоѣ, и мы сокращали время разсказами о военныхъ приключеніяхъ нашихъ въ Турціи и Польшѣ. Живо текла беседа, потому что мы выбирали одни разительныя мгновенія изъ многихъ лѣтъ и передавали ихъ другъ другу въ самой простотѣ событій.

— « Я разскажу тебѣ, сказалъ мнѣ наконецъ Г-въ, удивительный случай, бывшій со мною въ Польскую войну, который навсегда останется у меня въ памяти, по чрезвычайности моего спасенія ».

— Такой разсказъ мнѣ по сердцу, отвѣчалъ я, придвинувъ свои кресла: слушаю со вниманіемъ.

— « Это было тотчасъ послѣ Остроленской битвы, продолжалъ онъ: я еще служилъ тогда корнетомъ въ лейбъ-уланахъ. Нашего генерала отрядили съ двумя полками уланъ и лейбъ-драгунъ въ Августово, чтобы открыть сообщеніе съ корпусомъ, стоявшимъ около Гродна. Разстояніе считалось шестьдесятъ верстъ, но все пространство покрывалъ дремучій лѣсъ, по которому скитались непріятельскія партіи и Кракусы. Въ теченіе двухъ недѣль почти каждый день одинъ офицеръ былъ посылаемъ съ двумя отрядами на рекогносцировку по лѣсамъ, и возвращался безъ успѣха. Дошла очередь и до меня. Ты можешь себѣ представить, какъ непріятно разбудили меня на разсвѣтѣ звонъ

кія шпоры моего вахмистра, когда онъ, вошедъ въ мою хату кавалерійскою поступью, объявляя, что я назначенъ на этотъ день для поиска. Съ сжатымъ сердцемъ вскочилъ я одѣваться, велѣлъ сѣдлатъ лошаадь, собираться взводамъ и поспѣшилъ за приказаніемъ къ генералу, котораго благосклонностью пмѣлъ счастье пользоваться.

— Какъ! развѣ ты назначенъ? спросилъ онъ, увидѣвъ меня.

— Моя очередь, ваше превосходительство.

— Жаль, очень жаль! продолжалъ онъ, съ участіемъ смотря на меня. Ты ещетакъ молодъ! Но дѣмать нечего. Вотъ, если Богъ тебѣ поможетъ, доставь этотъ пакетъ корпусному генералу; но въ случаѣ несчастія истреби его непременно. Будь остороженъ.

Онъ обнялъ меня и мы расстались. Подумай, какъ неутѣшительно было такое прощаніе! Я уже не искалъ другихъ прощаній, съ товарищами; молча, сѣлъ на моего прекраснаго рыжаго коня, который нѣсколько оживилъ меня своей бодростью, и, съ четырьмя казакамъ, взводомъ уланъ и взводомъ драгунъ, грустно пустился въ уединенный путь. Въ мои годы вовсе не лестна смерть, но встрѣтить ее на полѣ сраженія, въ рядахъ добрыхъ товарищей, или быть подстрѣленнымъ, какъ звѣрь въ чащѣ лѣса — какая жестокая разница! А плѣнь, а долгія томленія въ рукахъ грубыхъ поселанъ? все это меня волнуетъ. За пять верстъ отъ Августова начался лѣсъ, и становился все гуще и гуще на растояніи десяти верстъ до малаго селенія. Оно было пусто, я искалъ проводника; дряхлый старикъ указалъ мнѣ, въ корчмѣ за печкою, испуганнаго Жида. Отговорки были тщетны; я посадилъ его на мою заводную лошаадь, велѣлъ двумъ казакамъ опоясать его веревкою и держать съ двухъ сторонъ за концы, а одному ѣхать впереди. Два улана и я слѣдовали за ними, а потомъ оба взвода по три въ

рядъ, потому что не было ни какой возможности идти иначе по узкой тропинкѣ, извивавшейся въ дремучемъ лѣсу. Такимъ ходомъ прошли мы еще пятнадцать верстъ до другой деревни, гдѣ однако жъ оставались еще жители. Половина дороги была уже пройдена, лошади устали; я вельмъ, не разсѣдывая, кормить, и самъ сталъ распрашивать о непріятель. «Отряды Польскіе были здѣсь недавно,» отвѣчали мнѣ крестьяне: «но уже дня два какъ удалились. Пріѣзжали сюда и регулярные жолнеры, но не могли ѣхать далѣе; теперь же вамъ чиста дорога до Гродна.»

Счастливое начало внушало мнѣ самонадѣянность, что весьма простиительно въ двадцать лѣтъ. «Перещеголяю всѣхъ моихъ предшественниковъ!» подумалъ я съ самодовольною улыбкою, и повѣрилъ коварнымъ словамъ поселянъ, не принявъ даже противъ нихъ ни какой мѣры предосторожности; такъ твердо былъ я увѣренъ, что достигну желанной цѣли. Однако жъ мы благополучно выкормили лошадей, и выступили. Здѣсь начались испытанія.

Не отошли мы болѣе трехъ верстъ отъ деревни, какъ прискакалъ ко мнѣ передовой уланъ съ извѣстіемъ, что слышенъ выстрѣлъ. Я не повѣрилъ. Раздался второй и третій выстрѣлъ. Я оставилъ комнату. Къ счастью, въ этомъ мѣстѣ выдалась поляна, и я могъ выстроить оба взвода въ боевой порядокъ, а самъ съ двумя уланами и тремя казаками поѣхалъ шагомъ впередъ осмотрѣть дорогу. Это была вторая неосторожность. Спокойно прошли мы версту, и я уже начиналъ упрекать улана за его пустую тревогу, когда внезапно открылись передъ нами небольшая рѣка и за нею балаганы непріятельской пѣхоты, и въ ту же минуту закричалъ мнѣ болѣе опытный уланъ: «Ваше благородіе, мы отрѣзаны!» Съ невольнымъ трепетомъ я оглянулся. За нами по обѣимъ сторонамъ узкой тропинки стояли

между деревъ Кракусы и, какъ теперь вижу, солнце ярко отражалось на длинныхъ стволахъ ихъ ружей, которыя они держали въ готовности, чтобы пропустить насъ какъ сквозь строй въ перекрестномъ огнѣ. Тогда дрогнуло мое сердце, какъ никогда не дрожало.

— Шпоры! закричалъ я отчаянно моимъ людямъ и столько же отчаянно вознзлъ ихъ въ моего лихаго коня. Конь взвился и полетѣлъ промежъ адскаго свиста пуль, которыя сыпались на насъ крупнымъ дождемъ. Избави Богъ отъ другой подобной грозы! За мною вихремъ неслись мои спутники. Но вдругъ раздался стукъ паденія и пронзительный вопль. «Ваше благородіе, спасите!» Судорожно рвануль я мою лошадь, потому что этотъ крикъ былъ пронзительнѣе свиста пуль. Я оглянулся: подъ казакомъ моимъ была убита лошадь. «Спасите!» еще разъ и еще жалостивъ закричалъ онъ.

— И ты его бросилъ! вскричалъ я невольно въ свою очередь, забывъ, что въ столь ужасную минуту не такъ свободно было ему разсуждать о челоуѣчествѣ, какъ мнѣ, сидя въ креслахъ.

— «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ съ жаромъ: но какимъ чудомъ я спасъ его, и какъ мы оба спаслись, не понимаю. Едва удержалъ я на минуту лошадь, казакъ бросился ко мнѣ, и вскочилъ въ стремя; я охватилъ его рукою, и мы опять помчались. И въ эту минуту ни одинъ Кракусъ въ насъ не выстрѣлилъ.»

Я не далъ договорить Г-у. Я бросился къ нему на шею, и пламенно обнялъ: такъ отлегло у меня сердце за бѣднаго казака, и вмѣстѣ такъ радостно оно забилось при столь благородной чертѣ моего друга, которая столь же скромно сорвалась съ его языка въ минуту разсказа, сколь отважно совершилъ онъ самое дѣло.

— «Что съ тобою сдѣлалось?» спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Ничего; продолжай, сказалъ я: это такъ, минутный порывъ; ты живо рассказываешь, а я заслушался.

— «Еще нѣсколько шаговъ, и другой крикъ раздался. Моему старому улану прострѣлили ногу, и онъ упалъ съ лошади, но уже мы были за нѣсколько шаговъ отъ своего отряда, и его подобрали товарищи. Я командовалъ съ права по три, и велѣлъ ретироваться. Мы подскакали къ деревнѣ. Новое препятствіе! Крестьяне загородили тыномъ околицу и съ дубьемъ стояли за нею. Я хотѣлъ говорить имъ. «Еще пакъ барзо млоды естъ,» насмѣшливо отвѣчали мнѣ изъ толпы. Кровь у меня хлынула въ голову. «Драгуны, впередъ!» закричалъ я. Драгуны выскакали, полетѣли въ нихъ палки; но съ первымъ залпомъ корабиновъ повалилось нѣсколько мужиковъ, и толпа разсыпалась. Мигомъ разломали ворота. Осерчалые уланы съ пиками пронеслись по селенію и положили многихъ на мѣсть. Мы продолжали отступать рысью по дремучему лѣсу, но за нами не было погони; по-счастію, отрядъ, встрѣченный нами, не имѣлъ при себѣ кавалеріи. Быстро достигли мы перваго селенія близъ Августова, и тамъ расположились ночевать; но на этотъ разъ гораздо осторожнѣе. На другой день я смиренно возвратилъ пакетъ, и большой отрядъ съ пушками очистилъ эту дорогу.»

Г—въ замолчалъ, и я также. Прошло нѣсколько минутъ, во время которыхъ слышенъ былъ только шумъ дождя о широкія стекла. Наконецъ я спросилъ его.

— Скажи мнѣ, милый другъ, по совѣсти, какъ ты думаешь, что спасло тебя?

— «Какой странный вопросъ! отвѣчалъ онъ: кто кромѣ Бога?»

— И я благодарю Его, что ты это чувствуешь. Есть люди, которые, хотя и знаменовали себя невольнымъ крестомъ въ минуту опасности, но послѣ, видѣя, при-

писываютъ свое спасеніе одному только счастью. И такое ихъ духовное положеніе опаснѣе перваго. Ты меня тронулъ своимъ чистосердечнымъ разговоромъ; но позволь мнѣ сказать тебѣ въ заключеніе: ты былъ помилованъ самъ за твое милосердіе къ казаку, и помилованъ для того, чтобы, получивъ однажды какъ-бы въ заемъ столь явное покровительство Божіе, часто размышлялъ объ немъ и старался быть его достойнымъ, потому что съ такихъ людей больше взыскивается какъ съ должниковъ..... Но посмотри, лампы потухаютъ. Вотъ и твой непріятельскій будильникъ бьетъ полночь на колокольнѣ. Не время ли ко сну? А я благодарю тебя за пріятный вечеръ.

А. М.

=

ЗАПИСКИ ДОМОВАГО.

РУКОПИСЬ БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА, НАЙДЕННАЯ ПОДЪ ГОЛ-
ЛАНДСКОЮ ПЕЧЬЮ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

.....
.....
.....гомеопатически. Они уда-
лись сба въ другую комнату. Моя жена и сестры
пошли за ними; ихъ прекрасныя лица были подерпу-
ты тѣмъ туманнымъ безпокойствомъ, которое состав-
ляется изъ движущихся стихій любви, отчаянія и на-
дежды и носится зловѣщимъ облакомъ надъ будущао-
стью дорогихъ нашему сердцу, когда въ ней скрывается
опасность. Вскорѣ услышалъ я глухіе вопли и вздохи,
которые томно отражались въ моей спальнѣ, проникая
съ трудомъ сквозь сухія и беззвучныя фибры досокъ за-
творенной двери. Слѣдственно, нѣтъ надежды! Я дол-
женъ умереть аллопатически и гомеопатически! умереть
по двумъ методамъ! вдвойнѣ умереть!..... отъ
безконечно великихъ количествъ лекарства и отъ без-
конечно малыхъ! Это ужасно. Я думаю, что, съ тѣхъ
поръ какъ люди умираютъ отъ Медицины, никто
еще не испытывалъ такой печальной участи. Увѣ-
ренность въ скоромъ выздоровленіи, которая въ
чаюточномъ усиливается обыкновенно по мѣрѣ о-
слабленія силъ, поколебалась во мнѣ въ первый
разъ съ того времени, какъ лютая болѣзнь при-
ковала меня къ постелѣ; но, къ собственному мое-
му удивленію, страшная мысль о необходимости
разстаться съ жизнью въ то самое мгновеніе, когда
дни мои такъ весело озаридись лучами восходя-
щаго счастья, не произвела большаго потрясенія: она

ударилась въ мои чувства такъ глухо, такъ невнятно, какъ ударяетъ молоточекъ клавиша въ отпущенную струну, которая только зажужжитъ съ неприятнымъбряцаніемъ, безъ звона и эха, и опять погрузится въ нѣмоту. Я слышалъ удаляющіеся шаги докторовъ, которыхъ мое семейство провожало до лѣстницы, чтобы исторгнуть у нихъ какое-нибудь признаніе, благопріятное для страдальца; по объ методы были непоколебимы, и ушли, кланяясь очень учтиво, въ отчаяніи, что не могли болѣе торговать моею жизнію: когда стукъ двери далъ мнѣ знать объ ихъ уходѣ, мнѣ даже стало легче и веселѣе; мнѣ показалось, что ею затворились всѣ хлопоты жизни, что все уже кончено, что я ужъ не существую. Страхъ смерти обитаетъ не въ душѣ человека, но въ его физической части; онъ дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока преобладаютъ матеріальныя силы, подчиняя своимъ пользамъ духовное начало бытія; одно тѣло боится смерти, потому что смерть грозитъ ему разрушеніемъ, и какъ скоро болѣзнь и изнеможеніе отнимутъ у матеріи то страшное самовластіе, которое люди называютъ голосомъ природы, и духъ не встрѣчаетъ въ немъ болѣе противорѣчія, разрушеніе тѣла дѣлается для васъ незначимымъ, постороннимъ предметомъ. Разобщенные колеса испорченной машины перестали издавать въ моей груди тотъ ржавый, болѣзненный скрипъ, которымъ выражается страданіе больнаго; я впалъ въ какую-то отрадную слабость, и сколько прежде страшился смерти и не могъ подумать объ ней безъ трепета, столько теперь сталъ къ ней равнодушенъ. Эта внезапная перемѣна произошла не отъ ухода моихъ докторовъ, которыхъ мудрости я никогда не вѣрилъ: быстрый упадокъ силъ, или точнѣе, жара крови, одинъ былъ причиною этой каменной беззаботности, и я могу сравнить тогдашнее мое ощущеніе съ тѣмъ, какое испытываетъ человекъ, еще нѣжащійся въ теп-

лой ваннѣ и думающій, что вода уже простываетъ, что уже пора выйти изъ нея на воздухъ и одѣваться. Одиночество, въ которомъ я былъ оставленъ, одно было для меня нѣсколько тягостно: я чувствовалъ какъ-бы нужду въ рукѣ, которая бы помогла мнѣ встать изъ охлаждающей купальни бытія и подала платье; я ждалъ, но уже безъ нетерпѣнія, возврата жены и сестеръ, чтобы проститься съ ними; чтобы сказать, что я ухожу; что онѣ не должны печалиться; что путь, который мнѣ предстоитъ, ни сколько не опасенъ; что это только перемена квартиры..... Пульсъ уже не бился съ нѣкотораго времени: кровь, еще теплая, уже не кружила, но стояла въ жилахъ какъ розовый спиртъ въ Фаренгейтовыхъ трубкахъ, понижаясь отвсюду къ сердцу подобно термометру, вынесенному на прохладный воздухъ, и, съ послѣднимъ, чуть-чуть примѣтнымъ, ударомъ сердца, водворилось во всемъ тѣлѣ удивительное спокойствіе. То было восхитительное безвѣтріе послѣ долгой бури. Сердце, эти единственные часы человеческой жизни, остановилось какъ задержанный маятникъ, и время вдругъ перестало для меня измѣряться; я жилъ уже за предѣлами времени, и въ первый разъ ясно понялъ вѣчность, о которой люди, что бы они ни говорили, догадываются не умомъ, а только инстинктомъ. Вѣчность! это — простое отсутствіе всякой мѣры. Состояніе чловѣка невыразимо съ той минуты, какъ плоть отказывается отъ дальнѣйшей работы на его существо и предоставляетъ зданіе вѣдшию невещественнаго начала, духа, или, какъ его зовутъ часто, разума. Разумъ свѣтлостою волною разливается тогда по всему тѣлу и выходитъ изъ него во всѣ поры въ видѣ радужнаго, нематеріальнаго испаренія; оно образуетъ около него эфирное облако; тѣло какъ-бы завѣшено въ атмосферѣ своего духа. Я тутъ впервые увидѣлъ мысль внѣ чловѣка. Не глядя, видѣлъ я какъ въ зеркалѣ весь составъ своего животнаго

строения, весь этот удивительный механизм миллиона трубок, пружин, связей, рычагов и колес, таких тонких, так искусно сдвинутых и на ту пору стоявших в бездействии; я мог бы в двух словах объяснить физиологам, которые, клянусь вам, не более вот этой печи смыслять про образ действия жизни, всю эту таинственную гидростатку многочисленных жидкостей, текучих и летучих, называемую «жизнью» и производящую различные отправления тела, от простого движения ног до трудов памяти и воображения. Ни какая паровая мельница не может быть простее этого! Это в самом деле паровая мельница. Они узнают ее при смерти, в тех дивных мгновениях, которые называют они последними проблесками ума, и которые суть только начало великозпнѣйшаго изъ явленій въ тѣлѣ, — отдѣленія вещества отъ духа, матеріи отъ не-матеріи, того отъ не-того, да отъ нѣтъ, которыхъ взаимное сочетаніе и вѣсть съ тѣмъ противоположное стремленіе образуютъ одно отдѣльное цѣлое, феноменъ лица и его жизни, отрывокъ сложной машины времени, состоящей изъ соединенія всѣхъ отдѣльныхъ жизней..... Дверь тихонько отворилась, и я увидѣлъ черезъ верхъ передка моей кровати блѣлое чело жены, освѣщенное черными ея волосами въ печальномъ безпорядкѣ, который придавалъ ему особенную прелесть. Я хотѣлъ позвать ее къ себѣ, но голосъ не вышелъ изъ груди, и слова — «друг мой!» вылетѣли изъ нея безъ звука, какъ-бы произнесенныя въ совершенной пустотѣ: они потонули въ воздухѣ у самыхъ устъ моихъ, даже не пошевеливъ его, не произведши въ немъ тѣхъ круговъ, которые въ такомъ множествѣ и такъ быстро выходятъ изъ каждаго слова, упавшаго на его поверхность, дрожать, расширяются, несутся въ даль и исписываютъ прозрачное пространство звучащими дугами. Это былъ уже образъ того гробоваго беззвучія, которое начи-

нается за пределами вещества. Я понял, что меня тамъ ожидало..... Тихими шагами, едва касаясь земли маленькой, дрожащей ножкою, подходила ко мнѣ юная супруга. Ея блѣдное лице, заплаканные глаза, руки сложенные на груди, медленные движения и взмятое платье, сливались въ стройную картину столь глубокаго несчастія, что гранить застоналъ бытъ подобнаго зрѣлища. Она съѣла противъ меня на стулъ, и ея руки, судорожно сплетенныя пальцами, упали на колѣни, и ея глаза, изсушенные отчаяніемъ, устремились на мое лице съ несказаннымъ выраженіемъ любви и горести. Я видѣлъ въ нихъ прощаніе..... Бѣдная женщина! ты должна страдать одна. О, зачѣмъ не могу теперь раздѣлять твоей печали, какъ прежде раздѣлялъ твое невинное блаженство! Сердце это уже не движется! Эта кровь уже не волнуется!... Твоя печаль только отражается на ея тиши, какъ трауръ тучъ на зеркальномъ лицѣ спящаго океана, не смущая оцѣненъвшихъ пучинъ страсти. Эта кровь, зажигавшаяся пламенемъ отъ одного твоего прикосновенія, — въ горячія волны которой ты такъ часто выливали всю сладость твоего существа, — которая неслась вся къ сердцу, какъ скоро твой образъ наполнилъ его счастіемъ, теперь, когда тебя раздирають пополамъ, когда живую зарываютъ въ землю, эта кровь даже не шелохнется! Я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы возбудить въ себѣ печаль, и никакъ не могъ добиться до этого чувства, которое было бы тогда для меня благодѣніемъ. Страсти мои, казалось, сзѣрновались около сердца и покрыли его своими холодными кристаллами..... Весь мой духъ скопился около юной супруги; я окружилъ еще недавно обожаемую женщину своей душою, которая лѣлѣяла ее въ своихъ объятяхъ, проникала все ея чистое и красивое тѣло и смѣшивалась внутри его съ ея духомъ. Это не была любовь, потому что я уже не могъ любить, но

ничто торжественнѣе любви: милое женское существо, съ поникнутою головкою и заломанными руками, сидѣло въ облакъ неземнаго свѣта, который дивнымъ образомъ усиливаль ея прелести и придавалъ ей почти небесную красу. То было обоготвореніе любящей женщины. О, если бѣ грубыя земныя чувства дозволили ей видѣть себя въ эту минуту!... Я собралъ послѣднія силы, чтобы высвободить руку изъ-подъ одеяла и протянуть къ ней. Съ какою страстію схватила она своими мягкими и теплыми ладонями эту руку, желтую, сухую, оглодаанную хнщной болѣзнію и уже холодную! Никогда въ безумномъ упоеніи сладострастнаго восторга не цѣловала она ея съ такой жадностью и такимъ жаромъ! Она зарыдала. Слезы брызнули изъ ея глазъ и потопили руку, пригвозженную подѣлуями къ ея устамъ. Чистѣе этого умовенія, я думаю, нѣтъ въ природѣ: оно сильно смѣть даже кровь невиннаго съ руки убійцы.... Лице ея покрасилось румянцемъ; не выпуская моей руки, она подняла на меня свои большіе мокрые глаза, и, казалось, умоляла ими, чтобы я остался съ ней на землѣ; и я никогда, даже въ день нашего брака, не видалъ ея прелестнѣйшею чѣмъ въ это мгновеніе. Двѣ мои молоденькія сестры, вошедъ непримѣтно не знаю когда, стояли по другую сторону кровати, и плакали: ихъ лица, въ которыхъ огонь плача боролся съ блѣдностью и усталостью отъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ подлѣ больнаго брата, были еще красивѣе обыкновеннаго. Заходящее солнце удивительнымъ образомъ освѣщало ихъ и всю комнату. Между-тѣмъ тѣло мое быстро остывало повсѣмъ оконечностямъ; руки и ноги, совсѣмъ оледенѣлыя, лежали подлѣ меня какъ неподвижныя глыбы, принадлежащія къ моему составу: тамъ уже господствовала смерть; жизнь еще тѣла въ желудкѣ, груди и головѣ, но и тутъ уже гробовой морозъ, подвигаясь

съ низу и боковъ, пожиралъ однѣ части тѣла за другія. Отдѣленіе духа отъ вещества происходило съ большой силой, и въ отдаленнѣйшихъ членахъ уже довершалось: тамъ, гдѣ духъ совсѣмъ оставилъ тѣлесное зданіе, частицы тѣла, лишенныя своей волшебной связи, тотчасъ начинали бродить, и наступало разложеніе. Въ сильномъ движеніи горести, моя жена, падая на колѣни, дернула меня за руки, не-хотя, но довольно крѣпко. Сердце мое закачалось, — тихо, — безъ бьенія, и легкая теплота неожиданно согрѣла пустую грудь. Я воспользовался минутнымъ возвратомъ жизни, чтобы сказать доброй подругѣ: «Прощай, мой другъ!..... Я былъ счастливъ, очень счастливъ съ тобою.....» Я хотѣлъ еще возблагодарить сестеръ за ихъ нѣжную привязанность, но мои уста внезапно сомкнулись, и я никакъ не могъ раздвинуть челюстей. Сердце опять остановилось. Одно только чувство, или что-то похожее на чувство, пробудилось во мнѣ при этомъ потрясеніи: то было сожалѣніе. Видя эту прелестную женщину, съ которою я надѣялся дожить на землѣ до старости, — вы сами знаете, какъ хороша моя Лиза! — этихъ милыхъ дѣвицъ, которыя выросли и разцвѣли на моихъ рукахъ; этотъ солнечный свѣтъ, который лился изъ окна на стѣну розовыми и золотыми струями, мнѣ стало жаль красоты и солнечнаго свѣта. Разстаться съ ними навсегда, никогда уже ихъ не видѣть, перейти въ неизвѣстный міръ; гдѣ они не нужны или, можетъ-статься, не существуютъ, — о, эта мысль способна отравить горечью всю сладость смертельнаго безстрастія! Все остальное въ мірѣ, право, не стоитъ ни какого сожалѣнія, и не возбуждаетъ его въ умирающемъ. Но этотъ чудесный солнечный свѣтъ!..... Но эта красота, чудеснѣе самаго солнца и свѣта!... Ихъ однихъ хотѣлъ бы я унести съ собою въ могилу. Я увѣренъ, что солнечное сіяніе создано только для того, чтобы можно было ви-

дѣть красоту..... Однако жъ, это чувство, уже послѣднее, было непродолжительно : жизнь, качающимися кругами, которые постепенно уменьшались, переносилась въ голову; я начиналъ уже ощущать усыпленіе, которое исподоволь охватывало всегомена. Охлаждаемая части тѣла казались уже спящими; тѣ, которыя были еще теплы, повергались въ сильную дремоту. Свѣтъ померкалъ въ моихъ глазахъ : пѣнистое лице жены сперва окружилось въ нихъ вънцомъ призматическихъ цвѣтовъ, потомъ стало рѣдѣть, разсѣваться, исчезало, и наконецъ исчезло въ темноту, прорѣзываемой волшебными огнями. Свѣтчатая ткань глаза вдругъ окаменѣла, въ ушахъ зазвенѣло, слухъ пресѣкъся тоже. Я почувствовалъ родъ весьма пріятнаго опьяненія, и невыразимая сладость забвенія скоро поглотила все мое существо. Запертая обмершими чувствами мысль стала выражать послѣднія свои движенія ясными сповидѣніями, которыя были чрезвычайно разнообразны и игривы, какъ въ началѣ обыкновеннаго сна. Остатокъ воли боролся еще въ некоторое время съ этимъ непреодолимымъ позывомъ на сонъ, и, въ промежутки пробужденія, я чувствовалъ, что круги сосредоточивающейся жизни, о которыхъ говорилъ вамъ, избравъ своимъ центромъ голову и суживаясь постепенно, сбѣгаютъ въ мозгъ, качаются уже около одной свѣтлой точки, наконецъ вошли все въ эту точку; въ ней заключилось и все мое самоощущеніе, которое поминутно утопало въ преобладающей дремотѣ. Мнѣ снилось, будто моя жена,—оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было,—бросилась на меня съ рыданіемъ и начала цѣловать мои ноги и колѣна. Мнѣ хотѣлось крикнуть ей: «Не тамъ, другъ мой!..... Тамъ уже я не существую!..... Сюда! сюда! разбей мою голову, и вдохни въ себя эту послѣднюю искру жизни, которая еще сверкаетъ въ мозгъ и скоро погаснетъ.....»; но слова, произносимыя въ мысли,

не находили для себя звуковъ, что нерѣдко испытывается и во снахъ; все тѣло уже спало, то есть, было мертво, и жила только одна голова, но и та жила полужизнію,—дремотою. Сновидѣнія, чрезвычайно страшныя и всё болѣе несвязныя, текли съ необыкновенною скоростью, и такъ какъ каждое изъ нихъ, продолжаясь не болѣе одного мгновенія, кажется засыпающему дѣйствіемъ, растаянутымъ на большой промежутокъ времени, то я въ эти пять минутъ, пока не уснулъ, прожилъ по крайней мѣрѣ два или три мѣсяца. Страшный обманъ тѣла! Можно было бы написать цѣлый томъ исторій, собравъ всѣ чудныя фантазіи, которыя наводились въ моей головѣ въ короткое время этого засыпанія. Наконецъ сонъ преодолѣлъ меня,—меня, то есть, мой мозгъ, все, что еще отъ меня оставалось въ живыхъ,—и я уснулъ самымъ крѣпкимъ и роскошнымъ сномъ, какого никогда еще не испытывалъ въ жизни. Это была смерть. Вотъ и вся исторія. Я умеръ и меня похоронили; но долженъ признаться, что былъ набитый дуракъ при жизни, когда боялся того, что ни-чуть не страшнѣе обыкновеннаго сна и можетъ еще слаще его: сонъ вечерній пріятенъ только тѣмъ, что это отдыхъ послѣ трудовъ одного дня, а умирая вы засыпаете отъ изнеможенія тѣла въ цѣлый объемъ вашего земнаго существованія со всеми его изнурительными удовольствіями, страданіями и работами, и поэтому засыпаете еще лучше. Последнія минуты этого оцѣпенѣнія очень похожи на то, что ощущаютъ Турки, принявъ гравъ опиума.....Вы вздыхаете?

— Да! сказалъ я моему гостю, мертвецу: мы, домовые, и вообще всѣ духи, по-несчастію безсмертны, и никакъ не можемъ умереть.

— А вы бы хотѣли тоже быть подверженнымъ смерти!

— Почему жъ не хотѣть? Однимъ лишнимъ наслажденіемъ въ жизни болѣе!

— Конечно, сказалъ мертвецъ: люди въ этомъ отноше-
ніи счастливые духовъ. Но вы, господа домовые, поль-
зуетесь тоже однимъ безцѣннымъ преимуществомъ:
вы можете пролѣзть во всякую замочную скважину
и вытащить въ нее все, что хотите, все, что вамъ нуж-
но; вы пользуетесь безъ труда чужимъ добромъ, не
ломавъ дверей и не портя замковъ, за что у людей
строжайше наказывается. Что ни говорите, а это боль-
шое счастье! Нынче много говорятъ и пишутъ на землѣ о
безконечномъ совершенствованіи челоувѣчества, и
предлагаютъ различные способы кореннаго преобра-
зованія обществъ, чтобъ достигнуть этой высокой
цѣли; но я думаю, что челоувѣкъ тогда только былъ
бы существомъ истинно совершеннымъ, если бъ сое-
динить въ немъ удовольствіе умереть со способностью
вытаскивать незамѣтно въ замочныя скважины все,
что ему понравится,—дюжину бутылокъ силери,—хо-
рошенькую чужую жену,—Англійскую лошадь.....

Въ это мгновение послышался страшный шумъ на
крышѣ. Я пріостановилъ моего собесѣдника; но шумъ
утихъ, и мы опять принялись за нашъ интересный
разговоръ.

— Ваши взгляды на усовершенствованіе челоувѣче-
ства, сказалъ я, очень свѣтлы и основательны: способ-
ность эта была бы тѣмъ полезнѣе для челоувѣчества, что
она не влечетъ за собою ни какихъ общественныхъ
распръ, соблазновъ, неудобствъ: за пропажу, когда
двери и замки цѣлы, поколотятъ только лакеевъ или
дворецкихъ, и все кончено, — челоувѣчество цѣло и
спокойно.

— Жаль только, что нельзя умереть дважды, при-
совокупилъ онъ. Это было бы еще совершеннѣе и прі-
ятнѣе.....

Шумъ на крышкѣ, который недавно встревожилъ
меня, имѣлъ основаніе. Когда мой гость произносилъ
эти слова, огромная черная головешка, упавшая,

какъ потомъ оказалось, сквозь дымовую трубу, со стукомъ шлепнулась оземь между каминою и его рѣшеткою. Мы оба вскочили съ дивана. Я подошелъ къ камину, взялъ ее въ руки и хотѣлъ положить въ жаровникъ, потому что не люблю безпорядка и вообще не одобряю тѣхъ домовыхъ, которые ночью переставляютъ стулья и вытаскиваютъ подушки изъ-подъ головъ, какъ кто-то вдругъ схватилъ меня за шею, и сталъ душить, цѣлуя изо-всей силы. Я оборонялся отъ этой нечаянной нѣжности, не зналъ, кому за нее быть благодарнымъ; отворачивалъ голову отъ непрощенныхъ поцѣлуевъ, и тутъ только увидѣлъ, что вмѣсто головешки, держу въ рукѣ двѣ козлиныя ноги, на которыхъ опирается чье-то туловище, такъ неожиданно взвалившееся мнѣ на шею со всею тяжестью своей сердечной дружбы. Я пустилъ эти двѣ ноги. Передо мной явился, — кто бы вы думали? — старинный другъ мой, чортъ Бубантесъ! Онъ хохоталъ какъ сумасшедшій, и, забавляясь моимъ изумленіемъ, бросился еще разъ цѣловать меня. Мы нѣжно обняли другъ друга и сжали.

— Другъ мой, Чурка! кричалъ Бубантесъ, видя себя отъ радости: здоровъ ли, веселъ ли ты? Давно мы съ тобой не видались!

— Давненько! сказалъ я. Чай, будетъ слишкомъ двѣсти лѣтъ.

— Около того..... Я совсѣмъ потерялъ тебя изъ виду, сказалъ Бубантесъ, и не зналъ даже, гдѣ ты обрѣтаешься. Я думалъ, что ты всё еще въ Стокгольмѣ.....

— Нѣтъ другъ мой, я здѣсь, сказалъ я. Съ постройкою этого дома, я поселился въ немъ, вотъ именно здѣсь, на печи..... Да какими судьбами попалъ ты сюда?

— Это длинная исторія, отвѣчалъ онъ. Я расскажу ее потомъ..... Я спасался изъ одного мѣста, и не

зналъ, куда укрыться..... Смотрю, труба; я въ нее, и вотъ въ твоихъ объятяхъ.

— Зачѣмъ же ты прикинулся головешкой..... Фуй, какъ ты меня напугалъ!

— Зачѣмъ головешкой? Да такъ! Я, вишь, хотѣлъ упасть сюда инкогнито..... Домъ мнѣ незнакомый; я боялся найти здѣсь ханжей, отъ которыхъ теперь очень опасно нашему брату, чорту: грѣшать вмѣстѣ съ вами, а при первомъ удобномъ случаѣ сами же на васъ доносятъ..... Знаешь ли, что ихъ опять развелось много? Я не люблю ханжей: это грѣшники, которые хотятъ надуть чорта. Гораздо лучше имѣть дѣло съ честными грѣшниками. Подумай, что они стали тискать на меня статьи въ моихъ журналахъ!

— А ты все еще возишься съ журналами? спросилъ я.

— Да, дружище! сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Дѣлать нечего. Сатана приказалъ!..... Вотъ уже четвертое столѣтіе, какъ я правлю должность главнаго чорта журналистики, и довѣлъ этотъ грѣхъ до совершенства, а отъ Его Мрачности не получилъ ничего, кромѣ щелчковъ въ носъ, въ награду. Ахъ, еслибъ ты зналъ, что это за поганое ремесло! съ какими людьми приходится имѣть дѣло! Вотъ и нынче, провелъ весь вечеръ въ одномъ газетномъ вертепѣ, гдѣ курили и клеветали хуже чѣмъ въ аду. Я завернулъ туда, чтобъ помочь состряпать маленькій журнальный грѣшокъ: въ нашемъ городѣ есть одна упавшая репутація, которая издаетъ новую книгу; рѣшено было поднять ее и поставить на ноги. Собралось чловѣкъ тридцать ея пріятелей, все изъ литераторовъ. Когда я пришелъ туда, они міромъ подымали ее съ земли, за уши, за руки и за ноги. Я присоединился къ нимъ и взялъ ее за носъ. Мы дружно напрягли всѣ силы; пыхнули, охали, мучились, и ничего не сдѣлали. Мы подложили колья, и колыями хотѣли поднять ее. Ни съ мѣста! Ну, любезнѣйшій! ты не

можешь себя представить, что значитъ уважѣнная литературная репутація. Въ цѣлой вселенной нѣтъ ничего тяжелѣе. Мы ее бросили. Тогда я, для опыта, немножко пошевелилъ хвостомъ ихъ злобу: тутъ какъ стали они царапать и рвать всѣ репутаціи, стоячія и лежачія; какъ понесли свой грязный вздоръ, въ которомъ, кромѣ желчи и невѣжества, не было ничего годнаго даже для ада, — да такой вздоръ, что ужъ мнѣ, природному чорту, стало страшно и мерзко слушать, — такъ я не зналъ куда дѣваться! Я побѣжалъ стрѣлками, поджавши хвостъ, заткнувъ уши, зажмуривъ глаза; летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ, ... и еслибъ не эта труба..... Я немножко ушибъ себя бокомъ..... Да не въ томъ дѣло: здоровъ ли ты, мой старый другъ, Чурочка? Какъ поживаешь..... — Кто этотъ длинный скелетъ? спросилъ онъ, нагнувшись къ моему уху.

— Это..... покойный хозяинъ здѣшняго дома, сказалъ я шепотомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ въ гости съ кладбища.

— Какихъ онъ правилъ?

— Очень почтенный, честный грѣшникъ.

— Познакомь же меня съ своимъ хозяиномъ, мой Чурочка. Ты всегда отличался знаніемъ свѣтскихъ приличій въ твоемъ запечкѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ я, и представилъ ихъ другъ другу. Мой пріятель Бубантесъ; главный чортъ журналистики! — Иванъ Ивановичъ, бывший читатель! — Попрошу быть знакомыми; полюбить другъ друга и взаимно садиться.

Они поклонились и пожали себя за руку.

— Вы давно позволили скончаться? въжливо спросилъ Бубантесъ новаго своего знакомаго.

— Годъ и двѣ недѣли, сказалъ онъ.

— Какъ вы находите этотъ свѣтъ? продолжалъ любезный чортъ.

Мертвецъ погрузился въ красныя вольтеровскія кресла, который я ему придвинулъ; я взялъ стулъ, и мы составили тѣсный дружескій кругъ около камина, котораго вліяніе на чистосердечіе бесѣды и домашнее счастье извѣстно отчасти и людямъ. Бубантесъ увѣрялъ меня однажды, что объ этомъ измарапо у нихъ столько бумаги, что онъ беретъ топить ея въ теченіе цѣлаго мѣсяца тридцать тысячъ бань. Я люблю этого милаго и умнаго чорта, но повременамъ онъ лжетъ какъ Александрійскій Грекъ!

— Объ чемъ вы изволили разсуждать между собою до моего прихода? сказалъ онъ, взявъ изъ банки ложечку горчицы. Сдѣлайте одолженіе, нецеремоньтесь со мной..... Продолжайте вашъ разговоръ.....

— Мы говорили о людяхъ, сказалъ я. Объ чемъ же говорить болѣе? Иванъ Ивановичъ описывалъ мнѣ тѣ пріятныя ощущенія, которыя человекъ испытываетъ въ минуту смерти.....

— Твоя горчица чудо! прервалъ меня Бубантесъ. Я не имѣлъ чести быть на званомъ обѣдѣ, который Яковъ II, король Англійскій, стряпалъ для чорта, и для котораго онъ набралъ три самыя тонкія адскія блюда, — Лимбургскій сыръ, жевательный табакъ и горчицу; но и у него не было ничего подобнаго. Вы говорили о смерти?

— Ты очень любезенъ, сказалъ я: горчица самая обыкновенная. Да; объ удовольствіяхъ смерти. И въ то самое время, когда ты къ намъ провалился, Иванъ Ивановичъ дѣлалъ весьма основательное замѣчаніе, что жизнь человека была бы вдвое пріятнѣе, если бы онъ могъ умирать дважды.

— Умирать дважды? сказалъ чортъ, набивая себѣ ротъ горчицею. Если человекъ желаетъ умереть дважды, пусть передъ смертію онъ ляжетъ спать и умереть уже проснувшись. Уснуть или умереть, это все

равно. Шекспирово *perchance* тутъ ничего не поможетъ. Между смертію и сномъ нѣтъ ни какой разницы; развѣ та, что отъ смерти нельзя очнуться.

— Однако жъ я читалъ на томъ свѣтѣ, что когда тѣло погружается въ сонъ и бездѣйствіе, тогда духъ, свободный отъ его бремени, дѣйствуетъ съ особенною силою и свѣтлостью.....

Чортъ захохоталъ такъ крѣпко, что чуть не уронилъ банки и не разметалъ жару по всей залѣ.

— Ха, ха, ха! тѣло въ бездѣйствіи, а духъ въ дѣйствіи! Ха, ха, ха! Знаете ли, что такое вы читали? Извините, что я смѣюсь! Ха, ха, ха, ха, ха! Мнѣ нельзя не смѣяться, потому что я знаю, откуда это вышло. Мой пріятель, чортъ Кода-нера, большой шарлатанъ, выдумалъ эту исторію для магнитистовъ, и они вмѣстѣ надули многихъ. Шутка была удачная, ноудить ею можно только живыя головы, а не мертвецовъ. Съ такой головой какъ ваша, совершенно пустой, чистой, безъ этого мягкаго, дряннаго мозга, которыми завалены черепы на томъ свѣтѣ, невозможно повѣрить такой безсмыслицѣ. Какъ вы хотите, чтобы въ непогребенномъ человѣкѣ духъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ тѣла или тѣло отдѣльно отъ духа, когда тѣло органическое есть сліяніе, въ данную форму, вещества съ невеществомъ, матеріи съ духомъ, и когда расторженіе ихъ самотѣснѣйшей связи тотчасъ уничтожаетъ тѣло? Вы намекаете на сны? Вы, можете-статься, хотите представить сновидѣнія въ доказательство отдѣльнаго дѣйствованія духа въ тѣлѣ, оцепенѣвшемъ и неподвижномъ? Но сновидѣнія, сударь мой, происходятъ только въ полу-бдѣніи, во время дремоты, а не совершеннаго сна, въ минуты засыпанія и пробужденія. Оттого, вы ихъ и помните! Но какъ скоро человѣкъ погружается въ сонъ полный и ровный, всѣ умственные отправленія прекращаются совершенно; духъ его находится въ настоящемъ о-

цѣпенѣніи; онъ ничего не чувствуетъ, не мыслить и не помнить; онъ мертвъ кругомъ, умеръ, и живетъ только относительно къ утраченной еще возможности прійти опять въ полную духовно-вещественную жизнь. Сладость, которую вы чувствуете засыпая, есть именно слѣдствіе этого погруженія духа въ совершенное бездѣйствіе, въ смерть. Мы, черти, знаемъ это лучше васъ. Сколько разъ человекъ засыпаетъ, столько разъ онъ дѣйствительно умираетъ на известное время. Вы можете мнѣ повѣрить. Такимъ образомъ, земное его существованіе составлено, какъ вы изволите видѣть, просто изъ безпрестанной перемежки періодической жизни и смерти. Иначе вы не объясните сна. И замѣтите, милостивые государи, что этотъ періодической возвратъ жизни и смерти соотвѣтствуетъ періодическому появленію и исчезанію солнца на горизонтъ и что мысль, разумъ, когда нѣтъ насилія природы, прекращается какъ скоро оно заходитъ. Изъ этого вы можете выводить заключенія, какія вамъ угодно, а я между-тѣмъ буду ѣсть горчицу.

— Самое простое, заключеніе, сказалъ мой мертвецъ улыбаясь*, есть то, что я, который въ теченіе тридцати двухъ лѣтъ имѣлъ каждый день удовольствіе умирать и оживать, самъ этого не примѣчая, былъ такой же дуракъ, какъ Моіеровъ дворянинъ изъ мѣщанъ, который не зналъ, что онъ весь вѣкъ говорилъ прозою.

— Вы умный мертвецъ, и дѣлаете сравненія чрезвычайно удачныя, сказалъ коварно Бубантесъ: но вы можете присовокупить, что когда, такимъ образомъ засыпая и просыпаясь, умирая и воскресая попеременно, вы наконецъ доспали до такого сна, во время котораго потеряли всю теплоту и отъ котораго не могли уже проснуться, тогда вы умерли окончательно.

* Это должна быть метафора. У мертвеца, кажется, не было усть.

но, навсегда; — обстоятельство, которому я обязанъ вашимъ пріятнымъ знакомствомъ и честью бесѣдовать съ вами въ этомъ мѣствѣ у общаго нашего пріятеля, домоваго Чурки. Сонъ, сударь мой, есть смерть теплая, а смерть сонъ холодный. Все дѣло состоитъ въ температурѣ. Замерзаніе здороваго чловѣка начинается сномъ. Это знаютъ и черти и люди. Но полно объ этомъ. Часто ли вы бываете у нашего почтеннаго Чурки?

— О, нельзя сказать того, чтобы часто! воскликнулъ я.

— Сегодня въ первый разъ я рѣшился оставить кладбище, отвѣчалъ мертвецъ: по одному неприятному случаю.....

— По какому?

— У насъ, изволите видѣть, вышла ссора съ сосѣдкой. Меня похоронили подлѣ какой-то сварливой бабы, старой и гадкой грѣшницы, скелета криваго, беззубаго и самаго безобразнаго, какой только вы можете себя представить. Пока мой гробъ былъ цѣлъ, я не обращалъ на нее большаго вниманія, но на прошедшей недѣлѣ онъ развалился, и съ тѣхъ поръ житья мнѣ отъ нея нѣтъ въ землѣ. Эта проклятая баба, — ее зовутъ Акулиной Викентьевной, — толкаетъ меня, бранитъ, щиплетъ, кусаетъ, и говоритъ, что я мѣшаю ей лежать покойно, что я стѣснилъ собою ея обиталище.....

— Ну-съ?

— Ну, словомъ, мочи нѣтъ съ нею! Мы подрались. Я, кажется, вышибъ ей два послѣдніе зуба, которые еще оставались въ верхней челюсти.

— Ну, ну!

— Да, правда, вырвалъ еще нижнюю челюсть и кость правой ноги, и бросилъ ихъ куда-то далеко въ ровъ.

— Что жъ она на это?

— Ничего. Она пошла по всемъ гробамъ отыскивать челюсть и ногу, всполюшила всехъ покойниковъ, перебралась со всеми остовами, которые впрочемъ давно терпѣть ея не могутъ. Она никому не даетъ покоя, сажень на сто вокругъ.

— А вы что на это?

— А я между-тѣмъ ушелъ, и, гуляя, завернулъ сюда, посмотреть, что дѣлается въ этомъ домѣ по моей смерти.

— Вы же говорили, что вамъ такъ нравится удивительное спокойствіе нашего свѣта? сказалъ насмѣшливый чортъ.

— Конечно, говорилъ, отвѣчалъ мертвецъ: на какомъ же свѣтѣнѣтъ маленькихъ непріятностей? Впрочемъ, всѣподобныя суматохи происходятъ здѣсь такъ тихо, такъ хладнокровно, что ихъ нельзя и называть суматохами. То ли дѣло на томъ свѣтѣ! Тамъ кровь пережгла бѣ вамъ всѣ жилы; тамъ страсти задушили бѣ васъ намѣстѣ; тамъ уже случился бѣ съ вами ударъ.... Я рѣшительно предпочитаю нашъ мертвый міръ тому, и могу сказать, что если бѣ не случайное неудобство быть иногда положеннымъ въ землѣ подлѣ старой бабы, сверхъестественный свѣтъ былъ бы совершенство.

— Такъ вотъ какая исторія! воскликнулъ чортъ. А я, признаюсь откровенно, не имѣя чести васъ знать, думалъ все это время, что вы приволакиваетесь въ здѣшнихъ странахъ за какой-нибудь красоткой того свѣта. Вы меня извините, но это часто случается съ вашей братьею. Я знавалъ многихъ мертвцовъ, которые просиживали по цѣлымъ ночамъ въ спальняхъ, подлѣ прежнихъ своихъ возлюбленныхъ и потихоньку прикладывали свои холодные поцѣлуи къ ихъ горячимъ спящимъ устамъ. О, между вами, господа скелеты, есть ужасные обольстители прекраснаго пола!..... И тутъ

нѣтъ ничего удивительнаго. Привычка большое дѣло! Это остается въ костяхъ.

Мертвецъ смутился. Онъ не зналъ, что отвѣчать чорту, боясь по-видимому, чтобы, Бубантесъ не донесъ на него въ адъ. Я рѣшился вывести его изъ затрудненія.

— Что грѣха таить, Иванъ Ивановичъ! сказалъ я. Мы можемъ говорить здѣсь откровенно. Мой старый другъ, Бубантесъ, не такой чортъ, какъ вы думаете. Онъ не въ состояннн сдѣлать подлости.....

Мертвецъ ободрился.

— Признаться, сказать, продолжалъ я: покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ собственно посмотреть на свою красивую супругу, которая спитъ, вотъ, черезъ три комнаты отсюда. При жизни они обожали другъ друга до безпамятства. Ему теперь не кстати быть влюбленнымъ, будучи безъ крови и тѣла, но его бѣдная жена по-сю-пору души въ немъ не чаеъ. Какъ она плакала объ немъ! какъ рыдала! какъ нѣжно призывала его по имени, засыпая прошедшій вечеръ! Я одинъ тому свидѣтель!..... Больно смотрѣть на ея мученія, на ея отчаяннѣ, на ея безнадежную любовь.

Мертвецъ былъ растроганъ до глубины костей. Онъ сидѣлъ неподвижно, съ поникнутой головой, сложивъ руки на груди.

— Когда покойный Иванъ Ивановичъ пришелъ сюда, какъ-бы исторгнутый изъ земли ея любящимъ, магнитнымъ сердцемъ, какъ-бы невольнo привлеченный имъ сюда, мы пошли къ ней въ спальню и нашли ее въ самомъ умильномъ положеннн. Она спала, обнявъ бѣлыми и полными руками подушку, смоченную потокомъ слезъ, на которой покоилась ея прелестная головка; обнаженные плечи и часть груди имѣли гладкость, блескъ и молочную прозрачность алебаstra; пурпуровыя губки были полураскрыты и обнаруживали два ряда прекрасныхъ, перловыхъ зубовъ; въ лиліяхъ ли-

да игралъ огонь розоваго цвѣта удивительной чистоты и нѣжности; она была очаровательна какъ духъ высокихъ сферъ, и, казалось, пламенно жала эту подушку къ своей груди.....

— Вдовьи нравы! сказалъ злой Бубантесъ вполголоса съ хитрою усмѣшкой.

— Она, средь своей, какъ ты говоришь, теплой смерти, такъ страстно и такъ чисто любила мужа, похищеннаго у ней смертью холодной, что мнѣ стало досадно быть только духомъ подлѣ такого плѣнительнаго тѣла, а покойный Иванъ Ивановичъ не выдержалъ и поцѣловалъ ее въ самый ротикъ, — да такъ, что его мертвые зубы стукнули въ ея зубки!.....

Бубантесъ коварно мигнулъ покойнику.

— Э!..... каковы наши мертвецы! Что, если бъ хорошенькія женщины знали, какъ вы, господа, лобызаете ихъ по ночамъ?..... Вѣдь это ужасъ!

— Ахъ, почтеннѣйшій, воскликнулъ мертвецъ, она такая добрая! такая прекрасная! Это самая удивительная женщина, какая только существуетъ подъ солнцемъ! За одинъ ея поцѣлуй можно отдать цѣлое кладбище, а для того чтобы поцѣловать ее, стоитъ, даю вамъ слово, сдѣлать путешествіе въ міръ вещественный.

— И притомъ какая добродѣтельная! примолвилъ я. Вотъ ужъ, любезный Бубантесъ, посмотрѣли бъ мы, какъ бы ее - то ввелъ ты во искушеніе!

— За себя я не отвѣчаю, скромно сказалъ онъ: я не ловокъ на эти дѣла, и притомъ никогда не занимался женскою частью; но, увѣряю тебя, у насъ есть черти, которые соблазнятъ всякую женщину, хоть бы она вылита была вся изъ добродѣтели. Я видалъ удивительные примѣры.

— Изъ добродѣтели, такъ! возразилъ покойный мужъ: но не изъ любви. Когда женщина вылита вся изъ чистой любви къ одному мужчине, когда эта лю-

бовь едѣлалась ея жизнью, стихіей, которою она дышитъ, второю душой ея, тутъ ужъ чертямъ нѣтъ поживы.....

— Продолжайте, сказалъ равнодушно Бубантесъ, становя банку съ горчицей наземь.

Онъ снялъ съ головы свой высокій остроконечный колпакъ, и началъ готовить изъ него родъ мѣшка.

— Любовь въ женщинѣ дѣлаетъ чудеса, продолжалъ мертвецъ. Эта непонятная сила превращаетъ существо слабое въ самое сильное волею, въ самое торжественное благородствомъ чувствованій. Тогда предметъ ея любви теряетъ для ней свои земныя формы, становится идеаломъ, господствуетъ надъ нею вблизи и издали; пространства для ней исчезаютъ; самое время безсильно, и она живетъ въ своемъ возлюбленномъ, раздѣленъ ли онъ съ нею разстояніемъ, живъ ли или зарытъ въ могилѣ.....

— Ну, сказалъ чортъ, занятый весь своимъ мѣшкомъ, который онъ комкалъ на колѣняхъ, не глядя на насъ.

— Я увѣренъ, сказалъ мертвецъ, что эта таинственная сила, которая такъ же крѣпко связываетъ два существа между собою, какъ духъ связываетъ частицы матеріи въ живомъ тѣлѣ и образуетъ изъ нихъ одно правильное цѣлое, не уничтожается смертью одного изъ двухъ существъ; что она продолжаетъ соединять тѣло одного съ прахомъ другаго даже сквозь пластъ земли, который ихъ раздѣляетъ; что она разрушается только при окончательномъ разрушеніи обомъ тѣлъ, и тутъ еще она должна жить въ душахъ ихъ: улѣтѣвъ въ дальнія пространства, ихъ души безъ-сомнѣнія отыскиваютъ другъ друга и сливаются тамъ въ одну душу той же любовью.

— Ахъ, какой же вы читатель! закричалъ чортъ по-койнику, смѣясь отъ чистаго сердца. Вы настоя-

щій читатель! Подите-ка сюда! Чурка, поди и ты сюда! Смотрите мнѣ въ горсть, когда ее раскрою.

Мы подошли къ нему. Онъ погрузилъ руку въ мѣшокъ, сдѣланный изъ колпака, собралъ что-то внутри, вынулъ кулакъ, и, раскрывая его, сказалъ:

— Смотрите!..... Вотъ любовь.

На черной его ладони взвилось пламя чрезвычайно тонкое, прозрачное, летучее, удивительной красоты: въ одно мгновеніе ока оно перемѣняло всѣ цвѣта, не останавливаясь ни на одномъ, что придавало ему самый блистательный и нежный отливъ, котораго ни съ чѣмъ сравнить невозможно.

— Какъ! это любовь? вскричалъ изумленный мертвецъ, хватая своей костяной лапою это чудесное пламя, которое въ тотъ же мигъ исчезло.

— Самая чистая любовь, сказалъ чортъ, улыбаясь и поглядывая ему въ глаза впадены съ любопытствомъ. Что, хороша штука?..... Мой колпакъ, сударь, лучшая химическая реторта въ мірѣ. Вы можете быть увѣрены, что это любовь: я выжалъ ее изъ воздуха и очистилъ отъ всѣхъ постороннихъ газовъ. Любовь, милостивые государи, разлита въ воздухъ.

Бубантесъ надѣлъ колпакъ на голову и всталъ съ жаровника. Мы начали ходить по залѣ и разсуждать объ этомъ пламени. Мертвецу никакъ не вѣрилось, чтобы это была настоящая любовь, но чортъ говорилъ такъ убѣдительно, столько клялся своимъ хвостомъ, что наконецъ тотъ согласился съ нимъ въ возможности отдѣлать это роскошное чувство отъ воздуха и продавать его въ бутылкахъ. Они рассчитали всѣ прибыли отъ подобной фабрикаціи, — покойный Иванъ Ивановичъ былъ при жизни большой спекулянтъ, — и находили одно только неудобство въ этой новой отрасли народной промышленности: что многіе стануть поддѣлывать издѣліе и продавать ложную любовь въ такихъ же бутылкахъ, тѣмъ болѣе

что и теперь, безъ перегонки воздуха, поддѣльная любовь составляетъ весьма важную статью внутренней торговли, хотя и не показывается въ статистическихъ таблицахъ.

Бубантесъ былъ восхитителенъ во время этого разсужденія: онъ сыпалъ остротами, шутилъ и говорилъ такъ добродушно, что тотъ, кто бы его не зналъ, никогда бѣ не предполагалъ въ немъ чорта. Впрочемъ, надобно отдать справедливость чертямъ, что между ними есть очень любезные малыя. Иванъ Ивановичъ весьма съ нимъ подружился. Онъ сталъ спрашивать его, какимъ образомъ дѣйствуетъ это миленькое летучее пламя на людей, такъ, что эти плуты обожаютъ другъ друга.

— Вы знаете, что такое «поляризація»? сказалъ чортъ.

— Поляризація-съ! воскликнулъ покойникъ. Да, знаю, поляризація. Я читалъ объ ней. Но вы можете говорить такъ точно, какъ-будто бѣ я ничего не зналъ.

— Здѣшніе мертвецы набитые невѣжды, сказалъ мнѣ на ухо Бубантесъ. — Вы знаете, продолжалъ онъ громко, что въ природѣ есть теплота, магнитность, свѣтъ, электричество, то есть, вы знаете, что ничего этого нѣтъ въ природѣ, а есть одно вещество, чрезвычайно тонкое, чрезвычайно летучее, которое разлито вездѣ и проникаетъ всю тѣлу, даже самыя плотныя; для котораго алмазъ и золото то же что губка для воды и воздуха, и котораго самъ чортъ не разгадаетъ, а домовой, мертвецъ и человекъ и подавно. Оно, то производитъ ощущеніе тепла, и тогда человекъ называетъ его теплотою; то вылетаетъ изъ облака въ видѣ громовой молніи или изъ натираемаго стекла въ видѣ сѣрной искры, и тогда получаетъ у людей имя электричества; то направляетъ одинъ конецъ желѣзной иглы къ сѣверу, а другой къ югу, и тогда величаютъ его магнитностью; то наконецъ поражаетъ глазъ своимъ блескомъ и называется свѣтомъ. Оно темно и свѣтисто,

паляще и морозно, животворно и убійственно. Незримое, одаренное столь различными свойствами, это хамелеоническое вещество обнаруживается каждый разъ въ другомъ образѣ, и поражаетъ бѣднаго чловѣка столькими противоположными явленіями, что онъ, будучи не въ силахъ связать ихъ своей дрянной логикою, принужденъ былъ раздѣлить его на четыре разныхъ вещества, которымъ присвоилъ четыре ряда прямъченныхъ имъ феноменовъ, болве или менѣе сходныхъ между собою, и придумать для каждаго ряда особую теорію. Мой пріятель, чортъ Кода-пера, уже три столѣтія морочить ученыхъ этимъ веществомъ, диктуя имъ самыя странныя теоріи, для того чтобы ихъ мучить, бѣсить, ссорить между собою и доводить до того, чтобы они другъ друга называли ослами. Это единственный доходъ Сатаны отъ ученыхъ. Съ нихъ нечего взять болве. Я завелъ для нихъ кой-какіе журналы. Теперь онъ сыгралъ съ ними новую штуку: когда они нагородили системъ обо всемъ этомъ, написали тму книгъ о магнитности и увѣрились, что она вещество совершенно особое и самостоятельное, онъ вдругъ выкинулъ имъ магнитную искру, которая точь-въ-точь искра электрическая. Они перессорились въ моихъ журналахъ, но этотъ плутъ убѣдилъ ихъ заключить перемиріе на томъ условіи, чтобы оба вещества, впредь до распоряженія, соединились въ одно подъ сложнымъ именемъ электро-магнитности. Со-временемъ онъ намѣренъ подсунуть имъ другое, еще страннѣйшее названіе, — свѣто-тепло-электро-магнитности, и все-таки они не будутъ знать, что это за вещество и не поймаютъ его руками; а я вамъ, друзья мои, показалъ его вотъ на этой ладони. Согласитесь, что оно прелестно, и поздравьте себя съ тѣмъ, что вы не люди: по-крайней-мѣрѣ вы могли его видѣть. Такъ какъ для него нѣтъ имени, то назовите его, какъ угодно, хоть электро-магнитностью. Для меня все рав-

но. Но вотъ въ чемъ еще дѣло: не подлежитъ сомнѣнію, что у каждой палки есть два конца, и что одинъ изъ нихъ противоположенъ другому; что одинъ не то, что другой, хотя палка все одна и та же. Все, что ни существуетъ въ мірѣ, составлено изъ такихъ же двухъ противоположностей: дню противоположна ночь, свѣту темнота, теплу холодъ, движенію бездѣйствіе, бдѣнію сонъ, жизни смерть, да — нѣтъ: я могъ бы насчитать вамъ три тысячи триста девяносто девять такихъ противоположностей, и довести васъ наконецъ до послѣдней противоположности, выше которой уже ничего нѣтъ, — матеріи и духа. Какъ скоро есть матерія, есть и духъ: я думаю, что это ясно. То самое противопоставленіе постояннаго да и нѣтъ обнаруживается и въ умственномъ мірѣ: вы имѣете тамъ надежду и отчаяніе, жестокость и кротость, страданіе и презрѣніе, смиреніе и гордость, вражду и дружбу, любовь и ненависть, и прочая, и прочая. Вы согласитесь, что хотя любовь и ненависть суть одно и то же чувство, хотя любовь составляетъ одинъ конецъ страсти, а ненависть другой, дѣйствія и свойства ихъ такъ противны, что ихъ принимаютъ обыкновенно за двѣ различныя вещи. Вещество о которомъ я вамъ докладывалъ, это прекрасное, летучее и незримое пламя, эта электро-магнитность, имѣетъ тоже свои два конца, свои двѣ противоположности, свое да и свое нѣтъ. Когда вы взволнуете его въ стеклянномъ прутѣ посредствомъ тренія, оно тотчасъ раздѣляется на два противныя свойства, и въ одномъ концѣ прута притягиваетъ къ нему разныя легкія тѣла, въ другомъ ихъ отталкиваетъ. — Первое свойство, — извини, любезный Чурка, шепнулъ мнѣ Бубантесъ, что я толкую вещи давно тебѣ извѣстныя: этотъ мертвецъ ничего не понимаетъ! — первое свойство чортъ Кода - нера присовѣтовалъ ученымъ называть электричествомъ положительнымъ,

а второе электричествомъ отрицательнымъ, и запуталъ ихъ словами до того, что они върять въ два электричества; но вы, какъ умный мертвецъ, вы видите, что это та же исторія тепла и холода, любви и ненависти. Такому раздѣленію свойствъ дали имя поляризаціи электричества. Эти два противныя свойства одного и того же вещества часто избирають своимъ обиталищемъ даже два отдѣльныя тѣла: одно облако, напримѣръ, электризируется положительно, а другое отрицательно. Когда вы, опять, взволнуете это вещество въ полоскѣ желѣза, натирая ее ключемъ отъ середины сперва къ одному концу, а потомъ отъ середины же къ другому, оно устремляетъ одинъ конецъ полоски къ сѣверу, а другой къ югу. Это магнитная стрѣлка. Сѣверный конецъ ея зовутъ положительнымъ, южный отрицательнымъ, а самое явленіе поляризаціей. Возьмите жъ теперь двѣ такія стрѣлки и сблизьте ихъ между собою: конецъ положительный одной стрѣлки оттолкнетъ отъ себя положительный конецъ другой; двѣ отрицательныя стрѣлки тоже будутъ удаляться другъ отъ друга; но стрѣлка положительная съ концемъ отрицательнымъ тотчасъ сдѣлается и поцѣлуются. Вотъ любовь! Назовите теперь положительные концы стрѣлки мужскими, а отрицательные женскими, и все вамъ объяснится: помы одинаковые отталкиваются, помы различные стремятся другъ къ другу. Это любовь въ желѣзѣ. Она проявляется такимъ же образомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ металлахъ и камняхъ. Она существуетъ и между двумя облаками, въ которыхъ скопились два противныя свойства электричества, носящагося въ воздухѣ. Она сгибаетъ въ лѣсу двѣ финиковыя пальмы, одну къ другой, самца къ самкѣ, изъ которыхъ первый всегда обнаруживаетъ электромагнитность положительную, а вторая отрицательную. То же происходитъ и въ животныхъ, то же и въ людяхъ. Около эпохи совершеннолѣтія молодой че-

ловѣкъ и дѣвица начинаютъ вбирать въ себя изъ воздуха летучее вещество и электризироваться, одинъ положительно, а другая отрицательно, въ южныхъ странахъ сильнѣе, а въ сѣверныхъ слабѣе, и даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе и менѣе, смотря по сложению тѣла, здоровью, степени воспримчивости, времени года и множеству другихъ обстоятельствъ. Когда они достаточно наэлектризованы, поставьте ихъ лицомъ одного къ другому; пусть они взглянуть другъ на друга: лишь только лучъ зрѣнія приведетъ въ сообщеніе ихъ электричества, съ той минуты они влюблены, они полетятъ другъ къ другу, какъ два облака, и будетъ громъ, молнія, ударъ и дождь. Тутъ и чорта не надобно. Вотъ почему я никогда не любилъ этой части: она слишкомъ механическая! Вы не влюблялись въ малолѣтнюю дѣвочку, потому что она еще не достаточно наэлектризована тѣмъ чуднымъ веществомъ, которое я выжалъ для васъ изъ воздуха въ моемъ колпакѣ. Вы отвращались отъ бабы, потому что въ эпоху старости человѣкъ разряжается и теряетъ почти всю свою электро-магнитность. Мѣсяцъ любви для всей природы тотъ самый, въ который наиболѣе этого вещества въ воздухѣ. Мой пріятель Аддисонъ сказывалъ мнѣ, что очень милая и скромная леди призналась ему, что она беретса быть равнодушною къ своему мужу круглый годъ, кромѣ мая мѣсяца, въ которомъ она не отвѣчаетъ.....

Бубантесъ вдругъ остановился. Мы проходили тогда мимо оконъ залы. Онъ подбѣжалъ къ окну, какъ будто примѣтилъ на улицѣ что-то необыкновенное; посмотрѣлъ, и снова воротился къ намъ, заложивъ назадъ руки.

— Такъ-то, сударь мой! сказалъ онъ. Теперь вы будете въ состояніи растолковать всему кладбищу, что такое любовь. Когда бы вы умѣли добывать это вещество изъ воздуха и знали еще способъ хорошо соеди-

нять его съ тѣломъ, вамъ самимъ, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не трудно было бы.....заставить Монъ-Блацъ.....влюбитья до безумія въ Этну.....

Онъ бросился къ другому окну, на которое его безпокойные глаза были уже устремлены при послѣднихъ словахъ, и началъ пристально всматриваться въ улицу.

— Господа! сказалъ онъ, отскочивъ отъ окна: подождите меня здѣсь, я сейчасъ буду назадъ. Мнѣ надобно сказать нѣсколько словъ одному человѣку..... Иванъ Ивановичъ, не уходите. — Не выпускай его, Чурка! сказалъ онъ тихо, перегибаясь къ моему уху, и исчезъ.

Внезапное его удаленіе немножко насъ удивило, но мнѣ было извѣстно, что у него всегда пропасть дѣлъ, и я старался успокоить моего гостя увѣреніемъ, что нашъ собесѣдникъ скоро къ намъ воротится. Я спрашивалъ моего покойника, какъ онъ находитъ этого чорта. Отвѣтъ не могъ быть сомнителенъ. Иванъ Ивановичъ былъ отъ него въ восхищеніи, и признался, что онъ никогда не думалъ, чтобы черти были такіе любезные въ обществѣ; что на томъ свѣтѣ есть много людей, которые не стоятъ его хвоста. Одно, что ему не слишкомъ нравилось въ Бубантесѣ, были длинныя и острые когти: онъ полагалъ, что они не совсемъ безопасны для его пріятелей и для книгъ, которыя онъ читаетъ, и должны мѣшать ему при сочиненіи статей, особенно критическихъ; и объяснилъ, что онъ тогда надѣваетъ шелковыя перчатки.

Но надобно сказать, что было причиною отлучки Бубантеса. Проходя съ нами мимо оконъ, онъ взглянулъ мелькомъ на улицу, и увидѣлъ, что по тротуару, противъ нашего дома, какой-то мертвецъ идетъ съ кладбища въ городъ. Видъ этого скелета поразилъ его своей необычайностью: онъ путешествовалъ на одной ногѣ и въ рукъ несъ свою нижнюю челюсть. Чортъ мигомъ догадался, что это должна быть Акулина Ви-

кентьевна, сосѣдка нашего покойника, которой онъ оторвалъ ногу и челюсть. Всегда готовый къ проказамъ, Бубантесъ побѣждалъ къ ней. Снимая свой колпакъ и кланяясь ей весьма учтиво, онъ остановилъ ее на тротуарѣ, отрекомендовался, и завелъ разговоръ, чтобы узнать, куда она идетъ. Акулина Викентьевна призналась ему, что она искала вездѣ своего злодѣя, Ивана Ивановича, и что, не найдя его ни на кладбищѣ, ни въ окрестностяхъ, отправилась со скуки въ городъ съ намѣреніемъ ущипнуть бывшую свою горничную, которая спала въ одномъ домѣ недалеко отсюда. Тонкому и вкрадчивому чорту не трудно было убѣдить ее отказаться отъ цѣли этой прогулки: онъ сталъ упрасивать ее, чтобы она завернула къ намъ, увѣряя, что введетъ ее въ очень пріятное общество, и съ адскимъ искусствомъ стараясь провѣдывать ея покойныя страсти, которыя, несмотря на утвержденія Ивана Ивановича, кажется, не совсѣмъ угасаютъ вмѣстѣ съ жизнію въ этихъ господахъ, смертныхъ. Мой пріятель узналъ, что его старуха при жизни страхъ любила бостонъ. Я думаю, что бостонъ тоже остается въ костяхъ! Онъ обѣ. аль ей составить партію и вздавать всегда десять въ сюряхъ: старуха, которая сперва отговаривалась приличіями, была обезоружена, и согласилась на его предложеніе.

Ничего этого не зная, мы спокойно расхаживали съ Иваномъ Ивановичемъ по залѣ и говорили о домашнихъ дѣлахъ, — онъ спрашивалъ меня о дневныхъ занятіяхъ своей молоденькой вдовы, — я блестящими красками живописалъ ему ея добродѣтели, — какъ вдругъ дверь отворяется настежь, и являются Бубантесъ съ своимъ изломаннымъ женскимъ скелетомъ, который начинаетъ жеманно намъ кланяться и присѣдать на одной ногѣ почти до самаго полу. Иванъ Ивановичъ тотчасъ узналъ свою сосѣдку, и укрылся за дверью гостиной. Я, ничего не подозревая, старался

принять ее какъ-можно въжливѣе, но Бубантесъ подбѣжалъ комнѣ и шепнулъ: «Чурка! зажигай свѣчи, лампы. Иллюминація! Балъ!..... Мой другъ, я даю у тебя вечеръ. Подавай карты!..... Да проворнѣе же, любезнѣйшій! Скоро стануть звонить къ заутрени.» Я, безъ памяти, бросился исполнять его приказаніе, желая угодить старинному пріятелю, хотя и не понималъ его затѣи и даже, собирая по ящичкамъ огарки, украденные лакеями у ключницы, немощко дивился этимъ преисподнимъ манерамъ, которыя позволяли ему распоряжаться въ чужомъ домѣ какъ въ своемъ собственномъ бомотѣ. Но огарки были налѣплены по всѣмъ окнамъ и карнизамъ, лампы налиты водкою, за неотысканіемъ масла, ломберный столикъ поставленъ, все изготовлено, зажжено и устроено въ одно мгновеніе ока. Комната запылала великолѣпнымъ освѣщеніемъ. Я намѣкнулъ Бубантесу, что мы встревожимъ всю улицу; кто-нибудь увидить свѣтъ, да и нашь, въ покояхъ: вѣдь это выходитъ видѣніе! — Ничего! отвѣчалъ чортъ: пусть ихъ смотрять. Кто теперь вѣрять въ видѣнія!

Не знаю, какимъ образомъ, но, между тѣмъ какъ я занятъ былъ приготовленіями, Акулина Викентьевна увидала своего кладбищнаго сосѣда за дверью. Я не берусь описывать шума, который раздался въ залѣ вслѣдъ за открытіемъ: это превосходить всѣ риторикки сего и того свѣта.

— Ахъ, ты разбойникъ! закричала наша гостья, съ яростью бросаясь на бѣднаго покойника: такъ ты здѣсь? Проучу я тебя въжливости! Я тебѣ докажу, голубчикъ, какъ должно обращаться съ дамами.....

Мои читатели уже знаютъ, что нижняя челюсть была у ней оторвана, и что она носила ее въ рукѣ. Это, разумѣется, поставляло ее въ невозможность говорить. Чтобы произнести привѣтствіе, которымъ она встрѣтила Ивана Ивановича, она принуждена была взять эту

нижнюю челюсть за концы обими руками, приставить ее къ верхней и поддерживать у отверзтій ушей. Когда она говорила, или точнѣе, ревѣла, ея челюсти раздвигались такъ широко какъ у крокодила, и смыкались такъ быстро какъ ножницы въ рукъ портнаго, производя при каждомъ словѣ страшное хлопанье костями и стукъ зубовъ однихъ о другіе, сухой, скрежетный, пронзительный. Прибавьте еще, при всякомъ движеніи, трескучій стукъ костей остальной части остова, дряхлаго, разбитаго, несвязаннаго по суставамъ. Ужаснѣе и отвратительнѣе этого я ничего не запомню по нашему сверхъестественному міру.

— Ты мерзавецъ! ты мошенникъ, грубьянъ! вопила она, и вдругъ, отнявъ отъ головы свою подвижную челюсть, замахнулась бить ею Ивана Ивановича.

Чортъ прыгнулъ съ своего мѣста, и сталъ между ними. Ударъ разразился на рогахъ Бубантеса. Мой покойный гость былъ спасенъ. Надобно признаться, что эти черти — благовоспитаны какъ-нельзя лучше! Я не хочу унижать моихъ соплеменниковъ, — но изъ нашихъ домовыхъ никто бъ не догадался этого сдѣлать.

— Сударыня, сказалъ онъ, сладко улыбаясь сердитой старухъ: не дѣлайте шуму въ этомъ домѣ. Здѣсь спятъ люди. Вы знаете приличія. Иванъ Ивановичъ мой старинный пріятель. Мы съ нимъ были знакомы и дружны еще на томъ свѣтѣ. Вы объяснитесь на кладбищѣ. Вы меня чувствительно обяжете, если отложите свои неудовольствія до другаго времени.....

Говоря это, Бубантесъ нарочно поправлялъ рукою свой галстухъ, сдѣланный изъ какой-то старой либеральной газеты. Акулина Викентьевна примѣтила его когти, и тотчасъ стала смирна какъ кошка.

— Я только для васъ это дѣлаю, господинъ Бубантесъ, сказала она, приставляя опять свою челюсть къ головѣ: что удерживаюсь отъ негодованія на этого

грубьяна. Представьте, что онъ со мною сдѣлалъ.....

И она пустилась рассказывать всѣ обстоятельства своей ссоры. Бубантесъ посадилъ ихъ на диванъ, самъ сѣлъ посерединѣ, слушалъ съ вѣжливымъ вниманіемъ ихъ взаимныя огорченія и мирилъ ихъ своими чертовскими шутками. Я между-тѣмъ собиралъ въ лакейской старья, засаенныя карты; трехъ тузовъ не отыскалось: да для мертвецовъ не нужно полной колоды! Когда воротился я въ залу, на диванъ сидѣли только два скелета; чортъ стряпалъ въ углу что-то въ своемъ колпакъ; мертвецы все-еще ссорились; онъ переговаривался съ ними по-временамъ отрывистыми фразами и, казалось, былъ очень занятъ своей работой.

— Что ты это сочиняешь, Бубантесъ? спросилъ я тихо.

— Ничего, сказалъ онъ, продолжая свое дѣло: курсъ любви теоретической и практической.

— Практической?

— Да!... Или опытной. Это все равно. Я вамъ изложилъ прежде теорію любви, а вотъ теперь начинаются опыты.

Я подсмотрѣлъ, что онъ очищаетъ отъ воздуха и набиваетъ въ свой колпакъ это красивое, летучее пламя, которое, по его словамъ, можно называть электро-магнитностью или какъ угодно. Любопытство мое возрасло до высочайшей степени. Я спрашивалъ, что онъ намѣренъ дѣлать, но проказникъ не отвѣчалъ ни слова, надѣлъ осторожно колпакъ на голову, и спросилъ, гдѣ карты. Я отдалъ ему неполную колоду. Бубантесъ отбросилъ еще всѣ трефы, избралъ четыре карты, и предложилъ ихъ мертвецамъ и мнѣ. Мы сѣли играть. Но я примѣтилъ, что, усаживая кладбищныхъ враговъ помѣстамъ, онъ вертится около нихъ, заводитъ съ ними пустые разговоры, беретъ ихъ за руки, шепчетъ имъ въ уши, и часто поправляетъ свой колпакъ. Знаете ли, что онъ дѣлалъ? Онъ, въ это вре-

ия, съ удивительнымъ проворствомъ напускалъ имъ въ кости этого пламени, изъ колпака! Наэлектризировавъ одного мертвеца положительно, а другаго отрицательно, онъ мигнулъ имъ коварно, и съѣлъ издавать карты. Акулина Викентьевна отняла челюсть, помощію которой все это время перебранивалась съ моимъ покойнымъ хозяиномъ, и положила ее при себѣ на столикъ. Чортъ, по условію, подобралъ ей огромную игру. Она развеселилась. Напрасно было бы означать въ этихъ запискахъ всѣ движенія непостояннаго счастья въ нашемъ незабвенномъ бостонѣ, тѣмъ болѣе что я никогда не помню конченныхъ игоръ: тутъ было нѣчто любопытнѣе картъ. Акулина Викентьевна объявила восемь въ сюрсахъ; Иванъ Ивановичъ, къ крайнему ея изумленію, сказалъ: «Вистъ!» И они посмотрѣли другъ на друга: во впадинахъ ихъ глазъ блеснуло то самое прелестное пламя, котораго Бубантесъ налилъ въ ихъ холодныя кости. Чортъ улыбнулся.

Игра началась, но мы съ чортомъ болѣе заняты были наблюденіемъ чѣмъ картами. Мертвецы стали вздыхать. Акулина Викентьевна страстно посматривала на бывшаго своего злодѣя, который въ самомъ дѣлѣ могъ бы понравиться всякой покойницѣ: онъ былъ, что называется, прекрасный скелетъ, — большой, — кости толстыя и бѣлыя какъ снѣгъ, — ни одного изломаннаго ребра, — осанка благородная и привѣтливая. Но я, право, не понимаю, что такое находилъ Иванъ Ивановичъ въ желтомъ, перегнившемъ, изувѣченномъ, одноногомъ остоу этой бабы: онъ совершенно забылъ карты, и глядѣлъ только на нее! Мы съ Бубантесомъ непрерывно должны были напоминать ему игру, а чортъ позволялъ себѣ даже отпускать колкія эпиграммы на счетъ его разсѣянности, за которыя онъ вовсе не сердился. Но такова, видно, сила этой волшебной электро-магнитности!

Между-тѣмъ какъ я вдавалъ карты, Иванъ Ивановичъ, который давно не сводилъ глазъ съ челюсти своей противницы, рѣшился завести съ нею разговоръ.

— Съ позволенія вашего, сударыня!

Она поклонилась.

Онъ взялъ со стола эту гадкую кость, эту челюсть желтую, грязную и почти безъ зубовъ, и началъ осматривать ее съ любопытствомъ, всё болѣе и болѣе придвигая ее къ глазамъ и къ носу. Мы съ Бубантесомъ увидѣли, что онъ непримѣтно поцѣловалъ ее, и едва не расхохотались.

О электро-магнитность!!... или какъ бишь называть ее.

Мертвецъ, чтобъ скрыть этотъ проблескъ могильной нѣжности, повернулъ челюсть еще раза два или три, осмотрѣвъ со всѣхъ сторонъ, и равнодушно положилъ на мѣстѣ. Мертвечиха пріятно ему поклонилась.

Бостонъ продолжался. Въ половинѣ одной игры, Бубантесъ вдругъ сталъ рассказывать анекдоты изъ соблазнительной лѣтописи города, обращаясь преимущественно къ Акулинѣ Викентьевнѣ. Я видѣлъ, что онъ старается завлечь ее въ разговоръ и, если можно, подвинуть на какой-нибудь рассказъ опрѣжнихъ ея пріятельницахъ и знакомкахъ. Онъ дѣйствительно успѣлъ въ этомъ. Акулина Викентьевна положила карты, взяла свою челюсть и пустилась злословить какъ живая. Иванъ Ивановичъ весь превратился въ слухъ. Чорту только этого и хотѣлось: онъ сообразилъ, что пока она будетъ говорить, держа обѣими руками необходимое орудіе своего краснорѣчія, ей нельзя будетъ взять карты со стола, ни думать объ игрѣ. Когда они совершенно занялись другъ другомъ, онъ потихоньку всталъ, мигнулъ мнѣ, чтобы я сдѣлалъ то же, и мы отошли всторону.

— Ну, братъ, сказалъ я ему: ты большой искусникъ!

— Что прикажешь дѣлать, почтеннѣйшій! отвѣчалъ онъ, притворясь бѣднякомъ: наше дѣло чертовское; не наплутуешь, такъ и жить не изъ чего. Начало не дурно. Но ужъ теперь надобно заварить кашу. По-крайней-мѣрѣ совѣсть будетъ чиста, что я недаромъ былъ въ этомъ домѣ. Скажи, пожалуй, кто бываетъ у вдовы этого читателя?

— Никто. Она живетъ совершенною затворницей.

— Однако жъ?

— Право, никто; кромѣ прежняго его друга, Аграфова, который живетъ въ этомъ же домѣ, съ другаго подъезда.

— Хорошо.

Онъ спросилъ меня подробно о расположеніи его квартиры и порхнулъ въ каминъ, приказавъ мнѣ сѣсть опять на мѣсто и поддерживать разговоръ мертвецовъ.

Я нашелъ своихъ гостей въ той степени дружескаго расположенія, на которой начинаются уже сладкія рѣчи и лесть. Акулина Викентьевна рассказывала; Иванъ Ивановичъ часто прерывалъ ее комплиментами, которымъ она мертвецки улыбалась. Они очевидно любили другъ друга, и я долженъ былъ играть при нихъ печальную роль свидѣтеля чужихъ нѣжностей. Но это участь домовыхъ! Въ свою жизнь я довольно наглядѣлся этого по ночамъ.

Черезъ минуту Бубантесъ воротился, но уже не дымовую трубой, а въ дверь, ведущую изъ гостиной въ залу. Онъ подаль мнѣ знакъ, и мы удалились къ камину.

— Другъ мой, Чурочка, сказалъ онъ съ восторгомъ: будетъ славная исторія! Я наэлектризовалъ Аграфова и твою вдову. Ты ничего не сказалъ мнѣ, что онъ женатъ! Я нашелъ его спящимъ подлѣ почтенной своей супруги. Онъ и она разряжены были совершенно: въ нихъ не было ни одной искры этого летучаго пламени,

они, видно, давно уже не любят другъ друга. Да это всегда такъ бываетъ между супругами! Я порядкомъ надушилъ его электро-магнитностью. Вашей вдовѣ не много нужно было прибавить: она еще крѣпко была заряжена. Теперь, лишь только они повстрѣчаются, огонь вспыхнетъ. Ты наблюдай за ходомъ этого дѣла.

— Вотъ этого-то я не люблю, что ты изъ пустяковъ разоряешь спокойствіе этой бѣдной вдовы, которая хотѣла всегда остаться вѣрною своему покойнику, сказалъ я съ досадою. Эта женщина подъ моимъ покровительствомъ. Я далъ слово Ивану Ивановичу беречь ея добродѣтель.

— Чурка! Чурочка! воскликнулъ чортъ, бросаясь мнѣ на шею. Не сердись, мой Чурка! Я тебя смерть люблю! Я задушю тебя на своемъ сердцѣ! Такъ и быть, дѣло сдѣлано. Увидишь, будемъ смѣяться. Что тебѣ за надобность до этого мертвеца? Посмотри, онъ пришелъ сюда влюбленнымъ въ свою вдову, а уйдетъ безъ ума отъ этой старой кости. Таковы, другъ мой, люди, при жизни и по смерти!

— Въ этомъ онъ не виноватъ. Вѣдь ты самъ напроказничалъ?

— Что жъ дѣлать, мой любезный! Люди ничего не смыслятъ безъ чорта. Мы имъ необходимѣе воздуха. Но пора отправить этихъ господъ на кладбище. Нравно вдругъ зазвонятъ въ колокола, такъ мнѣ придется просидѣть весь день въ этой трубѣ. А я сегодня долженъ непременно быть еще въ Парижѣ и въ Лондонѣ: безъ меня тамъ нѣтъ порядка.....

Онъ потащилъ меня къ столику, и напомнилъ мертвецамъ, что скоро начнетъ свѣтать. Они торопливо вскочили со стульевъ и простились съ нами.

— Какъ же теперь быть? сказала она ему, останавливаясь у дверей при выходѣ изъ залы. Иванъ Ива-

новичь!..... ты, батюшка, меня обидѣлъ; оторвалъ у меня челюсть и ногу.....

— Виновать! Простите великодушно!

— То-то и есть, отецъ мой. Челюсть-то я нашла въ одной ямѣ, а ноги нѣтъ какъ нѣтъ. Мнѣ стыдно теперь явиться на кладбище безъ ноги. Вполночь, народу тма высыпало изъ гробовъ, прогуливаться по кладбищу, а я, по твоей милости, должна была прятаться: всѣ смѣялись надо мною! Куда ты дѣвалъ мою ногу?

— Найдемъ, матушка, Акулина Викентьевна, вашу прелестную ножечку. Вы напрасно изволили погорячиться. Я знаю мѣсто, куда ее бросилъ.

— Такъ пойдемъ же искать вмѣстѣ.

Они ушли. Мы побѣжали къ окну, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ, и увидѣли, что нашъ мертвецъ услужливо подаль руку своей мертвечихъ, и что они дружно поплелись во свояси по тротуару, прижимаясь одинъ къ другому. Мы расхохотались. Бубантесъ, съ радости, перекувыркнулся три раза на полу.

Отошедъ шаговъ двѣсти, они еще остановились для сообщенія другъ другу нѣжнаго поцѣлуя, — потому что Акулина Викентьевна должна была при этой операціи держать обѣими руками нижнюю челюсть подъ верхней.

Мы стали хохотать пуце прежняго.

— Жаль, сказалъ чортъ, что ты не просилъ его навѣщать тебя почаще. Любопытно было бы знать ходъ этого кладбищнаго романа.

— Что тутъ любопытнаго! возразилъ я. Лягутъ въ могилу, да и будутъ цѣловаться.

— Нѣтъ, не говори этого! сказалъ онъ. Очень любопытно! Это летучее пламя одарено удивительными, очень разнообразными свойствами. Оно производитъ между прочимъ странный родъ опьяненія. Стоитъ только соединить его съ тѣломъ: тогда оно, само, безъ содѣйствія чорта, произведетъ въ немъ рядъ глупостей и при-

ключеній, которыхъ напередъ и предвидѣть невозможно. Знаешь ли, Чурка: сдѣлай мнѣ эту дружбу..... я чрезвычайно занятъ!..... поди ты, такъ, дня черезъ три, на кладбище, да узнай, что тамъ дѣлается. Я бы тебя не беспокоилъ: о, я самъ пошелъ бы!... да, видишь, мнѣ какъ-то не ловко ходить туда. Повѣрь мнѣ, другъ мой, что я не люблю употреблять во зло время моихъ пріятелей..... право, я самъ пошелъ бы; я пойду, если ты хочешь..... ты понимаешь, что это не по лъности, не по чему-либо другому прочему.....

— А потому, подхватилъ я, смѣясь его уверткамъ, что тамъ много крестовъ. Понимаю!

— Ну да! сказалъ онъ, потупивъ взоры. Съ тобой нечего секретничать. Ты все понимаешь!

Онъ бросился цѣловать меня.

— Прощай, мой Чурка! сказалъ онъ. Прощай, старой дружище! Я бѣгу въ Парижъ, и на дняхъ буду опять къ тебѣ. Ты мнѣ все расскажешь, о мертвецѣ и объ его вдовѣ. Прощай! прощай!.....

И онъ исчезъ. Я принялся тушить свѣчи.

Скоро наступилъ день; люди начали вставать. Несмотря на удовольствіе, которое приносили мнѣ воспоминанія о ночи, проведенной такъ весело, какъ давно уже я не проводилъ, я былъ безпокоенъ и почти печаленъ. Проказы Бубантеса могли имѣть непріятныя послѣдствія для молодой вдовы, которую я любилъ какъ родную дочь. И, къ несчастію, я не могъ поспособить имъ!..... Мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ облегчить сердце наблюденіемъ любопытныхъ дѣйствій электро-магнитности, которою онъ зарядилъ мою хозяйку и нашего сосѣда Аграфова, — Алексѣя Петровича. Я пошелъ въ ея комнату. Она еще спала. Я отправился къ Аграфову, который вставалъ рано.

Алексѣй Петровичъ былъ красенъ, глаза у него пылали, изъ зрачковъ блили жгучіе свѣтистые лучи, которыми онъ такъ и пронзалъ свою супругу. Онъ ло-

вѣлъ ее и, поймавъ, осыпалъ страстными поцѣлуями. Онъ клялся, что любить, обождать свою жену. Зарядъ ужъ, видно, былъ очень силенъ.

Жена, которая давно выстрѣляла свою любовь и въ которую чортъ не подсыпалъ пороху, имѣла блѣдное лице и глаза безжизненные. Прежде я знавалъ ее розовой и особенно удивлялся блеску ея глазъ. Она звала въ объятяхъ Алексѣя Петровича, отворачивалась, или равнодушно принимала его ласки.

Онъ бѣсился, называлъ ее холодною, утверждалъ, что она его не любитъ и никогда не любила.

Они побранились.

Проклятый Бубантесъ! онъ-то причиною этого недоразумѣнія. Зачѣмъ было нарушать равновѣсіе супружескихъ чувствованій? Они такъ хорошо жили въ холодномъ климатѣ дружбы и взаимнаго уваженія! Они и не думали о страсти! Упрекъ, которому Татьяна Лаврентьевна подверглась отъ внезапнаго взрыва нѣжности въ Алексѣя Петровичъ, былъ несправедливъ и обиденъ. Она его любила, но любила только мысленно. Прежде любила она его всею душою и всѣмъ тѣломъ. Но когда тѣла утратили, въ туманной атмосферѣ супружества, весь запасъ того чудеснаго летучаго вещества, которое заставляетъ даже два куска холоднаго желѣза привлекать другъ друга и такъ сильно сплавиваетъ ихъ между собою, тогда одно только воображеніе связывало супруговъ, и они принимали за любовь призракъ любви, носившійся въ ихъ умѣ. Онъ имѣлъ всѣ формы и весь цвѣтъ дѣйствительности. Эти призраки любви можно назвать супружескими сновидѣніями, и они обманчивы какъ всѣ сновидѣнія. Весною, когда воздухъ палитъ тонкимъ и жгучимъ началомъ любви, когда оно проникаетъ всю природу, заставляя птичекъ пѣть оды, львовъ ревѣть въ пустынь, почки деревъ и растеній радостно вскрывать свои сокровища призматическихъ цвѣтовъ и убирать

ими свои стебли, — весной и Татьяна Лаврентьевна съ Алексѣемъ Петровичемъ бывали довольно хорошо наэлектризованы; и они поють, и они цвѣтуть, становятся розовы и красивы, привлекаются и сердечно любятъ другъ друга. Но теперь была осень, — все отцвѣло, отцвѣло, отревѣло, — воздухъ потерялъ свою волшебную силу: съ какой же стати Татьянѣ Лаврентьевнѣ было пылать любовью! Привыкнувъ устремлять къ мужу всѣ свои мысли, сосредоточивать въ немъ всѣ свои надежды, она любила его умомъ, — какъ любить въ супружествѣ осенью и зимою. Алексѣй Петровичъ, котораго чортъ накатилъ вдругъ положительной любовью, или электромагнитностью, не хотѣлъ понять этого, и у нихъ вышла ужасная ссѣра, но я, по долгу домового, не смѣю пересказывать ея подробно.

Алексѣй Петровичъ былъ такъ сердитъ, что я удраля отъ нихъ въ спальню своей хозяйки.

Она одѣвалась передъ зеркаломъ, или точнѣе, стояла въ рубашкѣ, и любовалась своей красотой. Я никогда не видалъ ея столь прелестною. Цвѣтъ ея лица дышалъ необыкновенною свѣжестью; глаза мерцали какъ брилліанты; она совершенно походила на молодую розу, которая раскрылась ночью и при первыхъ лучахъ солнца лелѣбетъ на своихъ нѣжныхъ листочкахъ двѣ крупныя капли росы, въ которыхъ играетъ юный свѣтъ утра, упоеннаго дѣвственнымъ ея запахомъ. Мнѣ казалось, что моя хозяйка тоже издавала весенній ароматическій запахъ. Можетъ-статься, мнѣ только такъ казалось. Но то вѣрно, что она, легши вчера спать торжественно влюбленною въ покойнаго мужа, встала сегодня полною другихъ чувствованій и объ немъ не думала. Люди смѣются надъ вдовами, которыя обнаруживаютъ неутѣшную печаль по своихъ мужахъ, обрекаютъ себя на вѣчный плачъ на ихъ гроб-

ницахъи потомъ вдругъ выходятъ за мужъ: я не понимаю, что въ этомъ можетъ быть смѣшнаго! Чѣмъ виноваты вдовы, когда любовь зависитъ отъ воздуха? У людей нѣтъ толку ни на копѣйку. Притомъ же, въ самую безутѣшную вдову чортъ можетъ вдругъ подлить ночью этой летучей жидкости, какъ въ Лизавету Александровну! Вчера она даже не помнила о своей красотѣ; теперь, прямо съ постели, невольно побѣжала къ зеркалу. Теперь она была безпокойна и скучна. Легкіе вздохи вырывались порой изъ ея прекрасной груди, которую она тщательно прикрывала рубашкою отъ любопытства собственныхъ взоровъ. Прежде она этого не дѣлала. Это пробужденіе тревожливой стыдливости должно быть также слѣдствіе свойствъ отрицательной электро-магнитности. Я самъ примѣчалъ, что женщины становятся стыдливѣе весною. Но возвращаясь къ легкимъ вздохамъ, — они очевидно не относились къ Ивану Ивановичу. Они ни къ кому не относились. Скука и томное чувство одиночества, въ которомъ она не признавалась даже передъ собою, производили въ ней это неопредѣленное волненіе. Вскорѣ она занялась своимъ туалетомъ, и нарядилась съ необыкновеннымъ вкусомъ, — въ первый разъ со смерти мужа, — въ той мысли, что не равно кто заѣдетъ.

— Ахъ, какъ скучно! Если бъ кто-нибудь захвалъ ко мнѣ сегодня!.... сказала она про себя, когда я уходилъ въ свой запечекъ.

— Лишь бы этотъ кто-нибудь не былъ наэлектризованъ положительно, сказалъ я, тоже про себя. Иначе ты пропала, бѣдняжка!.....

Но несчастіе этой доброй женщины было рѣшено.

Алексѣй Петровичъ, поссорившись съ супругою, скучалъ ужасно въ своемъ кабинетѣ, и вспомнилъ, что въ томъ же домѣ живетъ милая и прелестная женщина, жена покойнаго его друга. Онъ тотчасъ одѣлся,

причесался съ большимъ тщаніемъ, взялъ бѣлыя перчатки, — чего никогда не дѣлалъ поутру, — и отправился къ ней съ визитомъ, надѣясь разсѣять свое супружеское горе въ ея сообществѣ. Онъ забылъ, что прежде находилъ мою хозяйку очень скучною, за ея сентиментальность къ покойнику, и называлъ «Эфезскою матроною»; летучій огонь подавлялъ въ немъ всякое разсужденіе; онъ теперь помнилъ только о красивомъ личикѣ Лизаветы Александровны.

Какъ скоро онъ вошелъ въ залу, я затрепеталъ въ запечкѣ. Мнѣ казалось, что вижу дракона, который приходитъ пожрать мою розсвую вдову. Я проклялъ Бубантеса. Но этотъ плутъ давно уже не боится проклятій.

Любопытство заставило меня прокрасться въ гости-ную, чтобъ быть свидѣтелемъ ихъ встрѣчи. Для большаго удобства наблюденій, я влѣзъ въ печь и смотрѣлъ на нихъ въ полукружье, находящееся въ за-слонкѣ.

Лизавета Александровна задрожала всѣмъ тѣломъ, услышавъ издали только голосъ мужчины. Но она скоро опомнилась, подавила свое волненіе, вышла къ гостю совершенно спокойною, и приняла его съ обыкновенною привѣтливостью. Они разговаривали нѣсколько времени, не глядя въ лице другъ другу. Но вскорѣ, по случаю привѣтствія, которое сдѣлалъ Аграфовъ на счетъ ея наряда, взоры ихъ встрѣтились, и я видѣлъ, какъ тонкіе свѣтистые лучи того же самого пламени, который намъ показывалъ Бубантесъ, перелетѣли изъ однихъ глазъ въ другіе и слились. Нѣсколько мгновеній явственно видны были двѣ огненные черты, протянутыя между ихъ противоположными зрачками. Они почувствовали родъ электрическаго удара, который обличился ихъ смущеніемъ. Ни онъ, ни она не выдержали дѣйствія этихъ пронзительныхъ лучей, потушили взоры и покраснѣли. Съ той мину-

ты, они какъ-будто боялись другъ друга, были весьма осторожны въ рѣчахъ, старались быть веселыми, болтать, шутить, но это имъ не удавалось. Они рѣшились взглянутья еще разъ, и, къ обоюдному удивленію, не почувствовали того потрясенія, какъ прежде. Это ихъ ободрило. Они начали болтать и смѣяться. Я ушелъ. Нечего было смотрѣть болѣе. Искры заброшены, и пожаръ въ тѣлахъ былъ неизбѣженъ. Держись, братъ умъ!..... Или лучше, спасайся заранѣе.

Они долго смѣялись въ гостиной, что весьма естественно. То самое тайное воздушное пламя, которое въ образъ молніи дребезжетъ дубъ и превращаетъ домъ въ пепель; которое въ магнитъ сцѣпляетъ два куска мертваго минерала, въ живыхъ существахъ связываетъ двое устъ красно-каленнымъ поцѣлуемъ, — то самое пламя дѣлаетъ челоуѣка остроумнымъ въ первыя минуты любовнаго опьяненія. Впрочемъ кислотворъ производитъ то же дѣйствіе. Рецептъ для остроумія: — возьми большой стеклянный колоколь, посади подъ него глупца, и нагони въ воздухъ, заключенный въ колоколь, лишнюю пропорцію кислотвора, — глупецъ станетъ отпускать удивительныя остроты. Я самъ видѣлъ этотъ опытъ, когда жилъ въ Стокгольмѣ, за печкой у одного химика, и съ тѣхъ поръ гнушаюсь всякимъ остроуміемъ. Производство его ни чуть не мудренѣе приготовленія газоваго лимонада и искусственной Зельцерской воды. Вотъ почему, я ушелъ въ свой запечекъ, какъ скоро Лизавета Александровна и Алексѣй Петровичъ начали остриться.

Со всѣмъ тѣмъ я не отвергаю, что весьма было-бы полезно посадить подъ такой колоколь иную литературный городъ, въ которомъ есть много типографій.

Они разстались, восхищенные другъ другомъ и обѣщавъ видѣться чаще прежняго.

Лиза, — такъ буду называть ее, потому что я очень

любилъ мою бѣдную хозяйку, — находила, вышивая вензель своего покойнаго мужа, что у Аграфова глаза прекрасные. Что касается до Аграфова, то онъ нескрываетъ отъ себя того факта, что моя хозяйка восхитительна съ головы до ножки, и потому¹, возвратясь домой, наговорилъ своей женѣ тысячу милыхъ привѣтствій.

Аграфовъ былъ не дурень собою, но я никогда не одобрялъ его носа; хорошо воспитанъ и еще довольно молодъ. Онъ съ успѣхомъ занимался искусствами, особенно живописью, и я помню, что у него былъ отличный погребъ, изъ котораго я вытаскалъ пропасть бутылокъ стараго вина и ликеровъ, — за что, разумѣется, невинно страдали лакеи. Этотъ человѣкъ не вѣрилъ въ домовыхъ! И я любилъ его за это, хотя ненавидѣлъ за все прочее, — право, не знаю за что, — такъ! — Зато, что онъ мнѣ не нравился. Но Лиза рѣшительно стала находить его очень любезнымъ. По временамъ, она содрогалась при этой мысли, которую считала преступною: тогда поспѣшно брала она книгу и читала скоро, чтобы забыть его. Прочитавъ нѣсколько страницъ, несчастная Лиза была увѣрена, что она совершенно къ нему равнодушна.

Я уже предвидѣлъ ужасную борьбу души съ тѣломъ въ этой добродѣтельной женщинѣ. О, если бѣ побѣда осталась на сторонѣ духа!

Аграфовъ, день-ото-дня болѣе влюбленный, окружалъ ее всѣми прельщеніями, и она беззаботно брела въ нихъ, не примѣчая пропасти. Маленькія услуги, тонкія доказательства уваженія, помощь въ дѣлахъ, — ничто не было забыто. Сосѣдство скоро превратилось въ дружбу. Аграфовъ убѣдилъ свою жену сблизиться съ вдовою своего пріятеля, и съ нѣкотораго времени они были неразлучны. Эта дружба опечалила меня всего болѣе. Знаю я эти дружбы! Я сживалъ въ запечкахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, отъ Римлянъ до Сѣверныхъ Американцевъ, и вездѣ видѣлъ одинако-

выя слѣдствія дружбы двухъ женщинъ, которая заводилась по убѣжденію мужа одной изъ нихъ. Таковъ законъ природы!

Лиза прелестно наряжалась и часто впадала въ глубокую задумчивость.

Я сидѣлъ ночью на своемъ любимомъ диванѣ, погруженный въ прискорбныя размышленія о перемѣнѣ, которая въ теченіе десяти или одиннадцати дней произошла въ этомъ домѣ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собою Бубантеса. Онъ стоялъ подбоченясь, въ двухъ шагахъ отъ меня, и смѣялся своимъ чертовскимъ смѣхомъ.

— Что это, Чурка? вскричалъ онъ. Ты даже не видѣлъ, какъ я пришелъ сюда! Ты печаленъ?

— Пропади ты, проказникъ! сказалъ я. Посмотри, что ты надѣлалъ! Ты испортилъ мою добрую хозяйку. Это проклятое пламя, которое ты прилилъ въ нее, дѣлаетъ въ ней ужасныя опустошенія.

— Да! отвѣчалъ онъ: ихъ кровь — удивительно горячее вещество.

Я побранилъ Бубантеса за его неумѣстныя шутки, но онъ расцѣловалъ меня, засыпалъ увѣреніями въ своей дружбѣ, наговорилъ мнѣ столько пріятнаго и умнаго, что я не въ силахъ былъ на него гнѣваться. Признаюсь, у меня есть слабость къ этому чорту!

Мы усѣлись рядкомъ. Онъ сталъ очисывать мнѣ свои подвиги въ Парижѣ и Лондонѣ, описывая свои журнальныя и газетныя плутни, и, если не считать, позволено было заключить изъ его успѣховъ, что люди — большіе ослы.

— Ну расскажи мнѣ теперь, прибавилъ онъ, что тутъ дѣется.

Я рассказалъ. Слушая меня, онъ прыгалъ отъ радости, потиралъ руки и приговаривалъ: «Хорошо! Очень хорошо! Славно, мой Чурило!» Но, когда я о-

кончилъ, онъ замолкъ, призадумался, и принялъ такой печальный видъ, что я, глядя на него, заплакалъ.

— Что съ тобой, мой другъ? вскричалъ я, умильно взявъ его за рога и цѣлуя его въ голову, которую орошалъ теплыми слезами. Скажи, милый Бубашка, что съ тобою? Ты несчастень?

— Да! сказалъ онъ, но сказалъ такимъ жалкимъ голосомъ, что у меня разорвалось сердце. Подумай только самъ: что жъ изъ этого выйдетъ? Они любятъ другъ друга, и все тутъ. Это можетъ кончиться только самымъ пошлымъ образомъ, — какъ въ новомъ Французскомъ романѣ, — тѣмъ болѣе что она вдова и свободна. Такъ что жъ это за исторія? Неужли мы съ тобой трудились для такого ничтожнаго результата?

— Чего жъ ты отъ меня хочешь, мой другъ? спросилъ я. Все для тебя сдѣлаю! Только не печалься.

— Вогъ видишь, Чурка, сказалъ онъ: это дѣло идетъ не наладъ. Тутъ нужно подбавить сильныхъ ощущений, великихъ чувствованій, большихъ несчастій: тогда только можно будетъ смѣяться. Надобно во-первыхъ, чтобы какой-нибудь благородный юноша влюбился въ твою вдову. Я объ этомъ подумаю. Теперь я очень занятъ журналами. А между-тѣмъ не худо было бы возбудить ревность въ женѣ Аграфова. Это необходимо, для занимательности. Скажи мнѣ, что онъ дѣлаеть? Не пишетъ ли стиховъ къ твоей хозяйкѣ? писемъ?

— Нѣтъ, сказалъ я: онъ тайно отъ нея, и отъ жены, пишетъ ей портретъ въ своемъ кабинетъ.

— Ахъ, вотъ это хорошо! воскликнулъ Бубантесъ, вспрыгнувъ отъ восторга. Ты знаешь, гдѣ онъ прячетъ свою работу?

— Знаю. Въ конторкѣ, между бумагами.

— Пойдемъ къ нимъ. Надобно перевести этотъ портретъ въ туалетъ жены.

— Да это не водится!..... Оно какъ-то будетъ естественно.

— Предоставь мнѣ. Я сдѣлаю его естественнымъ. Люди вѣрятъ не такимъ небылицамъ. Пойдемъ, пойдемъ!

Проклятый бубантесъ опять соблазнилъ меня!

Мы пошли на половину Аграфовыхъ. Я повелъ Бубантеса въ кабинетъ мужа, показалъ ему конторку и, по его приказанію, вытаскилъ миньятюру въ замочную скважинку. Онъ положилъ ее на ладонь и началъ всматриваться.

— Похожа! сказалъ онъ. У него есть талантъ. Я бы хотѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь написалъ мой портретъ.

Онъ взялъ меня объ-руку, и мы отправились изъ кабинета въ спальню. Мы остановились подлѣ кровати Аграфовыхъ; чортъ, по своему обычаю, принялся дѣлать разныя замѣчанія о спящихъ супругахъ; мы болтали и смѣялись минутъ десять; наконецъ онъ вспомнилъ о дѣлѣ, и повернулся къ туалету. Онъ выдвинулъ одинъ ящикъ, только-что хотѣлъ положить портретъ на бумаги, и вдругъ опрокинулся наземь, испустивъ пронзительный стонъ. Я отскочилъ въ испугъ, и увидѣлъ, что подлѣ насъ стоитъ дюжій, пѣнящійся отъ ярости, чортъ съ огромными золотыми рогами. То былъ Фифи-коко, самъ главноуправляющій супружескими дѣлами! Онъ откуда-то увидалъ Бубантеса въ спальнѣ Аграфовыхъ, влетѣлъ нечаянно, и боднулъ его изъ всей силы въ бокъ рогами, въ то самое время какъ мой пріятель протягивалъ руку къ ящику.

— Ахъ, ты мерзавецъ! закричалъ Фифи-коко лежащему на землѣ чорту журналистики: что ты тутъ дѣлаешь? какъ ты смѣешь распорядиться по моему вѣдомству?

Бубантесъ, схватился за бокъ, быстро вскочилъ на

ноги, отступилъ къ двери и остановился. Тутъ онъ заложилъ руки назадъ, и, глядя на Фифи-коко съ неподражаемымъ видомъ плутовства, равнодушія и невинности, возразилъ :

— Ты, любезный мой, бодаешься какъ старый быкъ. Знаешьли, что это признакъ очень дурнаго воспитанія?

— Молчи, лъшій! гнѣвно сказалъ Фифи-коко. Я хочу знать, кто тебѣ далъ право искушать людей по моей части, и зачѣмъ вмѣшался ты въ дѣла этихъ почтенныхъ супруговъ?

— Ну что жъ такое? отвѣчалъ Бубантесъ съ презабавною беззаботливостію. Велика бѣда! Я хотѣлъ сдѣлать повѣсть для журнала. Не хочешь, какъ тебѣ угодно! Для меня все равно.

— Я самъ поведу это дѣло, сказалъ Фифи-коко.

— Изволь, изволь, почтеннѣйшій! у меня есть свои занятія, важнѣе и полезнѣе этихъ мерзостей, отвѣчалъ Бубантесъ, и утащилъ меня изъ спальни.

— Экой мошенникъ! вскричалъ Фифи-коко, подымая портретъ Лизы съ земли. Чуть-чуть не поссорилъ супруговъ изъ-за бездѣлицы! ....

Бубантесъ воротился.

— Имѣя честь всегда обращаться съ супругами, сказалъ онъ ему, ты, братъ, выучился ругаться какъ сапожникъ.

— Смотри ты своихъ журналистовъ, отвѣчалъ ему Фифи-коко: они ругаются хуже супруговъ.

— Пойдемъ, сказалъ мнѣ Бубантесъ. Съ нимъ нечего толковать. Я бы его отдѣлалъ по своему, да онъ теперь въ милости у Сатаны. Этотъ осель изгадитъ все дѣло. А жаль!

Мы вышли на крыльцо. Онъ простился со мною, и полетѣлъ прямо во Францію.

ВАРОНЪ ВРАМВЕУСЪ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КОРІОНЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА,

НАЙДЕННАЯ ВЪ ВУМАГАХЪ ПОКОЙНАГО ОЗЕРОВА.

Дѣйствующія лица.

КОРІОНЪ.

МЕНАНДРЪ, другъ его.

ЗЕНОВІЯ, любовница Коріона.

АНДРЕЙ, камердинеръ Коріоновъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ, ключница, староста, поварь, повараки и прочіе.

Дѣйствіе въ подмосковной деревнѣ Коріоновкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АНДРЕЙ.

Уединенну жизнь какъ мнѣ ни выхваляли,
Но вижу, что о томъ пустое мнѣ болтали.
Возможно ли Москву съ деревнею сравнять?
Тамъ нѣтъ полей и роць, а есть гдѣ погулять.
Вовски не могу я къ жизни ихъ привыкнуть,
Пріятности ея не въ силахъ я проникнуть.
Свирьлей пѣжный гласъ не милъ моимъ ушамъ;
Т. XIII. — Отд. I. 9

Въ Москвѣ я живучи привыкъ къ колоколамъ.
 Ужъ три дни какъ я здѣсь, въ угодность господину,
 Скучаю, рвусь, бѣшусь, клянусь мою судьбину:
 Не вѣдаю, зачѣмъ пріѣхалъ онъ сюда!
 Ни-какъ пришла ему взбѣситься череда.
 Не знаю, для какой пріятной здѣсь награды
 Оставилъ онъ Москву, гдѣ балы, маскарады
 Имѣють дивну власть изъ ночи дѣлать день,
 И въ солнечномъ лучѣ ночную прятать тѣнь.
 Что сдѣлалось съ нимъ? что сдѣлалось со мною?
 Неужли мы навѣкъ разстанемся съ Москвою?
 Тому, кто такъ, какъ онъ, безопасно жизнь ведетъ,
 Казалось бы, на умъ деревня не пойдетъ:
 Онъ молодъ, и богатъ, и счастливъ въ нежномъ полѣ:
 Чего жъ ему еще желать осталось болѣ?
 Но нѣтъ! Онъ прежде самъ веселу жизнь любилъ.....
 Теперь сталъ весь не тотъ, печалень и увылъ.
 Жестокая тоска его тревожить стала;
 Она одна сюда по почтѣ насъ примчала.
 Въ деревню отъ роду пріѣхалъ въ первый разъ!
 За цѣлыя сто лѣтъ считаю каждый часъ.
 Пойду теперь, пойду, спрошу я господина,
 Какая бы его тоски была причина?
 Пойду, пойду къ нему.... да что жъ я оробылъ! (*воротался*).
 Онъ мнѣ къ себѣ входитъ безъ просу не велѣлъ,
 Однако жъ я пойду..... Иль онъ лишепъ разсудка?.....
 Нѣтъ, нѣтъ! Останусь здѣсь; теперь не къ стати шутка:
 Съ сердитыми шутить я знаю какво. (*помолчалъ*)
 Кромѣ меня съ собой онъ не взялъ никого.
 За службу вѣрную, за службу для покою,
 По милости своей меня онъ взялъ съ собою.
 Что десять дѣлали, я дѣлаю одинъ.
 Худая жизньъ слугѣ коль бѣшенъ господинъ!.....
 Собачья жизньъ моя!..... терпѣнія не стало!
 Да что за чудо мнѣ въ глаза теперь попало?
 Какое странное и глупое лице!

=

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

АНДРЕЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Съ Москвы-ста барину прислали письмеце.

АНДРЕЙ.

Подай! Не знаю я, что бѣ это за причина!

Скажи мнѣ, ради ль вы прївзду господина?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Какъ вашей милости не радимъ-ста намъ быть?

(хочеть итти.)

АНДРЕЙ.

Постой, мнѣ нужда есть съ тобой поговорить.

Скажи мнѣ, здѣсь не все ль одни живутъ медвѣди,

И есть ли кромѣ ихъ другіе вамъ сосѣди?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Оборони-ста Богъ! Здѣсь мало ли людей?

Да что же-ста!..... Ни-какъ-ста милости твоей

Пришла здѣсь вотчина боярска не по праву?

АНДРЕЙ.

По правдѣ, я нашель худую здѣсь забаву.

Я долженъ или здѣсь съ ума сходить одинъ,

Иль видѣть какъ грустить и рвется господинъ.

Такъ время проводить несносно человѣку.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да такъ же-ста и здѣсь, отъ насъ неподалеку,

Тому ужъ года три боярыня живетъ.

Все плачетъ да груститъ, не взмилилъ ей и свѣтъ.

И, Господи, спаси отъ этакой кручины!

А отчего? Никто не вѣдаетъ причины.

АНДРЕЙ.

Ты чудо мнѣ сказалъ! Да вотъ и Коріонъ.

Я вижу барина, поди отсюда вонъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

КОРІОНЪ *(читалъ письма)*, И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Не прогнѣваю ли я васъ смѣлостью такую,

Прося, чтобъ молвили два слова вы съ слугою?
 О чемъ грустите вы, дозвольте доложить?
 И долго ль будетъ намъ въ такой пустынѣ жить?
 Колю здѣсь останемся еще на долго время,
 Я вижу, мнѣ не спастъ такое скуки бремя. —
 Оставилъ въ городѣ, въ злой грусти, я одну
 Любезную мою и вѣрную жену.
 Хоть приращенія мой лобъ не ожидаетъ,
 Однако сатана женѣ вѣрныхъ искушаетъ.
 Такою хитростью пресильнаго врага,
 Нечаянно носить случается рога.....
 Дождусь ли я отъ васъ пріятнаго отвѣта?
 Молчанье для меня недобрая примѣта!

КОРІОНЪ.

Чернилъ, перо!

АНДРЕЙ.

Къ чему жъ?

КОРІОНЪ.

То дѣлай, что велятъ!

АНДРЕЙ.

Его слова меня, мои его вздурять.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КОРІОНЪ (сидя).

Съ тѣхъ поръ, какъ я къ тому всѣ мысли обращаю,
 Въ лютейшей горести..... отраду ощущаю.
 Для твердыхъ душъ оковъ судьбою нѣ дано:
 Колю бѣдству зриму конецъ, не страшно намъ оно!
 (написавъ нѣсколько строкъ.)

О ты, чьей горести я злобный былъ содѣтель,
 Которой обожать я долженъ добродѣтель,
 Которой за любовь измѣной заплатилъ,
 Которой счастье въ напасти превратилъ!.....
 Колю ты еще жива, тронись моей тоскою,
 Какъ нынѣ тронуть я твоею сталъ судьбою.
 Зеновія! тебѣ, кончая жизнь мою,
 Я все мое теперь богатство отдаю.

Менандръ, мой другъ, тебѣ вручить его конечно ;
 А мнѣ противенъ вѣкъ, я съ нимъ разстанусь вѣчно.
 Отрады для меня нигдѣ не можетъ быть!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

КОРІОНЪ И АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ (съ сторону).

Въ такой тоскѣ весь свѣтъ не трудно позабыть!
 Что я держу въ рукахъ, и то забываю,
 Последуя ему, послѣдній умъ теряю.

(кладетъ письмо на столъ.)

Письмо, которое забылъ отдать я вамъ. (съ сторону).
 Однако онъ теперь писать изволить самъ.
 Конечно онъ въ Москву послать кого намѣренъ,
 Да только не меня, я твердо въ томъ увѣренъ.

(взять перо, чинить.)

КОРІОНЪ.

Что хочешь двѣать ты?

АНДРЕЙ.

Писать письмо къ женѣ,
 И къ братьямъ, и къ друзьямъ, и всей моей роднѣ.
 Мнѣ должно имъ сказать, куда я преселился,
 Изъ бездны ль вышелъ бѣдъ, иль въ бездну провалился.
 Друзья не вѣдаютъ, куда ихъ скрылся другъ,
 Жена не вѣдаетъ, гдѣ кроется супругъ.
 Скажите, длячего бъ не пользоваться вѣкомъ?
 Какъ, въ свѣтѣ живучи, быть мертвымъ человѣкомъ!
 Въ деревню должно тѣмъ навѣкъ переѣзжать,
 Кто хочетъ жителямъ деревни подражать,
 У коня, если кто моей повѣрить справкѣ,
 Подобно какъ они — и разумы въ отставкѣ.
 Иной изъ нихъ, служа и тѣлеси и духу,
 Во здравіе свое до-смерти гнетъ сивуху;
 Иной и день и ночь, проливъ струями потъ,

Гоняясь за скотомъ — и самъ бываетъ скоть.
 Кто много хвастаетъ своими лошадями.
 И лучшіе изъ нихъ равняются со пнямъ,
 Считаая то за верхъ блаженства своего,
 Чтобъ ночь проспять, а днемъ не дѣлать ничего.

КОРІОНЪ.

Будь весель; завтра ты увидишься съ Москвою.

АНДРЕЙ.

Какъ! мнѣ? Воскреснуть мнѣ назначено судьбою?

КОРІОНЪ.

Иль не мило тебѣ со мной въ деревнѣ жить?

АНДРЕЙ.

Веселымъ господамъ охотнѣе служить.
 Извѣстно, что Москва свои имѣетъ правы:
 Тамъ сердце веселятъ различныя забавы:
 Какое множество въ Москвѣ прекрасныхъ лицъ!
 Тамъ всякой найдетъ рай въ собраніи дѣвицъ.
 Не вы ли прежде тамъ въ весельѣ восхищались?
 Не вы ли прелестями Московскими прельщались?
 Я самъ въ Москвѣ, я самъ въ окошко видѣлъ рай,
 А здѣсь въ окно одинъ лишь вижу я сарай.....
 Вы только лишь теперь меня и воскресили,
 Сказавши мнѣ, что тѣ минуты наступили,
 Въ которы выведетъ со мною господинъ.

КОРІОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! я буду здѣсь, поѣдешь ты одинъ.

АНДРЕЙ.

Неужель должно мнѣ безъ васъ Москву увидѣть?
 Съ чего вы вздумали весь свѣтъ возненавидѣть?
 Какой вы вкусъ нашли жить въ сукѣ одному?
 Могу ль я вѣдать, что причиною тому?
 Неужель къ тѣмъ сердцамаъ, которы вамъ вручились,
 Безвременно еще наследники явились?
 Неужель вѣчный жаръ красавицы какой,
 Погаснувъ самъ, пожралъ съ собою вашъ покой?
 Иль та, которая, взявъ въ плѣнъ свой, васъ сковала,

Оковы разорвавъ, въ деревню васъ прогнала?
 Но какъ бы то ни есть, я чѣмъ виновенъ въ томъ?
 Зачто былъ долженъ я остаться здѣсь скотомъ?

КОРІОНЪ.

Теперь тебя съ письмомъ къ Менандру отправляю.

АНДРЕЙ.

А я вамъ отъ него письмо теперь вручаю:
 Мнѣ можно было то по надписи узнать.

КОРІОНЪ.

Но кто бы изъ васъ ему осмѣлился сказать,
 Что я въ деревнѣ здѣсь?.....

(распечатавъ письма, читаетъ одно, и оставляетъ приложенныя на столѣ.)

Онъ быть ко мнѣ намѣренъ.

Да мнѣ его прїездъ не нуженъ. Я увѣренъ,
 Что можешь ты его въ Москвѣ еще застать.....

АНДРЕЙ.

Оставляя васъ грустить, и рваться, и вздыхать?
 По-крайней-мѣрѣ вы задумчивымъ не будьте,
 И этого еще прочесть не позабудьте.

(кладетъ ему два остальныя.)

КОРІОНЪ *(прочитавъ)*.

Изрядно. Я теперь полковникъ.....

АНДРЕЙ.

Вамъ данъ чинъ?

Теперь-то къ радости довольно мнѣ причинъ!
 Не правду ль я сказалъ?... Хотя итъ отъ васъ отѣту,
 Однако я велю закладывать карету.
 Или счастья своего не можете понять?
 Не должно ль намъ въ Москву какъ-можно поспѣшать?
 Хотя сами вы себя немного приневольте!
 Оттуда въ Петербургъ отправиться извольте.
 Вамъ въ генеральскій чинъ не долго будетъ ждать,
 Коль станете во всемъ вы знатнымъ угождать.
 Извѣстны вамъ самимъ большихъ господъ законы,
 Что жалуютъ они нижайшіе поклоны;

Умножьте вы число особою своей
 Стоящихъ съ трепетомъ въ передней ихъ людей;
 И если за чины не вѣдено дарить,
 Такъ должно вамъ хотя за то благодарить,
 Что милость сдѣлали и васъ не обопли,
 Что, живши въ отпуску, вы чинъ себѣ нашли.....
 Да что жь?..... ни-какъ и та вамъ милость непріятна?
 Клянусь, что ваша мнѣ холодность непонятна!

КОРІОНЪ.

Андрей, возьми письмо.

АНДРЕЙ.

Не знаю, что зачать,
 И что на это вамъ мнѣ должно отвѣчать?
 Смущеніе, тоска, печальны разговоры,
 А болѣе всего отчаянны взоры
 Смущаютъ и меня усерднаго слугу;
 И, если доложить о томъ я вамъ могу,
 Скажите, длячего, когда васъ грусть терзаетъ,
 Вы пишете къ тому, кто важно разсуждаетъ?
 Неужель вамъ Менандръ одинъ остался другъ?
 Въ Москвѣ у васъ друзей бывало по сту вдругъ.

КОРІОНЪ.

Тѣхъ временныхъ друзей всегда превратны нравы:
 Не грусть они дѣлаютъ, дѣлаютъ они забавы;
 Хоть кажется они усердіемъ горятъ,
 Однако жь ихъ сердца другое говорятъ;
 И дружба такова проходитъ скоротечно.
 Менандръ, одинъ Менандръ мнѣ будетъ другомъ вѣчно!

АНДРЕЙ.

По-крайней-мѣрѣ я хочу оставить васъ
 Въ хорошемъ обществѣ. Я самъ почти сейчасъ
 Услышалъ, что живетъ красавица въ сосѣдствѣ;
 Въ отчаяннѣ, въ тоскѣ, и горести, и бѣдствѣ,
 Я слышалъ, что она всечасно слезы льетъ;
 Подобно какъ и вамъ, противень ей сталъ свѣтъ:
 Не должно ли подать вамъ помощи ей руку?

Вотъ способъ прогнать свою тоску и скуку.
 Прекрасной госпожи плачь въ радость премѣня,
 Оставьте вы тогда служанку для меня.

КОРІОНЪ.

Какой прескучный вздоръ!

АНДРЕЙ.

На вздоръ ли то походить,
 Когда случай сюда красавицу приводить?
 Кошь вздоромъ кажется вамъ этотъ разговоръ,
 Такъ посему и все у васъ на свѣтъ вздоръ!
 Да если бъ съ вами я и въ томъ не думалъ розно, —
 За этотъ взяться вздоръ и вамъ еще не поздно.....
 Послушайте того, кто хочетъ вамъ добра,
 Которое для васъ лучше серебра.
 Богатства вы теперь имѣете довольно:
 Но весело ли съ нимъ тому, чье сердце вольно?
 И если для того, чтобы спокойно жить,
 На сердце должно вамъ оковы наложить,
 Мнѣ кажется, что тѣ пречудныя оковы
 Въ сосѣдствѣ здѣсь давно для васъ уже готовы.
 Когда угодно вамъ, пойду и полечу.....

КОРІОНЪ.

Останься! Никого я видѣть не хочу.

(уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АНДРЕЙ.

Его уже ничто на разумъ не приводить.
 И больше отчасу съ ума мой баринъ сходить!
 Когда жъ судьба вслить ему съ ума сойти,
 То трудно будетъ здѣсь умный его найти.
 Но въ самомъ дѣлѣ, все, что онъ ни начинаетъ
 Меня и самаго чрезмѣрно огорчаетъ.....
 Хотя много я теперь расхвастался умомъ,
 Однако дѣлать я не знаю что съ письмомъ.....
 Отчанье его отъѣздъ мой усугубить:
 Оставшись здѣсь одинъ, онъ самъ себя погубить.

ДВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АНДРЕЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да та-ста барыня зоветь тебя къ себѣ,
 Про которую прежь я сказывалъ тебѣ.
 Передъ себя она меня призвавши, баеть,
 Что будто-ста она и вашу милость знаетъ.

АНДРЕЙ.

Тенерь не до того, мой другъ: ты долженъ знать,
 Что вельно тебѣ сейчасъ въ Москву, скакать.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Помилуй-ста! Не дай въ конецъ мнѣ разориться!

АНДРЕЙ.

Не плачь, повѣзка та не можетъ долго длиться:
 Къ Менадру долженъ ты отвѣсть письмо туда.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Теперь-ста не за мной осталась череда!
 Обидно, батюшка!

АНДРЕЙ.

Ужь ты, братъ, и мигъ скучишь!

Одной повѣзкою себя ты не измучишь.
 Какая тягость то?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да мы разорены!

АНДРЕЙ.

Скажи мигъ, отчего вы въ то приведены?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Платя-ста барину оброкъ въ указы сроки,
 Бываютъ-ста еще другіе съ насъ оброки,
 Отъ коихъ уже мы погибли-ста въ конецъ.
 Нерѣдко ѣздить къ намъ изъ города гонецъ,
 И въ городъ старосту съ собою онъ таскаетъ,
 Котораго-ста мѣръ, сложившись, выкупаетъ.
 Слухъ есть, что сдѣланъ вновь въ приказѣ приговоръ,
 Чтобъ чаще былъ такой во всемъ уѣздѣ сборъ.
 Не мало и того собирается въ народъ,

Чѣмъ кланяемся мы почасту воеводѣ.
 Къ тому же сборщики драгуны ѣздить къ намъ,
 И безъ пощады бьютъ кнутами по спинамъ,
 Коль денегъ-ста когда даемъ мы имъ пенного.

АНДРЕЙ.

О! о! Мнѣ кажется ужъ это слишкомъ строго.
 Какую бѣдныя крестьяне жизнь ведутъ,
 Коль грабятъ ихъ и тѣ, которымъ преданъ судъ!
 Однако долженъ ты, что велѣно исполнить.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пожалуй-ста хоть впредь изволь словцо замолвить,
 А мы готовы вамъ и сами отслужить.

АНДРЕЙ.

Изрядно. Перестань о томъ теперь тужить.
 Поди скорѣе ты къ отъѣзду убираться.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

КОРІОНЪ И АНДРЕЙ

КОРІОНЪ.

Готовъ ли ѣхать ты?

АНДРЕЙ.

Готовъ я здѣсь остаться.

КОРІОНЪ.

Какъ?..... Что это?.....

АНДРЕЙ.

Такъ.... я... раздумалъ ѣхать самъ.

Зачѣмъ же ѣхать мнѣ, коль васъ не будетъ тамъ?

КОРІОНЪ.

Что значить это все?

АНДРЕЙ.

Что я о васъ жалю,

И одного я васъ оставить здѣсь не смѣю.

Безъ вашей жизни мнѣ, что будетъ и въ моей?

Вы скоро съ жизнію посоритесь своей!

И для того боюсь отсель удалиться,

Хотя бъ я долженъ былъ отъ скуки здѣсь взбѣситься.

КОРИОНЪ.

Кто сказывалъ тебѣ?.....

АНДРЕЙ.

Никто, никто; а такъ!.....

Мнѣ показалось то; затѣмъ, что я дуракъ!
И легче всѣхъ могу во всемъ я ошибаться!
Однако нѣтъ вреда во всемъ остерегаться.
Я жизнию шутить ни чѣю не могу,
И съ жизнию своей я вашу берегу.

КОРИОНЪ.

Еще тебѣ сей свѣтъ, я вижу, не противенъ?

АНДРЕЙ.

Кому такой вопросъ покажется не дивенъ?
Мое намѣреніе, коль Богъ благословитъ,
Не въ важности какой, въ бездѣлкѣ состоитъ, —
И ежели мнѣ въ томъ не помѣшаютъ черти,
Такъ на-землѣ прожить желаю я до смерти.
На свѣтѣ семъ никто два раза не живетъ:
Вотъ мнѣніе мое, и вотъ вамъ мой отвѣтъ.
То правда, что у всѣхъ бываютъ разны вкусы:
Хоть много храбрыхъ есть, однако есть и трусы.
Въ числѣ послѣднихъ былъ и прадедъ мой и дѣдъ,
Которымъ, какъ и мнѣ, любезенъ былъ сей свѣтъ.
И если отъ меня мои родятся дѣтки,
Такъ будутъ таковы жъ какъ ихъ отецъ и предки;
И временной сей свѣтъ полюбятъ и они,
Хоть въ немъ и не всегда бываютъ красны дни.

КОРИОНЪ.

Ты скучишь! Но тебѣ скорѣ ѣхать должно.

АНДРЕЙ.

Что жъ дѣлать мнѣ! Никакъ быть этому не можно!

КОРИОНЪ.

Ужъ больше отъ тебя терпѣть моихъ нѣтъ силъ!
Довольно ты меня, мнѣ кажется, бѣсилъ.
И я съ тобой мое терпѣніе теряю.

АНДРЕЙ.

Уже ль я вамъ моимъ усердьемъ досаждаю?
Себѣ ли въ пользу я остаться здѣсь хочу?

КОРИОНЪ.

Ты будешь ли молчать?

АНДРЕЙ.

Извольте, я молчу!

КОРИОНЪ (*въ сторону*).

Сегодня цѣлый день онъ предо мною бредить.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

КОРИОНЪ, АНДРЕЙ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ (*къ Андрею*).

Готовъ-ста, батюшка!

КОРИОНЪ.

Куда?

АНДРЕЙ.

Въ Москву онъ ѣдетъ.

КОРИОНЪ.

Бездѣльникъ! Такъ ты съ нимъ письмо хотѣлъ послать?

И всѣ мои слова ты сталъ пренебрегать?

Такъ ты теперь ужъ самъ быть хочешь господиномъ?

АНДРЕЙ.

Не льстился я вовѣкъ такимъ великимъ чиномъ;

Я знаю то всегда, что долженъ быть слугой,

Однако, иногда, совѣтъ бываетъ мой.....

Извольте бить меня! замучьте! притаскайте!

Но только отъ себя меня не отпускайте.

КОРИОНЪ (*крестьянину*).Изрядно; ты въ Москву не медя повзжай. (*Андрею*).

А ты, по-крайней-мѣрѣ то хотя теперь узнай,

Что я не буду вѣкъ терпѣть слуги такого,

И что тебѣ давно отпускная готова. (*уходитъ*.)

АНДРЕЙ.

Хоть онъ отпускную изволить обшарь,

Однако вѣкъ ему меня не отпущать.

Хоть много на меня изволить онъ сердиться,

Однако безъ меня не можетъ обойтись.

Подобно безъ него и мнѣ не можно жить:
 Я самъ привыкъ ему съ усердіемъ служить.
 Счастливы господа усердными слугами,
 А слуги добрыми счастливы господами!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МЕНАНДРЪ И АНДРЕЙ

АНДРЕЙ.

Насилу могъ того дождаться я часа,
 Въ который васъ сюда прислали небеса!
 А если бъ вы еще помедлили подолъ,
 То бъ должно было мнѣ взбѣситься по неволѣ.
 Спросите у него, зачѣмъ онъ здѣсь живетъ,
 И отчего ему противенъ сталъ сей свѣтъ?
 Недавно къ вамъ съ письмомъ крестьянинъ отправлялся:
 Я думаю, что онъ на встрѣчу вамъ попался.

МЕНАНДРЪ.

Письма отсюда я еще не получалъ,
 Но здѣсь вблизи я самъ двухъ женщинъ обогналъ,
 Которыхъ разсмотрѣть не можно было точно.....
 Не знаешь ли ты, кто?

АНДРЕЙ.

Я самъ пойду нарочно
 Узнать, зачѣмъ онъ изволятъ вѣхать къ намъ:
 Въ такомъ случаѣ я проворенъ очень самъ.

МЕНАНДРЪ.

Неужель Коріонъ еще того не знаетъ,
 Что я.....

АНДРЕЙ.

Отъ васъ-то онъ теперь и убѣгаетъ,
 И болѣе узнать не можно вамъ его:
 Онъ сталъ совсѣмъ не тотъ.

МЕНАНДРЪ.

Скажи мнѣ, отчего

Онъ началъ такъ грустить, печалиться и рваться?

АНДРЕЙ.

Причины я и самъ не могъ тому добраться;

И сколько мыслями своими не брожу,

Однако я нигдѣ ея не нахожу.

МЕНАНДРЪ.

Какая бѣ быть могла повздки сей причина?

АНДРЕЙ.

Слуга не вѣдаетъ; спросите господина,

Который, весь свой вѣкъ намврясь промолчать,

Мнѣ кажется, и вамъ не будетъ отвѣчать.

Досаденъ иногда и жалокъ онъ бываетъ:

Что слышать самъ велить, то тотчасъ забываетъ.

Такая на него была еще пора,

Что вздумалъ и меня гнать въ шею со двора;

А обошедшися со мною такъ сурово,

Черезъ полчаса забылъ сдержать свое въ томъ слово.

И если не былъ онъ сперва кому знакомъ,

Такъ тотъ его сочтетъ конечно дуракомъ.

Хоть дерзко я сказалъ, да вы не разсердитесь:

Я знаю, что тому вы сами удивитесь,

Увидя какъ себѣ онъ голову вскружилъ.....

Когда бѣ онъ боленъ былъ, я бѣ менѣе тужилъ:

Тогда бѣ помочь ему нашлось какое средство;

А это злѣе всѣхъ болѣзней въ свѣтъ бѣдство,

Чтобъ чувствовать тоску и слезы проливать,

И самому причинъ тоски своей не знать.....

Да вотъ онъ самъ идетъ. Побудьте съ нимъ подоль,

Заставьте вы его открыться по-неволю,

Старайтесь отъ него узнать всю тайну вдругъ.

Я васъ оставляю здѣсь однихъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

КОРИОНЪ И МЕНАНДРЪ.

МЕНАНДРЪ.

Любезный другъ!

Съ какою радостью тебя я обнимаю!
 Повѣрь, что счастье своимъ твое считаю.
 Хотя старался то въ письмѣ изобразить,
 Однако я письмомъ не могъ доволенъ быть,
 И самъ пріѣхалъ я съ тобою повидаться.

КОРІОНЪ.

Дозволь мнѣ искренно, мой другъ, тебѣ признаться,
 Что если бъ ты пріѣздъ дня на два отложилъ,
 То бъ тѣмъ меня еще ты больше одолжилъ.
 Недавно я и самъ письмо послалъ отсель,
 Въ которомъ я просилъ тебя о важномъ дѣлѣ.
 Ахъ, если бъ на себя ты трудъ хотѣлъ принять!
 И обстоятельства.....

МЕНАНДРЪ.

Я не могу понять
 Зачѣмъ ты здѣсь живешь? Что сдѣлалось съ тобою?
 Спѣши скорѣй отсель ты выѣхать со мною.
 Не должно ли тебѣ за чинъ благодарить?

КОРІОНЪ.

За чинъ?..... Но онъ меня не можетъ веселить.
 Отъ дружбы я твоей того не сокрываю,
 Что къ прежней жизни я весь вкусъ уже теряю.
 Противенъ городъ мнѣ, и люди, и весь свѣтъ:
 Они наполнены премоножествомъ суетъ.
 Я отвращенъ къ нимъ жестоко имѣю;
 Доволенъ буду я судьбиною моею,
 Когда останусь здѣсь въ спокойствіи весь вѣкъ,
 И буду отъ суетъ свободный человекъ.

МЕНАНДРЪ.

Я долженъ твоему намѣренію дивиться.
 Прилично ли тебѣ отъ свѣта удалиться,
 Когда уже нашелъ ты счастье себѣ?.....
 Не безразсудно ли намѣреніе сіе?
 Всѣ тѣ, которые его предпринимають,
 Перѣдко со стыдомъ его уничтожаютъ:
 Оставляя свѣтъ, сперва скучаютъ мыслью сей,
 За скукой идетъ грусть, раскаянне за ней;

И послѣ въ свѣтъ вступить желанья вновь родятся,
 А возвратясь, они смѣшными становятся!
 Скорѣе всѣхъ того свѣтъ можетъ позабыть,
 Который въ немъ ни чѣмъ не могъ доволенъ быть;
 Довѣренность его и счастье пропадаетъ:
 Онъ свѣтъ, а свѣтъ его оставить предпринимаетъ,
 Тогда онъ отстаетъ отъ мѣста своего,
 Гдѣ могутъ обойтись легко и безъ него.
 Потому, занять его, опять хотъ мысль приходитъ,
 Но мѣсто прежнее онъ занятымъ находить.
 Скажи мнѣ, чтобъ покой снискать душѣ своей,
 Оставить должно свѣтъ и бѣгать отъ людей?
 Разумный человекъ, которому природа
 Велѣла въ обществѣ для пользы быть народа,
 Оставить должности не хочетъ никогда,
 И гдѣ велить долгъ жить, онъ тамъ живетъ всегда;
 Хотъ при дворѣ жить вѣкъ судьба его приводитъ,
 Уединенье онъ среди двора находить.
 И если иногда онъ такъ захочетъ жить,
 На тотъ часъ можетъ онъ всю пышность отложить,
 Не помышлять о томъ, что важно и полезно,
 И видѣть только то, что есть ему любезно;
 Но ты мнѣ искренно скажи, любезный другъ,
 Какая темна мысль тебя объяла вдругъ?
 И ежели о томъ спросить тебя я смѣю,
 Печаль.....

коріонъ.

Я ни какой печали не имѣю,
 И мнѣ еще къ тому причинъ ни малыхъ нѣтъ.

менандръ.

Такъ ддячего жъ тебѣ противень нынѣ свѣтъ?
 Хотъ нравы у людей и стали поврежденны,
 Однако мы нашъ вѣкъ жить съ ними принужденны;
 Мы должны завсегда покорны быть судьбѣ.
 Послѣдовать сему советую тебѣ,
 И убѣгать людей причины я не вижу.

КОРІОНЪ.

Я ихъ, любезный другъ, и самъ не ненавижу,
 Современникамъ я могу ли быть злодѣй?
 Могу ль я быть въ числѣ превратныхъ тѣхъ людей,
 Которые безъ винъ, безъ права, безъ причины,
 Злословятъ этотъ свѣтъ до самой ихъ кончины?
 Хулитель таковой съ измѣществомъ суровъ:
 Развратны люди есть, но всякой ли таковъ?
 Я много разъ и самъ бывалъ тому свидѣтель,
 Что многими еще хранится добродѣтель.
 Имѣлъ причину я людей не презирать,
 И узы общества усердно почитать;
 И никогда не зналъ такихъ веселій злобныхъ,
 Чтобъ огорчать, язвить и гнать себѣ подобныхъ.

МЕНАНДРЪ.

Къ чему же убѣгать ты свѣта принужденъ?

КОРІОНЪ.

Но чтобъ ты сдѣлалъ самъ? Я къ скукѣ осужденъ;
 Тоскою пораженъ, страдаю и крушуся,
 И уже самъ себѣ я въ тягость становлюся.
 Хочу отъ свѣта скрыть навѣки я того,
 Который въ немъ лишенъ спокойствія всего.
 Не будь встревоженъ ты, мой другъ, моимъ отвѣтомъ:
 Скучаетъ мною свѣтъ, а я скучаю свѣтомъ.
 Пришло то время, чтобъ я тѣхъ забавъ бѣжалъ,
 Которы я любилъ, которы обожалъ.
 Ихъ жизни нашей считалъ я красотою,
 И ихъ же я теперь считаю суетою.
 Онъ стремятся насъ спокойствія лишать,
 Но ужъ его опять не могутъ возвращать.
 Теченіе суетъ на колесо похоже,
 Которое глазамъ всегда представить то же;
 Обманомъ, хитростью и лестью полонъ свѣтъ.
 Убѣжища отъ нихъ нигдѣ намъ больше нѣтъ!
 Мнѣ самымъ опытомъ извѣстно это стало,
 И въ свѣтъ, ко всему желаніе пропало.

Я въ пышной суетѣ всю жизнь мою провелъ:
 Все видѣлъ, все вкусилъ, узналъ, постигъ, презрѣлъ;
 Уже ни что меня на свѣтъ не прельщаетъ;
 Ничто опять въ него меня не возвращаетъ;
 Ни чѣмъ отъ мыслей сихъ не буду отведенъ,
 И здѣсь останусь жить, отъ свѣта удаленъ.

МЕНАНДРЪ.

Питая грусть, тоску, отчаянье презное,
 Ты хочешь оправдать намѣренье такое.
 Но все ли ты вкусилъ блаженство жизни сей?
 Достигнуть ихъ и знать во власти есть твоей:
 Старайся ихъ вкусить и ими наслаждаться.
 Къ чему тебѣ грустить, къ чему тебѣ терзаться?
 И не въ отчаяннѣ ли ты мнѣ теперь сказалъ,
 Что ты на свѣтъ всѣ веселія узналъ?
 И только ли то одно блаженство составляетъ,
 Во что насъ молодость слѣпая увлекаетъ?
 Иль кромѣ тѣхъ страстей, что свойство юныхъ лѣтъ,
 Другаго счастья на свѣтѣ смертнымъ нѣтъ?
 Но если будемъ мы разсудка слушать болѣ,
 Другое мы найдемъ своимъ желаньямъ поле;
 Не будутъ наши въ томъ старанія вотще.
 Повѣрь, любезный другъ, мы не жили еще.
 Какъ скоро обществу служить намъ время стало,
 Съ тѣхъ поръ и жизни мы должны считать начало.
 Кто къ общей пользѣ самъ старанья приложилъ,
 И къ славѣ своего отечества служилъ,
 Тотъ въ жизнь свою вкусилъ веселіе прямое:
 Веселье для него не можетъ быть иное,
 Какъ то, о коемъ онъ старался весь свой вѣкъ, —
 Что бѣ жить и умереть какъ честный человекъ.
 Не внемлешь словъ моихъ, и очи отвращаешь?

КОРІОНЪ.

Ты съ здравымъ разумомъ согласно мнѣ вѣщасишь;
 Но чувства побѣдить уже не можетъ онъ,
 Разсудокъ чувству ю не дѣлаетъ препонъ.

*

Ступай ты тѣмъ путемъ, по коемъ за тобою
 Итти было и мнѣ назначено судьбою;
 Но, ахъ! мнѣ больше жить уже надежды нѣтъ!
 Ты тщетно мнѣ даешь, любезный другъ, советъ,
 Ты тщетно нову жизнь представить мнѣ желаешь
 И счастье новое ты мнѣ изображаешь:
 Нѣтъ больше для меня веселья и забавъ!
 И сталъ совсѣмъ не тотъ какъ прежде былъ мой нравъ.

МЕНАНДРЪ.

Какъ много жъ мысль твоя отъ истины далека!
 Погрѣшность такова безславить челоуѣка;
 Но если бъ свѣта ты и долженъ былъ бѣжать,
 Такъ нужно ль для того и жизнь свою скончать?
 Кто знаетъ разсуждать, тотъ самъ собой доволенъ,
 Жить можетъ отъ суетъ собою самъ уволенъ,
 И, отвращеніе имѣя къ жизни сей,
 Не скучить никогда онъ долею своей.
 А чтобы всякой быть доволенъ могъ судьбою,
 То надобно умѣть довольнымъ быть собою;
 Желаніе сіе имѣя челоуѣкъ,
 Въ уединеніи жить не можетъ весь свой вѣкъ:
 Онъ долженъ раздѣлить свой вкусъ попеременно,
 Порой жить въ обществѣ, порой уединенно.
 И ежели ты здѣсь побольше поживешь,
 Желанье видѣть свѣтъ ты самъ въ себѣ найдешь.
 Премьна такова полезна часто правамъ;
 Отдохновеніе быть должно и забавамъ.
 Онъ становятся нерѣдко въ тягость намъ.
 Примѣромъ быть сему теперь ты можешь самъ:
 Ты долженъ всѣхъ забавъ на нѣсколько лишиться,
 Чтобъ къ нимъ желаніе опять могло родиться,
 И только отъ того несчастливимъ ты сталъ,
 Что ты уже и самъ быть счастливымъ усталъ.
 Ты хочешь повторить слова твои, конечно,
 Что нельзя побудить намъ чувствіе сердечно?
 Но я такую мысль советую забыть.
 Какимъ захочемъ мы, такимъ и можемъ быть.

Разсудокъ чувствіе свободно одолзеть.
 Надъ сердцемъ человекъ власть полную имзеть.
 Прошу тебя, мой другъ, скажи мнѣ, отчего
 Не хочешь слушать словъ ты друга своего,
 Котораго къ тебѣ усердіе непремвнно?
 Скажи мнѣ, наконецъ, скажи мнѣ откровенно,
 Чего не достаешь къ спокойствію твоему,
 И чѣмъ могу служить я другу своему?
 Я раздвлю мое имвніе съ тобою.

КОРІОНЪ.

Я искренностію обязанъ таковою;
 Но ты узнаешь самъ, что я не расточилъ
 Того, что я себѣ въ наслѣдство получилъ.

МЕНАНДРЪ.

Ты болве меня въ смущеніе првводишь!
 Какую же грустить причину ты находишь?

КОРІОНЪ.

Чтобъ отогнать скорвй печальны мысли прочь,
 Уединеніе въ томъ можетъ мнѣ помочь.
 Прошу тебя, мой другъ, сокройся ты отсель,
 И помоги ты въ томъ начатомъ мною дѣлѣ,
 О чѣмъ ты изъ письма узнаешь моего:
 Спокойство состоитъ въ томъ друга твоего.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

МЕНАНДРЪ.

Мнѣ подозрительно спокойствіе такое.
 Конечно принялъ онъ намѣреніе злое
 Въ отчаяннн, тоскѣ, вздыхая и стени!
 Онъ тайны не открылъ, и скрылся отъ меня.
 Я самъ въ смущеніи жестокомъ здѣсь оставленъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МЕНАНДРЪ И КРЕСТЬЯНИНЪ.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я къ вашей милости съ письмомъ въ Москву отправленъ,
 Однако здѣсь, въ близи, по счастью моему,

Сказали мужики на первомъ мнѣ яму,
 Что ты-ста мимо ихъ къ намъ вхать торопился,
 Такъ ддятого и я назадъ-ста воротился.

МЕНАНДРЪ.

Подай скорѣй письмо. Поди отсюда вонь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

МЕНАНДРЪ.

Узнаемъ, отчего несчастливъ Коріонъ. (*читаетъ*)
 «Ты жизни былъ моей, любезный другъ, свидѣтель.
 «Ты зналъ Зеновія любовь и добродѣтель.
 «Ты знаешь наконецъ предъ ней мою вину,
 «За что я самъ себя въ отчаяннѣ клянуп.
 «Я къ смерти подалъ ей невѣрностью причину!
 «Но если рокъ ея остановилъ кончину,
 «И если ты найдешь еще въ живыхъ ее,
 «Вручи ты ей, мой другъ, ямвнне все мое,
 «Увѣрь ее, что я въ раскаяннѣ страдаю,
 «И что съ любовію къ ней я душу искушаю.
 «Приходить время мнѣ оковы разорвать.....
 «Какъ станешь ты, мой другъ, письмо сіе читать,
 «Уже тогда мой духъ отъ тѣла отлучится!
 Коріонъ.»

Онъ самъ себя, увы, убійцей становится!
 Ударъ сей долженъ быть скорѣе отвращенъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

МЕНАНДРЪ ПОТОМЪ АНДРЕЙ.

КОРІОНЪ (*выходитъ съ смущеннымъ видомъ,*)

МЕНАНДРЪ (*обнявъ его*).

Возьми ты сей залогъ, чѣмъ духъ мой возмущенъ.....
 Жестокій! все твое притворство мнѣ открылось.

КОРІОНЪ.

Когда же отъ тебя ни что не утаилось,
 Жалвй меня, мой другъ! О, какъ сталъ бѣденъ я!
 Уже несносна мнѣ несчастна жизнь моя.....
 Хоть то я отъ тебя скрывалъ и притворялся,
 Однако внутренно я болѣе терзался.

Весь свѣтъ, къ которому привязанъ я судьбой,
 Возненавидѣлъ я..... Гнушаюсь самъ собой.
 Отчаянье во мнѣ столь сильно вкоренилось,
 Что больше въ свѣтѣ жить желанье истребилось.
 Разсудокъ, чувствіе и сердце мнѣ мое
 Велятъ скорѣй скончать несчастно бытіе!
 Не должно ль намъ желать скорѣй своей кончины,
 Когда даны судьбой намъ слабости едины,
 Когда и жизнь сама намъ скукой можетъ быть?
 Не должно ль намъ хотѣть скорѣй его забыть?
 Мнѣ кажется, что тѣ безмѣрно малодушны,
 Которые во всемъ судьбѣ своей послушны,
 Которые оковъ не смѣютъ разорвать:
 Несчастнѣй долженъ знать, какъ должно умирать.

МЕНАНДРЪ.

Тебя твоя тоска въ безуміе ввергаетъ,
 Которая мой духъ мятеть и ужасаетъ;
 Иль созданъ ты на свѣтъ лишь только для себя,
 И общество еще не требуетъ тебя?
 Богатство, время, жизнь, что ты своимъ считаешь,
 Тебѣ не надлежатъ: ты мыслью погрѣшаешь;
 Ты долженъ посвятить отечеству свой вѣкъ,
 Коль хочешь навсегда быть честнѣйшій челоуѣкъ.
 Иль никуда тебя твой долгъ не призываетъ?
 Молчаніе твое сильнѣй меня терзаетъ.

КОРІОНЪ.

Поняти не могу я долгу своего!
 Я въ обществѣ совсѣмъ не значу ничего.
 Когда часть слабая захочетъ отдѣлиться,
 Такъ можетъ ли чрезъ то вредъ цѣлому случиться?
 Не буду ни какой подверженъ я винѣ;
 Что было до меня, то будетъ и по мнѣ.
 И многихъ таковыхъ намѣреніе, строго
 Окончить жизнь свою — свѣтъ трогаетъ немного!

МЕНАНДРЪ.

Жестокій! продолжай столь ложно разсуждать,
 И истины въ своихъ погрѣшностяхъ искать!

Но если въ свѣтъ тебя ничто не привлекаетъ,
Неужели твой духъ и дружбу презираетъ?

КОРІОНЪ.

О, гнѣвная судьба, къ чему я приведенъ!.....
Отъ свѣта я всего желаю быть забвенъ!

МЕНАНДРЪ.

Когда же дружество мое тобой презрѣнно
Когда оно твоей взаимности лишено,
По-крайней-мѣрѣ та нѣжнѣйшая любовь,
Которая въ тебѣ усилилася вновь,
Остановить твое намѣреніе злое.
Должна ль любовь вселять отчаянье такое?
Или не хочешь ты Зеновіи искать?

КОРІОНЪ.

Ты хочешь болѣе еще мой духъ терзать!
Не говори ты мнѣ о сей нѣжнѣйшей страсти.
Я самъ причиною былъ общія напасти!
Любовь ея къ себѣ измѣной заплатилъ,
И счастье ея въ злу горестъ превратилъ.....
Теперь я самъ себя за то возненавидѣлъ.
Но еслибъ я ее, любезный другъ, увидѣлъ,
Возможно ль мнѣ еще достойнымъ быть ее?.....
Прерву, прерву скорѣй несчастное бытѣе!
Ахъ, можешь ли, мой другъ, ты то себѣ представить,
Какъ могъ я нѣжную любовницу оставить!
Но зналъ ли я то самъ? Я вѣкъ въ порокахъ жилъ,
И счастья того ни чѣмъ не заслужилъ,
Которо намъ даетъ любовь и добродѣтель.
О, мой любезный другъ, ты былъ тому свидѣтель,
Какъ ею былъ любимъ! какъ я ее любилъ!
Какъ я ее своей измѣной погубилъ!
Какъ добродѣтелью я строгой огорчился,
И какъ отъ прелестей Зеновіи удалился!
Я оскорбилъ чрезъ то и самую любовь,
Которая меня теперь терзаетъ вновь.
Забывъ Зеновію, я выѣхалъ спокоенъ.
Ахъ, могъ ли я тогда быть слезъ ея достоинъ,

Которы обо мнѣ несчастная лила?
 Любовь награждена измѣною была.
 Зеновія чрезъ то такъ много огорчилась,
 Что скоро изъ Москвы сама она сокрылась.....
 И, можетъ-быть, мой другъ, на свѣтъ нѣтъ еѣ!
 Вотъ вся моя напасть! Вотъ бѣдствіе мое!
 Но какъ уже опять я въ городъ возвратился,
 Объяла мною грусть, и духъ мой возмутился;
 И не нашедъ ея, страдаю и грущу,
 Клянупо судьбу мою и смерти я ищу!....
 Лишь тѣмъ хочу вину хоть нѣсколько поправить,
 Что я намврениъ ей богатство все оставить.....
 Что дѣлать мнѣ еще, скажи мнѣ, научи!

МЕНАНДРЪ.

Съяскачь ты мнѣ ея старанье поручи.

КОРІОНЪ.

Стараніе твое все будетъ бесполезно.
 Не буду зрѣть тебя, сокровище любезно!
 Надежду всю мою лютивѣйшій рокъ пресѣкъ!
 Не буду зрѣть тебя, Зеновія, вовекъ!
 Меня съ тобою все на свѣтъ разлучаетъ.....
 Я вижу, что ко мнѣ смерть люта приступаетъ.....
 Готовить мнѣ ударъ..... Стремится поразить.....
 Ахъ, можешь ли ты то себѣ вообразить,
 Что представляется мнѣ въ разумъ расточенный!
 Какую казнь сулитъ мнѣ рокъ ожесточенный!
 Терзають томный духъ ужасныя мечты!
 Зеновія, увы, куда сокрылась ты?
 Почувствуй скорбь мою и сжался надо мною!... .
 Но сжалился ли я, жестокой, надъ тобою,
 Когда слезъ горькихъ токъ изъ глазъ твоихъ былъ лить?

МЕНАНДРЪ.

Она твою вину, любезный другъ, простить,
 Какъ скоро о твоёмъ раскаяннн узнаеть:
 Погрѣшности такой всегда любовь прощаетъ.
 Ты можешь провести спокойно съ нею вѣкъ.

(Андрей входитъ.)

КОРІОНЪ.

Премололучный я на свѣтъ человѣкъ!....
Оставь несчастнаго самимъ собой стыдиться,
Который вдругъ тебя и любить и боится....

МЕНАНДРЪ.

Оставить должно ли мнѣ друга своего?

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МЕНАНДРЪ, АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ (*останавливаетъ Менандра*).

Постойте.....

МЕНАНДРЪ.

Я иду.....

АНДРЕЙ.

Не бойтесь ничего!

Не страшны всѣ его грозящіе отвѣты:
Я шпагу взялъ къ себѣ и прибралъ пистолеты;
И, словомъ, отъ него все то я обобралъ,
Что онъ себѣ къ своей погибели искалъ.
Осталось одного лишь только намъ желати,
Что бь не продлилася его тоска.... А, кстати!
Мы должны поскорѣй нашъ кончить разговоръ.
Теперь та взъѣхала карета къ намъ на дворъ,
Которую вы здѣсь недавно обогнали.
Конечно небеса нарочно ихъ прислали,
Чтобъ чудо славное надъ нами здѣсь явить,
И чтобъ покойника скорѣе воскресить.
Надвюсь, кажется, того не безъ причины,
Что прежде своей воскреснетъ онъ кончины.....
Идутъ..... Вы видите, что я не обманулъ!
А я теперь пойду на прежній караулъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ЗЕНОВІЯ, МЕНАНДРЪ.

МЕНАНДРЪ

Что вижу? О, судьба! не льстишь ли мнѣ мечтою?
Зеновія? тебя ль я вижу предъ собою?

ЗЕНОВІА.

Твой радостный восторгъ, скажи, Менандръ, къ чему
Въ тотъ часъ, какъ жду конца я року своему?

Какую я, увы, премъну ощущаю!

Насмлу на тебя и взоръ свой обращаю!

Но прежде, нежели мой рокъ мнѣ злобенъ сталъ,

Я знаю, что меня ты много почиталъ.

Еще ль въ тебѣ, Менандръ, тв мысли обитають?

Нередко безъ вины несчастныхъ обвиняють.

И можешь ли меня ты обвинить?

МЕНАНДРЪ.

Ахъ, нѣтъ, Зеновіа! престань ты слезы лить.....

Награда той любви назначена судьбиной.

Сей день быть долженъ вамъ веселія причиною!

ЗЕНОВІА.

Что слышу я теперь?

МЕНАНДРЪ.

Раскаясь, Коріонъ.....

ЗЕНОВІА.

Ахъ, можно ль, чтобъ еще былъ страстенъ мною онъ?

Прелестная мечта!

МЕНАНДРЪ.

Ты кончишь всѣ напасти;

Мой другъ сильный еще подверженъ нѣжной страсти.

ЗЕНОВІА.

Дай въ чувство мнѣ притти!..... Ты жизнь мнѣ воз-
вратилъ!

Какое слабый духъ веселье ощутилъ!

Вся жизнь моя была подобна смерти лютой,

Казался всякій день послѣдней мнѣ минутой!

Не льстишь ли ты, Менандръ?

МЕНАНДРЪ.

Вѣрь слову моему:

Тобою онъ любимъ, и ты мила ему.

Но чѣмъ въ сіи мѣста была ты привлеченна?

ЗЕНОВІА.

Влекла меня сюда судьбина раздраженна.

Хотя уже меня надежды онъ лишилъ,

Однако тѣмъ во мнѣ любви не уменьшилъ;
 Лишась надежды, я еще его любила,
 И только длятого себя не погубила,
 Что не могла его изгнать изъ сердца вонъ!
 Ты помнишь какъ меня оставилъ Коріонъ.....
 Оставилъ онъ меня злымъ горестямъ на жертву,
 Терзаему тоской, почти оставилъ мертву!
 Сокрылся, погасилъ любви нѣжнѣйшій жаръ,
 Но скоро мнѣ другой готовился ударъ,
 Въ то время самое и матери лишилась:
 Вотъ длячего, Менандръ, сюда я удалилась;
 Въ уединеніи здѣсь я, съ сродницей своей,
 Провести остатки дни хотѣла жизни сей.....
 Но, ахъ, и тутъ нашла спокойствія препону!
 Сосѣднія мѣста подвластны Коріону:
 Они сильнѣй еще мой духъ терзаютъ вновь,
 Представили на мысль мнѣ прежнюю любовь.
 Я часто по полямъ здѣсь въ горести ходила,
 Вездѣ его, вездѣ, я образъ находила;
 А чтобъ тоску мою хоть мало утолить,
 Я сколько разъ мѣста хотѣла премѣнить;
 Но нѣкая тому противилася сила,
 Котора въ сихъ мѣстахъ меня остановила.
 Три года я жила здѣсь, плача и стенья,
 Но вдругъ смущеніе объяло вдругъ меня;
 Терзался томный духъ и сердце трепетало,
 Какъ мнѣ прибытіе его извѣстно стало.
 Еще невѣрному желаю я предстать,
 Въ послѣдній разъ навѣкъ прости ему сказать.
 И если не могу тронуть его слезами,
 То мертвую меня онъ узреть предъ глазами!
 Но что мы медлимъ здѣсь?.... Пойдемъ скорѣй къ нему,
 Чтобъ возвратилъ покой онъ сердцу моему.

МЕНАНДРЪ.

Ты будешь счастлива, останься здѣсь въ надеждѣ;
 Съ горячностью тебя онъ любить такъ какъ прежде,
 Но должно напередъ мнѣ то ему сказать,

Что хочеть предъ него Зеновія предстать, —
 Отчаянье его такъ сильно поразило.
 Я послѣ расскажу все, что происходило.
 Теперь уже тебѣ причины нѣтъ тужить,
 Любовью онъ свой вѣкъ спокойно будетъ жить.
 Свиданье ваше я съ досадою отлагаю.

З Е Н О В І Я .

Я медленность твою довольно понимаю.....
 Жестокій, ты мнѣ льстишь! еще невѣренъ онъ!

М Е Н А Н Д Р Ъ .

Но если то сказать, что дѣлалъ Коріонъ
 Для утвержденія спокойства твоего,
 Не будешь обвинять ты болѣе его.
 Оставь меня спѣшить желанною минутой.

З Е Н О В І Я .

Не мучь меня, Менандръ, сей медленностью лютой!
 Тебѣ вручаю я все счастье мое.
 Надежду положивъ на дружество твое,
 Я буду жизнь мою такъ долго ненавидѣть,
 Покаместъ не велишь любовника увидѣть.

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

М Е Н А Н Д Р Ъ .

Свершилось все. Увы! мой пистолеть пропалъ.....
 Но ядъ, который я безъ ужасу принялъ,
 Спокойной смертію всѣ чувства покрываетъ,
 И брѣніе сіе въ сонъ вѣчный повергаетъ.
 Ни совѣсть, ни печаль мой разумъ не мятеть.....
 Невольникъ виненъ ли, когда оковы рветъ!
 Судья, что днесъ меня въ ночь мрачну ожидаетъ,
 И другомъ и отцемъ природа вся считаетъ.....

Безсмертная душа Его щедротой льстясь,
Въ объятъе отчее стремится, не страшась.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

КОРІОНЪ И МЕНАНДРЪ.

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ, ты всѣ мои старанья презираешь!
Къ чему ты отъ меня, къ чему ты убѣгаешь?
Я тщетно цѣлый часъ вездѣ тебя искалъ.
Нашедъ тебя, опять мой духъ покоенъ сталъ.
Ты больше чувствовать не будешь грусти бремя,
Теперь способное къ тому осталось время,
Чтобъ сердцу твоему спокойство принести.

КОРІОНЪ.

Прости, любезный другъ! Въ послѣдній разъ, прости!....

МЕНАНДРЪ.

Что слышу я еще? твой духъ опять мятется?

КОРІОНЪ.

Какъ скоро отъ меня душа моя возьметса,
И если зрять еще Зеновія сей свѣтъ,
Исполнь, объ чемъ дросиль.

МЕНАНДРЪ.

Она еще живетъ!

Не презри дружество, не презри страсть нѣжпѣйшу!
Старайся утолить ты горестъ прелютвѣйшу!
Скажи мнѣ, если вдругъ предстанетъ предъ тебя
Любезная твоя, еще тебя любя,
Въ томъ образѣ, какъ ты плѣнился прежде ею,
Какъ вѣрнымъ быть клялся ты жизнию своею, —
Скажи мнѣ, если ты опять увидишь ту,
Которой обожалъ любовь и красоту,
И если она вину твою забудетъ,
И съ равною къ тебѣ любовію пребудетъ, —
Что въ случаѣ такомъ ты думаешь начать?
Еще ль не отмѣнишь ты жизнь твою кончать,
И, слѣдуя опять намѣренію злomu,

Противиться ль начнешь ты счастью таковому,
 Чтобъ страстію сердца взаимно наполнять,
 Желанья, счастье, жизнь съ любезной раздвѣлять?

КОРІОНЪ.

Ты знаешь чѣмъ вину намѣренъ я исправить?
 Но если бъ рокъ хотѣлъ въ живыхъ ея оставить.....
 Престань, любезный другъ, престань о мнѣ жалѣть!
 Хотя она жива, мнѣ надо умереть!
 Мнѣ должно умереть!.... Я твердъ въ своемъ обѣтъ....
 Не вѣрю, чтобъ была Зеновія на свѣтъ.

МЕНАНДРЪ.

Теперь, поверишь ты, мой другъ, моимъ рѣчамъ?.....
 Предстань, Зеновія, предстань его очамъ!

КОРІОНЪ.

Зеновія!..... Богъ мой?..... Не сонъ ли льститъ мнѣ
 ложно?
 Я зрю, Зеновію!... Какъ быть тому возможно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЗЕНОВІЯ, КОРІОНЪ, МЕНАНДРЪ.

ЗЕНОВІЯ.

Возможно быть тому, когда, въ своей винѣ
 Признавшись, отдаешь опять ты сердце мнѣ!
 Еще тебѣ судьба велѣла ту увидѣть,
 Котора не могла тебя возненавидѣть.
 Не внемлешь словъ моихъ и очи отвратилъ?....
 Менандръ, ты, сердцу льстя сильнѣй, меня сразилъ!

КОРІОНЪ.

Къ прощенію вины надежду тотъ теряетъ,
 Кого на свѣтъ все согласно обвиняетъ.
 Хотя бы ты, мою свирѣпость извиня,
 Помыслила простить, дражайшая, меня,
 Я самъ себя того злодѣйства не прощаю,
 И казни на меня лютейшей ожидаю.
 Уже готовъ конецъ жестокостямъ моимъ!
 Я стою ли того, что бъ быть опять твоимъ?

ЗЕНОВІА.

Жестокости твои хотя меня крушили,
Но, ахъ, они во мнѣ любви не уменьшили!

КОРІОНЪ.

Престань о мнѣ жалѣть для счастья твоего!
Узнала страсти всѣ ты сердца моего.
Когда бъ судьба моя съ твоей соединилась,
Печальный бы мой правъ, ты видя, сокрушилась.

ЗЕНОВІА.

Кто къмъ любимъ, къ кому питаетъ въ сердцѣ страсть,
Того не утратитъ и самая напасть.
Въ печали бы тебя утѣшить я старалась,
Веселиемъ твоимъ сама бы утѣшалась.
А если грусть твою не можно побѣдить,
Я стала бы сама съ тобой ее дѣлать.
Желанія твои считала бъ за уставы,
И прекратила бъ я на свѣтѣ всѣ забавы.
Зеновіа съ тобой счастлива можетъ быть.....

КОРІОНЪ.

Надежду сладкую мнѣ должно истребить!
Въ тотъ часъ когда бъ я могъ быть счастливъ несравненно,
Мнѣ жизнь свою скончать судьбой опредѣленно.
Какъ можно радостью исполнить намъ сердца?
Я жду себя тогда лютейшаго конца....

ЗЕНОВІА.

Какое варварство еще ты предпринимаешь?
Какія горести ты мнѣ przygotowляешь?
Что слышу отъ тебя? Жестокій, утѣши
Смущеніе моей прискорбныя души!
Когда бъ тобой любовь не такъ владѣла мало,
Намъренье твое меня бъ не возмущало;
Когда бы жизнь мою ты болѣе любилъ,
Смертельную бъ тоску изъ сердца истребилъ.
Блаженство нашихъ дней любовь опредѣляетъ,
И новую совсѣмъ въ насъ душу полагаетъ.
Ты знаешь, что двоихъ согласіе сердець,
Судьиною на тотъ устроено конецъ,
Чтобъ смертные чрезъ то всѣ бѣдства услаждали,

Страданія свои весельемъ награждалъ;
 Чтобъ тѣмъ могли себѣ спокойствіе принести;
 Украсить жизнь свою и счастье пріобрѣсти.

КОРІОНЪ.

Какъ сердце горестнымъ отчаяньемъ терзалось,
 Тогда мнѣ счастье то совсемъ не представлялось:
 Но, ахъ, когда тебя въ послѣдній вижу разъ,
 Какая вдругъ съ моихъ завѣса спала глазъ!
 Все въ свѣтъ мракъ скрывалъ, все нову жизнь примаешь
 И въ ту же бездну все возвратно упадешь!
 Любовью, ужасомъ мой духъ наполненъ сталъ.....
 Я чувствую, что мнѣ рокъ бѣдственный насталъ....
 Что сдѣлалъ я, увы! что сдѣлалъ я съ тобою!
 Зеновія, навѣкъ разстанься ты со мною!....
 Бѣги ты варвара!

ЗЕНОВІЯ.

За всю нежнѣйшу страсть,
 Жестокій, ты одну готовишь мнѣ напасть?
 И ненависть твоя ко мнѣ не утайлась:
 Ты хочешь, чтобы я отъ глазъ твоихъ сокрылась.....
 (выходя).

А ты, къ чему, Менандръ, къ чему несчастной льстишь?

КОРІОНЪ (останавливая ее и бросаясь на колѣни).

Постой, дражайшая! Онъ правду говорилъ:
 Какъ я тебя люблю, сильнѣй любить не можно!
 Коль клялся онъ о томъ, то клялся онъ не ложно.
 Прости, Зеновія, прости мою вину!
 Злодѣйство то теперь у ногъ твоихъ клянупь,
 Которо отъ тебя, къ несчастью, удаляю
 То сердце, что тебѣ навѣкъ принадлежало;
 Но если я еще въ глазахъ твоихъ злодѣй,
 Такъ вѣдай что отмстилъ я лютоствіи моею.....
 Любовь сего часа къ отмщенью ожидала.....

ЗЕНОВІЯ.

Какая мрачна мысль еще тебя объяла?

КОРІОНЪ.

Ахъ, что тебѣ..... ахъ, что, жестокий, говорю!

Я въ счастіи моемъ отчаяніе зрю!
 Возобновился жаръ любви во мнѣ напрасно;
 Терзаешь грудь мою раскаянье ужасно!
 Открылось поздно мнѣ пространство той мечты,
 Въ которую меня повергли суеты!
 Ахъ, гдѣ скрывалась ты? Куда мой разумъ скрылся!
 Какую злобою мой лютый рокъ свершился!

зеновія.

Престань прошедшее несчастье вспоминать.
 Могу ли я тебя виновнымъ почитать,
 Когда въ раскаянь страдаешь предо мною,
 И хочешь соединить мою съ твоей судьбою?
 Но, ахъ! когда тебѣ въ томъ счастьѣ нѣтъ препонъ,
 Къ чему ты слезы льешь, любезный Коріонъ?

коріонъ.

О, счастье! суетно ты съ ужасомъ сплетенно!
 О сердце бѣдное, надежды ты лишенно!
 Забудь ты варвара, драгая, навсегда!
 Я больше зрѣть тебя не буду никогда!
 Рокъ лютой разлучитъ меня съ тобою грозно!
 Увидѣлъ я тебя, но, ахъ, увидѣлъ поздно!
 Не знаешь ты всѣхъ бѣдствъ..... Въ сію ужасну ночь
 Навѣки отъ меня мой духъ возметса прочь!
 Узнай отчаянья безмѣрную причину,
 Оплачь, оплачь мою несчастную кончину!
 Къ чему привелъ себя я лютостію самъ!
 Несносенъ я землѣ! противенъ небесамъ!

(отдавая письмо.)

Вотъ что любовь моя къ тебѣ приготовляла,
 Когда моя душа въ раскаянь страдала.

зеновія.

Что вижу я!..... Умѣрь ты грусть свою, умѣрь!
 Что сдѣлать ты хотѣлъ?

коріонъ.

Свершилось все теперь,
 И помощи нигдѣ пайти уже не чаю:
 Я выпилъ острый ядъ, и смерти ожидаю.

ЗЕНОВІА.

Ахъ! ахъ!.....

МЕНАНДРЪ.

Несчастный другъ!

ЗЕНОВІА.

Спасай ты жизнь его!

Бѣги! спѣши спасти мнѣ друга своего!

И ежели еще надежда въ немъ примѣтна.....

КОРІОНЪ.

Уже надежда тщетна!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КОРІОНЪ, ЗЕНОВІА.

ЗЕНОВІА.

Жестокій! вотъ какъ ты хранилъ ко мнѣ любовь!

КОРІОНЪ.

При смерти ты моей меня терзашь вновь.....

Ахъ, если ты меня еще подозрѣваешь,

То твѣмъ лютейшую мнѣ смерть предускоряешь!

Не должно ль было мнѣ карать за то себя,

Что въ свѣтѣ долженъ былъ я жить не для тебя?

Свиданія сего мнѣ въ мысль не представлялось;

Мнѣ больше въ свѣтѣ жить причинъ не оставалось,

И видя, что судьбой я къ смерти осужденъ,

Хотѣлъ, чтобъ былъ ея ударъ предупрежденъ.....

Хотѣлъ увидѣть я, разставшись съ суетою,

Вселенну цѣлую украшенну тобою!

Открылось поздно мнѣ, что я обмануть палъ.....

Я вижу смерть мою, и ужасъ мной объялъ!...

За то, что былъ я такъ въ печали малодушенъ,

Что власти Вышняго я сталъ уже преслушенъ,

Что погубить я самъ отважился себя,

Лишаюсь я навѣкъ и жизни и тебя.

Карать меня за то готова адска злоба.....

Я вижу вѣчну ночь!... отверзты двери гроба!...

Нѣмвуютъ члены всь, кровь стынеть..... меркнетъ свѣтъ.

Трепещетъ сердце..... духъ изъ тѣла вонъ идетъ.....
 Терзаюсь, мучусь, рвусь лютѣйшею тоскою.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

КОРІОНЪ, ЗЕНОВІЯ, МЕНАНДРЪ, АНДРЕЙ.

АНДРЕЙ.

Лекарство есть со мною.....

Вы счастливы!

КОРІОНЪ.

Къ чему, безумный, шутишь?.... Вонъ!

АНДРЕЙ.

На этотъ случай я довольно былъ уменъ.

Благодарите вы Всевышняго десницу:

Вы выпили не ядъ, вы выпили водицу!

Въ тотъ часъ, когда вашъ духъ въ отчаяннѣ рвался,

Я въ спальню къ вамъ умно, тихонько забрался,

И, видя, на столъ, въ стаканъ ядъ готовый, —

Желудку вашему напитокъ нездоровый,

Я зналъ что дѣлать мнѣ съ находкою такой:

Ядъ выливши, стаканъ наполнилъ я водой, —

Которой вы потомъ изволили напиться.

Вы живы такъ какъ я: мнѣ можно въ томъ божиться!

ЗЕНОВІЯ.

Не можетъ быть?

МЕНАНДРЪ.

Мой другъ!

КОРІОНЪ.

Я вижу ль то во снѣ?

Зеновія!..... Менандръ!..... А ты, который мнѣ

Причиной сталъ теперь и жизни и отрады,

Чѣмъ можно заплатить?.....

АНДРЕЙ.

Не требую награды!

Я вамъ изъ одного усердія служу,

И въ томъ одномъ свое веселье нахожу.

Я жизни счастливой усердно вамъ желаю,
И съ днемъ рожденія нижайше поздравляю!

КОРІОНЪ *(постепенно воспламеняясь)*.

О, ты, которая украсишь жизнь мою,
Которой сердце я навѣки отдаю!
Забудь вину мою, забудь ее, драгая!
Судьбиною дана на то мнѣ жизнь другая,
Чтобъ счастье мое съ тобою разделять,
Чтобъ мнѣ тебя по смерти любить и обожать.

(въ восторгѣ переходитъ изъ объятій въ объятія.)

«Андрей!..... Менадръ!..... Андрей!..... Зеновья, жизни
сладость,

«Ты будешь мнѣ женой! Возможно ль?..... Моя?

«Со мной!..... Моя!..... Какъ доказать вамъ эту радость!

(въ изступленіи отъ радости.)

«Я счастливъ!!!..... Слышите ль?... Мой умъ..... Я самъ....

Друзья,

«Тотчасъ я буду къ вамъ. *(убѣгаетъ въ другую комнату.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ЗЕНОВІЯ, МЕНАНДРЪ, АНДРЕЙ.

МЕНАНДРЪ.

Еще одно мгновенье,

«И вашъ дражайшій другъ погибъ бы безъ-сомнѣнья....

ЗЕНОВІЯ.

«О какъ я счастлива!.....

АНДРЕЙ *(смотритъ въ ключевую скважину)*.

Онъ пишетъ.

ЗЕНОВІЯ.

Чѣмъ могу

«Вамъ изъяснить мою признательность за ваши

«Всѣ попеченія? Во снѣ и на яву

«Я буду помнитъ ихъ..... Ахъ будьте вѣчно наши!.....

(цѣлуетъ его)

«Онъ добръ въ душѣ!..... Да; я увѣрена была,

«Что онъ исправитъ все; его лишь увлекла

«Та философія, что нынче въ страшной модѣ,
 «Съ презрѣньемъ къ обществу, съ довѣріемъ къ природѣ.
 «Но рано ль, поздно ли, самъ опытъ говорить,
 «Опъ долженъ былъ узнать, какъ ложень.....»

АНДРЕЙ (отворяя потихоньку дверь и заглядывая въ
 другую комнату).

Онъ виситъ!

МЕНАНДРЪ (въ испугѣ).

«Что? Какъ?»

ЗЕНОВІЯ.

Мой Боже!

АНДРЕЙ.

Да! повѣсился на балкѣ.

(Суматоха. Зеновія бросается въ другую комнату.)

МЕНАНДРЪ.

«Ножа! ножа! (бѣжитъ за Зеновіей).

АНДРЕЙ (отворяя дверь въ переднюю).

Ножа!..... Весь домъ сюда! Ножа!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

СТАРОСТА, КЛЮЧНИЦА, ПОВАРЬ съ ножомъ; КУЧЕРЪ,
 СЛУГИ въ разныхъ деревенскихъ одеждахъ. Потомъ МЕНАНДРЪ
 ЗЕНОВІЯ, АНДРЕЙ И КОРИОНЪ.

КЛЮЧНИЦА.

«Отцы мои! Что? гдѣ?.....»

ЗЕНОВІЯ (въ дверяхъ)

Кружится голова! (убѣгаетъ опять)

СТАРОСТА (заглядывая въ другую комнату)

«Нашъ баринъ.....»

КЛЮЧНИЦА.

Ну, родной!

(Шумъ усиливается, всѣ стараются прорваться въ дру-
 гую комнату).

СТАРОСТА.

Ну, тише! Что за галки!

КЛЮЧНИЦА.

«Да что жъ?»

СТАРОСТА.

ПОВѢСИТЬСЯ ИЗВОЛИЛЪ!

КУЧЕРЬ.

Власть своя!

КЛЮЧНИЦА.

«На то и баринъ былъ!

АНДРЕЙ (изъ другой комнаты).

Воды! воды!... Скорѣ!

МЕНАНДРЪ (изъ другой комнаты).

«Скорѣй же!... уксусу!

КЛЮЧНИЦА.

Что жизни бы милѣе!

КУЧЕРЬ.

«Анъ, видишь, нѣтъ!

СТАРОСТА.

Мудренъ лукавый, мать моя!

(Слуги приносятъ Коріона въ креслахъ. Зеновія даетъ ему нюхать спирту; другіе натираютъ виски уксусомъ. Менандръ смотритъ на него съ участіемъ.)

КОРІОНЪ (приходитъ въ себя).

«Ахъ!... Гдѣ я?

ВСѢ.

Живъ!

ЗЕНОВІЯ (въ восторгѣ).

Ты живъ!

КОРІОНЪ (глубоко вздыхая).

Зачѣмъ мнѣ помѣшали!

АНДРЕЙ.

«А какъ вы, сударь, насъ ужасно напугали!

МЕНАНДРЪ.

«Въ той комнатѣ лежитъ записка на столѣ:

«Ее писалъ онъ?

АНДРЕЙ.

Да!

МЕНАНДРЪ.

Подайте-ка ко мнѣ.

(Подаютъ записку. Менандръ читаетъ. Подлѣ него Зеновія и Андрей съ напряженнымъ любопытствомъ.)

«Друзья мои! Такого счастья, такого блаженства, такой неожиданной радости я уже не в силах перенести. «Зеновія! ангелъ мой! жена моя! я не могу сильнѣе выразить тебѣ моего восхищенія, какъ..... Прости, моя Зеновія! Прости, Менандръ! Прощайте всѣ. *Коріонъ.*»

МЕНАНДРЪ (смѣясь).

«Съ восторга въ петлю!»

ЗЕНОВІЯ (рыдая бросается къ Коріону).

Другъ!

АНДРЕЙ (съ слезами на глазахъ).

Ужъ лучше бы напиться,

«Когда никакъ нельзя въ восторгъ изъясниться!»

ПОВАРЪ.

«Вдѣ передъ свадьбою!»

СЛУЖАНКА (плача).

Вотъ сердце!

СТАРОСТА (съ умиленіемъ).

Вотъ душа!

КЛЮЧНИЦА.

«Какія, мой родной, бываютъ чудеса!!!»

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе. Рукопись фонъ-Визина оканчивается стихомъ — «Чтобъ мнѣ тебя по смерть любить и обожать»; но это очевидно не послѣдній стихъ пьесы. За неотысканіемъ подлиннаго конца комедіи, мы рѣшились, для полноты дѣйствія и вѣщаго наслажденія читателей, присоединить къ ней конецъ, придуманный барономъ Брамбеусомъ п А. В. Тимофеевымъ. Прибавленіе это означено чужесловами, для отличія отъ собственнаго сочиненія фонъ-Визина.

=

М Ы С Л Ъ .

=

Подъ сводами черной, туманной пещеры,
Мгновенно облитой волшебнымъ огнемъ
Небеснаго гостя земли, — вдохновенья,
Въ таинственной, грозной тиши, безъ отца,
Безъ матери нежной, родится неожиданный,
Прекрасный младенецъ, — счастливая мысль.

Родимое чувство встрѣчаетъ младенца,
Береть, и лелзеть, и холить. Несетъ,
И въ чистыя ленты его целенаетъ.
Растить и мужаетъ младое дитя, —
Не мѣсяцемъ длиннымъ, не скучными днями,
Не годомъ, не часомъ, не красной весной;

Однимъ мимолетнымъ, веселымъ мгновеньемъ.
И вдругъ прилетаетъ посланникъ небесъ
Съ златыми крылами, — могучее слово;
И въ броню стальную, и въ грозный шлемъ
Его одѣваетъ; и съ знаменемъ крестнымъ,
Мечемъ препоясавъ, выводитъ на свѣтъ.

И юный воитель гуляетъ по свѣту,
Сражаясь съ невѣждой, грома гордеца;
Стучится у храма, у кельи убогой,
У пышныхъ чертоговъ, у грустныхъ хоромъ.
И ластится къ дѣвѣ, и просится къ старцу,
И съ юношей добрымъ безмолвно живетъ.

И вдругъ залетаетъ, неожиданный, въ глухую,
Покрытую мглою и прахомъ страну;
И свѣтомъ небеснымъ ее озаряетъ.

Проснулась земля, и лучъ солнца блеснулъ;
 Цвѣтутъ и сіяютъ искусства, науки:
 И мысль лучезарной кометой парить!

ТИМОФЕЕВЪ.

=

МОЛИТВА.

=

Источникъ свѣта и блаженства
 Въ мірской тяжелой нищеть,
 Молитва! искра совершенства!
 Посланецъ Неба на земь!
 Въ тебѣ пространство исчезаетъ,
 Все безпредѣльное въ тебѣ;
 Твой огонь съ Творцомъ мой духъ сливается,
 Съ тобой парю я къ высотѣ, —
 И въ небесахъ все забываю,
 Всю суетность мірскихъ страстей;
 Любовью лишь одной вздыхаю, —
 И грусти нѣтъ въ душѣ моей.
 Языкъ мой нѣтъ! Нѣтъ, нѣтъ, словами
 Лишь Небо можно оскорбить:
 Краснорѣчивѣ слезами
 Душа умѣетъ говорить.
 Какъ изъ курильницъ дымъ зѣрный
 Прозрачной, легкою струей
 Въ пріютъ стремится Неба мірный,
 Такъ я къ Творцу стремлюсь душой.

Какъ чувствую я все святое
 Въ молитвѣ къ Богу моему!
 Какое счастье неземное,
 И непостижное уму —
 Забывъ всѣ грусти, всѣ желанья,

Все, что заботить въ жизни сей,
 Любви и Вѣры упованья
 Лучъ засвѣтять въ душѣ своей,
 И въ жизни жизнь позабывая,
 Жить лишь безсмертною душой!
 Господь, блаженствомъ духъ питая,
 Въ молитвѣ далъ намъ мѣръ другой;
 Въ немъ жизни цвѣль горитъ святая, —
 Предъ нимъ лишь прахъ весь мѣръ земной.

М—Я Л—ВА.

СЕМЕЙСТВО РОЗЪ.

=

Э Л Е Г И Я.

=

Видали ль вы въ долинѣ сокровенной,
 Въ тѣни склопившихся надъ озеромъ березъ,
 Могильный холмъ, пріютъ уединенный
 Семейства мирнаго пустынныхъ милыхъ розъ?
 Волна прозрачная, любясь ихъ красою,
 Лелзеть на груди трепещущей своей,
 И рзвый мотылёкъ, — любимый гость полей,
 Летитъ къ нимъ отдохнуть полдневною порою
 Въ сіяньѣ радужныхъ огней.
 Вечерній втерокъ, играя ихъ кудрями,
 Когда свершается торжественный закатъ,
 Несется медленно надъ свѣтлыми полями
 И вветъ сладкій ароматъ.
 Забытыя въ глуши, подъ яснымъ неба сводомъ,
 Любимцы солнцевы, изъ крова своего,
 Онъ любятся блистательнымъ восходомъ,

И тихим шелестом приветствуютъ его.
 Заря вечерняя, свѣтило дня скрывал
     За рубежемъ далекихъ синихъ горъ,
     Встрѣчаетъ ихъ прощальный взоръ,
 Дарить улыбкою последней, догарал.
 И въ часъ безмолвія таинственныхъ ночей,
 Родными вѣтвями соплетшися игриво,
     Онъ покоятся счастливо
     На лонѣ матери своей.
 Не страшны бури имъ: въ снѣи гостепріимной
 Онъ защищены отъ бурь и непогодъ.
 Затмится ли когда небесъ лазурный сводъ
     Грядами тучи дымной;
 Промчится ли борей сердитый по лѣсамъ;
 Пролетѣтъ ль молнія огнистыми струями;
 Отгранетъ ли перунъ по мрачнымъ небесамъ, —
 Березы мирными обнимутъ ихъ крылами,
     И дождь скользить по ихъ верхамъ.
 Счастливы розы твѣ въ безопасности невинной!
 Но всѣхъ счастливѣе изъ милыхъ розъ одна:
     Царица области пустынной, —
     Какъ упонительна, какъ роскошна она!
 Какую нѣгою пльнительною дышитъ!
 Какимъ огнемъ уста ея горять!
 Какой съ кудрей ея струится аромать,
 Когда зефиръ главу ея колышитъ!
 Не ей ли по ночамъ, въ густой тѣни вѣтвей,
 Когда луна течетъ въ порфиръ позлащенной,
     Поетъ столь нѣжно соловей,
     Любовью упоенный?
 Не ей ли при зарѣ, когда востокъ горитъ,
 Когда прохладою предъутреннею вѣетъ,
 Пѣвцовъ воздушныхъ царь и свищетъ, и дробитъ,
     И въ страстной пѣсни мѣзетъ?.....
     То ей! то розѣ молодой!
 Она задумчиво пѣвцу любви внимаетъ,

Склонясь прелестною главою,
 И грудь волнуется, и ликъ ея пылаеть!
 Не тщетно любить соловей!
 Глазь сладостный любви для милой розы вянтенъ,
 И счастливый пѣвецъ любви и красныхъ дней
 Для сердца пѣжваго красавицы пріятенъ.

Но здѣсь ли на землѣ подъ гнбущей луной
 Искать негнбущаго счастья?
 Кто въ жизни не видалъ грозы надъ головою?
 Кто, счастливый, избѣгъ отъ грома и ненастья
 И не скорбѣлъ печальною душой?
 Гдѣ тотъ счастливѣйшій, кто жизни въ непогоду
 Умѣлъ торжествовать средь бури роковой,
 Кто укрѣпилъ безсильную природу,
 Не изнемогъ въ борьбѣ съ враждебною судьбой?....
 Возстановленіе изъ тѣнѣя,
 Всечасно ратуя съ природою и собою,
 Въ груди мы носимъ смерть, и вѣру въ Провидѣнье!
 Готовый въ путь оснащенъ легкой чолпъ;
 Маякъ горитъ на пристани востока;
 Умъ — кормчій за рулемъ, и мы средь ярыхъ волнъ,
 Въ неизбѣжимой власти рока!
 Сначала новый путь плываешь повизной;
 Пріятны намъ картины юной жизни,
 И мы плывемъ съ веселою душой
 Въ родимый край отчизны.
 Но длится жизни путь; нашъ кормчій ужъ усталъ;
 Склонясь на руль, безопасно засыпаетъ,
 И жизни цвѣтъ въ мечтахъ неясныхъ исчезаетъ.
 Но чолпъ впередъ..... Вдругъ бури духъ возсталъ:
 Завѣса черная маякъ во тмѣ скрываетъ,
 О твердую скалу гремитъ косматый валъ,
 И вѣтеръ рветъ безсильное вѣтрило!
 Проснувшійся пловець спѣшитъ схватить кормило,—

Но поздно! Чолнъ бѣжить на рядъ подводныхъ скалъ,
 И море чолнъ разбитый поглотило!.....
 Вотъ наша жизнь! Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ
 Отъ тихой пристани очей не отвращаетъ,
 И съ теплою вѣрою, средь горестей и бѣдъ,
 Все къ ней стремленье направляетъ!
 Онъ весело плыветъ чрезъ бурный океанъ;
 Маякъ горитъ въ очахъ его свѣтлѣе;
 Рѣдѣетъ сумрачный туманъ,
 И берегъ родины все ближе и виднѣе!.....
 Вотъ пристань! и пловецъ, отбросивъ легкій чолнъ,
 Цѣлуетъ тихій берегъ страны обѣтванной,
 И, кинувъ свѣтлый взоръ на волны океана,
 Ложится отдохнуть отъ плаванья и волнъ.

. . .

О розы милыя! не долго вы блистали!
 Не долго путника вы радовали взоръ!
 Еще снѣга не скрыли ближнихъ горъ,
 А вы уже увяли!
 Гдѣ дѣтлый вашъ хранитель геній былъ,
 Когда на озеръ громады собирались,
 Когда въ лѣсахъ сердитый вѣтръ завылъ,
 И стаи вороновъ съ далекихъ горъ слетались?
 Зачѣмъ оставилъ васъ? зачѣмъ своимъ крыломъ,
 Во время бурнаго движенія природы,
 Не скрылъ отъ буръ и непогоды,
 Не отвратилъ ниспадшій съ неба громъ?
 .....
 Скончалась ночь. Востокъ холоднымъ пламенемъ пышитъ;
 Въ безоблачной выси скликаются орлы,
 Но буря все сильнѣй дыханьемъ бурнымъ дышитъ;
 Огромные валы
 Стадами тучными на озеръ пасутся;
 Подъ бурей двухъ стихій могильный холмъ дрожитъ;

И съ вихремъ по полямъ зеленый листъ летить.

Дрожа отъ холода поникшими главами,
Три розы милыя сплетаются ветвями;
Верхи деревъ какъ гибки лозы гнутся,
Но тщетно все! Часъ гибели пробилъ,
И вѣтеръ яростный тяжелыми крылами
Двѣ позы юныя безжалостно сломилъ!
Исчезло все, что сердце здѣсь любило!

Что путника ласкало жадный взоръ!
И солнце свѣтлое, поднявшись изъ-за горъ,
Холодный гробъ красавицъ освѣтило.

Но волны озера не скрыли ихъ въ водахъ:

Шума прозрачными крылами,

Онѣ несли сиротъ на пѣнистыхъ хребтахъ,
И окропляли ихъ жемчужными слезами.

Онѣ плывуть!

Повито трауромъ, какъ факелъ погребальный,
Свѣтило дня бросаетъ лучъ прощальный,
Какъ-бы послѣдуя въ послѣдній ихъ приютъ.

Но силы бури не слабвють;

Лѣса шумать, песокъ летить,

Вранъ черный жалобно кричитьъ,

И волны озера бѣлвють.

Онѣ плывуть. За валомъ валъ

Бѣжить шумящею грядою;

И вотъ, какъ западъ догараеъ,

Къ пустому острову прибило ихъ волною,

И вѣтеръ бѣлыми песками закидалъ.

.....

О, что съ тобой, пѣвецъ весеннихъ дней?

Кому твои серебряныя трели?

Ты долженъ промѣнять веселый блескъ полей

На мрачныя лѣса, на гробовыя ели!

Никвмъ незнаемый, ты станешь изпывать

Въ нѣмой глуши уединенья,

И въ пѣсняхъ жалобныхъ лѣсамъ передавать
 Твою тоску, твои мученья.
 Но кто придетъ послушать пѣснь твою?
 Кто затантъ въ груди пѣвительные звуки?....
 И голосъ твой замретъ въ изливахъ тяжкой муки,
 И вѣтеръ разнесетъ ихъ блѣдную струю!.....

..

Наутро стихнули порывы грозной бури:
 Спокойно озеро; не тронется листокъ;
 И царь свѣтилъ восходить на востокъ,
 Для пурпурный блескъ и пламень по лазури.
 Сверкаетъ искрами песокъ;
 Горитъ алмазами кудрявая береза,
 И темный боръ златымъ освѣтился вѣнцомъ;
 Но на холмѣ береговомъ
 Цвѣтетъ одна сиротка, — роза!
 Спасенная подъ гибельной грозой
 Крыломъ хранителя, отнынѣ
 Она одна, своей пѣвительной красой,
 Манитъ взоръ путника, заблудшаго въ пустынь,
 И украшаетъ холмъ родной!

И. ЕРШОВЪ.

ЛЮБОВЬ БѢДНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

=

Въ одномъ изъ тѣхъ губернскихъ городовъ, о которыхъ столица такъ мало имѣетъ понятія, есть прекрасный загородный садъ и умные люди, любящіе гулять въ саду; есть великолѣпная галлерей, въ которой можно танцовать, премылыя женщины, въ которыхъ можно влюбиться, и шампанское, которое можно пить. Я не преувеличиваю.

За садомъ есть величественное заходящее солнце, и видъ съ террасы на мѣсяцъ и звѣзды безподобенъ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю и теперь о прелестныхъ вечерахъ, проведенныхъ въ этомъ саду съ обществомъ любезныхъ и образованныхъ особъ, всегда веселымъ, всегда единомушнымъ, несмотря на различіе возрастовъ и разительную противоположность половъ. Сколько мы здѣсь гуляли! сколько танцовали! О!..... сколько мы здѣсь выпили шампанскаго.

Особенно помню я одинъ вечеръ и его огромное солнце съ широкими розовыми лучами, которые, отражаясь на облакахъ, такъ восхитительно освѣщали тѣнистыя купы деревъ сада и красивыя лица гулявшихъ въ немъ женщинъ. Эта картина осталась навсегда въ моей памяти. Съ восьми часовъ начали съѣзжаться члены нашего общества. Солнце медленно садилось и уже скрывалось подъ зарею. Галлерей освѣтили. Гости пестрѣли въ залъ. Дѣвицы, свившись руками, бродили по аллеямъ, преслѣдуемая молодежью. Вотъ раздалась веселая гармонія кадрили. Всѣ побѣжали въ галлерей. Танцы смѣнялись

одни другими. Безконечно длилась несчастная мазурка. Потомъ наступилъ вальсъ, одинъ изъ самыхъ бѣшеныхъ: женщины, пылающія пламенемъ и которыя казались еще красивѣе огромнаго солнца съ широкими розовыми лучами, перелетали изъ однихъ рукъ въ другія, какъ легкія волны. Я люблю вальсъ въ губерніи. Наконецъ всѣ были утомлены удовольствіемъ. Надлежало освѣжиться шампанскимъ, котораго прохладительное свойство безпрекословно было признано всѣмъ нашимъ обществомъ. Пили много тостовъ, и за здоровье женщинъ, и за здоровье мужчинъ, помнится, даже и за мое здоровье. Но все это было не ново и приторно.

— Нѣтъ, друзья! воскликнулъ Громовъ: это уже не тѣшитъ сердца. Давайте что-нибудь поэмысловатѣе. Вотъ мой тостъ: за здоровье того, кто намъ расскажетъ повѣсть.

— Браво! закричали собесѣдники.

Бокалы стукнулись, и опустѣли. Громову, какъ зачинщику, достался первый расказъ.

— Хорошо, сказалъ онъ: я расскажу вамъ происшествіе, случившееся въ этомъ саду, на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы теперь танцовали. Оно ужасно. Сударыни, вы танцовали по крови и на могилѣ несчастнаго человѣка!

— Ахъ! воскликнули всѣ дамы въ испугъ и прижимаясь другъ къ другу какъ тревожливныя серны, когда услышать выстрѣлъ.

— Рассказывай! рассказывай! закричали мужчины, придвигая къ нимъ свои стулья.

— Вы не боитесь, сударыни? спросилъ онъ.

— Нѣтъ! О, нѣтъ!

Любопытство блестяло въ ихъ глазахъ.

— Такъ и быть, извольте слушать. Кто не испыталъ въ своей жизни сладостныхъ но страшныхъ свойствъ любви? ...

— Стой, стой! прервали его нѣкоторые изъ насъ. Выбери себѣ эпиграфъ. Безъ эпиграфа нѣтъ повѣсти въ нынѣшнее голодное время.

— Откуда вамъ взять эпиграфъ? возразилъ онъ. По-слѣ третьей рюмки шампанскаго я обыкновенно забываю всѣ стихи.

— Эпиграфъ! эпиграфъ! кричали мы Громову хоромъ, и одинъ изъ гостей прочиталъ наизусть стихи своего знаконца:

Прощай, поэзія младая!
И ты состарилась у насъ;
Теперь широко позывалъ,
Романы пишемъ на заказъ;
И стихъ, взлелѣанный на лирѣ,
Лишь въ эпиграфахъ кажетъ ликъ,
Какъ на изношенномъ мундирѣ
Сіетъ шитый воротникъ.

— Эпиграфъ! эпиграфъ! раздавались голоса со всѣхъ сторонъ.

— Хорошо, сказалъ Громовъ: будетъ и эпиграфъ. Слушайте только и не прерывайте.

«Его ужъ вѣтъ. Младой пѣвецъ!
Нашель безвременный конецъ!
.....
Недвижимъ онъ лежалъ, и страшенъ
Былъ томный миръ его чела.»

Пушкинъ.

Кто изъ насъ не зналъ безумнаго волненія страсти, желаній ярыхъ и ненасытныхъ, которыми сопровождается очаровательнѣйшее изъ чувствованій? Свѣтлая какъ звѣзда утра, ароматная какъ весеній вѣтерокъ, любовь поэтизируетъ неопытное сердце, но въ то же время она оковываетъ его тяжелыми дѣпями. Всѣ желанія, которыя внушаетъ она молодому чело-вѣку, овладѣваютъ имъ не для его пользы, а для сильнѣйшаго означенія его рабства. Пусть онъ бывше-

ствуешь и горить как раскаленное желѣзо; пусть кровь его при каждомъ ударѣ артерій брызжетъ искрами, — владычица сказала одно перекорное слово, умашенное ласкою, бросила одинъ молящій взглядъ, и неукротимый палъ передъ нею какъ агнецъ передъ силою льва. Изъ этой деспотической власти надъ нами кроткаго и нѣжнаго существа заключаютъ, что любовь возвышаетъ человѣка и становится причиной его улучшения. Наши старики выражали умное это наведеніе философіи романовъ нѣсколько грубою пословицей — Перебьются, человѣкъ будетъ. Оно такъ: любовь благодѣтельна, говоря вообще: но всегда ли? Если бъ она насъ улучшала, то, такъ какъ люди, съ сотворенія міра и понынѣ, всегда дѣятельно въ ней упражнялись, мы теперь были бъ уже образцами совершенства. Я этого не вижу. Сколько коварства, злобы, неистовствъ порадила она, и поражаетъ? Сколько безвременныхъ памятниковъ возникло подъ ея желѣзнымъ скипетромъ? Сколько прекрасныхъ свойствъ души, вмѣсто оживотворенія, потухло въ ядъ ревности, зачахло въ груди, рожденной для отголосковъ славы? Все было пожертвовано неблагодарной, все, — даже самая жизнь. Я представлю вамъ разительный примѣръ этого. Въ повѣсти моей вы не услышите, сударыни, ничего отвлеченнаго, несбыточнаго или постигаемаго однимъ только воображеніемъ. Здѣсь все истина, — наша, простая, губернская истина. Здѣсь будетъ только три лица, — бѣдность, дарованье и любовь.

Въ пятомъ часу утра, когда на дворъ уже всходило солнце, молодой человѣкъ еще сидѣлъ въ своей комнатѣ, опершись на столъ, загроможденный кнѣгами, бумагами, математическими инструментами и всѣми принадлежностями наукъ. Внимательно разбиралъ онъ чертежи при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи. Глаза его покраснѣли, и утомленіе видимо раз-

дилось по его блѣдному, но милому и выразительно-му лицу. Онъ все еще не отрывалъ глазъ отъ пересѣченныхъ линий, какъ тихо отворилась дверь и пріятный женскій голосъ прозвучалъ: «А вы еще не ложились спать?»

Молодой человекъ обернулся.

— Ахъ, Лиза! Это ты?

Она вошла, робко оглядываясь назадъ и отворивъ дверь настежь.

— Я. Не стыдно ли вамъ убивать самихъ себя? Посмотритесь въ зеркало: на кого вы похожи? Глаза налились кровью, лице бѣлье полотна. Вы безпрестанно худѣете и право... скоро отправитесь на тотъ свѣтъ.

— Что все это въ сравненіи съ удовольствіемъ новаго знанія! Ты не поймешь меня; тебѣ смѣшны покажутся мои восторги, но я дышу ими, — живу, и зато какъ дорого покупаю ихъ! Когда мысль моя не постигаетъ истинъ науки, когда свѣтъ ея становится для меня недоступнымъ, какая бездна мученій поглощаетъ меня! Тогда я не радъ самой жизни. Повѣришь ли? Я не могу равнодушно смотрѣть ни на одно гениальное твореніе: оно будто живымъ голосомъ смѣется надо мною и, возставая колоссально, вопіеть: Достигни высоты моей, и ты будешь счастливъ! Богъ знаетъ, зависть ли это во мнѣ, или влеченіе скрытаго призванія, только я не могу отвратить себя отъ этой жажды къ новымъ усиліямъ ума и къ новымъ побѣдамъ надъ моимъ невѣдѣніемъ. Я стыжусь самого себя. Мнѣ страшно встрѣтиться съ тѣми, которые выше меня образованіемъ; боюсь, чтобъ они не сказали: Вотъ человекъ съ талантомъ, но собственное нерадѣніе причиною его невѣжества. Мнѣ страшно встрѣтиться съ моими грубыми товарищами, которые сибьются надо мною и презрительно называютъ меня ученымъ. Боже мой, Боже мой, что со мною будетъ!

Лиза, понимаешь ли ты голосъ славы? Ты должна понимать его: ты такъ часто берешь мои книги: я вижу, что ты ихъ читаешь, что ты, подобно мнѣ, стараешься образовать свой умъ и обогатить плодомъ тайнаго труда бѣдность нашего воспитанія....

Лиза присѣла подлѣ его стола, потупила взоры и вздохнула. Румянецъ удовольствія или смущенія пылалъ на ея ланитахъ. — До сихъ поръ я не постигъ еще моего предназначенія. Какая наука не напечатлѣвалась въ умъ моемъ? Съ первыхъ дней самочувствія во мнѣ играла поэзія: я ощущалъ ее, но не умѣлъ выразить словами. Нѣсколько страницъ о стихоразмѣрѣ въ пошлой грамматикѣ Меморскаго подняли и отвалили камень, который заграждалъ мнѣ путь къ поэтическому взрыву, и я ударилъ по струнамъ. Счастливо бы пѣлъ я для себя дома, въ одиночествѣ, но поэзія любитъ привѣтъ міра, ищетъ отголоска. Я посылалъ стихи свои въ журналы: первыя печатныя строки вознесли меня до невыразимаго наслажденія. Я восхищался своимъ талантомъ. Въ моемъ самохвальствѣ не было скромности. Но когда, въ обзорѣ словесности за тотъ годъ, обо мнѣ не было сказано ни слова, я будто грянулся о-земь; мои славолубивыя мечтанія разбились въ дребезги. Однако жъ жаръ воображенія не покидалъ, преслѣдовалъ меня. Я почти наизусть вытвердилъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ; рвался исторгнуть у нихъ громъ моей лиры — и чѣмъ болѣе силился, тѣмъ прискорбиѣе чувствовалъ свое ничтожество. О, какъ мучительно было мое состояніе! Вотъ что въ одинъ изъ этихъ тяжелыхъ часовъ вырвалось изъ души моей..... Слушай, Лиза.

Онъ началъ читать ей наизусть свои стихи, грустные, но пылкіе и прекрасные. Постепенно одушевляясь, лице и глаза его сами исполнились поэзіи, становились необыкновенно свѣтлы и красивы, и, когда онъ дошелъ до самыхъ сильныхъ мѣстъ поэмы,

изъ нихъ дышало тѣмъ неземнымъ могуществомъ вдохновенія, отъ котораго колеблются утесы и таютъ сердца тигровъ.

Лиза въ безмолвномъ восторгѣ слушала юношу. Его огненная поэтическая грусть прожгла ее до глубины души. Повременамъ невольныя слезы откликались на его звучныя жалобы. Стройная, высокая, съ прелестнымъ лицомъ, съ раскинутыми на плеча волосами, какъ нарочно въ бѣломъ платьѣ, и притомъ полуосвѣщенная нерѣшительнымъ свѣтомъ ранняго утра, она казалась геніемъ, соприсутствовавшимъ поэту. Тихій пламень прекрасныхъ глазъ довершалъ ея преобразование.

— Лиза, тебѣ жаль меня? сказалъ Владиміръ, послѣ краткаго молчанія: ты цѣнишь мою безотрадную горестъ? Ахъ, только одну тебя вижу я сострадающею мнѣ! Всѣ другіе смѣются надо мной; говорятъ, что я напрасно убиваю жизнь. Что жъ, можетъ, они и правы? Посмотри, всякой изъ нихъ достигъ порядочной должности безъ ученья, нажилъ состояніе и безчувственно влечется къ могилѣ, гдѣ ни талантъ, ни самъ геній не пересилитъ рока, гдѣ всѣ равны, ученые и певѣжды, гдѣ, на той сторонѣ жизни, уже не раздаются отголоски оставленной славы. Но что жъ мнѣ дѣлать съ своимъ сердцемъ? Оно непрерывно мечется изъ стороны въ сторону, и нѣтъ силъ остановить его. Не знаю, добрый или злой духъ мутитъ мой умъ и увлекаетъ его къ одной, единственной цѣли всѣхъ желаній. Тщетно ищу я другаго, сильнѣйшаго чувства: нѣтъ его для меня! нѣтъ, и вѣчно не будетъ. Ахъ, Лиза, что мнѣ дѣлать?

Лиза всеэтовремя, грустно поникнувъ головою, перелистывала одну изъ книгъ, лежавшихъ на столикѣ, и повременамъ читала отдѣльныя мѣста на ея страницахъ. Когда онъ обратился къ ней съ вопросомъ, она тихонько взяла карандашъ, подчеркнула одно

слово, быстро закрыла книгу, и убѣжала, безъ отвѣта.

Изумленный этимъ поступкомъ, который казался ему знакомъ непростительной холодности, молодой человекъ съ гнѣвомъ схватилъ книгу и нашелъ страницу, помѣченную своей слушательницей. Лиза, въ отвѣтъ на вопросъ — что дѣлать? подчеркнула слово — *любить*.

Онъ воспрянулъ, и въ остолбенѣніи смотрѣлъ на дверь, въ которую убѣжала дѣвушка, какъ-будто она сказала ему неслыханную теорему.

Любить! Это слово еще ни однажды не бывало въ его мысляхъ. Уединенный, холодный для общества, исполненный одного желанія, — научиться, Владиміръ не думалъ о любви, и, внезапно увидавъ слово «любить», отмѣченное рукой прекрасной дѣвушки, онъ почувствовалъ сильное, но пріятное волненіе: глаза его вспыхнули, на впалыхъ его щекахъ опять появился румянецъ, и это былъ первый взрывъ страсти въ сердцѣ поэта, уже давно готовомъ воспламениться.

Лиза убѣжала въ свою комнатку, алая какъ маковъ цвѣтъ, обдаваемая жаромъ собственнаго дыханія, трепещущая всеми членами. Она упала на постель и начала рыдать, со стыда, съ испуга, съ отчаянія отъ смѣлости, на которую рѣшилась. Она давно любила Владиміра, давно природнилась къ нему сердцемъ, жаждущимъ любви. Видя его изнуреніе, сострадая объ немъ и сиротствуя въ домъ его родителей, она безнамѣренно отдала ему сердце, сначала дружески, потомъ съ любовію; она являлась къ его позвонимъ, изнурительнымъ занятіямъ, старалась отвлечь его отъ нихъ, и сама раздвѣляла ихъ съ нимъ потаенно, чтобы сдѣлаться достойною его по уму и познаніямъ. Юноша съ благодарностью принималъ заботливость Лизы; иногда скучалъ, долго не видя ея, но въ груди все еще молчало. Теперь сердце отозвалось

на призывный голось, огонь обнялъ душу и думы перелились въ новую форму.

Въ глухомъ мѣстѣ, въ лѣсу, течеть небольшая, но быстрая рѣка. Долго безымянный потокъ журчалъ въ дремучей сторонѣ незнаемо, и только дровосѣкъ пилъ его воду. Пустынная страна бесполезно расточала красоты мѣстоположенія; рѣка напрасно струила свои вкусныя воды; луга и долины невпрокъ устилались шелковою травою. Въ эту пустынь, говорить преданіе, зашелъ старикъ. Непроходимая чаща утомила заблудшаго; усталый, онъ припалъ къ струямъ рѣки и будто испилъ новую бодрость. Усердно помолясь имени Св. Николая, старецъ уснулъ подъ тѣнистымъ деревомъ, и во снѣ посѣтилъ его святой угодникъ. «Молись, сказалъ онъ: я тебя выведу; здѣсь мое мѣсто.» Старецъ проснулся, и увидѣлъ тропинку, которой дотолъ онъ не примѣчалъ. Постигнувъ чудо, онъ не отошелъ пяти шаговъ, какъ увидѣлъ у ручья, на высокомъ деревѣ, сіяющую икону великаго Святителя. Таковы рассказы о чудотворномъ образѣ Св. Николая, который явился на томъ мѣстѣ въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Съ того времени рѣчка пріобрѣла имя «Великой»; на пустыхъ берегахъ ея возникло село, на мѣстѣ чудеснаго явленія сооружена часовня, и вотъ уже много лѣтъ, какъ къ Великой-Рѣкѣ притекають тысячи богомольцевъ. Изъ губернскаго города совершается сюда крестный ходъ при большомъ стеченіи народа, и село Великорѣкское разъ въ годъ населяется на три дня тмою жильцевъ. На улицахъ встають лавки и балаганы, на поляхъ тѣснятся шалаши, въ домахъ гостѣба и веселье; вездѣ торговля, движеніе, народъ: самая ночь полна шума и громкой радости.

Повечеру, когда толпы гуляющихъ бродять по берегамъ Рѣки — Великой и мѣсяць свѣтитъ сквозь вѣтви роши, дрожжа на водѣ, и соловьи разливаются

на той сторонѣ рѣки, село Великорѣцкое, съ его простотою, ближе къ сердцу чѣмъ пышный городъ; оно очаровательно для взора, и внятно убѣждаетъ, какъ прекрасна была патриархальная жизнь людей пастырей. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, по темной аллеѣ шелъ толстый мужчина съ женщиною къ часовнѣ. По аллеѣ пробѣгалъ ручей. Между березокъ лежали нищія, допѣвая житіе Алексѣя, Человѣка Божія. Около часовни бродили женщины, бросали въ бассейнъ деньги, и черпали воду, въ чаяніи исцѣленія, какъ отъ Силоамской купѣли. Толстый мужчина и супруга его вошли въ часовню. Помолясь иконамъ, они неожиданно услышали дѣтскій плачь. Близость крика принудила ихъ осмотрѣться, и они у колонны увидѣли оставленное дитя. Тщетно добивались они чье оно: несчастная мать исчезла или, можетъ-быть, съ мученіемъ скрывалась вблизи, взирая на уносимаго младенца. Какое нужно было сильное бѣдствіе, чтобъ заставить мать предать дитя свое на волю судьбы, чтобъ, оторвавъ его отъ груди, бросить на голодную смерть у порога часовни! Кто исчислить все бѣдствія челоувѣчества! Подкидышъ была дѣвушка. Зоринъ, вручивъ его женѣ, сказалъ: «Возьми, Анна Ивановна! Это Божій даръ. Вотъ мы хлопотали, какую куклу купить Володѣ: теперь привеземъ ему живую куколку». При крещеніи дѣвущку наименовали Елизаветою.

Такова исторія Лизы.

По этому поступку, объ Абрамѣ Ивановичѣ можно бы судить весьма выгодно. Благотворительность есть свойство души благородной; но душа Абрама Ивановича принадлежала къ тому разряду душъ, которыя можно назвать смѣсю: благородное было въ ней перемѣшано съ низкимъ и честность переплеталась подъячествомъ. Болѣе угрюмый чѣмъ ласковый, деспотъ въ исполненіи своихъ намѣреній, часто даже бѣшенный, онъ не любилъ противорѣчія въ домашнемъ бы-

ту, и тотчасъ обнажалъ свою власть. Супруга его была женщина тихая, которая въ молодыхъ лѣтахъ потеряла перваго мужа. Оставшись съ десятью рублями наслѣдства и съ двухъ-лѣтнимъ сыномъ, Владиміромъ, она по-необходимости, ради злополучнаго сироты, вступила во вторичный бракъ, и дорого платила слезами за хлѣбъ, доставленный бѣдному ребенку. Богъ имъ недалъ дѣтей, и этотъ молотка былъ единственнымъ ихъ потомствомъ. Совокупивъ въ немъ всю свою любовь, она великодушно переносила за него всѣ грубости мужа, столько же развратнаго, сколько и жестокаго. Владиміръ возрасталъ подъ надзоромъ материнской любви, и, одаренный прекрасными способностями, съ отличіемъ окончилъ ученье въ гимназіи, единственномъ учебномъ заведеніи нашего города. Отправить его въ университетъ мать не имѣла способовъ. Но это полу-образованіе воскресило пылкую душу Владиміра и заронило въ нее неодолимое стремленіе къ любознанію. Окруженный невѣжествомъ и, что еще хуже, презрѣніемъ къ просвѣщенію, безъ средствъ, безъ надежнаго наставника, юноша старался самъ собою постичь тайны наукъ, и я уже вамъ сказывалъ, какія переносилъ мученія. Признайтесь, что въ немъ дѣйствовало высшее призваніе. Безъ тайнаго голоса генія, это явленіе было бы необъяснимо въ нашемъ городѣ. Такова была юность бѣднаго Владиміра: предаваясь вполнѣ внутренней жизни, онъ не чувствовалъ тяготы вѣшной. Душа его не содрогалась даже при ласкахъ милаго пріемыша, Лизы, съ которою онъ провелъ семнадцать цвѣтущихъ лѣтъ. Его не поражала постепенно развивающаяся красота дѣвушки. Для него не сыпались искры изъ черныхъ глазъ ея; жаркій румянецъ полныхъ щекъ былъ невнятенъ; холодный взоръ его не примѣчалъ трепета лебединой груди и не юлилъ вокругъ маленькихъ ножекъ, прелестно выгляды-

вавшихъ изъ подъ короткаго платьѣца. А эти глаза, эти щеки, грудь, ножки такъ пламенно его любили !

Положеніе Лизы въ домъ Абрама Ивановича было весьма сомнительно, и повидимому сама она знала его опасность. Обычно проводила она дни за работой, трудясь съ большимъ прилежаніемъ по совѣту Анны Ивановны, которая ей твердила, что послѣ должно будетъ кормиться рукодѣльемъ; и, надобно отдать честь Лизѣ, ея работы были въ большой модѣ. Художественный вкусъ отличалъ ея иголку. Вся здѣшнія щеголихи прибѣгали къ ея искусству. По этому случаю она бывала нерѣдко въ хорошихъ домахъ, гдѣ молодые люди позволяли себѣ иногда выражать свои похвалы вздохами. Но прекрасная и искусная Лиза была холодна какъ осенняя струя, которая блещитъ подъ лучемъ солнца. Съ нѣкотораго времени она сдѣлалась безпокойною; шитье свое перенесла въ комнату Анны Ивановны, — тогда какъ прежде любила сидѣть въ гостиной одинокою, — и примѣтно избѣгала всякаго нечаяннаго свиданія съ Абрамомъ Ивановичемъ. Она таилась напрасно: Анна Ивановна, безъ распросовъ, все знала, и сама старалась удалить дѣвушку отъ соблазнителя. Не подслушала ли она ея плача когда въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ, засмотрѣвшись на мѣсяцъ, Лиза была нечаянно сжата въ объятіяхъ Абрама Ивановича? Я этого не знаю. Но Лиза боялась сама открыть свою опасность благодѣтельница, предвидя супружескую ссору, которая вѣроятно кончилась бы ея изгнаніемъ. Съ тѣхъ поръ, не одну полночь проводила она въ слезахъ передъ иконою Небесной Матери Всѣхъ Скорбящихъ. И этотъ Случай, омерзившій въ глазахъ ея Зорина, открылъ ей собственную тайну, которая долго скрывалась въ глубинѣ души: она, краснѣя, созналась сама себѣ, что Владиміръ былъ столько же милъ, сколько Абрамъ

Ивановичъ гадокъ и отвратителенъ. Остальное я вамъ разсказывалъ.

Темный, какъ ябедное прошеніе, расхаживалъ Абрамъ Ивановичъ по комнатамъ, и, проходя мимо Лизы, угрожалъ ей взглядами. Бурныя его страсти плескали въ груди какъ волны на бурунь; все было потоплено, — и состраданіе, и благородство, и умѣренность. Онъ рѣшился погубить бѣдную дѣвушку. И надобно же было, чтобъ въ это ужасное время Владиміръ отвѣчалъ любовью на любовь сиротки! Сначала Абрамъ Ивановичъ не подозрѣвалъ ничего, кромѣ холодности къ нему, — обстоятельство, которое отнюдь не казалось ему страннымъ. «Время все передѣлаетъ; перемелется — мука будетъ,» говорилъ Зоринъ своимъ фигурнымъ языкомъ, и слѣдилъ за упряницей. Но внезапная переменна во Владиміръ открыла ему глаза. Владиміръ былъ теперь рѣшительно влюбленный. Въ весьма короткое время онъ вполне постигъ смыслъ волшебнаго слова, подчеркнутаго дѣвушкою въ его книгѣ, и этого блаженнаго смысла жаждала душа его, умаянная удушливыми занятіями. Онъ забылъ свое призваніе, не слышалъ уже дальняго голоса славы, оставилъ всѣ свои намѣренія итти пышкомъ въ столицу и искать тамъ вѣнцевъ и отличій. Лиза была для него гармоніей дивныхъ заоблачныхъ пѣсень, въ которой сливались всѣ другіе звуки души. Всѣ мечты, всѣ надежды сбѣжались въ одно желаніе, — непрерывно ее видѣть, быть тамъ, гдѣ она, жить всегда съ ней и для нея. Но этого блага онъ лишился внезапно. Ястребиный взоръ отчима постигъ тайну, — и началось бѣшеное гоненіе.

Не давая понять своихъ намѣреній, Абрамъ Ивановичъ прежде всего разстроилъ ихъ свиданія: онъ постарался опредѣлить Владиміра въ такую службу, гдѣ тотъ долженъ былъ находиться съ утра до поздней ночи. Лизу никуда не пускали, даже въ церковь.

Въ городѣ всѣ дивились затворничеству семейства Зорина, но такъ какъ оно было въ числѣ незначительныхъ, то объ немъ скоро забыли.

Какъ быстро разрушилось счастье юноши! Какъ легко погибли его наслажденія! Нѣтъ и тѣни прежнихъ надеждъ. Все предупреждено. Онъ теперь жилъ въ особомъ флигелѣ, удаленномъ отъ главнаго дома. Зоринъ сторожилъ Лизу какъ звѣрь.

Но вы сами знаете, что для любви нѣтъ замковъ, ни дверей, и что съ давняго времени она ходитъ въ окна.

Холодныя осеннія ночи рѣдко освѣщались мѣсяцемъ, и только одинокая звѣздочка кой-гдѣ сверкала между облаковъ. Вечеръ былъ длиненъ и скученъ. Часы тянулись на долгихъ. У дамъ не доставало занятій, чѣмъ бы скоротать время, и со скуки онѣ любезничали съ мужьями,—что, какъ извѣстно, весьма обыкновенно у насъ въ губерніи. Въ моихъ думахъ о необходимости жениться, я рассчитываю на эти осенніе вечера.

Въ одиннадцать часовъ, въ домѣ Зорина, все смолкло. Въ спальнѣ мелькала лампадка, лія свѣтъ на двери Лизиной комнаты. Сторожкій слухъ Абрама Ивановича готовъ былъ при малѣйшемъ шумѣ воспрянуть. Низкія подозрѣнія овладѣли имъ и тревожили его поминутно. Было полночь. Мелкій дождь сыпался какъ песокъ. Кто-то мелькнулъ черезъ заборъ. Цѣпная собака взлаяла. Черезъ минуту, въ темнотѣ, завидѣлся человѣкъ, который взбирался по углу на крышу, и вотъ оттуда ловко спустился къ окну, цѣпко установясь на закраинѣ. Въ окнѣ отворилась форточка.

— Ахъ, Лиза, сколько времени не видались мы! Если бы ты знала какъ я страдаю! Всѣ мои прежнія муки ничего не значать. Зачѣмъ ты указала мнѣ на любовь?

— Не упрекай, Владиміръ; мнѣ вдвое тяжелѣй твоего. Ты только не видишь меня, а я сколько еще тер-

влю отъ злаго чловѣка. Онъ какъ волкъ гоняется за мною; запираетъ меня, бранить и угрожаетъ выгнать. Я бы и рада: вѣдь мѣръ не безъ добрыхъ людей.

— Такъ что жъ, Лизанька! уйди отъ него; я женюсь на тебѣ.

— Да какъ же я уйду, когда онъ не отпускаетъ? Какъ-то, на дняхъ, вытерпѣвъ брань и заливаясь слезами, я сказала ему. » Опустите меня, я буду за васъ Богу молиться. » Боже, какой онъ поднялъ крикъ! » Тебя отпустить? Развѣ ты не знаешь, что ты крепостная моя? что ты подкидышь, дѣвка безъ имени, работница моя; что ты околѣла бы съ голоду безъ меня? Змѣя! я отогрѣлъ тебя, а ты чѣмъ мнѣ платишь?.....Упрямствомъ?» прошепталъ онъ мнѣ, стиснувъ зубы. За меня было вступилась добрая твоя матушка, но онъ прогналъ ее. Ахъ, Владимѣръ, если бы не любовь къ тебѣ,.....я предалась бы отчаянію.

— Лиза! убѣжимъ и обвѣнчаемся.

— А чѣмъ же мы будемъ жить?

— О, это ничего! Мертвой не безъ могилы, живой не безъ хлѣба. Станемъ работать. Убѣжимъ, душенька.

— Я согласна. Когда же, мой милый?

Ужъ если бѣжать, такъ поскорѣе.

— А вотъ сейчасъ! вскрикнулъ громовой голосъ, и длинный шестъ влѣпился во всю спину Владимѣра, такъ, что онъ какъ снопъ грянулся на землю, и едва могъ опомниться, угощаемый пинками.

— Такъ-то, молокососъ! у тебя ночныя свиданія! Ты хочешь похищать красавицъ! вотъ я тебя отдѣлаю, молодца,—и каждое слово Абрама Ивановича сопровождалось учащенными ударами.

Почти полуживымъ дотацился Владимѣръ до своей тюрьмы.

Избитый и огорченный, онъ страдалъ тѣлесно и душевно. Вышедъ уже изъ тѣхъ лѣтъ, когда побой ва-

бывались среди ребяческих игръ, имѣя уже къ самому себѣ уваженіе, какъ онъ чувствовалъ себя уничиженнымъ! И притомъ страшныя мысли о несчастной Лизѣ бороздили его душу.

Утренняя заря взглянула къ нему въ окно, а сонъ не спускался еще на глаза, увлажненные слезами.

Передъ полуднемъ позвали его къ отчиму. Съ трепетомъ, — не о самомъ себѣ, — шелъ онъ къ мучителю, и, отворивъ дверь, пошатнулся и припалъ къ стѣнѣ. Онъ увидѣлъ свою Лизу въ пестрядинномъ платьѣ, съ обнаженными ногами, моющую полъ наравнѣ съ другою поломойницей. Ея нѣжныя руки трескались отъ грязнаго кипятка и розовыя пальцы, скользя съ мочалки, цѣплялись за суковатый полъ. Слезы крупными градинками падали на открытую грудь. Она не смѣла обратиться къ Владиміру.

— Ну, мой же, красавица! Что призадумалась? Даромъ хлѣбомъ нигдѣ не кормятъ. Аль не умѣешь? Видишь, какая нѣженка! А по ночамъ цѣловаться да миловаться такъ твоё дѣло. Эй, Степанида! поучи-ка ее хорошенько.

По грозному велѣнію Зорина, Степанида, толстая поломойница, обмакнувъ мочалку въ кипятокъ сунула ее въ руки Лизѣ; потомъ посыпала на полъ дресвы и велѣла ей крѣпко тереть вѣнникомъ, а послѣ скрести ножемъ.

— Что, хороша? спросилъ Абрамъ Ивановичъ Владиміра, выдернувъ его изъ за стульевъ прямо къ Лизѣ. Полюбуйся своей красавицей.

Но Владиміръ стоялъ молча, съ мутными глазами. Кровь его взволновалась, приступила къ головѣ и хлынула ртомъ къ ногамъ Лизы. Зоринъ вытолкнулъ его вонъ.

Послѣ обѣда Владиміръ былъ изгнанъ изъ отчимова дома, и даже не простился съ матерью. Вскорѣ и самъ

Абрамъ Ивановичъ уѣхалъ съ женою и Лизою въ дальшій уѣздъ, гдѣ имѣлъ мельницу.

Въ это время пріѣхалъ сюда новый губернаторъ съ тремя дочерьми дѣвицами, которыя оживили здѣшнее общество. Заведены благородныя собранія, балы, вечера. По степени веселья усилилось и щегольство, а съ нарядами вспомнили и Лизу. Положеніе ея было приведено въ ясность горничными. Губернатору рассказали судьбу угнетенной и заброшенной въ глушь дѣвушки, и убѣдили его взять ее подъ свое покровительство. Не буду говорить, какого труда стоило благородному челоуѣку вырвать ее изъ рукъ Зорина. Она была принята въ семейство губернатора на житье, и скоро, своими удивительными способностями, достигла того образованія, той граціозности, которыхъ общество требуетъ отъ женщины. Губернскій нашъ свѣтъ обрадовался новой поклонницѣ, и Лиза предалась ему со всею пылкостью.

Безъ состоянія, безъ насущнаго хлѣба, впервые предоставленный самому себѣ, молодой челоуѣкъ не потерялся. Дѣятельно принялся онъ за службу, и кое какъ содержалъ себя жалованьемъ. Бѣдность и нужда не стѣсняли его, но сердце.... сердце маялось попрежнему. Онъ не зналъ, ни гдѣ Лиза, ни что дѣлалось выше его круга. Нѣсколько разъ принимался онъ за свои прежніе планы—путешествовать въ столицу, довершить тамъ свое воспитаніе, искать извѣстности помощію дарованія, и никакъ не могъ отторгнуться отъ мѣстъ, освященныхъ воспоминаніями о Лизѣ. Онъ былъ прикованъ къ этому дому, къ этой улицѣ, къ этой тропинкѣ, ко всему, что только возстановляло въ его умѣ образъ этой дѣвушки и счастливаго времени, проведеннаго съ нею. Ни съ кѣмъ не знакомый, чуждаясь людей и веселья, онъ не былъ даже въ числѣ мужичнѣ, толкающихся въ собраніяхъ. Увымо и медленно тянулись дни его, какъ нитка изъ кудели

старухи. Онъ сталъ ко всему равнодушень, всѣмъ пренебрегалъ, и даже по службѣ ничего не выигрывалъ.

Однажды, во время ярмарки, онъ встрѣтилъ на площади губернаторскую карету, въ окнѣ которой показалось прекрасное лице. «Она! непременно она!» воскликнулъ онъ, и бросился за каретой. Вбѣжавъ подъ аркады гостинаго двора, у котораго остановился экипажъ, Владиміръ пробился къ дверямъ одной лавки, наполненной дамами, и сталъ за колонною, ожидая, что она оглянется. Вотъ медленно, съ замѣтною робостью, начала оборачиваться головка, покрытая голубою шляпкою съ зыблющимися перьями: но кто-то изъ подругъ остано­вилъ есфазговоромъ. Опять движеніе, и опять помѣха. Нетерпѣливый Владиміръ стоялъ какъ на угольяхъ. Наконецъ головка обернулась, и Владиміръ громко воскликнулъ — «Лиза!» Онъ протянулъ къ ней руки, но головка была уже на своемъ мѣстѣ. Около стоявшіе съ изумленіемъ и насмѣшкою поглядѣли на бѣднаго «чиновника». Въ ихъ высоко­мѣрномъ взглядѣ было написано — «Какой-то чиновникъ!» Онъ смутился и покраснѣлъ за свое изношенное платьѣ, которое навлекло это презрѣніе на благородное сердце, бившееся подъ нимъ со всею силою чистаго и возвышеннаго чувства. Но чему до нихъ? Онъ видѣлъ Лизу — и Божіи свѣчи образа, висѣвшаго подъ сводомъ корридора, горѣли для него солнцами радости. Какъ тепло молился онъ своему ангелу хранителю!

Владиміръ прижался къ дверямъ лавки, такъ что его ни какаѣ сила не могла оттереть отъ нихъ: тутъ должно было проходить семейству губернатора. И точно, Лиза прошла мимо его, улыбнулась, мило кивнула головкою, — и только: до того ли ей было, когда на встрѣчу посыпались привѣтствія разодѣтыхъ ярмарочныхъ кавалеровъ.

Нѣтъ, эта встрѣча не воскресила радости въ душѣ Владиміра. Не весенняя заря мелькнула въ глазахъ Лизы, а холодное сіяніе сѣвера: онъ получилъ только обычную ласку, взоръ свѣтской учтивости.

Попрежнему онъ опять не видѣлъ Лизы, какъ бы ея не было въ городѣ. Теперь ея любовь, ея сердце, представлялись ему печальнымъ пожарищемъ; онъ видѣлъ только столбъ легкаго дыма, остатокъ угасшихъ огней, а пламя уже не освѣщало горизонта: оно, можетъ быть, давно уже исчезло. О, если бы онъ могъ быть въ свѣтъ! Онъ вырвалъ бы ее изъ рукъ обольщенія. Но свѣтъ былъ для него недоступенъ. И что бы изъ этого было? Какъ обезоруженный дикарь, онъ съ бышенствомъ смотрѣлъ бы только на ватагу обольстителей; его усилія казались бы смѣшными; чудаконьки любятъ дразнить. Нѣтъ, она сама возвратится къ нему, думалъ онъ.

Напрасно ждалъ юноша. Въ пылкой душѣ его образовалось новое, убійственное чувство, — ревность. Ужасное чувство! Оно—безграничная гордость сердца, неугомонный эгоизмъ, рѣка томительныхъ мученій, наважденіе злаго духа, окунающаго каждую мысль въ кипятокъ подозрѣній. Ревнующій готовъ всюду посѣять сѣмена раздора, поссорить со всѣми свою избранную, даже обезславить ее, чтобъ никто кромѣ его не любилъ ея; чтобъ только онъ былъ для ней вѣстникомъ радости. Бываютъ ужасные часы, когда ревнивецъ желаетъ возлюбленной смерти и готовъ самъ умертвить ее. Это потому, что любовь улучшаетъ челоуѣка.

Въ комнатѣ губернаторскихъ дочерей, въ одинъ изъ праздныхъ вечеровъ, когда не танцуютъ, не играютъ въ карты, словомъ, когда не знаютъ какъ жить, какъ убить время, дѣвицы сидѣли вокругъ стола, — одна другой милѣе. Впрочемъ въ этотъ вечеръ было застѣ-

*

даніе тайнаго судилища, гдѣ изрекаются приговоры мужчинамъ всей губерніи.

— Какъ я устала на этомъ балѣ! сказала дѣвица высокаго роста, съ черными глазами.

— Право? Отчего жъ такъ? спросила другая.

— Какъ отчего? меня замучили выборами. Я не сходила съ доски всю ночь.

— А мы все объ васъ сожалѣли, возразила третья. Васъ преслѣдовало несчастье. Надобно знать, кто выбиралъ. Вашъ постоянный кавалеръ былъ этотъ долгоносый Гусакинъ.

— Немножко ревности, моя милая. Вамъ самимъ нравится Гусакинъ. Скажите, чѣмъ онъ не мужчина?

— Ха, ха, ха! Прекрасенъ какъ Амуръ. И если у Амура былъ такой же длинный носъ.....

— Что жъ вы скажете о Радинѣ? прервала Липецкая, молодая и смазливая брюнетка.

— Да; онъ не дурень, жаль только, что лысь.

— Фи! сказали въ одинъ голосъ всѣ дѣвицы.

Софія въ это время чертила карандашемъ на бумагѣ какія-то буквы и вдругъ ихъ замарала. Евгенія выхватила у ней бумагу изъ-подъ руки.

— Па.....Па.....произнесла она, стараясь разобрать писаніе Софіи, которая отнимала у ней свою бумагу.

— Павлинъ, сказала молодая вдова.

Софія покраснѣла по уши.

— Павлинъ! Павлинъ! воскликнули многія.

— Какой у тебя вкусъ! сказала Липецкая. По мнѣ, этотъ Павлинъ самое отвратительное созданіе въ мірѣ.

— Перестань, Саша! сказала ей Софія съ гнѣвомъ.

— Такой крошечный! продолжала Липецкая. Ха, ха, ха!.....

— Правда, что это очень гадко, примолвила Евгенія. Мужчина малый ростомъ.....Фи! Въ этомъ одномъ я рѣшительно послушалась бы маменьки,—если бы она захотѣла выдать меня за маленькаго мужчину..

— Очень милъ и Путинъ, сказала ей Софія съ досадою. Онъ еще дитя, и его можно въ два часа сгубить навѣки.

— О, нѣтъ! Онъ уже не глупъ, возразила вдова. Не надобно довѣрять простодушію. Совѣтница Чирикина можетъ вамъ удѣлить объ немъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Ахъ, кстати. Настинька, отчего вы такъ хмурились съ Эминимъ? Оттого ли, что онъ прыгаетъ мазурку по-козлиному? Ха, ха, ха!.....

— Онъ такой *скушный*, сказала Настинька, надувшись.

— А вы, Лиза, кѣмъ недовольны? Или для васъ всѣ равны? Что же вы молчите?

— Что ей сказать? подхватила насмѣшливая Липецкая: у ней на устахъ одно имя, Владиміръ. Да она его никому не скажетъ! Прежняя склонность памятна. Старый другъ, лучше новыхъ двухъ.....

У Лизы выкатились двѣ слезинки, и пали тихо на грудь. Липецкая замѣтила ихъ и бросилась цѣловать ее.

— Кто этотъ Владиміръ? тихо спросила вдова у Липецкой.

— Какой-то мелкій чиновникъ Губернскаго Правленія, отвѣчала Липецкая съ презрѣніемъ. Сто или двѣсти рублей жалованья.....мѣдью.....

— И они любятъ другъ друга! сказала вдова. Эта голь удивительна: она во всемъ хочетъ подражать богатымъ, и не понимаетъ того, что любовь создана не для нищихъ.....

Липецкая, затыкая свой ротикъ платкомъ, отвѣчала ей: — Хи, хи, хи!.....

— Что жъ мы забыли вѣчнаго угодника, Семена Петровича? громко сказала она, приподнимая головку и смотря на Лизу весело или безстыдно, — какъ вамъ угодно. Вотъ ужъ истинно прекрасный человекъ. Не

множко пожилой, да это ничего; зато преприятный и преловкій, какъ незнаю кто. Скажите, кому онъ правится? кто здѣсь его любить? Отклика не было, но всѣ коварно посмотрѣли на Лизу, которой взоръ утонулъ въ работѣ.

— Такъ меня никто не любить? воскликнулъ голосъ изъ-за двери, и вошелъ Семень Петровичъ.

— Ахъ, вы подслушивали насъ! вскричалъ въ одинъ голосъ весь ареопагъ.

— Нѣтъ, ей Богу, нѣтъ! Я только-что пришелъ, и слышалъ вашу рѣчь про одного меня.—Такъ меня никто не любить? продолжалъ Семень Петровичъ. Никто! Знаете ли какъ тяжело отзывается это слово въ душѣ?..... А я такъ напротивъ, я все еще люблю. Меня не любятъ! Для кого же жить? Эта мысль, право, сведеть меня въ могилу..... Надобно признаться, сударыни, что какъ вы ни добры, какъ ни нѣжны, а между вами есть ужасныя мучительницы.....

— Помилуйте! воскликнуло собранье: ужели вы страдаете? Кто жъ эта мучительница?

— Зачѣмъ называть ее. Ежели она здѣсь, такъ она вѣроятно давно поняла меня: сердце сердцу вѣсть подастъ.

Собесѣдницы переглянулись, и опять остановили взоры на смутившейся Лизѣ.

Послѣ краткаго умолка, разговоръ принялъ другой оборотъ, и когда сотни вопросовъ и ответовъ превратились въ общій шумъ и хохотъ, Семень Петровичъ сѣлъ подлѣ старшей хозяйки. Они разговаривали тихо, но въ рѣчахъ и лицѣ Семена Петровича обнаруживалось волненіе.

— Отчего я не нравлюсь ей? спросилъ онъ Серафиму Львовну.

— Напротивъ, вы ей очень нравитесь. Она понимаетъ ваши достоинства и то счастье, которое нашла бы въ жизни съ вами. Повѣрьте, несчастія много

сократили легкомысленность. Безпріютная сирота, можетъ ли она ручаться за свою будущность? И крѣпко ли теперешнее ея благополучіе? Не будетъ насъ, — и что съ нею станется? Попрежнему бездомная Лиза, безъ приклона, безъ хлѣба. Вотъ ея собственныя мысли.

— Но почему жъ она ненавидитъ меня, бѣжить того спокойствія, которое я повергаю передъ ней?

— Какъ вы недогадливы, Семень Петровичъ. Почему?... Странный вопросъ!..... Любите ли вы Лизу?

— Чрезвычайно.

— Рѣшились ли бы вы съ перваго слова жениться на другой?

— Безъ-сомнѣнія, нѣтъ.

— Такъ примѣните же это къ Лизѣ, и будьте подогадливыѣ.

— Какъ! она влюблена?

— Да; но я въ утѣшеніе вамъ скажу, что ея любовь—не любовь, а больше сожалѣніе, долгъ, слѣдствіе дѣтскихъ клятвъ юности.

— Но, ради Бога, еще одно слово! Кого она любитъ?

— Не могу и не хочу этого сказать.

— Серафима Львовна! умоляю!

— Отвяжитесь! Владим.... Нѣтъ, не скажу! отвѣчала Серафима Львовна, отходя отъ стола.

Тайна Лизы обнаружилась. Какъ отвратить неожиданное противорѣчіе! Очень легко. Владиміръ служилъ подъ начальствомъ Семена Петровича, и Семень Петровичъ давно замѣтилъ необыкновенныя способности, высшую степень образованія и одинокую грусть молодого человѣка, въ которой онъ даже принималъ участіе: теперь такой прекрасный случай усугубить свое благорасположеніе! Въ головѣ Семена Петровича тотчасъ составился планъ дѣйствій. Побужденія любви такъ же близки къ преступленію, какъ и къ добродѣтели. Ее надобно тащить всегда за руку

на высоты нравственности: иначе она забредет въ болото.

Семень Петровичъ въ высшей степени обладалъ способностью привлекать къ себѣ не только людей, но и предметы неодушевленные, — людскіе портфели; онъ умѣлъ привораживать ко всякому и заслуживать его довѣренность, самъ оставаясь неразгадаемымъ. Любимецъ женщинъ за расторопность, умѣнье дѣлать покупки въ столицѣ и искусство распорядить праздникомъ, — а это въ губернскомъ городѣ большія права на признательность, — онъ былъ вездѣ какъ домашній человѣкъ. Послужбъ онъ также показывалъ отличныя заслуги и тѣмъ пріобрѣлъ доброе расположеніе губернатора. Небольшаго труда стоило ему выпытать Владиміра. Огорченная душа юноши не устояла противъ коварной дружбы, и высказала все, даже тѣ легкіе поцѣлуи, которые такъ невинно печатались на устахъ его во дни независимыхъ свиданій. Семену Петровичу хотѣлось заставить Владиміра отречься отъ любви и убѣдить, что его надежды невозможны, что исполненіе ихъ было бы пагубно для обоихъ, и что забыть возлюбленную отнюдь не такъ трудно какъ кажется съ перваго взгляда. Семень Петровичъ знаетъ это по опыту. Но видя, послѣ первыхъ, осторожныхъ наступленій, непобѣдимое упрямство Владиміра, онъ призналъ необходимымъ увѣрить его, что сама Лиза къ нему охладѣла и что она вовсе объ немъ не думаетъ: онъ ожидалъ, что за мгновеннымъ бѣшенствомъ послѣдуетъ презрѣніе, однакожь старался, покуда, льстить горячкѣ молодаго человѣка, исподоволь готовить его къ удару, и особенно отводить отъ свиданій съ Лизою. Между-тѣмъ онъ дѣйствовалъ и на нее, убѣждая черезъ Серафиму Львовну, и, кажется, успѣвалъ въ предпріятіи. Постепенно тускнулъ въ сердцѣ Лизы свѣтлый оттискъ первыхъ впечатлѣній любви, и ми-

нувшіе восторги со стыдомъ прятались за фантастическими картинами новыхъ помышлений. Другіе виды счастья рисовались въ молодомъ воображеніи. Но если не любовь, состраданіе еще роднило ее съ стариннымъ другомъ, и эта цѣль была довольна крѣпка.

Однажды, въ полдень, Семень Петровичъ посетилъ губернаторскихъ дочерей. Серафима Львовна поняла изъ глазъ его просьбу, и удалилась съ сестрами. Лиза, отнявъ глаза отъ работы, съ изумленіемъ увидѣла себя наединѣ съ нимъ и предчувствовала опасность.

— А я къ вамъ съ просьбою, Лизавета Абрамовна.

— Ко мнѣ? Интересно! объ чемъ?

— Объ васъ самихъ.

— Обо мнѣ? Интересно знать..... Лиза смѣшавшись твердила все одну рѣчь.

— Лизавета Абрамовна, я вамъ скажу просто, безъ возгласовъ: мнѣ безъ васъ жизнь не въ жизнь. Небуду представлять вамъ картины участи, которая васъ ожидаетъ: вы слишкомъ благоразумны, чтобъ не постичь искренности преданнаго вамъ человѣка. Къ чему мнѣ молодечиться? Кажется, я довольно имѣю чувства, чтобъ любить васъ до гроба, и способовъ, чтобъ доставить вамъ спокойствіе.....

— Но.....

— Не говорите ничего, Лизавета Абрамовна; я все знаю, все, даже то, чего вы не ожидаете: я повѣренный Владиміра.

Лиза закрыла лице платкомъ.

— Не совѣститесь, Лизавета Абрамовна; ваша любовь невинна, какъ ваше сердце. Тогда играла юность, теперь пора обсужденія. Вы хотите знать довѣренность Владиміра? Я не скрою отъ васъ, что онъ любитъ свою Лизу попрежнему и такъ же безумно. Однако жъ, достойна ли эта страсть безусловнаго отвѣта? По моему мнѣнію, нѣтъ. Неопытность не видитъ

бездны, въ которую она влечетъ нещадно лучшее созданіе земли. Положимъ, что вы обвиняетесь. Первые дни, — если только и это возможно, — пройдутъ въ голубиныхъ воркованьяхъ и ласкахъ; но затѣмъ настанетъ горькая существенность. Безразсудная любовь надѣется прожить безъ хлѣба; но, когда голодъ появится, сильнѣй трескучихъ морозовъ прохолодитъ онъ кипящую кровь и доведетъ до поздняго раскаянія. И это не былъ бы рѣдкій примѣръ: такъ всегда оканчиваются браки по страсти. Вы спросите, почему? Для меня тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Слѣпая любовь, не осмотрѣвшись, не поразсудивъ, смѣло вступаетъ въ новую жизнь, веселится, ребячится; но все, что скоро стало нашимъ, такъ же скоро намъ и прискучиваетъ, а отъ скуки примѣчаются обоюдные недостатки, а отъ недостатковъ вниманіе переходитъ къ нуждамъ, — и вотъ тѣ горести, отъ которыхъ возникаетъ злополучіе супружествъ скоропѣлыхъ! Напротивъ, въ бракахъ, сопряженныхъ тихою, благоразумною привязанностью, неразлучно присутствуютъ довольство и спокойствіе. Скажите теперь откровенно: что изъ этого подарить вамъ Владиміръ?

— Ахъ, Семень Петровичъ, зачѣмъ такъ пытаться меня?

— Я говорю истину, безъ малѣйшаго потворства самому себѣ. Я не бѣшенный юноша, чтобъ для гибельной страсти похитить чужую любовь. Кого любишь, тому говоришь правду, для его же спасенія.

— Но могу ли я забыть Владиміра, который такъ много страдалъ за меня?

— Можете, и должны, Лизавета Абрамовна, если не хотите погубить его: или вы лучше рѣшаетесь погнубнуть вмѣстѣ съ нимъ?

— Ахъ, чего вы отъ меня требуете!

— Вашего и моего счастья, Лизавета Абрамовна! це-

ужели для васъ не довольно тихой, непритворной любви! неужели вамъ надобны бѣшенство, вопіющія клятвы, безразсудныя обѣщанія? Но я вижу, что для меня въ вашемъ сердцѣ нѣтъ и крошечнаго пріюта. Богъ съ вами, будьте счастливы; а я смогу еще вытѣснить грусть благоразуміемъ. Прощайте.

Онъ взялся за шляпу и думалъ, что его останавливать; но, ожиданіе не сбылось: видя однѣ безответныя слезы, онъ медленно вышелъ. Семенъ Петровичъ, какъ онъ ни довѣрялъ своему краснорѣчію, которое было предметомъ удивленія всей губерніи, ясно увидѣлъ, что мораль его ни къ чему не поведетъ: пожара отъ молніи, говоритъ повѣрье, водой не залѣешь. Но способы еще не всѣ истощены; онъ не такой человѣкъ, чтобъ скоро отступиться отъ своихъ намѣреній. Семенъ Петровичъ человѣкъ умный.

Тщетно ожидалъ Владиміръ свиданія: какъ будто злой духъ предупреждалъ его покушенія; даже явная помощь Семена Петровича осталась бесполезною. Зато какъ Семенъ Петровичъ краснорѣчиво утѣшалъ молодого человѣка! какъ болѣлъ о немъ! При всемъ одноличіи своихъ чувствованій, Владиміръ принималъ участіе друга къ сердцу и платилъ ему искреннею признательностью. Однако безпрерывныя томленія довели его до отчаянія. Въ помраченныхъ глазахъ уже не свѣтили внутренніе огни; они походили на глаза больного, только-что поборовшаго смерть. На желтомъ лицѣ отпечатлѣлась чахотка, -лѣдъ, нажимаемый совокупнымъ страданіемъ души и тѣла. Какъ тѣнь двигался онъ съ квартиры къ мѣсту службы, и, можетъ-быть, видалъ Лизу, мелькавшую въ экипажахъ, можетъ-быть оживлялся на минуту мимолетнымъ взглядомъ, но изнемогающая отъ ранъ душа требовала болѣе цѣлительнаго бальсама. Семенъ Петровичъ принималъ всѣ мѣры, чтобы еще больше разстроить его, разбивая, будто печальцо, легковѣрный

надежды. Для него было все равно, излечится ли Владиміръ, или погибнетъ: нѣтъ такого покойника, котораго бы нельзя забыть въ объятіяхъ любимой красавицы.

— Ну, мой милый, тебѣ кланяются, сказалъ Семень Петровичъ, входя въ комнату Владиміра.

— И больше ничего?

— Ничего, мой милый. Да чего жъ ты еще хочешь? Благодарю, что еще не совсѣмъ забыли.

— Ахъ! Не то было прежде.

— Мало ли что было прежде!

— Еслибъ я могъ съ нею увидѣться! Еслибъ десять минутъ свободы, высказать ей все, все..... Она возвратилась бы ко мнѣ.

Семень Петровичъ покачалъ головою.

— Вы не врете? О, вы не знаете моей Лизы! Она для меня все забудетъ, всѣмъ пожертвуетъ.

— Молодой человѣкъ! не ошибись. Женщина выше нашихъ восторговъ; она загадка для самой себя.

— Неправда, Семень Петровичъ, неправда; моя Лиза не такова. Кто говорить, что она перемѣнилась?

— Я! возразилъ твердо Семень Петровичъ, вперивъ взоръ въ глаза Владиміра.

Владиміръ на минуту обомлѣлъ.

— Я! повторилъ Семень Петровичъ: молодой человѣкъ! выслушай. Ты молодъ, безтолковъ; она помужала въ несчастіяхъ, привыкла къ холодному разсудку свѣта. Ты еще слѣпъ; она просвѣтилась и все видитъ ясно. Твои ребяческіе восторги безсмысленны; ея понятія уже основательны. Ты еще ни разу не заглядывалъ въ будущность, преданный одному припадку страсти; она давно судитъ о томъ, что ее ждетъ съ твоею бѣдностью. Женщина прежде насъ старѣетъ разумомъ. Станный человѣкъ! Въдь вы не голуби, чтобъ питаться размоченной пшеницей.»

— О, перестаньте; пожалуйста, перестаньте. Мо-

жетъ ли быть, чтобъ она такъ думала? Какъ она плакала, заклинаясь въ вѣчной любви.

— Э, мой милый, у женщины слезы близко, а сердце далеко!

— Ради Бога, не мучьте меня, Семень Петрович! Я только одного прошу у васъ: доставьте мнѣ случай съ ней видѣться, на одну минуточку, дайте мнѣ наглядѣться на нее, наговориться съ нею.

Владиміръ палъ передъ нимъ на колѣни, рыдалъ и цѣловалъ его руки. Семень Петровичъ сжалился, и въ эту минуту готовъ былъ даже отказаться отъ своихъ намѣреній: но шагъ за порогъ, — эгоизмъ подавилъ благородное чувство. Въ душѣ его мгновенно созрѣлъ злостный умыселъ. Лучше разомъ убить, чѣмъ точить кровь по каплѣ, подумалъ онъ, и воротился.

— Мнѣ больно огорчить тебя, Владиміръ, сказалъ онъ: но, рано или поздно, ты узнаешь горькую истину, которую я хотѣлъ скрыть отъ тебя.

Владиміръ не понималъ его.

— Злополучный! твоя Лиза.....

Совѣсть перехватила его слова и языкъ запнулся.

— Ахъ, говорите поскорѣе; что такое? Ради Бога! здорова ли она, жива ли?

— Не то, совсѣмъ не то.....

— Вы шутите надо мной. Она вѣрно покинула свои чертоги и спѣшить ко мнѣ? Моя Лиза это сдѣлаетъ.

— Ахъ, нѣтъ! Все не то.....

— Да что же? Вы ужасаете меня. Вы приводите меня въ бѣшенство. Не издѣвайтесь надо мною.....

Въ тусклыхъ глазахъ Владиміра появились искры; мозгъ его горѣлъ; въ жилы возвратилась прежняя сила, когда онъ судорожно сжалъ руку Семена Петровича. При такихъ случаяхъ, въ горячкѣ, тотчасъ открываютъ кровь. Семень Петровичъ былъ славный

фельдшеръ: его сердце не дрогнуло, когда пришло время прошибить душу страдальца ударомъ.

— Твоя Лиза, Владиміръ, выходитъ за мужъ, шепнулъ онъ съ усмѣшкою, и устремилъ на него змѣиный взоръ

Расчетъ былъ вѣренъ. Какъ громомъ пораженный, недвижимо стоялъ страдалецъ. Казалось, что ледтаргія отняла у него всѣ признаки жизни. Его долгое молчаніе удивило Семена Петровича: подходит ближе, — глаза безъ взгляда; беретъ распростертую руку, — она чуть тепла и не колеблется. Съ трудомъ поднялъ онъ Владиміра и положилъ на диванъ какъ мертвеца; только легкое дыханіе возвѣщало о присутствіи жизни. Кликнувъ людей, Семень Петровичъ старался всячески пособить и успѣлъ привести его въ себя; но въ несвязныхъ рѣчахъ больнаго блуждало безуміе. Ему видѣлись брачные огни, пиры, веселье; потомъ скользили воспоминанія дѣтства, мать, науки, стихи; и когда безумной мечтѣ являлась Лиза, — какъ нѣжно прощался онъ съ ней, какъ пламенно говорилъ о любви своей! Онъ вскрикивалъ съ бѣшенствомъ — «Ты идешь за-мужъ!», и падалъ безъ чувствъ. Эта ужасная картина, вмѣсто сожалѣнія, внушила Семену Петровичу новое средство достигнуть своекорыстной цѣли. Съ лучшимъ расположеніемъ духа вышелъ онъ отъ обезумленнаго, чѣмъ вошелъ къ нему.

Семень Петровичъ поспѣшилъ разгласить сумасшествіе Владиміра. Его намѣреніе исполнилось. Молва перебѣгала изъ устъ въ уста и достигала тайнаго назначенія, для котораго была ринута въ толпу. Съ ужасомъ услышала Лиза печальное извѣстіе. «Не я ли, своей вѣтреностію, помрачила его разсудокъ?» думала она. Молва утѣшила ея совѣсть.

— Отъ книгъ, батюшка, отъ книгъ! говорилъ уездный судья.

— Отъ ученья, сударь мой, съ ума спятилъ молодой человекъ, восклицалъ городничій съ невыразимою горестью.

— До чего добраго доведеть ученье! молвила Матрена Тимоѣевна, и сожгла всѣ книги своего Петруши между-тѣмъ какъ онъ былъ въ гимназiи.

— Я скажу вамъ правду, Серафима Львовна, сказалъ одинъ помѣщикъ съ таинственнымъ видомъ: говорятъ, что онъ даже писалъ стихи, хотя это строжайше запрещено законами.

Одинъ только Семень Петровичъ зналъ истину, но Лиза совѣстилась спросить его, боясь тѣмъ обнаружить еще не совсѣмъ остывшую любовь къ Владиміру; однако тоска преодолѣла разсужденіе. Семень Петровичъ пожималъ плечами и не давалъ удовлетворительнаго отвѣта. Его объясненія были двусмысленны, неточны, уклончивы, какъ-будто онъ самъ не хорошо понималъ сумасшествіе Владиміра.

— Скажите, чѣмъ онъ бредитъ? Не винить ли меня въ измѣнѣ? Спрашивала Лиза.

— Нѣтъ, объ измѣнѣ я не слыхалъ ни слова, хотя бываютъ минуты, когда онъ говоритъ о васъ безумно: какъ ему не вспоминать той, съ которою онъ провелъ все свое дѣтство? Да передъ вами нечего таить истины: мнѣ не слѣдъ охуждать высшее начальство, которое распространяетъ и одобряетъ просвѣщеніе, однако жъ что правда, то не грѣхъ и сказать: вотъ ровно отъ книгъ лишился ума бѣдняжка! Бредъ его совершенно ученый. Онъ все твердитъ о какихъ-то гениальныхъ твореніяхъ, дѣлаетъ разныя вычисленія, роется въ лексиконахъ и плачетъ, что его мало учили.

— Несчастный! не могъ таки бросить глупыхъ мыслей, и погибаетъ жертвою своей безразсудности. Кто его лечитъ? кто за нимъ ходитъ?

— Его лечить здѣшній врачъ, а я почти неотходно бываю при немъ.

Какъ вы добры! Богъ васъ не оставитъ за это.

Однимъ словомъ, Семень Петровичъ мастерски воспользовался невѣжествомъ толпы, которая всегда рада случаю увѣрить себя во вредности того, что для ней недоступно, и сверхъ-того ясно доказалъ свою сострадательность. Лиза не могла не подумать, что онъ рѣдкій человекъ по добродушію. Благородство Семени Петровича еще больше усилило склонность ея къ нему.

Вскорѣ послѣ этого, здѣсь, въ загородномъ саду, было гулянье. Тогда еще эта галлерейя не была выстроена, и благородное общество только расхаживало въ толпѣ народа, пестрѣвшаго на площадкахъ и дорожкахъ. Весело подошла Лиза съ подругами къ тѣнистой рошѣ, которая находится въ концѣ сада; съ ними было много мужчинъ, въ томъ числѣ и Семень Петровичъ.

— Какъ здѣсь темно! говорили дѣвицы: солнце не проникаетъ въ густоту деревьевъ, и ночью какъ-разъ увидишь въ этомъ лѣсу привидѣніе.

— Кто-то изъ общества сдѣлалъ глупое сравненіе между лѣсомъ и сердцемъ женщины. Янѣсколько разъ слышалъ такія сравненія въ здѣшней губерніи. Оно подадо поводъ къ жаркому разсужденію о любви, въ которомъ мужчины не отличились тонкою вѣжливостію къ прекраснымъ защитницамъ ея православія.

Пелагея Федоровна доказывала имъ, что всѣ мужчины измѣнники и не стоятъ того, чтобы женщины ихъ любили.

Семень Петровичъ осмѣлился противорѣчить ея мнѣнію и почтеннѣйше представлялъ ея превосходительству.....

Какъ вдругъ Лиза ахнула, а за ней и всѣ. Дамы разбѣжались въ стороны. Но Лиза была остановлена

рукою Владимира, внезапно вышедшаго изъ рощи. Съ мутными глазами онъ стоялъ передъ ней, вперивъ неподвижный взоръ. Лиза трепетала передъ сумасшедшимъ; но рука его, прижатая къ сердцу, умоляла выслушать.

— Лиза, ты разлюбила меня! сказалъ онъ болезненно: ты идешь за-мужъ! развѣ это непременно нужно для твоего счастья?

Она не могла отвѣчать. Она дрожала и проливала тихія слезы.

Семень Петровичъ ужаснулся нечаяннаго свиданія, которое могло опровергнуть всѣ его проноски.

— Отведите ее! шепнулъ онъ съ уstraшеннымъ видомъ Серафимъ Львовнѣ. Онъ готовъ укусить ее. Вѣдь онъ сумасшедшій.

И вмѣстѣ съ нею онъ успѣлъ утащить Лизу. Имъ пособили и другіе, отгѣснивъ ее отъ Владимира; но когда она удалась, не сказавъ ни слова, Владимиръ бѣшено закричалъ: «Измѣнница! да будетъ проклять тотъ часъ, въ который я тебя узналъ!» И проворно побѣжалъ изъ сада, расталкивая народъ.

— Сумасшедшій! Сумасшедшій! кричали ему вслѣдъ.

— Книги, мой батюшка! книги! съ душевнымъ прискорбьемъ восклицалъ узднѣй судья, тогда какъ Матрена Тимофеевна, утирая платкомъ носъ наследнику сельца Бурикина, говорила: — Смотри, Петя! и съ тобой случится то же, если ты не отстанешь отъ своей поганой Латыни.

— Не говорила ли я тебѣ, что онъ сумасшедшій! упрекала Серафима Львовна Лизу, возражавшую, что Владимиръ былъ такъ жалокъ и тихъ.

— Тишина его всегда предвѣстница припадка, и повтому-то судятъ о его безнадежности, сказалъ Семень Петровичъ.

Теперь Лиза сама увѣрилась въ помѣшательствѣ

Владимира. Въ ея признательномъ сердцѣ все было ниспровержено. «Онъ сумасшедшій: что же для него любовь моя? Выздоровѣетъ ли онъ? Когда? И жертвовать ли мнѣ своимъ счастьемъ для невѣрнаго ожиданія? Въдѣ любовь ли причиною его помѣшательства? Онъ такъ же былъ близокъ къ безумію во дни своихъ томительныхъ занятій?» Такъ разсуждала она сама съ собою. Несправедливость любить оправдываться благоразуміемъ.

Надежды Семена Петровича вѣнчались успѣхомъ. Чтобъ ускорить ея рѣшимость, онъ прибѣгнулъ къ губернатору, который, зная прекрасныя свойства Лизы и служебныя достоинства Семена Петровича, самъ хотѣлъ соединить ихъ.

Однажды, вовсе неожиданно, губернаторъ вошелъ къ дочерямъ, и обратясь къ Лизѣ, сказалъ.

— Я принесъ тебѣ, милая, радость.

Лиза благодарила.

— Не пора ли тебѣ за-мужъ?

Отвѣта не было.

— Зачѣмъ далеко откладывать? У меня есть на примѣтъ женихъ славный и во всемъ тебя достойный. Скажи—да, и веселымъ пиркомъ за свадобку. Однимъ словомъ, мой женихъ Семень Петровичъ. Согласна ли?

Опять молчаніе.

— Что жъ ты ничего не говоришь, Лиза? Мнѣ кажется, состояніе ваше будетъ обезпечено, а счастье Богъ пошлетъ: ты вполне заслужила Его Святую милость благоденствіемъ. Я буду у васъ посаженнымъ отцемъ, а тамъ и крестнымъ..... Всѣ заживемъ припѣваячи. Я увѣренъ, что ты довольно благоразумна, и не откажешься отъ такого жениха. Но здѣсь есть лучшей ходатай чѣмъ я....

Онъ кликнулъ Семена Петровича, который былъ въ залѣ.

Безъ словъ стоялъ Семенъ Петровичъ передъ Лизой, дожидаясь рѣшенія. Она плакала.

— Объ чемъ же ты плачешь? сказалъ губернаторъ: развѣ не согласна?

Воля ваша, отвѣчала Лиза.

— Моя воля—твое счастье. Сохрани меня Богъ принуждать тебя! Хочешь, такъ подай жениху руку, а не хочешь, такъ скажи ему. «Вотъ Богъ, а вотъ двери; Семенъ Петровичъ, ступай домой!»

Но рука Лизы была уже протянута и дрожала подъ поцѣлуями жениха.

Не нужно объяснять вамъ, сударыни, что Владиміръ вовсе не былъ сумасшедшій, — несмотря на уваженіе, которое вы можете питать къ мнѣнію уѣзднаго судьи.

Товарищи Владиміра, покинувъ занятія, балагурили и поглядывали въ окна.

— Чтѣ жъ это нашъ начальникъ вовсе не ходитъ къ должности? спросилъ одинъ.

— Вотъ вопросъ! отвѣчалъ другой: развѣ женихамъ есть время подписывать донесенія и указы?

— Какъ! Семенъ Петровичъ женится? На комъ?

— Рано дошли до глухаго вѣсти! На губернаторской Лизаветѣ Абрамовнѣ. Да Владиміръ Ивановичъ вѣрно лучше насъ знаетъ это дѣло: вѣдь она его совоспитанница.

Взглянули, — а Владиміръ стоялъ блѣденъ какъ смерть. Онъ пошатнулся. «Ему дурно!» вскричали товарищи, подхватили его, уже падашаго на землю, и отвезли на квартиру.

Теперь открылась несчастному во всей наготѣ гнусность коварнаго друга. Сердце его замерло, мысли блуждали, темнѣли и вились какъ змѣи вокругъ сла-

бьющаго разсудка. Упованіе исчезло, надежда была убита. Онъ усматривалъ какой-то позоръ въ своемъ существованіи, видѣлъ себя лишнимъ на пиру, гдѣ для него веселья не было. Зачѣмъ мнѣ жить? думалъ онъ, и впадалъ въ одичалость. Мозгъ его горѣлъ нестерпимо въ раскаленномъ черепѣ. Онъ молился. «Прости, Господи, мой смертный грѣхъ, мое лютое прегрѣшеніе!» шепталъ онъ, повергаясь передъ образомъ Спасителя.

Въ день брака Лизы, по вечеру, онъ выпросился погулять. Видѣли, какъ онъ что-то спряталъ подъ шинель.

Сентябрьскій день западалъ въ ночную тму, вечерняя заря уже потухла, и мѣсяцъ выплывалъ на безоблачное небо. Проходящіе мимо загороднаго сада улыпали выстрѣлъ. «Кто это тѣшится!» подумали они и вошли въ садъ изъ любопытства. Здѣсь, на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ эта галлерей, лежалъ чловѣкъ съ раскинутыми руками. Обезображенное лицо уже облекалось смертью. Изъ праваго бока еще капала кровь на близъ поверженный пистолетъ. Вокругъ трава была исцарапана и на пальцахъ висѣли ея обрывки. Примѣтно было, что ударъ не тотчасъ былъ смертеленъ, и что несчастный долго боролся съ отходящею жизнью. По стиснутымъ зубамъ и обрызганнымъ губамъ можно было судить, какъ продолжительна и ужасна была его борьба. Въ закатившихся глазахъ видѣлись только бѣлки, прорѣзанные кровавыми жилками. Вытянутый галстухъ свидѣтельствовалъ, что ему было душно и что онъ еще старался облегчить себѣ страшное хрипящее смерти. Въ мертвецѣ узнали Владиміра.

На столѣ самоубійцы нашли письма къ матери и къ Лизѣ. Я прочитаю вамъ послѣднее, которое случайно попало мнѣ въ руки и никогда не выйдетъ изъ моего портфеля.

« Прощай, Лиза; прощай навсегда. Я не проклинаю
 « тебя: за гробомъ нѣтъ мщенія. Что ожидаетъ меня
 « тамъ?— темный ужасъ, но менѣе страшный чѣмъ
 « жизнь моя на землѣ. Я все за тебя перенесъ: побои,
 « безчестіе, стыдъ, я чувствовалъ въ себѣ священный
 « огонь дарованія, и для тебя отказался отъ надеждъ,
 « которыя представляла мнѣ будущность; я перенесъ
 « даже бѣдность, но не могу перенести твоей измѣны;
 « она свѣше моего мужества. Я все отдалъ тебѣ,— мои
 « любимыя занятія, или мечты, даже спокойствіе моей
 « злополучной матери; но не могу оставить тебѣ, на
 « потѣху, жизни, отравленной тобою. Не ты ли вы-
 « звала меня на любовь? не ты ли бросила меня въ
 « этотъ адъ, гдѣ я гибну жертвою твоей легкомы-
 « сленности..... Но я прощаю тебя, Лиза: за гробомъ
 « нѣтъ мщенія. Лиза, Лиза, ты лишаешь меня не од-
 « ной этой жизни, а обѣихъ вмѣстѣ. Я самоубійца!... Я
 « не сиѣю даже думать, чтобы премилосердый Спаси-
 « тель опочилъ на мнѣ своею благостью. Предаюсь
 « Его Святой волѣ, — и Богъ съ тобою, Лиза, живи
 « счастливо, кровь моя не помѣшаетъ. Еще одна
 « просьба: не кажись на глаза моей матери: ты убьешь
 « несчастную своимъ присутствіемъ, какъ виновни-
 « ца униженія и гибели ея единственнаго сына.
 « *Владимиръ.* »

Онъ погребенъ вотъ здѣсь, подъ этимъ поломъ.

Остальное вы знаете. Многіе изъ васъ конечно пом-
 нять всѣ подробности происшествія съ Семеномъ Пе-
 тровичемъ, которое сдѣлало столько шуму, лѣтъ во-
 семь тому назадъ: онъ однажды воротился домой
 въ полночь, — жена его уже спала, — вошелъ къ ней по-
 тихоньку, прилегъ, и въ страстныхъ объятіяхъ заклю-
 чилъ — холодный трупъ! Подъ нея нашли письмо,
 но родъ ея смерти по сю пору остается загадкою.
 Тѣло ея не обнаруживало ни какихъ признаковъ отрав-

ленія, ни насильственной смерти. Известно только, что, за нѣсколько дней до кончины она сказывала своей горничной, что ее преслѣдуетъ страшное привидѣніе и зоветъ гулять съ собой въ садъ, грозя въ противномъ случаѣ застрѣлить изъ пистолета. Должно полагать, что въ одну изъ этихъ ужасныхъ фантазій разстроеннаго воображенія, она вдругъ умерла со страху, когда кровавое привидѣніе явилось передъ нею и хотѣло утащить ее въ садъ насильно.....

=

Громовъ остановился. Дамы отирали глаза, плакали. Мужчины всѣ спали.

А. ЕМИЧЕВЪ.

=

В О С П О М И Н А Н І Я

АРМЕЙСКАГО ОФИЦЕРА.

=

Булгарія такъ надоѣдала намъ своими разоренными мечетями, крѣпостными осадами и моровой язвой, что мы готовы были не только лѣзть на обрывистые утесы Гемуса, нынѣшняго Балкана, но и вѣковать на нихъ средь облаковъ, бурь, тѣней героевъ всѣхъ эпохъ, и хижинъ Румелійскихъ пастуховъ, лишь бы избавиться отъ однообразія степей, отъ длинныхъ паралелей съ ихъ брешъ-и демониръ-батареями, а болѣе всего отъ Восточной поэзіи и чумы. Эта обширная степь между Дунаемъ и Балканскими Горами, которую зовутъ Булгаріей, со всеми своими виноградными лозами, масличными деревьями и величественными волнами моря, не оправдала нашихъ ожиданій; а болѣзни, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, полуразвалившіяся кантониръ-квартиры, воспоминанія о счастливейшихъ дняхъ въ милой родинѣ и мрачная зима нахмурили у всѣхъ насъ брови: самыя веселыя лица были тусклы и подернуты туманомъ. Надобно видѣть крѣпость Кюстенджи, въ которой мы просидѣли цѣлую зиму, чтобы понять наше отвращеніе къ Булгарамъ и Булгаріи. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Бальзакъ величайшій человекъ нашего времени для описаній грязи и сырости; но я смѣю утверждать, что и его могучее воображеніе не въ силахъ создать ничего грязнѣе и сырѣе этой несчастной крѣпости. Нѣсколько маленькихъ деревянныхъ сараевъ, распиданныхъ безъвсякой связи и порядка, множество обгорѣвшихъ трубъ, кучи камней и полуразвалившаяся мечеть посреди грязной и неправильной площади, наполненной

съ утра до вечера полудикими погонщиками, верблюдами и буйволами, — вотъ внутренность Кюстенджи. Глубокій ровъ и четыре бастіона съ широкими неправильными амбразурами, въ которыя смотрять заржавленные орудія разныхъ калибровъ, разныхъ націй и разныхъ временъ, съ одной стороны; съ трехъ другихъ сторонъ обрывистый берегъ, омываемый Чернымъ Моремъ, — вотъ вѣдность. Казалось, что эта фантастическая твердыня, для насъ самихъ возникла изъ моря и тумановъ, потому что въ цѣлой Кюстенджи не было ни одного жителя, кромѣ военныхъ Русскихъ. Сарай безъ потолка и пола съ одною только трехъ-угольною крышею, въ которой, вмѣсто трубы, продѣлано отверстіе для дыма, были нашими квартирами, и мы жили въ нихъ горами. Эти сырыя и почти прозрачныя жилища особенно были живописны по вечерамъ. Посреди сарая раскладывался большой огонь, и близъ огня нѣсколько закопѣлыхъ чайниковъ, въ которыхъ кипѣла мутная колодезная вода; въ небольшомъ разстояніи отъ этихъ страшныхъ чайниковъ раскидывались полукружіемъ, какъ аванпостная цѣпь, стаканы разныхъ формъ и разной величины; каждый офицеръ вмѣсто стула избиралъ себѣ самый удобный камень или бревно. Дымъ отъ дровъ и трубокъ блуждалъ большими сырими тучами по сараю. Въ дыму носились споры о важныхъ и смѣшныхъ предметахъ, рассказы о сшибкахъ съ Турками и встрѣчахъ въ кадрили или въ котильонѣ, подробности послѣдней осенней компаніи, пѣсни и декламація на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ. Прибавьте къ этому различныя костюмы офицеровъ: одинъ сидѣлъ въ Черкесской буркѣ, другой въ архалукѣ, третій въ полной формѣ, иные въ сертукахъ или шинеляхъ. Каждый изъ этихъ сараевъ могъ бы быть помѣщенъ съ большимъ эффектомъ въ картинѣ Вавилонскаго столпотворенія. Дымные эти вечера, съ непрерывными

разказами и воспоминаніями о прошедшихъ удовольствіяхъ, еще болѣе отравляли нашу мучительную скуку. Прочь отъ меня всякая мысль подвергать малѣйшему сомнѣнію скромность и чистоту нравовъ моихъ товарищей, двадцати-лѣтнихъ офицеровъ, — но долгъ историка повелѣваетъ сказать, что намъ было очень грустно не видать въ продолженіе семи мѣсяцевъ ни одной женщины: каждый изъ насъ убѣдился въ ту зиму горькимъ опытомъ, что жизнь мужчины безъ общества женщинъ — такая же дрянь какъ грамматика Г-на ***ова, хотя въ ней очень много говорится о женскомъ родѣ. Если бъ наша батарея осталась еще нѣсколько мѣсяцевъ въ Кюстенджи, я увѣренъ, что мы завидовали бы судьбѣ тѣхъ Скивовъ, которыхъ Венера, въ своемъ гнѣвѣ, превратила въ женщинъ гдѣ-то въ здѣшнихъ странахъ. Нельзя себѣ представить ужасовъ подобнаго лишенія въ зимнее военное время. Молодые офицеры, простившись еще недавно съ грознымъ ученымъ комитетомъ, съ сухою теоріею артиллерійской науки и съ равенствомъ угловъ паденія и отраженія, безумно предались сердечнымъ мечтаніямъ, — и каждый, съ своимъ идеаломъ, блуждалъ цѣлый день по куртинамъ, бастионамъ и обрывистымъ берегамъ Чернаго Моря, сливая свои вздохи съ ревомъ волнъ, — что сообщало Бугаріи видъ самый печальный. И какъ неподдѣльны, какъ разнообразны были эти идеалы! Мои прежніе товарищи, — изъ нихъ не многіе повѣрили на опытъ, какъ «дымъ отечества сладокъ и пріятенъ», — такъ мало читали, что право грѣшно бъ было подозрѣвать ихъ въ неоригинальности, а безконечные отбѣнки въ состояніи позволяли намъ охватить чувствомъ весь прекрасный полъ, отъ розовой Нѣмецкой хлѣбницы до блѣдной и пахучей княжны. Это различіе характеровъ и воспитанія не мѣшало намъ однако жъ мечтать о любви и жерщинахъ дружно, согласно и съ полною пезависимостью: каж-

дѣй мечталъ какъ могъ и какъ хотѣлъ. Подъ весну мы были уже такъ настроены на поэтическій восторгъ, что одинъ взглядъ, одна улыбка, одна стройная ножка, могли бы обратить однихъ изъ насъ въ Торквато-Тассовъ, другихъ — въ Жильбертовъ. Не доставало бездѣлицы, чтобъ изъ Кюстенджи высыпали на изумленный мѣръ тучи вдохновенныхъ геніевъ.

Впрочемъ не въ первый разъ Русскіе скучали въ Булгаріи. На походъ къ берегамъ Дуная, наши старыя запѣвалы затягивали намъ выразительную пѣсню, знакомую всѣмъ ветеранамъ, которые еще помнить Каменскихъ, Кутузова и Ланжерона: «Кто не былъ за Дунаемъ, тотъ горестей не знаетъ.» Не каждый пойметъ поэзію этой заунывной пѣсни: чтобъ постигнуть всю ея силу, надобно было бѣ позимовать съ нами къ Кюстенджи.

Но весна, волшебная весна Востока уже царствовала за стѣнами нашей твердыни. Верховный визирь, бросивъ въ дефилеяхъ Кулевчи артиллерію, обозъ и весь запасъ большой арміи, бѣжалъ черезъ деревню Костажъ и заперся въ Шумля. Последніе остатки непріятельскихъ войскъ были разбиты и разсыяны. Силистрія пала. Путь къ Балканамъ былъ открытъ Русской храбрости. Чье сердце, когда мы еще съ рубежа Молдавіи кидали, черезъ мутныя волны Дуная, ядра, картечь и гранаты въ имперію Магмуда, сладостно не трепетало при мысли, что еще часъ, — другой, — и наше знамя развѣется въ странѣ «гдѣ кипарисъ и томный миртъ растутъ! И когда наступилъ этотъ вожделенный часъ, проскучавъ болѣе десяти мѣсяцевъ въ пустой и прозаической Булгаріи, мы не могли отказать отъ первыхъ впечатлѣній «далекаго и прекраснаго края», подготовленныхъ въ насъ смѣлыми фантазіями поэтовъ: Румелия рисовалась въ мечтахъ нашихъ богатою и роскошною страпою.

Нашъ корпусъ 5 іюля весело раскинулъ бивуакъ противъ Дервишъ-Джеванъ, готовясь, подь градомъ Турецкихъ пуль и картечей, перебѣжать съ разсвѣтомъ набросанные черезъ Камчикъ понтоны. Двѣнадцать орудій нашей батареи, съ надѣтыми хоботами на передки, стали въ рядъ; лошади, привязанныя къ дышламъ тѣснились, ржали, брыкались; солдаты кучами сидѣли вкругъ огней, и какъ-будто нашептывали одинъ другому свои послѣднія, скромныя завѣщанія; джевальные артиллеристы, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ, расхаживали между орудіями.... Высокій лѣсъ скрывалъ отъ насъ и Балканы и Турецкіе ретраншементы на правомъ берегу быстраго и мутнаго Камчика, и только однообразный шумъ волны, который сливался съ отдаленными криками часовыхъ въ цѣпи, напоминая о неизбѣжной переправѣ, переносилъ cadaго отъ надеждъ и воспоминаній прошедшихъ радостей жизни къ мыслямъ, нѣсколько болѣе отвлеченнымъ, о другомъ существованіи безъ воспоминаній и надеждъ. Ничто не заставляетъ васъ такъ скоро быть человѣкомъ, какъ приближеніе смерти. Въ этотъ торжественный вечеръ, когда старые артиллеристы, тихо разговаривая между собою, ослабивши заряды въ зарядныхъ ящикахъ, навивали фитиль на пальники, укладывали трубки, — когда пѣхотный солдатъ съ молитвой на устахъ, перекрестясь, подлѣ заряжалъ свое ружье, — когда изъ строя въ строй переходилъ лаконическій приказъ — «Съ разсвѣтомъ быть готовымъ къ бою», кто не отдавалъ отчета въ поступкахъ передъ неумолимымъ судомъ совѣсти? кто не былъ углубленъ въ самого себя, смотря быть-можетъ въ послѣдній разъ на лучи вечерняго солнца, которое тонуло въ густотѣ лѣса? Въ этотъ вечеръ лице cadaго носило на себѣ рѣзкій отпечатокъ самой внутренней, самой тайной его мысли. Я думаю, что самыя даже кашевары, не включавшіе себя въ число

избранныхъ судьбою на славную смерть, невольно и грустно задумывались о томъ, что они расстаются быть-можетъ навѣки съ котлами, изъ которыхъ такъ долго отдѣляли для себя лучшую часть грубой, но сладостной для нихъ пищи, — или жизни, — потому что въ пищу заключаются для нихъ оба понятія, жизни и каши.

Что касается до меня, то я также чувствовалъ въ себѣ общую склонность къ задумчивости. Я также кой-объ-чемъ думалъ, лежа на раскинутомъ плащѣ и опершись локтемъ на спицы лафетнаго колеса. Воспоминанія являли мнѣ, въ плѣнительныхъ цвѣтахъ оптического обмана, самыя ничтожныя удовольствія прошедшаго. Казалось, я былъ нѣкогда другой человекъ, наслаждавшійся другою лучшею жизнью. А теперь я былъ чѣмъ-то похожимъ на яворъ, который живетъ здѣсь прикованный къ мѣсту своего назначенія, безчувственно ожидая топора, который долженъ срубить его. А завтра..... Не станемте думать о завтрашнемъ!

И невольная грусть овладѣла мною. Со всею готовностью исполнить священный долгъ офицера, я не такъ былъ неопытенъ, чтобы весело ожидать переправы въ виду непріятели, когда волна рѣки, отражая непрерывную молнію выстрѣловъ, станетъ уносить по теченію и громъ неумолкающихъ орудій, и трескъ разорванныхъ гранатъ, и отчаянный вопль смертельно раненыхъ. Съ безропотною готовностью быть изувѣченнымъ, если судьба назначила меня въ число жертвъ, я однакожь не былъ такъ влюбленъ, чтобы желать кровавой раны, — и возбуждать въ обожаемой женщинѣ участіе блѣднымъ лицомъ и подвѣзанною рукою. Да и какъ трудно съ артиллерійскою раною быть интереснымъ! Только сабельные удары въ партизанскихъ набѣгахъ иногда удачно красятъ юношу.

— «Мечтаешь? сказалъ мнѣ поручикъ батареинной роты, Николай Петровичъ Т — овъ, садясь безъ приглашенія на мой плащъ: а наши товарищи въ тихой бесѣдѣ передаютъ одинъ другому свои предчувствія. Скажи искренно, Павелъ, чѣмъ ты намьренъ быть завтра?»

— «Непремѣнно живымъ; и не только себя, всѣхъ тѣхъ, которыхъ люблю, присудилъ я къ той же участи.»

Но скажу прежде, кто былъ Т — овъ.

Сынъ богатаго помѣщика Вологодской губерніи, онъ получилъ основательное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ учебныхъ заведеній. Природа надѣлила его склонностью ко всему доброму и твердою волею въ точномъ, даже мелочномъ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ былъ высокаго роста и стройнаго стана, съ умнымъ и особенно добрымъ выраженіемъ лица, — двѣ рѣдкія вещи въ мужчинъ; не красавецъ, но каждый франтъ, каждый самолюбивый адонисъ, хотѣлъ бы походить на него. Легкая грусть, слѣдствіе ранняго убѣжденія въ ничтожествѣ тѣхъ, кого онъ страстно любилъ, придавала его лицу несказанную прелесть. Я понималъ его, и онъ платилъ за это полною довѣренностію.

— Я буду живъ! повторилъ я.

— Счастливецъ! сказалъ со вздохомъ Т — овъ: ты боишься за одного себя; но для меня участь брата такъ же близка, какъ и моя собственная. И какъ онъ мучитъ меня своими черными предсказаніями! Невольно вспоминаю то время, когда служили мы въ гвардіи, и когда братъ Александръ, хотя все улыбалось ему по службѣ и въ обществахъ, бредилъ каждый день о какомъ-то несчастіи, вистѣвшемъ, какъ выражался онъ, надъ его головою. Я старался разсѣять сколько могъ его иррачныя предчувствія, но онъ смѣлся надъ мои-

ми утѣшеніями и всегда съ жаромъ доказывалъ, что въ каждомъ человѣкѣ, кромѣ совѣсти, рождается отъ прошедшаго особенное чувство, какъ-бы подсказывающее будущую участь. Не прошло двухъ недѣль, и братъ Александръ былъ выписанъ тѣмъ же чиномъ въ армію. Ты знаешь его страшную ссору замороженое съ К — скимъ? Чтобъ раздѣлить съ братомъ несчастіе, я, безъ сожалѣнія, простился съ честолюбивыми мечтами, съ гвардейскимъ мундиромъ, съ Петербургомъ.....

Прекрасная, рѣдкая душа!

— Теперь же, что накликаешь на себя твой Александръ? спросилъ я, пожавъ ему дружески руку.

— Смерть, страшную, мучительную смерть, отвѣчалъ Т — овъ сквозь слезы: и онъ такъ убѣжденъ, такъ вѣрить своему предчувствію, что сердце мое невольно замираетъ, когда смотрю на него. Признаюсь тебѣ, Павелъ, что потерявъ всѣ радости, утративъ ихъ невозвратно и безнадежно, одинъ только братъ привязываетъ меня къ жизни. Что станется со мною, если онъ будетъ убитъ?

— Какъ, Николай! въ твои лѣта, ты уже успѣлъ проститься съ радостями и даже съ надеждою на радость? Ты вѣрно былъ влюбленъ, и недавно? спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ.

— Былъ ли я влюбленъ? Пустая жизнь безъ любви въ наши лѣта. Исключеннымъ, за молодостью и неопытностью, изъ области дѣлъ, проискъ честолюбія, намъ остается одно важное занятіе въ обществѣ, одна истинная должность, — любить. За невозможностью торговать поддѣльными страстями, мы должны покаместъ выдѣлывать страсть настоящую и чистую. Это наша участь въ обществѣ. И, по-совѣсти, она не хуже другой; быть-можетъ она еще лучше всѣхъ прочихъ частей, и мы — избранные и любимцы неба. Если верхъ нравственнаго достоинства въ человѣкѣ есть

основаніе собственнаго счастья на счастьи другихъ; если самоотверженіе—лучшая благороднѣйшая черта, молодой влюбленный скорѣе другаго возвысится до нихъ. Ты самъ любилъ!..... Шестъ лѣтъ тому назадъ, какъ съ золотомъ вокругъ шеи и на плечахъ, я бросилъ въ вихрь свѣта. Тогда я такъ былъ счастливъ, что вѣрно никогда не буду счастливѣе. Промѣнявъ школу на гостиную, тесакъ и позументъ на шпагу и шитье, класныхъ товарищей на свѣтскихъ друзей, грязную мостовую на щегольской экипажъ; довольный собою, довольный другими, я смотрѣлъ на жизнь какъ на безконечный рядъ кадрили и мазурокъ, а Петербургъ былъ для меня подобіемъ того, что рисуется въ мечтахъ э-того чувственнаго Турки, когда онъ подъ градомъ нашихъ ядеръ, силится вообразить себѣ Магометовъ рай. Счастливое время!..... Какъ оно быстро проходитъ! Съ каждымъ мѣсяцемъ рай мой тускнѣлъ болѣе и болѣе. Я сталъ такъ выразительно звать вездѣ, куда ни ходилъ, что самое колыханье султана на шляпѣ не могло унять искренней зѣвоты. Общество со всеми принятыми и непринятыми глупостями, нѣсколько долѣе ослѣпляло мою жажду къ удовольствіямъ. Я еще любилъ подъ громъ музыки, держа въ рукъ прекрасную горячую ручку, скользить по лощеной доскѣ; еще любилъ, смотря на томныхъ Петербургскихъ красавицъ, мечтать подъ неумолкаемый говоръ сосѣдей, — и признаюсь искренно, Павелъ, тогда и Юлія, и Коринна, и даже Софія, такъ неудачно созданная для одного только Эмиля, не казались мнѣ невозможными идеалами. Скоро заговорило сердце, и я искалъ съ кѣмъ подѣлиться избыткомъ чувствъ. Кому передать все, чѣмъ такъ полна была душа? Я чаще другихъ встрѣчалъ Марію С***; чаще другихъ танцевалъ съ нею; чаще другихъ она внимательно смотрѣла мнѣ въ глаза, когда я старался высказать впечатлѣнія танцевальной

залы. Кончилось тѣмъ, что танцуя и болтая, я влюбился въ Марію до точки величайшей глупости..... Товарищи, друзья, родные, все забыто. Гдѣ нѣтъ ея тамъ я и скучень и разсыянь; она явилась, и я, в безумной радости, готовъ обнять и расцѣловать всѣ собраніе, даже черномазенькаго человечка въ коричневомъ фракѣ, который увивался около насъ съ явнымъ намѣреніемъ оклеветать кого-нибудь или надуть меня. Однимъ словомъ, я любилъ, какъ многіе любить еще и въ наше время.....

— Пѣсню твою, любезный Николай, пѣвалъ и я Увы, увы!... зачѣмъ нельзя пѣть ее вѣчно! Все проходитъ, какъ дымъ пушечнаго выстрѣла. Однако жъ опиши мнѣ свою Марію.

— Теперь она представляется глазамъ моимъ въ двухъ совершенно различныхъ видахъ: прежняя Марія столько же походитъ на теперешнюю, сколько фантазія поэта на мысли стараго артиллериста, изумчающаго премудрыя оковки вновь введеннаго лафета.

«Артиллерія, запрягай!» раздался выразительный голосъ батарейнаго командира. Т — овъ побѣжалъ къ своему взводу, и только успѣлъ сказать мнѣ, прицѣпляя лядунку къ перевязи: — Павелъ грустно умирать въ наши лѣта....

Артиллеристы встрепенулись, и вмигъ каждый былъ у своего мѣста: одинъ бѣжитъ съ лошадьми, другой досылаетъ осторожно гранату въ дуло, тотъ раздуваетъ пальникъ, тотъ подтягиваетъ подпругу. «Батарея, садись! Справа въ одно орудіе! Шагомъ — маршъ!» И черною полосою вытянулись двѣнадцать орудій по узкой дорогѣ. Священникъ съ крестомъ стоялъ у опушки лѣса. Офицеры и солдаты выѣжали по одиначкѣ изъ строя, слѣзали съ коней, шептали молитву и, перекрестясь, смиренно прикладывались къ Св. Распятію.

Черезъ часъ наша батарея была на позиціи, за опушкой лѣса, надъ берегомъ Камчика. Усталые и полубессонные солдаты устылись чинно на станинахъ, старались разсмотрѣть сквозь густой мракъ непріятельскіе ретраншементы, не столько для направленія своихъ орудій, какъ изъ пустаго любопытства подмѣтить какую-нибудь чалму «мусульманской собаки,» — техническое выраженіе, — дремлющей надъ брустверомъ. Офицеры задумчиво расхаживали посреди своихъ взводовъ, перебирая въ рукахъ холодный діоптръ, между — тѣмъ какъ ѣздовые съ орудійными лошадьми, валожеными по-парно въ передки, безпечно дремали въ густомъ лѣсѣ. Кругомъ свѣтлѣло, и надъ правымъ берегомъ рѣки ясныя зачернѣли Турецкія батареи; надъ брустверомъ ясныя замелькали человѣческія фигуры; вотъ виднѣлись уже лафетныя колеса, виднѣлось дуло отдѣлившееся отъ отлогой подошвы амбразуры. Разсвѣло, и въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ все затихло: не видно было ни движенія, ни людей въ амбразурахъ, и многіе изъ нашихъ радовались, думая, что Турки со страху бѣжали въ горы; но мы были осторожны. Наведенныя орудія неподвижно глядѣли въ боевыя подушки непріятельскихъ лафетовъ.

Вдругъ раздался шумъ и крикъ въ Турецкихъ ретраншементахъ: задымились пальники, блеснулъ рядъ молній, и громъ неровнаго залпа отдался въ лѣсу. Сонныя лошади встрепонулись отъ внезапнаго залпа. Турки огласили воздухъ криками — Аллахъ!, когда наши испуганныя тройки, безъ ѣздовыхъ, помчались съ зарядными ящиками вдоль берега. Мы съ ужасомъ смотрѣли, какъ взвивалась пыль изъ подъ осей вухъ-колесныхъ ящиковъ. Случай неожиданный спасъ намъ заряды. домчавши ящики до лощины, тройки разскакались въ разныя стороны, — и вдругъ, какъ-будто сговорившись, бросились одна къ другой, и запутались въ тѣсномъ кругѣ.

Между-тѣмъ , не ожидая втораго непріятельскаго залпа , огонь бѣгло и ровно пробѣжалъ вдоль нашей батареи , и ядра , одно за другимъ , стали рвать , съ ужаснымъ трескомъ , почти прозрачныя туры Турецкихъ брустверовъ . Невыразимо страшно отдавался громъ выстрѣловъ въ лѣсу , Турецкія ядра свистѣли пронзительно по верхушкамъ деревьевъ , разметая срѣзанныя сучья во всѣ стороны ; печальные вопли раненыхъ стонали въ облакахъ густаго дыма , висѣвшаго черной тучей надъ рѣкою . Вначалѣ , бой казался сомнительнымъ ; но скоро вѣрные полеты нашихъ снарядовъ , разрушая непріятельскія амбразуры и опрокидывая ихъ малокалиберныя орудія , дали намъ верхъ надъ слѣпыми выстрѣлами Оттоманскихъ артиллеристовъ , отчаянныхъ , но неискусныхъ . Можно сказать утвердительно , что только Восточная артиллерія была въ состояніи позволить намъ держаться до сумерекъ на открытой и опасной позиціи подъ Камчиномъ . Возвышеніе дульной части непріятельскихъ орудій было по-крайней-мѣрѣ четырьмя линіями выше надлежащаго . Къ полдню они образумились , и стали понижать свои орудія , такъ , что снаряды ихъ ложились уже на нашихъ батареяхъ .

Часто смотрѣлъ я пристально на непріятельское орудіе , надъ которымъ начиналъ уже дымиться палежникъ . Какъ билось мое сердце ! Какое страшное ожиданіе ! Еще секунда , — и не станеть , у бѣдныхъ сиротъ , отца , у сестры брата , у матери сына . О , въ этой секундѣ много жизни . Она невыразима , и непонятна тѣмъ , кто въ свою жизнь не испытывалъ другихъ ожиданій , кромѣ ожиданія экипажа въ холодныхъ сѣняхъ . Ужасно скакать въ атаку , въ густыхъ облакахъ дыма и пыли , съ бѣшеной кавалеріей ; страшно идти на приступъ , подъ градомъ картечей и пуль , съ пѣхотной колонной : но сколько надобно имѣть присутствія духа , чтобъ хладнокровно стоять нѣсколько часовъ на бата-

реѣ, и, ожидая каждую минуту быть слутымъ какъ пылинка съ лица земли, отыскивать число линий для возвышенія или пониженія своего орудія. Въ атакахъ и на приступахъ, конскій топоть, быстрое движеніе, барабанный бой, удаляютъ мысль объ опасностяхъ, тогда какъ на батарее такъ мало движенія, такъ много свободнаго времени, что можно припомнить, если позволять Турки, всю усыпительную исторію ихъ имперіи, — сочиненіе аулическаго совѣтника и придворнаго драгомана Юсифа фонъ-Гаммера, — *салль Аллахъ алегъ ве селлемъ!* Да будетъ съ нимъ миръ!

Съ нѣкотораго времени каждый непріятельскій выстрѣлъ или ударялъ въ нашъ лафетъ, или вырывалъ артиллериста изъ строя. Съ какимъ печальнымъ чувствомъ старые солдаты провожаютъ глазами убитаго товарища, котораго уносятъ егеря въ лѣсъ, на окровавленныхъ носилкахъ! Я думаю, тѣ ошибаются, которые полагаютъ, что храбрость, или мужество, есть особенный даръ извѣстнаго человѣка: всѣ люди, безъ исключенія, не трусы и не храбры, и самые отчаянные храбрецы всѣ хотятъ жить, и жить долго: «скорѣе страдать чѣмъ умереть!» И тотъ, кто, поднявшись на философію, стоитъ съ холоднымъ выраженіемъ лица передъ рядомъ непріятельскихъ орудій, кто трепещущимъ голосомъ шепчетъ молитвы, прижавшись къ зарядному ящичку, равно страшатся смерти. Вся разница въ томъ, что одинъ считаетъ стыдомъ и безчестіемъ казаться привязаннымъ къ жизни въ такое время, когда надобно жертвовать ею для своего долга и славы отечества, и находить въ самомъ себѣ столько нравственной силы, что можетъ, по-крайней-мѣрѣ наружно, смѣяться надъ жадностью смерти, безъ разбора хватающей встречнаго и поперечнаго, а другой не умѣетъ скрывать своихъ ощущеній. Тѣмъ не менѣе тотъ, кто

смѣялся на Дервишъ-джеванской позиціи, былъ достоинъ всякаго уваженія: онъ понималъ обязанность офицера, и своимъ беззаботнымъ видомъ поселялъ въ подчиненныхъ слѣпую довѣренность къ счастью.

Наша батарея вдругъ ожила. Я взглянулъ на правый флангъ, и увидѣлъ нашего почтеннаго бригаднаго командира, полковника С-на. Трудно передать, какъ утѣшительно, въ минуты ужаса, встрѣтить тихое и ничѣмъ неколебимое равнодушіе! Его можно сравнить только съ волшебствомъ надежды. Смотри на это почтенное, свѣжее лицо сѣдаго ветерана, который съ доброю улыбкой на устахъ, съ кроткимъ взглядомъ, такъ хладнокровно шелъ по батарее, когда ядра и гранаты, взрывая землю, осыпали его дерномъ и травой, кто смѣлъ, кто могъ быть малодушнымъ? Полковникъ подошелъ ко мнѣ, ласково взялъ за руку, и сказалъ улыбаясь:

— Кажется, господа Турки сегодня собрались отомстить нашей бригадѣ за Анапу и Варну.

Въ это время ядро съ ужаснымъ визгомъ ударило по ногамъ стараго бомбардира, Потапова, и несчастный покатился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ полковникъ. Побѣжали за носилками.

— Это ничего, Потаповъ! сказалъ бригадный командиръ, снимая мундиръ съ раненаго. Мы сбережемъ тебя; будешь живъ.....

— Безъ ногъ не проживешь, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ умирающій слабымъ голосомъ: я долженъ взводному фейерверкеру пять рублей.... изъ третнаго жалованья..... Что останется, въ церковную сумму.....

Старый бомбардиръ, который такъ хорошо помнилъ, до послѣдней минуты жизни, долгъ честности и обязанности христіанина, умеръ безъ стenanій на рукахъ своего добраго полковника: только судорож-

ныя движенія обнаружили мучительную кончину истинно Русскаго солдата.

Между-тѣмъ брустверьъ непріятельскихъ ретраншементовъ съ каждымъ часомъ разрушался болѣе и болѣе. Наша батарея усилила огонь; но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, послышался на лѣвомъ флангѣ сигналъ къ отступленію. Мы снялись въ порядокъ.

Уже наступалъ вечеръ. Батарея медленно пробиравалась черезъ густой лѣсъ; раскаленные орудія еще дымились пороховымъ газомъ: три взвода шли безъ офицеровъ; впереди, у носовъ, не доставало многихъ сѣнверкерковъ, но бодрый видъ остальныхъ воиновъ пополнялъ убытокъ. Наконецъ передовое орудіе остановилось. Свернувшись въ дивизионную колонну, батарея стала на ровной и широкой лощинѣ, гдѣ еще съ утра хозяйственно расположились полковые и батарейные лекаря съ бинтами и ланцетами, и фурштатскіе офицеры съ своимъ вагенбургомъ. Вправо мелькали солдатскія палатки между раскиданныхъ кустовъ: то былъ перевязочный пунктъ, главная квартира краткаго и мучительнаго перехода отъ шумнаго бивуака къ тихой преждевременной смерти, жилище мухъ и стenanій. Еще правѣ чернѣлись небольшіе сугробы земли, покрытые свѣжимъ дерномъ, и два три солдата, наклонясь къ землѣ, усердно скрѣпляли изъ двухъ необтесанныхъ брусевъ что-то похожее на крестъ. То было новое еще кладбище одного только поколѣнія, кладбище многолюдное, но безъ надписей, безъ преданій, и на которомъ можно покойно мечтать въ самую темную и бурную ночь.

Долго смотрѣлъ я и на перевязочный пунктъ, и на кладбище, думая невольно о Т—овѣ. Я уже зналъ подробности его несчастной страсти: онъ успѣлъ досказать мнѣ свою исторію, во время нашего утренняго перехода отъ ночлега къ позиціи; подробности мелкія, ничтожныя для равнодушныхъ, но часто убійствен-

ныя до отчаянія для пылкаго влюбленнаго сердца. Я зналъ, какъ холодно прислушивалась вѣтренная Марія къ выраженіямъ страстной любви благороднаго моего друга: ничто такъ не заковываетъ женскаго сердца какъ свѣтская разсѣянность. Впрочемъ не поручусь, чтобы его Марія не воображала себя то же искренно влюбленною: желаніе не только быть любимой, но и просто нравиться, такъ сильно въ женщинахъ, что онѣ, мечтая о средствахъ быть любезной, часто полагаютъ себя одержимыми любовью, и пламенно думаютъ о мнимомъ ея предметѣ. И какая женщина, утратившая даже способность любить, откажется отъ заманчивой власти превратить въ существо покорное, слабое и нѣжное гордаго своей силой мужчину, непоколебимаго въ сношеніяхъ съ другими? Живая и смиренная любовь моего друга, конечно, долго счастливила холодную красавицу, хотя она и нераздѣляла пылкихъ его чувствованій. Надежды Т-ова съ каждымъ днемъ воспламенялись, — и какъ могъ онъ не предаться роскошной мысли посвятить всю жизнь обожаемой Маріи, когда, покраснѣвшись, опутивъ длинныя рѣсницы, она, казалось, такъ жадно ловила каждое отраженіе трепещущаго сердца на его лицѣ? Но лишь только онъ сталъ обнаруживать свои надежды и намѣренія, какъ суетность прельщенной свѣтомъ дѣвушки и глупое высокомеріе ея родственниковъ поставили имъ грозную преграду. Марія перестала выходить, когда бывалъ у нихъ Т-овъ; отецъ ея, простой, или вѣрнѣе безтолковый, человекъ, былъ холоденъ, а мать, женщина со всеми недостатками дурнаго воспитанія, со всеми предразсудками напыщенной гордости, бросала на него взгляды гнѣва и презрѣнія. Есть конецъ всему: обиженный Т-овъ, непривыкшій быть презираемымъ, обнаружилъ чувство собственнаго достоинства, въ выраженіяхъ пылкихъ, даже дерзкихъ. Переставъ ѣздить въ домъ С***,

онъ желалъ еще увѣриться въ той, для которой готовъ былъ бы пожертвовать счастьемъ милліоновъ людей, если бъ они были ему подвластны. Воля матери не можетъ измѣнить ея сердца, думалъ онъ, — и онъ былъ правъ: сердце его Маріи осталось попрежнему, холодное и вѣтренное. Неосторожная красавица, выразившая цѣлый годъ свои сердечныя фразы на Французскомъ языкѣ съ плѣнительными грамматическими ошибками, заключила наконецъ эту сентиментальную переписку просьбой забыть все прошедшее: «и если вы отошлете мнѣ все, что отъ меня получили, я сочту это доказательствомъ по-крайней-мѣрѣ того уваженія, которое, надѣюсь, у васъ заслужила.» Въ письмѣ не было ни одной погрѣшности противъ правописанія: она очевидно уже не любила ни сколько! Т-овъ былъ поверженъ въ отчаяніе. Съ той минуты онъ желалъ себѣ смерти и угасалъ тихо, какъ отгорѣвшая звезда. Послушавъ женщинъ и модныхъ Французскихъ писателей, которыхъ глубокомысленное пустоуміе взялось настращать свѣтъ тайными и невѣдомыми ихъ страданіями, подумаешь, что онъ одинъ — жертвы эгоизма, непостоянства и расчитанной измѣны, и что прекрасныя и чувствительныя Валентины, Анны и Прасковіи ни сколько не причиняютъ мученій и вреда мужскому полу. Я, съ моей стороны, весьма согласенъ на освобожденіе женщины, — но освободите тоже и мужчину! Какъ будто они не имѣютъ своихъ тайныхъ и никому невѣдомыхъ страданій! А мой пріятель, Александръ Петровичъ, примѣрно сказать, котораго дважды въ недѣлю жена отдѣлываетъ его же собственнымъ чубукомъ, и который не пикнетъ о томъ ни однимъ словомъ передъ посторонними?... Я давно намѣренъ сдѣлаться главою новой «школы внутреннихъ» *des intimes*, которая, въ противность Бальзаку и его литературной супруги, Г-жѣ Жоржъ-Сандъ, будетъ имѣть цѣлію обнаруживать свѣту все, что

мужчины втайнѣ переносятъ отъ слабыхъ и нежныхъ женщинъ, и готовятъ будущее освобожденіе нашего усатаго пола, — *l'émancipation de l'homme*. Скоро выйдетъ первая моя повѣсть объ этомъ, и смѣю ласкать себя и надеждой, что она произведетъ сильное впечатлѣніе въ умахъ Европы.

Припоминая себѣ всѣ подробности исторіи моего друга и выводя изъ нея разныя «философическія» заключенія, я задумчиво брелъ къ перевязочному пункту. До сихъ поръ не понимаю, какъ трепеть не охватилъ меня, когда у входа ближайшей къ артиллерійскому отдѣленію палатки, увидѣлъ я безпечно сидящаго Никитича, деньщика Т-ова. Неужели я самъ былъ убѣжденъ, что Т-ову оставалось только погибнуть?

— Николай Петровичъ только раненъ, отвѣчалъ Никитичъ на мой вопросъ: а братца, Александра Петровича, еще утромъ повалили....

Я вбѣжалъ въ палатку, и кровь во мнѣ застыла. На узкой кровати лежалъ мертвецъ въ страшномъ положеніи: трупъ оледенѣлъ, грызя пальцы правой руки и разрывая лѣвою перевязки ужасной раны; одна нога была согнута въ колѣнѣ, другая крѣпко упиралась въ кровать; одѣяло было сброшено, изорванная рубашка прикрывала только одно плечо. Въ судорожномъ сведеніи жилъ лица и всѣхъ членовъ видны были слѣды неописанныхъ страданій. То былъ онъ, мой злополучный Т-овъ!

Сердце во мнѣ замерло, и я не помню какъ выбѣжалъ изъ палатки.

Допросили деньщика, и онъ показавъ подъ присягою, что цѣлый день не отходилъ отъ палатки, и ничего не слышалъ, кромѣ тихихъ стенаній.

Черезъ часъ покойникъ лежалъ на краю свѣжо вырытой могилы. Священникъ прочитавъ отходную мо-

литву. Офицеры завернули трупъ въ широкую бурку и осторожно опустили въ неглубокую яму. Глыбы земли завалили могилу. Я плакалъ.

Смеркалось. Далеко разнесся послѣдній звукъ вечерней зари: Артиллеристы и пѣхотные солдаты суетились о ночныхъ квартирахъ: одни бѣжали съ мамерками за водою, другіе тащили тростникъ и раскладывали огонь. Крики дежурныхъ офицеровъ и фейерверкеровъ, ржанье лошадей, бряканье сабель, — все это звучало и гремѣло въ моихъ ушахъ. Мнѣ было грустно разстаться съ кладбищемъ, и съ преждевременной могилой лучшаго моего друга. Предчувствія не обманули несчастнаго. Вѣчная память твоему праху, храбрый, благородный товарищъ! Вспоминаю теперь твою жизнь, твой кроткій, добрый нравъ, твою благородную привязанность къ людямъ, и глаза мои невольно наполняются слезами. Артиллеристы, которые помнятъ переправу черезъ Камчикъ, вѣрно разделятъ со мною печальное чувство о товарищѣ, погибшемъ славною смертію въ первыхъ лѣтахъ жизни, и жизни уже растерзанной тѣми жъ нѣжными руками, которыя писали ему огненные клятвы готовности своей посвятить себя вѣчному его счастью.

Какъ выразительна была эта слеза, повисшая на ресницѣ изрубленнаго ветерана! Но какъ трудно подѣлать такую слезу въ военное время, когда среди бивуака, средь огней и дыма, каждый старается закалить сердце на жестокость или по-крайней-мѣрѣ не обнаруживать прекрасной и лучшей способности человека, — способности плакать надъ бѣдствіемъ ближняго!

Въ ночь, непріятель бѣжалъ изъ ретраншементовъ, а съ разсвѣтомъ батарея вѣсело понеслась на полныхъ рыскахъ опять по дорогѣ къ Дервишъ-джевану. Подскакивая къ берегу Камчика, мы еще могли видѣть,

какъ послѣднія толпы разстроенныхъ духомъ Турокъ бѣгали и суетились, сѣдая и навьючивая лошадей, верблюдовъ, ословъ. Батарея быстро развернула фронтъ и сбросила орудія съ передковъ. Егеря уже раздвѣвались на песчаномъ берегу, и, прицѣпивъ подсумокъ съ натронами на затылокъ, а ружье на шею, кидались въ воду. По приказанію корпуснаго командира, я былъ отраженъ съ шестью артиллеристами переплыть Камчикъ и немедленно описать брошенные непріателемъ въ ретраншементахъ снаряды и артиллерию. Мы поплыли вслѣдъ за егерями, и черезъ нѣсколько минутъ Турецкое укрѣпленіе было занято нашимъ пловучимъ отрядомъ. У каждаго выхода, у каждаго погребка, на валу и на барбетахъ, стали важно расхаживать часовые въ великолѣпномъ миндирѣ природы, но съ казеннымъ ружьемъ и перевязью черезъ плечо. Другіе, въ томъ же непринужденномъ и красивомъ нарядѣ, усѣлись въ амбразурахъ и на банкетахъ, авторыя и третьи смѣны караульныхъ солдатъ — посерединѣ редутовъ, и подшучивали одинъ надъ другимъ. Внимательные наблюдатели челоуѣчества, которые пожелали бъ разсматривать насъ въ отношеніи къ образованности и табели о рангахъ, нашлись бы въ большомъ затрудненіи. Для снабженія ихъ однако жъ какимъ-нибудь руководствомъ, можно присовокупить, что офицеры, въ этомъ достопамятномъ случаѣ, отличались отъ солдатъ козырьками на фуражкахъ.

Селенія Булгарскія, Молдаванскія, и вообще жителей Греческаго исповѣданія, раскиданы по всему правому берегу Камчика до самой подошвы Балкановъ. Тяжкое рабство и разорительная обязанность продовольствовать нѣсколько мѣсяцевъ многочисленныя толпы грозныхъ мусульманъ, довели ихъ до крайняго отчаянія. Они ждали только случая, чтобы избавиться отъ притѣснителей. Часъ избавленія насталъ. Едва

нашъ пловучій отрядъ занялъ правый берегъ близъ Дервишъ-Джевана, какъ цѣлыя семейства Христіанъ, ожесточенныхъ противъ Турокъ, радостно побѣжали къ намъ, своимъ единовѣрцамъ, съ хлѣбомъ и солью. Но что было намъ дѣлать? Эти несчастныя семейства состояли большею частію изъ стариковъ, дѣтей и женщинъ, — а мы были даже безъ перчатокъ, чтобъ принять первыхъ вышедшихъ намъ на встрѣчу дамъ Оттоманской имперіи какъ слѣдуетъ людямъ благовоспитаннымъ и представителямъ Европейской образованности за Камчикомъ. Надобно сказать, что Балканскіе жители не видали еще ни одного Русскаго солдата, хотя слава о нашемъ непобѣдимомъ мужествѣ и марсовомъ видѣ громко носилась уже по всей Турціи. Трудно вообразить, какъ были поражены эти добрые люди, привыкшіе къ строгой Восточной скромности, особливо эти пугливыя женщины, увидѣвъ усатыхъ героевъ въ этой неслыханной формѣ. Они долго осматривали насъ съ неизъяснимымъ удивленіемъ. Наконецъ, узнавъ отъ часовыхъ, что главнымъ «пашею» нашего отряда былъ егерскій капитанъ, — а этотъ капитанъ былъ чело­вѣкъ старый и простой, аккуратный до безчувственности служака, который, ни мало не удивляясь необычайности сцены, переважно лежалъ на барбетъ и досадовалъ въ душѣ, что перези неплотно сидятъ на открытыхъ грудяхъ его храбрыхъ егерей, — старики Булгары поднесли ему съ низкими поклонами хлѣбъ и соль. Дары были приняты благосклонно, — быть-можетъ потому, что суровый капитанъ проголодался, — и онъ даже милостиво слушалъ краснорѣчивыя привѣтствія покоренныхъ, не понимая ни одного ихъ слова.

Между-тѣмъ повтоны, двигаясь по Камчику, сдѣлались одинъ съ другимъ, и къ полдню пловучій мостъ уже колыхался подъ тяжестью артиллеріи, которая длинною полосой вытягивалась черезъ непріа-

тельскія укрѣпленія на зеленѣющую поляну. На другой день мы простились съ мутнымъ Камчиномъ, и, миновавъ Дервишь-Джеванъ, углубились съ орудіями въ дикія, обрывистыя ущелія Балканскихъ Горъ. Высокія стѣны хребта, скалы, висящія надъ нашими головами, узкія и каменистыя тропинки, на которыхъ толпились артиллерія, пѣхота съ своими обозами и огромное стадо навьюченныхъ верблюдовъ, напомнили намъ горныя переправы Аннибала, Суворова, Наполеона. Мы увѣрились, что нѣтъ переграды для твердой воли человѣка, и что тяжкіе труды наши должны увѣнчаться успѣхомъ. Надежды нашъ не обманули: черезъ три дня мы уже любовались, съ отлогой покатости послѣдней горы, съ одной стороны на необозримый Эвксинъ и стройный флотъ адмирала Грейга, съ другой на обширную равнину и крѣпостцу Мисеврію, которая смотрѣлась въ блестящее море своими бастіонами и минаретами. Нашъ бивуакъ быдъ живописно расположенъ между кустами. Дрова изъ виноградныхъ лозъ пылали по всей отлогости горы, и солдаты кучками сидѣли вокругъ огней, презрительно подшучивая надъ мусульманскими собаками, и общая надѣть лямку на самага султана, если онъ не смирится передъ тринадцатымъ и четырнадцатымъ егерскими полками. Эти два полка, своимъ рѣдкимъ мужествомъ и искусствомъ въ военномъ дѣлѣ, заслужили справедливое уваженіе цѣлой арміи. Я помню какъ они во время осады Варны, прикрывая мою батарею, всю ночь забавлялись надъ Турками, утверждая, что когда мы займемъ Константинополь, повелитель правовѣрныхъ поступитъ въ ихъ ряды рекрутомъ. Кое-гдѣ видѣлись бѣлыя, маленькія палатки, — дворцы полковыхъ и батарейныхъ командировъ. Лошади толпились на продолговатой коновязи, и ржаніе ихъ мѣшалось съ криками дежурныхъ вахмистровъ. Армейскіе офицеры, столь различные между

собою и по чувствамъ, и по понятіямъ, и по воспитанію, кричали и разсуждали каждый по-своему вокругъ закоптыхъ походныхъ чайниковъ. Одинъ бредилъ мемуарами Французскихъ генераловъ и тактикою «маленькаго капрала»; другой увѣрялъ, что нѣтъ страны въ цѣлой Европѣ, которая была бы гостепріимнѣе и образованнѣе Черниговской губерніи. Но сколько еще различнѣе были тайныя мысли этой тысячи людей разныхъ сословій и разнаго образа мыслей, собравшихся для одной великой цѣли на нѣсколькихъ саженьяхъ отлогости грознаго хребта! Одинъ, быть-можетъ страдавшій цѣлую жизнь подъ убійственными ударами рока, быть-можетъ похоронившій въ могилу любезныхъ сердцу и надежду на счастье, недвижимо сидитъ на камнѣ, прислушивается къ гулу морской волны, —этой торжественной гармоніи, которую Оберъ такъ удачно выразилъ въ Фенеллѣ; другой, съ живымъ воспоминаніемъ о послѣднемъ прощаньѣ, о послѣднихъ слезахъ матери, супруги, сестеръ, друзей, грустно смотритъ въ даль, и не видитъ даже южнаго неба. Кто, предаваясь честолюбію, мысленно летаетъ въ боевые порядки, строить въ головѣ воздушныя фуражировки со всевозможными удачами, и расчитываетъ награды. И какъ много такихъ, которые, будучи лишены способности чувствовать и мыслить, безопасно ходятъ отъ одного огня къ другому, курятъ трубку, холятъ своихъ парадировъ, насвистываютъ водевильныя куплеты и ругаютъ дневальныхъ.

Въ это время, Турецкіе жители, напуганные появленіемъ Русскихъ войскъ въ Румелии, а еще болѣе пожарами нѣсколькихъ деревень, всѣ безъ исключенія, бросивъ свои жилища, перебрались въ лѣса съ своимъ имуществомъ. Покойный фельдмаршалъ, желая успокоить несчастныхъ, предписалъ отправить артиллерійскихъ офицеровъ въ лѣса, чтобы вручить

этимъ Туркамъ охранные листы и уговорить ихъ возвратиться въ дома. Я помню антипатію многихъ моихъ товарищей къ подобнымъ откомандировкамъ и съ какой неохотою шли они «полакомиться нѣсколько дней Турецкимъ шербетомъ.» Я, хотя не гастрономъ, напротивъ любилъ эти прогулки, сопряженныя иногда съ неожиданными удовольствіями. Надобно жъ узнать обычаи, нравы, домашній бытъ и землю, въ которую Богъ привелъ васъ! Неразь наѣздническія фуражировки доставили мнѣ обильный матеріалъ для рассказовъ и здѣсь, и потомъ въ Польшѣ, гдѣ черноглазыя патріотки, своей любезностью и обходительностью, такъ часто умѣли спасти родительскій овесъ и сѣно.

Пришла моя очередь ѣхать дипломатомъ въ густые и мрачные лѣса. Веселовскочивъ на добраго моего коня, сопровождаемый старымъ стремяннымъ, который плутовалъ и пьянствовалъ при мнѣ уже нѣсколько лѣтъ, двумя казаками и проводникомъ Булгаромъ, я спустился съ горы. и поѣхалъ маленькимъ тротомъ по зеленой полянѣ. Проводникъ ѣхалъ впереди и удачно сворачивалъ то вправо, то влѣво, на излучистыя тропинки. Шумъ бивуака постепенно превращался въ неопредѣленный гулъ, и, затихнувъ, долго еще слышался эхомъ въ горахъ. Солнце садилось.

— Близко ли? спросилъ я проводника, послѣ двухъ часовъ ѣзды.

— Вотъ лѣсъ, отвѣчалъ мой толмачъ, Булгаръ, мѣшая Русскія слова съ Молдаванскими: вели, капитанъ, не брякать саблями; пожалуй, всполошатся нехристи головорѣзы.

— Что его слушать? сказалъ мой стремянный, бомбардиръ Дьлченко, подскакавъ ко мнѣ на лансадахъ: тишкомъ не должно подѣзжать къ этимъ собакамъ; онъ еще пуще взбѣленятся..... Попробуйте, ваше бла-

городіе, подкрадываться къ любой лошади: того и смотри, что хватить.....

— Молчи, когда тебя не спрашиваютъ, сердито крикнулъ я на бомбардира, который, осадивъ свою лошадь, громко отвѣчалъ:—Слушаю, ваше благородіе!

— Я назначилъ одного казака съ Булгаромъ парламантерами, приказавъ прицѣпить на пику бѣлый платокъ, а самъ съ Дьяченкою и другимъ казакомъ, остался у опушки лѣса. Осматривая оружіе, я удивился, когда нашель въ ядункѣ моего стремяннаго половину патроновъ безъ пуль.

— Это что значить? спросилъ я.

— Виноватъ, ваше благородіе! отвѣчалъ бомаардиръ, вытянувшись и снявъ шапку: Патроны безъ пуль подготовилъ я для фокусовъ.

— Если не достанеть у тебя пуль, то я тебя....

— Слушаю, ваше благородіе! закричалъ онъ, подсылая порохъ на полку своего пистолета.

Между-тѣмъ Булгаръ съ казакомъ вернулись и привели стараго Турку, который, приложивъ почтительно правую руку ко лбу, говорилъ долго на непонятномъ мнѣ языкѣ, и показывая на тропинку, ведущую въ лѣсъ. Наконецъ я узналъ отъ Булгара, что этотъ старикъ *чорбаджи*, деревенскій староста, и что онъ приглашаетъ меня посѣтить ихъ таборъ. Мы съѣли на коней въѣхали въ лѣсъ. Я взглянулъ направо: огни пылали; сѣрый дымъ клубился въ густотѣ лѣса; высокія каруцы, съ навѣсами изъ сѣраго полотна, какъ занесенныя снѣгомъ избы Малороссійской деревни, мелькали тамъ и сямъ по лѣсу; буйволы, ослы истрепоженныя лошади, помахивая гривами и хвостами, паслись между кустовъ. Вокругъ огней сидѣли Турки въ огромныхъ чалмахъ, а Турчанки, закутанныя съ ногъ до головы въ бѣлыя покрывала, купами прятались за каруцы. Повернувъ круто вправо, мы должны были слѣзть съ лошадей, и итти безъ дороги къ та

бору, обходя вѣтвистыя деревья. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ поѣздъ остановился посерединѣ табора. Турки и Турченята окружили насъ толпою, улыбались очень привѣтливо, кланялись въ поясъ, прикладывая правую руку къ сердцу, то ко лбу. Я развернулъ передъ ними охранный листъ, написанный съ одной стороны по-Турецки, а съ другой по-Русски. Когда чорбаджи прочталь его вслухъ, Булгаръ по моему приказанію, объявилъ имъ, чтобъ они тотчасъ возвратились въ свои жилища и занимались по прежнему сельскими работами. Турки радостно приняли приглашеніе, и общали съ разсвѣтомъ отправиться въ свои деревни. Между-тѣмъ Дьяченко хозяйничаль въ таборѣ какъ дома; сташивъ безъ церемоніи, изъ подъ навѣсовъ каруцъ нѣсколько ковровъ, онъ настлалъ ихъ близъ высокаго дерева, разложилъ огонь и проворно отрубилъ саблею головы двумъ попавшимся подъ руку курицамъ. Казаки ухаживали за лошадьми. Черезъ часъ Дьяченко состряпаль намъ ужинъ, и, отнявъ у одного Грека фляжку съ Молдаванскимъ виномъ, угощаль меня на потникъ, проклиная Магомета, который запретилъ Туркамъ пить водку.

— Что за глупый народъ, эти Турки, ваше благородіе, говорилъ усатый бомбардиръ, подливая вино въ манерку: водки не пьютъ, пѣсней не слышно, о хоровахъ нѣтъ и помину, — да еще прячуть своихъ красныхъ дѣвокъ. Не прикажете ли согнать молоденькихъ Турчанокъ, чтобъ онѣ потѣшили ваше благородіе?

— А если Турки повѣсятъ тебя на этомъ деревѣ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ плутъ Дьяченко: за Русскаго Богъ, а за Турку чортъ. Молодецъ солдатъ и въ водѣ не утонетъ, и въ огнѣ не сгорить.... Помните ли, какъ я для васъ въ Новозыбковѣ.....

— Молчи, дуракъ!

— Слушаю, ваше благородіе, прокричалъ Дьяченко, и, посматривая на меня съ довольной улыбкой, потащилъ къ огню потникъ съ остатками отъ ужина.

Завернувшись въ плащъ, я начиналъ уже дремать на мягкихъ коврахъ; но сонъ мой былъ безпокоенъ. Для предосторожности, я обнажилъ саблю и взвелъ пистолетныя курки. Не будучи увѣренъ въ искренности расположенія Турковъ, я даже подозрѣвалъ, что они непременно воспользуются случаемъ, чтобъ отомстить Русскимъ за все, что терпятъ отъ нихъ во время войны. Правда, что Турки народъ честный и добродушный въ мирное время; но они жестоки, злобны и мстительны въ часъ битвы, и плѣнный не вымолитъ себѣ у нихъ пощады. Ожесточеніе есть необходимое слѣдствіе привязанности къ отечеству: Русскіе въ двѣнадцатомъ, и Испанцы въ десятомъ годахъ, развѣ не истребляли всячески Французовъ? Мрачныя грезы каждыя полчаса прерывали мой сонъ: мнѣ слышались то шаги подкрадывающихся Турковъ и брякъ оружія, то шепотъ нѣсколькихъ голосовъ между кустами, и я раскаявался, что такъ неосторожно остался ночевать посреди непріятелей.

Вдругъ пистолетный выстрѣлъ громко раздался въ лѣсу. Сбросивъ плащъ, и схвативъ въ одну руку саблю, въ другую пистолетъ, я вскочилъ на ноги. Ночь была свѣтлая, и полный мѣсяцъ освѣщалъ въ небольшомъ отъ меня разстояніи толпу Турковъ, которая бѣгала и суетилась вокругъ огня. Казаки бросились къ лошадямъ, а Булгаръ и чорбаджи прибѣжали въ торопяхъ ко мнѣ, и рухнулись въ ноги. Въ недоумѣніи я не зналъ, что придумать. Наконецъ блѣдный и дрожащій Булгаръ, тихо проговорилъ: Капитанъ! Турки убили твоего солдата.»

Я подбѣжалъ къ огню, и увидѣлъ моего бомбардира съ опаленнымъ лицомъ.

Скоро узналъ я причину всей суматохи. Надобно сказать, что мой Дьяченко помѣшался на гаданьяхъ и фокусахъ. Когда наша батарея стояла въ Россіи, частехонько суевѣрныя купчихи и чиновницы съѣзжались къ нему—погадать о будущей своей участи, и онъ ворожилъ имъ съ непоколебимымъ шарлатанствомъ на картахъ, на водѣ, на кофеѣ, и на всемъ, что попадалось подъ руку; въ батареѣ онъ заслужилъ отъ молодыхъ солдатъ названіе чародѣя. Въ эту ночь вздумалось ему подурочить Турковъ: онъ собралъ вокругъ себя толпу ротозѣевъ, и сталъ увѣрять ихъ, что онъ заколдованъ, что всякая пуля отлетитъ отъ него. Заряжая пистолеть, онъ искусно подмѣнилъ патронъ съ пулею холостымъ зарядомъ, и настаивалъ, чтобы какой-нибудь Турокъ выстрѣлилъ ему въ правую руку, въ которой онъ держалъ на-готовѣ пулю. Турки долго не соглашались; наконецъ одинъ рѣшился, и, подбѣжавъ слишкомъ близко къ чародѣю, выстрѣлилъ вмѣсто руки, прямо въ лице. Дьяченко упалъ отъ неожиданнаго удара; Турки думали, что онъ убитъ, и это было причиною внезапной тревоги въ таборѣ.

Съ разсвѣтомъ Турки поднялись, и съ большимъ трудомъ стали выползать съ своими каруцами изъ густаго лѣса. Два дня я объѣзжалъ и осматривалъ ихъ селенія. Наконецъ, исполнивъ порученіе, поскакалъ вслѣдъ за арміей, и нагналъ ее близъ Айдоса, гдѣ, раскинувъ обширные бивуаки, она расположилась на нѣсколько недѣль.

Городъ Айдосъ, хотя считается главнымъ мѣстомъ обширнаго кадимлыка, бѣденъ и такъ невеликъ, что главная квартира нашей арміи съ трудомъ въ немъ помѣстилась: онъ лежитъ при южной подошвѣ Балкановъ, на большой дорогѣ изъ Праводъ въ Адриано-поль. Страшныя горы окружаютъ со всѣхъ сторонъ темную и низкую долину, на которой въ одномъ

углу разбросаны невысокіе домики, кроющіеся въ тѣни густыхъ садовъ. Два три минарета, огромный дворець аяна, и тысячи высокихъ стройныхъ тополей, живописно выникають изъ виноградныхъ садовъ, которые орошаются водопроводами съ горы. На улицахъ и въ садахъ раздается день и ночь однообразный плескъ прекраснѣйшихъ фонтановъ.

Офицеры всѣхъ полковъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ, съѣзжались каждый день къ селенію Лыджа, лежащему по дорогѣ изъ Айдоса въ Анхіоло: тамъ, при сѣрныхъ, минеральныхъ водахъ, построена деревянная купальня. Не знаю, кто вздумалъ прославить ее «великолѣпною»: у отлогой подошвы горы стоитъ небольшое квадратное строеніе, въ которомъ расположены двѣ комнаты: одна на подобіе сарая, безъ потолка, съ поломъ изъ каменныхъ плитъ, съ полуразвалившимся каминою, низкими деревянными скамейками вокругъ стѣнъ, уморительно разрисованныхъ истертыми изображеніями слоновъ, леопардовъ, тигровъ; другая, гдѣ устроена купальня, съ четырьмя фонтанчиками, чище и опрятнѣе первой, — и только. Каждая Турецкая баня, не только въ Румелии, но и въ Булгаріи, великолѣпнѣе этого. Ежедневныя прогулки въ Лыджу разнообразились все болѣе и болѣе: не столько цѣлебность водъ манила къ себѣ насъ, здоровыхъ и веселыхъ, сколько общій чай вокругъ пылающихъ огней, сумасшедшіе скачки и стрѣльба въ цѣль. Бывало, только что вечернующій день раскинетъ по лагерю чудныя тѣни, — мы на коней; пригнемся къ сѣдлу разъ, другою, — и въ Лыджъ. Забросивъ стремяна на луку сѣдла, мундштукъ на шею и не спросясь хозяина, пускаемъ стреноженныхъ коней пастись на завоеванной полянѣ, а сами, всѣ въ пыли, бѣжимъ въ купальню: деньщики разводять огонь и становятся чайники, насвистывая и напѣвая Русскія пѣсни, — и эхо, какъ-бы удивлен-

ное непонятными звуками, лѣнливо вторить охриплымъ голосамъ нашихъ меломановъ. Накупавшись до поту, одни располагаются вокругъ пылающаго огня, —

«Гдѣ, въ ужасномъ дымѣ трубокъ,
Переходить полный кубокъ»;

другіе разстрѣливаютъ «Мюрата», нарисованнаго со всевозможною причудливостію углемъ на квадратной «доскѣ». Этотъ Мюрать удивительнѣе прежняго: онъ никогда не теряетъ геройскаго присутствія духа, и, опираясь на высокій и стройный тополь, стоитъ неподвижно, когда уже нѣсколько пуль сидятъ въ его туловищѣ. Но большая часть офицеровъ, передразнивая Черкесовъ, безъ стремянъ вскакиваютъ на сѣдла послушныхъ коней, и, съ пѣснями и криками, несутся въ безконечное поле, которое въ дали сливается съ небосклономъ. Пышная Лыджская долина зеленѣетъ отъ южной подошвы Балкановъ до самыхъ береговъ моря.

Я не принадлежалъ къ числу охотниковъ до скачекъ и стрѣляній, а находилъ, не скажу, удовольствіе, но пріятное разсѣяніе въ кругу любителей кубка, огней и трубокъ, — кругу отнюдь не столь прозаическомъ какъ многіе полагаютъ: лежать безопасно, со стаканомъ въ рукѣ, на раскинутомъ плащѣ, подъ который добровольно подстилается шелковистая и пахучая трава; лежать въ роскошномъ райскомъ климатѣ; лежать, и пускать длинный столбъ душистаго дыма въ сводъ классическаго неба, и нестись мыслию подъ неумолкаемый говоръ разнообразныхъ рассказовъ, за Дунай и Днѣстръ, имѣть свои прелести, которыхъ не должно презирать въ этомъ тѣнномъ мѣрѣ.

Ротмистръ ***аго полка, Ф-овъ, добылъ изъ Анхіола знаменитаго скакуна, Арабской породы. Очень есте-

ственно, что этотъ конь привелъ въ движеніе всѣ скачущіе и нескачущіе народы. — «Посмотримъ, посмотримъ!» кричали разные голоса, садясь на коней. Пыль черною тучей повисла надъ большой дорогой, какъ послѣ взрыва фугаса, — на-минуту загрѣмѣла молчаливая долина, — потомъ, вдали раздавались дикіе крики ѣздоковъ, — скоро сталъ затихать глухой топотъ конскихъ копытъ, — и наконецъ все замолкло попрежнему.

Пять или шесть офицеровъ остались близъ огромнаго и великолѣпнаго огня.

— Полно, полно, любезный докторъ, сказалъ гусарскій корнетъ Ш-овъ: оставь наѣздниковъ въ покоѣ. Мы помнимъ твое обѣщаніе, и, если ты не забудь свою черноглазую Польшу....

— Я скорѣ забуду, въ которомъ боку бьется сердце! отвѣчалъ серіозно высокаго роста мужчина, съ стѣдой головою, но свѣжимъ и веселымъ лицомъ, отъявленный врагъ Азіятскихъ и Европейскихъ скачекъ.

Это былъ Петръ Ивановичъ Л-овъ, нащъ батареинный докторъ, схожій нѣсколько, своими взглядами на нравственную сторону челоуѣка, съ тѣмъ чернымъ докторомъ, послѣ разказовъ котораго Стелло не зналъ, какъ управиться съ подаренными ему идеями.

— Если такъ, закричалъ охриплымъ басомъ Ротмистръ Б-овъ, докторъ долженъ разказать намъ подробно, какъ онъ исцѣлился отъ несчастной любви.

— Ты называешь глупость несчастіемъ. Смѣшны влюбленные, подозрѣвающіе въ себѣ какіе-то чудные порывы духа! — Я также былъ смѣшонъ, когда воображалъ, что утратилъ блаженство цѣлой жизни, потерявъ расположеніе.....

— Безъ эпитетовъ, докторъ! закричалъ ротмистръ: скажи коротко, какую отыскалъ ты новую абракадабру для излеченія любовныхъ вспышекъ?

— Немножко разсудка и пріемъ слабительнаго, отвѣчалъ докторъ, нѣсколько обиженный замѣчаніемъ. Не смѣй тесъ, господа; я говорю серіозно. Любовь есть слѣдствіе восторженія, производимаго ускореннымъ кровообращеніемъ, и которое преимущественно дѣйствуетъ на органъ зрѣнія и искажаетъ его страннымъ образомъ. Онъ погруженъ въ тотъ же эпилептическій обманъ чувствъ, какой испытываютъ кружащіеся дервиши: ничего невыражающей взглядъ кажется ему небомъ; изученное вниманіе нѣжнымъ участіемъ, глупость остроуміемъ, поверхностное знаніе глубокою образованностью, легкой аккордъ музыкальнымъ совершенствомъ. Таковъ былъ я, вашъ покорный слуга, докторъ Л-овъ. Трудно было доказать мнѣ, что моя Маріанна, по чувствамъ и мыслямъ, близко походила на каменную Ніобу, которую, *иншаллахъ*, мы еще увидимъ недалеко отсюда, въ Анатолиі. Но скоро счастливый случай открылъ мнѣ глаза. Любовь женщины, изволите знать, бываетъ двоякая; — говорящая и пишущая. Маріанна, стыдась, или не находя звуковъ, достойныхъ для выраженія страсти, прибѣгла къ письмамъ. Это и легче и пристойнѣе для скромной дѣвушки. Кромѣ того, что никто не смотритъ ей въ глаза, когда послѣ прелестнаго заглавія — «Безцѣнный мой ангелъ», начинается она отыскивать что то въ романѣ, есть иныя самыя невинныя чувства, которыя какъ-то неловко передавать мужчинамъ звуками. Любовь заразительна, и Зося, горничная Маріанны, передавая и принимая чувствительную переписку своей барышни, успѣла подмѣтить, что Аристарховъ, глупый мужикъ, служившій при мнѣ деньщикомъ, одаренъ отъ природы большими способностями для самой пламенной любви. Вздумалось и Зося какъ-нибудь описать свое невольное влеченіе къ милому Аристархову. Она обратилась къ барышнѣ, и панна Маріанна, согласившись на просьбу своей повѣрен-

ной, по цѣлымъ ночамъ выражала на двухъ языкахъ двѣ страсти, — свою и своей горничной. Письма на Русскомъ языкѣ попались мнѣ въ руки, — и я долго смотрѣлъ на нихъ съ отчаяньемъ капризнаго ребенка, у котораго отнимаютъ его любимую игрушку. Потомъ я сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, и наконецъ кончилъ тѣмъ, что спросилъ самъ у себя, какъ могъ я такъ ошибаться.....

Послѣ минутнаго молчанія, Петръ Ивановичъ всталъ на колѣни, и, вперивъ въ насъ свои сѣрые, огненные глаза, сказалъ:

— Господа! не каждая ли сердечная страсть кончается подобными выраженіями? Чувственность ослѣпляетъ влюбленныхъ. Мы обманываемъ себя, когда любимъ. Мечтая о обожаемой женщинѣ, мы мечтаемъ объ идеалѣ голубыхъ глазъ, объ идеалѣ носа, а не настоящихъ глазахъ и носъ нашей Дульсины, которыхъ мы даже не видимъ. Я поставлю вамъ въ примѣръ себя: страстно люблю голубые глаза, поцѣлымъ ночамъ размышлялъ я въ восторгѣ о несравненныхъ голубыхъ глазахъ панны Маріанны, и только, раскрившись съ ней, примѣтилъ, что глаза у ней не голубые, а какъ скоро принялъ слабительное, открылось, что они зеленые.

Мы хохотали.

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ! носъ — такъ и быть, но глаза — зеркало души! закричалъ корнетъ Ш—овъ.

— Зеркало, въ которомъ, какъ въ каждомъ зеркалѣ, можно отражать всѣ предметы и съ такой стороны, какъ вамъ самимъ угодно. Повѣрьте, господа, такая любовь, какъ вамъ создали ее Французскіе и Нѣмецкіе романы, и какъ она существуетъ въ нашихъ обществахъ, есть величайшее заблужденіе.

— Положимъ, докторъ, отвѣчалъ я за всѣхъ моихъ товарищей, что такая любовь есть заблужденіе; но

это заблужденіе такъ сладостно, что каждый изъ насъ желалъ бы заблуждаться до послѣдней минуты жизни.

—Кромъ меня, возразилъ Л-овъ. По мнѣ, одни Турки любятъ, какъ слѣдуетъ любить. Настоящая любовь существуетъ только на жаркомъ Востоку и въ Италіи. Въ нашихъ сѣверныхъ странахъ это добровольный обманъ, если не плутовство, — и я право не понимаю, зачѣмъ мы колотимъ этихъ почтенныхъ Османовъ! Они умнѣ насъ.

П. ГЛЪВОВЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГЕНРИ ПЕРСИ

ГРАФЪ НОРТОМБЕРЛЕНДЪ.

СОЧИНЕНИЕ КНЯГИНИ ДЕ-КРАОНЪ.

Человѣкъ, еще молодыхъ лѣтъ, сидѣлъ передъ каминомъ, въ креслахъ, поставленныхъ на волчьей шкурѣ. Онъ былъ въ траурѣ; черные, кудрявые его волосы рассыпались по шеѣ; красивая, и довольно длинная борода его была обстрижена уголкомъ. На головѣ у него была черная бархатная шапочка; на груди драгоценная золотая цѣпь, съ медальономъ на каждомъ звѣнѣ.

Онъ печально смотрѣлъ на огонь. Ужасное смущеніе вдругъ взволновало его душу, и кровь прилилась къ сердцу. Онъ поблѣднѣлъ; холодный трепетъ пробѣжалъ по вѣтвямъ его жиламъ. Онъ всталъ, пошелъ къ горкѣ, стоявшей въ углу залы, взялъ большую серебряную чашу, наполнилъ ее пурпуровымъ виномъ, и возвратился къ камину.

— Когда подумаешь, что я одинъ на свѣтѣ! Нѣтъ, не можетъ быть мученія болѣе этого!.....

— Женитесь, милордъ, сказалъ старый служитель, добрый и вѣрный Гарри. Съ женою человѣкъ какъ-то выходитъ вдвоемъ. Зачѣмъ бы вамъ не жениться, милордъ? Вы бы были счастливѣе, и мы тоже.

— Ахъ, Гарри, какъ ты можешь говорить это! отвѣчалъ Генри Перси графъ Нортomberлендъ. Могу ли я перестать любить ее, ее, Анну, мою невѣсту, сестру мою, мою супругу, единственную женщину, которую я когда-нибудь любилъ? Слушай, Гарри: я зналъ ее чистою, цѣломудренною, непорочною какъ дѣвушка, которая никогда еще не покидала матери. Честолобіе ея родителей было чрезмѣрно: между-тѣмъ предложеніе руки моей было имъ пріятно; я наслаждался благополучіемъ, но оно было непродолжительно. Анну Болѣвъ у меня похитили!

При этихъ словахъ лице его измѣнилось, горестъ невыразимая распространилась по чертамъ его, и онъ сказалъ:

— Нынче годъ, какъ Томасъ Морусъ погибъ на эшафотѣ, и годъ съ днемъ, какъ умерщвленъ Рочестеръ..... Боже мой! вотъ уже годъ, какъ это преступленіе тяготѣетъ надъ королевствомъ и надъ нею. Неужели Анна Болѣвъ, моя Анна..... О, какъ эта мысль мучительна!

Несчастный Генри Перси! Между-тѣмъ, въ свѣтъ, въ этой же самой Англій были люди еще несчастнѣе Перси.

Городокъ Гамптгилль стоитъ на склонѣ зеленѣющаго холма; обширная равнина, перерѣзанная ручьями, развивается у его подножія. Жители этой счастливой страны мирно воздѣлываютъ землю, благодарную за ихъ попеченія, и воспитываютъ многочисленныя стада. Однажды, между женщинами этого городка замѣтно было какое-то безпокойство; онѣ суетились и толковали. Однѣ были растроганы, другія рассказывали, что слышали.

— Королева здѣсь? Въ нашемъ бѣдномъ городкѣ королева! Англійская королева? Супруга Генриха VIII, королева Екатерина?

— Супруга нашего короля? повторяли дѣвушки. И король тоже будетъ?

— О нѣтъ! Онъ ее изгналъ; онъ женился на другой.

— Это очень дурно, говорили дѣвушки. Очень не весело быть королевою у нашего короля!

Потомъ, мало-по-малу, время произвело свое дѣйствіе, но жалость не исчезала. Екатерина, больная, печальная, жила въ бѣдномъ домишкѣ этого бѣднаго городка, никого не принимала, ни на кого не жаловалась. Въ церковь она всегда отправлялась одна, съ трудомъ переступая по неровнымъ камнямъ, которыми вымощены были улицы этого городка. Но нѣсколько дней она уже не выходила.

Однажды королева Екатерина сидѣла въ нижней замъ своего домика. На ней было шелковое платье, толстое но изношенное, съ серебряными и золотыми цвѣтками по темно-красному полю. Подлѣ нея была дѣвушка, ея прислужница; во всѣхъ движеніяхъ этой дѣвушки замѣтны были понятливость и нѣжнѣйшая попечительность.

— Вамъ сегодня, кажется, хуже обыкновеннаго, сказала она: я поставлю вамъ кресла на солнце; воздухъ освѣжитъ васъ.

— Пожалуй, Элія; я чувствую, что ходить я не въ состояніи.

Королева съѣла; Элія стала подлѣ нея на колѣна на дернѣ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось передъ смертью еще разъ увидѣть дочь мою! Но мнѣ и этого не позволять. Подумай, Элія, ее еще ребенкомъ вырвали изъ моихъ объятій, и съ тѣхъ поръ, столько лѣтъ уже я напрасно молила, чтобы мнѣ дали хоть взглянуть на нее!

Королева почувствовала на рукъ своей слезы, и прижала Элію къ своему сердцу. Потомъ она продолжала меланхолическимъ голосомъ: — На прошлой недѣлѣ я доходила еще до фіалокъ, которыя ты поса-

дила; сегодня я не могла уже переступить через порог моего дома. Правда, скоро я и совсемъ отсюда выйду..... въ могилу.

—О, нѣтъ, нѣтъ! вскричала Элія, заливаясь слезами: кого любить, тѣ не умираютъ. Я бы отдала вамъ кровь мою, если бъ это могло помочь вамъ.

Между-тѣмъ какъ Элія утѣшала такимъ образомъ Англійскую королеву, Испанскую принцессу, Испанію тогдашней, которая была совсемъ не то что нынѣшняя Испанія, — въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона, въ королевскомъ замкѣ Виндсорѣ, все было въ движеніи. Стараясь забытья, свирѣпый и сладострастный супругъ Екатерины, похититель Анны Болѣнъ, вдругъ выгналъ изъ своего Лондонскаго дворца. Онъ сидѣлъ въ своей спальнѣ. У ногъ его играли двѣ собаки. Окна были завѣшаны прозрачными шелковыми шторами, сквозь которыя проходили изъ сада чистый и пріятный воздухъ и мелодическое пѣніе соловья.

Генрихъ VIII печально потупилъ голову.

— Я думалъ, сказалъ онъ, что здѣсь мнѣ будетъ лучше; но нѣтъ. Только-что я пріѣхалъ, и скука уже началась. Весь Лондонъ, кажется, перебрался сюда со мною. Я уже видѣлъ фургоны съ гербомъ лорда Кромвеля..... Неужели въ самомъ дѣлѣ я сдѣлалъ его первымъ министромъ, графомъ Эссексомъ, генеральнымъ викаріемъ всѣхъ церквей? Неужь-то этотъ человекъ, послѣ меня, первый въ государствѣ?..... Я будто все это во снѣ вижу..... Я бы радъ сбросить съ себя кожу: проклятый вередъ жестоко мня мучить и скоро сведеть въ гробъ!

Онъ ударилъ себя по больной ногѣ и съ живостью позвонилъ.

— Пріѣхалъ ли Климентъ? спросилъ король.

— Пріѣхалъ, ваше величество, отвѣчалъ молодой пажъ.

— Позвать его ко мнѣ.

Докторъ вошелъ и почтительно поклонился.

— Климентъ, нога у меня очень болитъ.

— Ваше величество изволили положить пластырь, который я приготовилъ?

— Положилъ.

— Такъ надобно подождать его дѣйствія.

— Подождать! вѣчно ждать! сказалъ король съ досадою. Сколько у васъ въ госпиталѣ постелей?

— Двѣсти; да шестьдесятъ, учрежденныхъ королевою Екатериною, отвѣчалъ Климентъ.

— Вѣчно королева Екатерина! сказалъ вполголоса король. Но если ты такъ любишь королевъ, что ты скажешь о королевѣ Аннѣ.

— Признаюсь, ваше величество, этотъ вопросъ удивляетъ меня.

— Она тебя призывала, не правда ли? продолжалъ король: и спрашивала, сколько времени я проживу?

— Извините, ваше величество, сказалъ Климентъ. Она точно призывала меня, но я не пошелъ.

— Ммъ!.... Отчего же это?

— Оттого, что мнѣ некогда, ваше величество, толковать съ горничными о томъ, какъ дѣлать румяны и помаду для лица.

— Тебя призывали къ королевѣ, дѣлать помаду для лица? вскричалъ успокоенный и довольный Генрихъ. А ты не хочешь дѣлать помады? Хе, хе, хе!.....

— Нѣтъ, ваше величество.

— И вотъ женщина, которую я возвысилъ до себя! сказалъ Генрихъ съ презрѣніемъ. Но найдется другая прекраснѣе, простѣе Анны Болѣнъ, и замѣнитъ ее въ моемъ сердцѣ. Я знаю, она желаетъ моей смерти; она надѣется управлять послѣ меня отъ имени своей дочери, и она призывала тебя для того, чтобы узнать, долголи мнѣ остается жить. Кто знаетъ, можетъ-быть и ты на ея сторонѣ, Климентъ?

При этихъ словахъ Климентъ затрепеталъ, приведенный въ негодованіе подозрѣніемъ короля.

— Государь, сказалъ онъ съ достоинствомъ: вы при мнѣ родились, я всегда служилъ вамъ усердно; но теперь, клянусь, никогда нога моя не переступитъ черезъ порогъ вашего дворца.

При этихъ словахъ старикъ снялъ орденъ, пожалованный ему Генрихомъ, положилъ его у постели и ушелъ.

Король сильно позвонилъ; хотѣлъ воротить доктора, но пажъ вошелъ и доложилъ о графѣ Эссексѣ и Испанскомъ послѣ. Генрихъ не хотѣлъ сначала принимать никого изъ нихъ; потомъ рѣшился позвать графа Эссекса.

— Ну что, графъ? сказалъ онъ Кромвелю: ты толковалъ тамъ съ Испанскимъ посломъ? Верно, опять какая-нибудь просьба за Екатерину?

— Кажется, что такъ.

— Постарайся его спровадить.

— Онъ не пойдетъ.

— Ну, такъ приведи его сюда. Я его выживу.

Король легъ и закутался въ одѣяло, чтобы казаться больнымъ, и, когда посолъ вошелъ, онъ спросилъ:

— Что вамъ угодно, господинъ посолъ?

— Поклониться вашему королевскому величеству, отвѣчалъ Шапюи, и сообщить вамъ радостную вѣсть. Императоръ Карлъ V овладѣлъ крѣпостью Лагулеттъ, и съ торжествомъ вступилъ въ Тунисъ; Барбаросса бѣжалъ, и десять тысячъ христіанскихъ невольниковъ освобождены.

— Поздравляю васъ, и вашего государя тоже, сказалъ холодно Генрихъ.

Шапюи хотѣлъ было распространиться о побѣдахъ Карла V, но видя, что король нетерпѣливо хочетъ окончить аудіенцію, поспѣшилъ произнести имя Екатерины.

Генрихъ VIII покраснѣлъ съ досады.

— Она въ нищетѣ, въ забвеніи, сказала Шамюн: и давно уже тщетно желаетъ, чтобы ваше величество позволили ей видѣть дочь. Королева очень слаба; врачи объявили, что ей жить недолго, и я прошу позволенія ѣхать къ ней, въ чемъ, я думаю, нельзя мнѣ отказать.

— Ступайте, пожалуй, отвѣчалъ король: ступайте, посмотрите ее, да и мнѣ скажете, какова она. Прощайте, госнодинъ посоль!... Молимъ Бога, дахранитъ васъ подъ своимъ святымъ и благимъ покровомъ! Молимъ Бога..... Прощайте.

Въ этотъ день вѣтеръ дулъ сильно, небо застлано было темносерыми облаками, и лучи солнца не могли сквозь нихъ проникнуть. Старый Гарри уже раза два или три съ трудомъ взбирался на платформу самой высокой башни Ольввикской крѣпости, посмотрѣть на это пасмурное небо и увѣриться, что большой грозы не будетъ. Потомъ онъ медленно спустился по ступенямъ крутой лѣстницы, пробрался подъ мрачными сводами и вошелъ въ комнату лорда Перси. Тотъ, въ дорожномъ платьѣ, стоялъ у огромнаго шкафа; въ развороченныя настежь его двери видно было множество прекраснаго, драгоценнаго оружія, разложеннаго по полкамъ.

— Вы уже готовы? сказалъ Гарри печально.

— Да, я сейчасъ готовъ, отвѣчалъ графъ, собирая оружіе.

Старикъ вздохнулъ.—Лошадь ваша готова, сказалъ онъ: я самъ накормилъ ея.

— Лошадь готова? Я тоже, отвѣчалъ лордъ Перси.

Старый служитель схватилъ руку лорда.

— Прощайте, лордъ Генри! прощайте, милый сынъ и господинъ мой! Увижу ли я васъ опять когда-нибудь, милордъ?

— Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься, Гарри?

сказалъ графъ, пожимая руку стараго мужа своей кормилицы и нагибаясь къ нему. Затан въ сердце то, что я скажу тебѣ. Королева Екатерина при смерти; я ѣду къ ней, чтобы броситься къ ногамъ ея и выпросить прощеніе Аннѣ Болѣнъ..... Прощай, Гарри.

Графъ поспѣшно вышелъ, и вскочилъ на коня; черезъ минуту облака пыли взвились по слѣдамъ его и онъ исчезъ въ отдаленіи.

Лордъ Перси отправился по дорогѣ въ Морпетъ. Закутавшись въ суконный плащъ, прикрывъ голову шляпою съ широкими полями, онъ вѣхалъ тихо, преданный обычной своей задумчивости. Быть полезнымъ Аннѣ Болѣнъ, молиться за нее, дѣлать добро отъ ея имени, — къ этому стремились всегo помышленія. Теперь онъ предпринялъ для нея долгое и трудное путешествіе, потому что ему надобно было проѣхать всю Англію, чтобы добраться до Гамптгилля. «Екатерина святая женщина, говорилъ онъ самъ себѣ: она проститъ ее! И, можетъ-быть, это прощеніе послужитъ Аннѣ извиненіемъ передъ Господомъ, надеждою на смертномъ одрѣ». Два дня продолжалъ онъ такимъ образомъ свое путешествіе. Вечеромъ застигла его буря. Темнота сдѣлалась страшная. Онъ думалъ, что сбился съ дороги, но, къ счастью, увидѣлъ вдали свѣтъ и вскорѣ подвѣхалъ къ бѣдной гостиницѣ. Онъ съ радостью постучался, и ему тотчасъ отворили. Свѣтлый, блестящій огонь взбѣгалъ волнистымъ пламенемъ въ каминѣ. Молодая женщина въ крестьянскомъ платьѣ держала на таганѣ сковородку и жарила рыбу. Мужнина, который впустилъ графа, былъ человекъ съ звѣрскимъ, отвратительнымъ лицомъ. На щекахъ и на лбу было у него нѣсколько шрамовъ.

— Можно ли мнѣ у васъ переночевать? сказалъ лордъ Перси. Вы видите какъ буря меня отдѣлала.

— Милости просимъ, сударь.

— А можете ли вы дать мнѣ поужинать?

— Все, что вамъ угодно, сударь.

Послѣ ужина хозяинъ отвелъ лорда въ комнату, въ которой была кровать и нѣсколько стульевъ. Когда хозяинъ вышелъ, графъ Перси скинулъ платье и положилъ его на соломенный стулъ; но стулъ повалился подъ тяжестью, со всѣмъ, что на немъ было. Перси спѣшилъ подобрать браслетъ, подаренный ему Анною Болѣнъ въ первое время ихъ знакомства. Поднимая его съ полу, онъ увидѣлъ нѣсколько свѣжихъ кровяныхъ пятенъ. «Точно, сказалъ онъ самъ себѣ: это кровь, и пролитая недавно! Въ этомъ домѣ совершено какое-нибудь преступленіе!» Онъ снова надѣлъ платье, выдвинулъ кровать на середину комнаты и бросился на постель. Онъ долго не могъ заснуть; наконецъ усталость закрыла отяжелѣвшіе глаза его. Въ эту минуту хозяинъ входитъ въ комнату; онъ пробирается на цыпочкахъ къ самой постели, и поднявъ уже руку, какъ лордъ Перси открылъ глаза. Быстрѣе молніи бросился онъ на убійцу, вырвалъ у него кинжалъ и прокололъ ему руку.

Бользненный стонъ вырвался изъ груди раненаго. Графъ повергъ его на землю, придавилъ коленомъ и хотѣлъ было уже наказать убійцу за преступленія всей его жизни.

Въ эту ужасную минуту женщина вбѣгаетъ въ комнату и видитъ, что графъ готовъ нанести ударъ.

— Пощадите, помилуйте его, сударь, вскричала она: это мужъ мой; не убивайте его; я люблю его.

— Бѣдняжка! сказалъ лордъ Перси: она его любить!

Онъ всталъ.

— Боже мой, вскричала женщина, трепеща, блѣднѣя, и бросилась къ мужу: ты раненъ, Алмикоть!.... О Боже мой! онъ умретъ, а мы безъ куска хлѣба!....

— Не бойся ничего, отвѣчалъ великодушный путе-

пешественникъ: если мужъ твой обѣщаетъ возвратиться къ доброй жизни, я не оставлю васъ обоихъ.

— О, клянусь исправиться! вскричалъ разтроганный разбойникъ: клянусь!..... Бѣдность лишила меня разсудка..... Я искалъ пособія въ преступленіи.....

Онъ поползъ по крови къ ногамъ того, кого незадолго предъ тѣмъ хотѣлъ убить.

— Прочь, злодѣй! сказалъ путешественникъ: я оставляю тебѣ жизнь только по просьбѣ этой женщины и для того, чтобы ты имѣлъ время покаяться. Ты можешь сказать, графъ Нортomberлендъ пощадилъ меня во имя Анны Болѣнь.....

— Графъ Нортomberлендъ! вскричалъ хозяинъ въ величайшемъ испугѣ. О, если бъ я убилъ его!

Онъ бросился къ ногамъ лорда Перси.

Женщина тоже упала на колѣни, полумертвая отъ страха.

Утро освѣтило эту сцену; графъ, простивъ ихъ и обѣщавъ принять въ свои помѣстья, если они обѣщаютъ жить честно, далъ имъ денегъ и отправился. Переступая черезъ порогъ, онъ еще разъ обернулся и услышалъ благословенія молодой женщины. Сердце его вознеслось къ Богу, и онъ сказалъ еще разъ: «Господи, помяни рабу твою Анну!..... я для нея простилъ!»

Пространство! Кто не размышлялъ съ удивленіемъ и горестью о пространствѣ, этой атмосферѣ, этой матеріи, раздѣляющей два любящіяся существа, какъ-будто они были на противоположныхъ краяхъ свѣта? Сто миль и полмили, цѣлое государство или ширина улыцы, равно скрываютъ отъ нашего глаза существо, къ которому стремится сердце. Душа вспоминаетъ его, и переносится повсюду съ легкостью и отважностью орла, который паритъ къ своду небесъ и пла-

наетъ надъ поверхностью земли; но тѣло, этотъ комокъ грязи, который заключаетъ въ себѣ духъ и давить его нестерпимою тяжестью, тѣло все ограничиваетъ; другъ подлѣ друга, два существа, соединенныя любовью, слышать, но уже не видятъ другъ друга. Пространство! Это еще одинъ лишній источникъ слезъ въ нашей юдоли плача. Для многихъ пространство составлено изъ адской воды забвенія, и тотъ, кто переплылъ эту рѣку, кажется уже не достойнымъ и воспоминанія..... Между-тѣмъ какъ на одномъ концѣ Англіи благородный и великодушный Перси вѣхалъ, думая объ Аннѣ Болѣнъ и сохраняя въ сердцѣ своемъ надежду посвятить ей жизнь и будущность свою, Анна Болѣнъ, предавшись мелочнымъ обольщеніямъ наружной, блестящей жизни, не удостовивала его и воспоминанія. Тотъ же свѣтъ, который озарялъ печальное, одинокое путешествіе графа Нортумберленда, сіялъ и на красотахъ дворца и садовъ Виндторскихъ. Въ глубинѣ комнаты королевы были два окна, украшенныя бѣлыми занавѣсами. Эта комната, которой нынѣшнія модницы дали бы смѣшное названіе — *будуаръ*, этотъ кабинетъ, совсѣмъ не будуаръ, былъ недавно убранъ съ величайшею пышностью. Корабль, пришедшій изъ Индіи, привезъ ткань, которою обтянуты были его стѣны. На кисеѣ, вытканной въ глубинѣ мрачной и сырой темницы, для того, чтобы нити могли равняться тонкостью съ нитями паутины, Индѣянка чернокожая написала искусными руками золотыя пальмы. Павлины, соединяя внизу хвосты свои, убранные всѣми отливами цвѣтовъ, составляли блестящую кайму. Хохолки гордыхъ головъ ихъ были украшены перлами и сафирами. Золотыя застежки придерживали сборки, которыми эта легкая ткань волновалась по стѣнамъ комнаты, и скрѣпляли двойные занавѣсы на окнахъ. Во множествѣ лакированныхъ Японскихъ

ящиковъ съ перламутромъ и золотомъ, красовались заморскія растенія. Посреди этой палаты была клетка изъ вызолоченной проволоки. Она привѣшена была къ потолку на шелковомъ шнуркѣ и, посредствомъ придѣланной къ ней тяжести, спускалась и поднималась. Въ этой клеткѣ, о чудо!, была живая колибри.

Она порхала по цвѣтамъ, искусно сдѣланнымъ изъ сердцевины Китайскаго тростника. Повременамъ она погружала маленькій клевъ свой въ ихъ чашечки и, наподобіе пчелы, высасывала изъ нихъ сахарную воду, приготовленную ей въ пищу.

Иногда слышалось ея мелодическое щебетаніе. Какъ-бы живой изумрудъ или сафиръ, она порхала съ вѣтки на вѣтку, красуясь подъ пасмурнымъ небомъ Англій блестящими перьями, которыя она нѣкогда выказывала на цвѣтущихъ кустахъ благоуханныхъ долинъ своей родины, Бразиліи.

Молоденькая женщина, красоты восхитительной, спустила клетку и любовалась своимъ прелестнымъ пѣвникомъ: голубые, прозрачные глаза ея были устремлены на него, а сладостный ея голосъ съ нимъ разговаривалъ. А онъ, безчувственный, перелеталъ съ мѣста на мѣсто и все какъ-можно подалеже отъ нея. «Такъ ты не хочешь пѣть для твоей Анны?» сказала она. Она пустила клетку, и, взявъ лютню, которая лежала на диванѣ, извлекла изъ нея нѣжные, пѣвительные аккорды. Свѣтлорусые ея волосы свободно разсыпались по бѣлому газовому платью. Хорошенькія пальчики бѣгали съ чудной быстротою по струнамъ лютни, и потомъ мелодическій голосъ слился съ звуками инструмента.

— Да ты поешь лучше твоей птички, сказалъ старый графъ Вильшейръ, сидѣвшій въ концѣ комнаты на подушкахъ изъ адаго бархата.

— Право? сказала Анна Болѣнъ. Я давно это знаю! Однако жъ мнѣ очень скучно.—Притомъ вы не любите

те музыки, батюшка, прибавила она, взглянувъ на него съ хитрою улыбкою.

— Нужды нѣтъ; я знаю, что ты прекрасно поешь, отвѣчалъ графъ съ досадою.

— Охъ, не сердитесь, батюшка!

Она опять взяла лютню, и гибкій, звучный ея голосъ исполнялъ труднѣйшіе пассажи. Потомъ она снова замолчала.

— Какова сегодня матушка? сказала она.

— Почему я знаю! отвѣчалъ графъ: матушка твоя такъ капризна, что часто, какъ ты знаешь, мы съ ней и не видимся.....

Анна укусила свои хорошенькія губки.

— Вѣрно, васъ что-нибудь раздосадовало, батюшка?

— Разумѣется; и ты должна знать это.

— Неужели то, что вчера на балъ король говорилъ съ дядюшкой Норфолькомъ прежде чѣмъ съ вами?

— Развѣ это дѣло? вскричалъ графъ, сверкая глазами: отецъ королевы не долженъ имѣть равнаго себѣ при дворѣ.

— Но когда васъ еще не было, король разговаривалъ съ братцемъ.

— Братъ твой не я, сударыня.

Графъ Вильшейръ снова погрузился въ свои думы. Птичка запѣла, и они стали ее слушать; въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Право, вскричалъ графъ, какъ-бы внезапно пробудившись: мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы эта королева Екатерина умерла, потому что, пока она жива, мы не можемъ считать себя въ безопасности.

— А моя дочь Елисавета? сказала Анна Болѣнъ, покраснѣвъ.

— Ба! твоя дочь! Важная вещь дочь! Еще, когда бъ ты догадалась родить мальчика!

Анна бросила карандашъ, которымъ она рисовала узоры для вышиванья; щеки ея вспыхну-

ли, шея и бѣлая плечи покрылись яркимъ румянцемъ.

— Сдѣлайте милость, батюшка, не повторяйте мнѣ вѣчно этого.....

— Женщина, у которой нѣтъ сына, королева безъ наследника мужскаго пола, жалкая вещь, сказалъ графъ.

— Да вѣдь рѣшили и король и парламентъ, что царствовать должна Елисавета.

— Прелесть, что за вещь наследникъ престола въ юбокъ! вскричалъ безжалостно графъ. А развѣ принцесса Марія не будетъ для нея опасною соперницею?.....Королю вздумается влюбиться въ другую женщину, и тебя прогонять!..... ты погибла!..... По-крайней-мѣрѣ, берегись же этого.

— Батюшка! вскричала Анна: вамъ, кажется, весело меня мучить..... Какъ, прогонять? Да развѣ я не жена его? развѣ я не коронована въ глазахъ всей Англіи?

— Екатерина тоже, сказалъ графъ мрачнымъ голосомъ.

— Онъ не можетъ меня отвергнуть, продолжала Анна. Притомъ я нынче больше чѣмъ когда-нибудь въ милости: мнѣ надобно только пожелать чего-нибудь, чтобъ это сейчасъ было исполнено. Онъ никогда не любилъ меня такъ какъ нынче. Неужели онъ такой обманщикъ?

— Онъ челоуѣкъ коварный, сказалъ графъ: ему нельзя вѣрить. Притомъ онъ старѣеть, тучнѣеть..... парализъ, и кончено! Сверхъ-того, его гложетъ вередь..... Еслибы унасъ былъ сынъ, тогда бѣ необходимо было регенство.

Старый Вильшейръ произносилъ эти отрывистыя фразы вполголоса, какъ-бы про себя и не обращая вниманія на то, слушаетъ ли его дочь; мучимый често-

любіемъ и страхомъ паденія, исчисляя непрерывно послѣдствія смерти Генриха VIII, онъ, въ своей ненасытимой жадѣ власти, забывалъ, что и его жизнь должна когда-нибудь кончиться.

— Стараешься ли ты по-крайней-мѣрѣ, какъ я тебя говорилъ, нравиться главнымъ въ совѣтъ лордамъ?

— Я думаю, что вполне могу на нихъ полагаться, сказала Анна, сдѣлавъ движеніе головой, полное тщеславія.

Не изыскивая цѣли, къ которой могло быть направлено ихъ поведеніе, Англійская королева принимала пустыя, въжливыя похвалы придворныхъ за выраженіе безпредѣльной преданности. Занятая собою и въ-ря, какъ ей безпрестанно говорили, что невозможно не любить ея, она воображала, что нѣтъ на свѣтѣ чловѣка, который бы не почелъ за счастье пожертвовать для нея собою.

— Въ тебѣ нѣтъ ни благоразумія, ни предусмотрительности, Анна, сказалъ графъ Вильшейръ: ты никакъ не хочешь предвидѣть несчастія.

Анна пожала плечамъ и ничего не отвѣчала.

— Ты не видишь, какъ наше положеніе опасно, продолжалъ старый придворный: духовенство насъ ненавидитъ; старые католики говорятъ, что ты отвратила короля отъ Церкви; что ты просто наложница; что Екатерина по твоей милости при смерти; что царствовать должна ея дочь. Въ совѣтъ есть католическіе лорды. Если король умретъ или разлюбитъ тебя, ты увидишь, какъ всѣ эти люди поднимутъ голову и подавятъ насъ.

Анна встала и далеко отбросила свой карандашъ.

— Неужели, батюшка, вы никакъ не можете спокойно наслаждаться тѣмъ, что имѣете, и непремѣнно должны мучить и себя самого и меня? И вы и всѣ наши родственники завалены мѣстами, богатствами,

почестями; съ тѣхъ поръ какъ король меня любить мы не потерпѣли еще ни малѣйшей непріятности: и вы все таки ни на минуту не можете успокоиться! Право, мнѣ бы веселѣе было быть трактирною служанкой.

Она съ досадою отошла къ окну. Въ эту минуту вошелъ въ комнату молодой человекъ, статный и красивый; онъ былъ одѣтъ чрезвычайно великолѣпно. Войдя, онъ положилъ бархатную свою шапку на столъ, и посмотрѣлъ на Анну, которая стояла къ нему спиною.

— Здравствуй, Анна! Какова ты сегодня?

— Спроси у батюшки, отвѣчала она, не оборачиваясь.

Виконтъ Рочфордъ подошелъ къ сестрѣ и взялъ ее за руку. — Тебя опять, бѣдняжку, разсердили.

— Оставь меня! оставь меня! сказала Анна.

— Она капризничаетъ какъ безсмысленный ребенокъ, сказалъ старый Вильшейръ, нахмурилъ густыя свои брови, посмотрѣлъ на сына, и знакомъ подозвалъ къ себѣ. — Узналъ ли ты что-нибудь о намѣреніяхъ враговъ нашихъ? сказалъ онъ Рочфорду.

— Безъ-сомнѣнія, и мы теперь смѣло можемъ считать Эссекса предателемъ. Это самый коварный человекъ, на котораго только когда-либо земля смотрѣла. Онъ недавно опустошилъ одинъ жепскій монастырь въ Дергамъ. Монахинь всѣхъ выгнали на улицу, безъ хлѣба, безъ пристанища. Двѣ изъ этихъ старыхъ дѣвицъ отнесены въ публичную больницу. Взволнованный народъ слѣдовалъ за носилками и изрыгалъ ругательства противъ королевы Анны. Вездѣ говорятъ, что монастыри грабятъ такимъ образомъ для того, чтобы достать денегъ на наши празднества, пиршества, роскошь, великолѣпныя одежды..... Коммиссаръ, находившійся при конфискаціи,

человѣкъ преданный Кромвелю и всегда доставлявшій ему деньги, нарочно разсѣялъ эти оскорбительные слухи. Многіе изъ значительнѣйшихъ въ городѣ лицъ пришли къ нему просить за этихъ монахинь: онъ отвѣчалъ, что Г. генеральный викарій, лордъ Эссексъ, очень жалеть, что принужденъ доходить до подобныхъ крайностей; но что требованія и расточительность королевы превосходятъ всякое вѣроятіе. — Вотъ, вотъ, вскричалъ Рочфордъ съ запальчивостью: вотъ какъ готовятъ въ умахъ народа и намъ гибель!..... Между-тѣмъ, вы знаете, батюшка, Анна отдаетъ большую часть своихъ доходовъ Лондонскимъ бѣднымъ. О, я потребую отъ этого злодѣя удовлетворенія!

— На меня давно уже клеветуютъ, сказала Анна. Что жъ дѣлать? этому помочь нечѣмъ. Однако жъ я поговорю объ этомъ съ лордомъ Кромвелемъ.

— Охъ, этотъ гнусный злодѣй ничего не боится! сказалъ графъ Вильшейръ: между-тѣмъ надобно постараться достать доказательства. Нельзя ли сдѣлать, чтобы Дергамскіе жители прислали депутацію съ жалобой?..... Съ такимъ хитрымъ человѣкомъ можно явно поссориться только тогда, когда увѣренъ, что низвергнешь его. Надобно поступать съ осторожностью. Я уже намѣкалъ стороною королю о плутняхъ Эссекса, но я думаю, что это еще не созрѣло: увидимъ; если мы соберемъ доказательства, онъ не посмѣетъ говорить. Это человѣкъ опасный; я его презираю. Ничтожный разночинецъ, вышедшій изъ послѣднихъ классовъ народа..... Онъ низокъ, золъ и скупъ, какъ разночинецъ.....

При этихъ словахъ пажъ отворилъ дверь кабинета и доложилъ о лордѣ Эссексѣ.

Вильшейръ нагнулся къ Аннѣ.

— Сдѣлай милость, душенька, будь какъ-можно любезнѣе! сказалъ поспѣшно старый царедворецъ: не

показывай ему ничего, пока я не размыслию о томъ, что какъ должно дѣлать.

Кромвель явился и подошелъ прямо къ королевѣ.

— Ваше величество сегодня невыразимо прекрасны, сказалъ онъ.

Анна, воздерживаемая присутствіемъ отца и Кромвелевою похвалою, не выказала на лицѣ ничего кромѣ небольшой досады.

— Мнѣ скучно, сказала она: я не могу нарисовать этого цвѣтка.

И она обратилась къ рисунку, который пачала. Кромвель подошелъ къ графу Вильшейру.

— Здравствуйте, любезный графъ, сказалъ онъ: какковы вы сегодня? Васъ опять мучила подагра; мнѣ очень было жаль васъ.

Онъ протянулъ ему руку. Графъ Вильшейръ, съ улыбкою на устахъ, взялъ, пожалъ ее съ самымъ свободнымъ, самымъ дружелюбнымъ видомъ.

— Да, отвѣчалъ онъ: я слышалъ, что вы часто присылали навѣдываться о моемъ здоровьи; я вамъ очень благодаренъ. Мы съ вами старые пріятели, графъ, но вы моложе и болѣе меня запыты; я много вамъ обязанъ за ваше вниманіе.

— А вы, милордъ, сказалъ Кромвель, обращаясь къ Рочфорду: каково вы себя чувствуете сегодня?

— Благодарю васъ: у меня голова болитъ, отвѣчалъ Рочфордъ.

— Вы, можетъ-быть, вчера слишкомъ много танцовали, сказалъ Кромвель съ улыбкою.

— Онъ сегодня ужасно не въ духъ, поспѣшно подхватилъ старій графъ, находя, что сынъ его, виконтъ Рочфордъ, не такъ привѣтливъ къ первому министру, какъ бы слѣдовало. — Этотъ молодой человекъ цѣлый часъ бранилъ сестру за какіе-то пустяки.

— Какъ, милордъ, вы осмѣливаетесь противиться королевѣ? сказалъ Кромвель. Вы одинъ изъ смертныхъ

сохранили это право. А мы умѣемъ только удивлять-ся ей, благословлять и обожать ее.

Между-тѣмъ какъ Кромвель съ самымъ искреннимъ видомъ высказывалъ эти фразы, въ сосѣдней комнатѣ послышался глухой гулъ нѣсколькихъ чело-вѣкъ, которые приближались.

Дверь отворилась, и всѣ женщины Анны вошли до-ложить ей, что наступилъ часъ параднаго туалета. Посреди ихъ шла двухлѣтняя дѣвочка, покрытая кружевами и розовыми бантиками. Она подошла къ ко-родеву, которая посадила ее къ себѣ на колѣни и по-цѣловала. Дѣвочка обвила крошечныя свои ручки во-кругъ прелестной шеи Анны.

Какія вы, маменька, хорошенькія, сказала она : а я сегодня была умница!

Потомъ дѣвочка замолчала и положила пальчики на губы. Воспитательница ея подошла и, чтобы не утомлять королевы, взяла маленькую Елисавету къ себѣ на руки. Одна изъ женщинъ нагнулась къ уху Анны.

— Ваше величество, золотыхъ дѣлъ мастеръ при-шелъ; онъ принесъ вамъ бриліанты; а главный тан-цовщикъ спрашиваетъ, какой балетъ вы прикажете фрейлинамъ танцовать вечеромъ на балѣ.

— Посмотримъ послѣ прогулки, отвѣчала съ раз-сѣянныиъ видомъ Анна. А поэтъ приходилъ сегодня за приказаніями?

— Я сейчасъ узнаю, ваше величество, отвѣчала од-на изъ женщинъ.

Анна встала, ласково поклонилась отцу и брату, дала поцѣловать руку графу Эссексу, и ушла въ свою уборную. Старый графъ Вильшейръ былъ очень до-воленъ любезностью своей дочери и разсыпался въ учтивостяхъ съ Кромвелемъ.

«Этого негодяя я повѣшу!» подумалъ графъ Виль-шейръ.

«Экой старый мерзавец!» подумалъ Кромвель «но я скоро раздавлю его и съ его куклою дочкой!»

И они разстались, наговоривъ другъ другу тысячу комплиментовъ.

Въ верхнемъ этажѣ большаго Виндсорскаго дворца была небольшая, скромная квартира одной изъ фрейлинъ королевы Анны. Ея звали Иоанна Симоръ (Jane Seymour). Она была дочь провинціального дворянина, не оставившаго единственной своей наследницъ ни какого имѣнія, и попала ко двору по просьбамъ разныхъ дальнихъ родственниковъ, которые боялись держать ее у себя, потому что надобно было бы приличнымъ образомъ пристроить ее.

Иоанна была прекрасна, проста и чистосердечна. Дворъ казался ей мѣстомъ незнакомымъ, странок шумною, въ которой она не могла жить счастливо. Окончивъ службу свою при королевы, она тотчасъ уходила въ скромную келью и прядла со старою своею служанкою, Джемми.

Джемми, добрая, вѣрная, но весьма ограниченная, не въ состояніи была подавать молодой госпожѣ своей совѣтовъ и руководить ея на скользкомъ поприщѣ. Джемми любила Иоанну какъ дочь, и часто вмѣстѣ съ нею вздыхала по родинѣ.

Въ это время окно съ мелкимъ свинцовымъ переплетомъ было открыто; солнечные лучи проникали въ комнату и падали на прекрасное и спокойное лице Иоанны; двуличное атласное платье и корсетъ съ золотыми шнурками обрисовывали стройный станъ ея. Чтобы удобнѣе было прядать, она засучила рукава, украшенные бахромою и кружевами. Хорошенькая ея ножка безпрерывно сообщала новое движеніе колесу прялки, съ которой льняная нить сбѣгала по тоненькимъ пальчикамъ прекрасной работницы.

Джемми, сидя посреди комнаты на табуретъ, тщательно приготавливала мочку, которую надобно было надеть на костяной гребень госпожи.

Юанна красиво повернула головку къ окну и по-смотрѣла на Темзу, которая змѣится по равнинѣ, и на великолѣпный Виндсорскій паркъ, простирающійся вдоль.

— Какой прекрасный видъ, Джемми! сказала она. Была ли ты на круглой башнѣ? Оттуда еще лучше; съ террасы виднѣнъ весь Лондонъ и всѣ окрестныя графства.

— А я, отвѣчала Джемми, я лучше люблю нашу деревенскую колокольню или маленькую башню замка вашего батюшки.

— Ты права, Джемми, отвѣчала Юанна съ глубокимъ вздохомъ: какъ бы хорошо, еслибъ мы обѣ тамъ жили! Здѣсь мнѣ совсѣмъ не нравится. Въ первый день, все, что я видѣла, казалось мнѣ ново и прекрасно, но все это мнѣ скоро надоѣло. Притомъ, Джемми, не сердись, пожалуйста, я здѣсь такая же служанка какъ и ты; только тебѣ не достается по моимъ капризамъ, какъ мнѣ отъ королевы. Она смѣется съ другими надъ моею неловкостью, неопытностью. Чтобы ей нравиться, чтобы ее забавлять, мнѣ дѣлаютъ разныя штуки; рассказываютъ мнѣ вздоръ, которому я сначала вѣрю, и потомъ смѣются надъ моею легковѣрностью. Одна дергаетъ меня за платье, другая развязываетъ мнѣ волосы. Ты моя служанка, но я тебя люблю; а королева ни сколько не любитъ и не жалѣетъ меня..... Все это очень не весело, Джемми, и какъ я ни считаю свое жалованье, все не вижу, чтобы можно было сберечь столько, чтобы быть свободною и уѣхать въ нашу сторону.

— Ахъ, какъ бы хорошо было, еслибъ мы никогда отсюда не выѣзжали! вскричала Джемми, продолжая расчесывать мочку. Повѣрите ли, миссъ Джеффъ, что

вся дворня, которою наполненъ дворецъ, надо мной смѣется. Чего они не говорятъ! Вотъ старая Джемми! вотъ колдунья! вотъ деревенская служанка! И чего, чего не приберутъ! Послушай-ка, старушка: сколько у тебя дохода? сколько у тебя было любовниковъ, когда еще не всѣ зубы повывадали? Вы другое дѣло, миссъ Дженъ. Хоть она и забавляется иногда надъ вашею робостью, но должна признаться, что вы хороши и добры..... О, какъ бы мнѣ хотѣлось возвратиться въ нашу сторону!

— Но вѣдь ты не захотѣла бы меня покинуть, Джемми? печально сказала прекрасная Юанна. Подумай, что вѣдь ты одна во всемъ дворцѣ принимаешь во мнѣ участіе.

При этихъ словахъ кто-то постучался въ двери.

Юанна замолчала; Дженни встала, и, съ удивленіемъ и любопытствомъ пошла отворить дверь. Она отступила, увидѣвъ предъ собою лорда Кромвеля, графа Эссекса, перваго министра!

Кромвель, великолѣпно одѣтый, низко поклонился и стоялъ, молча.

Прекрасная Юанна, увидѣвъ Эссекса, съ изумленіемъ встала. Она не могла постичь, зачѣмъ пришелъ къ ней этотъ надменный и страшный человекъ, о которомъ говорятъ столько дурнаго и хорошаго, смотря потому, могли или не могли эти слова дойти до него; и посѣщеніе его тѣмъ болѣе удивляло Юанну, что онъ никогда не обращалъ на нее малѣйшаго вниманія. Она чрезвычайную покраснѣла; но, видя, что Джемми не дѣлаетъ ни какихъ учтивостей этому страшному посѣтителю, она рѣшилась подойти къ нему.

— Сударыня, сказалъ Кромвель, поклонившись: позвольте мнѣ поговорить съ вами наединѣ.

— Милордъ! сказала Юанна въ безпокойствѣ, и вспоминая, не сдѣлала ли она какого проступка, за кото-

рый Кромвель будетъ бранить ее: милордъ, прошу покорно войти.

Дрожа отъ страха, она подвинула стулъ, обитый старымъ краснымъ штофомъ, но между-тѣмъ лучшій въ ея комнатѣ, и предложила его графу Эссексу.

— Прежде нежели я воспользуюсь честью, которую вамъ угодно мнѣ дѣлать, сударыня, сказалъ Кромвель, позвольте мнѣ представить вамъ коробочку, которую король присылаетъ вамъ въ подарокъ, со всѣмъ, что въ ней есть.

— Король, милордъ? спросила Юанна въ величайшемъ изумленіи.

Кромвель подалъ ей открытую коробочку изъ черной черепахи съ серебряными полосками, на которыхъ вырѣзанъ былъ гербъ Симоровъ. Въ коробочкѣ, на подушкѣ изъ лиловаго бархата, лежало ожерелье въ десять нитокъ и другія великолѣпныя вещи. При видѣ этихъ богатствъ, улыбка недовѣрчивости пробѣжала по устами Юанны.

— Сударыня, сказалъ Кромвель, когда это ожерелье будетъ окружать вашу шейку, оно сдѣлается еще прелестнѣе.

— Милордъ, отвѣчала Юанна, устремивъ на графа Эссекса свои прекрасныя, свѣтлыя и смѣющіеся глаза: вы, вѣрно, смѣтаете надъ мною? У меня даже нѣтъ бриданга: какъ же я могу носить брилліанты, такія же какъ у королевы? Право, у нея нѣтъ ничего лучше этого!

— У королевы дѣйствительно нѣтъ ничего лучше вашего, сказалъ Кромвель съ хитрымъ видомъ, который казался ему въжливый: но если вы сомнѣваетесь, сударыня, что этотъ экранъ принадлежитъ вамъ, извольте взглянуть на гербъ вашего дома, вырѣзанный на всѣхъ сторонахъ коробочки.

Юанна нагнулась и узнала эти эмблемы, которыми

она въ дѣтствѣ забавлялась на латахъ и щитѣ храбраго отца своего.

Тогда отецъ, глядя ее по хорошенькой головкѣ, рассказывалъ ей о своихъ предкахъ. Цѣлуя ея длинные волосы, онъ говорилъ о кровопролитныхъ войнахъ, въ которыхъ самъ отличался, и называлъ ей по именамъ тѣхъ изъ предковъ, которые пали, сражаясь за отечество. Разтроганная воспоминаніями, толпившимися въ головѣ ея, Іоанна съ чувствомъ смотрѣла на эти гербы.

— Да! это точно нашъ гербъ, сказала она съ радостнымъ трепетомъ. Развѣ эта коробочка принадлежала моему батюшкѣ?

— Не знаю, сударыня, отвѣчалъ Кромвель, удивленный простодушіемъ Іоанны. Король, нашъ повелитель, приказалъ мнѣ отдать вамъ эти драгоценности. Я больше ничего не знаю.

— Однако жъ, это очень странно!... сказала Іоанна. Милордъ! король былъ долженъ батюшкѣ: можетъ-быть, онъ присылаетъ это мнѣ въ уплату долга? А мы уже перестали было и думать объ этомъ!.... Мнѣ бы очень хотѣлось знать, милордъ, прибавила Іоанна съ живостью, точно ли эти брилліанты мои?

— Безъ всякаго сомнѣнія! вскричалъ Кромвель.

— О, какъ я рада!.... Джемми! Джемми! поди-ка сюда, погляди. Теперь, по-крайней-мѣрѣ, мы можемъ оставить дворъ!.....

— Какъ, сударыня? вскричалъ Кромвель въ величайшемъ изумленіи: оставить дворъ? Зачѣмъ же это, позвольте васъ спросить?

— О! милордъ, вскричала Іоанна, прыгая отъ радости и забывая и перваго министра и всѣ свои страхи: потому, что я терпѣть не могу этого замка; потому что я здѣсь какъ плѣнница, какъ невольница въ этой башнѣ; потому что мы съ Джемми вѣчно жалѣемъ о нашей сторонѣ, о нашей свободѣ. Я была такъ бѣдна,

что нечего было дѣлать; но теперь, какъ я богата, ни просьбы, ни угрозы, ничто на свѣтъ не удержитъ меня при дворѣ. Прощайте, прощайте, милордъ! Я отдамъ королевѣ назадъ это прекрасное атласное платье, и сошью себѣ свое, такое, какое носила до тѣхъ поръ, пока пріѣхала сюда, безъ этихъ накрахмаленныхъ, несносныхъ юбокъ, безъ этого узкаго корсета, который мнѣ всякій день все больше и больше стягиваютъ, такъ, что мнѣ нельзя ни повернуться, ни ѣсть, ни дышать. Охъ, милордъ, благодарите короля! Скажите ему, что покойникъ батюшка часто говорилъ мнѣ: «Если бы король платилъ долги свои, мнѣ бы нечего было беспокоиться о судьбѣ твоей.»

— Я доложу обо всемъ этомъ королю, сударыня.

— Сдѣлайте одолженіе, милордъ; я вѣчно буду вамъ за это благодарна.

— Никто болѣе меня не дорожитъ вашимъ благорасположеніемъ, сударыня, сказалъ Кромвель.

— Вы очень милостивы, сказала прекрасная Іоанна, съ сердцемъ, исполненнымъ благодарности и не вообразая, какъ мало обязана она Кромвелю благодарностью. — Благодарите, милордъ, короля, сказала она еще разъ, провожая графа Эссекса до дверей.

— Непременно, отвѣчалъ Кромвель громко.

«Удивительно мила и удивительно глупа! «сказалъ онъ про себя.....» Проклятый корридоръ! дороги не найдешь по этой витой лѣстницѣ..... Право бы не худо королю отводить своимъ любовницамъ квартиры пониже этого..... Какое славное дѣло, и какъ мы посмѣемся, тасуя карты! Что за крики, что за безпорядокъ начнется! И какъ я буду нуженъ во всей этой кутерьмѣ!.... Іоанна хороша! Прялку, побольше прислужницъ, иногда прогулка въ каретѣ или на лодкѣ съ нею, и довольно. Нечего бояться ни родственниковъ, ни происковъ; моя планета блеститъ надъ этимъ дѣломъ, можете, ваше величество, любить эту сколько

вамъ угодно!.....» И онъ исчезъ въ извилинахъ мѣстницы.

Отдавъ прекрасной Іоаннѣ Симоръ королевскіе подарки, Кромвель поспѣшилъ возвратиться домой. Онъ привезъ изъ Лондона въ одномъ изъ своихъ фургоновъ, лучше всехъ запертомъ, какія-то чрезвычайно тяжелыя связки, запечатанныя его печатью. Теперь, онъ заперъ всѣ двери, принялся развязывать эти тюки, и вскорѣ былъ окруженъ цѣлыми горами золота, серебра и другихъ драгоценныхъ вещей. Между тѣмъ, какъ онъ считалъ свои сокровища, кто-то сильно постучался въ двери: то былъ виконтъ Рочфордъ, братъ Анны Болѣнъ.

— Я пришелъ требовать отъ васъ, милордъ, удовлетворенія за грабежи ваши въ Дергамъ, сдѣланныя отъ имени моей сестры, сказалъ Рочфордъ.

— Что вы хотите сказать, милордъ? отвѣчалъ Кромвель.

— Что вы плутъ, что вы оклеветали вашу королеву, сестру мою, и что я требую отъ васъ за это удовлетворенія.

Кромвель сохранилъ неизмѣнное хладнокровіе. Онъ отражалъ эти нападенія извиненіями и сухими шутками. Рочфордъ, все болѣе и болѣе разгорячался, говорилъ ему величайшія грубости, но не могъ заставить его драться. Рочфордъ обнажилъ шпагу. Кромвель спокойно принялся читать бумагу. — Я васъ убью, милордъ, кричалъ Рочфордъ. — Убейте, хладнокровно сказалъ Кромвель. — Молодой человекъ вложилъ шпагу въ ножны, ярясь какъ валъ, разбившійся о гранитную скалу. Тутъ, какъ змѣя, которая грозно поднимается, какъ скоро набрала довольно лду, чтобы умертвить, Кромвель всталъ; въ глазахъ его блеснулъ злобщій пламень какъ въ глазахъ васлииска.

— Милордъ, помните этотъ день! сказалъ онъ. Кромвель его не забудеть! Кромвель помнить, что онъ благодѣтель Анны Болѣнъ, что ее хотѣли изгнать отъ двора, какъ гнусную прелестницу, а Кромвель, по праву выгоды Церкви и государства, посадилъ ее на тронъ Англіи. Родственники Анны Болѣнъ скоро убѣдятся собственнымъ опытомъ, что неблагодарность дурной расчетъ. Теперь вы можете ѣхать домой, милордъ.

Сказавъ это, онъ отворилъ Рочфорду дверь.

— Подлецъ! Мы слишкомъ презираемъ тебя, чтобы бояться, сказалъ тотъ, гордо проходя мимо его и, разгоряченный, какъ скоро очутился въ сосѣдней комнатѣ, онъ вскричалъ съ выраженіемъ отчаянія: — Жребій брошенъ! Мы должны побѣдить или погибнуть!

— Вы погибнете! закричалъ ему вслѣдъ Кромвель. Дверь затворилась и Кромвель ее заперъ.

Наступилъ вечеръ. Королева Анна явилась на балъ прекраснѣе, любезнѣе, чѣмъ когда-нибудь, и еще болѣе прежняго упоенная своими успѣхами.

Юанна Симоръ была еще скромнѣе обыкновеннаго, и какъ-можно болѣе удалялась отъ танцующихъ. Генрихъ VIII, надѣясь получить благодарность или по крайней мѣрѣ ласковый взглядъ, неразъ напрасно приближался къ прекрасной фрейлинѣ своей супруги.

Ночь протекала; танцы прекращались, и гости собиравались вокругъ столовъ, уставленныхъ вкусными яствами. Король сдѣлалъ знакъ графу Эссексу.

— Ну, что жъ, графъ, мое порученіе? сказалъ онъ съ досадою. Симоръ сегодня что-то печальна и задумчива. Неужели она отказалась?

— Не отказалась и не приняла, отвѣчалъ Кромвель. Она прекрасна, мила, но проста какъ-нельзя болѣе: она вообразила себѣ, что ваше величество посылаете ей эти подарки въ награду заслугъ отца ея.

— Я за это еще болѣе люблю ее: красавица и такъ

добродѣтельна! Симоръ такъ благородна, что чело ея непременно должно быть украшено короною.

А между-тѣмъ какъ свѣчи гасли на Виндсорскомъ балѣ, молодая дѣвушка поправила ночникъ, освѣщавшій въ Гамптгилль комнату королевы Екатерины.

— Какую ночь провела она! сказала вполголоса Элія, сложивъ руки, какъ-будто для того, чтобы молиться.

— О, я жестоко страдаю, моя милая! сказала королева. Шапюи долженъ бы быть уже здѣсь. О, если бъ ему позволили привести ко мнѣ Марію! Если бъ я могла обнять ее передъ смертию!.... Какъ ты думаешь, Элія, привезетъ ли онъ ее?

— Не знаю, печально отвѣчала дѣвушка. Почивайте, ваше величество; я не буду спать, и разбужу васъ какъ скоро кто-нибудь пріѣдетъ.

Мало-по-малу глаза несчастной королевы сомкнулись. Вокругъ нея воцарилось глубочайшее молчаніе. Она заснула.

Шапюи пріѣхалъ. Добрая Элія разбудила королеву со всею осторожностью дочери, обожающей мать свою. Посланникъ Карла V сидѣлъ у изголовья постели Екатерины. Королева держала дрожащею рукою портфель.

— Вотъ мое завѣщаніе, сказала она послу. Я вамъ вручаю его. Вотъ еще письмо къ королю, моему супругу. Я надѣялась передъ смертию еще разъ его увидѣть.

И она опустила голову съ выраженіемъ глубочайшей горести.

— Я слышу церковное пѣніе, сказала королева, вышедъ вдругъ изъ онѣмѣнія. Это молитвы объ усопшихъ.....

Она подняла глаза и устремила ихъ на Распятіе, висѣвшее у кровати; руки ея сложились для молитвы, лице приняло выраженіе спокойствія и умиленія.

Слезы навернулись на глазахъ Шапюи.

— Кто-то стучится, сказала королева. Шапюи, посмотрите, кто тамъ.

Онъ всталъ, отворилъ дверь, и увидѣлъ передъ собою челоуѣка большаго ростомъ, еще не стараго; чело его было открыто, черты кротки и благородны.

Не здѣсь ли живетъ королева Екатерина?

— Здѣсь, сказалъ Шапюи довольно грубо: что вамъ надобно?

— Охъ, сударь, не отвергайте меня! отвѣчалъ незнакомецъ: доложите королевѣ, что лордъ Перси просить позволенія ее видѣть!

Шапюи впустилъ его, и Перси преклонилъ передъ королевую колыно.

— Лордъ Перси! сказала Екатерина. Чего вы отъ меня хотите?

— О, ваше величество, уста мои не въ состояннн выразить того, что заключается въ сердцѣ! Благородная моя повелительница, я пришелъ умолять васъ простить Анну Болѣнъ; я, вмѣсто ее, припадаю къ стопамъ вашимъ, омою слезами ваши руки. Великодушная королева, да тронется сердце ваше моими моленіями! да изрѣкутъ уста ваши прощеніе!

— Нортмберлендъ! сказала королева съ спокойнымъ достоинствомъ: могли ли вы думать, чтобы въ душѣ моей оставалось еще чувство ненависти, когда Святое Причастіе скоро прикоснется къ губамъ моимъ и я приму его въ свое сердце? Да благословитъ Всевышній Господь Анну Болѣнъ, и, если она когда-нибудь раскается, скажите ей, что Екатерина ей все простила и благословляла ее въ часъ смертный. Да, я благословляю ее!..... Да сдѣлаетъ она счастье моего супруга на этомъ свѣтѣ!..... Шапюи впустите народъ..... Я чувствую, смерть приближается.

— Отворите Господу Богу, сказалъ голосъ за дверью, и въ домъ раздался звонъ колокольчика церковнаго причетника.

Королева съла. Священникъ въ облаченіи явился въ дверяхъ. Толпа безмолвная и почтительная входила въ комнату и наполняла ее.

Священникъ поставилъ Св. Причастіе, лежавшее въ золотомъ сосудѣ, на старинный столъ, посреди цѣтовъ и свѣчь. Екатерина сложила руки, и съ величайшимъ благоговѣніемъ молилась. Черты лица ея были спокойны; добродѣтель, любовь и вѣра сіяли на благородномъ ея челѣ.

Всѣ сердца были исполнены умиленія.

Священникъ подиалъ Причастіе, и всѣ присутствующіе пали на колѣни. Онъ подошелъ къ королевѣ, и приобщилъ ее Святыхъ Танихъ; потомъ, пропѣвъ благодарственнос моленіе, возвратился въ церковь. Народъ пошелъ за нимъ. Въ этой высокой и трогательной сценѣ было все величіе смерти. Вскорѣ королева осталась одна съ Шапюи, Эліею и Перси.

— Благословляю тебя, милая дочь моя, сказала она, обращаясь къ Эліи: да будетъ на тебѣ Господне благословеніе за твою нѣжность и за всѣ твои попеченія. Благодарю и васъ, мой добрый Шапюи; скажите королю, что послѣдняя моя мысль, послѣдняя моя молитва была объ немъ..... Прощайте!..... прощайте.....

Произнесши эти слова, она прижала Распятіе къ сердцу, испустила легкій вздохъ, и закрыла глаза навѣки.

Элія бросилась къ королевѣ и сжала безчувственное тѣло въ своихъ объятіяхъ. — Она умерла!.....

Пролили ли въ Виндсорѣ хотя одну слезу надъ могилою этой женщины, удивительной по ея добротѣ, кротости и прелести? Этой женщины, съ которою поступали такъ коварно, такъ недостойно?..... О, нѣтъ, нѣтъ! Въ Виндсорѣ сердца такія же гранитныя, какъ и башни, и тамъ некогда думать о жертвахъ. Гроза преступленій уже носится надъ этимъ позолоченнымъ

вертепомъ. Кромвель готовъ возмутить землю и небо, чтобы отистить Рочфорду и погубить Анну Болѣнъ.

Онъ еще разъ отправляется къ Иоаннѣ Симоръ.

— Потрудитесь, сударыня, сказалъ онъ ей, написать къ королю письмо, которое я вамъ продиктую, потому что вы еще не благодарили его за подарокъ.

— Милордъ, я не умѣю ни читать, ни писать, сказала она вполголоса.

«Чортъ возьми! это ужъ слишкомъ,» подумалъ съ досадою Кромвель.

— Хотите ли бы вы выйти замужъ? спросилъ онъ.

— Да, милордъ; я бы очень рада.

— Ну, такъ когда вы увидите короля, скажите ему, что вы хотите замужъ, говорите о привязанности вашей къ нему, благодарите его; но только не скажите ему, что это я вамъ совѣтовалъ.

Бѣдняжка, не понимая хорошенько, чего отъ нея хотять, обѣщала слушаться совѣтовъ Кромвеля, и съ радостью думала о скоромъ своемъ замужствѣ. «Батюшка, я помню, перазъ говорилъ мнѣ, думала она, что женщины нѣтъ ни какой надобности умѣть читать и писать; что это дѣло гадовъ дяковъ; по что ей необходимо нуженъ мужъ, что замужество ремесло женщинъ.

Испанскій посолъ официално увѣдомилъ Генриха VIII о кончинѣ королевы Екатерины и прибавилъ, что при этомъ присутствовалъ Нортмберлендъ. Генрихъ затрепеталъ. — Хорошо, хорошо, господинъ посолъ, сказалъ онъ, прощайте; да хранить васъ Господь Богъ.

Къ величайшему удивленію всего двора, приказано было надѣть трауръ. Кромвель явился весь въ черномъ и выказывалъ глубочайшую горестъ.

— Нортмберлендъ измѣнникъ, сказалъ ему король: онъ былъ при кончинѣ Екатерины. А что дѣлаютъ сѣверные бароны?

— Лорды Лемби, Нивиль, Дерси и Летимеръ имѣ-

ютъ между собою частныя совѣщанія. По всему видно, что на сѣверѣ готовится возмущеніе. Милости, мѣста и награды давно уже падаютъ въ однѣ и тѣ же руки, потому что ничто не можетъ насытить родственниковъ королевы Анны.

— Правда! расточительность и вѣчныя жалобы Вильшейра и надменность Рочфорда давно мнѣ надоѣли, вскричалъ король: но я думалъ, что Кромвель преданъ имъ душою?

— Я былъ имъ преданъ, но..... я долженъ это сказать, только до того времени, пока убѣдился, что сердца ихъ далеки отъ васъ, что родственники королевы желаютъ регенства и что сама Анна вамъ измѣняетъ!.....

— Такъ подозрѣнія мои были основательны! вскричалъ король въ ярости. Въ чемъ она мнѣ измѣняетъ? Говори.

— Не могу, ваше величество. Прикажите взять подъ стражу дворню королевы; можстъ-быть, тюремныя стѣны заставятъ ихъ говорить.

— Какъ? что ты осмѣливаешься ввухать мнѣ! Неужели она осквернила мое королевское ложе?

— Говорятъ, что такъ, государь; я этого не знаю.

— О! эта женщина? Я давно уже подозрѣвалъ ее! вскричалъ король, задыхаясь отъ гнѣва. И всѣ знаютъ о моемъ безчестіи?..... Подай мнѣ бумаги.

Кромвель подалъ; но рука короля дрожала: онъ не могъ писать. Онъ бросилъ бумагу Кромвелю.

— Пиши повелѣніе взять подъ стражу всѣхъ чѣтырехъ камергеровъ королевы, Норриса, Востона, Бартона и Марка. И пошли, на случай сопротивленія, солдатъ, сказать графу Нортomberленду, что онъ долженъ дать мнѣ отчетъ въ своемъ поведеніи.

— Повеленія ваши будутъ въ точности исполнены.

— Вели захватить ихъ въ полночь, отвести ихъ въ

башню и запереть каждого особо, безъ сообщенія съ кѣмъ бы то ни было.

— Это необходимо, сказалъ министръ.

При этихъ словахъ послышался шумъ; дверь отворилась и въ комнату вошла королева Анна, одѣтая, вопреки королевскому повелѣнiю, въ великолѣпное желтое платье. Широкіе рукава ея были украшены серебряными снурками. Вокругъ ея шеи, бѣлой и красивой какъ у газели, обвивались нитки крупнаго жемчугу, на которыхъ висѣлъ большой сафирный крестъ. Она поклонилась королю и графу съ ловкостью, которая составляла одну изъ главныхъ ея прелестей; она сѣла въ кресла и поставила хорошенькія свои ножки на зеленую бархатную подушку. Бѣлая собачка, которая спала въ углу комнаты, тотчасъ вскочила и прибѣжала къ Аннѣ. Растягивая свои нѣжные члены, оцѣпенѣнные легкимъ сномъ, она привстала на заднія лапки, чтобы полизать бѣлыя ручки госпожи своей и изъяснить ей свою радость.

Одна только эта собачка сдѣлала Аннѣ Болѣнъ ласковый пріемъ.

Графъ Эсексъ подалъ зажженную свѣчу. Король приложилъ печать къ бумагъ, написанной по его приказанію.

— Возьми! сказалъ онъ.

Кромвель вышелъ.

Генрихъ VIII обратился къ Аннѣ Болѣнъ, и посмотрѣлъ на нее глазами тигра, который хочетъ поиграть съ собою жертвою, пока еще не разтерзалъ ея. Королева положила прелестную свою руку на украшенную ошейникомъ шею собаки, которая ласкалась къ ней, и ея движенія были еще красивѣе этого милаго животнаго.

— Какое у васъ прекрасное желтое платье! Видно, повелѣніе мое еще не дошло до васъ?

- Каков повелѣніе, ваше величество!
- Повелѣніе быть сегодня въ траурѣ? Развѣ вы не знаете, что супруга моя, Екатерина, скончалась?
- Ваша супруга, государь! сказала Анна, покраснѣвъ.

Она устремила взоры свои на короля, но онъ видѣлъ красоту ихъ и ни сколько не былъ тронутъ.

— Да, моя супруга, добрая жена моя, Екатерина! вскричалъ Генрихъ VIII. Вотъ ея завѣщаніе, тамъ, гдѣ вы положили вашъ надушенный платокъ.

Анна съ какими то сусвѣрнымъ страхомъ схватила платокъ свой, тонкій до того, что его можно было бы продѣть въ кольцо и обшитый Ирскимъ кружевомъ.

— Вы пугаетесь? сказалъ король съ выраженіемъ ироніи.

— Нѣтъ, государь, отвѣчала Анна, еще болѣе смущенная, потому что никогда еще король не говорилъ съ нею такимъ образомъ, и она видѣла въ чертахъ лица его выраженіе презрѣнія и удерживаемаго гнѣва, которыхъ причины не могла постигнуть.

— Такъ вы не знали, что королева, супруга моя, скончалась? сказалъ опять Генрихъ VIII.

— Я знала, государь, что принцесса Валлійская скончалась!..... Но, я помню также, ваше величество всегда говорили мнѣ, что эта принцесса не могла быть вашею законною супругою, прибавила Анна съ нѣкоторою досадою.

— Вы бы по-крайней-мѣрѣ могли сохранить хоть немножко признательности къ женщинѣ, которая была вашею повелительницей, сказалъ Генрихъ VIII съ презрѣніемъ, смотря на Анну и ея платье. Я помню, что, въ христіанской своей попечительности, Екатерина неразъ говорила мнѣ о васъ, потому что она вѣчно заботилась о душахъ. Она говорила мнѣ, я какъ будто теперь это слышу: «Анна Бодѣнъ прекрасна,

«но обращеніе ея слишкомъ свободно; я боюсь, чтобы она не повела себя дурно и не развратилась при дворѣ.....»

— Государь! вы меня обижаете, сказала королева Анна.

— Я васъ обижаю! О, васъ обидѣть трудно..... Вы сегодня оскорбляетесь всякою шуткою.....

— Но это кровавыя шутки, государь.

— О! кровавыя! нѣтъ!!..... Можетъ-быть, будутъ, сказалъ въ полголоса Генрихъ VIII, но Анна этого не слыхала.

— Я очень дурно сдѣлала, что пришла теперь къ вамъ, государь, сказала она.

И ея щеки, уши и шея побагровѣли.

— Ничего! сказалъ Генрихъ, опасаясь, чтобы она не возмѣла подозрѣній. Не хотѣли ли вы о чемъ попросить меня?

— Да; я пришла къ вамъ съ просьбой, сказала Анна, заикаясь: даже съ двумя..... но я думаю, что не кстати. Вы, вѣрно, имѣли какую-нибудь непріятность.

— Нѣтъ, нѣтъ, право, вскричалъ Генрихъ VIII, съ тѣмъ же ѣдкимъ и ироническимъ тономъ: у меня нѣтъ ни какой непріятности; напротивъ, я очень веселъ и особенно очень счастливъ.

Анна съ удивленіемъ взглянула на страннаго своего повелителя; она чувствовала, что въ его словахъ, въ его тѣлодвиженіяхъ, въ его приемахъ есть что-то страшное.

— Я пришла, сказала она, поговорить съ вами о завтрашнемъ турнирѣ.

— Ага, завтра будетъ турниръ? Я и забылъ-было объ этомъ. Здѣсь такъ забавляются, что, право, забываешь половину этихъ празднествъ.

— Да вы, государь, сами приказали, чтобы былъ турниръ; въ Гринвичѣ для этого сдѣланы величай-

шія приготовленія. Многіе благородные господа съѣхались изъ провинцій и сдѣлали большія издержки, чтобы съ честью явиться на этомъ представленіи. Отложить его невозможно!

— Невозможно отложить его? сказалъ Генрихъ VIII съ досадой. Невозможно отложить его? Это вы говорите!.....А если я хочу отложить?

— Я знаю, государь, сказала съ кротостью Анна, которая всего болѣе на свѣтъ боялась, чтобы это празднество не разстроилось: я знаю, что вы можете все, что хотите; но подумайте, какое неудовольствіе вы возбудите, если разстроите забаву, въ которой весь народъ принимаетъ участіе, и для которой всякій ремесленникъ самъ одѣлся и все семейство свое одѣлъ за-ново.

— Конечно, этого переменить нельзя, сказалъ Генрихъ VIII, думая о своихъ плѣнникахъ.

Анна, торжествуя отъ этихъ словъ, тотчасъ вскричала:

— Невозможно, государь, совершенно невозможно! А какъ мнѣ хочется, чтобы мои придворные отличились на турнирѣ, то я-было пришла просить, чтобы вы пожаловали Норрису коня съ вашей конюшни. Онъ въ отчаяніи: его конь раненъ; ему невозможно въ такое короткое время найти себѣ хорошую лошадь; да у него и денегъ нѣтъ.

— Норрису? вскричалъ Генрихъ VIII; и это имя снова возбудило всю его яростную ревность.

— Да, ваше величество, Норрису, сказала Анна, удивленная новымъ безпокойствомъ, появившимся на лицѣ короля. Что же тутъ удивительнаго? Лошадь еще не такой важной подарокъ. Другому моему конюшему я послала богатое оружіе. Да притомъ, Норрисъ кажется, у васъв милости.

— А мнѣ кажется, что онъ не менѣе пользуется и

вашиимъ благорасположеніемъ, сударыня, сказалъ Генрихъ VIII сухо.

И онъ отвратилъ отъ Анны свои взоры.

— Впрочемъ, если вамъ угодно, продолжалъ Генрихъ насмѣшливымъ тономъ, мы велимъ свести въ его конюшню лошадь, какую вы назначите. Дѣла его, кажется такъ вамъ знакомы, что вы, конечно, можете выбрать коня ему по вкусу.

— О, нѣтъ, ваше величество, этого я не въ состояніи сдѣлать! Я очень люблю ѣздить верхомъ, люблю смотрѣть хорошихъ лошадей, но я не знаю, какая изъ нихъ лучше для опасныхъ упражненій турнира.

— Такъ турниръ будетъ завтра? сказалъ Генрихъ.

— Конечно, завтра! И я всѣхъ ихъ послала впередъ за исключеніемъ только Марка, потому что онъ боленъ. Братъ мой свезъ его въ Лондонъ, гдѣ онъ имъ даетъ ужинъ, а потомъ, чтобы завтра быть свѣжѣе, они поѣдутъ ночевать въ самый Гринвичъ.

— Вы приняли очень хорошую предосторожность, сказалъ Генрихъ.

— Не правда ли? отвѣчала Анна съ улыбкою прелести и кокетства.

— Они будутъ имѣть одинъ день лишній, вотъ и все, сказалъ про себя Генрихъ, а подъ стражу возьмутъ одного только Марка.

=

Виндсорскій замокъ былъ погруженъ въ глубочайшее спокойствіе; только въ верхнемъ этажѣ свѣтился огонекъ. Это былъ свѣтъ лампы, съ которою прекрасная Іоанна сидѣла въ своей комнатѣ. Добрая и скромная дѣвушка держала книгу и училась складамъ, и хорошенькій ея пальчикъ слѣдовалъ за каждою строчкою. Вдругъ является Кромвель. Опять Кромвель! и въ такое время!.....Бѣдная дѣвушка затрепетала. Первый министръ, войдя потихоньку, поставилъ на

стулъ огромную плетеную корзину, подбитую белой тафтою: онъ осторожно открылъ, и вынулъ оттуда полную одежду изъ газа, затканнаго серебромъ, подбитаго атласомъ и украшеннаго великолѣпными брилльянтами.

— Король прислалъ вамъ это платье, леди Иоанна; ему угодно, чтобы вы надѣли его на завтрашній турниръ въ Гринвичъ.

— Ему угодно? Хорошо. А если мнѣ не угодно?

— Леди Иоанна, вы говорите какъ избалованный ребенокъ; не только вы наденете это платье, но вы должны сейчасъ идти со мною: я поведу васъ къ королю, благодарить его. Онъ хочетъ васъ видѣть и говорить съ вами.

— Да что жъ мнѣ ему сказать?

— Просто, благодарите его за все, что онъ вамъ подарилъ: да притомъ вамъ нечего робѣть; я буду съ вами и стану говорить за васъ, если вы не найдете, что сказать.

— Извольте, милордъ, я пойду съ вами, но признаюсь вамъ откровенно, что все это немножко наскучаетъ мнѣ.

Они вышли вмѣстѣ и спустились по лѣстницѣ; но по мѣрѣ приближенія къ части замка, въ которой жилъ король, Иоанна становилась все скучнѣе и молчаливѣе. Когда они подошли къ кабинету короля, пажъ, который тутъ ждалъ, отворилъ дверь, и Иоанна, смущенная, оробѣвшая, явилась предъ своимъ государемъ.

— Ну, что, леди Иоанна, сказалъ онъ ласково: нравится ли вамъ платье, которое я прислалъ. Я выписалъ его изъ Франціи, потому что только тамъ и есть портнихи, которыя умѣютъ выказать красоту и прелести дамъ.

— Покорнѣйше благодарю ваше величество, сказала Иоанна, покраснѣвъ.

— Обувь особенно мнѣ нравится, сказалъ король.
У насъ совсѣмъ не умѣютъ шить обуви.

— Это правда, ваше величество, сказала Юанна.

— Любите ли вы наряжаться? Въ ваши лѣта это совсѣмъ не недостатокъ; напротивъ.

— Совсѣмъ не люблю, ваше величество; мнѣ кажется, что это ни къ чему не служить.

— Конечно, вамъ нѣтъ ни какой нужды въ убранствѣ, чтобы казаться самою прелестною, самою разсудительною дѣвушкою во всемъ свѣтѣ.

Услышавъ эту похвалу своей разсудительности, Юанна вдругъ забыла свою робость и захохотала.

— Разсудительною, ваше величество? О, спросите, напротивъ у графа Эссекса! онъ вѣчно упрекаетъ меня въ томъ, что я совсѣмъ неразсудительна и все дѣлаю по своему. Но какъ я теперь здѣсь, то примите мою покорнѣйшую просьбу, ваше величество: позвольте мнѣ.....

— Не слушайте ея, ваше величество; она сама не знаетъ чего хочетъ, и вамъ надобно будетъ побранить ее.

— О чемъ же вы хотѣли просить меня, прекрасная Юанна? сказалъ Генрихъ VIII.

— Позвольте мнѣ уѣхать въ нашу сторону, ваше величество.

— Зачѣмъ же вы хотите оставить меня, когда я принимаю въ васъ такое участіе.

— Ей непременно хочется выйти замужъ, сказалъ поспѣшно Кромвель, чтобы помѣшать Юаннѣ отвѣчать.

— Вамъ хочется замужъ? спросилъ Генрихъ VIII.

— Ваше величество, сказала Юанна, покраснѣвъ и сердясь нѣсколько за нескромность, съ которою Кромвель разглашалъ то, что она говорила ему по секрету: это право, не хорошо, что графъ рассказываетъ все, что до меня касается; мнѣ совсѣмъ не такъ хочется замужъ, но я выйду, если кто-нибудь за меня посватается.

— Такъ вы не знаете никого, за кого бы вамъ пріятнѣе было выйти чѣмъ за другаго?

— Нѣтъ, ваше величество; мнѣ все равно.

— И никого, кто бы васъ любилъ болѣе чѣмъ другіе? продолжалъ король. Полно, правда ли это?

— О, я не привыкла быть любимою! отвѣчала Іоанна со вздохомъ: поэтому-то мнѣ бы и хотѣлось удалиться отъ двора.

— Удалиться отъ двора? Этого я не потерплю! вскричалъ Генрихъ VIII. Вы ошибаетесь, думая, что васъ здѣсь никто не любитъ: знайте же, что вы нераздельно царствуете надъ сердцемъ вашего государя; однимъ словомъ, сударыня, что я вашъ невольникъ, что я люблю васъ страстно, и что ничто въ свѣтъ не заставитъ меня разлучиться съ вами.

— Но, государь, отвѣчала Іоанна съ величайшимъ смущеніемъ: графъ Эссексъ можетъ вамъ сказать, что...

Бѣдняжка хотѣла взглянуть въ глаза Кромвелю, но не могла ихъ встрѣтить.

— Графъ Эссексъ можетъ сказать мнѣ только то, что я давно уже знаю, — что вы также добродѣтельны какъ прекрасны. Не безпокойтесь, милая Іоанна, я устрою счастье, котораго отъ васъ ожидаю, безъ оскорбленія для вашей чести. Я прошу васъ только о томъ, чтобы на мою любовь вы отвѣчали равною нѣжностью. Вотъ залогъ моей привязанности къ вамъ; примите его и храните въ память моего обѣщанія.

Генрихъ VIII подошелъ къ столу, взялъ золотой футляръ, вынулъ оттуда брилліантовый перстень и надѣлъ его на палецъ Іоаннѣ.

Она не противилась и не могла опомниться отъ удивленія, въ которое повергли ее слова короля.

— Не правда ли, леди Іоанна, вы будете любить меня? сказалъ Генрихъ VIII.

— Ваше величество изволите знать, что васъ всѣ любятъ, отвѣчала Іоанна, стараясь не сказать ничего

непріятнаго для короля, къ которому она была совершенно равнодушна.

— Вы, государь, осыпаете леди Іоанну такими милостями, что она не въ состояніи благодарить васъ теперь достойнымъ образомъ, сказалъ Кромвель, находя, что Іоанна отвѣчаетъ слишкомъ холодно.

— Да я и не хочу, чтобы она меня благодарила, отвѣчалъ король: единственная цѣль моя во всемъ ей нравиться.

Ваше величество очень милостивы, отвѣчала заикаясь дѣвушка.

— Дайте мнѣ вашу ручку, сказалъ король. Теперь графъ Эсексъ проводитъ васъ въ вашу комнату, но вы скоро перейдете въ жилище, болѣе достойное васъ.

Когда они уходили, король подошелъ еще къ Кромвелю и сказалъ ему на ухо:—Я влюбленъ въ нее болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромвель, твое счастье возрастеть вмѣстѣ съ ея!....И если она захочетъ, то сядетъ рядомъ со мною на тронъ Англіи.

Взгляните на этотъ вихрь людей, пернатыхъ шлемовъ, копьевъ, коней и золоченыхъ экипажей! Прислушайтесь къ страшному, торжественному гулу волкана удовольствія, готоваго къ изверженію! Земля трепещетъ отъ желаній, воздухъ помраченъ облаками пыли, взвѣваемыми радостью; палящее солнце вознеслось на высшую точку горизонта, чтобы оттуда владычествовать надъ величественною сценою, которую готовится играть Англія благородная и посмотрѣть Англія престонародная, на зеленѣющей равнинѣ Гринвичской. Здѣсь течетъ ручей; тамъ виднѣнъ мрачный гротъ, украшенный зеленымъ плющемъ и цвѣточными гирляндами; въ широкой, обдѣланной перламутромъ раковинѣ находится источникъ молока; открытый улей предлагаетъ проходящимъ сладостный медъ. Далѣе, въ кустахъ молодая пастушки

льютъ нурпуровое вино, никогда не изсякающее. Въ огромной залѣ накрыты безчисленные столы; огненные гирлянды и фейерверкъ должны блистать вечеромъ и освѣщать танцы и пиршество.

Вотъ плыветъ Нептунъ, везомый четырьмя огромными рыбами, непрерывно извергающими розовую воду. За Нептуномъ является царица моря, прекрасная Фетида, на китѣ, во внутренности котораго слышится сладостная музыка. Группа нимфъ стоитъ на скалѣ, украшенной коралломъ; одна изъ нихъ, представляющая Англію, держитъ на груди золотое солнце, на которомъ видны сплетенныя вензели Генриха и Анны. Амуры на крылатыхъ коняхъ, зефиры съ газовыми крыльями, олени, дикія козы, волки и медвѣди являлись и исчезали.

Посреди сада устроено пространное поприще, обнесенное двойными рядами раскрашенныхъ и раззолоченныхъ периль. Посреди поприща возвышается шелковая и золотая палатка; оттуда король и королева обозрѣваютъ всю эту волшебную сцену, окруженную шумными, пестрыми рядами галерей, наполненныхъ дамами и знатными господами; пониже ихъ сидятъ должностныя лица, позади толпится несчетное множество простаго народа. Воздухъ наполняется радостными криками.

Сигналь поданъ. Раздаются звуки трубъ и роговъ, и на одномъ концѣ поприща является множество рыцарей, блестящихъ золотомъ и сталью.

Четыре прислужника ведутъ гордыхъ и прекрасныхъ коней; за ними идетъ толпа оруженосцевъ.

Лордъ Рочфордъ, великолѣпно одѣтый въ золотую парчу, отдѣляется отъ группы и выходитъ впередъ; подлѣ него идетъ его соперникъ Генри Норрисъ. Одежда его усыяна переплетенными нитками жемчугу и золотымъ шитьемъ. Какъ хорошъ сиръ Генри Норрисъ! При его видѣ трепещутъ сердца всѣхъ жен-

щинъ. Злые языки говорятъ, что нитки жемчуга, расположенны въ видѣ буквы А, въ честь королевы Анны.....

Между-тѣмъ какъ всѣ глаза были обращены въ эту сторону, графъ Эссексъ вошелъ въ королевскую ложу.

— Ну что? сказалъ свирѣпый монархъ.

— Государь, Маркъ во всемъ признался; онъ просить только, чтобы ему оставили жизнь.

— Нѣтъ, нѣтъ! помилованья не будетъ! О!.... негодная!

И онъ устремилъ на Анну исполненные ярости взоры. Потомъ глаза его остановились на галлерей, въ которой сидѣли Перси.— Вотъ судьи Анны Болѣйнъ, сказала онъ..... Кромвель! о, я отмщу за себя!.....

— Государь, продолжалъ Кромвель: графъ Нортomberлендъ здѣсь; дворянинъ, взявшій его подъ стражу, долгомъ почелъ представить своего пльнника туда, гдѣ ваше величество.

— Хорошо, сказалъ Генрихъ VIII. Пусть онъ посмотритъ турниръ; пусть сегодня повеселится.

Насупротивъ королевской ложи отворили галлерей и впустили туда графа Нортomberленда.

Лордъ Перси взглянулъ вокругъ и затрепеталъ, увидѣвъ себя посреди свѣта, котораго онъ давно уже убѣгалъ.

«Она здѣсь!» подумалъ онъ.

И поднявъ глаза, онъ увидѣлъ Анну Болѣйнъ, бывшую свою невѣсту, божество всей его жизни, во всемъ блескѣ красоты, во всемъ величїи сана, въ который она была возведена. А онъ прїѣхалъ прямо отъ гроба Екатерины! Онъ только что вымолилъ ей прощеніе и благословеніе той, которую она такъ жестоко оскорбила! Онъ принесъ ей это благословеніе и свое сердце, наполненное чистѣйшею, небесною любовью. Душа его пылала. Анна и не взглянула на него.

Рочфордъ и Норрисъ напали другъ на друга. При первыхъ двухъ сшибкахъ, они только отразились копьями;

но при третьей всѣ зрители испустили крикъ испуга. Рочфордъ нанесъ Норрису ударъ столь ужасный, что всадникъ и конь поверглись на землю. Разломанный шлемъ свалился и обнажилъ окровавленное чело Норриса. Всѣ дамы вскочили съ мѣстъ, испуская крики ужаса.... потому что Норрисъ былъ прекрасенъ! Анна, блѣдная и трепещущая, нагнулась впередъ, и лордъ Перси видѣлъ, какъ она выпустила изъ руки вышитый золотомъ платокъ.

Всѣ дамы одобрили этотъ поступокъ рукоплесканіями, потому что Норрисъ былъ любимъ всеми. И общее удовольствіе еще возрасло, когда онъ всталъ и вскочилъ на другую лошадь.

Король не радовался. Ужасная ненависть, неистовая ревность имъ овладѣли. Онъ всталъ.

— Кончить! сказалъ онъ.

Онъ вышелъ изъ ложи въ устроенный подлѣ покой. Анна хотѣла за нимъ послѣдовать.

— Государь приказалъ вамъ сказать, чтобы вы изволили возвратиться во дворецъ, проговорилъ Кромвель.

— Возвратиться во дворецъ? мнѣ одной? спросила изумленная Анна. Скажите мнѣ, графъ Эссексъ, что съ нимъ? не боленъ ли онъ? Или это просто прихоть?

— Оглянитесь назадъ, ваше величество, сказалъ Кромвель съ злобною радостью. Видите ли вы дѣвушку, которая за вами слѣдуетъ? Замѣьте вы ея красоту и ея драгоценное убранство. Она скоро будетъ Англійскою королевою. Вотъ и все.

Въ комнату, обитой небесно-голубою шелковою матеріею, сидѣла на диванѣ королева Анна, печально облокотившись на подушки. Противъ нея сидѣла съ спокойнымъ и безпечнымъ видомъ Юанна Симоръ; а по бокамъ супруга королевина брата и самъ лордъ Рочфордъ, котораго безпокойство безпрерывно возрастало. Всѣ четверо, мучимые каждый своими страстя-

ми, желаніями и опасеніями, хранили горестное молчаніе, которое прерывалось повремениамъ односложными словами.

Вдругъ дверь отворилась.

Вошелъ герцогъ Норфолькъ, дядя королевы, съ великимъ канцлеромъ Оделеемъ и ужаснымъ Кромвелемъ.

— Ваше величество, вскричалъ герцогъ, трепеща отъ негодованія, васъ обвиняють въ томъ, что вы осквернили королевское ложе: мнѣ приказано взять васъ подъ стражу и отвести въ Лондонскую Башню.

— Что вы говорите! вскричала Анна, поспѣшно вставая и леденѣя отъ страха. Что вы говорите, милордъ! Возможно ли это? Я невинна. Гнусная Симоръ! вы меня предали!

— Милордъ, сказалъ герцогъ Норфолькъ, обращаясь къ Рочфорду: дайте мнѣ вашу шпагу. Я требую ея именемъ короля.

— Вотъ она! вскричалъ Рочфордъ, переломивъ свою шпагу и подавая Норфольку обломокъ.

— Юанна! вскричала Анна Болѣнь, обливаясь слезами: вы будете виновницею моей смерти. Вы! О, зачѣмъ вы меня предали!

— Ваше величество, сказала кроткая Юанна, я не предавала васъ; я даже не говорила о васъ съ королемъ.

— Да; вы!.....вскричала Анна въ отчаяніи. Вы говорили съ нимъ, и этого уже слишкомъ много!.....

Она упала безъ чувствъ, и въ этомъ состояніи перенесена была въ тюрьму.

Волненіе въ Лондонѣ было чрезвычайно велико, когда узнали, что королева, братъ ея и четыре ея камергера взяты подъ стражу. Но скоро всѣ затрепетали, узнавъ, что король, нетерпѣливо желая казни, уже нарядилъ комиссію изъ перовъ, чтобы судить несчастную Анну. Лордъ Перси, который

былъ призванъ ко двору такъ, что долженъ былъ опасаться за свою свободу и даже за жизнь, и которымъ съ тѣхъ поръ никто не занимался, возвратился послѣ турнира въ свой Лондонскій домъ. Онъ провелъ тамъ два дня никѣмъ не тревожимый, всѣми забытый, въ отчаяніи отъ того, что та, которой посвятилъ онъ жизнь свою, не думаетъ объ немъ и даже предпочитаетъ ему другаго, если вѣрять слухамъ, носящимся въ этомъ развратномъ городѣ. На третій день онъ получилъ письмо, запечатанное королевскою печатью. Онъ съ безпокойствомъ сломилъ печать. Два раза прочелъ онъ письмо. Лице его измѣнилось и глаза помутнились. Генрихъ VIII назначилъ его въ число судей, которые должны были произнести приговоръ несчастной королевы. Неужели надѣялись на его мстительность? Или хотѣли разтерзать ему сердце, заставивъ его судить ту, которую у него похитили?....

Письмо упало къ ногамъ Перси и онъ цѣлый день сидѣлъ взаперти, не зная на что рѣшиться. Вечеромъ, когда горестъ истошилась, душа его окрѣпла и снова приобрѣла всю свою силу.

— Я буду ея судьей! вскричалъ онъ. Я употреблю все на свѣтѣ, чтобы спасти ее, и, если нужно, я пожертвую ей, менѣе чѣмъ совѣстью, но болѣе чѣмъ жизнью, — древнею честью моего рода и моего имени!

На другой день къ графу Эссексу явился человекъ, великолѣпно одѣтый.

— Благодарю васъ за честь, которую вамъ угодно было мнѣ сдѣлать, сказалъ Эссексъ, идя къ нему на встрѣчу.

— Графъ, сказалъ лордъ Перси, вы знаете, что всѣ наши знатныя фамиліи состоятъ въ родствѣ между собою, а вы чужой.

— Вы, конечно, слишкомъ искусны и осторожны, продолжалъ лордъ Перси, чтобы не стараться приго-

говить себя убъжище и друзей наслучай паденія. Говорите откровенно. Хотите ли вы помочь мнѣ теперь, съ тѣмъ, что я вамъ помогу при случавъ.

— Милордъ, сказалъ Кромвель, я васъ понимаю. Вы можете имѣть ко мнѣ полную довѣренность. Что вы предложите мнѣ въ залогъ вѣрности?

— Вотъ эту бездѣлку, сказалъ лордъ Перси, положивъ на столъ великолѣпный брилльянтъ, принадлежавшій его матери. Хотите ли вы принять сторону королевы и спасти ее отъ безчестія?

— Взять сторону королевы? вскричалъ Кромвель. Чтобы спасти ее, я бы отдалъ все, что скопился съ такими трудами; но это совершенно невозможно.

Графъ Нортomberлендъ поблѣднѣлъ.

— Что жъ она вамъ сдѣлала?

— Милордъ, мнѣ очень больно сказать вамъ это.....

И они начали шептаться, боясь, чтобы стѣны ихъ не услышали. Оба они были очень взволнованы этимъ тайнымъ разговоромъ; но лице Кромвеля являлось болѣе и болѣе кроткимъ по мѣрѣ того, какъ лице лорда Перси выражало болѣе пылкости.

— Хорошо, сказалъ Кромвель громко: я согласенъ. Вы можете положиться на меня. Вы увидите королеву; но прежде вы должны подписать обязательство уступить мнѣ половину вашихъ доходовъ.

— Я ее увижу? вскричалъ Лордъ Перси. Я подпишу все, что вамъ угодно.

— Прекрасно! сказалъ Кромвель, схвативъ ящичекъ съ брилльянтами.

Они разстались.

То было ночью. Лордъ Перси, съ разтерзаннымъ сердцемъ бродилъ безмолвно вокругъ Лондонской Башни.

— Войдите сюда, сказалъ ему тюремщикъ, впустивъ его въ большую, пустую и темную залу. Черезъ часъ я приду за вами. Такъ приказано. Бѣднѣж-

ка бредить въ горячкѣ. Въ полночь назначенъ допросъ.

Черезъ часъ лордъ Перси со страхомъ вошелъ въ тюрьму, въ которой была несчастная Анна; потомъ онъ остановился: ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь сказалъ Аннѣ:—Онъ тутъ!..... Онъ чувствовалъ невыразимое волненіе. При видѣ ея, вся кровь его прилилась къ сердцу; дыханіе въ груди его сперлось; онъ не могъ двинуться съ мѣста.

— Анна! сказалъ онъ невольно весьма громко.

— Кто зоветъ меня? вскричала въ испугъ несчастная плѣнница.

Она поспѣшно встала и обернулась; прекрасное лице ея было орошено слезами; но это были уже не тѣ слезы, которыя прежде Анна такъ свободно проливала и которыя еще оставались на щекахъ ея, когда лице уже озарялось улыбкою, какъ прозрачныя капли росы остаются на свѣжей розѣ и придаютъ ей еще новую красоту. То были ѣдкія, жгучія слезы, исторгаемыя изъ растерзанной груди горестью; слезы, проливающіе въ минуту помрачаютъ глаза, ихъ безнадежно.

Нортomberлендъ съ трудомъ узналъ и свою юную Анну и Англійскую королеву, которую онъ еще недавно видѣлъ во всемъ блескѣ ея сана.

— Извините, ваше величество! сказалъ онъ, съ отчаяніемъ сложа руки на груди.

— Какъ! это вы, лордъ Перси? сказала Анна, видимо смутившись. Генри Перси, мой судья, можетъ-быть, мой обвинитель? прибавила она, взглянувъ на лежавшій передъ нею списокъ судей.

— Такъ и вы меня не знаете! сказалъ Нортomberлендъ съ выраженіемъ исполненнымъ ироніи и горести.

Чувство несправедливости придало ему мужество. Онъ подошелъ къ королевѣ.

— Анна, неужели вы меня не узнаете? сказалъ онъ.

Какой могущественный вопросъ! О прелесть любви истинной и чистой, какъ изобразить твою таинственную силу? какимъ тайнымъ путемъ проникаешь ты изъ сердца въ сердце? какимъ путемъ это небесное благоуханіе истекаетъ изъ души и разливается какъ цѣлебный бальсамъ на самыя болѣзненные раны, на величайшія злополучія? Ты существуешь, и этого довольно. Слова для тебя бесполезны, — звуки ничего не значать: одна душа чувствуетъ, другая душа угадываетъ. «Анна, неужели вы меня не узнаете?»

Анна все поняла. Вотъ другъ, которому она измѣнила, который пришелъ къ ней на помощь, потому что уже она ни на чью другую помощь надѣяться не можетъ! Вотъ тотъ, котораго она оскорбила и который уже простилъ ее; она страдаетъ и онъ все забылъ; она одна и онъ съ нею; пусть вся земля возстаетъ противъ нея, пусть всѣ уста ее обвиняютъ, уста Перси будутъ защищать ее; пусть всѣ руки ее отталкиваютъ, его руки ее примутъ; грудь его тутъ, чтобы она могла къ ней прижаться; сердце Перси открыто, чтобы слезы Анны могли въ него излиться.

Повинуясь первому движенію, Анна Болѣнъ бросилась къ Перси, но потомъ она остановилась.

— Благородный Перси! сказала она: нѣтъ, я уже не достойна васъ. Имѣя ваше въ этомъ спискѣ, но сердце ваше, я чувствую, готово защищать меня. Оставьте меня! Я забыла ваши совѣты, я удалилась отъ васъ, я уже не достойна добродѣтельнаго Перси; оскверненное мое сердце не смѣетъ бесѣдовать съ вашимъ сердцемъ. Перси, удалитесь!!

Произнося эти слова, Анна Болѣнъ заливалась слезами. Она сложила руки на груди. Въ этомъ положеніи, въ раскаяніи, Анна Болѣнъ была еще прекраснѣе,

чѣмъ во всемъ блескъ счастья и прелестей!

— А! я снова нахожу ее! Боже мой, благодарю тебя! Нѣтъ! вскричалъ Перси, съ энтузіазмомъ: нѣтъ, я никогда не вѣрилъ, чтобы сердце ея зачерствѣло. Господи, услышь ее, она проситъ помилованія! Отецъ милосердый, услышь ея молитву, освиени ее твоимъ благословеніемъ, и да будетъ она оправдана!

— Перси! вскричала Анна Болѣнъ съ выраженіемъ глубочайшаго отчаянія: не призывайте на меня небеснаго милосердія; я не могу его надѣяться: преступленія мои слишкомъ велики. Не прелюбодѣяніе возстаетъ противъ меня, но кровь!..... Входя сюда, я прошла мимо темницы Томаса Моруса, мимо темницы Рочестера!! О, надо мною тяготѣетъ проклятіе! Перси, не давайте мнѣ окончить!..... Слухъ вашъ не вынесъ бы того, что чувствуетъ мое сердце.

Произнося эти слова, Анна Болѣнъ упала на колѣни; она сложила на груди руки; слезы ея изсыпали, щеки покрылись румянцемъ, глаза ея сверкали, и она, казалось, была въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ горячки, о которыхъ говорилъ тиремщикъ.

Испуганный лордъ Перси бросился къ ней, прижалъ ее къ своему сердцу и приложилъ уста свои къ волосамъ ея. «Анна! сказалъ онъ: бѣдная Анна!!» Но она, сдѣлавшись уже нечувствительною къ этой покровительственной привязанности, вырвалась изъ его объятій и начала бѣгать по комнатѣ, и чистымъ, нѣжнымъ голосомъ пѣла старинный романсъ, котораго строфы, давно знакомыя Перси, напоминали ему то время, когда онъ съ наслажденіемъ слушалъ въ старомъ Кентскомъ замкѣ сладкія пѣсни своей подруги.

— Анна! сказалъ онъ, невольно переносясь къ этимъ счастливымъ, навѣки протекшимъ днямъ. Анна, пом-

нишь ли ты скамейку, на которой мы по вечерамъ сживали? Скажи, помнишь ли ты ее?

Эта идея поразила Анну; ее какъ-будто извлекли изъ сферы, въ которой она страдала, и перенесли подь небо чистое и ясное.

— Кто говорить со мною? вскричала она. О прекрасные дни моей юности, кто возвратить васъ мнѣ? Но вы исчезли. — Но что это? сказала она, обращаясь къ графу Нортонберленду: это онъ!..... Это ты, Перси? Гдѣ мы? Скажи, ты видѣлъ отца моего, моего брата? Гдѣ же я?

Она повела вокругъ себя взоры болѣе спокойныя; въ нихъ выразалось какое-то болѣзненное удивленіе.

— Ахъ, какой обманъ чувствъ! Мнѣ казалось. Нѣтъ, нѣтъ!..... я Англійская королева!.....

Она обошла кругомъ комнаты; поступь ея сдѣлалась спокойнѣе, ровнѣе; она снова сѣла на табуретъ, на которомъ сидѣла сначала и нагнулась попрежнему на столъ.

— Умъ мой повременамъ помрачается, сказала она. Странно, я чувствую, что во мнѣ какъ-будто два существа. Я сама замѣчаю, что я забываюсь. Для довершенія моихъ несчастій, я сойду съ ума.

— Анна! сказалъ Перси, повелительнымъ голосомъ: молчите, успокойтесь, соберите ваши силы и примите снова твердость, которая одна достойна вашего сана. Если бы вамъ не достало твердости, сердце мое придасть вамъ мужества. Перестаньте быть слабою женщиною и ввѣрьтесь вашему другу!

— Ахъ, какое добро вы мнѣ дѣлаете, Перси! вскричала несчастная Анна Болѣнъ.

— Подите сюда, дайте мнѣ вашу руку, Анна.

— Боже мой! вы какъ будто извлекли меня изъ ужаса, въ которомъ я жила. Никто еще на говорилъ

со мною такъ, какъ вы! Ахъ, если бь вы никогда меня не покидали!

— Вы меня покинули, Анна!..... О! это не упрекъ..... Это мое оправданіе. Я бы никогда не простилъ себя, если бь хотя на минуту забылся.

— Великодушный другъ! о, какой жребій! какой жестокой обманъ! Перси, судьба слишкомъ отмстила за васъ.

— Я не хочу мщенія, отвѣчалъ Перси, въ сердцѣ котораго тѣснились воспоминанія.

— Какъ долги эти тюремные часы! продолжала Анна Болѣнъ. Ночи провожу я безъ сна; пугаюсь моего одиночества; мнѣ кажется, будто каждую минуту подъ моими ногами разверзается бездна!..... О, Генри, какъ скоро прошла жизнь моя! какъ быстро протекли дни моего дѣтства и моей юности! Теперь мнѣ остается только умереть.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анна! излейте въ свое сердце. Говорите со мною спокойно. Подумали ли вы о средствахъ защиты? Анна, извините меня, простите меня, Анна, съ вами говоритъ отецъ вашъ, братъ вашъ. Не стыдитесь, скажите мнѣ откровенно, могутъ ли найти васъ виновною!

Нортонберлендъ не смѣлъ дышать; онъ съ трепетомъ ожидалъ отвѣта.

— Я не дѣлала того, въ чемъ меня обвиняютъ, сказала Анна глухимъ голосомъ; но я не могу сказать, чтобы была совершенно невинна.....

— Довольно, довольно, другъ мой, сказалъ Перси. Богъ единъ долженъ знать то, чего люди не въдаютъ. Для спасенія твоего нужно только, чтобы нельзя было доказать обвиненія.

— Между-тѣмъ мнѣ уже говорили, что Норрисъ и Маркъ меня обвинили. Въ отношеніи къ нимъ, я могу обвинить себя только въ легкомысленныхъ поступкахъ; я въ нихъ призналась.

— Ты прионалась, Анна!... Ахъ, несчастная! Какое неблагооразуміе! Увы, я пришелъ къ тебѣ слишкомъ поздно! Богъ свидѣтель, что это не моя вина.

— Говорять, что какая-то леди Вингфилдъ обвиняла меня на смертномъ одрѣ. Наконецъ, даже жена моего брата, виконтесса Рочфордъ, не стыдится приписывать мнѣ гнуснѣйшій развратъ. Она обвиняетъ меня въ томъ, будто я отняла у нея мужа!..... Ахъ, Перси, всѣ меня ненавидятъ! Сегодня, подъ стѣнами этой башни, несмотря на то, что окружающіе ея солдаты отгоняютъ чернь, я цѣлый день слышала крики ненависти и проклятій..... Перси, благородный Перси, ты одинъ мнѣ остался! твоѣ состраданіе, твоя добротъ, твое милосердіе одни могли забыть и простить мою неблагодарность! О Генри, если бъ я была твоей женою! Если бъ я даже была и преступная, ты и тогда не повлекъ бы меня на эшафотъ, не правда ли?

При словахъ «если бъ я была твоей женою», всѣ горести прошедшаго возобновились въ душѣ Перси; но эта душа была такъ добра, такъ благородна, что Аннѣ нечего было бояться разбудить въ ней какое-нибудь чувство злобы или ненависти.

— Анна, не говори этого, вскричалъ Нортберлендъ. Моей женою! О, ты не знаешь, какое зло мнѣ дѣлаешь; ты не знаешь, какого блаженства ожидалъ я отъ твоей юной головки, отъ твоего сердца, въ то время столь чистаго и благочестиваго!! Это не угодно было Богу. Да святится имя его!..... Ты никогда не постигала, какъ глубока была привязанность моя къ тебѣ; иногда мнѣ казалось, что въ сердцѣ моемъ источникъ любви, который непрерывно выступаетъ изъ береговъ; мысль моя тебя окружала, сила моя тебя охраняла; во мнѣ не было ничего такого, чтобы тебѣ не принадлежало. Отчего это? Я и самъ не знаю. Такъ определено было небомъ.

Говоря такимъ образомъ Перси съ глубочайшею горестью прижималъ ее къ своему трепещущему сердцу.

— И я по своей винѣ лишилась всѣхъ этихъ сокровищъ, которымъ только теперь знаю цѣну, сказала Анна Болѣвъ..... Или лучше сказать, честолюбіе, корыстолюбіе свѣта ихъ у меня отняли..... Милый, добрый другъ мой, какъ измѣнилась я съ тѣхъ поръ, какъ смерть у меня передъ глазами! Увы, нѣсколько дней назадъ, я бы тебя еще не понимала!..... Но твои попеченія обо мнѣ не потеряны; я чувствую, одно твое присутствіе возвышаетъ мою душу въ собственныхъ глазахъ моихъ. Я въ состояніи буду раскаяться и умереть мужественно; кровь моя нужна. Я новая Иродіада. Но если Перси простилъ меня, это значитъ, что и небо меня не отвергаетъ.....

— Анна, цѣлой жизни прискорбія: немного было бы, чтобы заплатить за минуты, въ которыя я слышу такія слова. Душа твоя, твоя будущность, твое благополучіе всегда были цѣлю моихъ же усилій и желаній.....

— Теперь я умру мужественно, повторила Анна Болѣвъ. Чистота твоей жизни замѣнитъ чистоту моей; сила твоей вѣры, Перси, прикроетъ мое невѣріе; потому что и съ этой стороны я погрѣшила.

— Анна, ты говоришь правду.

— Такъ. Ты видишь, что смерть моя необходима!

— Анна, ты раздираешь мнѣ сердце! Какое ужасное заключеніе!..... Успокойся, милая Анна. Я еще надѣюсь спасти тебя..... Да, мы спасемъ тебя.....

Тюремщикъ явился въ концѣ залы. Перси поднялъ плащъ свой, упавшій на полъ, и послѣдовалъ за тюремщикомъ.

Въ полночь собралось грозное судилище, и начались допросы. Лордъ Перси защищалъ несчастную королеву съ удивительнымъ мужествомъ и краснорѣчіемъ.

— Ну, что, Кромвель, какъ же произошло? спросилъ король.

— Все кончено, ваше величество; судъ опредѣлилъ королеву и ея брата, виконта Рочфорда, сжечь, повѣсить или обезглавить.

— Такъ я наконецъ отмщенъ! вскричалъ король. Много ли она говорила? Мнѣ бы очень хотѣлось слышать.

— Нельзя сказать, чтобы много; но она защищалась съ такимъ достоинствомъ, съ такою умѣренностью и скромностью, что я ужъ начиналъ бояться, чтобы ея не оправдали. Хорошо еще, что она тамъ не долго оставалась. Когда ей объявили, что вашему величеству угодно, чтобы она сложила съ себя корону, она тотчасъ встала и объявила, что съ этой минуты считаетъ себя лишевною своего сана, всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ.

— Какъ! неужели это ей такъ мало стоило?

— Да. Когда прочли приговоръ, она встала, не оказывая ни малѣйшаго смущенія, помолилась Богу, потомъ обратилась къ намъ и сказала, что хотя она и невинна въ преступленія, въ которыхъ ее обвиняють, но охотно претерпитъ смерть; что она всегда была вѣрна вашему величеству; что на насъ она не сердится, и будетъ молиться за насъ, также какъ и за своего государя.

— Какая коварная женщина! вскричалъ Генрихъ VIII.

Она тогда, въ жесточайшемъ безпокойствѣ, сидѣла въ тюрьмѣ.

— Боже мой, придетъ, ли Перси? Ужъ ночь.... Онъ однако жъ обѣщаль..... Выпросить ли онъ мнѣ прощаніе?.... Жить! жить! О, еслибъ я могла жить! Какой ужасъ овладѣлъ мною, когда я услышала эти

страшныя слова — « виновна; предать сожженію или отрубить голову! »

Каждую минуту прислушивалась она къ свисту вѣтра, который ходилъ по длиннымъ корридорамъ. Она то вставала и быстро ходила по комнатѣ, то садилась въ величайшемъ уныніи.

Вдругъ она услышала легкой шумъ. Она бросилась къ двери. Кто-то вошелъ. То былъ тюремщикъ.

— Не сказывайте этого никому, иначе вы меня погубите, проговорилъ онъ поспѣшно.

Онъ положилъ ей въ руку легкую шелковую ткань, и вышелъ; она раскрыла принесенный кошелекъ и вынула оттуда письмо.

«Надѣюсь, вы еще можете быть спасены. Жиды «дали мнѣ займы большія суммы. Человѣкъ, кото-
«рый принесетъ вамъ это письмо, уже задобрень;
«ему обещано надежное пристанище во Франціи; онъ
«убѣжитъ вмѣстѣ съ вами. Въ Башнѣ есть другіе за-
«ключенные; васъ можно будетъ выдать за кого-ни-
«будь изъ нихъ..... Корабль, готовый къ отплытію,
«стоитъ въ устьѣ Темзы. Я ѣду, лечу туда, и надѣюсь
«убѣдить капитана. Я возвращусь завтра вечеромъ.
«Корабль привезетъ васъ въ Антверпенъ. Вы еще мо-
«жете быть счастливы; по-крайней-мѣрѣ вы избави-
«тесь отъ вашихъ мучителей. Богъ сдѣлаетъ осталь-
«ное. Прощайте, Анна, прощайте, сестра моя, другъ
«мой! Я предаю васъ Богу, чтобы онъ защитилъ васъ
«и избавилъ отъ всякаго зла. *Генри II.*»

Анна съ восторгомъ прижимала къ устамъ своимъ это трогательное доказательство дружбы столь чистой и истинной, какъ вдругъ дверь тюрьмы отворилась. Она поспѣшно спрятала письмо.

То былъ сиръ Вильямъ Книгстонъ, комендантъ Лондонской Башни. Анна затрепетала.

— Неужели, Г. Кингстонъ?..... вскричала она въ смущеніи.

Она уже предчувствовала зачѣмъ пришелъ онъ.

— Къ несчастію, да! сказалъ Кингстонъ со слезами на глазахъ.

За дверьми кто-то рыдалъ.

— Насъ подслушиваютъ, сказала Анна.

— Это жена моя, отвѣчалъ Кингстонъ.

— Зачѣмъ же она не войдетъ? сказала Анна. Такъ я должна умереть?..... Когда же должна я умереть?

— Завтра, рано утромъ.

— Завтра утромъ! О, злодѣй Кромвель, обмануль его!..... Подите сюда, леди Кингстонъ. У меня есть къ вамъ просьба. Сидьте на эти кресла.

Леди Кингстонъ, въ слезахъ, повиновалась. Но къ величайшему ея удивленію, Анна Болѣнъ бросилась къ ногамъ ея: и сказала съ глубочайшимъ чувствомъ,

— Сдѣлайте милость, миледи, бросьтесь къ ногамъ принцессы Марин, какъ я къ вашимъ; молитесь за меня за то, что по моей винѣ съ нею дурно обходились; скажите, что еслибъ матушка ея, моя государыня, была жива, я бы лежала у ногъ ея, пока она меня простила бы.

— Клянусь Богомъ, ваше величество, я исполнювъ точности все, что вы приказываете!

— Ахъ, сиръ Вилльямъ, если ужъ это рѣшено, избавьте же меня скорѣе отъ этой жизни!....

— Соберите все ваше мужество, ваше величество, сказалъ комендантъ: скрѣпитесь духомъ..... операція будетъ не болѣзненна.....

— Я слышала, что палачъ очень искусенъ, а шея моя тоненька и мягка, сказала она обхвативъ ее рукою и улыбаясь чистосердечно. Теперь мнѣ хотѣлось бы остаться одной.....

Когда Анна Болѣнъ услышала скрипъ дверныхъ запоровъ, невыразимый трепетъ объялъ ее. — Все кон-

чено! сказала она: извергъ Кромвель обманулъ Перси. Надобно отказаться отъ жизни. И я даже не увижу его передъ смертью!.....

Она схватила листъ бумаги и съ судорожнымъ проворствомъ написала ему послѣднее прощанье.

Было половина двѣнадцатаго. Все готово. Плаха поставлена, сукно разостлано, солома, на которую должна литься кровь, накинута. На укрѣпленіяхъ башни два артиллериста стоятъ подлѣ заряженной пушки. Герцогъ Эссексъ, герцогъ Суффолькъ, герцогъ Ричмондъ, побочный сынъ короля, лордъ-канцлеръ и Лондонскіе лордъ-меръ, альдерманы и шерифы, собрались на площадь, чтобы быть свидѣтелями этой ужасной казни.

Прошло полдень. То былъ назначенный часъ. На площади воцарилось глубочайшее молчаніе.

Чрезъ минуту явилась Анна Болѣнь. Она была въ черномъ дамасовомъ платьѣ съ бѣлымъ шлейфомъ. Она держала молитвенникъ и четки лорда Перси въ рукъ, едва дрожащей. За нею шли Кингтонъ и четыре изъ ея фрейлинь. Войдя на платформу, она поблѣднѣла, и бросила послѣдній взглядъ на воды Темзы. «Увы, подумала она, Перси еще не возвратился!» Потомъ она увидѣла графа Эссекса, герцога Суффолька и молодого герцога Ричмонда. Эти три чловѣка принадлежали къ ея пріятельскому обществу. Не было ни одной ея забавы, ни одного пиршества, гдѣ бы они около нея не тѣснились. А теперь они явились присутствовать при ея казни! Эта мысль извлекла у нея вздохъ, и между-тѣмъ она ласково поклонилась имъ.

— Господинъ Кингстонъ, сказала она съ твердостью: дайте мнѣ нѣсколько минутъ.

Кингстонъ поклонился въ знакъ согласія.

— Умоляю васъ не говорить ничего, чтобы могло

прогнѣвать короля, сказавъ онъ вполголоса. Этого требуетъ польза вашихъ родственниковъ.

Она взглянула на него глазами столь прекрасными, какъ будто говоря, «понимаю васъ»—что комендантъ былъ тронуть. Потомъ, тремеща, подошла она къ краю эшафота, и голосомъ нѣсколько дрожащимъ вскричала:

«Друзья мои! друзья мои и болѣе чѣмъ братья, потому что я не могу болѣе оставаться съ вами и конецъ дней моихъ наступилъ, простите меня отъ чистаго сердца!»

Со всѣхъ сторонъ раздались рыданія, и несчастная жертва, уступя своему волненію, на минуту замолчала. Она взглянула на палача, который стоялъ подле плахи, держа въ рукѣ сѣкиру, сдѣланную въ видѣ серпа. Глаза ея наполнились слезами, и она поспѣшила окончить.

«Молитесь, молитесь за меня, братья мои; прошу васъ, именемъ Господа нашего Иисуса Христа; забудьте вины мои. Безполезно было бы напоминать вамъ, за что я здѣсь; я буду молчать объ этомъ, полагаясь на правосудіе и особенное милосердіе Судии міра!»

«Молю его за судей, приговорившихъ меня къ смерти, которую я должна претерпѣть, и за благополучіе короля, моего и вашего повелителя, потому что онъ одинъ изъ достойнѣйшихъ государей въ мірѣ и всегда обходился со мною милостиво.....»

«Я охотно подвергаюсь смерти, и прошу всѣхъ простить меня.»

Произнеся прерывающимся голосомъ эти слова, Анна Болѣнъ отдала небольшой свой рукописный молитвенникъ сестрѣ поэта Васта, одной изъ ея фрейлинъ, которую она болѣе другихъ любила.

Сестра Васта со слезами приняла молитвенникъ и,

поцѣловать руку, которая его подавала, прижала книгу къ своему сердцу, какъ свѣтъ.

Анна сама сплела свой головою уборъ, и видъ этой юной головы, покрытой свѣтлорусыми волосами, тронулъ всѣ сердца. Со всѣхъ сторонъ раздались крики горести и сожалѣнія.

Анна покрыла волосы свои небольшимъ чепчикомъ съ кружевною оборкою; потомъ опустила воротникъ платья, чтобы открыть свою нѣжную шею.

Силы ея истощились; она сложила руки и упала на колѣна подлѣ плахи; но тотчасъ встала.

«Милыя мои! сказала она окружавшимъ ея дамамъ: «заклинаю васъ привязанностью, которую вы мнѣ всегда оказывали, не допускайте, чтобы кто-нибудь кромѣ васъ дотрогивался до этого тѣла, которое привыкло къ вашимъ попеченіямъ! Вы всегда служили мнѣ усердно; надѣюсь, что-присутствуя при несчастной моей кончинѣ, вы не оставите меня и по смерти. Я не въ состояніи иначе вознаградить васъ за вашу службу. Умоляю васъ, укрѣпитесь, изъ любви ко мнѣ, не забывайте меня, и служите вѣрно королю и той, которая, счастливѣе чѣмъ я! будетъ вашею государынею и покровительницею.

«Дорожите честью болѣе чѣмъ жизнью, и не забывайте души моей въ молитвахъ вашихъ къ Господу.»

Она не въ состояніи была болѣе говорить, и снова стала на колѣни. Одна изъ дамъ подошла, и завязала ей глаза.

Губы ея посинѣли; она съ усиліемъ протянула отъплевъшій отъ ужаса руки къ плахѣ и вскричала: «Господи! помилуй мою душу!.....»

Потомъ, никѣмъ не поддерживаемая, она нагнула голову.

Раздался пушечный выстрѣлъ; въ народѣ послы-

стался продолжительный крикъ; голова упала на эшафотъ и отскочила.

Дамы, полуживыя, приближались; онъ завернули голову Анны Болѣнъ въ саванъ, положили тѣло ея въ гробъ, и сами понесли его въ часовню Башни.

Въ эту минуту человекъ, который нѣкогда любилъ ее, или по-крайней-мѣрѣ думалъ, что любилъ, человекъ, который былъ ея мужемъ и котораго она сдѣлала отцемъ, стоялъ на возвыщеніи въ прелестномъ паркѣ Ричмондскомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая условеннаго сигнала.

— Анна умерла! вскричалъ онъ, слушая звучные отголоски ужаснаго выстрѣла. Завтра Симоръ будетъ моею женою!

Кровь была смыта, эшафотъ разломанъ; въ тотъ же вечеръ городъ забавлялся по обыкновенному порядку; воспоминаніе объ Аннѣ Болѣнъ уже изгладилось.

У одного изъ подземныхъ проходовъ Башни, какой-то человекъ лежалъ согнувшись, и спалъ. Легкій шумъ разбудилъ его; онъ въ минуту вскочилъ на ноги.

— Ахъ, милордъ: уже поздно!..... сказалъ онъ, сегодня утромъ.....

— Какъ? Анна..... вскричалъ лордъ Перси.

Онъ не могъ продолжать; колѣна его подогнулись; онъ прислонился къ стѣнѣ. Онъ возвращался, исполненный надежды и блаженства; капитанъ было согласился, и чрезъ нѣсколько часовъ несчастная Анна была бы въ портѣ.

— Она казнена сегодня ровно въ полдень, продолжалъ тюремщикъ. Она отдала мнѣ письмо къ вамъ.

Нортонберлендъ схватилъ это письмо и прижалъ его къ сердцу.

— Она умерла, вскричалъ онъ, и я не видалъ ее передъ смертію! не простился съ нею въ послѣдній

разъ! Умерла одна, безъ помощи, безъ опоры, безъ меня!....

Онъ упалъ лицомъ на землю и долго лежалъ безмолвно, недвижимъ.

Прошло пять лѣтъ. Посланный отъ короля Генриха VIII прискакалъ въ одинъ бѣдный монастырь Страннопримныхъ братьевъ. Онъ вызвалъ настоятеля.

— Святой отецъ, сказалъ онъ: я присланъ королемъ; его величество приказываетъ вамъ молиться за молодого герцога Ричмонда, который лежитъ при смерти. У васъ здѣсь есть святой отецъ, котораго молитвы король особенно желаетъ по великимъ добродѣтелямъ, сіяющимъ въ этомъ монахѣ. Въ свѣтъ его звали графомъ Нортomberлендомъ.

— Пойдемте со мною, отвѣчалъ настоятель.

Онъ повелъ посланнаго въ монастырскую больницу. Тамъ, въ глубинѣ пространной залы, трое или четверо монаховъ окружали постель умирающаго. Отецъ аббатъ сидѣлъ у изголовья; слезы текли по щекамъ его.

— Вотъ братъ нашъ, который въ мірскомъ чинѣ былъ лордомъ Генри Перси графомъ Нортomberлендомъ, сказалъ вполголоса настоятель.

Королевскій посланный, проникнутый почтеніемъ, остановился.

Въ блѣдномъ лицѣ, въ страждущихъ чертахъ умирающаго было что-то столь святое, что посланный едва не упалъ на колѣни.

— Сынъ мой, любезный сынъ мой, сказалъ настоятель, наклонясь къ Перси: ты страдаешь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ голосомъ еще громкимъ: нѣтъ, я блаженствую. Въ сердцѣ моемъ невыразимъ

мая радость, глубокая тишина. Милость Господня велика какъ онъ самъ.

Тутъ посланный къ нему приблизился.

— Отецъ святой, сказалъ онъ: король просить вашихъ молитвъ; онъ предается жесточайшей горести; единственный сынъ его, молодой герцогъ Ричмондъ, умираетъ.

Графъ Нортomberлендъ съ усиленіемъ привсталъ.

— Возвратитесь къ королю, сказалъ онъ: скажите ему, что я уже давно молюсь за него, за отечество, за всѣхъ насъ; давно уже въ сердцѣ моемъ нѣтъ злобы за удары, которыми Провидѣнію угодно было поразить меня.

Произнеся съ усиленіемъ эти слова, лордъ Перси упалъ на постель.

Всѣ присутствующіе съ безпокойствомъ взглянули.

— На колѣни, братія мои! сказалъ аббать.

И прерываемымъ слезами-голосомъ онъ заплѣлъ молитвы, которыми Церковь напутствуетъ отходящихъ въ жизнь вѣчную. Отворили двери больницы, и всѣ монахи торжественно вступили. Вдругъ въ комнату распространилось смятеніе. Вокругъ постели, тѣ, которые были на колѣняхъ, поднялись, тѣ которые стояли, пали ницъ, всѣ при подняли къ нему глаза, омоченные слезами, и со всѣхъ сторонъ послышались рыданія.

— Отецъ Генри скончался! вскричали монахи.

=

Таковъ новый романъ книги де Кранъ, сочинительницы «Томаса Моруса». Мы старались представить его любопытству нашихъ читателей съ самой лучшей стороны, но боимся, чтобы и тутъ онъ не показался имъ простою Исторіею въ разговорахъ и кар-

тинахъ. Главный его недостатокъ тотъ, что онъ историческій романъ: кто знаетъ хоть немножко Исторію, тотъ знаетъ напередъ важнѣйшія происшествія повѣсти и ея развязку.

Въ этомъ произведеніи, которое дѣлаетъ довольно много шуму между читателями Французскихъ книгъ, не достаетъ вымысла и силы мысли. Можно также упрекать его въ невѣрномъ изображеніи Англійскихъ нравовъ XVI столѣтія и характера того времени, не говоря уже о невыгодномъ сравненіи, которому всѣ этого рода творенія подвергаются съ образцемъ своимъ, — произведеніями сирѣ Вальтера Скотта. После Гомера не должно писать *Иліады*.

=

РОЗАМУНДА ГРЕЙ.

=

ПОВѢСТЬ Г. ЛЕМА.

=

Быль полдень. Солнце пекло. Старушка сидѣла въ маленькой бесѣдкѣ у дверей своей хижины и прядла. Она была слѣпа; внучка читала ей Библию. Старушка только-что оставила свою работу, чтобъ внимательнѣй слушать исторію Руэи.

«И цѣлова Орфа свекровь свою, и возвратися въ люди своя, Руэе же послѣдова ей.» Этого мѣста не могла она пропустить безъ комментарія. Нравоученіе, которое она извлекала, было конечно не слишкомъ ново. Дѣвушка слышала его сто разъ прежде, — и могла бы выслушать еще сто разъ: Розамунда любила свою бабушку.

Старушка тоже любила Розамунду, да было и за что. Розамунда была ей и дитятемъ и прислугою. Она одна только осталась у ней на свѣтъ. Онѣ жили вдвоемъ.

Было время, что онѣ не знали нужды. Исторію Розамундовыхъ родителей, ихъ упадокъ, ихъ безразсудство и злополучія можно рассказать въ другой разъ. Въ нашей повѣсти и безъ того довольно горя.

Вотъ уже года полтора какъ старая Маргарита Грей продала все свое имущество, чтобъ уплатить долги Розамундина отца, когда ея мать умерла съ тоски, что бѣдный мужъ бѣжалъ со стыдомъ въ чужіе края. Тогда-то старушка удалилась въ эту хижину, въ село Видфордъ.

Розамунда осталась по тринадцатому году безъ ку-ска хлѣба и безъ друзей: она пошла жить къ своей

бабушкѣ. Во все это время она служила ей вѣрно и любя.

Когда старая Маргарита Грей переселилась въ эту сторону, у ней были еще глаза, она могла видѣть. Сосѣди говорятъ, что она лишилась ихъ отъ слезъ: какъ бы то ни было, съ недавнихъ поръ она совершенно ослѣпла. «Видишь, дитя мое, какъ Богъ милостивъ! я еще могу тебя слышать,» говорила она иногда: и мудрено ли послѣ этого, что Розамунда была привязана къ своей бабушкѣ?

Сердце Маргариты Грей не сокрушилось отъ несчастія. У ней оставалась внутренняя опора, недоступная вѣшнимъ обстоятельствамъ. То была вѣра, и она научила ей Розамунду: внучка почти всегда жила у ней съ самыхъ раннихъ поръ. Старушка выучила ее всему, что сама знала, а свѣдѣнія Маргариты Грей были не очень обширны.

Она извлекла правила свои изъ наблюденія, и долголѣтняя опытность дѣлала ее повременамъ немножко настойчивой; но Розамунда никогда не противорѣчила своей бабушкѣ.

Ихъ домашняя библіотека состояла преимущественно изъ Библіи съ примѣчаніями и объясненіями разныхъ ученыхъ толкователей, начиная съ епископа Джуэля.

Ея никогда не оставляли наряду съ другими книгами, но тщательно хранили въ зеленомъ бархатномъ чехлѣ съ золотыми застежками, — единственнымъ памятникомъ прежняго великолѣпія, который онъ взяли съ собой въ эту хижину: все прочее было продано, какъ мы уже сказали.

Ребенкомъ, Розамунда никогда не смѣла открывать этой Библіи безъ позволенія, и теперь, по привычкѣ, не нарушала бабушкина устава. Маргарита не утратила ни сколько своей власти: правда, что она никогда не пользовалась ею слишкомъ жестко, но, и взрослой

дѣвухой, Розамунда считала за счастье, когда ей позволяли открыть Библию. Сокровище это было слишкомъ драгоценно для неизъятнаго употребленія, и Маргарита все еще указывала своей внучкѣ, гдѣ читать.

Кромѣ того былъ у нихъ «Полный рыболовъ, или Удовольствія созерцательнаго человѣка», съ картинками, «Путешествіе пильгрима» первая часть, да «Отличная Кухарка», въ которой торчали кое-гдѣ сухія вѣтки розмарина и лавендула, — указатели любимыхъ старушкиныхъ рецептовъ.

Розамунда читала не много книгъ, кромѣ этихъ, и то развѣ случайно: однѣ бабушкины книжки были ея давними, неизмѣнными друзьями.

Умъ Розамунды былъ скорѣе меланхолическаго и мыслящаго свойства, чѣмъ того, что называютъ живымъ и острымъ. Съ младенчества была она дика и задумчива: это принимали за глупость и безчувственность. Ее съкли иногда за то, что она «деревяшка», когда ея маленькое сердце чуть не разрывалось отъ любви.

Даже и теперь часто выговаривала ей бабушка, зачѣмъ она такъ пасмурна и грустна; преподавала ей уроки благоразумной веселости, и нерѣдко сама принималась плакать вмѣстѣ съ нею къ великому ущербу дѣйствительности своихъ наставленій. Эти слезы еще болѣе привязывали къ ней Розамунду.

Маргарита говаривала ей въ такихъ случаяхъ: «Плачь себя, дитя мое, когда вспоминаешь о бѣдномъ отцѣ или объ матери; мнѣ бы и самой хотѣлось, чтобъ ты иногда объ нихъ подумала: да какъ тебѣ и не поподумать! Но я вотъ чего боюсь, Розамунда, душа моя, что ты иной разъ слишкомъ много думаешь о собственномъ положеніи и о своемъ будущемъ житьѣ. Если такъ, то напрасно, моя душечка: вспомни ты

притчу о зломъ богачѣ. Онъ никогда не думалъ о Богѣ и вѣръ въ Его промыслъ: чтобы и съ тобой того же не было!»

Розамунда не отвѣчала ей на такія рѣчи; она не привыкла прекословить своей бабушкѣ, и потому молчала, зная про себя, отчего ей грустно: бабушка, лучший другъ ея, стара, слаба, лишена зрѣнія. Но она никогда не оправдывалась передъ нею, если старушка ей за что-нибудь выговаривала.

Всѣ сосѣди были до нихъ очень добры. Послѣдній мужикъ не проходилъ мимо безъ поклона, безъ какой-нибудь вѣжливости, не ловкой, зато радушной: «Здравствуйте сударыня, здравствуйте барышня,» говорили прохожіе. Мызники, и вообще кто получше, всѣ обѣщали не оставить Розамунду въ случаѣ смерти ея бабушки. Маргарита, въ надеждѣ на Бога, вѣрила добрымъ людямъ.

Она обыкновенно говаривала: «Давно живу я на свѣтѣ, и никогда не видала, чтобы порядочный человекъ оставался вовсе безъ помощи, безъ родства, безъ благодѣтеля, безъ «кого-нибудь.» Богъзнаетъ, каково человеку остаться одному, и всегда посылаетъ помощника, или пріютъ или хоть «что-нибудь». На этой твердой почвѣ опыта, Маргарита основывала надежду свою на Бога.

Розамунда только-что успѣла кончить чтеніе, о которомъ я началъ-было говорить, и внимала нравоучительной бесѣдѣ своей бабушки, какъ явился молодой человекъ и перервалъ приходомъ ихъ занятія.

То былъ ихъ знакомый, Олень Клеръ: онъ принесъ Розамундѣ персиковъ и розановъ. Онъ поставилъ свою корзиночку на скамью и, почтительнымъ голосомъ, будто обращаясь къ матери, спросилъ Маргариту объ здоровьѣ.

Старушкѣ, казалось, была пріятна его внимательность; она отвѣчала, что «кашель по ночамъ меньше

ее беспокоить, но все еще не прошел, да видно, не пройдет и вовсе; впрочем не любить она докучать молодымъ людямъ рассказами о своихъ немочахъ.»

Обивняли два, три ласковыхъ слова; молодой Клеръ взглянулъ нѣжно на Розамунду, которая во все время молчала, и протислся, говоря на уходъ: «Вечеромъ я приведу къ вамъ Илинору.»

Когда онъ вышелъ, старушка заговорила:

— То-то любезный мальчикъ! признаться, люблю его отъ души: такой скромный, что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ! Конечно ему не слѣдъ бы ходить сюда такъ часто, да что съ нимъ будешь дѣлать: добрая душа! И намекнуть-то ему не соберешься съ силами. Но слушай, другъ мой, Розамундушка, завтра говорю тебѣ: когда будешь постарше, Г. Клеръ тебѣ не товарищъ. Пока вы оба были молоды, оно все ничего, а теперь приходитъ пора, что заговорятъ и недоброе, если такой богатый молодой человекъ, какъ Г. Клеръ, станетъ частенько жаловать къ намъ въ бѣдную хижину. Слышишь, дитя мое? Что жъ ты-мнѣ не отвѣчаешь? Поди сюда; я вѣдь не во зло тебѣ; скажи словечко, Розамунда; не сердись же; не люблю, кто сердится.

Такъ говорила бѣдняжка пустому мѣсту, пока спохватилась, что внучки ея, быть-можетъ, нѣтъ.

И точно, Розамунда ускользнула при первыхъ похвалахъ Г. Клеру; черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи старушкою прекрасной рѣчи она воротилась назадъ, и щечки ея были очень розовы. Это, можетъ, отъ жару или отъ движенія, потому что она погуляла въ саду.

Маргарита была слѣпа и, въ этомъ случаѣ, довольно кстати для Розамунды, иначе она могла бы возымѣть какія-нибудь подозрѣнія.

Прошу однако жъ не заключать изъ этого, будто я

считаю вѣроятнымъ, чтобъ дѣвочка четырнадцати лѣтъ могла влюбиться, не спросивъ своей бабушки: этого не должно и вообразать.

Между-тѣмъ, чтобъ отклонить всякое подозрѣнiе, я, пожалуй, расскажу вамъ маленькiй анекдотъ объ Розамундѣ.

Мѣсяца два тому назадъ бабушка строжайше запретила ей, когда она пойдетъ гулять, приближаться къ одному мѣсту, гдѣ огромный дубъ простираетъ густыя вѣтви надъ глубокой ямою и прикрывалъ ее такъ, что при малѣйшей неосторожности можно было упасть какъ въ западню.

Розамунда пришла разъ къ этому страшному мѣсту. Известно, что женское любопытство старше потопа: нельзя и взыскать съ молодой дѣвочки за слабость, врожденную всему ея полу. Розамунда шла далѣе и далѣе, вскарабкалась на одну изъ вѣтвей, очутилась надъ запрещенной пропастью, нога у ней скользнула, и только милость Божiя спасла ее: она упала на другiя вѣтви, кое-какъ выбралась по нимъ на берегъ, и съ трепещущимъ сердцемъ прибѣжала домой.

Въ этотъ вечеръ ея бабушка была какъ-то особенно въ духъ, ласкала Розамунду, говорила о прежнемъ времени и о томъ, какое счастье, что онѣ объ нашла прiютъ въ этой избушкѣ; наконецъ она сказала Розамундѣ: «Добрая ты дѣвочка, Господь наградитъ тебя когда-нибудь за любовь ко мнѣ, слѣпой старухѣ.»

Розамунда не могла этого перенести. Утрешнее непослушанiе живо пришло ей на память; она чувствовала себя недостойною Маргаритиныхъ похвалъ, зарыдала громко и призналась въ своемъ проступкѣ. Старушка поцѣловала ее и простила.

Розамунда никогда больше не подходила къ этой гадкой пропасти.

Маргарита вѣтъкъ бы и не узнала объ этомъ, если бъ Розамунда сама ей не открылась. Но у этой дѣвоч-

ки было нѣжное нравственное чувство, которое не позволяло ей пользоваться слабостью стараго человека, обмануть его, скрыть отъ него что-нибудь, хотя Маргарита была дряхла, слѣпа, и это было бы очень не трудно.

Я помню еще одну добродѣтельную черту Розамунды и, благо на ходу, расскажу вамъ ее, когда угодно. Знаю, что нѣкоторые почтутъ это мелочью; оно — такъ и есть мелочь, но если она лучше ознакомитъ читателей съ Розамундою, я больше ничего не добиваюсь. Эти искры характера, эти легкіе намеки, эти ранніе признаки очаровательнаго нрава прелестнаго, отборнаго для меня тѣхъ дикихъ цвѣтковъ, которые добрая Розамунда срывала въ ясное майское утро для своей бабушки.

Розамунда умѣла рисовать и часто дѣлала очерки окрестныхъ мѣстоположеній. Мѣсяца три или четыре работала она надъ одною картиною, которая была больше всѣхъ прежнихъ ея произведеній. Она много надъ ней трудилась, много употребила времени, и рисунокъ былъ почти готовъ. Не стану пускаться въ заключенія, для кого именно его предназначали. Известно намъ, что не для бабушки. Разъ вышла она зачѣмъ-то со двора, и оставила на столѣ свою картину. Когда она воротилась, ея ужъ не было. Въ Розамундѣ тотчасъ родилось подозрѣніе, но она промолчала. Наконецъ открылось ея несчастіе, Маргарита наложила руку на ея долговременный трудъ; не зная, что это такое, и принявъ его за какую-нибудь негодную бумагу, она оторвала половину и сдѣлала себѣ подмотокъ.

Розамунда сплеснула руками, когда увидѣла свою бѣду; улыбнулась плутовски на бабушку, и не сказала ни слова. Она знала, что бѣдвяжка стала бы тузить, если бѣ ей объ этомъ сказали, а когда Маргарита принималась горевать о чужомъ горѣ, этому не было конца.

Розамунда въ тотъ самый день начала другую такую же картину, и по смерти своей Маргарита никогда не воображала, что надѣлала невзначай такихъ проказъ.

Розамунда Грей была прелестнѣйшее юное существо. Въ лицѣ ея соединялась неизъяснимая пріятность, нѣжность, скромность, стыдливость и что — то еще милое, безъ имени. Въ ея улыбкѣ проглядывала меланхолія. То была не беззаботность молодой дѣвочки и не принужденность рано созрѣвшей женщины, а именно то, что могло мечтаться поэту Юнгу, когда онъ писалъ свой прекрасный стихъ.

Soft, modest, melancholy, female, fair.

У ней былъ такой очаровательно-кроткій взглядъ, что всякой любилъ ее поневолю. Молодой Олманъ Клеръ, еще мальчикомъ, вздыхалъ по ней. Ея волосы рассыпались въ золотыхъ колечкахъ. Ея голосъ былъ дрожащъ и музыкаленъ. Милая недоувѣрчивость къ самой себѣ предупреждала въ ея пользу, лишь только отворяла она уста, и если она говорила мало, зато слова ея шли къ сердцу прямой дорогою.

Она была молода, безпритворна, невинна, добродушна, ласкова какъ смѣющееся дитя, игрива безъ шушу какъ ягненокъ; всякой любилъ ее. Молодой Олманъ Клеръ еще мальчикомъ вздыхалъ по ней.

Мѣсяцъ такъ ясно свѣтитъ въ окно, гдѣ я пишу, что было бы преступленіемъ не оставить моей работы и не посмотреть ему въ глаза.

Какъ скользить онъ въ дѣвственной чистотѣ межъ облаковъ, а они разступаются и почтительно даютъ ему дорогу!

Чудное видѣніе! когда я гляжу на тебя, внутренняя гармонія сообщается душѣ моей, нравственная ясность, безмолвная тожественность духовной чистоты, спокойствіе подобное тому, какое приписываемъ

мы въ воображеніи счастливымъ жителямъ твоего волшебнаго края, обитателямъ твоихъ серебряныхъ полей.

Не дивлюсь я, прекрасный мѣсяць, что язычники искони боготворили тебя подь именемъ Кинейи, Дианы, Гекаты. Европа не взываетъ къ тебѣ болѣе; она избрала кумировъ помрачнѣе. Беліаль — богъ ея; она поклоняется Маммону.

Лгутъ на тебя, пригожее свѣтло! Я никогда не повѣрю, чтобъ ты злорадно коверкало умы бѣдныхъ смертныхъ. Лунытики! Испорченные мѣсяцемъ! Клевета выдумала эти чмена, а глупость подхватила и рада находкъ. Не этого надѣюсь я отъ твоего кроткаго лица, отъ твоихъ умиленныхъ вліяній.

Царица неба! чистой лампадою освѣщаешь ты путь тоскующей красѣ, когда она идетъ искать могилы любезнаго ей воина.

Другъ печальныхъ! ты нашептываешь миръ уединенному страдальцу, который бродитъ въ тихій вечеръ подь твоимъ нѣжнымъ сіяніемъ, сѣтуя на судьбу, на изменившихъ друзей или на любовь безъ отрады.

Мечта ли это, или въ самомъ дѣлѣ небесное спокойствіе льется отъ тебя ко мнѣ въ грудь, когда я мечтаю о невинной любви Клера и Розамунды?

Олень Клеръ былъ ровно двумя годами старше Розамунды. Онъ былъ мальчикомъ четырнадцати лѣтъ, когда въ первый разъ съ ней познакомился: это было вскорѣ по переселеніи ея съ бабушкой въ Видфордъ.

Онъ однажды повстрѣчалъ ее съ кувшиномъ, въ которомъ она несла воду изъ сосѣдняго колодца; кувшинъ былъ тяжелъ, она гнулаась подь бременемъ.

Олень непремѣнно хотѣлъ отнести его за нея; онъ считалъ за грѣхъ допустить нѣжную молодую дѣвуш-

ку до такой работы, а самому стоять и не тронуться съ мѣста.

Олленъ вообще любилъ оказывать маленькія услуги; но при видѣ Розамунды въ немъ засвѣтился первый огонь любви; юная душа его нашла, чего искала, и съ тѣхъ поръ пробудились въ немъ сердечные восторги; съ самаго этого дни онъ сталъ часто посѣщать хижину.

Первымъ благополучіемъ было для него вызвать Розамунду погулять. Онъ давалъ ей любоваться мѣстоположеніями, на которыя самъ любовался, воображать дикіе цвѣты, которые ему мечтались, всматриваться въ летучія облака, которыхъ самъ подстерегалъ движеніе, и нерѣдко—повторять стихи, которые ему нравились и которые она вслѣдъ за нимъ любила.

Когда они приходили домой, старушка, все-еще почитавшая ихъ дѣтьми, не болѣе, приказывала Розамундѣ подать Г. Клеру рюмочку домашней смородиновки, стаканъ парнаго молока или другаго дешеваго лакомства, которое всегда было пріятнѣе для Оллена драгоценнѣйшихъ блюдъ на свѣтѣ.

Мальчикъ съ дѣвочкой полюбили другъ друга, полюбили крѣпче, нежели думали.

Недавно случилось одно обстоятельство, которое поизмѣнило родъ ихъ связи. Розамунда читала повѣсть «Юлія Рубинѣ», которую далъ ей молодой Олленъ. Онъ стоялъ за нею и глядѣлъ ей черезъ плечо, обнявъ одной рукой ея шею, а другой указывая на одно мѣсто въ третьемъ Юліиномъ письмѣ :

«Марія! въ часы моихъ мечтаній я иногда воображала себя мужа,—кто бы онъ ни былъ,—утѣшающаго меня въ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ на насъ судьбою. Я улыбалась ему сквозь слезы, — слезы не горя, слезы нѣжности; дѣти играли около насъ, не постигая

несчастія; намъ оставался нашъ маленькій пріютъ и ихъ улыбка вмѣсто украшеній. Я представила себѣ всю роскошь такой картины, и горе слилось теперь съ моею мечтою о счастіи.»

Дѣвушка вспыхнула, читая это; она трепетала; ей чудилось, что Клеръ на нее смотритъ, но она не смѣла поднять глазъ съ книги, и продолжала читать, почти не зная, что читаетъ.

Олленъ угадалъ причину ея смущенія. Олленъ смутился тоже; онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ; страсть въ немъ забушевала; онъ охватилъ обѣими руками молоденькую подругу, и крѣпко, крѣпко, поцѣловалъ ее.

Розамунда осердилась и обрадовалась, успокоилась и испугалась въ одно время; ливень слезъ внезапно облегчилъ ей душу.

Олленъ и прежде позволялъ себѣ маленькія вольности: Розамунда не находила въ этомъ ничего дурнаго; но съ этихъ поръ она стала робка, заскромничала, сдѣлалась осторожною въ обращеніи съ Олленомъ, и, въ его присутствіи, не искала по-прежнему его общества; напротивъ, убѣгала его, предпочитая наслаждаться мыслію объ отсутствующемъ.

Олленъ, съ того дня, по-видимому, тоже перемѣнился; обращеніе его сдѣлалось не менѣе нѣжно, но болѣе почтительно и не такъ смѣло; онъ чувствовалъ при Розамундѣ волненіе въ груди, которое доселѣ было ему неизвѣстно, и если онъ уже не былъ съ нею такъ коротокъ какъ прежде, очарованіе безпритворнаго скромничества придавало Розамундѣ новую прелесть, которую онъ уважалъ со страхомъ, но любилъ.

Истинные любовники всегда приписываютъ предмету своей страсти какой-то таинственный характеръ, конечно возвышенный ихъ пылкимъ воображеніемъ, но не безъ основанія въ дѣйствительности и въ на-

блюденіи. Олень создалъ этотъ характеръ для Розамунды, — что-то «ангельское,» совершенное, сверхъестественное.

Молодой Клеръ жилъ близко отъ Розамунды. Онъ лишился родителей, которые были прежде очень богаты, и остался на попеченіи сестры, годами десятью старше его. Илинора Клеръ была прекрасная дѣвушка, — скромна, умна, дружелюбна. Олень уважалъ ее какъ мать и любилъ какъ товарища. Онъ открывалъ ей всѣ маленькія тайны своего сердца; но была одна, которой онъ ей не сказалъ, то есть, какъ мила ему Розамунда.

Илинора знала, что онъ ходитъ въ хижину, видала и Маргариту съ ея внучкою. Она встрѣчала ихъ нѣсколько разъ на прогулкѣ съ Оленомъ; онъ обыкновенно мѣнялись поклонами, но Илинора не хотѣла тревожить брата неумѣстнымъ любопытствомъ.

У Олена часто билось сердце, и онъ готовъ былъ все разказать сестрѣ, но что-то подобное стыду, — ложному или истинному, какъ хотите, — удерживало его отъ этого шага; необнаруженная тайна лежала у него на совѣсти какъ преступленіе: въ его нравѣ была та благородная искренность, которая обличаетъ дѣвственную душу, неискушенную свѣтомъ.

Милое чистосердечіе сіяло у него въ чертахъ; выраженіе ихъ было немного похоже на Розамундино, только у Олена просвѣчивало больше огня, больше энтузіазма; глаза у него были темноглубѣе Розамундиныхъ, волосы каштановаго цвѣта, щеки румяны и смугловаты. Въ улыбкѣ Олена являлось такое пріятное радушіе, какого я не видалъ ни на одномъ другомъ лицѣ.

Доселѣ Илинора не мѣшала привязанности брата къ Розамундѣ. Она, кажется, имѣла слабость къ Физиогномикѣ, и находила въ чертахъ и пріемахъ Розамунды

такія качества, что ихъ не стыдно было любить ея брату.

Наконецъ Илинора пожелала узнать ея покороче, и вскорѣ представился удобный случай сказать объ этомъ Оллену.

Въ тотъ день, когда онъ отнесъ въ подарокъ Розамундѣ персиковъ и цвѣтовъ, сестра его замѣтила утромъ, что онъ какъ-то необыкновенно занятъ въ саду и рветъ плоды съ удивительной разборчивостью.

Она подошла къ нему потихоньку, взяла его за руку, и спросила съ испытующей улыбкою: «Что ты дѣлаешь, Олленъ? Для кого эти персики?»

— Для Розамунды Грей, отвѣчалъ онъ, и сердце его будто облегчилось отъ тяжести, которая давно его обременяла.

— Мнѣ хотѣлось бы, Олленъ, познакомиться съ твоей милой подругою: не сведешь ли ты меня къ ней, хоть нынче послѣ обѣда?

— Пойдемъ, пойдемъ, Илинора; ты не можешь представить, что это за добрая дѣвочка: да и старушку Маргариту ты вѣрно тоже полюбишь.

Сестра общалась итти съ нимъ послѣ обѣда. Олленъ забылъ ужъ и о персикахъ, поспѣшно нарвалъ нѣсколько розъ, и ушелъ съ неполною корзинкой, торопясь объявить Розамундѣ о предстоящемъ посѣщеніи.

Пришедъ домой, Олленъ нашелъ оставленное безъ него приглашеніе провести вечеръ у одного пріятеля, который только-что вышелъ изъ училища и пріѣхалъ на одинъ день къ отцу въ Видфордъ, съ тѣмъ чтобъ потомъ немедленно отправиться въ Единбургскій университетъ.

То былъ задушевный другъ Олленъ Клера; они не видались нѣсколько мѣсяцевъ, и вѣроятно не увидятся потомъ еще дольше. Однако жъ Олленъ неизменно

поблѣднѣлъ при первой вѣсти объ этомъ приглашеніи. Нынѣшній вечеръ общалъ для него особенную важность. Но Илинора тотчасъ утѣшила своего брата, изъявивъ готовность идти къ Розамундѣ и безъ него.

— Ты какъ хочешь, братецъ, а я не лишу себя жданнаго удовольствія и лучше пойду одна.

— Пойдешь? въ самомъ дѣлѣ, пойдешь, сестрица?

Илинора дала слово, и я думаю, что, сообразивъ всѣ обстоятельства, Олень былъ почти радъ избѣгнуть затруднительнаго посредничества въ ознакомленіи двухъ особъ, которыя объ были ему драгоценны, и однако жъ объ могли не понравиться другъ другу.

Иногда раждалась въ немъ увѣренность, что Илинора должна полюбить Розамунду и Розамунда Илинору, хотя въ другой разъ возникали сомнѣнія: это была бы такая радость, что онъ едва могъ ея надѣяться!

Въ этотъ вечеръ Олень дѣйствительно былъ больше у Розамунды чѣмъ тамъ, гдѣ бродило его видимое подобіе, и пріятель его не могъ не жаловаться на какое-то разстяніе, на холодность своего прежняго друга. Слѣдствіемъ было, разумѣется, то, что онъ нашелъ въ Оленѣ большую перемѣну, и по уходѣ его принялся писать сонетъ о «Невѣрномъ другѣ». Кажется, онъ его не кончилъ; негодованіе или недостатокъ въ римахъ остановили его среди дороги.

Въ каталогъ Маргаритиной библіотеки я забылъ упомянуть о молитвенникѣ. Воображеніе читателей легко могло пополнить этотъ пропускъ.

Маргаритинъ молитвенникъ былъ въ красномъ переплетѣ съ серебромъ. Изъ этой книги читали онъ обыкновенно каждое послѣ-обѣда установленныя псалмы. Онъ дѣлалъ это слѣдующимъ образомъ: Розамунда прочтетъ свой стихъ, а Маргарита скажетъ за ней другой на память. Она знала наизусть всю

Псалтирь и нрядную часть Библии. Нерѣдко поправляла она свою внучку, когда та запиналась или оговаривалась. Маргарита приписывала это вертопрашеству, хотя Розамунда отнюдь не отличалась этимъ свойствомъ: старушки Маргаритина покрой не во всѣхъ случаяхъ равно проницательны.

Такъ читали онѣ передъ приходомъ къ нимъ миссъ Клеръ, и остановились на псалмѣ сто четвертомъ, который естественно велъ Маргариту къ размышленіямъ о дѣлахъ рукъ Божіихъ. Въ этотъ день былъ громъ, — такой случай къ наставленію, котораго старушка никогда не пропускала. Она начала:

— Громъ гремитъ очень грозно; кто говоритъ, Господь Богъ гнѣвается, когда бываетъ громъ; это, видишь, гласъ Божій. Я грѣшная не боюсь грому.....

Старушка по обыкновенію распространялася потомъ о благодѣтельныхъ его дѣйствіяхъ на орѣхи, на истребленіе гадинъ, и такъ далѣе, когда прибытіе миссъ Клеръ остановило токъ ея разсужденія.

Розамунда приняла ея съ почтительной вѣжностью, и, взявъ за руку свою бабушку, сказала самымъ пріятнымъ голосомъ:

— Миссъ Клеръ пришла навѣстить васъ, бабушка.

— Извините, не могу васъ видѣть; милости просимъ. А братецъ-то съ вами, миссъ Клеръ? Что это я его не слышу?

— Ему нельзя было притти; онѣ свидѣтельствуеть вамъ свое почтеніе.

— Ужъ какой у васъ братецъ, миссъ Клеръ..... Да не угодно ли освѣжиться?... Розамунда.....

И старушка хотѣла послать за бутылкой домашней смородиновки, но Илинора сказала, улыбаясь, что пришла къ ней пить чай и надѣется, что все будетъ безъ околичностей и сборовъ.

— После чаю, мы пойдемъ съ вами погулять, Розамунда, если бабушкѣ можно отпустить васъ?

Розамунда посмотрѣла на свою бабушку.

— Охъ, конечно стану ли я лишать дѣвочку послѣдняго удовольствія? Знаю, что ей и то довольно скучно быть всегда со мною. И если миссъ Клеръ угодно взять тебя, дитя мое, я покуда очень могу пробыть одна. Въдъ не первый разъ оставаться мнѣ домовничать: зайдетъ, чай, кто-нибудь изъ сосѣдей, а не зайдетъ, и то не бѣда.

У Розамунды были всѣ простые приемы дѣтства: она поцѣловала бабушку и стала счастлива.

Покуда пили чай, разговоръ старушки весь почти ограничивался панегирикомъ молодому Клеру. Илннора поглядывала на свою пригожую подругу и улыбалась. Розамунда начинала хмуриться, но лице Илнноры сіяло такимъ яснымъ привѣтомъ, что облака строгой скромности, скопившіяся на Розамундиномъ, скоро разсѣялись.

— Розамунда, ваша бабушка выходитъ когда-нибудь со двора?

Маргарита предупредила отвѣтъ своей внучки.

— Я, видите, очень стара и дряхла; иногда Розамунда проведетъ меня нѣсколько шаговъ за ворота, да ужъ какой я ходокъ; люблю лучше посидѣть тамъ въ бесѣдкѣ, когда свѣтитъ солнышко, — тепло и отрадно, это я еще чувствую; больше не могу наслаждаться лѣтнимъ временемъ, но я буду очень рада, если вы пойдете съ Розамундушкой: вечеръ, кажется, такой тихой!

— Я иногда буду похищать у васъ Розамунду, если мы съ ней сойдемся. Я надѣялась видѣть васъ у себя. Знаете, я думаю, что у насъ было бы мѣсто, если бы вы перѣехали къ намъ жить: что вы на это скажете? Олень былъ бы въ восхищеніи ходить за вами, я

увѣрена, а намъ съ Розамундой было бы такъ хорошо вмѣстѣ.

Маргарита вовсе не привыкла къ такимъ усерднымъ предложеніямъ и заплакала; она была не безъ гордости, однако жъ могла бы одолжиться хорошимъ чело-вѣкомъ; въ приемахъ миссъ Клеръ было столько нѣжной внимательности; ей не изъ чего было сдѣлать такого предложенія кромѣ чистой доброты; старушка сказала наконецъ отъ полноты сердца:

— Миссъ Клеръ, эта избушка приняла насъ въ несчастіи; мы нашли въ ней пріютъ, когда намъ некуда было приклонить голову; мы благословляя въ ней Господа Бога, и, мнѣ кажется, я не разстанусь съ ней, пока умру. Розамунда все для меня дѣлаетъ.....

— И буду дѣлать, бабушка, покуда жива.....

Розамунда заплакала.

— Ты добрая дѣвочка, и если у тебя будутъ друзья, когда ты останешься круглой сиротою, больше этого мнѣ и желать нельзя. Благослови васъ Богъ, миссъ Клеръ, за ваше милостивое предложеніе!

Илинора была тронута до слезъ, и, чтобъ скрыть свои чувства, пригласила Розамунду итти гулять. Красавица надѣла свой бѣленькій чепчикъ; Илинора никогда не видала такого милого созданія какъ Розамунда.

Онѣ простились съ Маргаритою, вышли и бродили по любимымъ мѣстамъ Розамунды, — по свѣтлымъ полянамъ, по таинственнымъ долинамъ и перелѣсьямъ, гдѣ она такъ часто гуляла съ своимъ любезнымъ Клеромъ. Кто могъ быть такъ счастливъ какъ Розамунда! Нерѣдко слышала она отъ Оллена самые нѣжные отзывы объ его сестрѣ, и вотъ она ходитъ объ-руку съ этой сестрою, съ этой хваленой сестрою своего милого друга, Клера.

Каждое дерево, каждый кустъ, почти каждый цвѣтокъ воскрешали въ Розамундѣ какое-нибудь пріятное

воспоминаніе, какой-нибудь разговоръ или, быть-можетъ, невинную ласку. Новая жизнь и новый порядокъ вещей открывались теперь передъ нею; она ощутилась въ волшебномъ краѣ невѣдомаго существованія.

Розамунда была слишкомъ счастлива; она не могла говорить много; но Илинора улаждалась тѣмъ, что она говорила. Большую часть замѣчаній внушала ей окрестная картина, и всѣ они дышали живостью настоящаго побужденія. Разговоръ ея былъ не выставкою заплѣснѣвѣлыхъ ощущеній, не пошлымъ обмѣнъ наустнаго, выказнаго чувства; онъ имѣлъ всю свѣжесть молодой жизни.

Порой говорили они объ Олленъ.

— Олленъ такъ добръ, даже слишкомъ добръ для моей бабушки, сказала Розамунда: сидитъ, слушаетъ ея росказни или читаетъ ей, забавляетъ ее на тысячу ладовъ. Иногда я дивлюсь, какъ ему не наскучить. Она, подчасъ, заговорить его до смерти!

— Такъ вы сознаетесь, Розамунда, что та старушка иногда вамъ въ тягость?

— О, нѣтъ! это совсѣмъ другое дѣло; я привыкла къ ея нраву, знаю ее тѣшить и угождать ей, и должна это дѣлать, потому что она у меня единственный другъ на свѣтѣ.

Новыя пріятельницы до того догулялись, что стало поздно, и Розамунда начала беспокоиться на счетъ своей бабушки, которая все это время была одна.

По возвращеніи въ хижину, онъ замѣтили, что Маргарита немножко сердится. Старушки, даже самыя добрыя старушки, бываютъ иногда нетерпѣливы; старость опаслива, ждетъ бѣды и тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Притомъ Маргаритѣ время было итти спать; она рано ложилась. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ

особенностяхъ, она болѣе походила на жителей древняго міра, чѣмъ на современницу нашего.

Друзья наконецъ разстались; Илинора взяла съ Маргариты слово отпустить къ ней Розамунду на другой день.

Миссъ Клеръ, разувѣтся, осчастливила своего брата, объявивъ объ этомъ приглашеніи, и о томъ, какъ она довольна его подругой.

Я думаю, что Олленъ не много проспалъ въ эту ночь. Чуть ли радость не болѣе тревожный однопостельникъ чѣмъ горе: надежда прогоняетъ сонъ, это я знаю.

Илинора Клеръ была добрейшее существо на свѣтѣ, самое несебялюбивое изъ всѣхъ, кого я только зналъ; вѣчно заботилась она о благѣ другихъ, вѣчно думала объ устроеніи чужаго счастья; единственная ея радость была въ удовольствіи ближнихъ; при жизни своихъ родителей, она была внимательнѣйшею изъ дочерей, по смерти ихъ, сдѣлалась нѣжнѣйшею изъ сестеръ.

Но возвратимся къ разсказу.

Въ Маргаритиной хижинѣ были четыре комнатки; въ самой большой спала она сама, а Розамунда въ смѣшной съ этою, гдѣ ей было слышно, когда бабушка позоветъ ее ночью.

Маргарита часто будила внучку; по два, по три раза въ ночь разставалась она съ постелью, чтобъ подать ей лекарство или что-нибудь сдѣлать; но Розамунда знала, что бабушкинъ недугъ не мнимый, безпокойный, и никогда не приходило ей въ голову, чтобъ требованія ея могли быть неумѣстны.

Вечеромъ, когда ушла отъ нихъ миссъ Клеръ, она уложила бабушку по обыкновенію и, помолившись на колѣняхъ у ея кровати, поцѣловала ее и пожелала пріятнаго сна. Маргарита благословила внучку и велѣла ей тотчасъ ложиться. То былъ всегдашній наказъ ея, и Розамунда никогда не думала ослушиваться.

*

Она ушла въ свою комнатку. Вечеръ былъ теплый и ясный, мѣсяцъ свѣтилъ въ полномъ сіяніи; изъ окна видны были картинныя мѣста, которыми любовалась она съ Илинорой. Всѣ событія истекшаго дня, всѣ прогулки ожили въ умѣ ея. Ей хотѣлось бы еще разъ обойти той же дорогою; но уже девять часовъ, — поздняя пора для деревни! Однако жъ это было бы очень пріятно..... А бабушкино приказаніе?..... Она вздохнула, и отвернулась отъ окна, и стала ходить взадъ и впередъ по комнаткѣ. Но лишь взглянетъ въ окно, желаніе опять встрепенется. Вѣдь не очень же поздно; сосѣди еще не спятъ, — вотъ прошли у ней подъ окошкомъ. Она думала и думала, чувства стѣснились у ней въ груди, и затосковало сердце.

Деревенскіе часы пробили десять! Сосѣди перестали проходить подъ окномъ. Розамунда крадется тихо съ крылечка, дверь на запоръ, и вышла въ поле.

Знакомый повстрѣчалъ ее и оглядѣлъ съ удивленіемъ; другой помнить, что пожелалъ ей спокойной ночи. Розамунда ужъ не возвращалась домой!

Старикъ больной, лежавшій объ-стѣну съ Маргаритиною комнатою, сказывалъ на другое утро, что онъ очень хорошо слышалъ, какъ она звала свою внучку. Всю ночь не переставала она стонать и кликать Розамунду. Но Розамунды не было, и голосъ затихъ передъ разсвѣтомъ.

Сосѣди пришли утромъ навѣдаться, Маргариты не было! Она встала съ постели и прибрела въ Розамундину комнатку; изнемогая отъ усталости и испуга, что не нашла ея, она рѣшилась здѣсь умереть, и думаютъ, что умерла въ молитвѣ, потому что ее нашли на колыняхъ; руки и голова были простерты на подушкѣ, гдѣ Розамунда спала еще въ прошлую ночь; улыбка играла на лицѣ усопшей.

Какъ желалъ бы я накинуть покрывало на происшествія этой ночи! Но не могу; горестъ и стыдъ возбраняють мнѣ молчаніе; черныя дѣла обнаружатся передъ свѣтомъ, дѣла, которыя пятнають общую природу человѣка.

Розамунда, восторженная и неосторожная, шла отъ дому знакомыми дорожками, по которымъ часто ходила днемъ безъ опасенія, и очутилась далеко, въ густой рощѣ.

Сосѣдъ ихъ, наглый Матрависъ, повстрѣчался съ нею. Онъ шелъ домой изъ гостей, разгоряченный виномъ. Онъ былъ очень дурень собой, — грязное лицо и грязное сердце. Молодой человѣкъ съ съдой расчетливостью! Холодный и систематическій во всѣхъ предпріятіяхъ, а всѣ предпріятія его клонились ко злу. Самое вождельнѣе превращалъ онъ въ систему. Онъ такъ долго обдумывалъ свои гнусныя намѣренія, что можно было ожидать, не удержитъ ли его отъ исполненія какой-нибудь случайный окликъ совѣсти. Но этотъ небесный свѣтъ погасъ въ его темной душѣ.

Ни что великое, ни что достойное любви не существовало для этого несчастливца. Онъ боялся, завидовалъ, подозрѣвалъ, но не любилъ. Все высреннее и прекрасное въ природѣ, все доблестное и благоприличное въ нравственности было внѣ его ощущенія. Онъ не любилъ поэзіи, онъ даже не ходилъ гулять и думать въ уединеніи; не было добродѣтели, которой бы онъ не встрѣтилъ недовѣріемъ, не было женской красоты и невинности, которой бы онъ не пожелалъ осквернить.

Насмѣшка была вѣчно на лицѣ его и злоба оскалалась въ сердцѣ. Онъ говорилъ обо всякомъ ужасныхъ вещи безъ малѣйшей совѣсти. За это прослылъ онъ остроумцемъ, за другія черты подлецомъ.

И этотъ человекъ сватался прежде на Илиноръ Клеръ! Можете судить, съ какимъ успѣхомъ. Илинора не въ состояніи была презирать ни когѣ на свѣтъ, но, по понятіямъ этого человека, получить отказъ значило быть презрѣннымъ, а Матрависъ никогда не прощаль.

Давно острилъ онъ зубы на Розамунду. Похитить изъ среды друзей ея эту перлу, которую они такъ дорого цѣнили, этого агнца, который былъ имъ такъ миль, — вотъ средство утонченной мести, и двойное побужденіе для распутнаго Матрависа погубить бѣдную дѣвочку.

Часто стерегъ онъ ее въ уединенныхъ прогулкахъ, но всегда находилъ равнодушной и непреступною. Съ недавнихъ поръ она перестала гулять далеко отъ дому, чтобъ съ нимъ не повстрѣчаться, но никогда не сообщала опасеній своихъ Олмену.

До сихъ поръ Матрависъ былъ только мерзавцемъ въ предѣлахъ закона; теперь, когда давнее желаніе мести распалилось въ немъ и виномъ и задоромъ неожиданной встрѣчи, оно превозмогло его обычную осторожность, и Матрависъ рѣшился вдругъ на явное злодѣйство.

Поздно вечеромъ встрѣтилъ онъ одну, беззащитную дѣвушку, вдали отъ убѣжища и отъ друзей.

Розамунда, сердце мое ноетъ за тебя! Я не въ силахъ описать твоего бѣдствія. Ночь и глушь были одни его свидѣтелями. Матрависъ убѣжалъ.

Несчастная скиталась по полямъ до разсвѣта. Не думая воротиться домой, она пришла къ воротамъ Илиноры, и съела, будто окаменѣвъ отъ горести.

Илинора только-что проснулась и отворила окно, — вдругъ видитъ свою бѣдную пріятельницу. Она побѣжала обнять ее, ввела въ комнату, прижимала къ

груди, цѣловала, начинала съ ней говорить. Розамунда не могла вымолвить ни слова.

Пришли вѣсти изъ селенія. Нельзя было утаить отъ Розамунды, что Маргарита умерла. Когда ей это сказали, она упала въ обморокъ, сдѣлалась больна и съ тѣхъ поръ не подымалась ея головка.

Розамунда не могла бѣ пользоваться нѣжнѣйшимъ попеченіемъ, даже если бѣ она была родная сестра двумъ своимъ друзьямъ.

У Оллепа были хорошіе виды въ будущемъ; онъ могъ бы современемъ вступить въ одно изъ лучшихъ семействъ того края; но Розамунда Грей, какъ ни уничтоженная, какъ ни осрамленная, имѣла для него особенную прелесть, и онъ съ душевною радостью раздѣлялъ бы съ ней свой жребій, если бѣ Розамунда осталась жива, чтобъ быть его подругой.

Но этому несуждено было стать; дѣвушка вскорѣ умерла. Она испустила духъ въ объятіяхъ Илиноры, спокойно и кротко, какъ жила; признательная, что умираетъ не въ чужихъ людяхъ, она выражала благодарность свою болѣе знаками, чѣмъ словами, за малѣйшую услугу, за самую обыкновенную жертву челоуѣколюбія. Она скончалась безъ всякихъ жалобъ: эта молодая дѣвочка, эта неученая Розамунда могла бы дать урокъ въ смерти самому важному философу.

Я былъ еще мальчикомъ, когда это случилось. Все село помнить происшествіе и рассказываетъ объ Розамундѣ Грей и слѣпой старушкѣ Маргаритѣ.

Я разстался съ Олленъ Клеромъ въ эту ужасную ночь, и рано утромъ поѣхалъ въ Единбургъ прежде чѣмъ разнеслась молва о несчастномъ происшествіи. Я не слыхалъ объ немъ ничего, и только спустя четыре мѣсяца получилъ письмо отъ Оллена.

«Сердце мое изтерзано, писалъ онъ мнѣ: сестра моя умерла въ горячку!» Ни слова объ Розамундѣ во всемъ письмѣ. Я узналъ подробности стороною.

Вскорѣ потомъ оставилъ я Шотландію, по случаю батюшкиной смерти, и воротился въ свое родимое село. Оллена тамъ не было, и я не могъ довѣдаться, живъ ли онъ или умеръ.

Я прошелъ мимо *хижины*. Не смѣлъ заглянуть въ нее, ни спросить, кто тамъ живетъ. Собачка, принадлежавшая Розамундѣ, лаяла передо мною. Я захоталъ какъ помѣшанный, внезапно лишившійся ума; глядѣлъ мрачно вокругъ себя и не помнилъ что я дѣлаю.

Но я былъ молодъ въ то время, и впечатлѣніе ослабвало по мѣрѣ того, какъ я вступилъ въ житейскія заботы. Этому теперь десять лѣтъ, и порой оно кажется мнѣ мечтою. Олленъ Клеръ былъ мнѣ безцѣннымъ другомъ, но иногда и Олленъ, и сестра его, и Маргарита, и ея внучка кажутся мнѣ сновидѣніями, пустыми грезами.

Чудныя дѣла были со мною; я какъ-будто еще не опомнился отъ сна; однако жъ, дайте собраться съ мыслями, я попытаюсь пересказать, что было со мною въ послѣднее время.

По смерти батюшки, семейство наше жило въ Лондонѣ. Я отправляю тамъ лекарскую должность. Мѣсяца два тому назадъ занимался я описаніемъ рассказаннаго случая, съ тѣмъ, чтобъ сообщить его свѣту. Это заставило меня остановиться на подробностяхъ, которыя начинали выходить у меня изъ головы; память стараго времени ожила и все больше оживлялась; мнѣ пришла сильная охота посѣтить родную сторону, сторону молодой любви Розамунды и Клера.

Родъ боязни удерживалъ меня до сихъ поръ; но теперь я не могъ успокоиться, чтобъ не исполнить

своего желанія. Однажды утромъ я отправился пѣшкомъ; пришелъ въ Видфордъ часовъ въ одиннадцать; послѣ легкаго завтрака въ трактиръ, гдѣ, къ моему прискорбію, не узналъ меня старикъ хозяинъ, — сколько разъ дѣлалъ онъ мнѣ удочки, когда я былъ ребенкомъ! — я пустился ходить по знакомымъ мнѣ окрестностямъ.

Старый нашъ домъ стоялъ пусть и продавался; я вошелъ безъ помѣхи въ свою прежнюю комнату, невольно преклонилъ колѣна на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла моя маленькая кровать, и чувствовалъ и молился какъ ребенокъ; казалось, пришло опять старое время: я глядѣлъ кругомъ, не увижу ли знакомаго лица, но все было нѣмо и наго.

Я осмотрѣлъ по-порядку каждую комнату; онѣ были пусты, кромѣ одной, гдѣ хозяинъ оставилъ фортепіано, вѣроятно тоже для продажи. Я тронулъ клавиши и сыгралъ нѣсколько старыхъ Шотландскихъ пѣсень, которыя любилъ ребенкомъ. Воспоминанія, оживленные музыкой, тяжело слились съ чувствомъ недѣйствительности и заставили меня вырваться на свѣжій воздухъ.

Я побрелъ, едва помня куда, къ старому лѣсу, шумѣвшему позади дома; мы называли его «дремучимъ лѣсомъ». Здѣсь недоставало одной фигуры, которая обыкновенно встрѣчала меня при входѣ, — тебя, Бенъ Моксемъ! — самаго добраго, милаго, вѣжливаго изъ людей, хотя ты былъ только деревенскій садовникъ. Честная душа, ты никогда не проходилъ мимо меня маленькаго безъ ласковаго слова, безъ улыбки. Помню твое добродушное лице. Одного никогда не прощу тебѣ, Бенъ-Моксемъ: зачѣмъ ты сговорился съ тетенькой обрубить сучья у нашихъ старыхъ елей? Будто теперь вижу, какъ они валялись на землю.

Часто оставалъ я дѣтскія игры и гулялъ въ этомъ лѣсу; его мрачное уединеніе имѣло таинственную прелесть для моего юнаго ума; оно питало во мнѣ ту любовь къ спокойному размышленію, которая сопровождаетъ меня въ зрѣлыхъ лѣтахъ.

Въ этомъ «дремучемъ лѣсу» увидѣлъ я себя послѣ десятилѣтняго отсутствія. Статныя ели стоятъ по-прежнему съ роскошной семьею молодого паростника; вотъ и бѣлка, вотъ и дикіе голуби воркуютъ такъ же заунывно какъ тогда; все здѣсь по-старому: сердце отошло у меня отъ этой картины.

Иду далѣе, — *хижина* стоитъ передо мною. Маргарита выбрала ее съ намѣреніемъ, чтобы жить поближе къ церкви: я миновалъ ее и черезъ минуту очутился межъ гробницъ.

Я былъ при погребеніи батюшки, и узналъ мѣсто, гдѣ его похоронили; матушка лежала тутъ же; надъ ними былъ простой камень съ начальными буквами ихъ именъ. Я цѣловалъ землю, подъ которой они покоились, и съ мрачнымъ наслажденіемъ думалъ о томъ времени, когда кости мои смѣшаются съ ихъ прахомъ. Я палъ на надгробный камень и молился духомъ, безъ словъ.

Исполнивъ этотъ долгъ, я всталъ покойнѣе и могъ обратить вниманіе на предметы, менѣе близкіе моему сердцу. Я остался на кладбищѣ, читалъ надписи и пересуждалъ ихъ съ тѣмъ легкомысліемъ, которое иногда рождается въ насъ изъ глубокой задумчивости. Я все читалъ о «нѣжныхъ родителяхъ», о «вѣрныхъ супругахъ», о «послушныхъ дѣтяхъ». Здѣсь одни хорошіе, думалъ я шутя: гдѣ жъ хоронять дурныхъ-то? Какія кладбища назначены для дурныхъ родителей, дурныхъ супруговъ, дурныхъ дѣтей? Вѣрно они спятъ въ неосвященномъ мѣстѣ, или это одна добрая

мечта, одно великодушное снисхожденіе живыхъ расписываетъ эпитафій даже и тѣмъ мертвымъ, которые плохо исполняли свою обязанность на этомъ свѣтѣ? Ихъ заблужденія, вмѣстѣ съ упреками, покоятся теперь въ гробу. Человѣкъ не ссорится съ мертвыми. Вотъ черта, за которую я люблю его природу.

До сихъ поръ я не замѣчалъ купы людей, собравшейся на другомъ концѣ кладбища; нѣсколько дѣтей окружало молодаго человѣка въ черномъ платьѣ, который сидѣлъ на одной изъ гробницъ. Казалось, онъ предлагалъ имъ вопросы, вѣроятно изъ нихъ урока; маленькій грязный мальчикъ, весь въ лохмотьяхъ, карабкался къ нему на колѣни цѣловать его. Дѣти ѣли вишни; косточки разбросаны были по землѣ и у всѣхъ почернѣли рты.

Когда я подходилъ ближе, мнѣ казалось, что я различаю въ чертахъ незнакомца выраженіе кроткой доброты, которое видалъ гдѣ-то прежде. Всмотриваюсь, — это Олень Клеръ на гробъ сестры своей! Я бросился къ нему на шею, закричалъ — Олень! Онъ взглянулъ на меня, узналъ; мы оба зарыдали; время, которое прошло съ нашей разлуки, будто исчезло. « Пойдемъ, говорилъ я ему, расскажи, какъ все было.»

Я увлекъ Олена отъ его маленькихъ друзей; онъ не хотя расстался съ кладбищемъ. Маргарита съ внучкою погребены были здѣсь кромѣ Илиноры. Я увелъ его въ трактиръ, взялъ комнату, гдѣ мы могли быть въ совершенномъ уединеніи, велѣлъ подать вина, самъ не зная что дѣлаю; я плясалъ отъ радости.

Олень былъ чрезвычайно растроганъ; онъ взялъ меня за руку и сказалъ: « Это меня за все вознаграждаетъ.»

Торжественный былъ этотъ день для меня: я нашелъ друга, котораго считалъ мертвымъ. Земля ка-

залась мнѣ за что-нибудь только потому, что онъ на ней; жизнь считалъ я благомъ только до тѣхъ поръ, пока она можетъ служить къ его утѣшенію

Я сталъ, на досугъ, разсматривать его внимательнѣй. Время и печаль оставили не много слѣдовъ того прекраснаго восторга, которымъ пылали нѣкогда его черты: глаза его утратили прежній огонь, но сохранили необыкновенную пріятность, и когда онъ взглядывалъ на меня, ихъ сладостная улыбка проникала прямо въ сердце.

— Олень, ты, кажется много страдалъ.

Онъ не отвѣчалъ, и я не спрашивалъ далѣе. Не воскресить было мертвыхъ!

За рюмкой вина говорили мы о старинѣ, припоминали старые стихи, пѣли старыя пѣсни, какъ — будто ничего не бывало. Долго мы просидѣли; я забылъ, что мнѣ надо въ городъ тѣмъ же вечеромъ. Олену было все равно, гдѣ ни быть. Я разшумѣлся, развеселился; прежній энтузіазмъ сталъ возвращаться къ Олену; мы смѣялись, плакали, смѣшивали наши слезы; мы говорили пустяки.

Олень легъ у меня въ комнату, но не спалъ; онъ дѣлалъ предначертанія, какъ намъ жить подъ одной кровлею, какъ заниматься чѣмъ-нибудь однимъ, — и благодарилъ Бога за то что мы встрѣтились.

Полуночью я долженъ былъ воротиться въ городъ, и Олень вызвался мнѣ сопутствовать. «Съ самой кончины сестры моей, сказалъ онъ мнѣ, я скиталецъ.» Покамѣстъ мы шли, онъ открылъ мнѣ всю душу, безъ утайки, и сообщилъ много подробностей о образѣ своей жизни въ послѣднія девять или десять лѣтъ, но я не почитаю себя въ правѣ ихъ обнаружить.

Однажды я нашелъ его слишкомъ задумчивымъ и хотѣлъ развеселить. «Не почитай меня несчастнымъ,

отвѣчалъ онъ, когда подстережешь въ такомъ расположеніи духа. Я наиболѣе счастливъ въ то время, когда по выраженію моего лица люди принимаютъ меня за самое злополучное созданіе въ мірѣ. Другъ мой, обстоятельства, которыя оставили за собой эту скорбь, не такъ недавни. Задумчивость, которая находитъ на меня съ ихъ воспоминаніемъ, ни сколько не вредна: она только смягчаетъ и успокоиваетъ мою душу, только отвлекаетъ меня отъ безпрестанныхъ человѣческихъ стремленій. Чѣмъ сильнѣе я это чувствую, тѣмъ болѣе возношусь къ созерцанію духовныхъ предметовъ. Люблю поддерживать и согрѣвать въ себѣ старую дружбу, потому что чаю возобновленія ея въ мірѣ духовъ. Я бродяга безъ связей на землѣ; я не нашелъ новыхъ друзей, которые могли бъ вознаградить меня за потерю старыхъ и чѣмъ больше узнаю я родъ человѣческой, тѣмъ болѣе становится для меня необходимымъ замѣнять мои утраты представленіями, воспоминаніями и обстоятельствами минувшихъ удовольствій. Чувствую, что окруженъ множествомъ достойныхъ людей, простодушныхъ, искреннихъ, снисходительныхъ, но до сихъ поръ они увертывались отъ моихъ исканій и всегда будутъ счастливить маленькій кругъ своей семьи и пріятелей, тогда какъ я долженъ оставаться для нихъ чужимъ. Устраненный отъ людей, я однако не переставалъ любить ихъ, и если бъ могъ найти своего жестокаго злодѣя, — орудіе Божія суда надо мною и всѣмъ, что было моимъ, я, мнѣ кажется, простилъ бы его и попытался бы любить наравнѣ съ другими. Я всегда былъ тихимъ страдальцемъ. Съ самаго начала моихъ бѣдствій мнѣ суждено было не видать въ нихъ руки человѣческой. Я видѣлъ, что надо мной простерта могущественная рука, незримая ни для кого другаго. Я отдалъ мое сердце Очистителю и мою волю верховной Волѣ вселенной. Неотразимыя колеса судьбы прокатились

въ своемъ вѣчномъ круговращеніи, и я предался ихъ влекущей силѣ безъ жалобы.»

Олень сказывалъ мнѣ, что, видя себя свободнымъ отъ всякой личной связи и однако жъ не утративъ чело­вѣческаго сочувствія, вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ какъ онъ вздумалъ проводить большую часть времени въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Онъ называлъ не до­бродѣтельно, а только «страннымъ удовольствіемъ», что посвятилъ себя уходу за тѣмъ разрядомъ людей, которые давно перестали ожидать привѣтливости и дружелюбія отъ своихъ собратьевъ и довольствовались противувольными услугами, которыя оказывали имъ безчувственные приставники этихъ благоцѣльныхъ заведеній.

Не лекарства, не похлебки и грубаго мяса, подава­емыхъ въ опредѣленный часъ со всеми жесткими обрядами тюрьмы, требуетъ умирающій отъ подобна­го ему созданія. Взглядъ, внимательность, утѣшеніе, однимъ словомъ сочувствіе, — вотъ что нужно стра­дальцу при грозномъ заключеніи его бѣдствій. Ласко­вый взоръ, улыбка, капля воды на запекшіяся уста, — вотъ за что чловѣкъ будетъ благословлять васъ умирая.

Эти пособія, которыя лучше всѣхъ микстуръ, лю­билъ оказывать и другъ мой Олень: стоять у посте­ли страдальца цѣмый день, когда въ бользни его бы­ло что-нибудь отвратительное, удалявшее самыхъ сидѣлокъ; встрѣчать улыбкою его томный взоръ, лишь только онъ отворитъ глаза послѣ краткаго усыпленія, задобривать деньгами сидѣлокъ и прислужниковъ, — это были для Олена такія преимущества, изъ-за ко­торыхъ онъ радовался жизни; особенные знаки и до­казательства благоволенія къ нему всещедрого Твор­ца.

Послѣ этого не мудрено, что Олленъ часто оказывалъ склонность и къ моимъ врачевнымъ занятіямъ. Онъ нередко посѣщалъ со мной больныхъ, и я начиналъ подозрѣвать, не хочетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ учиться Медицинѣ.

Онъ присутствовалъ со мной при одномъ смертномъ случаѣ — Страшно подумать! Меня позвали на помощь къ одному, раненному на поединкѣ и доведенному до крайней опасности дурнымъ первоначальнымъ леченіемъ. Необыкновенность имени, — Матрависъ, — заставила меня думать, что это быть-можетъ старинный врагъ Оллена. Въ этомъ опасеніи я дѣлалъ все, что могъ, чтобъ отговорить его отъ стти со мною, но онъ по-видимому твердо рѣшился на противное и даже утѣшалъ себя мыслию, что, быть-можетъ, въ состояніи будетъ оказать несчастному какую-нибудь услугу. Мы отправились.

Пришедъ на мѣсто, мы убѣдились, что это именно тотъ самый Матрависъ, который былъ причиною столькихъ бѣдствій; но мы нашли его въ такомъ положеніи, которое могло возбудить одну жалость даже и не въ столь мягкомъ сердцѣ какъ у Оллена. Страдалецъ былъ въ безпамятствѣ отъ сильной боли; мы замѣтили это при самомъ входѣ, потому что онъ бредилъ; дикія, безсвязныя его рѣчи имѣли, кажется, повреженамъ нѣкоторое отношеніе къ прошлымъ событіямъ.

Онъ рассказывалъ намъ сонъ. «Я заблудился въ пребольшой роощъ, конца не видно; было холодно, холодно, холодно и темно, очень темно; слѣпая старуха на помочахъ искала ошупью проводника ...» И тутъ онъ испугалъ меня своей веселостью, — запѣлъ пѣсню о старухѣ въ дикомъ платьѣ, и объявлялъ, что не вѣрять въ чорта. Потомъ онъ просилъ «не сказыв-

вать Олень Клеру.» Олень Клеръ рыдалъ надъ нимъ въ это самое время. Я не могъ удержаться, чтобъ не закричать: «Вотъ Олень Клеръ, онъ пришелъ навѣстить васъ!» Несчастный, кажется, не слышалъ меня: онъ повернулъ голову и началъ бредить о костникахъ, о мертвыхъ и о томъ, знаютъ ли они что дѣлается въ гробу.

Матрависъ умеръ въ ту же ночь.

=

Essays of Elia by Mr. Lamb, 1835.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЧИНОВНИКИ.

СОЧИНЕНІЕ, Г. МОННІЕ. *

=

ЯВЛЕНІЕ I.

Девятый часть.

Евгеній, невинный сверхъ-штатный писецъ лѣтъ семнадцати, сидитъ въ канцеляріи за бумагами и пишетъ. Г. Риффе, входятъ.

Риффе. Какъ! Вы и нынче первые? Вы вѣрно здѣсь ночуете?

Евгеній. Нѣтъ-съ, я только сейчасъ пришелъ.

Риффе. Если бѣ меня не задержали на дорогѣ, не быть бы вамъ здѣсь прежде меня. Я всегда прихожу первый къ должности, будьте увѣрены. (Евгеній улыбается). Ипришедши, сейчасъ принимаюсь за работу, не такъ, какъ, напримѣръ другіе.....Сегодня опоздалъ! Дѣлать нечего!.....На углу улицы Дофенъ встрѣтился я съ Г. Кошеномъ: то да сѣ, пятое да десятое, — вдругъ слышу на Монетномъ Дворѣ бѣть восемь. Я бѣжать отъ него изо всей мочи; не то, и теперь еще стоялъ бы на Понъ-Нёфъ. Вы не знаете Г. Кошена? (Риффе снимаетъ свои деревянные галоши, охватываетъ щеткою шляпу, и вмѣсто сертука, въ которомъ пришелъ, надѣваетъ другой, старый, затасканный.) Я спрашивалъ васъ, знавали ли вы Г. Кошена?

Евгеній. Нѣтъ-съ, я его не знаю.

(Риффе, обмахнувъ свою кювтерку перьями метелкою, вынимаетъ изъ кармана скнутаго сертука булку, беретъ стулъ и располагается передъ желѣзной печкой.)

Г. Риффе. Онъ такой длинный, сухощавый; доволь-

* Scènes populaires, dessinées à la plume par Henry Monnier. Paris 1835. Deuxième volume.

но пріятная осанка; почеркъ у него не то чтобъ отличный, но, знаете, одинъ изъ этихъ почерковъ, — мелко, чистенько, четко и ровно какъ бисеръ. Онъ сидѣлъ вонъ тамъ, гдѣ теперь Г. Кардуэвъ, у каминна. Я служилъ съ нимъ въ Казначействѣ. Мы прикомандированы отсюда всѣ трое вмѣстѣ, Г. Годаръ, Г. Кошень и я.

Евгеній. Сколько онъ получалъ жалованья?

Риффе. Кто? Г. Годаръ?

Евгеній. Г. Кошень?

Риффе. Г. Годаръ былъ старшимъ бухгалтеромъ; онъ получалъ три тысячи, а умеръ на двухъ тысячахъ семи стахъ. Г. Кошень былъ счетчикомъ; цѣлыя пять лѣтъ получалъ онъ двѣ тысячи пять сотъ, но, съ возвращеніемъ Бурбоновъ, посадили его на двѣ тысячи: впрочемъ объ немъ жалѣть нечего, онъ нажилъ копѣйку, да и дочь славно выдалъ за мужъ, за Г. Левассѣра. Вѣдь его дочка Г-жа Левассѣръ!

Евгеній. Двѣ тысячи франковъ не бездѣлица.

Риффе. Конечно; не у всякаго есть и это. Мнѣ тоже убавили жалованья при возвращеніи Бурбоновъ, да! Я самъ получалъ двѣ тысячи пять сотъ, а теперь получаю двѣ, и награжденія, ни полушки. Нечего сказать, нашъ братъ, чиновникъ, не на розанахъ!

(Сторожъ приноситъ газетъ. Г. Риффе беретъ ихъ, поджидываетъ полънице въ печку и принимается читать.)

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Дерошъ.

Дерошъ. Здравствуйте, господа. Ухъ, какая здѣсь жара, какая духота! Настоящая баня.

(Ставитъ свою шляпу въ картовъ, вынувъ изъ него другую, которая обыкновенно служитъ признакомъ его присутствія, когда онъ куда-нибудь уходитъ изъ канцеляріи.)

Евгеній. (продолжая писать). А на дворѣ холодно?

Дерошъ. Свѣжо. У меня замерзли руки. (Грѣется у отдушника.)

Рифф. Видите, какъ вы сами себя противорѣчите : сказали, что здѣсь духота какъ въ банѣ, а бросаетесь къ печкѣ.

Дерошъ. Вотъ еще! Я пришелъ съ надворья. У меня озябли только руки да уши. Уши совсѣмъ окочепѣли, а ногамъ не холодно; напротивъ, ноги такъ и горять. Что новаго?

Рифф. Газеты только-что принесли; я еще ничего не вычиталъ.

Дерошъ. А вы, Евгенийъ, окончили извѣстительныя письма о благополучномъ разрѣшеніи нашей столоначальницы, Г-жи Клержо?

Евгений. Я просидѣлъ вчера до половины двѣнадцатаго.

Дерошъ. Стало быть, нечего жалѣть, что я не вызвался заняться этими письмами.

Евгений. Я написалъ ихъ около двухъ сотъ, а потомъ принялся за адреса. Когда я отъ него вышелъ, всѣ лавки были заперты; матушка дома не знала, что подумать.

Дерошъ. Вы ее не предупредили?

Евгений. Какъ же-съ, и она была очень рада, что я иду на вечеръ къ начальнику.

Дерошъ. Такъ вы тамъ не обѣдали.

Евгений. Нѣтъ, не обѣдалъ. Меня звали на вечеръ, и я еще дождался пока встали изъ-за стола.

Дерошъ. Вотъ прекрасно! По крайней-мѣрѣ удостоились ли вы чести видѣть Г-на и Г-жу Клержо?

Евгений. Г-на Клержо я видѣлъ; онъ самъ посадилъ меня въ столовую. Но такъ какъ супруга его нездорова, то обѣдаютъ въ снальнѣ, а столовая нетоплена, и въ ней смертельный холодъ.

Дерошъ. Неужли въ каминѣ не было огня?

Евгений. Нѣтъ не было.

Дерошъ. Вотъ очень мило! Какая разница съ прежнимъ столоначальникомъ, господиномъ Васлè! Какъ

онъ обходился съ канцелярскими! Вотъ былъ чловкъ, какихъ мало! Бывало, когда есть работа у Г-на Васлѣ, онъ тотчасъ зоветъ васъ обѣдать, а, уходя вечеромъ со двора, зимою оставляетъ васъ передъ добрымъ огонькомъ, а лѣтомъ велитъ дать полпива и аладьевъ. Но теперь дѣло идетъ гораздо лучше, теперь бьютъ прямо на чистый барышъ.

(Г. Риффе, постепеннымъ надуваніемъ нижней губы изъявляетъ неудовольствіе, возбужденное въ немъ словами Дероша.)

Евгеній. Г. Клержо такой добрый.

Дерошъ. Признаться! Вы ужъ здѣсь два года, и много онъ для васъ сдѣлалъ? Будъ мнѣ семнадцать лѣтъ, я ни за что не сталъ бы корпеть по-вашему въ канцелляріи. Я, съ своимъ прямодушіемъ, ничего не добьюсь на свѣтъ. Что жъ дѣлать, не обожаю несправедливостей; не лакей, не низкопоклонникъ.

Риффе. Ну, Дерошъ, вы ужъ опять затянули старую пѣсню

Дерошъ. (съ возрастающимъ жаромъ). Терпеть не могу несправедливостей; вѣчно буду говорить правду и никогда не дамъ вертѣть собой какому-нибудь Клерждо; я вездѣ хочу либерализма.

Риффе. Советую. Помните какъ либерализмъ таскалъ васъ тысячами на эшафотъ?

Дерошъ (выпивъ стаканъ воды). Съ вами нечего говорить, Г. Риффе; вы не Французъ.

(Г. Риффе принимается опять за газеты. Дерошъ выпиваетъ другой стаканъ воды.)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Г. Кардужъ.

Кардужъ. Здоровы ли вы, господа; узналъ какъ зовутъ этого убійцу въ улицѣ Сень-Маркъ. Позвольте, какъ бишь? Вертится на языкъ.....Боже мой, я только и знаю это имя. Ахъ, да, Куртенъ или Декосѣ, что-то вотъ въ этомъ родѣ. Онъ портной; говорить, недурень собою.

РиФФЕ. (передавая газеты Дерошу). Въ газетахъ нѣтъ объ этомъ ни слова.

Кардуэнъ. Все еще выписываютъ эту дрянную газету? (Надъвываетъ нарукавники.) Право, хуже ея нѣтъ; никогда ничего интереснаго, и всегда послѣдняя сообщаетъ новости. Помнѣ, лучше бы подписываться на Объявленія.

РиФФЕ. Это ужъ слишкомъ.

Кардуэнъ. Какъ слишкомъ? Помните вы исторію съ дѣвицей Морель? Наша газета почти не сказала объ этомъ ни слова; да и всегда такъ бываетъ.... Мнѣ очень хочется подкинуть полѣнце въ печку, чтобъ огонь немножко разгорѣлся.

Дерошъ. (отрываясь отъ чтенія). Неужли вамъ еще мало жару?

Кардуэнъ. Мнѣ совсѣмъ не тепло.

Дерошъ. Кладите свое полѣнце, Г. Кардуэнъ; но предупреждаю васъ, что я съ своей стороны отворю окно.

(Въ передней слышна перхота Г-на Клержо.)

Кардуэнъ. Господа, извѣщаю васъ о прибытіи Г-на Клержо.

(Онъ садится на мѣсто; РиФфе стоитъ у своего столика и чиститъ щеткой стиблеты и панталоны; Евгенийъ попрежнему пишетъ. Всѣ лѣшки отодвигаются по случаю столоначальническаго прибытія Дерошъ перестаетъ читать и ставитъ свою шляпу на конторку отсутствующаго сосѣда. Всѣ чиновники по мѣстамъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Г. Клержо.

Г. Клержо. Здравствуйте, господа. А Г. Франше, видно нездоровъ?

Дерошъ. Онъ былъ здѣсь сію минуту.

Г. Клержо. И Г. Гризаръ тоже былъ здѣсь, Г. Дерошъ?

Дерошъ. Не знаю-сь.

Г. Клержо. Вы смотрѣли такимъ всевъдушимъ, Г. Дерошъ, что я надвѣлся узнать отъ васъ что-нибудь и объ Г. Гризарѣ. Здоровы ли вы, Евгенийъ?

Евгеній (*въ смущеніи*). Покорнѣйше васъ благодарю; слава Богу.

Г. Клержо. Гдѣ вы нынче вечеромъ?

Евгеній (*въ большомъ замѣшательствѣ*). Я-съ.....

Г. Клержо. Очень хорошо. Такъ пожалуйста приходите къ намъ; мы васъ ожидаемъ.

Евгеній. Я.....

Г. Клержо. А! Г. РиFFE, вы все такой же здоровякъ; проживете лѣтъ со сто.

РиFFE. Благодарю покорно. Не смѣю надвѣяться, Г. Клержо.

Г. Клержо. Можно ли попросить васъ возобновить мою подписку на Музыкальную Газету? Вы обяжете этимъ жену: это для нея. Вамъ вѣдь по дорогѣ?

РиFFE. Нѣтъ-съ; да, помилуйте, для меня все равно.....

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Г. Франшѣ.

Франшѣ. Здравствуйте, господа! Кто не видалъ новой пьесы у Франкони, тотъ не видалъ ничего.

Г. Клержо. Я еще не видалъ ея, но какъ скоро выздоровѣетъ жена, мы непременно поѣдемъ.

Франшѣ. Ахъ! Г. Клержо!.....если я немножко запоздалъ.....то.....

Г. Клержо. И полноте, вы совсѣмъ не запоздали: Г. Дерошъ говоритъ, что вы были здѣсь сію минуту, и я самъ такъ думалъ, судя по шляпѣ, которая бережетъ ваше мѣсто. Вы вѣрно не такъ давно женаты?

Франшѣ. Только два года.

Г. Клержо. Я и не зналъ. Поздравляю. Прощайте, господа. Очень жалѣю, что не нашелъ здѣсь Г-на Гризара; прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тъ же, кромѣ стеноначальника.

Дерошъ. Мочи нѣтъ! Славно ты меня озадачилъ съ своимъ Франкони. Неужли тебѣ не сказали, что онъ здѣсь?

Франшв. Нѣтъ. Это какъ нарочно! Мнѣ особенное несчастье: только я приду не во время, и онъ здѣсь!

(Кардуэнъ украдкой—бросаетъ въ огонь полвно; Рише чинитъ перья; Дерошъ читаетъ газету; Франше занимается чисткой шляпы; Евгений все за бумагами.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тъ же и Г. Гризаръ.

Гризаръ. Доброга здоровья, господа. Рекомендую вамъ булки въ улицѣ дю-Май: посмотрите, не бѣль ли это снѣгу?

Кардуэнъ. Если бѣ вы пришли двумя минутами ранѣе, могли бы дать имъ полюбоваться одному зна-току.

Гризаръ. Кому же?

Кардуэнъ. Г-ну Клержо.

Гризаръ. Онъ ужъ здѣсь?

Кардуэнъ. Былъ и ушелъ.

Гризаръ. Вѣдь точно на смѣхъ! Въ кои-то вѣки случится притти попозже.....

Кардуэнъ. Впрочемъ онъ поручилъ намъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Дерошъ. Да; онъ былъ нынче въ духъ, хоть-куда; хоть-бы прямо подѣ стеклышко. Г. Кардуэнъ, вотъ вамъ газета. Вы все увиваетесь около печки; вамъ хочется сунуть еще полънице, я это вижу.

Кардуэнъ. Я дѣлаю, что хочу.

Дерошъ. Да быть-можетъ другіе не хотятъ того, что вамъ угодно.

Кардуэнъ. Что съ вами говорить! конца не будетъ.

(Онъ садится съ газетой въ рукахъ на свое мѣсто.)

Дерошъ (*Приближаясь къ конторкѣ Гризара.*) А Гризаръ! вы и не сказали намъ, что приобрѣли по купкой рыженькіе панталонцы.

Гризаръ. Чортъ возьми! я совсѣмъ забылъ.

Дерошъ. Въ первый разъ надѣли?

Гризаръ. Нѣтъ, я ужъ надѣвалъ ихъ въ прошлое воскресенье; я въ нихъ обѣдалъ у Г. Пильяра, изъ секретарской.

Франше. Поздравляю съ обновкою! Вы выбрали очень яркій цвѣтъ.

Гризаръ. Это такъ, для будней.

Франше. Тѣмъ хуже: онъ слишкомъ марокъ.

Кардуэнъ. (*Прерывая чтеніе.*) Нутка, посмотримъ, что за знаменитые панталоны! (*Встаетъ со стула.*) Рыженькіе, — это свѣтлая идея. А что цѣна?

(*Всѣ, кромѣ Евгенія, собираются около панталонъ Гризара, щупаютъ, пагнбаются, глядятъ.*)

Гризаръ. Мнѣ пошло онъ съ четвертью по двадцати по два франка, да шесть франковъ за работу.

Кардуэнъ. Ну, это не находка! Вотъ я ношу панталоны года два, почти не снимая, и сукно гораздо плотнѣе вашего, — теперь ужъ конечно повытерлось, — а я купилъ ихъ совсѣмъ готовые за двадцать одинъ франкъ.

Дерошъ. Вамъ все достается даромъ: право, не знаю, какъ вы это дѣлаете.

Франше. Да; Г. Кардуэнъ счастливъ на покупку.

Кардуэнъ. Когда хотите, я сведу васъ въ ту лавку, гдѣ беру платье.

Гризаръ. Для будничныхъ панталонъ, это, конечно, не дорого.

Кардуэнъ. Ваши рыженькія должны бы обойтись вамъ отъ девятнадцати до двадцати франковъ, не болѣе. Я на своемъ вѣку много покупалъ суконъ и знаю цѣны.

Дерошъ. Вы еще открыли гдѣ-то и отличныя шляпы по семи франковъ?

Кардуэнъ. (Сухо.) Да-съ, хоть бы и по семи.

Дерошъ. И, полноте!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же и Г. Дутрмеръ, помощникъ столоначальника.

Г. Дутрмеръ. Здравствуйте, господа.

(Онъ, вошедъ съ большимъ шумомъ, скидаетъ свой сертукъ; чешетъ волосы и бакенбарты; снимаетъ башмаки и надѣваетъ другіе, отворяетъ конторку, беретъ связку бумагъ и раздастъ дѣло канцелярскимъ чиновникамъ.)

Риффъ. Какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ, Г. Дутрмеръ?

Г. Дутрмеръ. Хорошо, слава Богу. Г. Евгений; а роспись жалованью, когда вы ее начнете? Нынче, что ли?

Евгеній. Я не зналъ, что она такъ скоро понадобится.

Г. Дутрмеръ. Такъ скоро! Развѣ вы думаете, что за этотъ мѣсяцъ намъ не выдадутъ жалованья.

Дерошъ. Для него все равно, потому что онъ не получаетъ ни гроша.

Г. Дутрмеръ. (Евгенію.) Скажите, что жъ вы дѣлали цѣлое утро?

Евгеній. Я изготовилъ двѣнадцать циркуляровъ.

Дутрмеръ. Ну, то ли теперь время? Вы никогда не поймете, что вамъ скажешь: не говорилъ ли я вчера, при выходѣ изъ присутствія, чтобъ вы занялись расписаніемъ жалованья?

Евгеній. Я сейчасъ начну.

Г. Дутрмеръ. Сію жъ минуту; да прошу не сидѣть два часа въ нерѣшимости: прикажете подать вамъ штатъ?

Евгеній. Я сейчасъ пойду.

(Встаетъ съ мѣста въ первый разъ.)

Г. Дутрмеръ. Не постигаю, что это за мальчикъ! Такой увалень.....въ эти лѣта! Я бы двадцать разъ обошелъ комнату, пока онъ подымается со стула.

(Идетъ къ Г. Дерошу съ бумагами.)

Дерошъ. Что это такое.

Г. Дутрмеръ. Патенты на пенсіи; ихъ нужно завтра къ подписанію.

Дерошъ. Очень хорошо; но то, что я теперь делаю, тоже завтра къ подписанію. Развѣ мнѣ прійти сюда вечеромъ?

Г. Дутрмеръ. Надо будетъ прійти, когданасъ такъ заваливаютъ дѣломъ.

Дерошъ. Много доволенъ.

Г. Дутрмеръ. Г. Кардуэнъ, не угодно ли вамъ написать это письмо? Газету вы прочтете послѣ, а вамъ ее возвращу.

Кардуэнъ. Слушаю-сь. (*Въ сторону.*) Скотина!

(Г. Дутрмеръ беретъ газету и садится читать.)

Одиннадцать часовъ.

(Чинка перьевъ, завтраканье чиновниковъ, посѣщенія печкы, точенье ножииковъ.)

Риффъ (*У печки.*) Нынче утромъ встрѣтился я съ Г. Кошеномъ въ улицѣ Дозенъ; онъ просилъ меня засвидѣтельствовать вамъ всѣмъ свое почтеніе.

Кардуэнъ (*Пишущи.*) Онъ совсѣмъ пересталъ ходить къ намъ.

Риффъ. Онъ живетъ далеко.

Кардуэнъ. Гдѣ же это?

Риффъ. Онъ живетъ съ дѣтьми.

Кардуэнъ. А гдѣ живутъ его дѣти?

Риффъ. Тамъ.....вотъ.....чортъ возьми! въ.....

Кардуэнъ. Гдѣ тамъ? Въ Константинополь?

Риффъ (*съ досадою.*) Нѣтъ, совсѣмъ не въ Константинополь, а въ Вожираръ.

Гризаръ. У его барышни, говорятъ, много дѣтокъ?

Г. Дутрмеръ (*Перерывая чтеніе.*) У его барышни? Такъ она еще не замужемъ.

Гризаръ. Какъ же; но я говорю у барышни, потому что она его дочь.

Г. Дутрмеръ. Надобно сказать дочь или назвать ее по мужъ. Я знаю, что вы не имѣли намеренія обидѣть Г-на Кошена; но, представьте, если бъ я сидѣлъ подлѣ васъ гдѣ-нибудь въ кондитерской и, не зная Г-на Кошена, услышалъ бы, что у его барышни много дѣтей, могъ ли бы я не возмимѣть дурнаго мнѣнія во-первыхъ, о самомъ Г-нѣ Кошенѣ, потомъ одѣвицъ Кошенѣ, и наконецъ о всей породѣ Кошеновъ?

Дерошъ. Если бъ я услышалъ что-нибудь объ незнакомомъ человѣкѣ, я не обратилъ бы на это ни какаго вниманія.

Г. Дутрмеръ. Вы, Г. Дерошъ, настоящій мудрецъ и философъ.

(*Чиновники принимаются наконецъ за работу; Г. Дутрмеръ уходитъ въ комнаты съ газетою.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Полдень.

Кардуэнъ. (*Вскакивая съ мѣста и бросаая къ конторкѣ Г. Дутрмера.*) Унесъ газету: вотъ прекрасно!

Дерошъ. Да; онъ пошелъ съ докладцемъ къ начальнику отдѣленія и разсудилъ за благо отнестъ ему журналъ. Что ему за дѣло, что мы не читали? Намъ и не слѣдуетъ; мы только подписчики: и чтобъ я еще подписался на будущій годъ! Вотъ ужъ ни за что на свѣтѣ: это было бы изъ рукъ вонъ глупо.

Франще. Да, полно, братецъ! Фу, какой ты скучной съ своимъ рыцарствомъ.....

Дерошъ. Нѣтъ, но дѣло въ томъ, что несправедливость для меня несносна: я не рожденъ быть въ канцеляріи.

Кардуэнъ (*насмѣшливо.*) Вамъ бы ѣхать куда-нибудь посломъ: вы такъ любите путешествія.

Дерошъ. Да я пожалуй бы попутешествовалъ, но только съ вами, Г. Кардуэнъ. Вы бы сообщали мнѣ ваши впечатлѣнія. Помните, какое наслажденіе вы доставили намъ всѣмъ рассказами о прошлогоднихъ вашихъ странствіяхъ, когда вы воротились съ уборки винограда? Какъ не предать печати этихъ чудесныхъ воспоминаній!

Кардуэнъ. Вы настоящій мужикъ.

Дерошъ. Вотъ это ужъ пахнетъ прозою.

Кардуэнъ. Отстаньте.

Гризаръ. Я ѣлъ вчера шенкованную капусту, Г. Риффе. Чудо что за капуста!

Дерошъ. Я терпѣть не могу шенкованной капусты!

Риффе. Какъ она была приготовлена?

Гризаръ. Это у Г. Пильяра, изъ секретарской. Жена не накормитъ меня такою ни за полцарства. Во-первыхъ, у нея не добьешься того, чего она сама не любить. А капуста приготовлена была какъ обыкновенно, съ сосисками. Вѣдь Г-жа Пильяръ изъ того края, изъ Страсбурга, тамъ около, изъ Альзаци.

Г. Риффе. Я ея не знаю.

Гризаръ. Высокая блондинка, славная женщина какъ въ Нѣмки; у ней есть что-то Маріи-Антуанеттино; только она моложе.

Г. Риффе. А! у ней такая же осанка?

Гризаръ. Да; королевская.

Дерошъ. Вотъ катать наши дѣловые.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Г. Дутрмеръ съ Гг. де-Пошолемъ и де-Фаврисомъ, которые числятся на службѣ, и явились только за жалованьемъ.

Г. Дутрмеръ (*господамъ де-Пошолу и де-Фаврису.*) Господа, роспись еще не кончена; Г-ну Евгению не

угодно было ее сдѣлать..... Не прикажете ли прислать къ вамъ съ книгой на домъ?

Г. де-Пошоль. Не худо: я эти дни можетъ-быть очень буду занятъ.

Г. Дутрмеръ. Я пришлю къ вамъ со сторожемъ. А вы, Г. де-Фаврисъ?

Г. де-Фаврисъ. Я какъ-нибудь заведу самъ.

Г. Дутрмеръ. Какъ угодно-съ.

Г. де-Пошоль (*де-Фаврису.*) Вы не отпустили своего кабриолета?

Г. де-Фаврисъ. Не хотите ли, я васъ подвезу?

Г. де-Пошоль. Пожалуйста.

(Они уходятъ; Дутрмеръ кланяется имъ вслѣдъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Дерошъ. Вотъ, не даромъ берутъ жалованье.

Г. Дутрмеръ. Вольно же вамъ было не родиться въ графской коронѣ! Вы быми бы счастливы, какъ эти господа, и еще счастливѣй.

(Онъ располагаетъ чистить ногти.)

Франше. Корона короной, а я думаю хорошии шесть тысячъ франковъ доходу: какъ ты думаешь, Дерошъ?

Дерошъ. Шесть тысячъ! даже и поменьше — не худое дѣло.

Гризаръ. Да; если бъ мой тестъ не вздумалъ жениться на другой, у жены было бы больше этого.

Кардуэнъ. Вы ничего не слышали о смертоубійствѣ въ улицѣ Сень-Маркъ, Г. Гризаръ?

Дутрмеръ (*Чистя ногти.*) А есть какія-нибудь извѣстія?

Гризаръ. (*Набивъ ротъ булкой.*) Я ничего не знаю.

Кардуэнъ. Мнѣ сказывали, что убійца — портной.

Риффе. Это такой амбиціонный народъ, что нѣтъ ничего мудренаго. Мало обкрадываютъ они заказчиковъ!

(Кардуэнъ встаетъ и идетъ къ печи.)

Дворошъ. Г. Кардуэнъ, если вы подойдете къ печкѣ: я отворю окно.

Кардуэнъ. Разъ навсегда прошу васъ, отвяжитесь.

Риффъ. Много васъ вчера объѣдало, Г. Гризаръ?

Гризаръ. Нѣтъ, обѣдъ самый простенькій, дамъ супруги моей тамъ не было.

Г. Дутриверъ (*Оканчивая свои ногти.*) То есть «моей жены», потому что одни сапожники употребляютъ слово «супруга», говоря о своихъ женахъ.

Гризаръ. Скоро сорокъ восемь лѣтъ какъ я жив на свѣтѣ; никогда не говорилъ иначе, и мнѣ отъ этого не было хуже.

Г. Дутриверъ (*шаря во рту зубочисткою.*) Вы рано стали говорить.

Г. Гризаръ (*возвращаясь къ прерванному разговору.*) Тутъ былъ братъ Г-жи Пильяръ, Альзацкій уроженецъ маленькая дѣвушка и одинъ изъ ихъ двоюродныхъ съ крестомъ, — молодой человекъ, — поетъ какъ ангелъ.

Г. Дутриверъ (*Съ зубочисткою во рту.*) Такъ еще видится пѣть за обѣдомъ?

Гризаръ. Гдѣ я бываю, тамъ всегда поютъ; у меня дома тоже.

Г. Дутриверъ (*обтирая зубочистку.*) Г. Евгений не надѣлали ли вы опять какихъ-нибудь глупостей? Покажите мнѣ вашу работу.

Евгеній. Извольте-съ.

Г. Дутриверъ (*Дѣйствуя ухверткою.*) Я запретилъ вамъ писать эти мерзкія прописныя буквы. На что это похоже? Это ужасъ.

(Дворошъ встаетъ изъ-за своей конторки и идетъ навѣстить друга въ комнату безъ шляпы.)

Г. Дутриверъ (*Съ ухверткою въ рукѣ.*) Если хотите все дѣлать по своему, лучше оставайтесь дома Шу, посмотрите, что это за отмахи! Вѣдь я говорилъ

вамъ, купите себѣ прописи Брада, Сентъ-Омера, Пети, Бургуэна: вы этого не сдѣляли.

Евгеній. Маменька не.....

Г. Дутрмеръ. Маменька не хотѣла! О, у васъ за отговорками дѣла не станеть, лишь бы не исполнить того, что вамъ велятъ. (*Уходитъ.*)

(Евгеній печально садится на свое мѣсто.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Г. Декуэнъ.

Гризаръ. А! вотъ и Г. Декуэнъ. Какова Г-жа Декуэнъ, дочка, все семейство? Пожалуйте сюда; здѣсь есть стулъ.

Декуэнъ. Благодарю васъ; всѣ слава Богу: а ваши?

Гризаръ. Помаленьку; что имъ дѣлается.

Декуэнъ. Вы насъ совсѣмъ забыли.

(Разговоръ, по мѣрѣ его занимательности, становится менѣ слышимъ; собесѣдники говорятъ очень тихо, чтобъ не посвятить всего стола въ семейныя тайны.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Дрошъ.

Дрошъ. Господа, знаете вы новость? Говорять, Г. Пакоре поступаетъ на мѣсто Г. Бирага въ счетномъ отдѣленіи, а Г-ну Бирагу дана гдѣ-то подпрефектура.

Франше. Это будетъ не слишкомъ понутру Г-ну Даливуа.

Дрошъ. Да; Г-ну Даливуа великая нужда въ мѣстѣ.

Франше. Видно, что такъ, когда онъ уцѣпился за него такъ крѣпко.

Дрошъ. Это еще не доказательство.

Риффе. Господа, огонь-то совсѣмъ гаснетъ.

Дрошъ. Г. Кардуэнъ, и вы не откликнетесь?

Кардуэнъ. Кажется, вамъ можно бы позвонить сторожу; колокольчикъ у васъ за стуломъ.

Дврошъ. Пожалуй; но я думалъ оказать вамъ большую услугу. (*Звонитъ*).

Сторожъ. Что прикажете?

Риффъ. Поглядывай, братецъ, въ печку.

(Сторожъ подкидываетъ дровъ.)

Франшъ. Сходи, братецъ, къ Г-ну Небелю, спроси у него бумаги изъ этого дѣла.

(Онъ отдастъ его сторожу, и тотъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Тъ же и Т. Дутрмеръ.

Г. Дутрмеръ. Я сейчасъ былъ у начальника отдѣленія и видѣлъ его кузину: премиленькая! Вотъ она выходитъ со двора. (*Идетъ къ окну.*) Мы можемъ полюбоваться на нее отсюда.

(Чинювники, за исключеніемъ Г-на Гризара, который занятъ съ гостемъ, и Евгенія, который сидитъ за бумагами, бросаются все къ окну.)

Риффъ. Ничего не видалъ; я такъ близорукъ, что ужасъ.

Кардуэнъ. У ней очень хорошая наружность.

Франшъ. Она ростомъ съ Г-жу Клержд.

Г. Дутрмеръ. Гораздо выше и тоньше.

Дврошъ. Я не нахожу въ ней ничего удивительнаго; она, просто, не умѣетъ ходить.

Г. Дутрмеръ. Вы не знатокъ по этой части.

Дврошъ. Нѣтъ; но такъ какъ она кузина начальника отдѣленія, то это, разумеется, божество. Подите вы; смѣхъ да и только. Терпѣть не могу несправедливостей.

Г. Дутрмеръ. Довольно; нечего и говорить. Какъ скоро она вамъ не нравится, зачѣмъ входить въ дальнѣйшія подробности? Евгений, пойдемте свѣрять копіи.

Дврошъ. Мнѣ кажется, я не хуже другаго знаю толкъ въ женщинахъ.

Дутрмеръ. Г. Гризаръ, мы станемъ свѣрять: не хотите ли вы прервать вашу бесѣду?

Г. Двкувнъ. Я пришелъ къ вамъ не въ пору, Г. Гризаръ; прощайте, не забудьте поклониться отъ меня супругъ. *(Встаетъ съ мѣста.)*

Гризаръ. Я провожу васъ. *(Уходитъ съ своимъ по-
стытителемъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, кромѣ Гризара и Девкуэна.

Дерошъ. Это ужасъ, что вы сдѣлали съ Гризаромъ, Г. Дутрмеръ! Къ нему пришелъ гость, и вы заставили его уйтти. Я думаю, вы не осрамили бы такъ другаго.

Г. Дутрмеръ. Слава Богу, доживъ до такихъ лѣтъ, я долженъ знать, что дѣлаю.

Дерошъ. Однако жъ, не смотря на ваши лѣта, не худо бы иной разъ поучиться приличіямъ.

Г. Дутрмеръ. Никто больше васъ не имѣетъ нужды въ этихъ урокахъ, которые вы такъ щедро предлагаете другимъ.

Риффъ. Дерошъ, вы ужъ опять начали ссору?

Дерошъ. Никогда не потерплю такихъ несправедливостей, пока у меня останется капля крови въ жилахъ. Сказать это, — кому? — Г-ну Гризару, лучшему изъ людей, самому добродѣтельному челоуѣку въ цѣломъ Парижѣ!

Г. Дутрмеръ. Вотъ странно, что мнѣ нельзя позволить себѣ ни малѣйшаго замѣчанія. Эти господа шумѣли такъ, что ничего не слышно.....

Дерошъ. У васъ очень нѣжный слухъ, Г. Дутрмеръ, а я такъ чуть слышалъ ихъ съ своего мѣста, хотя сидѣлъ къ нимъ гораздо ближе вашего. Совсѣмъ не то: вы до-смерти любите играть въ столоначальники; это вашъ конекъ; вы еще на прошлой недѣлѣ получили записку съ адрессомъ «Г-ну столоначаль-

нику Дутрмеру». Все это амбиция, не что другое.

Г. Дутрмеръ (*Евгению*). Начнемъ-те: если отвѣчать Г-ну Дерошу, такъ не кончить до-завтра.

Дерошъ. А если бъ вы захотѣли оправдать свой поступокъ, вамъ понадобилось бы еще больше времени.

Г. Дутрмеръ (*Постепенно приходя въ бѣшенство*). Прошу не отрывать меня отъ дѣла.

Дерошъ. Не меня заставить вамъ молчать.

Г. Дутрмеръ (*Вращая глазами*). Г. Дерошъ!

Дерошъ. Вотъ прекрасный случай донести Г-ну Сень-Мору, что я не нахожу кузины его прелестною.

Г. Дутрмеръ (*Помертвѣвъ*). Я скорѣе уступлю вамъ свое мѣсто, сударь.

(Задвигаетъ ящикъ изо всей силы.)

Дерошъ. Не забудьте захватить съ собой оттуда пукъ розогъ.

(Г. Дутрмеръ выходитъ, Евгенийъ остается неподвижно на своемъ мѣстѣ въ ожиданіи его возврата.)

• ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же кромѣ Дутрмера.

Франше (*Дерошу*). Ты съ ума сошелъ: къ чему тебѣ мѣшаться въ чужое дѣло?

Риффе. Правда, правда.

Дерошъ. Я васъ, ей Богу, не понимаю: зарѣжь передъ вами человѣка, и вы ни съ мѣста, какъ вкопанные. Малѣйшая несправедливость выводитъ меня изъ терпѣнія.

Риффе. Вотъ ужъ скоро тридцать три года, — 9 февраля будетъ ровно тридцать три года, — какъ я служу по канцелярской части, и при мнѣ никого еще не рѣзали.

Кардуэнъ. Это фигура.

(Онъ пользуется возрастающимъ негодованіемъ Дероша, чтобъ сунуть въ печку крошечное полѣнце.)

Франше. (*Дерошу*). Ты вѣчно будешь ребенкомъ.

Риффе. Однако жъ вы общали мнѣ, Дерошъ, быть впередъ разсудительнѣй.

Дерошъ. Что жъ дѣлать, если это сильнѣй меня? Вѣдь самъ себя не переломишь.

Риффе. Если бъ вы знали, какъ вы себя этимъ вредите.

Кардуэнъ. Да полноте, Г. Риффе, развѣ вы не слышали, — Г. Дерошъ говоритъ, что это сверхъ его силы; удерживать его все равно, что плыть противъ теченія.

Риффе. Г. Кардуэнъ, я считаю себя въ правѣ давать совѣты Г-ну Дерошу. Я доказалъ вамъ, (*съ чувствомъ*), помните, когда вы обрѣзали поля у моей старой шляпы!.....что я умѣю переносить неприятности.

Кардуэнъ. Я право не знаю, что вы все объ этомъ толкуете, когда и мое честное слово и увѣреніе друга вашего, Г-на Дероша, давно должны были отвести отъ меня всякое подозрѣніе насчетъ незабвенной шляпы. Почему именно я причиною, что огромныя поля ея убывали каждый день, какъ мѣсяцъ на ущербъ, и наконецъ исчезли вовсе? Развѣ вы думаете, что я лакомился ими во время дежурства?

Риффе. Я, сударь, никого не обвиняю; я скорѣй готовъ думать что поля моей шляпы извелись сами собою.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Сторожъ. Г. Дерошъ, пожалуйста къ начальнику отдѣленія, къ Г. Сень-Мору.

Дерошъ. Я не пойду.

Г. Риффе. (*Вставъ съ мѣста*). Дерошъ! подите хоть для меня.

Дерошъ (*Кричитъ*). Не пойду. Что я за ребенокъ?

Франше. Да отчего жъ не объясниться?

*

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тъ же и Г. Дюмонъ, начальникъ втораго стола.

Г. Дюмонъ. Что такое, господа? Васъ слышно съ улицы.

Дерошъ. Г. Дутрмеръ хотѣлъ обидѣть Гризара; я за него вступился; Г. Дутрмеръ пошелъ жаловаться начальнику отдѣленія, и онъ требуетъ меня къ себѣ.

Г. Дюмонъ. А вы, разумеется, неидете?

Дерошъ. Лучше умереть.....

Г. Дюмонъ. Нѣтъ, вы не умрете, а лучше пойдемъ къ нему вмѣстѣ.

Дерошъ. Да.....я.....

Г. Дюмонъ. (*Настойчиво*). Вы сейчасъ пойдете со мной къ Г. Сенъ-Мору!

Дерошъ. Для васъ я все готовъ сдѣлать.

(Г. Дюмонъ уходитъ съ Дерошемъ; сторожъ затворяетъ за ними дверь.)

Кардуэнъ. (*Усмѣхаясь*). Лучше умереть,—это право забавно!

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тъ же и Г. Гризаръ.

Гризаръ. Однако жъ на дворѣ не тепло.

Франше. А здѣсь было очень жарко. Безъ васъ вышла ужасная исторія.

Гризаръ. Какъ, что такое.

Риффе. Да то, что вы причиною, если Дерошъ лишится своего мѣста.

Гризаръ. (*Въ величайшемъ изумленіи*). Я!

Риффе. Разумеется, вы.

Гризаръ. (*Переходя къ остолбеннiю*). Г. Риффе, я честный человекъ! я не способенъ ни къ какой подлости!.....

Франше. Васъ и не винять, Г. Гризаръ; никто не обвинить васъ въ дурномъ дѣлѣ; Г. Риффе хотѣлъ сказать, что вы причиною...

ГРИЗАРЬ. (*Выпучивъ глаза*). Я! Чтобъ я на кого-нибудь донесъ.....

ФРАНШЕ. Вы невинною причиною того, что случилось.

ГРИЗАРЬ (*Съ силою*). Я честный человекъ! Отецъ семейства!.....

РИФФЕ. Съ вами ни какъ не сговоришь.

ГРИЗАРЬ (*Ударяя кулакомъ по конторкѣ*). Клянусь всѣмъ, что есть священнѣйшаго въ мірѣ.....

ФРАНШЕ (*Подходя къ нему*). Послушайте!

ГРИЗАРЬ. (*Всеболѣе воспаменяясь*). Клянусь дѣтьми!.....

ФРАНШЕ. Да послушайте!.....

ГРИЗАРЬ (*Виль себя*). Чтобъ я былъ доносчикомъ! я, Гризарь! О бѣдная моя жена!

ФРАНШЕ. Г. Гризарь!

ГРИЗАРЬ. Смерть моя!.....Оставьте меня!.....
(*Евгений залпывается слезами*).

ФРАНШЕ. Дерошъ нашелъ поступокъ Дутрмера съ вами неприличнымъ; онъ вступился за васъ, а тотъ пошелъ жаловаться къ Г-ну Сень-Мору, и Дероша позвали туда.

ГРИЗАРЬ (*Шомолчавъ*). Бѣдный Дерошъ! мнѣ быть причиною.....Нѣтъ, нѣтъ, я возьму всю вину на себя Дерошъ! бѣдный малый!

(*Онъ вырывается отъ Франше и бѣжитъ къ дверямъ*).

ФРАНШЕ (*догоняетъ его и останавливаетъ обѣими руками*). Г. Гризарь, не ходите! полноте! останьтесь.

ГРИЗАРЬ (*отбиваясь отъ Франше*). Пустите!...Мнѣ быть доносчикомъ!

ЯВЛЕНИЕ XX.

Тѣ же и Г. Клержо.

Г. Клержо (*увидѣвъ Гризара въ рукахъ у Франше*). Что это, господа, вы сражаетесь? У насъ въ столѣ совершенное возмущеніе.

Франше. Я не пускалъ Г. Гризарайтти на помощь къ Дерошу.

Гризаръ. Я всему виною, и долженъ взять на себя всю ответственность!

Г. Клержо. Не скрываю отъ васъ, господа, что нашъ начальникъ отдѣленія очень разсердился; и въ самой вещи, Г. Дерошъ держится такихъ мнѣній, которыя не могутъ быть терпимы въ министерствѣ. Онъ все думаетъ, что здѣсь какъ въ конныхъ гренадерахъ, и очень ошибается: мы не можемъ и не должны терпѣть подобныхъ отступленій. Впрочемъ у него славный адвокатъ. (*иронически.*) Г. Дюмонъ взялся за его дѣло: чего же лучше? Что вы на все это скажете, папа Риффе?

Риффе. Я; я говорю..... я не говорю ни слова.

Г. Клержо. Однако жъ?

Риффе. Я говорю, что очень жаль.

Г. Клержо. И мнѣ право жаль за Г. Дероша. А вы все живете у чорта на кулишкахъ, Г. Риффе?

Риффе. Точно такъ-съ; все тамъ же.

Г. Клержо (*хохочетъ во все горло*). Вы что скажете, Г. Евгений?

Евгеній. Я съ.....

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Тѣ же и Дутрмеръ.

Г. Клержо. Ну, Дутрмеръ, что произвела защитительная рѣчь Г. Дюмона?

Г. Дутрмеръ. То, что я вышелъ виновать, и что Г. Дерошъ поступить въ столъ къ Дюмону и будетъ работать у него подъ крылышкомъ.

(*Лице Риффе проясняется.*)

Г. Клержо. Вотъ славно! Теперь, господа, мы у васъ въ полномъ распоряженіи. Это ни на что не похоже!

(Онъ уходитъ, хлопнувъ дверью изо всей мочи.)

Г. Дутрмеръ (*Евгенію.*) Подите на свое мѣсто; я нынче не въ состояніи ничего дѣлать: у меня голова горитъ.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣ же и Дерошъ.

(Риффе вскакиваетъ съ мѣста и бросается къ нему на шею.)

КАРДУЭНЪ (*въ сторону.*) Какъ трогательно!

Дерошъ. Что за человѣкъ этотъ Г. Дюмонъ! Кажется, умеръ бы за него съ удовольствіемъ!

(Риффе садятся на свое мѣсто, всхлипывая; Евгенийъ утираетъ слезы. Глубокая тишина водворится послѣ смутныхъ происшествій. слышеть только скрипъ перьевъ и скоблялокъ. Г. Дутрмеръ уходитъ.)

ГРИЗАРЪ (*вставая съ своего кресла.*) Г. Дерошъ, если бъ вы лишились мѣста, я умеръ бы сего дня же вечеромъ!

Дерошъ. Какъ такъ?

ГРИЗАРЪ. Разумѣется; я не пережилъ бы упрековъ, которые вы были бъ въ правѣ мнѣ дѣлать.

Дерошъ. Какіе же упреки, Г. Гризаръ?

Г. ГРИЗАРЪ. Развѣ не изъ-за меня потерпѣли вы непріятность?

Дерошъ. Видите, Г. Гризаръ! А я вѣдь никогда не бывалъ у васъ.....

ГРИЗАРЪ. Вольно же вамъ, Г. Дерошъ, и очень напрасно.....

Дерошъ. Однако жъ нѣтъ; разъ я заходилъ къ вамъ, когда у васъ былъ боленъ ребенокъ. Между тѣмъ я люблю васъ, послѣ Г. Дюмона, какъ отца роднаго, — васъ и Г. Риффе изо всего стола.

ФРАНШЕ. А я развѣ собака?

Дерошъ. Я люблю тебя, люблю и Евгенія: бѣдняжка! Послушайте, Евгенийъ: вы славный мальчикъ; я вѣкъ не забуду, что вы утирали слезы, когда я воротился отъ Г. Сенъ-Мора; не забуду этого никогда.

Если вамъ случится во мнѣ надобность, я готовъ; вы пошли по батюшкѣ: онъ былъ мнѣ хорошимъ пріятелемъ. Что касается до прочихъ, я знаю, что объ нихъ думать.

Кардуэнъ. Къ счастью, что прочіе очень мало заботятся объ вашемъ мнѣніи.

Дерошъ. Г. Риффе, отобѣдаемъ нынче вмѣстѣ.

Риффе. Я самъ хотѣлъ вамъ предложить.

Гризаръ. Я думаю, что, для претосторожности, мнѣ лучше поставить себѣ пивокъ.

Риффе. Да; вамъ зайти бы напередъ къ доктору посоветоваться.

Гризаръ. Право?

Риффе. Само собою разуметсяя.

Кардуэнъ. Какъ это странно! я сейчасъ положилъ перо у чернильницы и, черезъ минуту, не могу его сыскать: вотъ ужъ другое перо на нынѣшней недѣль у меня такъ пропадаетъ.

Франше. Никто не подходилъ къ вашему мѣсту.

Кардуэнъ. Я ни кого не вию; я только говорю, какъ это странно, что я точно положилъ его сюда: хочу взять, на! не тутъ-то было. Видно съ нимъ такъ же будетъ, какъ съ моей скоблилкой: пропала безъ вѣсти, и съ тѣхъ поръ ни слуху ни духу.

Риффе. Г. Дерошъ, если хотите, мы будемъ ѣсть шенкованную капусту.

Дврошъ. Пожалуй, я люблю и это. Я вовсе не прихотливъ.

Франше. Онъ не прихотливъ, онъ только любитъ все хорошее.

Риффе. Евгений, если бъ вы сказались маменькѣ, вы вѣрно могли бы отобѣдать вмѣстѣ съ нами.

Евгеній. Покорно васъ благодарю.

Дерошъ. Благодарю-да или благодарю-нѣтъ, объ яснитесь?

Г. Дутрмеръ. (онъ вошелъ только-что передъ

этимъ). Евгений, вы не забыли, что вамъ нынче вечеромъ есть дѣло у Г-на Клержо.

Евгений. Нѣтъ-съ, не забылъ.

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Четверть четвертаго.

Тѣ же и госпожа Гризаръ.

Гризаръ. Ты ужъ и здѣсь?

(Всѣ чиновники, за исключеніемъ Кардуэна и Дутрмера, встаютъ и кланяются госпожѣ Гризаръ.)

Госпожа Гризаръ. Да; а ты пересталъ меня ждать? Отчего ты такъ красенъ? Что съ тобой сдѣлалось, дружочекъ?

Гризаръ. Ничего, ничего; приливъ крови. Садись, душенька.

Госпожа Гризаръ. Я зашла бы пораньше, но была съ визитомъ у мадамъ Башельри.

Гризаръ. (*начиная приготовляться къ уходу.*) Что, какова она?

Госпожа Гризаръ. Еще очень плоха. У ней, кажется, преопасный кашель.

(Рене, Франше и Дерошъ сходятся одинъ за другимъ къ Гризарамъ.)

Франше. Ваше здоровье, сударыня?

Госпожа Гризаръ. Слава Богу, а мадамъ Франше?

Франше. Покорно благодарю, она здорова,

Госпожа Гризаръ. Ну, что ея беременность? Такъ же благополучна, какъ и прежнія?

Франше. Что Бога гнѣвить, порядочная.

Госпожа Гризаръ. Надѣюсь, что послѣ родовъ она чаще будетъ посѣщать насъ.

Франше. Извините ее, сударыня; она теперь по-неволѣ сидитъ дома.

Госпожа Гризаръ. Мнѣ-то ужъ нечего гово-

рять, я сама это очень знаю: съ моимъ мужемъ столько хлопотъ! Скажите ей, что я непременно у ней буду; не завтра, — завтра у насъ пятница, — завтра я у ней не буду, — но въ понедѣльникъ непременно, — въ понедѣльникъ или во вторникъ на будущей недѣлѣ.

Франше (*возвращаясь на свое мѣсто*). Она всегда будетъ вамъ очень рада.

Госпожа Гризаръ. А вы совсѣмъ не хотите жениться, Г. Дерошъ?

Дерошъ. Какая несчастная пойдетъ за меня, Боже милосердый!

Госпожа Гризаръ. Послушайте, у меня есть дьявасъ на примѣтъ молоденькая дѣвушка, очень недурная.

Дерошъ. Есть у ней что-нибудь?

Госпожа Гризаръ. Она прекрасно воспитана.

Дерошъ. Хорошенькая собою?

Госпожа Гризаръ. Ни хороша, ни дурна, одно изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ больше хорошаго чѣмъ дурнаго; играетъ немножко но фортепіянахъ.

Дерошъ. Нѣтъ, сударыня; я еще не чувствую въ себѣ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для женитьбы.

Госпожа Гризаръ. Приходите къ намъ, когда рѣшитесь; мы вамъ что-нибудь същемъ.

(*Дерошъ идетъ къ своему мѣсту*):

Риффе (*подходитъ*). Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, сударыня?

Госпожа Гризаръ. Помаленьку; очень хорошо. У васъ, Г. Риффе, не нужно объ этомъ спрашивать: вы, слава Богу всегда здоровы.

Риффе. Если бъ не боль въ поясницѣ....

Госпожа Гризаръ. Недѣли двѣ тому назадъ я

видѣла васъ въ улицѣ Дофенъ; вы мчались какъ вѣтеръ.

Рифф. Вѣрно, я шель въ присутствіе.

Госпожа Гризаръ. Въ этотъ день у васъ вѣрно не болѣла поясница.

Рифф. Я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть.

Госпожа Гризаръ. А что подѣлываетъ ваша племянница?

Риффе. Все живетъ съ мужемъ попрежнему.

(Риффе идетъ на мѣсто; Г. Гризаръ окончилъ свой туалетъ.)

Евгеній (*подходитъ*). Ваше здоровье, сударыня?

Госпожа Гризаръ. Какъ нельзя лучше. А матушка?

Евгеній. Она все еще нездорова.

Госпожа Гризаръ. Скажите ей, что я непременно ее навѣщу. Ну, Гризаръ, скоро ли ты будешь готовъ? И какъ ты разгорѣлся, ты совсѣмъ попуцовѣлъ, ей Богу.

Гризаръ. Да; мнѣ надобно выйти на воздухъ.

Госпожа Гризаръ. Прощайте, господа; до пріятнаго свиданія.

(Риффе, Дерошъ, Франше и Евгеній кланяются. Кардуэнъ и Дутрмеръ сохраняютъ свою неподвижность.)

Дерошъ. Славная женщина, эта Г-жа Гризаръ!

Риффе. Какъ я совсѣмъ не помню, что встрѣтился съ ней въ улицѣ Дофинъ!

(Кардуэнъ начинаетъ обычную свою прогулку, которая ежедневно происходитъ за четверть часа передъ окончаніемъ присутствія.)

Дерошъ. Евгеній, матушка ваша коротко знакома съ Г-жею Гризаръ?

Евгеній. Да-съ; она ходила за папенькой въ послѣднюю его болѣзнь.

Дерошъ. Это ея дѣло. Прекрасная женщина!

Кардуэнъ (*насмѣшливо*). Вообще, эти люди очень склонны къ короткимъ знакомствамъ, къ связишкамъ: это сейчасъ видно.

Дерошъ. Вы нынче что-то въ восхищеніи, Г. Кардуэнъ. Нельзя ли опять поздравить васъ съ смертію нѣсколькихъ кошекъ, которыхъ вы подстерегли у себя на галлерей, или какого-нибудь щенка, который провинился передъ вашимъ тюфякомъ?

Кардуэнъ. Я шучу, Г. Дерошъ, но отнюдь не расположенъ слушать глупостей: говорю вамъ это разъ навсегда. (*Молчаніе*).

Дерошъ. Господа, я у васъ здѣсь послѣдній день.

Франше. Такъ Г. Дюмонъ точно беретъ тебя къ себѣ?

Дерошъ. Да; онъ хочетъ попытаться обратить меня на путь истины.

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Тѣ же и Дамикуръ, со шляпой и съ палкой.

Дамикуръ. Здравствуйте, господа. Франше, чтожъ ты, братецъ, еще не готовъ?

Франше. Сію минуту.

(Прогулка Кардуэна все продолжается).

Дамикуръ (*чихаетъ*). А у меня всѣ эти дни такой насморкъ.

Франше. Зачѣмъ же ты не носишь деревянныхъ галошъ?

Риффе. Да; славная это выдумка. Довольно падаешь и безъ нихъ. Никогда не забуду, какъ шлепнулся я задомъ 7 Февраля 1829 года въ улицъ Пюбъдъ.

Дамикуръ. Вишь какъ помнитъ. Вѣрно записаль въ приходъ, по-бухгалтерски?

(Кардуэнъ снимаетъ холстинные нарукавники и чиститъ шляпу.)

Дерошъ. Я никогда не буду носить галошъ; ненавижу все, что стѣсняетъ.

(Кардуэнъ съ улыбкой отправляется къ дверямъ.)

Дерошъ. Прощайте, Г. Кардуэнъ.

КАРДУЭНЪ. (*держась за дверную ручку*). Прощайте, сударь; очень радъ этой разлукѣ.

ЯВЛЕНИЕ XXV.

Четыре часа.

РИФФЕ. Дерошъ, что жъ вы не собираетесь?

Дерошъ. Я ужъ совсѣмъ.

ДАМИКУРЪ. Ну, скорѣе, Франше; пойдемъ всѣ вмѣстѣ.

ФРАНШЕ. Мнѣ только почистить шляпу.

(Риффе, Дерошъ, Франше и Дамикуръ уходятъ изъ присутствія.)

ЯВЛЕНИЕ XXVI.

Г. ДУТРИВЪРЪ. Слава тебѣ, Господи! Просидѣли восемь часовъ въ канцеляріи, и что они тутъ сдѣлали? Всего четыре бумаги!.... Евгенийъ теперь станемъ свѣрять ваши копіи.

ЕВГЕНИЙ (*печально*). Очень хорошо-съ.

=

Б Е С Ъ Д Ы

ОДНОГО АМЕРИКАНЦА СЪ ЛОРДОМЪ БАЙРОНОМЪ.

=

Въ бытность лорда Байрона во Флоренціи, я случайно заѣхалъ въ этотъ городъ. Прибывъ недавно изъ Америки, я еще не зналъ, что великій поэтъ живетъ здѣсь. Однажды по-полудни возвращался я съ прогулки по дорогѣ отъ воротъ Сенъ-Галло къ Піанъ-ди-Муньоне, — вдругъ вижу челоуька, бредущаго довольно неровнымъ шагомъ вдоль каменистаго ручья, который течетъ по Муньоне въ дождливое время. Онъ подбиралъ камешки и повременамъ бросалъ ихъ въ мутный потокъ. Слуга верхомъ держалъ другую лошадь въ поводъ, и поджидалъ его на дорогѣ. Только спустя нѣсколько дней узналъ я, что лордъ Байронъ поселился въ здѣшнемъ городѣ. Разумѣется, мнѣ очень хотѣлось представиться поэту, но, кромѣ того, что у меня не было ркомендательнаго письма, я столько наслышался объ его нелюдимости, особенно объ отвращеніи ко всему Англійскому, что, будучи Англичаниномъ по языку, почелъ-было бесполезнымъ искать свиданія съ надменнымъ Чайльдомъ. Къ счастью, я узналъ случайнымъ образомъ, что онъ отнюдь не чуждается Американцевъ, хотя они говорятъ по-Англійски: не теряя времени, я отправилъ къ нему записку съ просьбою имѣть честь лично засвидѣтельствовать ему почтеніе, и получилъ весьма вѣжливый отвѣтъ, что онъ будетъ очень радъ видѣть меня завтра по-полудни.

Лордъ Байронъ жилъ тогда въ улицѣ, за церковью Santa-Maria-Annunziata. Большой садъ отдѣляетъ те-

перь домъ, который онъ занималъ, отъ палацца Хименесъ. Это очень пріятное и уединенное мѣсто съ обширными и прекрасными видами на сѣверъ. Онъ принялъ меня весьма ласково, и началъ говорить о разныхъ разностяхъ, дѣлая по двадцати вопросовъ безъ остановки. Увидѣвъ его, я довольно удивился, — во первыхъ, тому, что нашелъ знакомое лицо, которое при встрѣчѣ, у ручья Муньоне, показалось мнѣ самымъ обыкновеннымъ и отнюдь не поэтическимъ; во-вторыхъ, что я тотчасъ замѣтилъ совершенное несходство между настоящимъ Байрономъ и всеми его портретами, какіе только удавалось мнѣ видѣть. Кажется, его хотѣли дѣлать похожимъ на «Корсара» на «Лару» или на «Гарольда», пасмурнымъ, надменнымъ, презрительнымъ; а здѣсь былъ человекъ обыкновенной наружности, если не рѣшительно коротышка и толстякъ, по-крайней-мѣрѣ, коротковатый и толстоватый: довольно радушное лицо его, несмотря на нѣкоторую правильность въ чертахъ, вовсе не казалось мнѣ прекраснымъ; я худо помню его одежду, однако жъ воротъ рубашки право не былъ отогнутъ, какъ то бываетъ на его портретахъ; панталоны сидѣли въ обтяжку, и хромая нога немножко пряталась отъ глазъ, — что было, говорятъ, всегдашнимъ его обыкновеніемъ.

Я началъ формальнымъ извиненіемъ, что отважился его обезпокоить, и намекнулъ, что вѣрно ему и безъ того надоѣли слишкомъ частыя посѣщенія: онъ остановилъ меня смѣхомъ, и заговорилъ довольно ѣдко насчетъ странствующихъ Англичанъ. Я нашелъ основательныя причины думать, что отвращеніе, которое выказывалъ онъ къ своимъ соотечественникамъ, была одна прихоть, исключая личной непріязни, которую могъ онъ имѣть къ тому или къ другому. Зачѣмъ было писать томъ за томомъ, чтобъ пріобрѣсть удивленіе народа, который онъ презиралъ и ненавидѣлъ? Право,

онъ такъ же мало пренебрегалъ своихъ согражданъ вообще, какъ и свой титулъ, къ которому онъ тоже показывалъ иногда неуваженіе: охота притворяться чудакомъ закрадывается часто въ такія головы, что ни какъ бы и не подумалъ. «Я очень пристрастенъ къ Американцамъ, сказалъ онъ мнѣ: и если пользуюсь у нихъ какою-нибудь славою, то увѣренъ, что это не изъ постороннихъ уваженій. Вѣрно въ нихъ нѣтъ ни какого предубѣжденія въ пользу человека съ титуломъ, и когда они меня хвалятъ, вѣрно хвалятъ искренно. Я помню, что прочелъ въ біографіи Кука выписку изъ его дневника, гдѣ сказано, что онъ видѣлъ мое стихотвореніе *English bards and Scotch reviewers* въ одномъ трактирѣ внутри Соединенныхъ Штатовъ: тутъ въ первый разъ что-то подобное настоящей славѣ зазвенѣло у меня въ ушахъ.»

Лордъ Байронъ былъ очень рѣчистъ, но безъ проповѣдей и не покнижному. Онъ перескакивалъ отъ предмета къ предмету, дѣлалъ отступленія, не договаривалъ, часто былъ безсвязенъ, иногда забывалъ грамматику и повремениамъ, не смотря на очевидное знакомство съ идеей, не находилъ словъ для выраженія самой обыкновенной вещи. То, что онъ говорилъ бѣгло, въ тысячѣ случаевъ высказывалось у него лучше нежели могло бъ быть сказано послѣ тщательной обработки, хотя это былъ только голосъ мгновеннаго побужденія. Мы нѣсколько времени вели довольно пестрый разговоръ, и поэтъ сталъ примѣтно веселѣе. Я былъ изумленъ способностью лица его къ самому разнообразному выраженію, и его улыбка показалась мнѣ крайне привѣтлива, хотя обыкновенный его видъ, то есть, не въ пылу бесѣды, отличался болѣе угрюмостью, чѣмъ оживленіемъ. Я поздравлялъ его съ такимъ расположеніемъ духа, и онъ признался, что давноуже не былъ такъ веселъ, или, какъ онъ говорилъ,

такъ мало недоволенъ самимъ собою и свѣтомъ. «Никто, продолжалъ онъ, не подверженъ такимъ измѣненіямъ во нравѣ, какъ я. Иногда я до того хандрю, что не гожусь ни въ какое крещеное общество: боюсь, что многіе мои посѣтители уходятъ отъ меня съ мыслию, что я холоденъ какъ ледъ и нелюдимъ, а только пройдетъ припадокъ, и я опять готовъ ребячиться какъ мальчикъ въ восемнадцать лѣтъ. Удивительно, какая малость можетъ меня разстроить: сущая бездѣлица, — если я только расположенъ къ ея вліянію, — воспоминаніе о чемъ-нибудь, случившемся задвѣнадцать лѣтъ и давно забытомъ, — одно слово, сказанное кѣмъ-нибудь и до котораго ни мнѣ, ни кому на свѣтѣ нѣтъ дѣла, — ну, вещи, о которыхъ говорить не стоитъ! Я смѣюсь самъ надъ собою, когда вздумую, что такія пустяки нарушали мое спокойствіе. Однако жъ надо вамъ сказать, что иногда бездѣлницы же меня и развеселяютъ.»

«Вы вѣрно поѣдете въ Англію,» сказалъ онъ мнѣ. — Да; въ *mergu England*, въ веселую Англію, какъ говорится, отвѣчалъ я. — Я не знаю такого края, возразилъ онъ: что касается до Англіи, гдѣ я родился, то люди веселятся тамъ самымъ печальнымъ образомъ, какой только можно себя представить.» — Я замѣтилъ, что, проживъ нѣсколько времени между Итальянцами, онъ конечно заимствовалъ насчетъ этого ихъ понятія: они не могутъ вообразить себѣ веселья безъ ясной погоды, безъ виноградниковъ, безъ открытаго воздуха, и не въ силахъ постигнуть, какъ человекъ можетъ быть веселъ въ густомъ туманѣ и въ угольномъ дыму. — «Нѣтъ, не то, отвѣчалъ онъ: я очень помню все, что чувствовалъ въ Англіи. Тамъ общество въ неестественномъ положеніи: горы богатства рядомъ съ пропастями бѣдности. Высшія сословія — себялюбивая, тщеславная, суетная, испорченная порода; среднія дурьютъ и истощаются въ попыткахъ переобезьянить высшія;

простой народъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Видите вы, я не слѣпъ къ недостаткамъ моихъ соотчичей; Богъ свидѣтель, что я никогда имъ не льстилъ, и они не жалуютъ меня за мое чистое прямодушіе. Они ненавидятъ меня en masse, всѣмъ міромъ, за то, что я говорю имъ матку правду и показываю презрѣніе къ ихъ лицемерству.»—Неужели вы думаете, нравы теперь испорченнѣе чѣмъ лѣтъ за сто?—«Да, отвѣчалъ онъ: и это нигдѣ такъ не очевидно, какъ въ воровской разборчивости на слова, которая усилилась по мѣрѣ упадка настоящей чистоты нравовъ. Что выиграно въ языкѣ, то проиграно на добродѣтели, и половина людей такъ глупа, что позволяетъ надувать себя этимъ плутовствомъ.»

Онъ говорилъ о самомъ себѣ и своихъ личныхъ отношеніяхъ такъ вольно, что я удивился. Но кто-то сказалъ, что въ стихахъ онъ дѣлалъ цѣлый міръ своимъ повѣреннымъ. Въ разговоръ онъ не тайлся даже и тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ непременно поскромничалъ бы передъ новымъ знакомцемъ. Самыхъ близкихъ ему людей обрисовывалъ онъ смѣлыми и яркими чертами. Я думаю однако жъ; что сужденія его объ отдѣльныхъ лицахъ были не такъ обдуманы какъ мнѣнія о человѣческомъ родѣ вообще: въ первомъ случаѣ его впечатлѣнія были плодомъ слишкомъ мгновенныхъ побужденій, а въ последнемъ онъ убѣждался продолжительнымъ и разнообразнымъ наблюденіемъ. Онъ чистосердечно признавался, что обязанъ намекамъ другихъ нѣкоторыми изъ лучшихъ мѣстъ своихъ произведеній. «Я, говорилъ онъ, никогда не считалъ для себя непозволительнымъ пользоваться заброшенными мыслями другаго человѣка. И въ этомъ случаѣ на моей сторонѣ — Попъ: *solemque quis dicere falsum audeat?* «кто солнце упрекнетъ во лживости? «Попъ былъ большой охотникъ рыться

за зернами въ кучахъ соломы: я былъ, можетъ, не такой трудолюбивый искатель, но не меньше его держался правила пользоваться всѣмъ, что ни попало. Люди такъ давно пишутъ книги, что автора очень можно извинить, если онъ представляетъ не совсѣмъ новыя мысли: надобно умѣть выбирать, и тогда можете называть это изобрѣтеніемъ. Писателю въ наше время едва ли есть другое средство кромѣ того, чтобъ брать чужія мысли и выливать ихъ въ новыя формы сцѣпленія и противоположенія. Литературная кража всконн ославлена, но почитается преступною только въ случаѣ неловкости вора, точно такъ, какъ подлинная кража у Спартанцевъ. Хорошая мысль часто лучше выражается со второй руки, нежели съ первой. Если богатый матеріалъ достался неискусному работнику, было бы верхомъ несправедливости лишать искуснѣйшаго художника всѣхъ правъ на обработку того же матеріала. Считайте меня за порядочнаго мошенника, и то, что я вамъ скажу, за смѣшной парадоксъ, но увѣрю васъ, что самые оригинальные писатели первые воры въ свѣтъ.»

Разговоръ какъ-то обратился къ религіи. «Люди, сказалъ Байронъ, много ломаютъ голову, чтобъ отгадать, какой я вѣры, — по-крайней-мѣрѣ, если судить по критикамъ на мои сочиненія и по безыменнымъ письмамъ, которыя мнѣ присылаютъ. Они находятъ бездну противорѣчій въ томъ, что я говорилъ, какъ будто ожидали отъ меня чего-то опредѣннаго и положительнаго въ тѣхъ вещахъ, о которыхъ я никогда не имѣлъ намѣренія разсуждать съ ними. Вѣрно, тысячи любопытныхъ спрашиваютъ другъ друга объ моей религіи, и ни одному изъ нихъ во всю жизнь не приходило въ голову предложить этотъ вопросъ самимъ себѣ. Остановите перваго встрѣчнаго и спросите его подъ присягой: сто противъ одного, что онъ ни

когда не бралъ на себя труда опредѣлить своихъ религіозныхъ чувствованій, хотя наружныя его мнѣнія ясны и буквальны, какъ въ печати. Я въ недоброй славѣ у записныхъ богомолвъ, однако я лучший христіанинъ нежели девять-десятихъ этихъ крикуновъ. Меня, я думаю по большей части считаютъ чѣмъ-то среднимъ между язычникомъ и пиррѳонистомъ, но я на цѣлый шагъ опередилъ мнительнаго Грека: я вѣрю, что есть истина.

Я привожу это изрѣченіе, не для того, чтобы оно мнѣ нравилось по своему духу, но чтобы сохранить признаніе самого Байрона, что въ душѣ онъ былъ христіанинъ,—обстоятельство, которое, конечно, будетъ столько же пріятно почитателямъ его генія, сколько оно было мнѣ въ то время. Я заговорилъ о странномъ впечатлѣніи, какое производили во мнѣ многія черты Итальянскихъ нравовъ, особенно удивленіе одной дамы, которая, услышавъ отъ меня, что я не успѣлъ еще завѣсть нѣжныхъ связей въ городъ, воскликнула съ недоувѣрчивостью: «Какъ! уже пять дней во Флоренціи, и все senza amogosa, безъ милой?» — «Ахъ! сказалъ Байронъ: вотъ они, такъ ужъ не лицемеры, что ни говорите о вольности ихъ нравовъ! Здѣсь нѣтъ ханжества! Побѣзжайте въ Англію, и вы найдете такую же шаткую нравственность, какъ и въ любомъ Итальянскомъ городѣ, хотя это не бросается въ глаза съ перваго взгляда, потому что скрыто подъ выказнымъ скромничаньемъ и ледяными пріемами.» — Ноне лучше ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ для общественной нравственности принимать на себя видъ добродѣтели, хотя ея не имѣешь. — «Нѣтъ, сказалъ онъ: потому что слѣдствіе будетъ то же какъ обыкновенно отъ притворства: мы начинаемъ обманывать другихъ, а потомъ обманываемъ себя сами, такъ, что наконецъ считаемъ себя добродѣтельными, оттого что привыкли

сказывать это всѣмъ, кто хочетъ слушать. Точно такъ случилось въ Англіи: Англичане воображаютъ себя самымъ нравственнымъ народомъ въ мірѣ, а они только больше всѣхъ другихъ увѣрены въ своей нравственности.»

«Я много разъ былъ влюбленъ, сказалъ Байронъ, но никогда не имѣлъ высокаго мнѣнія о женщинахъ!» Это замѣчаніе отъ такого человѣка, какъ Байронъ, меня изумило, и я не могъ не обнаружить своего удивленія, прибавивъ, что прекрасныя его читательницы не повѣрятъ справедливости этого извѣста. Но онъ стоялъ на своемъ мнѣніи, и спросилъ меня, неужли я думаю, что Рафаэль имѣлъ высокое понятіе о женщинахъ, оттого что онъ написалъ столько прелестныхъ женскихъ фигуръ? «Если вы хотите образчикъ настоящаго его вкуса и разборчивости въ этомъ отношеніи, взгляните на Форнарину, кумиръ его страсти, — здоровую деревенскую бабицу, такую жирную, грубую и несентиментальную, каковую только можно придумать. За всѣмъ тѣмъ, что жедѣлать? Худо съ женщинами, да нельзя и безъ нихъ.»

Данте, говорилъ онъ, не могъ такъ глубоко любить своей Беатриче, когда черезъ годъ по ея смерти женился на Джеммѣ Донати. «Данте, продолжалъ Байронъ, мой лисбимецъ; я похожъ на него во многомъ. Онъ былъ порядочный пенавистникъ, — доказательствомъ безпощадность, съ которою онъ искромсалъ враговъ своихъ въ «Божественной Комедіи». Онъ былъ выгнанъ изъ отечества, никогда не переставалъ напоминать согражданамъ ихъ проступки, и бѣдствія были главною виной его поэтической славы: проведи онъ всю жизнь Флорентійскимъ чиновникомъ, никогда бы не написалъ ему своей великой поэмы. Наконецъ онъ также разстался съ женою. Не знаю, суждено ли мнѣ умереть изгнанникомъ, какъ ему, хотя

въ теперешнемъ моемъ расположеніи, я не чувствую охоты избѣгать такой участи. Лучшее желаніе въ устахъ Араба: «Да умрешь ты между друзей!» Но утонченности новѣйшаго образованія влагаютъ намъ другое, столь же горячее моленіе: «Избавьте меня отъ друзей!»

Онъ нахмурился при этихъ словахъ, и я замѣтилъ, что послѣдняя часть нашей бесѣды зашевелила въ немъ не очень пріятные помыслы. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ какъ-будто опять развеселился и воскликнулъ: «Ничего! sessa иди себѣ свѣтъ своей дорогой. И дѣйствительно, мы сочиняемъ себѣ бездну заботъ, которыя оказываются вовсе бесполезными: величайшее зоблужденіе челоуѣка то, если онъ слишкомъ много думаетъ о своей жизни. Все это обманъ, блестящая мечта. Наполнить нѣсколько часовъ дѣломъ, разъ шесть улыбнуться да вздохнуть и довершить все это высыпкой!..... Не знаю, доживу ли я до глубокой старости, — вѣроятно не доживу; — но мнѣ очень любопытно знать, какъ чувствуетъ старій челоуѣкъ, и потому каждаго старика, который мнѣ попадется, я непременно спрашиваю объ его ощущеніяхъ. Они обыкновенно говорятъ мнѣ, что жизнь не стоитъ того, чтобъ ею наслаждаться; однако всѣ хотятъ жить, и это я считаю ужасной глупостью. Я еще молодъ годами, но чувствую себя старикомъ, и то, какъ я буду смотрѣть на жизнь лѣтъ черезъ двадцать, иногда заставляетъ меня призадуматься. Мои лѣта можно назвать цвѣтущими, а мои мысли поблекли и пожелтели. Въ восемнадцать чувства начинаютъ притупляться; въ двадцать пять, лезвее всѣхъ ощущеній рѣшительно сточено, а въ тридцать не изъ чего и жить. Величайшая изъ всѣхъ живыхъ задачъ — узнать, зачѣмъ создано такое странное твореніе, какъ челоуѣкъ. Самое удовлетворительное опредѣленіе че-

ловѣческой породы нашель я намени въ одной книгѣ. Вотъ оно: «Человѣка можно почитать пищеварительной трубою!» Только замѣьте, что книга эта медицинская!»

«Въ школѣ, говорилъ Байронъ, я воображалъ, что меня считаютъ глупымъ, и крайне этимъ огорчался; а самъ себя почиталъ я ни выше, ни ниже посредственности. Я очень любилъ разнообразное чтеніе, но урокъ училъ какъ урокъ. Однако жъ я помню, что разъ закралось въ меня подозрѣніе, будто я тупѣй другихъ мальчиковъ: я плакалъ отъ этой мысли, а на другой же день смѣялся, что такое опасеніе могло меня разогорчить. Я плелъ рѣшмы, не знаю съ какихъ раннихъ поръ; вѣрно еще съ восьми или съ девяти лѣтъ. Разумѣется, онѣ были очень жалки; однако жъ я припоминалъ потомъ нѣкоторыя и находилъ ихъ лучшими, нежели ожидалъ. Между-прочимъ я помню нѣчто въ родѣ баллады, о морскомъ сраженіи: одно время мнѣ очень хотѣлось быть морякомъ, и я поцѣлымъ часамъ воображалъ себя адмираломъ, расхаживающимъ по палубѣ. То была поэзія, одно изъ первыхъ движеній той постоянной наклонности души отдѣляться отъ дразговъ дѣйствительной жизни, — наклонности, которая превращаетъ въ борьбу все наше существованіе. Нѣтъ нужды говорить, что я теперь о себѣ думаю: многіе кричатъ, что знаютъ меня гораздо лучше, нежели я самъ. Сужденія людей объ ихъ собственныхъ характерахъ обыкновенно сумасбродны или неумѣстны. Докторъ Самуилъ Джонсонъ называлъ себя веселымъ малымъ! Подумайте, хмурый Самойлушка объявляетъ притязанія на веселость.»

Несмотря на строгіе и порицательные отзывы лорда Байрона насчетъ многихъ его знакомцевъ, онъ потомъ говорилъ объ нихъ въ такомъ смыслѣ, который

показывалъ, что онъ чувствуетъ къ нимъ искреннее уваженіе. «Нѣтъ ничего несправедливѣй, сказалъ онъ, будто дружба зависитъ отъ сходства вкусовъ и характеровъ. Вотъ вамъ М***, одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, къ которымъ я истинно привязанъ: мы такъ мало согласны во мнѣніяхъ, что кто слыхалъ наши споры, тотъ можетъ почесть насъ рожденными для вѣчной непріязни, а не для дружества. Прихоть участвуетъ въ дружбѣ столько же, сколько и въ любви. Есть сотни людей, которыхъ я не люблю, самъ не знаю за что, хотя такая нелюбовь часто исчезаетъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ. Я большой физиогномистъ, и не могу не судить о человѣкѣ по лицу. У половины людей нѣтъ въ чертахъ ни какого особеннаго выраженія, у половины прочихъ выраженіе сомнительно, у остальныхъ черты говорятъ. Сиръ Вальтеръ Скоттъ принадлежалъ къ числу сомнительныхъ; Фоксъ смотрѣлъ Голландскимъ бургомистромъ.»

Байронъ всегда отзывался о Скоттѣ съ величайшею похвалою, и какъ о человѣкѣ и какъ объ авторѣ. «Другіе, говорилъ онъ, писали лучше его, но никто не написалъ такъ много, — и это многое такъ хорошо! Какая у него богатая изобрѣтательность въ очертаніи характеровъ!» Я упомянулъ, что въ число его недостатковъ можно поставить несовершенство созданія нѣкоторыхъ повѣстей, какъ на примѣръ невѣроятность, и такъ далѣе. «Знаете ли, сказалъ Байронъ, что ни одна повѣсть не должна создаваться правильно, или быть вѣроятною, въ общемъ смѣслѣ этого слова? Если вы рассказываете обыкновенныя происшествія и приписываете дѣйствія только такимъ побужденіямъ, какія могутъ произвести ихъ въ обыкновенныхъ характерахъ, что жъ останется вамъ для романа? Драма есть картина жизни, гдѣ изображаемые предметы— дѣйствительные, хотя раз-

щеніе ихъ не то, какое въ обыкновенныхъ дѣлахъ человѣческихъ.» — Какой характеръ въ Англійскомъ романѣ почитаете вы наилучше созданнымъ? — «Разумѣется, Тома Пайпса,» отвѣчалъ лордъ.

Байронъ очень любилъ мрачные предметы, и говорилъ о смерти въ такомъ смыслѣ, который показывалъ необыкновенное направленіе молодаго ума въ эту сторону. Давно, сказалъ Байронъ, я сдружился съ мыслію о смерти.» Я отнесъ это къ тому, что такое отдаленное событіе не можетъ внушать сильнаго опасенія. «Вы ошибаетесь, возразилъ онъ: я всегда имѣю въ виду возможность и даже вѣроятность ранней смерти, когда приготавливаю умъ къ ея встрѣчѣ. Но есть одна мысль, къ которой я никогда не могъ приучить себя, — мысль потерять разсудокъ, и возможность такого событія въ старости заставляетъ меня желать убраться заранѣ!» Эти замѣчанія поразили меня потому, что я самъ почиталъ сумасшествіе одною изъ приправъ его генія, хотя никогда не ожидалъ откровеннаго признанія въ этомъ отъ него. «Сумасшествіе, или бѣшенство, продолжалъ онъ, гораздо обыкновеннѣе, чѣмъ люди воображаютъ: понятія ихъ о свойствѣ этого недуга очень безсвязны. Его три степени: онъ называется странность, чудесничество и сумасшествіе. Кто не много отличенъ отъ остальнаго свѣта въ причудахъ, вкусахъ, обращеніи, тотъ называется страннымъ; кто отличается въ этомъ болѣе, тотъ, говорятъ, чудакъ, а когда разность переходитъ извѣстный предѣлъ, ее величаютъ сумасшествіемъ. Всѣ геніяльные люди немножко помѣшаны.» — Почитаете вы Скотта сумасшедшимъ? спросилъ я. — Этотъ вопросъ повидимому затруднилъ его, и онъ признался, что рѣдкій кто назоветъ сирь Вальтера помѣшаннымъ и что онъ можетъ быть исключеніемъ изъ правила. Потому онъ перешелъ къ грезамъ, и ска-

зываетъ, что видѣлъ однажды во снѣ своего собственнаго духа. «Я ни сколько не испугался, говорилъ онъ: но пришелъ въ странное недоумѣніе, стараясь объяснить себѣ существованіе этого духа независимо отъ моего, — что впрочемъ служить доказательствомъ, что во снѣ можно разсуждать. Не знаю, былъ ли бы я вполнину такъ хладнокровенъ и благоразуменъ, встрѣтившись съ духомъ на яву.»

Мнѣ бы должно было прежде замѣтить, что этотъ разговоръ былъ плодомъ нѣсколькихъ свиданій: при первомъ моемъ посѣщеніи лордъ Байронъ ограничивался почти обыкновенной болтовней, достаточной для занятія и удовлетворенія такого посѣтителя, котораго онъ быть-можетъ и не хотѣлъ бы видѣть у себя вторично. Я самъ не думалъ быть у него въ другой разъ, но онъ приглашалъ меня съ такой настойчивостью, которая не походила на пошлую вѣжливость: я исполнилъ его желаніе, и какъ въ этотъ разъ, такъ и во всѣ слѣдующіе, онъ бесѣдовалъ со мной вольно и откровенно какъ съ старымъ знакомымъ. Мы смотрѣли изъ окна въ садъ, гдѣ по-серединѣ былъ колодезь: пара ословъ ходили вокругъ, приводя въ движеніе машину, которою подымалась вода для поливки сада. «Тысячу разъ спрашивалъ я самого себя, сказалъ Байронъ, не можетъ ли быть истины въ мысли Пифагора о метемпсихозѣ, и, въ такомъ случаѣ, хуже ли будетъ человѣку, если душа его перейдетъ въ тѣло одного изъ этихъ ословъ? Что наша жизнь, если не круговоротъ однообразныхъ дѣлъ и утомительныхъ занятій? И какой плодъ всѣхъ человѣческихъ познаній и изслѣдованій, если не тотъ, что мы оканчиваемъ, чѣмъ начали? Оселъ имѣетъ еще преимущество передъ человѣкомъ: онъ не мыслить. Мы твердимъ, что превосходство человѣка состоитъ въ обладаніи умомъ, тогда какъ умъ служитъ только для того, чтобъ дѣлать его несчастнымъ.»

«Образованность, продолжалъ онъ, кажется ничего не произвела для человѣческаго счастія: не было вѣка образованнѣй нынѣшняго, и никогда состояніе человѣческаго рода не было такъ жалко. Девять-десятихъ изъ тѣхъ, кто вамъ встрѣтится, скажутъ по совѣсти, что жизнь имъ надоѣла: но кто въ мірѣ слышалъ, чтобъ дикой называлъ себя несчастнымъ? Даже въ древнія времена существовало повидимому глубокое убѣжденіе, что тотъ всѣхъ счастливѣе, или всѣхъ менѣе несчастенъ, кому наименьше хлопотъ съ жизнію. Мы величаемъ философіей то состояніе духа, въ которомъ онъ наименѣе подверженъ дѣйствию пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній: если это справедливо, такъ польно самая философическая вещь на свѣтѣ.»

Онъ наговорилъ еще много въ похвалу дикимъ нравамъ, и утверждалъ, что люди сдѣлались хуже вслѣдствіе такъ называемыхъ улучшеній искусственной жизни, которая создала новыя болѣзни, новыя нужды и новыя страданія. Я не соглашался съ нимъ въ одномъ, и привелъ фактъ, который недавно нашелъ въ какомъ-то Французскомъ писателѣ, — что, по дѣйствительнымъ опытамъ, средняя сила дикаря оказывается гораздо менѣе средней силы образованнаго человѣка. Что касается до общаго вопроса о сравнительномъ ихъ благоденствіи, то рѣшеніе его почиталъ я не такъ легкимъ. Я рассказалъ ему для примѣра объ одномъ Американскомъ Индѣйцѣ, котораго ребенкомъ взяли изъ лѣсу, выростили между бѣлыми, воспитали въ высшемъ училищѣ и сдѣлали совершеннымъ джентльменомъ: лишь только ему дали волю, онъ ушелъ въ лѣсъ и сдѣлался опять дикаремъ. Другой Индѣецъ былъ также взятъ изъ лѣсу малолѣтнимъ и воспитанъ въ городѣ; послѣ онъ сталъ актеромъ; но, въ одинъ вечеръ, услышавъ въ театрѣ, что въ городѣ пришли навѣститъ его одноплеменники, онъ тотчасъ сбросилъ съ себя костюмъ, ушелъ съ ними въ лѣса, и боль-

ше никогда не возвращался. Байронъ слушалъ съ большимъ участіемъ эти, и другіе Индѣйскіе рассказы, которые пришли мнѣ тогда на память.

Вы очень молоды, сказалъ онъ мнѣ, и ваше знаніе людей должно быть довольно стѣснено книгами. Большая часть нашихъ полезнѣйшихъ свѣдѣній вкрадывается въ насъ со стороны, и это главная польза, какую можете вы извлечь, живя въ обществѣ. Совсѣмъ наперекоръ общей молвѣ, молодые люди въ томъ много и ошибаются, что слишкомъ незѣтно довѣряютъ чужимъ мнѣніямъ. Полагайтесь на свое собственное сужденіе тамъ, гдѣ вы увѣрены, что у васъ есть собственное сужденіе, а рѣшеніемъ этого вопроса затрудняться нечего. Ни у кого не спрашивайте совѣта, — я говорю именно то, что хочу сказать. Вы можете просить у другихъ объясненія, потому что они въ состояніи знать что-нибудь лучше нежели вы, но просить совѣта, значитъ не имѣть самому такого сужденія, на которое можно было бѣ положиться, и если вы не въ силахъ обсудить какого-нибудь намѣренія, лучше не предпринимайте его вовсе. Многіе думаютъ, прибавилъ онъ, смѣючись, будто я плохой менторъ; но морякъ, потерпѣвши кораблекрушеніе, лучше всякаго другаго укажетъ подводныя скалы. Быть-можетъ въ отпавились изъ дому съ увѣренностью, что можно дать жизни такое же ровное теченіе какъ ручейку, который бѣжитъ у вашихъ дверей, но впоследствии увидите, что этотъ свѣтъ наглъ и буенъ, и что вънемъ кто не бьетъ, тотъ подставляетъ спину.»

Прежде моего знакомства съ Байрономъ, я ни какъ не воображалъ, чтобъ онъ былъ такъ начитанъ. Онъ безпрестанно удивлялъ меня ссылками на книги, которыхъ я отнюдь не полагалъ ему знакомыми, а по словамъ его нельзя было сомнѣваться, что онъ изучалъ ихъ внимательно и помнилъ очень хорошо. Его суж-

денія о древнихъ и новыхъ авторахъ были вообще остроумны и выразительны, хотя, должно признаться, иногда онъ говорилъ такія вещи, которыя внушала, кажется, одна страсть къ чудесничеству. «Тацита, сказалъ онъ, всѣ хвалятъ, потому что онъ самъ ни кого не хвалитъ»—замѣчаніе, которое могло нравиться ему за свой антитезисъ и свою мизантропію, но которое поразило меня своей вѣрностью. Въ разговоръ пришлось какъ-то упомянуть объ одномъ богатомъ человѣкѣ, и Байронъ назвалъ его дуракомъ. «Однако жъ нѣтъ, сказалъ онъ: я передумалъ, и беру назадъ это прозвище, потому что не почитаю дуракомъ человека, который смыслить набивать себѣ карманъ. Отсюда правило—куй деньгу!» Тутъ онъ пустился въ похвалы богатству, довольно благоразумныя, судя вообще по-людски; но въ устахъ такого человека какъ Байронъ, онъ казались такъ странными, что я не могъ не засмѣяться. Онъ примѣтилъ это, и спросилъ, не думаю ли я, что онъ шутитъ. Я признался въ своемъ сомнѣніи, но онъ повторилъ мнѣ все сказанное, и прибавилъ, что, благодаря свѣтской его опытности, сбереженіе малѣйшей суммы доставляетъ ему удовольствіе. Я отвѣчалъ, что не желалъ бы слышать этого и отъ его врага. Однако жъ вопреки его увѣреніямъ въ противномъ, я все оставался притой мысли, что это скряжничество была одна изъ его причудъ: если такъ, то вѣрно онъ долго находилъ въ ней удовольствіе, потому что и другіе замѣчали то же самое. «Человѣкъ нравственно обязанъ быть богатымъ, говорилъ онъ: безъ богатства, что значитъ въ свѣтъ его добрый примѣръ и его правила? Куй деньгу! put money in thy purse!»

Байронъ, какъ говорили объ немъ всѣ извѣстія, не наблюдалъ ни малѣйшей правильности въ діетѣ: иногда ѣлъ только одну рыбу, иногда одни овощи, а

иногда предавался излишествамъ. Онъ говорилъ мнѣ, что никогда не могъ рѣшить удовлетворительнымъ образомъ, какая дѣта ему свойственнѣй, потому что къ которой онъ ни прибѣгалъ, ни одна не обезпечивала ему достаточно здоровья и бодрости. «Шелли, сказалъ онъ, не ѣсть мяса, и утверждаетъ, что половина людскихъ золъ происходитъ отъ плотоядныхъ привычекъ; однако жъ я не могу сказать, чтобъ послѣ бифстека я чувствовалъ себя дичѣе обыкновеннаго. Разъ пришла мнѣ странная охота узнать, что чувствуетъ человекъ, умирая съ голоду, и для опыта я не ѣлъ четверо сутокъ: у меня зазвенѣло въ ушахъ и начало жечь въ горлѣ: этимъ, да еще обморокомъ, ограничились всѣ мои открытія. Одно время я питался только картофелемъ изъ опасенія растолстѣть; но послѣ увидѣлъ, что полнота не зависитъ у меня ни отъ качества, ни отъ количества пищи. Я люблю хорошій объѣдъ, и на многія изъ счастливейшихъ моихъ мыслей напалъ я не съ перомъ въ рукѣ, а съ ножомъ и съ вилкою. »)

«Кажется, вы не женаты?» спросилъ онъ у меня. Я отвѣчалъ, что нѣтъ. «Но вы вѣрно женитесь, продолжалъ онъ: и вы хорошо сдѣлаете. Человеку непременно слѣдуетъ жениться; однако жъ я увѣренъ, что большая часть браковъ злополучны, и я выдаю это не за собственное заключеніе: это—мнѣніе одной прекрасной, премилой и преумной дамы, которая вышла за человека, избраннаго ею, и не потерпѣла повидимому ни какого особеннаго несчастія, на примѣръ, утраты здоровья, богатства, дѣтей, и такъ далѣе. Она сказала мнѣ это безъ обвиняковъ, и я никогда не имѣлъ причины сомнѣваться въ ея искренности. При всемъ томъ, я совершенно убѣжденъ, что мужчина не можетъ быть истинно счастливъ безъ жены. Мы живемъ въ странномъ порядкѣ вещей, надо сказать правду: такая естественная склонность, какъ сочетаніе двухъ

половъ, должна бы вести къ самымъ гармоническимъ слѣдствіямъ, а выходитъ совсѣмъ на-оборотъ. Вѣрно есть какой-нибудь коренной недостатокъ въ составѣ общества; видно, времена расклеились. Чудно и то, какъ мало настоящей свободы въ выборѣ имѣютъ даже тѣ, кто женится по такъ называемой склонности. Докторъ Джонсонъ однажды предлагалъ, чтобы всѣ браки заключались по назначенію лорда канцлера, утверждая, что слѣдствіемъ будетъ такая же сумма домашняго счастья, какъ и при нынѣшнемъ способѣ. Я ему вѣрю. Обманы, которыми оба пола привыкли дѣйствовать другъ на друга, заманиваютъ въ узы Гименея столько несогласныхъ четъ, что врядъ-ли надѣлать ихъ такую бездну слѣпому произволению присяжнаго женильщика. Многіе мужчины думаютъ, что женятся по выбору, когда ихъ женить случайность: въ этомъ отношеніи мужчина пользуется меньшимъ преимуществомъ передъ женщиной, нежели вообще думаютъ.»

New Monthly Magazine.

ИЗАБЕЛЛА БАВАРСКАЯ.

ЛѢТОПИСЬ XIV СТОЛѢТІЯ.

=

СОЧИНЕНІЕ АЛЕКСАНДРА ДЮМА*.

=

Лѣта отъ воплощенія Господня тысяща триста во-семдесятъ въ девятое, августа во двадесятый день, день воскресный, собрася на пути отъ мѣстечка Сень-Дени къ доброму граду Парижу народъ велій, и бысть тамъ шумъ ужасный, потому что государыня Изабелла, дочь Стефана, гарцука Баварскаго и невеста Каролюса VI, короля Французскаго, — короли Французовъ когда еще не были выдуманы, — въ первый разъ, аки королева, възжала торжествующе въ рѣченый добрый градъ свой Парижъ.

Долго ждали ея прибытія. Наконецъ она явилась. Носилки будущей королевы были сопровождаемы знатнѣйшими во всей Франціи лицами. Подлѣ нея были молодой герцогъ Людовикъ Туренскій, впоследствии герцогъ Орлеанскій, второй братъ Карла VI: за годъ передъ тѣмъ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Галеаса Висконти, герцога Миланскаго, Валентиною, женщиною красоты необыкновенной и въ лучшемъ цвѣтѣ юности, но которая, какъ бы то ни было, не могла удержать при себѣ этого блистательнаго мотылька. Правда и то, что онъ былъ прескраснѣйшій, богатѣйшій, любезнѣйшій изо всѣхъ придворныхъ господъ. Съ другой стороны королевы, былъ герцогъ Бурбонскій; позади ѣхали герцогъ Филиппъ Бургонскій и

* *Chroniques de France. Isabel de Bavière (règne de Charles VI), par M. Alexandre Dumas. Paris, 1835.*

герцогъ Беррійскій, дядя короля. Въ толпѣ знатныхъ господъ, слѣдовавшихъ за ними, особенно отличался графъ Наваррскій, бывшій впоследствии герцогомъ Бургонскимъ. Пока поѣздъ тянулся, всякой замѣчалъ страстную угодливость герцога Туренскаго къ Королеву и явное удовольствіе, съ которымъ она принимала его въжливость. По мѣрѣ того какъ королева подвигалась впередъ, новыя зрѣлища, великолѣпныя и неожиданныя приготовленія, открывались передъ нею. Къ ночи она прибыла въ Парижскій дворецъ, гдѣ ожидалъ ее король. Придворные и толпа разошлись и разъѣхались, и черезъ часъ повсюду воцарилась темнота и спокойствіе.

Прекрасный молодой человекъ, въ одеждѣ конюшаго, остановился у дверей бѣднаго домика и постучался. Старушка отворила дверь, и молодой человекъ очутился въ комнатѣ, въ которой дѣвушка стояла у кровати на колѣняхъ и молилась передъ образомъ. Въ ней было что-то простое, воздушное, небесное. Она плакала. Услышавъ ее рыданія, молодой человекъ сдѣлалъ движеніе. Дѣвушка поднялась, подошла къ нему и стала на колѣни.

— Что ты дѣлаешь, Одетта, сказалъ онъ: что значить это положеніе?

— Это положеніе прилично бѣдной дѣвушкѣ, какъ я, въ присутствіи знатнаго принца, какъ вы.

— Ты ошибаешься, Одетта.

— О, если бѣ я ошибалась! Но нѣтъ, это вѣрно; я видѣла васъ вчера въ поѣздѣ королевы; вы говорили съ нею; я узнала васъ, хоть вы были одѣты великолѣпно. Вы меня не видали, потому что вы смотрѣли только на королеву. Да и могло ли быть иначе? Королева такъ прекрасна! О Боже мой!

При этихъ словахъ бѣдняжка залилась слезами.

— Что жъ тебѣ, Одетта, до того, кто я, если я люблю тебя попрежнему? сказалъ герцогъ.

Т. XIII. — Отд. II.

10

— Что мнѣ до этого? вскричала Одетта, вырываясь изъ его объятій. А если бѣ я, считая васъ равнымъ мнѣ, въ надеждѣ, что вы на мнѣ женитесь, уступила вашимъ желаніямъ, когда вы меня умоляли на колѣняхъ? Вы бы нашли меня сегодня мертвою!

— Да, Одетта, это правда; я обманулъ тебя. Я герцогъ Туренскій; но не ужели ты меня поэтому меньше прежняго любишь?

— Я, ваша свѣтлость, я не люблю васъ. Я любила конюшаго Людовика, равнаго бѣдной Одеттѣ, до того, что съ радостью отдала бы за него и кровь и жизнь мою: но что въ моей жизни и крови благородному супругу Валентины Миланской, въ жливному рыцарю королевы Изабеллы Баварской?

Герцогъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ кормилица Одетты въ испугъ вбѣжала въ комнату.

— О, милая моя, что съ тобой хотять дѣлать! вскричала она. Герцогиня Валентина Миланская требуетъ тебя къ себѣ.

— Жена моя! воскликнулъ герцогъ.

— Жена его! повторила кормилица, въ величайшемъ изумленіи.

— Да, жена его, сказала Одетта: это герцогъ Туренскій, братъ короля. Да; онъ женатъ, и онъ, вѣрно, со смѣхомъ говоритъ женѣ: «Въ Ферроньерской улицѣ есть одна бѣдная дѣвушка; она принимаетъ меня всякой вечеръ, когда отецъ ея спитъ. О, ты не можешь вообразить, какъ она меня любитъ!» И жена его, вѣрно, хочетъ посмотреть какова я.

— Одетта! вскричалъ герцогъ съ досадою: чтобъ мнѣ умереть, если это правда! Я бы далъ сто тысячъ ливровъ, чтобы этого не случилось. Но ты не пойдешь въ Туренскій отель.

— Напротивъ, ваша свѣтлость, я непременно должнайти туда. Я увижу герцогиню, и если она только

подозрываетъ нашу связь, я во всеи ей признаюсь; потомъ упаду къ ногамъ ея, и она проститъ меня.

— Дѣлай что хочешь, сказалъ герцогъ: ты всегда права; ты настоящій ангель.

Одетта печально улыбулась. Потомъ почтительно и важно поклонилась она герцогу и сошла съ лестницы.

— Я здѣсь, господа, сказала она тѣмъ, которые пришли за ней; ведите меня, куда угодно.

Надобно сказать, потому что это исторически справедливо, — Валентина Миланская была тогда въ своей спальнѣ. Она мучилась досадою и нетерпѣнiемъ; при малѣйшемъ шумѣ взглядывала на дверь, и прекрасныя ея брови судорожно нахмуривались.

Наконецъ дверь отворилась, и Одетта вошла.

Герцогиня осталась безмолвною и неподвижною передъ этимъ бѣлымъ, чистымъ видѣнiемъ.

— Подойди сюда, сказала она трепетнымъ голосомъ.

Одетта подошла съ потупленными очами, но челомъ спокойнымъ, и преклонила одно колено.

— Такъ это ты, продолжала Валентина Миланская, хочешь лишить меня любви герцога?

Одетта съ живостью встала. — Благодаря Бога, ваша свѣтлость, мнѣ не въ чемъ упрекать себя въ отношенiи къ вамъ. Не угодно ли вамъ меня спрашивать? Я готова отвѣчать.

Герцогиня не ожидала этого спокойствiя. Она поняла что это спокойствiе невинности. Она протянула къ Одеттѣ руку и сказала ей голосомъ неизъяснимо прiятнымъ. — Поди сюда!

Бѣдная дѣвушка взяла руку герцогини и прижала къ устамъ своимъ. — О! сказала она, рыдая: о, клянусь вамъ, я не виновата! Онъ пришелъ къ отцу моему, выдавая себя за простаго конюшаго герцога Туренскаго, и говоря, что хочетъ купить лошадей для своего господина. Я его увидѣла. Онъ такъ прекра-

сень! Я смотрѣла на него безъ опасенія. Я думала, что онъ мнѣ равенъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною разговаривать. Никогда я не слыхивала такого пріятнаго голоса! Я ничего не знала; не знала, что онъ женатъ, что онъ принцъ. Но теперь все кончено; онъ никогда не любилъ меня, и я уже не люблю его.

— Бѣдная дѣвушка! сказала Валентина. Она думаетъ, что можно любить его и потомъ забыть!

— Я не говорила, что забуду его, печально отвѣчала Одетта: я сказала только, что не буду ужелюбить его, потому что любить можно только равнаго себѣ, только человека, за котораго можешь выйти замужъ. Охъ, вчера, когда я увидѣла его въ великолѣпной одеждѣ, когда узнала, въ Людовикъ Туренскомъ, того Людовика, котораго считала своимъ, я перестала дышать и жить! Я услышала слова его: это былъ тотъ же самый голосъ. Онъ говорилъ съ королевою. — Развѣ вы не ненавидите королевы? прибавила Одетта съ невыразимою горестью.

Валентина поспѣшно зажала ротъ дѣвушкамъ.

— Молчи, ребенокъ! сказала она. Королева Изабелла наша государыня. Богъ поставилъ ее властительницею надъ нами, и мы должны ее любить.

— Это говорилъ мнѣ и отецъ, отвѣчала Одетта, когда я пришла домой полумертвая и сказала, что не люблю королевы.

Взоры герцогини устремились на Одетту съ выраженіемъ величайшей доброты и кротости.

Она распростерла свои объятія; Одетта бросилась къ ногамъ ея и обняла ея колѣни.

— Одетта! сказала герцогиня: если тебѣ когда-нибудь нужны будутъ помощь, пособіе, покровительство, вспомни обо мнѣ и приди ко мнѣ.

— Мнѣ уже не много будетъ нужно на этомъ свѣтѣ, сказала Одетта: но, повѣрьте, ваша свѣтлость, что и не имѣя въ васъ нужды, я всегда буду о васъ пом-

нить. Я пойду въ монастырь, и надѣюсь найти тамъ если не счастье, по-крайней-мѣрѣ, спокойствіе.

Она поклонилась, и вышла.

Оставшись одна, Валентина Миланская съѣла; голова ея опустилась на грудь, и она погрузилась въ задумчивость. Уже нѣсколько минутъ продолжались ея глубокія думы, какъ дверь кабинета отворилась. Герцогъ тихоньковошелъ. Онъ приблизился къ женѣ такъ, чтобы она его не видала, и облокотился на спинку кресель, въ которыхъ она сидѣла; потомъ, черезъ минуту, видя, что она его не замѣчаетъ, онъ снялъ съ шеи великолѣпное ожерелье, поднялъ его надъ головою герцогини, и опустилъ ей на плечи. Валентина вскрикнула и, поднявъ голову, увидѣла герцога.

Взглядъ, который она на него бросила, былъ глубокъ и быстръ; но супругъ уже приготовился къ этому испытующему взору, и выдержалъ его съ спокойною улыбкою челоуѣка, который ничего не знаетъ, хотя онъ уже слышалъ весь разговоръ герцогини съ Одеттою. Этого мало: когда Валентина потунила голову, онъ взялъ ее рукою за шею, тихонько загнувъ ей голову назадъ, и заставилъ ее еще разъ взглянуть на себя.

— Чего вы отъ меня хотите? сказала Валентина.

— Это, право, стыдъ для Востока! сказалъ герцогъ, взявъ тихонько въ руки ожерелье, которое далъ онъ женѣ, и раадѣливъ ей губы жемчужною ниткою. Вотъ жемчугъ, который Сигисмундъ Мекленбургскій, король Венгерскій, прислалъ мнѣ за чудо; онъ воображаетъ себя, что сдѣлалъ мнѣ подарокъ императорскій, а у меня есть перлы бѣлье и драгоценнѣе этихъ.

Валентина вздохнула; герцогъ сдѣлалъ, будто не примѣчаетъ этого.

— Знаете ли вы, что я ничего не видывалъ лучше васъ, прекрасная моя герцогиня, и что я счастливѣйшій челоуѣкъ въ мѣрѣ, владѣя такимъ сокровищемъ красоты? Нѣсколько дней назадъ, дядя мой, герцогъ

Беррійскій, съ такимъ восторгомъ расхваливалъ мнѣ отличные глаза королевы, которыхъ я еще и не замѣчалъ, что я воспользовался вчера моимъ мѣстомъ, чтобы хорошенько рассмотреть ихъ.

— Ну что жъ? сказала Валентина.

— Я видѣлъ, не помню гдѣ-то другіе глаза, которые смѣло могутъ поспорить съ этими. Взгляни на меня: да, да, я видѣлъ ихъ въ Миланѣ, во дворцѣ герцога Галеаса; они блистали подъ прекраснѣйшими бровями, какія только когда-либо живописецъ рисовалъ на лицѣ Италіянки. Они принадлежатъ одной дѣвушкѣ, Валентинѣ, которая вышла за какого-то герцога Туренскаго, который, надобно сказать правду, совсѣмъ не стоитъ этого благополучія.

— Значитъ ли для него что-нибудь это благополучіе? сказала Валентина, посмотрѣвъ на него съ выраженіемъ любви и горести.

Герцогъ взялъ ея руку и положилъ къ себѣ на сердце. Валентина хотѣла отнять ее, но онъ удержалъ руку въ своихъ и, снявъ съ руки перстень, надѣлъ его на палецъ Валентины.

— Что это за перстень? сказала она.

— Онъ по всей справедливости принадлежитъ вамъ, сказалъ герцогъ: потому что я по вашей милости его выигралъ. Надобно вамъ рассказать это. (Герцогъ оставилъ мѣсто, которое занималъ за стуломъ Валентины, сѣлъ у ногъ ея на табуретъ, и облокотился на ручки креселъ.) Да, выигралъ, продолжалъ онъ, да еще у кого? У бѣднаго сира Куси.

— Какъ же это?

— Надобно вамъ знать, и я вамъ совѣтую посердиться за это на него хорошенько, что онъ утверждалъ, будто-бы видѣлъ ручки прекраснѣе вашихъ.

— Гдѣ жъ это?

— Въ Ферроньерской улицѣ, гдѣ онъ покупалъ лошадей.

— Чья жь это ручки?

— Дочери одного барышника. Я, какъ вы можете вообразить, отвѣчалъ, что это невозможно. Онъ, изъ упрямства, продолжалъ утверждать то, что сказалъ однажды, и мы побились объ закладъ, онъ объ этомъ перстнѣ, я о моемъ ожерельѣ. (Валентина смотрѣла на герцога, какъ-бы для того, чтобы прочесть въ душѣ его.) Я одѣлся конюшимъ, чтобы посмотреть на это чудо; отправился къ старику Шандиверу, и купилъ у него пару самыхъ дрянныхъ коней, на какихъ только когда-либо ѣзжалъ за грѣхи свои рыцарь въ герцогской коронѣ. Но за то я видѣлъ «блорукую» богиню, какъ назвалъ бы ее божественный Гомеръ. Надо было признаться, Куси не такой сумасшедшій, какъ я сначала думалъ, и, право, непостижимо, какъ такой прелестный цвѣтокъ выросъ въ такомъ саду? Однако жь я не признался побѣжденнымъ, прекрасная моя герцогиня, и, какъ храбрый рыцарь, защищалъ честь моей любезной. Куси стоялъ на своемъ. Мы уже хотѣли просить короля позволить намъ сдѣлать турниръ, чтобы рѣшить этотъ споръ, какъ вдругъ мы согласились выбрать въ судьи боя Петра Кранъ, человекъ, очень знающаго въ этихъ дѣлахъ. Дня три назадъ, мы отправились всѣ вмѣстѣ къ этой миленькой дѣвочкѣ и, право, Петръ Кранъ судья безпристрастный: перстень у васъ!..... Какъ нравится вамъ эта исторія?

— Я уже знала ее, отвѣчала Валентина, смотря на него еще съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Ого! Какъ же вы это знали? Куси слишкомъ благородный рыцарь, чтобы рассказывать вамъ подобныя вещи.

— Я не отъ него слышала эту исторію.

— Такъ отъ кого же? спросилъ Людовикъ, притворяясь совершенно равнодушнымъ.

— Отъ вашего судьи.

— Отъ Петра Кранъ? Га!.....

Брови герцога нахмурились и зубы его застучали одни о другіе; но онъ тотчасъ снова принялъ веселый видъ свой.

— Понимаю, сказалъ онъ: Петръ Кранъ знаетъ, что я его считаю своимъ товарищемъ и люблю его, такъ онъ хотѣлъ и къ вамъ попасть въ милость. Прекрасно! Но не правда ли, что уже слишкомъ поздно, чтобы разговаривать о пустякахъ? Не забудьте, что король ждетъ насъ завтра къ себѣ къ обѣду, что тотчасъ послѣ стола турниръ, на которомъ я копьемъ буду доказывать, что вы прекраснѣйшая изъ женщинъ, и что тамъ судьбою моимъ будетъ уже не Петръ Кранъ.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ дверямъ, и просунувъ въ кольца ея деревянную перекладину, обитую бархатомъ съ изображеніемъ лилій. Валентина слѣдовала за нимъ глазами, и когда онъ воротился къ ней, она вскочила съ кресель и бросилась къ нему на шею.

— А, герцога, вскричала она, вы очень виновны, если меня обманываете!

Съ этими словами они начали крѣпко обниматься, и цѣловаться зѣло, тѣшась своей нѣжностью и любовью многою, а про Одетту уже и не вспоминали.

Надобно ли вамъ говорить, что Одетта дѣйствительно, послѣ этого происшествія, заперлась въ монастырь? Вы это угадали давно, потому что такъ всегда дѣлаютъ дѣвушки въ нынѣшнихъ древнихъ лѣтописяхъ или романахъ, что одно и то же. Я долженъ сказать вамъ только, что она пошла въ монастырь Св. Троицы, въ которомъ тетка ея была настоятельницею, и что она жила тамъ въ мирѣ, горько плача о своемъ прекрасномъ конюшемъ.

Послѣ чего Французскій король Карлъ VI, который въ эти дѣла не мѣшался, преспокойно женился на своей королевы Изабеллы Баварской.

А послѣ свадьбы короля были, по обыкновенію, празднества и торжества, пиры и пиршества, турниры, которые лѣтописцы того времени, и между прочими нѣкій сирь Александръ Дюма, большой болтунъ XIV вѣка и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и знатокъ въ комутахъ, сбруяхъ и другихъ прочихъ подобныхъ древностяхъ описывали подробно, длинно, скучно, сухо, нестерпимо, жестоко, — такъ, что до-смерти надѣли своимъ благосклоннымъ читателямъ, каковыя благосклонные читатели, заснули глубокимъ сномъ надъ описаніями рѣченного Александра Дюма и проспали четыре вѣка сряду, что удивило даже весьма знающихъ и ученыхъ людей, давно привыкшихъ спать надъ лѣтописями. Вамъ, не желающимъ спать такъ долго, довольно будетъ знать, что герцогъ Туренскій ухаживалъ за королевою и билъ копьемъ кого ни попало, такъ, что графъ Наваррскій сдѣлался его смертельнымъ непріателемъ, и что Петръ Кранъ, родственникъ герцога Бретанскаго, бывшій нѣкогда любимцемъ герцога Туренскаго и потомъ попавшій въ немилость, думая, что обязанъ раною королевскому любимцу коннетаблю Клиссону, долго поджидалъ случая отмстить ему, наконецъ попалъ на него, и оставилъ его на мѣстѣ за-мертво. Клиссонъ однако жъ не умеръ. Петръ Кранъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, и скрылся во владѣніяхъ герцога Бретанскаго, который обещалъ ему надежное убѣжище и, несмотря на всѣ требованія и приказанія короля, не выдалъ его. Надобно вамъ еще знать и то, что это подало поводъ къ войнѣ, пагубной для короля, хотя онъ давно желалъ ея. Безпрерывное раздраженіе, въ которомъ онъ нѣсколько времени находился, и жаръ знойнаго лѣта, воспламенили кровь его, и онъ лишился, на пути, увы!..... Впрочемъ онъ лишился одного только разсудка, который для лѣтописцевъ того вѣка совсѣмъ не такъ важенъ какъ хомутъ. Герцоги Бургонскій и Беррійскій взяли въ свои

руки кормило правленія, а герцогъ Туренскій, сдѣлавшійся герцогомъ Орлеанскимъ, возвратился въ Парижъ къ королевѣ Изабеллѣ наслаждаться утѣхами любви, которыя были сладостны во всѣ времена, авъ тѣхъ вѣкахъ и подавно.

Между-тѣмъ король Карлъ VI жилъ въ Крельскомъ замкѣ. Всѣ врачевныя пособія были истощены безъ пользы. Королевскій врачъ, метръ Гильомъ, успокоилъ его однако жъ нѣсколько; но какъ лекарства не возвращали королю разсудка, то доброму врачу пришло въ голову, что жена наставитъ мужа на умъ лучше всѣхъ аптекарскихъ снадобій. Онъ надѣялся, что присутствіе королевы; свѣжее, прекрасное ея личико; ея женскія попеченія, произведутъ благопріятное дѣйствіе. Но королева рѣшила, что мудрый и добрый врачъ метръ Гильомъ просто осель, что вздумалъ тревожить ее въ любовныхъ занятіяхъ. Она совсѣмъ не намѣрена была покидать здороваго любезнаго, чтобы своимъ присутствіемъ, личикомъ и ласками, лечитъ сумасшедшаго. Но какъ ей совѣстно было отвергнуть подобное предложеніе, то она тотчасъ послала за вѣрнымъ своимъ совѣтникомъ и лѣтописцемъ метромъ Александромъ Дюма, человекомъ вельми смышленнымъ во всѣхъ супружнихъ хитростяхъ и они вмѣстѣ придумали отъиное средство выпутаться изъ бѣды, — средство, конечно, совершенно историческое, но не совсѣмъ согласное съ хорошимъ вкусомъ, которое впрочемъ вы сейчасъ увидите, потому что Исторія всего важнѣе. Она, — я говорю о королевѣ, — послала за настоятельницею Троицкаго монастыря, и, сдѣлавъ ей самый ласковый пріемъ, описала состояніе короля, своего супруга; она сказала, что, по мнѣнію врачей, если бѣ была гдѣ-нибудь дѣвушка, невинная, молоденькая, хорошенькая, добренькая и смирененькая, эта дѣвушка могла бѣ подѣйствовать на короля, своею кротостью и красотю луч-

ше всѣхъ лекарствъ, и побудить его дѣлать добровольно то, къ чему досель доктору надобно было принуждать его силою.

Молнія честолюбія блеснула на лицѣ этой женщины. Она отвѣчала, что повеленіе королевы будетъ исполнено.

Между-тѣмъ король, окруженный двѣнадцатью чело-вѣками въ черныхъ маскахъ и платьяхъ, не дѣлалъ ничего иначе какъ по принужденію. Погруженный въ мрачную задумчивость, онъ переходилъ изъ бѣшенства въ состояніе совершенной безчувственности, смотря потому, была ли у него лихорадка или нѣтъ; во время пароксизма казалось, что въ немъ пылаютъ всѣ огни ада; въ другое время онъ дрожалъ, какъ-будто подверженный дѣйствию жесточайшей стужи; и въ немъ не оставалось ни слѣдовъ памяти или разсудка и ни какого чувствованія, кромѣ чувства боли.

Метръ Гильомъ съ самага начала тщательно изучалъ болѣзнь его; онъ замѣтилъ, что всякій сильный шумъ приводитъ больнаго въ трепеть и на долго разстроиваетъ: поэтому онъ приказалъ, чтобы въ городѣ не звонили въ колокола; онъ замѣтилъ, что видъ цвѣтовъ лилій, неизвѣстно почему, сердилъ его, и всѣ Королевскіе гербы были уничтожены въ его комнатахъ; Карлъ не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить; не хотѣлъ встать, если лежалъ, а вставъ, не соглашался опять лечь. Гильомъ приставилъ къ нему людей, страннымъ образомъ одѣтыхъ и вымазанныхъ чернымъ; они вдругъ входили, и тогда нравственное мужество и разсудокъ короля исчезали; оставался одинъ животный инстинктъ самосохраненія. Король, столь смѣлый и храбрый, дрожалъ какъ ребенокъ, повиновался какъ автоматъ, едва дышалъ, переставалъ говорить, даже не жаловался. Но искусный врачъ скоро открылъ, что физическое благо, которое производи-ли лекарства, даваемыя такимъ образомъ, весьма у-

иалось, если не совершенно уничтожалось нравственнымъ вредомъ самого средства. Тогда пришлю ему въ голову замѣнить насиліе кротостью. Оттого ли, что король начиналъ выздоравливать, или оттого, что силы его ослабли, онъ съ нѣкотораго времени сдѣлался тише прежняго: поэтому можно было надѣяться, что любезный ему голосъ возбудитъ въ его сердце память, исчезающую изъ головы, и что ему приятно будетъ видѣть кроткое милое, личико вмѣсто странныхъ фигуръ своихъ прислужниковъ. Съ такими мыслями Гильомъ просилъ, чтобы королева пріѣхала сама продолжать начатое имъ леченіе. Мы уже видѣли, что королева отказалась и послала вмѣсто себя другое кроткое существо.

Узнавъ объ этомъ, метръ Гильомъ уже не столько надѣялся на успѣхъ леченія, однако не отказался отъ него и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дѣвушки, которая должна была пріѣхать.

Она явилась въ назначенное время съ своей теткою: то была именно ангельская головка, какой желалъ врачъ для того, чтобы успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Онъ почелъ долгомъ успокоить бѣдную дѣвушку, но увидѣлъ, что она совершенно предалась судьбѣ своей, и онъ могъ только благословить ее; онъ приготовилъ множество наставленій, но ни одно изъ нихъ не вышло изъ устъ его, и онъ все предоставилъ чувствованіямъ и вдохновенію этой чистой души, которая рѣшилась пожертвовать собою.

Одетта,—это была она,—уступила просьбамъ своей тетки настоятельница, какъ скоро увидѣла, что для исполненія того, чего отъ нея требуютъ, нужно самопожертвованіе: когда любовь оттолкнута въ глубину благородной души, она всегда выходитъ наружу въ видѣ какой-нибудь добродѣтели; только тѣ, которые приподнимаютъ покровъ ея, видятъ, что она такое;

прочіе, взглядывая на нее, ошибаются и называютъ ее именемъ, которое она сама дала себѣ.

Карль отправился гулять со своими прислужниками: полуденное солнце его беспокоило, и онъ выходилъ только утромъ и вечеромъ. Одетта была одна въ королевской комнатѣ. Что-то странное происходило въ душѣ этой дѣвушки, которая родилась такъ далеко отъ трона, а между-тѣмъ судьба влекла ее къ нему, какъ лодку къ скалѣ. Все въ этой комнатѣ показывало попеченія наемныя и отсутствіе заботъ родственниковъ: она почувствовала сильное состраданіе къ этому ужасному несчастію.

Все было печально и безмолвно въ этой обширной комнатѣ, куда свѣтъ проникалъ только сквозь расписныя стекла; въ одной сторонѣ находился огромный рѣзной каминъ, въ которомъ пылалъ огонь, хотя тогда было самое жаркое лѣтнее время; противъ каминна стояла кровать съ пологомъ изъ зеленого штофа съ золотыми цвѣтами, и обрывки его доказывали борьбу, которую безуміе нерѣдко тутъ выдерживало. Полъ былъ усыпанъ обломками мебели и сосудовъ, которые король разбилъ и разломалъ въ припадкахъ бѣшенства и которыхъ никто не вздумалъ прибрать. Однимъ словомъ, все представляло въ комнатѣ образъ безумнаго разрушенія: видно было, что тутъ живетъ одно только тѣло и опустошеніе, которое господствовало повсюду и казалось болѣе дѣйствіемъ дикаго звѣря чѣмъ человѣка.

При такомъ видѣ страхъ за себя, происходящій отъ женской слабости, овладѣлъ Одеттою; она чувствовала, что подобно нѣжной и робкой газели, попала въ берлогу льва; что безумный, къ которому привели ее, легко можетъ и ее уничтожить такъ же, какъ мебели, которыхъ обломки она попирала ногами, а у нея не было Давидовой арфы, чтобы утишать бѣшенство Саула.

Погруженная въ эти размышленія, она вдругъ услышала ужасный шумъ, — какъ-бы жалобы и крики чловѣка, который пугается; потомъ къ воплямъ присоединился шумъ нѣсколькихъ чловѣкъ, которые преслѣдовали кого-то: и дѣйствительно, король вырвался изъ рукъ своихъ стражей, и они догнали уже его въ ближайшей комнатѣ, гдѣ началась борьба. Этотъ страшный шумъ привелъ бѣдную Одетту въ трепеть; въ страхъ она начала искать двери, скрытой въ обояхъ, сквозь которую вошла она, но не отыскала ея; она побѣжала къ другой двери; но шумъ уже такъ приблизился, что ей показалось, что онъ происходитъ за самой дверью; тутъ она бросилась въ уголъ кровати и закуталась въ пологъ, чтобы, если можно, скрыться отъ первыхъ взглядовъ сумасшедшаго; вслѣдъ затѣмъ послышался голосъ врача, который кричалъ: «Пустите Короля!» И дверь отворилась.

Карлъ вошелъ. Волосы его были всклоочены, лице блѣдно и покрыто потомъ, одежда въ лохмотьяхъ; онъ побѣжалъ въ глубину комнаты, ища какого-нибудь оружія, чтобы защищаться, и, не найдя ничего, со страхомъ обратился къ двери; она была заперта; это, повидимому успокоило его; онъ пристально смотрѣлъ нѣсколько секундъ въ ту сторону, потомъ, подойдя на цыпочкахъ, какъ-бы для того, чтобы его не слышали, поспѣшно повернулъ въ замкъ ключъ и такимъ образомъ заперся изнутри. Тогда онъ началъ искать глазами еще какого-нибудь средства защиты, и, увидѣвъ кровать, схватилъ ее со стороны, противоположной той, гдѣ была Одетта, и притащилъ къ дверямъ, которыя хотѣлъ укрѣпить противъ своихъ непріятелей; онъ испустилъ безумный хохотъ, приводящій въ трепеть тѣхъ, которые его слышатъ, опустилъ голову на грудь, руки вдоль тѣла, медленно возвратился и сѣлъ противъ камина, не видя Одетты, которая оставалась на прежнемъ мѣстѣ, но была

уже открыта, потому что положеніе занавѣса измѣнилось.

Тутъ, потому ли, что пароксизмъ лихорадки прошелъ или потому что болѣзнь исчезла вмѣстѣ съ удаленіемъ предметовъ, которые ее возбуждали, слабость заступила мѣсто бѣшенства. Король опустился въ своихъ креслахъ, и тихонько стоналъ; вскорѣ онъ началъ дрожать всѣмъ тѣломъ и зубы его щелкали: видно было, что онъ ужасно страдаетъ.

При видѣ страданія страхъ исчезъ въдушѣ Одетты; она укрѣплялась по мѣрѣ того, какъ король ослабѣвалъ; она протянула къ нему руку и, не смѣя еще встать, сказала робкимъ голосомъ:

— Ваше величество, не могу ли я чѣмъ-нибудь вамъ помочь?

Услышавъ этотъ голосъ, король повернулъ голову и увидѣлъ Одетту въ другомъ концѣ комнаты; онъ устремилъ на нее одинъ изъ тѣхъ кроткихъ и печальныхъ взглядовъ, какіе были у него обыкновенно въ здоровомъ состояніи; потомъ сказалъ медленно, голосомъ, который постепенно ослабѣвалъ:

— Карлу холодно..... холодно..... холодно.....

Одетта поспѣшно подошла къ нему, и взяла его руки: онѣ были холодны какъ ледъ; она пошла къ постели, сняла одѣяло, погрѣла его передъ огнемъ и завернула короля; видно, что это было пріятно для него, потому что онъ привился смѣяться какъ ребенокъ. Это ободрило Одетту.

— Отчего жъ вамъ, государю, такъ холодно?

— Какому государю?

— Королю Карлу.

— А, Карлу!

— Да. Отчего жъ Карлу такъ холодно?

— Оттого, что Карлъ испугался, — и онъ снова началъ дрожать.

— Какъ же это, Карль, король такой великій и храбрый, можетъ пугаться? сказала Одетта.

— Карль великъ и храбръ, и онъ не боится людей, но (туть онъ понизилъ голосъ) онъ боится черной собаки.

Король произнесъ эти слова съ такимъ выраженіемъ ужаса, что Одетта невольно поглядѣла вокругъ себя, нѣтъ ли туть животнаго, о которомъ король говорилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, она не входила сюда, сказалъ Карль: она придетъ, когда я лягу; вотъ отчего я не хочу ложиться..... Не хочу..... не хочу..... Карль хочетъ остаться у огня. Притомъ Карлу холодно..... холодно..... холодно.....

Одетта опять согрѣла одѣяло и закутала имъ короля, потомъ съела у ногъ его и взяла его руки.

— Такъ видно черная собака очень зла? спросила она.

— Нѣтъ; но она вышла изъ рѣки и холодна какъ ледь.

— И она бѣгала сегодня за Карломъ?

— Карль пошелъ гулять, потому что ему было жарко и хотѣлось на воздухъ; пошелъ въ садъ, гдѣ много цвѣтовъ, и Карлу было очень хорошо.....

Король вытащилъ свои руки изъ рукъ Одетты и сжалъ имъ лобъ свой, какъ будто для того, чтобы утишить сильную боль. Потомъ онъ продолжалъ.

— Карль гулялъ по дерну, усѣянному полевыми маргаритками; онъ ходилъ столько, столько, столько, что наконецъ усталъ; туть онъ увидѣлъ прекрасное дерево съ золотыми яблоками и изумрудными листьями, и легъ подъ нимъ, смотря на небо, которое было все голубое съ брилльянтовыми звѣздами. Карль долго глядѣлъ, потому что это было прекрасное зрѣлище; вдругъ онъ услышалъ, что собака рычитъ, но еще

далеко, очень далеко. Тогда небо сдѣлалось чернымъ, а звѣзды красными; плоды на деревьяхъ закачались, какъ-будто въ большой вѣтеръ, стучаясь съ шумомъ похожимъ на ударъ копья о щель; вскорѣ на каждомъ изъ этихъ прекрасныхъ золотыхъ плодовъ выросло по два крыла, какъ у летучихъ мышей, и они начали ими помахивать; потомъ явились у нихъ глаза, носъ, ротъ, какъ у мертвыхъ головъ. Собака опять зарычала, но ближе, ближе; дерево задрожало все до самыхъ корней, крылья начали бить, головы кричать, листья покрылись потомъ, и каждая капля, холодная, холодная, холодная, падала на Карла. Тутъ Карлъ хотѣлъ вскочить и бѣжать, но собака зарычала въ третій разъ, возмъ, возмъ..... и Карлъ почувствовалъ, что собака ложится ему на ноги и онъ нѣмьютъ отъ тяжести; потомъ она тихо, тихо, поднималась къ его груди и давила его какъ гора; онъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, а она стала лизать ему руки своимъ языкомъ, холоднымъ какъ ледъ..... О!... о! о!.... Карлу холодно.... холодно.... холодно....

— Но если бѣ Карлъ легъ, сказала Одетта, онъ, можетъ-быть, согрѣлся бы.

— Нѣтъ, нѣтъ, Карлъ не ляжетъ, не ляжетъ..... Какъ скоро Карлъ ложится, черная собака входитъ въ комнату, вертится вокругъ его постели, приподнимаетъ одѣяло и ложится ему на ноги..... а Карлу легче умереть чѣмъ чувствовать это.

Король сдѣлалъ движеніе, какъ-будто хотѣлъ бѣжать.

— Ну, хорошо, не надо ложиться, сказала Одетта, взявъ его подъ руки.

— Карлу однако жъ очень хотѣлось бы спать, сказалъ король.

— Карлъ можетъ уснуть на моей груди, сказала Одетта.

Она съѣла на ручку кресель, обвила руками шею короля и преклонила его голову къ груди своей.

— Карлу хорошо такъ? сказала она.

Король поднялъ на нее глаза съ неизъяснимымъ выраженіемъ признательности.

— О, да! сказалъ онъ: Карлу хорошо... хорошо... хорошо!.....

— Ну, такъ Карлъ можетъ уснуть, а Одетта поглядить, чтобы черная собака не приходила.

— Одетта? сказалъ король: Одетта? (и онъ принялся смѣяться съ выраженіемъ реблческой смышленности.) Одетта!! и онъ оперся головою о грудь двушки, которая сидѣла неподвижно и удерживала дыханіе.

Минуть черезъ пять потайная дверца отворилась, и метръ Гильомъ потихоньку вошелъ: онъ приблизился къ этой неподвижной группѣ, взялъ висѣвшую руку у короля, пощупалъ пульсъ, приложился ухомъ къ его груди и прислушивался къ дыханію больного.

Потомъ, приподнявшись съ радостью на лицѣ, онъ сказалъ вполголоса:

— Король цѣлый уже мѣсяцъ такъ хорошо не спалъ. Да благословить васъ Господь Богъ! вы сдѣлали чудо.

Излеченіе, правду сказать, было чудное. Никогда еще метръ Гильомъ не прописывалъ рецепта столь мудраго. Нынче ничего подобнаго не дѣлаютъ, несмотря на мнимые успѣхи Медицины. Но Одетта при выходѣ изъ Крельского замка, была, признаться, не очень здорова, и это можно было замѣтить по разнымъ вѣрнымъ признакамъ, особенно когда Карлъ оправился такъ, что могъ переѣхать въ Сенъ-Польскій дворецъ. Онъ любилъ ту, которая возвратила ему здоровье. И какъ онъ любилъ ее! Дотога любилъ, что чуть-чуть опять не сошелъ съ ума; чуть не сошелъ съ ума отъ той, которая только-что вылечила его отъ сумасшествія. Однимъ словомъ, Карлъ

нѣжно полюбилъ Одетту, Одетта нѣжно полюбила Карла, и это было причиною разныхъ весьма странныхъ событій. А самое странное изъ нихъ было то, что она сбиралась уже быть матерью. Король помѣстилъ ее въ одномъ домѣ подлѣ Сень-Польскаго дворца, при его дворѣ все пришло почти въ то же положеніе, въ какомъ было до его болѣзни; для развлеченія государя давали непрерывныя балы и пиршества. Въ это-то время былъ при дворѣ маскарадъ, котораго описаніе вы, конечно, читали въ Фроассарѣ, если только вы читали Фроассара; маскарадъ, въ которомъ четверо царедворцевъ, одѣвшіеся мохнатыми дикарями, по неосторожности загорѣлись и сжарились живые, — самъ Карлъ VI едва не сгорѣлъ. Въ ту же ночь распространился въ Парижѣ слухъ объ его смерти, и дошелъ до Одетты. На другой день Карлъ ѣздилъ по всему городу, чтобы успокоить народъ. Проезжая по улицѣ des Jardins, онъ услышалъ крикъ, такой пронзительный, что вздрогнулъ и поднялъ голову. Крикъ этотъ испустила молоденькая дѣвушка. Увидѣвъ ее, король соскочилъ съ лошади, побѣжалъ къ дому, въ которомъ была дѣвушка, вошелъ въ ея комнату, и произнесъ въ испугѣ: — Что съ тобою, моя милая? Что ты такъ дрожишь и такъ блѣдна?

— Я думала, что вы умерли и я сама умираю.

Одетта дѣйствительно думала, что она умираетъ, потому что упала въ обморокъ. Карлъ поддержалъ ее и снесъ на постель, съ которой она только что встала; служанка ея Іоанна брызнула ей въ лице водою, и она открыла глаза. — Ахъ! вскричала она, обхвативъ руками шею своего любезнаго: о, мой Карлъ, мой государь, мой повелитель, такъ вы еще живы?

— Милая моя, сказалъ король, да; я живъ еще, чтобъ любить тебя.

— Чтобъ любить меня!

— О, да!

— Хорошо быть любимой; легче умирать, сказала печально Одетта.

— Умирать! сказалъ король съ ужасомъ: умирать! Вотъ, уже ты два раза повторила это слово: но развѣ ты больна? развѣ ты страдаешь? отчего ты такъ блѣдна?

— И вы спрашиваете, отчего я блѣдна? сказала Одетта. Развѣ вы не знаете, что страшная вѣсть разнеслась по всему городу, проникла и сюда какъ вездѣ; что ночью по всему Парижу раздавался ужасный крикъ—«Король умеръ!» Охъ, когда я услышала эти слова, они какъ кинжалами поразили мое сердце; я чувствовала, какъ что-то необходимое для жизни во мнѣ лопнуло; я очень была рада тому, я знала, что не переживу васъ, и благодарила за это Богѣ; теперь вы живы, и я одна умираю; и теперь надобно благодарить Бога: велико его милосердіе!

— Что ты говоришь, Одетта! Умереть? тебѣ умереть! отчего же? и какъ умереть тебѣ?

— Отчего? это я уже говорила; какъ? этого я не знаю; знаю только то, что душа моя готова вылетѣть изъ тѣла. Узнавъ, что вы живы, я молила Бога только о томъ, чтобы онъ далъ мнѣ васъ увидѣть. Я знала, что бесполезно было бы просить его, чтобы и мнѣ остаться въ живыхъ; теперь я васъ видѣла; я счастлива; я могу уже умереть. О Боже мой, Боже мой! прости меня въ томъ, что всѣ мысли мои стремятся къ нему. Охъ, Карлъ, какъ я страдаю! Обними меня, чтобы я по-крайней-мѣрѣ умерла въ твоихъ объятіяхъ.

И она во второй разъ упала въ обморокъ.

Король думалъ, что она умерла; онъ, съ криками и рыданіями прижималъ ее къ своему сердцу; вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ въ ней странное движеніе.

— А! вскричалъ Карлъ, вдругъ прїидя въ себя: охъ, бѣги, Иоанна, бѣги къ моему врачу; приведи его сюда; скажи ему, если нужно, что я умираю; но чтобъ онъ пришелъ сейчасъ, сію минуту; она еще жива, ее еще можно спасти.

Иоанна бросилась изъ комнаты, и побѣжала такъ скоро, какъ только позволяла ей старость, въ сказанный королемъ домъ. Минуть черезъ десять она возвратилась со врачомъ.

Одетта уже пришла въ чувства, но была такъ слаба, что не могла говорить. Король пристально, съ жадностью, смотрѣлъ ей въ глаза, и потъ крупными каплями текъ съ лица его; повремени Одетта испускала легкіе крики.

— Охъ, подите сюда, подите сюда! метръ, вскричалъ Карлъ, увидѣвъ врача: подите сюда и спасите ее; вы спасете болѣе чѣмъ мою корону, болѣе чѣмъ мое королевство, болѣе чѣмъ жизнь мою; вы спасете ту, которая возвратила мнѣ разсудокъ, когда я былъ сумасшедшимъ; которая съ ангельскою преданностью, съ ангельскимъ терпѣніемъ, пеклась обо мнѣ въ длинные дни и безконечныя ночи; потомъ, когда вы спасете ее, требуйте отъ меня, чего хотите, и получите, если только могущественнѣйшій во всѣхъ христіанскихъ земляхъ король въ состояніи исполнить ваше желаніе.

Одетта взглянула на короля съ выраженіемъ неслышимой признательности. Врачъ подошелъ къ ней и пощупалъ пульсъ.

— Она скоро почувствуетъ родильные припадки, сказалъ врачъ: между тѣмъ плодъ ея еще не созрѣлъ; она вѣрно поражена была сильнымъ испугомъ, или какимъ нибудь неожиданнымъ приключеніемъ.

— Да; это правда, сказалъ король. Если вы такъ хо-

рошо знаете причину ея болѣзни, то можете и спасти ее. Не правда ли?

— Вашему величеству надобно было бы возвратиться въ Сенъ-Польскій отель: мы пришлемъ за вами, когда все будетъ кончено.

Одетта сдѣлала было движеніе, чтобы удержать короля; но потомъ, почти тотчасъ, опустила руки на кровать и сказала слабымъ голосомъ:—Онъ говоритъ правду, государь. Но вы скоро придете, не правда ли?

Король отвелъ врача въ сторону и, смотря на него пристально, сказалъ:

— Вы, вѣрно, хотите только удалить меня, чтобъ я не видѣлъ ея смерти? Если такъ, ничто на свѣтъ не поставитъ меня выйти изъ этой комнаты; не отнимайте ея у меня ни на минуту, ни на секунду, если не надеетесь возвратить мнѣ ее живою.

Врачъ опять подошелъ къ Одеттѣ, снова взялъ ее за руку, пристально посмотрѣлъ на нее, и потомъ, возвратившись къ королю, сказалъ:

— Вы можете ѣхать, ваше величество; она проживетъ еще до завтра.

Король судорожно сжалъ руку доктора, и пощечкамъ его потекли двѣ слезы.

— Такъ неужели и она должна умереть! сказалъ онъ глухимъ голосомъ. Неужели я долженъ ея лишиться! О, въ такомъ случаѣ я не выйду отсюда! Ничто не поставитъ меня уйти, ничто на свѣтъ!

— Однако жъ вы уйдете, государь, и одно слово причудитъ васъ къ этому: волненіе, производимое вашимъ присутствіемъ, можетъ сдѣлать кризисъ болѣе опаснымъ и болѣзненнымъ, а все зависитъ отъ этого кризиса; если есть надежда, такъ только въ этомъ.

— О, въ такомъ случаѣ я иду, сказалъ король, и, подбѣжавъ къ Одеттѣ, онъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. — Одетта, сказалъ онъ, будь терпѣлива и мужественна; я бы хотѣлъ остаться съ тобою, но го

ворять, что мнѣ необходимо нужно уйти; береги себя для меня: я опять приду, непременно приду.

— Прощайте, государь, сказала печально Одетта.

— Нѣтъ, не прощай; но до свиданья.

— Дай Богъ! сказала бѣдняжка, закрывъ глаза и опустивъ голову на подушку.

Король, въ слезахъ и въ отчаяніи, возвратился въ Сень-Польскій дворецъ; онъ заперся въ своихъ комнатахъ и провелъ тамъ два часа, которые показались ему двумя вѣками, тщетно стараясь разсѣяться и безпрерывно терзаемый одной мыслию: онъ чувствовалъ, что жестокая боль пробѣгаетъ въ головѣ его; пламя пролетало предъ его глазами; онъ сжималъ руками свою пылающую голову, какъ-бы старался удержать въ ней рассудокъ, рассудокъ, который только-что возвратился и готовъ былъ улетѣть снова. Потомъ, черезъ нѣсколько времени, онъ чувствовалъ, что долѣе уже не въ состояніи выдержать; бросился изъ комнаты; выбѣжалъ изъ отеля, отправился въ улицу des Jardins, увидѣлъ домъ, въ которомъ жила Одетта, и остановился; онъ дрожалъ всѣми членами. Спустя минуту онъ опять пошелъ, но такъ тихо, какъ-будто уже сдѣдовалъ за похоронами. Онъ подошелъ къ самому дому и остановился, не рѣшаясь переступить черезъ порогъ и думая, не лучше ли ему возвратиться въ Сень-Польскій отель и подождать, пока за нимъ пришлютъ. Наконецъ онъ машинально поднялся на лѣстницу, подошелъ къ двери, приложилъ ухо и слышалъ крики.

Черезъ нѣсколько минутъ, крики прекратились. Юанна поспѣшно отдернула дверной занавѣсъ; король стоялъ позади его на колѣняхъ.

— Что жъ? сказалъ онъ въ невыразимомъ безпокойствѣ. Одетта, Одетта!....

— Она разрѣшилась отъ бремени; она ждетъ васъ.

Король, смѣясь и плача, бросился въ комнату; по-

томъ, вдругъ остановился передъ постелью, на которой Одетта лежала, держа въ рукахъ дочь свою *; она была такъ блѣдна, что казалась мраморною статуею.

И между-тѣмъ, несмотря на эту блѣдность, на устахъ юной матери была улыбка тихая, исполненная надежды, улыбка незнамая, невыразимая, съ какою только мать смотритъ на дитя свое, улыбка, составленная изъ любви, вѣры и молитвы.

Видя, что король не рѣшается подойти къ ней, она собрала всѣ силы; взяла ребенка и подала его королю:

— Она останется вамъ вмѣсто меча, сказала Одетта.

— О, и мать и ребенокъ будутъ живы! сказалъ король, прижавъ обѣихъ на груди. Богъ оставитъ на одномъ стеблѣ и розу и распукольку. Что мы ему сдѣлали, чтобы онъ захотѣлъ разлучить насъ?

— Ваше величество, сказалъ врачъ, больной ну-женъ покой.

— О, оставьте мнѣ его, отвѣчала Одетта: сонъ мой будетъ легче и пріятнѣе, когда я знаю, что онъ тутъ. Не забудьте, что если онъ уйдетъ, я, можетъ-быть, ужъ не увижу его, и что я жила такъ долго только потому, что природа сдѣлала чудо для моего ребенка.

При этихъ словахъ она опустила голову на плечо Карла. Иоанна унесла дѣвочку, врачъ вышелъ, Одетта и король остались одни.

— Теперь моя милая, сказалъ король, я буду сидѣть у твоей кровати, какъ ты сидѣла долго подлѣ меня. Богъ совершилъ для тебя чудо: я, конечно, менѣе тебя достоинъ его милости, но я надѣюсь на его милосердіе. Спи, я буду молиться.

Одетта печально улыбнулась, сжала почти нечувствительно руку короля и закрыла глаза. Черезъ нѣ-

* Эта дочь называлась Маргаритою Валон и была впоследствии выдана замужъ за одного вельмюжу, сирѣ Гаршдаина.

сколько минутъ, по ея дыханію и по вздыманію груди, можно было видѣть, что она спитъ.

Король, удерживая дыханіе и сидя неподвижно, смотрѣлъ на это лице, столь блѣдное, что можно было бы почестъ его уже принадлежащимъ могилѣ, если бѣ губы, обозначенныя яркимъ алымъ цвѣтомъ, и сильное біеніе жилъ не показывали, что въ тѣлѣ ея еще течетъ лихорадочная жизнь. Повременамъ судорожныя движенія пробѣгали по этому слабому тѣлу, и вълѣдъ за ними на чель выступали крупныя капли пота. Движенія дѣлались все чаще и чаще, глухіе стоны вырывались изъ груди, слабыя и легкіе крики показывали, что ее мучитъ страшный сонъ. Карлъ видѣлъ, что сонъ ея превратился въ страданіе, и онъ разбудилъ ее.

Одетта открыла глаза. Взоры ея, уже померкшіе, были нѣсколько времени неясны и неопредѣленны и пробѣгали по всѣмъ окружающимъ предметамъ; наконецъ они остояновились на королѣ, и она испустила радостный крикъ.

Она прильпнлась устами къ щекѣ Карла, и, изнемогая отъ сильныхъ ощущеній, снова закрыла глаза.

Король видѣлъ, что она опять заснула и нѣсколько времени наблюдалъ сонъ ея. Потомъ онъ почувствовалъ, что порой у него кружится голова; ему казалось, что окружающіе его предметы вертятся. Стулъ, на которомъ сидѣлъ онъ, колебался; онъ колебался; онъ хотѣлъ бы встать, отворить окно, прогнать отъ себя этотъ бредъ; но для этого надобно было разбудить Одетту, — Одетту, которая такъ спокойно спала въ его объятіяхъ, и которой губы снова поблѣднѣли, и которой кровь стала обращаться покойнѣе, — Одетту, которой два часа отдохновенія могли возвратитъ силу. Онъ не рѣшился. Чтобъ избавитъ ся отъ головокруженія, онъ присѣлъ на подушку Одетты, закрылъ глаза, еще нѣсколько времени видѣлъ

предметы странные, неосязаемые, которые носились въ воздухѣ и мелькали, не касаясь до земли; потому все это покрылось какимъ-то дымомъ, въ которомъ сверкали искры; потомъ искры погасли, все погрузилось въ неподвижность, мракъ и безмолвіе: онъ за-снулъ.

Черезъ часъ онъ проснулся, ощущая холодъ; голова Одетты упала на его щеку, и ему тутъ именно было холодно; онъ какъ-бы онѣмѣлъ отъ тяжести ея тѣла; онъ хотѣлъ положить ее на постель; она была блѣднѣе чѣмъ когда-нибудь: вся краска исчезла съ губъ ея; онъ прильнулъ къ ея устами и уже не чувствовалъ ея дыханія; онъ бросился на нее, началъ осыпать ее поцѣлуями, и вдругъ страшно закричалъ.

Иоанна и докторъ вошли и побѣжали къ постели: Одетты уже тамъ не было; они посмотрѣли кругомъ и увидѣли въ углу Карла: онъ сидѣлъ и держалъ на рукахъ трупъ Одетты, закутанный въ одеяло; глаза покойницы были сомкнуты; глаза Карла открыты и неподвижны; Одетта была мертва, Карлъ помѣшанъ.

Въ этотъ разъ онъ сошелъ съ ума такъ, что его не вылечили бы уже весь прекрасный и добродѣтельный полъ. Большія несчастія послѣдовали за этимъ вторичнымъ припадкомъ. Во Франціи все снова пришло въ величайшій беспорядокъ. Крестовый походъ, который Карлъ поддерживалъ въ краткій промежутокъ между двумя своими болѣзнями, окончился злополучнымъ образомъ, и только весьма немногіе рыцари возвратились изъ Турціи. Герцоги Беррійскій и Бурбонскій управляли государствомъ по-своему. Герцогъ Бургонскій, послѣ коварнаго примиренія съ герцогомъ Орлеанскимъ, нанялъ убійцъ, которые умертвили его. Но вы знаете все это изъ Исторіи лучше моего, несмотря на то, что я читалъ даже лѣтопись Александра Дюма, который во весь второй томъ своей книги рассказываетъ преподробно плачевныя со-

бытія царствованія Карла VI до самой его кончины, драматизируя повѣтствованіе Фроассара и примѣшивая къ нему анекдоты. Помѣшательство короля продолжалось съ краткими промежутками, въ которые онъ приходилъ въ себя и снова возстанавливалъ власть свою, и потомъ опять былъ помѣшанъ и предаваемъ забвенію. Распри Арманьяковъ съ Бургиньонами и несчастная война съ Англичанами наполняютъ почти весь этотъ томъ, въ которомъ впрочемъ болѣе быстроты разсказа чѣмъ въ первомъ. Онъ оканчивается смертію Карла VI и провозглашеніемъ Генриха, полуторагодоваго ребенка, королемъ Англии и Франціи.

Въ этомъ сочиненіи есть нѣсколько сценъ занимательныхъ и написанныхъ живо. Взятіе подъ стражу королевы Изабеллы; подробности о Перринѣ Леклеркѣ, который, чтобы отмстить коннетаблю Клиссону, предалъ Парижъ въ руки Бургиньоновъ; прибытіе короля въ советъ въ ту минуту, какъ герцогъ Бургонскій собирается подписать отъ имени короля постыдный миръ съ Англіею; исторія сирь Жіака, которому жена измѣнила для герцога Бургонскаго; свиданіе Карла съ Изабеллою и принцессою Екатериною, съ которою онъ вступилъ въ бракъ, суть эпизоды, написанные съ большимъ искусствомъ и силою. А за исключеніемъ этого, книга, если позволите, очень скучна.

Я не говорю о родѣ: помни, ужъ лучше и благопрістойнѣе писать историческіе романы чѣмъ романическія Исторіи.

=

ДОНЪ ЖУАНЪ АВСТРІЙСКІЙ,

ИЛИ ПРИЗВАНІЕ.

=

КОМЕДІЯ КАЗИМИРА ДЕЛАВИНЬЯ.

=

У императора Карла V былъ побочный сынъ, родившійся въ Регенсбургъ, говорятъ одни, въ Брюссель или Намюръ, говорятъ другіе. Таинственность, которою окружали этого ребенка, должна была скрывать или знатную породу или низкое происхожденіе. Одна Фламандская графиня Варвара Бломбергъ, долгое время слыла его матерью; эту честь приписывали также одной хорошенькой Регенсбургской булочницъ; но есть причины полагать, что виновницей его существованія была его тетка, Маргарита Австрійская. Брантомъ говорить, что донъ Жуанъ провелъ первые годы младенчества въ Литтхскихъ Горахъ, у одного богатаго пастуха, который воспитывалъ его сурово и приучалъ къ труднымъ работамъ. Когда онъ подросъ, посланные отъ императора взяли его и отвезли къ старому Кастильскому дворянину, по имени Кехадъ, который былъ некогда совѣтникомъ Карла V, и жилъ въ замкѣ Виллегарчіа, близъ Толеды. Императоръ уже сложилъ съ себя корону и постригся въ монастырь Св. Юста; но, отказываясь отъ свѣта, онъ поручилъ молодого донъ Жуана законному своему сыну Филиппу II, наследнику Испанскаго престола. Кардиналъ Бентиволю рассказываетъ, какимъ образомъ донъ Жуанъ былъ воспитываемъ по приказанію своего нѣжнаго брата. Донъ Жуанъ уже умѣлъ владѣть оружіемъ и конемъ; несмотря на свою молодость, онъ ловко управлялся со шпагою и могъ убить человѣка, какъ на

него надѣли рясу, заперли его въ одной комнатѣ и всѣми возможными средствами старались придать ему склонность къ монашескому званію. Филиппъ II не спускалъ безпокойныхъ и завистливыхъ глазъ съ монастыря, въ которомъ жилъ Карлъ V: онъ надѣялся, что братъ его тоже сдѣлается, современемъ, монахомъ.

Исторія говоритъ, что однажды донъ Жуанъ получилъ письмо отъ Кехады, который былъ тогда въ Мадридѣ и отъ имени короля приказывалъ ему быть черезъ нѣсколько дней въ назначенномъ мѣстѣ въ горахъ Торосскихъ, гдѣ дворъ будетъ забавляться охотою. Вы можете вообразить, какое было это счастье для донъ Жуана. Въ восторгѣ радости, онъ обнялъ жену донъ Кехады, донну Уллоа, которая служила ему вмѣсто матери и во всю жизнь нѣжно его любила. На другой день донъ Жуанъ, въ богатой одеждѣ и въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ въ ливрѣ, отправился верхомъ въ горы, въ которыхъ долженъ былъ представляться королю на охотѣ. Кехада выѣхалъ къ нему навстрѣчу и повелъ его къ Филиппу II. Донъ Жуанъ съ робостью преклонилъ колено и хотѣлъ поцѣловать руку короля, но Филиппъ поднялъ его, и сказалъ съ кротостью: «Знаешь ли ты, кто твой отецъ?» Донъ Жуанъ чрезвычайно смутился, и, не говоря ни слова, взглянулъ на своего опекуна, котораго онъ всегда называлъ своимъ отцомъ. «Вы сынъ челоуѣка знаменитаго, сказалъ съ важностью Филиппъ: Карлъ V отецъ и вашъ и мой.» Онъ обнялъ его, взявъ за руку и показалъ придворнымъ господамъ: «Рекомендую вамъ моего брата, сказалъ онъ: сына отца моего Карла V; мнѣ давно уже хотѣлось обнять его, и я считаю этотъ день однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни. Вотъ какъ просто и величаво былъ признанъ донъ Жуанъ Австрійскій.

Послѣ этого онъ переселился ко двору, влюбился

въ одну благородную и прекрасную особу, донну Марию Мендосу, и тронулъ ея сердце. Но строгій Филиппъ II, который не любилъ соблазна, вмѣшался въ ихъ дѣла, заключилъ донну Марию Мендосу, уже беременную, въ монастырь, а донъ Жуана отправилъ на войну. Несчастнѣйшій любовникъ сталъ счастливымъ воиномъ, отличился оружіемъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени, прославился въ исторіи побѣдою надъ Турками при Лепантъ, и наконецъ наименованъ былъ правителемъ Бельгій, гдѣ вскорѣ и умеръ. Филиппа II подозрѣвали въ томъ, что онъ отравилъ его. Вотъ настоящая исторія.

Теперь, хотите ли вы знать, какимъ образомъ Г. Делавинъ сдѣлалъ изъ этой исторіи историческую комедію. Это длинная исторія и суцая комедія.

Вы знаете, любезные читатели, — потому что вы все знаете, — вы знаете, что Г. Делавинъ, авторъ «*Messépiennes*» и «*Школы стариковъ*»; сочинитель столькихъ трагедій въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, единственный нынче писатель, который еще умѣетъ кроить Расиновскіе монологи и льпить Вольтеровскія антитезы; академикъ, который полписалъ знаменитое прошеніе Карлу X противъ романтизма, терпѣлъ съ 1826 года жестокія гоненія отъ проповѣдниковъ юной словесности: они называли его плохимъ поэтомъ, чловѣкомъ безъ вкуса и безъ таланта, запоздалымъ педантомъ, даже, съ позволенія сказать, классикомъ. Г. Делавинъ получалъ отъ нихъ въ каждой газетѣ, въ каждой статьѣ, въ каждой критикѣ, кстати и не кстати, щелчекъ, насмѣшку или царапину. Наконецъ это ему надоѣло. И онъ, важный академикъ, началъ соображать, какъ бы угодить этимъ молокососамъ, этимъ недопеченнымъ геніямъ, какъ прежде самъ выражался: онъ тоже пустился производить юную словесность, и, при первомъ опытѣ увидѣлъ, что это въ тысячу разъ легче, чѣмъ онъ думалъ. Онъ напи-

саль для нихъ «Двѣтъ Эдуарда», и молодые люди одобрили академика, погладили его по головкѣ, и сказали, что онъ будетъ современемъ писатель порядочный: надобно только прилежно учиться и ихъ слушаться. Г. Делавинь принялся изучать теорію этихъ господъ, и наконецъ написалъ драму «современную», драму, основанную на ужасѣ и на непредвидѣнномъ, наполненную опасностями, которыя приводятся въ дѣйствіе машинистомъ, декораторомъ и костюмеромъ, опасностями глухаго корридора, подмѣна лицъ, слишкомъ скорого закрытія ставня, веревочной лѣстницы, найденнаго ключа, письма забытаго на столѣ; драму, наполненную всѣми этими закулисными средствами, всѣми этими пустяками, которыя прикрываются блескомъ пышныхъ словъ, и все — таки — пустяки. Однимъ словомъ, Г. Делавинью удалось написать драму нелзпую и безобразную. И какъ скоро дошелъ онъ до этой степени совершенства, великій критикъ Жюль Жаневъ закричалъ: «Что видѣлъ я? Я видѣлъ комедію, трагедію, исторію, романъ, элегію! Я восхищался твореніями и прозаика и поэта, и питомца Россини и ученика Виктора Гюго. Что дѣлать? Смѣяться? Плакать? Остроуміе автора останавливаетъ мои слезы, а ужасъ сгоняетъ съ лица улыбку. Говорятъ, что мы уже пресыщены театральными удовольствіями, что они сдѣлались для насъ приторными, а мы съ наслажденіемъ соглашаемся быть игрищемъ этой любезной фантазіи, — мы, всю жизнь бранившіе гармоническаго пѣвца Паріи и Сицилійскихъ вечерень!».....

Что жъ въ этой любезной фантазіи Г. Казиміра Делавинья, такъ восхищаетъ учителей юнаго закона? Неужели поправіе всѣхъ приличій? неужели выведение монаховъ своей Церкви на комическую сцену? Неужели самая жестокая неблагопристойность, какой только образованное общество можетъ быть свидѣтелемъ?..... Вѣроятно, все это. Г. Делавинь, изволите ви-

дѣтъ, сдѣлалъ большіе успѣхи съ страшнаго убійства дѣтей Эдуарда на сценѣ: онъ дошелъ до изнасилованія на сценѣ, — высокаго драматическаго эффекта, до котораго и самъ Александръ Дюма никогда еще не доходилъ. Однимъ словомъ, Г. Делавинь рѣшительно примкнулъ къ новой школѣ: онъ произвелъ комедію въ родѣ Лукреціи Борджіа и Падуаискаго тирана; онъ теперь романтикъ какъ нельзя болѣе; въ комедіи его есть даже и жидовка. Вы знаете, что со времени Ревекки Вальтера Скотта, литература не можетъ обойтись безъ жидовки. Г. Делавинь выучился еще у Виктора Гюгò понимать исторію надлежащимъ образомъ: эта жидовка введена здѣсь на подмѣнъ благородной донны Маріи Мендосы, настоящей любовницы донъ Жуана, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ничего поэтическаго, потому что она не жидовка. Строгій и набожный Филиппъ II, который тоже влюбленъ въ некрещеную любовницу своего соперника и брата, становится передъ этою жидовкою на колѣни, точно такъ же какъ у другаго новообращеннаго романтика, Г. Скриба, кардиналъ, на Костницкомъ Соборѣ, становится на колѣни передъ жидомъ.

Не мы хотимъ быть судьями Г. Делавинья. Пусть говоритъ Г. Густавъ Планшъ: онъ откровенно выскажетъ вамъ свое мнѣніе объ этой трагедіи, комедіи, исторіи, элегій или романѣ, *ad libitum*.

«Въ исторической комедіи Г. Делавинья, говоритъ онъ, есть нѣсколько лицъ съ именами знаменитыми, — донъ Жуанъ Австрійскій, Филиппъ II и Карлъ V. Тѣ, которые знаютъ Испанію только по Исторіи и не умѣютъ, подобно автору *Messénienne*, объяснять релігіозныхъ распрій XVI столѣтія помощію философіи Вольтера, едва ли догадаются, что дѣло идетъ здѣсь о Лепантскомъ побѣдѣ и счастливомъ соперникѣ Франциска I. Въ угоду умамъ лѣнивымъ, которые ходятъ не довольно скоро, чтобы въ одинъ

вечеръ перейти два вѣка съ половиною, мы разберемъ всѣ роли въ этой комедіи.

Въ комедіи Г. Делавиня, донъ Жуанъ Австрійскій влюбленъ въ одну дѣвушку, которой онъ не знаетъ ни настоящаго имени, ни происхожденія. Онъ мечтаетъ только о средствахъ ее видѣть, говорить съ нею, проводить у ногъ ея упительные часы любви; онъ обманываетъ своего опекуна Кехаду, подкупаетъ своихъ присмотрщиковъ, и все его честолюбіе ограничивается женитьбою на своей любовницѣ. Когда донъ Кехада, котораго онъ считаетъ отцомъ своимъ, предлагаетъ ему вступить въ духовное званіе и указываетъ на кардинальскую шляпу, онъ открываетъ ему страсть свою. Тутъ Филиппъ II пріѣзжаетъ подъ именемъ графа Сантафіоре въ замокъ Кехады, чтобы познакомиться со своимъ братомъ: такъ авторъ преобразовалъ знаменитое свиданіе на охотѣ. Донъ Жуанъ повторяетъ свое признаніе въ присутствіи короля, скрывающагося подъ именемъ графа Сантафіоре, и требуетъ только шпаги, чтобы прославить себя на полѣ чести и сдѣлаться достойнымъ руки своей любезной. Но его любезная — жидовка; онъ узнаетъ это впоследствии отъ нея самой, и узнаетъ съ хладнокровіемъ философа космополита. Таинственный графъ Сантафіоре застаетъ его у ногъ жидовки, донны Флоринды, приказываетъ ему удалиться и никогда болѣе не являться въ этомъ домѣ. Донъ Жуанъ ни сколько не удивляется, отчего донна Флоринда убѣжала при первомъ взглядѣ на таинственнаго незнакомца, и онъ слѣдуетъ за нею, презирая своего соперника. Отведенный, по приказанію короля, въ монастырь, донъ Жуанъ начинаетъ съ того, что раздираетъ свою рясу, и рассказываетъ въ третій разъ любовь свою старому незнакомому монаху, который не кто иной, какъ самъ Карлъ V: для избѣжанія дальнѣйшихъ повтореній, тутъ же слушаетъ его и комнатный товарищъ этого

монаха, молоденькій послушникъ, который потомъ старается его утѣшить. Благодаря обязательности новыхъ друзей своихъ, стараго монаха и юнаго послушника, онъ уходитъ изъ монастыря и снова отправляется къ любезной жидовочкѣ. Ему говорятъ, что ея нѣтъ дома; старая жидовка убѣждаетъ сговорчиваго донъ Жуана подождать донны Флоринды, и между тѣмъ прячетъ его. Зачѣмъ же его прячутъ? Затѣмъ, что въ это самое время мнимый графъ Сантафіоре, собственно Филиппъ II, любезничаетъ въ ближнемъ альковѣ съ донною Флориндою, и любезничаетъ такъ наступательно, что бѣдная дѣвушка испускаетъ *пронзительный крикъ*. Это очень мило! донна Флоринда, — какъ кажется, уже послѣ пронзительнаго крика, — зоветъ къ себѣ на помощь; донъ Жуанъ вытаскиваетъ Филиппа II изъ алькова, оскорбляетъ его, вызываетъ на бой и бросается на него со шпагою въ рукахъ, какъ вдругъ донна Флоринда вскрикиваетъ: «Остановись, это король!» А надобно вамъ знать, что въ монастырѣ донъ Жуанъ получилъ отъ стараго монаха, который въ мірскомъ чинѣ былъ Карломъ V, благословеніе и шпагу, съ условіемъ не употреблять этого дара, — то есть шпаги, — противъ короля. Вѣрный своему обѣщанію, онъ почтительно выслушиваетъ мораль, читаемую повелителемъ и соперникомъ; но, конечно, не отдѣлался бы одною моралью, и, вѣроятно, провелъ бы остальную часть жизни въ какой-нибудь крѣпости, если бы старый монахъ, которому онъ одолженъ свободою, котораго онъ избралъ себѣ въ повѣренныя и помощники, если бы Карлъ V не вздумалъ вдругъ выйти безъ спросу изъ монастыря, и явиться ко двору, чтобы помирить незаконнорожденнаго своего сына съ законнымъ, короля Филиппа II съ будущимъ Лепантскимъ побѣдителемъ. Неизвѣстно, что случилось съ жидовкою Сарою, или иначе донною Флориндою, которая носила это имя, чтобы скрыть свое происхожденіе.

Вотъ донъ Жуанъ Австрійскій Г. Делавинья: этотъ молодой человекъ чистосердеченъ, храбръ, покоренъ, легковѣренъ, исполненъ въротерпимости, открываетъ первому встрѣчному свою любовь и свои надежды. Чтобы обрисовать этотъ характеръ, я по необходимости долженъ былъ означить вкратцѣ весь ходъ пьесы, потому что донъ Жуанъ занимаетъ почти двѣ трети всего дѣйствія; но познакомить читателей съ Филиппомъ II и Карломъ V; невозможно, не показавъ ихъ отдѣльно.

Филиппъ II, какъ уже извѣстно, покидаетъ дворъ, чтобы свести знакомство съ братцемъ; и вѣроятно для того, чтобы какъ-можно лучше скрыться, является подъ именемъ никогда неслыханнымъ въ Испаніи, подъ именемъ Сантафіоре. Если только донъ Жуанъ порядочно зналъ свой языкъ, онъ необходимо долженъ былъ принять этого Сантафіоре за бродягу и плута, потому что онъ никакъ не могъ подозрѣвать, чтобы Испанскій грандъ вздумалъ принять имя, столь же варварское для Италіянскаго уха, какъ и для Кастильскаго. Этотъ Филиппъ II, столь удачно окрещенный и тоже влюбленный въ донну Флоринду, подобно донъ Жуану — не знаетъ ни настоящаго имени, ни вѣроисповѣданія своей любезной. Это довольно странно отъ государя, каковъ былъ Филиппъ II. Для удаленія своего соперника, онъ, вмѣсто того, чтобы сказать — «Я король», или просто позвать свою стражу, съ непостижимымъ терпѣніемъ сносить оскорбленія. Это ужъ слишкомъ много отъ короля обѣихъ Испаній и обѣихъ Индій. Онъ отправляетъ брата въ монастырь и такъ плохо наблюдаетъ за исполненіемъ, что донъ Жуана отвозятъ въ тотъ монастырь, въ которомъ находится Карлъ V. Надобно думать, что въ то время приказанія Испанскаго короля исполнялись не лучше приказаній Парижскаго префекта полиціи. Когда опять онъ нашелъ донъ Жуана у донны Флоринды, онъ даже не спра-

пинаеть, какъ молодой человекъ осмѣлился убѣжать изъ монастыря. Онъ посягаетъ на донну Флоринду, и, узнавъ, что она жидовка, еще болѣе пылаеть желаніемъ овладѣть ея любовью. Онъ, король Испанскій, бросается на колѣни передъ жидовкою, передъ женщиною, которая погибла бы, если бъ только онъ сказалъ слово. Онъ проситъ у нея помилованія! Досель ни одинъ еще историкъ не показывалъ въ жизни Филиппа II обстоятельство, которыя могли бъ сдѣлаться драматургу поводомъ къ этому неностижимому эпизоду. Вы согласитесь, что приписывать Филиппу II любовныя похищенія все равно, что сдѣлать Катона волокитою и чизисбеемъ. Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ донъ Жуаномъ, врагомъ, на котораго онъ надолжилъ цѣпи, и который сбросилъ ихъ съ себя, онъ не думаетъ, что въ это дѣло вмѣшался отецъ его; онъ щадитъ своего непріятеля и опять передаетъ его въ руки Карла V, когда самъ могъ бы отмстить ему и уничтожить однимъ знакомъ голову. Надобно сказать правду, что Филиппъ II, созданный такимъ образомъ, лице совершенно новое! Филиппъ II въ этой комедіи ужасенъ только по своему имени: онъ не поражаетъ, какъ у Шиллера, самою простотою своей жестокости. Онъ золъ, но не какъ человекъ, и сверхътого онъ ни сколько не похожъ на короля. Онъ истощается въ усиліяхъ, чтобы достигнуть своей цѣли; вмѣсто того, чтобы объявить волю свою однимъ тѣмъ движеніемъ, онъ расточаетъ всю роскошь гнѣва, которая показываетъ одну только мѣмощность. Онъ созываетъ цѣлую инквизицію, и забываетъ, что ему довольно намекнуть однимъ словомъ предсѣдателю, чтобы инквизиція сожгла кого угодно; онъ хлопочетъ, какъ будто все зависѣло отъ его личной дѣятельности. Къ чему же служить власть?

Карлъ V, живя въ монастырѣ Св. Юста, занимается своими часами и разговоромъ со однимъ молодымъ

послушникомъ. Онъ слушаетъ болтовню мальчика и, для разказовъ о домашнихъ сплетняхъ, забываетъ свои войны, парчевый лагерь, Трирское избраніе. Онъ забываетъ Лютера, которому противоборствовалъ; папу Льва X, которому покровительствовалъ, и подсмѣивается надъ товарищами своего уединенія, называя притомъ своего собесѣдника «монашишкою». Надобно думать, что Карлъ V очень измѣнился со времени Германскихъ войнъ за религію, что онъ совершенно сложилъ съ себя свой характеръ, что онъ теперь не въ состояніи бы былъ снова начать прежнюю жизнь, однимъ словомъ, что онъ читалъ Вольтеровъ «Опытъ о нравахъ.» Какъ же иначе объяснить это странное отсутствіе всякаго достоинства въ Павійскомъ побѣдѣ и челоуѣкъ, который, подобно Наполеону, стремился къ всеобщей монархіи? Увидѣвъ своего сына, онъ, вмѣсто того, чтобы просто приказать отпереть двери монастыря и выпустить его, прибѣгаетъ къ хитростямъ, и такъ какъ въ то самое время братья занимаются избраніемъ настоятеля, онъ заводитъ интриги и добивается этого мѣста только для того, чтобы спасти своего побочнаго сына и имѣть право подписать приказъ объ его освобожденіи. Онъ спокойно слышитъ, какъ этотъ самый сынъ его, донъ Жуанъ Австрійскій, расхваливаетъ его врага, Франциска I, утышается острымъ словомъ, и вмѣсто отвѣта на этотъ странный панегирикъ въ устахъ Испанца, вручаетъ донъ Жуану шпагу, которую Французскій король носилъ въ Павійскомъ сраженіи и которая, — замѣтимъ мимоходомъ, — находится въ Парижскомъ арсеналѣ и никогда не бывала въ рукахъ Карла V. Это тоже маленькая романтическая вольность. Ясно, что Карлъ V сдѣлался истиннымъ мудрецомъ, презрѣвшимъ всю суету міра. Простимъ ему, что онъ подражаетъ Юлію Цезарю, диктуя вдругъ три письма, по случаю избранія настоятеля; простимъ ему столь же

снисходительно, что онъ нарушаетъ для самого себя монастырскій уставъ, котораго не смѣлъ нарушить для сына, и, сложивъ съ себя новое званіе, уходитъ изъ монастыря, даже ничѣмъ не извиняя этой шалости. Простимъ ему особенно то, что онъ забылъ, который годъ донъ Жуану, и съ двѣнадцати-лѣтнимъ ребенкомъ говоритъ какъ съ двадцати-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, потому что донъ Жуанъ родился въ 1546 году, а Карлъ V умеръ въ 1558.

Молодой послушникъ, который помогаетъ Карлу V разгонять монастырскую скуку, есть копія Херубина. Трудно только понять, какимъ образомъ Бомаршэ попалъ въ монастырь Св. Юста. Но на это была воля Г. Делавинья. Не худо прибавить, что въ концѣ пьесы Карлъ V привозитъ своего «монашишку» ко двору и оставляетъ его тамъ. — «Ну что, Пебло, говоритъ Карлъ: радъ ли ты, что попалъ ко двору?» — «Радъ ли я? отвѣчаетъ мальчикъ: какъ же! здѣсь обнимаются!» Резонъ!

Донъ Кехада, наставникъ донъ Жуана Австрійскаго, играетъ цѣлыя пять дѣйствій роль «Учителя въ хлопотахъ». Повременамъ онъ бросается въ патетику. Но эти прихоти у него не продолжительны, и графъ Жиро смѣло можетъ требовать Кехаду какъ свою неотъемлемую собственность; впрочемъ онъ умеръ и требовать не станеть. Сервантесъ тоже имѣетъ нѣкоторыя права на это дѣйствующее лице, потому что, — не въ обиду Сервантесу, — Кехада во многихъ сценахъ напоминаетъ о Санхо-Пансѣ.

Въ дѣлѣ донны Флоринды есть нѣсколько необъяснимыхъ странностей. Она Еврейка и клянется по христіански. Развѣ она окрестилась? Но она не говоритъ объ этомъ ни слова. Она ходитъ въ католическія церкви: какой же раввинъ далъ ей на это позволеніе? Она знаетъ короля, а во второмъ дѣйствіи, вмѣсто того, чтобы предувѣдомить донъ Жуана объ опас-

ности, которой онъ подвергается, вмѣсто того, чтобы бѣжать и избавиться отъ послѣдствій гнѣва Филиппа II, она допускаетъ ихъ до ссоры и обличаетъ мнимаго графа Сантафіоре только тогда уже, когда соперникъ донъ Жуана, наложилъ на нее руку и хочетъ силою удовольствоваться страсть свою. Чтобы остановить Филиппа II, она говоритъ ему: «Я жидовка», и потомъ отправляется въ инквизицію. Кто же велѣлъ ей туда явиться? Какъ король не знаетъ этого? А если знаетъ, какъ онъ не боится осквернить себя прикосновеніемъ къ женщинѣ изъ рода нечистаго. Мы бродимъ во мракѣ: какой Эдипъ разрѣшитъ намъ эту загадку?

Вы знаете теперь дѣйствующія лица исторической комедіи: теперь, рассказать ли вамъ ходъ ея? Въ первомъ дѣйствіи, донъ Жуанъ, донъ Кехада и Филиппъ II; во второмъ, донна Флоринда, донъ Жуанъ и Филиппъ II; въ третьемъ донъ Жуанъ и Карлъ V; въ четвертомъ, какъ и во второмъ, Филиппъ II, донъ Жуанъ и донна Флоринда; наконецъ при развязкѣ Карлъ V, *deus ex machina*, примиряетъ сыновей своихъ, законнаго и незаконнорожденнаго, а донна Флоринда, неизвѣстно почему, обѣщаетъ забыть своего любезнаго.

Гдѣ же «призваніе», о которомъ говорится въ главіи пьесы? Призваніе ли донны Флоринды къ католической религіи? или донна Жуана къ военной славѣ? или «монашишки» къ монастырской жизни?

Второе и четвертое дѣйствіе не имѣютъ большой связи съ прочими, и составляютъ особую пьесу въ пьесѣ. Но я бы согласился на это, если бъ могъ угадать комическій характеръ этого творенія. Дѣвушка, которую хотятъ обезчестить, сюжетъ вовсе не располагающій къ смѣху. Молодой человекъ, который подвергаетъ жизнь опасности, что бы спасти ее, также не представляетъ ничего забавнаго. Филиппъ II, ко-

торый призывает инквизицію на помощь своей любовной страсти и однимъ почеркомъ пера можетъ осудить на сожженіе и своего соперника и ту, которой онъ не могъ покорить себя, кажется мнѣ болѣе ужаснымъ, чѣмъ веселымъ. Какъ вы объ этомъ думаете? Я не говорю, чтобы въ біографіи донъ Жуана не было ничего комическаго, но по чести и совѣсти долженъ сказать, что въ комедіи Г. Делавинья нѣтъ ничего забавнаго.

Въ этой пародіи Испаніи XVI столѣтія всего болѣе поразилъ меня Вольтеровскій отбънокъ разговоровъ Карла V и донъ Жуана. Императоръ и сынъ его толкуютъ о вещахъ какъ Задигъ и Панглоссъ. Подумаешь, что со временъ Вормскаго сейма и до нихъ прошло по-крайней-мѣрѣ три вѣка; они не заботятся ни о папѣ, ни о Лютерѣ; вооруженный протестантизмъ Германіи не тревожитъ ихъ ни сколько. Г. Делавинь, у котораго Карлъ V говоритъ какъ пріятель Г-жи Дюшатлѣ, есть писатель самой юной Франціи, а ему не слѣдовало бы забывать, что если академику позволительно не знать исторіи, по-крайней-мѣрѣ приличіе требуетъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ религіознымъ и подавалъ собою добрый примѣръ.

Проза этой комедіи, по сказанію афиши, исторической, какого-то особаго рода. Это ни быстрая и ясная фраза XVIII столѣтія, ни строгая и логическая фраза XVII вѣка, ни полная, пышная XVI-го, ни даже подлинная, то философическая, то пошлая фраза нашего времени; нѣтъ, это непрерывный стукъ пустыхъ антитезъ, карриатура Бомаршѣ и болтовня великихъ писателей новой школы. Г. Делавинь бросилъ Александрійскій стихъ понапрасну.

Хотя я никогда не раздѣлялъ мнѣнія критиковъ, впрочемъ весьма просвѣщенныхъ, которые утверждаютъ, что образецъ всякой поэзіи есть подлинность, ученымъ образомъ возсозданная; хотя для меня Го-

меръ выше Геродота, а Шекспиръ выше Голишпеда, однако жъ я всегда думалъ, что воображеніе можетъ парить надъ памятью только тогда, когда оно объясняетъ воспоминанія. Можетъ ли быть, чтобы Г. Делавинъ не просматривалъ біографовъ донъ Жуана Австрійскаго? Можетъ ли быть, чтобы онъ удовольствовался нѣсколькими страницами Робертсона или Страды? Я этого не предполагаю. Но если онъ знаетъ жизнь донъ Жуана Австрійскаго, зачѣмъ же онъ перемѣнилъ подлинность, которая несравненно богаче его вымысла? Шиллеръ умѣлъ бы распространить и оплодотворить ее, но, за недостаткомъ искусной отдѣлки, она гораздо величественнѣе въ своей природной наготѣ, чѣмъ Делавиньевъ романъ въ разговорахъ.

Донъ Жуанъ, воспитанный до юношескихъ лѣтъ дономъ Кехадю и незнавшій отца своего, представленъ Филиппу II на охотѣ. Карлъ V, умирая, открылъ наследнику престола свои старые грѣхи и поручилъ ему устроить благополучіе своего побочнаго сына. Назначенный къ духовному званію, донъ Жуанъ, услышавъ отъ самого государя при всѣхъ придворныхъ, что въ его жилахъ течетъ кровь Карла V, еще болѣе укрѣпляется въ стремленіи своемъ къ воинской славы: одно это вступленіе довольно блестящее. Конечно, мы не имѣемъ притязанія построить въ нѣсколькихъ строкахъ цѣлое драматическое зданіе, но вы сейчасъ увидите, какъ превосходно событія сами собою группируются, какъ они гармонически распределяются безъ помощи вымысла.

Въ Мадритѣ донъ Жуанъ находитъ дона Карлоса, влюбленнаго въ королеву Елизавету; онъ самъ влюбляется въ донну Марію Мендосу; Филиппъ II похищаетъ у него любовницу и заключаетъ ее въ монастырь. Донъ Жуанъ терпѣливо сноситъ оскорбленіе, жаждетъ воинской славы, которая отъ него убѣгаетъ, и онъ безъ гнѣва противоборствуетъ политической

зависти короля, который боится въ немъ брата и политическаго соперника.

Донъ Карлосъ составляетъ заговоръ; донъ Жуанъ, не обвинуясь, на него доносить. Дядя и племянникъ вызываютъ другъ друга на бой и хватаются за шпаги; донъ Карлосъ зоветъ къ себѣ на помощь; онъ приговоренъ къ смертной казни; противникъ его просить ему помилованія и искренними слезами оплакиваетъ его кончину.

Избавившись отъ сына, Филиппъ II ввѣряетъ донъ Жуану наказаніе Гренадскихъ Мавровъ и потомъ доставляетъ ему случай одержать Липантскую побѣду. Но въ это время зависть короля проявляется еще яростнѣе, еще ужаснѣе прежняго: онъ простилъ любовь, простилъ великодушіе, но не проститъ славы.

Наименованный правителемъ Нидерландовъ донъ Жуанъ укрощаетъ мятежи и упрочиваетъ брату спокойное обладаніе одною изъ богатѣйшихъ его провинцій. Но часъ его уже наступилъ; на другой день послѣ Жамблуской побѣды, онъ умираетъ отъ яда.

— Не правда ли, что въ жизни и смерти этого героя есть энергія и величіе, совершенно эпическія и драматическія? Не правда ли, что борьба этихъ двухъ братьевъ, которые сталкиваются вовсѣхъ своихъ страстяхъ, есть нѣчто чрезвычайно живописное для театра? Не правда ли, что упорное противоборство хитрости съ героизмомъ, празднаго властолюбія съ самоотверженіемъ, соответствують всѣмъ требованіямъ ужаса и любопытства? Не правда ли, что эта трагедія, которая начинается охотою, продолжается непредусмотрительною любовію, завязывается смертію сына кровосмѣсителя, и славою героя, наконецъ развязывается местию соперника, который чувствуетъ себя не въ состояніи выдерживать борьбу о славу, есть трагедія величественная? Я не говорю, чтобы эта трагедія была совсѣмъ готова; но если императорскій Римъ

стѣсняется и расширяется подѣ перомъ Светонія и Тацита, почему бы Брантомъ и Страда не могли подвергнуться такому же превращенію въ рукахъ прозаика или поэта? Нѣтъ, это еще не трагедія; но явись поэтъ и она будетъ создана.

Если меня спросятъ, гдѣ же единство этой несчастной программы, я могу сказать, что всѣ части этого колосса неразрывно связаны между собою опасливою завистью Филиппа II. Повицуюсь послѣдней волѣ своего родителя, онъ завидуетъ; онъ ласкаетъ донъ Жуана для того, чтобы управлять имъ; онъ привлекаетъ его ко двору для того, чтобы ослабить его и приучить къ покорности. Онъ похищаетъ у него донну Марію Мендосу, потому что боится наследниковъ своего брата. Послѣ смерти донъ Карлоса онъ ввѣряетъ донъ Жуану свои войска, но только для того, чтобы удалить его изъ столицы; онъ посылаетъ его искать славы и надѣется, что донъ Жуанъ заплатитъ за нее жизнь. Отправляя его во Фландрію, Филиппъ молитъ Бога, чтобы эти мятежные мѣщане избавили его отъ полководца слишкомъ знаменитаго; и, выполняя намѣреніе всей своей жизни, на другой день послѣ победы, одержанной для него, достойнымъ образомъ вѣнчаетъ трагедію, надъ которою уже такъ давно трудился.

Переходя съ высотъ исторіи въ однообразную равнину, которую Г. Делавинъ называетъ своей историческою комедіею, вы съ сожалѣніемъ видите, какъ этотъ трудолюбивый работникъ беретъ кусокъ мрамора, и, вмѣсто того, чтобы смѣлою рукою обтесать его и высѣчь изъ него статую, обкалываетъ его, обрубливаетъ, выдалбливаетъ, полируетъ, разбиваетъ на кусочки и не можетъ ничего изъ этого соорудить».

Таково мнѣніе Г. Густава Планша о новомъ произведеніи Г. Казиміра Делавиня, и намъ кажется, что его мнѣніе составлено на законномъ основаніи. Гг.

Жаненъ и Лоэвъ Веймарсъ очень хвалятъ третье дѣйствіе и говорятъ, что оно одно составляетъ цѣлую комедію; по нашему мнѣнію, напротивъ, это дѣйствіе до крайности непристойно и Г. академикъ долженъ бы стыдиться его. Мы очень хорошо знаемъ, что, благодаря соблазнительному поведенію западнаго духовенства въ средніе вѣки, католики не много уважали монашескую рясу, и что они, не обинуясь, вводили въ свои повѣсти и поэмы, иногда слишкомъ вольныя, капуциновъ и доминиканцевъ. Между-тѣмъ Г. Делавиць, сколько намъ извѣстно, первый вывелъ на сцену въ комедіи цѣлый католическій монастырь, и Парижская публика первая потерпѣла такое оскверненіе своихъ духовныхъ учреждений.

Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Критики Г. Делавиць, Гг. Жаненъ, Лоэвъ-Веймарсъ, Планшъ и другіе, строго осуждаютъ его за то, что у него Филиппъ II и донъ Жуанъ влюблены въ жидовку, — что, по ихъ мнѣнію, совершенно противно тогдашнимъ Испанскимъ нравамъ. Эти господа, какъ кажется, не совсѣмъ хорошо знаютъ исторію Испаніи. Правда, что во время донъ Жуана, Евреи уже лѣтъ сто были изгнаны изъ этого государства и инквизиція преслѣдовала людей, подозрѣваемыхъ въ іудействѣ. Но до XV вѣка Евреи пользовались въ Испаніи большою вѣротерпимостью и даже могуществомъ; они были врачами и совѣтниками государей, занимали важные мѣста, и самые гранды имъ кланялись. Если бы донъ Жуанъ не имѣлъ исторической любовницы, Маріи Мендосы, этотъ вымыселъ заключалъ бы въ себѣ только небольшой анахронизмъ, который былъ бы извинителенъ, потому что основывался бы на отличительной чертѣ прежнихъ Испанскихъ нравовъ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ВИЛЬНО

ВЪ 1794 ГОДУ.

=

Я никогда не имѣлъ намѣренія подражать Мевію, который отнесъ самъ истуканъ свой въ храмъ Марсовъ или Аполлоновъ: я всегда предоставлялъ это удовольствіе другимъ, и пренебрегалъ упражняться въ описаніяхъ собственныхъ своихъ подвиговъ до того, что даже не вѣлъ журнала моимъ приключеніямъ. Желая теперь удовлетворить дружеской просьбѣ, которая требуетъ отъ меня очерка событій, — *quodcumque supra magna fui*, я долженъ прибѣгнуть къ формулярнымъ спискамъ, чтобы припомнить числа и имена нѣкоторыхъ особъ.

Приступая къ описанію происшествія, случившагося въ Вильнѣ въ 1794 году, надобно сперва упомянуть о числѣ Русскихъ войскъ, которыя были тогда расположены въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ.

Вначалѣ отрядъ нашъ состоялъ только изъ двухъ полковъ пѣхоты, Псковскаго и Нарвскаго, изъ одного баталіона егерей, четырехъ ротъ полевой артиллеріи и Донскаго Кирѣева полка. Надъ отрядомъ начальствовалъ генераль-маіоръ Арсеньевъ. Псковскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ Языковъ, а Нарвскимъ Миллеръ, который былъ на то время въ отпускѣ. Изъ числа четырехъ ротъ артиллеріи, сначала расположенныхъ въ Вильнѣ, одна рота, подъ командою капитана Фока, снаряжена была въ Ковно: начальникомъ надъ всѣми былъ подполковникъ Александръ Ивановичъ Челыщевъ, исправлявшій впоследствии должность фельдцеймейстера.

По тогдашнему положенію, въ каждой полевой артиллерійской ротѣ было по десяти орудій, два полу-пудовые единорога, двѣ пушки двѣнадцати-фунтовыя и четыре шести-фунтовыя; при каждомъ пѣхотномъ полку находилось по четыре трехъ-фунтовыя пушки.

Незадолго до мятежа этотъ артиллерійскій отрядъ значительно уменьшился. Бомбардирская рота капитана Гаврилова и пять орудій канонерской капитана Юматова были откомандированы: оставалось только пятнадцать пушекъ, — десять моея бомбардирской роты, да пять Юматова, — изъ которыхъ по двѣ шести-фунтовыя пушки ежедневно отражались на главную гаубтвахту въ Вильнѣ. Восемь полковыхъ пушекъ присоединены были къ небольшому нашему парку, но изъ нихъ тоже двѣ были откомандированы въ баталіонъ маіора Раутенштерна, въ мѣстечко Новые Троки, за двадцать двѣ версты отъ Вильно. Такимъ образомъ паркъ состоялъ изъ девятнадцати орудій.

Я квартировалъ въ самомъ городѣ, а подполковникъ Челищевъ въ одномъ изъ предмѣстій неподалеку отъ воротъ, которыя зовутъ «Рудницка Брама». Слухи о тайномъ заговорѣ посіялись по городу; но ихъ пренебрегали. Больше всѣхъ говорилъ мнѣ о томъ факторъ мой, Еврей Гордонъ. Въ одно утро пошелъ я погулять по городу, и замѣтилъ, что на всѣхъ домахъ, въ которыхъ жили Русскіе, написано было краснымъ карандашемъ RZ, а надъ моею квартирою NB. Это далъ мнѣ замѣтить факторъ Гордонъ, слѣдуя издалека за мною и оглядываясь во всѣ стороны. Въ тотъ же день получено было повелѣніе, по которому подполковникъ Челищевъ производился въ полковники артиллеріи (тогда это былъ чинъ бригадира) и долженъ былъ наскоро отправиться въ Кіевъ, а на мѣсто его назначался маіоръ Амбразанцовъ, долженствовавшій прибыть изъ Молдавіи. Полковникъ Челищевъ, сдавая мнѣ команду, совѣтовалъ занять его квартиру до прибытія Амбразанцова, потому что въ отводѣ удобныхъ квартиръ всегда встрѣчали мы затрудненіе.

Изъ осторожности, чтобы кто не занялъ этого дома, перешелъ я туда прежде выѣзда полковника, который отправился на другой день къ своему назначенію. Палацъ Генд-

завоскій, гдѣ квартировалъ полковникъ, былъ слишкомъ обширенъ для меня, имѣлъ множество комнатъ и предъ домою прекрасный садъ,—и я пригласилъ офицеровъ моей роты квартировать со мною. Мы имѣли столъ вмѣстѣ, и потому, кто куда ни выходилъ, долженъ былъ сказывать, будетъ ли къ обѣду или нѣтъ, чтобы другимъ не дожидать его понапрасну.

Около того времени удостоверился я еще болѣе, черезъ того же Еврея, о предстоящей опасности. Еще прежде перемѣны квартиры, сказывалъ я генералу Арсеневу о бѣдахъ, видѣнныхъ мною надъ квартирами Русскихъ. Онъ разсмѣялся, отвѣчалъ, что это шалость какихъ-нибудь по-бѣсъ, и приказалъ стереть ихъ плацъ-маіору. Комендантомъ города былъ тогда полковникъ Ребокъ, а плацъ-маіорскую должность исправлялъ маіоръ Багауть.

Угрожающая опасность принудила меня однако взять свои мѣры. На случай тревоги назначилъ я для моей команды сборныя мѣста; въ караулъ къ парку командировалось всегда по шестнадцати мускатеръ при одномъ офицерѣ и барабанщикѣ, а я велѣлъ быть тамъ еще въ ночное время одному своему унтеръ-офицеру и на каждое орудіе по одному рядовому, снабдилъ ихъ ключами отъ пороховыхъ ящиковъ, и приказалъ, чтобы ночью при каждой пушкѣ горѣли фитили; къ своей квартирѣ отрядилъ барабанщика и отдалъ приказъ, чтобы, какъ скоро услышатъ тревогу, всѣ бѣжали къ парку, а не къ моей квартирѣ.

Паркъ мой расположенъ былъ въ полѣ, за Троицкимъ предместьемъ, при урочищѣ Погулянкѣ, по лѣвую сторону дороги, ведущей изъ Вильна въ Гродно, не въ дальнемъ разстояніи отъ бывшаго тамъ трактира.

Плацъ-маіоръ, объѣзжая въ ночное время посты, привѣтилъ въ паркѣ горящіе фитили и донесъ о томъ генералу, который, призвавъ меня, сдѣлалъ мнѣ выговоръ. «Не стыдно ли, прибавилъ онъ, вамъ, который такъ храбро дрались со Шведами, до такой степени бояться Поляковъ?» Онъ запретилъ жечь фитили; но я взялъ лучшую осторожность, приказавъ держать ихъ въ ночникахъ, то есть, въ цилиндрахъ изъ латунной мѣди съ крышкою, которая, если

закрыта, дѣлаетъ огонь вовсе непримѣтнымъ: каждая пушка имѣетъ такой починикъ.

Дня два послѣ этого, въ началѣ апрѣля, прислалъ ко мнѣ генералъ записку, чтобы я велѣлъ снять одинъ паромъ на рѣкѣ Вильвѣ и вытащить его на берегъ. Я исполнилъ приказаніе, не зная настоящей его причины. На другой день, передъ вечеромъ, поручикъ моей роты, Фокъ, сказалъ мнѣ, что пойдетъ посѣтить казачьяго полковника Кирѣева.— Да будешь ли ты къ ужину?—«Не знаю», отвѣчалъ онъ безъ всякаго намѣренія. Онъ не прежде возвратился, какъ на другой день поутру, часовъ въ восемь. Въ комнатѣ моей было уже нѣсколько офицеровъ, и онъ, вызвавъ меня потихоньку въ садъ, сказалъ на-едвижъ: «Я ночевалъ у полковника Кирѣева, и вотъ по какому случаю: едва расположились мы за чаемъ, вошелъ адъютантъ генерала Арсенцева и отдалъ ему письмо. Полковникъ, прочитавъ, сказалъ адъютанту:—Будетъ исполнено. Съ этимъ словомъ адъютантъ вышелъ. Полковникъ продолжалъ: «Вотъ какое обстоятельство: я долженъ собрать сколько можно болѣе казаковъ, и ѣхать съ ними въ имѣніе генераль-поручика и Литовскаго гетмана Коссаковского, чтобы защитить его отъ нападенія конфедератовъ. Вы знаете, что лучшіе казаки находятся у насъ въ услуженіи (тогда называли ихъ драбантами). Я въ необходимости взять всѣхъ ихъ съ собою, и все, что имѣю, оставляю въ этой комнатѣ. Вотъ ключъ; закройте дверь, а я надѣюсь завтра поутру рано возвратиться.» Фокъ согласился на его просьбу, и полковникъ Кирѣевъ въ семь часовъ утра постучался въ дверь. Войдя въ комнату, Кирѣевъ сказалъ: «Все кончено: домъ сожженъ, имѣніе разграблено, жена генерала въ плѣну, а Коссаковский ускакалъ верхомъ въ шлафрокъ.» Въ заключеніе, Фокъ сказалъ мнѣ: «Повѣжайте поскорѣе къ генералу, и узнайте, какое будетъ распоряженіе.»

Войдя въ переднюю генерала, я нашелъ тамъ многихъ офицеровъ. Адъютантъ сказалъ мнѣ: «Генералъ занятъ, но я доложу объ васъ.» Въ самое то время увидѣлъ я, что къ крыльцу подъѣхала карета и изъ нея выходитъ гетманъ Коссаковский въ полномъ мундирѣ и лентѣ. Онъ пошелъ прямо въ кабинетъ генерала. Я разсудилъ, что мнѣ надоб-

но ожидать приказаній генерала и выхода отъ него Коссаковского.

Они долго говорили наединѣ. Наконецъ Коссаковский вышелъ. Генераль проводилъ его до крыльца, и, возвратясь, сказалъ мнѣ мимоходомъ: «Души нѣтъ, души нѣтъ!» Потомъ онъ прибавилъ: «Я бы хотѣлъ, чтобы вы отобѣдали у меня, но я отозванъ. Не угодно ли остаться съ этими господами?» Я поблагодарилъ и похалъ домой.

Послѣ обѣда, подтвердивъ фельдфебелю моему объ осторожности, похалъ я прогуляться верхомъ. Я взялъ съ собою моего гусара. Тогда была мода имѣть за собою слугъ, одѣтыхъ по-гусарски, и которые по большей части бывали оставшие солдаты: позволялось держать ихъ съ полнымъ вооруженіемъ. Пріѣхавъ къ извѣстному трактиру въ предместьѣ Антоколь, я увидѣлъ передъ этимъ заведеніемъ экипажъ генерала, сошелъ съ лошади, и отправился гулять въ рошу. Тутъ встрѣтилъ меня одинъ незнакомый Польскій офицеръ и спросилъ: «Что новаго?» Я отвѣчалъ ему, что ничего не знаю. «Какъ? продолжалъ онъ, развѣ вы не слышали о Коссаковскомъ?»—Я видѣлъ его сегодня, отвѣчалъ я ему.—«Да развѣ вы не знаете, что я служу въ седьмомъ полку, и что онъ шефъ нашего полка? Сегодня ночью прійдетъ нашъ полкъ сюда, займетъ караулъ въ домѣ Коссаковского и все кончится.»

Желая отъ него отвязаться, я пошелъ въ трактиръ: тамъ былъ нашъ генераль съ знакомою мнѣ графиней Бржостовской и еще нѣсколькими дамами. Генераль, подчивая ихъ и меня шоколатомъ, спросилъ, играю ли я на бильярдѣ. — Играю.— «Сдѣлаемъ же партію на шоколатъ.»—Мы начали игру. Генералу пришлось стоять противъ дверей, которыя не совсѣмъ были затворены. Онъ положилъ кій и сказалъ мнѣ: «Это къ вамъ: узнайте, что случилось.» Я нашелъ въ передней комнатѣ моего фельдфебеля, который донесъ мнѣ, что между Польскими канопирами и моими бомбардирами сдѣлалась драка, но что, къ счастью, Польскій офицеръ и онъ разняли и зачинщиковъ взяли подъ арестъ. Я доложилъ генералу, и онъ сказалъ: «Не худо вамъ самимъ поѣхать, да и я вслѣдъ за вами возвращусь въ городъ: къ несчастію, Русская и Польская пасха случились въ одно время, и все

гудеть.» Это были послѣднія слова, которыя слышалъ я отъ моего генерала.

Я сѣлъ на лошадь, и поскакалъ домой. На крыльцѣ квартиры нашель я сержанта моего Яковлева, который подалъ мнѣ письмо на Нѣмецкомъ языкѣ: оно было отъ командира гренадерской роты перваго Польскаго полка, маіора Tettau. Этотъ офицеръ жаловался на неисправность Виленской полиціи, которая, по предварительному его сношенію, не приготовила для него квартиръ; онъ писалъ, что въ этотъ день перешли они семь миль, что люди его очень изнурены, что онъ рѣшился развѣстить ихъ по квартирамъ моей роты, и что для объясненія по этому случаю былъ два раза въ моей квартирѣ, но не засталъ меня. Tettau присовокуплялъ, что рота его останется въ этомъ расположеніи только одну ночь, и что завтра мы разочтемся квартирами.

Это столько разсердило меня, что я, на первый разъ не подозрѣвая ничего, сказалъ прѣхавшему со мною фельдфебелю Подгайскому, который былъ потомъ подполковникомъ артиллеріи:— Отдай ему всѣ квартиры, а людямъ вели ночевать на сборныхъ мѣстахъ.— «Это всего лучше,» отвѣчалъ онъ: «между Русскими и Поляками сегодня такое пьянство, что я опасуюсь худыхъ послѣдствій; несмотря на праздникъ, большую часть команды я послалъ въ паркъ, и велѣлъ размѣрить и разрубить доставленный вновь канатъ для оснасти орудій и приготовить новую запряжку.»— Хорошо! продолжалъ я: да кто при этомъ находится?— «Всѣ унтеръ-офицеры.»— Этого недостаточно: могутъ испортить канатъ, — и, оборотясь къ поручику Фоку, я прибавилъ: Поѣдемъ сами посмотреть работы, а ты, Подгайскій, поди и исполни приказъ мой касательно квартиръ.

Посмотрѣвши работы въ паркѣ, на Погулянкѣ, какъ до ночи оставалось еще нѣсколько часовъ, поѣхали мы въ загородный садъ, называемый Закретомъ и лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Тутъ нашли мы толпы пьяныхъ Поляковъ, большею частію господскихъ слугъ, которые, бросая на насъ неистовые взгляды, съ грубостью заставляли дорогу, подсвистывали и дѣлали разныя насмѣшки.

— Поѣдемъ скорѣе домой, сказалъ я Фоку: могутъ-быть худыя послѣдствія.

Проезжая мимо парка, кликнулъ я караульнаго бомбардира и спросилъ его: — Куда пошли рабочіе? — «Они кончили работы и отправились ночевать на сборныя мѣста,» отвѣчалъ онъ.

Мы воротились въ городъ. У себя дома нашелъ я нѣсколькихъ офицеровъ изъ моей команды и другихъ полковъ: между ними находилось человѣка четыре знакомыхъ мнѣ Поляковъ изъ обывателей. Мы провели остатокъ вечера довольно весело; но всѣ гости разошлись не позже десяти часовъ. Подтвердивъ приказъ объ осторожности бывшему тутъ фельд-шебелю и не ожидая ничего важнаго въ эту ночь, я раздѣлся и спокойно уснулъ.

Въ самую полночь разбудилъ меня пушечный выстрѣлъ. Сначала я почелъ его за стукъ двери; но вслѣдъ за нимъ послышалось нѣсколько такихъ же выстрѣловъ, ружейная пальба, бой барабана и звонъ набата; пожаръ началъ освѣщать комнату сквозь неплотныя ставни. Не сомнѣваясь болѣе въ общемъ возмущеніи, я спѣшилъ только поскорѣе одѣться, чтобы достигнуть своего парка. Въ самое это время услышалъ я сильный стукъ въ дверь моей спальни. Я сперва подумалъ, что это матежники, пришедшіе убить меня, или взять въ плѣнъ.

Въ первомъ порывѣ отчаянія, я схватилъ со стола заряженный пистолеть и саблю, но успокоился нѣсколько, услышавъ голоса моихъ бомбардировъ. — «Живы ли вы, ваше высокоблагородіе? Отворите дверь.» Я отперъ, и, поспѣвая одѣться, спросилъ ихъ: — Откуда вы? — «Съ городской гаубтвахты, отвѣчали они: гаубтвахта и пушки взяты Поляками, а мы спаслись при темнотѣ ночи.»

Изъ было только четыре человѣка; прочіе восемь погибли при орудіяхъ. Я велѣлъ имъ бѣжать къ парку, а самъ, заткнувъ пистолеть за портупею сабли и въ торопяхъ не сыскавъ ни шляпы, ни своей шапки, выскочилъ на крыльце, гдѣ схватилъ съ головы часоваго суковную Очаковскую шапку съ бѣлымъ волосянымъ султаномъ въ видѣ *эспри*: такія шапки были въ то время у солдатъ вмѣсто нынѣшнихъ фуражекъ. Я очень удивился, найдя, у крыльца, моего гусара въ полномъ вооруженіи съ двумя освданными лошадьми. Я обрадовался его исправности и проворству; но

это было только счастливое послѣдствіе пьянства и общаго праздника. Между-тѣмъ, какъ проводилъ я вечеръ съ гостями, онъ, не разсѣдлавъ лошадей и не снимая съ себя своего паряда, успѣлъ до того напиться, что легъ и заснулъ въ конюшнѣ въ полномъ вооруженіи. Пальба и шумъ его разбудилъ; страхъ истребилъ хмѣль, и онъ явился во всей исправности.

Свѣвъ на лошадь, я обнажилъ саблю и велѣлъ сдѣлать то же гусару. Мы пустились на волю Божию по улицамъ, ведущимъ къ парку. Я не забылъ однако жъ приказать мнѣ караульнымъ спастись туда же.

Къ счастію моему, ночь была темная и въ самомъ близкомъ разстояніи невозможно было различить ни цвѣта, ни покроя мундира. На улицъ толпы народа дрались колымаши, пожарами и всѣмъ, что попадалось подъ руку, а по временамъ блистали и слышались ружейные выстрѣлы. Многіе, подобно мнѣ, верхомъ и съ саблями въ рукахъ, поодиночкѣ попадались мнѣ на встрѣчу. Я не могъ узнать, были ли это Русскіе или Поляки. Они ничего у меня не спрашивали, и я не разсудилъ за благо ихъ останавливать. Миновавъ толпы народа и незнакомыхъ всадниковъ, скачущихъ неизвѣстно куда, я приближался по пустой улицѣ къ рогаткѣ, находившейся при самомъ выѣздѣ изъ города: тогда еще не были введены въ употребленіе шляхтбаумы. Тутъ, издавѣка остановилъ меня голосъ часоваго, который закричалъ по-Польски: *Kto jedzie?* «Кто ѣдетъ?» Зная ихъ языкъ и обычай, я отвѣчалъ — *Swoj!* «Свой». — *Daj haslo!* «Дай лозунгъ», прибавилъ онъ. Я осмѣлился сказать ему какое-то невразумительное слово — *Nie!* отвѣчалъ онъ, и закричалъ: *Do bron!* «Къ ружью!» Караульные начали выходить. Я повернулъ лошадь, и ускакалъ въ пустой переулочекъ. Остановившись тутъ, началъ я размышлять, какъ бы лишь миновать всѣ эти заставы, безъ-сомнѣнія находящіяся на всѣхъ выѣздахъ. Я увидѣлъ плетень огорода. — Мнѣ кажется, сказалъ я моему гусару, что здѣсь никого нѣтъ. — Кто будетъ въ такое время въ огородахъ? Да и огородныя работы еще не начались, отвѣчалъ онъ. — Не можемъ ли мы, сломавъ эти плетни, выбраться черезъ огородъ изъ предместья? — Можно попробовать, сказалъ онъ: только чтобъ

не потерять дороги. — Я знаю положеніе мѣста и найду парк: лишь только бы намъ выйти въ поле, сказалъ я ему. Тутъ мы сѣвшились и принялись за работу, опрокидывая безъ шуму плетни и переводя лошадей въ поводу. Мы выбрались благополучно въ поле. Ободренные этимъ успѣхомъ, вскочили мы на лошадей и прискакали въ паркъ.

Здѣсь нашель я одного офицера, шестнадцать мускатеръ, одного барабанщика и, по распоряженію моему, по одному артиллеристу при каждой пушкѣ. Я велѣлъ отпереть ящикъ и зарядить орудія черезъ пушку ядрами и картечью; мускатерамъ зарядить ружья, и по дорогѣ, ведущей къ городу, раскинуть изъ нихъ цѣпь, человекъ отъ человека шагахъ въ сорока, давъ имъ наставленіе, чтобы они крѣпко прислушивались къ разговору идущихъ людей, и, если примѣтятъ Русскихъ, пропускали бы въ паркъ безъ отзыва, а если Поляковъ, давали бы знать свистомъ и бѣжали къ пушкамъ. Пушки заряжены, фитили готовы, барабанщику приказано бить сборъ, останавливаясь на нѣкоторое время послѣ всякаго колѣна, чтобы можно было прислушиваться къ шороху идущихъ людей.

Прежде всѣхъ явился ко мнѣ поручикъ Фокъ и подпоручикъ Ивановъ съ тридцатью бомбардирами; потомъ еще одинъ офицеръ съ командою канонеровъ роты капитана Юматова. У всѣхъ ихъ родилась та же счастливая мысль, — ломать заборы и плетни и такимъ образомъ миновать заставы.

Я не могу умолчать здѣсь объ одной ротѣ храбрыхъ егерей и конвойныхъ казакахъ генерала Арсеньева, которые прибыли ко мнѣ въ числѣ тридцати человекъ съ адъютантомъ его, поручикомъ Карпинымъ, учившимся нѣкогда въ одномъ со мною заведеніи, въ Выборгѣ: онъ потомъ служилъ полковникомъ и комендантомъ подъ моимъ начальствомъ въ Браиловѣ. Эта рота, смѣнявшаяся съ караула, должна была на другой день итти въ деревню на квартиры, и потому ночевала на дворѣ одного пустаго дома. Разбуженная пальбой и тревогою, пренебрегая пальбу изъ оконъ по улицамъ, она подошла къ воротамъ города; къ ней присоединились конвойные казаки. Они напши ворота занятыми цѣлою ротою Поляковъ при одной пушкѣ. Выдержавъ

первый картечный выстрѣлъ, рѣшились они ударить въ штыки. Поляки дрались съ остервененіемъ, почти все легли на мѣсть, а изъ роты егерей пришли ко мнѣ только сорокъ человекъ; но храбростію своею они открыли путь казакамъ, и майору Псковскаго полка Глазенапу, который тоже явился ко мнѣ съ двумя ротами и знаменемъ своего полка. Поляки не успѣли еще занять другими войсками уничтоженнаго поста, какъ вслѣдъ за Глазенапомъ вышѣлъ съ знаменами и одной ротой Нарвскаго полка поручикъ Дубровскій.

Въ Вильнѣ была тогда Коммиссаріатская Коммиссія, и многія команды отъ конныхъ и пѣшихъ полковъ изходили тамъ для пріема аммуниціи: нѣкоторые изъ нихъ воспользовались этимъ случаемъ и примкнулись къ Дубровскому.

Безпокоило меня только то, что я не вижу моего фельдфебеля съ большею частію моею роты; но черезъ нѣсколько часовъ послышался топотъ лошадей, стукъ колесъ и приближеніе большаго числа людей. То былъ онъ, мой Подгайскій, который собравъ всю роту, за исключеніемъ погибшихъ разными случаями, предпріялъ выйти ближайшимъ путемъ, и для этого началъ ломать досчатые заборы домовъ; пробравшись такимъ образомъ, не безъ потери людей, до квартиры коммиссаріатскаго подполковника Высоцкаго, на дворѣ котораго были фуры съ денежною казною и караулъ изъ сорока гренадеръ; они стояли безъ дѣйствія, а Высоцкій спалъ покойно съ своею супругою. Къ счастью, на дворѣ случились лошади. Фельдфебель велѣлъ поскорѣе запрягать, разбудилъ подполковника, и, посадивъ его и съ женою, которая никогда не ѣздила верхомъ, на лошадей, прибылъ съ казною, съ карауломъ и съ ними благополучно въ паркъ.

Спросить меня: что же дѣлали Поляки въ это время? Они въ темнотѣ ночи рѣзали и хватали тѣхъ, которые попадались имъ въ руки, брали въ плѣнъ Русскихъ чиновниковъ, генерала Арсеньева, полковника Языкова, коменданта Ребома и многихъ своихъ *здрайцовъ* (измѣнниковъ), генерала Косаковскаго, судью Швейковскаго и другихъ. Противъ парка, въ продолженіе ночи, никто изъ нихъ не показался.

Передъ свѣтомъ счелъ я свое войско, и нашлось, кромѣ артиллеристовъ, до семисотъ человекъ подъ ружьемъ, но лошади отъ моихъ пушекъ и конская сбруя захвачены были мятежниками. Не было вовсе ни какого продовольствія для людей. Мои бомбардиры вызвались достать лошадей въ предмѣстьѣ, лишь бы дать имъ прикрытіе, а другіе объявили, что знаютъ въ одномъ монастырѣ недавно привезенный большой запасъ пороху и берутся зачечь его, и что они готовы сдѣлать то же съ винными и соляными магазинами.

Подумавъ немножко, я рѣшился еще до свѣту послать въ предмѣстьѣ три колонны, каждую изъ ста человекъ, присоединивъ къ нимъ по четыре бомбардира, снабженныхъ зажигательными матеріалами.

Едва колонны достигли своего назначенія, какъ во многихъ мѣстахъ открылся пожаръ, а я велѣлъ бомбардировать городъ. Съ разсвѣтомъ Поляки выставили противъ меня батарею изъ четырехъ пушекъ, которая скоро была мною сбита; они выслали команду, которую казаки заманили подъ пушки, и картечные выстрѣлы мгновенно ее уничтожили. Въ самое это время раздался ужасный взрывъ пороха въ предмѣстьѣ. Опасаясь, чтобы колонны мои не были отрываны неприятелемъ или не потеряны отъ взрыва, я послалъ казаковъ возвратить ихъ. Прошло нѣсколько времени. Присматриваясь издали, увидѣлъ я выходящихъ изъ предмѣстія, вмѣсто трехъ, четыре колонны. Сперва подумалъ я, не присоединилась ли къ нимъ какая команда, пробившаяся изъ города; но когда онѣ стали приближаться, я узналъ несчастнаго майора Теттау, взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ его ротой и знаменемъ. Онъ былъ назначенъ арестовать меня и истребить мою роту, но такъ какъ моя рота была выведена, а его расположена на многихъ квартирахъ и утомлена походомъ, да и самъ онъ проспалъ и не прежде могъ ее собрать, какъ наши три колонны стали дѣйствовать уже въ предмѣстьѣ, то храбрые мои сподвижники, открывъ его, атаковали штыками съ трехъ сторонъ и принудили положить оружіе. Майоръ Теттау былъ Пруссакъ; положивъ оружіе, онъ подошелъ къ поручику Дубровскому, и сказалъ ему по-Русски, какъ умѣлъ:

«Позвольте мнѣ имѣть честь вручить это знамя и мою шпагу лично вашему начальнику.» Поручикъ охотно согласился, и майоръ, слѣдуя между нашихъ колоннъ впереди своей роты, со знаменемъ въ рукѣ, при шпагѣ, приблизился ко мнѣ, отдалъ знамя съ большими коммементами на Нѣмецкомъ языкѣ, но, отдавая шпагу, заплакалъ и въ слезахъ промовилъ: «Я никогда еще не былъ арестованъ.» Я оставилъ шпаги ему и двумъ его офицерамъ.

Между-тѣмъ еще до возвращенія колоннъ, спросилъ я сборное мое войско, къ какимъ полкамъ, баталіонамъ и ротамъ принадлежатъ люди и въ какихъ селеніяхъ расположены начальники ихъ ротъ? Оказалось, что большая часть людей принадлежала къ пѣхотнымъ полкамъ, Исковскому и Нарескому, и что ихъ роты стояли не въ дальнемъ разстояніи отъ города, исключая баталіона егерей, который квартировалъ за рѣкой Вильей. На рѣкѣ всѣ переправы были уничтожены.

Возвратившіяся изъ города колонны доставили мнѣ не болѣе двадцати лошадей, но достаточное почти для всѣхъ, на одинъ день, количество съѣстныхъ припасовъ, по причинѣ обычая Поляковъ приготовлять на пасху бездну холодныхъ блюдъ изъ разныхъ тѣстъ и мяса, и держать ихъ цѣлую недѣлю на столѣ съ множествомъ разныхъ напитковъ. Этотъ вкусный завтракъ подкрѣплялъ нѣсколько наши силы; но болѣе всего полезны были лошади. Я выбралъ отъ каждой части спасшихся ротъ по одному надежному унтеръ-офицеру или рядовому и послалъ ихъ верхомъ къ ихъ ротнымъ командирамъ съ предписаніями, чтобы каждый изъ нихъ, въ квартирномъ своемъ расположеніи, собралъ какъ можно больше лошадей съ хомутами, такъ, чтобы ни одинъ солдатъ не былъ пѣшій, а всѣ пріѣзжали бы ко мнѣ на коняхъ; если же обыватели станутъ противиться, поступать съ ними какъ съ неприятелями. Я прибавилъ, что за неисполненіе этого всякій начальникъ признанъ будетъ врагомъ отечества, и что о важности послѣдовавшаго въ Вильнѣ происшествія могутъ они удостовѣриться отъ очевидцевъ, подателей моихъ предписаній.

Исполненіе было самое точное и скорое, такъ, что около полудня собрались ко мнѣ всѣ остальные роты и коман-

ды обоня полковъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей, и отрядъ мой увеличился до двухъ тысячъ двухсотъ человекъ, полагая въ то число команды, прибывшія за амуніціей, деньщиковъ, слугъ, маркитантовъ и всякаго званія Русскихъ людей, спасшихся разными случаями изъ Вильны.

Того же числа, въ семь часовъ утра, послѣ взрыва порохового погреба въ монастырь, генераль Арсеньевъ прислалъ мнѣ съ пльнимъ Русскимъ офицеромъ, въ сопровожденіи Польскаго парламентаря, письмо слѣдующаго содержанія: «Я арестованъ и жизнь моя въ опасности, и потому не смѣйте съ Польскими войсками ни какого дѣла».

Русскій офицеръ и Полякъ присоветовали, что, по достовернымъ свѣдѣніямъ, Россійское войско въ Варшавѣ все вострѣлено, и что во всей Польшѣ остался одинъ я съ горстью людей.

Я взялъ бумагу и отвѣчалъ генералу: «Я не дамъ себя арестовать Полякамъ. Честь и жизнь мою буду защищать до послѣдней капли крови; не одинъ я, но весь штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины, которыми я имѣю честь начальствовать, одного со мною мнѣнія».

Это посланіе подписалъ я, всѣ офицеры, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и трое грамотныхъ рядовыхъ, которые на тотъ разъ случились. Отправивъ парламентаря, я усилилъ бомбардированіе города. Я не жалѣлъ пороха, потому что имѣлъ двойной комплектъ зарядовъ.

Пльный маіоръ Теттау предлагалъ мнѣ советъ, который я имѣлъ неосторожность принять. Подойдя ко мнѣ, сказалъ онъ: «Я Пруссакъ, и служу по капитуляціи; поэтому вы можете быть увѣрены, что не принимаю большаго участія въ дѣлахъ Польши. Шефъ нашего полка, генераль Мей, также Пруссакъ. Напишите къ нему письмо на Нѣмецкомъ языкѣ. Онъ присоединится къ вамъ съ своимъ полкомъ, и вы будете дѣйствовать противу Поляковъ. Посланный вашъ завтра или послѣ завтра найдетъ его въ мѣстечкѣ Трокахъ». Я исполнилъ его советъ, но вышло совсѣмъ напротивъ. Хотя это мало мнѣ повредило, однако жъ посланный мой задержанъ былъ военнопльнымъ.

Продолжая бомбардировать городъ, отражая высланные противъ насъ партіи и толпы народа, мы занимались въ то же время приготовленіемъ лошадей въ запряжку подъ орудія и, по недостатку хомутовъ, принуждены были, вмѣсто ихъ, употребить солдатскіе плащи, туго свернутые и связанные въ видъ клещей. Я предвидѣлъ трудный и опасный подъемъ черезъ дефилею крутой Понарской Горы, находившейся отъ моей позиціи въ четырехъ верстахъ.

Между-тѣмъ изъ наличныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ составилъ я военный советъ, которому предложилъ свое мнѣніе, какимъ образомъ спасти остатки нашего войска и избавиться отъ столь затруднительнаго состоянія. Прежде объявленія парламента, знали мы уже о несчастіи, постигшемъ наше войско въ Варшавѣ; но ничего не было известно о состояніи отряда, расположеннаго въ Гроднѣ и его окрестностяхъ. Поэтому я предложилъ, съ наступленіемъ ночи оставить нашу позицію, и занять высоту Понарь, а оттуда послать ночью скрытый наблюдательный постъ изъ казаковъ къ мосту, находящемуся на рѣкѣ Вака, въ двѣнадцать верстахъ отъ Понарской высоты, при селеніи Вака-Мурована; дать отдохнуть людямъ; потомъ выступить съ разсвѣтомъ и, переправясь черезъ рѣку, остановиться на противномъ берегу въ крѣпкой позиціи. Мнѣ известно было, что по берегу этой рѣки находятсѣ многія деревни, мельницы и господскіе дома. Тамъ можно будетъ запастись провіантомъ, чтобы слѣдовать, не спѣша, къ мѣстечку и рѣкѣ Меречи. Въ теченіе этого времени, — продолжалъ я, — надѣюсь достоверно узнать о состояніи отряда нашего въ Гроднѣ: если тамъ благополучно, мы соединимся съ нимъ; въ противномъ случаѣ, переправясь черезъ Меречь, пойдемъ на Ковно, гдѣ, какъ я знаю, находится только одна конная Польская бригада, изъ семисотъ человекъ; она не въ силахъ будетъ удержать насъ: мы войдемъ въ границы Пруссіи и присоединимся къ Пруссакамъ, нашимъ союзникамъ.

Предложеніе мое было одобрено всѣми, принято и написано. Мы начали готовиться къ отступленію. Казачій полковникъ Кирѣевъ, не знаю по какому обстоятельству, за день до мятежа посланъ былъ генераломъ Арсень-

свѣтъ за рѣку Вилью: въ это время, онъ, вмѣстѣ съ находившимся тамъ командиромъ егерскаго баталіона, прислалъ ко мнѣ казака, вплавъ черезъ рѣку, съ предложеніемъ, не могу ли я подождать ихъ въ теперешней моей позиціи, доколь они найдутъ средство соединиться со мною, или, не могу ли я соединиться съ ними.

Переправиться съ артиллеріею черезъ рѣку, съ которой сняты все мосты, не было ни какой возможности, а дожидаться ихъ я не могъ также, не имѣя продовольствія и опасаясь нападенія отъ секурса, идущаго къ Вильну, о которомъ уведомлялъ меня майоръ Теттау. Я вынужденъ былъ отвергнуть то и другое.

Еще съ самаго утра перемѣнилъ я положеніе моего парка, стоявшаго на Погулянкѣ: мы заняли высоту, прилегающую къ Боуфаловской Горѣ, и, когда увеличилось у меня число людей, расположились кареемъ.

Передъ наступленіемъ ночи послалъ я три роты, — двѣ для открытія и занятія обѣихъ сторонъ дефилен Понарской Горы и одну для завладѣнія ея высокою: я присоединилъ къ ней двѣ трехъ-фунтовыя пушки и двадцать казаковъ. Съ наступленіемъ ночи велѣлъ я двинуться къ дефилен, сперва задней линіи карея, потомъ и всѣмъ линіямъ, одной за другою, оставивъ зажженные огни на мѣстѣ лагеря карея. Опасность была велика, но трудъ еще больше: дорога, пролегающая черезъ дефилен, была тогда въ ужасномъ состояніи, узка, излучиста, съ чрезмѣрно крутыми по сторонамъ обрывами, покрытыми дремучимъ лѣсомъ, съ высокими и стремительными подъемами. Непривыкшіе къ запряжкѣ подъ пушки лошади, упирались, бились, такъ, что почти все пушки и ящики должно было везти людьми на разстояніи болѣе трехъ - верстнаго крутаго подъема. Несмотря однако жъ на все затрудненія, мы успѣли часа за два до разсвѣта подняться все на гору и стать въ оборонительномъ положеніи. И я тогда же отрядилъ наблюдательный постъ къ мосту на рѣкѣ Вакъ.

Проведши почти двѣ ночи и цѣлый день безъ сна, въ безпрестанныхъ трудахъ, заботахъ и опасностяхъ, хотя и зная я, что опасность еще не миновала, я не могъ бороться

далѣе съ природою, которая начала брать верхъ надъ всѣми и покоряла меня своимъ законамъ. Тутъ пришелъ мнѣ на мысль Квинтъ Курцій, который говоритъ, что Александръ Великій въ подобныхъ случаяхъ держалъ въ рукъ свищевый шаръ надъ мѣднымъ сосудомъ, для того, чтобы, когда сонъ его преодолѣетъ, шаръ упалъ изъ рукъ и звукъ сосуда разбудилъ его. У меня не было ни шара, ни сосуда; взамѣнъ этого я приказалъ, каждую четверть часа высылать патрули, которые всякой разъ должны были рапортовать мнѣ, а если засну, будить. Такъ провелъ я эту вторую ночь. Съ разсвѣтомъ прѣѣхалъ казакъ съ наблюдательнаго поста и донесъ, что мостъ цѣлъ и что никто къ нему не приближался въ ночи. Я весьма былъ обрадованъ этимъ извѣстiemъ. Вмигъ двинулись мы въ боевомъ порядкѣ, и переправились черезъ рѣку. Я занялъ желанную позицію, и начались всѣ военные порядки въ моемъ лагерѣ, — лагерѣ безъ палатокъ и обоза. Это, можетъ-быть, былъ первый такой бивакъ въ Россійской арміи. Тотчасъ посланы были фуражиры, командированы офицеры къ помѣщикамъ требовать продовольствія, котловъ, посуды и прочаго; огни расположены и каша готова.

Первыя вѣсти изъ Вильны привнесла мнѣ одна дѣвка. Страсть къ бомбардиру моей роты припудила ее итти за нами. Она сказала мнѣ, что генералъ Коссаковскій, судья Швейковскій и нѣкоторые другіе вельможи, повѣшены. Тутъ припомнилъ я первое мое свиданіе съ Коссаковскимъ и его пророческое слово. За годъ до его позорной смерти, армія, расположенная при Двинѣ, получила секретное повелѣніе вступить въ Польшу. Я стоялъ тогда съ своей ротою въ Псковѣ. Мнѣ предписано было перейти въ Полоцкъ и тамъ расположиться. Съ послѣдняго почета послалъ я офицера для занятія квартиръ, но онъ встрѣтилъ меня верстахъ въ трехъ отъ города и привезъ повелѣніе, чтобы я, не останавливаясь въ Полоцкѣ, переправился черезъ Двину и явился къ командующему корпусомъ генералу Коссаковскому. Это было во время ранней весны; Двина не совсемъ еще очистилась отъ льда; въ низу ея приготовлены были паромы для переправы, а въ верху, противъ дома губернатора, можно еще было переходить по доскамъ, поло-

женнымъ по льду. Я началъ переправляться на пароматъ, во губернаторъ Лопатинъ, служившій некогда подъ начальствомъ моего отца въ военной службѣ, прислалъ звать меня къ обѣду. Я отговорился невозможностью по службѣ; но другой посланный сказалъ мнѣ, что и самъ генераль Коссаковскій находится у губернатора, и что онъ требуетъ меня къ себѣ. Мы отобѣдали довольно поздно. Коссаковскій былъ лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, толстъ, и казался очень отяжелѣлымъ. Въ продолженіе обѣда я получилъ рапортъ, что рота переправилась, и доложилъ объ этомъ генералу. «Такъ пойдемъ же вмѣстѣ на квартиры,» сказалъ онъ мнѣ. Мы пошли по доскамъ, и Коссаковскій, задумавшись, ступалъ часто на ледъ. Я, слѣдя за нимъ, сказалъ ему: «Осторожнѣе, ваше превосходительство; ледъ можетъ проломиться.» На это онъ отвѣчалъ мнѣ по-Польски: *Ej przujacieli, kto ma wiżies, nie utonie!* «Кому суждено вѣсть, тотъ не утонетъ».

Я еще спрашивалъ женщину о Виленскихъ происшествіяхъ, какъ возвратился ко мнѣ адъютантъ Карпинъ, посланный къ богатому помѣщику, графу Грабовскому, который жилъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста, занимаемаго моимъ войскомъ. Онъ отправленъ былъ туда за продовольствіемъ, и привезъ нѣсколько повозокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, водкою, саломъ и сѣномъ. Вслѣдъ за этимъ явился управляющій графа: онъ привезъ небольшой запасъ для моего стола, и подаль мнѣ письмо на Французскомъ языкѣ, которымъ его господинъ изъявлялъ готовность быть полезнымъ Россіи, и просилъ меня остаться два или три дня на мѣстѣ, чтобы онъ и дочь его, которая одна только и была при немъ, могли собраться въ путь и отдать себя подъ покровительство Русскихъ войскъ.

Я сказалъ управляющему, что обстоятельства не позволяютъ мнѣ долго здѣсь оставаться, и велѣлъ просить графа, не можетъ ли онъ поспѣшить своимъ приготовленіемъ.

Отпустивъ управляющаго, я увидѣлъ издали скачущую во всю прыть повозку; въ ней сидѣли Русскій офицеръ и Жидъ, которые, не жалѣя ни руки, ни скотины, погоняли лошадей сколько могли. Это былъ адъютантъ генераль-маіора князя Циціянова, посланный ко мнѣ изъ Гродна. Уви-

двѣ меня, онъ чрезвычайно обрадовался, соскочилъ съ повозки и подалъ мнѣ бумагу отъ своего генерала. Князь Циціановъ извѣщалъ меня о благополучномъ состояніи отряда его въ Гроднѣ и спрашивалъ, справедливы ли дошедшіе до него слухи, что я спасся изъ Вильны при всеобщемъ мятежѣ, сохранилъ артиллерію, знамена, денежную казну и честь Русскаго оружія; въ заключеніе, онъ хотѣлъ знать, какая нужна мнѣ отъ него помощь, войсками и продовольствіемъ, чтобы я могъ скорѣе соединиться съ его отрядомъ.

Адъютантъ, смотря на мое ополченіе и видя пѣвннхъ, чрезвычайно удивился и сказалъ мнѣ: «Князь узналъ о вашемъ подвигѣ отъ Жидовъ, но не хотѣлъ вѣрить; наконецъ послалъ меня наудачу. Жиды съ опасностью жизни согласились за деньги доставить меня къ вамъ и обратно.» Я написалъ короткую реляцію обо всемъ происшествіи, и присовокупилъ, что въ продовольствіи не предвижу недостатка, но что не имѣю конницы; немногочисленные казаки мои совершенно изнурены; я прошу его сіятельство прислать мнѣ сотни двѣ казаковъ или другой легкой кавалеріи и приказать занять переправу на рѣкѣ Меречи. Взявъ мое донесеніе, адъютантъ поскакалъ въ обратный путь.

Только что адъютантъ увялъ, казаки представили мнѣ Польскаго унтеръ-офицера, пойманнаго близъ расположенія моего войска. Я спросилъ его, кто онъ и зачѣмъ тутъ находится. «Я унтеръ-офицеръ четвертаго полка, сказалъ онъ: былъ въ отпускѣ, получилъ приказъ явиться въ полкъ, шелъ по дорогѣ къ нему и взятъ казаками.» — Отоплате его къ военнопленнымъ, отвѣчалъ я. — Когда увелъ его, казачій офицеръ спросилъ меня: «Не прикажете ли казакамъ допросить его *по-свойски*? — Чѣмъ онъ виноватъ, что попался въ пѣвнъ? сказалъ я: и за что его наказывать? — «Да хоть пострадать!» прибавилъ онъ. — Это дѣло другое, сказалъ я, и занялся распоряженіями. Черезъ нѣсколько минутъ казачій офицеръ возвратился съ пѣвннхъ и подалъ мнѣ бумагу, найденную въ его мундирѣ. То былъ планъ моей позиціи съ показаніемъ батарей и сколько на каждой пушекъ. — Говори правду! вскричалъ я съ гнѣвомъ: безъ того будешь повѣшенъ. — Бѣднякъ затрепеталъ и признался,

что онъ инженерный офицеръ корпуса генерала князя Гедройца, посланный отъ него для снятія нашей позиціи. — Далекъ ли находится Гедройць? — «Я оставилъ его миляхъ въ десяти отсюда.» — Много ли у него войска? — «Въ соединеніи съ генераломъ Мейемъ будетъ тысячь до шести конницы и пѣхоты.» — Сколько артиллеріи? — «Всего шесть пушекъ небольшого калибра.» — Какое его намѣреніе? — «Онъ намѣренъ атаковать васъ въ этой позиціи черезъ три дня.» — Да почему ты это знаешь? — «Я былъ при томъ, когда они держали военный совѣтъ.» — Хорошо, отвѣчалъ я: отведите его къ военнопленнымъ.

День клонился къ вечеру. — Я, вышедъ изъ моего шалаша, взглянулъ на лѣсъ, отстоявшій отъ меня на дальній пушечный выстрѣлъ, и примѣтилъ, что одинъ конный, по видимому, военный человекъ, повремени показывается и опять скрывается въ лѣсъ. Я послалъ казаковъ; онъ выѣхалъ къ нимъ и прибылъ ко мнѣ. Это былъ баталіонный командиръ Нарвскаго пѣхотнаго полка, маіоръ Раутенштернъ, который стоялъ съ своимъ баталіономъ въ мѣстечкѣ Новыхъ-Трокахъ: его нечаянно разбилъ генералъ Мей, проходя съ своимъ полкомъ черезъ это мѣстечко для соединенія съ генераломъ Гедройцемъ, и онъ спасся только съ сотнею солдатъ и одною пушкою. — Гдѣ ваши люди и пушки? — «Въ этомъ лѣсу, отвѣчалъ онъ,» прибавивъ, что онъ хочетъ соединиться съ нами. — Вы находитесь недалеко отъ почтовой станціи Гопсты, куда я намѣренъ завтра перейти, сказалъ я ему: слѣдуйте туда, я пришлю вамъ въ подкрѣпленіе одну роту и пушку. Такимъ образомъ вы составите мой авангардъ. — Маіоръ исполнилъ повелѣніе, а я не замедлилъ послать къ нему обѣщанную помощь.

Ночь провели мы покойно, но на другой день хлѣбопекни наши атакованы были на двухъ мельницахъ, недалеко отъ моего стана. Я послалъ секурсъ; они были освобождены и возвратились. Такъ какъ войско мое стояло уже подъ ружьемъ и лошади были запряжены въ пушки, то я приказалъ перейти къ почтѣ Гопствъ, отстоявшей отъ насъ въ семи верстахъ. Учредивши аріергардъ и распредѣливъ артиллерію, двинулся я къ этому пункту; но мнѣ хотѣлось осмотрѣть позицію новаго расположенія, и я поручилъ па-

чалство маіору Глазенапу, а самъ поѣхалъ наскоро впередъ. Въ Гопствѣ нашель я маіора Раутенштерна, по какимъ-то слухамъ приготовившагося къ оборонѣ. Осмотрѣвъ мѣстоположеніе, я возвратился къ своему отряду, миновалъ его въ лѣсу, и продолжалъ свой путь, пока доѣхалъ до арьергарда. Тутъ нѣсколько просвиставшихъ мимо меня ядеръ обратили мое вниманіе, и я увидѣлъ, что непріятель занялъ оставленную нами позицію. Остановивъ арьергардъ и прибавивъ къ его четыремъ пушкамъ еще двѣ, я велѣлъ дѣйствовать противъ Поляковъ. Самъ я сталъ подлѣ опушки лѣса, и наблюдалъ ихъ движеніе. Судя по пространству ихъ линіи, я не сомнѣвался, что это былъ генералъ Гедройць въ соединеніи съ Мейемъ. Тутъ примѣтилъ я, что Поляки отрядили двѣ небольшія колонны пѣхоты съ частію кавалеріи для занятія лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги, а третью въ обходъ, чтобъ преслѣдъ мнѣ дорогу по выходѣ изъ лѣса; за этою колонною послѣдовала кавалерія и наконецъ вся пѣхота. Предупредивъ колонны отряженными въ лѣсъ стрѣлками, которые разсыпались по обѣ стороны нашего движенія, приказалъ я арьергарду скорѣе присоединиться къ главнымъ силамъ и поскакалъ къ головѣ колонны. Перестрѣлка въ лѣсу началась, а какъ при выходѣ изъ него, на открытомъ возвышеніи, находилась деревня Цвѣтники, которую непріятель намѣревался занять, то я послалъ казаковъ зажечь ее, и отрядилъ двѣ полныя роты гренадеръ съ двумя пушками, чтобы съ возможною скоростью занять другое возвышеніе, подлѣ той же деревни. Гренадеры пришли туда нѣсколько прежде Поляковъ. Перестрѣлка и пальба изъ пушекъ началась съ обѣихъ концевъ деревни; но за дымомъ и огнемъ почти не причинила ни какого вреда. Въ это время прибылъ туда и я со всею колонною, и по мѣстоположенію принужденъ былъ устроить свои линіи въ видѣ исходящаго тупаго угла. Маіоръ Раутенштернъ былъ атакованъ въ то же время на своемъ постѣ, и сильно защищался. Тутъ я вознамѣрился занять предположенную съ утра позицію, и для того началъ понемногу отступать, отстрѣливаясь изъ пушекъ. Непріятель слабо меня преслѣдовалъ, и я достигъ предназначенія. Положеніе мѣста было

таково, что я могъ своей линією занять все его пространство. Съ лѣваго флангу была у меня почта Гопста, защищаемая Раутенштерномъ; съ праваго лѣсъ и непроходимыя болота; позади большое озеро; а линія моя стояла на небольшомъ пологомъ возвышеніи, предъ которымъ была открыта часть поля на большой пушечный выстрѣлъ, а далѣ начинался густой пространный лѣсъ. Непріятель, занявъ этотъ лѣсъ, началъ дѣйствовать изъ лушскъ, противъ моей линіи, но ядра его не долетали, тогда какъ, напротивъ, бомбы моихъ единороговъ разрывало въ самомъ лѣсу. Пальба не была продолжительна. Поляки устроили все свое войско въ одну колонну, и, имѣя впереди кавалерію, вознамѣрились ударить въ центръ нашей линіи. Я успѣлъ свести все свои пушки на средину, дождался непріятеля на картечный выстрѣлъ, сдѣлалъ залпъ, и вся колонна была опрокинута и обратилась въ лѣсъ. Я жалѣлъ, что не имѣлъ на тотъ разъ кавалеріи, чтобы довершить побѣду. Еще два подобныя покушенія сдѣлали они на оба мои фланга; но всякой разъ были отражаемы подобно первому. Линія моя была невелика, и я удобно могъ передвигать пушки съ одного пункта на другой.

Наскучивъ, какъ видно, такую неудачею, непріятель удалился въ лѣсъ. Потеря наша состояла изъ одного убитаго и трехъ раненыхъ. Непріятельскій уронъ былъ значителенъ: поле передъ линією покрыто было тѣлами людей и лошадей, и казаки мои набрали много сабель и пистолетовъ.

Мы расположились почевать на томъ же выгодномъ мѣстѣ. За часъ до разсвѣта мы были встревожены нѣсколькими ружейными выстрѣлами, которые послышались въ лѣсу. Я послалъ казаковъ для открытія, но они ничего не нашли поблизости, и я рѣшился выступить по дорогѣ, ведущей къ Меречу.

Пройдя версты десять, встрѣтили мы два эскадрона Русскихъ карабинеръ, присланныхъ намъ отъ князя Циціянова. Ротмистръ уведомилъ меня, что князь послалъ еще двѣ роты пѣхоты при двухъ пушкахъ и велѣлъ имъ поставить шатки свои на противуположномъ берегу въ одну линію.

Мы прошли еще версты двѣ, и опять увидѣли непріятеля. Дорога лежала по открытому и ровному мѣсту; по

обвѣтъ сторонамъ на дальній пушечный выстрѣлъ простирался лѣсъ, и непріятель съ обвѣтъ сторонъ слѣдовалъ по его опушкѣ, не дѣлая ни какихъ покушеній. Когда мы стали приближаться къ мѣстечку, онъ вовсе сокрылся.

Не входя въ Меречь, мы расположились передъ этимъ мѣстечкомъ въ одну линію. Я послалъ команду ломать избы и дѣлать плоты, и на другой день благополучно переправились черезъ рѣку.

До Гродна слѣдовали мы безъ всякаго препятствія. На послѣднемъ переходѣ мы приготовились явиться съ возможною опрятностью передъ начальникомъ; у насъ было нѣсколько человекъ музыкантовъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣли схватить свои инструменты въ Вильнѣ, иные набрали себѣ музыкальныхъ орудій при фуражированіи въ господскихъ домахъ, и я сдѣлалъ распоряженіе къ церемоніальному вступленію.

Не доходя пять верстъ до города, мы были встрѣчены генераль-маіоромъ Княземъ Павломъ Дмитріевичемъ Циціановымъ со многими штабъ и оберъ-офицерами. Князь, поздравивъ меня съ побѣдой, оставилъ мнѣ своего адъютанта и велѣлъ намъ слѣдовать за собою, а самъ уѣхалъ.

Подходя ближе къ городу, мы увидѣли лагерь его отряда. Войско было выведено и устроено въ одинъ большой карѣ. При нашемъ приближеніи загрѣмѣла музыка, предстоящій фасъ карея раздвинулся, и со всѣмъ моимъ войскомъ введенъ былъ въ средину, гдѣ князь, образа и священники уже насъ ожидали; при вступленіи нашимъ пѣвчіе возгласили. «Тебе, Боже, хвалимъ.»

По окончаніи молебствія, мои офицеры и я приглашены были къ обвѣденному столу князя Циціанова. Пѣли за здоровье побѣдителей; къ вечеру отданы были пароль «храбрость и мужество», лозунгъ «украшеніе Россіи», отзвѣвъ «Св. Сергія».

На другой день выдали палатки, и снабдили насъ всѣмъ нужнымъ, а на третій день вѣльно было намъ пройти церемоніальнымъ маршемъ черезъ весь городъ, вести за собою всѣхъ пѣвчихъ Поляковъ, нести ихъ знамя, переправиться по вновь устроенному мосту черезъ рѣку Нѣманъ, расположиться лагеремъ на Варшавской дорогѣ

и оборотить пушки наши противъ города; съ другой стороны, князь Циціановъ приказалъ всѣ пушки своего отряда также обратить на городъ, и потребовалъ контрибуцію деньгами и сукномъ съ тамошнихъ фабрикъ. Все было въ минуту исполнено. Изъ денегъ выдали намъ не взачетъ третное жалованье, а сукна употреблены были на обмундировку.

Во время церемоніального марша погода была прекраснѣйшая; множество дамъ стояло у открытыхъ окошекъ и на балконахъ, и я самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ слова: «Смотрите, смотрите, вотъ идутъ Виленскіе недорезки!»

Здѣсь долженъ я сказать, какимъ образомъ князь Циціановъ успѣлъ сохранить отрядъ свой. Во время мятежа въ Варшавѣ, одинъ Донской казакъ вырвался изъ города, пустился по дорогѣ къ Гродну, догналъ баталіонъ королевской гвардіи, шедшій туда же, спрятался въ лѣсъ, и скорою, опережая эту пѣхоту, двумя днями прежде ея прихода успѣлъ явиться къ князю Циціанову и разсказать обо всемъ. Князь сначала не повѣрилъ, но въ самой тотъ день пришла изъ Варшавы Польшая почта: онъ велѣлъ схватить и принести къ себѣ нераспечатанный чемоданъ съ письмами, по которымъ открытъ былъ заговоръ въ Гроднѣ. Заговорщики были взяты въ одномъ монастырѣ; мостъ на Неманѣ приказано снять, а войска вышли въ лагерь. Я тоже предлагалъ генералу Арсеньеву вывести отрядъ свой въ лагерь, но онъ не согласился подѣлать ранней весны и умноженія отъ этого больныхъ.

Баталіонъ королевской гвардіи, назначенный къ открытію возмущенія въ Гроднѣ, пришелъ къ рѣкѣ и не нашелъ моста. Увидѣвъ войско наше въ лагерь, онъ возвратился назадъ въ Варшаву.

По сдачѣ принадлежащихъ начальству моему войскъ и пленныхъ, я былъ командированъ съ одной только моею ротою въ отрядъ генералъ-маіора Ланскова.

Можетъ-быть, пожелаютъ знать отъ меня о подробностяхъ Виленскаго заговора; но онъ извѣстенъ мнѣ только по слухамъ. Въ этомъ случаѣ болѣе другихъ дѣйствовали Польскаго войска инженеръ-полковникъ Ясинскій, артил-

лерин поручикъ Колонтай и известный своимъ распутствомъ и плутовствомъ игрокъ Хацкевичъ. Говорили также о Бржостовскомъ, о графѣ Поцѣвѣ и о многихъ другихъ. Я могу сказать съ достоверностью, что до начатія мятежа находились въ Вильнѣ слѣдующія Польскія войска: двѣ роты артиллеріи, двѣ роты четвертаго полка, эскадрона два поселенныхъ Татаръ, по тогдашнему положенію служившихъ *товарищами* и жившихъ въ особой слободѣ въ одномъ изъ предмѣстій Вильна; седьмой полкъ, который прибылъ ввечеру передъ начатіемъ мятежа, и первая рота перваго полка, пришедшая нѣсколькими часами прежде и на слѣдующее утро взятая мною въ плѣнъ. Что касается до способа, какимъ заговоръ былъ приведенъ въ дѣйствіе, то я буду говорить по дошедшимъ до меня извѣстіямъ. Замокъ города, арсеналъ, и комиссаріатъ, находившійся въ арсеналѣ, были въ рукахъ Поляковъ; у воротъ стояла Польская гаубтвахта. Жалованье Польскимъ войскамъ и порціонныя деньги производились еженедѣльно, и раздавались лично каждому солдату. Пользуясь этимъ случаемъ, они приходили подъ предлогомъ полученія жалованья въ шинеляхъ, оставались тамъ до ночи, и выносили подъ шинелями разныя оружія, какъ для раздачи обывателямъ, такъ и для собственнаго усиленія. Въ ночь, назначенную для начатія мятежа, всѣ начинщики и войска, пришедшія туда въ разное время по ротамъ и отдельными командами, собрались въ замокъ; тамъ велѣно имъ было зарядить ружья, и каждому солдату выдано по заряженному пистолету; потомъ все войско раздѣлено было по числу Русскихъ постовъ, стоявшихъ у городскихъ воротъ, на гаубтвахтѣ и у другихъ мѣсть; отряды эти получали приказаніе, пользуясь темнотою ночи, непримѣтнымъ образомъ расположиться поблизости нашихъ постовъ, и ожидать пушечнаго выстрѣла съ башни замка: расчислено было время, въ которое отряды могли достигнуть самыхъ отдаленныхъ точекъ: выстрѣлъ раздастся, Поляки современно сдѣлали нападеніе на всѣ наши посты, и заняли ихъ безъ большаго труда. Потомъ другіе выстрѣлы, барабаны и набатъ извѣстили упрежденныхъ жителей о начатіи избіенія Русскихъ по домамъ.

Оставивъ Гродно, я прибылъ въ отрядъ генераль-маіора Николая Сергѣевича Ланского, расположенный при мѣстечкѣ Новомышь. Изъ этого мѣста двлали мы разныя движенія по Литвѣ, но не встрѣчали нигдѣ непріятеля. Наконецъ отрядъ нашъ, отрядъ генераль-маіора графа Николая Александровича Зубова и нѣкоторыя другія войска соединились при мѣстечкѣ Мѣдникахъ, неподалеку отъ Вильна, подъ начальствомъ генераль-поручика Богдана Фѣдоровича Кноринга.

Въ Вильнѣ былъ тогда сильный гарнизонъ подъ начальствомъ, какъ говорили мнѣ, генерала Заіончка, и городъ былъ укрѣпленъ ретраншаментомъ со многими батареями отъ оврага, который находится выше воротъ Острой-Брамы, до самой рѣки Вильи.

Наканунѣ 8 іюля, генераль Кнорингъ предпринялъ овладѣть ретраншаментомъ и, если можно, самымъ городомъ.

Я не буду описывать здѣсь подробностей этого дѣла: скажу только, что генераль Ланской съ Санктпетербургскимъ драгунскимъ полкомъ, двумя баталіонами пѣхоты и моею ротой, оставленъ былъ въ резервѣ позади дѣйствующихъ войскъ. Барону Честенскому и мнѣ очень хотѣлось участвовать въ дѣлѣ, но генераль никакъ на то не согласился. Наконецъ просили мы позволенія быть хоть зрителями. «Потѣжайте, коли хотите, сказалъ намъ генераль Ланской: я не хочу ничего знать.»

Мы рѣшились повхаты и, по осмотрѣніи позиціи батарей, дѣйствующихъ противъ ретраншаменты, пріѣхали на нашъ правый флангъ, гдѣ нашъ генерала Кноринга на дворѣ маленькаго домика. Онъ принялъ насъ ласково и спросилъ даже, что мы замѣтили на счетъ дѣйствія батарей. Пользуясь такимъ его благорасположеніемъ, я сталъ просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ взять хоть двѣ пушки моею роты, и быть участникомъ въ дѣлѣ. «Да гдѣ же я васъ помѣщу?» сказалъ онъ: я не хочу подчинить васъ какому нибудь артиллерійскому капитану.»—Позвольте мнѣ быть при васъ.—«Хорошо, сказалъ онъ, улыбувшись, посылайте за пушками; только не больше двухъ. «Между-тѣмъ и Честенскій просилъ позволенія быть въ дѣлѣ съ своимъ драгунскимъ полкомъ. Генераль согласился и на это. Мы поскакали къ резерву: я взялъ одинъ полу-пудовой единорогъ и двѣнадц-

цати-фунтовую пушку, приближалъ съ возможною скоростью и расположился подлѣ двора, въ которомъ былъ генералъ.

Генералъ Кнорингъ не разъ посылалъ меня посмотреть, что дѣлается на лѣвомъ флангѣ. Наконецъ онъ приказалъ штурмовать ретраншаментъ. Хотя этотъ штурмъ былъ довольно кровопролитенъ, и мы, между-прочимъ, потеряли убитымъ полковника Короваева, командовавшаго Московскимъ гренадерскимъ полкомъ, но я, находясь вблизи штурмующихъ колоннъ, имѣлъ удовольствіе поздравить генерала со взятіемъ ретраншаментъ.

— Поведемъ же туда, и прикажите пушкамъ вашимъ слѣдовать за нами, сказалъ онъ.

Между-тѣмъ все войско, и наконецъ резервы, за которыми тогда же было послано, переходили ретраншаменты и располагались на высотахъ, окружающихъ Вильно. Посланы были парламентары для переговоровъ о сдачѣ города; но Поляки, не допуская трубачей приближаться, стрѣляли по нимъ изъ ружей, и одного ранили.

День клонился къ вечеру и мы собрались ночевать на занятыхъ высотахъ. Въ семь часовъ утра, велѣлъ мнѣ генералъ Кнорингъ взять въ прикрытіе одинъ егерскій баталіонъ съ двумя моими пушками, пройти занятое непріателемъ предмѣстіе и, приближась къ Острой-Брамѣ, выбить ворота.

При вступленіи моемъ въ излучистую улицу, въ которой находились многіе каменные дома, Поляки открыли сильную ружейную пальбу изъ оконъ домовъ и бросали камнями съ крышъ и чердаковъ. Несмотря на то, я прошелъ половину предмѣстія, стрѣлая изъ пушекъ въ предстоящіе дома, между тѣмъ, какъ егеря очищали другіе по сторонамъ; но, къ несчастію, командиръ баталіона и многіе офицеры были убиты, прикрытіе отступило, и я, оставшись одинъ съ пушками, привужденъ былъ сдѣлать то же. При выходѣ изъ улицы, встрѣтилъ меня генералъ Зубовъ и сказалъ: «Какъ? и ты ретируешься? до чего мы дожили!» — Дайте мнѣ такое прикрытіе, которое бы меня не оставило, я исполню то, что приказано, отвѣчалъ я.

Тутъ же отрядили ко мнѣ Нарвскій пѣхотный полкъ подлѣ

командою полковника Миллера, и я возвратился въ улицу. Сначала было мнѣ легче, потому что Поляки не успѣли еще занять очищенныхъ предъ тѣмъ домовъ, но съ приближеніемъ къ воротамъ препятствія усилились.

Въ то же время храбрый полковникъ Дзевъ съ Казанскимъ пѣхотнымъ полкомъ и двумя пушками посланъ былъ по другой улицѣ къ Зарвчнѣй-Брамъ, также для отбитія воротъ. Я, слѣдуя моему назначенію, терялъ много людей, которые были замѣняемы другими отъ моей и прочихъ ротъ артиллеріи. Съ приближеніемъ къ стѣнамъ города ружейные выстрѣлы менѣ стали вредить, по причинѣ высоты стѣны. Я увидѣлъ ворота, они окружены были неправильнымъ каменнымъ бѣльверкомъ. Иначе нельзя было стрѣлять въ затворы воротъ, какъ пройдя черезъ небольшое отверстіе, оставленное при самой стѣнѣ. «Чѣмъ ближе къ стѣнамъ тѣмъ лучше» сказалъ я. Ободренные этимъ отзывомъ Нарвскіе гренандеры, которые со мною же вышли изъ Вильны, бросились впередъ и проникли въ бѣльверкъ, а за ними и обѣ пушки. Между-тѣмъ другіе начали разбрасывать бѣльверкъ, недавно складенный изъ камня на глину, и уничтожили его. Гренандеры, найдя на затворахъ прорѣзанныя для стрѣльбы отверстія, положили въ нихъ свои ружья и начали стрѣлять въ городъ, какъ вдругъ одинъ гренандеръ закричалъ: «Пушку ставятъ въ воротахъ.» — Отступитесь, сказалъ я. Стрѣлай изъ пушки! — отвѣтъ былъ: «Незаряжена!» — Стрѣлай изъ единорога! — «Онъ заряженъ картечью!» Тутъ одинъ бомбардиръ закричалъ: «Такъ впередъ, ребята! Картечь разлетится въ стѣну и ударитъ по насъ.» Придвинувши полупудовый единорогъ шаговъ на шесть и выстрѣлили. Затворы воротъ раздробились и обрушились, какъ бы отъ дѣйствія петарды; насъ осыпало землею и пылью и мелкими камнями. Когда дымъ и пыль разсѣялись, я увидѣлъ небольшую оставленную на улицѣ пушку, шагахъ въ тридцати отъ воротъ. Я взвезъ мои пушки подъ сводъ воротъ и началъ стрѣлять въ городъ по длинѣ улицы.

Между-тѣмъ разнесся слухъ, что полковникъ Дзевъ убитъ и колонна его отступила. Полковникъ Миллеръ, который стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ, велѣлъ ударить сборъ: на звукъ барабана, полкъ его собрался и началъ отступать; а

Поляки обратили все свои силы къ Острой-Брамъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать за ними. Передки моихъ пушекъ оставлены были въ одномъ переулкѣ, и пришлось везти пушки на отводѣ; единорогъ повезли благополучно, но при пушкѣ, которую оттащили не далѣе пятнадцати сажень отъ воротъ, слетѣлъ отвозный крюкъ, а Поляки, занявъ часовню надъ воротами, открыли самый убійственный огонь изъ ружей по моимъ артиллеристамъ. Я закричалъ: «Клинъ вонъ!» и, поднявъ дуло на возможную элевацию, выстрѣлилъ въ часовню. Много людей, стѣпившихся въ ней, были поражены. Это приостановило ихъ стрѣльбу. Но какъ запрячь лошадей безъ отвознаго крюка? А людей мало! Прижавшись къ стѣнѣ одного дома, чтобы укрыться отъ выстрѣловъ, я велѣлъ солдатамъ снять поручней, соединить нѣсколько ихъ вмѣстѣ, сдѣлать изъ нихъ кольцо, вдѣть въ отверстіе, находящееся въ подушкѣ хобота, въ которое вдвѣается стержень передка, вложить найденное на улицѣ полвно, и такъ запрячь лошадей. Это скоро было исполнено: но кто пойдетъ вдвѣвать это кольцо! Двое отважныхъ бомбардиръ сдѣлались уже жертвою своей неустрашимости. Вдругъ на улицѣ показалась рота гренадеръ Козловскаго пѣхотнаго полка и коротко знакомый мнѣ человекъ, капитанъ Гедеоновъ. — Куда ты? спросилъ я. — «Занимать городъ; вѣдь ты отворилъ ворота..... Ребята!» вскричалъ онъ гренадерамъ: «оттащите эту пушку, она намъ мѣшаетъ.» Невзирая на сильную пальбу со стѣнъ, гренадеры ухватились за колеса и отвезли пушку въ ближайшій переулокъ. «Теперь посылай за передкомъ», сказалъ Гедеоновъ, а я останусь прикрывать тебя.» Привезли передокъ и я благополучно вышелъ изъ предмѣстья. Вотъ, какова была дружеская связь офицеровъ въ то время!

Генералъ Кнорингъ, увидѣвъ меня, сказалъ: «Вы показали отличную храбрость и неустрашимость, но.... дѣло.... кончилось несчастливо.»

Мы оставили Вильну и взятый нами ретраншанментъ, ступили, и расположились лагеремъ верстахъ въ пятнадцать отъ города.

Остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о покореніи Виль-

ны и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, непо-
мѣщенныхъ въ реляціяхъ того времени.

Корпусъ значительно былъ усиленъ прибывшимъ отря-
домъ генераль-маіора Германна, и мы предприняли вто-
ричное нападеніе на городъ. На собранномъ совѣтѣ опре-
дѣлено было одной колоннѣ, подѣ начальствомъ генераль-
маіора Германна, сдѣлать фальшивую атаку на оставленный
нами ретраншаментъ со стороны Острой-Брамы, а двумъ
другимъ подѣ начальствомъ генераль-маіора Ланскова и
графа Зубова, и кавалеріи генераль-маіора Бенингсена,
обойти городъ и напасть съ Гродненской дороги. Я съ сво-
ей батареею отряженъ былъ въ колонну графа Зубова. Ав-
густа 30, 1794, выступили мы, по пробитіи вечерней зари,
обошли городъ, и атаковали ложементъ, который начина-
лся у оврага, отдѣлявшаго городскую стѣну отъ ретранша-
мента выше Острой-Брамы, простирался черезъ Боуфалов-
скую Гору и оканчивался при входѣ на равнину на Погулянкѣ.
На разсвѣтъ приблизились мы къ ложементу. Польская
пѣхота, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, оставила
его почти безъ сопротивленія. Бросивъ нѣсколько фашинъ
въ ровъ ложемента, я перѣхалъ съ пушками и поставилъ
батарею противъ города на Боуфаловской Горѣ, а Польская
пѣхота устроилась въ линію на равнинѣ Погулянкѣ, въ раз-
стояніи пушечнаго выстрѣла отъ горы. Генераль Бенинг-
сенъ повелъ атаку отъ подошвы горы, и быстрымъ напа-
деніемъ своей кавалеріи совершенно истребилъ непріатель-
скую пѣхоту. Послѣ того мы стояли цѣлый день почти
безъ дѣйствія, бомбардируя только поврежденъ городъ съ
нашихъ батарей. Передъ наступленіемъ ночи генераль Кно-
рингъ оттянулъ войска на нѣкоторое разстояніе и распо-
ложилъ ихъ лагеремъ; меня оставили на занимаемомъ мною
пунктѣ безъ прикрытія. Я послалъ доложить о томъ гене-
ралу и ко мнѣ присланъ былъ эскадронъ кавалеріи и бата-
ліонъ пѣхоты. Ночь была чрезвычайно темна, и проливной
дождь принудилъ меня укрыться въ маленькій балаганъ по-
дѣ пушекъ, почти затопленный отъ дождя. Проведя на-
канунъ ночь и цѣлый день безъ сна, я заснулъ въ этомъ
пріютѣ, какъ около полуночи разбудилъ меня голосъ трубъ
и крикъ — Къ ружью! При выходѣ моемъ изъ шалаша,

все опять утихло. Я далъ замѣтить, что непріятель при такой темнотѣ не можетъ атаковать конницей, предвѣряя противную сторону звукомъ трубъ, и возвратился въ шалашъ. Часъ спустя, я услышалъ, что какой-то конный человекъ ищетъ меня, называя по имени. — Я здѣсь! отвѣчалъ я на голосъ. — Онъ продолжалъ: «Генераль Кнорингъ приказалъ, чтобы вы не смѣли сдѣлать ни одного выстрѣла, потому что идутъ переговоры о сдачѣ города.» И съ этимъ онъ удалился.

Когда совсѣмъ разсвѣло, пріѣхалъ другой офицеръ отъ генерала, и объявилъ, что Вильно сдалось на капитуляцію. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее обстоятельство: послѣ истребленія генераломъ Беннингсеномъ Польской пѣхоты, войска, бывшія въ Вильнѣ, выступили изъ города съ своимъ генераломъ черезъ Зеленый Мостъ за рѣку Вилью. Обыватели собрались на совѣтъ, и положили сдать городъ. Не зная обряда, какъ приступить къ тому, они вспомнили, что въ городѣ остался арестованный Польскій генераль Еленскій, который находился подъ судомъ за то, что при самомъ началѣ революціи ослушался повелѣнія Костюшка и не пошелъ съ своими Татарскими полками къ Вильну, сказавъ: «Когда король или военный министръ пришлетъ мнѣ повелѣніе, то я пойду, а Костюшка не знаю. И подлинно, онъ не былъ предвѣренъ о томъ, что Костюшко сдѣлался главнокомандующимъ революціонной арміи. Обыватели отдали ему оставленную на Гаубгвахтѣ саблю, придали ратушныхъ трубачей и послали на переговоры о сдачѣ.

Я поѣхалъ поздравить генерала Кноринга съ побѣдою, и онъ поздравилъ меня взаимно, сказавъ: «Вы болѣе всѣхъ участвовали въ Виленскомъ дѣлѣ, и я прошу васъ поѣхать со мною вмѣстѣ и объявить побѣжденнымъ мятежникамъ волю Великой Императрицы.»

Всѣ караулы въ городѣ заняты уже были нашими войсками, и мы, подъѣзжая къ предмѣстью, увидѣли по обѣ стороны дороги двѣ толпы народа. Одна казалась намъ изъ людей обыкновеннаго роста, а другая почти изъ карликовъ. Первая, съ правой стороны, состояла изъ Грекороссійскаго духовенства и обывателей, исповѣдывающихъ нашу религію

и неучаствующихъ въ мятежъ, а другая изъ Поляковъ, которые стояли на колѣняхъ. Генеральъ повѣхалъ къ толпѣ, стоящей съ правой стороны, сошелъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, представленный ему Русскимъ игуменомъ, сѣлъ на лошадь, и оборотясь къ Полякамъ, сказалъ: «Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе: вставайте!» Толпа вскочила на ноги и закричала: «Вивать!» Мы повѣхали въ городъ. Многіе знакомые мнѣ Поляки бѣжали по обѣимъ сторонамъ моей лошади и цѣловали стремяна!!!

Прежде всего въѣхали мы въ Грекороссійскій монастырь, находящійся неподалеку отъ Острой-Брамы. При входѣ въ церковь началось молебствіе, а мнѣ предоставлено было огласить покореніе Вильна троекратнымъ залпомъ изъ осмидесяти Русскихъ и Польскихъ пѣнныхъ пушекъ, поставленныхъ вмѣстѣ.

ГЕНЕРАЛЬ ТУЧКОВЪ.

=

ЛОРДЪ БРУМЪ

И ПОСЛѢДНЕЕ ЕГО СОЧИНЕНІЕ.

=

Франція и Англія представляютъ глазамъ наблюдателя въ эту минуту два чрезвычайно любопытныя нравственныя явленія, которыя заслуживаютъ быть замѣченными. Оба эти государства страдаютъ судорожными мученіями отъ ложныхъ политическихъ теорій, которыя хотятъ перенести управленіе общественными дѣлами изъ класса самаго сильнаго славою, богатствомъ, познаніями и талантами, въ грубую и невѣжественную толпу; но тогда какъ недостатокъ вѣрованія и скептицизмъ, слѣдствія злаго духа, опутавшаго Францію во второй половинѣ прошлаго вѣка, съ новою силою пожираютъ въ этой несчастной землѣ всѣ стихіи порядка и прочности учреждений, Англія, какъ-будто предчувствуя бѣдствія своей новой внутренней политики, сдѣлается всеми срѣдствами утвердить себя въ Вѣрѣ, чтобы приготовить себѣ утѣшеніе въ несчастіи или умѣрить его жестокость спасительными правилами, глубоко вкорененными въ сердца. Между-тѣмъ какъ Французская литература, вся безъ изыятія, прямо или косвенно подкапываетъ въ народѣ послѣднія основанія утѣшительныхъ чувствованій безумными нападками то на ученіе религіи, то на догматы нравственности, то на форму общества, происходящую изъ этихъ двухъ началъ, все, что есть просвѣщеннаго и мощнаго дарованіемъ по другую сторону Канала дружно спѣшитъ окружить христіанство новыми доводами истинны его откровеній, призываетъ свѣтъ наукъ положительныхъ, чтобы показать всемогущество, мудрость и благодѣтельность Бога, пагубныя заблужденія матеріализма, несомнѣнность безсмертія духа и будущей жизни. Многочисленность превосходныхъ сочиненій, вышедшихъ недавно по этому предмету изъ-подъ пера отличнѣйшихъ ученыхъ и государственныхъ людей, дѣлаетъ величайшую честь Англіи и составляетъ ея истинную заслугу въ отношеніи къ образованности и девятнадцатому вѣку.

Двойственное стремленіе Англійскаго народа, съ одной стороны, къ разрушительнымъ началамъ въ политикѣ, съ другой—къ укрѣпленію себя въ Вѣрѣ, основномъ началѣ всякаго благоденствія, личнаго и общаго, обнаруживается во многихъ государственныхъ людяхъ и въспитателяхъ; но самымъ рѣзкимъ примѣромъ этого явленія служитъ конечно лордъ Брумъ (Brougham), человекъ непопечливый, который дѣлаетъ въ одно время неслыханныя величія и прекрасные подвиги, ужасное зло и несчастливое добро своему отечеству и Европѣ. Почти не вѣрится, чтобы рѣчи, произнесенныя имъ въ прошломъ году въ Шотландіи, и «Разсужденіе объ Естественномъ Богопознаніи», которое теперь лежитъ передъ нами, вышли изъ одной и той же головы.

Въ повѣйшее время не многіе государственные люди приобрѣли такую громкую извѣстность какъ лордъ Генри Брумъ, адвокатъ, министръ, законовѣдецъ, ораторъ, математикъ, философъ, ученый въ самомъ пространномъ, хотя и не въ самомъ глубокомъ значеніи слова; умъ пылкій, безпорядочный и въспитательный, который зачмается совершенно разпообразными предметами и не только не чувствуетъ утомленія, но кажется почерпаетъ новыя силы въ этой необыкновенной, можно-сказать, чрезмѣрной дѣятельности.

Лордъ Брумъ, Англичанинъ по рожденію, воспитывался въ Шотландіи, въ Единбургѣ, и посвятилъ себя тамъ званію адвоката, которое обыкновенно открываетъ въ его отечествѣ дорогу къ правительственнымъ мѣстамъ. Но это же самое обстоятельство было причиною особеннаго направленія, которое получила его ораторскія способности. Подобно прочимъ Шотландскимъ адвокатамъ, онъ не знаетъ искусства беречь вниманіе своихъ слушателей; и память и терпѣніе ваше изнемогаютъ подъ множествомъ фактовъ, подробностей и доводовъ, которыми онъ загрозжаетъ себя дорогу. Въ быстромъ его стремленіи слишкомъ много расчета; какъ оно ни бѣшено, какъ ни пылко, оно рѣдко говоритъ сердцу и не шевелитъ страстей, всегда болѣе послушныхъ огненному чувству оратора чѣмъ логической вѣр-

ности его доказательствъ. Однако жъ этотъ по-наружности холодный расчетъ не мѣшаетъ ему увлекаться предметомъ до такой степени, что онъ весьма часто забываетъ всѣ приличія; сердится, дразнитъ, насмѣхается, и такимъ образомъ подвергаетъ опасности защищаемый имъ вопросъ. Примеры подобныхъ его забвений слишкомъ многочисленны, и памятны въ Англіи всѣмъ, кромѣ, кажется ему одному, потому что они и досель его не исправили: еще недавно вознесенный силою собственнаго таланта на достоинство канцлера Великобританіи и предсѣдателя Палаты перовъ, онъ упалъ съ знаменитаго «мѣшка съ шерстью» единственно отъ страннаго злоупотребленія того же таланта, и тутъ еще надобно замѣтить, что никто болѣе его не настаиваетъ въ политическихъ собраніяхъ на строгое соблюденіе приличій и не хвастаетъ ихъ знаніемъ. Лѣтъ десять тому назадъ, остроумный Газзиттъ, если мы не ошибаемся, замѣтилъ объ немъ, что нѣтъ прекрасной и полезной мысли, которой бы онъ не задумалъ, и которой бы не преувеличилъ, путившись вѣтійствовать, которой бы не уронилъ или по-крайней-мѣрѣ не испортилъ, вмѣшавшись въ ея исполненіе. И надобно отдать справедливость Газзитту, что съ того времени судъ его вполне оправдался Лондонскимъ университетомъ, парламентскимъ проектомъ преобразованія Англійскаго судопроизводства, и множествомъ другихъ предприятий, къ которымъ лордъ Брумъ руку приложилъ.

Какъ адвокатъ, Г. Брумъ, еще не бывшій тогда лордомъ, пользовался часто блестящими успѣхами. Безъ ловкости въ обращеніи, безъ истиннаго чувства, безъ наружной пріятности, онъ отличался силою изложенія, обширнымъ знаніемъ законовъ и могучею, неутомимою діалектикой, которая часто увлекала присяжныхъ и судей въ сторону, противную правосудію. Полный своего предмета, онъ только и думалъ какъ бы развить его весь, не заботясь, въ какой формѣ изложатся его мысли. Тѣ самыя качества отличали его краснорѣчіе и въ Нижней Палатѣ, и не оставили его при поступленіи въ важное и изящное собраніе благородныхъ лордовъ. Здѣсь, какъ и тамъ, онъ попрежнему не говорить, а кричить, не разсуждаетъ, а лѣтъ негодованіе.

Голосъ его выражаетъ обыкновенно не ораторскую декламацию, а гнѣвъ; гнѣвъ неукротимый.

Этотъ необыкновенный человекъ знаетъ почти все новыя шіе языки, былъ почти при всѣхъ дворахъ, объѣхалъ почти всю Европу, изучалъ законы каждаго народа и особенно лѣбрилтъ Шотландскіе постановленія. Ему всегда навѣстно въ точности, сколько Англія вывезла бумажныхъ и стальныхъ издѣлій, на чемъ именно больше получается барыша, сколько четвертей хлѣба закупили въ Россіи, въ Польшѣ или въ Америкѣ, каково положеніе колоній, тюремъ, Ирландіи, и такъ далѣе. Хорошій эллинистъ и латинистъ отличный, онъ былъ представленъ знаменитому Лапласу, какъ одинъ изъ лучшихъ Англійскихъ математиковъ, и достойно поддержалъ длинный разговоръ о дѣленіи угла на три части. Трудолюбіе его изумительно или, лучше сказать, изумительна легкость, съ которою онъ переходитъ отъ одного занятія къ другому; нерѣдко въ теченіи одного дня читалъ онъ разсужденіе объ естественныхъ наукахъ въ засѣданіи Королевскаго Общества Ученыхъ, писалъ толкованіе на текстъ Латинскаго автора, произносилъ предлинную рѣчь въ парламентѣ о свободной торговлѣ хлѣбомъ, представляя подробныя вычисленія на многія тысячи миллионновъ рублей, и прямо оттуда отправлялся въ Судъ Королевской Лавки защищать тяжёлое дѣло о двѣнадцати фунтахъ стерлингахъ, взыскиваемыхъ какимъ-нибудь лавочникомъ; и, выигравъ процессъ, шелъ еще въ шумное сборище черни, толковать съ ремесленниками грубымъ языкомъ о пошлннѣ на солодъ, а потомъ возвращался домой доканчивать начатую для *Edinburgh Review* статью объ изящномъ въ поэзіи. Словомъ, лордъ Брумъ представляетъ собою рѣдкій примѣръ той неизмоврной гибкости и силы ума человѣческаго, которая достигается посредствомъ настойчивой дѣятельности, дѣлающей вдвое долговременнѣйшую жизнь тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться каждою минутой. Въ прошломъ году, среди правительственныхъ заботъ своего министерства, онъ несъ на всѣхъ торжественныхъ пиршествахъ въ Шотландіи такой вздоръ, что мочи не было слушать благомыслящему человеку, и вмѣстѣ съ тѣмъ сочинялъ книгу, которой нельзя читать безъ удивленія и благодарности.

*

Книга эта, какъ мы уже сказали, есть «Разсужденіе о Богопознаніи Естественномъ*». Мы уже говорили объ ней однажды, хотя очень коротко, въ Библіотекѣ для Чтенія. Авторъ смотритъ на эту важную отрасль знанія, какъ на такую, которая, не отличаясь отъ прочихъ способомъ изслѣдованія, пользуется или выводами для утвержденія веры въ Бога и святой его промыслъ. Здѣсь должно припомнить, что со времени Бекона способъ наведенія, inductive method, признается большинствомъ Англійскихъ философовъ за единственный достовѣрный способъ изслѣдованія не только въ естественныхъ, но въ психологическихъ, нравственныхъ и политическихъ наукахъ. Этому началу, которое проводитъ рѣзкую черту между философіею Англичанъ и Германцевъ, держался и лордъ Брумъ въ своемъ «Разсужденіи о Богопознаніи Естественномъ». Нельзя не согласиться, чтобъ способъ наведенія, который состоитъ въ выводѣ заключеній изъ большинства всѣхъ известныхъ случаевъ одного рода, не оказалъ великой пользы наукамъ, особенно физическимъ, и не имѣлъ на своей сторонѣ очень важнаго перевѣса, — соответственности съ естественнымъ ходомъ развитія нашего ума. Въ самомъ дѣлѣ, не всегда ли заключаемъ мы отъ известнаго къ неизвѣстному, отъ достовѣрнаго къ сомнительному; всѣ наши открытія, всѣ понятія, которыя то же открываются намъ постепенно, — плоды наведенія, хотя часто непримѣтнаго, но темъ не менѣе дѣйствительнаго. Какой иной способъ употребите вы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о положительномъ знаніи? Какой иной способъ представить вамъ болѣе ручательствъ въ вѣрности своихъ выводовъ, если не тотъ, которымъ успешное пользованіе предполагаетъ наиболѣе приобретенныхъ свѣдѣній? Знаемъ, что многіе оспариваютъ годность его въ Философіи и пытаются рѣзать ея задачи чѣмъ-то подобнымъ алгебраическому способу, то есть, предполагая искомое известнымъ, но они забываютъ при этомъ, что міръ — не только величина, и что если бъ даже ограничить его однимъ этимъ значеніемъ, то все пришлось бы

* A Discourse of Natural Theology, showing the nature of the evidence and the advantages of the study. By Henri lord Brouglam, F R. S. and member of the National Institute of France. London, 1835.

рывать уравненіе бесконечно высокой степени, тогда какъ и математика нейдетъ далѣе четвертой.

Одна изъ главныхъ невыгодъ примѣненія Беконова способа къ такому высокому предмету какъ Богопознаніе конечно состоитъ въ томъ, что наведеніе можетъ быть невѣрно, и последующія открытія обнаружатъ неосновательность того, что прежде считалось очень мудрымъ. Впрочемъ должно отдать справедливость лорду Бекону, что самъ онъ и не предназначалъ своего способа для этой цѣли, а ограничивалъ примѣнимость его одними свѣтскими науками. *Ex divinatorum et humanorum male sana admittione*, говоритъ онъ въ своемъ «Органонъ», *non solum educitur philosophia phantastica, sed etiam religio haeretica*. Теперь мы видимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину къ такой осторожности, потому что изъ тысячи собственныхъ его физическихъ выводовъ, сдѣланныхъ по способу наведенія и помѣщенныхъ въ *Sylvae Sylvarum*, едва ли найдется одинъ, который не обнаруживалъ бы легковѣрности, суевѣрія, неосновательности, словомъ, какого-нибудь заблужденія или ошибки. Однако же это служить только свидѣтельствомъ ограниченности физическихъ наблюдений и опытовъ въ его время, а отнюдь не доказательствомъ противъ годности и пользы предложеннаго имъ способа, особенно когда сообразимъ неамовѣрные усилія, сдѣланные точными науками съ тѣхъ поръ, какъ, бросивъ прежнія мечты, онъ сталъ руководствоваться исключительно наведеніемъ. Что касается до Богопознанія, то конечно ни этотъ способъ, ни высокія умствованія метафизиковъ не сильны проникнуть до того Свѣта, котораго, по словамъ апостола, «никто же видѣлъ есть отъ человѣка, ни же видѣти можетъ.» Донольно, если созерцаніе дѣлъ Творца укрѣпитъ въ насъ вѣру въ Его промыслъ и заставитъ принести дань благоговѣннаго удивленія передъ живымъ свидѣтельствомъ неистерпаемой Его мудрости.

Изслѣдованіе природы и изученіе этого свидѣтельства почти неразлучны между собою. Тѣ самые факты, говоритъ авторъ разсматриваемой книги, которые ведутъ, напримѣръ, къ познанію устройства глазъ, даютъ намъ средства постигать и приспособленіе ихъ къ свойствамъ свѣта, и вмѣстѣ убѣждаютъ насъ въ той несомнѣнной истинѣ, что наши зри-

тельные органы были созданы Существомъ, которому всѣ эти свойства были совершенно известны:

«Это удивительное орудіе, устроенное такъ искусно, что остроумнѣйшій оптикъ не придумалъ бы въ немъ ни какого улучшенія, становится еще чудеснѣе и занимательнѣе, когда узнаемъ, что его образованіе измѣняется соответственно потребностямъ каждаго животнаго. Если животное ищетъ добычи по ночамъ, мы видимъ, что отверстіе зрачка и сила сосредоточиванія глазъ увеличиваются. Амѣбии погружаются иногда въ воду, и съ перемѣною посредства (medium), сквозь которое проходятъ лучи свѣта, измѣняются у нихъ главныя влаги, такъ что и въ отношеніи къ органамъ зрѣнія, они отчасти рыбьяго, отчасти четвероножнаго свойства.

«Если отъ известнаго снаряда, которымъ охраняется человѣческій глазъ, перейдемъ къ глазу низшихъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ ни особой принадлежности для очищенія этого орудія, ни смысла достигать той же цѣли другими средствами кромѣ вѣкъ, мы увидимъ для этого совершенно новое устройство.

«Для рыбъ, которыхъ глаза омываются стихіей, въ которой онѣ плаваютъ, нѣтъ ни какой нужды во внѣшнемъ снарядѣ, — и у нихъ его нѣтъ; но у раковъ и особенно у той породы, которая живетъ въ илѣ, странный роговистый и выпуклый глазъ, который всякому покажется примѣчательнымъ, совсемъ бы долженъ былъ котениться безъ особенной предосторожности. Надъ глазомъ есть маленькая волосная щеточка, о которую животное обтираетъ его въ случаѣ надобности.

«Для примѣра рассмотримъ еще птичье яйцо. Оно состоитъ изъ трехъ частей, — изъ зародыша, изъ желтка, въ которомъ сидитъ зародышъ, и изъ бѣлка, въ которомъ плаваютъ желтокъ. Желтокъ легче бѣлка, и прикрѣпленъ къ нему въ двухъ точкахъ, соединяемыхъ лишею или лучше плоскостью, ниже центра тяжести желтка. Отъ-этого зародышъ всегда долженъ быть наверху, поворачивайте яйцо какъ хотите, и слѣдственно онъ всегда въ самомъ близкомъ соседствѣ съ грудью или животомъ матери, когда она сидитъ. Положимъ, что кто-нибудь, знакомый съ законами движенія, захотѣлъ содержать зародышъ въ томъ же по-

ложеиія, чтобы оцъ получалъ отъ насѣдки иужную тепло-ту: могъ ли бы онъ сдѣлать это иначе, если не помѣстивъ зародыша въ легкую жидкость и не пустивъ ея въ другую потяжеле, такъ, чтобы центръ тяжести былъ выше линіи или плоскости погруженія? Конечно нѣтъ: ни какимъ дру-гимъ образомъ не возможно было бь достигнуть этой цѣли. До этой истины доходимъ мы помощію строгаго наведенія, а она указываетъ намъ другую, по-крайней-мѣрь столь же несомнѣнную, что яйцо образовала рука искусная въ меха-низмъ и дѣйствовавшая по непреложнымъ правиламъ дина-мики.

«Формы костей и составовъ съ соответственными имъ су-хими жилами представляютъ множество примѣровъ совер-шеннѣйшаго механическаго припоровленія. Иногда сила по-жертвована быстротѣ движенія, иногда быстрота пожертво-вана силѣ. Наша колѣнная чашка отводитъ сухую жилу, ко-торая прикрѣплена къ ней, отъ центра движенія и такимъ образомъ придаетъ силу мышцамъ ладвен, помощію кото-рыхъ мы поднимаемся и прыгаемъ. Въ пальцахъ у страуса матерьялъ другой, но механизмъ тотъ же самый. Между су-хою жилой и составомъ есть упругая подушечка, которая, отводя жилу отъ центра движенія и придавая тѣмъ силу сгибающей мышцѣ, сообщаетъ упругость и ступнѣ. Назна-ченіе этого устройства легко постигнуть, когда вспомнишь, что эта птица не летаетъ, а только бѣгаетъ съ удивитель-ной быстротою, и что вся тяжесть ея покоится на ступнѣ, вмѣющей относительно малое пространство. Эти упругія подушечки служатъ въ нѣкоторомъ смыслѣ для того же, для чего упругая стрѣлка въ лошадиномъ коныгѣ или по-душка въ ступнѣ у верблюда.

«Лапчатая нога водяной птицы лучшее изъ всѣхъ веселъ въ мѣрѣ, и всѣ выпѣшнія старанія наши усовершенствовать движеніе пароходовъ не провзведутъ ничего подобнаго. Сгибающая мышца утиныхъ пальцевъ такъ направлена къ костямъ бедра и голени, что она сжимается, когда живот-ное согнетъ ногу, и распускается, когда вытянетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расходятся пальцы, и соединяющая ихъ плева встрѣ-чаетъ себя въ водѣ большую площадь сопротивленія.

«У другого разряда птицъ, которыя садятся на насѣсти по деревьямъ, тотъ же механизмъ служить къ достиженію другой цѣли. Значительная длина ихъ пальцевъ дозволяетъ имъ обхватывать сучья; но если бъ онѣ держались однимъ произвольнымъ усиліемъ и не было бы ни какой другой предосторожности, онѣ легко могли бы выпустить во снѣ изъ лапы свою опору. Напротивъ, мы знаемъ что онѣ сидятъ на одной ногѣ и очень крѣпко. Борелли взявъ на себя трудъ объяснить это явленіе. Мышца, сгибающая пальцы, находится напередѣ ладвѣи и проходитъ черезъ составъ, соответствующій нашему козвинуному; отъ передней его части сухая жила идетъ въ заднюю часть голени и черезъ составъ, соответствующій нашей пяткѣ, а потомъ въ ступню развѣтвляется къ пальцамъ. Слѣдствіе этого страшнаго положенія сухой жилы то, что когда тяжесть птицы сгибаетъ подъ собой оба состава, сухая жила натягивается или должна была бъ натянуться, если бъ ея раздѣленные конечности, приросшія къ послѣднимъ косточкамъ пальцевъ, не стягивали этихъ пальцевъ такъ, что они обхватываютъ сучекъ, на которомъ сидитъ птица, безъ всякаго усилія съ ея стороны.

«Разсматривая устройство головы дельфина, найдемъ полости ея способными къ значительному расширенію, такъ, что онъ можетъ наполнять ихъ по произволу воздухомъ или водою, смотря по тому, захочетъ ли подняться на поверхность воды и плавать, или напротивъ, погрузиться. Затворивъ отверзгіе, онъ можетъ не впускать въ себя воду; впустивъ ее, онъ идетъ въ глубину; подувъ изъ легкихъ въ полости, онъ можетъ выгнать воду и наполнить ихъ воздухомъ, чтобъ опять всплыть. Никто не усомнится, что такіе факты представляютъ очевидное доказательство какой-то силы, совершенно знакомой съ законами Гидростатики и такъ же искусной въ ихъ примѣненіи.»

Авторъ заимствуетъ еще нѣсколько примѣровъ изъ Астрономіи, Сравнительной Анатоміи и Геологіи, но какъ они не представляютъ ничего новаго и мы неразъ уже говорили объ этомъ въ Б. д. Ч. съ большею подробностью, то спѣшимъ перейти къ психологической части его сочиненія, гдѣ онъ разсматриваетъ главнѣйшія способности умъ,

опредѣленное соотношеніе ихъ между собою и взаимное припаровленіе одной въ пользу другой, которое доставило намъ возможность развить ихъ до такой степени и съ тѣмъ вѣдствъ достигнуть такихъ удивительныхъ выводовъ въ обширной области науки.

«Обозрите цѣлость умственного міра и скажите, можно ли смотреть безъ удивленія на чудесную картину человеческого ума и на неизмѣримые успѣхи, которые онъ могъ сдѣлать вслѣдствіе своего устройства и тѣхъ способностей и привычекъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Если сіяніе небесныхъ свѣтилъ, чрезвычайная быстрота ихъ движеній, огромныя ихъ разстоянія и величина внушаютъ намъ благоговѣніе, то не менѣе изумителенъ и блескъ нашихъ умственныхъ способностей, непоостижимая скорость мысли, безпредѣльный полетъ нашего воображенія, неизмѣримость предметовъ, объемлемыхъ нашимъ умомъ. Что мы смогли разложить стихіи на простѣйшія составныя части, анализировать тонкій свѣтъ, наполняющій все пространство, проникнуть съ частицы міра, котораго мы занимаемъ одну точку, въ пространства безконечно отдаленныя, опредѣлить вѣсь тѣлъ на поверхности міровъ, которые намъ едва примѣтны, изслѣдовать законы, управляющіе ихъ движеніемъ или видообразованіемъ и вычислить изъ секунды въ секунду періодъ появленія ихъ послѣ вѣкового кругооборота,—все это изумительно до чрезвычайности и представляетъ еще болѣе пищи удивленію, чѣмъ феномены вещественнаго міра. А что скажемъ мы о немомъ способности обобщенія, посредствомъ которой люди предугадывали за цѣлыя сотни лѣтъ такія открытія, которыя далеко превосходили всякое чаяніе и казались совершенно мечтательными и невѣроятными? Клеръ заключаетъ о существованіи седьмой планеты и о положеніи ея пути; Ньютонъ изъ преломленія свѣта остроумно выводитъ не только воспламенность брилліанта, который состоитъ во-видимому изъ простѣйшихъ стихій, но и противоположное свойство двухъ составныхъ частей его, которыя еще цѣлый вѣкъ остаются потомъ неизвѣстны. Но есть нѣчто еще болѣе удивительное въ производствѣ мысли, которымъ совершились эти чудеса, и въ самой силѣ ума, когда онъ дѣйствуетъ безъ всякой внѣшней помощи, не заимствуетъ

ничего отъ вещества и полагается на одни собственные способы. Самыя отвлеченныя изслѣдованія математика происходятъ безъ отношенія къ чувственнымъ предметамъ, и если онъ заимствуетъ какія-нибудь пособія отъ вещественнаго міра, то она совершенно ничтожны въ сравненіи съ тою частію, которая чисто отвлеченна: чертежи и буквы только облегчаютъ и сокращаютъ трудъ его, а не составляютъ для него существенной потребности. Говоря въ строгомъ смыслѣ, во всей чистой математикѣ нѣтъ такой истины, которая не могла бѣ быть открыта человекомъ, лишеннымъ зрѣнія и осязанія или заключеннымъ въ темную комнату и не имѣвшимъ подѣ рукою ни какого вещественнаго предмета. Орудіе высшихъ Ньютоновыхъ умствованій, исчисленіе, которое онъ изобрѣлъ, и изумительныя системы, обязанныя ему своимъ существованіемъ и давшія безсмертіе именамъ Эйлера, Лагранжа, Лапласа,—все это созданія чистой, отвлеченной мысли, которыя могли бы существовать въ ихъ настоящемъ великолѣпін, не одождаясь ни чѣмъ вещественному содѣйствію, кромѣ средствъ, необходимыхъ для ихъ сохраненія и сообщенія. Вотъ величайшія изъ всѣхъ чудесъ природы, въ собственномъ смыслѣ, хотя они говорятъ только уму, а не чувству. Отвергнувъ, чтобъ глазъ могъ быть созданъ безъ глубокаго знанія оптики, допустимъ ли, чтобъ умъ могъ быть сотворенъ и такъ щедро надѣленъ способностями безъ превосходившаго изъ всѣхъ знаній, или чтобъ онъ могъ произойти отъ чего нибудь кромѣ Ума безконечно-могущественнаго?

« Съ перваго взгляда быть-можетъ покажется, что есть существенное различіе въ свидѣтельствахъ, почерпаемыхъ изъ умственныхъ и изъ физическихъ явленій. Можно подумать, что умъ по природѣ своей не такъ намъ подѣ силу, какъ вещество, что надъ массами вещества человекъ самъ имѣетъ нѣкоторое владычество, что онъ одаренъ въ известной степени пластическою силою, можетъ сообщать имъ произвольные образы и совокуплять ихъ въ желаемый механизмъ, можетъ начать и продолжить движеніе и устроить такой снарядъ, который бы начиналъ его, поддерживалъ и направлялъ, между тѣмъ какъ умъ будто бы внѣ его господства; надъ нимъ человекъ будто немощенъ, будто ему известно только бытіе

его и законы, какими онъ управляется, и слѣдственно одна Первая Причина, властная вызвать къ существованію и умъ и вещество, сильна измѣнять духовную нашу природу. Но если смотрѣть на вещи какъ слѣдуетъ, эта разность между двумя отраслями науки исчезаетъ наравнѣ съ прочими. Вѣдь допускать же, что мы не можемъ творить и вещества точно такъ же какъ духа, а мы имѣемъ на умъ вліяніе подобно тому какъ на вещество. Посредствомъ различныхъ свойствъ вещества мы образуемъ орудія, машины и фигуры. Такъ точно, пользуясь свойствами ума, можемъ мы наитствовать и душевныя способности,—упражнять ихъ, пріучать, совершенствовать, производить, такъ сказать, новыя формы умственности. И конечно между кускомъ грубаго желѣза, изъ котораго дѣлаемъ мы сталь, и тысячью часовыхъ пружинокъ, въ которыя она разбивается, или хронометромъ, составляемымъ изъ столь же грубыхъ матеріаловъ, не болѣе разницы, чѣмъ между необработанными способностями мужика, выращеннаго безъ воспитанія, и искусствомъ художника изобрѣтшаго хронометръ, и математика, который употребляетъ его для измѣренія путей небесныхъ тѣлъ.»

Последняя, самая любопытная, часть «Разсужденія», которую авторъ называетъ неической или деонтологическою, посвящена изученію вѣроятныхъ преднамѣреній Божества относительно будущности его тварей. Первымъ источникомъ этого рода изслѣдованій авторъ почитаетъ разсмотрѣніе природы человеческого духа.

Эту превосходную часть книги лорда Брума мы предлагаемъ здѣсь вполнѣ; она отличается чрезвычайно светлыми соображеніями о разныхъ духовныхъ феноменахъ человеческой природы и будетъ прочитана съ большимъ удовольствіемъ всеми любителями этого рода изслѣдованій.

« Невещественность души, говоритъ онъ, есть основа всѣхъ ученій касательно будущей жизни. Если душа состоитъ изъ вещественныхъ частей или изъ какого-нибудь видоизмѣненія вещества, если даже она неразлучно связана съ какимъ-нибудь соединеніемъ матеріальныхъ стихій, мы не имѣемъ ни какой причины думать (разумѣется, кромѣ вѣры въ Откровеніе), что она переживетъ существованіе физической части нашего состава; напротивъ, конецъ ея

кажется необходимымъ слѣдствіемъ разрушенія тѣла. Правда, что тѣло не истребляется въ смыслъ уничтоженія. Но такъ же справедливо, что особенный составъ матеріальныхъ частицъ, съ когорымъ душа предполагается неразлучно связанною или въ которомъ сама она, по мнѣнію иныхъ, состоитъ,—исчезаетъ и разрушается даже въ смыслъ уничтоженія; этотъ составъ или устройство такъ же перестаютъ существовать, какъ и мраморная статуя, пережженная въ известку. Всѣ теоріи матеріализма почитаютъ душу принадлежащею этому особенному составу и устройству, а не самому веществу; ни одна не доходитъ до такой нелѣпости, чтобъ видѣть душу въ цѣльной массѣ частицъ, независимо отъ ихъ относительнаго порядка. Слѣдственно, думаютъ матеріалисты, разрушеніе этой формы и организаціи такъ же звѣствительно разрушаетъ заключающуюся въ ней душу, какъ красота или умственное выраженіе статуи исчезаетъ при превращеніи мрамора въ известковую пыль.

«Къ счастью, ученія матеріализма не имѣютъ ни какого прочнаго основанія ни въ разумъ, ни въ опытъ. Неопредѣленность, неясность предложеній, въ которыхъ они излагаются, служить сильнымъ доказательствомъ противъ ихъ истинны. Трудно дать опредѣленный смыслъ предложенію, что душа неразлучно связана съ особеннымъ построениемъ вещественныхъ частицъ, еще труднѣе объяснить себѣ мнѣніе тѣхъ, которые называютъ ее видоизмѣненіемъ вещества; но почитатъ ее состоящею въ особенномъ сопряженіи матеріальнаго начала и происходящею въ тотъ мигъ, когда вещественныя частицы совокуцляются въ извѣстномъ порядкѣ, это кажется одно безсмысленное совмѣщеніе пустыхъ словъ.

«Какъ бы то ни было, обратимся къ опыту и посмотримъ, какія выгоды можно получить отъ этого вѣрнаго проводника, на котораго охотно полагаются новѣйшіе философы, хотя большая часть древнихъ презирали его, какъ слишкомъ смиреннаго пособника.

»Мы во-первыхъ можемъ замѣтить, что если особенное сопряженіе вещества порождаетъ то, что мы называемъ духомъ, то это производство единственное въ своемъ родѣ и безпримѣрное. Нѣтъ другаго подобнаго случая; мы

не знаемъ, чтобъ гдѣ-нибудь соединеніе извѣстныхъ стій производило нечто совершенно отличное не только отъ каждой изъ составныхъ частей, но и отъ цѣлаго состава. Смѣшавъ кислоту со щелочью, мы можемъ образовать третье тѣло, лишенное качествъ той и другой и имѣющее свои собственные качества; но здѣсь третье тѣло состоитъ изъ соединенія двухъ другихъ. Тутъ не двѣ вещи, не два различныхъ существа,—средняя соль, составленная изъ кислоты и щелочи, и что-то другое, не похожее на среднюю соль и порождаемое въ первый разъ при образованіи этой соли. Такъ, когда мраморъ оживаетъ подѣ рѣзцомъ художника, онъ является въ новомъ видѣ и одаренный способностью производить пріятное впечатлѣніе въ нашихъ чувствахъ, въ памяти, въ воображеніи; однако жъ онъ все-таки мраморъ; мы видимъ прекрасную и выразительную фигуру вмѣсто безформной толщи, но видъ, приданный этому камню, не произвелъ ни какого другаго вещества. Матеріалисты же должны утверждать, что, при устроеніи вещества особеннымъ образомъ, происходитъ и организованное тѣло и нечто съ нимъ различное, не имѣющее ни какихъ его свойствъ,—ни размѣра, ни вѣса, ни цвѣта, ни очертанія. Они должны утверждать, что химикъ, смѣшавшій крепкой водки съ поташемъ, произвелъ селитру и что-то еще совершенно отличное отъ этихъ трехъ тѣлъ, начавшее существовать съ той самой минуты какъ сзѣрновалась селитра, и что вальтеръ, который изобразилъ Аполлона, не только придавъ мрамору человеческую наружность, но вызвалъ къ бытію и что-то совершенно различное съ мраморомъ и статуею, существующее въ одно время съ ними, но не имѣющее ни одного ихъ свойства. Поэтому, если теорія ихъ истинна, что она не основывается ни на чемъ, извѣстномъ намъ по опыту; она предлагаетъ совершеніе такихъ производствъ и существованіе такихъ отношеній, которымъ нѣтъ ни малѣйшаго подобія во всей области нашихъ свѣдѣній.

«Во-вторыхъ, ученіе матеріалистовъ, какой бы ни принимало оно видъ, противорѣчитъ самымъ простымъ и достовернымъ выводамъ опыта. Очевидность существованія души полна въ самой себѣ и совершенно независима отъ

качествъ или существованія матеріи. Она не только такъ же сильна и доказательна, какъ то, что убѣждаетъ насъ въ бытіи вещества, но гораздо сильнѣе и доказательнѣе; путь убѣжденія гораздо короче, истина, къ которой ведетъ онъ умъ, не такъ далека отъ аксіомы,—отъ нагляднаго или самоочевиднаго предложенія, изъ котораго вытекаетъ доказательство. Мы вѣримъ, что вещество есть, потому что оно производитъ извѣстное впечатлѣніе въ нашихъ чувствахъ, извѣстную перемѣну, извѣстное дѣйствіе; мы заключаемъ, и заключаемъ справедливо, что это дѣйствіе должно имѣть причину, хотя и нѣтъ слишкомъ яснаго доказательства, чтобъ эта причина была чѣмъ-нибудь внѣ насъ. Но мы увѣрены въ существованіи души по собственному сознанію или по размышленію о томъ, что происходитъ внутри насъ, и наше собственное бытіе, какъ чувствующихъ и мыслящихъ; необходимо предполагаетъ бытіе души, одаренной чувствомъ и мыслию. Следственно знаніе, что мы существуемъ и мыслимъ, неразрывно съ знаніемъ, что есть душа. Но знаніе это вовсе независимо отъ вещества и предметъ его ни сколько не сходенъ съ веществомъ ни въ одномъ изъ своихъ качествъ, навыковъ, образовъ дѣйствія. Да и о бытіи вещества мы знаемъ лишь посредствомъ умственной дѣятельности, и если бъ пришлось усомниться въ чѣмъ-нибудь одномъ, то согласіе съ здравымъ разумомъ сомнѣваться въ бытіи вещества, чѣмъ въ бытіи духа. Существованіе и дѣйствія души, если предположимъ, что она существуетъ, достаточны для объясненія всѣхъ явленій, которыя приписываемъ мы веществу. Но бытіе и дѣятельность вещества, разнообразьте ихъ какъ хотите, никогда не объяснятъ вамъ даже и одного умственнаго явленія. Мы не тверже вѣримъ въ существованіе окружающихъ насъ чувственныхъ предметовъ, когда мы здоровы или на яву, чѣмъ въ дѣйствительность тѣхъ видѣній, которыя грезятся намъ во снѣ или при разстройствѣ нашего воображенія. Но ни какая матеріальная дѣятельность ввѣкъ не производила умственнаго явленія и не раждала вѣры въ его бытіе; нельзя почти высказать этого безъ явнаго противорѣчія. Что все окружающее насъ могло бъ быть однимъ созданіемъ нашей мечты, никто этого

не оспорить; но чтобы умъ нашъ, который помнить, сравниваетъ, воображаетъ, словомъ—мыслить, котораго бытiе мы безпрестанно сознаемъ въ самихъ себѣ, который не можетъ не существовать, если мы существуемъ, который можетъ размышлять о своихъ собственныхъ дѣйствiяхъ, чтобы этотъ умъ не существовалъ — это противорѣчiе въ словахъ, это невозможно. И такъ мы имѣемъ самое строгое доказательство, наведенiе изъ самыхъ точныхъ и достоверныхъ фактовъ, для оправданiя того вывода, что духъ существуетъ и что онъ вмѣстѣ отличенъ и независимъ отъ вещества.

«Но это предположенiе не только разрушаетъ систему материализмовъ, но ведетъ къ самымъ неопровержимымъ заключенiямъ, что душа переживаетъ тѣло, съ которымъ она связана при жизни. Весь кругъ нашего опыта не представляетъ намъ ни одного примѣра уничтоженiя. Вещество постоянно измѣняется, но не погибаетъ; видъ и способъ его существованiя безконечно, непрерывно разнообразятся, но оно никогда не перестаетъ существовать. Тѣло разрушается, то есть, разлагается на свои стихiи и становится матеріаломъ для новыхъ соединенiй оживленныхъ и неживленныхъ, но ни одна частица не уничтожается; ни что въ насъ или около насъ не перестаетъ существовать. Если душа погибаетъ, или перестаетъ существовать по смерти, это единственный примѣръ уничтоженiя, который намъ извѣстенъ.

«Можетъ-быть, скажутъ, почему жъ ей не измѣниться, не разсѣяться, не разложиться на свои стихiи подобно тѣлу? Отвѣтъ коротокъ: она тѣмъ отличается отъ тѣла, что не имѣетъ частей; она совершенно однородна и проста, а потому и неспособна къ разложенiю и разрушенiю. Эти слова, и дѣйствiя, къ которымъ они относятся, не имѣютъ ни какого приложенiя къ простому и невещественному бытiю.

«Понятiе наше объ уничтоженiи вполнѣ заимствовано отъ вещества, и то, что мы привыкли называть истребленiемъ, значитъ только видоизмѣненiе и разложенiе на части или соединенiе подъ другими видами. Если бъ не примѣръ перемѣнъ, которымъ подвергается вещество, мы не имѣли бы даже понятiя объ истребленiи или уничтоженiи. Когда

станемъ разсматривать самую вещь, то не можемъ себя представить ее сбыточною: мы очень можемъ вообразить, что щепоть пороху или какого инаго горючаго вещества перестаетъ существовать въ своемъ видѣ, когда вспыхнетъ и сгоритъ, но чтобъ стихійныя ея части не продолжали существовать въ другомъ состояніи и въ новыхъ соединеніяхъ, это кажется непостижимо. Мы не можемъ слѣдовать за разложеніемъ такъ далеко; мы не можемъ составить себѣ понятія, чтобъ частица, которой существованіе намъ извѣстно, вовсе перестала существовать. Какъ же вообразимъ, чтобъ душа, о которой мы знаемъ, что она существуетъ, вдругъ погибла? Это рвзнительно превосходить наше понятіе. Правда, что, по разложеніи тѣла, мы уже не принимаемъ души, потому что никогда не познавали ее чувствами, мы замѣчали существованіе ея въ другихъ по дѣйствіямъ, которыя она производила на вещество и не имѣли объ ней ни какого опытнаго свѣдѣнія отдѣльно отъ тѣла. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ она не существовала, какъ скоро мы перестали видѣть дѣйствія ея на какую-нибудь часть вещества. Когда мы говоримъ объ уничтоженіи души, можно сказать, что мы употребляемъ слово, къ которому воображеніе наше не можетъ привязать ни какого опредѣленнаго смысла. Во всякомъ случаѣ, гораздо труднѣе предположить это уничтоженіе и постигнуть, какъ оно совершается, чѣмъ предположить, что душа продолжаетъ свое отдѣльное существованіе, освобожденная отъ тѣла, и постигнуть родъ ея бытія.

«Далѣе можно замѣтить, что вещественный міръ не представляетъ ни одного примѣра сотворенія такъ же какъ и уничтоженія. Каковъ онъ былъ относительно къ количеству съ начала своего бытія, таковъ онъ есть и понынѣ; ни одна частичка вещества не исчезла и не прибавилась. Измѣненіе, непрерывное измѣненіе во всѣхъ частяхъ его происходитъ каждую минуту; но хотя соединенія и отношенія этихъ частей безпрестанно разнообразятся, ни одна изъ нихъ ни создавалась, ни истребилась. Нельзя сказать этого о духѣ; онъ постоянно возникаетъ къ бытію у насъ передъ глазами. Съ одной стороны это повидному можетъ ослабить доводъ въ пользу безплотнаго его существованія, доставляя случай за-

включать, что какъ очевидно онъ создается, такъ же точно онъ можетъ и погибнуть, тогда какъ вещество, не подвергаясь ни какому присовокупленію, не подлежитъ слѣдственно и утратѣ. Но съ другой стороны доводъ по-видимому выигрываетъ болѣе, чѣмъ терять съ этой, потому, ничто такъ сильно не доказываетъ разности между духомъ и матеріей и независимости перваго отъ послѣдней.

«Непостижимая быстрота дѣйствій духа составляетъ, можетъ-быть, явнѣйшую черту этой разности, и нѣтъ сомнѣнія, что быстрота эта возрастаетъ по мѣрѣ устраненія вмешательства чувствъ, то есть, тѣлеснаго вліянія. Множество фактовъ, главнѣйше заимствованныхъ изъ явленій сна, озабочиваютъ это отношеніе сильнымъ свѣтомъ и чуть ли не доказываютъ расторжимость духа съ матеріей.

«Тѣлесныя отправленія частію прекращаются во время сна, то есть, всѣ тѣ, которыя зависятъ отъ произвола. Но чувства не совсѣмъ утрачиваютъ свою чуткость, — особенно чувства осязанія и слуха, которыя могутъ принимать впечатлѣнія, не пробуждая спящаго. Слѣдствіе остановки сообщенія понятій черезъ чувства то, что дѣятельность ума и преимущественно способностей, связанныхъ съ воображеніемъ, становится гораздо сильнѣе и непрерывнѣе. Это оказывается двоякимъ образомъ, — во-первыхъ, быстрою, съ какою каждое впечатлѣніе на чувства, довольно сильное, чтобъ его ощутить не просыпаясь, воспріимается умомъ и дѣлается основаніемъ новаго ряда понятій, причемъ воображеніе мгновенно примѣняется къ намекамъ этого впечатлѣнія и подстроиваетъ къ нему всѣ мысли, а во-вторыхъ, чрезвычайно длинною чередою образовъ, проходящихъ въ умъ съ совершенной живостью и ясностью въ единый мигъ времени.

«Факты этого рода многочисленны и неоспоримо достоверны, потому что ежедневно встрѣчаются. Каждому извѣстно дѣйствіе бутылки съ горячей водою, приложенной во время сна къ подошвамъ: вамъ тотчасъ пригрезится, что вы ходите по горячему мѣсту, по золѣ, по текучей лавѣ, или что вы обожгли себѣ ноги, подойдя слишкомъ близко къ огню. Усыпленіе подъ струей холоднаго возду-

ха, напримѣръ въ открытой каретѣ, видоизмѣняетъ опыты самыми занимательнымъ и поучительнымъ образомъ. Лишь только подуетъ вѣтеръ, вамъ приснится, что вы на открытомъ мѣстѣ ищите, куда укрыться, но напрасно; потомъ вы очутитесь на палубѣ корабля: пронзаемые вѣтромъ, вы прыгаете за парусъ, но вѣтеръ перемѣняется и опять дуетъ прямо на васъ; вы бѣжите къ каютѣ,—отнята лѣстница или дверь на запорѣ. Вотъ вы на берегу въ домѣ, гдѣ всѣ окна настежь, и тщетно стараетесь вы затворить ихъ; вы увидѣли кузницу, огонь манитъ васъ къ себѣ, и вдругъ сто мѣховъ начинаютъ дѣйствовать, гасятъ его въ одинъ мигъ и наполняютъ всю кузницу такимъ холодомъ, что вы продрогли до костей. Если вы повременамъ просыпались, въ то мгновеніе, когда засыпали снова, та же цѣпь грѣзъ тянулась въ величайшемъ разнообразіи, къ какому только способны наши мысли.

«Этимъ опытомъ нельзя однако жъ опредѣлить быстроту перемѣнъ и чередованія мыслей: на то есть другое, самое удовлетворительное доказательство. Пусть кто-нибудь, совершенно одолаваемый дремотой,—напримѣръ послѣ безсонной ночи и такого же дня,—ляжетъ и начнетъ диктовать: онъ задремлетъ, произнесши нѣсколько словъ, и будетъ пробужденъ повтореніемъ послѣдняго слова въ устѣ пишущаго, когда тотъ напишетъ все, что ему сказали. Не прошло пяти или шести секундъ, а дремлющій сначала никакъ не повѣритъ, чтобъ онъ не проспалъ нѣсколькихъ часовъ, и станетъ журить писца, зачѣмъ онъ уснулъ надъ дѣломъ,—такъ долго покажется ему его сонъ, будто въ немъ заключено полъ-жизни. Этотъ опытъ очень легко сдѣлать; всякій разъ дремлющій увидитъ возобновленіе своего безконечнаго сна и всякій разъ будетъ въ состояніи опредѣлить краткость проспавшаго времени. Положимъ, что нужно восемь или десять секундъ для написанія четырехъ или пяти словъ, которыя продиктованы, сонъ едва ли могъ начаться ранѣе четырехъ или пяти секундъ послѣ условія произнести цѣлое предложеніе, такъ что, по бѣльшей мѣрѣ, только четыре или пять секундъ могли быть употреблены на сонъ. Но гораздо болѣе вѣроятности, что на него пошло не свыше одной секунды,

потому что писецъ легко напишетъ два слова въ секунду; положимъ, что ему должно написать четыре и что половина времени употреблена на усыпленіе, следовательно сонъ продолжался одну секунду, а почувдился за нѣсколько лѣтъ: такъ многочислены были грезы, изъ которыхъ состоялъ онъ.

«Другой опытъ еще болѣе разителенъ и представляетъ еще замѣчательнѣйшее доказательство и скорости мысли и той быстроты, съ которою ходъ ея примѣняется ко всякому внѣшнему впечатлѣнію на чувства. Но этотъ опытъ не такъ легокъ. Уколъ иглою тотчасъ произведетъ дивный сонъ, который оканчивается какимъ-нибудь подобнымъ случаемъ;—спящій ходитъ, напримеръ, по лѣсу и получаетъ рану копьемъ или отъ зубовъ дикаго звѣря, и въ ту жъ минуту просыпается. Выстрѣлъ изъ пушки, сдѣланный въ тревожное военное время, напугалъ воображеніе одного спящаго офицера неприятельскою высадкой; онъ бросился во снѣ къ своему посту, и только тутъ громъ перваго залпа, который онъ уснѣлъ еще застать, разбудилъ его.

«Эти факты доказываютъ безконечную быстроту мысли: уколъ иглою и пушечный выстрѣлъ совершились въ одинъ мигъ и впечатлѣніе ихъ на чувства было такъ же мгновенно; однако въ теченіе этого мига умъ прошелъ цѣлый рядъ понятій, внутреннихъ первой частью впечатлѣнія и заключенныхъ, вмѣстѣ съ сномъ, продолженіемъ, — послѣдней частью того же впечатлѣнія. Замѣьте, что совершилось въ одинъ мигъ, въ единую точку времени. Чувство боли или грома сообщается уму и пробуждаетъ въ немъ мысли о разныхъ предметахъ, связанныхъ съ подобными ощущеніями. Но это ощущеніе потеряно или забыто въ теченіе одной части того мига, въ который длится впечатлѣніе, потому что конецъ впечатлѣнія пробуждаетъ новый рядъ помысловъ. Прогулка въ лѣсу и устремленіе къ своему посту внушены начинающимся впечатлѣніемъ. За тѣмъ слѣдуетъ бездна мыслей, не имѣющихъ съ этимъ впечатлѣніемъ ни какой другой связи, кромѣ той, что онъ имъ пробужденъ; и наконецъ являеся рана и пушечный залпъ, внутренние продолженіемъ ощущенія, тогда какъ все время это продол-

женіе дѣйствовало на умъ совсѣмъ различно съ рядомъ мыслей, изъ которыхъ состоитъ сонъ, и клонилось даже къ его уничтоженію, когда напримвръ пробуждало умъ отъ сна и возвращало ему власть надъ тѣломъ. Этого мало; можно сказать, что вмѣстѣ съ этими двумя дѣйствіями происходило въ умъ еще третье,—ожиданіе развязки, потому что мечта всегда приспособляется къ этому, оканчиваясь какимъ-нибудь случаемъ, соответственнымъ впечатлѣнію, произведенному на чувства и породившему цѣлый рядъ помысловъ.

«Кажется, мы имѣемъ полную причину заключать изъ этихъ фактовъ, что намъ снится только въ минуту усыпленія и пробужденія. Этой минуты совершенно достаточно для объясненія всего, что кажется намъ грезю цѣлой ночи. Достоверно, что мы помнимъ не болѣе того, что нужно, по этимъ опытамъ, для наполненія одного мига, и нѣтъ ни какой причины, почему бы намъ помнить одну эту часть, если бъ мы видѣли во снѣ гораздо больше. Обстоятельство, что намъ никогда столько не грезится какъ при частыхъ перерывахъ сна, доказываетъ это еще убѣдительно. Безпокойная ночь обыкновенно набита снами. Кто можетъ хорошо спать въ каретѣ, тотъ дорогою всю ночь видитъ сны. Каждый толчокъ, который будитъ насъ совсѣмъ или до половины, становится причиной сновидѣнія. Если скажутъ, что мы вообще грезимъ во все время сна, но помнимъ только часть нашей грезы, тогда возникаетъ вопросъ, почему мы помнимъ тѣ сны, которые бываютъ во время усыпленія и пробужденія, а не болѣе? Если мы запомнимъ двадцать грезъ въ ту ночь, когда нашъ сонъ часто прерывался, отчего помнимъ мы только одну или двѣ, когда спали безъ пробуда? Продолжительность времени, занятаго сномъ, который мы помнимъ, вотъ единственная причина, какой могутъ приписать то, что мы забываемъ все остальное, но и эта причина не годится, если справедливо, что, при всякомъ пробужденіи, мы помнимъ отдѣльные сны.

«Ни что не доказываетъ такъ ясно какъ эти факты чрезвычайно быстрой дѣятельности умственныхъ способностей

и нѣтъ совершеннаго различія отъ всякаго матеріальнаго существа и дѣйствія; ни что не убѣждаетъ насъ такъ сильно, что свойство души совместно съ отдѣльнымъ бытіемъ ея отъ тѣла.

«Перемѣны, которымъ подвергается умъ въ своей дѣятельности, каждый испытываетъ, и можетъ наблюдать въ самомъ себѣ. Сущность его одинакова, основное его свойство неизмѣнно; онъ никогда не теряетъ отличительныхъ особенностей, раздѣляющихъ его съ матеріей; онъ никогда не приобретаетъ ея качествъ; но онъ подвергается важнымъ перемѣнамъ и по времени и черезъ упражненіе и обработку. Развѣтїе тѣлесныхъ силъ, по-видимому, имѣетъ на него вліяніе, упадокъ то же; но быть можетъ лучше было бы сказать, что, въ обыкновенныхъ случаяхъ, усовершенствованіе его несовременно съ ростомъ тѣла и упадокъ съ разстройствомъ тѣлесныхъ силъ послѣ долголѣтней жизни. По-крайней-мѣрѣ, не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что умъ, передъ глубокой старостью, дѣлается болѣе здоровымъ, и бываетъ способенъ къ важнѣйшимъ дѣламъ еще лѣтъ тридцать по ослабленіи тѣла; что по большей части онъ не претерпѣваетъ ни какого умаленія въ силѣ и лѣтъ десять послѣ того; что во многихъ случаяхъ и еще нѣсколько лѣтъ дряхлости не производятъ надъ нимъ ни какого дѣйствія, и что иногда способности его остаются свѣжими до послѣдняго конца, переживъ почти совершенное тѣлесное истощеніе. Достоверно, что физическая сила, проворство, способность переносить усталъ, словомъ, всѣ качества тѣла, начинаютъ ослабѣвать съ тридцати лѣтъ, ни какъ не позже; однако жъ умъ быстро совершенствуется отъ тридцати до пятидесяти, не претерпѣваетъ вовсе или почти ни какого упадка до шестидесяти, и потому при ослабленіи тѣла въ пятьдесятъ восемь или пятьдесятъ девять лѣтъ бываетъ лучше, чѣмъ за тридцать лѣтъ прежде, то есть, въ полномъ цвѣтѣ тѣлесныхъ способностей. Такъ же достоверно, что когда тѣло начинаетъ быстро дряхлѣть, между шестидесятымъ и семидесятымъ годомъ, у большинства людей умъ едва ли утрачиваетъ сколько-нибудь своей силы; что до семидесяти пяти или семидесяти шести лѣтъ человѣкъ обыкновенно пользуется всѣми умственными способностями, тог-

да какъ лишь немногіе въ эти годы могутъ похвалиться чѣмъ-нибудь болѣе остатковъ физической силы, и есть примѣры, что люди отъ восьмидесяти до девяноста лѣтъ и даже старѣе, когда тѣло едва можно назвать живущимъ, обладаютъ еще полнотою умственной дѣятельности. Мы имѣемъ право заключить изъ этихъ фактовъ, что безъ какого-нибудь необыкновеннаго и сокрушительнаго случая, какъ на примѣръ сильной болѣзни или пагубнаго зашиба, умъ съ тѣломъ слѣдуютъ въ жизни совершенно разными путями, и по большей части въ противоположныхъ направленіяхъ: сильное доказательство, что умъ не зависитъ отъ тѣла и что истребленіе его въ періодъ полной силы противно всякой аналогіи въ природѣ!

«Но есть еще сильнѣйшій доводъ, получаемый самымъ строгимъ наведеніемъ изъ фактовъ. Тѣло постоянно подвергается переменамъ во всехъ своихъ частяхъ. Вероятно ни въ одномъ двадцати-лѣтнемъ челоѣкъ нѣтъ ни единой частицы того тѣла, которое имѣлъ онъ десяти лѣтъ; тѣмъ менѣе можно предполагать, чтобъ у него осталась какая-нибудь часть того тѣла, съ которымъ онъ родился. Все, принадлежавшее ему прежде, вошло теперь въ новыя соединенія, составило части другихъ людей или животныхъ, растений или ископаемыхъ, точно такъ, какъ теперешнее его тѣло разложится въ новыя соединенія по его смерти. Умъ между-тѣмъ остается все одинъ и тотъ же безъ всякаго измѣненія. Ни какая часть его не можетъ разложиться, потому что онъ единъ и цѣльнъ, и не измѣняется съ переменами тѣла. Доволь отнюдь не утратить своей силы, если бъ и не захотѣли допустить, что тѣло подвержено такой полной переменѣ и предположили бы, что какая-нибудь доля твердыхъ частей его остается при насъ во всю жизнь.

«Но замѣтите, какъ убѣдительно заключенія, выводимыя изъ этихъ фактовъ, въ доказательство совершенной независимости души отъ тѣла и вѣроятности, что она переживетъ эту оболочку! Если душа остается одна и та же, когда все или почти все тѣло измѣнилось, то слѣдуетъ, что бытіе души отнюдь не зависитъ отъ существованія тѣла, потому что она пережила уже совершенную его перемену, или, говоря общимъ языкомъ, совершенное его истребле-

ніе. Если смѣлѣйшій, единственный доводъ въ пользу того мнѣнія, что душа погибаетъ съ тѣломъ, можно почерпнуть только въ явленіяхъ смерти, то фактъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, служить на него ответомъ. Доводъ, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы не знаемъ ни одного случая, чтобы душа существовала по смерти тѣла. Но здѣсь представляется такой случай; ибо явно, что тотъ же самый процессъ, который совершается надъ тѣломъ болѣе внезапно при смерти, происходитъ постепенно, но такъ же дѣйствительно какъ въ теченіе цѣлой жизни, и что самая смерть не болѣе разлагаетъ тѣло на стихіи и видъ его въ новыя соединенія, чѣмъ пятнадцать или двадцать лѣтъ жизни истребляютъ его такимъ же разложеніемъ и соединеніемъ. Однако по прошествіи этихъ лѣтъ и по разсыпаніи тѣла въ разные другіе виды, душа остается все попрежнему съ той же памятью, съ тѣмъ же сознаниемъ, съ той же личной тождественностью, какъ если бѣ тѣло не подвергалось вовсе ни какой перемѣнѣ. Сказать, что у всѣхъ насъ, живущихъ въ настоящее время, тѣла составлены изъ того, что было некогда тѣломъ нашихъ предковъ, отнюдь не правильнѣе, чѣмъ сказать, что нѣкоторые изъ насъ, достигшіе пятидесяти лѣтъ, имѣютъ тѣла, отчасти принадлежавшія другимъ ихъ современникамъ одинакого съ ними или другаго возраста. Явленія точно тѣ же и процессы совершаются одинаково, хотя и не съ равной степенью быстроты. Всякой повѣрилъ бы отдельному существованію души, если бѣ узналъ изъ опыта, что она существуетъ врознь отъ тѣла. Но факты, на которые мы ссылались, доказываютъ, что она существуетъ отдѣльно отъ того тѣла, съ которымъ была некогда въ связи, и хотя она соединяется потомъ съ другимъ, но такъ какъ она и съ нимъ не неразлучна, то должно заключить, что она можетъ существовать все отдѣльно и независимо отъ тѣла. Далѣе, всякой повѣрилъ бы, что душа переживаетъ тѣло, если бѣ, по смерти тѣла, существованіе ея могло быть очевиднымъ. Но тѣ же факты доказываютъ, что по смерти тѣла, то есть, послѣ хроническаго разложенія, которому подвергается оно во время жизни, душа продолжаетъ существовать какъ и прежде. И такъ, вотъ желанное доказательство, что душа суще-

стуетъ по разложеніи тѣлесной оболочки, съ которою она была связана. Ни какое здравое сужденіе не можетъ положить разности между двумя случаями, которые мы приводили, и потому этотъ доводъ — чистое наведеніе, полученное частію изъ наукъ физическихъ посредствомъ чувственныхъ впечатлѣній, частію изъ Психологіи посредствомъ нашего внутренняго сознанія, доказываетъ несомнѣнность безсмертія души такъ же ясно, какъ если бъ кто воскресъ передъ нами изъ мертвыхъ.»

Мы не коснемся другихъ отдѣловъ этой книги потому что въ нихъ встрѣчаются мнѣнія, могущія подлежать спору, къ которому мы вовсе не расположены, особенно когда дѣло идетъ о столь высокихъ и отвлеченныхъ вопросахъ. Главная наша цель состояла въ томъ, чтобы ознакомить читателей Б. для Ч. съ сочиненіемъ, которое уже переведено на все главные языки Европы, хотя считаетъ себя едва нѣсколько мѣсяцевъ существованія и эта цель вѣроятно достигнута въ значительной степени выпискою самыхъ любопытныхъ и поучительнѣйшихъ его частей.

=

СУДЬБЫ

ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

ОТЪ НАДАНІЯ МАККАВІЕВЪ ПО ПЫРЪШІЕНІИ ВРЕМЯ.

«Съ удивленіемъ и почтеніемъ смотрю я, говоритъ Ватсонъ, на народъ Еврейскій, разсѣянный по земной поверхности: я вижу въ немъ завыю, которое соединяетъ насъ съ колыбелью рода человѣческаго.» Кроме этого уваженія, столь важнаго для христіанства, гражданское и политическое значеніе шести милліоновъ отверженныхъ обществомъ людей, которые всегда составляли въ массѣ Европейской людности нравственное пятно и настоящую массу Паріевъ, очень достойно быть предметомъ соображеній философа и государственнаго чловѣка. Многія другія обстоятельства призываютъ еще наше вниманіе къ этому народу въ минуту, когда мы принимаемъ за перо: Россія, которая дастъ въ своихъ владѣніяхъ убежище цѣлой четверти Еврейскаго населенія Европы, послѣ разныхъ опытовъ улучшить судьбу своихъ Жидовъ и отнять ихъ полезными членами общества, оказала въ нынѣшнемъ году торжественное правосудіе: ихъ долготу несчастію постановленіемъ, которое пребудетъ памятникомъ въ нашемъ законодательствѣ и состоитъ въ связи съ важными выгодами, государственными и частными. Многіе извѣстные писатели посвящали въ послѣднее время верья свои исторіи страданій и заблужденій Евреевъ; года три тому назадъ Парижская Академія Надписей предлагала тотъ самый предметъ дѣятельности еоискателей ея вѣщовъ, и наконецъ, послѣ превосходнаго сочиненія Петра Бера (Beer), «Опытъ о Жидахъ, 1825», и трудовъ Мало и миссіонера Вольфа, изысканія двухъ весьма уважаемыхъ памн ученыхъ, Гг. Капонга и Дешпинга, пролили новый свѣтъ на вопросъ, который мы избрали загла-

вѣемъ для этого разсужденія*. Столько соединенныхъ поводовъ, изъ которыхъ каждый входитъ въ разрядъ фактовъ, любопытныхъ для наблюдателя современныхъ занятій въ области Европейскаго ума, рвшають насъ представить здѣсь результатъ нашего чтенія.

Къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія безспорно принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе заглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; чаша отъ чаши становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человечествомъ. Удивительная перемена, которая, въ послѣдніе годы, совершилась въ состояніи Европейскихъ Евреевъ; служить самымъ очевиднымъ примѣромъ этого сближенія. Очень недавно сыны Израиля были среди нашей образованности несчастіе Японскихъ кожевниковъ. Разсыянные по всемъ краямъ, безъ отечества, безъ политическаго быта, они не находили у другихъ народовъ ни безопаснаго пріюта, ни сочувствія къ своимъ страданіямъ. Церковь громилъ ихъ своими проклятіями; народъ ихъ ненавидѣлъ; правительства презирали ихъ и грабили; даже ученые, которые занимались ихъ исторіею, раздѣляли общее предубижденіе, и, казалось, искали въ лѣтописяхъ этихъ несчастныхъ изгнанниковъ только новыхъ причинъ ненависти и новыхъ поводовъ къ обвиненію. Вольтъ (старшій), Бартолдоци, Банжъ, люди исполненной учености, собрали всѣ факты, изслѣдовали всѣ отдѣльныя явленія жизни Евреевъ, но значеніе этой жизни въ общемъ бытіи человечества, не обратило на себя ихъ вниманія. Они безъ должнаго сочувствія изучали чудную исторію народа, который, утративъ всѣ условія отдѣльной народности, неизмѣнно пронесъ черезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ; свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преда-

* Histoire philosophique des Juifs, depuis la décadence des Machabées jusqu'à nos jours, par M. Capefigue, 1833—Des Juifs dans le moyen-âge; essai sur leur état commercial, civil et littéraire, par R. B. Deppe, 1834.

нiя о минувшемъ и надежды на будущее. Наконецъ, къ славу и пользу христіанской Европы, обстоятельства измѣнились. Два тысячелѣтія тяжкихъ страданій и бѣдствій изгладили кровавую черту, отдѣлявшую Евреевъ отъ челоуѣчества. Честь этого примиренія, которое день ото дня становится впрочемъ, принадлежитъ нашему вѣку. Нынче, въ болѣе части Европейскихъ государствъ, гражданское состояніе Евреевъ обезпечено, и въ самыхъ запоздалыхъ положеніяхъ ихъ улучшено, если не законами, то просвѣщеніемъ.

Миръ, принятый разными правительствами въ пользу Евреевъ, составляетъ предметъ краткаго очерка въ концѣ статьи. Займемся прежде исторіей этого народа. Здѣсь мы последуемъ преимущественно за Г. Кафенгомъ и Деппингомъ, стараясь также познакомить читателей и съ содержаніемъ ихъ сочиненій, столько же примѣчательныхъ своей эрудиціей, сколько любопытныхъ. Книга Г. Деппинга посвящена въ особенности изысканіямъ положенія Евреевъ въ средніе вѣки. Рама Г. Кафенга гораздо обширнѣе: онъ предпринялъ описать судьбы народа Израилева съ того времени, когда Римскіе орлы впервые явились въ покоренной Палестинѣ, до XIX столѣтія. Этотъ важный и превосходно начатый трудъ еще не оконченъ: мы имѣемъ только первый томъ, въ которомъ событія доведены до царствованія Юстиніана.

Владычество Грековъ въ Сиріи и вліяніе Селевкидовъ на Палестину совершенно преобразовали наружный видъ «народа Божія». Придерживаясь еще библейскихъ ученій, Еврей уже заключалъ свою національность въ одной только вѣрѣ. Языкъ пророковъ оставался въ книгахъ Св. Писанія и былъ забытъ народомъ. Чернь говорила болѣею частью по-Сирійски, а высшіе классы употребляли Греческій языкъ и подражали обычаямъ Азіатскихъ Грековъ. Даже имена Израильскихъ государей заимствовались изъ языка Гомера и Платона, котораго философія подкапывала Слово Божіе и свѣшивалась съ догматами вѣры Авраама. Еврейскіе ученые писали по-Гречески. Къ этимъ именамъ разрушенія народнаго быта скоро присоединились нравы развращенныхъ владыкъ міра, которые изъ Италіи безпрестанно бросали массы своихъ войскъ въ Азію.

Начало вліянія Рима на Іудею современно упадку могущества дома Маккавеевъ. По смерти Александра Іанея, сына сына его, Гирканъ и Аристовуль, представители или, лучше сказать, орудія двухъ враждебныхъ сектъ, Фарисеевъ и Саддукеевъ, разтерзали свое несчастное отечество кровавыми распрями за престолъ, и наконецъ, послѣ долгой борьбы, рѣшились предоставить участь свою волю Помпею, который въ то время воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Буйство Аристовула было причиною паденія этого дома и поводомъ къ порабощенію Палестины. Римскіе легіоны овладѣли Іерусалимомъ; Іудея сохранила наружную независимость, верховная власть отдана была Гиркану съ титуломъ главнаго жертвоприносителя, но действительное правленіе перешло въ руки Сирийскихъ проконсуловъ. Среди этихъ переворотовъ возвысился иноземецъ, Грекъ, принявшій или исповѣдовавшій Еврейскую вѣру, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи царей Іудейскихъ: Антипатеръ, — такъ назывался этотъ иностранецъ, — умѣлъ приобрести довѣренность безпечнаго Гиркана и покровительство Рима. Сынъ его Иродъ сдѣлалъ еще болѣе: когда Антигонъ, сынъ умершаго въ изгнаніи Аристовула, съ толпами Пареванъ явился подъ стѣнами Іерусалима, и Гирканъ позорно изувѣченный жестокимъ побѣдителемъ, сошелъ со сцены, Иродъ воспользовавшись обстоятельствами, отправился въ Италію, приобрѣнулъ къ покровительству Антонія, и скоро возвратился въ Палестину въ вѣнцѣ Давида и Саломона. Іерусалимъ былъ спяще взятъ Римлянами послѣ кроваваго приступа; блуждавшій Антигонъ былъ распятъ въ Антиохіи, — неслыханный примѣръ поношенія царскаго сана, потому что этотъ родъ казни присвоенъ былъ только певольникамъ, — и единственною отраслію самаліи Маккавеевъ осталась Маріамна, супруга новаго царя Іудейскаго и истребителя ея дома.

Битва при Акціумѣ измѣнила судьбы древняго міра. Иродъ во время борьбы державшій сторону Антонія, явился въ Родосъ, сложилъ съ себя предъ побѣдителемъ порфиру и скипетръ, и былъ осыпанъ его милостями. Признательность царя Іерусалимскаго не имѣла предѣловъ. Несмотря на законъ Израилевъ, воспрещавшій народныя игры, зрѣлища и

поклоненія другимъ богамъ кромѣ Іеговы, Иродъ посвятилъ Августу цирки и храмы, учредилъ въ честь его игры и заставилъ народъ свой присутствовать на нихъ. Не довольствуясь этими доказательствами лести, онъ строилъ цѣлые города и называлъ ихъ именемъ своего могущественнаго благодѣтеля. Такъ на развалинахъ древней Самаріи возникла юная Севастія (Греческій переводъ слова: «Август»), и на берегахъ Финикіи явилась великолѣпная Кесарія. Сокровища, сокрытыя въ гробницахъ Давида и Соломона, пошли на украшенія капищъ языческихъ боговъ, и драгоценныя одежды, въ которыхъ почивали древніе цари Іудейскіе, были распроданы для блистательнаго возстановленія Олимпійскихъ Игръ, давно уже утратившихъ прежнюю знаменитость. Благодарные Греки назвали Ирода покровителемъ этихъ игръ.

Во время долгаго владычества монарховъ Ассирійскихъ, между Евреями возникли двѣ враждебныя между собою секты, которыхъ раздоры вспыхивали при всѣхъ важныхъ событіяхъ и переворотахъ Іудей въ эпоху ея политической независимости. Фарисеи, Еврейскіе патріоты, могущественныя числомъ и вліаніемъ на чернь, которая съ благоговѣйнымъ изумленіемъ смотрѣла на ихъ строгость въ соблюденіи обрядовъ, предписанныхъ закономъ, вѣрили въ будущую жизнь, допускали, кромѣ книгъ Моисеевыхъ, изустныя преданія или законы, сообщенные, по ихъ мнѣнію, пророкомъ-законодателемъ словесно вождямъ народа: они составляли настоящую національную партію и подъ религіознымъ фанатизмомъ таили честолюбивые замыслы; цѣлью ихъ было установленіе еократическаго образа правленія. Высшіе классы народа принадлежали, напротивъ, къ сектѣ Саддукеевъ, которыхъ можно уподобить сословію Французскихъ философовъ прошедшаго столѣтія: они отвергали безсмертіе души, принимали только пять книгъ Моисеевыхъ и считали толкованія «учителей Закона» и изустныя преданія выдумкою Фарисеевъ; когда храмъ Іерусалимскій находился во власти Ассиріянъ, священники Саддукейской секты вѣнчали голову свою цвѣтами подобно жрецамъ Вениеры Ассирійской, и приносили запрещенныхъ жертвъ передъ скиніею Завѣта. Распри этихъ двухъ сектъ приняла

скоро политическій характеръ: возведеніе на престолъ фамиліи Маккавеевъ было торжествомъ Фарисеевъ надъ Саддукеями, племени священниковъ надъ племенемъ царей, восторженной тайны надъ вольнодумствомъ и философіею. Маккавеи пали, и власть опять перешла къ партіи вольнодумцевъ, и наводителей, къ которымъ принадлежалъ самъ Иродъ. Новый царь, покровительствуемый всемогуществомъ Рима, съѣлъ на престолъ своихъ государей, облитый ихъ кровью, но вражда двухъ партій не угасала: она воплотилась въ лицъ самаго Ирода и супруги его Маріамны, преемницы правъ угасшей династіи, строгой наблюдательницы Закона предковъ, равно ненавидѣвшей въ Иродѣ и ревниваго старика, и губителя родныхъ, и раболѣпнаго угодника языческихъ божествъ. Зная непріязненное расположеніе своихъ подданныхъ, Иродъ старался облизиться съ ними, — и храмъ Іеговы въ дивномъ великолѣпнѣи возникъ изъ развалинъ. Но время примиренія уже прошло безвозвратно. Терзаемый подозрѣніями и страхомъ, онъ предалъ смерти Маріамну; двое сыновей, прижитыхъ съ нею, имели ту же участь. Еврейскіе историки съ горестью повѣствуютъ о кровавомъ правленіи «вѣнцопоснаго преступника», и христіанская церковь сохранила память избіенія младенцевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ находиться Мессія, возвышенный волхвами. Въ послѣдніе дни своей жизни, онъ принялъ намѣреніе, которому подобнаго нельзя найти въ исторіи самыхъ безумныхъ тирановъ: онъ приказалъ собрать на ипподромѣ всѣхъ Іудеевъ знатнаго происхожденія и умертвить ихъ въ часъ своей копчины, для того, чтобы возбудить испрিতворную скорбь въ Израиль и сдѣлать этотъ день днемъ плача народа. Сестра его, которой встрѣено было исполненіе этого приказанія, не осмѣлилась повиноваться ему. Нельзя не вспомнить грубыхъ, но выразительныхъ словъ одного Нѣмецкаго историка, который говоритъ что Иродъ достигъ могущества какъ лисица, парствовалъ какъ тигръ, и умеръ какъ бѣшеная собака.

Августъ раздѣлилъ владѣнія Ирода въ Сиріи и Палестинѣ на три эпархіи и отдалъ ихъ сыновьямъ Ирода. Архелай, которому досталась собственная Іудея, напомнилъ народу злодѣйства отца, былъ позванъ на судъ Римскаго

императора, призванъ виновнымъ и сосланъ въ заточеніе въ Галлію. Отдѣльное существованіе Іудей кончилось: она сдѣлалась Римскою провинціею. Исторія еще упоминаетъ о нѣкоторыхъ царяхъ Іудейскихъ, мнимыхъ потомкахъ Макавеевъ или Ирода, но эти цари были просто намѣстниками императоровъ и большаю частію жили въ Римѣ.

Евреи впервые явились въ Европѣ около ста лѣтъ до Р. Х., въ то время, когда Помпей овладѣлъ ихъ отечествомъ. Множество Іудейскихъ плѣнниковъ, осужденныхъ на рабство, было распродано на рынкахъ Италіи. Въ царствованіе Августа число выходцевъ изъ Іудей чрезвычайно увеличилось: въ одномъ Римѣ ихъ было до двадцати тысячъ чело-вѣкъ; они занимали особую часть города, за Табромъ. Любопытно слѣдить баснословныя преданія раввиновъ съ показаніями Римскихъ историковъ. Раввины приписываютъ самое основаніе Рима какому-то Жиду, Цефо, и очень важно утверждаютъ, что Ромулъ, одинъ изъ его преемниковъ, велъ кровопролитныя войны съ Давидомъ и угощалъ при дворѣ своемъ бывшихъ вельможъ царя Саломона. Въ Нѣмецкихъ городахъ Вормсѣ и Ульмѣ, Жиды хвастаютъ тѣмъ, что здѣсь были ихъ синагоги еще при Августѣ.

Достоверно, что прежде всего Іудей явился въ Ита-лію, и что уже отсюда разсѣялся по остальной Европѣ. Евреи знали, кажется, искусство быть ненавистными всѣмъ народамъ, и во время своей независимости, и послѣ паде-нія своего отечества. Нельзя не замѣтить глубокаго отвра-щенія, съ какимъ говорятъ объ нихъ Римскіе писатели. Ихъ вѣрованія, обряды и народный характеръ составляютъ пред-метъ самыхъ жестокихъ насмѣшекъ, самыхъ ядовитыхъ немь-ковъ. Одна изъ причинъ очевидна. Въ то время, когда Римскій Пантеонъ былъ гостепрѣимно открытъ для боговъ всѣхъ под-властныхъ народовъ, когда политика завоевателей старалась соединить въ одну обширную систему политеизма всѣ отдѣль-ныя религіи языческаго міра и положить въ основаніе государ-ственнаго единства единство религіи, Іудей одни упорно уклонялись отъ такого сближенія и попрежнему молились только Іеговѣ; даже утративъ самобытность своего отече-ства, они твердо стояли за самобытность своихъ вѣрованій. Строго соблюдая свой законъ, они не присутствовали на

народныхъ играхъ, которыми имѣли такое важное вліаніе на общественность древнихъ; они избѣгали всякихъ сношеній съ иновѣрцами, и платили ненавистью за презрѣніе.

Но сверхъ-того, и занятія ихъ были такого рода, что не давали имъ большаго права на уваженіе. Они издремле промышленности за границею своего отечества. мелочною торговлею и гаданіемъ, и тѣмъ же ремесломъ занимались преимущественно въ столицѣ тогдашняго міра. Ворожба впрочемъ доставляла имъ таинственное и мрачное вліаніе на суевѣрныхъ жителей Рима, которые, при всемъ своемъ отвращеніи къ Евреямъ, приходили къ нимъ съ глубокою вѣрою въ ихъ знаніе будущаго, и въ награду за удачные отгадки становились ихъ покровителями. Главною причиною терпимости, которою Іудеи пользовались въ этомъ городѣ, была огромная подать, платимая императорамъ.

Въ царствованіе кровожаднаго безумца, Калигулы, Александрійскіе Евреи прислали депутатовъ просить его о сохраненіи преимуществъ, дарованныхъ Августомъ и нарушенныхъ суевѣрною чернью. Филопъ, старшій изъ депутатовъ, оставилъ намъ чрезвычайно занимательное сочиненіе о пребываніи своемъ въ Римѣ.

«Мы прибыли, говоритъ онъ, въ Римъ, съ надеждою найти въ вѣстителѣ міра судью справедливаго и непродажнаго. Калигула принялъ насъ при выходѣ изъ палаточныхъ садовъ Агриппины, тамъ, гдѣ Тибръ катитъ величественныя волны. Лице его было весело, и глаза, исполненные кротости, служили для насъ благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Когда мы объяснили ему цѣль нашего путешествія, онъ знакомъ руки показалъ, что будетъ къ намъ благосклоненъ; и вскорѣ Гемъ, одинъ изъ любимыхъ его отпущенниковъ, пришелъ сказать намъ, что императоръ приметъ насъ во дворецъ. Тогда каждый изъ братьевъ нашихъ возрадовался; но опытность, которую приобрѣлъ я въ делахъ міра, заставила меня сомнѣваться въ томъ, что радовало другихъ. Изъ всехъ пословъ, бывшихъ тогда въ Римѣ, намъ однимъ даровалъ императоръ аудіенцію во дворецѣ, и мнѣ казалось, что Евреи не могутъ сдѣлаться предметомъ особеннаго благоволенія Римскаго владыки; что намъ должно считать за счастье и то, если съ нами будутъ обходить»

ся такъ, никъ отъ другихи посланни. Въ самомъ дѣлѣ, мы узнали, что императоръ отправился въ Путеоль, великолѣпный дворецъ, который близость богатаго рыбою моря дѣлаетъ любимымъ жилищемъ Цезарей. Наслаждаясь удовольствіями стола, Каллигула вовсе не думалъ о нашихъ жалобахъ. Когда мы прохаживались подь лимонными деревьями, которыя окружаютъ дворецъ, одинъ изъ нашихъ братьевъ подошелъ къ намъ съ смущеннымъ лицомъ. «Иерусалимъ! Иерусалимъ!» вскричалъ онъ: «твой храмъ, святыхи святыхъ, будетъ поруганъ! Братья, императоръ приказалъ поставить свою статую въ святилищѣ Іеговы, подь именемъ Юпитера Статора.» Горестъ сдѣлала насъ безмолвными, и мы ушли домой. Наконецъ нѣсколько молодыхъ людей, въ упоеніи сладострастія, увѣнчанные цвѣтами, пришли насмѣшливо возвѣстить намъ, что императоръ готовъ выслушать наши жалобы. Мы явились во дворецъ: двери были все отворены, вотому что Каллигула объявлялъ своимъ отпущенникамъ желаніе гулять въ садахъ Мелпата и Ламія. Увидѣвъ его, мы вали лицомъ къ землѣ и приветствовали его именами Августа и императора. «Не вы ли,» сказалъ онъ съ горькою улыбкою, «тѣ враги боговъ, которые не хотятъ мнѣ воздвигать жертвенниковъ и предпочитаютъ мнѣ неизвѣстное божество?» Тогда молодые отпущенники, изъ лести, стали величать его названіями всехъ боговъ Олимпа. «Ты Вакхъ, насадившій виноградъ; ты Иракль, символъ могущества; ты Марсъ, отецъ ужасныхъ битвъ; ты Зевсъ, владыка Олимпа.» Слыша эти слова, императоръ пріятно усмѣхнулся.

«Одинъ отпущенникъ, родомъ Египтянинъ, по имени Изидоръ, исполненный жесточайшей ненависти къ народу нашему, вскричалъ: «Ты еще болѣе разгнѣвался бы на этихъ людей, Цезарь, если бы ты зналъ ихъ презрѣніе къ твоей власти. Изъ всехъ народовъ они одни не хотятъ приносить въ честь тебѣ жертвъ и проливать на алтари своего Бога кровь посвященныхъ телятъ и дикаго быка.»—Это клевета, отвѣчали мы твердымъ, но почтительнымъ голосомъ: мы приносимъ жертвы за благоденствіе твое, властитель міра. Трижды, со дня восшествія твоего на престолъ, струилась кровь на помостъ храма въ честь тебѣ. Правда, что мы не

вкушаемъ отъ посвященныхъ мясъ, мы предаемъ ихъ огню; но жертва тѣмъ совершеннѣе и пріятнѣе вѣчному Богу. — «Вѣчному Богу?» воскричалъ онъ: а развѣ я не божество? Что мнѣ до жертвъ, которыя вы приносите другому? Какая мнѣ честь отъ нихъ?» При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ нашихъ; мы собирали силы для отвѣта, но Цезарь вдругъ оставилъ насъ, и пошелъ по богатѣмъ переходамъ своихъ чертоговъ, гдѣ золото, олоновая цость и мраморъ сіяли самыми яркими блескомъ. Мы шли за нимъ среди насмѣшекъ всѣхъ отпущенниковъ, которые, желая угодить императору, оскорбляли насъ всякими средствами, какъ шуты на театрѣ. Мы молчали, потому что молчаніе иногда лучшій отвѣтъ. Императоръ, быстро повернувшись къ намъ, спросилъ меня, какъ старшаго изъ депутатовъ, почему мы воздерживаемся отъ мяса свиньи, и при этомъ вопросъ неумвренно расхохотался, какъ-будто пьяный. Мы отвѣчали, что таковъ былъ обычай нашихъ предковъ и что у каждаго народа есть свои нравы и законы, достойные уваженія. Отпущенникъ въ женоподобной одеждѣ прибавилъ, что мы также не ѣдимъ ягнятъ. «Они хорошо дѣлаютъ,» сказалъ Каллигула: «Это дрянное мясо; я самъ не люблю ягнятныи.» Потомъ онъ кроткимъ голосомъ спросилъ у насъ, какъ-будто не зная причины нашего посольства, какой предметъ нашихъ желаній и жалобъ, и когда мы сказали и повторили, что просимъ древняго права гражданства для Еврейскаго народа въ Александріи, онъ побѣжалъ по комнатамъ; лишь-только мы настигали его, онъ уходилъ снова; наконецъ, видя, что мы изнемогаемъ отъ усталости, онъ удалился въ тайныя отдѣленія дворца, сказавъ своимъ отпущенникамъ: «Эти люди болѣе несчастны нежели виновны, что не вѣруютъ въ божественность моей природы!»

Кровавая смерть Каллигулы остановила исполненіе его безумныхъ намѣреній. Опасенія Евреевъ разсѣялись, но положеніе ихъ не улучшилось при новомъ императорѣ. Со времени Клавдія начинается для нихъ новый, столѣтній періодъ самаго бѣдственнаго и унижительнаго рабства. Презрѣніе, котораго они прежде были предметомъ, перешло въ рѣшительную вражду; насильники превратились въ гоне-

нiя. Перемена эта произошла отъ двухъ главныхъ причинъ, — отъ заблужденiя язычниковъ, которые снiзиживали Евреевъ съ христианами, и отъ наступленнаго фанатизма самихъ Евреевъ, которые требовали отъ своихъ побѣдителей не одной терпимости, но еще уваженiя къ своимъ обрядамъ. и безпрестанными возмущенiями заставляли императоровъ прибѣгать къ мiрамаъ жестокости.

Первые христиане называли божественное ученiе Спасителя только очищенiемъ Ветхаго Закона, почти не вводили новыхъ обрядовъ, соблюдали день субботный и праздновали пасху въ одно время съ Евреями. Первые христиане отличались отъ Евреевъ однимъ поклоненiемъ Мессии: они подвергались даже образанiю, равнымъ образомъ убѣгали языческихъ празднествъ, не носили жертвъ на алтари боговъ Римскихъ. На глаза язычниковъ, между Синагогою и Церковью не было ни какого различiя. Это обстоятельство вѣрно не имѣло бы влiянiя на судьбу Иудеевъ, если бы христианская религiя при самомъ началѣ не обратила на себя подозрительнаго вниманiя Римскаго правительства. Одною изъ причинъ терпимости, которою Жиды пользовались въ Римѣ, было то отрицательное положенiе, въ которое они поставили себя относительно религiи побѣдителей; довольствуясь строгимъ соблюденiемъ своего Закона, они не заботились о доставленiи ему новыхъ приверженцевъ. Обращенiе иновѣрца вовсе не возбуждало радости въ членахъ Синагоги, которые съ чуднымъ эгоизмомъ старались, напротивъ, ограничивать число призванныхъ къ наследованiю благъ, обшчанныхъ народу Израилеву. Совсемъ другое предназначенiе было определено Всемогущимъ Церкви христианской: каждый день ея былъ ознаменованъ новыми завоеванiями и побѣдами надъ язычествомъ. Небесный глаголь Спасителя нашелъ скоро поклонниковъ въ самомъ дворцѣ Цезарей. При Клавдiи успѣхи Церкви сдѣлались такъ явны, что императоръ изгналъ изъ Рима Жидовъ «за безпорядки, производимые ими по наущенiю Христианъ.» Не вида виднаго различiя между ученiемъ Богочеловѣка и законами Моисея, Римское правительство было изумлено новымъ характеромъ прозелитизма, который такъ неожиданно приняли послѣдователи Ветхаго Завета. Не прежде какъ въ половинѣ вто-

раго столѣтія Римскіе судьи стали отличать проповѣдниковъ Новаго Слова, открыто грозившихъ богамъ Капитолія, отъ Евреевъ, которые просили только терпимости для своихъ обрядовъ.

Это открытіе, избавивъ Жидовъ отъ обвиненій въ содѣяствіи дѣлу, котораго уснѣхъ былъ для нихъ болѣе ненавистенъ чѣмъ для самихъ язычниковъ, не принесло впрочемъ имъ большой пользы: оно не ослабило строгости Римскихъ императоровъ, раздраженныхъ частыми возмущеніями въ Иерусалимѣ и Александріи. Первое и самое гибельное для Евреевъ возстаніе произошло при Неронѣ, во время губернаторства надъ Іудеею Гесоія Флора, достойнаго исполнителя повелній этого тирана. Выведенные изъ терпимости рядомъ несправедливостей, оскорбленій и злодѣяствъ, поджигаемые изступленными совѣтами Фарисеевъ, ненавидѣвшихъ могущество Рима, жители Иерусалима изгнали Флора и съ дивною, хотя безумною, отвагою рѣшились сбросить съ себя иго «жестокаго царства Едомскаго». Покушенія Сирійскаго правителя усмирять мятежъ были неудачны; вѣсть о всеобщемъ возстаніи Палестины встревожила Нерона до того, что онъ самъ хотѣлъ принять начальство надъ войсками, которыя отправлялись противъ Евреевъ. Но эта рѣшимость скоро оставила его; онъ не могъ оторваться отъ привычныхъ забавъ, и поручилъ Веспасіану наказать непокорныхъ.

Юсифъ, очевидецъ и дѣятельный участникъ въ событіяхъ этой отчаянной войны, оставилъ ея описаніе. Веспасіанъ сдѣлалъ свое дѣло только вполонину: призываемый голосомъ войска на престолъ Цезарей, онъ поручилъ своему сыну Титу довершить покореніе Іудей, и отправился въ Римъ. Въ 71 году по Р. Х. Иерусалимъ палъ, облитый кровью своихъ защитниковъ; храмъ Соломоновъ былъ преданъ пламени и уже не возникалъ болѣе изъ пепла. Милліонъ сто тысячъ Евреевъ погибло въ битвахъ, девяносто семь тысячъ распроданы въ рабство, остальные разсыялись по всѣмъ краямъ земли. Одни поселились въ Римской имперіи, другіе удалились на Востокъ, особливо въ Персію, гдѣ еще со временъ плѣненія Вавилонскаго оставалось много ихъ соотечественниковъ. Нѣкоторые проникли въ Китай и основали тамъ въ Кань-фу колонію, которая существуетъ до-сихъ-поръ.

Всѣ эти изгнанники твердо увѣрены, что рано или поздно настанетъ день, когда разбѣянные сыны Израиля соединятся въ одинъ народъ и снова войдутъ въ землю предковъ.

Чудесное мужество, съ которымъ Иудеи отстаивали независимость своихъ вѣрованій и политическаго быта, не доставило имъ ни уваженія, ни даже состраданія языческой черни. Паденіе священнаго города было гибельно не для однихъ Евреевъ Палестинскихъ; оно имѣло непріязненное вліяніе на участь ихъ соотечественниковъ въ разныхъ областяхъ Римской имперіи. Мѣры правительства сдѣлались строже: Титъ приказалъ взимать съ нихъ дидрахмій въ пользу Юпитера Капитолійскаго, обложилъ ихъ постыдною податью наравнѣ съ развратными женщинами, и надзоръ за ними былъ ввѣренъ тому же претору, который имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ питейные дома и Тибрскихъ лодочниковъ, самую презрительную часть Римскаго народонаселенія. При Домиціанѣ строгость усилилась; для облегченія сбора податей, Жидовъ подвергали публично отвратительному осмотру: знакъ обрѣзанія служилъ неопровержимою уликою противъ тѣхъ, которые втайнѣ именовывали вѣру отцевъ и уклонялись отъ платежа. Нерва смягчилъ нѣсколько эти безчеловѣчныя постановленія, но его благодѣтельность встрѣтила сопротивленіе въ народѣ. Въ особенности сильно было противодѣйствіе жителей Египта и Малой Азіи: въ Александріи и въ Антіохіи Жиды подвергались ежедневнымъ оскорбленіямъ. Самая жизнь ихъ была часто въ опасности, тѣмъ болѣе, что виновники почти всегда были увѣрены въ безнаказанности. Это тягостное положеніе, эти обиды черни и жестокое равнодушіе Римскихъ проконсуловъ не могли измѣнить наклонностей Евреевъ, и напротивъ, поддерживали въ нихъ духъ мстителя и вражды къ властителямъ. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ взятія Іерусалима Титомъ, три новыя возмущенія вспыхнули одно за другимъ, въ Ливійскомъ городѣ Киренѣ, въ Месопотаміи и на островѣ Кипрѣ. Последнее сопровождалось ужаснѣйшими обстоятельствами: Евреи, подъ начальствомъ одного изувѣра, по имени Андрея, умертвили около двухсотъ сорока тысячъ Грековъ и Римлянъ. Въ ожесточеніи своемъ, они яли мясо несчаст-

ныхъ, которые попадались имъ въ руки, сдирали съ нихъ кожу и дѣлали изъ нея себѣ одежду. Укротивъ ихъ, Адрианъ подъ смертною казнію запретилъ Жидамъ посещать островъ Кипръ; даже выброшенные на берегъ бурей немедленно лишались жизни. Но эти остальные мятежи были ничтожны въ сравненіи съ общимъ возстаніемъ Евреевъ при ложномъ Мессіи Баръ-Хохебъ.

Преданія раввиновъ содержатъ въ себѣ много чудесъ и басенъ объ этомъ обманщикѣ. Они утверждаютъ, что онъ родился отъ небывалаго царя Іудейскаго, Коазбы, носилъ прежде имя своего отца, но при началѣ вопріища назвался Баръ-Хохебою, или «Сыномъ планеты.» Предтечею его былъ старый Акиба, котораго рвѣнія до сихъ поръ благоговѣнно чтить Синагога, «потому что Богъ открылъ ему сокрытое отъ Моисея». Несмотря на свою глубокую старость,—ему было около ста лѣтъ,—Акиба съ двадцатью четырьмя тысячами учениковъ явился въ станъ самозванца и былъ назначенъ начальникомъ всей конницы. Въ Тамудѣ сказано, что войска Баръ-Хохебы простиралась до двухсотъ тысячъ человекъ; онъ избралъ мѣстомъ пребыванія крепкій городъ Виееръ, или Беторонъ, гдѣ былъ помазанъ на царство. Кровавыми неудачи Римскихъ полководцевъ вызвали въ Палестину самаго Адриана: Беторонъ былъ осажденъ, Баръ-Хохеба погибъ во второй мѣсяцъ осады, и съ нимъ исчезли надежды мятежниковъ. Акиба, главный помощникъ лже-мессіи былъ, по словамъ Мишны, разорванъ желѣзнымъ гребнемъ; другіе «учители Закона» сожжены были вмѣстѣ съ ихъ книгами, и болѣе полумилліона іудеевъ заплатили жизнью за роковое заблужденіе. Воспоминаніе объ этомъ бѣдствіи сохранилось въ Синагогѣ: она до-сихъ-поръ, призываетъ въ молитвахъ мщеніе Іеговы на голову Адриана и оплакиваетъ участь собратьевъ, павшихъ жертвою его жестокости.

Еще до этой войны, Адрианъ населилъ Іерусалимъ Греческими и Сирійскими выходцами и назвалъ его Эліа-Капитолина. Въ стѣнахъ священнаго города, какъ-будто для большаго уничтоженія побужденныхъ, воздвигнуть былъ великолѣпный цркъ, гдѣ язычники отправляли свои торжества и предавались забавамъ. На воротахъ Эліа постав-

лено было изображеніе свињи, и многочисленная стража наблюдала за тѣмъ, чтобы ни одинъ Еврей не могъ приблизиться къ городу. Цѣлю Римскаго императора было совершенное уничтоженіе религіи Моисеевой: поэтому онъ запретилъ Иудеямъ возлагать на себя знакъ соединенія. Законъ этотъ, который впрочемъ имѣлъ силу уже при прежнихъ императорахъ, былъ отъищенъ Антониномъ-Кроткимъ; онъ-то облегчалъ тяжелую участь народа Израилева; онъ—единственный государь, о которомъ съ похвалою отзываются баснословныя преданія Синагоги. Раввины повѣствуютъ, что онъ самъ подвергся обрѣзанію: былъ другомъ Иудейскаго патріарха святаго Иуды, Иегуда Ганази; участвовалъ въ составленіи Мишны и въ глубинѣ души исповѣдывалъ Бога Авраама и Иакова.

Впрочемъ достоверно, что, со временъ Антонина-Кроткаго, въ состояніи Евреевъ, разсѣянныхъ по Римской имперіи, произошла самая благоприятная перемѣна. Явленія этого нельзя объяснить личнымъ характеромъ государей, занимавшихъ престолъ Цезарей; причины болѣе общія дѣйствовали на законодательство императоровъ и мнѣніе народа: онъ заключался въ новомъ направленіи Философіи.

Направленіе это обнаружилось во второмъ столѣтіи. Блестящее но непрочное зданіе Римскаго политеизма клонилось къ паденію; прежнія вѣрованія отжили въжъ свой и не удовлетворяли болѣе потребностямъ общества, которое стояло выше ихъ по своей образованности. Съ другой стороны надобно было противопоставить какой-нибудь оплотъ успѣхамъ христіанскаго ученія, однимъ словомъ должно было создать новую религію: Философія взялась совершить это. При самомъ началѣ своихъ очевидно бесплодныхъ усилій, она развѣтвилась на двѣ обширныя теоріи,—Эклектизмъ, который состоялъ въ томъ, чтобы изслѣдовать всѣ прежнія и современныя ученія и соединить благороднѣйшія и лучшія ихъ части въ одну стройную систему, и Неоплатонизмъ, вытавшійся сочетать ученія Платона и Пифагора съ таинственными еогоніями Востока. Обѣ эти теоріи вели къ одному результату,—къ сближенію, примиренію дотоле враждебныхъ вѣрованій, и обѣ были проникнуты равнымъ благоговѣніемъ къ религіознымъ си-

стенамъ Азіи. Законы Моисеевы, прежде почти неизвестные языческому міру, сдѣлались предметомъ ревностныхъ изученій, и вошли въ число матеріаловъ, изъ которыхъ отважные мыслители предполагали воздвигнуть свой величественный чертогъ. Вѣра Иудеевъ не только перестала возбуждать отвращеніе и ненависть, но даже возвысилась въ обществѣ мнѣній. Таинственными ученіями раввиновъ чудно согласовались съ стремленіемъ умовъ, съ жаднымъ любопытствомъ людей, которые изумлялись во мракѣ метафизическихъ отвлеченностей; самые обряды Евреевъ, иногда источникъ насмѣшекъ надъ ними, приняли въ глазахъ политейста, наскучившаго своими богами, характеръ святости и высокое символическое значеніе. Можно видѣть въ исторіи примѣры практическаго приложенія этихъ теорій: въ храмъ, который Геліогабалъ воздвигнулъ самъ себѣ, предполагалось сліянiе всехъ вѣрованій въ общее исповѣданіе Геліогабала. Северъ-Александръ каждый день приносилъ жертвы на алтаряхъ разныхъ боговъ. Въ то самое время, въ Греціи и Италіи множились храмы «неизвестному божеству», безъ живописныхъ изображеній и мраморныхъ статуй. Несмотря на заповѣдь Іеровамъ — не заимствовать у другихъ народовъ ни боговъ, ни религіозныхъ понятій, Евреи не устояли противъ общаго направленія и участвовали въ великомъ обменѣ идей. Они познакомились съ философами и поэтами древней Греціи, и въ недрахъ Синагоги образовались секты Тераневтовъ и Эссеевъ, которыхъ ученія чрезвычайно сходны съ ученіемъ Платона. Сверхъ того Евреевъ соединяла съ язычниками общая ихъ ненависть къ религіи Спасителя. Изучая развитіе этого новаго вѣрованія, защитники политеизма усмотрѣли, что, кромѣ философскихъ началъ, которыми они старались опровергнуть христіанство, имъ можно съ пользою прибѣгать къ историческимъ преданіямъ Синагоги, опередившей ихъ враждою противъ Церкви.

Эта вражда началась съ того времени, какъ Богочеловѣкъ началъ проповѣдывать Слово спасенія. Еще при земной жизни Іисуса Христа оно уже было предметомъ опасеній и ненависти Фарисеевъ, какъ совершенно противное ихъ полаганіямъ и понятіямъ. Ожесточеніе, съ которымъ Синагога преслѣ-

довала Учителя, обратилось и на учениковъ. Въ преданіяхъ христіанской Церкви сохранились имена первыхъ мучениковъ, запечатлѣвшихъ кровью вѣрность свою святому дѣлу. Впослѣдствіи, во время гоненій, поднятыхъ на христіанъ Римскими императорами, Евреи были постоянно ихъ жестокими врагами и языческіе жрецы не разъ изъявляли Жидамъ признательность за усердіе. Эти долги и тяжкія обиды оставили и глубокіе слѣды въ сердцахъ христіанъ. Одною изъ главныхъ причинъ непримиримой ненависти послѣдователей двухъ религій были ихъ пламенные пренія, продолжавшіяся до четвертаго столѣтія. Среди быстрыхъ завоеваній своихъ Церковь приходила въ соприкосновеніе со всеми вѣрованіями древняго міра, побѣдно боролась со всеми, но борьба ея съ Синагогою носитъ на себѣ характеръ особенной силы.

Политеисты и христіане не имѣли общихъ преданій единого Бога. Ихъ пренія были просто философскія, въ которыхъ истина выводилась по началамъ разума и нравственности: они не могли обвинять другъ друга въ отступленіи отъ закона отцевъ или въ непризнаніи Божественнаго Откровенія, дарованнаго послѣ этого закона. Совсѣмъ не таковы были отношенія христіанъ и Евреевъ: они мѣнялись упреками, сражались доводами, почерпнутыми изъ общихъ книгъ и преданій. Ихъ полемика не была философскою: спорили не о началахъ, но о фактахъ, это была междоусобная война, пламенная и непримиримая. Вотъ почему языческіе писатели влагаютъ самыя рѣзкія, самыя ядовитыя свои возраженія противъ христіанства въ уста Евреевъ.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ была безопасность, можно сказать даже уваженіе, которымъ пользовались Жиды въ Римской Имперіи отъ Антонина до Константина-Великаго. Первые законы этого монарха носятъ на себѣ отпечатокъ терпимости: они только ограждаютъ христіанъ отъ преслѣдованій со стороны Евреевъ; но подъ конецъ царствованія онъ запретилъ Жидамъ обрѣзывать своихъ рабовъ и заставилъ ихъ нести тягостныя обязанности декуріоновъ, отъ которыхъ они были избавлены Септиміемъ-Северомъ. Вообще законодательство Константина и его сыновей имѣло цѣлю болѣе поощреніе новообра-

щепныхъ разными гражданскими преимуществами, нежели стѣсненіе упорствующихъ въ невѣріи. Царствованіе Юліана-Отступника доставило Евреямъ мгновенное торжество надъ противниками. Руководимый глубокою несправедливою къ учению Христову, онъ рѣшился соединить разсыянный народъ Израилевъ и возстановить храмъ Иерусалимскій въ прежнемъ величій въ улику христіанамъ. Въ первомъ пылу торжества, Евреи разрушили церкви въ нѣкоторыхъ городахъ Сиріи: Газа, Аскамонъ и Дамаскъ долго представляли слѣды ихъ опустошеній. Вѣсть о возобновленіи храма Соломонова быстро разнеслась на востокъ и западъ, и изгнанники тысячами стекались къ священному городу. Но надеждамъ ихъ не суждено было исполниться: отцы Церкви и языческіе писатели единогласно повѣствуютъ о чудесномъ явленіи, которое принудило оставить безплодныя усилія; страшныя землетрясенія и огненные шары, посившіеся въ воздухъ, разрушили начатыя работы и истребили строителей. При преемникахъ Юліана, особливо при императорахъ Θεодосіева рода, состояніе Евреевъ было довольно сносно. Имъ дозволено было свободное отправленіе религіи; Гонорій рѣшилъ имъ имѣть рабовъ христіанъ; запрещеніе вступать въ военную службу было для нихъ болѣе выгодно нежели унижительно. Когда Готы овладѣли Италіею, они сохранили всѣ преимущества тамошнихъ Жидовъ.

Этотъ ходъ дѣлъ совершенно измѣнился при Юстиніанѣ. Его законодательство проникнуто духомъ непріязни и презрѣнія къ Евреямъ. Они лишены всѣхъ гражданскихъ преимуществъ; объявлены неспособными къ свидѣтельству противъ христіанъ; даже ихъ семейственныя права были стѣснены до того, что родителямъ запрещалось лишать наслѣдства дѣтей, измѣнившихъ своей религіи. Самыя выраженія закона, кажется, имѣютъ цѣлю унижить ихъ въ общемъ мнѣніи. Въ дѣлахъ веры имъ еще позволено было судиться собственнымъ судомъ, но эта уступка ничтожна въ сравненіи съ преимуществами, которыми они пользовались при прежнихъ императорахъ.

Послѣ взятія Титомъ Иерусалима, утративъ политическое единство, разсыянные по Европѣ и Азій, Евреи сохраняли долго родъ еократическаго правленія, спусходительно

терпимаго правительствами. Западные Евреи повиновались патриарху Тиверіадскому; восточные «Князю плѣщенія», который постоянно жилъ въ Вавилонѣ. Когда именно произошли эти званія, не извѣстно. Патриархъ, Іуда святой, современникъ Антонина-Кроткаго составилъ знаменитое собраніе законовъ и приговоровъ раввинскихъ, извѣстное подъ названіемъ Мишны; раввинъ Іоханамъ продолжалъ его и назвалъ свое дополненіе Гемаррою. Такимъ образомъ образовался Талмудъ Іерусалимскій. Въ началѣ пятаго столѣтія явился Талмудъ Вавилонскій: онъ состоитъ изъ Мишны патриарха Іуды и дополненій или Гемарры раввина Аспія. Эти книги, наполненныя самыми страшными вымыслами восточнаго воображенія, самыми нелѣпыми баснями и толкованіями закона, пользуются благоговѣніемъ Евреевъ: ихъ ставятъ выше книгъ Моисеевыхъ. Патриархамъ Тиверіадскимъ предоставлены были большія права; императоры давали имъ титулъ «знаменитыхъ», *illustris*; они разбирали дѣла своихъ соотечественниковъ и нерѣдко зинимали должности при дворѣ. Санъ ихъ переходилъ по наследству отъ отца къ сыну, и былъ уничтоженъ въ 429 году. Около того же времени была ограничена власть Санхедрина или совѣта старшинъ Іудейскихъ, котораго главою былъ патриархъ. Впрочемъ вліяніе Санхедрина на дѣла единоверцевъ и права его были весьма важны до самаго царствованія Юстиніана.

Суровыя постановленія этого императора были началомъ и юридическимъ оправданіемъ жестокихъ преслѣдованій, которыхъ Жиды сдѣлались предметомъ. Въ Восточной имперіи участь ихъ становилась день ото дня нестерпимѣе. Въ Италіи строгая справедливость папы Григорія I и большей части его преемниковъ едва защищала ихъ отъ фанатизма черни и духовенства. Положеніе ихъ въ Испаніи было еще хуже: Вестъ-Готѣскіе короли отячались духомъ нетерпимости, и насильственно заставляли Евреевъ принимать христіанскую вѣру. Одинъ Сизебуть, по словамъ Испанскихъ историковъ, обратилъ такимъ образомъ девяносто тысячъ человекъ. Благородное сопротивленіе святаго Изидора, епископа Толедскаго, не послужило ни къ чему. Отнимая у Жидовъ всѣ права, гражданскіе законы Вестъ-Готѣскихъ

королей, по странному противорѣчію, дозволяли имъ торговать рабами христіанами; надобно замѣтить, что торговля рабами составляла главную промышленность Жидовъ, пока они не нашли новаго средства добывать деньги посредствомъ отдачи ихъ въ ростъ. Въ 672 году, Вамба, по требованію Толедскаго Собора, изгналъ изъ своихъ владѣній всѣхъ Жидовъ, не хотѣвшихъ отказаться отъ своей религіи. Они перешли за Пиренеи и возмущили противъ Вестъ-Готѣвъ Септиманію, но война эта кончилась несчастливо для нихъ. Вскорѣ они опять явились въ Испаніи и сильно содѣйствовали успѣхамъ Мавровъ. Толеда, гдѣ ихъ наиболее угнетали, была предана ими Аравитянамъ; въ вербное воскресенье они отворили ворота мусульманамъ, и вмѣстѣ съ ними перерезали всѣхъ христіанъ, которые въ то время были въ церковной процессіи.

При новыхъ обладателяхъ Пиренейскаго полуострова, Жиды отдохнули отъ прежнихъ страданій. Магометане презирали ихъ какъ и христіане, но это презрѣніе было холодно и рѣдко обнаруживалось въ преслѣдованіяхъ. Впрочемъ халифы Кордовскіе не упускали случаевъ поживиться на счетъ невѣрныхъ, какого бы рода они ни были: въ 723 году, обманщикъ, именемъ Захарія, явился въ Сиріи и выдавалъ себя за Мессію; множество Испанскихъ жидовъ отправилось къ нему, въ надеждѣ снова покорить землю отцевъ; мечтанія ихъ скоро разсѣялись; они возвратились въ Испанію, но халифъ не возвратилъ имъ оставленныхъ имущества.

Короли Меровинги и духовенство Французское не ласково въ Вестъ-Готѣвъ обходились съ изгнанниками. Отращеніе, которое всѣ къ нимъ питали, увеличилось еще болѣе, когда они занесли во Францію проказу: зараженныхъ этою болѣзнію заключали въ особые дома, и надзоръ за ними былъ порученъ епископамъ. Соборы предписывали христіанамъ избѣгать съ Жидами всякихъ сообщеній; но частое повтореніе этихъ наказовъ показываетъ, какъ трудно было приводить ихъ въ исполненіе. Евреи были исключены изъ всякихъ должностей; имъ запрещено садиться въ присутствіи священниковъ, и браки ихъ съ христіанами объявлены недѣйствительными. Франція была раздроблена на

нѣсколько отдѣльных владѣній, и законы эти не вездѣ имѣли одинаковую силу. Впрочемъ фанатизмъ и жестокость Французскихъ епископовъ простирались до такой степени, что папы неоднократно принуждены были увѣщевать ихъ, предписывая поступатьнисходительнѣе съ бѣдными Евреями.

Въ седьмомъ столѣтїи, Король Дагобертъ I предоставилъ имъ на выборъ, креститься или оставить его владѣнія. Жиды переселились въ южную Францію, но не надолго: въ началѣ царствованія второй династїи мы находимъ ихъ снова въ прежнихъ жилищахъ. При Карлѣ-Великомъ они пользовались полною безопасностью и даже благоволенїемъ императора: многіе Евреи были облечены его особенною довѣренностью; посоль его ко двору Гарунъ-аль - Рашида былъ Жидъ: другой Жидъ находился при его особѣ въ качествѣ доктора. Но никогда положеніе ихъ не было такъ блистательно во Франціи какъ въ царствованіе Людовика-Добраго. Преимущество и богатство ихъ были чрезмѣрны: они имѣли право провозить свои товары безошлинно; торговали рабами, которымъ безъ ихъ позволенія запрещено было принимать другую вѣру, и въ случаѣ споровъ съ покупателями судились общимъ судомъ, составленнымъ изъ трехъ христіанъ и трехъ Евреевъ. Они же завѣдывали сборомъ податей. Лучшимъ доказательствомъ ихъ силы служить тщетная борьба съ ними Агобарда, епископа Лионскаго: при всемъ своемъ умѣ и вліяніи на народъ, онъ растратилъ жизнь въ безплодныхъ усилїяхъ прекратить гнусный торгъ людьми, который производили Евреи.

Впрочемъ слѣды прежняго унижительнаго состоянія Евреевъ существовали еще въ нѣкоторыхъ позорныхъ обрядахъ. Въ Тулузѣ они навлекли на себя подозрѣніе въ намѣренїи предать городъ во власть Мавровъ: въ наказанїе за эту мнимую или дѣйствительную измѣну, они были обязаны ежегодно, въ страстную пятницу представлять отъ себя депутата, который публично получалъ пощечину у дверей соборной церкви. Вообще страстная недѣля была для нихъ во всей Европѣ временемъ оскорбленій и опасностей. Въ городѣ Безіе существовалъ до половины XI столѣтія еще страннѣйшїй обычай: всякій годъ, въ верблюе

воскресеніе, тамошній епископъ всходилъ на кафедру и обращался къ народу слѣдующими словами: «Вы живете съ потомками людей, которые распяли Иисуса Христа: будьте верны обычаямъ вашихъ отцевъ, вооружитесь съ Божіею помощію камнями, бросайте ихъ въ Жидовъ и отмстите мужественно за оскорбленія Спасителю.» Потомъ онъ благословлялъ своихъ слушателей; они вооружались камнями и отправлялись въ дома Евреевъ, которымъ, къ удивленію, предоставлено было право защищаться такимъ же оружіемъ. Война эта продолжалась до Свѣтлаго Воскресенія.

При послѣднихъ Карловингахъ нападенія Норманновъ и другія смутныя обстоятельства не позволяли обращать большаго вниманія на Евреевъ. Впрочемъ положеніе ихъ сдѣлалось несравненно хуже: ихъ даже не считали за людей. Бозонъ, король Арльскій, подарилъ епископу своего города не только имущества Жидовъ, но и ихъ самихъ. Такія же понятія царствовали и въ Германіи: Отонъ I уступилъ въ 955 году Магдебургской церкви всѣхъ Евреевъ этого города.

Но въ это самое время, въ южной Европѣ, подъ покровительствомъ халифовъ Испанскихъ заря лучшей будущности восходила для народа Іудейскаго.

Городъ Гренада, Севилла, Толедо, Кордуа были наполнены ими. Случайныя гоненія, виною которыхъ были фанатизмъ черни или прихоти правителей, рѣдко возмущали ихъ спокойствіе, и были ничтожны въ сравненіи съ бѣдствіями собратій ихъ въ остальной Европѣ, Азій и Африкѣ. Эти бѣдствія даже обратились въ пользу Евреевъ Испанскихъ. Ученые раввины и изгнанные изъ Вавилона, Помбедиты и Мегазін, гдѣ были дотогѣ знаменитыя академіи, удалились въ Испанію и основали тамъ новыя училища. Главою перваго и самаго знаменитаго заведенія, учрежденнаго въ Кордовѣ, былъ Рабби-Моуше, который ввелъ въ общее употребленіе Талмудъ, до тѣхъ поръ мало извѣстный на Западѣ. XII столѣтіе можно назвать золотымъ вѣкомъ Еврейской литературы. Тогда процвѣтали Абенъ-Эзра и Маймонидъ, два свѣтила въ мрачной ночи тогдашняго невѣжества; Іегуда Галеви, сочинитель любопытной

книги *Сефер-Хозри*, которой предметъ—обращеніе Хазарскаго Хагана къ Европейской вѣрѣ; Абенъ-Зоары, которымъ Аверроэсъ приписываетъ успѣхи Медицины у Аравитянъ; Беніаминъ Тудельскій, и многіе другіе ученые и философы. Жиды лечили вельможъ, государей и даже царя, упражнялись во всѣхъ наукахъ, и въ то же время занимались релігіозной полемикой. Особенно жаркія пренія возбудило появленіе въ Испаніи секты Караймовъ, которыхъ можно назвать Еврейскими протестантами. Они отвергаютъ Талмудъ и преданія раввиновъ, и понимаютъ Священное Писаніе буквально*. Авраамъ Бенъ Діоръ написалъ противъ нихъ знаменитое сочиненіе свое о кабалѣ. Но Караймы не вдавались въ споры: они отличались строгостью нравовъ и очень рано исчезли изъ Испаніи. Въ Литвѣ, близъ Вильны, и въ Крыму, въ трехъ верстахъ отъ Бакчисарая, находятся ихъ колоніи, гдѣ они извѣстны своей честностью, говорятъ по-Татарски и имѣютъ Библію на этомъ языкѣ. Литовскіе караймы вышли изъ Крыма, и поселены Витовтомъ, какъ и Литовскіе Татары, плѣненные имъ въ войнахъ съ Тохтамышемъ; но замѣчательно, что тогда какъ мусульманскіе поселенцы совершенно забыли свой языкъ и нынче знаютъ только по-Польски, эти Евреи сохранили въ своей маленькой колоніи языкъ, которымъ говорили они въ царствъ Гиреевъ. Г. Вольфъ, извѣстный евреофилъ, о путешествіяхъ котораго мы сообщали въ этомъ журналѣ, нашелъ Караймовъ въ кочевомъ столоніи неподалеку отъ Багдада, въ пустынѣ Хитъ. Впрочемъ, не должно думать, чтобы и православные Евреи занимались вездѣ однимъ только торгашествомъ и грабежамъ своихъ должниковъ: въ пустыняхъ Аравіи есть цѣлыя поколѣнія кочующихъ Жидовъ, которые славятся навадничествомъ и грабятъ васъ по правиламъ военной чести, — съ саблею въ рукѣ. Беніаминъ Тудельскій нашелъ въ XIII вѣкѣ близъ Мекки Еврейское поколѣніе *Рехавъ*, котораго древность восходитъ до временъ Моисея, и Г. Вольфъ видѣлъ одного изъ этихъ «сыновъ Рехавъ» на борзомъ Арабскомъ конѣ, вооруженнаго страшнымъ копьемъ Бедуина. Они отличаются огромностью роста и воинственнымъ видомъ.

* Слово *караймы* значитъ — чтенцы, то есть, чтенцы Библии.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Басоры тотъ же мисіонеръ встрѣтилъ улусъ Бени-Кетура, а въ Хеджазѣ, близъ Хаибара, живетъ многочисленное поколѣніе независимыхъ Евреевъ, которые управляются собственными своими шейхами; но Буркгардтъ полагаетъ, что они должны быть Каранмы. Въ Испаніи, кромѣ Каранмовъ, была еще секта Саддукеевъ, которыхъ съ жаромъ преслѣдовали раббинты, нынѣшніе Фарисеи.

Цвѣтущее состояніе Еврейской литературы въ Испаніи и даже во Франціи, гдѣ Нарбонская синагога славилась своими Давидомъ и Моисеемъ Кимхи, Саломономъ Ярхи, и прочая, служатъ лучшимъ доказательствомъ спокойствія, которымъ они тамъ пользовались. Халифы и христіанскіе государи болѣею частію покровительствовали имъ. Но простой народъ нередко давалъ чувствовать Жидамъ свою ненависть. Эта часть исторіи Евреевъ состоитъ изъ безконечной цѣпи ужасовъ и насильствъ, которые останутся навсегда памятникомъ варварства тогдашнихъ Европейцевъ. Подданные Альфонса IX, короля Кастильскаго, умертвили въ глазахъ его прекрасную Жидовку, и убійцы не были даже наказаны. Въ сѣверныхъ областяхъ Франціи и въ Германіи, несмотря на запрещенія правительствъ и даже духовныхъ, чернь грабила и убивала ихъ, оправдывая свои неистовства слѣпыми подозрѣніями въ святотатствѣ и добычаніи крови изъ христіанскихъ младенцовъ для своихъ обрядовъ. При началѣ крестовыхъ походовъ участь ихъ сдѣлалась еще ужаснѣе: отправляясь въ Палестину крестоносцы считали святымъ дѣломъ убить нѣсколько «враговъ Христа». Фанатизмъ дошелъ до того, что, въ половинѣ XIII столѣтія, святой Бернардъ долженъ былъ ходить изъ области въ область для укрощенія ярости народа. Въ первые годы царствованія Филиппа Августа половина Париза принадлежала Жидамъ: они промышляли отдачею денегъ въ ростъ и имѣли въ числѣ должниковъ своихъ вельможъ и знатнѣйшее духовенство. Лица, принадлежавшія къ последнему сословію, отдавали имъ нередко въ залогъ церковныя утвари. Подъ предлогомъ оскверненія ими этой святыни, Филиппъ ограбилъ и выгналъ Жидовъ изъ своихъ владѣній. Такимъ же образомъ поступали съ ними и

другіе государи, которые попеременно то изгоняли ихъ изъ своихъ владній, то призывали назадъ, когда случалась нужда въ деньгахъ. Вильгельмъ-Рыжій въ Англіи покровительствовалъ имъ, и даже обещалъ принять ихъ религію, если они докажутъ превосходство ея надъ христіанскою, но его наследники угнетали ихъ болѣе и болѣе. Во время коронаціи Ричарда I народъ разграбилъ великолѣпныя дома Лондонскихъ Евреевъ, и умертвилъ многихъ, а отряды крестоносцевъ, собираясь во святую землю, истребляли всѣхъ Жидовъ на пути, здѣсь, въ Италіи и въ другихъ мѣстахъ, какъ впоследствии Запорожскіе козаки и Гайдамаки въ Польшѣ. Іоаннъ-Безземельный, который сначала жаловалъ Жидовъ, и писалъ къ Лондонскому лорду-меру, что если бѣ онъ, Іоаннъ, «удостоилъ своей милости *даже собаку*, эта собака должна пользоваться совершенною безопасностью», впоследствии давалъ своимъ вельможамъ грамоты, которыми освобождалъ ихъ на всю жизнь или на известное число лѣтъ отъ уплаты долговъ Евреямъ и самъ безжалостно конфисковалъ имущество этихъ несчастныхъ для удовлетворенія своей расточительности. Европейцы вообще почти не считали ихъ за людей: Жидъ составлялъ собственность феодальнаго владѣльца, который торговалъ имъ какъ скотомъ и грабилъ какъ непріятеля; Жидъ приносилъ ему ежегодно известный доходъ, а въ случаѣ надобности его можно было продать или заложить. Генрихъ III продалъ всѣхъ живущихъ въ Англію жидовъ брату своему Ричарду. Для отличія Евреевъ отъ христіанъ, имъ приказано было носить рогъ на шляпѣ и нашивки на платьѣ: эти знаки выдавались имъ за деньги, изъ государственной казны. Филиппъ - Прекрасный, конфисковавъ всѣ имущества Жидовъ, жившихъ во Франціи, подъ смертною казнью запретилъ имъ жить въ государствѣ, и подарилъ Парижскую синагогу своему кучеру. Допущенные снова по необходимости въ ихъ деньгахъ, они подверглись новымъ преслѣдованіямъ. Шайки крестьянъ и пастуховъ, известные подъ названіемъ *pastoureaux*, разсѣялись по Франціи въ началѣ XIV столѣтія, истребляя все на пути своемъ. Въ Лангедокъ и Гасконіи онѣ умертвили множество Жидовъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей въ

Наваррѣ и десять тысячъ Евреевъ сдѣлались жертвами фанатизма народа. Ужасная язва, опустошившая въ 1348 году весь три части стараго свѣта, была поводомъ къ новымъ неистовствамъ: Евреевъ обвиняли въ отравленіи рѣкъ и источниковъ, въ распространеніи заразы посредствомъ волшебныхъ заклинаній, и убивали ихъ тысячами. Напрасно ссылались они на свидѣтельство ученѣйшихъ врачей того времени: никто не хотѣлъ вѣрить. Устрашенные общимъ волненіемъ, правительства не смѣли защищать ихъ противъ невѣжества и суевѣрія. Германія, Швейцарія, Брабантъ особенно были театромъ этихъ кровавыхъ побойщъ. Читая современныхъ историковъ, съ трудомъ вѣришь ихъ рассказамъ; они возмущаютъ душу своими отвратительно ужасными подробностями. Толпы фанатиковъ, называемыхъ бичующимися, ходили изъ города въ городъ, истязая себя самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, проповѣдуя покаяніе и истребленіе Жидовъ. Евреи, избѣгая мученій, которымъ подвергала ихъ одичавшая чернь, часто предупреждали ихъ самоубійствомъ. Достаточно было малѣйшаго подозрѣнія для ихъ гибели. Въ городѣ Монсѣ, одного Еврея обвинили въ поруганіи иконы. Ни какія пытки не могли вырвать у него признанія въ преступленіи. Назначили «судъ Божій»: обвиненный долженъ былъ драться съ кузнецомъ, который вызвался быть защитникомъ истины обвиненія. Бойцы явились за городскими воротами, и въ присутствіи многочисленныхъ жителей начали битву. Первый взмахъ палки, которою былъ вооруженъ кузнецъ, рѣшилъ участь бѣднаго противника. Жидъ упалъ,—другихъ доказательствъ преступленія не нужно было. Его тотчасъ схватили, повѣсали за ноги; къ бокамъ его привязали двухъ голодныхъ собакъ, а внизу разложили огонь, на которомъ онъ медленно изжарился. Спустя нѣсколько лѣтъ подобное приключеніе случилось въ Белгій. Память казней и мученій, которыми тамъ подвержены были Евреи, опредѣляли праздновать одинъ разъ въ каждомъ столѣтіи. Жители города Брюсселя торжествовали этотъ благородный праздникъ не далѣе какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1820 году.

Средь этихъ ужасовъ только изрѣдка примѣчаются вроблески челоуѣколюбія и справедливости къ угнетеннымъ въ

постановленіяхъ и прокламаціяхъ нѣкоторыхъ государей. Въ этомъ отношеніи особенно памятна Евреямъ грамота, дарованная имъ въ 1264 Польскимъ герцогомъ Болеславомъ, и милости Казимира Великаго, который, по любви къ своей Эстеркѣ, предоставилъ имъ значительныя преимущества. Казимиръ прижилъ съ ней многихъ дѣтей, и дочерямъ дозволилъ даже сохранить религію матери. Папы, которые въ средніе вѣка вообще являлись покровителями угнетенныхъ и защитниками челоуѣчества, непрерывно метали проклятіями противъ ихъ гонителей. Не должно однако жъ думать, чтобы въ самой Италиіи и въ Польшѣ имъ было легче отъ этихъ доказательствъ благорасположенія верховной власти. Не одинъ фанатизмъ преслѣдовалъ ихъ въ Италиіи: они должны были бороться тамъ съ мѣстными ростовщиками; Италианцы едва-ли не хуже ихъ жадностью къ прибыли и, подрываемые такимъ образомъ, Жиды жили тамъ въ крайней бѣдности. Въ одномъ Римѣ они наслаждались нѣкоторою безопасностью, и въ этой столицѣ католическаго міра сохраняли они по-сю-пору право подносить торжественно новому папѣ экземпляръ Ветхаго Завета, что однако жъ не освобождаетъ ихъ и теперь отъ обязанности посылать каждое воскресенье депутацію въ соборную церковь для слушанія проповѣди противъ заблужденій ихъ вѣры. Въ Польшѣ, куда покровительство Казимира Великаго привлекло сонмы изъ изъ Германіи, обливавшейся ихъ кровію, они скоро овладѣли всей торговлею и откупами; безпечный и вѣтренный характеръ народа охотно предоставилъ имъ всѣ хлопоты финансовой части; Жидъ сдѣлался первою потребностью жизни для Поляка; избирательные короли изъ природныхъ дворянъ не могли даже править государствомъ безъ «фактора», и извѣстно, что побѣдитель Турокъ, Ионапъ III (Собескій), былъ совершенно преданъ двумъ своимъ Евреямъ; однако они всегда находились тамъ въ крайнемъ угнетеніи, и папы позволяли имъ грабить своихъ поселянъ только для того, чтобы, при первой надобности въ деньгахъ, исторгнуть всю поживу обтомъ у грабителя. Въ Польшѣ упоминаютъ по-сю-пору имена вельможъ изъ весьма извѣстныхъ фамилій, которые не далѣе прошедшаго столѣтія призывали Жидамъ представлять кукушекъ, для того, чтобы

стрѣлять въ нихъ. Два несогласные въ мнѣніяхъ дворянина нерѣдко обнаруживали свои непріязненные чувства тѣмъ, что одинъ изъ нихъ старался поймать Жида, проживающаго на землѣ другаго, и по-крайней-мѣрѣ прибить его, если не повѣситъ: обиженный такою несправедливостью противникъ, само собою разумѣется, въ благородномъ негодованіи платилъ тою же монетою его Жидамъ. Въ числѣ жестокихъ обидъ, которыя Малороссія претерпѣла отъ Польскаго правительства, обыкновенно выставляютъ отдачу Русскихъ церквей на откупъ Евреямъ, какъ доказательство неслышаннаго своевольства со стороны тамошнихъ католическихъ пановъ, но мы думаемъ, что эта статья не была понята нашими писателями. Отдача церковныхъ доходовъ на откупъ болѣе принадлежитъ къ исторіи Жидовъ, чѣмъ къ Малороссійской. Невозможно предполагать, чтобы въ этомъ заключалось со стороны Польскихъ католиковъ намѣреніе обиды православію; они почти вездѣ отдавали такимъ же образомъ Еврейскимъ спекуляторамъ собственныя свои церкви. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка обычай этотъ былъ довольно извѣстенъ въ Литвѣ. Это показываетъ только, въ какой степени Польское дворянство не могло обойтись безъ Жидовъ въ самамалѣйшихъ денежныхъ сдѣлкахъ.

Во Франціи участь Евреевъ сдѣлалась опаснѣе по причинѣ взятія Англичанами въ плѣнъ короля Іоанна: нужны были деньги для его выкупа. Карлъ V, король Французскій, постоянно покровительствовалъ имъ; имъ даже дано было право брать, вмѣсто прежнихъ сорока, восемьдесятъ процентовъ. Евреямъ показалось, что этого мало; они испросили себѣ позволеніе брать проценты на проценты. Слабость правительства была удивительна: оно предоставило въ ихъ власть личную свободу несостоятельныхъ должниковъ, и даровало имъ множество другихъ столь же незаконныхъ преимуществъ. Положеніе Евреевъ было завидное; но неожиданный указъ Карла VI лишилъ ихъ въ 1394 году большей части имущества и даже права жить во Франціи. Они разсѣялись по окрестнымъ государствамъ и на этотъ разъ не могли обвинять своихъ враговъ въ несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ ихъ жадность къ деньгамъ не имѣла предѣловъ: ограбленные ими народы употребляли всѣ мѣры,

чтобы избавиться отъ ихъ притѣсненій, и въ половинѣ XIV столѣтія жители города Саленса, учредили для этого первый заемный банкъ въ Европѣ.

Въ Испаніи однако жъ они продолжали заниматься науками. Въ XIV и XV столѣтіяхъ ученые Евреи принимали дѣятельное участіе въ составленіи знаменитыхъ таблицъ короля Кастильскаго Альфонса IX; тогда жили астрономъ и врачъ Абрагамъ-бенъ-Вирга и профессоръ Астрономіи Абрагамъ-бенъ-Закутъ; тогда же процвѣталъ Іосифъ Альбо, авторъ книги *Сеферъ иккаримъ* и знаменитый въ ученостѣ и политическомъ отношеніи Абарбанель, комментаторъ нѣсколькихъ книгъ Ветхаго Закона; другіе труды Евреевъ по части Философіи, Филологіи, Правовѣдѣнія и особенно Математики даютъ тоже довольно выгодное понятіе объ ихъ просвѣщеніи. Но объ ихъ литературѣ должно вообще замѣтить, что она отличается восточною напыщенностью выраженій, многословіемъ, чрезвычайною пылкостью воображенія, и часто безпорядкомъ идей. Въ одной книгѣ той же эпохи находимъ извѣстіе о важномъ открытіи, сдѣланномъ Евреями совершенно въ иномъ родѣ: они играли въ карты еще въ тринадцатомъ вѣкѣ. Вообще по сочиненіямъ тогдашнихъ Жидовъ можно составить себѣ довольно ясное понятіе объ ихъ образѣ жизни и отношеніяхъ къ Испанцамъ, которые уже овладѣли большою частию полуострова. Многое покажется страннымъ теперь: Евреи славились тогда щегольствомъ одежды, занимались музыкою и были очень неравнодушны къ прелестямъ прекраснаго пола. Мужьямъ христіанамъ часто приходилось очень плохо отъ послѣдователей Ветхаго Завета. Въ Толедо они до того зазнались, что на улицахъ задирали и били природныхъ жителей; правительство принуждено было защищать послѣднихъ отъ ихъ нападеній. Но они и здѣсь не покидали всегдашней страсти своей къ деньгамъ, и безжалостно грабили православныхъ должниковъ, не довольствуясь $33\frac{1}{3}$ со ста, законными въ то время процентами. Всѣ капиталы и промышленность перешли въ ихъ руки. Управленіе таможняи было ввѣрено Жидамъ; они занимали главныя должности въ чертогахъ государей и домахъ вельможъ, которые обходились съ ними съ величайшимъ почтеніемъ;

они составляли даже сильную политическую партию. Когда Петръ Жестокій былъ умерщвленъ Генрихомъ Транстамаромъ, они остались вѣрными его памяти и въ Бургосъ, выдержавъ осаду противъ войскъ новаго короля.

Возрастающее вліаніе Евреевъ обратило наконецъ на себя вниманіе Испанскаго духовенства: оно старалось вооружить противъ нихъ народъ. Возникли жаркія пренія; ученые расточали, въ полемическихъ сочиненіяхъ, ругательства. Въ 1413 году анти-папа Петръ де Лука, известный подъ именемъ анти-папы Венедикта XIII, положилъ созвать въ Тортозу на публичное преніе знаменитѣйшихъ раввиновъ и ученыхъ богослововъ христіанскихъ. Диспутаціи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ; съ обѣихъ сторонъ было показано много учености и еще болѣе нетерпимости: въ заключеніе, анти-папа издалъ буллу, которая не оставила бы Евреямъ ни убѣжища, ни средствъ къ существованію, если бы власть его была вездѣ признана. Главныя статьи ея повторены впоследствии, на соборѣ Базельскомъ, и папами Павломъ IV и Піемъ V. Къ обращенію Жидовъ въ христіанскую религію, послѣ Тортозскихъ совѣщаній, наиболѣе содѣйствовали усилія Доминиканцевъ. Они отличались въ этомъ дѣлѣ талантами своими и жестокимъ фанатизмомъ. Знаменитѣйшимъ миссіонеромъ того времени былъ Винцентъ Жеррье: онъ одинъ обратилъ болѣе двадцати тысячъ человекъ. Его краснорѣчіе было увлекательно, по страху, внушаемый народомъ, который съ изступленнымъ восторгомъ слушалъ его проповѣди, былъ еще сильнѣе. Участь новыхъ христіанъ была вовсе незавидна. Церковь не имѣла къ нимъ довѣренности, а Синагога предавала проклятію какъ отступниковъ. Марраны, — такъ назывались они, — принуждены были жить отдѣльно, и, по словамъ современниковъ, отличались своимъ развратомъ и пороками. Въ числѣ этихъ новообращенныхъ находились нѣсколько уроженцовъ острова Кандія, которые исповѣдывали особенную религію, — смѣсь закона Моисеева съ обрядами язычества. Въ Толедо, они вынимали вечеромъ изъ скрытнаго мѣста пять черныхъ фигуръ, изъ которыхъ четыре представляли молодыхъ дѣвъ, повергались предъ ними на колѣна, и читали молитвы на Арабскомъ языкѣ до

первыхъ пѣтуховъ. Но умнѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ Маррановъ предстояла блистательная будущность: они могли вступать въ духовное званіе, гдѣ ихъ свѣдѣнія давали имъ возможность и право достигать высшихъ отличій. Нѣкоторые изъ нихъ занимали важныя мѣста въ католической Церкви, и прославились ревностью, съ какою преслѣдовали прежнихъ единовѣрцевъ. Особенную извѣстность пріобрѣлъ Францисканскій монахъ Альфонсъ де-Спина, пламенный авторъ книги *Fortalitium Fidei*, въ которой обвиняетъ онъ Жидовъ въ ужаснѣйшихъ преступленіяхъ. Онъ утверждаетъ между-прочимъ, что они ежегодно умерщвляютъ по одному христіанскому ребенку. Примеръ, который онъ приводитъ, наполненъ самыми отвратительными и ужасными подробностями; надобно однако жъ замѣтить, что самъ онъ не былъ свидѣтелемъ этого случая, и что разсказъ его есть только повтореніе признанія одного крещенаго Жида какому-то епископу.

Наконецъ наступилъ бѣдственный для народа Израилева 1492 годъ. Мавры лишились послѣдняго своего владѣнія въ Испаніи, и Евреи получили приказаніе тотчасъ оставить этотъ край, или принять христіанскую религію. Отчаяніе изгнанниковъ было невыразимо: они такъ долго благоденствовали подъ небомъ Испаніи. Имъ дано было три мѣсяца сроку на приготовленія къ пути; золото и серебро должны они были оставить въ Испаніи; съ собою имъ позволялось взять векселя и товары. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, четыреста тысячъ человекъ оставили такимъ образомъ владѣнія Фердинанда и Изабеллы. Большая часть удалась въ Португалію, гдѣ ихъ братія пользовались большими правами и честностью своею заслужили общее уваженіе. Они гостеприимно приняли изгнанниковъ. Надежда лучшей участи оживила сердца ихъ, но не надолго. Въ Лиссабонѣ процвѣтала Еврейская Академія; заведено было много типографій, изъ которыхъ вышли превосходныя изданія книгъ Моисеевыхъ и разныхъ произведеній Еврейской литературы: въ 1496 году все это рушилось, — ихъ выгнали изъ Португаліи. Замѣтимъ одинъ любопытный этнографическій фактъ: въ прежнихъ Португальскихъ владѣніяхъ, въ Малабарѣ, есть два рода Жидовъ, черные и

были. Тогда как реформація облегчала участь ихъ въ Германіи и готовила ствернымъ Жидамъ, вообще невѣжественнымъ и низкимъ, лучшую будущность, самая просвѣщенная и нравственная часть ихъ народа выброшена была изъ Пирепейскаго полуострова въ Африканскія пустыни и Турцію, гдѣ грубый деспотизмъ Оттомановъ долженствовалъ довести ихъ до послѣдней степени униженія и несчастія. Они разсыпались по Африканскимъ городамъ и основали многочисленныя посады въ Константинополь, Солоникъ, Смирнѣ, и прочая, гдѣ сохраняютъ до-сей поры языкъ прежнихъ своихъ гонителей, Испанцевъ и Португальцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ однако жъ перешли въ Италію, гдѣ Медицѣи отдали имъ часть города Ливорна и допускали ихъ даже къ должностямъ въ своихъ владѣніяхъ; здѣсь они опять занимались съ успѣхомъ литературою, имели отличныя типографіи и библіотеки въ разныхъ городахъ Италіи, и грабительства ихъ ростовщиковъ не производили такъ вредныхъ послѣдствій, какъ во Франціи или Испаніи, по причинѣ размножившихся заемныхъ банковъ, которые ссужали деньгами за самыя умеренныя проценты. Учредителями этихъ заведеній были большею частію монахи Францисканскаго ордена, считая богоугоднымъ дѣломъ отнятіе у Евреевъ способовъ вредить христіанамъ. Подъ тяжестью бѣдствій и среди благоденствія, Синагога нигдѣ и никогда не теряла надежды на блистательный конецъ своего «послѣдняго плѣненія»: она всегда съ нетерпѣніемъ ожидала прішествія Мессіи, и это вѣрованіе одно заставляло Евреевъ переносить мужественно неслыханныя жестокости, которыми обременяли ихъ иновѣрцы на Западѣ и Востокѣ. Восторженное суевѣріе Азіи еще болѣе расположило Турецкихъ Жидовъ къ ожиданію скорой помощи мстительнаго и справедливаго неба. Обманщики и фанатики часто пользовались такимъ состояніемъ умовъ, и въ XVII столѣтіи пламенные надежды Евреевъ всѣхъ странъ были обмануты самымъ горестнымъ образомъ. Смирнскій Жидъ, Забатай Зеви, или Теви, человекъ необыкновенно хитрый и краснорѣчивый, пробудилъ мужество ихъ своими пламенными проповѣдями. Радость Іудейскаго міра была чрезвычайна. Евреи собирались вездѣ оставить бѣдственную чужбину и летѣть

въ обтѣванную землю, какъ Турки посадили мессію Забавая въ тюрьму. Однако единовѣрцы не переставали вѣрить въ его божественное назначеніе. Тогда Султанъ Магометъ IV приказалъ ложному «помазаннику» принять магометанскую религію: самозванецъ сосланъ и скоро потомъ былъ казненъ. Между Жидами многіе до сихъ поръ думаютъ, что онъ живъ, и рано или поздно совершить подвигъ искупленія.

Не отъ мессіи своего, но отъ успѣховъ просвѣщенія, которое смягчаетъ нравы и дѣлаетъ человека послушнымъ голосу разума, следовало имъ ожидать своего благополучія. Дѣйствительно, XVIII вѣкъ былъ источникомъ всѣхъ благъ, которыми они теперь наслаждаются въ цѣлой Европѣ. Усовершенствованіе правительственныхъ формъ доставило имъ первое и важнѣйшее изъ нихъ, — безопасность. Скоро Франція и Голландія даровали имъ полныя права гражданскія и политическія, и сравнили съ христіанскими подданными.

Въ Англіи, гдѣ число ихъ не превосходитъ десяти тысячъ человекъ, большую частію иностранцевъ, такое же уравненіе было весьма недавно утверждено Нижнею палатою. Въ Австріи Іосифъ II былъ ихъ благодѣтелемъ: онъ уничтожилъ установленное для нихъ различіе одежды и налоги, основалъ училища, открылъ имъ университеты и старался всячески возвысить ихъ до степени гражданъ. Францъ II следовалъ его примѣру и выполнялъ многія его предположенія. Въ Германіи положеніе ихъ постепенно облегчалось, и шестнадцатая статья Акта Союза обезпечила имъ еще большія выгоды. «Сеймъ Германскаго Союза, говоритъ она, обдумаетъ и разсмотритъ приличнѣйшіе способы улучшенія судьбы жителей, исповѣдующихъ Еврейскую вѣру, и дарованія имъ полныхъ правъ гражданскихъ взаменъ тѣхъ обязанностей, которыя они должны были бы нести какъ подданные. Между-тѣмъ, они будутъ пользоваться во всѣхъ государствахъ Союза всеми преимуществами, какія дарованы имъ досель.» Известно, какихъ богатствъ достигли нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ краю. Со времени знаменитаго Мендельсона, краснорѣчиваго толкователя Платоновой мысли, выраженной въ Федонѣ, они съ успѣхомъ посѣщали универ-

ситеты, дали имъ изъ среды себя множество профессоровъ и Нѣмецкой Словесности нѣсколько остроумныхъ писателей, и особенно отличились въ Медицину и музыку. Еврейское юношество не отстало отъ своихъ христіанскихъ сверстниковъ въ общемъ патріотическомъ движеніи, которое въ 1813 году такъ сильно способствовало къ освобожденію Германіи. Образовалась также секта такъ называемыхъ Новыхъ Жидовъ, — слѣдствіе распространеннаго между ними просвѣщенія, — которая отвергаетъ Талмудъ подобно Караямамъ, признаетъ одинъ только текстъ Св. Писанія закономъ своей вѣры и соединяетъ простые догматы Вѣтхаго Завета съ ученіемъ чистой Нравственной Философіи*. Однако не далѣе какъ въ 1820 году, Германскіе Жиды подвергались опасной грозѣ. Бѣдствія, которыя удручали Пруссію по случаю занятія ея Французами, передали въ руки Евреевъ множество ленныхъ имѣній, обремененныхъ долгами. Когда народъ увидѣлъ готическіе замки во владѣніи, «пехристей», которые, по праву бароновъ, естественно могли бы утверждать приходскихъ пасторовъ въ ихъ званіи, онъ обнаружилъ завистливое негодованіе. Наглость нѣкоторыхъ обогатившихся Евреевъ, — а это обыкновенная ихъ черта въ счастьи, — довершила раздраженіе черни. Ея нетерпимость вспыхнула въ Мейнингенѣ, Вюрцбургѣ и Рейнскихъ областяхъ; возстаніе распространилось до самого Копенгагена, и Германскіе Жиды услышали вновь роковый крикъ *гелъ! гелъ! гелъ!*, которымъ сопровождалась избіенія ихъ въ среднихъ вѣкахъ.

Польскіе раввины славятся своей богословской ученостью въ Еврейскомъ мірѣ. Яковъ Полякъ есть Іоаннъ Скоттъ науки Талмуда: тонкость его софизмовъ, туманная глубокомысленность его разсужденій, его пустыя пренія о словахъ, привлекли къ нему несмѣтное множество молодыхъ Германскихъ Евреевъ, которые для него оставляли университет-

* Въ Германіи, есть еще секта, основанная нѣкоторымъ Франкомъ, изъ Нюрнберга, которая наружно исполняетъ все обряды христіанства, отъ крещенія до исповѣди, а тайно исповѣдуетъ Еврейскую вѣру. Члены этой секты нерѣдко занимаютъ высшія должности въ мѣстныхъ правительствахъ и пользуются всеми выгодами усовершенствованнаго лицемѣрства. Ихъ называютъ *Мехсами*.

скія чтенія. Эти «талмудисты» налетѣли съ сѣвера, какъ стая совѣвъ, на Германію и основали свои Академіи въ Франкфуртъ-при-Майнѣ, въ Фюртѣ и Прагѣ, распространяя между юношествомъ фанатизмъ и невѣжество въ полезныхъ наукахъ, отличающее Польскихъ раввиновъ. Г. Беръ собралъ множество любопытныхъ подробностей о вредномъ вліяніи этихъ раввиновъ на Еврейское населеніе въ Германіи и Польшѣ, о деспотизмѣ, съ какимъ они управляютъ своими общинами, и о средствахъ, которыя употребляютъ для поддержанія фанатизма и слѣпago повиновенія своей власти. Этому-то вліянію должно приписать то рѣшительное отвращеніе, какое обличаютъ Польскіе Жиды къ хлѣбопашеству: обнадеживаемые своими законоучителями въ скоромъ пришествіи Мессіи, они не хотятъ ввѣрять своихъ капиталовъ землѣ, чтобы быть всегда готовыми удалиться въ обтѣоупную землю по первому призванію возстаповителя ихъ народа. Многіе рѣшаются даже упредить его въ Палестину, и мѣстечко Сафетъ, гдѣ лѣтъ за двадцатъ было ихъ нѣскольکو сотенъ, теперь считаетъ болѣе двѣнадцати тысячъ выходцевъ изъ Польскихъ областей. Не нужно объяснять, сколько подобное расположеніе умовъ мѣшаетъ самымъ благимъ видамъ правительства въ ихъ пользу. Блаженной памяти Императоръ Александръ I, извѣстясь о важныхъ злоупотребленіяхъ власти со стороны раввиновъ, повелѣлъ уничтожить ихъ санхедрины и учредить думы изъ знатнѣйшихъ членовъ общины, для завѣдыванія имуществомъ синагоги и доходами кагаловъ. Евреи сочли это нарушеніемъ ихъ вѣры. Еще съ 1810 года правительство пыталось въ разныя времена и подъ различными видами привести въ исполненіе проектъ переселенія Жидовъ изъ западныхъ губерній въ Новороссію, гдѣ бы они могли предаться земледѣлію, и всѣ его старанія остались безуспѣшными. Въ 1825 году учреждена была въ Варшавѣ комиссія, имѣющая цѣлію изысканіе средствъ улучшенія гражданскаго и правственнаго состоянія этой части народонаселенія. Она учредила для нихъ училище, которое было посвящено даже сыновьями богатыхъ Израильтянъ и предполагала даже устроить полную систему народнаго воспитанія Евреевъ. Безсомнѣнія, эта мѣра могущественно способствовала бы къ пре-

образованію ихъ предрасудковъ, которые дѣлають ихъ даже неспособными пользоваться благомъ даруемыхъ имъ выгодъ: пустая талмудная ученость до того поглощаетъ ихъ вниманіе, что многіе молодые раввины не знаютъ ни одного слова мѣстнаго языка, чтобы не имѣть ничего общаго съ христіанами. Указъ, который великодушно открылъ имъ поприще военной славы и отличій въ Русскихъ рядахъ и былъ первымъ шагомъ къ важнѣйшимъ благотѣліямъ закона, изданнаго въ нынѣшнемъ году, долженъ навсегда упрочить ихъ судьбу. Нынче отъ нихъ самихъ зависить ихъ благоденствіе. Желательно, чтобы они умѣли оцѣнить вполне выгоды новыхъ правъ своихъ.

Т. ГРАНОВСКІЙ.

=

ПРИЗРАКИ И ВИДѢНІЯ.

=

Душа дѣйствуетъ на тѣло, а тѣло въ свою очередь дѣйствуетъ на душу, и чтобы составить себѣ некоторое понятіе о положеніи разстроенной души, надобно изслѣдовать физическія условія, необходимыя для доставленія мыслямъ ясности и точности.

Напрасно вообще полагають, что мы видимъ глазомъ, слышимъ ухомъ, ощущаемъ вкусъ языкомъ. Настоящее мѣсто всѣхъ этихъ различныхъ ощущеній находится въ мозгѣ; а глазъ, ухо и языкъ суть только органы, способные воспринимать впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ и передавать ихъ мозгу, въ которомъ они дѣлаются ощущеніями. Предметъ, поражая органъ внѣшняго чувства, производитъ потрясеніе въ нервахъ органа. Это потрясеніе переходитъ путемъ нерва въ мозгъ; соответственное тому потрясеніе совершается въ мозгѣ и передается душѣ, и это потрясеніе души мы выражаемъ словомъ «ощущеніе». Идея суть только копіи ощущеній: это возобновленія прежнихъ ощущеній, отличающіяся отъ настоящихъ и современныхъ меньшею степенью напряженія.

Такимъ образомъ, первое отправленіе мозга есть ощущеніе, *sensatio*; второе будетъ, если можно такъ выразиться, мыслетвореніе, *ideatio*, и наконецъ взаимныя дѣйствія и противодѣйствія этихъ двухъ явленій, извѣстныя подъ именемъ мышленія. Главный способъ, посредствомъ котораго производится мышленіе, есть сочетаніе мыслей, или такъ называемое, мыслесцѣпленіе, — свойство души, которое даетъ ей возможность сближать и соединять воспріятыя ощущенія и сдѣланныя по нимъ идеи, такъ, что если по совершеніи такого сочетанія, или соединенія, возобновится одно какое-нибудь изъ прежнихъ ощущеній или идей, оно тотчасъ вызываетъ всѣ ощущенія или идеи, съ которыми первоначально было къ связи. Эта способность мыслесцѣпленія дѣйствуетъ правильно, однообразно и опредѣлительно, пока она не разстроена. Такъ напримѣръ, ког-

да дѣйствія мыслесцѣпленія исправны, идея, вызываемыя имъ изъ прошедшаго, возникаютъ въ насъ всегда въ известномъ порядкѣ, который обыкновенно бываетъ тотъ самый, по которому рождались ощущенія; то есть, если ощущенія А В С восприняты душою въ порядкѣ этихъ буквъ, то при возобновленной идее В возникнетъ слѣдующая идея С, но не А; сверхъ-того возникновеніе идей, вызываемыхъ ихъ сцѣпленіемъ, происходитъ съ известной быстротою, за предѣлами которой мысли дѣлаются сбивчивыми. Для произведенія ощущенія надобно, чтобы внѣшній предметъ ударился въ органъ чувства съ нѣкою силою, но если сила слишкомъ велика, предметъ вмѣсто чистаго ощущенія, произведетъ только боль. Точно также, если рядъ идей, вызываемыхъ мыслесцѣпленіемъ, не возникаетъ съ нѣкоторою степенью живости, онъ представитъ душѣ сборъ однихъ смутныхъ образовъ, а если напротивъ онъ слишкомъ живы, то дѣлаются неспособными къ образованію стихій ясной мысли.

Мозгъ только тогда можетъ воспринять чувственные впечатлѣнія, сообщаемыя ему нервами, превращать ихъ въ ощущенія и идеи, сочетать и возобновлять ихъ, когда онъ находится въ здоровомъ состояніи. Главные дѣятели, содержащіе мозгъ въ здоровомъ состояніи, суть его органическіе нервы и его кровеносные сосуды. Мозгъ, такъ же какъ и прочіе органы, содержится въ здоровьѣ посредствомъ процесса питанія, которымъ управляютъ органическіе нервы. Если поселится разстройство въ органическихъ нервахъ, вещество мозга можетъ подвергнуться измѣненіямъ, которыя произведутъ болѣзни, дотога различныя, что мы не будемъ исчислять здѣсь даже ихъ названій: замѣтимъ только, что самая легкая болѣзнь мозга можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ проявленію ясной и здоровой мысли. Ходъ мыслесцѣпленія можетъ быть равномерно возмущенъ разстройствомъ обращенія крови въ мозговыхъ сосудахъ. Если не допустить къ мозгу обыкновеннаго притока крови, безчувственность будетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ этой остановки; сдѣлается обморокъ и потомъ вскорѣ приключится смерть, въ случаѣ, что не найдутъ средства возстановить обращеніе жизненной влаги.

Если напротивъ кровообращеніе будетъ ускорено болѣе известной мѣры, это излишнее возбужденіе не произведетъ безчувственности, однако жъ проявленіе мысли будетъ возмущено безконечно различнымъ образомъ.

Нѣтъ, можетъ-быть, ни одной болѣзни, которая болѣе или менѣе не могла бы произвести разстройства въ дѣйствіяхъ органическихъ нервовъ мозга; отправления ихъ подвергаются неисправности наиболѣе отъ болѣзней брюшныхъ внутренностей, особенно пищеваго канала, и еще болѣе желудка; то же слѣдствіе производятъ нѣкоторыя болѣзни печени и брыжейныхъ железъ. Мы сказали, что какъ ускореніе такъ и остановка кровообращенія въ мозговыхъ кровныхъ сосудахъ всегда производитъ сбивчивость въ ощущеніяхъ, слѣдственно и въ идеяхъ, и во всехъ дѣйствіяхъ души. Различные физическіе дѣятели, такъ же какъ болѣзни, даютъ начало разительнымъ примѣрамъ этого рода: такимъ образомъ вдыханіе газа азотистой окиси производитъ всѣ послѣдствія ускореннаго кровообращенія. Лишь только проникнетъ азотистая окись въ легкія, пульсъ начинаетъ биться съ большимъ напряженіемъ, полнѣе и быстрѣе, и соответственная этому перемѣна происходитъ въ умственныхъ отправленияхъ. Ощущенія становятся живѣе; чувствительность осязанія усиливается; зрѣніе бываетъ наполнено ослѣпительными искрами; слухъ дѣлается тонѣе; пріятныя и необыкновенно живыя воспоминанія съ быстротою толпятся въ душѣ. Изъ людей, вдыхавшихъ этотъ газъ, одинъ сравнивалъ свои ощущенія съ теми, которыя онъ чувствовалъ при представленіи героическихъ сценъ на театрѣ; другой говорилъ, что они напоминали ему впечатлѣнія, произведенныя въ немъ концертомъ, даннымъ въ память Генделя, когда семь сотъ музыкальныхъ инструментовъ дружно оглашали своими звуками своды Вестминстерскаго Аббатства.

«Возвратясь изъ продолжительнаго путешествія, рассказываетъ знаменитый химикъ, сирѣ Гомфри Деви, и чувствуя себя очень утомленнымъ, я вдохнулъ десять или двѣнадцать бутылокъ азотистой окиси, которой не употреблялъ тридцать три дня. Послѣ шести или семи вды-

ханій, я постепенно пересталъ примѣчать внѣшніе предметы, и воспоминаніе моихъ прежнихъ химическихъ опытовъ представилось мнѣ съ такою живостью, что я вскричалъ: «Какое чудное сцѣпленіе идей!»

Въ другой разъ, Деви заперся на часъ съ четвертью въ дыхательный снарядъ, девяти съ половиною кубическихъ футовъ въ объемѣ и плотно закупоренный, чтобы привыкнуть понемногу къ дѣйствию газа, котораго онъ дышалъ тамъ около осьмидесяти бутылокъ, и вотъ что онъ пишетъ о своихъ ощущеніяхъ.

«Выпедъ изъ снаряда, я приступилъ ко вдыханію двадцати бутылокъ чистой азотистой окиси. Тотчасъ по мнѣ пробѣжала дрожь отъ груди до конечностей. Я ощутилъ во всѣхъ членахъ чрезвычайно пріятное чувство расширенія. Впечатлѣніе, производимое предметами на мое зрѣніе, было ослѣпительно, и предметы, казалось, росли у меня передъ глазами. Я слышалъ явственно всѣ звуки въ комнатѣ и совершенно помнилъ, въ какомъ я положеніи. По мѣрѣ того, какъ во мнѣ возрастало чувство удовольствія, я постепенно терялъ всякую связь съ внѣшними предметами: ряды блестящихъ образовъ быстро проходили у меня въ умѣ и, сочетаясь съ словами присутствовавшихъ, производили совершенно новыя ощущенія. Я существовалъ въ мірѣ идей, новосоединенныхъ и получавшихъ непрерывно новыя измѣненія.

«Когда докторъ Кинлекъ (Kinglake) извлекъ меня изъ этого восторженнаго состоянія, отнявъ отъ моего рта мѣшокъ съ газомъ, негодованіе и гордость были первыми чувствованіями, возбужденными во мнѣ видомъ людей, которые меня окружали. Мои ощущенія отличались энтузіазмомъ и выпренностию; нѣсколько минутъ ходилъ я по комнатѣ, не обращая ни какого вниманія на то, что мнѣ говорили. Когда мой умъ пришелъ въ первобытное состояніе, я почувствовалъ желаніе сообщить открытія, сдѣланныя мною во время опыта. Я силлся вспомнить идеи, которыя мнѣ представлялись; но онѣ явились слабыми и сбивчивыми. Одно только воспоминаніе ужаса родилось во мнѣ, и я вскричалъ пророчески, какъ-бы проникнутый истиною

того, что говорилъ: «Въ міръ ничего не существуетъ, кромѣ идей; вселенная составлена изъ впечатлѣній, идей, удовольствій и страданій.»

Вдыханіе вредныхъ испареній, производящихъ лихорадки, столь же положительно доказываетъ, что измѣненіе ощущеній и всѣхъ дѣйствій души, которыя слѣдуютъ за ними, происходитъ отъ причины, поражающей нервы и кровеносные сосуды мозга. Лихорадочныя испаренія суть дѣтели подавляющіе, а азотистая окись напротивъ — дѣтель возбуждающій: поэтому и дѣйствія ихъ должны быть противоположны. Мы видѣли отчетъ славнаго химика объ ощущеніяхъ, произведенныхъ въ немъ азотистой окисью; теперь послушаемъ врача, описывающаго съ малѣйшими подробностями все, что онъ чувствовалъ во время тяжелой болѣзни.

«У меня, говоритъ онъ, были нѣкоторыя причины къ безпокойству и къ печали; я преувеличилъ себѣ ихъ важность. Нѣсколько мѣсяцевъ я предавался ученью съ необычайнымъ прилежаніемъ. Однажды, во время сильнѣйшей январской стужи, послѣ многихъ часовъ, проведенныхъ въ занятіяхъ по должности, я воротился домой въ усталости. Мои силы истощились; но упадокъ духа былъ еще болѣе ощутителенъ. У меня болѣла голова, и, чувствуя себя неспособнымъ ни къ какому занятію, я бросился на софу и взялъ въ руки книгу. Развернулъ, — то былъ Американскій романъ, *Water Witch* «Морская вѣдьма»: первая страницы мнѣ понравились; но головная боль, которая усиливалась, и возрастающій безпорядокъ въ мысляхъ помѣшали мнѣ продолжать чтеніе: я попросилъ товарища читать мнѣ вслухъ. Между-тѣмъ горячка одолевала меня, и ея главная сила развилась въ томъ органѣ, который былъ перевозбужденъ печалью и ученьемъ, именно въ мозгѣ; бредъ не замедлилъ явиться, и обнаружился внезапно. Нѣсколько минутъ до того, мнѣ вручили пригласительный билетъ на вечера, которые его высочество герцогъ Суссекскій давалъ членамъ Королевскаго Общества Ученыхъ. Я просилъ моего пріятеля отвѣчать отъ моего имени изъясненіемъ сожалѣнія о невозможности за болѣзнію воспользоваться этою честью. Мой пріятель употребилъ въ письмѣ выраженіе, которое показалось мнѣ не совсѣмъ приличнымъ: эту ошпбку счелъ я умышен-

ною, и нашъ споръ былъ перенесенъ на судъ всего ученаго общества, которое единогласно приговорило меня къ исключенію изъ среды своей какъ недостойнаго засѣдать въ кругу людей благовоспитанныхъ. Этотъ приговоръ доставили ко мнѣ изъ дворца съ военной музыкой, чрезвычайно торжественной, и въ которой особенно преобладалъ рѣзкій звонъ колоколовъ. Всѣ мои просьбы были напрасны; я только и вымолилъ, чтобы рѣшеніе было подвергнуто новому разсмотрѣнію; но оно было подтверждено, и новый приговоръ былъ доставленъ мнѣ такимъ же образомъ какъ и первый съ тою разницею, что музыка была еще шумнѣе и торжественнѣе. Я не видалъ музыкантовъ, но по временамъ слышалъ очень явственно ихъ мѣрные шаги. Тогда я считалъ себя существомъ отверженнымъ и погибшимъ; я увѣрилъ себя, что всѣ окружающіе ненавидѣли меня и искали случая истребить. Мои врачи, мои приставники, мои лучшіе друзья сговорились съ злымъ духомъ, принявшимъ на себя образъ вѣдьмы, описанной въ романѣ. Предметъ моихъ нѣжныхъ чувствованій, который окружалъ меня самыми внимательными попеченіями, сдѣлался клеветомъ этого демона: онъ поступалъ со мною предательски, и, черезъ его измѣну, вѣдьма совершенно овладѣла мною. Лишь только она приняла меня во власть свою, какъ начала внушать мнѣ, чтобы я совершилъ преступленія: кончилось тѣмъ, что я счелъ себя дѣйствительно преступнымъ. Не стану говорить о морскихъ буряхъ, которыя я испыталъ, и которыя были очевиднымъ повтореніемъ читанныхъ мною въ романѣ. Когда онѣ утихли, мнѣ показалось, что я вдругъ предсталъ передъ невидимое судилище. Тайное чувство говорило мнѣ, что око Провидѣнія, отъ котораго ни что не скрыто, устремлено на меня; но я видѣлъ, хотя неясно, тѣнь моего обвинителя. Не преступленія, въ которыхъ я былъ напрасно обвиненъ, а дѣйствительныя событія моей жизни даже тѣ, которыя происходили въ самыхъ раннихъ лѣтахъ дѣтства, вещи давно забытыя, представились съ необыкновенною живостью и со всеми обстоятельствами мѣстности, лицъ, одеждъ, языка и поступи. Я былъ принужденъ давать точныя объясненія по каждому происшествію, а между-

тѣмъ невидимая рука записывала всѣ мои слова. Во время этого испытанія я видѣлъ черты лучшихъ моихъ друзей, моихъ тайныхъ или явныхъ враговъ, живыхъ и давно умершихъ: одни ободряли меня словами и тѣлодвиженіями, другіе хмурили брови и принимали грозный видъ, не проважнося ни слова. Послѣ этого, я снова очутился во власти демона и былъ принужденъ обвинять самого себя въ преступленіяхъ, въ которыя впалъ по его внушеніямъ: въ теченіе этого времени я не переставалъ видѣть моихъ лучшихъ друзей, повидимому счастливыхъ, но съ которыми мнѣ нельзя было имѣть ни какихъ сношеній. Потому, во мнѣ изгладились всѣ воспомнанія: это состояніе продолжалось однако не много времени; смутныя, неясныя мысли стали снова представляться мнѣ. Я чувствовалъ, что какое то несчастіе постигло меня; но въ то же время легкой, прохладный вѣтерокъ повывалъ на меня; скоро показалось мнѣ, что я плыву по океану на великолѣпномъ кораблѣ, который быстро движется вдоль живописнаго, роскошнаго берега. Корабль наконецъ вошелъ пѣ незнакому пристань; набережная была покрыта людьми, которыхъ черты и рѣчи показывали, что они наслаждаются счастіемъ. Я зналъ, что возвращаюсь изъ продолжительнаго путешествія, но не могъ дать себѣ отчета, гдѣ именно былъ. Я чувствовалъ голодь, усталость, и въ первый разъ распозналъ лица моего семейства; въ теченіе двухъ недѣль я былъ въ сильнѣйшемъ бреду, а въ продолженіе трехъ послѣднихъ дней лежалъ въ совершенной безчувственности, покинутый врачомъ и друзьями.»

Если размыслить о явленіяхъ, происшедшихъ отъ различнаго и противоположнаго состоянія мозга въ двухъ приведенныхъ случаяхъ, изъ которыхъ одно все послѣдовало отъ физическаго дѣятеля, а другое отъ вліянія болѣзни, то легко понять начало этихъ иллюзій, которыя заставляютъ насъ имѣть видѣнія и бесѣдовать съ призраками иногда при полномъ сознаніи, что это одна иллюзія, иногда съ кратковременнымъ или продолжительнымъ убѣжденіемъ въ ихъ дѣйствительности,—иллюзій, которыя могутъ проистекать отъ причинъ вѣшнихъ и внутреннихъ, отъ соединенія тѣхъ и другихъ.

Извѣстный Берлинскій книгопродавецъ Николай, представляетъ любопытный примѣръ продолжительной послѣдовательности этого рода иллюзій, хотя самъ онъ ни на минуту не ввѣрилъ въ дѣйствительность существованія явившихся ему призраковъ.

« При совершенно здоровомъ расположеніи духа, говорить этотъ замѣчательный человекъ, и по прошествіи перваго испуга, безъ всякаго безпокойства я видѣлъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, невольно и почти непрерывно, безконечное множество человѣческихъ и другихъ образовъ; даже слышалъ звуки ихъ голосовъ. Вотъ, какъ это началось. Въ одно утро моя жена и еще другая особа вошли въ мою комнату, чтобы развлечь меня по случаю одной непріятности; но я былъ слишкомъ огорченъ и не могъ слушать ихъ съ большимъ вниманіемъ. Вдругъ я примѣтилъ, въ десяти шагахъ отъ себя, человѣческій образъ, похожій на одного умершаго знакомца; я указалъ на него пальцемъ, и спросилъ жену, видитъ ли она его: она отвѣчала отрицательно; но мой вопросъ испугалъ ее, и она тотчасъ послала за лекаремъ. Видѣніе не исчезло по-крайней-мѣрѣ около восьми минутъ; наконецъ я успокоился, и, чувствуя изнеможеніе, задремалъ. Я спалъ тревожнымъ сномъ около получаса. Докторъ приписалъ явленіе призрака сильному душевному потрясенію, и увѣрялъ меня, что онъ болѣе не появится; но это потрясеніе такъ разстроило мои нервы, что послѣдствія заслуживаютъ подробнаго описанія.

« Въ четыре часа вечера, утреннее привидѣніе явилось снова. Я былъ одинъ въ комнатѣ, и какъ это стало мнѣ досажать, то я пошелъ къ женѣ; но привидѣніе слѣдовало за мною. Оно, то исчезало на одно мгновеніе, то снова появлялось, и всегда стоя. Къ шести часамъ показались многія привидѣнія; они расхаживали по комнатѣ, но не имѣли ни какого сношенія съ первымъ призракомъ. Въ слѣдующіе дни призракъ умершаго знакомца не показывался болѣе; но вмѣсто его появились многіе другіе: нѣкоторыя фигуры походили на знакомыхъ мнѣ людей, большая часть казались совершенно чуждыми. Между знакомыми я видѣлъ живыхъ и умершихъ, но этихъ было меньше. Я замѣтилъ,

что въ числѣ привидѣній не было ни одного похожаго на тѣхъ, съ которыми я постоянно жилъ и водился; все это были люди, жившіе въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моего дома.

«Привидѣнія показывались мнѣ явственно во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ, — наединѣ и въ обществѣ, днемъ и ночью, у себя дома и въ гостяхъ. Однако они были не такъ многочисленны, когда я былъ у кого-нибудь въ гостяхъ, и я рѣдко видалъ ихъ на улицѣ. Если я замуривалъ глаза, призраки обыкновенно исчезали, но иногда и тутъ я не переставалъ ихъ видѣть. Они чаще ходили, чѣмъ стояли; иногда они совсѣмъ меня покидали, но не надолго: они вскорѣ снова возвращались, то одни, то, какъ чаще бывало, толпою. Привидѣнія были мужскаго и женскаго пола; они приходили, уходили, не обращая ни малѣйшаго вниманія другъ на друга, какъ на гульбищѣ; однако порой они и останавливались, чтобы поговорить между собою. Часто мнѣ случалось видѣть людей верхомъ, даже собакъ и птицъ. Всѣ эти призраки были обыкновеннаго роста и какъ живые; отъѣмки обнаженныхъ частей тѣла, цвѣтъ и покрой платья, все было очень естественно, только цвѣтъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго. Между этими образами не было ни одного ужаснаго, страннаго или отвратительнаго; большая часть не представляла ничего особеннаго, видъ нѣкоторыхъ былъ даже довольно пріятенъ.»

«Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ посвященія моихъ духовъ дѣлались чаще и число ихъ возрастало. Черезъ четыре недѣли я началъ слышать ихъ разговоры; они иногда говорили и между собою, но предпочтительнѣе обращались ко мнѣ; ихъ бесѣда была отрывиста и не имѣла ничего непріятнаго: они старались утѣшать меня въ печали, которая не совсѣмъ еще миновала. Вообще они выбирали время говорить со мною, когда я бывалъ одинъ, но довольно часто они приступали ко мнѣ и въ обществѣ, даже въ такое время, когда я разговаривалъ съ действительными людьми.»

«Что касается до природнаго расположенія моего ума, то скажу, что мое воображеніе вообще одарено *чрезвычайною способностью живописать*. Напримѣръ, я начерталъ

въ головѣ множество плановъ для романовъ и комедій, хотя очень немногіе изложилъ на бумагѣ, потому что я болѣе ощущаю потребность изобрѣтать чѣмъ исполнять. Дѣйствующія лица задуманныхъ комедій и романовъ тотчасъ представляются мнѣ самымъ явственнымъ образомъ и въ своемъ характеристическомъ видѣ; ихъ черты, тѣлодвиженія, одежда, цвѣтъ лица, все много осѣзаетъ мое воображеніе. Пока я размышляю о начертанномъ планѣ, пока привожу его въ исполненіе, даже прерываю работу на известное время, всѣ дѣйствующія лица остаются въ моемъ воображеніи и сохраняютъ ту самую форму, въ какую они первоначально были облечены мною. Часто я чувствую себя въ такомъ состояніи, которое нельзя назвать ни сномъ, ни бдніемъ, и въ которомъ множество самыхъ странныхъ образовъ показываются, превращаются и исчезаютъ у меня передъ глазами. Въ 1778 я подвергся перемежающейся лихорадкѣ, и всегда чувствовалъ заранѣе наступленіе озноба: это узнавалъ я по появленію передъ глазами картинъ, представлявшихъ предметы, которыхъ величина была вполовину менѣе природной; онѣ всегда окружены были рамою, и заключали въ себѣ изображенія сельскихъ видовъ, деревьевъ, утесовъ, и прочая. Если я держалъ глаза зажмуренными, картины поминутно мѣнялись; одни предметы исчезали, на мѣстѣ ихъ становились другіе. Какъ скоро я открывалъ глаза, вся картина уничтожалась. Зажмуривъ опять, я видѣлъ новую картину. Въ продолженіе озноба я закрывалъ и открывалъ вѣки каждую секунду, для опыта, и всякой разъ являлась картина, наполненная разными предметами, по вовсе непохожая на предъидущую. Эта живопись становилась блѣднѣе, по мѣрѣ приближенія жаркаго припадка, и когда я былъ въ полномъ жару, виды совершенно исчезали до новаго возврата озноба.»

Этотъ примѣръ представляетъ человека, котораго умъ былъ направленъ къ философическимъ изысканіямъ, и который слѣдовательно могъ относить свои призрачныя иллюзіи къ ихъ настоящему источнику, не обманывая себя на счетъ ихъ дѣйствительности. Совсѣмъ иное происходило съ Джономъ Бьюмонтомъ, авторомъ сочиненія *Treatise on*

spirits and apparitions, «О духахъ и видѣніяхъ.» Бьюмонтъ былъ человекъ, расположенный къ ипохондріи. Когда эта болѣзнь его одолевала, ему казалось, что онъ окруженъ толпою мужчинъ и женщинъ, въ дѣйствительности которыхъ онъ наконецъ твердо увѣрился. Между призраками, посѣщавшими его, были два, которые сдѣлались его верными спутниками, и называли другъ друга по имени. Многіе призраки часто подходили къ его дверямъ и спрашивали находившихся въ комнатѣ, тутъ ли живетъ такой-то духъ, и имъ отвѣчали утвердительно. Былъ одинъ, который приходилъ нѣсколько вечеровъ сряду и звонилъ надъ ухомъ страдальца маленькимъ колокольчикомъ. Онъ называлъ себя Аріелемъ. Два призрака, сопровождавшіе Бьюмонта, были женщины, брюнетки, ростомъ въ аршинъ съ четвертью; онѣ были одѣты въ черное фидейное платье, съ черными полсами и съ блестящими золотистыми исподницами. «Эти женщины, говорятъ Бьюмонтъ, объявили мнѣ, что онѣ меня убьютъ, если я скажу кому-нибудь, что онѣ у меня въ комнатѣ. Это меня испугало. Въ теченіе четырехъ почей я приказалъ караулить себя слугъ, котораго сажалъ противъ большаго огня въ каминѣ: это было о святкахъ, и я не говорилъ никому ни слова о моихъ неразлучныхъ подругахъ. Одна изъ нихъ каждую ночь ложилась подлѣ меня и говорила, что духи умертвятъ меня, если я засну: это мѣшало мнѣ спать три ночи. Между тѣмъ, одинъ изъ моихъ ближайшихъ родственниковъ пошелъ, не сказавшись мнѣ, къ доктору и просилъ его прописать для меня успокоивающее лекарство, но я не хотѣлъ принимать его, потому что и безъ того меня сильно клонило ко сну. Въ четвертую ночь я чувствовалъ невозможность преодолеть сонъ; но духъ, лежавшій со мною, опять подтвердилъ мнѣ, что я буду умерщвленъ, если задремлю. Я всталъ, и присѣлъ къ огню; потомъ, немного спустя опять легъ: это дѣлалъ я три раза, и какъ мнѣ каждый разъ повторяли тѣ же угрозы, то я наконецъ вышелъ изъ терпѣнія и спросилъ духовъ, чего они хотятъ отъ меня; и имъ сказалъ, что я добрый христіанинъ, что смиряюсь передъ волей Божьей, и что ихъ не боюсь. Послѣ этой выходки, я взялъ трость и постучалъ ею въ

потолокъ комнаты. Мой родственникъ, который жилъ надо мною, тотчасъ сошелъ ко мнѣ; было около двухъ часовъ утра; я ему сказалъ: «Вы замѣтили, что уже четыре дня какъ я тревожусь и не сплю: причиною этому пять привидѣній, которыя теперь со мною здѣсь въ комнатѣ; они грозятъ меня умертвить, если я скажу кому-нибудь объ ихъ присутствіи, или если засну; но я не могу долге противиться дремотѣ, объявляю вамъ это, и теперь мнѣ нужды пѣть до нихъ гнѣва.» Сдѣлавши такое усиліе надъ самимъ собою, я бросился въ постель, и очень спокойно провелъ эту и слѣдующія ночи, хотя привидѣнія не покидали меня ни на минуту въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ.»

Изъ приведенныхъ фактовъ можно удостовѣриться, что нѣкоторые умы имѣютъ сильное естественное направленіе составлять себѣ образы всего того, что возбуждаетъ въ вниманіе и участіе, и что другіе имѣютъ направленіе представлять себѣ съ необыкновенною живостью минушія впечатлѣнія. «Я помню, говоритъ докторъ Ферриеръ, что, четырнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, всякой разъ, когда днемъ я глядѣлъ на какой-нибудь занимательный предметъ, романтическую развалину, красивый замокъ, военный парадъ, и потомъ входилъ вечеромъ въ темную комнату, вся видѣнная мною сцена представлялась мнѣ въ такомъ блескѣ какъ среди бѣлаго дня; и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ носилась передо мною. Я убѣжденъ, что печальные или страшные виды представлялись бы уму точно такимъ же образомъ послѣ домашнихъ непріятностей или общественныхъ ужасовъ.» Есть люди, которые совсѣмъ не помнятъ своего лица и не имѣютъ объ немъ понятія, и напротивъ того есть такіе, — примѣры этого нерѣдки, — что видятъ себя какъ въ зеркалѣ всякой разъ, когда вздумаютъ. Нѣкоторые живописцы въ состояніи написать свой портретъ на память, что безъ подобной способности было бы невозможнымъ. При известномъ разстройствѣ умственныхъ направленій, особенно большомъ и быстромъ приливѣ крови въ мозговые, кровные сосуды, способность эта пріобрѣтаетъ у нихъ новую силу, и они видятъ себя въ призракъ. Одинъ изъ адъютантовъ графа М***, посланъ былъ своимъ генера-

ломъ ночью, часу въ одиннадцатомъ, въ канцелярію за бумагами, и входя со свѣчею въ комнату, въ которой обыкновенно самъ занимался, увидѣлъ за своимъ столомъ себя самого, то есть, свой образъ, который писалъ на мѣстѣ его. Онъ нѣсколько разъ возвращался туда въ сопровожденіи другихъ, и видѣніе всякой разъ повторялось съ теми обстоятельствами. Феноменъ этотъ давно извѣстенъ простому народу, который во многихъ странахъ вѣритъ въ существованіе двойниковъ. Наконецъ можно еще привести весьма любопытный случай, который докторъ Гуфеландъ рассказываетъ въ своемъ журналѣ со всеми медицинскими подробностями. Одинъ изъ Берлинскихъ жителей былъ съ некотораго времени преслѣдуемъ видѣніями; сначала явились ему два призрака; потомъ число ихъ стало умножаться; и наконецъ дошло до того, что регулярно въ шесть часовъ вечера цѣлая толпа мнимыхъ гостей, мужчинъ и женщинъ приходила гулять кругомъ комнаты, и каждый изъ нихъ, проходя мимо страдальца, учтиво кланялся ему. После разныхъ опытовъ избавить его отъ этого мученія, вздумали пустить ему кровь во время самой прогулки духовъ: по мѣрѣ того, какъ кровь истекала, призраки блѣднѣли, рѣдѣли, разсѣвались и наконецъ всѣ исчезли. Это обстоятельство рѣшительно приводитъ насъ къ тому, что мы сказали въ началѣ статьи о дѣйствіи на мозгъ ускореннаго кровообращенія и преисполненія кровью его сосудовъ.

Нѣкоторыя состоянія тѣла и нѣкоторыя душевныя чувствованія сильно предрасполагаютъ къ возобновенію минувшихъ впечатлѣній, между тѣмъ какъ непосредственная причина этого возобновенія обыкновенно заключается въ какомъ-нибудь внѣшнемъ предметѣ, дѣйствующемъ на чувство или на воображеніе при обстоятельствахъ, благопріятныхъ иллюзіи. Это-то и производитъ привидѣнія: слѣдующее происшествіе послужитъ тому примѣромъ. Одинъ путешественникъ, взявшій въ глуши Шотландіи, застигнутъ былъ ночью порою, и искалъ гостепріимства въ уединенной хижинѣ. Хозяйка, вводя его въ комнату, назначенную для почлега, предупредила его съ таинственнымъ видомъ, что окно не плотно притеоряется. Онъ осмотрѣлъ его, и нашелъ, что стѣна была проломана для расширенія окна. На

вопросъ о причинѣ этого поврежденія, ему сказали, что разнощикъ, квартировавшій въ этой комнатѣ, за нѣсколько времени повѣсился здѣсь за дверь: по суевѣріямъ того края, нельзя было выносить тѣла самоубійцы въ дверь, а окно было слишкомъ тѣсно; такъ надобно было его расширить. Рассказывая про эти обстоятельства, ему намегнули околичностями, что тѣнь несчастнаго висьльника съ той поры является въ этой комнатѣ. Путешественникъ, разложивъ свое оружіе подлѣ себя и, приготовившись на всякой случай, легъ въ постель, но съ чувствомъ какого-то безпокойства. Только онъ заснулъ, пригрезилось ему во снѣ страшное видѣніе; онъ вскочилъ, и схватилъ пистолетъ. Окинувъ въ испугѣ глазами комнату, онъ увидѣлъ при свѣтѣ свѣтъ стоящій у окна трупъ, покрытый саваномъ. Съ великимъ трудомъ собралъ онъ въ себѣ всю свою бодрость, чтобы подойти къ гробовому бродягѣ, котораго онъ ясно видѣлъ всѣ черты до малѣйшихъ подробностей погребальнаго облаченія. Онъ провелъ по немъ рукой: ничего не было; онъ воротился зыбкими шагами къ кровати. Спустя нѣсколько времени, въ которое онъ старался укрѣпить свои умственныя силы, онъ повторилъ разысканія, и наконецъ нашель, что страхъ его происходилъ отъ оптического обмана. Лунные лучи, проходя черезъ выломанное окно, образовали длинную струю свѣта, а воображеніе, разгоряченное вечернимъ разговоромъ и ночнымъ сновидѣніемъ, съ жестокою вѣрностью придамо этой струѣ всѣ подобія мертвого тѣла, приготовленнаго къ погребенію.

Особенное состояніе тѣлосложенія, извѣстное подъ именемъ «предрасположенія», физическаго или нравственнаго, способствуетъ не только къ общему направленію умственныхъ способностей на составленіе этихъ призраковъ, но часто опредѣляетъ даже особенныя свойства, съ которыми они появляются. Это предрасположеніе различно, смотря по челоуѣку; и одна и та же безвѣтная причина можетъ вызвать самыя различныя образы. Вдыханіе азотистой окиси, какъ мы уже видѣли, возбуждаетъ въ наибольшей частіи случаевъ представленія пріятнаго свойства и производитъ соответственныя ощущенія; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно напротивъ представляетъ воображенію страшныя

предметы и производить на человеческую систему тягостныя дѣйствія; то же самое можно сказать о всякой болѣзнетворной причинѣ. Дочери Карла Ли явилось, около двухъ часовъ утра, между занавѣсомъ ея кровати и изголовьемъ, видѣніе въ образъ маленькой женщины, которая, назвавъ себя ея матерью, сказала ей, что она счастлива въ раю, и что въ полдень того же дня дочь соединится тамъ съ нею. Дѣвица тотчасъ послѣ этого разбудила свою горничную, велѣла подать себѣ одѣться и пошла въ свой кабинетъ, откуда вышла не ранѣе девяти часовъ, вынося запечатанное письмо къ своему отцу. Она вручила письмо своей теткѣ, леди Эверардъ, уведомила ее о приключеніи съ собою, и просила передать письмо отцу тотчасъ по ея смерти. Потомъ она призвала своего духовника, чтобы онъ прочиталъ надъ нею молитвы, и когда онъ кончилъ, она взяла гитару и псалтырь, и сѣвши на стулъ, пропѣла нѣсколько псалмовъ такъ мило и такимъ превосходнымъ образомъ, что ея музыкальный учитель, тутъ же бывшій, остался въ восхищеніи. Въ самый полдень она сѣла въ широкія кресла и, вздохнувши раза два, скончалась. Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ, что мечта произвела на нѣжное и воспріимчивое воображеніе столь сильное впечатлѣніе, что оно пресѣкло самую жизнь. Турецкая исторія заключаетъ въ себѣ два подобныя примѣра дѣйствія пораженнаго воображенія надъ жизнію слабыхъ умомъ и изнѣженныхъ султановъ. Представимъ теперь случай, совершенно противоположный, съ неустрашимымъ ассессоромъ Вестминстерскаго собранія, который, при появленіи злаго духа, отдѣлалъ его съ надменнымъ презрѣніемъ, очень удивившимъ сатанинское могущество. Въ одну лунную ночь, діаволь подошелъ къ его изголовью. Ассессоръ ждалъ нѣсколько минутъ, не вздумаетъ ли чортъ чего-нибудь ему сказать или сдѣлать; но видя его неподвижнымъ, онъ самъ началъ съ нимъ бесѣду, и сказалъ: «Если тебѣ нечего здѣсь дѣлать, такъ убирайся, мнѣ недосугъ.» И онъ повернулся на другой бокъ. Есть много примѣровъ которые доказываютъ, что образъ, принимаемый привраками имѣеть чаще всего близкое отношеніе къ предметамъ, занимавшимъ умъ немного прежде ихъ появленія.

Одинъ писатель говоритъ, въ «Никольсоновомъ Philosophi-

cal Journal», что онъ былъ преслѣдованъ страшными видѣніями, и что наконецъ сталъ примѣчать нѣкоторую связь между этими явленіями и предшествовавшими мыслями. Основываясь на этомъ замѣчаніи, онъ началъ серьезно заниматься другими предметами, чтобы удостовѣриться, не замѣнить ли ими призраковъ, которые его тревожили. Въ ту самую минуту, когда эти страшныя фигуры представлялись ему во всей отвратительности, онъ сталъ воображать зеленѣющіе ландшафты и великолѣпные дворцы; онъ продолжалъ свои усилія, и старался доставить воображаемымъ картинамъ наиболѣе сходства оди́нмъ съ другими. Наконецъ въ самомъ дѣлѣ, хотя по истеченіи довольно значительнаго времени, появилось предъ нимъ живописное мѣстоположеніе, съ холмами, долинами и полями; эта декорация была смѣнена другою, потомъ еще новою, и такъ далѣе, до безконечности. Картины являлись совершенно въ то же время, когда бы слѣдовало являться привидѣніямъ и точно такимъ же образомъ. Вскорѣ сельскія картины были смѣнены явленіями книгъ, пергаменовъ и печатныхъ листовъ. Писатель прибавляетъ, что онъ послѣ этого былъ такъ убежденъ въ связи своихъ мыслей съ этими иллюзіями, что наконецъ могъ видѣть въ воображеніи все, что ему было угодно. Нѣтъ ничего справедливѣе, что видѣнія этого рода воспринимаютъ отбѣнокъ того ума, которому они представляются: мы видѣли Николая, умнаго человѣка и философа, которому являлись только мужчины, женщины и животныя ихъ естественныхъ образахъ, между тѣмъ какъ суевѣрные люди видятъ чудовищъ и чертей въ самыхъ фантастическихъ формахъ. Николай Реми, советникъ Генриха II, герцога Лотарингскаго, въ своемъ странномъ сочиненіи, подъ названіемъ «Демоналогія», въ которомъ приведены около девяти сотъ судебныхъ изслѣдованій о чародѣйствѣ, описываетъ съ величайшими подробностями образъ, осанку и одежду чертей; но какъ эти описанія представляютъ поразительное сходство съ грубыми изваяніями и живописными картинами среднихъ вѣковъ, то очевидно, что ихъ фигуры непрерывно носились въ умѣ несчастныхъ, осужденныхъ за колдовство. Тамъ сказано, что у чертей лице черное, глаза впалые и сверкающіе, длинный ротъ, дыланіе папи-

танное сѣрою, руки косматыя и когтистыя, ноги копытчатыя и раздвоенныя. Иногда они принимали на себя видъ духовъ, сидящихъ на огненной колесницѣ, или показывались верхомъ на адскомъ драконѣ, держа въ правой рукѣ ехидну; иногда появлялись съ львиною головою, гусиными лапами и конскимъ хвостомъ; иногда съ вороньею головою, верхомъ на росломъ волкѣ. Но нѣтъ возможности исчислить всѣ страшныя виды, въ которыхъ черти представлялись не только воображенію народа, но и его чувствамъ. Люди видѣли ихъ вездѣ, на церковныхъ стѣнахъ, на панеляхъ частныхъ домовъ, на общественныхъ зданіяхъ всякаго рода. «Служанки нашихъ матерей, говоритъ Регинальдъ Скотъ, такъ настрашали насъ ужасными рассказами о чортѣ съ рогами на головѣ, съ пламенемъ во рту, съ хвостомъ у оконечности спины, съ глазами какъ маяки, съ собачьими зубами, съ медвѣжьими лапами, съ тѣломъ какъ у Арапа и съ рыкомъ, подобнымъ львиному, что мы вздрагиваемъ всякій разъ, когда слышимъ какой-нибудь необычайный стукъ или шумъ».

Должно ли удивляться, что эти отвратительныя привидѣнія производили неизгладимое впечатлѣніе на души слабыя и невѣжественныя, и что даже на умы сильныя и просвѣщенные имѣли они такое вліяніе, которое не всегда можно было одолѣть? Должно ли удивляться, что при дѣйствіи физическихъ болѣзней, ощущенія и идеи пріобрѣтали столь сильное напряженіе, что превозмогали дѣйствительныя впечатлѣнія, и что тогда призраки являлись въ уединеніи, были слышны въ буряхъ, принимали грозный видъ въ грозахъ преступника и радовали ангельскою улыбкою въ сновидѣніяхъ невиннаго?

Извѣстно, что души являются обыкновенно въ тѣхъ самыхъ платьяхъ, которыя они носили при жизни; правда, что иногда они одѣты въ бѣломъ; но это кладбищныя мертвецы, которымъ не предстоитъ устроить на землѣ ни чего важнаго, и которые появляются или для забавы публики, или, чтобы помѣшать какому-нибудь пьяному мужику паткнуться на ихъ могилы.

Penny Cyclopaedia.

СПОСОБНОСТИ И МНѢНІЯ

НОВѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ ПО ВОСТОКУ.

=

Если XIX вѣкъ намѣренъ когда-либо предстать передъ судомъ потомства съ притязаніемъ на свою проникательность, то друзья его должны бы присоветовать ему, чтобы онъ напередъ спряталъ свои путешествія по Турціи и не представлялъ ихъ въ числѣ документовъ. Вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ, со времени всеобщаго мира, путешественники всѣхъ Европейскихъ странъ, всѣхъ званій и всѣхъ возрастовъ посѣщаютъ Востокъ, со скуки, изъ любопытства; чтобы разсвѣяться между бородачей и верблюдовъ, чтобы, обанкрутившись въ христіанскомъ краѣ попытать счастья въ старой землѣ солнца и еще разъ обанкрутиться на счетъ невѣрныхъ; чтобы, вступивъ въ службу, нахватать жалованныхъ халатовъ и шапелъ и воротиться въ Европу съ фантастическимъ титуломъ Египетскаго или Турецкаго генерала; очень рѣдко для того, чтобы извѣдать непосѣщенные земли и принести пользу наукъ, а большею частью, чтобы ничего не видѣть и написать о томъ книгу. Тогда какъ Гёте, патриархъ Нѣмецкой словесности, часто сожалѣлъ о томъ, что не совершилъ этого поэтическаго странствованія, три поэта въ стихахъ и прозѣ, Байронъ, Шатобрианъ и Ламартинъ, не выдержали и, каждый въ свою очередь, посѣтили разные мѣста Востока. Протестантскій епископъ Геберъ, католическій аббатъ Дюбоа и Французскій натуралистъ Жакмонъ говорили объ Индіи. Французская экспедиція въ Морею описывала Грецію. Зеценъ, Буркгардтъ, Делабордъ и Линанъ обозрѣвали Аравійскія пустыни. Моріеръ, Фрезеръ, Малькольмъ, Уэли, Конолли, Бернсъ, наблюдали народы западной плоской возвышенности Азійскаго материка. Шульцъ, Монтитъ, Тессіе отыскивали остатки древности въ Анатолиіи и Арменіи. Гг. Мишо и Пужула объездили Левантскія пристани. Англійскіе туристы безпрестанно издають книги и книженки о Турціи. Сѣнсимонисты, изгнанные изъ Европей-

скаго общества, пошли въ инженеры къ Египетскому па-
шѣ и также пишутъ о Востокѣ. Наконецъ учрежденіе па-
роходовъ на Дунавъ грозитъ открытіемъ еще новаго устья,
черезъ которое поѣздки въ Турцію будутъ наводнять по-
литическую и географическую литературу. Нельзя не пи-
тать уваженія къ путешественникамъ, которые, избравъ
себѣ опредѣленную цѣль, съ любовію занимаясь своей
частью и одушевленные благороднымъ желаніемъ распро-
странить предѣлы науки, пускаются въ трудныя и опас-
ныя путешествія, чтобъ обозрѣть неизвѣстныя части Во-
стока въ отношеніи къ Географіи, Этнографіи, Естествен-
ной Исторіи, древностямъ или Геологіи: такихъ людей
мы съ почтеніемъ исключаемъ изъ круга нашего разсу-
жденія. Но чего хотятъ, зачѣмъ вздять, и особенно по
какому праву морочать публику своей неспособностью ни
къ какому полезному наблюденію, наводятъ на него скуку
повтореніемъ давно извѣстнаго и досаждаютъ ей своимъ
невѣжествомъ эти господа, которые бродятъ по Оттоман-
ской имперіи безъ цѣли, безъ всякаго приготовленія, съ
единственнымъ намѣреніемъ прогуляться по Азіи, чтобы
издать пошлую книгу, чтобы развозить по Турціи свои
предразсудки и политическія теоріи и приносить съ со-
бою въ Европу ложныя извѣстія, смѣшныя заключенія
о вещахъ, имъ вовсе непонятныхъ, или элегіи на погибелъ
чадъ и янычарей? Не бесполезно сравнить умъ и духъ
этихъ путешественниковъ; рассмотреть, на какихъ особен-
ностяхъ Востока останавливается ихъ вниманіе, какъ онъ
имъ представляется, чего они боятся или ожидаютъ и
какъ сравниваютъ его съ Западомъ.

Русскій читатель, знающій духъ и политику своего пра-
вительства, не можетъ не улыбнуться комической важ-
ности, съ какою всѣ эти путешествія приписываютъ Рос-
сіи пламенное и постоянное желаніе завоевать Турцію, и
о томъ жарѣ, съ которымъ они защищаютъ противъ нея
имперію Махмуда, ломая подобно донъ Кихоту, свои шпа-
ги на ветряныхъ мельницахъ. Всѣ они знаютъ какъ
нельзя лучше сокровѣннѣйшія намѣренія и тайны Петер-
бургскаго кабинета; нѣкоторые даже увѣряютъ, что Рус-
скіе тайно передѣлываютъ въ рукописи Французскія и

Англійскія путешествія, чтобы представлять Европу Турцію сообразно съ своими видами. Эта общая ихъ нелѣпость достойна болѣе смѣха чѣмъ опроверженія. Подлѣ нея замѣчательнъ отпечатокъ національнаго направленія ума самихъ путешественниковъ: все, что только есть пошлаго и безтолковаго въ модныхъ идеяхъ современной Франціи, Англіи и Германіи, отражается здѣсь съ полною силою для пользы и назиданія читателя. Французъ, разумвется, ищетъ на Востоку «средствъ къ возрожденію рода человѣческаго» или къ улучшенію судьбы женщины. Англичанина встрѣчаете вы вездѣ занятого болѣе враждами своего отечества, торговою жадностью и развалинами древности, нежели восточнымъ человѣкомъ. Но во всѣхъ этихъ безчисленныхъ томахъ, нѣтъ ни одного наблюденія, которое бы показывало, что умъ сочинителя былъ въ состояніи чувствовать важность современныхъ фактовъ Востока и необходимость найти для нихъ настоящее объясненіе. Путешественники говорятъ только о томъ, чего, не замурявъ глазъ, нельзя было бы не видѣть; повторяютъ обветшалыя сказки о восточномъ обществѣ; принимаютъ всегда исключеніе за правило, и правило за исключеніе, такъ, что часто ложное мнѣніе основано у нихъ на подлинномъ слухѣ и обманываетъ всѣхъ своимъ правдоподобіемъ. Окончивъ путешествіе на скорую руку, поверхностно взглянувъ на страну и ея обитателей, собравъ скудный запасъ свѣдѣній, они тотчасъ произносятъ рѣшительный приговоръ обо всѣхъ частяхъ предмета, столь важнаго, столь обширнаго, столь разнообразнаго, что для изъясненія объ немъ простаго мнѣнія, надобно было бы знать въ совершенствѣ и военное искусство, и политику всей Европы, и науку администраціи, и финансовое производство, и малѣйшія подробности торговли, и всѣ мелочи мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и образа мыслей различныхъ поколѣній, населяющихъ эту огромную имперію, и наконецъ самыя чувства и побужденія лицъ, дѣйствующихъ въ современной Турецкой драмѣ,—когда между-тѣмъ не было эпохи болѣе сложной, болѣе заслуживающей быть разсматриваемою тщательно, искусно и философически, какъ настоящая эпоха великихъ перемѣнъ и преобразованій на Востоку. Бѣгло опи-

сыбая и тотчасъ же предавъ общему негодованію частныя безпорядки и злоупотребленія, они черезъ нѣсколько страницъ выдаютъ тѣ же самыя безпорядки и злоупотребленія за спасительныя начала, которымъ Турецкая имперія обязана своимъ сохраненіемъ, и безъ которыхъ она должна погибнуть или сдѣлаться Русскою провинціею. Но если бы они вѣдали на себя трудъ проникнуть до источниковъ злоупотребленій, тогда съ одной стороны, они бъ имѣли болѣе уваженія къ нынѣшнимъ переменамъ въ Турціи, которыя не могли бъ быть выполнены, если бы она не опиралась на великодушную помощь Сѣвера; съ другой, духъ изысканій вѣроятно увлекъ бы ихъ далѣе, они нашли бы истинную причину сохраненія и поставили бъ себя въ возможность отдѣлать въ учрежденіяхъ этого государства хорошее отъ дурнаго. Нынче изъ ихъ сочиненій нельзя вывести другаго заключенія, кромѣ того, что честность, праводушіе и уваженіе къ истинѣ могутъ быть прекрасными добродѣтелями въ другой странѣ свѣта, но что ихъ должно считать политическими недостатками въ Туркахъ; что учрежденія, которыя способствовали къ ихъ развитію, совершенно и неизяснимо дурны; что гостепріимство и вѣжливость безъ нѣкоторыхъ условныхъ обрядовъ суть признаки закоренелаго варварства; что простота и кротость нрава препятствуютъ всякимъ полезнымъ улучшеніямъ, и что высочайшая степень образованности и утонченности заключается въ обманахъ, въ политическихъ смятеніяхъ, въ преступленіяхъ, и тысячахъ подобныхъ нечестностей.

Чтобы понять Турцію, надобно сперва освободиться отъ огромной тяжести своихъ предразсудковъ. Когда изыскатель свергаетъ съ себя дряхлую оболочку Европейскаго человѣка, онъ долженъ еще преодолѣть безчисленныя препятствія, произтекающія отъ различія нравовъ, понятій и языка. Выраженія, которыя онъ употребляетъ въ Европѣ и которыя отвѣчаютъ у насъ за вещи, очень неутрно изображаютъ различныя части общественнаго порядка на Востокъ, такъ, что нашими словами многого нельзя объяснить: онъ долженъ выучиться мыслить на чуждомъ ему языкѣ, а для этого надобно сперва узнать его. Далѣе,

какое тамъ отсутствіе всѣхъ тѣхъ пособій, которыя гласность фактовъ и статистика доставляетъ намъ на Западъ! Духъ анализа не извѣстенъ восточнымъ. Турція, для Европейца, есть политическое изытіе изъ правила, сборникъ фактовъ, совершенно отличныхъ отъ фактовъ Европы; и ни одинъ изъ нихъ не былъ обработанъ и отнесенъ къ своему разряду Политическою Экономіей. Оцѣпывая восточное общество, вы должны разыскать и опредѣлить ихъ, создать новую науку и привыкнуть разсуждать по другимъ началамъ и другой логикѣ. Это требуетъ большихъ усилій, и еще не все тутъ. Надобно сродниться съ народными привычками и обычаями; надобно проникнуть въ общество, которое описывали вамъ люди, никогда его не видавшие, изучать его исторію, приобрести знаніе нѣсколькихъ языковъ, на которыхъ онъ написанъ. Чтобы понять Турцію въ цѣломъ ея составѣ, надобно помнитъ, что система ея правительства не вездѣ одинакова, какъ въ сосредоточенныхъ правленіяхъ Европы, но разнообразна и приспособлена къ мѣстнымъ потребностямъ областей и округовъ. Въ ней множество вѣронсповѣданій, множество поколѣній, множество странъ, и обзоръ цѣлаго можетъ быть сдѣланъ только послѣ совершеннаго знанія всѣхъ частей. Изученіе каждой изъ нихъ требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ прилежныхъ трудовъ и изслѣдованій; но прежде нежели вы приступите къ изслѣдованіямъ, ключъ къ нимъ долженъ быть найденъ, а онъ не что иное, какъ правильное понятіе объ основныхъ началахъ экономіи, администраціи и правительства Востока.

Какія же качества даровали повѣйшимъ путешественникамъ по Оттоманскому Востоку способность справедливо оцѣнить что-нибудь? Которыя изъ этихъ условій выполнены ими? Какія свѣдѣнія доставили имъ возможность дѣлать свои заключенія общими? Кто изъ нихъ,—исключая Буркгарата и полковника Лика,—удовлетворительно разсмотрѣлъ что-нибудь изъ подробностей? Даже Ликъ и Буркгаратъ описывали только наружность; ни одинъ изъ нихъ не коснулся до силъ, соединяющихъ восточное общество; они не разсуждали ни о дѣйствиіи правительства на различныя части имперіи, ни о томъ, что связываетъ эти части съ

правительствомъ; они не имѣли случая быть свидѣтелями послѣднихъ происшествій, которыя сдѣлали разсмотрѣніе Турціи и открытіе главной силы ея жизненности не столь труднымъ какъ прежде.

Мы знаемъ, что значить путешествовать по Востоку. Мы должны были бороться со всеми препятствіями, затрудняющими путь изыскателя, и нашли, что только постоянное сообщеніе съ туземцами и знаніе языковъ, лѣтописей, литературы, мнѣній и догматовъ Востока могутъ предохранить путешественника отъ опасности обмануться на каждомъ шагу въ Турецкой имперіи. Мы сами имѣли случай не одинъ разъ наблюдать, какъ многіе изъ путешественниковъ, которые впоследствии напечатали плоды своихъ изысканій, собирали такъ называемыя ими свѣдѣнія, и можемъ указать на источники, откуда взяты эти свѣдѣнія, можемъ сказать причину разительнаго семейнаго сходства ихъ сочиненій. Путешественникъ, выходя на берегъ въ какомъ-нибудь портѣ Востока, бываетъ тотчасъ пораженъ множествомъ нравственныхъ чудесъ, противорѣчащихъ всемъ его ожиданіямъ и привычкамъ. Онъ вступаетъ въ новый міръ, гдѣ каждая вещь удивляетъ и смущаетъ его. Онъ смотритъ на предметы, какъ слѣпецъ, которому внезапно возвратили зрѣніе. Все видѣнное имъ кажется ему какимъ-то хаосомъ. Учрежденія, нравы, привычки, обычаи, образъ мыслей, словомъ все, отъ самыхъ пустыхъ условныхъ обыкновеній, до основаній, на которыхъ покоится общество, представляется ему безпрерывнымъ антитезисомъ того, что онъ видѣлъ въ Европѣ. Онъ хочетъ войти въ сношеніе съ жителями, но не знаетъ ни одного изъ языковъ, которыми они говорятъ; хочетъ приняться за ихъ изученіе, но усердіе его охлаждается отъ невѣжественныхъ удостовѣреній Турецкихъ Европейцевъ, будто каждый изъ двухъ языковъ, самыхъ употребительныхъ въ этой части Азіи, требуетъ по-крайней-мѣрѣ десяти лѣтъ неутомимаго ученія, — а это еще только два изъ полудюжины! Потерявъ всякую надежду получить свѣдѣнія отъ природныхъ жителей, онъ обращается къ Европейскимъ поселенцамъ, и воображаетъ, что они по-крайней-мѣрѣ удовлетворятъ его любопытство. Путешественники уже описали вамъ вдоль и поперекъ характеръ Фран-

ковъ, живущихъ въ торговыхъ городахъ Турціи: они испи-
сали объ нихъ столько бумаги, что повидному большую
часть времени посвящаютъ они изученію этого общества,
а не того, которое составляетъ главную цѣль ихъ путеше-
ствія. Каррикатурность разлита по всемъ ихъ картинамъ.
Они представляютъ въ самомъ смѣшномъ видѣ невѣжество,
надменность и безнравственность этихъ бѣдныхъ Франковъ,
не воображая, что тѣмъ самымъ подкапываютъ зданіе соб-
ственной своей славы: что вы ихъ порочите, когда все ваши
свѣдѣнія о Турціи отъ нихъ-то и происходятъ? Если они
ослы и плуты, такъ ваши свѣдѣнія ни къ чему негодны.
Но и то и другое не противно истинѣ. Какъ ни обидны
ихъ картины этого общества, какъ ни достойно порицанія
это жестокое легкомысліе, способное оскорблять частныхъ
лица и нарушать святость гостепріимства, радушно пред-
ложеннаго и съ жадностью принятаго, мы почитаемъ ихъ
описанія по большей части правильными; и это очень
естественно: Европейецъ можетъ лучше судить о Европей-
скомъ вежеліи объ Азіатскомъ обществѣ, особенно если онъ
видѣлъ одно и не видѣлъ другаго.

Франки въ Константинополь и Смирнѣ,—а эти два го-
рода даютъ направленіе мнѣніямъ Франковъ всего Востока,
—не имѣютъ ни какого понятія о началахъ Турецкаго об-
щества. Они не входятъ ни въ какія близкія сношенія съ ту-
земцами; они даже удаляются отъ нихъ. Турки нѣсколько разъ
пытались завести дружескія связи съ Франками, но старанія
ихъ всегда были отвергаемы. Купецъ однако жъ принужденъ
вести дѣла съ туземцами. Турецкій попушникъ и Европейскій
продавецъ, раздѣленные чувствами и обычаями, не знали
ни какого общаго языка: отсюда произошелъ новый классъ
людей,—маклера, которые улаживаютъ все дѣла между ними
и для собственной пользы постарались сдѣлать невозможнымъ
всякое прямое сообщеніе. Какой Франкскій купецъ въ со-
стояніи освободиться отъ этого посредничества, вести торгъ
свой прямо, если даже и знаетъ языкъ? Намъ извѣстно,
что это покушеніе было дѣлано въ Смирнѣ, и не имѣло
успѣха. Такимъ образомъ, естественно возникло предубѣ-
жденіе между обѣими сторонами, и привело ихъ къ недо-
брожелательству, противорѣчію, взаимнымъ оскорбленіямъ.

Еще недавно, Франкскіе купцы, хотя и предубѣжденные противъ туземцевъ, слѣпо привержены были къ Оттоманскому правленію. Они были совершенными и совершенно смѣшными Турецкими патриотами. Последнія происшествія измѣнили ихъ образъ мыслей. Франкъ теперь уже не членъ привилегированнаго сословія; онъ долженъ вступить въ соперничество съ дѣятельностью туземнаго торговца. Чувствуя, что съ каждымъ днемъ положеніе его дѣлается невыгоднѣе, Сарыши бѣднѣе, онъ восклицаетъ; «Торговля упадетъ правительство мерзко!» На это «Оттоманскій Мониторъ» отвѣчалъ весьма основательно: «Нѣтъ сомнѣнія, что торговля въ Турціи уменьшилась для каждаго дома въ частности, но она значительно увеличилась въ отношеніи къ массѣ. Доказательствомъ служитъ то, что во всѣхъ портахъ имперіи число торговыхъ заведеній въ двадцать разъ теперь болѣе чѣмъ было прежде, когда одни Европейцы считались негоціантами; и всѣ эти заведенія наслаждаются изобиліемъ и даже роскошью. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Французы были въ рукахъ всю монополію Турецкой торговли. Сравните вывозъ и привозъ того времени съ нынѣшними, и вы увидите, что торговля увеличилась вдесятеро. Но говорятъ, что количество произведеній въ Турціи уменьшилось: въ такомъ случаѣ, чѣмъ же платитъ она за огромные привозы товаровъ изъ Англій, Америки и Франціи,—привозы, которыхъ прежде не было? Известно, что она не можетъ платить другимъ образомъ. Здѣсь никогда не было известно ученое безуміе торговаго баланса, торговля всегда была свободна, и потому каждая часть государства снабжается всѣмъ нужнымъ сообразно съ ея потребностями и по умѣренной цѣнѣ. Количество внутреннихъ произведеній, которое составляетъ плату за привозимые товары, увеличилось вмѣстѣ съ увеличеніемъ потребления,—что достаточно доказывается возрастающими требованіями богатыхъ грузовъ изъ Англій и Америки.»

Эта выписка достаточно объясняетъ причину нынѣшней вражды Франкскихъ купцовъ противъ правительства Порты. Кромѣ того, атмосфера Перы и Смирны всегда напитана попятіями благопріятными для политики которой-нибудь изъ первенствующихъ державъ; каждый Франкскій купецъ—или

усердный ревнитель или заклятый противник господствующей на то время системы, и описываетъ вамъ Турцію согласно съ своими личными видами. Какихъ же вѣрныхъ свидѣній станете вы ожидать отъ такого знанія предмета и такого расположенія умовъ?

Скажутъ: все это такъ,—но драгоманъ? Вотъ здѣсь-то и открывается намъ начало неизгладимой черты разграниченія между обществомъ Франковъ и туземцевъ. Употребленіе драгомановъ почиталось сначала временною мѣрою. Никогда не думали, чтобы какое-нибудь дружеское сношеніе могло существовать между двумя народами, при помощи людей, которые получаютъ свое пропитаніе отъ недоразумѣнія и наживаются отъ несогласія двухъ сторонъ. Они выслуживаются той державѣ, которая хорошо платитъ, и составляютъ дворянство Перы. Они даютъ направленіе мнѣнію публики, и всегда даютъ ложное. Но если бы драгоманъ и захотѣли понять Турковъ, гдѣ будутъ они имѣть къ тому случай? Они Франки, члены того общества, которое, по добродѣтелямъ и уму своему, не принадлежитъ ни къ восточному ни къ западному, а по предрасудкамъ, порокамъ и невѣжеству принадлежитъ къ обоимъ. Какъ можетъ Турокъ открыть свои мысли тому, на кого онъ такъ мало можетъ полагаться? Ктому жъ это небольшое, отчужденное общество, соединено между собою безконечною цѣпью родства и дружбы. Нерѣдко случается, что первые драгоманъ двухъ соперничающихъ державъ бывають родные братья. Отсюда происходитъ, что драгоманъ не только внушаютъ путешественникамъ ошибочныя мнѣнія, неумышленно и нарочно, но сверхъ-того обманываютъ и тѣ государства, и тѣхъ посланниковъ, которымъ служатъ.

Вотъ два источника, гдѣ почерпаются свидѣнія путешественниковъ. Разсмотримъ третій. Въ Турціи есть Греки, знающіе Европейскіе языки, и порой путешествовавшіе по Европѣ. Они поражены были наружнымъ блескомъ Европейскаго общества, который скрывалъ отъ ихъ глазъ все его недостатки. Видя, что мы въ Европѣ свободны отъ тѣхъ злоупотребленій, какія они испытываютъ въ своемъ отечествѣ, и не думая ни о какихъ неудобствахъ просвѣщеннаго быта, они воображали, что Европейская система должна быть

совершенно и следовательно Турецкое правление премерзко. Съ любовію обращали они взоры на новое Греческое королевство, и его возвышеніе недавно было первымъ желаніемъ ихъ сердца. Многіе изъ нихъ побѣжали въ Грецію, восхищаясь мыслию о правленіи, устроенномъ по образцу Европейскому. Съ какииъ удивленіемъ увидѣли они тамъ, что система идетъ не такъ какъ они предполагали и что поселяне цѣлыми общинами выходятъ въ Турцію! Если бы путешественники, основавшіе свои мнѣнія на сужденіяхъ этихъ Грековъ, нынче посѣтили Турцію, они увидѣли бы, что въ чувствахъ людей, которые снабжали ихъ свѣдѣніями, произошла важная перемѣна.

Вотъ еще одинъ источникъ свидѣтельствъ, по которымъ пишутся путешествія. Европейецъ, во время своихъ странствованій по столицъ, при церемоніальныхъ посвященіяхъ чиновниковъ Порты и въ поѣздкахъ во внутренность имперіи, всегда имѣетъ при себѣ толмача, и по необходимости смотритъ на все глазами своего вѣрнаго Ахата. Занятія и доходы толмача почти прекратились бы, если бы тотъ, кто его понимаетъ, разорвалъ разставляемыя вокругъ себя сѣти и достигъ до возможности хоть нѣсколько понимать природныхъ жителей. Собственная выгода заставляетъ толмачей обманывать путешественника. Но эти люди обманываютъ его еще разъ уже безъ намѣренія. Ихъ положеніе, невѣжество и чувства дѣлаютъ ихъ вовсе неспособными доставлять ему какія-нибудь полезныя свѣдѣнія. Это обыкновенно люди изгнанные за пороки изъ своего отечества и имѣющіе только слабое понятіе о языкѣ, который берутся переводить: заслуживъ презрѣніе туземцевъ, они взаимно ихъ ненавидятъ, но при всемъ томъ пользуются правомъ Франковъ—оуждать то, чего не понимаютъ, и называть людей, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ нежели они во всѣхъ отношеніяхъ, варварами и скотами. Путешественникъ, пораженный какимъ-нибудь случаемъ, восклицаетъ про-себя: «Вотъ странная земля!»—Товарищъ его возражаетъ: *Questo è Turchia, signore!*—«Кто этотъ человекъ съ такимъ важнымъ видомъ?»—*Val è Turco.*—«Да этотъ купецъ бездѣльникъ!»—*Che volete, signore? E Turco.* И тутъ

онъ вамъ расскажетъ какую-нибудь стереотипную нелѣпость, въ оправданіе своего приговора. Мы слышали отъ такихъ расквациковъ цѣлыя исторіи, въ послѣдствіи выданныя путешественниками за факты: чистота источника была, конечно, искусно скрыта метафорами и антитезисами.

Если бѣ пришлось примѣнять все эти замѣчанія въ особенностяхъ къ каждому изъ многочисленныхъ путешествій, вышедшихъ въ послѣднее двадцатилѣтіе, мы впали бы въ безконечныя повторенія, и скука читателя была бы неизбежнымъ результатомъ бесплоднаго труда критика. Девять десятыхъ этихъ путешествій такъ ничтожны, что не стоятъ даже упоминанія, а остальная одна-десятая замѣчательна только по громкости именъ авторовъ и внутренней пустотѣ ихъ твореній. Одну эту часть мы и подвергнемъ обзорѣ.

Виконтъ Шатобрианъ является здѣсь однимъ изъ первыхъ. Воспоминанія Гомера, Библии и Евангелія, составили въ умъ его родъ смѣшанной вѣры, по которой онъ чувствуетъ и судитъ, странствуя изъ Парижа къ Иордану. Преувеличеніе формъ и красокъ такъ сильно въ *Itinéraire de Paris à Jérusalem*, что трудно составить себѣ какое-нибудь понятіе о мѣстахъ, видѣнныхъ авторомъ и постигнуть его картины. Г. Шатобрианъ старался только живописать, но эта театральная живопись, которая нашла себѣ несчастныхъ подражателей, не допускаетъ ни оттъюковъ, ни естественности, ни простоты: даже не знаешь, подлинно ли путешественникъ тронуть,—столько принужденія въ его порывахъ, надутости въ выраженіяхъ, напряженія въ наборѣ красокъ. По его разсказу нельзя судить ни о нравахъ, ни о средствахъ жителей: что касается до учреждений, то онъ, съ своими теоріями, не былъ даже въ состояніи понять ихъ; иногда только можно раздѣлить съ нимъ восторгъ, выраженный блестящими словами, и подвергнуться ложному очарованію. Г. Шатобрианъ, великій риторъ и всегда несчастный политикъ, искалъ, кажется, въ этомъ путешествіи не Востока, но текстовъ для рѣчей и эффекта для своей особы въ Парижскомъ обществѣ.

Мысль лорда Байрона, болѣе сильная и менѣе преклонная на громкія слова безъ значенія, наиболѣе поражена

противоположностью между щедрою природою и дикимъ обществомъ. Онъ поступалъ по примѣру Михаила Караваджіо, который всегда располагаетъ въ своихъ фигурахъ сильную тѣнь подлѣ яркаго свѣта. Онъ не описывалъ своего путешествія, но выдергивалъ изъ Востока картины и искалъ вездѣ красокъ. Однако жъ Восточныя подробности, такъ ослѣпительно блестящія у Байрона, отличаются точностью кисти, которой не имѣютъ картины Г. Шатобріана: писатель въ стихахъ говоритъ о предметахъ яснѣе, нежели писатель въ прозѣ. Во всякомъ случаѣ, не ищите въ нихъ вѣрнаго взгляда и откровеннаго сужденія о Востоку: Байронъ человѣкъ страстный, который ищетъ только впечатлѣній, ославливается на чертахъ самыхъ рѣзкихъ и не проникаетъ подъ наружную оболочку.

Недавно, четыре путешествія заняли собою читающую публику, и между ними одно было превознесено необычайными похвалами. Вся догадаются, что дѣло идетъ о «Письмахъ съ Востока» Гг. Мишю и Пужулъ. Мы давно привыкли къ фокусамъ торгово-литературныхъ «объявленій», и, не хвастая, можемъ открыть объявленіе въ критикѣ, въ выноскѣ, даже въ аллегоріи, но не считаемъ себя за *tête forte* и не стыдимся признаться, что неразъ были жестоко обмануты фабрикантами этого проклятаго издѣлія. Что прикажете дѣлать! Есть множество людей, которые не вѣрятъ въ чорта, и которые между-тѣмъ вѣрятъ въ объявленія,—вѣрятъ съ фанатизмомъ! Искусство доведено въ наше время до такого макіавеллическаго совершенства, производитъ такую волшебную иллюзію, что суевѣріе объявленія сильнѣе всѣхъ советовъ разума, и составляетъ отличный характеръ эпохи. Кто не былъ пойманъ объявленіемъ? По милости его, мы прочитали цѣлые три тома путешествія по Востоку Гг. Мишю и Пужулъ. Мы знали, что Г. Мишо—Французскій журналистъ, что онъ привыкъ разсуждать отлитыми фразами, что онъ отправился на Востокъ безъ всякаго приготовленія, были увѣрены что онъ тамъ увидитъ только то, что ему покажутъ, и однако жъ прочитали его три тома,—такъ хорошо торговое объявленіе было заврѣтано въ критики и бѣглые отзывы! Что Гг. Мишю и Пужулъ открыли на Востокъ? Ровно ничего.

Въ ихъ письмахъ нѣтъ ни одной вещи, которая бы не была давно известна и тысячу разъ описана. Это самая безцвѣтная, поверхностная книга какая только была издава въ наше время о картинѣ богатой красками и о предметѣ высочайшей философической важности; авторы, поистинѣ, могли сочинить ее не выезжая изъ Парижа, потому что она, даже по части описаній наружнаго вида Востока и общества, не прибавила ни одного новаго известія къ тѣмъ, которыя мы уже имѣли.

Второе изъ четырехъ знаменитыхъ путешествій принадлежитъ Г. Следу (Slade), Американцу, который жилъ нѣсколько времени въ Турціи и Петербургѣ, и, выдумавъ какую-то машину, отправился съ ней въ Лондонъ, гдѣ вместо машины подарилъ роду человеческому книгу. Приятность слога и рѣзкость сужденій обезпечили ей успѣхъ самый блистательный; она была читана съ усердіемъ и много содѣйствовала къ распространенію ложныхъ понятій о предметѣ, и безъ того темномъ для Европейцевъ. Мы должны сказать объ ней подробнѣе, предваривъ, что замѣчанія объ ея общихъ недостаткахъ применяются ко всемъ путешествіямъ, и тѣмъ, о которыхъ уже говорили, и тѣмъ, о которыхъ еще скажемъ.

Г. Следъ, въ книгѣ своей, исполненной софизмовъ и противорѣчій, говорить, напрямъръ, что жители Булгаріи получаютъ главный свой доходъ отъ земли. Это такъ далеко отъ истины, что вспомнивъ шерстяныя, шелковыя и бумажныя фабрики въ Филиппополь, его окрестностяхъ, и во всей Булгаріи; взглянувъ на великолѣпные каравансерая съ обширными магазинами по дорогѣ отъ Константинополя къ Филиппополю; зная, что торговля между столицею и этимъ городомъ находится почти вся въ рукахъ Булгаръ; видѣвъ какъ толпы ихъ отправляются въ известное время года даже въ Алеппо на встрѣчу Персидскимъ караванамъ, и мѣняють тамъ собственные издѣлія на богатая ткани Сиріи, Персіи и Индіи, не говоря о другихъ мѣнахъ, какія они производятъ на обратномъ пути по берегамъ Малой Азіи; и основывая сужденіе только на этихъ простыхъ случаяхъ,—если бы не было вѣрнѣйшихъ основаній Статистики, на которыя можно сослаться,—каждый рѣшительно скажетъ,

что главнѣйшее богатство Буларъ состоитъ въ ихъ мануфактурной и торговой предприимчивости.

Между-тѣмъ какъ Г. Следъ называетъ источникомъ благоденствія Буларіи то, что не составляетъ ни малѣйшей его части, ни онъ, ни другіе новѣйшіе путешественники ничего неговорятъ о *коджа-баши*, «головѣ стариковъ», хотя вѣрно неразъ были они обязаны этому муниципальному чиновнику квартирою и содержаніемъ. У него есть однако жъ дѣла гораздо выше смотрѣнія за удовольствіями неизвѣстнаго путешественника: можно утвердительно сказать, что *коджа-баши* есть учрежденіе несравнено мудрѣйшее нежели всѣ выдумки либеральной Европы. Онъ посредникъ между правительствомъ и жителями, избираемый всеми платящими подати; онъ представитель общественнаго мнѣнія и управляетъ имъ въ своемъ округѣ. Вникнувъ въ его положеніе, легко понять какъ велико его вліяніе, и что естественно онъ обращаетъ его противъ всего, что могло бъ нарушить спокойствіе общины. Такимъ образомъ, онъ мирно и отечески предупреждаетъ преступленія, и очень рѣдко принужденъ наказывать за совершенныя. Когда правительство налагаетъ новыя подати, онъ сзываетъ всѣхъ обязанныхъ платежѣмъ и предсѣдательствуетъ въ ихъ собраніи; требуемая сумма объявляется; платящіе сами раскладываютъ ее, назначая долю каждому, или относя всю подать къ такой вѣтви доходовъ, которая въ ихъ округѣ легче всего можетъ вынести увеличеніе налога. Это не сосредоточенная администрація депутатовъ спящей, шумной и безтолковой палаты, — администрація, для которой требуется и совершенное знаніе мелочныхъ подробностей мѣстности, и неизмѣримая сила общаго соображенія: это чрезвычайно простой и легкой рычагъ самаго кроткаго семейнаго управленія. Промышленность и торговля пользуются совершенною свободой, потому, что казенные доходы собираются самыми необременительными способами, и правительство, легко получая все, что ему слѣдуетъ, не препятствуетъ жителямъ покупать тамъ, гдѣ они находятъ дешевле и продавать тамъ, гдѣ для нихъ выгоднѣе. Общественная польза нигдѣ не жертвуется частной: здѣсь нѣтъ столкновенія выгодъ, во время котораго каждая старается сложить свою тяжесть на дру-

гую. Мѣстная выгода составляетъ общее начало управленія вездѣ превосходно понимается самими жителями, тогда какъ въ сосредоточенныхъ администраціяхъ Англіи и Франціи главная забота состоитъ всегда въ томъ, чтобы соглашать разнородныя выгоды, приведенныя ею въ столкновеніи общими мѣрами и запутанныя парламентскими рѣчами. Эта простая система администраціи не производитъ законовъ, подающихъ поводъ къ мнимымъ преступленіямъ, но которыхъ совершеніе соединяется съ большими выгодами для преступниковъ и нечувствительно увлекаетъ ихъ къ попранію уставовъ нравственности, природы Божества. Она не выдумываетъ и не постановляетъ такихъ узаконеній, которыя общають нѣсколько блестящихъ послѣдствій съ одной стороны, а съ другой обширно распространяють стѣсненіе и бѣдность, какъ то поминутно случается въ представительныхъ правленіяхъ.

Такова въ особенности система администраціи въ Бугаріи. Любопытно было бы изслѣдовать начало столь замысловатыхъ учрежденій, обратившихъ орды, которыя некогда грозили погибелью Европѣ, въ мирныхъ поселеній трудолюбивыхъ и искусныхъ ремесленниковъ, предпріимчивыхъ торговцевъ. Бугары принесли ли ихъ съ собою? Очень возможно, потому что почти такія же учрежденія встрѣчаются у всѣхъ народовъ, перешедшихъ около того періода съ востока на западъ. Но хотя мы не знаемъ, кто былъ ихъ первымъ основателемъ, ничто однако жъ не даетъ намъ права презирать искусство, съ которымъ они составлены и применены къ обширнымъ мѣстностямъ. Разсуждая объ учрежденіяхъ Турціи, никогда не должно говорить объ нихъ въ общихъ словахъ. Система ихъ не однообразна, потому что отличительная черта Оттоманскаго правительства состоитъ въ снисхожденіи его къ духу каждаго отдѣльнаго мѣста и даже къ привязанности его къ наслѣдственнымъ привычкамъ. Такимъ образомъ, учрежденія нагорныхъ странъ нѣсколько различны, но сходенія ихъ съ правительствомъ, касательно налоговъ и податей, почти тѣ же. На равнинахъ, система по большей части та же, что въ Бугаріи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она обработана болѣе, въ другихъ менѣе; въ третьихъ болѣе или

тенге злоупотреблений препятствуют ея свободному дѣйствію; но во всѣхъ низменныхъ странахъ, мы находили доволство и благоденствіе, соразмѣрныя съ состояніемъ гражданской образованности. Позволимъ себѣ спросить: кто изъ почтенныхъ путешественниковъ примѣтилъ въ Турціи эту великую черту восточной администраціи, это коренное различіе тамошняго общества отъ Европейскаго? Стоитъ ли ѣздить на Востокъ для того, чтобы не видѣть самаго важнаго и удивительнаго и открыть только то, что Турки пьютъ кофе съ гущей и сидятъ поджавши ноги? Но мы не преувеличимъ, сказавъ, что эти господа не понимаютъ даже и системы восточнаго кофеваренія, надъ котороюazole подшучивать.

Мы выпишемъ отрывокъ, доказывающій высокую философію Г. Следа:

«Чѣмъ болѣе мы разсматриваемъ поведеніе прежнихъ Оттоманскихъ завоевателей, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что *яроотерпимость* есть подводный камень, на которомъ происходили всѣ кораблекрушенія ихъ въ Европѣ. Они должны были бы или совсѣмъ искоренить Греческій законъ, который всегда причинялъ величайшій вредъ мусульманскому владычеству, или, назначивъ жалованье его духовенству, сдѣлать учителей закона зависящими отъ правительства: это избавило бы ихъ *отъ всѣхъ хлопотъ заботиться о народной привязанности*. Амуратъ II принялъ этотъ планъ для Албаніи. (?) Онъ удался. (?) Христіане, живущіе теперь тамъ, принадлежатъ къ новѣйшимъ поселенцамъ. Кроме того, обращеніе мечемъ, хотя и кажется страшно, въ сущности не хуже другаго и, безъ сомнѣнія, дѣйствительнѣе всѣхъ другихъ. Можно сомнѣваться въ искренности повообращенцовъ по-неволю, но дѣти ихъ родятся въ принятомъ законѣ, и увѣренность въ спасеніи будущихъ поколѣній должна оправдывать въ умахъ обратителей несправедливость сдѣлать одно поколѣніе клятвопреступнымъ.»

Уродливостъ этого «республиканскаго» сужденія возбуждаетъ отвращеніе, и можетъ быть сравниваема только съ невѣжествомъ автора въ исторіи. Оттоманское правитель-

Г. XIII — Отд. III. 10

ство навлекло на себя ненависть именно потому, что оно не предоставляло достаточной свободы совести. Кто не приветствовал съ радостью послѣднихъ мѣръ порты касательно уравниенія правъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Порты можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что не послушалась такихъ советниковъ, какъ почтенный республиканецъ, и наконецъ послѣдовала увѣщаніямъ Россіи, которая всегда понуждала ее къ вѣротерпимости. Эти господа, посвящая ее въ тайны просвѣщенія, хотѣли выучить чистому макіавеллиму и ввести въ софизмы, за которые должно краснѣть просвѣщеніе. Послѣднія проишествія обнаружили возрастающую привязанность къ порты ея христіанскихъ подданныхъ. Напротивъ того, уже протекло столѣтіе, какъ Албанцы сдѣлались мусульманами, и при всемъ томъ они первые враги Турковъ! Обращеніе Босніи произведено было мечемъ, и Боснійцы поминутно возмущаются противъ султана.

Г. Следъ, думая, что прочность Турецкаго правительства состоитъ въ фанатизмъ и звѣрской силѣ, знаетъ такъ хорошо духъ и исторію этого государства, что почитаетъ улемовъ слишкомъ короткими философами и увѣряетъ, что истребленіе янычаръ есть пагуба имперіи. Разсмотримъ этотъ послѣдній вопросъ, потому что жалобы на истребленіе янычаръ дѣлаются теперь любимымъ предметомъ интересной грусти почти всѣхъ путешественниковъ.

Надобно имѣть очень ограниченное и грубое понятіе о правленіи, чтобы думать, что оно заключается все въ одной понудительной силѣ, въ одной власти заставить повиноваться себѣ. Конечно, понудительная сила содержится первоначально въ каждомъ учрежденіи; конечно, она имѣетъ вліяніе на его развитіе, но когда вы видите, чѣмъ оканчиваются въ Европѣ многія учрежденія, которыя возникаютъ подъ покровительствомъ силы и на другой день падаютъ по своей неумѣстности, и какъ между-тѣмъ другія учрежденія развиваются сами собою, — не угодно ли спросить себя—какую пользу принесла бы Султану рать янычаръ при нынѣшнемъ его предиріятіи? И въ какое время Турецкое правительство опиралось на военной силѣ въ мирное время? Населеніе Европейской и Азіятской Турціи простиралось по-меньшей-мѣрѣ до трид-

цати миллионъ; а янычарь и всѣхъ другихъ войскъ никогда не было подь ружьемъ и сорока тысячъ: можетъ ли это назваться силой внутренняго охраненія. И наоборотъ, Египеть состоитъ изъ двухъ миллионъ жителей и Мегеммедъ-Али, до покоренія Сиріи, едва могъ съ шестидесяти-тысячною арміею усмирить Ф'лаховъ, — существъ кроткихъ, робкихъ, поработченныхъ, достающихъ въ униженіи насущный хлѣбъ свой. Въ одной Кандіи, необходимы были десять тысячъ войска для трехъ сотъ тысячъ жителей. Таковы слѣдствія Европейскаго просвѣщенія на Востокъ. Далѣе, въ независимой Греціи, гдѣ для 850,000 человекъ жителей содержится 10,000 войска, какъ въ правленіе Баварцевъ, такъ и Каподистріевъ, каждый день, ожидаютъ возмущенія. Между-тѣмъ полиція въ Константинополь, гдѣ считается до шести сотъ тысячъ жителей, состоитъ изъ полутора ста человекъ. Была ли она когда нибудь многочисленнѣе? Со времени истребленія янычарь палачи получаютъ жалованіе почти безъ работы. Есть ли здѣсь политическія тюрьмы, какъ въ Парижѣ? Свободная Греція тотчасъ завела у себя шпионовъ: есть ли хоть одинъ шпионъ въ Константинополь? Развѣ не сходятся Турки каждый вечеръ въ кофейныхъ домахъ и не разговариваютъ свободно обо всемъ? Развѣ не могли бы они, если бы захотѣли, затѣвать измѣнъ и заговоровъ во время ночей рамазана, этихъ мусульманскихъ сатурналей? — тѣмъ болѣе что тогда всякая полиція уничтожается? Следственно должна существовать другая стихія, которая соединитъ это общество и содержать его въ порядкѣ, а не звѣрская сила. Покамѣстъ султанъ будетъ дѣйствовать по направленію этой стихіи, дотолѣ ему не будетъ надобности въ помощи ни стариннаго ятагана, ни новаго штыка, — а эта стихія есть глубокое чувство гражданской свободы, которымъ проникнуть каждый Турскъ, и совершенное незнаніе свободы политической и западныхъ мечтательныхъ теорій. Стѣсни онъ гражданскую свободу и познакомъ мусульманъ съ либеральными идеями, съ волшебствомъ пустыхъ и громкихъ словъ, которыя такъ страшно свирѣпствуютъ въ ушахъ запада, — вотъ и будутъ возмущенія, — и надобно будетъ содержать нарочныя войска, чтобъ учить ттомановъ благонамѣренности.

Но Турецкое правительство удерживает свои завоеванія силою, а представителями этой силы были янычары? Самый поверхностный взгляд на исторію Турціи или Персіи и этой рати, показываетъ, что еще со времяъ Мурада IV, если еще не ранѣе, присутствіе янычаръ было источникомъ внутренней слабости. Сколько разъ, въ самыя опасныя мгновенія для имперіи, когда непріятель уже вторгался въ ея предѣлы, султаны, собравъ своихъ камердинеровъ, поваровъ и истопниковъ, защищались въ сераль отъ бунтующихъ ратниковъ, кастрюлями, лопатами и дровами? знаютъ-ли это пишущіе о Турціи? Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что они вовсе не знаютъ Турецкой исторіи. Янычары и въ мирное время всегда были первые къ возмущенію, всегда первые останавливали дѣйствія правительства. Они противились всякой переменѣ, и хорошей и дурной. Селимъ III думалъ объ ихъ истребленіи, но въ то самое время какъ потерялъ любовь народа введеніемъ ошибочныхъ мѣръ финансовыхъ, переведенныхъ съ Европейскаго. Янычары соединились съ недовольными, и Селимъ былъ сверженъ. Его неудача послужила урокомъ Махмуду. Махмудъ не сталъ смѣшивать съ посторонними предметами простаго вопроса о томъ, кто будетъ управлять Турціею—янычары или онъ; и они пали безъ всякой защиты со стороны народа; изъ самой среды ихъ явился человекъ, бывший непосредственнымъ орудіемъ ихъ паденія. Всѣ согласно признаютъ Махмуда однимъ изъ искуснѣйшихъ правителей Турціи, лучше всѣхъ знающимъ ея исторію, и слѣдовательно лучше всѣхъ знающимъ истинныя основанія ея силы. Вѣдь не всѣ янычары погибли, а только одни зачинщики безпрестанныхъ заговоровъ и тѣ, которыхъ нашли вооруженными. Отчего же Египтяне не старались, во время послѣдней войны съ Турками, пробудить привязанность народа къ янычарамъ? Неужели это обстоятельство не открыло глазъ путешественникамъ, знающимъ политику паши, который усиленно стремится подкрѣплять себя всѣмъ, что только можетъ ослабить Порту и уменьшить преданность народа къ султану? Албанцы бунтовали на западѣ Румелии; когда Ибрагимъ паша шелъ черезъ Азію къ Кютахіи, — и онъ

не покушался воскресить лычарь. Почему жь это? Потому, что ему было известно, что народъ съ ненавистью произнесъ смертный приговоръ надъ этой жестокой ратью, а султанъ только исполнялъ его. Для насъ совершенно ново то, какимъ образомъ мѣра, удовлетворившая всѣхъ, можетъ клониться къ ослабленію правительства!

Этотъ союзъ часто бываетъ усиленъ еще предположеніемъ, будто уничтоженіе дере-беевъ (начальниковъ долинъ) также уменьшило силу Порты. Г. Следъ, въ особенности, такъ хорошо понимаетъ учрежденіе дере-беевъ, что смѣшиваетъ ихъ съ аянами. Первые были нарушителями законовъ правительства, а аяны суть гражданскіе чиновники, которые первоначально были избирательны такъ же какъ коджа-баши. Многіе изъ дере-беевъ успѣли прибрать къ рукамъ выгодныя привилегіи, и сдѣлали должность свою наследственной. Прекративъ такія злоупотребленія, Порта показала только намѣреніе возвратиться къ прежнимъ началамъ народнаго правленія.

Но надобно привести еще нѣсколько примѣровъ разстѣяности и противорѣчій Г. Следа. Смотри на безчисленныя зданія Константинопольскія, онъ говорить:

«Естественно представляется уму вопросъ, какимъ образомъ существуютъ ихъ обитатели? Константинополь не представляетъ, какъ большія христіанскія столицы, пособій для тѣхъ, которые принуждены жить умомъ и смѣтливостію. Порокъ, великій питатель праздности, находится здѣсь подъ строгимъ прещеніемъ религіи. Торговля здѣсь небольшая, мало искусствъ, невелико число путешественниковъ. Богачи изъ разныхъ областей не пріѣзжаютъ сюда пожить. Самыя необходимыя вещи привозятся изъ отдаленныхъ странъ: хлѣбъ изъ Одессы, рогатый скотъ и овцы изъ малой Азіи, сарачинское пшено изъ Филиппополя, дворовыя птицы изъ Булгаріи, плоды и вся зелень изъ Никоидіи и Македоніи. Такимъ образомъ постоянная выдача денегъ производится безъ всякаго *видимаго* возврата, исключая въ казну или въ карманъ улемовъ. Всѣ эти мѣста могутъ назваться странами чуждыми: жители ихъ никогда не посѣщаютъ столицы для восстановленія равновѣсія. Хотя и не могу съ точностію

опредѣлить доходовъ Константинополя, но постараюсь сдѣлать строгій очеркъ ихъ,» и прочая.

Сказавъ, что непонятно, чѣмъ живутъ жители Константинополя, путешественникъ продолжаетъ: «На главнѣйшихъ фабрикахъ Константинопольскихъ выдѣлываются шпажные клинки, ружейные стволы, трубки, седла, золотые позументы, кисен, шелкъ, кожи. Ружейные стволы необыкновенно хороши: ихъ дѣлаютъ изъ раскаленной и сбитой вивствъ проволоки, набиваютъ золотомъ, придаютъ имъ прекрасную переливчатую наружность, обдѣлываютъ пермаутромъ, а замки оставляютъ черными. Пестрая кисея и всякія вышивки, иногда золотомъ и серебромъ, дѣлаются превосходнѣе всего, что въ этомъ родѣ производится въ Англіи и Франціи. Съ большимъ искусствомъ дѣлаются также чубуки, серебряныя чашки для кофею и все, что принадлежитъ къ конской сбруѣ. Превосходство здѣшнихъ шерстяныхъ матерій, особенно ковровъ, и закалка Турецкаго желѣза, слишкомъ известны для всѣхъ. Алкораны, отлично написанные и раскрашенные, прелестны, такъ же какъ календари на длинныхъ свиткахъ пергамента. Турки довели до большаго совершенства красильное искусство; ихъ растительная краска *sang de boeuf* неподражаема и въ отливѣ и въ прочности. Въ дѣланіи монетъ, они уступаютъ только Венеціанцамъ.»

Изъ другихъ частей сочиненія мы могли бы извлечь еще описанія другихъ искусствъ, процвѣтающихъ въ Константинополѣ. Развѣ этого не достаточно для избытка жителей и соразмѣрности ихъ приходовъ съ расходами? Если бы авторъ такъ же хорошо замѣтилъ выходы каравановъ и судовъ изъ Константинополя, какъ приходъ ихъ туда, онъ увидѣлъ бы, что равновѣсіе между столицей и областями восстанавливается какъ и во всякомъ другомъ государствѣ, и что тутъ нѣтъ ни какого чуда. Далѣе, сочинитель говоритъ намъ, что Турки наблюдаютъ приличія только по наружности, по что гаремы ихъ представляютъ одни сцены безпутства. Не по личному ли опыту Г. Следъ утверждаетъ это? Мы всегда думали, что необузданность въ чувственныхъ удовольствіяхъ заглушаетъ всѣ кроткія и честныя чувства нашей природы, разрываетъ связи родства, — и между тѣмъ находимъ въ этихъ чувственныхъ скотахъ самыхъ пѣжныхъ родителей;

самыхъ почтительныхъ, покорныхъ и послушныхъ дѣтей. По собственному сознанию сочинителя, законы Магомета позволяютъ Туркамъ имѣть четырехъ женъ, а между-тѣмъ многоженство у нихъ есть исключеніе изъ правила: общая мода — довольствоваться одною женою.

Вразсужденіи Грековъ Г. Следъ замѣчаетъ довольно правильно, что они, нѣкоторымъ образомъ, пользовались преимущественнымъ покровительствомъ Порты въ числѣ всѣхъ ея подданныхъ. «Но это *злоупотребленіе*, говоритъ онъ, утвердилось только со временемъ.» Послушайте его далѣе:

«Позжайте въ любую часть Греческой Турціи, вездѣ найдете вы, что поселянинъ хорошо одѣтъ и сытъ; что собственность его защищена, и дочери почитаются неприкосновенными, исключая время возмущеній, и вся его тягость состоитъ въ обязанности давать квартиру и пищу проходящимъ войскамъ и принимать чиновниковъ.

«Турецкій поселянинъ подверженъ тому же. Армяне, хотя не болѣе угнетены (?), но менѣе уважаемы, потому что ославились своей безправственностью. Жиды находятся въ совершенномъ презрѣніи. Однако жъ феллахи (поселяне) въ Сиріи могутъ, сравнительно, назваться невольниками (это несправедливо), а феллахи Египетскіе доведены до состоянія, погдыднаго для челоувѣчества.»

И все это ведетъ Г. Следа къ тому заключенію, что Грекамъ совсѣмъ не на что жаловаться. Простое обстоятельство ихъ отчаяннаго возмущенія есть лучший отвѣтъ на это. Люди этихъ странъ не бьются за теоріи; жалобы ихъ падаютъ всегда на что нибудь существенное, хотя оно и можетъ скрыться отъ вниманія Европейскаго наблюдателя, ищущаго въ облакахъ того, что лежитъ у него подъ ногами. Греки терпѣли угнетеніе, и особенно угнетеніе религиозное, самое оскорбительное для чувствъ всякаго гражданина. Правда, что обиды ихъ были преувеличены; положеніе ихъ было несравненно лучше нежели поселянъ многихъ другихъ странъ въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе они жестоко страдали, и въ Турціи не было того устройства государственнаго, которое бы могло облегчить ихъ бремя или удерживать ихъ въ повиновеніи. Г. Следъ съ товарищи, который

такъ крѣпко стоять за благоденствіе Оттоманской имперіи и такъ любить янычарь, главной, по его мнѣнію, опоры ея могущества, долженъ бы вспомнить, что именно эта знаменитая опора была источникомъ торжества Грековъ. Мы прибѣгнемъ еще разъ къ «Оттоманскому Монитеру,» чтобъ показать, какъ сама Порта объясняетъ Греческій вопросъ.

«Если Греція возстала противъ насъ, — мы отвѣчаемъ, что обстоятельства скопились какъ бы нарочно для того, чтобы благопріятствовать возстанію. Греція отдѣлилась, потому что гражданская сила имперіи была лишена свободного дѣйствія отъ превосходства военной власти. Греція подпала оружіе въ духъ тѣхъ же преобразованій, какія представлялись уже уму Султана Махмуда. Эта самая революція и способствовала къ его успѣхамъ; и если Греція теперь отдѣлена, такъ это потому, что въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ возстанія правительство и Оттоманскій народъ были еще подъ гибельнымъ владычествомъ янычаръ.»

Г. Следъ, стараясь унизить вездѣ характеръ Грековъ, говоритъ даже, что ихъ литература имѣла мало вліянія на умственное развитіе народа. Мы готовы вѣрить, что Г. Следъ не имѣетъ большихъ притязаній на ученость, но и въ этомъ случаѣ онъ подаетъ свое мнѣніе о вещи, которой вовсе не понимаетъ.

Оставимъ наконецъ въ покоѣ Г. Следа, на котораго мы употребили болѣе времени нежели сколько заслуживаетъ этого внутреннее достоинство его книги, и перейдемъ къ другому незабвенному наблюдателю Востока.

По предварительному знакомству со способностями и мнѣніями Г. Корнилля, мы всегда считали его послѣднимъ человекомъ, отъ котораго можно ожидать, не обзора Турецкихъ учреждений, но даже вѣрной картины самыхъ обыкновенныхъ чертъ восточнаго общества. Легкомысліе, недостатокъ логики были примѣтны во всемъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Страсть переходить къ заключеніямъ тотчасъ послѣ первыхъ посылокъ силлогизма, соорудать теоріи на пустыхъ основаніяхъ, представлять сравненія тамъ гдѣ нѣтъ ни какого сходства, не могла превратиться въ немъ въ способность къ дѣлу, требующему терпѣливыхъ изысканій и осторожности въ опредѣленіяхъ. Его полити-

ческое убъжденіе заранѣе искривляетъ все въ его глазахъ. Французскій республиканецъ,—а вы знаете, что это за умные люди, — онъ хватается только за наружныя формы, дѣло замѣняетъ умозрѣніями и принимаетъ слова за вещи. Желая знать, счастливъ ли такойто народъ, онъ ищетъ его хартій, не примѣчая того, что главная заповѣдь хартій собственнаго его отечества — «Всѣ Французы равны передъ лицомъ закона», есть жесточайшая насмѣшка надъ всѣми хартіями и надъ логикою его соотечественниковъ. Способенъ ли наблюдать общество тотъ, кто смотритъ на религію какъ на предметъ вкуса и осмѣливается даже шутить надъ нею! Онъ видитъ у Турковъ великія нравственныя добродѣтели, но только для того, чтобы, по случаю ихъ, ругаться надъ религіею своего отца и своей матери, которые вѣроятно были христіане «Турки, утверждаетъ онъ, исключая гражданскихъ чиновниковъ ихъ племена, всегда говорятъ правду и всегда поступаютъ честно.» Если это предложеніе справедливо, — оно справедливо какъ нельзя болѣе,—то изъ него слѣдуетъ, что учрежденія такого народа не могутъ быть совершенно дурны,—какъ-бы они ни были несходны съ республиканскими,—потому что этихъ добродѣтелей нельзя приписать особенному дѣйствию мусульманской вѣры: Персіане—отъявленные лжецы и плуты, хотя они тоже магометане и еще пабожище Турокъ.

Г. Корниль разсуждаетъ о магометанской религіи. Первое замѣчаніе его показываетъ, что ему совершенно неизвѣстны самыя обыкновенныя обстоятельства, которыя къ ней относятся. Онъ смѣшиваетъ *улемовъ*, «ученыхъ», то есть законовѣдцевъ, съ *эмирами*, «князьями», или потомками пророка, которыхъ отличительный знакъ есть, какъ извѣстно всякому ребенку, зеленая чалма. Послушайте какъ этотъ великій наблюдатель, прожившій три года въ Турціи, говоритъ объ удемахъ: «Родственники и дѣти «Магомета, если вѣрить ихъ разсказамъ, повязываютъ «голову тройнымъ зеленымъ платкомъ, въ знакъ своего «знаменитаго происхожденія. Мы знаемъ, что зеленый «цвѣтъ былъ любимымъ цвѣтомъ пророка, и *одни улемы имѣютъ право носить его.*» «Улемы, продолжаетъ онъ,

«пользуются высокимъ уваженіемъ по причинѣ зеленыхъ «чалмъ своихъ, несмотря на тупость своихъ понятій, вошедшую даже въ пословицу.» Мы весьма желали бы знать эту пословицу о тупости улемовъ, класса, составленнаго изъ людей всехъ состояній, и въ который самъ Г. Корниль могъ бы попасть наравнѣ съ каждымъ Туркомъ, если бы выдержалъ испытаніе въ мусульманскомъ правѣ: смѣемъ думать, что намъ известно нѣсколько болѣе Турецкихъ пословицъ, чѣмъ знаменитому Французскому республиканцу, но о такой пословицѣ мы никогда не слышали. Наоборотъ, мы знаемъ одну Русскую пословицу, которая весьма можетъ пригодиться для его политическихъ соображеній: когда кто несетъ вздоръ или дѣйствуетъ безтолково, наши солдаты говорятъ: «зкая республика.» Потомъ онъ рассказываетъ, что улемы составляютъ «привилегированное сословіе, котораго собственность неприкосновенна.» Г. Корниль не говоритъ, какая собственность принадлежитъ этому сословію; но зато онъ открываетъ намъ тайны его привилегій, по-крайней-мѣрѣ тайну главнѣйшей изъ всехъ—права быть истолченнымъ въ иготи, въ случаѣ смертнаго приговора! Просьба, которую онъ влагаетъ въ уста бѣднаго улема, идущаго на казнь и гнушающагося мыслию быть повѣшеннымъ подобно собакѣ, чрезвычайно остроумна: «Вы должны истолочь меня, государь! Истолочь меня! Потому что написано (въроятно въ Алкоранѣ): «Ты будешь истолченъ.»—Вся книга въ такомъ родѣ. Мы чувствуемъ, что упомянувъ объ немъ, сдѣлали ему слишкомъ много чести, но упомянули для того, чтобы показать публикѣ, какими сочиненіями подчиваютъ ее подъ именемъ «путешествій по Востоку», и что такое Французскіе журналы называютъ—*un livre de haute portée*.

Мы должны при этомъ случаѣ отвѣчать однажды навсегда на одно нелѣпое сравненіе, которое теперь въ большой модѣ почти у всехъ писателей. Г. Корниль, подобно другимъ, сравниваетъ султана Махмуда съ Петромъ Великимъ,—какъ будто бы между ними было какое-нибудь сходство кромѣ того, что Петръ Великій истребилъ стрѣльцевъ, а Махмудъ янычаръ! Больше ничего. И гражданскія установленія обоихъ народовъ, и ихъ предразсудки, и вліяніе,

оказанное двумя повелителями,—все было различно. Петру Великому надобно было бороться съ сословіями, сильными многочисленными и имѣвшими свои привилегіи, а въ Турціи нѣтъ сословій—нѣтъ ни дворянства, ни духовенства, ни мѣщанъ, ни поселянъ; нѣтъ разрядовъ, нѣтъ родословныхъ, ни частныхъ историческихъ преданій, ни сосредоточенныхъ выгодъ. Тамошнее общество—ново, какъ было въ Сѣверной Америкѣ при учреженіи Соединенныхъ Штатовъ. Изъ него можно все сдѣлать безъ большихъ усилій генія. Это масса, которой легко придать всякую форму, не переливая. Преобразователь вполне свободенъ дѣйствовать, какъ ему угодно: стоитъ только захотѣть и приказать, — особенно съ тѣхъ поръ какъ испровержено единственное сословіе, какое доселѣ существовало, — янычары. Безсмыслицы, которыя Г. Корниль рассказываетъ о народѣ, «состарѣвшемся въ своихъ мѣтніяхъ и непоколебимомъ въ вѣрѣ», заставляютъ думать, что онъ самъ себя не понимаетъ. Мы полагаемъ, что онъ разуметь подъ этимъ перемѣну одежды. Какія жалобы слышалъ онъ въ народѣ въ 1833 году? Султанъ боялся, что презрѣніе ко всякимъ нововведеніямъ такъ долго обитало подъ чалмою и особеннаго рода платьемъ, что они всѣ трое сдѣлались неразлучными, и для того онъ снялъ чалму и явился народу въ одной фескѣ, которую всегда носилъ внизу. Этотъ головной уборъ уничтожаетъ всѣ прежнія различія своимъ одинаковымъ покроемъ, и вотъ въ чемъ состояла тайна преобразования Турецкаго общества: стоило только снять чалму, что бы всѣ головы сдѣлались равны. Право, это не хитро! Утверждать, какъ утверждаетъ Г. Корниль, что чалма есть такой же признакъ исламизма какъ крестъ христіанства, значить не имѣть понятія ни о той ни о другой вѣрѣ. Ему должно быть извѣстно, что въ числѣ мусульманъ есть много лицъ и классовъ, которые никогда не носили чалмы,—напримѣръ артиллеристы, бомбардиры, дели, дервиши и другіе. Персіане, Афганцы, Узбеки принадлежатъ къ магометанскимъ народамъ и также не носятъ чалмы. Неужели авторъ не видалъ въ самомъ Константинополѣ Грековъ и Армянъ въ чалмахъ? Этотъ уборъ занесованъ модою у Аравитянъ, которые употребляютъ его

не по силѣ догматовъ вѣры, но для предохраненія головы отъ вреднаго дѣйствія солнечныхъ лучей.

Но вотъ что можно было сказать: что многіе Турки, которые принимаютъ живѣйшее участіе въ возрожденіи своего отечества, желаютъ, не возвратити древній нарядъ, но промѣнять настоящій на что-нибудь болѣе восточное, единственно отъ страха, чтобы слишкомъ короткая дружба съ Европейскими системами не измѣнила ихъ народнаго характера и духа. И это желаніе мы охотно раздѣляемъ съ ними. Оно постепенно усиливается въ лучшей части общества, и, безъ сомнѣнія, султанъ обратитъ на него свое вниманіе. Если когда-нибудь вмѣстѣ со шляпами, фраками и узкими панталонами, заведется между Турками Парижскій либерализмъ, тогда въ Константинополь будутъ — дѣтумы.

Мы уважаемъ Г. Ламартина и не смѣемъ дѣлать ни какихъ обличеній между его гармоническимъ и набожнымъ умомъ и легкомысліемъ, нечестіемъ его республиканскаго соотечественника,—но не ему суждено было разгадать восточное общество. Въ его поступкахъ, разговорѣ, сочиненіяхъ, въ его прозѣ и стихахъ, трудно было замѣтить что-нибудь доказывающее способность его къ наблюденіямъ. Коротко сказать, онъ не имѣетъ тѣхъ качествъ космополита, которыхъ необходимы для разсматриванія сравнительныхъ достоинствъ и недостатковъ общества, такъ различно устроеннаго отъ Французскаго. Онъ совершенный Французъ. Онъ привыкъ дѣйствовать въ обществѣ, гдѣ много пустаго, много великихъ словъ безъ смысла, много смѣшнаго, пріятнаго и блестящаго. Онъ слишкомъ долго былъ законодателемъ, чтобы чувствовать потребность преобразованія своихъ мнѣній; слишкомъ долго былъ учителемъ, чтобы сдѣлаться ученикомъ. Одно качество поэта уже лишаетъ его способности къ политическимъ изслѣдованіямъ. Поэты, въ простыхъ обществахъ, были лучшими наставниками въ законодательствѣ и лучшими творцами системъ общественныхъ, потому что предметомъ изученій ихъ была всегда природа, физическая или нравственная, но въ Европейской системѣ, природа и политика такъ долго жили въ несогласіи между собою, что наблюдатель первой не постигаетъ нынче тайнъ второй

и до того не привыкъ къ дѣлу, что даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ политическія учрежденія основаны на самой природѣ, онъ, подобно Г-ну Ламартину, не можетъ замѣтить связи ихъ съ нею.

Но здѣсь было еще другое препятствіе. Сочиненія Г. Ламартина долго имѣли предметомъ остановить такъ называемое *движеніе* во Франціи. Средствомъ къ тому онъ почиталъ возрожденіе привязанности своихъ соотечественниковъ къ католицизму. Пріѣхавъ въ страну, гдѣ онъ нашелъ, что способности Маронитскихъ католиковъ развиты воспитаніемъ, сообщеніемъ съ Итальянскими священниками и собственною ихъ понятливостью болѣе чѣмъ у сосѣдей ихъ, Друзовъ, неизмѣющихся ни какой вѣры и прославившихся своимъ невѣжествомъ, онъ замѣчаетъ, что относительно къ своей нравственности, католики не пользуются въ Сиріи тѣмъ уваженіемъ, какое бы ему хотѣлось имъ доставить: магометане, управляющіе общимъ мнѣніемъ по причинѣ своей многочисленности и связи съ господствующею религіею, презираютъ ихъ. Г. Ламартинъ видитъ терпимость и полную достоинства снисходительность мусульманъ, чувствуетъ ихъ нравственное превосходство, но не смѣетъ сообщить объ этомъ открытіи самому себѣ. Такимъ образомъ, онъ приведенъ въ смущеніе, обремененъ ужасною тяжестью. Понятія его жестоко потрясены, но предразсудки остаются непоколебимыми. Ктому жъ, отправляясь въ путешествіе на Востокъ, онъ уже былъ огорченъ: оно было родъ добродѣльного изгнанія. Онъ оставилъ Францію въ минуту досады, возбужденной тѣмъ оборотомъ, какой принимали тамъ дѣла, и всегда желалъ имѣть предлогъ къ возвращенію. Мы видѣли его восторгъ, когда назначеніе въ депутаты Діенна доставило ему этотъ предлогъ.

Съ такою борьбой чувствъ, онъ былъ слишкомъ занятъ и предубѣжденъ, чтобы видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. У него не было испытательнаго духа. Въ разговорѣ своемъ съ леди Стенгопъ, которая, несмотря на всѣ свои странности, могла бы доставить ему гораздо лучшія свѣдѣнія о Сиріи нежели какія онъ собралъ, онъ не обратилъ вниманія ни на одинъ предметъ, касающійся Востока. Сердце его стремились къ Европѣ: онъ говорилъ о Парижѣ. Лон-

донь, Флоренціи. Читатели наши знают уже этот разговоръ,—единственную часть книги, нѣсколько занимательную, и вѣроятно помнятъ мнѣнія, добродушныя до ребячества, которыя знаменитый поэтъ обнаружилъ при этомъ случаѣ о дѣлахъ Сиріи. Онъ вѣритъ всему, что ни скажетъ его толмачъ, и тщательно подбираетъ всѣ сказки Беарутскихъ Франковъ.

Онъ путешествуетъ по Сиріи, чтобы опровергать сенсимонизмъ, и должно признаться, что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ знаніи его догматовъ нежели въ изученіи Восточныхъ обычаевъ. Французскіе критики, неспособные судить ни объ чемъ существенномъ, разбирали его слогъ, и одно ихъ замѣчаніе справедливо: всѣ его виды Востока такъ похожи другъ на друга, такъ одинаково зелены, утесисты, дикі и очаровательны, что нѣтъ возможности различить ихъ между собою. Сверхъ-того авторъ такъ часто позволяетъ себѣ поэтическія вольности съ истиною, что нельзя сомнѣваться, что всѣ эти описанія были составлены въ Парижѣ по темнымъ воспоминаніямъ.

Но какое обширное поле для разысканій представляла ему Сирія? Возьмемъ напримѣръ, Дамаскъ. Мы встрѣчаемъ въ этомъ торговомъ городѣ и кочующаго раба, и горца, и гражданина, и поселенца; нравы ихъ частію согласны, частію различны; глаза поражаются смѣшанными образцами и патріархальной системы, сохранившейся въ пустыняхъ, и нагорныхъ поколѣній, и гражданственности, господствующей на равнинахъ. Неужели эти характеристическія черты не могли быть замѣчены умомъ испытательнымъ? Неужели этихъ явныхъ противоположностей недостаточно было для возбужденія всей дѣятельности мысли въ человѣкѣ съ высшими логическими способностями?

Цвѣтущее состояніе земледѣлія въ горахъ Ливанскихъ, поражаетъ Г. Ламартина, но только въ отношеніи живописномъ. Онъ удивляется стремнинамъ и искусственнымъ террасамъ ихъ, покрытымъ до самыхъ вершинъ хребта виноградными лозами и шелковичными деревьями. Отличною обработкой тѣхъ равнинъ, гдѣ присутствіе воды доставляетъ возможность бороться съ неплодіемъ почвы, онъ и не восхищается, потому что она не такъ очевидна; и во-

ображая, что онъ передаетъ намъ исторію нагорнаго правленія, онъ не покушается изслѣдовать причинъ этого благосостоянія. Читатели наши легко поймутъ, чему должно приписать его, когда мы скажемъ, что мѣстное управленіе основано здѣсь на тѣхъ же началахъ какъ въ Булгаріи; что земская собственность раздѣлена довольно правильно; что преступленія и наказанія почти неизвѣстны, исключая смутныхъ временъ; что мануфактурная и торговая промышленность очень велики. Не припишетъ ли Г. Ламартинъ этихъ послѣдствій тому, что Марониты католики? Но тѣмъ же благосостояніемъ пользуются здѣсь и Греки, и Друзы, и Мутевали, и Носейри.

Онъ подаетъ Маронитамъ надежду на блестящую будущность. Не постигаемъ, что внушаетъ ему эту надежду, которая кажется намъ мечтательною. Вѣрно лишь то, что, если бы не мусульмане, Марониты теперь уже не существовали бы? Фахръ-Эдъ - динъ былъ послѣдній изъ князей Друзскихъ. Марониты составляли въ то время секту небольшую, очень слабую, хотя и были образованнѣе Друзовъ. Естественно, что князь покровительствовалъ собственное поколѣніе и преслѣдовалъ Маронитовъ. По этой причинѣ, Турецкое правительство смѣняло Друзскихъ князей, и сдѣлало горнымъ владѣтелемъ мусульманина изъ благороднаго Дамасскаго дома Шаабъ. Такимъ образомъ, правосудіе перешло въ руки человека, который могъ безпристрастно разбирать споры двухъ поколѣній, и междоусобія утихли; средства страны развились, и перевѣсъ высшей степени образованности и смѣтливости оказался такъ ясно, что теперь Марониты такъ же многочисленны какъ и Друзы, и безпрестанно увеличиваютъ число свое новообращенцами. Это равновѣсіе могло способствовать къ утвержденію благоденствія Ливанской страны. Нынѣшній князь Маронитовъ и Друзовъ, Эмиръ-Беширъ—христіанинъ, но онъ долго скрывалъ свое обращеніе, чтобы не повредить равновѣсію, хотя впрочемъ явно покровительствовалъ Маронитамъ. Одинъ изъ весьма ученыхъ Англійскихъ критиковъ, но большой мусульмановѣдъ, порицалъ Г. Ламартина за то, что онъ признаетъ Эмира-Бешира христіаниномъ, и приписывалъ это выдумкѣ Сирійскихъ Франковъ. Мы должны принять сто-

рону поэта, которому такъ мало удастся сказать что-нибудь вѣрнаго о Востоке и удостовѣрить критика, что Г. Ламартинъ правъ; мы сами имѣли честь быть въ домашней церкви его свѣтлости. Тѣмъ не менѣе переменна вѣры со стороны царствующаго лица была несчастна для подданныхъ: послѣднія происшествія доказали это. Поколѣніе Друзовъ, замѣтивъ какой вредъ причиняютъ ихъ обществу Марониты своимъ фанатизмомъ и ревностью къ обращеніямъ, взбунтовались и прогнали Эмира-Бешира. Онъ снова возведенъ былъ на престолъ небольшимъ отрядомъ Турецкихъ войскъ, посланнымъ на помощь ему Арскимъ пашею. Изъ этого видно, что Ливанскія Горы не такъ непреступны для Турковъ, какъ полагаютъ путешественникъ. Кромѣ-того, Марониты не любятъ согласія,—въ партіи противной Эмиру Беширу было много христіанскихъ шейховъ, — а эта склонность къ раздорамъ жестоко мѣшаетъ блестящей будущности, которую Г. Ламартинъ обѣщаетъ этимъ католикамъ для поддержанія своей теоріи и зато, что они одного вѣроисповѣданія съ нимъ.

Отсюда онъ продолжаетъ странствованіе до Іерусалима и тамъ только замѣчаетъ, что Турецкая система не такъ глупа, какъ онъ давно рѣшился думать, и что она даже умнѣе иной представительной. Онъ подходитъ къ Святому Гробу съ понятіями и чувствами, восторженными до высочайшей степени. Онъ ожидалъ, что причетники, живущіе въ этой священной оградѣ, должны быть люди святые, набожные благочестивые, давно забывшіе свѣтъ и его суеты, и вдругъ видятъ ихъ корыстолюбивыми невяжами, развратными, слышать, что они шутятъ и ругаются подлѣ самаго Гроба; узнаетъ, какъ они стараются раздуть суевѣріе и фанатизмъ, чтобы ими пользоваться. Въ минуту горькаго разочарованія, онъ бросаетъ взоръ на мусульманскихъ стражей храма, и глазамъ его является досадная противоположность. Съ достоинствомъ и примѣчаніемъ оказывая уваженіе къ чувству, которое ведетъ сюда странника, они охраняютъ Гробъ, чтобы не допустить одного исповѣданія христіанскаго нарушать молитвы другаго: взаимная ненависть этихъ исповѣданій, къ несчастію, такъ велика, что они всегда готовы сдѣлать это, и безъ посредничества Турковъ Гробъ нашего

Спасителя былъ бы недоступенъ. «Я не вижу причинъ, восклицаетъ онъ, обвинять и обижать Турковъ. Упреки въ звѣрской нетерпимости, которой ихъ опорочиваютъ, показываютъ только невѣжество обвинителей: они единственный народъ по своей терпимости.» Такъ набожный путешественникъ переходилъ изъ одной крайности въ другую. Онъ и здѣсь былъ не въ состояніи открыть настоящей причины явленія: эта выпрепняя въротерпимость Иерусалимскихъ Турковъ есть только слѣдствіе денежнаго расчета.

Мы не имѣемъ мѣста входить во все ошибочныя мнѣнія, которыя проливаютъ такой ложный свѣтъ на все картины восточнаго общества и быта, написанныя Г. Ламартиномъ. Странная теорія, которую онъ создалъ себѣ о Востокъ, была изложена въ рѣчи, торжественно произнесенной имъ по возвращеніи передъ собраніемъ представителей отечества, и вся книга есть только распространіе этой знаменитой рѣчи. Европа читала рѣчь въ газетахъ, и столько же наумлена была слабостью прозаическихъ сужденій того, чьи стихи составляли ея наслажденіе, сколько Г. Ламартинъ въротерпимостью Турковъ. Какъ хорошо онъ понималъ Турцію, можно видѣть изъ того, что онъ принялъ ея жизненную силу за стихію разрушенія. Онъ такъ тонко оцѣнилъ преобразования султана, что все, что стѣсняетъ самовластіе чиновниковъ, обуздываетъ военную жестокость, защищаетъ собственность отъ грабежа, увеличиваетъ народныя средства, названо имъ основаніемъ слабости; такъ хорошо изучилъ духъ различныхъ поколѣній и вѣронсповѣданій, что, по его словамъ, все они были бъ въ союзъ между собою, все соединились бы симпатіей, если бы власть Оттомановъ перестала связывать ихъ между собою; такъ хорошо читалъ Исторію, что считаетъ возможнымъ объявить, посредствомъ простаго договора, Востокъ (нѣкогда Турцію) нейтральнымъ государствомъ, и завести въ немъ образцовые города нравственности для возрожденнаго чело-вѣка, и что, такимъ образомъ, посреди борющихся вѣръ, выгодъ, и страстей мы увидимъ новый Эдисъ, возобновленный безъ его недостатковъ.

Французы, въ своемъ пустословіи, признали эту рѣчь костьюю удивленія, исполненною новыхъ и глубокихъ

видовъ, словомъ — un discours de haute portée. Тъ, которые живутъ умомъ Французскаго издѣлїя, безъ-сомнѣнїя, имъ повѣрили. Подробное опроверженіе этихъ грезъ было напечатано въ Аугсбургской Газетѣ и потомъ повторено съ замѣчаниями въ Оттоманскомъ Монитерѣ. Газета, въ своемъ опроверженїи, написанномъ, по словамъ ея, не на доказательства челоука государственнаго, но на метафоры поэта, удачно противопоставляла добродушіе намврвнїй Г. Ламартина непоследовательности его логики. Въ безпокойствѣ своемъ объ укрѣпленїи силъ Востока, онъ озирается вокругъ, чтобы найти гдѣ-нибудь матеріалы къ его перестройкѣ; видитъ, что «подъ нашею блестящею образованностью» бѣдный страдаетъ и жалуется, и не придумаетъ ничего лучшаго къ исправленїю зла въ своемъ отечествѣ, — отправляясь въ законодательное собранїе, — какъ совѣтовать самымъ несчастнымъ страдальцамъ этой образованности, самой порочной и безнравственной части народа, переселиться на «варварскїй Востокъ», чтобы просвѣтить и возродить его. Такъ вотъ къ чему приводитъ автора торжественное челоуколюбїе? — бросить Деянирино платье западныхъ злоупотребленїй на простоту восточныхъ нравовъ и учрежденїй! Речь Г. Ламартина заключаетъ въ себѣ собственное свое опроверженїе, и если бы его знаменитые Souvenir не напомнили объ ней, мы забыли бы ее какъ слабость челоука, любезнаго и гениальнаго, но погруженнаго въ мистическія созерцанїя, болѣе близкія къ небесамъ нежели къ землѣ.

Изо всѣхъ политическихъ и поэтическихъ путешествїй по Востоку, которыхъ болѣе сорока томовъ перешло черезъ наши руки въ послѣдніе годы, одна только брошюрка, подъ заглавіемъ Turkey, its resources, its organisation and free trade, «Турція, ея средства, государственное устройство и свободная торговля», остановила наше вниманїе основательностью нѣкоторыхъ взглядовъ, которые показываютъ въ сочинителѣ челоука наблюдательнаго и способнаго къ изслѣдованїямъ. Мѣсто не позволяетъ намъ уже вдаваться въ разборъ ея, тѣмъ болѣе, что мы не раздѣляемъ всѣхъ ея мнѣнїй: заключимъ статью замѣчанїемъ, которое вызываетъ само заглавіе брошюрки и покажемъ пишущимъ «путешествїю»

по Востоку», что Турція не есть предметъ, о которомъ можетъ говорить всякой, кто знаетъ различіе между шалюю и чаюю. То, до чего наука Политической Экономіи дошла посредствомъ умозрній и глубочайшихъ выводовъ; то, что Европеецъ почитаетъ нынче верхомъ блаженства, сужденнаго не намъ, а быть-можетъ нашимъ потомкамъ черезъ нѣсколько столѣтій; то, что Санктпетербургская Коммерческая Газета весьма справедливо назвала однажды началомъ, отъ котораго людямъ никогда не слѣдовало отступать, но къ которому, теперь, нѣтъ возможности возвратиться, словомъ свободная торговля,—это высшее наведеніе ума, озареннаго тысячью томовъ ученыхъ изысканій,—свободная торговля искони существуетъ въ Турціи безъ каедръ Политической Экономіи и проникаетъ все ея государственное устройство. Кто этого не понимаетъ и не видитъ, тотъ не долженъ писать о Турціи, потому что, благодаря Бога, книгъ пустыхъ и безтолковыхъ и безъ него у насъ довольно.

=

ВЫСОТА ТЕРМОМЕТРА

СЪ ПЕРВАГО АВГУСТА ПО ПОСЛѢДНЕЕ ЧИСЛО ДЕКАБРЯ 1812 ГОДА, ПО КНИГАМЪ ВИЛЕНСКОЙ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

По поводу статьи Д. В. Давыдова о томъ, морозъ ли истребилъ Французскую армию въ 1812 году, мы пригласили любителей отечественной исторіи поискать въ архивѣ бывшаго Виленскаго университета точныхъ свѣдѣній о состояніи воздуха во второй половинѣ этого года, выписавъ ихъ изъ вѣдомостей, представленныхъ гимназіями тѣхъ губерній, черезъ которыя Наполеонъ совершалъ свое отступление, и предложили напечатать ихъ въ нашемъ журналѣ. Рѣшеніе этого вопроса, сдѣлавшагося историческимъ, не можетъ быть сомнительно; однако жъ пренія съ писателями, которые приписываютъ торжество наше не твердости Русскаго народа и искусству его полководцевъ, но случайности стужи, не могутъ основываться на бивуачныхъ наблюденіяхъ и воспоминаніяхъ Французскихъ генераловъ: весьма желательно представить доказательства, противъ которыхъ не можетъ быть возраженія.

Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ, котораго, къ несчастію, мы не могли разобрать подписи, отнесся, по приглашенію «Библіотеки для Чтенія», въ Виленскую астрономическую обсерваторію, и она доставила ему, а онъ благоволилъ сообщить намъ выписку изъ метеорологическихъ книгъ о стояніи Реомюра термометра въ Вильнѣ съ 1 августа по 31 декабря 1812 года, съ показаніемъ за каждый день самой меньшей и самой большой температуры воздуха. Нашъ корреспондентъ присовокупляетъ, что ни въ архивѣ университета, ни на обсерваторіи, не отыскалось ничего о термометрическихъ наблюденіяхъ, дѣланныхъ въ то же время въ другихъ губерніяхъ, и полагаетъ, что разница температуры въ областяхъ лежащихъ вмѣстѣ

съ Виленскою обсерваторією между 54 и 56 градусами широты, не могла быть значительна. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ: осенью часто на разстояніи двухъ сотъверствъ примѣчаются двѣ весьма различныя температуры. Почтенный корреспондентъ вѣроятно захочетъ довершить начатое изслѣдованіе, отнесшись въ гимназіи тѣхъ губерній, черезъ которыя проходила Французская армія. Весьма полезно было бы имѣть наблюденія, дѣланныя въ Витебскѣ и Могилевѣ, или по-крайней-мѣрѣ въ Полоцкѣ, для сравненія ихъ съ Виленскими. Быть-можетъ, что, по причинѣ расстройствъ учебныхъ заведеній въ военное время, наблюденія не дѣлались во многихъ гимназіяхъ, но при Полоцкой Іезуитской академіи была обсерваторія, и въ архивѣ ея вѣроятно сохранились метеорологическія записки 1812 года.

По показаніямъ Г. Шамбрé, въ вѣрности которыхъ никакъ нельзя ручаться, первый морозъ, въ 4 градуса, случился 15 октября стараго стила, когда Французская армія отступила къ Малоярославцу. Съ тѣхъ поръ до 28 числа была оттепель или шелъ снѣгъ. Далѣе Г. Шамбрé показываетъ :

Октября 28.	—12° стужи.
31.	—17
Ноября 1.	—17.

Въ это время непріятель находился въ Смоленскѣ. По словамъ генерала Гурго́ эта стужа, отъ 12 до 17 градусо́въ, продолжалась пять дней. Генералъ Жоинви назначаетъ ей также пять дней, но думаетъ, что она простиралась только отъ 3 до 8 градусо́въ.

По вѣдомости Виленской обсерваторіи, 15 октября, то есть, въ первый день стужи, которой Г. Шамбрé назначаетъ 4 градуса мороза, было 5 градусо́въ тепла. Первый морозъ показанъ 18 октября, и то не болѣе полградуса. Двадцать втораго числа былъ самый сильный морозъ октябрьскій, —5°. Отъ 28 октября по 1 ноября включительно стужа измѣнялась отъ 1 до 3½ градусо́въ; по 2 ноября было 10, а на слѣдующій день 6¼ градусо́въ мороза. Французская армія находилась тогда между Смоленскомъ и Оршею. Географическая широта Смоленска только 6 минутами съвер-

нве Вильна, а широта Орши 11 минутами южнѣе Виленской. Разница долготы простирается отъ 6 до 7 градусоѣвъ къ востоку.

	<i>Широта.</i>	<i>Долгота отъ Ферро.</i>
Вильно	54°41'2"	42°57'23".
Смоленскъ	54°47'15"	49°45'5".
Орша	54°30'22"	48°57'21".

Съ 3 по 22 движеніе температуры заключалось между +1° и -6°. Сильные морозы въ 18°, 20° и 21 градусоѣвъ начинаются съ 24 и продолжаются, по вѣдомости, до конца мѣсяца.

ВЫСОТА ТЕРМОМЕТРА РЕОМЮРОВА ВЪ ВІЛЬНѢ.

1812 годъ.

Августъ.

	<i>Самая меньшая.</i>	<i>Самая большая.</i>	<i>Средняя.</i>
1 августа	+ 13°	+ 16°	+ 14.16.
2	+ 11.5	+ 16.7	+ 13.40.
3	+ 11.2	+ 15	+ 12.63.
4	+ 9.5	+ 17.7	+ 13.56.
5	+ 9.5	+ 18	+ 13.83.
6	+ 9.7	+ 17.5	+ 13.56.
7	+ 12.5	+ 19.2	+ 15.56.
8	+ 11	+ 20.2	+ 15.63.
9	+ 11	+ 20.5	+ 15.73.
10	+ 13.5	+ 19.7	+ 16.40.
11	+ 14	+ 19.7	+ 17.06.
12	+ 12.5	+ 19	+ 15.50.
13	+ 11.5	+ 19	+ 15.16.
14	+ 13.5	+ 20	+ 16.83.
15	+ 15.2	+ 19.5	+ 16.56.
16	+ 12.5	+ 20.5	+ 16.00.
17	+ 13	+ 21	+ 17.06.
18	+ 14	+ 20.2	+ 17.06.
19	+ 14	+ 16.7	+ 15.23.
20	+ 9.5	+ 16	+ 12.63.
21	+ 6	+ 10.5	+ 8.66.
22	+ 5.5	+ 12	+ 9.00.

	Самая меньшая.	Самая большая.	Средняя.
23	+ 3.5	+ 10.5	+ 7.50.
24	+ 7.	+ 13.7	+ 10.23.
25	+ 4.5	+ 11.	+ 8.16.
26	+ 6.5	+ 10.7	+ 8.30.
27	+ 2.	+ 9.	+ 5.56.
28	+ 0.5	+ 8.5	+ 4.90.
29	+ 2.	+ 11.	+ 7.00.
30	+ 2.	+ 12.	+ 7.90.
31	+ 7.5	+ 13.	+ 10.16.

СЕНТЯБРЬ.

1 сентября	+ 9°	+ 13°	+ 10°66.
2	+ 8.	+ 12.	+ 10.16.
3	+ 8.5	+ 13.	+ 10.50.
4	+ 10.2	+ 14.7	+ 8.80.
5	+ 8.5	+ 15.	+ 12.16.
6	+ 10	+ 16.	+ 12.66.
7	+ 8.2	+ 11.	+ 12.36.
8	+ 5.5	+ 9.	+ 68.3.
9	+ 3.7	+ 9.5	+ 7.06.
10	+ 8.	+ 14.	+ 11.23.
11	+ 7.5	+ 11.5	+ 9.16.
12	+ 4.5	+ 8.5	+ 6.66.
13	+ 3.5	+ 6.	+ 4.33.
14	+ 3.5	+ 6.5	+ 4.56.
15	+ 0.5	+ 6.5	+ 3.66.
16	+ 4.5	+ 9.	+ 7.70.
17	+ 7.2	+ 10.5	+ 9.23.
18	+ 4.5	+ 8.5	+ 6.50.
19	+ 3.	+ 8.	+ 5.33.
20	+ 4.	+ 6.5	+ 5.00.
21	+ 2.7	+ 9.	+ 6.13.
22	+ 3.7	+ 8.5	+ 5.90.
23	+ 2.	+ 7.5	+ 4.23.
24	+ 3.5	+ 8.5	+ 6.00.
25	+ 1.7	+ 9.7	+ 7.70.
26	+ 4.	+ 9.5	+ 6.33.
27	+ 4.7	+ 10.	+ 10.96.
28	+ 6.5	+ 10.	+ 8.50.
29	+ 8.2	+ 10.	+ 9.06.
30	+ 9.5	+ 13.7	+ 10.96.

ОКТАБРЬ.

	Самая меньшая.		Самая большая.		Средняя.
1 октября	+ 6°	+	12°5.	+	9° .16.
2	+ 8.5.	+	12.7.	+	10.56.
3	+ 8.5.	+	11.7.	+	10.40.
4	+ 7.	+	10.5.	+	8.66.
5	+ 6	+	8.2.	+	7.06.
6	+ 4.7.	+	8.5.	+	6.56.
7	+ 5.5.	+	8.	+	7.16.
8	+ 9.	+	12.5.	+	10.73.
9	+ 7.7.	+	11.2.	+	9.86.
10	+ 7.5.	+	8.5.	+	8.00.
11	+ 7.	+	9.	+	8.00.
12	+ 7.	+	10.	+	8.23.
13	+ 6.	+	8.2.	+	6.96.
14	+ 4.	+	7.5.	+	5.90.
15	+ 5.	+	7.	+	6.06.
16	+ 3.7.	+	4.	+	3.90.
17	+ 3.5.	+	5.	+	4.13.
18	- 0.5.	+	4.	+	1.50.
19	- 0.5.	+	3.	+	0.83.
20	- 2.5.	+	1.	-	1.33.
21	- 4.	+	1.	-	2.16.
22	- 5.2.	+	2.5.	-	0.56.
23	0.	+	2.2.	+	1.30.
24	+ 2	+	3.5.	+	2.50.
25	+ 1.5.	+	3.7.	+	2.23.
26	+ 1.	+	2.7.	+	1.80.
27	+ 1.	+	2.5.	+	1.83.
28	- 2.	+	1.5.	-	0.16.
29	+ 1.	+	2.5.	+	1.50.
30	+ 1.	+	3.	+	2.00.
31	- 3.5.	+	2.	-	0.11.

НОЯБРЬ

1 ноября	- 8°	-	4°	-	6° .33.
2	- 9.2.	-	6.	-	7.73.
3	- 6.5.	-	4.2.	-	3.96.
4	- 3.	-	0.5.	-	1.83.
5	- 2.	+	1.	-	0.50.
6	+ 1.	+	3.	+	2.16.
7	+ 1.5.	+	3.2.	+	2.40.

	Самая меньшая.	Самая большая.	Средняя.
8	— 0°5.	+ 02.	— 0°25.
9	— 2.2.	— 0.2.	— 1.43.
10	— 6.2.	— 4.	— 4.80.
11	— 5.5.	— 3.	+ 4.16.
12	— 2.	— 1.7.	+ 0.06.
13	— 2.	+ 0.5.	— 0.90.
14	— 4.	— 0.5.	— 2.50.
15	— 4.	— 0.2.	+ 2.06.
16	— 1.5.	+ 2.	+ 0.10.
17	— 5.2.	— 1.5.	— 3.30.
18	— 3.2.	— 0.2.	+ 1.46.
19	— 0.5.	+ 1.2.	+ 0.83.
20	— 1.0.	+ 1.7.	+ 0.23.
21	— 3.2.	— 2.5.	— 2.90.
22	— 6.	— 5.	— 3.66.
23	— 10.	— 9.2.	— 9.73.
24	— 18.5.	— 14.1.	+ 5.83.
25	— 20.5.	— 18.	— 19.23.
26	— 17.5.	— 16.	— 16.83.
27	— 15.	— 11.	— 12.83.
28	— 14.2.	— 14.	— 9.40.
29	— 14.	— 10.5.	— 12.00.
30	— 21.	+ 16.7.	— 18.23.

ДЕКАБРЬ.

1 декабря.	— 8.5.	— 6.	— 7.50.
2	— 13.2.	+ 9.7.	— 11.80.
3	— 18.	— 13.5.	— 15.50.
4	— 15.	— 9.7.	— 11.56.
5	— 17.	— 14.	— 15.33.
6	— 19.2.	— 15.	— 17.23.
7	— 14.	— 8.5.	— 10.66.
8	— 13.	— 6.7.	— 8.96.
9	— 14.5.	— 9.	— 11.23.
10	— 20.5.	— 17.	— 18.50.
11	— 21.7.	— 16.5.	— 18.40.
12	— 17.5.	— 15.	— 16.00.
13	— 10.5.	— 5.7.	— 7.73.
14	— 2.	— 0.5.	— 1.06.
15	— 2.5.	+ 0.5.	— 0.73.
16	— 4.5.	— 2.	— 3.50.
17	— 1.	+ 1.	0.00.

Т. XIII. — Отд. III.

12 1/2

	Самая меньшая.	Самая большая.	Средняя.
18	+ 0.7.	+ 1.5.	+ 12.3.
19	- 7.	- 2.	- 4.16.
20	0.	+ 0.7.	+ 0.46.
21	- 6.	+ 1.	- 2.33.
22	- 4.	- 0.7.	- 1.80.
23	- 4.	+ 0.7.	- 1.26.
24	- 7.	- 2.	- 4.33.
25	- 5.5.	- 3.	- 3.83.
26	- 4.	- 2.5.	- 3.16.
27	- 1.5.	+ 0.2.	- 0.78.
28	- 7.2.	- 4.5.	- 5.90.
29	- 6.	- 3.	- 4.83.
30	- 4.5.	- 3.7.	- 4.23.
31	- 6.	- 4.7.	- 5.23.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ИСТОРИЯ

ПРЕОБРАЗОВАНІЯ РУССКАГО ПОМѢСТЯ, СЪ ТРЕХПОЛЬНЫМЪ ЗЕР-
НОВЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ, ВЪ АНГЛІЙСКОЕ, СЪ ПЯТИ-ПОЛЬНЫМЪ
ПЛОДОПЕРЕМѢННЫМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Прежній порядокъ въ помѣстьѣ.

Фроловское сельское хозяйство до своего преобразования было во всѣхъ отношеніяхъ старинное Русское, съ обыкновеннымъ зерновымъ полеводствомъ, въ которомъ три поля, — озимое, яровое и паръ. Надобно сперва дать въ нѣсколькихъ словахъ понятіе объ этомъ родѣ хозяйства, потому что тѣ, которые его производятъ, не очень хорошо понимаютъ сами, въ чемъ оно состоитъ, а тѣ, которые имъ не занимались, не могли бы и представить его себѣ.

Извѣстно, что старинныя Русскія сельскія хозяйства были крѣпки словомъ, а не письмомъ, счетомъ и мѣрою. Они устроивались на глазомѣръ, а не по правиламъ науки; управлялись патриархально, — на вѣру, а не по строгой и систематической отчетности. Здѣсь все предоставляется лицамъ; все худое и хорошее въ хозяйствѣ зависѣло встарину отъ смысла и поведенія приставовъ: если что въ хозяйствѣ худо, то перемѣняли должностное лице, а не систему и порядокъ.

Такимъ образомъ, обыкновенно завѣдывалъ полями, лугами и крестьянскими работами староста или прикащикъ,

и распоряжался всемъ этимъ, какъ умѣлъ, какъ вздумалось, не выступая впрочемъ изъ границъ (за это бывали ужасные выскки), предписанныхъ старинными повѣрями, то есть, соблюдая, въ какой день надобно выпускать скотъ въ поле, начинать сѣять, косить, и прочая. Лѣсникъ зналъ только ходить по лѣсу; возбранять, а иногда разумѣется, и дозволить порубку: безъ лѣснаго хозяйства, безъ правильныхъ лѣсосѣкъ, долго надобно бродить по лѣсу, чтобъ отыскать порубку и повѣрить лѣсника. Скотникъ, выбиравшійся изъ самыхъ негодныхъ и провинившихся дворовыхъ людей, управлялъ скотнымъ дворомъ на совѣсть; кормилъ, разводилъ и переводилъ скотъ, какъ благопридумалъ, не слыхавъ ничего о различныхъ породахъ скота, о искусствѣ разводить и содержать скотъ, о скоточеніи и прочая. Сельской бухгалтеріи почти ни какой не было. Нѣкоторые расходы, приходы и главныя событія въ хозяйствѣ, — посѣвы, пачала жатвъ и сѣнокоса, записывались въ календарь, а кто не покупалъ и календаря, у того все счетоводство умѣщалось на одномъ листѣ бумаги. Также не было въ заведеніи составлять не только годовыхъ ведомостей о работахъ на работы обоюго пола крестьянъ съ означеніемъ метеорологическихъ наблюдений, столь важныхъ для хозяйства, съ отмѣтками о качествахъ, количествахъ и успѣхъ работъ, но даже вслѣдственныхъ ведомостей о приходахъ и расходахъ. Годовыхъ свѣтъ и предварительныхъ расписаній, приводящихъ благовременно въ извѣстность количество всего урожая, избытковъ на продажу, которые должны оставаться отъ годовичнаго продовольствія людей и домашнихъ животныхъ, количество и распределение продовольствія, потребнаго въ годъ для домашняго обихода, тоже не составлялось. «Слава Богу», доносилъ староста, по уборкѣ съ полей жатвъ, «у насъ въ гумнѣ три большихъ скирда ржи, два малыхъ, четыре стожка, да еще возовъ двадцать подъ рязнымъ сараемъ; овса у насъ два скирда жатаго и четыре омега розвязи кошената. Жита (ячменя) скирда цѣлый и два стожка». Не спрашивайте о величинѣ скирды, о числѣ сноповъ въ скирдѣ, о числѣ сноповъ разнаго хлѣба, о числѣ пудовъ сѣна въ сажени сѣннаго скирда, если не хотите прослыть пустымъ мудрецомъ и нововводителемъ заморщины, которая намъ ненужна и не годитъ

ся! Во многих хозяйствах ставилось въ грѣхъ считать снопы хлѣба въ полѣ.

Описей скотному двору по достоинству и лѣтамъ животныхъ, съ означеніемъ ихъ болѣзней, птичному двору и ульямъ пчелъ; вѣдомостей о кормѣ по возрасту и силѣ животныхъ, о молокѣ и маслѣ, — не бывало и въ поминѣ. Утвердили, что отъ счета убавляются удои, а скотъ и птица переводятся. «Все ваше, сколько ни есть,» говорили хозяева: «зачѣмъ считать, — сглазишь». Въ самомъ дѣлѣ, держась обыкновенно старины, нужно было знать о скотѣ только то, сколько находится дойныхъ коровъ, потому скотница обязана была каждый годъ выставлять съ дойной коровы по 20 или 30 фунтовъ топленого масла и внести по рублю творожныхъ денегъ; птичница приносить яйца, сколько набиралось, и выдавать повару птицъ, сколько потребуется, хотя бы до послѣдней, особенно при пирахъ и разгульѣ: медъ вынимать изъ ульевъ была воля господская, — сколько угодно. Если бы помѣщица, особенно взята въ замужство со стороны, рѣшилась сама входить въ скотные счета, при себѣ снимать сметану, пахтать масло, дѣлать молочныя кушанья, надзирать за ульями и скотомъ, то вѣрно прослыла бы въ простонародіи иноземкою. По обычаю, все должны были дѣлать приставленные лица.

Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя въ виду ни какихъ сельскихъ хозяйствъ, устроенныхъ по правиламъ науки, легко можно было полагать, что вся сила — въ честности людей, а не въ ихъ познаніяхъ: надѣялись, что если кто приставленъ къ чему, то долженъ уметь уладить свое дѣло отлично, лишь было бы приказаніе и съ его стороны усердіе. А чтобы въ хозяйство не вкрадывались страсти, чтобы онѣ не отвлекали приставовъ отъ дѣла, и не мѣшали неусыпности и бережливости, въ должностныя лица были выбираемы обыкновенно старички и старушки и по-временамъ присоединяли къ нимъ въ помощь молодыхъ людей изъ провинившихся въ дворнѣ. Если слишкомъ уже много въ иной годъ издыхало птицъ, пчелъ, телятъ, скота, слишкомъ много тратилось корма, виновникомъ всего этого былъ домовый, худой глазъ и тому подобное. Почти то же было и по всѣмъ другимъ частямъ домоводства. Вѣдали подробно и сберегали

безъ всякихъ описей пожитки въ кладовой, припасы въ погребахъ, подвалахъ, сѣрую и упряжь въ каретномъ сарае, дворедкѣй, ключница, кучеръ. Въ тѣ блаженные времена можно было крѣпко и долго почивать сельскому хозяину.

Начто было послѣ этого слишкомъ много хлопотать о форменныхъ ведомостяхъ, о свѣтахъ, описяхъ? Дворедкѣй, староста, скотникъ, кучеръ, птичница, пчельникъ, скотница были живыми ведомостями. Можно было тотчасъ призвать ихъ и, о какой ни понадобится отрасли хозяйства, навести справку, да и расправиться съ ними въ ту же минуту.

Если записывалось что-либо съ болѣею точностью, такъ это молотѣба по-овинно. Всегда можно было узнать сколько обмолочено овинновъ и какого именно хлѣба; сколько взято льну. Однако жъ и тутъ нельзя было поручиться за вѣрность счета сноповъ и обмолоченнаго хлѣба. Въ запискѣ могло означаться съ точностью только число обмолоченныхъ овинновъ; а сколько на каждомъ овиннѣ сѣдело сноповъ, это угадывалось по предположенію, потому что попадалось множество сноповъ не только ярового хлѣба, но ржаного, перебитыхъ и худо связанныхъ, которые садили на овинъ развязью. Хотя количество обмолоченнаго хлѣба тутъ уже записывалось, однако жъ утвердительно нельзя было сказать, что именно столько хлѣба находится въ закромахъ, сколько показываетъ итогъ записки. Обыкновенно хлѣбъ насыпался съ гумна въ четверякъ, который побольше, и вершокъ, а изъ житницъ отпускали на продажу и въ расходъ въ другой четверякъ, поменьше и подъ гребло. Въ иныхъ хозяйствахъ, въ избѣжаніе невѣрности, придумали измѣрять обмолоченный хлѣбъ не четвертями или четвериками, а закромами, большими и малыми, корытами и кадками. По окончаніи молотѣбы староста или амбарщикъ доносилъ, что «въ шнѣнѣ, шнемъ году, слава Богу, намолочено *довольно хлѣба*: въ первомъ амбарѣ насыпано ржи три большихъ закрома и два малыхъ, да два корыта льну; въ другомъ амбарѣ семь закромовъ овса и одинъ угольный жита; двѣ кадки льну, одна, поменьше, конопель, и два корыта гороха. А корма для скота у насъ *не мало*. Яровое родилось лучше прошлогодняго: можно будетъ *порядкомъ* продать сѣна, ржи и овса». А сколько именно, никто не знаетъ. Если въ иной

годъ встрѣчалось больше нуждъ, то больше и продавалось всѣхъ произведеній. Нужда опредѣляла сбытъ, а не смѣта избытковъ, остававшихся отъ годичнаго продовольствія людей и животныхъ. Иногда неумышленно, непримѣтно и просто отъ неимѣнія правильнаго счетоводства, касались до основныхъ капиталовъ хозяйства и истребляли сѣменный хлѣбъ или сбывали скоть, который былъ необходимъ для унавоживанія значительнаго числа десятинъ.

Отъ подобныхъ промаховъ и нерасчетливости нередко случалось, что, несмотря на большое количество собраннаго сѣна и соломы, корма скоту къ веснѣ не доставало. Надобно еще замѣтить, что при раздачѣ корма на глазомѣръ, всегда потребляется лишнее, особенно, когда, по обычаю, разметываютъ сѣно и солому по угламъ скотнаго двора, гдѣ скоть не столько съѣдаетъ, сколько стаетъ подъ ногами. Въ издеждѣ на избытки, на мнимую полноту закромовъ и сѣнныхъ сараевъ хлѣбомъ и сѣномъ, продаютъ съ осени сѣно и хлѣбъ дешево, а весною, то и другое покупаютъ въ три-дорога. Обмолвка, недомолвка, признаніе въ плохой памяти со стороны старостъ и амбарщиковъ, и приносимыя ими въ оправданіе бирки (палочки, на которыхъ безграмотные, для счета прихода и расхода хлѣба, дѣлаютъ наръзки или мѣтки: ихъ всегда можно срвать и наръзать, какъ угодно) не возвращаютъ въ закромы недомеровъ хлѣба. А эти недомеры случались и случаются въ Русскихъ хозяйствахъ всякій годъ, несмотря на предосторожности амбарщиковъ принимать съ гумна хлѣбъ въ закромъ верхомъ, а отпускать въ расходъ подъ гребло. Тутъ ужъ виноваты одни домовые! Они-то пролезаютъ въ щелки и невидимо отполняютъ закромы. Однако все сходило съ рукъ, если амбарщикъ ладилъ со старостою, а тотъ съ дворецкимъ. Въ противномъ случаѣ, спаси, Господи, всякаго крещенаго! Подымались жестокиа домашніа бури, отъ которыхъ цѣлый домъ, село и деревни колебались въ основаніяхъ. Слѣдствіямъ, очинимъ ставкамъ, брюзжанью, конца не бывало.

Неразъ случалось, въ молодыхъ лѣтахъ, быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, весьма комическихъ и весьма драматическихъ. Казалось, что никакъ невозможно вынести

сельской жизни съ такимъ безпокойнымъ хозяйничаньемъ, исполненнымъ хлопотъ и взысканій; что не только два года сряду не пробудешь въ деревнѣ хозяйномъ, но даже двухъ мѣсяцевъ, хотя бы имѣніе сулило золотыя горы. Но привычка вторая природа! Очень порядочные люди привыкали и къ этому; кромѣ того, что жъ было дѣлать? Какъ иначе хозяйничать, не зная даже о существованіи науки сельскаго хозяйства? Одно средство—покориться судьбѣ и важно рѣшать тяжбы между амбарщикомъ и домовымъ.

Должно было хвататься за безчисленные и всегда односторонніе совѣты сосѣдей, слѣдовать обычаямъ и побрямъ, доверять должностнымъ лицамъ, опираться на ихъ предразсудки, а съ тѣмъ вмѣстѣ на двойные, тройные огромные замки, желѣзныя двери и рѣшетки и тяжелые запоры, съ которыми неразлучны подозрѣнія, ошибки; лукавство, розыски, безпокойство. Гдѣ нѣтъ ясности въ понятіяхъ, системы въ дѣйствіяхъ, очевидности въ счетахъ, тамъ всегда гнѣздятся беспорядокъ и недоверчивость.

Кто у насъ зналъ навѣрное, сколько въ его хозяйствѣ находится десятинъ луговъ и лѣсу, или, сколько въ каждомъ полѣ пахотныхъ полосъ и какой мѣры? Поля были не ровныя и полосы тоже. Поля составлялись не по географическому взмѣренію земли съ разбитіемъ на десятины, образовывались не по какой-нибудь системѣ полеводства, а по мѣстоположенію, на глазомѣрѣ, по удобности. Низины, болотины, котловины обходились: ихъ оставляли непаханными, и онѣ зарастали кустами, запосились сугробами снѣга, производили всегда вымочки и были неотвратимымъ зломъ для полеводства.

Заступъ не помогалъ сохѣ. Противъ полевыхъ канавъ и стоковъ было предубѣжденіе: говорили, что отъ нихъ портятся поля и что подъ ними много пропадаетъ земля. Если въ иномъ хозяйствѣ пазначали подымать новыя мѣрыми десятинами, то мужички тутъ себя не забывали. Полной и правильной десятины почти никогда не отмѣривали себѣ пахаря, когда во всемъ хозяйственномъ составѣ не было отчетности. Иная десятина упиралась въ болото, поточину, въ лугъ, еще неистощавшій, который подымать было жалко, и она оставалась неполною. Если не доставало ось-

мой, четвертой части въ десятины, все таки эта полоса шла за десятину; а если иная была даже на глазомѣръ заметно мала, къ ней придирали одно или два кадица (клица) въ другомъ мѣств. Отъ этой неправильности и разброда пашни происходила възгая путаница въ посявахъ. Нельзя было узнать навѣрное, сколько выдетъ сѣмень на разбросанныя и равномѣрные полосы, особливо, когда попадались разные сѣвцы, и невозможно было даже по сѣвномъ опредѣлить числа десятины. Межи господскихъ десятины ежегодно зарастали. Пахарь никогда не касался сохой этихъ обычныхъ рубежей раздѣленія, освященныхъ давностью, такъ, что по нимъ можно было не только ходить, но ѣздить. Никому не приходило въ голову замѣнить столбиками эти разсадники сорныхъ травъ и оплота для стока воды, столь вредные для полеводства. При неопредѣленности пахатныхъ полей, странно было бы и требовать точной мѣры для луговъ и разбитія сѣнокосовъ на десятины для опредѣленныхъ трудовъ сѣнокосенія. Сѣно косили сгономъ, всею барщиною, косцы становились въ одинъ не обозримый рядъ, рассыпались по кустамъ, скрывались изъ глазъ и звали.

При такомъ небреженіи времени и труда рабочаго класса, при такой беззаботности о количествѣ произведеній, могли ли прийти на мысль умозрѣнія, —напримѣръ, опредѣлять количество и качество навоза по количеству и качеству животныхъ, корма и подстилки и по степени зрѣлости самаго матеріяла удобренія, и все это соразмѣрять съ пространствомъ земли, сѣвооборотомъ и урожаями? Главная основа урожаяевъ, —унавоживаніе полей, —производилось также на глазомѣръ. Бабы были геометрами этой важной операціи! Эта незамысловатость, простота, невинность хозяйства отражались не только на полѣ и въ анбарѣ, но и на всѣхъ сельскихъ ремеслахъ. Мы сами знали, что это дурно; даже приговорили свое нерадѣніе къ стыду пословицею, которая такъ живописно выражала непрочнось и уродливость нашихъ сельскихъ издѣлій, посредствомъ лаконической фразы—*Русская домодѣльщица!* и, несмотря на пословицу, продолжали нерадѣть, доколѣ правительства, такъ сказать, не принудило насъ поощреніями, примѣрами,

пожертвованиями, приняты за собственную нашу пользу.

Вся эта картина старого Русскаго хозяйства примыкаетъ въ точности къ помѣстью, котораго преобразование составляетъ предметъ моей исторіи. Должно однако отдать справедливость Фролову: оно было однимъ изъ хорошихъ въ своей сторонѣ Русскихъ сельскихъ хозяйствъ, сколько по бережливости домовитой хозяйки, столько по хорошему плодовому саду. Оно доставляло богатые жатвы по ноямъ, когда устроивалась усадьба и распахивались поля. Почва земли здѣсь зеленістая съ довольномъ количествомъ песку. Было и природнаго чернозема: по пустоши Фролово росъ во множествѣ оршникъ, признакъ черной почвы, какъ ивнякъ, олешникъ, бредина суть признаки почвы кислой, водянистой, подзольной и плохой.

Вотъ подробности о пространствѣ земли этого имѣнія, объ его угодьяхъ, работахъ крестьянскихъ, скотоводствѣ, удобреніи, количествѣ господской запашки, посѣвахъ, урожаяхъ, содержаніи дворовыхъ людей и обо всемъ, что было заведено и въ обычай.

1. *Земля и угодья.* Фроловское помѣстье—особнякъ. По своимъ угодьямъ и обширности дачи, которая въ одной окружной межѣ, безъ всякаго черезполоснаго владѣнія, имѣетъ до 900 десятинъ земли, и только 150 десятинъ неудобной почвы подъ моховымъ болотомъ, занимаетъ мѣсто въ ряду отличныхъ имѣній въ Зубцовскомъ уездѣ. Съ отхожими пустошами считалось въ немъ до 1,200 десятинъ земли съ довольномъ количествомъ строеваго и дрѣвянаго лѣса и съ множествомъ сѣнокосовъ. За удовлетвореніемъ своихъ крестьянъ землею и сѣнокосомъ, и кромѣ господской запашки и луговъ, отдавалось сѣнокосовъ и земли на сторону подъ напикъ на 1,500 рублей ежегодно. Наемщики обязаны были, кромѣ платы деньгами, приносить гостинцы рыбой и медомъ и, сверхъ-того, сжать шесть десятинъ ржи. Прихаживали иногда и изъ соседнихъ деревень помогать косить за дозволеніе пасты повременимъ скотъ на Фроловской дачѣ.

2. *Крестьяне и работы.* Крестьянъ всего было 24 тѣла, составлявшія шесть долей. Три двора съ шестью тѣлами, или полторы доли, находились при господской

усадебъ; остальные четыре съ половиною доли жили въ одной деревнѣ, за двѣ съ половиною версты отъ господской усадьбы. Доля крестьянъ, по обычаю той стороны, состоитъ изъ двухъ полудоль, изъ четырехъ четверокъ, или тяголъ, (мужъ съ женою), всего изъ восьми человекъ обою пола. Это раздѣленіе тягловыхъ крестьянъ на доли, полудоли, четверки, отъменно удобно, какъ для работъ, такъ и для надѣленія крестьянъ землею по количеству отправляемой ими господской работы. Каждая четверка (мужъ съ женою) имѣетъ во владѣніи своемъ земли противу другихъ три шеста, или на три дня. Этого выходитъ столько, что тягло высвѣаетъ на себя до двухъ съ половиною четвертей ржи въ полѣ. Владѣть землею «на три дня» значитъ то, что четверка, или тягло (мужъ съ женою) ходитъ на барщину, съ конемъ или пшшее, какъ потребуется, три дня въ недѣлю. Поддольщики, или двѣ четверки, имѣютъ земли вдвое болѣе противъ четверщиковъ. Изъ поддольщиковъ одно тягло, или четверка, обыкновенно стоитъ на барщинѣ всю недѣлю или шесть дней, а другое остается дома. Это почти тоже, что работать «братъ на брата». Но вотъ преимущество раздѣленія на полудоли противъ работы братъ на брата: въ последнемъ случаѣ, старъ ли, молодъ ли, одинъ крестьянинъ долженъ ходить съ женою на барщину ежедневно; напротивъ - того, въ полудоль, если случится, что одинъ изъ двухъ тягловыхъ крестьянъ устарѣлъ, хворъ, или что другой еще слишкомъ молодъ, такъ, что они не могутъ стянуть полдоль, другими словами — управиться съ своею работою на шесть шестовъ * и въ то же время отстоять мужу съ женою шесть дней на барщинѣ, то эти два тягла берутъ земли только на пять шестовъ или на четыре и отстаиваютъ на барщинѣ въ недѣлю пять или четыре дня вмѣсто шести, а въ остальные они остаются дома. Равнымъ образомъ три тягла, или три четверки, могутъ взять земли не девять шестовъ, а восемь, и отстаивать на господской работѣ не девять дней, а восемь, посылая, разумѣется, съ полной своей полудоль му-

* Шестомъ, вмѣсто сажени, крестьяне обыкновенно мѣряютъ и дѣлятъ между собою свою землю.

жа съ жепюу, на всѣ шесть дней, на барщину, тогда какъ третье тягло отстаиваетъ на барщинѣ только два дня въ недѣлю.

Когда на барщинѣ отправляютъ работу одни поддольщички, это называется работать *поддольно*; если случатся работы общія и на нихъ наряжаются всѣ тягловые крестьяне, это значить — работать *поголовно*. Иногда присоединяются къ поголовнымъ мужикамъ поддольныя бабы, а бабы поголовщицы остаются дома, но иногда работаютъ оба пола вмѣстѣ всѣ поголовно. Поголовныя работы производятся для успѣшнаго совокушнаго дѣйствія и скорѣйшаго общими силами окончанія разъ въ году случающагося дѣла, какъ у самихъ крестьянъ, такъ и на барщинѣ: таковы вывозка навоза, возка сноповъ въ гумно, уборка сѣна. Въ подобномъ случаѣ всѣ поголовные стоятъ на барщинѣ одни, два, три дня, и потомъ всѣ на столько же времени отпускаются работать дома. Мужскія поголовныя работы суть слѣдующія: паханіе, сѣвъ, сѣнокосъ, кошеніе яроваго, возка сноповъ въ гумно, постройка. Поголовныя для обоего пола: вывозка навоза, уборка сѣна. Поголовныя для однихъ бабъ: жатъе, вязанье сноповъ яроваго хлѣба, подбираніе сора на лугахъ. Но молотьба, рубка и вязка дровъ и хлѣба на продажу, также полонье, поливка въ саду и огородѣ и прочія легкія домашнія подѣлки принадлежать къ работамъ поддольнымъ.

Луговъ у крестьянъ во владѣніи было довольно: при огуменномъ кормѣ поддольщички могли прокормить три, иногда четыре лошади, двѣ; три коровы и нѣсколько головъ мелкаго скота. Но теперь луга совершенно выродились и скотоводство крестьянское годъ отъ году становится хуже. Когда-то подоспѣеть къ крестьянамъ травосѣяніе и плодотворность. Это даль туманная, а нужда неминуемая.

3. *Скотоводство и удобреніе.* Скотоводство было такъ же обыкновенное: скотъ Русскій, дворъ скотный деревянный, который пришелъ уже въ ветхость и сдѣлался тѣснымъ для размножившагося скота. Онъ не могъ уже доставить скоту ни тепла, ни удобнаго помѣщенія. Въ 1892 году, при вступленіи новаго помѣщика въ хозяйство, всего рогатаго скота, большаго и малаго, находилось 90 головъ

и 9 лошадей. Этими числомъ въ 1822 году уважено было 8 сороковыхъ десятиныхъ. Приходилось на каждую удобряемую десятину круглымъ числомъ по двѣнадцати головъ. Неизвѣстно много! Истинная загадка агрономическая. Она разгадалась вполнѣ послѣ двѣнадцатилѣтняго запятія сельскимъ хозяйствомъ, и вотъ какимъ образомъ. Въ числѣ 90 головъ скота вѣроятно (тогда вѣдомостей скотнаго двора еще не составлялось) было по-крайней-мѣрѣ 15 телятъ новорожденныхъ, столько же одноподовальныхъ и двугодовальныхъ, слѣдственно, всего мелкаго рогатаго скота до 45 головъ. По Тезру, 10 мелкихъ даютъ навоза противу одной крупной скотины. Слѣдственно, 15 телятъ Фроловскихъ дали навоза только противъ $1\frac{1}{2}$; 15 годовалыхъ, положимъ, противъ 5, а 15 двугодовалыхъ противъ $7\frac{1}{2}$ головъ, всего 45 головъ мелкаго скота замѣняли 12 крупныхъ въ землеудобрѣніи. Такимъ образомъ выйдетъ только 57 головъ, доставившихъ равное количество навоза, а съ лошадьми 66 скотовъ. Это подлинное количество въ 1822 году дало на 8 десятиныхъ удобрѣнія. И за всѣмъ тѣмъ приходится слишкомъ по 8 головъ крупнаго скота на каждую удобряемую десятину. Не новость въ старинномъ сельскомъ хозяйствѣ. Холодный скотный дворъ, на которомъ навозъ зимою замерзаетъ, ни воза покушной соломы и другаго подсобнаго удобрѣнія, сухой кормъ соломою и сѣномъ во все время осени и зимы дѣйствительно не могутъ доставить много навоза. Если присоединить къ тому произвольную, безъ всякой мѣры, вывозку и разброску навоза, такъ, что на иную десятину, особливо изъ назначаемыхъ послѣ ржи подъ ячмень, приходило отъ 200 до 250 возовъ, то нельзя удивляться, что бываетъ иногда недостаточно и 8 головъ Русскаго скота, который самъ по себѣ не крупень, для хорошаго удобрѣнія одной сороковой десятины. По-крайней-мѣрѣ это подлинный фактъ во Фроловскомъ хозяйствѣ.

Это болѣе всего поражало новаго хозяина. Нельзя было не понять, что пѣтъ возможности, не только производить хлѣбопашества, съ успѣхомъ, но даже избѣгнуть неурожаевъ и крайняго истощенія земли, удобряя только съ небольшимъ четверть пароваго поля. Въ такомъ случаѣ навозъ попадалъ

на ту же землю не иначе, какъ черезъ двѣнадцать лѣтъ; въ теченіе этого времени требовались отъ нея, по свойству трехпольнаго зерноваго полеводства, четыре жатвы ржи и чегыре яроваго. Восьми жатвъ сильныхъ колосовыхъ хлѣбовъ положительно не можетъ доставить земля неудобренная, безъ истощенія и неурожая. Это былъ и есть одинъ изъ важнѣйшихъ камней преткновенія для сельскихъ хозяйствъ съ трехпольнымъ зерновымъ полеводствомъ. Малѣйшая оплошность въ земледобреніи и недостатокъ навоза на половину пара, часто случающійся въ этомъ полеводствѣ, ведутъ за собою двѣнадцати-лѣтнее безнавозное хлѣбопашество и неминуемое истощеніе десятинъ неудобренныхъ. Вотъ отчего происходитъ въ зерновомъ полеводствѣ неисправимая ничѣмъ выпашъ пахатныхъ полей, которую должно только оставлять на десятки лѣтъ въ-залежъ. Ни въ выгонномъ, ни въ плодопереѣмномъ полеводствѣ этого быть не можетъ, особенно при строгой отчетности, которая доставляетъ хозяину тотчасъ сообразиться и взять свои мѣры.

Сѣнокосовъ господскихъ столько было, сколько могли скосить и убрать тягловые крестьяне въ сѣнокосную пору безъ упущенія другихъ работъ. Сѣна накашивалось въ лучшій годъ, напримѣръ, въ дождливый 1822, не болѣе 1,250 копенъ, или 3,750 пудовъ. Для 9 лошадей, безъ дачи пѣкоторымъ овса, нужно въ годъ не менѣе 2,000 пудовъ сѣна: слѣдственно, оставалось для скота, даже въ хорошій годъ, не болѣе 1,750 пудовъ, — ничтожное количество. «Каковъ кормъ, таковъ и навозъ», говоритъ Теэръ. Не жиренъ былъ навозъ отъ рогатаго скота, судя по Фроловскому корму, который впрочемъ не отличался ни сколько отъ обыкновеннаго: крупному скоту давалась яровая и ржаная солома, мякниа, а телятамъ сѣно и скудное мучное пойло; въ лютые морозы, либо когда захвораетъ или отелится корова, давали хорошаго сѣна; для прочаго скота шли только верхи скирдовъ и подстожья; весной, въ теплую погоду, мѣсили рѣзку изъ яровой и ржаной соломы, поливали водою и посыпали мукою, и, по обыкновенію, посыпали такъ бережно, что едва приходилось на каждую скотницу по горсти муки. Впрочемъ и это пособіе, принятое въ стари-

ныхъ хозяйствахъ, поздно подоспѣвало на помощь: рѣзка производилась въ мартѣ и апрѣлѣ, когда многія коровы уже не вставали отъ безкормицы и зимней стужи. Въ этихъ хозяйствахъ наряжаютъ барщину подымать коровъ на скотномъ дворѣ для корма или выпуска въ поле. После этого какія могла собрать силы стельная корова, едва держащаяся на ногахъ, чтобъ отелиться, и какое количество молока до ставитъ она своему теленку? Въ Русскомъ скотоводствѣ собственно водились всегда не домовые, а коренныя, неизбежныя причины порчи, хворости, перерода и падежа, которымъ ни самый ученѣйшій ветеринарный врачъ помочь не въ состояніи. Давай хорошаго, питательнаго, сочнаго корму, умѣй ходить за скотомъ, приюти его на зиму потеплѣе, и всѣ недуги скотскіе исчезнутъ, и скотоводство процвететъ.

Присмотръ за скотомъ былъ также обыкновенный. Лакей, ивкогда видный собою, или устарѣлый женскій портной, былъ скотникомъ. Лѣтомъ онъ пасъ скотъ съ помощію подпасковъ, зимою убиралъ, наблюдалъ и кормилъ скотъ онъ же, съ помощію одного или двоихъ крестьянъ, ночевавшихъ на господскомъ караулѣ. Особая скотница завѣдывала молочнымъ скотомъ, и она же ходила за телятами; доставляла ежегодно по 20 фунтовъ топленнаго масла съ дойной коровы и по рублю творожныхъ; выпавала и сберегала телятъ на совѣсть. Но всякая щадить не столько телятъ, сколько себя, и менѣе заботится о выгодахъ и умноженіи скота, чѣмъ о выкормленіи телятъ обильнымъ молокомъ. Скотница имѣла помощницу, жену стараго скотника, которая всегда обижалась, что она трудилась, она доила коровъ, а скотъ былъ на рукахъ у другой, у соперницы. Если нужны были люди скотницѣ или скотнику, они могли брать въ помощь одну, двѣ крестьянки изъ полдольщины. Барщинскимъ работникамъ все равно, что ни дѣлать, и куда понарядятъ, туда и пойдутъ они съ неохотой. Впрочемъ довольно было и двухъ скотницъ для 40 коровъ, изъ которыхъ, если не половина, то четвертая часть всегда были яловыя: коровы небываютъ игривы, когда онѣ не жирны. Турки замѣтили это на женщинахъ.

4. *Запашка и урожай.* Господская запашка была не-

большая : во всѣхъ трехъ поляхъ находилось по 80 хозяйственныхъ или сороковыхъ десятинъ, въ 80 сажень длины и 40 ширины. Изъ этихъ восьмидесяти десятинъ составлены были три поля, — озимое, яровое и паръ. Въ озимомъ сѣялись только рожь, въ яровомъ ячмень, овесъ и ленъ, иногда горохъ и гречиха въ маломъ количествѣ. Поля были перовища, по причинѣ многихъ низинъ, болотинъ, прудковъ съ кустами. Въ самомъ большомъ полѣ высѣвалось до 60 четвертей ржи, въ среднемъ 52, въ маломъ до 48. Следовательно, въ первомъ полѣ было около 30, во второмъ 26, въ третьемъ 24 сороковыхъ десятинъ. На десятипу сѣялось обыкновенно по 2 четверти ржи, ячменя и по 4 четверти овса. Крестьянамъ приходилось обрабатывать господскія пашни немногое: на четверку, или тягло, вообще съ небольшимъ по десятинѣ въ каждомъ полѣ. Всѣ господскія пахатныя поля составились изъ поднятой нови. Усадьба заведена была на новомъ мѣстѣ, гдѣ земля пахалась изрядка и только паездами. Не прошло съ того времени болѣе одиннадцати лѣтъ, какъ уже новь видимо ослабѣла и доставляла только плохіе урожан. Такъ сильно и быстро изнуряютъ сильные колосовые хлѣба даже хорошую почву, при маломъ удобреніи по старинному способу хозяйства съ трехпольнымъ доведомствомъ, безъ травосѣянія и корнеплодныхъ овощей!

Я приведу здѣсь урожанъ 1822, 1823 и 1824 годовъ, до введенія полнаго плодочереднаго сѣвооборота. Не стану говорить о 1820 и 1821 годахъ, совершенно неурожайныхъ отъ продолжительныхъ дождей и зимнихъ оттепелей. Тогда хлѣбъ убирали на поляхъ, какъ въ болотѣ; жатвы сзрѣвали на корнѣ, проростали въ снопахъ. Умолчу и о предшествовавшихъ, когда Фролово щеголяло урожаями по новамъ. Отъ тѣхъ годовъ не осталось другихъ счетовъ, кромѣ сбывчивыхъ показаній на-совѣсть и на-память. Сельская бухгалтерія во Фроловѣ началась только съ 1822 года.

Въ 1822 году, также весьма молчимомъ, рожь посѣяна была въ больномъ полѣ на 30 десятинахъ. Высѣяно ржи 59 четвертей и 3 мѣры, намолочено 168 четвертей. Рожь обошлась самъ-третьей безъ пятой доли. Яровое посѣяно было въ маломъ полѣ на 24 десятинахъ. Ячменю высѣяно было 8 четвертей и 4 мѣры; обошелся самъ-шестъ; намоло-

чено 51 четверть. Льну одна десятина. Овса посвяно на 19 десятинахъ 76 четвертей; намолочено 228 четвертей; обошелся самъ-третьей съ половиной. Сѣна поставлено было 1,250 копенъ, или до 3,750 пудовъ. Унавожено 8 десятинъ пара. Въ этотъ годъ рѣшено было преобразовать хозяйство.

Въ 1823 году, благоприятномъ для всякаго хлеба, рожь была посвяна въ среднемъ полѣ на 26 десятинахъ. Высвяно ржи 53 четверти; намолочено 186 четвертей; обошлась самъ-третьей съ половиной. Ячменя высвяно было 10 четвертей и 2 мѣры; намолочено 80 четвертей; обошелся почти самъ-восемь. Овса высвяно 60 четвертей; родилось 230 четвертей; обошелся самъ-четверть безъ $\frac{1}{4}$. Гороху посвяно, для опыта, 5 четвертей и 3 мѣры; намолочено 33 четверти и 2 мѣры; обошелся слишкомъ самъ-шесть. Опытъ съ горохомъ пособилъ хозяйну, который рѣшился назначить для него въ плодоперемѣнномъ संबоротѣ цѣлое поле. Въ этомъ году совершался, какъ и въ прошломъ, переходъ къ плодоперемѣнному полеводству, правда, съ большою ясностью понятій, но съ самою малою опытностью. Унавожено было 9 десятинъ пара. Господскихъ луговъ прибавлено на тягла новокупленныхъ крестьянъ и собрано было сѣна 2,091 копна или до 6,273 пудовъ.

Въ 1824 году рожь была посвяна въ маломъ полѣ на 24 десятинахъ; высвяно ржи 46 четвертей и 7 мѣръ; намолочено 150 четвертей; обошлась почти самъ-третьей съ четвертью. Ячменю Русскаго 9 четвертей, а голаго или Гамалайскаго 1 четверть и двуграннаго, Англійскаго 1 четверть. Русскій обошелся самъ-пять, а новые гости самъ-четверть. Овесъ обошелся самъ-третьей безъ четверти; горохъ самъ-другъ. Годъ былъ сухой. Сѣна собрано только 1,800 копенъ, унавожено 8 десятинъ пара.

5. *Содержаніе дворовыхъ людей.* Дворовые люди получали мѣсячину ржаномъ мукою, а иные зернами. На холостаго мушину выдавалось муки 1 пудъ 25 фунтовъ; на женатаго 1 пудъ 30 фунтовъ. Эти люди получали господскую одежду и приварокъ. Смотря по возрасту, давали мѣсячину и дѣтямъ. Зерновой мѣсячины отпускалось на мужа съ женой 4 мѣры ржи. Они уже состояли на своей одеждѣ и на

всемъ своемъ продовольствіи. Дозволялось каждому такому семейству имѣть на господскомъ корму одну корову, двѣ овцы, въ господскомъ огородѣ нѣсколько грядъ для овощей и сѣять въ полѣ господскомъ ленъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 мѣры, смотря по числу душъ семейства. Дворня сначала была немногочисленная, но потомъ расплодилась немощно. Поварово семейство состояло изъ 9 душъ, скотниково изъ 8, садовниково изъ 7, птичницы вдовы изъ 6, писаря изъ 6, и такъ далѣе. Изъ нихъ должностныхъ мужчинъ и женщинъ только 9, а народа 36. Надобно было озаботиться тѣмъ, чтобы одѣть, прокормить и внушить имъ что-нибудь о жизни нравственной и умственной.

6. *Заведенія по хозяйству и домоводству.* Огородничество и садоводство, эти изящныя отрасли сельскаго хозяйства, были въ отличномъ положеніи. Грунтовой сарай для вишенъ, парники для огурцовъ, дынь, арбузовъ, садовые кустарники и хорошихъ родовъ яблони доставляли множество плодовъ. Въ саду были гряды и съ разными лекарственными растеніями. При садѣ находился одинъ садовникъ; ему пособляли нѣкоторые изъ дворовыхъ людей и крестьянки. Что касается до лѣсоводства и луговодства, то встарину и не подозревали, что это важныя отрасли хозяйства и что для нихъ есть свои правила. Изъ ремеслъ сельскихъ производились только нѣкоторыя простыя рукодѣлія, — пряденье талекъ, ткачество полотень и домашняго сукна; но искусно шили бѣлье, плели кружева и особенно хорошо вышивали бумагой. Хорошіе были, изъ крестьянъ, плотники и кузнецы; изъ дворовыхъ, отличный столяръ и портной. Повинности съ крестьянъ собирались самыя легкія: съ двухъ тяголъ, или плудоли, баранъ, двѣ курицы и двадцать яицъ. Относительно домоводства, все было на быковенной ногѣ, но «экономія» хозяйки заслуживала во всѣхъ отношеніяхъ похвалу и уваженіе. Встарину эта экономія, или бережливость, одна, какъ солнце сіяла на горизонтѣ, не только нашего, но и заграничнаго сельскаго хозяйства: она помрачала и даже затѣняла всѣ другія отрасли. Экономія была великое дѣло. Экономамъ, людямъ бережливымъ, запаснымъ всякими деревенскими произведеніями, принадлежала слава превосходныхъ сельскихъ хозяевъ. По

моему мнѣнію, экономія, бережливость, есть только вѣтъ одной изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства, пменно домоводства.

Вотъ вѣрное описаніе прежняго хозяйства въ сельцѣ Фроловѣ во время приступленія къ преобразованію. Нужно ли было преобразованіе? По-крайней-мѣрѣ человекъ долженъ желать себѣ лучшаго и стремиться къ усовершенствованіямъ, когда видитъ, что ему пехорошо. Присоединю еще вопросы: занятіе всякимъ преобразованіемъ, стремленіе къ усовершенствованію достойны ли человека лѣтъ зрѣлыхъ, знакомаго пѣсколько съ науками? Служать ли они пріятнымъ развлеченіемъ въ однообразной сельской жизни? приучаютъ ли къ важнымъ думамъ и соображеніямъ? ведутъ ли къ пользѣ общей, и возвышаютъ ли душу надеждой быть полезнымъ не только себѣ, но и отечеству? эти вопросы, кажется, не требуютъ новаго разрѣшенія.

Но, изобразивъ положеніе хозяйства въ минуту приступленія къ его преобразованію, надобно тутъ же означить съ точностью тогдашнія понятія о томъ, что составляетъ совершенство въ сельскомъ дѣлѣ. Статистика этихъ идей столько же нужна для полнаго уразумѣнія предмета, сколько и свѣдѣніе о числѣ десятинъ и качествахъ земли, подвергнутой опытамъ.

Должно признаться, что, въ то время, все читанное въ книгахъ о пользѣ плодoperемѣннаго сельскаго хозяйства, плодoperемѣннаго земледѣлія (тогда еще не различали этихъ понятій), съ великолѣпною світою предлинныхъ названій — сѣвооборотъ, плугораспашныя овощи, корнеплодыя овощи, широколиственные растенія, и прочая, смутною толпою бродила въ головѣ сельскихъ хозяевъ, увлекающая ихъ въ лабиринтъ предположеній и недоумѣній, гдѣ надобно было искать входа и выхода по самымъ запутаннымъ и тернистымъ тропинкамъ. Труднѣйшею задачею было тогда — съ чего начать преобразованіе? какимъ путемъ вести его въ Русскомъ помѣстьѣ? какія должно принять мѣры и употребить средства, чтобъ достигнуть цѣли?

Давно много было говорено и писано, даже у насъ въ Россіи, о выгодахъ многопольнаго, сначала хлѣбoperемѣннаго, а потомъ плодoperемѣннаго земледѣлія и объ пре-

нмуществъ его передъ обыкновеннымъ трехпольнымъ. Еще въ осьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтїя Русскіе писатели о сельскомъ хозяйствѣ выхваляли «перемѣнные посѣвы разныхъ растений», и советовали заводить ихъ въ Россїи, объясняя, что «земля, какъ разный наземъ въ годъ «ро свое принимать, такъ и разный плодъ раждать и утрудождать родами иногда и отдыхать любить». Такъ въ особенности говорилъ Г. Комовъ, лучший своего времени писатель о сельскомъ хозяйствѣ. Въ подкрѣпленіе похвалъ своихъ плодoperемѣненію, наши агрономы ссылались на практическіе примѣры Голландскихъ, Англійскихъ, Нѣмецкихъ фермъ, арендъ и эконоій, которыя доставляютъ своимъ хозяевамъ, по способу плодoperемѣннаго полеводства, немовѣрно высокіе доходы. Никто однако жъ не предлагалъ способовъ кратковременнаго, безубыточнаго и прировненнаго къ Русскому порядку вещей преобразованїя ни стариннаго нашего хозяйства въ рациональное и ученое, ни трехпольнаго полеводства въ плодoperемѣнное. Не различали даже полеводства, домоводства и домостроительства отъ сельскаго хозяйства. Немудрено. Такъ было въ то время почти во всей Европѣ. Писатели наши, по большей части сами не помѣщики, подавали советъ изъ книгъ иностранныхъ, а иностранцы въ прошедшемъ столѣтїи, и въ началѣ нынѣшняго, также не различали этихъ предметовъ. Причины тому были различны: у нихъ всѣ работы производятся наймомъ, и давнымъ-давно опредѣлены съ точностью; у нихъ порядокъ и бережливость всасываются съ молокомъ матеря; счетоводство и отчетность завсѣдены у нихъ во всѣхъ занятїяхъ жизни; лѣса принадлежатъ болышею частїю богачамъ и казнѣ, а не фермарамъ. Все это у нихъ нѣкоторымъ образомъ постороннее и какъ бы независимое отъ сельскаго хозяйства. Сельскїя ремесла также идутъ у нихъ особою тропкою: земледѣлецъ и фермаръ у нихъ не ремесленникъ, по причинѣ раздѣленїя труда и высшей степени гражданственности. Иностранцы почти правпльно назвали свое плодoperемѣнное полеводство сельскимъ хозяйствомъ, и совершенной точности этого выраженїя мѣшали только скотоводство, земледѣльство, луговоеводство и садоводство, которыя не могутъ

быть плодопеременными. Они другъ предъ другомъ превозносили плодопеременное полеводство, сколько по его достоинству, столько и по необходимости, чувствуя свое малоземеліе, которому въ особеннсти помогастъ это полеводство. Они и ученые сельскіе хозяева ревностно заботились объ успѣхахъ и распространеніи этого благотворнаго способа, чтобъ предупредить скудость и голодъ, которыми грозилъ недостатокъ земли при трехпольномъ полеводствѣ; указывали на средства занять съ пользою третью часть гулевой земли, или парь, и черезъ это вдругъ увеличить цѣлою третью сборъ произведеній. Въ Европѣ безъ умолку толковали о травосѣяніи, уничтоженіи пара, посѣвъ въ полѣ корнеплодныхъ и стручковыхъ овощей, широколиственныхъ и кормовыхъ растений. Всего болѣе писали объ этомъ въ Германіи, особенно, когда простой земледѣлецъ Шубартъ получилъ дворянство съ именемъ фонъ-Клессельда, «сего благородія господина Трилистно-Полеваго», за введеніе посѣвовъ трилистника между хлебными растеніями на поляхъ пахатныхъ, съ цѣлю получать подобный кормъ скоту и земледобрытельное средство для зерновыхъ жатвъ. При травосѣяніи, парь сдѣлался тамъ ненужнымъ, уничтожились общіе для скота выгоны, и прекратились потравы чужаго хлеба и луговъ, вѣчныя хлопоты, неутомимыя ссоры и убытки между хлебопашцами. Этого отъ всей души должно желать и для Русскаго сельскаго хозяйства.

Иностранные писатели имѣли поэтому причины обращать особенное вниманіе на плодопеременное полеводство и не столько заботиться объ усовершенствованіи другихъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя были у нихъ въ хорошемъ состояніи и подлежащемъ устройству. Не вникнувъ въ свое, Русское хозяйство, гдѣ помѣщикъ въ одно время земледѣлецъ, скотоводъ, ремесленникъ и домоводъ, новые наши агрономы повторяли за иностранцами— «Заводите плодопеременное хозяйство или земледѣліе по образцу заграпичнаго!» Они выпускали изъ виду, что наше Русское хозяйство требуетъ «существенныхъ улучшеній» по всѣмъ отраслямъ безъ исключенія, и что оно будетъ плохо и бездоходно, если по другимъ частямъ останется

на старинномъ положеніи, хотя на поляхъ пахотныхъ введете вы самый лучшій плодоперемѣнный съвооборотъ и станете дѣйствовать въ немъ самыми превосходными орудіями.

Похвальное усиліе развить въ публикѣ понятія о плодоперемѣнности и направить умы соотечественниковъ на это единственное средство противу голода при малоземеліи, увлекла однако жъ многихъ иностранныхъ писателей за предѣлы основательности. Родилось пристрастіе; начали выдумывать басни, рассказывать чудеса о выгодахъ и необыкновенномъ дѣйствіи плодоперемѣнности; увѣряли, что одинъ отличный хозяинъ въ Германіи засѣвалъ свои поля безъ унавоживанія и пара разными растеніями въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ и всегда получалъ отличные урожаи, и что сыну его, идущему по слѣдамъ отца, тѣ же поля приносили еще восемнадцать лѣтъ сряду обильныя жатвы также безъ унавоживанія, только отъ однихъ плодоперемѣнныхъ посѣвовъ. Эту исторію можно видѣть въ «Руководствѣ» Фишера къ плодоперемѣнному сельскому хозяйству, — книгѣ, переведенной по-Русски Г. Масловымъ, и одной изъ первыхъ, которую владѣлецъ Фролова имѣлъ удовольствіе читать, приступая къ преобразованію своего помѣстья.

Разумѣется, Артуръ Юнгъ въ Англій, Теэръ въ Германіи, Фелленбергъ въ Швейцаріи ничего подобнаго не испытывали и не описывали; однако жъ эти знаменитые агрономы и хозяева ревностно поддерживали общую моду на плодоперемѣнное полеводство, старались, въ своихъ превосходныхъ сочиненіяхъ, познакомить соотечественниковъ между-прочимъ и съ его правилами. Отъ всего этого воображеніе нѣкоторыхъ Русскихъ теоретиковъ и помѣщиковъ до того настроено было въ пользу плодоперемѣнности, что они заключили все сельское хозяйство въ этой одной вѣтви земледѣлія. Изъ всѣхъ сельскихъ трудовъ одинъ только казался тогда важнымъ, полезнымъ, необходимымъ и достойнымъ славы, — введеніе въ помѣстьѣ плодоперемѣннаго полеводства, а всѣ остальные ничтожными и незначительными. Отъ плодоперемѣнности ожидали обогащенія всего отечества. Этого недовольно: самую науку

сельскаго хозяйства пытались иные назвать «плодоперемвнною».

Постоянная и заносчивая похвалы одной части предмета, соединяясь съ невѣрными названіями вещей и, следовательно, ошибочными понятіями о цѣломъ дѣлѣ, вели не къ добру. Совѣты, основанные на нихъ, и которымъ слѣдовали ревностные преобразователи хозяйствъ, постоянно обманывали ихъ преувеличенными ожиданіями. Важныя потери капиталовъ не выкупами еще важнѣйшихъ ошибокъ: при всемъ пожертвованіи временемъ, трудами и деньгами, многіе не только наши, но даже иностранные хозяева, отъ запутанности поставленій, никакъ не могли уладить своего «плодоперемвннаго сельскаго хозяйства», котораго нѣтъ и не существуетъ, кромѣ только въ книгахъ.

Фроловскій преобразователь принесъ тоже дань общему мнѣнію, и вѣровалъ лишь въ плодоперемвнность. Ему во снѣ и на яву представлялось только «плодоперемвнное сельское хозяйство», и Англійскія, Голландскія, Нѣмеккія фермы и аренды, которыхъ подобіе видѣлъ онъ съ такимъ восхищеніемъ въ Кагуль, подъ Москвою. Къ великому счастью, ему ни разу не приснился опытный Московскій хуторъ на Бутыркахъ, и даже ни какой Малороссійскій хуторъ, конечно потому, что иностранныя фермы имѣли на своей сторонѣ превосходство по описаніямъ и сознанію путешественниковъ, которые отзывались съ восторгомъ объ ихъ совершенствѣ, богатыхъ и неизмѣнныхъ урожаяхъ и огромныхъ доходахъ. Ему казалось тогда, что если бъ побольше и повсюду развелось въ Россіи этихъ чужеземныхъ фермъ, арендъ и экономій, Русское сельское хозяйство процвѣло бы разомъ. Хотѣлось на каждомъ шагѣ встрѣчать заведенія, если не такія пышныя какъ Кагуль, по-крайней-мѣрѣ сколько-нибудь похожія на Кагульское. Онъ забывалъ о томъ, что всѣ иностранныя колоніи, поселенныя по берегамъ Волги и въ другихъ мѣстахъ, и устроенныя отлично, совершенно по-заграничному, не имѣли ровно ни какого вліянія на усовершенствованіе въ Россіи народнаго сельскаго хозяйства, именно потому, что условія ихъ быта совершенно несходны съ условіями нашихъ помѣстій. Однако жъ заведеніе фермъ и арендъ на обра-

зецъ иностранный казался тогда верховнымъ благомъ для отечества. Досадно даже было видѣть, что подѣ Москвою заводился Малороссійскій хуторъ: какъ бѣльмо на глазу, садился при воротахъ столицы этотъ, правда, не совсѣмъ чужой намъ, Русскимъ, сынокъ Малороссіи, но по общему признанію столько же нещеголеватый, безотчетный и подчасъ бездоходный какъ и наши Великороссійскія усадьбы. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что онъ, подѣ самою Москвою и подѣ кафедры Русской словесности, назывался себѣ «хуторомъ», какъ въ Хохлоландіи, самая мысль предложить за образецъ Русскому сельскому хозяйству подобное земледѣльческое заведеніе была довольно странна. Подѣ именемъ «Малороссійскаго хутора» разумѣется такое заведеніе, которое стоитъ въ пустынѣ уединенно; гдѣ построено нѣсколько избъ для помѣщенія рабочихъ людей, приходящихъ на время; гдѣ есть овинъ для молотбы, сарайчикъ на свино; гдѣ хлѣбопашество производится большею частію наѣздами, на поднимаемыхъ повахъ; гдѣ земля плодоносна безъ удобренія, скотоводство ненужно, и на тучной отъ природы землѣ можно сытъ, пожалуй, арбузы и дыни въ полѣ. Такое ли заведеніе надобно для Великой Россіи, которой земля, безъ удобренія, неплодоносна; гдѣ безъ скотоводства въ землѣпашествѣ нельзя обойтись, и гдѣ, слѣдственно, нельзя не имѣть дворовыхъ людей, съ ихъ семействами, словомъ, полного хозяйства со всеми отраслями, если хотѣть извлечь выгоду изъ имѣнія?

Не хуторъ и не фермы необходимы нашимъ земледѣльцамъ, но Русская образцовая усадьба, со всеми принадлежностями, какъ водится у Русскихъ,—съ полнымъ хозяйствомъ, съ людьми и крестьянами, съ лѣсами, сѣнными покосами, съ удобною и неудобною землею, — пусть даже съ необработанными, чтобъ можно было побороться съ дикою природою и покорить ее искусству; Русскую во всѣхъ отношеніяхъ, и во всѣхъ отношеніяхъ образцовую, гдѣ бы можно было учиться тому, какъ доводить хозяйство въ духъ и бытъ народномъ до рациональнаго совершенства и цвѣтущаго состоянія. Такая только образцовая ферма, а не чисто Англійская или чисто Малороссійская,

истинно соответствовала бы благородной цели — оживить, возвысить и привести къ процвѣтанію наше народное хозяйство. Но такой фермы преобразователь Фроловскаго хозяйства не имѣлъ передъ глазами, и всѣ его мысли стремились къ тому, чтобы свое имѣніе превратить въ Англійское. Впослѣдствіи узналъ онъ по опыту, что въ Россіи надобно не подражать иностранному хозяйству, но, изъ его рациональныхъ началъ, создать совершенно новое, ученое хозяйство, тѣло приспособленное къ Русскому быту и кореннымъ условіямъ нашей помѣстной собственности; что иностранныя хозяйства хороши въ своихъ земляхъ, но не могутъ быть ни образцами для насъ, ни пружинами усовершенствованія нашихъ помѣстій. Русская образцовая, усадьба, устроенная по нашему обычаю въ чужихъ краяхъ со всевозможными пожертвованіями, даже съ роскошью, принесла бы ровно столько же пользы тамошнему сельскому хозяйству, сколько Англійская, Голландская или Германская ферма приноситъ нашему. Переносъ хорошее чужое, мы должны усвоить его, припороть къ мѣстности, народному быту, своему небу, и потомъ уже, изъ пѣдръ собственнаго ума, извлечь для него рациональное совершенство. Великое дѣло, не списывая рабски чужихъ загѣвъ, доказать въ родной сторонѣ, что есть возможность согласить хорошее чужое съ своимъ собственнымъ, приладить нововведенія къ существующему, не измѣняя духа и правовъ народныхъ, открыть пути къ совершенствованію, доступныя всемъ попятіямъ и всемъ карманамъ, и постепенно улучшать прежнее до того, что оно возвысится наконецъ на степень настоящаго искусства и особой науки. Намъ, Русскимъ, прпстало и годится только свое. Это «свое», усовершенствованное и опертое на разсудительныхъ правилахъ, современемъ восторжествуетъ непременно очевидною своего удобства и блага надъ всѣми опасеніямъ, надъ самою даже волею упорнѣйшихъ старовѣровъ въ земледѣліи.

Преобразовать не значить испровергнуть прежнее, разрушить и истребить укоренившееся, перестроить все на новый ладъ, неимѣющей ни какой связи съ прежнимъ. Иначе, преобразование было бы равносильно созданію. Но со-

здавать возможно только при помощи больших капиталовъ, умственныхъ и вещественныхъ, и тутъ нужна еще великая мудрость, чтобы созданное было истинно полезно и продолжительно. Явилась Англійская ферма въ подмосковной Кагуль: тамъ не было постепенности улучшеній прежняго. Задумано, и сделано вдругъ магическимъ жезломъ богатства и патриотической ревности. Мигомъ возвысились зданія по образцу иноземному; великолѣпная конюшня наполнилась превосходнымъ выписнымъ скотомъ; привезены издалека дорогія земледѣльческія орудія, и все это повѣрено управленію руки искусной, но чужой. Тамъ осталось Русскаго только небо и почва, и еще одежда работника, которая странно поражала ваши взоры своей неумѣстностью въ общей заграничной картинѣ. Кагульскому хозяйству можно было удивляться, а не подражать. Оно было нѣчто идеальное въ Россіи, нѣчто похожее на прелестный, но скоропреходящій метеоръ, который блистаетъ на минуту и не оставляетъ послѣ себя слѣда. Оно не было народное.

Прежнее въ хозяйствѣ тоже, что основное. Настоящее—его послѣдствіе и продолженіе: оно переходъ къ будущему. Прежнее, прошелшее, давнее—важно и поучительно. Оно бросило глубокіе корни въ почву и въ души. Въ немъ лежатъ сѣмена всѣхъ нашихъ привычекъ. Неблагоуразумно и даже опасно оборачивать вверхъ дномъ прошелшее. Все это понятно и неоспоримо теперь, но въ 1822 году думалось иначе. Важными, поучительными и необходимыми казались только Голландскія и Англійскія фермы, и никому не приходило въ голову, что безусловно—Англійское или Голландское безъ измѣненій, безъ припоровленія къ туземному, несмотря на всѣ усилія, отзовется неумѣстностью, разладицей и разстройствомъ понятій. Убѣжденія нашихъ чужеземныхъ писателей подѣйствовали было на ревностнѣйшихъ Русскихъ помѣщиковъ, и они съ жаромъ принялись за достохвальный трудъ преобразованія трехпольнаго полеводства въ плодоперемѣнное. Не имѣя передъ глазами образецъ дѣла въ отечествѣ, они по необходимости устроивали все по образцу иноземному. Въ пылу благороднаго ревнованія къ общей пользѣ, первые вводители такъ называемаго «плодоперемѣннаго сельскаго хозяйства» не замѣчали цѣлѣнаправленнаго

пути, на который наводило ихъ само невѣрное названіе: они полагали, что для преобразованія трехпольнаго полеводства въ плодоперемѣнное необходимо перестроить все хозяйство на другой ладъ; заводили въ имѣніяхъ своихъ не одно травосѣяніе, или посѣвы на поляхъ пахотныхъ корнеплодныхъ овощей, но безусловно все устройство иностраннаго хозяйства, и превращали Русскія помѣстья въ настоящія фермы, наподобіе Англійскихъ и Голландскихъ, только въ огромныхъ размѣрахъ. Богатые помѣщики желали, кромѣ того, однимъ разомъ шагнуть къ совершенству, которое бываетъ слѣдствіемъ только многолѣтнихъ трудовъ, и принялись создавать, не улучшать прежнее съ терпѣніемъ и скромнымъ благоразуміемъ. Но, несмотря на всѣ пожертвованія капиталами, эти заведенія, съ своими сильными лошадьми, которыхъ нарочно выписывали изъ за границы для работы въ поле, съ дорогими земледѣльческими орудіями, машинами, со скотомъ отличныхъ породъ, при всемъ надзорѣ вызванныхъ изъ чужихъ земель настоящихъ фермаровъ, не могли въ точности слѣдовать иностранному дѣлопроизводству. Нужны были существенныя отступленія отъ взятыхъ въ подражаніе образцовъ. Въ короткое время оказалось, что свои лошади и сбруя, употребленныя для пашни вмѣсто крестьянскихъ, что эти дорогія машины и орудія, кромѣ неизвѣрныхъ издержекъ, которыхъ стоила ихъ покупка, были еще неразлучны съ умноженіемъ и безъ того уже многолюдной и обременительной дворни черезъ взятіе во дворъ на свое содержаніе особыхъ пахарей. Эти пахари, непривыкшіе къ новому дѣлу, неосторожныя отъ незнанія и безпечныя отъ природы, не знали какъ портить цѣнныхъ выписныхъ лошадей, ломали орудія и машины, рвали и портили отличную сбрую. Они подвергались за то отъ иноземныхъ управителей строгимъ взысканіямъ. Такимъ образомъ многія нововведенія, не припоровленныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и соединенныя со строгостью, съ самаго уже начала дѣлались въ глазахъ простаго народа ненавистными и тягостными, а въ общемъ мнѣніи разорительною забавою мечтателей и цѣлю нецѣльныхъ насмѣшекъ, даже печатныхъ. Стоитъ вспомнить о книжечкѣ, изданной въ 1806 году въ

Москва въ подѣ названіемъ «Плугъ и соха, или Отцы пашни не глупѣе насъ были», издавшой степнымъ дворяниномъ, и о томъ, какъ онъ подшучивалъ, отчасти и справедливо, надъ безусловнымъ подражаніемъ въ Россіи Англійскимъ фермамъ и надъ Русскими Англичанами. Эти насмѣшки не мало содѣйствовали къ подавленію едва брошенныхъ въ землю семянъ общепольнаго дѣла, за которое принимаются первые преобразователи нашего полеводства со всею благородною ревностью ко благу отечества и съ достойнымъ признательности потомства пожертвованіемъ достоянія, времени и трудовъ. Кому изъ любителей сельскаго хозяйства не извѣстны Авчурнио въ Калужской губерніи и Черемощна въ Тульской, два помѣстья, принадлежавшія одному незабвенному ревнителю успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Въ обоихъ помѣстьяхъ производилось правильное многопольное плодоперемѣнное полеводство. Обширныя поля раздѣлены были на огромныя участки, какихъ не видано въ чужихъ земляхъ, отъ 150 до 200 десятинъ въ каждомъ. На нихъ попеременно высѣвались озимая пшеница, потомъ картофель, капуста, морковь, да еще яровыя хлѣба, за ними кормовой горошекъ, рожь и трилистникъ. Своими богатыми урожаями они изумляли самихъ иностранцевъ. Правда, оба эти хозяйства, устроенныя на образецъ Англійскій, вовлекли владѣльца въ разныя неудобства, но онъ первый доказалъ, что благотворное плодоперемѣнное полеводство безъ пара возможно даже въ огромныхъ размѣрахъ и подъ Русскимъ небомъ, и что оно доставляетъ неизмѣнные урожаи и неизмѣнно высокіе доходы, превосходящіе далеко весь урожай и доходы трехпольнаго зерноваго. Слава перваго вводителя правильнаго плодоперемѣннаго полеводства въ Россіи принадлежитъ ему неотъемлемо. Чѣмъ болѣе сдѣлано важныхъ пожертвованій для пользнаго дѣла, тѣмъ болѣе похвалъ заслуживаетъ похваленіе, потому что оно возвышается тогда на степень подвига отечественнаго. Артуръ Юнгъ, знаменитый Англійскій сельскій хозяинъ и писатель, разорился, трудясь постоянно надъ усовершенствованіемъ народнаго хозяйства и не щадя на это ни какихъ усилій. Многолѣтніе труды его были вредны собственно ему, но драгоценны для его оте-

чества: они не только имѣли вліяніе на улучшеніе Англійскаго хозяйства, но еще сдѣлались достояніемъ науки.

Эти и другіе примѣры Англійскаго дѣлопроизводства въ Русскихъ помѣстьяхъ, гдѣ пахали землю на кудрыхъ выписныхъ лошадяхъ, въ шорахъ, и засѣвали поля дорогими машинами, послужили доказательствомъ важной истины, которой тогда никто не примѣчалъ,—что всякое хозяйственное дѣло, сколько бы полезно ни было, должно начинать не съ самой высшей степени совершенства, даже при избыткѣ усердія и капитала, потому что это ведетъ прямо къ неудачѣ и разстройству имѣнія, но съ первыхъ шаговъ на поприщѣ усовершенствованій, съ первой ступени труда, который всегда бываетъ сначала грубъ, невиденъ и неблестятеленъ. Это необходимо и для того, чтобъ самому преобразователю ближе познакомиться съ дѣломъ, постигнуть его во всѣхъ отношеніяхъ и привыкнуть дѣйствовать правильно; чтобы, при постепенномъ улучшеніи существующаго, образовать новыя привычки въ работникахъ, ввести непримѣтнымъ образомъ въ употребленіе новое, небывалое и странное для глазъ простолюдина, и переселить обыкновеніе другой страны въ его нравы. Въ такомъ только приспособленіи раціональности, отчетности и ученыхъ сельскихъ познаній къ настоящему положенію Русскихъ помѣстій, приспособленіи, сколько возможно скоромъ и безубыточномъ, безъ тревоги и огорченія туземцевъ, заключается дѣйствительная польза, и подлинная мудрость преобразования.

Но пока эти мысли, почерпнутыя послѣ изъ опыта, не приходили въ голову, владѣлецъ сельца Фролова не находилъ другой дороги къ своей цѣли, кромѣ, какъ тогда водилось, преобразования всего хозяйства на образецъ иностраннаго, и радъ тому, что заплатился только нѣкоторыми неудачами и терпѣніемъ за нихъ уроки. Во второй части этого очерка будутъ наложены, чистосердечно и безъ утайки, сколько употреблено на это капитала, отъ чего останавливалось и чѣмъ поощрялось предпріятіе, въ чемъ именно помогала наука сельскаго хозяйства, какія были сдѣланы ошибки, что придумано для нихъ исправленія и какой успѣхъ увѣнчалъ неутомимые труды хозяина.

Этот отчет может, по мнѣнію нашему, послужить хорошимъ руководствомъ для тѣхъ, которые при общемъ постепенномъ улучшеніи всѣхъ частей своего хозяйства, пожелаютъ ввести въ немъ плодотворность, такъ какъ тутъ же будетъ изложенъ способъ скорого, вѣрнѣйшаго и безубыточнаго перехода отъ нынѣшняго трехпольнаго зерноваго полеводства къ плодотворному. *Д. Шелеховъ.*

ОБЪ ИСПРАВЛЕНІИ ЛУГОВЪ, ЗАРОСШИХЪ МХОМЪ.

Естественные луга, остающіеся безъ надлежащаго прімотра, нерѣдко зарастаютъ мхомъ, который, распложаясь мало-по-малу, наконецъ образуетъ на нихъ толстый слой и вовсе заглушаетъ луговые травы. Для отвращенія этого, надобно заглушій такимъ образомъ лугъ, вспахавъ хорошенько, обратить на нѣсколько лѣтъ подъ зерновой посѣвъ, если это по качеству почвы и другимъ обстоятельствамъ возможно; въ противномъ случаѣ, когда напримѣръ поросшій мхомъ лугъ лежитъ на низкомъ и сыромъ мѣстѣ, негодномъ ни для какого посѣва, советуютъ, для истребленія мха, посыпать его негашеною известью или простою золою; но какъ оба эти вещества стоили бы довольно дорого, особливо, если бы пришлось усыпать значительное пространство, то можно, содравъ отчасти и перевернувъ мохъ скрепкаторомъ съ двумя или тремя рѣзцами, или бороною съ крѣпкими и острыми желѣзными зубьями, посыпать известью или золою перевернутые части мха съ взланки. Впрочемъ, дѣло пойдетъ лучше и скорѣе, если просто сдирать мохъ помощію граблей съ желѣзными зубьями, которыя должны быть крѣпкими, длинными и часты, повторяя эту работу разъ два или три въ годъ, то есть, вслѣдъ за снятіемъ сѣна и въ самомъ началѣ весны, пока трава еще не показалась. Если лугъ ровень и гладокъ, то работа много не затруднитъ земледѣльца. Содранный мохъ надобно, сложивъ въ кучи, сжечь, и пепелъ разбросать по всему лугу. *Н. Филиповъ.*

=

ИСТОРИЯ

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РУССКАГО ПОМѢСТЯ, СЪ ТРЕХПОЛЬНЫМЪ ЗЕРНОВЫМЪ ПОЛЕВОДСТВОМЪ, ВЪ АНГЛІЙСКОЕ, СЪ ПЯТИПОЛЬНЫМЪ ПЛОДОПЕРЕМѢВНЫМЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Преобразование, переходъ отъ стариннаго полеводства къ новому и нынѣшній порядокъ въ помѣсть.

То, что мы сказали въ первой части о понятіяхъ, господствовавшихъ въ Русской сельской публикѣ относительно плодоперемѣвности и хозяйствъ Англо-Голландскихъ, позволяетъ напередъ угадывать, что преобразование Фролова началось совершенно въ той мысли, чтобы изъ Русскаго помѣстья сдѣлать Англійское, похожее на образецъ, виданный въ Кагулѣ, и, послѣ разныхъ неудачъ, кончилось опытомъ, можно сказать весьма успѣшнымъ, изобретеніемъ полной системы новаго рациональнаго сельскаго хозяйства, отчетнаго, согласнаго съ правилами науки, но въ точности приспособленнаго къ Русскому быту и небу, и уже не Англійскаго, а рациональнаго Русскаго хозяйства, которое легко и безъ всякихъ неудобствъ можно примѣнить съ явною выгодною ко всякому помѣстью въ нашемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, конецъ «Исторіи преобразования Русскаго помѣстья въ Англійское» не будетъ уже соответствовать заглавію, выставленному въ ея началѣ, но дѣло не въ заглавіи, а въ результатѣ предпріятія: изъ этой исторіи вышла совсѣмъ другая исторія, и къ счастью, занимабельнѣе первой для хозяина, потому что прибыльнѣе, удобнѣе и вѣрнѣе.

Преобразование Фроловскаго сельскаго хозяйства началось, въ 1822 году, неважными перемѣнами и пожертвованіями денегъ: куплено, по 6 рублей за четверть, 1² четвертей картофелю, котсрый весною посѣянъ въ паровомъ полѣ на десятины, особо отгороженной; куплено еще два пуда сѣмянъ трилистника (клевера, дятловины), Брабантскаго и Русскаго. За пудъ Брабантскаго выписнаго заплачено въ Москвѣ 60 рублей, а за Русскій 30 рублей. Оба сорта посѣяны по овсу на двухъ самыхъ плохихъ пустошныхъ де-

сятпахъ, именно по недоверію съ одной стороны къ Русскому небу и почвѣ, въ той мысли, что если и пропадетъ, то не жаль плохой земли; съ другой, по недоверію къ истиннѣ книжныѣ наставленіи, на которыя со всѣхъ сторонъ жестоко нападали деревенскіе предрасудки, и къ возможности этого нововведенія въ Русскомъ помѣсть. Сѣмяна трилистника, оставшіяся отъ посѣва, въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ, разбросаны были, наудачу, просто по вспаханной и заборонованной хорошей землѣ въ саду на одной куртнѣ.

Наступилъ 1825 годъ,—второй преобразованія. Опъ нѣсколько обрадовалъ, и вмѣстѣ опечалилъ преобразователя. Картофель въ полѣ родился отлично; собрано было много: но что было съ нимъ дѣлать? Продавать? Осенью никто не покупаетъ; и весной некуда сбыть картофель въ большомъ количествѣ, даже за дешевую цѣну. Употреблять въ пищу? Дворовые люди вли съ отвращеніемъ, а крестьяне ни за что на свѣтѣ, не хотѣли вкушать «грѣшной пищи», плода, который они называли переводомъ хлѣба. Кормить животныхъ? Лошади не вли сыраго съ овсомъ, а коровъ, хотя онѣ съ жадностью съѣдали сырой, по четверику и болѣе безъ мякнны, послѣ двухдневнаго корма до отвала, не рѣшились кормить долѣе: отъ сыраго, даваемого въ большомъ количествѣ, коровъ стало очень несть. Всѣ домашніе въ одинъ голосъ предвѣщали бѣду неминуемую, утверждая, что сдѣлается повальный поносъ и падежъ. Эти опасенія впоследствии оказались напрасными, особенно съ того времени, какъ заведенъ былъ надлежащій порядокъ и приняты постоянныя правила въ содержаніи и кормленіи скота, именно, когда стали давать скоту мѣроу и вѣсомъ, въ определенное время, известное количество разнаго корма, въ томъ числѣ и сыраго картофеля. О количествѣ этого разнаго корма сказано будетъ далѣе въ отдѣленіи о Фроловскомъ скотоводствѣ.

Извѣстно, что съ начала весны, когда скотъ выпустятъ въ поле, всегда слабнть его отъ зеленой травы, но онъ не умираетъ отъ этого, напротивъ, скорѣе ливняетъ, даетъ молока болѣе нежели отъ самаго лучшаго сухаго сѣна на дворѣ, сколько бы его ни давали. Замѣчено также, что

отъ всякаго новаго корма, особливо тучнаго, даже отъ новаго овса, ячменя, трилиственнаго и горошковаго сѣна дѣлаются перемѣны въ пищевареніи животныхъ: ихъ слабить. Однако жъ скотина скоро привыкаетъ, въѣдается, и тучнѣетъ. Никто не сомнѣвается, что картофель очень здоровъ для человека; но въ 1815 году, Уральскіе казаки, Башкиры и другія Азіатскія ополченія пришли въ Литву, гдѣ, въ разоренномъ краю, не было другой пищи кромѣ картофеля; они подверглись страшнымъ поносамъ, дотого, что начальства принуждены были запрещать имъ употребленіе этого плода: новость непривычной пищи, и принятіе ея въ неумѣренномъ количествѣ, очень легко объясняютъ это. Такъ, во Фроловскомъ хозяйствѣ, ничего другаго не оставалось дѣлать съ картофелемъ, какъ развѣ кормить скотъ варенымъ. Куплены два желѣзныхъ котла, построена на скорую руку деревянная кухня съ печами, самыми убыточными для дровъ по неискусству деревенскихъ печниковъ. Но съ этимъ сколько прибавилось хлопотъ! Потребовалось людей къ скотному двору, чтобъ варить картофель, разносить въ ушатахъ по хлѣбамъ и поливать имъ сухой кормъ. Старожилы утверждали, что какъ человеку такъ и скоту вареный картофель несытенъ, что онъ далеко не то что хлѣбъ или мучная посыпка, и что подобный кормъ не стоитъ дровъ, не только умноженія для него дворни. Не менѣе мудро было сберечь картофель зимою въ большомъ количествѣ. Въ ямахъ, картофель нерѣдко портился и садовый, собираемый въ маломъ количествѣ. На слѣдующій годъ выстроены были каменные подвалы, для надежнаго храненія картофеля *.

Трилистникъ Брабантскій и Русскій, посѣянный на двухъ плохихъ пустошныхъ десятинахъ, почти вовсе пропалъ: кое-гдѣ качались головки между множествомъ сорныхъ травъ. Напротивъ, въ саду, на землѣ унавоженной, недавно бывшей подъ градами и овощемъ, онъ выросъ вышиною въ поясъ и мѣстами полегъ: ясный намекъ, что плодотворность не замѣняетъ унавоживанія, ни очистки полей.

* Объ устройствѣ этого подвала сказано въ книгѣ «Главные основанія полеводства.»

Дѣйствительно, на сколько бы участковъ ни раздѣлялось поле, какой бы порядокъ посѣвовъ вы ни вводили, сколько бы разныхъ произрастеній ни высѣвалось на участкахъ и какъ долго ни приходился бы одинакій хлѣбъ на ту же землю,—хлѣбъ, овощи, травы всегда будутъ родиться плохо на тощей, неудобренной и нечистой землѣ. Плодопере-мѣнное полеводство доставляетъ только разныя средства накопить много навозу отъ травосѣянія и овощей, даетъ вамъ возможность освобождать поле отъ сорныхъ травъ и поддерживать рыхлость почвы плугораспашною обработкой овощей и травосѣяніемъ, почвѣ возможность приносить плоды ежегодно, не гуляя, не утомляясь, а еще собираясь съ силами отъ разнообразныхъ то сильныхъ, то слабыхъ произрастеній; но она не составляетъ еще всей тайны рациональнаго хозяйства. Надобно дать возможность и самимъ кормовымъ травамъ и овощамъ, этимъ источникамъ хорошаго унавоживанія, родиться обильно. Гдѣ земля лишена природной тучности и безъ удобренія неплодоносна, тамъ прежде всего необходимо озаботиться объ умноженіи навоза и къ плодoperемѣнности присоединить другія вспомогательныя средства землеудобренія, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земля тучна отъ природы, надобно заняться очищеніемъ поля отъ сорныхъ травъ, которыя во множествѣ гнѣздятся на черноземѣ.

Старожилы Фроловскіе, разсуждая о хорошемъ урожаѣ тридцатника въ саду въ тотъ же самый годъ, когда въ полѣ вовсе не уродился, говорили, что садъ и огородъ не примѣръ пахотному полю, а поле лугамъ; что въ садахъ и огородахъ рождаются обильно ягоды, овощи, плоды древесные, въ полѣ хлѣбъ, на лугахъ травы; но въ саду и огородахъ хлѣбъ не устоитъ, въ полѣ не выростутъ овощи и хорошія луговые травы, а на лугахъ не будетъ ни того, ни другаго. «Такъ искони узаконено, стало быть, власть небесная». Эти предразсудки совершенно опровергались примѣрами иностранныхъ хозяйствъ и нѣкоторыхъ Русскихъ. Дѣло состоитъ въ искусствѣ, въ умѣньѣ дѣйствовать производящими силами природы, гдѣ бы то ни было. Фроловскій хозяинъ не могъ, разумѣется, согласиться съ мнѣніемъ своихъ старожилонъ о различіи полей, луговъ,

садовъ, огородовъ, имѣвъ случай собственными глазами видѣть въ чужихъ краяхъ полеводство съ превосходными овощами и травами. Онъ не обвинялъ и любимицы своей плодоперемѣнности, которою былъ ослѣпленъ, и за которую горой стояли всѣ книги о сельскомъ хозяйствѣ вмѣстѣ съ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, устроеннаго тогда, для испытанія плодоперемѣнности, особое заведеніе,—хуторъ; онъ не могъ обвинять ни Русскаго неба, ни земли послѣ садоваго урожая трилистника, однако жъ не догадывался, что неурожай его въ поле произошелъ единственно отъ тощей и наполненной сорными травами почвы. Онъ полагалъ, что причина неурожая заключается въ мелкой сохой пашнѣ поля: въ саду недавно были грады въ куртнѣ, обдѣлывавшіяся глубоко заступомъ. Дѣло поправлять плуги и бороны съ желѣзными зубьями, думалъ онъ, не заботясь о умноженіи навоза и не доразумѣвая о томъ великомъ вредѣ урожаю, который производятъ у насъ сорныя травы.

Не одному ему, новому и неопытному хозяину, суждено было ошибаться въ 1823 году въ тайнахъ усовершенствованнаго сельскаго хозяйства и относить къ односторонней причинѣ, къ неглубокой пашнѣ, то, что было слѣдствіемъ другихъ важнѣйшихъ препятствій урожаю. Въ Англіи былъ нѣкогда споръ, продолжительный, письменный, доходившій даже до правительства, о томъ, что важнѣе въ земледѣліи,—удобреніе или глубокое паханіе, и что способствуетъ болѣе урожаю,—то или другое? Большая часть Англійскихъ хозяевъ были на сторонѣ глубокаго паханья. Они ссылались на опыты воздѣланной земли заступомъ и на преимущество урожаевъ ея даже передъ плужною. Ворлиджъ хотѣлъ, чтобъ парламентъ запретилъ закономъ пахать землю плугами, повелѣвъ обрабатывать поля заступомъ. Въ Англіи оно такъ. Но у насъ, въ Россіи, особливо въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ растительный, плодородный слой пашни мелокъ, а подъ нимъ лежитъ слой мертвый и безплодный; гдѣ земля безъ удобрения не дастъ ничего, — у насъ опыты заступной и даже плужной, средственно глубокой, пашни оказываютъ дѣйствіе противное, именно производятъ плохіе урожан. Это случилось и во Фроловѣ.

Въ Англіи давнымъ-давно пахотныя поля превосходно удобрены не только туками, или навозомъ, но и искусственною смѣсью разныхъ неорганическихъ веществъ и земель, отъ которой составъ почвы поправленъ и доведенъ до неизмѣннаго плодородія на продолжительное время. Растительный слой Англійскихъ полей отъменно глубокъ: онъ ежегодно прибавляется и сдобривается туками и землями, пережженою глиной, пескомъ, известью, рухлякомъ, костями, которые составляютъ тамъ постоянныя средства удобрения, какъ у насъ скотскій навозъ. Тамъ для некоторыхъ полей не столько нужно утучненіе, сколько, во-первыхъ, освобожденіе тучной почвы отъ сорныхъ травъ, во-вторыхъ, глубокая пахня и мягкая обработка земли рыхлой, какъ у насъ на огородныхъ грядкахъ, чтобъ корень растений могъ свободно распространяться и чтобы растеніе не заглушалось бесполезными травами. Полонье полей составляетъ тамъ необходимую, ежегодную и значительную издержку. Этого у насъ нѣтъ; мы дивимся этому и едвали подчасъ не смѣемся, какъ прихоти.

Понятно, что для составнаго, глубокаго плодоноснаго слоя Англійскихъ полей недовольно въ некоторыхъ мѣстахъ паханья даже плугомъ; недостаточно боронъ съ желѣзными зубьями, экстирпаторовъ, скарификаторовъ съ гусиными лапами; чтобъ пахню обработать мягко: имъ потребны заступъ и вилы, не паханье, а копанье земли иногда въ поларшина, словомъ, рыхлыя и высокія гряды.

Въ Англіи, во многихъ хозяйствахъ сажаютъ въ землю руками зерна пшеницы, какъ у насъ на грядкахъ горохъ, бобъ и огурцы. Тамъ выдуманы еще, для посѣва разныхъ овощей и хлѣбовъ, самостѣйки, машины, которыя бросаютъ зерна правильно, симметрически и какъ рукой укладываютъ ихъ рядами, просторно, отдѣльно. Оттого хлѣба растутъ грядками. Свободныя мѣста, между этими грядками, какъ у насъ между картофелемъ, пропахиваются и пропалываются. Все это дѣлается, и возможно дѣлать на небольшомъ пространствѣ земли: оно, безъ-сомнѣнія, верхъ сельскаго совершенства, блестящій признакъ отчетнаго труда, размышленія и искусства. Но какъ возможно намъ, съ необъятными полями, на которыхъ перѣдко первенствующіе и са-

мые знаменитые гости — сорные травы, шни и каменья, съ нашимъ ничтожнымъ землеудобрениемъ, съ нашими неискусными руками, добиваться безъ вреда до высоты земледѣльческаго пельза, до которой иные достигали вѣками и постояннымъ попечениемъ о распространеніи науки сельскаго хозяйства? У насъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, должно обращаться и съ простымъ, легкимъ плугомъ крайне осторожно, чтобъ не выворотить вдругъ много безплоднаго материка и не испортить совершенно пашни, подавивъ мелкій растительный слой, другимъ, нижнимъ, неплодоноснымъ. Рѣшительно можно сказать, что все затѣянные способы земледѣлія, — обработка полей грядами, сажанье на нихъ руками хлѣбныхъ зеренъ по-Англійски; замыслы о наводненіяхъ луговъ, о выкопкѣ обширныхъ водохранилищъ съ огромными плотинами; о распределеніи, по книжному лѣсоводству, лѣсныхъ дачъ на лѣсосѣвки подъ одинакій возрастъ и одинакій сортъ деревъ; все сложныя и дорогія земледѣльческія орудія и машины, годныя для ровной, глубокой и тучной почвы, для чистыхъ луговъ и лѣсовъ; все эти самопахи, какъ плугъ Гранжѣ, самосѣйки, самокосцы, — что все это, теперь, когда наше земледѣліе и вообще все сельское хозяйство еще въ младенчествѣ, принесутъ намъ болѣе вреда и убытковъ нежели пользы. Наши почвы еще мелки, луга нечисты, лѣсныя дачи въ безпорядкѣ невообразимомъ, руки въ земледѣліи неискусны и еще дешевы. Длaczego жъ слишкомъ хлопотать о томъ, что должно быть послѣдствіемъ долгихъ предварительныхъ трудовъ? добиваться до несвоевременнаго совершенства, гнаться за плодами незрѣлыми, усиливаться замѣнить дешевыя и многочисленныя земледѣльческія руки дорогими машинными и орудіями, которыхъ не стянуть нашимъ крестьянскимъ лошадеикамъ, а которыя хорошими лошадями легко растрепать впрахъ по пнямъ, по каменьямъ, по кочкамъ, кустарникамъ, лощинамъ, болотинамъ? Сцена нашего хозяйства совершенно иная. Для насъ еще не наступило время ни высокой платы за трудъ, ни изащества за плетнемъ усадьбы; намъ невозможно обращать пахатныхъ полей въ огороды, копать ихъ заступомъ, садить на нихъ зерна руками, дѣлать пропашныхъ грядокъ, дѣйствовать самосѣйками, самопахами, скарри-

фякаторами, прежде нежели уровняемъ, очистимъ и удобримъ почвы. Надобно напередъ ознакомить земледельца съ сущностью предмета, съ его первоначальными и послѣдующими дѣйствіями; надобно научить вести методически полеводство и луговоеводство и искусно дѣйствовать простѣйшими орудіями; показать какимъ образомъ тѣмъ же топоромъ можно рубить лѣсъ порядкомъ съ возможностью возстановить его, и какъ ходить за скотомъ сколько-нибудь поосторожнѣе: словомъ, надобно озаботиться о постепенномъ водвореніи въ помѣстьяхъ разсудительнаго и просвѣщеннаго хозяйства, пріучая взоры, руки, умъ, къ работѣ искусной, совершенствующейся мало-по-малу. Для нашихъ почвъ даже не всегда годится и мягкая, пушистая обработка, отъ которой пашня, разсыпающаяся какъ пыль и безкомовая, при сильномъ дождѣ сливается, осѣдаетъ и дѣлается пастообразнымъ токомъ. Иногда приходится снова перепашивать засѣянное поле, забитое дождемъ. Для нашихъ полей, разрывью сѣверныхъ, нужна рыхлость, которой еще нѣтъ, то есть, просторъ между частицами, ноздреватость, и несѣдаемость, которая происходитъ отъ корней и стволонъ кормовыхъ травъ и овощей, остающихся въ полѣ послѣ уборки въ плодоперемѣнномъ полеводствѣ. Не даромъ говорятъ, что кто коситъ жнивину, то есть, оставляетъ ее низкой, у того хлѣбъ родится худо: это именно оттого, что почва лишается надлежащей рыхлости, которую доставляетъ ей запаханная въ землю высокая жнивина. Первая нужда нашихъ полей — плодоперемѣнное полеводство съ травостаніемъ и овощами, чтобъ сколько-нибудь постановить пашни на хорошую погу, взрыхлить, очистить, сдобрить мелкій растительный слой. Но плодоперемѣнное полеводство можно производить, по правиламъ науки, методически, съ большою прибылью, безъ большихъ затѣй, помощью обыкновенныхъ одноконныхъ сохъ, оралокъ, косуль, среднихъ съ желѣзными зубьями боронъ, даже безъ плужковъ и распашниковъ, которые, по своему устройству, требуютъ уже чистыхъ полей и многихъ или по-крайней-мѣрѣ двухъ лошадей, сколько бы мелокъ и узокъ ни былъ пластъ пашни. У насъ можно пахать даже трилиственное поле, по мелкости растительнаго слоя, обыкновенными сохами, а еще луч-

ше ораками, косулями и сохами съ передовымъ перышкомъ на сошникъ, изобретенія Г. Ранева, трудолюбиваго и разсудительнаго хозяина въ Ржевскомъ. уездъ. Развъ только по прошествіи десяти лѣтъ постоянного удобренія разными средствами хорошаго землеугодья и правильнаго плодотворнаго полеводства, потребуются, можетъ быть, и для нашихъ сѣверныхъ почвъ плужки и распашники, а черезъ двадцать лѣтъ и другія замысловатыя земледѣльческія орудія, — экстирпаторы, скарифкаторы на длинныхъ гусиныхъ лапахъ; то есть, тогда, когда сдѣлаемъ первые шаги на поприщѣ усовершенствованнаго полеводства, когда прежнія дурныя поля вычистятся, выровняются, освободятся отъ пней, каменьевъ и кустарниковъ, когда разрушится и подымеется растительный слой отъ плодотворности и внимательной обработки нынѣшними орудіями. Русскіе перевезенцы въ Малороссіи и въ Новороссійскомъ Краѣ пахутъ глубокую черноземную почву сохами. Всею однако жъ есть мѣра. Что въ одномъ мѣствѣ не нужно, чего тамъ достигаютъ просто и легко, то въ другомъ пріобрѣтается трудами тяжелыми, продолжительными, и требуетъ немедленно призыва искусства съ лучшими орудіями. Какъ плужная глубокая пашня не годится для почвы сѣверныхъ губерній, такъ соховая мелкая для черноземной почвы южныхъ: въ приспособленіи науки къ мѣстности, въ приложеніи теоріи къ практикѣ, заключается дѣйствительная польза и подлинная мудрость.

Все это легко говорится послѣ опыта, но, до него, благодаря наставленіямъ тогдашнихъ проповѣдниковъ «плодотворнаго сельскаго хозяйства», у которыхъ было болѣе усердія чѣмъ знанія дѣла, Фроловскій помѣщикъ питалъ одну только мысль, — какъ-можно скорѣе пріобрѣсть усовершенствованныя орудія, будучи увѣренъ, что они мигомъ исправятъ пахотныя поля и въ одинъ годъ сдѣлаютъ почву *плодоносною*, а на слѣдующій, дастъ Богъ, годъ, если не обогатятъ хозяина, такъ ужъ навѣрное дадутъ ему Египетскіе урожаи. Какой земли, самой упорной и тяжелой, не подымутъ Англійскіе плуги? какой пашни не превратятъ въ шелкъ распашники и бороны съ желѣзными зубьями? Куплены въ Кагуль у Роджера, его изобре-

тенія, два чугуно-железные плуга за 150 рублей; распашникъ за 35; три бороны съ железными зубьями, дѣйствующія вмѣстѣ, за 45; и обыкновенный двукрылый плужокъ для распашки картофелю за 40 рублей. Всѣ эти орудія привезены во Фролово въ июнь мѣсяцъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали сподвижники новаго предпріятія, когда сожнутъ рожь, чтобъ пахать поле плугами подъ зиму для ярогого; съ ужасомъ смотрѣли старожилы на эти невиданныя, мудренныя орудія, которыя своею тяжестью заповѣдовали муку вѣчную крошечнымъ лошадямъ крестьянскимъ. Наконецъ 10 августа, вывезены оба плуга въ поле, запряженные крестьянскими лошадьми. Оставалось только дѣйствовать. Но главная бѣда въ томъ, что никто во Фроловѣ не пахивалъ плугами, и никто не умѣлъ запрягать въ нихъ, какъ слѣдуетъ, лошадей. Теорія плуга и назначенія его частей были по книгамъ извѣстны помѣщику. Казалось, не мудрено дѣйствовать имъ и безъ учителя. Во многихъ земледѣльческихъ книгахъ есть рисунки плуговъ и бороны съ изъясненіемъ какъ слаживать ихъ части, изготовлять ихъ для исправнаго паханья и править ими работнику, но ни въ одной не сказано того, что извѣстно всякому иноземному пахарю,—какъ запрягать лошадей, что бѣ не расходились врозь, и какъ, по окончаніи борозды, дѣйствовать плугомъ обратно. Крыло у плуга неподвижное; на возвратномъ пути, оно не переставливается, какъ полиця у сохи, что бѣ сдвѣгать отваль въ ту же сторону. Одинъ разъ въ жизни случилось помѣщику, и то бѣгло, взглянуть въ Кагуль на плугъ, пахавшій при немъ для опыта, но ни упряжи, ни приемовъ пахара онъ хорошо не замѣтилъ. Первую борозду однако жъ умудрился прохать на десятинѣ, хотя съ большимъ трудомъ, налегая на плугъ и упирая его въ землю, какъ соху,—признакъ худослаженнаго плуга. Хорошо слаженный, онъ идетъ самъ собою, плавно, безъ всякаго усилія, не выскакивая изъ земли и не углубляясь слишкомъ въ почву, не забирая въ борозду и не вытѣвая изъ нея вонъ; пахарь долженъ только чувствовать руками плугъ и слегка поправлять его, въ случаѣ препятствія, за длинныя ручки,—самые сильныя механическіе рычаги. Вторую борозду другой плугъ, какъ обыкновенно

бывает, провель лучше и легче. Но что было дѣлать, когда оба плуга дошли до конца десятины и пришлось дѣйствовать ими назад? Куда поворотить ихъ, вправо или влево? Известно, что если плугъ поворотить влево и, отступивъ нѣсколько отъ первой борозды (отступаютъ на пять и на шесть сажень), провести новую и такимъ образомъ продолжать пахать полосу, поворачивая всякій разъ влево, борозды будутъ сходиться; вправо, будутъ расходиться. Промежутокъ въ такомъ случаѣ между первыми бороздами останется незапаханнымъ. По привычкѣ держаться со встрѣчными въ ѣздѣ правой руки, Фроловскіе пахаря неумышленно поворотили плуги вправо, и ошиблись: пашня стала расходиться. То же было у двухъ его сосѣдовъ, предпринявшихъ преобразование полеводства въ своихъ помѣстьяхъ вмѣстѣ съ Фроловскимъ помѣщикомъ. Съ общаго совѣта рѣшились пахать десятины кругомъ. Но какая выходила безобразная, исковерканная пашня! Хуже сохой. Кроме того плуги безпрестанно разлаживались; то вылезали вонъ изъ борозды, то вдавались въ нее, нето глубоко забирали въ землю; лошади распрягались, расходились врозь, если не вели ихъ; возжи путались, мѣшали пахать, падали подъ ноги лошадямъ и зацѣплялись за плуги; но безъ нихъ обойтись было нельзя: нечѣмъ сдерживать и поворачивать лошадей, когда нужно. Ничтожныя, повидимому, препятствія, происшедшія отъ недостатка опытности,—но они приводили въ отчаяніе и поставляли въ невозможность дѣйствовать прекраснѣйшимъ орудіемъ. Въ самое короткое время утомились люди и лошади, не вспахавъ и осьмой доли десятины; люди оттого, что, по привычкѣ къ сохѣ, безпрестанно налегали на плугъ, чего ни подъ какимъ видомъ не должно дѣлать: надобно тотчасъ приняться за осмотръ и исправленіе частей плуга, пока самъ собою не пойдетъ въ землю плавню; лошади—отъ несвычки, дурной запряжки и худо установленныхъ плуговъ. Земля была не вспахана, а только изрыта. Материка выворотила множество, почти столько же, сколько растительнаго слоя. «Это хорошо; этого и надобно», думалъ про себя преобразователь: «чѣмъ глубже пашня, тѣмъ она будетъ плодоснѣе». И ошибся. На слѣдующій годъ,

именно на плужныхъ десятинахъ, овесъ родился отъменно дурно, гораздо хуже чѣмъ на десятинахъ, паханныхъ сохами: онъ обошелся только самъ-другъ. Крестьянскихъ утомленныхъ лошадей замѣнили въ тотъ же день свѣжими каретными. Напрасно! Онѣ вспахали большее пространство земли, но больше и утомились. Старожилы радовались, а приверженцы нововведенія тужили, но не хотѣли разстаться съ превосходнымъ земледѣльческимъ орудіемъ, прочнымъ и прелестнымъ даже на взглядъ: точно лебедь съ распушенными крыльями, шелъ по пашнѣ плугъ чугуно-железный, уютный, съ высокими ручками. Помѣщикъ дивился неуспѣху. У него не выходила изъ памяти чудесная, легкая и ровная пашня въ Кагуль. Послано было немедленно въ Кагуль съ покорнѣйшею просьбою къ Г. Роджеру дать плужника, за какую бы то ни было цѣну. Какъ скоро явился этотъ мастеръ своего дѣла, все пошло своимъ порядкомъ. Въ одно утро онъ уладилъ плугъ; въ двое сутокъ обучилъ Фроловскихъ пахарей хорошо устанавливать и вести орудіе. Лошади не стали расходиться, привязанные ближе другъ къ другу за узды двойною веревкой. Возжи, снабженные по концамъ петлями, что бѣ надѣвались на руки пахарю, и продѣтыя въ петельки къ шлѣв, не волочились по землѣ и не путались. Безъ малѣйшаго напряженія силъ пахарей и безъ большаго труда для крестьянскаго скота три плуга вспахали въ сутки цѣлую сороковую десятину. Тогда всѣ принуждены были согласиться, что плужная пашня несравненно лучше сохой, что человѣку пахать плугомъ легче нежели сохою: только лошадямъ, говорили крестьяне, жалѣвшіе своихъ животныхъ, накладно; но и это было несправедливо.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, крестьянскимъ лошадямъ безъ овса трудно пахать, думалъ помѣщикъ, не размысливъ, что лошади каждый день мѣнялись, что однимъ и тѣмъ же лошадямъ приходилось пахать только одинъ разъ въ недѣлю, что на десятину становать обыкновенно три одноконныя сохи, которыя съ трудомъ одолевають эту работу, и что три плуга, съ шестью лошадьми легче и скорѣе обработаютъ ту же десятину при умѣренной глубинѣ пашни. Пласть нашей плужной пашни былъ въ ширину

не много больше соховаго. Тяжесть орудія, по самовѣрнѣйшимъ и безчисленнымъ опытамъ, нисколько не увеличиваетъ труда, если нѣтъ упора отъ сошника, отъ ножа, отъ плужнаго крыла. Сошникъ подрѣзываетъ пластъ снизу, ножъ рѣжетъ сбоку, поднятый пластъ скользитъ по выгибу крыла, придуманному механически, и, раздробляясь, ловко переворачивается и упадетъ на бокъ. Орудіе, сдѣланное дурно, безъ расчета силъ и соображенія механическаго, дурно сложенное въ частяхъ, дѣлаетъ остановку, затрудняетъ работу, утомляетъ людей и животныхъ. Несмотря на то, общая мысль того времени, которой послѣдовали и два богатые сосѣда Фроловскаго помѣщика, трудившіеся въ то же время надъ преобразованиемъ трехпольнаго полеводства, — мысль, состоявшая въ томъ, что «если обрабатывать господскія поля плугами, такъ на господскихъ, а не на крестьянскихъ лошадяхъ» давно таилась въ умѣ и останавливалась только за издержкою на покупку лошадей: теперь ее усилили замѣчанія крестьянъ, и она была исполнена съ небольшимъ пожертвованіемъ денегъ. Въ сосѣдствѣ уничтожился конный заводъ простыхъ лошадей. Тамъ куплено девять лошадей, въ томъ числѣ, къ счастью, семь кобылъ, пригодившихся послѣ для Фроловскаго коннаго завода. Заплачено дешево, — за всѣхъ, съ небольшимъ 1000 рублей. Зимой отлиты чугунно-железныя вещи для 10 плуговъ на чугунномъ заводѣ Чесменскаго въ Алексинскомъ уездѣ Тульской губерніи. Въ 1824 году весною уже были готовы шесть чугунно-железныхъ плуговъ, два двукрылыхъ деревянныхъ, четыре распашника и нѣсколько боронъ съ железными зубьями: все это сдѣлано дома и обошлось дешево.

Между-тѣмъ осенью 1823 года вспахано двумя плугами до 10 десятинъ ржанаго поля подъ яровое и еще поднято двѣ десятины луга подъ пашню. Оказалось, что подымать луга, или вообще всякую новь, гораздо легче обыкновеннымъ Русскимъ способомъ, — помощію передоваго одноконнаго отреза и сохи. Передовой отрезъ — точно такой же рѣзецъ, какъ у плуга. Онъ всаживается въ дерево и, помощію лошади въ оглобляхъ, какъ въ сохѣ, прорѣзываетъ дернъ и образуетъ пластъ. Если корень, встрѣтившійся въ

земля, не уступает отрезу, его перерубают топоромъ. Соха, сдвигая за отрезомъ, подымаетъ и переворачиваетъ пластъ уже готовый. Въ этомъ случаѣ трудъ подъема раздѣленъ между отрезомъ и сохою, дѣйствующими особо; въ плугъ, напротивъ, онъ соединенъ: рѣзецъ отъ плуга при подъемѣ не отымается. Оба орудія, плугъ и соха съ отрезомъ, требуютъ двухъ лошадей, но въ плугъ имъ несравненно тяжелѣе: корень, не уступающій плугу, не только отстаиваетъ лошадей, но нерѣдко повреждаетъ и самое орудіе. Кромѣ того сохами съ отрезами подъемку можно сдѣлать вдругъ цѣлою барщипой, дружно, а плугами столько, сколько есть плуговъ. Иногда недостаточно восьми плуговъ для подъема одной десятины въ сутки. Какъ бы то ни было, чугунно-железный плугъ оставался долго постояннымъ любимцемъ Фроловскаго пововодителя, общавшимъ ему скорое обогащеніе. Для лошадей, дѣйствовавшихъ этими плугами, не падали овса; давали по четвертку на лошадь; наконецъ стали сыпать по полумѣрѣ, съ удовольствіемъ. Нельзя было налюбоваться плужною пашнею. И послѣ нея было отвратительно смотрѣть на соховую. Плужный пластъ ложился ровною лентой, съ неизменною точностью, полъ угломъ въ 40 градусовъ; земля изъ борозды вынималась вся начисто правильнымъ четырехугольнымъ жолобомъ, переворачивалась низомъ-вверхъ ловко и рассыписто; соховая пашня казалась при ней изрытою. Въ первую осень строго взыскивалось за мелкую пашню, именно, когда мало виднѣлось на пластахъ материка. Ошибка величайшая, неисправимая на продолжительное время! Тѣ двѣ десятины, которыя были вспаханы до прибытія обработаннаго плужника грубыми пазарями, выворотившими много мертвого материка, отличались худшими урожаями болѣе десяти лѣтъ, хотя въ каждую очередь унавоживанія получали болѣе навоза. Но въ этомъ случаѣ нельзя было обвинять теорію: напротивъ, она должна была напомнить молодому хозяину о всѣхъ предосторожностяхъ, какія преподаетъ наука относительно нижнихъ слоевъ земли. Но до напоминаній ли, когда дѣло пошло на хозяйственную революцію! Неопытность и заносчивая ревность къ новому искусству почитали эти предосторожности за излишнія опа-

сепя ученыхъ, за умозрѣнія кабинетныхъ пахарей. «Паши! паши глубже!» подтверждалъ онъ въ первую осень работникамъ, и они запахали, по приказанію, до самаго сердца земли, такъ, что земной шаръ трещалъ отъ Фроловскаго плуга.

Въ 1824 году весною снаряжены были для пашни 6 чугунно-железныхъ плуговъ съ 12 господскими лошадьми, потому что къ девяти купленнымъ лошадямъ присоединены были еще три разгонныя. Шестеро молодыхъ крестьянъ взяты въ пахари на господское продовольствіе. Лошади, получая по полумѣрѣ овса, пахали съ большимъ удовольствіемъ и пополняли. Фроловскихъ нововводителей восхитило еще болѣе, когда по плужной пашнѣ пошли распашники, — эти огромныя бороны съ большими железными зубьями, вмѣстѣ пашущія и боронующія. Углубляясь длинными зубьями до непаханнаго материка, они, казалось, плыли по десятинѣ, тихо колыхаясь какъ ялики, и сѣяли сквозь себя землю. Мнѣжество корней, сорныхъ травъ, вываливали они на края десятинъ; цѣльнѣ нигдѣ не оставалось, потому что ими проходили десятину вдоль и поперекъ. Пашня подъ яровое приготовлена была превосходно. Вездѣ на десятинѣ можно было разгрести землю ногою, какъ рыхлый песокъ. Работниковъ замѣнялось распашниками чрезвычайно много*, однако лошадямъ было трудно. Шестъ крестьянскихъ не могли выходить въ двухъ распашникахъ долѣе полудня: потребовалась еще смѣна на пополуденное время, но эти 12 лошадей, при двухъ работникахъ, обдѣлывали $1\frac{1}{2}$ сороковой десятины, замѣняя двойное пашни и вторичную бороньбу.

Во все лѣто и осень 1824 года продолжалась плужная пашня, однако жъ гораздо мельче, нежели было приказано въ прошлую осень. Урокъ, данный плохимъ урожаемъ овса на десятинахъ, вспаханныхъ глубоко плугами, заставилъ измѣнить способъ производства. Приказано было пахать мельче и какъ-можно менѣе выдирать материка. Но измѣнить привычку плужниковъ было уже трудно: они пахали не на

* Расчетъ этотъ описанъ въ No 18 Библіотеки для Читенія, Отдѣленіе четвертое, стр 60.

своихъ, а на господскихъ лошадяхъ, которыхъ не жаль; скучно перелаживать плуги; сверхъ-того для пахаря одинаково легко, пахать плугомъ мелко или глубоко, следовательно не для чего остерегаться отъ глубокой пашни, развѣ во избежаніе взысканій. Но взысканія, смекали пахаря, наскучать присмотрщикамъ, какъ уже имъ, пахарямъ, наскучило жить на барскомъ дворѣ и смотреть за лошадьми да за исправностью мудреныхъ сбруй и орудій.

Такимъ образомъ первые опыты усовершенствованными орудіями были неудачны и невыгодны для хозяина: вмѣсто прибыли и обогащенія, они доставляли ему со всѣхъ сторонъ убытки и досаду. Въ теченіе года, скормлено плужными лошадьми до ста четвертей овса, а овесъ въ 1824 году продавался по семи рублей. Кромѣ этого недочета въ доходѣ, возникали еще лишнія траты отъ небрежности и отъ неопытности плужниковъ, которые не берегли сбруй и часто портили плуги и распашники. Кузнецъ не отходилъ отъ кузницы. Двѣ плужныя кобылы выкинули. Продовольствіе самихъ плужниковъ обошлось не дешево. Такъ, надежда поправить вдругъ состояніе усовершенствованными орудіями рушилась и именно оттого, что приложенъ былъ трудъ улучшенія только къ одной частной отрасли изъ всей махины сельскаго хозяйства, — къ земледѣльству. Но сдѣлалось яснымъ по-крайней-мѣрѣ то, что односторонность ничему не помогаетъ; что во всякомъ дѣлѣ нужно брать полныя мѣры, и, улучшая полеводство, должно озаботиться въ то же время обо всѣхъ его отрасляхъ, — земледѣльствѣ, землеудобреніи, сѣвооборотахъ, и прочая, и прочая. Еще обнаружилось важное мѣстное обстоятельство: если бъ плужныя лошади были розданы по крестьянамъ, тогда онѣ работали бы поля господскія и крестьянскія, отправляли бы въ теченіе года всѣ другія потребности крестьянскаго быта, приносили бъ двойную, тройную пользу и содержаніе ихъ не стоило бы ни копейки господину, который могъ имѣть опредѣленное небольшое число плуговъ, распашниковъ и, по мѣрѣ надобности, дѣйствовать ими на крестьянскихъ лошадяхъ, съ обыкновенною крестьянскою сбруей. Лучшей для этихъ орудій и не требуется, если не хочешь щеголять и тщеславиться сбруями. Впоследствии такъ сдѣ-

ладо, по показъству, по окончаніи земледельческихъ работъ, плужныя лошади всю зиму оставались на господскомъ дворѣ праздными, и обременяли хозяйство кормомъ: оно могло бы имѣть доходъ, отъ такого же количества коровъ, не требующихъ столь хорошаго корма какъ лошади. Прежняя общія мысль преобразовалась на опытъ въ другое правило: «если обрабатывать въ Русскихъ помѣстьяхъ господскія поля плугами не съ убыткомъ, а съ выгодой, такъ не на господскихъ, а на крестьянскихъ лошадяхъ какъ скоро «господскимъ лошадямъ не предвидится зимою работъ отъ «постороннихъ промысловъ.»

Еще одно затрудненіе встрѣтилось съ плужными лошадьми: ихъ негдѣ было бы помѣстить въ ветхомъ, деревянномъ скотномъ дворѣ, особенно если бы кобылы ожеребились; къ счастью, за годъ до покупки лошадей, наемщики одной значительной пустоши, лежащей въ двухъ верстахъ отъ Фролова, отказались отъ владѣнія, разумѣется, вырубивъ лѣсъ и истощивъ землю послѣ десяти-лѣтняго хлѣбопашества безъ удобрения. Рѣшено было на ней поставить скотный дворъ, а наконецъ, послѣ неудачной и убыточной плужной пашни, завести конный заводъ, изъ купленныхъ для плуговъ лошадей, съ тѣмъ, чтобъ земли на пустоши обрабатывать по правиламъ плодoperемѣннаго полеводства и имѣть отъ завода удобреніе. Смѣло можно было рѣшиться на это предпріятіе при травосѣяніи и корнеплодныхъ овощахъ. Впослѣдствіи находилось до 55 лошадей въ заводѣ, изъ которыхъ по семи и по восьми круглый годъ стояли на стойлѣ, довольствуясь въ лѣтнее время зеленымъ тріантникомъ.

Здѣсь нельзя умолчать о случаѣ, бывшемъ съ постройкою этой конюшни. Онъ будетъ предостерегательнымъ урокомъ для новыхъ хозяевъ. Конюшня была первымъ опытомъ строенія, для самаго помѣщика. Пространство ея рассчитано было хорошо: предполагалось имѣть восемь матокъ, и помѣщеніе для нихъ и для приплода назначалось достаточное. Положено было строить на каменномъ фундаментѣ, въ кирпичныхъ столбахъ. Наняты работники не поденно, но съ работы, именно съ сотни бѣлаго камня, положеннаго въ фундаментъ, и съ тысячи кирпича въ стѣну. Казалось, что

плата за трудъ поощрить къ скорѣйшему окончанію труда, и заставить производить его лучше и прочтѣе, — расчетъ плохой при незнаніи дѣла самимъ хозяиномъ. Работники тотчасъ смекнули съ кѣмъ имѣють дѣло и стали думать только о своихъ выгодахъ. Выгоды ихъ состояли, какъ послѣ открылось, въ томъ, чтобъ употребить больше кирпича и слѣдственно больше получить денегъ за работу. Когда сдѣлали бутъ и стали класть цоколь изъ бѣлаго камня, они набивали въ середину множество кирпича, до того, что цоколь спустили съ буту болѣе нежели на вершокъ, хотя, по правиламъ архитектуры, слѣдовало непременно уступить отъ краевъ бута цоколемъ на два и болѣе вершка. Помощникъ каждый день посвящалъ работу, подчивалъ, убѣждалъ работниковъ дѣлать какъ-можно лучше, признаваясь въ своемъ незнаніи построекъ. Ни красноречіе, ни привѣтливость не обезоружили склонности работниковъ къ плутнямъ. Они смѣло достигали своей цѣли, смѣясь внутренно надъ ораторствомъ и простотою хозяина, и весною онъ получилъ извѣстіе, что столбы конюшни покачнулись и цоколь, набитый кирпичемъ, мѣстами распался на обѣ стороны. Надобно было перестраивать, и прежде всего учиться архитектурѣ. Совѣстно признаться, — новый Фроловскій помощникъ, нѣкогда кандидатъ физико-математическаго факультета, не зналъ что такое балка и цоколь. Къ счастью, этотъ неудачный опытъ убѣдилъ его въ необходимости познакомиться съ правилами архитектуры и сельскихъ ремеслъ. Пришлось опять учиться, чтобъ производить сельское хозяйство. Съ запасомъ свѣдѣній нынче благополучно выстроены имъ изъ кирпича, безъ помощи архитекторовъ, многія красивые и прочныя зданія во Фроловѣ.

Обманутая надежда на великіе урожаи отъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій заставили искать другихъ средствъ для улучшенія своего сельскаго хозяйства и особенно пахотныхъ полей. Теперь, когда дѣло извѣстно какъ пять пальцевъ, ему не трудно съ перваго взгляда отгадать недостатки самаго сложнаго хозяйства; впрочемъ и въ то время здравый смыслъ, — а онъ-то и есть самая рѣдкая вещь въ дѣлахъ человеческихъ, — указывалъ прямо на необходимость увеличить удобреніе пашни, когда изъ 30 деся-

тинъ, поступившихъ подъ озимый хлѣбъ, унавоживалось только 8, а въ хорошій годъ не болѣе 9, то есть, менѣе трети пара. Но спрашивается: когда же на эту унавоженную землю приходился опять навозъ и сколько требовалось отъ нее жатвъ съ одного раза унавоживанія? Причина истощенія земли была очевидна. Но что просто и очевидно для знатока, то мудро для человѣка незнающаго и неопытнаго, который обыкновенно строить воздушные замки, мечтаетъ о несбыточномъ и заносится, въ пылу рвенія, за предѣлы дѣйствительности. Замѣчено также, что, глядя на игру другаго, игрокъ, даже неискусный, здраво разсуждаетъ о томъ, съ чего надобно ходить, но принявшись самъ за карты, становится въ тупикъ, лишаясь прозорливости отъ напряженнаго вниманія или отъ излишней осторожности, еще болѣе вѣрнѣе, отъ неуверенности въ самомъ себѣ и боязни сдѣлать ошибку. Почти то же было съ Фроловскимъ хозяиномъ, недавно оставившимъ военную службу. При всей доброй волѣ и усердіи трудиться, при всемъ стремленіи къ хорошему, съ помощію даже книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, онъ не могъ ускользнуть отъ недоразумѣній и не сдѣлать многихъ ошибокъ. Нужда наконецъ навела его на рѣшеніе того, что было простою задачей сельскаго хозяйства, именно, на расчетъ пространства земли съ количествомъ удобренія и числомъ животныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ на умноженіе удобренія для пахотныхъ полей. Въ Макаровѣ, на той пустоши, гдѣ учреждался конный заводъ съ господскою запашкой, оказалось годной подъ хлѣбопашество земли 30 десятинъ. Надобно было для предполагаемаго семи-польнаго полеводства удобрять непременно одинъ изъ семи участковъ, или $4\frac{1}{4}$ десятины, которые поступали подъ озимый хлѣбъ. Восемью заводскими кобылами этого пространства удобрить нельзя. Сколько жъ надобно головъ на десятину для хорошаго удобренія? Вопросъ важный, который будетъ изложенъ отдѣльно. Во Фроловѣ производилось удобреніе полей, по обыкновенію, на глазомѣръ, который весьма обманчивъ, а земледѣльцу необходимо надобно знать счетомъ и мѣрою, сколько именно достается на десятину удобренія, сколько она можетъ отъ того дать разнаго хлѣба, судя по силѣ или питательности его, и сколько можетъ вынести

*

урожаевъ. Точно такъ же необходимо нужно знать скотоводу, сколько именно дается корма животнымъ разнаго возраста, если онъ хочетъ получать отъ нихъ хорошій и постоянный доходъ. Въ 1822 и 1823 годахъ опыты показали, что число животныхъ Фроловскаго скотоводства доставляло мало удобренія, именно на 8 или на 9 десятинь. Это давно уже заставляло привести въ извѣстность Фроловское унавоживаніе и опредѣлить съ точностію количество навоза, поступающаго на десятину, и навоза хранящагося на скотномъ дворѣ, для того, чтобъ по замѣткамъ на скотномъ дворѣ тотчасъ можно было сообразиться, какой мѣры должны быть въ наступающее унавоживаніе шахматы или четверугольники, на которые рѣшено было разбивать десятины. Въ плодотворномъ полеводствѣ необходимо, чтобъ навоза доставало на цѣлый участокъ подъ озимый сильный хлѣбъ: иначе оно устоять не можетъ. Узнано наконецъ, что отъ пяти до шести головъ крупнаго скота достаточно для хорошаго унавоживанія Фроловскихъ полей, при пособіи покупной соломы и другихъ средствъ земледобренія. Рѣшились впродолженіе до приплода, ожидаемаго отъ заводскихъ лошадей, отдѣлять ежегодно на Макаровскую конюшню двугодозвалыхъ телокъ съ Фроловскаго скотнаго двора, для того, чтобъ въ то же время сберечь ихъ отъ преждевременнаго теленя и дать имъ время вырости и укрѣпиться. На другой годъ этихъ третьяковъ возвращали во Фролово, а двудѣтниковъ другихъ брали снова на Макаровскую конюшню для накопленія удобренія.

Скотъ во Фроловѣ былъ обыкновенный Русскій; хорошій, но мелкій. Превосходный Кагульскій скотъ не выходилъ изъ памяти: хозяину хотѣлось имѣть хоть тѣнь похожаго. Для покупки въ большомъ количествѣ превосходныхъ коровъ не было лишняго капитала; дожидаться, пока разведется отличный скотъ отъ двухъ трехъ покупныхъ хорошихъ коровъ долго и ненадежно. Положено было улучшить скотоводство въ одинъ годъ, промѣнявъ Русскихъ коровъ, негодныхъ къ молоку, на пригонныхъ петелей, называемыхъ Черкасскими, или просто Малороссійскихъ. Опять большая неосторожность. Не величина скота, но сочный кормъ, точный присмотръ, помѣщеніе и разборъ въ приплодѣ, составляютъ и поддер-

живають хорошее скотоводство, — словомъ, знаніе искусства. Можно плохое скотоводство возвысить и отличное унизить до невѣроятно дурнаго. Развѣ не мелѣтъ у насъ скоть отличныхъ породъ, выписной изъ-за границы и изъ южныхъ губерній? развѣ онъ не лишается превосходныхъ своихъ свойствъ, тучности, молочности, мягкой шерсти на северныхъ скотныхъ дворахъ съ обыкновеннымъ Русскимъ кормомъ, присмотромъ и помѣщеніемъ? Сама природа раздѣлила породы скота: иную предназначила она для молока, или мягкаго руна, другую для вкуснаго мяса. Малороссійскій скоть отлично хорошъ на мясо и отменно дуренъ на молоко, которое отъ коровъ этой породы бываетъ синее, жидкое, невкусное и почти не даетъ сливокъ. Простыя Русскія коровы мелки, сухощавы и гнуснаго вида, но даютъ скопы превосходные и молоко густое. Забыли и о томъ, что Фроловскій скотный деревянный дворъ едва держится и съ трудомъ помѣщаетъ привычную къ холоду и голоду Русскую скотину; что плодопеременное полеводство, едва возникающее, не доставляетъ еще съ пахотныхъ полей значительнаго количества подсобнаго корма; что даже для небольшого количества прибылыхъ лошадей принуждены были отказать наемщикамъ отъ нѣсколькихъ сѣнокосныхъ пустошей, чтобъ обратить сѣно на прокормленіе лошадей. Но что было задумано, то и сдѣлано: Русскія Фроловскія коровы, негодныя къ молоку, промѣняны на нѣсколько отличныхъ телей Малороссійскихъ. Они явились на скотный дворъ, и началась борьба между старожилами и новобранцами, въ стадѣ и на дворѣ. Сильные, крупные Малороссійскіе гости не только били и обижали кормомъ Русскихъ, за что и были отдѣлены особо, но и между собою дрались на смерть отъ несвѣчки. На слѣдующую весну оказались многіе изъ Русскихъ коровъ хворыми; иныя окольвали. По снятіи кожи, найдены ушибы. Фроловскій хозяинъ основывалъ на величій животныйхъ улучшение Русскаго скотоводства, и радовался, что приобрѣлъ Малороссійскихъ, отъ которыхъ, если бъ не подоспѣло на помощь плодопеременное полеводство съ своими подсобными кормами, не миновать бы ему, подобно другимъ, скотскаго падежа. Этотъ падежъ часто, или почти всегда, случается на Русскихъ

скотныхъ дворахъ отъ покупки Малороссійскаго скота, — вовсе не отъ смѣшенія породъ и не оттого, чтобъ пришлые приносили съ собою болѣзни изъ своего края, а оттого, что южный скотъ, питомецъ необозримыхъ степей, гдѣ въ сочной, высокой травѣ не видать члвчка, гдѣ и зимой у него всегда подъ ногами трава, вдругъ поступаетъ на тощую солому зимой, на тощія луга и парь трехпольнаго полеводства лѣтомъ. Этотъ скотъ всталъ бы на Фроловскомъ скотномъ дворѣ и переродился бы въ отвратительныхъ ублюдковъ Русско-Малороссійскихъ безплодоперемѣннаго полеводства.

Довольно ли ошибокъ въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ! Но должно сознаться съ тою же откровенностью, что ошибки съ каждымъ годомъ уменьшались и исчезали. Свѣтъ теорій, совѣщанія съ людьми свѣдущими и собственное уразумѣніе, съ пособіемъ опытности, начали разсѣивать мракъ невѣдѣнія и расшурять услія.

Успѣху много содѣйствовало также дружество. Трое помѣщиковъ сосѣдей рѣшились въ одно время итти по пути, тогда многотрудному и темному, преобразованія трехпольнаго полеводства въ плодоперемѣнное. Оградивъ сердца брнею терпѣнія противъ внутреннихъ и внѣшнихъ гонителей всего новаго, затворивъ слухъ отъ всякихъ навѣтовъ зависти со стороны невѣжества, они съ ревностью стремились рука-объ-руку къ предположенной цѣли. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ралль, Ѳедоръ Ильичъ Лодыженскій и нижеподписавшійся владѣлецъ Фролова начали и совершили дѣло, полезное себѣ и другимъ, съ единодушіемъ и постоянною твердостью. Гг. Ралль и Лодыженскій, въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ ввели, первый семи и пяти-польное плодоперемѣнное полеводство въ двухъ усадьбахъ при селѣ Первитинѣ почти съ четырьмя стами тягловъ, а второй четырехъ-польное по семидесяти сороковыхъ десятинъ въ каждомъ участкѣ въ селѣ Вахновѣ. Они до-сихъ-поръ, послѣ тринадцати лѣтъ, продолжаютъ это полеводство съ отличными урожаями хлѣба. Лодыженскій основалъ на этомъ полеводствѣ прокормленіе обширнаго и отличнаго коннаго завода и сыродѣліе. Мы условились каждую недѣлю одинъ день посвящать Зубцовской Церерѣ. Поочередно съѣзжа-

лись три нововводителя другъ къ другу и повѣряли себѣ свои мысли, передавали успѣхи и неуспѣхи опытовъ, вѣсело радовались, тужили и придумывали лучшее. Такимъ образомъ непримѣтно пролетѣли нѣсколько дѣтъ самой пріятной дружеской жизни среди мирныхъ занятій, сладкихъ и полезныхъ. Отечественное сельское хозяйство, вѣроятно, не забудетъ въ своихъ листкахъ людей, съ усердіемъ, въ простотѣ сердца пролагавшихъ первые слѣды въ неизвѣстной пустынѣ важнаго народнаго труда.

Приступая къ описанію перехода отъ трехпольнаго къ плодоперемѣнному полеводству, думаю, что было бы любопытно провести любителей сельскаго хозяйства по вѣсѣмъ скользкимъ стезямъ и излучинамъ этого новаго дѣла у трехъ друзей, которые избрали, каждый по своимъ соображеніямъ и способамъ, свою дорогу и методу. Но, чтобы не обременять вниманія подробностями, замѣчу только главныя затрудненія и важнѣйшія событія.

Въ 1822 году, когда началось преобразованіе, еще не было ни какихъ примѣровъ въ Русскихъ помѣстьяхъ, и на Русскомъ языкѣ не было ни какихъ руководствъ для безубыточнаго и скорого перехода отъ трехпольнаго зерноваго полеводства къ плодоперемѣнному. Только въ 1823 году издана книга, переведенная съ Нѣмецкаго, давно извѣстная Зубцовскимъ преобразователямъ: «Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству (!) съ показаніемъ перехода къ оному (!) отъ трехпольнаго (!), сочиненіе Людвига Фишера.» Предложенный въ этой книгѣ способъ перехода, и вообще полеводство, по многимъ причинамъ вовсе не годились для Русскихъ помѣстій, особливо сѣверной и средней полосы государства. Въ плодоперемѣнномъ сѣвооборотѣ Фишера рожь съется послѣ шелушныхъ, или стручковыхъ растений, то есть, послѣ гороха и конскихъ бобовъ. Въ Тверской губерніи и во многихъ другихъ, нельзя усѣять послѣ гороха сѣять рожь до наступленія морозовъ и прекращенія прозябанія. Рожь — произрастеніе двулѣтнее. Ей нужно укорениться съ осени: оттого ранній посѣвъ ржи всегда доставляетъ лучшіе урожаи съ крупнымъ и полнолѣснымъ зерномъ. Есть еще родъ ржи, называемый ярица: она съст-

ся весною и вырастает въ одно лѣто; но зерно ея мелкое и легкое: позднихъ осеннихъ посѣвовъ рожь съ ней сходна. Въ книгѣ Фишера сказано, что переходъ совершается къ плодоперемѣнному отъ трехпольнаго, но тутъ же, на другой страницѣ, приложена таблица не трехпольнаго, а шести-польнаго зерноваго полеводства, отъ котораго и дѣлается переходъ. Эта ошибка произошла отъ сбивчивыхъ понятій о сущности и формѣ полеводства. Сущность замѣнена формой: надобно было сказать отъ шести-польнаго зерноваго къ шести-польному плодоперемѣнному. И этотъ переходъ сдѣланъ въ восемь лѣтъ. Это слишкомъ долго. Кроме того, въ Богеміи, гдѣ трудился Фишеръ, въ пару зерноваго полеводства сѣютъ горохъ: этого у насъ въ цѣлой Россіи неводится. У Фишера, часть поля въ зерновомъ полеводствѣ унавоживалась съ осени подъ пшеницу: у насъ унавоживаніе производится въ іюнѣ мѣсяцѣ. Перевести іюнское удобреніе на сентябрьское или октябрьское въ Россіи составляетъ задачу немаловажную. Во Фроловѣ достигли до осенняго унавоживанія всего участка, поступающаго подъ рожь, черезъ пять лѣтъ. Много ли накопится навоза до сентября, даже до октября, послѣ іюнско-й вывозки навоза, когда скотъ ходитъ въ поле и постилки бываетъ мало? Фишеръ сѣялъ рожь въ поле, чтобы весною косить зеленую въ кормъ скоту. Словомъ, все его приемы и расчетъ работъ — свои, и нейдутъ въ дѣло для Россіи. Надобно было самимъ изобрѣтать способы перехода подъ Русскимъ небомъ, въ Русскихъ помѣстьяхъ и слаживать все по-Русски.

Раздѣлить поля вмѣсто трехъ на четыре, пять, шесть, семь, восемь и девять участковъ, переходя отъ трехпольнаго къ плодоперемѣнному полеводству, не трудно; но мудро придумать, въ какой годъ, въ какомъ порядкѣ и въ какомъ количествѣ сѣять на участкахъ разныя произрастенія, какъ сохранить въ переходѣ очередь посѣвовъ между зерновыми хлѣбами и кормовыми травами безъ замѣшательства, чтобы не пришелся одинакій хлѣбъ по хлѣбу, овощъ по овощу, трава по травѣ; наконецъ какъ все это свести въ предположенный сѣвооборотъ и выполнить переходъ въ короткое время, безъ убытка и

безъ большихъ пожертвованій капитала. Вотъ задача! Объяснимъ ее подробнѣе примѣромъ. Положимъ, что все пахатное поле состоитъ изъ 150 десятинъ. Въ трехпольной системѣ, въ каждомъ полѣ составитъ по 50 десятинъ: одно поле будетъ съ рожью, другое съ яровымъ, третье въ пару. Положимъ, что, по соображеніи обстоятельствъ мѣстности и лучшаго сбыта, за самый выгодный плодоперемѣнный сѣвооборотъ сочтенъ шести-польный, состоящій изъ посѣва кормовыхъ травъ, овощи и колосоваго хлѣба. Въ такомъ случаѣ, на каждый участокъ шести-польнаго полеводства придется по 25 десятинъ: сльдственно, ржи будетъ сѣяться не 50, а только 25 десятинъ: ущербъ чрезвычайно важный въ самомъ цѣннѣйшемъ зерновомъ хлѣбѣ и болѣе всѣхъ другихъ необходимомъ для пропитанія. Не имѣя особыхъ капиталовъ, надобно подумать, чѣмъ прокормить дворовыхъ и съ чего взять доходъ на обыкновенныя годичныя нужды, если вдругъ уменьшить вполонину посѣвъ ржи, пока еще не засѣялись всѣ участки предположенными произрастеніями, которыя бы вознаграждали убытокъ въ прибыли отъ ржи. Въ 1822 году, было трудно, да и теперь не легко, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже вовсе невозможно, купить на сѣмяна достаточнаго количества картофелю на двѣ или на три десятины, а не только на двадцать пять; кормоваго горошка такъ же; сѣмяна трилистника бывають очень дороги: этими растеніями надобно разводиться дома, постепенно. Наконецъ съ какого поля начать переходъ къ плодоперемѣнности? Прежде многіе, даже иностранныя, сельскіе хозяева не осмѣливались предпринимать перехода отъ трехпольнаго къ плодоперемѣнному полеводству единственно за продолжительностью перехода; другіе начинали, путали, ошибались и, подобно знаменитому Можайскому агроному возвращался *«съ плодоперемѣнной системы (!), къ счастію, недалеко въ нее забревши (!), скомандовавъ себѣ на льво кругомъ.»* * Ни у одного изъ иностранныхъ писателей, ни у самаго Теэра, не было, и нѣтъ легкаго, кратковременнаго и безубыточ-

* Примѣчанія къ Русскому переводу Теэра, Часть I, стр. 221.

наго способа подобныхъ переходовъ, и до 1826 года онъ оставался задачею и для Фроловскаго хозяина *.

Плодопеременный сѣвооборотъ, принятый для Фроловскаго полеводства на мѣсто трехпольнаго зерноваго, былъ съ самаго начала семи-польный, слѣдующій.

Въ первомъ полѣ, по навозу, вывозимому и запахиваемому съ осени, сѣялся *кормовой горошекъ на сѣно*; по снятїи горошка въ цвѣту, въ началѣ іюля слѣдовала *озимая рожь*.

Во второмъ полѣ, *озимая рожь*.

Въ третьемъ полѣ, *стручковый овощъ*, горохъ и *кормовой горошекъ на сѣна*.

Въ четвертомъ полѣ, по навозу, вывозимому весной, *корнеплодные овощи* на одной половинѣ участка; на другой *поздній кормовой горошекъ* для свѣжаго корма скоту, когда устарѣеть трилистникъ.

Въ пятомъ полѣ, *ячмень съ трилистникомъ*.

Въ шестомъ полѣ, *трилистникъ на одинъ покосъ*.

Въ седьмомъ полѣ, *яровая пшеница*.

Казалось бы, нельзя было придумать ничего лучше, согласнѣе съ теорїею плодопеременности и выгоднѣе по расчетамъ для доходовъ. Дѣйствительно, сѣвооборотъ былъ хорошъ на бумагѣ: по годился ли онъ для полей Фроловскихъ, ослабѣвшихъ въ плодородїи? Мы сейчасъ увидимъ.

Отъ этого сѣвооборота, первая сила навоза, заставляющая колосовый хлѣбъ сильно бѣжать въ стволъ, полегать, подопрѣвать и вообще мало доставлять зеренъ, умерялась предшествующимъ растенїемъ — кормовымъ горошкомъ на сѣно. Чѣмъ выше и гуще горошекъ выросталъ по навозу, тѣмъ больше доставлялъ сѣна. По снятїи горошка въ цвѣту на сѣно, рожь сѣялась на землѣ самой рыхлой отъ корней и столовъ скошеннаго кормоваго горошка; на землѣ самой удобившейся, — потому что скотскій навозъ имѣлъ

* Въ книгѣ «Главные основанія полеводства» предложены нами таблицы переходовъ отъ трехпольнаго къ четырехъ, пяти, шести, семи-польному и до двѣнадцати-польнаго. По нимъ, переходъ совершается непременно на третїй годъ, безъ убытка въ доходахъ съ имѣнїа и не уменьшая, до послѣдняго года, первоначальнаго посѣва ржи. Вопросъ этотъ, составлявшій камень преткновенїа для преобразователей хозяйствъ, кажется, рѣшенъ совершенно удовлетворительно.

время переработаться въ землѣ подъ горошкомъ и превратиться въ питательный черноземъ ; на землѣ самой чистой, освобожденной отъ сорныхъ травъ, которыя скапывались въ цвѣту вмѣстѣ съ кормовымъ горошкомъ и не успѣвали обсымнить пашню; на землѣ самой мягкой: она до посѣва ржи перепашивалась пять разъ, именно, одинъ разъ съ осени послѣ вывозки навоза, два раза весною подъ кормовой горошекъ, и опять два раза по снятїи кормоваго горошка. Послѣ этого, рожь во второмъ участкѣ не могла родиться дурно: она всегда доставляла отличные урожаи. Въ третьемъ полѣ слѣдовало тотчасъ за колосовымъ хлѣбомъ растение другой породы,—широколиственное — горохъ и кормовой горошекъ на сѣмяна, и ленъ, сколько требовалось на домашній обиходъ. Четвертое поле предполагалось унавозить, по навозу сѣять картофель, — произрастеніе корнеплодное, и поздній кормовой горошекъ для свѣжаго корма скоту, когда устарѣетъ трилистникъ. Въ пятомъ полѣ послѣ картофелю сѣялся ячмень съ трилистникомъ: ячмень послѣ картофелю долженъ былъ родиться превосходно, потому что поступалъ на землю, подвергавшуюся семи-кратной перепашкѣ. Она пахалась два раза весною подъ картофель, который обыкновенно сѣется въ третью борозду; по выходѣ картофелю и послѣ бороньбы слѣдовала плугораспашная обработка картофелю; землю отваливали сохою отъ картофелю на середину, и потомъ приваливали на картофель двукрылымъ плугомъ: это двѣ перепашки; созрѣвшій картофель выкапывался сохою: еще перепашка; подъ ячмень опять земля двоится весною, чтобъ не разрослись сорныя травы. Въ шестомъ полѣ трилистникъ остается на одинъ покосъ: подросшій запахивается, и служитъ зеленымъ удобреніемъ для слѣдующаго колосоваго хлѣба. Такой хлѣбъ, въ седьмомъ полѣ, яровая пшеница. Этотъ сѣвооборотъ не только вполне удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ плодородности, но еще доставлялъ выгоду тѣмъ, что одинакое произрастеніе на ту же землю приходило не иначе какъ черезъ семь лѣтъ.

Спросить, почему семи-польный сѣвооборотъ предпочтенъ всякому другому? Потому что во Фроловѣ унаво-

живалось въ трехпольномъ полеводствѣ только 9 десятинъ. Всей пахатной земли находилось 8¹/₄ десятины: и такъ въ каждомъ участкѣ семи-польнаго полеводства должно находиться по 12 десятинъ. Надобно было весь скотскій навозъ положить на участокъ, поступавшій подъ рожь, — сильный колосовый хлѣбъ, а навоза накоплялось ежегодно только на 9 десятинъ. Въ этомъ случаѣ навозъ попадалъ на ту же землю только на седьмой годъ, — все-таки скорѣе нежели въ прежнемъ зерновомъ полеводствѣ, въ которомъ удобрялась только треть пара, и навозъ поступалъ на ту же землю не иначе какъ на девятый годъ. Между-тѣмъ отъ земли, удобренной однажды въ девять лѣтъ, требовались въ трехпольномъ полеводствѣ три жатвы ржи и три яроваго хлѣба, самыхъ сильныхъ колосовыхъ растений. Въ теченіе этого времени еще бывають три пара съ сорными травами: они навѣрное истощають землю болѣе нежели въ плодоперемѣнномъ полеводствѣ одинъ покосъ трилистника. Только въ мертвомъ пару земля отдыхаетъ, то есть, когда ее нѣсколько разъ въ лѣто пашутъ и не даютъ сорнымъ травамъ расти и высасывать соки. Если бъ предположеніе удобрять въ этомъ сѣвооборотѣ ежегодно два участка, одинъ подъ рожь, другой подъ картофель, и не сбилось, именно, если бъ удобрялся одинъ только первый участокъ, подъ рожь, то и тогда приходился бъ навозъ на ту же землю непременно черезъ шесть лѣтъ, а не черезъ девять. Въ теченіе этого времени требовались отъ унавоженной земли одна жатва ржи, одна яроваго хлѣба и пшеницы, одна гороха и кормоваго горошка, одинъ сборъ картофеля и одинъ покосъ травы: сдѣдственно, только три жатвы сильныхъ колосовыхъ хлѣбовъ, вмѣсто шести, какъ въ прежнемъ полеводствѣ. Фроловскій помѣщикъ надѣялся достигнуть въ короткое время до того, чтобъ унавоживать весь первый участокъ семи-польнаго полеводства, 12 десятинъ, скотскимъ навозомъ: онъ уже умножилъ покупными плужными лошадьми число скота; рѣшился еще покупать ежегодно солому на подстилку, вывозить черноземъ изъ болотъ на скотный дворъ и вообще употреблять всѣ возможные средства земледобренія. Онъ надѣялся дойти наконецъ до того, что навоза будетъ доставать на оба участка,—но этого не исполнилось.

Для Макаровской усадьбы, въ которой земля была истощена наемщиками, составленъ сѣвооборотъ особый, нѣсколько отличный отъ Фроловскаго, но также семи-польный плодоперемѣнный, не столь тяжелый для неудобренной почвы. Земля въ Макаровѣ никогда не уваживалась: въ первый разъ въ 1825 году получила она скотскаго навоза на 3 десятины подъ рожь. Сѣвооборотъ былъ слѣдующій.

Въ первомъ полѣ по навозу *кормовой горошекъ* на сѣно и *озимая рожь*.

Во второмъ полѣ, *рожь съ трилистникомъ*.

Въ третьемъ полѣ, *трилистникъ* на одинъ покосъ.

Въ четвертомъ полѣ, *горохъ*.

Въ пятомъ полѣ, *овесъ*.

Въ шестомъ полѣ, *картофель* и *гречиха*.

Въ седьмомъ полѣ, *ячмень*.

Разница между сѣвооборотами Фроловскимъ и Макаровскимъ та, что во Фроловѣ послѣ ржи сѣялся горохъ, а въ Макаровѣ трилистникъ, для продовольствія заводскихъ лошадей. Трилистникъ тотчасъ послѣ ржи пользовался удобреніемъ и рождался отлично. Въмѣсто пшеницы высѣвался въ Макаровѣ ячмень, хлѣбъ менѣе сильный нежели пшеница. Въ 1825 году Фроловскій сѣвооборотъ пришелъ въ порядокъ и продолжался до 1829 года четыре года. Все ли сбылось, что предполагалось въ сѣвооборотахъ? Къ сожалѣнію, немного. Несмотря на всѣ усилія умножить земледобреніе для полей обвѣхъ усадебъ, хозяйство не могло уважить во Фроловѣ болѣе 18 десятинъ, вмѣсто предполагаемыхъ 24, а въ Макаровѣ болѣе 7 десятинъ, вмѣсто предполагаемыхъ 8; всего 25 вмѣсто 32. Весеннихъ работъ по этимъ сѣвооборотамъ сходилось много: высѣвалось много яровыхъ хлѣбовъ, овощей и травъ, а озимаго только седьмая часть. Это произошло сначала по необходимости: доставляло навоза только на седьмую часть пахотныхъ полей. Поэтому рѣшились одну навозную землю, то есть, седьмую часть поля, занимать рожью, предоставляя прѣснину или землю ненавозную подъ хлѣба слабѣйшіе, яровые, подъ картофель и травы, которыя еще слабѣе яровыхъ хлѣбовъ. Не менѣе важное измѣненіе должно было сдѣлаться въ сѣвооборотѣ, потому что пшеница на тощей Фроловской почвѣ рождалась

всегда отменно дурно, а горохъ и того хуже. Въ теченіе десяти лѣтъ горохъ только однажды пришелся самъ-шесть, и то отъ небольшого посѣва, когда разводились сѣмянами: еще одинъ разъ пришелся онъ самъ-четверть съ половиною, но въ прочіе восемь лѣтъ бывалъ только самъ-другъ, самъ-полтора, или возвращалъ только сѣмяна. То же почти было и съ кормовымъ горошкомъ. Никакъ не могли развестись сѣмянами горошка въ такомъ количествѣ, чтобъ доставало сѣмянъ на 18 десятинъ, или на полный участокъ, унавоживаемый подъ рожь. Теорія указывала на другія передовыя растенія, менше случайныя и болѣе соответственныя почвѣ, на полевую тарлицу: она сѣялась по навозу передъ рожью, но доставляла скудные урожаи сѣна, безъ всякаго сравненія съ кормовымъ горошкомъ и трилистникомъ. Случай неожиданно указалъ въ 1828 году на средство, болѣе всѣхъ надежное, именно на посѣвъ передъ озимымъ хлѣбомъ, по навозу, *ранней гречихи*: она вырастаетъ по навозу высока, доставляетъ много корма, и, что всего важнѣе, въ тотъ же годъ и съ того же поля доставляетъ сѣмяна. Кормовой горошекъ должно сѣять на сѣмяна особо: посѣянный по навозу передъ рожью, онъ доставляетъ только сѣно. Въ 1829 году во Фроловѣ не достало сѣмянъ кормоваго горошка на большую половину унавоженнаго поля подъ рожь. Въ закромѣ оставалась гречиха. Рѣшились засѣять ея навозныя десятины, оставшіяся пустопорожними. По общепринятому въ то время правилу и по опытамъ Московскаго хутора, сѣялась гречиха въ пару только для запашки въ цвѣту, какъ зеленое удобреніе. Тогда никто не думалъ, чтобъ гречиха, посѣянная рано, около 15 мая, могла созрѣть во время и не помѣшать сѣву ржи. Фроловская гречиха росла по навозу изумительно: она начала созрѣвать въ концѣ іюля; жаль было запахивать богатую жатву. Августа 3 скосили гречиху, свозили съ десятинъ, успѣли приготовить землю подъ рожь, и до 15 августа посѣяли рожь. Гречиха по обмолоту доставила богатѣйшій урожай: она обошла самъ-тринадцать. Это подало мысль замѣнить кормовой горошекъ раннею гречихой, а горошекъ на траву высѣвать только въ Макаровѣ на 5 десятинахъ для конскаго завода, и на сѣмяна оставлять подъ горошекъ въ овощномъ полѣ не болѣе двухъ десятинъ.

Въ 1826 году, во второй годъ плодоперемѣннаго сѣвооборота, къ великой радости преобразователя, хлѣбъ и всѣ новыя произрастенія, на всѣхъ участкахъ семи-польнаго плодоперемѣннаго полеводства, родились отлично. Простая рожь обошлась, что неслыхано во Фроловѣ, отъ 2 четвертей посѣва, вокругъ самъ-семь; каждая десятина доставила по 14 четвертей, а кустовая рожь, видъ вазы, родомъ изъ Остзейскихъ губерній, въ Макаровѣ на нови самъ-одиннадцать отъ 1 $\frac{1}{2}$ четверти посѣва, составивъ съ каждой десятины 16 $\frac{1}{2}$ четвертей. Не мудрено: рожь посѣяна была только по навозпой землѣ и по нови. Новь и навозъ никогда не измѣняютъ, какія бъ неблагоприятныя перемѣны погодъ ни были. Искусственного сѣна съ пахотныхъ полей, то есть, кормоваго горошка и трилиственнаго, собрано болѣе 6,000 пудовъ, — вдвое болѣе нежели сколько накосили луговаго. Картофель родился самъ-четверть безъ четверти отъ 10 четвертей посѣва на десятину. Овесъ пришелся самъ-третьей, ячмень самъ-пять. Измѣнили только горохъ и кормовой горошекъ. Первый обошелся самъ-полоторъ, а второй самъ-другъ.

Въ 1825 году приняты были сильныя мѣры для умноженія удобренія. Куплено 40 кубическихъ сажень ржаной соломы на подстилку; вывезено много болотнаго чернозема на скотный дворъ и на поле; собирались древесныя листья, спускались сучья хвойныхъ деревьевъ, съ которыхъ рубили мягкія лапы, — и все это поступало на скотный дворъ. Но удобреніе листьями и лапами не стоило труда: на видъ, листьевъ и лапъ было много, но стоило только одинъ день по нимъ походить скоту, какъ уже ихъ не было видно. Листьевъ валяли въ колыно, павоза составлялся слой неприемтливый. Въ этомъ году накопилось павоза на 14 десятинь; приготовлено нови подъ рожь 4 десятины. Въ обихъ усадьбахъ, рожь посѣяна была на цѣломъ участкѣ, 18 десятинахъ, согласно съ сѣвооборотомъ, по землѣ удобренной. Участки поля во Фроловѣ и Макаровѣ подъ рожь увеличились десятиною. Во Фроловѣ вмѣсто предполагаемыхъ 12, унавожено 13 десятинь, подъ рожь; въ Макаровѣ рожь посѣяна на пяти десятинахъ, изъ числа которыхъ было 4 десятины нови.

Четыре года продолжался во Фроловѣ семи-польный плодo-перемѣнный сѣвооборотъ: рожь сѣялась всегда только на десятинахъ удобренныхъ, составлявшихъ полный участокъ, въ 18 десятинъ семи-польнаго полеводства; но въ 1828 году осталось навоза еще на 3 десятины послѣ удобренія цѣлаго участка.

Постоянное четырех-лѣтнее вниманіе къ землеудобренію и земледѣльству при помощи благотворнаго сѣвооборота, доставлявшаго въ изобиліи искусственное сѣно и картофель съ полей пахотныхъ, въ подсобный кормъ скоту, подало наконецъ возможность удобрять вмѣсто седьмой части уже пятую часть пахотныхъ полей, ввести вмѣсто семи-польнаго пяти-польное плодoперемѣнное полеводство и засѣвать по землѣ удобренной значительное количество ржи, сильнаго колосоваго хлѣба.

Этому способствовалъ въ особенности распорядокъ унавоживанія. Прежде валили навозъ какъ ни попало. Ближайшія къ усадьбѣ десятины, на которыя ближе вывозить навозъ, устилались отъѣнно густо, такъ что на иную попадало по 250 возовъ. «Это подъ ячмень послѣ ржи», говорили крестьяне, смекая, что чѣмъ далѣе возить навозъ, тѣмъ тяжелѣе для лошадей и тѣмъ пуще продлится работа. Десятины, отдаленныя отъ усадьбы, не получали и 100 возовъ навоза, а другія по нѣскольку лѣтъ вовсе оставались безъ удобренія. Оттого на подворной землѣ всегда росли богатая жатвы всякаго хлѣба, а на дальнихъ самыя дурныя — тѣхъ же хлѣбовъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ передъ унавоживаніемъ стали разбивать землю на одномѣрные участки, или шахматы, и класть навозъ на эти шахматы по равному количеству, — всѣ десятины, дальнія и ближнія, сдѣлались равно урожайными. Сверхъ-того, можно было ослабвшую въ плодородіи десятину тотчасъ подкѣпить большимъ количествомъ навоза, безъ дальнихъ хлопотъ: стояло только уменьшить размѣръ шахмата, вмѣсто пяти сажень въ длину и четырехъ въ ширину сдѣлать квадратные въ четыре сажени длины и ширины. Тогда, вмѣсто 160 возовъ навоза, приходилось по 200 возовъ на десятину. Удобреніе полей въ обихъ усадьбахъ приведено въ извѣстность съ строжайшею точностью. Отъ извѣстности

ти въ количествѣ удобренія и количество урожая въ было уже въ рукахъ самого хозяина, а не случая.

Теперь всякому любопытно узнать, какой былъ результатъ преобразованія Фроловскаго сельскаго хозяйства? стоило ли труда предпринимать преобразование? какія отрасли хозяйства возвысились или остались въ прежнемъ состояннн младенчества? помогла ли чему нибудь во Фроловскомъ хозяйствѣ рациональность, отчетность, сообразность съ правилами науки? что полезнаго доставила плодотворность въ полеводствѣ? осталось ли что въ хозяйствѣ недокопченнымъ въ ожиданнн дальнѣйшаго развитія и усовершенствованнн? наконецъ, главная могущественная пружина, — этотъ обттованный рай сельскихъ хозяевъ, альфа и омега ннхъ желаннн, верхъ похвалъ, которыхъ иначе не добиться, что бы нн было сдѣлано полезнаго для потомства, — много ли получается дохода со всѣми этими усовершенствованнн отъ помѣстья? болѣе или менѣе противъ стариннаго простаго хозяйства съ трехпольнымъ зерновымъ полеводствомъ? Въ короткихъ словахъ расскажемъ искренно, что сдѣлано по всѣмъ частямъ, слѣдуя принятому нами раздѣленнн многочисленныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

I. Первая и самая важная часть — земледѣлн, которое состоитъ изъ шести отраслей, — землензготовленн, полеводства, луговодства, лѣсоводства, огородничества и садоводства.

1. *Землензготовленн.* Эта отрасль, одна изъ шести отраслей земледѣлн, раздѣляется сама на три вѣтви, — очнщение, осушенн и огороженн земли.

Всѣ эти три вѣтви землензготовленн доведены въ обънхъ усадьбахъ до отлнчнаго положенн. Рошнцы, болотнны, прудки, луговнны, которыхъ прежде было тма посередн полей, уже не существуютъ. Пней и кустарннковъ нтъ и слѣда. Всѣ поля соединились въ особыя полные участки, и приняли форму, неразрываемую нн какими промежутками, нн градами, которыя только можно было уничтожить. Поля обезводены совершенно: вымочекъ уже не бываетъ. Всѣ оня обведены окружными каналами въ 5 и 2½ сажени шнрнною, смотря по мѣстоположенн. Вездѣ, гдѣ прежде вода изъ стоячихъ болотъ напирала на пахатныя поля, лѣса,

луга, проведены полевые каналы, большія и малыя, въ 2 и 1 1/2 аршина шириною, которыя спускаютъ излишнюю влагу въ ручьи и овраги. Вся луговина въ поляхъ поднята, рытвины заровнены. По низинамъ даны стрѣлы, или малыя канавки, для удобнаго стока воды въ главные каналы. Низкія мѣста полей, лежація подь пригорками, опоясаны также канавами, которыя перенимаютъ напирющую воду и отводятъ ее въ ближайшіе главные каналы. Изъ окружающихъ большихъ каналовъ сдѣланы прорѣзы въ луга и низины, чтобъ вода не застоялась и не потопляла пахатнаго поля. Всѣхъ канавъ, большихъ и малыхъ, выкопано до сихъ поръ десять тысячъ сажень. Известно, что вымочкамъ подвергается болѣе всего озимый хлѣбъ отъ снѣга и осеннихъ дождей. Въ обихъ усадьбахъ рожь сѣется загонами или полосами шириною въ четыре большихъ шага, такъ, что сѣвекъ можетъ идти по ней и возвратиться свободно, разсыпая зерна. Между загонами проводятся двукрылымъ плугомъ стоки, оканчивающіеся у канавъ, и ведутъ въ нихъ лишнюю воду. Въ низинахъ или впадинахъ полей дѣлаются тѣ же двукрылымъ плугомъ еще поперечные стоки. Весною въ ростопель осматриваются озимыя поля, и гдѣ напираетъ вода, тамъ немедленно прочищаются канавы. Окружные каналы, съ своимъ высокимъ валомъ, который составляется изъ выбрасываемой земли, служатъ вмѣсто загородакъ. Валъ дѣлается на сторонѣ противоположной полю, чтобъ не мешалъ стоку воды. Животное черезъ валъ и каналы перейти не можетъ. Легко было бы посадить ивняка и другія хвойныхъ деревь по валу, но и безъ нихъ набиваетъ зимою къ валу большіе сугробы.

2. *Полеводство* состоитъ изъ землеудобренія, земледѣшества и сѣвооборотовъ.

Во Фроловскомъ хозяйствѣ земля удобряется разными средствами: скотскимъ навозомъ, зеленымъ навозомъ, или подросшимъ трилистникомъ; болотнымъ черноземомъ, вывозимымъ на скотный дворъ, пластами дерна и хорошей землею, отбрасываемою на сторону при копаніи канавъ; щепнымъ черноземомъ, сколько соберется; иногда листьями и лапами хвойныхъ деревь; всякимъ соромъ изъ помойныхъ ямъ. Навозной воды и жижи на скотномъ дворѣ не бываетъ: какъ скоро сдѣлается

мокро, дворъ застилается соломой. Для этого покупается соломы на подстилку ежегодно до ста кубических сажень. Залежь употребляется также какъ одно изъ средствъ землеудобрѣнія: всегда есть въ запасъ пустопорожнія десятины, и чѣмъ незасвѣаемыя по нѣскольку лѣтъ; покрываясь дерномъ и травами, онѣ обращаются въ новыя и на случай недостатка навоза, ихъ поднимаютъ вмѣсто нови. Въ 1839 году нѣкоторыя пахатныя десятины, лежація на сѣверо-западѣ, замѣнены поднятою новью, вывощею скать на полдень. На Фроловскія поля навозъ вывозится осенью, а на Макаровскія весною, когда обсохнетъ земля и уже можно проехать по пашнѣ: иначе нельзя успѣть управиться съ работами и съ уваживаніемъ. На десятину кладутъ навоза 160 возовъ: поэтому на 25 десятинъ, слѣдующихъ подъ рожь, должно вывезти 4,000 возовъ. Тягло крестьянскихъ 44: на каждое тягло приходится вывезти почти по 100 возовъ навоза. Одна лошадь въ сутки вывозитъ 8 и 9 возовъ. Слѣдственно, въ недѣлю естъ 44 тягла вывезутъ не болѣе 2,500 возовъ. Безъ раздѣленія труда уваживанія на два раза невозможно было бы въ этомъ хозяйствѣ успѣть до наступленія зимы вывезти навозъ, запахать и заборонить полныя участки подъ рожь въ обихъ усадьбахъ.

Землепашество производится большею частію сохами; также чугунно-железными плугами, двукрылыми плугами, боронами и ватками. Распашникъ, это превосходное орудіе, но требующее множества рукъ, дѣйствовалъ во Фроловѣ на крестьянскихъ лошадяхъ, но, къ крайнему сожалѣнію, послѣ трехлѣтняго опыта, оставленъ. Крестьянскія лошади весною бываютъ слабы и томны отъ зимней безкормицы; онѣ насилу волокутъ соху и простую борсну. Впрямь до особаго подвига важнаго, труднаго, мудренаго, — впрямь до введенія на крестьянскихъ поляхъ благотворнаго плодотворнаго полеводства, богатаго овощами и сѣномъ, отъ которыхъ и весною скотъ сохраняетъ силы и здоровье, покойся въ сараѣ, безцвнное орудіе! Но тамъ, гдѣ крестьянскія лошади хороши, грѣшно и весною не завести распашниковъ. Десятинны, бывшія подъ трилистникомъ, котораго корень мясистъ и далеко проникаетъ въ землю, пащутся

*

чугунно-железными плугами. Двукрылыми плугами распашается картофель. Таким образом ежегодно один из пяти участков, травяно-овощный, подвергается плужной распашке. В каждую пять лет земля несколько углубляется: плодородный слой почвы от однократной, несколько глубокой распашки испортиться не может. Земля под рожь пашется всегда пять раз, под ячмень семь. Под всякой другой хлеб пашется она непременно три раза. Как это делается? Когда найти время для многократного пашня? В трехпольном полеводстве пять времени подтроить пашню под рожь и овес. Чтобы узнать на самом опыте, как легко, скоро и удобно производится вся эти работы в хозяйстве с плодопеременным полеводством, любители могут присылать во Фролово, без всякой платы, своих земледельцев быть свидетелями и участниками всего годичного курса работ, производимых тягловыми крестьянами на своих лошадях в обыкновенной крестьянской обрив. Крестьяне на своих же лошадях действуют усовершенствованными орудиями, которые хранятся на господском дворе. Этих орудий всего шесть плугов чугуно-железных, два двукрылых, несколько борон с железными зубьями и несколько катков. Кузнец, живущий в усадьбе, смотрит за исправностью орудий, и устанавливает их для действия. Вся полевая работы, посев, пашня, бороньба, кошение, жатка и уборка хлеба с полей, как на господских, так и на крестьянских полях всегда оканчиваются здесь скорее нежели у соседей, придерживающихся трехпольного полеводства. Пашня в обрив усадьбах отменно мягка и рухла: она никогда не бывает обнажена, всегда покрыта произрастениями, и потому не подвергается ни ветрам, ни солнцу, иссушающим почву; она не утаптывается и стадами, которые пасутся на особом выгонь. Крестьяне давно не помнят, чтобы на господской пашне изломалась соха, оборвалась веревка от напряжения пашущей лошади. «Это не полевая, а огородная пашня», говорят они: «ее не для чего бороновать железными зубьями.» Действительно, эти бороны употребляются только для разбиванья комьев и клоков на новы.

Перейдемъ къ сѣвообороту. Первоначальный семи-поль-

ный сѣвооборотъ замѣненъ въ послѣдствіи, какъ сказано, пяти-польнымъ. Въ каждомъ полѣ, или участкѣ, находится теперь по 25 хозяйственныхъ десятинъ, вмѣсто 18. Посѣвы распределены слѣдующимъ образомъ. Въ первомъ полѣ, по навозу, *ранняя гречиха* и *озимая рожь*. Во второмъ, *рожь*, частью съ трилистникомъ. Въ третьемъ, травно-овощномъ, на 10 десятинахъ *трилистникъ* на сѣно и на зеленый кормъ; 1 десятина оставляется на сѣмяна; на 11 десятинахъ карто-фель; на 1 горохъ, на 2 *ленъ*. Въ четвертомъ полѣ, на 6 десятинахъ, бывшихъ подъ картофелемъ, *ячмень*; на остальныхъ *овесъ*. Въ пятомъ, *поздняя гречиха*.—Лучше ли этотъ пяти-польный сѣвооборотъ трехпольнаго зерноваго и своего предшественника, семи-польнаго плодоперемѣннаго? Семи-польный уже рассмотрѣнъ; о недостаткахъ трехпольнаго зерноваго говорено многократно: пяти-польному остается оправдать самого себя своими послѣдствіями. Онъ не станетъ уклоняться отъ самого строгаго разбора. Въ концѣ этой «Исторіи преобразованія», приложена подробная вѣдомость о количествахъ посѣвовъ и урожаевъ, о числѣ скота, и прочая, съ 1822 по 1835 включительно: любитель сельскаго хозяйства и улучшеній по его части долженъ рассмотреть этотъ документъ внимательно; въ теченіе четырнадцати лѣтъ были на одной и той же почвѣ разныя полеводства, — трех-польное зерновое, семи и пяти-польное плодоперемѣнныя, и сравненіе ихъ по урожаю дастъ ему вѣрнѣйшее попятіе о преимуществахъ и недостаткахъ каждаго. Здѣсь мы представимъ только перечень этой вѣдомости въ послѣднемъ результатѣ дѣла, — доходѣ, исчисленномъ на деньги.

ТРЕХПОЛЬНОЕ ЗЕРНОВОЕ.

Первое поле. Рожь на 42 хозяйственныхъ десятинахъ:

Высѣвалось, по 2 четверти на десятину, 84 четверти; урожай былъ самъ-третьей съ $\frac{1}{6}$; умо-лотъ, за исключеніемъ сѣмянъ, 182 четверти; по 12 рублей, средней цѣнѣ здѣшняго края, за четверть, дохода..... 2,184 р.

Второе поле. Ячмень на 10 десятинахъ; овесъ на 32.

Высѣвалось ячменя, по 2 четверти на десятину, 20 четвертей; урожай самъ-шестъ съ $\frac{2}{3}$; умо-лотъ, за исключеніемъ сѣмянъ, 113 четвертей;

по 9 рублей, средней цѣнѣ, за четверть, дохода, 1,017 рублей. — Высывалось овса, по 4 четверти на десятинахъ, 128 четвертей; урожай самъ-третьей съ $\frac{5}{18}$; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, 292 четверти; по 6 рублей, средней цѣнѣ, за четверть, дохода 1,752 рубля. Итого. 2,769 р.

Всего дохода..... 4,952 р.

Пяти-польное плодоперемѣнное.

- Первое поле. Равня гречиха по навозу на 25 десятинахъ: Высывается, по $1\frac{1}{2}$ четверти на десятинахъ, $37\frac{1}{2}$ четвертей; урожай самъ-четверть; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, $112\frac{1}{2}$ четвертей; по средней цѣнѣ здѣшняго края, 6 рублей за четверть, дохода..... 675 р.
- Второе поле. Рожь на 25 десятинахъ: Высывается 45 четвертей; урожай самъ-семь; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, 270 четвертей; по 12 рублей за четверть, дохода..... 3,240 р.
- Третье поле. Траво-овощное.
- а) Картофель на $12\frac{1}{2}$ десятинахъ: высывается, по 7 четвертей на десятинахъ, $87\frac{1}{2}$ четвертей; урожай самъ-третьей съ $\frac{1}{2}$; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, 218 четвертей; полагая самую дешевую цѣною, по 3 р. 50 коп. за четверть, дохода..... 763 р.
  - б) Трилистникъ на $12\frac{1}{2}$ десятинахъ: накашивается, по 150 пудовъ съ десятины, 1,875 пудовъ; по дешевой цѣнѣ 30 коп. за пудъ, дохода.... 562 р.
- Четвертое поле. Яровое.
- а) Ячмень на 5 десятинахъ: высывается, по 2 четверти на десятинахъ, 10 четвертей; урожай самъ-четверть $\frac{5}{7}$; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, 37 четвертей; по 9 рублей за четверть, дохода. 333 р.
  - б) Овесъ на 20 десятинахъ: высывается, по $4\frac{1}{2}$ на десятинахъ, 90 четвертей; урожай самъ-третьей съ $\frac{1}{3}$; умоть, за исключеніемъ сѣмянъ, 210 четвертей, по 6 рублей за четверть, дохода. 1,260 р.
- Пятое поле. Поздняя гречиха на 25 десятинахъ, какъ въ первомъ полѣ, доходъ..... 675 р.
- Итого 7,508 рублей. Следовательно отъ пяти-польнаго полеводства получается дохода 2,555 рублей болѣе противъ трехпольнаго съ того же пространства пахатныхъ полей.

Въ трехпольномъ, безъ травостяга не могло быть коннаго завода: вниманіе къ коневодству, отличный кормъ отличными растеніями, при-
 смотръ, хорошее помѣщеніе и приплодъ отъ
 лучшихъ жеребцовъ, къ которымъ нарочно по-
 сылались кобылы, отъменно улучшили породу
 Фроловскихъ лошадей; выходили цѣнныя ло-
 шади и посылались въ Петербургъ на продажу;
 отъ 8 матокъ въ годъ круглымъ счетомъ прихо-
 дилось по 4 лошади; полагая самую умеренную
 цѣною по 250 рублей за лошадь, отъ коне-
 водства, вслѣдствіе плодотворности, соста-
 вился ежегодный доходъ..... 1,000 р.
 Скотный дворъ, при сырцовѣн, доставляетъ. 1,000 р.

Всего дохода..... 9,508 р

Болѣе противъ прежняго. ... 4,555 р.

Только? Отчего жъ не вчетверо, не впятеро даетъ дохода «плодоперемѣнное хозяйство?» Вотъ въ томъ-то и ошибка! Плодоперемѣнность не есть еще сельское хозяйство: это—одно только полеводство, а полеводство только одна изъ вѣтвей главной отрасли сельскаго хозяйства, земледѣлія. Пусть бы Фроловскій помѣщикъ приложилъ равное стараніе и ученый трудъ ко всемъ остальнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя только могутъ процвѣтать въ его сторонѣ, пусть онъ заведетъ и усовершенствуетъ, точно такъ же какъ свое полеводство и коневодство, напримѣръ тонкошерстное овце-
 водство, пчеловодство (былъ посланъ въ школу пчеловод-
 ства малый, но не удался), пряденье, ткачество, чтобъ за-
 нять руки съ значительною выгодною въ зимнее время; пусть озаботится объ улучшеніи луговодства, огородничества, садо-
 водства столько же какъ объ усовершенствованіи полевод-
 ства, тогда, безъ сомнѣнія, доходъ съ его помѣстья учетвер-
 рится, упятерится.

Кстати сказать хоть одно слово о бережливости, или эконо-
 номіи, столько много уважаемой древними, такъ высоко чти-
 мой и нынче цѣлымъ Германскимъ народомъ, Американца-
 ми, Голландцами. Что, если бы сельскій хозяинъ, другой,
 положимъ, а не Фроловскій, поставилъ себѣ за правило про-
 живать не весь годичный доходъ, какъ на Руси водится по

пословица — «у Русскаго копѣйка идетъ ребромъ», — рѣшился, прильнувъ умомъ и сердцемъ къ правиламъ домоводства, этой существенной отрасли сельскаго хозяйства, безъ которой оно безобразно какъ рука безъ пальца, жить домовито и откладывать ежегодно на черный или красный депъ изъ 4,555 рублей, лишняго противъ прежняго дохода, хотъ 2,500 рублей? Въ теченіе десяти лѣтъ плодотворнаго полеводства сколько бы накопилось денегъ, капитала съ процентами даже въ ломбардѣ! До 30,000 рублей! Вотъ могло бы создаться и новое помѣстье! Вотъ были бы деньги на усовершенствованіе другихъ частей хозяйства, которыя то же приносили бы доходъ! Быть-можетъ, вмѣсто 9,500 рублей, онъ бы возвысился и до 18,000..... О зачѣмъ Богъ Русскому не далъ Голландскаго нрава!

Въ обихъ усадьбахъ предполагается нынѣ переменить сѣвооборотъ, изъ пяти-польнаго, въ четырехъ-польный. Вотъ по какимъ причинамъ. Въ обихъ усадьбахъ пахотная земля достигла уже нѣкоторой степени тучности, получая ежегодно по 160 возовъ хорошаго, осенняго, зрѣлаго навоза на десятину. Теперь навоза накапливается столько, что отъ унавоживанія полнаго пяти-польнаго участка, 25 десятинъ подъ рожь, еще остается нѣсколько сотенъ возовъ и поступаетъ на луга. При четырехъ-польномъ сѣвооборотѣ будетъ въ каждомъ участкѣ или въ каждомъ полѣ по 31 десятинѣ, и ежегодно придется унавоживать не по 25, но по 31 десятинѣ подъ рожь. Положимъ, что во Фроловскомъ хозяйствѣ не можетъ накопиться навоза на 31 десятину въ теченіе года, тѣмъ болѣе, что пора заняться и луговодствомъ, пора поправить навозомъ бѣдные истощенные луга. Въ такомъ случаѣ, при четырехъ-польномъ полеводствѣ, можно будетъ класть на десятину, вмѣсто 160, только 128 возовъ удобренія, увеличивъ шахматы, сдѣлавъ ихъ квадратными въ пять сажень длины и ширины, вмѣсто прежняго размѣра 5 сажень длины и 4 ширины. Десятина лишится 32 возовъ, но взаменъ того выиграетъ она тѣмъ, что по четырехъ-польному сѣвообороту будетъ получать унавоживаніе уже не на пятый годъ, какъ нынче, а на четвертый. Тридцати двухъ возовъ, отнимаемыхъ ежегодно съ каждой удобряемой десятины, а, со

всѣхъ, 800 возовъ, достаточно для унавоживанія 126 возами шести десятинъ, прибывающихъ подъ рожь по четырехъ-польному сѣвообороту.

Что касается до полевыхъ работъ при пяти-польномъ плодоперемѣнномъ сѣвооборотѣ, онѣ идутъ гораздо успѣшнѣе нежели въ зерновомъ трехпольномъ. Въ трехпольномъ всѣ работы сходятся вдругъ и въ огромномъ количествѣ. Надобно въ одно и то же время сжать рожь съ 42 десятинъ, приготовить и обсѣять рожью 42 десятины и убрать яровое также съ 42 десятинъ. Трудолюбивѣйшій изъ земледѣльцовъ не знаетъ иногда за что приняться. Жаль оставить нежатую рожь, чтобъ не высыпалась; хочется посѣять пораньше рожь, чтобъ захватить теплаго времени, благопріятствующаго произрастанію. Но вотъ посѣлъ и ячмень, корнулъ, опустилъ колосъ внизъ, переспѣлъ. Вотъ и овесъ позолотился. Морозъ ударилъ. Что если послѣ мороза побываетъ дождь? Овесъ осыпется; изъ богатой жатвы сдѣлается бѣдная. Всѣ эти работы производятся безъ той постепенности, которая господствуетъ въ плодоперемѣнности. Надобно разомъ броситься съ серпами, косами, сохами, боровами на все огромное пространство 126 десятинъ и работать безъ умолку. Въ пяти-польномъ плодоперемѣнномъ сѣвооборотѣ надобно сжать ржи только 25 десятинъ; засѣять участокъ рожью также въ 25 десятинъ, убрать ячмень съ овсомъ съ 25 десятинъ. Съ раннею гречихой управляются до сѣва ржи; съ поздней, послѣ уборки всего яроваго. Картофель убираютъ въ сентябрѣ; трилистникъ косить на сѣно до луговаго сѣнокоса; навозъ вывозятъ, когда все съ полей убрано: крестьянскіе лошади въ то время кормны; имъ есть что дать осенью гуменнаго корма. Вотъ почему во Фроловскомъ хозяйствѣ, хотя и нѣтъ пара, работы идутъ быстро, своевременно и оканчиваются въ жатьѣ, въ посѣвѣ, въ кошеніи, скорѣе нежели на томъ же пространствѣ въ трехпольномъ полеводствѣ. Вместо уничтоженнаго пара во Фроловѣ и въ Макаровѣ, отведенъ особый выгонъ для скота: отдано подъ него 35 десятинъ луга, ближайшаго къ усадьбѣ, съ рошницами и кустарниками.

3. *Луговое хозяйство.* Эта важная отрасль земледѣлія только

что возникает во Фроловском сельском хозяйстве. В 1833 году в первый раз обращено внимание на луга. Изучение предмета, опытность и местность дадут современному настоящее направление, прочность и пользу усовершенствований. Недавно сказано было в этом журнале* о некоторых опытах удобрения лугов, сделанных осенью в 1834 году во Фролов. Вот их последствия.

Один осминник (четверть десятины), боронованный, засеянный шестью четвериками негашеной извести и унавоженный, из всех участков больше доставил сена, — именно 15 пудов. Поэтому с целой десятины получено было бы 60 пудов. Очень мало! Безспорно, но дурной луг и удобрялся.

Возьмь его рядом осминник, посыпанный тем же количеством негашеной извести, но не удобренный навозом, дал сена двѣ копны или 6 пудов. Следовательно десятина дала бы только 24 пуда. Ужасно мало! Однако жь были в нынѣшнем году такіе снокосы, которые дали вокруг с десятины только по 20 пудов. После этого стоит ли трудиться целыя сутки тремя косцамъ, чтобы получить за труды 20 пудов сена? До такой-то невероятной степени неурожаевъ и бесплодности доходятъ луга естественные!

Осминникъ, застланный съ осени годовалою соломой, не снимавшеюся съ луга до половины мая, доставилъ сена 12 пудовъ, немного меньше унавоженного осминника.

Всѣ прочіе участки, боронованные, и также одинъ изъ нихъ засеянный золою, дали отменно дурной снокосъ, наравнѣ со всеми неборонованными десятинами того же луга. Истощившимся лугамъ нужно питаніе, утучненіе, а не царапанье боронами. Двѣ унавоженные десятины дали сѣна вдвое больше противъ сосѣднихъ неунавоженныхъ. Полдесятина, унавоженная в 1833 году доставила сѣна больше противъ прошлогодняго. Знакъ, что навозъ распространяетъ свое дѣйствіе не на одинъ годъ.

Всѣхъ луговъ во Фроловѣ, хорошихъ по низинамъ и рѣчкѣ, и худыхъ по пустошамъ, находятся 81 десятина. Всѣ, безъ исключенія, разбиты на десятины. Косить на каждую

* Б. для Ч., № 19, Отдѣленіе четвертое.

становятся по три косца; сгономъ не косятъ ни одной десятины. Въ нынѣшнемъ году травы пострадали отъ двухъ сильныхъ морозовъ, 29 и 30 мая, такъ, что вода замерзала, листъ на деревьяхъ и травы почернѣли, и послѣднiя не могли уже дать хорошаго роста.

Вотъ списокъ, безъ-сомнѣнiя любопытный для хозяевъ, сколько съ каждаго урочища въ нынѣшнемъ году накошено сѣна.

На Гульцовѣ, ивкогда самомъ урожайномъ лугу, близъ усадьбы, собрано съ 25 десятинъ 630 пудовъ; десятина обошлась въ 25 пуда.

На Старинѣ, гдѣ была прежде деревня, съ 7 десятинъ собрано сѣна 565 пудовъ; десятина обошлась въ 80 пудовъ.

По оврагу и рѣчкѣ Жидоковѣ, съ $11\frac{1}{2}$ десятинъ, собрано сѣна 660 пудовъ; десятина обошлась въ 57 пудовъ.

Въ Макаровѣ, по низинѣ, съ 10 десятинъ получено 400 пудовъ сѣна; десятина обошлась въ 40 пудовъ.

На Овеченскихъ лугахъ, съ 11 десятинъ собрано сѣна 505 пудовъ; съ десятины по 46 пудовъ.

На Ивашникѣ, пустоши, съ 19 десятинъ собрано сѣна 380 пудовъ; съ десятины по 20 пудовъ.

Всего собрано сѣна 3,532 пуда: каждая десятина дала въ общей сложности почти 45 пуда.

Послѣ этого не надобно и доказывать, нужно ли для луговъ удобренiе, и справедливо ли, что они крайне истощались урожаями травъ.

4. *Лѣсоводство.* Лѣсная дача только въ нынѣшнемъ году дѣлится на лѣсосѣвки. Но при помощи науки и искусства эта статья открываетъ источники постояннаго и неисчерпаемаго дохода, и берегаетъ одинъ изъ основныхъ капиталовъ помѣстья, котораго цѣнность существенно зависитъ отъ нея.

5 и 6. *Огородничество и садоводство.* Эти дѣя отразили земледѣлiя, на основанiи древняго Русскаго закона, состоятъ по департаменту женскаго хозяйства, которое непосредственно. Животноводство и птицеводство также; равнымъ образомъ и сельская технологiя, кромѣ масла и сыра. Однако жъ наступаетъ давно желанное время науки и для этого хозяйства. Зароенныя искры любопытства вос-

пламеняють и въ сердцахъ прекраснаго пола желаніе узнать: что такое плодоперемѣнность и ученые основанія хозяйства. Извѣстный стихъ—«Солила на зиму грибы и брилла лбы» уже не нашего времени очеркъ. *Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus!*

II. До-сихъ-поръ мы занимались первою и главнѣйшею частію сельскаго хозяйства, земледѣліемъ. За нею идетъ вторая и не менѣ важная, — скотоводство. Скотъ во Фроловѣ помѣщается въ каменномъ скотномъ дворѣ. Зимомъ стоитъ въ теплыхъ отдѣленіяхъ съ потолкомъ, а лѣтомъ покоится на площадкѣ, и здѣсь же кушаетъ на просторѣ зеленый трілистникъ. Для каждой коровы въ отдѣленіяхъ стоитъ особая комьяка и противъ нея желѣзное кольцо съ веревкой. Передъ дачею корма веревочная петля навдывается на рога скотины, и она ѣсть свой кормъ на привязи. Животное спускается съ привязи, какъ скоро съѣсть свой кормъ, и свободно ходить по отдѣленію, утаптывая навозъ.

Кормъ скоту, когда онъ станетъ на дворъ, производитъся въ три раздачи. Въ первую, на каждую дойную корову идетъ по 10 фунтовъ мякны и по 2 гарца сыраго картофеля, всполоснутаго водою, но нерубленаго. То же идетъ быкамъ. Остальному скоту дается рѣзка, изъ яровой соломы, если нѣтъ мякны, съ гарницемъ картофеля. Во вторую раздачу отпускается по 10 фунтовъ сырмолотной гречихи, скашиваемой въ сузелень: этотъ кормъ равенъ питательностью, по многократнымъ опытамъ, луговому сѣну. Въ третью, на ночь, задають по 8 фунтовъ яровой соломы. Въ крайности только прибавляють въ рѣзку ржаную солому. Ржаная солома вся идетъ на подстилку.

Телятамъ поворожденнымъ дается цѣлый мѣсяць по двѣ кружки неснятаго молока; потомъ по три кружки снятаго съ прибавленіемъ понемногу овсянки и теплой воды; потомъ поять одной овсяною болтушкой. Сыворожка, остающаяся отъ сыродѣлія также идетъ телятамъ. Зимомъ телятамъ, уже подрощимъ, дается лучшая мякна, которая поливается разварнымъ картофелемъ съ гарницемъ овсянки на пять головъ. Сѣна получаютъ они сколько могутъ съѣсть. Положено воспитывать ежегодно изъ всѣхъ новорожден-

ныхъ телятъ, 3 бычковъ и 15 телочекъ отъ лучшихъ коровъ.

Одна только скотница ходитъ за телятами. Скотники приносятъ мякву и воду. Дѣло телятницы напоить, накормить, обмыть, охолить телятъ и задать сѣна.

Два скотника лѣтомъ пасуть, а зимою убираютъ скотъ съ подпаскомъ мальчикомъ. На помощь для раздачи корма приходятъ крестьянскія бабы, когда пойдетъ мѣска. Главный дворовый скотоводъ наблюдаетъ за всѣмъ порядкомъ скотоводства, пишетъ скотныя и скопныя ведомости, принимаетъ скопъ и удон по запискѣ отъ каждой коровы, знаетъ подробно лѣта, достоинство, время теленья каждой коровы. Онъ же варитъ сыръ. Другая скотница помогаетъ донть коровъ.

Въ Макаровъ жеребятъ, отнятымъ отъ матокъ, дается лучшая мякина, которую поливаютъ разварнымъ картофелемъ и посыпаютъ овсянкой. На каждого жеребенка идетъ 2 гарнца картофелю и 1 гарнецъ овсянки. Эта каша готовится въ особомъ чану, разводится теплой водою, и бываетъ отменно питательна и здорова. Разносятъ ее шайками. На каждого жеребенка идетъ въ сутки по три шайки, кромѣ сѣна, котораго дается отъ 5 до 10 фунтовъ. Кобыламъ, кромѣ сѣна, подаютъ мяквы или рѣзки изъ яровой соломы, и поливаютъ ее разварнымъ картофелемъ, по четверткѣ на каждую. За мѣсяць до ожеребенья дается по гарнцу овсянки. Жеребцамъ и четырехъ-годовалымъ лошадямъ идетъ овесъ, но не много. Трилиственное сѣно и рѣзка съ картофелемъ много замѣняютъ овса. За тридцатью заводскими лошадями ходятъ два конюха и одинъ мальчикъ.

Главныя пружины хорошаго скотоводства — присмотръ, удобное и теплое помѣщеніе, хорошій кормъ и точное соблюденіе заведеннаго порядка. Необходимо раздавать кормъ мѣрою и въсомъ въ положенное время. Въ поилъ не должно быть недостатка. Отдѣльныя комлжки и привязъ дѣлаютъ скотъ тѣхимъ; онъ сердится и бодается когда голодець, и принуждець самъ между собою дѣлить кормъ, разбрасываемый ему подъ ноги.

Сохранять, поддерживать и улучшать породы скота —

особое искусство. Оно требует пространнаго разсужденія. Замѣтимъ въ двухъ словахъ: отъ лучшихъ животныхъ и приплодъ лучшей.

III. Сельскія ремесла также обращали на себя вниманіе помѣщика. О Фроловскомъ домостроительствѣ нельзя ничего сказать безъ доказательствъ, то есть, безъ плановъ, фасадовъ строеній и чертежа расположенію усадьбы. Съ какою цѣлю они выстроены, дешево или дорого обошлись, можно объяснить только при взглядѣ на величину, видъ и расположеніе зданій. Но можно сказать безъ преувеличенія, что Фроловская усадьба основана навѣкъ: она должна отстояться десятилетиями, переходя отъ отца къ сыну.

Не бесполезно будетъ привести одинъ примѣръ, какъ хозяйничаютъ иностранные помѣщики, какъ разсуждаютъ они о постройкѣ и какъ ее производить въ своихъ помѣстьяхъ. У насъ вообще не заботятся о прочности, долговѣчности и хозяйственномъ расположеніи строенія: было бы красиво на видъ и скоро построено, а то не беда, если все деревянное, даже безъ фундамента, и держится, какъ чортовъ домъ, на куриной ножкѣ. Нерѣдко случается слышать отъ отца: «У сына свой умъ въ головѣ; послѣ меня какъ хочетъ, такъ дѣлаетъ и передѣлываетъ по своему.» А на что же наука? Гдѣ жъ патриотизмъ, которымъ между-тѣмъ каждый изъ насъ хвастаетъ? Кому истинно дорого свое отечество, тотъ долженъ однако жъ вспомнить и о будущемъ и подумать, что благосостояніе государства, богатый, зажиточный и красивый видъ земель, создаются только вѣками. Когда станете строить все на одинъ сутки, ваша родина вѣчно будетъ въ развалинахъ, въ которыхъ всегда живетъ бѣдность.

Пресвѣщенный сосѣдъ Фроловскій, Федоръ Федоровичъ Ралль, путешествуя некогда по Германіи, посѣтилъ въ Силезіи помѣщика, отличнаго и известнаго хозяина. До завтрака гость и хозяинъ обошли цѣлое помѣстье, очень небольшое. На каждомъ шагѣ Русскій помѣщикъ удивлялся превосходной обработкѣ и чистотѣ полей, на которыхъ росли богатѣйшія жатвы хлѣба; картофель, капуста, морковь, грядки; тучный трилистникъ и кормовой горо-

шекъ. Въ особенности изумлялъ его необыкновенно красивый и рослый скоть. Нѣсколько огромныхъ быковъ стояли въ стойлахъ на цѣпяхъ и никогда изъ конюшни не выпускались въ поле. Порядокъ во всемъ хозяйствѣ, опрятность и изобиліе въ скоть, превосходили всякое ожиданіе. Мать хозяина, почтенная старушка, ввечеру пригласила гостя къ обычному своему занятію. Звонъ колокольчика далъ знать служанкамъ, чтобъ оставляли свои работы и собирались въ сконную комнату. Тамъ всѣ онѣ, обмывъ руки по локоть, надвѣвъ бѣлые какъ снѣгъ перчатки, положивъ на плеча чистые полотенца, съ красивою посудиною и шайкою теплою воды въ рукахъ, пошли за госпожею въ скотную конюшню. Тутъ, мощеный камнемъ полъ былъ усыпанъ пескомъ; коровы стояли по стойламъ. Быстро произвели служанки доеніе, процеживая молоко въ ушаты сквозь чистыя рѣдныя предъ госпожею, сидѣвшею въ креслахъ, и отнеся полныя ушаты въ сконную. Послѣ доенія, онѣ обмывали теплою водой и обтирали чистымъ полотенцемъ вымя коровъ. Госпожа тотчасъ могла судить, по отбиткамъ на доскѣ удою, о здоровьѣ каждой коровы о качествахъ и количествахъ корма. Но всего болѣе изумляла Русскаго гостя хозяйственная постройка, обширная, сподручная, со всеми удобствами разсудительнаго и обдуманнаго расположенія усадьбы. Нѣсколько флигелей, сараевъ, конюшни,—все было изъ кирпича, все обширное, помѣстительное.—Какъ успѣли вы, спросилъ Нѣмецъ Русскій,—Нѣмцу болѣе тридцати пяти лѣтъ небыло,—все это выстроить? Неужели вся усадьба выстроена вами и изъ доходовъ вашего небольшого помѣстья? У насъ въ Россіи эти строенія, красивые обширныя, стоятъ сотни тысячъ рублей. «Либо сотни тысячъ рублей, отвѣчалъ Нѣмецъ, либо времени, терпѣнія, постояннаго труда. Планъ всей постройки съ фасадами и расположеніе усадьбы сдѣланы моимъ дѣдомъ. Вотъ эти зданія—успѣлъ построить дѣдъ при жизни. А эти строенія начаты и окончены моимъ отцомъ. Это—выстроено мною; а тамъ, видите, заложенъ фундаментъ: придется можетъ-быть оканчивать моему наслѣднику.» Слушайте, слушайте! Слышали ли вы это Нѣмецкое сужденіе, возлюбленные соотечественники, молодые Русскіе сельскіе хозяева, наслѣдники бога-

тыхъ и небогатыхъ Русскихъ отчинъ! Вотъ что дѣется по сельскому хозяйству у нашихъ соседей.

Изъ сельскихъ руководимъ дѣланіе масла и сыра, и вообще скопъ, въ хорошемъ положеніи во Фроловѣ. Былъ примѣръ, что каждая дойная корова доставила въ годъ кругомъ два пуда чухонскаго масла. Изъ такого жъ количества скопа выходитъ сыру вдвое. Сыръ Фроловскій продается по 14 рублей за пудъ. Такимъ образомъ каждая корова доставила скопа на 4 пуда сыра или дала 48 рублей дохода. Это почти столько же, сколько въ хорошихъ губерніяхъ платить оброка цѣлое тягло, мужъ съ женою.

Изъ сельскихъ ремеслъ, угольное, кирпичное дѣло, и земледѣльческихъ орудій доведены до отличнаго положенія. Ремесленники большею частію крестьяне. Число дворовыхъ по возможности уменьшается: два большія семейства выпущены въ крестьяне.

IV. Наконецъ домоводство. Эта отрасль сельскаго хозяйства состоитъ изъ сбыта, бережливости, счетоводства, отчетности, домоустройства, управленія имѣніемъ, людьми и работами, изъ общественной и частной запасности и заведеній довѣрія. Въ ней-то имѣетъ свой храмъ геній-хранитель всякаго хозяйства. Онъ для насъ очень новъ, недавно сметалъ съ эмпирея на Русскую почву, — и проситъ себя благосклоннаго приѣма, нѣжнаго вниманія, особаго помѣщенія въ нашемъ отечественномъ разумѣ. До особой статьи прости, о добрый геній! *Д. Шелеховъ.*

=

ВѢДОМОСТЬ

О количествѣ посѣвовъ и урожаевъ хлѣба, сѣна, травъ и овощей; о числѣ скота, количествѣ удобренія, времени посѣва и уборки по тремъ различнымъ сѣвооборотамъ на сто двадцати пяти десятинахъ пахотной земли.

1822.

Трехпольное зерновое полеводство.

Въ трехъ поляхъ прежняго трехпольнаго полеводства во Фроловѣ неравное число десятинъ. Многія десятины были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по возвышенностямъ,

между болотами, топкими лугами и рошицами. Въ большомъ полѣ находилось до 50, въ среднемъ до 26, въ маломъ до 2¹/₂ хозяйственныхъ десятинъ. Безъ большого труда три сохи, даже въ трехпольномъ полеводствѣ, могутъ вспахать въ день такую десятину. Къ Фроловской пахатной землѣ присоединялась еще Макаровская, пустошная, истощенная наемщиками. На этой землѣ, съялись до унавоживанія, легкіе хлѣба: овесъ, гречиха. На ней же съ робостью двланы были первые опыты посѣвовъ новыхъ растеній для плодоперемѣннаго полеводства. Высывалось въ трехпольномъ полеводствѣ, на десятину, ржи и ячменя по двѣ четверти, овса по четыре.

Скота рогатаго, крупнаго и мелкаго, кромѣ овецъ, которыхъ всегда было не много, находилось во Фроловѣ 90 головъ и 9 лошадей; всего 99.

Унавожено въ этотъ годъ 8 десятинъ, менѣ трети пара.

Урожай. Сѣна луговаго накошено 1,250 копенъ; въ каждой копнѣ по 5 пуда; всего 5,750 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 59 четвертей и 3 четверика; намолочено 167 четвертей; обошлась почти самъ-третья.

Ячменя Русскаго высѣяно 10 четвертей и 2 четверика; намолочено 52 четверти; обошелся самъ-шять.

Гороху для опыта высѣяно въ Макаровѣ 8 четвертей; намолочено 7 четвертей и 6 четвергковъ, то есть, менѣ нежели сколько было посѣяно.

Овса высѣяно во Фроловѣ и Макаровѣ 125 четвертей, умолочено 572 четверти; обошелся самъ-третьей.

Картофелю посѣяно 24 четверти; собрано 82 четверти; обошелся самъ-третьей съ половиною. Въ первый разъ картофель былъ посѣянъ въ пару.

Время посѣва и уборки хлѣба. Горохъ посѣянъ 29 апрѣля; овесъ 13, 15, 17 и 19 мая; картофель 16 и 18 мая; ячмень 24 мая; рожь, по немнѣнью въ запасъ сѣмянъ, посѣяна 14 и 17 августа. Начали жать рожь съ 19 июля, яровое съ 27 августа.

1823.

Трехпольное зерновое полеводство

Въ этомъ году поступили на постоянную работу 15 тя-

голь купленныхъ крестьянъ. Пахатной земли оставалось то же количество.

Скота рогатаго во Фроловъ 114 головъ; вымѣнено нѣсколько Малороссійскихъ нетелей и прикупиено еще Русскихъ хорошихъ нетелей; лошадей съ плужными 17; всего скота 131. Помѣщеніе скоту на Фроловскомъ дворѣ отмыно дурное, холодное и тѣсное.

Упавожено 9 десятинъ.

Урожай. Сѣна луговаго 2,091 копна; всего 6,273 пуда. Къ прежнимъ прибавлено нѣсколько пустошей сѣнокосныхъ, ходившихъ въ наймахъ.

Ржи высіяно 69 четвертей и 6 четвериковъ; намолочено 245 четвертей; обошлась самъ-третья съ половиною.

На 5 десятинахъ пара посѣяна гречиха и запахана въ цвѣту для удобренія подъ рожь.

Гороху посѣяно 5 четвертей 5 четверика; намолочено 30 четвертей; обошлся самъ-шесть.

Ячменя посѣяно $8\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 64 четверти; обошлся самъ-осьмь.

Овса посѣяно 106 четвертей; намолочено 406 четвертей; обошлся почти самъ-четверть.

Трилистникъ, посѣянный для опыта въ Макаровѣ, пропалъ.

Этотъ годъ считался въ трехпольномъ полеводствѣ чрезвычайно урожайнымъ. Въ первый разъ посѣяно нѣсколько четвериковъ въ полѣ кормоваго горошка чернаго и розоваго на сѣяна, но безъ овса. Горошекъ безъ овса отъ дождей полегъ и сопрѣлъ. Посѣяна была во Фроловѣ степная гречиха отмынной доброты, крупная зерномъ и тяжеловѣсная. Роста была исполинскаго, но во все лѣто нежилась, цвѣла и не принесла ни одного зерна. Во всѣхъ хлѣбахъ чѣмъ полнѣе, тяжеловѣснѣе зерно, тѣмъ предпочтительнѣе на сѣяна, но въ гречихѣ чѣмъ крупнѣе зерно, тѣмъ менѣе даетъ плода; растеніе цвѣтетъ безъ пользы. Гречиху на сѣяна отбирають обыкновенно вторую, легкую, падающую при вѣяніи, ближе къ хвосту. Всѣ хлѣба любятъ почву переменную, гречиха напротивъ. Посѣянная съ южныхъ черноземныхъ на песчаныхъ, или глинистыхъ почвахъ сѣверныхъ губерній, она не дастъ во-

все зерно. Г. Лодыженскій испыталъ это на большомъ пространствѣ въ своемъ Зубцовскомъ помѣстьѣ.

Время посѣва и уборки хлѣба. Горохъ посѣянъ 6 мая; картофель 18 и 19 мая; овесъ 22 и 24 мая; ячмень 28 мая; рожь 7 и 16 августа. Рожь начали жать съ 17 іюля, яровое съ 20 августа.

1824.

Трехпольное зерновое полеводство.

Лошади помѣщены на зиму въ Макаровскую конюшню.

Скота рогатаго во Фроловѣ 127; лошадей 19; всего 146.

Унавожено только 10 десятинъ, несмотря на большее количество животныхъ: это произошло отъ тѣсноты скотнаго двора, по неимѣнію соломы на подстилку и по неопредѣленности унавоживанія.

Урожай. Сѣна луговаго накошено 1,8 $\frac{1}{4}$ коіны; всего 5,552 пуда.

Ржи простой высѣяно 49 четвертей 2 четверика; намолочено 165 четвертей; обошлась самъ-третья съ четвертью.

Ржи кустовой Остзейской посѣяна четверть; намолочена 1 четверть; пришлось одинъ сѣмяна. Кустовая рожь посѣяна была для опыта въ Макаровѣ на плохой пустошной десятинѣ; для опытовъ обыкновенно отводилась дурная пустошная земля: оттого трилистникъ, горохъ, кустовая рожь потерпѣли совершенные урожан.

Гороху высѣяно 12 четвертей; намолочено 25 $\frac{1}{2}$ четверти; обошлась самъ-другъ.

Кормоваго горошку высѣяно 4 $\frac{1}{2}$ четверти; намолочено 25 четвертей; обошлась самъ-шесть. Горошекъ на сѣмяна обыкновенно сѣется съ овсомъ, который служитъ ему вмѣсто тычинокъ; тогда онъ не полегаетъ. На четверть гороха прибавляется 1 $\frac{1}{2}$ четверти овса: этой смѣси высѣвается на десятину 2 $\frac{1}{2}$ четверти.

Пшеницы арнаутки высѣяна 2 четверти; намолочено 6 четвертей; обошлась самъ-третья. Посѣяна на лучшей навозной землѣ во Фроловѣ.

Картофелю посѣяно 32 четверти; собрано 112 четвертей; обошлась самъ-третьей съ половиною.

Ячменя Русскаго посѣяно 9 четвертей; намолочено 55 четвертей; обошлась самъ-шесть.

Английского двуграннаго посвяно 1 четверть; намолочено $\frac{1}{2}$ четверти; обошелся самъ-четверть съ половиною.

Гималайскаго голага посвяна 1 четверть; намолочено $\frac{1}{2}$ четверти; обошелся самъ-четверть съ четвертью.

Во Фроловъ Русскій ячмень родился всегда отлично при трехпольномъ полеводствѣ, оттого что сѣялся послѣ ржи по ячменнымъ десятинамъ, ближайшимъ къ усадьбѣ, на которыя валили навоза безъ мѣры; иногда приходилось на десятину до 250 возовъ. На другой годъ по снятіи ржи выпахивалось на этихъ десятинахъ наружу множество пластовъ неперепрѣлага навоза, который, разумѣется, не питалъ ржи. Навозъ, вывозимый въ поле въ іюнь, незрѣлый долго не перепрѣваетъ въ землѣ и не обращается въ плодородный черноземъ; еще менѣе навозъ слишкомъ соломистый и глубоко запаханный, объ чемъ столько хлопочуть многіе сельскіе хозяева. Иногда онъ просто изнываетъ въ землѣ, не доставивъ питанія ни одному посвянному по немъ хлѣбу, ни первому, ни послѣдующему, ни ржи, ни яровому. Теоръ замѣтилъ то же. Когда не знаешь причины, кажется удивительнымъ, что рожь и яровое, посвянные по свѣжему навозу, родятся иногда хуже нежели на прѣснихъ или по старому навозу. Старый или предшествующихъ лѣтъ навозъ уже переработался въ землѣ, превратился въ питательный черноземъ, и доставляетъ питаніе хлѣбу. Изъ недоразумѣній между-тѣмъ, какъ новый навозъ, глубоко запаханный, лежитъ въ землѣ безъ измѣненія, возникъ предразсудокъ, что «годомъ и безъ навоза родится хлѣбъ хорошо, а годомъ и по навозу родится худо.»

Овса выстѣно 80 $\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 220 четвертей; обошелся самъ-третей безъ четверти.

Гречихи Русской посвяно 5 четверти; намолочено 12 четвертей; обошлася самъ-четверть.

Трилистника высѣяно на траву 7 десятинъ по ячменю и овсу.

Время посѣви и уборки хлѣба. Горохъ и кормовый горошекъ посѣяны 23 и 24 апрѣля; картофель 16 и 18 мая; овесъ 11, 17 и 22 мая; гречиха 5 іюня; рожь 5 и 8 августа. Рожь начали жать съ 21 іюля, яровое съ 25 августа.

1825.

Семи-польное плодоперемѣнное полеводство.

Въ каждомъ полѣ считалось по 18 хозяйственныхъ десятинъ. Сильныя мѣры приняты для умноженія землеудобренія. Куплено ржаной соломы на подстилку 40 сажень; изготовлено подъ рожь 4 десятины нови. Въ этомъ году, двугодоваыя нетели переведены въ Макарово къ заводскимъ лошадямъ для умноженія навоза.

Скота, во Фроловъ было лошадей 7, рогатаго 120; въ Макаровъ, лошадей 16, рогатаго 14; всего 150.

Унавожено во Фроловъ 13 десятинъ, въ Макаровъ 1 десятина; всего 14 десятинъ. Къ нимъ присоединены 4 десятины нови. Такимъ образомъ составилъ полный участокъ семи-польнаго полеводства, 18 десятинъ удобренной земли подъ рожь. Передъ рожью по навозу посѣянъ кормовой горошекъ.

Урожай. Сѣна луговаго накошено 2,047 копенъ; всего 6,141 пудъ; трилиственнаго съ 3 десятинъ 525 пудовъ, — двѣ десятины скошены на зеленый кормъ лошадямъ; еще двѣ десятины остались на сѣмяна; сѣна кормоваго горошка съ 14 навозныхъ десятинъ 2,800 пудовъ; всего 9,466 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 31 четверть; намолочено 196 четвертей; обошлась самъ-шесть съ третью.

Ржи кустовой высѣяно $1\frac{1}{2}$ четверть; намолочено $11\frac{1}{2}$ четвертей; обошлась самъ-десята.

Пшеницы арнаутки высѣяно 2 четверти; намолочено $5\frac{3}{4}$ четвертей; обошлась самъ-третья.

Гороху по $1\frac{1}{2}$ четверти на десятину, высѣяно 15 четвертей; намолочено $38\frac{3}{4}$ четвертей; обошелся самъ-другъ съ половиной.

Кормоваго горошку высѣяно 6 четвертей; намолочено $47\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-осьмь, потому что въ немъ было на-половину овса.

Картофелю высѣяно 35 четвертей; собрано $120\frac{3}{4}$ четвертей; обошелся самъ-третей съ половиною.

Въ этомъ участкѣ незанятая картофелемъ десятины, оставались въ мертвомъ пару, а другія засѣяны гречихой.

Ячменя Русскаго высѣяно $3\frac{3}{4}$ четверти; намолочено $18\frac{1}{4}$ четвертей; обошелся самъ-пять.

Ячменя Англійскаго высѣяно 4 четверти; намолочено $14\frac{1}{4}$ четвертей; обошелся самъ-третей съ половиною.

Ячменя голаго высѣяно $5\frac{1}{2}$ четверти; намолочено $8\frac{1}{4}$ четвертей; обошелся самъ-другъ съ половиною.

За недостаткомъ сѣмяннаго ячменя въ этомъ участкѣ съелся овесъ. Ячменя выходило много на домашній обиходъ, особливо въ кормъ птицъ.

Овса высѣяно 120 четвертей; намолочено 329 четвертей; обошелся самъ-третей безъ четверти.

Гречихи высѣяно 9 четвертей; намолочено 18 четвертей; обошлась самъ-другъ; похватила темного морозъ, отъ поздняго сѣва.

Льну высѣвалось всегда не болѣе $1\frac{1}{2}$ десятины. Это растеніе принадлежало къ женскому (непривкосновенному) хозяйству, неподверженному ни какимъ законамъ отчетности.

Трилистника сѣмяннаго съ 2 десятинъ отъ 2 пудовъ выдѣлано сѣмянъ 12 пудовъ; еще не умѣли выдѣлывать сѣмянъ. Трилистникъ на траву и на сѣмяна къ будущему году посѣяны по ячменю и овсу.

Время посѣва и уборки. Пшеница посѣяна 28 апрѣля; горохъ и кормовой горошекъ на сѣмяна 1 мая; кормовой горошекъ по навозу на сѣно 5 мая; засѣяно имъ $9\frac{1}{2}$ десятинъ. На остальныхъ $8\frac{1}{2}$ десятинахъ сѣяна была сѣнная труха, которая заключаетъ въ себѣ сѣмяна сорныхъ травъ: это сдѣлано было отъменно дурно; отъ сѣмянъ разводились на поляхъ пахотныхъ сорныя травы; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ корень ползучій; скашивание еще болѣе усиливаетъ его, и эти вредныя растенія размножаются. Картофель 17 и 18 мая; овесъ 19 и 22 мая; ячмень Русскій 28 мая, Англійскій 12, Гималайскій 18 мая; гречиха 8 іюня; рожь 8 и 11 августа. Рожь начали жать съ 26 іюня, яровое съ 13 августа. Трилистникъ на сѣно начали косить 22 іюня, а на зеленый кормъ 15 іюня; кормовой горошекъ на сѣно 9 іюля. Во Фроловъ скотъ кормился на скотномъ дворѣ зеленымъ трилистникомъ три дня съ 16 іюня. Коровы тотчасъ прибавили молока.

1826.

Семи-польное плодоперемѣнное полеводство.

Рожь посѣяна на удобренныхъ 18 десятинахъ. Ею занять полный участокъ, семи-польнаго плодоперемѣннаго сѣвооборота.

Скота, во Фроловъ, лошадей 7, рогатаго 106; въ Макаровъ, лошадей 20, рогатаго 27; всего 143.

Куплено ржаной соломы на подстилку 30 сажень.

Унавожено во Фроловъ 12 десятинъ, въ Макаровъ 4 десятины; къ нимъ приготовлено пови 2 десятины.

Урожай. Сѣна луговаго накошено 1,163 копны; всего 3,489 пудовъ. Этотъ годъ на луговую траву былъ очень неурожайный; сѣна трилиственнаго съ 7 десятинъ 1,400 пудовъ; три десятины скошены на зеленый кормъ скоту; двѣ оставлены на сѣмяна; сѣна кормоваго горошка получено съ цѣлаго участка, съ 18 десятинъ, 4,500 пудовъ; а всего 9,389 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 20 четвертей; намолочено 159 четвертей; обошлась самъ-семь.

Ржи кустовой высѣяно 9 четвертей; намолочено 100 четвертей; обошлась самъ-одиннадцать. Рожь сѣяна ранѣе обыкновеннаго и гораздо рѣже. Очевидно, что ранній посѣвъ и нечастый отъивно удаченъ.

Пшеницы ледянки посѣяно 4 четверти; намолочено 8 четвертей; обошлась самъ-другъ.

Гороху посѣяно $16\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 25 четвертей; обошлась одна сѣмяна съ половиной.

Кормоваго горошку посѣяно 6 четвертей; намолочено 12 четвертей; обошелся самъ-другъ.

Картофелью посѣяно 82 четверти; собрано 306 четвертей; обошелся самъ-четверть безъ четверти.

Ячменя Русскаго посѣяно $5\frac{1}{4}$ четверти; намолочено $18\frac{1}{4}$ четвертей; обошелся самъ-пять.

Ячменя Англійскаго посѣяно 4 четверти; намолочено $14\frac{1}{4}$ четвертей; обошелся самъ-третьей съ половиной.

Ячменя голаго посѣяно $3\frac{1}{2}$ четверти; намолочено $8\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-другъ съ половиной.

Овса посѣяно 115 четвертей; намолочено 344 четверти; обошелся самъ-третьей.

Гречиха посвяно 6 четвертей; намолочено 18 четвертей; обошлась самъ-третья.

Трелистника съ 2 десятинь собрано 22 пуда сѣмянъ: а сѣянъ полный участокъ, 18 десятинь; еще двѣ десятины засѣяны на Старинѣ, гдѣ прежде была деревня.

Время посѣва и уборки. Пшеница посѣяна 18 апрѣля; горохъ и горошекъ на сѣяна 28 апрѣля; горошекъ на сѣно по навозу 2 мая; кистистый овесъ ранній 8 мая, простой 12 и 13 мая; Англійскій ячмень 7 мая, голый 15 мая; Русскій 24 мая; рожь 31 июля и 2 августа; гречиха 6 июня. Скотъ кормился на дворѣ зеленымъ трелистникомъ 7 дней. Рожь начали жать 19 июля, яровое 21 августа.

1827.

Семи-польное плодотермьное полеводство.

Сдѣланъ вѣрный расчетъ удобренію. По соображенію удобренія съ числомъ скота, съ количествомъ корма и подстилки, принято за правило: имѣть на скотномъ дворѣ скота меньше, но заго раньше становить на скотный дворъ осенью и позже выпускать на паству весною; болѣе держать лошадей круглый годъ на стойлѣ; въ июнь, во время сильныхъ жаровъ, брать скотъ съ поля на скотный дворъ на неделю и болѣе на кормъ зеленымъ трелистникомъ.

Скота, во Фроловѣ, лошадей 7, рогатаго 86; въ Макаровѣ лошадей 22, рогатаго 12; всего 127.

Куплено ржаной соломы на подстилку 40 сажень.

Унавожено во Фроловѣ 15 десятинь, въ Макаровѣ 5; всего 18 десятинь, полный участокъ подъ рожь.

Урожай. Сѣна луговаго накошено 1,255 копенъ; всего 5705 пудовъ. Сряду другой годъ трава худо родится. Трелистникъ помогъ чрезвычайно, особливо посѣянный на Старинѣ, гдѣ была деревня: съ 2 $\frac{1}{2}$ десятинь поставлено два скирда, въ обонхъ 1,200 пудовъ. Тогда на опытѣ подтвердилось описываемое въ книгахъ объ урожаяхъ трелистника въ чужихъ краяхъ по 600 пудовъ съ десятины. Трелистненнаго сѣна съ полевыхъ десятинь съ 12 получено 2,100 пудовъ, по 175 пудовъ съ десятины. Сѣна кормоваго горошка съ 11 десятинь навозныхъ 2,200 пудовъ. Всего сѣна 9,205 пудовъ.

Ржи простой высѣяно $12\frac{1}{4}$ четвертей; намолочено 105 четвертей; обошлась самъ-девять безъ третя. Ржи кустовой высѣяно $16\frac{3}{4}$ четвертей; намолочено 107 четвертей; обошлась самъ-семь съ третью.

Пшеницы высѣяно 4 четверти; намолочено 5 четвертей; обошлись одни сѣмяна съ четвергью.

Гороху посѣяно 16 четвертей; намолочено $24\frac{1}{2}$ четвертей; обошлись одни сѣмяна съ половиной.

Кормоваго горошку посѣяно $7\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено $22\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-третей.

Картофелю посѣяно 80 четвертей; собрано 338 четвертей; обошелся самъ-четверть.

Навоза ни отъ чего столько не накопляется, какъ отъ корма рогатаго скота сырымъ картофелемъ: молоко тотчасъ дѣлается желтое и густое, изверженіе жидкое. Тогда не жалѣй только подстилки.

Ячменя Англійскаго посѣяно $13\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 40 четвертей; обошелся самъ-третей. Ячменя голаго посѣяно 8 четвертей; намолочено $7\frac{1}{2}$ четвертей; не обошлись сѣмяна.

Русскій ячмень, всегда хорошо родившійся, на Фроловскихъ поляхъ исключенъ изъ посѣва, потому что былъ не крупенъ и нетяжеловѣсенъ въ сравненіи съ Англійскимъ и голымъ Гималайскимъ. Трудно разуверить себя, безъ опытовъ, что не сѣмяна отличныхъ хлѣбовъ, своихъ и чужеземныхъ, производятъ урожай, но земля отлично удобренная, воздѣланная, подвергаемая плодоперемѣнности. Послѣ многократныхъ опытовъ рѣшились во Фроловѣ сѣять только простыя, туземныя породы хлѣба, привыкшія къ климату и почвѣ, и ожидать улучшенія ихъ отъ улучшенія полеводства. Съ 1829 года уже не сѣялись на Фроловскихъ поляхъ ни Англійскій, ни Гималайскій ячмень, ни кустистый ранній овесъ.

Овса высѣяно 125 четвертей; намолочено 290 четвертей; обошелся самъ-другъ съ третью; сѣялся по $4\frac{1}{2}$ четверти на десятину.

Гречихи посѣяно 5 четвертей; намолочено $25\frac{3}{4}$ четвертей; обошлась самъ-пять.

Трилиственныхъ сѣмянъ выдѣлаво съ 2 десятины 20 пудовъ.

Время посѣва и уборки. Пшеница посѣяна 28 апрѣля;

Т. XIII — Отд. IV.

$8\frac{1}{4}$

горохъ и кормовой горошекъ на сѣмена 3 мая, а на траву по навозу 5 мая; овесъ ранній 4 и 7 мая, поздній 16 мая: ранніе посѣвы ярового въ здѣшнемъ краю удаются развѣ въ десять лѣтъ однажды. Здѣсь морозы и стужа продолжаютъ большею частію до половины мая: въ холодное время и въ холодной землѣ зерно не восходитъ; но при дождяхъ оно разгнѣтъ, и если взойдетъ, то замираетъ и не даетъ роста. Между тѣмъ земля окидывается сорными травами. Ранніе посѣвы ярового хлѣба почти всегда заглушаются сорными травами. Англійскій и голый ячмень посѣванъ 11 мая; картофель 26 и 28 мая и для опыта 1 іюня: былъ однако жъ не дуренъ; рожь 2 и 5 августа, прошлогдними сѣменами. Рожь начали жать 18 іюля, яровое 16 августа. Скотъ кормили на дворѣ зеленымъ трилистникомъ 10 дней съ 15 іюня; осенью поставили съ поля на скотный дворъ съ 15 сентября; весною выпустили на паству 9 мая.

1828.

Семипольное плодоперемѣнное полеводство.

На барщину еще поступили 5 тяголъ крестьянъ, перевезенныхъ изъ другой деревни.

Скота, во Фроловѣ, лошадей 7, рогатаго 80; въ Макаровѣ, лошадей 25, рогатаго 37; всего 124.

Куплено ржаной соломы на подстилку 69 сажень.

Унавожено во Фроловѣ 13 десятинъ, въ Макаровѣ 5 десятинъ, всего 18. Осталось навоза на 2 десятины. Положено на слѣдующій годъ купить соломы на подстилку больше прошлогдняго, приготовить двѣ десятины нови, и съ тѣмъ вмѣстѣ перемѣнить семипольный сѣвооборотъ на пятипольный.

Урожай. Сѣна луговаго 1,537 копенъ; всего 4,611 пудовъ; трилиственнаго съ 12 десятинъ 1,800 пудовъ; трилистникъ съ 4 десятинъ скормленъ скотомъ; двѣ десятины оставлены на сѣмена; сѣна кормоваго горошка по недостатку сѣмянъ только съ 10 навозныхъ десятинъ собрано 2,000 пудовъ. Въ этотъ годъ много доставила корма ранняя гречиха, посѣянная по навознымъ десятинамъ по случаю недостатка въ сѣменахъ горошка; она снята въ сузелень; сметано изъ нея два скврда; обмолочена сырмомолотомъ и доставила 2,000 пудовъ

отличнаго сѣна рогатому скоту, равнаго питательностью луговому сѣну. Всего сѣна съ луговымъ собрано 10,411 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 13 четвертей; намолочено 90 $\frac{1}{4}$ четвертей; обошлась самъ-семь. Ржи кустовой высѣяно 18 четвертей; намолочено 117 $\frac{1}{2}$ четвертей; обошлась самъ-шесть съ половиной.

Гороху посѣяно 20 $\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 42 четверти; обошелся самъ-другъ.

Кормоваго горошка высѣяно 7 четвертей, намолочено 13 $\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-другъ.

Картофелью посѣяно 79 четвертей; собрано 315 четвертей; обошелся самъ-четверть.

Ячменя Англійскаго посѣяно 20 четвертей; намолочено 16 $\frac{1}{2}$ четвертей; не обошлись сѣяна. Ячменя голаго посѣяно 5 $\frac{3}{4}$ четвертей; намолочено 14 $\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-другъ съ половиной.

Овса посѣяно 110 четвертей; намолочено 256 четвертей; обошелся самъ-другъ съ третью.

Во всь годы семи-польнаго полеводства овесъ родился худо, потому что лучшія удобренныя десятины поступали послѣ ржи подъ горохъ и кормовой горошекъ.

Гречихи ранней по навозу посѣяно 15 четвертей; намолочено 195 четвертей; обошлась самъ-тринадцать. Гречихи поздней посѣяно 2 четверти: побита морозомъ.

Трилистника съ 2 десятинь собрано сѣмянъ 16 пудовъ.

Время посѣва и уборки. Горохъ 8 мая; кормовой горошекъ на сѣяна 4, а на сѣно 6 мая; овесъ 17, 19 и 23 мая; картофель 24, 26; ячмень Англійскій и голый 10 мая; ранняя гречиха 16 мая, поздняя 8 іюня; рожь 9 и 10 августа. Начали жать рожь съ 16 іюля, яровое съ 17 Августа. Скотъ кормился на дворѣ зеленымъ трилистникомъ 9 дней съ 16 іюня. Разная гречиха скошена 2 августа. Трилистникъ посѣянъ по ржи 2 мая.

1829.

Пятипольное плодоперемѣнное полеводство.

Въ каждомъ участкѣ по 25 десятинь; во Фроловѣ 18, въ Макаровѣ 7 десятинь.

Скота во Фроловъ, лошадей 7, рогатаго 83; въ Макаровъ, лошадей 27, рогатаго 12, всего 129.

Куплено ржаной соломы на подстилку 95 сажень.

Унавожено во Фроловъ 18 десятинь, въ Макаровъ 7; всего 25 десятинь, полный участокъ пяти-польнаго полеводства.

Урожай. Сѣна луговаго 1815 копець; всего 5,445 пуд, трилиственнаго съ 7 десятинь 1,400 пудовъ; три десятины трилистника скормлены скотомъ травой, 1 десятина оставлена на сѣмяна; сѣна кормоваго горошка съ 6 десятинь, 1,200 пудовъ, ранней гречихи съ 19 десятинь 3,800, всего 11,845 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 16 четвертей; намолочено $79\frac{1}{4}$ четвертей; обошлась самъ-пять. Въ этотъ годъ рожь посѣяна въ полъ, необведенномъ еще окружнымъ каналомъ. Весна была мокрая, осень также; ржи много вымокло.

Ржи кустовой посѣяно 30 четвертей; намолочено 212 четвертей; обошлась самъ-семь.

Гороху посѣяно 4 четверти; намолочено 12 четвертей; обошелся самъ-третей.

Кормоваго горошка посѣяно 4 четверти; намолочено 6 четвертей; обошлись съ небольшимъ сѣмяна. Горошекъ перестали сѣять.

Картофелю высѣяно 80 четвертей; собрано 326 четвертей; обошелся самъ-четверть. Картофелю начали сѣять по 7 четвертей на десятину.

Ячменя Русскаго посѣяно 10 четвертей; намолочено $43\frac{1}{2}$ четвертей; обошелся самъ-четверть съ четвертью. Овса посѣяно 90 четвертей, намолочено 271 четверть, обошелся самъ третей. Овса на десятину начали сѣять по $4\frac{1}{2}$ четверти.

Трилистника съ 1 десятины 15 пудовъ сѣмянъ; посѣяно было 11 десятинь по ржи.

Время посѣва и уборки. Горохъ и горошекъ 8 и 10 мая; ранняя гречиха по навозу 12 и 13 мая; поздняя 4 и 5 июля; картофель 15 и 17 мая; овесъ 22, 23, 24 мая; ячмень Русскій 30 мая; рожь 5 и 7 августа. Начали жать рожь 22 июня, яровое 12 августа. Скотъ кормился на дворъ зеленымъ трилистникомъ 9 дней. Трилистникъ посѣявъ по ржи 29 апрѣля.

1830.

Пятипольный плодоперемѣнный сѣвооборотъ.

Рожь посѣяна послѣ ранней гречихи и частью послѣ кормоваго горошка на 25 удобренныхъ десятинахъ; заняла полный участокъ пяти-польнаго сѣвооборота.

Скота, во Фроловѣ, лошадей 9, рогатаго 77; въ Макаровѣ, лошадей 27, рогатаго 15; всего 128.

Куплено ржаной соломы на подстилку 410 сажень; положено покупать соломы на каждую удобряемую десятину во 4 сажени, именно, для 18 десятинъ во Фроловѣ 72 сажени, для 7 десятинъ въ Макаровѣ 28; всего 100 сажень.

Унавожено въ обвихъ усадьбахъ 24 десятины; подъ рожь поступила 1 десятина нови.

Урожай. Сѣна луговаго 1,532 копны, всего 4,596 пудовъ; трилиственнаго и кормоваго до 2,000 пудовъ; сѣна ранней гречихи до 4,000 пудовъ; всего 10,596 пудовъ.

Ржи простой высѣяно 28 четвертей; намолочено 251 четверть; обошлась самъ-девятъ. Ржи кустовой высѣяно 17 $\frac{1}{4}$ четвертей; намолочено 160 четвертей; обошлась самъ-девятъ.

Гороху высѣяно 2 четверти намолочено 8 четвертей обошелся самъ-четверть,

Картофелю высѣяно 80 четвертей; собрано 354 четверти обошелся самъ-четверть съ четвертью.

Ячменя Русскаго высѣяно 7 $\frac{1}{2}$ четвертей; намолочено 52 $\frac{1}{4}$ четверти; обошелся самъ-семь.

Овса высѣяно 95 четвертей; намолочено 336 четвертей обошелся самъ-третьей съ половиной.

Гречихи ранней и поздней высѣяно 70 четвертей; намолочено 205 четвертей; обошлась самъ-третья.

Время посѣва и уборки. Горохъ посѣянъ 1 мая; ранняя гречиха 12 мая; поздняя 4 июня; овесъ 19, 20 и 23 мая картофель 13 и 14; ячмень 28 мая; рожь 7 и 8 августа. Начали жать рожь 3 августа, яровое 24 августа. Скотъ кормился на дворѣ зеленымъ трилистникомъ 10 дней съ 17 июня.

Во всѣ последующіе годы 1831, 32, 33, 34 и 35 порядокъ въ хозяйствѣ и сѣвооборотѣ не измѣнялся. Поля доставляли въ общей сложности почти одинакіе урожаи съ

1829 и 1830 годами. 1831, 32, 34 и 35 были весьма неблагоприятны для гречихи: морозы появились в начале и средине июня, были и в июль. Гречиха меньше сама другъ ни в одинъ годъ не приходилась; поздняя выручила раннюю и наоборотъ. Годъ 1834 былъ чрезвычайно неурожаемъ на картофель, котораго собрали только сѣмяна. Въ 1832 году во все лѣто стояла пасмурная и холодная погода; всѣ хлѣба худо вызрѣли и были на сѣмяна не всхожи. Связшіе рожь новыми сѣмянами потеряли въ 1833 году урожай ржи: часть ржи и во Фроловѣ пришлась только самъ-четверть съ половиною, чего никогда не бывало во Фроловскомъ плодоперемѣнномъ полеводствѣ. Худой урожай произошелъ именно оттого, что въ отсутствіи помѣщика не могли сберечь на сѣмяна полного количества прошлогодней хорошей ржи, какъ всегда дѣлывалось.

Не желая утруждать вниманія множествомъ однообразныхъ вѣдомостей за всѣ тридцатые годы, сдѣлаемъ общую свѣту урожаямъ всѣхъ хлѣбовъ, бывшимъ въ теченіе этого времени, и присоединимъ къ тому общую свѣту урожаямъ за прежніе годы.

Со времени введенія на Фроловскихъ и Макаровскихъ поляхъ плодоперемѣннаго полеводства, именно съ 1825 по 1835 годъ, урожай хлѣбовъ были слѣдующіе:

Рожь въ десятигѣтней сложности отъ посѣва $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{1}{4}$ четверти на десятину обожалась самъ-семь; поздняя и ранняя гречиха отъ посѣва $1\frac{1}{2}$ четверти самъ-четверть; ячмень, отъ 2 четвертей, самъ-пять безъ осмушки; овесъ отъ $1\frac{1}{2}$ четвертей самъ-третьей съ третью; картофель отъ 7 четвертей самъ-третьей съ половиною; трилистникъ доставилъ, съ десятины, сѣна 150 пудовъ, ранняя гречиха 200 пудовъ.

Въ трехпольномъ полеводствѣ въ три года, съ 1822 по 1825, съ того времени какъ устроилось во Фроловѣ счетоводство, урожай хлѣба былъ слѣдующій: рожь, отъ посѣва 2 четвертей на десятину, обожалась самъ-третья съ небольшимъ; ячмень, отъ 2 четвертей, самъ-семь безъ трети; овесъ, отъ 4 четвертей, самъ-третьей съ четвертью.

Д. Шелуховъ.

V.

КРИТИКА.

Лекціи профессора Погодина по Герену, о политикѣ, связи и торговлѣ главныхъ народовъ древняго міра. Москва, 1835. Часть первая.

Вотъ сочиненіе, которое заставляетъ насъ взять перо въ руки съ охотою, съ любовью. Мы въ этомъ сочиненіи, какъ у себя дома, мы, безъ дальнихъ чиновъ, овладѣемъ самою лучшею сташею, чтобы сдѣлать ее основаніемъ бесѣды нашей съ читателями. И Г. Погодинъ и Г. Геренъ простятъ насъ, ежели мы на время забудемъ ихъ для богатаго предмета этой статьи. Кто говоритъ — «политика, связь и торговля древняго міра», тотъ называетъ Финикіянь и Карѣагенцевъ, которые долгое время были душою этой политики и торговли и служили настоящею связью народамъ. Мы займемся исключительно Финикіянами и Карѣагенцами. Предпріятія Финикіянь, — Англичанъ древняго міра, донинѣ приводятъ въ изумленіе своею обширностью и отвагою. Ихъ торговля конечно не охватывала такого огромнаго пространства, какъ нынѣшняя Англійская, и даже ихъ потомковъ, Карѣагенцевъ, но зато вліяніе ея было несравнено возвышеннѣе: она составляла, сплавляла общества, была проводникомъ идей въ современномъ человечествѣ и передавала изъ рукъ въ руки, не одни товары, а вмѣстѣ съ ними просвѣщеніе и религіозныя вѣрованія. Они принесли въ Европу буквы; ихъ Мелькартъ и Астартея, преобразенные въ другія формы, заняли высокое мѣсто въ блистательномъ соборѣ боговъ Греческаго и Римскаго политеизма.

При всемъ томъ исторія Финикіянь, столь могуще-

ственно дѣйствовавшихъ на образованность народовъ древняго міра, намъ почти неизвѣстна. Вѣрныя но малочисленныя извѣстія, находимыя въ священныя книгахъ Іудеевъ; нѣсколько сбивчивыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Греческими писателями, которые очень часто смѣшиваютъ ихъ съ Карфагенцами; столько же сомнительныхъ надписей и одинъ неважный отрывокъ изъ сочиненія туземнаго историка Санхоніатона, — вотъ все, что нынче доступно для науки. Вѣрнѣе всего изучать Финикію въ ея колоніяхъ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ страны, откуда они вышли. Тиръ и Сидонъ должны объяснять Карфагеномъ и Гадесомъ. Разумѣется, что въ такомъ случаѣ изученіе падетъ не на факты, не на отдѣльныя явленія, а на духъ и общія формы народной жизни.

Со времени появленія «Идей» Герена, предметъ этотъ былъ значительно расчищенъ и обработанъ отличными учеными, и, если принять въ соображеніе скудность матеріаловъ, которые передала намъ древность о Финикіянахъ и Карфагенцахъ, нельзя не преклонить колѣна передъ силою трудолюбія и пропизательности, которая изъ такихъ темныхъ источниковъ извлекла столько свѣта, чтобы озарить нѣтъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ Исторіи. Епископъ Мюнтеръ, въ Копенгагенѣ, и профессоръ Гаммакеръ, въ Литтихѣ, истощили всю свою обширную эрудицію, чтобы привести въ ясность религію, древности и надписи этихъ двухъ народовъ. Докторъ Бѣттихеръ, въ Берлинѣ, занимался съ блестящимъ успѣхомъ исторіею Карфагенянъ. Профессоръ Клуге, въ Бреславлѣ, мучительно свѣрлялъ списки и толковалъ книгу Аристотеля объ ихъ политикѣ. Къ этому ряду писателей, почтенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, мы принуждены, къ несчастію, присоединить имя, которое возбуждаетъ въ насъ отвращеніе: человекъ, навсегда запятнавшій свою литературную славу самою

преступною измѣною и который нынче, вмѣсто заслуженныхъ похвалъ за свои изысканія, слышатъ громъ еще болѣе заслуженныхъ проклятій, обогатилъ эту вѣтвь Исторіи весьма примѣчательнымъ твореніемъ о географическихъ открытіяхъ Карѳагенянъ и Грековъ въ Атлантическомъ Океанѣ. Мы говоримъ о бывшемъ Виленскомъ профессорѣ Лелевелѣ.

Въ слѣдующій очеркъ исторіи, торговли, политики и открытій Финикіянъ и Карѳагенянъ вошли всѣ труды, которые мы здѣсь исчислили. Любопытность предмета позволяетъ намъ полагаться на терпѣніе даже читателей, не привыкшихъ думать о томъ, что происходило за три тысячи лѣтъ; тѣмъ болѣе, что мы не можемъ лучше занять ихъ времени, какъ предлагая имъ, вмѣсто сухаго разбора «Лекцій» Г. Погодина, результатъ многочисленныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ послѣднія времена въ разныхъ точкахъ ученаго свѣта, о предметъ капитальной статьи его книги.

Народъ, которому Греки давали имя Финикіянъ, составлялъ часть Арамейскаго или Сирійскаго племени, обитавшаго между Чернымъ и Средиземнымъ Морями, рѣкою Тигромъ и горами Арменіи. Финикіянѣ занимали узкую полосу земли между моремъ и Ливанскими Горами. Города ихъ были построены вдоль этого берега и на сосѣднихъ островахъ; каждый городъ былъ независимъ и вѣроятно соединялся съ другими только необходимостью взаимной обороны; впрочемъ Сидонъ и въ послѣдствіи Тиръ имѣли первенство надъ прочими. Образъ правленія во всѣхъ этихъ городахъ былъ монархическій ограниченный.

Многочисленное народонаселеніе на маломъ пространствѣ земли заставило Финикіянъ обратить вниманіе на мореплаваніе, какъ единственное средство къ обезпеченію ихъ существованія. Въ способахъ недостатка не было: горы Ливанскія доставляли имъ

превосходный корабельный лѣсъ. Въ самой отдаленной древности суда ихъ ходили по Средиземному Морю и, по всей вѣроятности, грабили прибрежные города и селенія. Историческихъ доказательствъ этого мнѣнія мы не имѣемъ, но оно весьма правдоподобно и естественно. Изъ поэмъ Гомеровыхъ видно, что Финикіянѣ рано начали посѣщать Греческія гавани, особливо западныя, и торговали тамъ галантерейными вещами, металлическими издѣліями, и бумажными и шерстяными тканями. Мы не знаемъ навѣрно, что они брали въ обитѣ за свои товары; должно полагать что они вывозили оттуда естественныя произведенія земли, вино и масло. Быть можетъ также, что они покупали въ Греціи рабовъ, но это — простое предположеніе: намъ вовсе неизвѣстное состояніе Греческихъ обществъ до Тивской и Троянской войнъ.

Финикіянѣ не были народъ мануфактурный. Чрезмѣрное возрастаніе народонаселенія было поводомъ къ заведенію колоній. Островъ Кипръ, который лежитъ противъ самыхъ береговъ ихъ отечества, прежде всего обратилъ на себя ихъ вниманіе, и сдѣлался первымъ звеномъ въ цѣпи Финикійскихъ колоній, которыя протянулись вдоль по Средиземному Морю до самой западной его оконечности. Вопросъ объ ихъ сѣверныхъ поселеніяхъ на островахъ и по берегамъ Эгейскаго и Эвксинскаго Морей весьма сомнителенъ и требуетъ подробнаго разсмотрѣнія.

Говорятъ, что Финикійскіе выходцы, около 1500 лѣтъ до Р. Х., поселились въ Віотіи и основали тамъ городъ Фивы; но ни Гомеръ, ни Гезіодъ, которые жили 600 или 700 лѣтъ послѣ этого событія, рѣшительно не упоминаютъ объ немъ. Сверхъ-того надобно замѣтить, что Финикіянѣ имѣли благоразумное обыкновеніе заводить колоніи на островахъ или у береговъ, а Віотія есть страна внутренняя, безъ судоходныхъ

рѣкъ и рудниковъ, слѣдовательно въ ней не было для нихъ ничего привлекательнаго. Единственною опорой этому мнѣнію служитъ преданіе, котораго слѣды восходятъ впрочемъ не далѣе пятаго столѣтія до нашей эры, — что въ Фивахъ поклонялись Аполлону Исмению, а у Финикіяна былъ богъ Эсмунъ который соотвѣтствовалъ Греческому Эскулапіс. Далѣе, Гомеръ называетъ морскую богиню Ино Левкоеею, дочерью Кадма, не говоря впрочемъ кто былъ Кадмъ, и въ этомъ находятъ мнѣе, свойственный народу мореплавателей. Но сходство именъ чрезвычайно обманчиво; оно можетъ подкрѣплять другія доказательства, но само по себѣ ничего не значить, особливо если принять въ соображеніе, что въ языкъ, религій и обычаяхъ жителей Віотіи небыло ни какихъ слѣдовъ Азіатскаго происхожденія.

Мнѣніе, что Финикіяне владѣли всеми островами Эгейскаго Моря, и что они основали города Пронектъ на Пропондитѣ и Виѳиній на Эвксинскомъ Морѣ, имѣло столь же непрочныя основанія; но есть нѣкоторыя причины думать, что на островахъ Киперъ, у береговъ Лаконіи, и Фазосъ, близъ берега Фракійскаго, были ихъ колоніи. Впрочемъ, вообще нельзя предположить существованія важныхъ Финикійскихъ поселеній въ этой части Средиземнаго Моря.

Въ Италію Финикіянамъ не удалось проникнуть. О Сицилійскихъ ихъ колоніяхъ говоритъ только одинъ Фукидидъ; но надобно замѣтить, что Греческій Историкъ очень часто смѣшиваетъ ихъ съ Карѳагенцами, которымъ по всей вѣроятности обязаны происхожденіемъ своимъ здѣшнія колоніи. На пути въ Испанію Финикіяне, по мнѣнію Герена, заходили въ Сицилію и Сардинію; но послѣдняя лежитъ въ сторонѣ отъ ихъ дороги, потому что они посѣщали южную часть Испанскаго берега. Нельзя утвердительно сказать, имѣли ли они въ Сардиніи заведенія, или нѣтъ.

Но главнымъ театромъ Финикійской колонизаціи былъ сѣверный берегъ Африки. Странно, что плодородный округъ Киреней не обратилъ на себя ихъ вниманія; мѣсто, гдѣ они основали Карфагенъ, было столь же хорошо, но гораздо отдаленнѣе отъ метрополии. Очень можетъ-быть, что прежде поселеній своихъ въ Африкѣ, они уже торговали съ Испанією: какимъ образомъ узнали они о существованіи ея, это неизвѣстно. Достоверно только то, что они вели съ нею торгъ еще за 1000 лѣтъ до Р. Х. Мы совершенно раздѣляемъ мнѣніе Герена, который думаетъ, что «Тартесъ» Греческихъ писателей было имя неопредѣленное, подъ которымъ разумѣлись всѣ богатыя страны на западѣ, точно такъ какъ названіе «Офиръ» означало всѣ богатыя восточныя земли.

Было преданіе, что, когда Финикіянѣ въ первый разъ пришли въ Испанію, они нашли тамъ такое множество серебра, что всѣ домашнія утвари жителей были сдѣланы изъ этого металла, и что они не только нагрузили имъ суда свои, но даже, бросивъ всѣ свои орудія и самые якоря, сдѣлали вмѣсто ихъ другіе, серебряные. Они вскорѣ завели поселенія на островъ Гадесъ, въ Малагъ и другихъ мѣстахъ вдоль берега, и принялись разработывать серебряныя рудники. Какимъ образомъ производилась разработка, этого вопроса Геренъ не рѣшаетъ, но думаетъ, что Финикіянѣ вѣроятно покорили туземцевъ и заставили ихъ работать въ своихъ рудникахъ. Едва ли можно согласиться съ его мнѣніемъ: Иберійцы вовсе не ходили на жителей Перу и Мексики; они были народъ храбрый и очень привязанный къ своей независимости, а Финикіянѣ никогда не были завоевателями и даже не имѣли значительныхъ военныхъ силъ. Мы думаемъ, что Иберійцы сами занимались разработкою своихъ рудниковъ и что Финикійскія заведенія на этомъ берегу были сходны съ первыми факто-

рїями Европейцевъ на берегахъ Бенгальскомъ и Коромандельскомъ; они мѣняли здѣсь произведенія Востока и своихъ собственныхъ мануфактуръ на металлы, шерсть и плоды Испанїи.

Въ числѣ товаровъ, привозимыхъ Финикїянами съ запада, находились олово и янтарь: отсюда вывели заключеніе, что суда ихъ посѣщали Британскіе Острова и Пруссїю. Но олово могли они добывать и въ Испанїи; насчетъ втораго предположенія, правдоподобнѣе заключить, что они получали янтарь посредствомъ сухопутной торговли. Мы подробнѣе изслѣдуемъ этотъ вопросъ говоря объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Кароагенцами.

Неизвѣстно имѣли ли Финикїяне колонїи на западномъ берегу Африки. Разсказъ Геродота о путешествїи, которое они совершили вокругъ Африки на корабляхъ царя Египетскаго Нехо, возбудилъ жаркія пренїя между учеными. Мнѣніе Герена, Реннеля и Ларшѣ, которые ни мало не сомнѣваются въ истинѣ этого разсказа, намъ кажется самымъ вѣроятнымъ, но полнаго убѣжденія имѣть здѣсь невозможно. Главное возраженіе состоитъ въ краткости времени употребленнаго на путешествїе. Оно было совершено въ два года. Реннель очень хорошо доказалъ, что здѣсь нѣтъ ничего несбыточнаго: положимъ, что они вышли изъ Чернаго моря въ концѣ Октября или началѣ Ноября, въ слѣдующемъ Январѣ, они, при пособїи благопрїятныхъ вѣтровъ и теченій, легко могли достигнуть до южнаго тропика, слѣдовательно у нихъ оставалось довольно времени для обхода западнаго берега Африканскаго материка. Обстоятельство, что они останавливались для посѣва и уборки хлѣба, доказываетъ предварительное знаніе необыкновенно плодороднаго свойства земли въ этой жаркой полосѣ: иначе они не предприняли бы такого дѣла.

Безъ пособія священныхъ книгъ народа Іудейскаго

мы вовсе ничего не знали бы о торговлѣ Финикіянъ на Востокъ. Двадцать седьмая глава пророка Іезекіиля и нѣкоторыя другія мѣста Св. Писанія представляютъ намъ слѣдующія извѣстія объ этомъ предметѣ.

Жители Тира, который въ то время былъ главою Финикійской федераціи, имѣли подобно Карфагенцамъ и Италіянскимъ республикамъ среднихъ вѣковъ, на жаловань своемъ наемныя войска. Персы, Лидяне, Ливійцы, жители Финикійскаго острова Арада и еще какой-то народъ Гаммадимъ составляли гарнизонъ Тира. Пшеница, масло, медъ и бальзамъ получались изъ Іудей, которая брала взаменъ произведенія Тирскихъ фабрикъ; изъ Дамаска приходили, также въ обменъ за мануфактурныя издѣлія, вино Хелбонское (Алеппо) и превосходную шерсть, которою долго славилась эта часть Сиріи. Лѣсъ для постройки кораблей Тиряне получали изъ разныхъ мѣстъ: гора Хермонъ доставляла имъ кипарисъ и сосну, Бяшанъ, на востокъ отъ Іордана, — дубъ; горы Ливанскія снабжали ихъ верфи кедровыми деревьями.

Изъ Испаніи жители Тира, по словамъ пророковъ, вывозили серебро, желѣзо, олово и свинець; на Греческихъ островахъ они покупали или вымѣнивали родъ грубой парусины голубаго и пурпуроваго цвѣта, которая употреблялась для кораблей. Торговля съ Египтомъ была сухопутная. Финикіяне снабжали этотъ край виномъ, котораго тамъ не было, и получали взаменъ бумажныя и льняныя издѣлія, бытъ-можетъ также товары, привозимые туда караванами изъ внутренней Африки.

Главныя статьи, которыя приходили въ Тиръ изъ Аравіи, бывшей также складочнымъ мѣстомъ торговли съ Индіею, составляли желѣзныя издѣлія, пряности, слоновая кость, черное дерево, золото и драгоценныя камни. Эти товары привозились сухимъ путемъ къ берегамъ Средиземнаго Моря и тамъ обмѣ-

ивались на произведенія Финикійскихъ мануфактуръ и Испанское серебро. Караваны ходили двумя главными дорогами: одна вела къ Персидскому Заливу, другая къ южному берегу Емена, или Счастливой Аравіи. Этотъ караванный торгъ былъ источникомъ обогащенія для кочевыхъ народовъ, которые вели его, и объясняетъ причину могущества небольшого народа Филистимлянъ, и Едомитянъ, обладавшихъ странною отъ предѣловъ Іудеи до Чернаго Моря, на которомъ у нихъ были двѣ гавани.

Суда Финикіянъ ввроятно не ходили по Черному Морю, но нѣтъ почти ни какого сомнѣнія что они, чрезъ Персидскій Заливъ, вели непосредственную торговлю съ Индіею. Они имѣли заведенія на нѣкоторыхъ островахъ этого залива и даже назвали два острова Гиломъ, или Тиромъ, и Арадомъ. Тилъ изобиловалъ превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, и ввроятно Финикіяне поселились здѣсь по приглашенію Вавилонянъ, у которыхъ вовсе не было средства къ мореплаванію. Они построили суда, ходили въ Индійскомъ Океанѣ, и быть-можетъ получали жемчугъ прямо съ мыса Коморина, а корицу изъ Цейлона. Часть этихъ товаровъ шла по Эвфрату въ Вавилонъ, а оттуда въ Персію и Малую Азію; остальные отправлялись въ Финикію по описанной нами дорогѣ. Безъ сомнѣнія Финикія и Вавилонъ вели между собою дѣятельный торгъ, но у насъ нѣтъ на это никакихъ историческихъ доказательствъ. Очевидно, что караванная дорога проходила чрезъ Баальбекъ и Пальмиру.

На сѣверъ, Финикіяне торговали съ Іонійскими колоніями на берегахъ Чернаго Моря, съ Тибаренами и Мосхами, которые жили между Чернымъ Моремъ и Кавказскими Горами, и съ Арменіею. Отсюда получали они рабовъ, мѣдъ и знаменитыхъ Низскихъ лошадей, которыя въ древнемъ мірѣ считались лучшими.

Въ обмѣнъ за товары другихъ народовъ Финикія-

не давали свои собственныя, большею частію мануфактурныя издѣлія: узкій лоскутъ земли, который они занимали, былъ бѣденъ естественными произведеніями. Они снабжали стекломъ весь древній міръ, и Сидонъ въ этомъ отношеніи превосходилъ Венецію. Изъ Финикійскихъ фабрикъ выходило множество золотыхъ, серебряныхъ, янтарныхъ и другихъ украшеній, которыя продавались въ окрестныхъ странахъ. Пророкъ Исаія говоритъ о роскошныхъ уборахъ Израильскихъ женъ въ его время. Изъ Одиссеи видно, что суда Финикіянъ приходили въ Греческіе порты съ грузомъ женскихъ украшеній и мѣняли ихъ на предметы непосредственнаго потребленія, вѣроятно вино, масло и пшеницу. Надобно также полагать, что они перерабатывали у себя низкіе металлы, которые вывозили изъ другихъ земель. Но главною статьею ихъ мануфактурной промышленности были льняныя, бумажныя и шерстяныя ткани: они сообщали имъ превосходные цвѣта, употребляя для этого раковины, которыхъ было чрезвычайно много у береговъ ихъ. Тирскія ткани пользовались извѣстностью и были предметомъ обширнаго торга: ихъ требовали отсюда.

Возрастающее могущество и богатство Карфагена было вредно для его метрополіи, потому что торговля съ Испаніею перешла большею частію въ ея руки. Сверхъ-того думаютъ, что Финикіяне потерпѣли значительный ущербъ отъ Греческихъ колоній въ Малой Азіи, которыя также процвѣтали мануфактурною промышленностію, и вели прямой торгъ посредствомъ каравановъ съ Капсакомъ, на Эвфратъ, куда привозились товары изъ Вавилона и Индіи, вверхъ по теченію рѣки. Впрочемъ мы не думаемъ, чтобы ихъ торговля могла быть опасною соперницею Финикійской, потому что направленіе ея было болѣе къ сѣверу, она доходила до Монголіи и быть-можетъ проникала въ

Китай. Но Греческія заведенія въ Египтъ нанесли безспорно тяжкій ударъ Финикіянамъ, у которыхъ они отняли монополію торговли виномъ: вотъ, кажется, причина непріязни обнаруженной къ Грекамъ во время Персидскихъ войнъ. Замѣчательно, что писатели, сообщающіе намъ извѣстія о торговлѣ Аѳинъ и Коринѳа, не говорятъ о Финикіянахъ. Изъ Еврейскихъ пророковъ видно однако, что они торговали съ Іонійцами въ Азіи, и съ Пелопоннесомъ. Какъ бы то ни было, но совмѣстничество съ Карѳагеномъ не было главною причиною упадка Тира. Эти причины заключались въ политическихъ переворотахъ, измѣнившихъ бытъ народовъ западной Азіи. Запросъ на издѣлія Тирскихъ и Сидонскихъ мануфактуръ сталъ несравненно менѣе когда царство Іудейское и Израильское, Дамаскъ и другіе Сирійскіе города утратили свою независимость. Покореніе Персидскими монархами Вавилонскихъ областей и Египта имѣло враждебное вліяніе на торговлю Финикіянь, но совершенный и неотвратимый упадокъ ея начинается съ построенія Александріи, которая подорвала Финикійскіе города, точно такъ, какъ открытіе новаго пути въ Восточную Индію подорвало Багдадъ, Александрію и — Венецію, Тиръ среднихъ вѣковъ.

Отъ Тира и Сидона мы перейдемъ на западъ, и скажемъ нѣсколько словъ объ ихъ знаменитой колоніи, которой исторія служитъ дополненіемъ и поясненіемъ ихъ собственной.

Колоніи Финикіянь и Грековъ вовсе не походили на военныя колоніи Римлянъ: это были простыя купеческія факторіи на берегахъ или прибрежныхъ островахъ, представившихъ выгодное поприще для торговыхъ оборотовъ. Но основаніе Карѳагена приписываютъ другимъ причинамъ: онъ былъ основанъ Тирскими выходцами, которые бѣжали изъ отечества своего, въ то время преданнаго на произволъ прихотей

тирана. Преданіе объ Елиссѣ, или Дидонѣ, извѣстно всѣмъ. Изгнанники пристали къ берегу Африки близъ Тунеты и Утики, которыя тогда уже существовали: замѣчательно, что эти два города, изъ которыхъ одинъ лежитъ въ восьми, а другой въ одиннадцати верстахъ отъ Карфагена, сохранили свою независимость въ эпоху его валичайшаго могущества. Финикійскіе поселенцы построили здѣсь городъ, платили сперва дань туземцамъ, но когда силы ихъ окрепли, они покорили эти грубыя племена и распространили владѣнія свои на востокъ до предѣловъ Греческой колоніи Киренеи. По общему обычаю древнихъ народовъ, Карфагенъ сохранилъ формы правленія своей метрополіи, и вѣроятно имѣлъ царей; но впоследствии, неизвѣстно какъ и по какому случаю, эти формы исчезли и явились другія, республиканскія. Верховная власть была раздѣлена аристократіею и толпою, подчиненною первой, однако имѣвшею сильное вліяніе на ходъ дѣлъ. Исполнительная власть находилась въ рукахъ нѣсколькихъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, изъ которыхъ избирались всѣ важныя сановники, обязанные служить отечеству безъ платы. Въ случаѣ несогласія власти исполнительной и законодательной, дѣло рѣшалъ народъ.

О религіи Карфагенцевъ до насъ дошли самыя скудныя извѣстія. Они вынесли ее изъ Азіи, и, подобно другимъ племенамъ Арамейскаго корня, поклонялись небеснымъ свѣтиламъ и стихіямъ. Богослуженіе ихъ было мрачно и сопровождалось жестокими обрядами. Предъ изображеніями главнаго божества, Ваала, или Молоха, сожигали живыхъ младенцевъ знатнѣйшихъ семействъ, и родители не смѣли плакать, боясь оскорбить суроваго бога. Финикійскій Мелькартъ и Астартея имѣли также храмы въ Карфагенѣ; о прочихъ божествахъ мы почти ничего не знаемъ.

Первоначально всѣ владѣнія Карфагена заключа-

лись въ небольшомъ полуостровѣ, гдѣ онъ былъ построень, и за который платилъ ежегодную дань Ливійцамъ. Увеличившееся народонаселеніе юной республики дало ей средства освободиться отъ этой зависимости, и даже подчинить себѣ природныхъ жителей, которые занимствовали отъ нея искусство земледѣлія. Вскорѣ многочисленныя колоніи протянулись по всему этому краю: онъ освобождали главный городъ отъ избытка народонаселенія и въ то же время держали въ должной покорности туземныя племена. Впрочемъ Карфагенскія владѣнія въ Африкѣ никогда не превышали пространствомъ своимъ нынѣшней Португаліи. На востокъ они доходили до Сирта и предѣловъ Киреней; на югъ до озера Тритона и отраслей Атласа; на западъ граничили съ независимыми Нумидійскими царствами, которыя иногда были данниками, а иногда союзниками республики.

Должно думать, что Карфагенцы принимали очень дѣятельное участіе въ караванной торговлѣ, которая производилась отъ окрестностей Сирта съ внутренними частями Африки. Эта торговля доставляла имъ слоновую кость, золотой песокъ, и, быть-можетъ, рабовъ. Впрочемъ весьма вѣроятно, что первоначальная торговля Карфагена состояла въ обмѣнѣ Тирскихъ и тумъстныхъ мануфактурныхъ издѣлій на естественныя произведенія внутренней Африки, и что онъ началъ торговать черными невольниками съ Греціей и другими Европейскими краями уже около временъ Александра Великаго.

Торговля выгоды заставляла Карфагенцевъ обратить взоры на острова Средиземнаго Моря. Кажется, что они очень рано поселились на Балеарскихъ Островахъ, — Майоркѣ, Миноркѣ и Ивицѣ, которые богаты виномъ и превосходною шерстью, — главными статьями Финикійской торговли. Они также завели колоніи и понемногу утвердили власть свою въ пло-

дородной Сардиніи, а въ послѣдніе періоды своей исторіи имѣли повидимому нѣсколько неважныхъ заведеній и на берегахъ Корсики. Для достиженія господства надъ западною частію Средиземнаго Моря, Кароагенцамъ необходимо было овладѣть Сициліею, но здѣсь предстояла имъ трудная и опасная борьба съ Греками, которые гораздо прежде ихъ поселились на этомъ островѣ. Фукидидъ говоритъ, что въ числѣ народовъ, обитавшихъ въ Сициліи, были Финикіянне, но надобно замѣтить, что Греческіе писатели называютъ этимъ именемъ жителей собственной Финикіи и ея колоній, слѣдовательно нельзя сказать утвердительно о комъ здѣсь идетъ рѣчь. Такъ какъ въ Сициліи не видно ни какихъ слѣдовъ Финикійскихъ заведеній, а колоніи Кароагенцевъ, — Мотія, Панормъ и Солакисъ находились, по словамъ Фукидида, въ части острова ближайшей къ Кароагену, то очень можно заключить, что прежде всѣхъ здѣсь поселились Греки, и что Кароагенцы, которые покупали у нихъ масло, вино и прочія произведенія, рѣшились наконецъ имѣть свой собственный участокъ въ Сициліи и завели колоній въ западной сторонѣ ея. Мальта и другіе небольшіе сосѣдніе острова вѣроятно были рано заселены Финикіянами. Впослѣдствіи они всѣ перешли въ руки Кароагена. Мальта славилась превосходными льняными и шерстяными издѣліями; жители ея были богаты и промышленны.

Сообщенія Кароагена съ Испанію, Мексикою древняго міра, по всей вѣроятности начались довольно поздно: серебро не составляло важной статьи въ первоначальной торговлѣ съ Африканскими народами. Сообщенія эти постепенно увеличивались, но безъ сомнѣнія долго не были непосредственными; Испанскіе товары шли въ Кароагенъ изъ Гадеса и другихъ Финикійскихъ колоній. Мы уже изложили мнѣніе наше, что туземцы сами разрабатывали свои рудники и сбы-

вали ихъ произведенія иностраннымъ купцамъ. Когда могущество и богатство Карфагена поставили его выше его метрополи, онъ завелъ прямой и чрезвычайно обширный торгъ съ жителями Испаніи, находился съ ними въ самомъ тѣсномъ союзѣ, пользовался правомъ набирать у нихъ войска и долго не думалъ о завоеваніяхъ въ этой странѣ. Политика его измѣнилась не прежде какъ по окончаніи первой Пунической войны и послѣ потери Сициліи.

Торговля съ Галліею была очень незначительна: она составляла почти исключительную монополію Греческой колоніи Массиліи.

Историки и географы долго спорили о плаваніи судовъ Карфагенскихъ по Атлантическому Океану. Одни полагаютъ границами этого плаванія берега Британіи на сѣверъ и мысъ Боядоръ на югъ; другіе утверждаютъ, что Карфагенцы вели непосредственный торгъ съ берегами Балтійскаго Моря, что суда ихъ ходили къ устью Вислы и даже къ берегамъ Скандинавскаго полуострова, а на югъ посѣщали рѣку Гамбию и Гвинею. Нѣкоторые ученые думаютъ также, что они переплывали океанъ и ходили въ Америку. Мы оставимъ это послѣднее предположеніе въ сторонѣ и посвятимъ нѣсколько строкъ изслѣдованію ихъ открытій и плаваній по Атлантическому океану въ Европѣ и Африкѣ.

Плиніи и другіе писатели сообщаютъ намъ извѣстіе, что въ эпоху величайшаго могущества Карфагенской республики, два флота были отправлены для обозрѣнія береговъ Африки и Европы. Судами, которыя назначались для Африканской экспедиціи, начальствовалъ Ганнонъ. Онъ продолжалъ плаваніе свое къ югу до тѣхъ поръ, пока недостатокъ припасовъ не заставилъ его возвратиться. Описаніе совершеннаго имъ путешествія было переведено на Греческій языкъ, и этотъ переводъ, или быть-можетъ сокраще-

ніе его, дошли до насъ. Изъ него очень хорошо видно, что Ганнонъ шелъ вдоль западнаго берега къ югу; но вопросъ о томъ, гдѣ онъ остановился, едва ли когда-нибудь будетъ удовлетворительно разрѣшенъ. Госселенъ и нѣкоторые другіе думаютъ, что онъ прошелъ не далѣе мыса Боядора, но мнѣніе Реннеля кажется справедливѣе: онъ полагаетъ, что крайнимъ предѣломъ Ганнонова плаванія былъ Шербороскій Проливъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Геродотъ подробно описываетъ какъ Карфагенцы торговали съ однимъ народомъ, жившимъ на берегу Африки: точно такой способъ нѣмой торговли до сихъ поръ въ употребленіи у каравановъ, которые отправляются изъ Марокко въ Гвинею за золотымъ пескомъ и другими товарами.

Диодоръ Сицилійскій говоритъ, что Карфагенцы открыли отровъ Мадеру. Если они торговали къ югу отъ Гамбіи, то едва ли можно было имъ не знать Счастливыхъ, или Канарійскихъ, Острововъ: къ подтвержденію этой догадки служитъ обстоятельство, что одинъ изъ острововъ называется Юноніею, — это очевидно переводъ Пуническаго слова, которое происходитъ отъ племени Астарты, часто смѣшиваемой съ Юноною.

Путешествіе Гимилькона вдоль Европейскаго берега еще темнѣе и сбивчивѣе нежели Ганноново. Описание его, исполненное грубыхъ ошибокъ и нелѣпостей, находится въ географической поэмѣ Феста-Авіена. Онъ рассказываетъ, что Гимильконъ пройдя Атлантическій Заливъ, — полагаютъ что это заливъ, который лежитъ между мысами С. Винцентомъ и Трафальгаромъ, — пришелъ къ мысу Эстримону, вѣроятно Финистерре, подъ которымъ находился небольшой заливъ того же имени съ островами, богатыми свинцемъ и оловомъ: на островахъ этихъ жилъ отважный, промыш-

лешый и торговый народъ. Отсюда отстоялъ на два дня пути Свѣтой Островъ, гдѣ обитали Гибернійцы; Альбионъ былъ также не далеко. Жители Гартесса, Кароагена и его коленій посѣщали Эстримнійскіе Острова и вели съ ними торговлю. Дальше оказано, что Гимильконъ употребилъ четыре мѣсяца на плаваніе къ этимъ островамъ, но причинъ слабыхъ вѣтровъ, множества морскихъ травъ, которыя замедляли ходъ кораблей, мелководія и морскихъ чудовищъ. Плаваніе на западъ, по словамъ Гимилькона, невозможно, потому что тамъ океанъ покрытъ глубокою тмою и нѣтъ вовсе вѣтра. Вообще думаютъ, что Эстримнійскіе острова суть то же, что Касситериды, или Оловяные Острова, древнихъ. Странно однако, что тамъ до сихъ поръ не нашли ни свинца, ни олова, ни даже слѣдовъ прежнихъ рудъ. Трудно согласить отчетъ Кароагенскаго мореплавателя съ дѣйствительностью. Какъ бы то ни было, но мы очень можемъ допустить, что Кароагенскіе купцы посѣщали берегъ Британіи, хотя и не ходили дальше на сѣверъ. Янтарь привозился къ Средиземному Морю, по всей вѣроятности, черезъ Галлію, куда его доставляли сухимъ путемъ Германцы. Можетъ-быть онъ шелъ туда моремъ; искусство мореплаванія могло и въ то время находиться на высокой степени у жителей Скандинавіи. Норманны вѣрно не у Римлянъ учились судоходству: они усовершенствовали его сами. Доказательствомъ служить особенная постройка ихъ кораблей.

Изъ сказаннаго нами видно, что въ эпоху своего высшаго благосостоянія Кароагенъ торговалъ, — къ сѣверу, посредственно съ Британіею и черезъ другихъ съ берегами Балтійскаго Моря; къ югу, онъ велъ морской торгъ съ странами до Гамбіи, и караванный со внутреннею Африкою; къ востоку его торговля охватывала все Средиземное Море, и черезъ посредство Тира переносила на западъ драгоценности Ин-

состоянии овладеть большою частию сѣверной Африки. Однимъ словомъ, поставьте Калькутту на мѣсто Карфагена, и вы будете имѣть передъ глазами полный процессъ превращенія купеческой факторіи въ столицу имперіи.

Нельзя порицать политику Карфагенцевъ за то, что она стремилась къ пріобрѣтенію провинцій въ Африкѣ; владычество ихъ вѣроятно было очень полезно для народовъ, которые подъ нимъ просвѣщались и улучшались. Но Карфагенцамъ должно было ограничиться этими провинціями; имъ не было ни какой необходимости въ покореніи острововъ Средиземнаго Моря; въ особенности имъ следовало бы воздержаться отъ покушеній на Сицилію, которая сдѣлалась причиною ихъ гибели, хотя имъ неоднократно удавалось овладѣть этимъ прекраснымъ островомъ. Геренъ думаетъ, что войны Карфагенцевъ въ Сициліи были слѣдствіемъ умной политики, и что, если бы они оставались спокойными зрителями распространенія власти Сиракузскихъ владыкъ надъ цѣлымъ островомъ, ихъ собственная торговля и вліяніе на Средиземномъ Морѣ были бы совершенно уничтожены. Мы не разделяемъ этого мнѣнія: жители Сициліи, кому бы они ни повиновались, были бы весьма довольны возможностью имѣть у себя рынокъ для сбыта естественныхъ произведеній своей земли; и они не могли найти покупателей лучше Карфагенцевъ. Прибавьте, что по природному, непостоянству характера Грековъ, которое нигдѣ не обнаруживалось съ такою силою какъ въ Сициліи, они не могли утвердить надъ нею владычества, безопаснаго для политической самобытности Карфагена. Сицилійскія войны, кромѣ своихъ ближайшихъ бѣдствій, наконецъ привели ее въ враждебное соприкосновеніе съ грознымъ народомъ, которому суждено было сдѣлаться владкою міра. Въ самомъ дѣлѣ, принимая въ соображеніе

устройство Рима и тогдашнее состояніе остальной части міра, нельзя не допустить, что рано или поздно Карфагенъ, подобно прочимъ государствамъ, долженъ былъ подвергнуться игу, хотя осторожная политика и могла нѣсколько времени отказывать въ предлогъ къ войнѣ жадному властолюбію Италіанской республики.

Карфагенъ велъ свои войны деньгами, какъ нынѣшняя Англія; но собственные его граждане были слишкомъ малочисленны для того, чтобы набрать изъ нихъ армию. Онъ содержалъ наемныхъ воиновъ въ Африкѣ, Испаніи, Галліи и на островахъ; эти воины не имѣли и не могли имѣть ни какого патріотизма; они бунтовали, когда жалованье было выдаваемо имъ не исправно, и Карфагенцы съ своей стороны расточали ихъ кровь съ самою безотчетною щедростью. Огромныя издержки, которыхъ требовала война заставляли Карфагенскую республику обременять налогами своихъ Африканскихъ подданныхъ: туземцы должны были платить правительству половину произведеній своихъ земель. Отъ этого они ее не любили, попеременно покорялись и переходили на сторону непріятелей, и иногда возмущались. Далѣе, — многочисленная Нумидійская конница, которая служила въ ея войскахъ, пріобрѣла навѣкъ къ войнѣ и устройству, и могущество Нумидійскихъ государей сдѣлалось для нея опаснымъ: она испытала это въ своихъ послѣднихъ войнахъ съ Римлянами. Были еще другія вредныя обстоятельства; полководцы республики, которые всегда были Карфагенцы знатныхъ семей, — благоразуміе не позволяло ей употреблять кондотьеровъ, — пріобрѣли, отъ продолжительнаго начальства надъ войсками, такой вѣсъ и такое вліяніе на правленіе, что необходимо должны были сдѣлаться деспотами; факціи возникли въ самомъ городѣ: слово «факціи» ясно доказываетъ, что погибель Карфа-

гена была неизбежна. Безполезно говорить о совершенно отличномъ состояніи Рима въ эпоху борьбы двухъ враждебныхъ республикъ: оно извѣстно. Замѣтитъ только, что Римъ извлекалъ все свои средства изъ самого себя; что его воины были граждане; что внутренніе раздоры уже кончились; что факціи еще не начинались: какъ же могла эта борьба имѣть другую развязку?

Вотъ полное, — сколько позволяютъ наши предѣлы, — обзорнѣе торговли и устройства двухъ величайшихъ торговыхъ государствъ древняго міра. Двѣ тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они исключены изъ списка народовъ. Тиръ, котораго «куницы были пармы,» представляетъ теперь, согласно съ словами пророка, мѣсто, гдѣ рыбакъ разстилаетъ сѣти свои; а Карфагенъ, нѣкогда равный народонаселеніемъ Парижу, —

Giace l'alta Cartago; appena i segni
Dell' alte sue ruine il lido serba:
Muojono le città, muojono i regni,
Cobre i fasti e le pompe arena ed erba.

Мы знаемъ, что все это очень мало относится къ сочиненію Герена, и еще менѣе къ книгѣ Г. Погодина; тѣмъ менѣе, что въ его книгѣ, которой мы имѣемъ только первую часть, нѣтъ даже рѣчи о судьбахъ Карфагена. Но, какъ мы сказали въ началѣ статьи, Финикіянне составляютъ важнѣйшій предметъ этой части, а исторію Финикій надобно изучать въ ея колоніяхъ. Впрочемъ Г. Погодинъ будетъ говорить о Карфагенцахъ во второй части, и мы не видимъ ни какого вреда въ благовременномъ обзорѣ того, что будетъ въ ней наиболее замѣчательнаго. Когда выйдетъ вторая часть, мы ничего не скажемъ о Карфагенцахъ, а будемъ говорить о Персахъ и Грекахъ.

Сочиненіе Герена мы только присоединили здѣсь къ трудамъ другихъ писателей, занимавшихся изслѣ-

дованіемъ этого предмета. Оно въ числѣ ихъ не самое глубоко-ученое, но безъ-сомнѣнія самое ясное и пріятное. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ знаменитому творенію Герена не доставало основательной учености: свѣтлость изложенія не можетъ служить доказательствомъ недостатка обширной эрудиціи, такъ же какъ мутность слога не доказательство ся присутствія. Хотя совершенно ясный и удобопонятный, этотъ Нѣмецкій писатель весьма искусенъ въ открытіи отдѣленныхъ причинъ, связи и слѣдствій событій, и Русскіе читатели, которымъ его «Идеи» не доступны въ подлинникѣ, будутъ весьма благодарны Г. Погдину за сообщеніе имъ содержанія Гереновыхъ понятій о политикѣ, торговли и связи древнихъ народовъ посредствомъ этихъ «Лекцій», но нельзя утаить того, что одною изъ главныхъ причинъ необычайной громкости творенія Герена была именно эта ясность: ученость въ Германіи такъ запутана и мрачна, что человекъ, который написалъ книгу свѣтлымъ и понятнымъ слогомъ, сдѣлался оракуломъ и затмилъ ею изысканія, несравненно болѣе ученныя и глубокомысленныя.

«Лекціи профессора Погодина по Герену» суть не переводъ ея, но сокращеніе. Г. Погдинъ удерживаетъ порядокъ, въ какомъ расположены статьи подлинника, слѣдуетъ за своимъ авторомъ шагъ за шагомъ, и не выпускаетъ изъ виду ничего полезнаго и важнаго. Въ его «Лекціяхъ» содержится то же, что въ книгѣ Герена: факты остались; выпущены только разсужденія и развитія предмета, которыя почтенный профессоръ вѣроятно дополняетъ своимъ слушателямъ словесно. Послѣ предварительныхъ замчаній о происхожденіи обществъ, о различныхъ видахъ ихъ существованія, религіи, законодательствъ, торговлѣ, и о народахъ древняго міра въ эпоху Перскаго владычества, которую Геренъ избралъ средоточіемъ сво-

его изслѣдованія, Г. Погодинъ переходитъ къ описанію отдѣльнаго быта каждаго государства. Чтобы судить, какъ слѣдуетъ, объ этомъ трудѣ, который приспособленъ имъ къ формамъ учебнаго руководства, надобно вмѣстѣ читать книгу и слушать его лекціи въ университетской аудиторіи. Не имѣя удовольствія пользоваться этимъ преимуществомъ, мы не придумали ничего лучше, какъ прочесть здѣсь нашимъ читателямъ свою лекцію о Финикіянцахъ и Карфагенцахъ.

Мы еще должны присовокупить, что Г. Погодинъ, предполагаетъ издать такимъ же образомъ сокращенія Крейцеровой Символики, Нибуровой Римской Исторіи и великаго творенія Габбона.

=

Свигригайло, великій князь Литовскій, сочиненіе Августа Коцебу. Санктпетербургъ. 1835.

Кто бы подумаль, что намъ прійдется говорить въ одно время о двухъ столь примѣчательныхъ явленіяхъ, двухъ погасшихъ славахъ, двухъ ѣ некогда громкихъ, нынче забытыхъ именахъ, — великомъ княжествѣ Литовскомъ и великомъ комикѣ Коцебу? — потому что это новое сочиненіе о Литвѣ, съ числомъ 1835 года, принадлежитъ тому же самому знаменитому писателю, который долго имѣлъ привилегію на смѣхъ и слезы всей Европы. И Коцебу и Литва равноѣрно вели на свѣтъ жизнь странную, причудливую, полную ошибокъ и романическихъ приключеній; и Коцебу и Литва долго внушали страхъ своимъ сосѣдямъ, одинъ своими критиками, другая своими грабительствами; и Литва и Коцебу сами убили свою славу, оба имѣли судей пристрастныхъ и оба требуютъ нынче великодушной защиты, — Литва противъ Исторіи, Коцебу противъ Нѣмецкой словесности. Случаю было угодно соединить эти два несчастныя имени, эти двѣ дивныя жизни, Литву и Коцебу, въ одну книгу грубой, топорной работы, быть можетъ для того, чтобы кто-нибудь защитилъ ихъ вмѣстѣ отъ самыхъ жестокихъ враговъ всякой славы, — людей, которые пишутъ толстыя книги, не вникнувъ въ дѣло.

Странно, что человекъ, — мы начинаемъ съ Коцебу, — что человекъ, который еще такъ недавно составлялъ Петербургъ смѣяться и плакать на двухъ языкахъ; котораго пьесы недавно составляли почти весь Русскій репертуаръ; который имѣлъ такое вліяніе на умы современниковъ, игралъ замѣчательную роль въ политической драмѣ нынѣшняго столѣтія, и усердно служилъ Россіи, — что этотъ человекъ испы-

талъ ту же судьбу на берегахъ Невы, какъ и въ Германіи, гдѣ оскорбленное народное самолюбіе, изъ одного мщенія, караетъ его память умышленнымъ забвеніемъ. Тѣ даже, которые разстроили себѣ нервы при представленіяхъ «Ненависти къ людямъ и раскаянія», не могутъ хорошо вспомнить, кто такой былъ этотъ Коцебу, и почему столько говорили объ немъ лѣтъ двадцать тому назадъ.

Августъ Фридрихъ Фердинандъ Коцебу родился въ Веймарѣ 3 мая 1761 года. Онъ рано обнаружилъ рѣдкія способности, которыми надѣлила его природа, и на шестомъ году отъ рожденія уже писалъ стихи. По окончаніи курса наукъ въ Веймарской гимназій, онъ перешелъ въ Іенскій университетъ, гдѣ занимался вмѣстѣ правовѣдѣніемъ и драматическимъ искусствомъ. Въ это время онъ написалъ нѣсколько небольшихъ пьесъ, и самъ игралъ въ нихъ на Театрѣ Любителей. Въ произведеніяхъ его молодости нѣтъ ничего оригинальнѣшаго: это подражанія тогдашнимъ Нѣмецкимъ писателямъ, Гёте, Виланду, Гермесу и другимъ. Въ 1781 году, Коцебу отправился въ Петербургъ, куда вызвалъ его Прусскій посланникъ, графъ Гёрцъ. Здѣсь онъ получилъ мѣсто секретаря при директорѣ Нѣмецкаго театра, генералѣ Баурѣ. Въ этой должности онъ провелъ два года, до смерти Баура, который, умирая, просилъ объ немъ Императрицу Екатерину. Въ 1783 году, Коцебу былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, и назначенъ ассесоромъ въ Ревельскій апелляціонный судъ, а черезъ два года получилъ мѣсто председателя Эстляндскаго магистрата и члѣна коллежскаго ассесора. Здѣсь-то, во время своего пребыванія въ Ревелѣ, окруженный дѣловыми бумагами, разбирая мѣлкіе споры лавочниковъ и портныхъ, онъ написалъ лучшія свои творенія, которыя доставили ему блистательную извѣстность въ цѣлой Германіи. Нѣмцы унижаютъ его теперь, по личной къ

нему ненависти; презрѣніе къ его таланту составляетъ постоянный лозунгъ курсовъ Словесности, вышедшихъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ; но, сказать между нами и не въ обиду природному остроумію Германцевъ, они не имѣли, не имѣютъ и не будутъ имѣть лучшаго комическаго писателя. Песль Шекспира и Молліера, не было въ Европѣ комика, примѣчательнѣе Коцебу, котораго мы ставимъ гораздо выше Мариво и Гольдони. Чистый, добродушный комизмъ есть явленіе чрезвычайно рѣдкое: Щериденъ, Бомаршѣ и Скрибъ владѣютъ ѣдкою эпиграммою, и ихъ веселость изливается изъ ума, а не изъ сердца. Чтобы безпристрастно судить о Коцебу, надобно сперва различить остроуміе отъ настоящаго театральнаго комизма, который въ Коцебу сливается еще съ рѣдкимъ и пріятнымъ достоинствомъ,—искреннею чувствительностью и тихою меланхоліею, позволяющею ему обозрѣвать челоуѣка не съ одной только смѣшной стороны. Озлобленіе новаго поколѣнія Германцевъ противъ этого необыкновеннаго писателя проистекаетъ изъ совершенно политическихъ источниковъ: въ своихъ брошюрахъ онъ не щадилъ ихъ тщеславія, нападалъ на ихъ любимую мечту о «Германскомъ отечествѣ», позволялъ себѣ называть ихъ «толпою дикихъ сумасбродовъ», а глубоководныхъ профессоровъ «безтолковыми педантами». Всѣ они взбѣсались противъ него.

Et pour pareille bagatelle
 Ils se seraient fâchés vraiment?
 C'est bien là ce qu'on appelle
 Une querelle d'Allemand!

Но когда нынѣшнія политическія страсти утихнутъ, когда время и опытъ образумятъ Германцевъ, они отдадутъ справедливость своему единому комику. Между-тѣмъ возвратимся къ его жизни. Разстроенное здорье заставило его предпринять, въ 1790 году, поездку къ Пирмонтскимъ минеральнымъ водамъ, гдѣ

*

онъ издалъ, подъ именемъ Книгге, знаменитое свое сочиненіе «Докторъ Бартъ съ желѣзнымъ лбомъ», которое много повредило ему въ общемъ мнѣніи. Изъ Пирмонта ѣздилъ онъ въ Парижъ и въ Майнцъ; потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ помѣстьѣ, купленномъ въ пятидесяти верстахъ отъ Нарвы. Пребываніе его здѣсь было непродолжительное: онъ былъ вызванъ въ Вѣну для занятія должности драматурга при императорскомъ театрѣ. Коцебу провель въ Вѣнѣ только два года. Разныя непріятности принудили его оставить этотъ городъ; вмѣстѣ съ отставкою онъ получилъ отъ Австрійскаго правительства тысячу гульденовъ пенсіона. Посѣтивъ своихъ родственниковъ въ Веймарѣ, онъ отправился оттуда въ Россію, гдѣ его сыновья воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ; но въ апрѣль 1800 года, при самомъ переездѣ его черезъ Русскую границу, былъ арестованъ и посланъ въ Сибирь. Однако жъ пребываніе его въ Азій не было продолжительно, и милость Царская скоро осчастливила изгнанника. Молодой литераторъ, Краснопольскій, перевелъ одну изъ его драмъ, и удостоился счастья поднести свой переводъ блаженной памяти Императору Павлу I, который былъ такъ доволенъ содержаніемъ пьесы, что повелѣлъ тотчасъ возвратить автора изъ ссылки, пожаловалъ ему прекрасное имѣніе въ Ляндіи и назначилъ его директоромъ Нѣмецкаго театра въ Петербургѣ. Коцебу подробно и очень занимательно описалъ этотъ періодъ своей жизни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, переведенномъ на Русскій языкъ подъ названіемъ «Достопримѣчательнѣйшій годъ моей жизни».

При вступленіи на престолъ Императора Александра I, Коцебу снова оставилъ службу и уѣхалъ въ Веймаръ. Ссора его съ Гёте до такой степени его разсердила, что онъ переселился

въ Берлинъ и вмѣстѣ съ Меркелемъ началъ издавать журналъ, «Прямодушный», *der Freymütige*, въ которомъ съ жаромъ нападалъ на великаго поэта и на тогдашнихъ спутниковъ этого свѣтила Германской словесности, братьевъ Шлегелей. За нихъ вступился Шпациръ, издатель *Zeitung für die elegante Welt*. Жестокая и не всегда благопристойная полемика между двумя журналами чрезвычайно занимала Нѣмецкую публику. Утомленный этою войною, въ которой его слава много потерпѣла, онъ предпринялъ въ 1803 и 1804 годахъ путешествіе по Италіи и Франціи, и по возвращеніи въ Пруссію посвящалъ себя мирнѣйшимъ занятіямъ, тому, что Нѣмцы называютъ *tranquille Sachen*, — старымъ, забытымъ бумагамъ и сочиненію исторіи этого государства. Онъ получилъ отъ правительства позволеніе пользоваться документами, которые хранятся въ тайномъ Кенигсбергскомъ архивѣ. «Исторія древней Пруссіи» подала его врагамъ прекрасный поводъ къ новымъ и жестокимъ нападкамъ на его дарованіе: она служитъ явнымъ доказательствомъ, что авторъ вовсе не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для выполненія подобнаго труда. При всемъ томъ, книга его замѣчательна повесѣю важнымъ и новымъ матеріяламъ, которые въ ней содержатся. То же самое можно сказать обо всѣхъ историческихъ сочиненіяхъ Коцебу. Въ 1806 году, когда бѣдственное для Пруссіи сраженіе предало во власть Наполеона участь монархіи Фридриха Великаго, Коцебу удался въ Россію. Изъ этого убѣжища, гдѣ его не могла настигнуть месть грознаго завоевателя Европы, онъ посылалъ въ Германію политическія статьи, наполненныя воззваніями къ патриотизму Нѣмецкаго народа и ѣдкими выходками противъ Французовъ. Публика съ жадностью принимала эти смѣлыя обнаруженія общенароднаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что они были предметомъ особенныхъ преслѣдованій

Французской полиціи. Онъ сильно приготовилъ умы къ торжественному взрыву общаго негодованія, которое выразилось возстаніемъ 1813 года и способствовало возстановленію независимости Германіи. Нынѣшніе поносители его должны были бы помнить это. Имя Коцебу стояло тогда въ числѣ первыхъ и любимѣйшихъ именъ Нѣмецкой литературы. Въ 1813 году онъ находился, въ чинѣ статскаго совѣтника, при главной квартирѣ Русской арміи и издавалъ нѣсколько времени политической журналъ въ томъ же духѣ.

По окончаніи кампаніи, онъ получилъ мѣсто Русскаго генеральнаго консула въ Кенигсбергѣ, а въ 1817 году, Императоръ Александръ назначилъ ему пятнадцать тысячъ рублей жалованья, и возложилъ на него особенныя порученія. Коцебу не долго исправлялъ эту должность. Его политической образъ мыслей, его сильное негодованіе на тогдашній духъ Нѣмецкихъ университетовъ, его колкія насмѣшки надъ энтузіастами, мечтавшими несбыточное единство Германіи, навлекли на него ту вражду всего ученаго сословія, о которой уже мы сказали: остервенѣніе противъ него вспыхнуло въ особенности между молодымъ поколѣніемъ, управляемымъ изступленными докторами Правъ и Философіи, и оно провозгласило его отступникомъ и предателемъ отечества. Подробности трагической смерти Коцебу и имя фанатика, который измѣннически убилъ его, безъ-сомнѣнія памятны еще всѣмъ нашимъ читателямъ. Коцебу погибъ въ Мангеймѣ, 23 марта, 1819 года; онъ былъ три раза женатъ, и оставилъ тринадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ многіе служатъ уже съ отличіемъ гостепріимной Россіи, новому отечеству ихъ знаменитаго родителя. Последнюю обиду его памяти суждено было нанести одной Французской женщинѣ, которая о-

сквернила славу своего блестящаго дарованія столько же усвоеніемъ себѣ кроваваго имени его убійцы, сколько безстыдными правилами своихъ романовъ.

Во время послѣдняго пребыванія въ Кенигсбергъ, Коцебу занялся снова Исторіею, и въ этотъ разъ предметомъ его изслѣдованій была древность Литовская, для которой тайный архивъ города представляетъ богатые и совсѣмъ неизвѣстные матеріалы. Изданное теперь описаніе жизни великаго князя Свитригайла составлено по актамъ этого архива. Бумаги были открыты и собраны архивариусомъ докторомъ Генингомъ, который предполагалъ издать ихъ отдѣльно, но смерть не позволила ему исполнить намѣренія. Коцебу воспользовался приготовленными матеріалами, и сочинилъ по нимъ книгу, которую мы здѣсь займемъ. Она была послана, до напечатанія, покойному государственному канцлеру графу Н. П. Румянцову, и теперь это сочиненіе является въ Русскомъ переводѣ, сдѣланномъ по неизданной рукописи автора.

Перейдемъ къ Литвѣ. Мы всегда позволяли себѣ думать, что многіе историки и Россійскаго государства и Русскаго народа, въ отношеніи къ Литвѣ не ясно понимали исторію и того и другаго. Эта посылка заставляетъ насъ изложить тотчасъ наши идеи о общемъ положеніи и политикѣ Сѣвера до истеченія XV столѣтія.

Какъ со стороны понятія о государствѣ такъ и въ отношеніи къ народу, до половины этого вѣка были на свѣтъ два Россійскія государства и два Русскіе народа, — Россія и Литва, то есть, Россія поработенная и Россія независимая, Русь Монгольская и Русь Литовская, государство Русское христіанское и государство Русское языческое, которыхъ политическое раздѣленіе началось со времени введенія Вѣры Христовой въ Кіевъ и Новъгородъ, рѣшилось при втор-

женіи Монголовъ въ Москву, приняло новый характеръ при добровольномъ соединеніи Литвы, или Россіи независимой, съ Польшею, и прекратилось окончательнымъ сліяніемъ Литвы съ новою Россійскою имперіею, послѣ тысячи лѣтъ раздѣла и ссоры, отъ Владиміра Великаго до Екатерины II. Если бъ мы писали исторію Русскаго народа, мы конечно приняли бъ эти четыре важные переворота въ его судьбѣ за основныя эпохи нашего труда, потому что только въ такомъ видѣ можно понимать исторически—Русскій народъ: съ отдѣленіемъ исторіи Литвы отъ исторіи собственной Россіи, Русскій народъ исчезаетъ изъ виду логически, и для писателя остается только исторія правленія восточнаго союза Русскихъ княжествъ, государственная исторія Россіи, такая, какою весьма основательно понималъ Карамзинъ. Мѣсто и время не позволяютъ намъ входить въ подробныя доказательства той исторической истины, что Литва до соединенія своего съ Польшею была та же Россія, только подъ другою династіей: мы укажемъ на главныя черты факта.

Народонаселеніе обоихъ государствъ было одноплеменное, и принадлежало къ одной и той же отрасли Славянскаго народа. Ненадобно основываться на томъ, что былъ особый народъ, который говорилъ другимъ языкомъ и назывался *Литува*, и отъ котораго произошло имя цѣлаго государства, Литвы: этотъ народъ составлялъ незначашее поколѣніе, каплю воды въ морѣ; онъ занималъ не болѣе пяти или шести нынѣшнихъ уѣздовъ, и не былъ господствующимъ; онъ игралъ простую роль одной изъ пятидесяти провинцій, равно подвластныхъ общей династіи; онъ находился даже въ униженіи: языкъ его исключенъ былъ изъ области правительства и законовъ, столица государства была построена не на его землѣ, а на землѣ Славянской; его древняя вѣра была оставлена самими повелителями, которые подъ конецъ исповѣды-

вали уже религію огромнаго большинства своихъ Славянскихъ подданныхъ: нынче многіе не сомнѣваются, что Ягайло, крещенный католическою Польшею какъ язычникъ, съ молодости былъ Греко-Россійской вѣры. Собственная «Литва» была въ этомъ составѣ простымъ иноплеменнымъ поколѣніемъ, и значеніе его въ немъ было не политическое, но религіозное: объ этомъ мы скажемъ далѣе. Такихъ иноплеменныхъ поколѣній и въ Россіи было нѣсколько, и между-тѣмъ они не измѣняли ея характера Славянскаго государства.

Что жъ такое было это Славянское населеніе, общее Россіи и Литвѣ, составлявшее и здѣсь и тамъ основную стихію народнаго быта? То была Русь, часть Русскаго народа, отторгшаяся отъ общей его массы, сплоченной Норманскою династіей Рурика и разожившейся вдругъ на два политическія начала, когда на нее упала горячая капля Вѣры Спасителя. Эта часть Русскаго народа и сама себя называла Русью, между тѣмъ какъ она употребляла новое названіе, Литвы. Да и само иноплеменное поколѣніе «Литува» было нѣкоторое время Русскимъ и входило въ составъ имперіи наслѣдниковъ Рурика.

Норманны сообщили покореннымъ Славянамъ новое народное названіе Руси, или Россіи; иноземная династія Литовскихъ *кунингасовъ* (*konung, könig*), тоже Германскаго происхожденія, дала вѣроятно подобнымъ образомъ новое имя Литвы обломку Прусскаго народа, открытому ею на правомъ берегу Нѣмана, и потомъ распространила это имя на огромную часть прежней Руси. Остается еще рѣшить, не происходятъ ли Литовскіе великіе князья, или *кунингасы*, отъ рода первыхъ покорителей страны, то есть, изъ дома Рурика. Мы склонимся къ этому предположенію, которое имѣетъ для насъ большіе признаки вѣроятности: Руссы нигдѣ не оставляли природныхъ князей и истребляли ихъ, гдѣ и какъ могли, чтобъ сажать своихъ.

Но откуда бы ни происходила династія кунингасовъ, ихъ владѣніе было незначительно и слабо до времени христіанства въ Кіевѣ. Могущество и смѣлость ихъ начинается только съ этой эпохи, и они легко объясняются самымъ существомъ дѣла. Центръ языческихъ вѣрованій Славянскаго сѣвера былъ въ Литвѣ, и, позвольте сказать вамъ, — Славянская мифологія, о которой мы читаемъ прекрасныя разсужденія въ исторіяхъ Русскаго государства и народа, была не Славянская, но Литовская: это доказывается и названіями большей части божествъ. Верховный жрецъ этой вѣры имѣлъ свое пребываніе въ лѣсахъ нынѣшней Самогитіи, которая была нѣчто въ родѣ Далай-ламскаго Тибета и подобно ему носила имя «Святой Земли», удержанное и понынь, — новый и важный поводъ не отдѣлять исторіи Литвы отъ Русской. Доколѣ языческая вѣра господствовала въ государствѣ Руссовъ, вліяніе Литвы на Славянъ могло быть только духовное, и оно естественнымъ образомъ подчинялось политическимъ обстоятельствамъ. Но какъ скоро предсталъ Сѣверу религіозный вопросъ, отношеніе Литвы къ Кіеву должно было перемѣниться. Литва сдѣлалась вдругъ представительницею вѣры предковъ и всего священнаго для языческихъ племенъ, которыхъ склонность къ новой вѣрѣ, конечно, была въ обратномъ содержаніи разстоянія ихъ отъ Кіева, и прекращалась тамъ, гдѣ власть Владимірова дома не была поддерживаема достаточною силою. Славянскія поколѣнія, которыя не хотѣли принять Евангелія, приникли къ своему языческому Ватикану. Области, ближайшія къ Литвѣ, слились съ нею для защиты общаго дѣла, и уже при первыхъ потомкахъ Владиміра, вражда этой новой языческой Россіи съ новой Россіею христіанской проявляется на границахъ, довольно близкихъ къ Кіеву. Вопросъ религіозный вскорѣ соединился съ политическимъ: предво-

дители языческой Россіи приняли званіе великихъ князей, какъ-бы въ опроверженіе титула предводителей той Россіи, которая отреклась отъ вѣры предковъ, и, подъ именемъ Литвы, явилось государство, составленное изъ однихъ и тѣхъ же началъ съ нею, но различное вѣроу и направленіемъ. Съ того времени великіе князья Литовскіе, постоянно стремились занять первое мѣсто въ союзъ Русскихъ князей, и когда религіозный патріотизмъ новаго государства по-необходимости измѣнился отъ пріобрѣтенія множества христіанскихъ областей, они приняли самивѣру своихъ соперниковъ и уже другимъ путемъ старались достигнуть той же цѣли, — обладапія перствующимъ престоломъ Русскаго народа и соединенія всей Россіи подъ своимъ скипетромъ. Они носили званіе «князей Русскихъ» еще до покоренія себѣ титула «великихъ князей Кіевскихъ», главнаго предмета ихъ честолюбія, потому что въ немъ заключалась для нихъ древняя идея торжества язычества надъ первою метрополіей христіанскихъ мнѣній.

Начатое религіею въ XI вѣкѣ, получило въ началѣ XIII новую степень развитія и силы отъ нечаяннаго событія, которое сдѣлалось основаніемъ одной изъ огромнѣйшихъ политическихъ системъ въ Исторіи. Настоящій переходъ Литвы отъ религіозной оппозиціи къ обширнымъ видамъ преобладанія и величія въ общемъ Русскомъ отечествѣ начинается съ этой эпохи.

Мелкія волненія кочевыхъ племенъ въ степяхъ Байкала и Хуху-нора поколебали всю Азію и всю восточную часть Европы. Необыкновенный человекъ, вдругъ возставшій изъ этой ссоры улусовъ, Чингисъ-Ханъ, двинулъ созданный имъ народъ на поприще завоеваній, которыхъ пожаръ быстро охватилъ Азію и Россію, и проникъ до самаго сердца Европы. Для удержанія покоренныхъ областей на западъ, часть его подвижной имперіи, со стадами и со всей своей сви-

рѣпостью, прибѣжала отъ подошвы Алтая на берега Волги расположиться станомъ среди побѣжденныхъ. Неспособные управлять сами, Монголы оставили, правда, Русскимъ княжествамъ наружныя формы національнаго правительства, но ихъ желѣзная рука тяжело пала на тѣхъ, которые, цѣною униженій и позора, должны были покупать у нихъ печальное право распорядиться въ своей землѣ по-Татарски. Во время этихъ терзаній, языческая Россія, которую только отдаленность спасла отъ Монгольскаго ига, стала дѣйствовать съ полною энергію начала, которому она была обязана своей самобытностью. Дотоле неизвѣстная Европѣ или непримѣченная ею, Литва менѣе чѣмъ въ два столѣтія достигла высочайшей степени благосостоянія, какимъ только можетъ пользоваться полудикое государство, и грозила сдѣлаться единственною обладательницею сѣвера. Въ XIV вѣкѣ она, безъ-сомнѣнія, была самою колоссальною державою въ Европѣ. Ея владѣнія простирались съ одной стороны отъ Балтійскаго до Чернаго Моря, съ другой отъ Нѣмана и Буга до Твери и почти до самой Москвы. Она была чисто Русская держава, и по происхожденію народа, и по правительственнымъ формамъ, и по языку, и по образованности, и даже по вѣрѣ, по тому что язычество ограничивалось уже небольшою областью, постепенно уменьшалось даже и въ этой области, и Греко-Россійская вѣра была почти общею религіею.

Ея «господари и великіе князья» превосходно понимали выгоды своего положенія и съ удивительнымъ искусствомъ пользовались ими. Враждебныя Монгольской, или восточной, Россіи со временъ первой религіозной ссоры, а теперъ представители независимой Руси, они не замедлили вступить въ тѣсныя связи съ ханами Золотой Орды; поддерживали своимъ могуществомъ ихъ кочевую монархію, угнетавшую против-

никовъ, и въ то же время присвоивали себѣ цѣлыя Русскія княжества, которыя уступали свою независимость силѣ ихъ оружія или искали у нихъ покровъ и защиты и отъ грабительства Монголовъ, и отъ насилія своихъ сосѣдей. Переписка Литовскихъ великихъ князей съ Татарскими ханами которая нынче находится въ Петербургѣ и хранится въ такъ называемой Литовской Метрицѣ, не оставляетъ ни какого сомнѣнія относительно политики государей, хотя ея почти не видно въ скудныхъ лѣтописяхъ того времени.

Быть-можетъ восточная Россія изнемогла бы въ рабствѣ и униженіи отъ соединенныхъ усилій безсмысленной жестокости Орды и ловкой политики Литвы, если бы другое неожиданное событіе не измѣнило совершенно хода дѣлъ и отношеній этихъ трехъ государствъ. До тѣхъ поръ монархія наследниковъ Чингисъ-хана, которая занимала почти весь востокъ; Россія, которая была отъ нея въ настоящей зависимости, и Литва, которая со всѣхъ сторонъ ее обрывала, составляли вмѣстѣ одну, отдѣльную, политическую систему, совершенно чуждую Европѣ, такъ, что до половины XIV столѣтія Азія въ самомъ дѣлѣ начиналась у Буга и Нѣмана. Огромное зданіе этой системы, которая связывала Китай и Индію съ берегами Балтійскаго Моря; въ которой всякое потрясеніе, случившееся въ самой отдаленной части Азіи, отражалось вскорѣ на берегахъ Волги, Днѣпра и Вилии, необходимо должно было рушиться въ случаѣ отторженія какой-нибудь изъ трехъ большихъ массъ, бывшихъ составными ея частями: это приключилось съ Литвою. Она вдругъ перешла изъ Азіятской политической системы въ Европейскую, гдѣ ей опредѣлено было исчезнуть. Сосѣдство Литвы, которая дотолъ стремилась замѣнить собою на сѣверѣ государство, основанное Рурikomъ, сдѣлалось слишкомъ опаснымъ для Польши. По смерти Людовика Венгерскаго, Поляки съ ра-

достью отдали престолъ Пшастовъ Ягайлу, великому князю Литовскому, потому что только такимъ образомъ могли они оградить себя отъ грозной для нихъ власти его народа. Сдѣлавшись королями Польскими, Литовскіе господа по-необходимости должны были принять политику своего новаго королевства, и выпустили изъ виду ту, которой они съ такимъ успѣхомъ держались въ своей Русской отчизнѣ. Съ этого времени Литва уже рабски вращалась въ орбиту Польской политики. Ягеллоны предпочли обезпечивать для своего дома престолы Венгрии, Богеміи, Силезіи, Моравіи, и не думали уже о распространеніи своихъ областей со стороны опустошенной и бѣдной Россіи. Можно сказать, что тотъ самый день, когда полномочные Польши и Литвы подписали «Актъ соединенія» обонхъ государствъ, — безпримѣрный въ Исторіи документъ, посредствомъ котораго юная и могущественная держава, безъ выстрѣла, однимъ почеркомъ пера, сама вычеркнула себя изъ списка народовъ, — тотъ самый день конечно избранъ былъ Провидѣніемъ для рѣшенія вопроса о сохраненіи, счастіи и будущемъ величіи Россіи, вмѣсто которой, на картѣ сѣвера, вѣроятно стояло бы теперь имя другой Россіи, — Литвы, хотя все-таки Русской.

Вступивъ на Польскій престолъ, Ягайло удержалъ за собою верховную власть надъ родовыми владѣніями. Здѣсь начинается весьма любопытная семейная борьба этой династіи, которой одни члены насильно клонили Литву на югъ, къ Польшѣ и Европѣ, а другіе влекли на сѣверъ, стараясь сохранить ей независимость и Русскій характеръ. Ягайло, какъ начальникъ дома, назначилъ своего брата Скиргайлу великимъ княземъ Литвы; другому брату, Свигригайлу, далъ Полоцкъ; Витольдъ, сынъ умерщвленнаго имъ дяди, Кестута, получилъ Гродно. Этотъ раздѣлъ владѣчества не былъ продолжителенъ. Въ 1392 году,

Скиргайло лишился престола, и Витольдъ, съ согласія Польскаго короля, сдѣлался великимъ княземъ Литовскимъ. Его крѣпкая рука и смѣлая соображенія возвратили на нѣсколько времени Литвѣ достоинство независимаго государства, и озарили лучами славы послѣдній день ея политической самобытности. И здѣсь-то мы встрѣчаемся съ сочиненіемъ Коцебу: оно передано по-Русски такимъ ужаснымъ языкомъ, такимъ грубымъ и нелитературнымъ слогомъ, что тотъ, кто перескажетъ его содержаніе другимъ словами, сдѣлаетъ безцѣнное одолженіе и самой книгѣ и читающей публикѣ. Мы попытаемся стлжать себѣ въ потъ лица часть этой великой заслуги, искренно сожалѣя, что безымянный переводчикъ не издалъ сочпенія по-Нѣмецки: оно было бы понятнѣе въ подлинникѣ.

Свитригайло не безъ спора уступилъ Витольду права свои на наслѣдіе отца и брата. Онъ удалился въ Пруссію, прибѣгнувъ къ покровительству рыцарей Нѣмецкаго ордена и вскорѣ явился подъ стѣнами Вильна: два Русскіе монаха обѣщали ему зажечь деревянные укрѣпленія этого города и такимъ образомъ облегчить успѣхъ осады. Предпріятіе ихъ не удалось. Отбитый отъ Вильна Свитригайло не потерялъ мужества: въ 1396 году онъ занялъ Витебскъ и нѣсколько другихъ городовъ между Двиною и Днѣпромъ. Русскіе любили Свитригайла и охотно сдавались ему. Счастіе Витольда восторжествовало: онъ осадилъ Витебскъ, взялъ въ плѣнъ Свитригайла и отправилъ его въ Польшу.

Лѣтописцы ничего не говорятъ о томъ, какъ Свитригайло освободился изъ плѣна. Мы узнаемъ отъ нихъ только то, что вмѣстѣ съ свободою онъ получилъ отъ брата Подолію, значительныя помѣстья въ Польшѣ и 1,400 марокъ годоваго дохода отъ соляныхъ варницъ. Въ такомъ положеніи провелъ онъ нѣсколько лѣтъ, и вѣроятно участвовалъ въ несчастной бит-

въ при Ворсклѣ, гдѣ полководецъ Тамерлановъ, Едигей, сокрушилъ однимъ ударомъ соединенныя силы Польши и Литвы и честолюбивые замыслы Витольда. Впрочемъ объ этомъ періодѣ жизни Свитригайла нельзя сказать ничего утвердительнаго. Письмо Юанна Вельде, ордепскаго повѣреннаго въ Римъ, доказываетъ, что этотъ князь имѣлъ сношенія съ папою. Вельде доноситъ ордену отъ 4 августа 1402 года, что онъ «заплатилъ шестьдесятъ червонныхъ за буллы, полученныя отъ папы для герцога Свитригайла.» Буллы эти затеряны. Надобно думать, что онъ заключали въ себѣ отвѣтъ Римскаго первосвященника касательно притязаній Свитригайла на Литовскій престолъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что еще въ 1401 году его происки возбудили опасенія Ягайлы и Витольда и заставили ихъ принять твердыя мѣры. Сеймъ, собранный въ этомъ году въ Вильнѣ, издалъ постановленіе, по которому, въ случаѣ смерти Витольда, княжество его должно было соединиться съ Польшею.

Свитригайло присутствовалъ на этомъ сеймѣ, который уничтожалъ навсегда его надежды. Онъ не рѣшился показать явнаго сопротивленія своимъ непріателямъ, но привѣсилъ фальшивую печать къ акту, которымъ изъявилъ наружное согласіе на рѣшеніе короля и сейма, и при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ въ Маріенбургъ. Прусскій орденъ, которому будущее соединеніе Литвы съ Польшею угрожало величайшею опасностью, радушно принялъ изгнанника и обѣщалъ помогать ему всѣми средствами. Съ своей стороны, онъ обѣщалъ рыцарямъ исполнить всѣ условія, заключенныя Витольдомъ, и сверхъ-того покорить для нихъ Псковъ.

Черезъ годъ дѣла приняли совершенно другой оборотъ. Нѣсколько неудачныхъ предпріятій заставили Витольда искать мира, и орденъ, не находя болѣе выгодъ въ продолженіи войны, отказался отъ помощи,

объщанной Свитригайлу. Несчастный князь долженъ былъ прибѣгнуть къ покровительству короля Польскаго, котораго политическіе расчеты ручались ему за личную безопасность. Ягайло завидовалъ Витольду и съ тайнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на отважныя попытки своего брата. Онъ примирилъ соперниковъ. Свитригайло получилъ отъ Литовскаго князя княжества Брянское и Стародубское. Для удобнѣйшаго примотра за нимъ, ему приказано было жить въ Сѣверской Земль. Эта вынужденная покорность не могла быть прочною. Въ 1406 году, Василиій Дмитріевичъ Московскій предложилъ Свитригайлу дѣйствовать вмѣстѣ, противъ общаго врага. Тотъ съ радостью согласился; сжегъ замки свои въ Брянскѣ и Стародубѣ и отправился въ Москву. Онъ явился туда не въ видѣ изгнанника: свита его состояла изъ шести князей и множества боярѣ. Великій Князь Московскій далъ знаменитому гостю Владиміръ, Переславль, Юрьевъ-Польскій, Волокъ-Ламскій, Ржевъ и половину Коломны. Лѣтописцы Русскіе говорятъ объ немъ — «къ брани же устроенъ, и храбръ, и крѣпокъ на ополченіе.» Ихъ похвалы и самый приемъ, сдѣланный ему осторожнымъ и умнымъ Василиемъ, явно опровергаютъ клеветы, которыми Польскіе писатели старались очернить его память. Впрочемъ новое покушеніе Свитригайла было столько же неудачно какъ и прежнее. Витольдъ искусно обошелъ войска, которыя были подъ его начальствомъ, опустошилъ Московскую область и принудилъ Великаго Князя заключить мирный договоръ. Въ числѣ условій, предложенныхъ побѣдителемъ, было изгнаніе изъ Россіи Свитригайла. Положеніе этого князя было ужасно: у него отняли послѣднее убѣжище. Въ отчаяніи, онъ разграбилъ Серпуховъ и бѣжалъ неизвѣстно куда. Коцебу полагаетъ, что онъ ушелъ къ Татарамъ. По-крайней-мѣрѣ его имя на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ изъ Исторіи. Изъ

Русскихъ лѣтописей видно, что онъ наконецъ попался въ руки своего соперника и слишкомъ девять лѣтъ содержался въ Кременцѣ.

Въ 1418 году, на Святой недѣль, Свитригайло при пособіи друзей обманулъ бдительность стражи, и въ томъ же году началъ военныя дѣйствія противъ Витольда. Но слабость Нѣмецкаго ордена не позволяла ему ожидать большой помощи, ни блистательныхъ успѣховъ, и скорѣ заставила его искать посредничества императора Сигисмунда, который выпросилъ для него Черниговъ и Трубчевскъ. Видя несбыточность своихъ предпріятій, Свитригайло покорился на-время судьбѣ, и до самой смерти Витольда, то есть, до 1430 года, былъ ему вѣренъ, храбро сражаясь противъ его враговъ. По словамъ современнаго историка Кромера, Витольдъ, незадолго до смерти, собралъ знатнѣйшихъ сановниковъ государства и объявилъ Свитригайла наслѣдникомъ великаго княжества Литовскаго. Длугошъ, жившій позже, увѣряетъ напротивъ, что постановленіе Виленскаго сейма, 1401 года, сохранило полную силу, и что Витольдъ завѣщалъ престолъ свой Польскому королю, который въ это время лично пріѣзжалъ въ Литву.

Любовь народа была на сторонѣ Свитригайла. Литовцы и Русь единогласно признали его великимъ Княземъ. Достигнувъ цѣли долговременныхъ усилій, онъ задержалъ въ своихъ владѣніяхъ Ягайла, и требовалъ за свободу его возвращенія Каменца, который тотчасъ по смерти Витольда заняли Поляки, для присоединенія къ королевству. Король согласился на всѣ условія, и, возвратившись въ Польшу, не исполнилъ ни одного. Какъ доказательство уваженія, какое имѣли къ Свитригайлу современные государи, Коцебу представляетъ намѣреніе императора Сигисмунда возвысить его въ королевское достоинство; но это скорѣе доказываетъ

что Австрія желала воспрепятствовать такимъ способомъ соединенію Литвы съ Польшею и видѣть первую изъ нихъ независимымъ государствомъ. Усилія Ягайлы поселить въ императорѣ недовѣрчивость къ великому князю Литовскому не имѣли успѣха: Сигисмундъ и Свитригайло остались союзниками, несмотря на связи Литовскаго государя съ Богемскими Гусситами.

Извѣстія, которыя Кояловичъ и Длугошъ сообщаютъ о войнѣ Ягайлы съ Литвою и Нѣмецкимъ орденомъ, рѣшительно противорѣчатъ официальнымъ актамъ Кенигсбергскаго архива. Изъ актовъ видно, что до начала военныхъ дѣйствій, король приглашалъ брата пріѣхать къ нему для личныхъ переговоровъ, но что Свитригайло, опасаясь измѣны, не хотѣлъ ѣхать безъ сильной охранной стражи. Тогда Поляки напали на его владѣнія и принудили его воевать съ ними. Не надѣясь на собственныя силы, Свитригайло заключилъ тѣсные союзы съ орденомъ, ханомъ Татарскимъ и Волохами, склонилъ на свою сторону императора, отвлекъ Гусситовъ отъ Поляковъ, которые, упрекая его въ сношеніяхъ съ еретиками, сами искали ихъ дружбы, и наконецъ вступилъ въ связи съ Силезіею и Помераніею. При такихъ обстоятельствахъ Польша не могла надѣяться на выгодный конецъ борьбы; надобно было употребить другія средства: Ягайло предложилъ брату заключить перемиріе, или даже вѣчный миръ, и обѣщалъ назначить его наследникомъ своего королевства. Ему нужно было выиграть время, сокрушить силы главныхъ союзниковъ Литвы, — Нѣмецкихъ Меченосцевъ, и потомъ снова начать бой. По этой причинѣ Поляки не хотѣли допустить повѣренныхъ ордена къ переговорамъ о мирѣ. Прямодушный Свитригайло отвѣчалъ на лестныя предложенія короля: «Я не оставляю ордена, хотя бы ты обѣщалъ мнѣ цѣлый міръ.»

Упрямство Поляковъ, которые не соглашались на

миръ съ орденомъ, и вѣрность Свитригайла къ союзнику сдѣлали невозможнымъ собраніе сейма. Военныя дѣйствія шли вяло, но нельзя было ожидать скорого конца раздоровъ. Впрочемъ Ягайло не переставалъ увѣрять Литовскаго князя въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ, и въ то же время готовился нанести ему рѣшительный ударъ. Въ Кенигсбергскомъ архивѣ уцѣлѣли почти всѣ письма Свитригайла къ grosмейстеру: они доказываютъ, что онъ вовсе не подозревалъ измѣны, которая лишила его престола. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, 1432 года, онъ уведомляетъ grosмейстера, что Новгородцы прислали къ нему пословъ съ просьбою отпустить къ нимъ на княжество племянника его, князя Юрія. «Мы охотно отпустили къ нимъ, пишетъ Свитригайло, этого князя, но съ условіемъ, чтобы онъ во всякое время готовъ былъ служить намъ и нашимъ союзникамъ. Сверхъ-того, Великій Новгородъ проситъ у насъ позволенія воевать съ врагами своими Шведами и Норвежцами: мы не дали еще отвѣта, желая предварительно знать, не приходится ли орденъ въ союзъ съ этими народами.»

Нельзя не подивиться вліянію, которое Литва имѣла на всю независимую Россію: вольный городъ не хочетъ начать войны безъ позволенія Литовскаго господаря. Лѣтописцы наши упоминаютъ о договорѣ, заключенномъ въ 1431 году Новгородцами съ Свитригайлою, но не говорятъ объ этомъ ни слова.

Въ августъ 1432 года, замыслы Поляковъ исполнились. Сигисмундъ, братъ Витольда, неожиданно началъ на Литовскаго князя при Опшьянъ, и заставилъ его искать спасенія въ бѣгствѣ. Обманутые обещаніями новаго государя, католики Литовцы отложились отъ Свитригайла, котораго упрекали они въ излишней покорности совѣтамъ жены, дочери Тверскаго князя, въ пристрастіи къ Русскимъ и тайной приверженности къ Греческой религіи. Описывая паде-

ніе Свитригайла, Кояловичъ говорить, что при этомъ случаѣ въ Виленскомъ соборѣ читана была папская булла, которая разрѣшала его подданныхъ отъ данной присяги, но существованіе такой буллы весьма сомнительно. Объ ней нигдѣ не упоминается, и сверхъ того самый ходъ происшествій доказываетъ ^{въ} ^{от-} ^{згъ} ^{ямь} ^{студа} ^к ^рное. Папы постоянно покровительствовали князя, и старались примирить его съ Свитригайло бѣжалъ въ Полоцкъ, и писалъ ^{студа} ^к ^р гротмейстеру, прося его о скорой помощи.

Орденъ не измѣнилъ своей привычной политики: онъ отступился отъ вѣрнаго союзника; который не могъ болѣе приносить ему пользы, и отправилъ пословъ къ князю Сигисмунду для переговоровъ о мирѣ. Одинъ только магистръ Ливонскій не захотѣлъ участвовать въ этой постыдной сдѣлкѣ, и по-прежнему твердо стоялъ за права угнетеннаго. Другіе союзники Свитригайла также не отказали ему въ помощи. Ханъ Татарскій прислалъ ему двадцать тысячъ войска; къ нимъ присоединились пятьдесятъ тысячъ Волоховъ и пятьдесятъ тысячъ Руси подъ предводительствомъ Кіевскаго воеводы. Эти числа явно преувеличены, но они служатъ доказательствомъ, что силы Свитригайла были еще велики и соответствовали борьбѣ, которую онъ готовился начать. Видя возможность новаго переворота, Нѣмецкій орденъ поспѣшилъ загладить сдѣланную ошибку, и отправилъ къ князю командора Мевенскаго, Людовика Ланца, котораго хитрыя обѣщанія доставили Меченосцамъ Полангенъ. Нерѣшительная битва при Ошмянѣ запутала дѣла болѣе прежняго: обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, и ни одна ничего не выиграла. Жестокость Сигисмунда уже заставила Литовцевъ раскаяться въ непостоянствѣ, но Поляки, крѣпко стояли за князя, которому они доставили престолъ; Литва была наполнена ихъ войсками, и явное возстаніе вѣроятно имѣ-

столя, прибылъ въ Вязьму и увѣдомилъ его, что ханъ уже вошелъ въ область Кіевскую и готовъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ. Къ сожалѣнію, акты не показываютъ, когда и какимъ образомъ Литовскій князь доставилъ этому хану престолъ. Кроме того Свитригайло твердо надѣялся на пособія ордена, не зная, что тотъ уже измѣнилъ ему. Грозная грамота, присланная императоромъ Сигисмундомъ гросмейстеру, не отвратила рыцарей отъ неблагодарнаго поступка. Они заключили съ Литвою двѣнадцатилѣтнее перемиріе, отказались отъ союза съ Свитригайломъ и обѣщали не обращать вниманія на упреки папы и императора. Все это было сдѣлано такъ скрытно, что обманутый князь не подозрѣвалъ измѣны до тѣхъ поръ, пока они сами ея не обнаружили.

Среди волненія своей бурной жизни, изгнанный Свитригайло замышлялъ совершить дѣло, къ которому безъ успѣха приступали сильнѣйшіе государи Европы. Онъ предпринялъ соединить Восточную Церковь съ Западною, привлечь на свою сторону Герасима, митрополита Смоленскаго, и впоследствии сообщилъ свои намѣренія знаменитому Изидору, котораго умъ ручался ему за счастливое окончаніе легкомысленнаго предпріятія. Папа Евгеній, узнавъ объ этомъ, прислалъ Свитригайлу лестное брѣве; въ то же время онъ писалъ къ Герасиму, и старался заключить миръ между Сигисмундомъ и его неутонимымъ соперникомъ. Новыя бѣдствія и неудачи не позволили Свитригайлу осуществить свою мысль; въ 1435 году онъ былъ разбитъ Михаиломъ, сыномъ великаго князя Литовскаго, лишился въ этой несчастной битвѣ вѣрнаго союзника, магистра Ливонскаго, и ушелъ въ Витебскъ, откуда отправилъ пословъ къ Нѣмецкому императору и гросмейстеру Меченосцевъ. Первый изъявилъ желаніе и готовность помочь ему. Въ Кенигсбергскомъ архивѣ хранится нѣсколько грамотъ и писемъ импера-

тора Сигисмунда, которыя показываютъ, что онъ обещалъ не только содѣйствовать къ заключенію мира, но даже въ случаѣ неудачи подкрѣпить силою требованія Свитригайла. Отвѣтъ Гросмейстера на просьбы о помощи состоялъ изъ пустыхъ словъ; орденъ не обещалъ и не далъ ничего. Всѣ надежды изгнаннаго князя, всѣ плоды его долгихъ и тяжкихъ усилій, погибли. Императоръ оставилъ его на произволь судьбы; Татары были заняты собственными междоусобіями; у Русскихъ не было средствъ для возвращенія ему престола. Военныя неудачи нанесли его дѣлу послѣдній ударъ. Въ 1437 году Литовцы взяли Полоцкъ и Витебскъ послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей; Смоленскъ отнять еще прежде.

Кояловичъ рассказываетъ, что Свитригайло, побѣжденный и изгнанный изъ остальныхъ своихъ владѣній, явился въ Краковъ и просилъ заступничества короля и сената, но что князь Сигисмундъ рѣшительно отвергъ всѣ предложенія и не хотѣлъ ничего уступить сопернику. У того же писателя читаемъ извѣстіе, что Свитригайло, не находя нигдѣ убѣжища, удалился въ Валахію и былъ тамъ пастухомъ. Весь этотъ разсказъ состоитъ изъ нелѣпныхъ выдумокъ. Официальные акты показываютъ, что въ 1437 году онъ заключилъ честный миръ съ Польшею и сохранилъ значительныя владѣнія; что онъ ѣздилъ въ Краковъ для личнаго свиданія съ королею, и удачно отразилъ войска Сигисмунда, которыя грозили Луцку и Кіеву. Сама политика Поляковъ предписывала имъ не доводить его до совершеннаго безсилія: они охотно поддерживали междоусобія раздиравшія Литву, которой еще не переставали опасаться. Въ 1440 году Сигисмундъ, ненавидимый подданными за отвратительную скупость и безчеловѣчіе, былъ убитъ заговорщиками, которыхъ главою были князья Чарторижскіе. На сеймѣ, созванномъ для избранія новаго господара,

многіе Литовскіе вельможи подали голоса въ пользу Свитригайла, но ихъ старанія не имѣли успѣха. Партія Казимира, брата Польскаго короля, одолѣла. Новый Великій Князь жилъ мирно съ своимъ престарѣлымъ дядею, Свитригайломъ, который не противился его избранію, вѣрно служилъ ему, и окончилъ въ Луцкѣ, 1452 года, жизнь бурную и дѣятельную.

Съ того времени начинается упадокъ вліянія Литовскихъ князей на судьбу нашего отечества. Ихъ мѣсто заступили потомки Калиты: они понемногу возвратили восточной Россіи все, что она утратила въ теченіе двухъ столѣтій. Но исторія Свитригайла чрезвычайна замѣчательна: если бы намѣренія этого князя исполнились, если бы онъ не растратилъ своихъ средствъ въ безплодной борьбѣ съ братьями, то въ отношеніяхъ восточныхъ княжествъ и въ ихъ политическомъ быту произошла бы величайшая перемѣна. «Если бы Свитригайло, говоритъ Коцебу, удержалъ за собою великокняжескій престолъ, Польша никогда не играла бы значительной роли. Стѣсненная соседствомъ Литвы, Пруссіи и императора Римскаго, она необходимо сдѣлалась бы въ половинѣ пятнадцатаго вѣка Русско-Литовскою провинціею.» Это послѣднее заключеніе комика-историка не доказываетъ большаго знакомства съ дѣлами человѣческими: высшая степень образованности Польши, безъ сомнѣнія, предохранила бы ее отъ подобной судьбы; Польша была бы только слабою и быть-можетъ скоро вошла бы, подобно Богеміи и Силезіи, въ составъ Нѣмецкой имперіи, но независимость Литвы могла бы сдѣлаться крайне опасною для Россіи; и, сообразивъ одно съ другимъ, вопреки мнѣнію Коцебу, возблагодаримъ Бога, что его пріятель Свитригайло не удержалъ за собою великокняжескаго престола.

Высшіе взгляды сдѣлались въ наше время обыкновенными до пошлости, и мы ихъ не весьма жалуемъ;

но нельзя не сказать, что, когда смотришь на историю Руси с той стороны, с которой мы старались поставить наших она читателей, кажется способною принять философический характер, досель ей не приданный. Обнимите всю империю Рурикова дома, не выпускайте из виду ни одной части, какая только входила в ее составъ, и тогда история Россіи и история Литвы соединятся сами собою подъ вашимъ перомъ въ образъ судьбы Русскаго народа: онъ имѣетъ сперва одно отечество и одну вѣру; вскорѣ потомъ раздѣляется онъ на двѣ вѣры и два отечества, — Русь христіанскую и Русь языческую, Россію и Литву; далѣе вы находите два новые вида, Русь поработенную Монголами и Русь независимую, которая силится распространить свое политическое начало и на первую, тогда какъ Новгородъ, предназначенный быть добычею той или другой, старается всячески, связями, деньгами и покровительствами, удержать между ними свой особенный, торгово-муниципальный характеръ; это любопытное качаніе равновѣсія трехъ отдельныхъ тѣлъ Русской системы, разрушается новымъ переворотомъ: Русь независимая бросается въ Европейскую политику, Русь поработенная создаетъ себя свою и видитъ зарю собственной независимости; первая стремится на юго-западъ, вторая на сѣверо-востокъ; та идетъ къ республиканскимъ формамъ и безпорядку; другая къ единодержавію, могуществу и благоденствію; наконецъ Провидиіе, пекущееся о благе Русскаго народа, соединяетъ обѣ его части послѣ тысячи лѣтъ недоразумѣній, религіозныхъ и политическихъ, и онѣ находятъ одно величественное отечество подъ сѣнію священнаго скипетра Романовыхъ. Согласитесь, что такая история Россіи была бы по-крайней-мѣрѣ не односторонни.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ОКТАВРЬ, 1835.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Стихотворенія Владимира Бенедиктова. *СП.-бургъ, въ тип. Вишебера, 1835, въ-8, стр: 106.*

Г. Бенедиктовъ, какъ видно изъ предисловія, только-что выступаетъ на литературное поприще, и на починъ даритъ публику небольшимъ томомъ премныхъ стихотвореній. Слѣдующія выписки скажутъ въ похвалу ихъ болѣе, нежели мы можемъ сказать. Вотъ «Жалоба дня».

« — На Востокъ засвѣтлѣло,
Убѣжала ночи тѣнь;
День взоспелъ, какъ ангелъ бѣлой....
Отъ чего жь ты грустенъ, день? —

« Отъ того порой грущу я,
Что возлюбленная ночь,
Только къ милой подхожу я,
Отъ меня уходитъ прочь.
Вотъ и нынче — подъ востокомъ
Лишь со мной она сошлась,
Яркимъ пурпурнымъ потокомъ
Облилась и унеслась.
Въ слѣдъ за ней туманы пыли,
Облаковъ катился стая;
Тучки ложемъ ей служили,
Покрываломъ былъ туманъ.
Я горѣлъ мечтой огнистой:
Такъ мила и такъ легка!
Покрывало было чисто,
Не пзматы облака.
Безъ нея съ огнями Феба

Что лазурный мнѣ алтарь?
 Я, въ роскошномъ царствѣ небѣ,
 Одинокій, бѣдный царь,
 Съ той поры ищущи царицы,
 Какъ въ пучину бытія
 Изъ всемогуща десницы
 Вышла юная земля.»

« — Не томись, о день прелестной!
 Ты найдешь ее, найдешь;
 Съ тишиной ея чудесной
 Блескъ свой огненный сольешь,
 Какъ пройдетъ время тревога,
 И, окончивъ грустный паръ,
 Отдохнуть на перси Бога
 Истомленный ляжетъ мѣръ! — »

Вотъ еще «Смерть въ Мессинѣ.»

«Какое явленіе? Не рухнетъ ль мѣръ?
 Земля разсѣдается, лопаютъ камень;
 Изъ области мрака на гибельный паръ
 Взвивается люто синяющій пламень,
 И стелется клубомъ удушливый паръ,
 Колеблются зданья и рыщеть пожаръ.

Не рухнетъ мѣръ, но Мессина дрожить.
 Подъ ней свирѣпвють подземныя силы:
 Владѣнія жизни природа громить,
 Стремяся расширить владѣнія могилы.
 Смотрите, какъ лавы струи потекли
 Изъ челюстей арихъ дрожащей земли!

Тамъ люди, исторгшись изъ шаткихъ оградъ,
 Отъ ужаса, въ общемъ смятенѣ, пѣвють;
 Тамъ, матери, въ блескъ горящихъ громадъ,
 Съ безумной улыбкою нѣжно мѣлють
 Безпечныхъ младенцевъ у персей своихъ:
 Потеряны мысли, но сердце при нихъ!

Взгляните: одна, какъ безъ жизни — блѣдна,
 Едва оживаетъ въ объятыхъ супруга;
 Вотъ дико очами блуждаетъ она...
 Узрѣла — и ринулась съ воплемъ испуга:
 Малютка родимый, души ея часть,
 Стоитъ на балконѣ, готовомъ упасть, —

Стоять, и на бурныя волны людей,
 На лаву и пламя съ улыбкой взираетъ,
 И къ жаламъ нецтовыхъ огненныхъ змѣй
 Призывно ручки свои простираетъ:
 Какъ счастливъ прекраснымъ невѣдывемъ онъ!
 Какъ счастливъ! — Мгновенѣе — и рухнетъ балкона.

Нѣтъ, онъ не погибнетъ: жива ея мать,
 Супругъ ея тѣсно всей силой объятъ
 Безумный порывъ ея хочетъ унять!
 Бесплодно усиле мольбы и заклатій!
 Смотрите — толпа, какъ стрѣлой, пронзена:
 Тутъ матерней грудью рванулась жена.

Они ужъ на лѣстницѣ; дымная мгла
 Ее окружаетъ; вкругъ сыплется камень...
 Ужъ вотъ на балконѣ... вотъ сына взяла:
 Ее пощадили дождь камней и пламень!
 Спасеніе близко... Но падаетъ домъ,
 И дымъ за клубился могильнымъ столбомъ..»

Изъ прочихъ стихотвореній также очень хороши: «Орелана», «Утесъ», «Два видѣнія» и другія, которыя легко будутъ отысканы самими читателями.

Авторъ, по ошибкѣ, напечаталъ въ этомъ собраніи нѣсколько сонетовъ, которые предназначены были остаться въ портфель.

Чуть чуть не выль. *Письмо изъ Москвы къ Б....., 1830 года. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ 4., стр. 18.*

Молодой человекъ, Адонисъ, влюбленъ въ молодую девицу, Марію. Она умираетъ отъ холеры. Это чуть-чуть не былъ.

«Бывшій со врачомъ на бѣднѣ,
 Другъ Адониса Милевъ,
 Отдалъ тотчасъ повелѣнье
 Убирать скорѣе тлѣвъ:
 Гробъ внесенъ былъ потиховку, —
 Тихо, тихо, полегоньку...
 Все..... день октября осмой
 Адониса день кончины —

По Маріи девятины,
А по матери третины.....»

А это чуть-чуть не вирши.

Сцены современной жизни. *Сочинение Александра Москвичина. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12. Три части, стр. 142 — 118 — 113.*

Г. Бальзакъ пишетъ сцены изъ частной жизни; Г. Москвичинъ пишетъ сцены изъ современной жизни. Если вамъ угодно знать, какая разница между этими двумя родами жизней, мы сейчасъ расскажем одну изъ жизней Г. Москвичина.

Марія—дочь одной богатой помѣщицы; въ нее влюбленъ молодой человекъ Енской; другъ Енскаго, Невской, советуетъ увезти ее съ бала. Какимъ образомъ? Очень легко! «Ты напиши къ ней записку,» говоритъ Невской: «только смотри пиши - то поласковѣй, называй душенькой, красочкой, такой-сякой, ну, однимъ словомъ, пропой Лазаря, такъ чтобъ расплакалась.» Енской въ восторгъ отъ изобретательности своего друга, садится, и пишетъ къ прелестной Маріи, что она такая-сякая, а его другъ уходитъ къ богинѣ Магдалинѣ.

Балъ начинается. Вдругъ входятъ «Венгерскій гусаръ съ ловкою Венгеркой и танцуютъ Венгерской танецъ, размѣется, въ венгеркахъ, притопывая Венгерскими коблучками, какъ то всегда дѣлается на балѣ. Этотъ гусаръ—Енской; эта гусарка — Марія.

«—Какъ присталъ тебѣ этотъ нарядъ, особливо какъ ты разгорѣлся, единственный кавалеръ! сказала Марія.

— Прелестная! вспомни мои просьбы.

— Подумай, Юрій Владиміровичъ, какъ я рѣшусь бѣжать изъ дома родительскаго! могу ли я рѣшиться на желаніе страстнаго, но неопытнаго юноши бѣжать съ нимъ, — куда?—неизвѣстно. Ахъ, вѣтъ, Юрій! Я лучше оболую колѣна родительскія и буду твоею».

Енской, натурально, сказалъ ей на это, что она такая-сякая, и рѣшился застрѣлиться съ отчаянія. Онъ вынимаетъ карманный пистолетъ.

На это Марія сказала ему, что онъ такой-сякой, и ушла въ его объятія.

Послѣ этого, Ениской увозить ее, и, не обвинявшись, держать въ деревнѣ, а самъ гуляетъ по Москвѣ, и наконецъ, увлеченный вихремъ *свѣта*, въ которомъ такъ весело танцуютъ въ венгеркахъ, совершенно оставляетъ Марию.

Вотъ, что значать — сцены изъ современной жизни.

Если авторъ не согласенъ съ нашимъ мнѣніемъ, онъ можетъ напечатать въ какой-нибудь газетѣ, что лично знаетъ сочинителя, и что слѣдственно книга его превосходна.

Сельскій колдунъ, или крестьянская свадьба. Сочиненіе Федота Кузничева. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-12., стр. 96.

«Мы видимъ, что нѣтъ ни одного сословія избранныхъ, освободившихся отъ суеты житейскихъ, убивающихъ время питіемъ въ Московскихъ трактирахъ, въ пивныхъ лавочкахъ, наливающихъ брюха крѣпкимъ пивомъ; и на другой день охающихъ отъ головной боли, и прося совѣсть угрызаетъ красные глаза показать на бѣлой свѣтъ. Эй, господа фравты, ради Бога, уклоняйтесь пагубнаго пьянства! особенно вы, молодые люди поберегайте свои миловидные личики. Эй, ей тогда.....» и такъ далѣе.

Ванька! На, это для тебя. Разбирай эту книгу.

Сенъ-марсъ или заговоръ при Лудовикѣ XIII. Сочиненіе Графа Альфреда де-Виньи. Перевелъ съ Французскаго А. Очкинъ. Второе изданіе. Сп-бургъ, въ тип. Вингебера, 1835, въ-12. Четыре части стр. 164-229.—220-204.

Это былъ первый изъ переводовъ, познакомившихъ читающую Русскую публику съ произведеніями Альфреда де-Виньи. Весело видѣть стараго знакома въ новомъ платьѣ. Перепечатанный вторымъ изданіемъ, онъ получилъ еще большее право на наше расположеніе; большее потому, что не имѣемъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ ни одной книги кромѣ этой и «Стихотвореній» Г. Бепедиктова, которую могли бы рекомендовать любителямъ легкаго и пріятнаго чтенія.

Жертва. Литературный эскизъ Сочиненіе Гожи Монборнъ. Переводъ съ Французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 300.

Литературное общество Французскихъ женщинъ поставило себя цѣлю низвергнуть тягостное иго мужчинъ. Мы всегда были на сторонѣ этого милаго, пахучаго возстанія. Наше сердце обливается кровью при одной мысли, какое ужасное, безотчетное вліаніе имѣютъ мужья, самый отвратительный родъ мужчинъ, на свои семейства, на своихъ женъ и дѣтей. Безумцы! что имъ за дѣло до дѣтей! Тираны! они требуютъ, чтобы супруги оставались имъ вѣрными, даже въ столицахъ! Можно ли дойти до такого варварства? Гдѣ тутъ права природы, гдѣ свобода воли? Такъ ли поступаетъ природа, оставленная на произволь себя самой! Взгляните на вашихъ домашнихъ животныхъ на этихъ веселыхъ, беззаботныхъ, не искаженныхъ предразсудками птичекъ, которымъ завидуете въ счастіи; особенно на этихъ кукушекъ, у которыхъ нѣтъ мужей, а только есть любовники. Гдѣ было ваше правосудіе, когда писали вы законы, если вы не могли перенять отъ этихъ невинныхъ созданій даже того, что заставляетъ насъ теперь имъ завидовать? проклятіе вамъ, мужчины! женское проклятіе! Нынче женщина понимаетъ что она такое, и скоро вы узнаете что такое женщина!

Не подумайте однако, что все это говоритъ Г-жа Монборнъ. Ни мало; это говорятъ ультра-математики. Г-жа Монборнъ принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ; всѣ ея виды простираются не далѣе развода. Чѣмъ лучше локализовать необходимость его, какъ не романомъ! И если вы прочитаете романъ Г-жи Монборнъ, подъ названіемъ «Жертва», то узнаете, что жила недавно дѣвушка Евгенія; эту дѣвушку выдали замужъ за одного негодая; этотъ негодая промотался и бѣжалъ: Евгенія осталась одна, встрѣтилась съ прежнимъ своимъ любовникомъ..... или не то, чтобы съ любовникомъ, а съ человѣкомъ, который былъ въ нее влюбленъ и котораго она любила; встрѣтилась съ этимъ человѣкомъ, и переехала къ нему жить. Г-жа Монборнъ, какъ умѣренная женщина, полагаетъ, что она очень хорошо сдѣлала. Между-тѣмъ мужъ возвратился и потребовалъ ее къ себѣ; дѣло дошло до правительства; Евгенію посадили въ тюрьму..... Можете себя представить! Евгенію, добродѣтельную, чистую, невинную, которая переехала

только жить къ этому господину, несчастную Евгенію въ тюрьму! И за кого же? За негоднаго, промотавшагося мужа, который, въ противность мнѣнію своей жены и Г-жи Монборнъ, утверждаетъ, что это не прилично. Евгенія безмолвно предается своей участи; но, увы, она начинаетъ уже быть жертвою!.... И чтобы эта жертва была еще поразительнѣе, — Евгенія отравляетъ себя ядомъ, и предсѣдатель уголовного суда, вставъ съ своего мѣста, произноситъ торжественный приговоръ на законномъ основаніи: «Миръ праху твоему!» Участъ негоднаго мужа остается неизвѣстною. Да впрочемъ, что заботиться о такомъ мерзавцѣ! Онъ мужъ: этого довольно.

Въ заключеніе, мы сдѣлались жертвою скуки, читая этотъ романъ. Госпожа Z^{***}, переводя его, вѣрно была жертвою какой-нибудь другой жертвы, что и не дозволило ей очистить слогъ своего перевода. Миръ праху твоему, переводъ!

Эшафотъ, или Сынъ преступника. Историческій романъ новѣйшихъ временъ Франціи. А. Биньяна. Переводъ съ Французскаго Ивана Гурьянова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ-8. Двѣ части, стр. 101—134.

Г. Биньянъ и Гурьяновъ какъ бы условились между собою, — одинъ сочинить эшафотъ, другой замучить своихъ читателей на этомъ эшафотѣ. Сочинитель, повидимому, старался подражать «Последнему дню приговореннаго къ смерти.»

Французъ Артуръ — главное дѣйствующее лице. Онъ влюбленъ въ дочь одного герцога, Марию; Марія влюблена въ него, Артура. Это завязка.

Артуръ узнаетъ, что мать его умерла отъ родовъ, и что отецъ казненъ на эшафотѣ; онъ дерется на дуэли съ братомъ Маріи; потомъ женится на Маріи; потомъ она умираетъ въ конвульсіяхъ; потомъ онъ уезжаетъ въ Миланъ и умираетъ безъ конвульсій. Это развязка.

Г. Биньянъ, къ несчастію его читателей и Г. Гурьянова, имѣлъ счастье быть знакомымъ съ Артуромъ, и безбожно пользуется этимъ преимуществомъ, чтобы продолжать романъ по его смерти.

«Свершивъ все то, что требовали погребеніе этого человѣка, я отправился во Францію въ сладостной надеждѣ, что гильотинныя и шафоты исчезнутъ съ лица земли....»

Это потому, что у Артура казнили отца, и отравили жену. Сочинитель продолжаетъ:

«Я мечталъ уже о счастливой пережвѣ мнѣній, мечталъ видѣть около себя счастливыхъ, не терпящихъ уже отъ предрасудковъ и несправедливости.....»

Это потому, что мать Артура умерла отъ родовъ, и самъ Артуръ умеръ безъ конвульсій. Но представьте себѣ изумленіе сочинителя: Франція осталась непреклонною. При самомъ въездѣ въ Парижъ, онъ «услышалъ шумъ». Смотрить, читаютъ «публикацію».

«Какую же?»

«Публикацію о имѣющей быть завтра казни человѣка!»

Г. Гурьяновъ, какъ переводчикъ, вѣрно находитъ эту книгу презанимательною.

Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ, или открытіе особенныхъ, рѣдкихъ, удобоисполнительныхъ, испытанныхъ и весьма дешевыхъ секретовъ, посредствомъ которыхъ всякой можетъ доставить себѣ прочное здоровье и обогатиться честнымъ образомъ въ кратчайшее время. Книга, извлеченная изъ рѣдкихъ и дорогихъ иностранныхъ сочиненій, дополненная изъ сокровенныхъ записокъ одного славнаго врача и обогатившагося домостроителя, и приспособленная къ понятію и употребленію всякихъ людей. *Utilitas Patriae*. Изданіе третіе. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8. Три части, стр. 388—369—219.

Наконецъ философскій камень найденъ: истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ,—передъ нами въ третьемъ изданіи. Остаться только.... Что же можетъ еще остаться? Умереть отъ радости. Золотой вѣкъ наступаетъ снова; не нужно болѣе ни докторовъ, ни аптекъ, ни подъячыхъ: Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ—въ рукахъ нашихъ. Да еще какъ быть богатымъ! Самымъ честнымъ образомъ и въ кратчай-

шее время. Самый честный образъ обогащаться умѣли и прежде; но въ кратчайшее-то время — главное. А оно легко и просто. Вы сидите у себя дома, у васъ нѣтъ ни гроша, и вы хотѣли бѣ сдѣлаться богатымъ. Вдругъ приходитъ почтальонъ, отдастъ вамъ письмо, въ этомъ письмѣ сказано, что ваша тетюшка умерла и оставила вамъ два милліона въ наследство, и въ одно мгновеніе вы богаты. Это самый честный и кратчайшій способъ обогащаться.

Это на счетъ богатства; теперь о здоровьѣ. Вотъ «жизненная эссенція, или эликсиръ долгой жизни.» Чѣмъ вы нездоровы? Этотъ эликсиръ помогаетъ отъ всѣхъ болѣзней, вся сила въ количествѣ приѣмовъ. «Отъ тошноты столовую ложку цѣльнаго; отъ подагры три ложки; отъ неваренія желудка двѣ ложки съ чаемъ; отъ внутреннихъ колѣкъ двѣ ложки съ водкою. «Отъ наружныхъ колѣкъ лекарства не поставлено. Отъ глистовъ недвѣю сразу по ложкѣ въ день цѣльнаго; отъ водяной болѣзни цѣлый мѣсяцъ по ложкѣ въ день въ бѣломъ винѣ; отъ перемежающихся лихорадокъ ложка цѣльнаго передъ ознобомъ; въ ospѣ девять дней по чайной ложкѣ ежедневно. Впрочемъ, флегматикамъ и меланхоликамъ полезно принимать этотъ эликсиръ и при совершенномъ здоровьѣ. Хотите знать, изъ чего онъ состоитъ? Это надобно прочитать въ самой книгѣ.

Въ этомъ «способѣ» есть даже лекарство и отъ онаго подъ статьѣю объ ракъ. Стоитъ только посыпать оный порошокъ истертаго гранатоваго дерева. Но, разумѣется, самое примѣчательное, самое рѣдкое, единственное лекарство, это составъ, предохраняющій новорожденныхъ на всю жизнь отъ всѣхъ злыхъ болѣзней: что касается до добрыхъ болѣзней, то извѣстно, что онѣ неизлечимы. Мы желали бы переродиться, чтобы воспользоваться этимъ эликсиромъ: къ несчастію «Истинный способъ» не говоритъ сколько ложекъ надобно принимать его для перерожденія!

Одаряя васъ здоровьемъ, сдѣлавъ богатымъ «Истинный способъ» хлопочетъ о вашихъ удовольствіяхъ, и доходитъ до мелочей, которыхъ предусмотрѣніе сдѣлало бы честь самой важной нанюшкѣ. Любите вы курить табакъ?—Здѣсь средства приготовить дома всѣ лучшіе, иностранные табакъ?—Хотите пуститься въ живопись? Здѣсь тайны этого

искусства, даже способъ составлять краску для дверей и половъ. Любите вино?—Здѣсь средства приготовить дома все лучшія иностранныя вина. Наскучили вамъ мыши?—купите «Истинный способъ», обмакните его въ растопленное сало, и дайте имъ съѣсть: мыши, вся, до одной, пропадутъ отъ этой книги.

Словомъ, прочитавши ее отъ доски до доски, вы можете сдѣлаться, чѣмъ вамъ угодно. Сочинитель этого талисмана упустилъ изъ вида только одно: истинный способъ не марать напрасно бумаги. Если бы не это, мы поставили бы его произведеніе на ряду съ знаменитѣйшими произведеніями нашего вкуса; тѣмъ болѣе, что оно заключаетъ даже средство истреблять клоповъ и таракановъ.

Сельскій хозяинъ XIX вѣка, или Полное собраніе новѣйшихъ опытовъ и открытій, сдѣланныхъ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ какъ по части земледѣльческой промышленности вообще, такъ и по всѣмъ отраслямъ Естественныхъ Наукъ и Технологіи, входящимъ въ составъ Сельской Экономіи, и въ особенности полезнымъ для Русскихъ помѣщиковъ и управляющихъ вотчинами; съ приложеніемъ многихъ литографированныхъ фигуръ. Собралъ и переверелъ Иванъ Вилькинскій. Издалъ Александръ Ширяевъ. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ-8. Четыре части. Часть I, стр. 396.

Книгопечатливая (рекомендуемъ любителямъ новыхъ словъ это слово) дѣятельность Г. Ширяева безпрестанно обнаруживается изданіемъ очень полезныхъ книгъ для хозяевъ, и мы часто имѣли случай отдавать ей справедливость. Вотъ еще новый и весьма законный поводъ къ справедливости.

Было время, когда Русское хозяйство ограничивалось крѣпкимъ сундукомъ и хорошею, вѣрною дворовою собакою. Благословенное время! Теперь сундуки пусты, и собаки стали невѣрны, — а между-тѣмъ Русскому человѣку пужны деньги! Какъ тутъ быть? Давайте намъ денегъ! Г. Вилькинскій съ Г. Ширяевымъ говорятъ: — Нѣтъ денегъ! Сдѣлайтесь прежде хозяиномъ. Учитесь тому, что долженъ знать всякій порядочный хозяинъ, такъ будутъ деньги. Учитесь градовымъ отводамъ, громовымъ отводамъ, гнрометрамъ, алек-

тросметрамъ, газамъ, окисламъ, геологическимъ свойствамъ почвъ. Пришло горе Русскому хозяину!

А дѣлать нечего. Деньги такъ нужны, что поповодъ сташешь учиться углекислому газу.

Мы не знаемъ, сколько томовъ будетъ «Сельскаго хозяина XIX вѣка,» но желали бь, по этой первой части, чтобы ихъ было сто, чтобы изъ него просвѣщенный помещикъ могъ составить себѣ библиотеку, чтобы всѣ читали эту книгу: она заключаетъ въ себѣ премного полезнаго и любопытнаго, и почерпнутаго, какъ намъ кажется, изъ хорошихъ источниковъ.

«Сельскій хозяинъ» говоритъ о климатѣ и вліяніи его на земледѣльческую промышленность; потомъ говоритъ онъ о почвѣ и разныхъ ея свойствахъ; говоритъ о средствахъ приводить почву въ состояніе плодородія; наконецъ говоритъ о приготовленіи къ распашкѣ новыхъ, необработанныхъ земель.

Въ слѣдующихъ частяхъ онъ будетъ говорить о Технологіи въ отношеніи къ ремесламъ и сельскимъ занятіямъ; будетъ говорить обо всемъ, «что принадлежитъ къ удобствамъ и пріятностямъ деревенской жизни.» И это дѣло. Скажите намъ, пожалуйста, какъ травить зайцевъ, пока хлѣбъ еще не убранъ съ поля? Эта статья всегда приводила насъ въ затрудненіе въ деревенской жизни. Въ усовершенствованномъ сельскомъ хозяйствѣ должно быть средство и для этого.

Мы напомнимъ Г. Вилькинсу объ одномъ важномъ обстоятельстве: подобныя книги должны быть писаны пріятно и хорошимъ слогомъ.

Эвклидовыхъ началъ три книги, а именно, седьмая, осьмая и девятая, содержащая общую теорію чиселъ древнихъ геометровъ. Переводъ съ Греческаго Ф. Петрушевскаго. Съ прибавленіями и примѣчаніями. СПб.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. 160.

Описаніе Кордуанскаго и Эддистонскаго маяковъ, съ литографированными изображеніями. Составилъ лейтенантъ Р. Скаловскій. СПб.-бургъ, въ тип. Гинцъ, 1835, въ-8., стр. 64.

Вместо одного описанія Кордуанскаго и Эддистонскаго маяковъ, мы прочитали въ этой брошюркѣ, любопытной и хорошо написанной, цѣлую исторію маяковъ. Къ описанію приложены два изображенія, гравированныя на камнѣ Г. Селезевымъ, который доводитъ этотъ родъ гравированія до совершенства. Картинка, представляющая маякъ Эддистонскій, — это чудо свѣта, — во время страшной бури, истинно прекрасна, и можетъ выдержать сравненіе со многими гравюрами на стали. Но мы видѣли гораздо совершеннѣйшія работы Г. Селезнева въ томъ же родѣ, дешевомъ и миломъ.

Музыкальная гармонія, или *Легчайшее наставленіе какъ совершенно гармоническимъ порядкомъ строить Рояль и фортепiano. Москва, въ тип. Пономарева, 1835, въ-8., стр. 4.*

«Подъ оной (Музыкальной гармоніей) означаются ноты клавиатуры, какое наименованіе имѣетъ каждый клавишъ; и какъ взять первый клавишъ отъ борта лѣвой руки, то именуется».

Въ этой достопамятной книгѣ цѣлыя четыре страницы.

=

1. ЕЛИЗАВЕТА КУЛЬМАНЪ, *фантазія*. Т. м. ф. а. СПб-бургъ, въ тип. Гишцъ, 1835, въ 8., стр. 135.

2. SÄMMTLICHE GEDICHTE von Elisabeth Kulmann, St. - Petersburg, gedr. in der K. Russischen Akademie. 1835, 8vo. 4 Bde. S. 221. XV u 178-226-200.

Мы имѣемъ передъ собою пять томовъ прелестной поэзія, одинъ по-Русски и четыре по-Нѣмецки, одинъ Г. Тимоеева, который старается понять поэтическую жизнь Елизаветы, и четыре, гдѣ эта жизнь сама течетъ полною и прозрачною волною, и мы желали бъ, чтобы всѣ наши читатели могли пробѣжать ихъ прежде, чѣмъ услышать наше мнѣніе: раздѣленное съ критикомъ чувство умиленія, иногда роскошная слеза, падающая скрытно на страницу, сдѣлали бы книгамъ разборъ безмолвный, но убѣдительный, который ускользаетъ изъ-подъ пера и можетъ быть произведенъ только сердцемъ. Самое воспоминаніе о прекрасной, двѣственной душѣ; обитавшей въ столь же прекрасномъ тѣлѣ средь нищеты и своихъ мыслей и отошедшей на небо въ раннее утро жизни, туда, отколѣ вѣчно льется на землю источникъ всей поэзія; самый видъ этого умственного метеора, который спѣшитъ възрѣть лоскутку бумаги свѣтлѣйшій слѣдъ своего воздушнаго пути, и за которымъ летитъ душа поэта, поэта съ истиннымъ дарованіемъ, стараясь настегнуть его, обозрѣть и передать радушный его образъ людямъ гармоническими чертами,—и эготъ видъ, и это воспоминаніе достаточны для того, чтобы оторгнуть васъ отъ соображеній судьи и перенести въ теплую область сочувствія. Посмотрите, съ какою трогательною, дѣтскою пріятностію сама бѣдная Лиза рассказываетъ, откуда приходятъ ей вдохновенія:

«Du willst, dass ich dir sage,
 Woher mir die Gedanken
 Zu meinen Liedern kommen.
 Wie soll ich das erklären? . . .
 Ich kann es nur durch Bilder.
 Hast du noch nie den Himmel
 Ganz wolkenfrey gesehen?
 Nun, da erblick' ich manchmal,
 Nicht an dem Himmelsrande,
 Nein, hoch im Reich der Lüfte
 Ein zartes leichtes Wölkchen,
 Von dem ich mich vergebens
 Bemühe zu entdecken,
 Woher es wohl entstanden.
 So kommen mir gewöhnlich
 Die allerersten, schönsten
 Gedanken, ohne dass ich
 Mir selbst erklären könnte,
 Woher sie mir gekommen.
 Ist aber dieses Wölkchen
 Nun einmal da, so bildet
 Es schnell sich zum Gewölke,
 Das tausend Formen annimmt,
 Die eine immer schöner,
 Anmuth'ger als die andre. . . . .

«Oft sitz' ich in Gedanken,
 Und schaue in die Zukunft,
 Und denk' an alles, was mir
 Schon vaterlosen, später
 Vielleicht auch mutterlosen
 Begegnen kann im Leben,
 Wo sich der Mensch nicht immer
 Nach Gottes Lehren füget,
 Und Hülfe reicht dem Armen,
 Dem Speis' und Obdach fehlen.
 Da hör' ich das Gezwitscher
 Von einem kleinen Vogel,
 Der sich auf einem Zweige
 Der nahen Birken schaukelt.
 Und mir ist est zu Muthe,
 Als sagte mir der Vogel
 In einer völlig klaren,
 Mir längst bekannten Sprache :

«Was kümmerst du dich, Mädchen,
«Vergeblich um die Zukunft?
«Sieh, ich bin nur ein Vogel,
«Und bin stets froh! Da oben
«Ist einer, der für alle,
«Für Menschen und für Vögel
«Mit Vaterliebe sorget.
«Weiss ich doch nicht, wohin sich,
«Die mich gebar, begeben;
«Ich habe weder Bruder,
«Noch Schwester, noch Verwandten;
«Und dennoch siehst du, dass ich
«Des Lebens mich erfreue!»
Ich hör' sein Lied, und deute
Es mir so aus, und heiter
Wird mir auf's neu die Seele;
Und fröhlich sing' ich Gottes
Unwandelbare Vorsicht
Und grenzenlose Güte.»

Пусть также сама она изобразить вамъ свою душу, которую она сравниваетъ съ небеснымъ сводомъ :

«Du gleichst, o Himmelswölbung,
In allem meiner Seele!
Zuweilen sieht mein Auge
In deinem ganzen Umfang
Auch nicht ein zartes Wölkchen;
Zuweilen aber decken
Von einem End' zum andern
Dich schwarze Wetterwolken.
Da reisst aus ihnen plötzlich
Itzt hier, dann dort dein Blau sich
Hervor in schmalen Streifen,
Die mühesam das finstre
Gewölk ringsum verdrängen,
Mit Allgewalt einander
Entgegen ringen, endlich
Nach langem schwerem Kampfe
Als Sieger sich umarmen,
Und deinen Dom, o Himmel,
Auf's neu besetzen, während
Die schwarzen Wolkenmassen,
Den Aetherhöhn entstürztet,
Wie überwundene Riesen

*

Am Horizont hin liegen.....
 Oft auch verwandelt alles
 Gewölk sich in ein dünnes,
 Die ganze Himmelsebne
 Bedeckend Netz, durch welches
 In ihrer ganzen Klarheit
 Die Himmelsbläue schimmert. »

Теперь Г. Тимофеевъ представить вамъ Елизавету въ борьбѣ съ ея геніемъ. Она сидитъ вечеромъ, поглощенная глубокою думою, въ углу сада, гдѣ мракъ ночи уже застигъ ее. Вдругъ хижина, въ которой она жила, начинаетъ двигаться; сквозь туманъ видно, какъ скромное убѣжище принимаетъ разныя фантастическія формы; наконецъ оно превращается въ огромное, уродливое привидѣніе, которое неподвижно смотритъ на Елизавету.

Елизавета! ПРИВИДѢНІЕ, (слушаемъ голосомъ.)

ЕЛИЗАВЕТА.

Кто ты?

ПРИВИДѢНІЕ.

Бѣдность.

ЕЛИЗАВЕТА.

Съ тобою знакома я.

ПРИВИДѢНІЕ.

И ты,

Ты узнаешь мои черты!
 Смотри, лицо сквала бѣдность;
 Смердящій дымъ изъязъ глаза;
 Нужда, съ жестокостью злодѣя,
 Дѣлъ страшныхъ ямы провела
 Кругомъ изрытаго чела;
 И черный гробъ моя лавра.

ЕЛИЗАВЕТА

Тебя видала я.

ПРИВИДѢНІЕ.

Я ала,

Мое любовное дитя!
 Моимъ знакомымъ нѣтъ пощады.
 Ни полъ, ни возрастъ, ни лѣта
 Я не щадила никогда;
 И съ плачемъ стонъ — мой награды.

ЕЛИЗАВЕТА.

Привыкла я!

ПРИВИДЪНИИ.

Я голодна,

Мое любовное дитя!

Давай мнѣ хлѣба, хлѣба, хлѣба!

Молись, кляни святое небо:

Я не насытима; я алкаю

Всѣхъ кровожадныхъ зверей.

Я емъ остатки отъ трапезы

Бѣднаго пса, и смрадный прахъ,

И черный мозгъ въ своихъ костяхъ.

Я рву младенцевъ въ испуганномъ,

Я рву горло старика,

Грызу себя въ остервененнѣ,

И пью кровавую реку.

ЕЛИЗАВЕТА (*отворачивалась*).

Тебя не знаю я!

ПРИВИДЪНИИ.

Ребенокъ!

Тебя взяла я изъ пеленокъ;

Тебя я нячила; съ тобой

Ходила утромъ за водой;

Тебя съ зарею одѣвала

И цѣлый день съ тобой гуляла.

Тогда была я веселѣя;

Теперь знакомѣе съ нуждою,

И съ каждымъ днемъ я буду злѣе,

И ты не справишься со мною.

Оставь высокія мечты,

И поживи не много съ нами!

Огнь лишь дѣти суеты.

ЕЛИЗАВЕТА.

Огнь даны мнѣ небесами!

ПРИВИДЪНИИ.

Какое дѣло небесамъ

До дѣтскихъ бредней человека!

ЕЛИЗАВЕТА.

Объ этомъ лучше знаютъ тамъ.

ПРИВИДЪНИИ.

И что ты сдѣлаешь для вѣка!

Вѣкъ для поэзии прошелъ;

Давно рассыпалася лира,

И отъ существеннаго міра

Пэвецъ давно въ тотъ мѣръ ушелъ;
И все святое умираетъ.....

ЕЛИЗАВЕТА.

Но въ чистой пламенной душѣ
Все снова къ жизни воскресаетъ!

ПРИВИДѢНІЕ.

Какая жь выгода тебѣ?
Какимъ богатствомъ награждаетъ
Скупой, холодный, вялый свѣтъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Однѣхъ поденщикъ ждетъ награды.

ПРИВИДѢНІЕ.

Ну, и пѣвцы ей часто рады;
Въ поэзы хлѣба съ солью нѣтъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Оставь меня, зловѣщій воронъ!

ПРИВИДѢНІЕ.

Смотри, какихъ сокровищъ положъ
Разнообразный, бѣлый свѣтъ!
Зачѣмъ тебѣ въ нихъ части нѣтъ?
Зачѣмъ съ твоею красотою,
Съ твоей поэзьею, ты едва
Не ходишь по свѣту съ сумою?

ЕЛИЗАВЕТА.

Оставь меня! Я не бѣдна.

ПРИВИДѢНІЕ.

Въ твоей душѣ? Но что душа?
Одно лишь имя, звукъ въ пустынѣ,
Смотри какъ дѣвы безъ души
На этомъ свѣтѣ хороши
И какъ играютъ женихами,
Когда осыплетъ ихъ дарами
Славное счастье!

ЕЛИЗАВЕТА.

А я

И въ самой бѣдности довольна!

ПРИВИДѢНІЕ.

Пока здорова, молода;
Пока душа еще свободна
Отъ горькихъ нуждъ. Придетъ пора,
Простынетъ жарь, — и ты, съ восторгомъ,
Одашь всѣ лучшія мечты
За чашу чистую воды!

ЕЛИЗАВЕТА (*вспыхнув*).

Кто? Я? Увижусь низкимъ торгомъ?
 Я, дочь поэзиі?..... Когда
 Вся наша Невская вода
 Въ потоки крови превратится,
 Когда померкнутъ небеса
 И солнце красное затмится,
 И хлѣбъ, омоченный въ слезахъ,
 Окаменеетъ на устахъ;
 Своими слабыми руками
 Я растерзаю грудь земли,
 И, взявъ съ собой свои мечты,
 Найду приютъ между грибами! (*величественно*)
 Тебя не знаю я! Поди!
 Въ моей пылающей груди
 Нѣтъ болѣе мѣста для земнаго
 И для ничтожной суеты!
 Не говори, что бѣдность ты;
 Я бѣдность знаю отъ рожденья.
 Ты духъ лукавый искушенья!

ГЕНІЙ (*среди тумана.*)

Елизавета!

ЕЛИЗАВЕТА (*бѣжитъ къ нему на встрѣчу,*)
 Мой святой!

(*Привидѣніе исчезаетъ.*)

ГЕНІЙ.

Иди, и будь всегда со мной!

(*заключаетъ ее въ объятія.*)

Это превращеніе бѣдной хижинны въ привидѣніе, въ самую Бѣдность, исполнено высокой поэзіи. Г. Тимофеевъ, котораго мы не испортили преждевременными похвалами, каждый день совершенствуетъ свое прекрасное дарованіе и постепенно стремится выше и выше. Каждое его произведеніе знаменуется новымъ и болѣе заслуженнымъ успѣхомъ. Фантазія эта, по мнѣнію нашему, лучшее его твореніе: она прелестна. Ея содержаніе взято изъ трогательнаго жизнеописанія Елизаветы Кульманъ, которое помѣщено было въ нашемъ журналѣ. Г. Тимофеевъ перенесъ въ свою поэму многія черты, такъ живо и искусно изображенныя въ этой статьѣ, и поэтизировалъ ихъ весьма удачными вымыслами. Эту книгу будутъ читать всѣ.

Не столько читателей найдутъ себя у насъ Нѣмецкія стихотворенія Елизаветы, изданныя почтеннымъ ея наставникомъ, докторомъ Гроссгейнрихомъ, изъ которыхъ мы привели здѣсь два отрывка, не самые лучшіе, но наиболѣе сходствующіе съ нашимъ предметомъ. Гёте и Жанъ-Поль находили много таланта въ этой необыкновенной дѣвушкѣ, и предсказывали ей высокое мѣсто въ словесности своего края. Въ этихъ четырехъ томахъ, которые читаются съ пріятностью и сильнымъ интересомъ, возбуждаемымъ самою сочинительницею, увлекли насъ наиболѣе въ свою пользу ея переводы съ Греческаго, особенно изъ Теокрита и Авакреона.

Осенній вечеръ. Изданный В. Лебедевымъ. *СП.-бурз., въ тип. Вишгебера, 1835, въ-12., стр. 238.*

Надобно думать, что это альманахъ. Если гипотеза наша основательна, она можетъ привести насъ къ другому, еще важнѣйшему умозаключенію. Пріятеля издателя, какъ говорить предисловіе, размышляли цѣлый вечеръ какъ назвать его книгу, и, не назвавши ни какъ, взяли шляпы и ушли: надобно думать, что пріятеля издателя—люди очень очень вѣжливыя и благовоспитанные, и что они разошлись не назвавши ни какъ альманаха, потому что не хотѣли сказать настоящаго его имени. И такъ какъ пріятеля издателя размышляли цѣлый вечеръ,—а это было осенью,—то, по ихъ ухodu, онъ тотчасъ нарекъ свой альманахъ «Осенній вечеромъ.» Любя открывать во всемъ хорошую сторону, мы находимъ заглавіе это чрезвычайно удачнымъ: осенній вечеръ напоминаетъ идею скуки, сырости, дремоты, на дворѣ, и въ альманахѣ; вездѣ вяло и темно, въ альманахѣ, какъ на дворѣ; разказываютъ пустяки, чтобъ не заснуть, не заботясь о слушателяхъ, которыхъ усыпляютъ. Точь-въ-точь какъ въ этомъ альманахѣ.

Прежде всего поставленъ военный разказъ, «Ночь подъ Варшавою.» Расказчикъ, утомленный во время дня сраженіемъ, вздумалъ вечеромъ уснуть на бивуакѣ; положилъ въ голову кулакъ, а подъ бокъ и такъ; но какъ на кулакѣ не спится и утомленному, то онъ всталъ и пошелъ, куда глаза глядятъ; пришелъ въ походный лазаретъ и увидѣлъ подъ

блвой простыней солдата, у котораго оторвало обь руки и обь ноги. Солдаты болѣе всего горевали, что ему нельзя табакъ въ трубку набивать. Раскащикъ, какъ великодушный офицеръ, предложилъ ему свою трубку, подарилъ весь табакъ свой, и ушелъ.

За этимъ слѣдуетъ «Фантъ». Молодому человеку Вельскому «вышелъ фантъ»; ему предложили написать что-нибудь, — и онъ написалъ, или списалъ, происхождение половицы — *Le charbonnier est maître en sa maison*.

За этимъ «Малороссійское преданіе». У богатаго казака, «Ивана добраго человека», было двасына; въ садъкънему повадился огромный вепрь; Иванъ поручилъ сыновьямъ своимъ убить вепря. Старшему не удалось; меньшей былъ счастливѣе; старшій изъ зависти убилъ своего брата. На могилѣ выросъ стебель болиголовы. Шелъ пастухъ, срѣзалъ стебель, и сдѣлалъ дудочку. Дудочка заиграла и зашла о убійствѣ. Преступленіе открылось; виновный удалился въ дремучіе лѣса и терзался совѣстью до самой кончины. Мы расскажемъ сочинителю Фригійское преданіе. Былъ царь Мидасъ; онъ игралъ на дудкѣ, и утверждалъ, что играетъ лучше Аполлона; Аполлонъ надвинулъ его за то ослиными ушами. Царь Мидасъ скорѣе надѣлъ шапку, чтобъ спрятать уши, и дудку зарылъ въ землю. Дудка пустила отпрыскъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ выросъ на этомъ мѣстѣ большой тростникъ. Вообразите огорченіе царя Мидаса, когда онъ примѣтилъ, что, какъ скоро на тростникъ подуетъ вѣтеръ, тростинки явственно перешептываются—«У царя Мидаса ослиныя уши!» Сочинитель не догадался, что Малороссійское преданіе сочинилъ какой-нибудь узданный учитель.

Потомъ слѣдуетъ отрывокъ изъ романа «Тушинскій воръ», съ эпиграфомъ—«Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ». Дѣйствіе въ Тушинскомъ лагерѣ, въ обширной ставкѣ гетмана. Всѣ присутствующіе пьяны; входитъ самозванецъ; гетманъ, также пьяный, ругаетъ его и хочетъ ударить. Самозванецъ кричить — измѣна!, и бѣжитъ вонъ.

Потомъ—«Жертва обольщенія, новая Петербургская быль». Одну добрую, разумную, невинную, дѣвушку обольщаетъ молодой корнетъ и оставляетъ ее; дѣвушка съ отчаянія

гибнуть; корнетъ раскалывается. И женихъ дѣвушка, чиновникъ, «щелкая на счетахъ», часто невольно произноситъ: Вотъ что открылось!»

Потомъ — «Чаша изъ дѣвичьяго черепа». Та же пѣсня другими словами, съ тою разницею, что трупъ оболъщенной дѣвушка попадаетъ въ анатомическій театръ, и одинъ студентъ, которому оболъститель былъ другомъ, дѣлаетъ изъ ея черепа чашу.

Потомъ, воззваніе И. Н. Скобелева «къ благороднымъ воинамъ»; наконецъ еще нѣсколько расказовъ въ одну и двѣ страницы, о которыхъ мы краснорѣчиво умалчиваемъ.

Это проза. Между стихами мы съ изумленіемъ встрѣтили стихотворенія Гг. Бенедиктова и Ершова. Мы спасемъ хоть двѣ ихъ пѣски отъ печальной участи, ожидающей зтотъ альманахъ, переноса на наши страницы стихи Г. Бенедиктова «къ Аделаидѣ» и пѣсню изъ отрывка «Фоза кузнецъ», Г. Ершова. Благодарить не надобно: это долгъ челоуѣколюбія. Вотъ стихи къ Аделаидѣ.

«Нѣтъ, красавица, напрасно
Твой языкъ лепечетъ мнѣ,
Что родилась ты въ ненастной,
Въ нашей хладной сторонѣ.
Нѣтъ, не вѣрю: изъ далека
Бурный вѣтръ тебя увлекъ;
Ты — жемчужина Востока,
Поля жаркаго цвѣтокъ.
Черный глазъ и черный волосъ, —
Все не нашихъ русскихъ дѣвъ,
И брилліантовый твой голосъ
Сыплеть рѣчь не на распѣвъ.
Нѣтъ въ лицѣ твоёмъ тумана,
Грудь не сжата у тебя,
И извивъ живаго стана —
Азіятская змѣя.
Ты глядишь, очей не жмури,
И въ очахъ кипитъ смола,
И тропическая буря
Дышитъ пламенемъ съ чела;
Фосфоръ, въ бѣшеномъ блистанъ —
Взоры быстрые твои;

И сладчайшее дыханье
Взвѣтъ мускусомъ любви.

Вотъ пѣсенка :

Старикъ лука (*поэтъ, работа въ кузницѣ*).

«Вдѣль по улицъ широкой

Молодой кузнецъ идетъ :

Охъ, идетъ кузнецъ, идетъ !

Пѣсни съ посвистомъ поетъ!

Тукъ! тукъ! въ десять рукъ

Приударимъ, братцы, вдругъ!

Соловьемъ слова раскатить ,

Дробью рѣчь онъ поведетъ

Охъ, рѣчь дробью поведетъ !

Словно меду поднесетъ !

Тукъ! тукъ! въ десять рукъ

Приударимъ, братцы, вдругъ!

«Полюби, душа Параша,

«Ты лихаго молодца ;

«Охъ, лихаго молодца ,

«Что въ Тобольскѣ кузнеца!

Тукъ! тукъ! въ десять рукъ

Приударимъ, братцы, вдругъ!

«Какъ полюбишь, разголубишь ,

«Словно царствомъ подаришь :

«Охъ, ужъ царствомъ подаришь!

«Енераломъ учинишь!

Тукъ! тукъ! въ десять рукъ

Приударимъ, братцы, вдругъ!»

Очень сожалѣемъ, что не можемъ спасти болѣе.

Таковъ Русскій альманахъ на 1836 годъ. Наружность его еще менѣе блистательна, чѣмъ внутренность. Онъ напоминаетъ намъ, что въ Англiи вышелъ тоже Русскій альманахъ, только по-Англійски: тамошній книгопродавецъ Гитъ (Heath) хотѣлъ, кажется, показать нашимъ издателямъ альманаховъ, какой видъ должны имѣть подобныя литературныя игрушки. Изящность, красота, великолѣпіе этого изданія, вышедшаго подъ заглавіемъ Heath's Picturesque Annual for 1836; St.-Petersburg and Moscow, «Гитовъ Живописный Альманахъ на 1836 годъ; Петербургъ и Москва», не уступаютъ блистательнѣйшимъ произведеніямъ Англійской типо-

графин. Альманахъ, отпечатанный на неподходящей бумагѣ, украшенъ двадцатью пятью видами обихъ Русскихъ столицъ. Виды сняты живописцемъ, прѣзжавшимъ нарочно въ Россію на счетъ книгопродавца, и гравированы на стали первыми художниками; текстомъ къ гравюрамъ служитъ «Путешествіе черезъ Курляндію и Ливонію въ С.-Петербургъ и Москву», *A Journey to Petersburg and Moscow through Curlandia and Livonia*, написанное известнымъ Англійскимъ литераторомъ, Г-мъ Лейчъ-Ричи, который прошедшею весною совершилъ tour по Россіи также на иждивеніи Гита. Изъ этого можно видѣть, какихъ издержекъ стоило изданіе, которому назначено жить только одинъ день,—явиться въ новый годъ на столікѣ молодой дамы, полчаса занять ее собою, и потомъ исчезнуть въ дѣтской. Но безъ издержекъ нельзя произвести ничего отличнаго. Одинадцать человекъ художниковъ трудились надъ гравюрами, подъ которыми встрѣчаются имена Вильмора, Джордена и Валлиса, пользующихся Европейскою извѣстностью: видъ дворцовой пристани и части Адмиралтейства при лунномъ свѣтѣ, видъ Москвы съ Кремля и видъ Кремля, всѣ три работы Вильмора, удивительны по тонкости, чистотѣ и мягкости рѣза. Что касается до текста, то есть, до «Путешествія» Гна Лейчъ-Ричи, Конюшаго, то это самая маловажная часть альманаха: наблюденія сочинителя, который пробылъ двѣ недѣли въ Петербургѣ и шесть недѣль въ Москвѣ, поверхностны, и сужденія его запоспѣвы; онъ самъ ничего не видалъ; онъ записывалъ то, что ему говорили, и толкуетъ чужія слова наобумъ. Но отъ альманачнаго путешественника нельзя и требовать чего-нибудь основательнаго. Г. Лейчъ-Ричи, Конюшій, просто литературный работникъ, который обзрѣваетъ государства и нравы для книгопродавца и судитъ только для большаго эффекта гравюръ. Со всемъ тѣмъ одно его замѣчаніе весьма справедливо. Онъ говоритъ: «Едва ли можно сказать, что въ Петербургѣ есть общества между литераторами: противоположность мнѣній и выгодъ писателей, которыхъ здѣсь всего нѣсколько человекъ, простирается до такой крайности, что общеніе между ними—вещь невозможная. Но иностранецъ не примѣчаетъ этого съ перваго взгляда: въ каждомъ изъ нихъ столько откровенности и

радушія , что , принявъ еще въ расчетъ врожденную Русскимъ доброту сердца , подумаешь , будто зависть , вражда , злоба , неумолимость , не могутъ существовать между ними . Однако жъ я ни въ какой другой столицѣ не видалъ раздоровъ , болѣе язвительныхъ .» Къ несчастію , совершенная правда! Эти раздоры суть пятно нашей литературы , антоновъ огонь , который ее жжетъ и съждаетъ . Но причина ихъ не въ противоположности литературныхъ мнѣній : увы , надобно спуститься ниже , чтобы открыть ее ! Величайшее зло нашей литературы состоитъ въ недостаткѣ направленія у молодыхъ литераторовъ къ твореніямъ важнымъ и требующимъ долгаго труда : ихъ умъ и способности болѣею частью испаряются изъ головы статейками и брошюрами , и оставшаяся пустота естественно наполняется горькою завистью ко всякому успѣху ; съ той поры всеобщая брань— ихъ оружіе и средство къ извѣстности . Ужасно подумать , что нѣтъ полезнаго предпріятія , противъ котораго не учредилась бы тотчасъ компанія поврежденныхъ поносителей на акціяхъ ; почти нѣтъ человека , который , посвятивъ удовольствію публики плодъ долгаго литературнаго приготовленія , усиленный трудъ безсонныхъ ночей , покупаетъ одобреніе ея цвнкою своего здоровья ,—чтобъ противъ него не возникали нарочные журнальцы , не предписывающіе себѣ другой цвль , кромѣ той , чтобъ чернить и ругать его постоянно . Вотъ понятіе ихъ о пользѣ и литературѣ ! Эти господа не возвысились еще даже до идеи о правилѣ , которое строго соблюдаютъ всѣ лучшіе журналы Англійскіе и Французскіе ,—не говорить одинъ о другомъ , не упоминать даже никогда другъ о другѣ . Въ образованныхъ литературныхъ сословіяхъ каждый журналъ поддерживаетъ свои мнѣнія и ни одинъ не опровергаетъ словъ своего противника : въ этомъ заключается достоинство . Тамъ , гдѣ журналы умѣютъ уважать себя , полемика и всѣ ея нечистоты предоставлены однимъ газетамъ . Къ счастью , Г. Лейчъ-Ричи , Конюшій , не замѣтилъ того , что у насъ журналистика еще въ такомъ ребячествѣ .

Разсказы и повѣсти , *переведенные Н. Ш. Сп.-бургъ , въ тип. Вунгембера , 1835 , въ-12 . Четыре части , стр. 260—288—246—300 .*

Право, господинъ Н. Ш. переводитъ прелестно! Эти милые, щегольскіе четыре томка наполнены повѣстями и разсказами, выбранными съ умѣньемъ, съ разборчивостью, изъ Англійскихъ журналовъ и сочиненій Карла Нодіе, Бальзака, Сю, и прочая. Изящность въ языкъ, изящность въ наружномъ видѣ книги, — все показываетъ въ переводчикѣ чловѣкъ со вкусомъ, и мы не можемъ рекомендовать читателямъ пріятнѣйшаго чтенія, чѣмъ эти четыре тома.

Библиотека романовъ и историческихъ записокъ, издаваемая книгопродавцемъ Ф. Ротганомъ на 1835 годъ. *СП.-бургъ, 1835, въ-12., стр. 238—204. Томы вольши XVI и XVII.*

Въ двухъ новыхъ книжечкахъ «Библиотеки романовъ» помѣщены «Записки доктора», то есть, только первая часть его записокъ, а второй части достанетъ издателямъ еще на нѣсколько такихъ же вольшихъ томовъ. Это называется — политическая экономія.

Иванъ Савельичъ, *Московская шутка, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ.* Теодора Кони. Москва, въ тип. Степанова, 1835, въ-12., стр. 136.

Московская шутка? Это что за новость? Москва начинаетъ шутить? Г. Кони ошибается: милостивый государь, Москва, — мы говоримъ о Москвѣ пишущей и печатающей, — никогда не шутитъ; Москва ругается. Прощу не нарушать ея литературныхъ правъ и преимуществъ. Это такъ верно, что если кому въ Петербургъ прійдетъ охота ругаться, онъ долженъ послать свою статью въ Москву и ругаться оттуда. Я не говорю, чтобы въ Москвѣ порой не шутили надъ нами, но..... Нутка, посмотримъ, какъ Г. Кони, который иногда не чуждъ шутливости, шутить, когда онъ шутитъ по-Московски?

Крутицынъ, пожилой баринъ, генералъ напоковъ, членъ Англійскаго клуба и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, имѣть племянника, корнета Ужимскаго, и племянницу, молодую вдову, княгиню Любину. Время, извольте знать, масляничное; Ужимскому и Любиной хочется задать (технической терминъ) маскарадъ; пожилой баринъ, ихъ дядя, —

врагъ всякихъ маскарадовъ: на каковомъ основаніи, его укладываютъ спать. Едва Крутицынъ ушелъ, корнетъ кричитъ *слѣва*: «Сидорка! Андрей! Петрушка! Филка! Эй! вы! люди! черти!» Вы видите, что эти господа не шутятъ, а ругаются. Книгиня кричитъ *справа*: «Настасья! Авдотья! Таня! Олянька! Таня! Слышите ли? Оглохли? Докличусь ли васъ, мерзавки?» И опять выходитъ по-нашему! Словомъ, въ Москвѣ ругаются слѣва и справа, и это почитается тамъ шуткою. Послѣ чего наступаютъ бѣготня и суматоха; начинаются приготовленія къ задачъ маскараду.

Гости напоминаютъ комнаты. Приходитъ воздушная цыганка; безъ шутокъ, воздушная, — и вотъ все въ восторгъ. Цыганка поетъ:

«Насъ бравятъ: не змай!
 Ручку дай, погадай
 Про свою зазнобу.
 То-то рай! То-то май!
 Добру вѣсточку узнай
 Про милу особу.

«Ручку дай мнѣ свою,
 Я на ней погляжу,
 Досконально скажу:
 Коли мнѣ, не стаю,
 А не мнѣ, сворожу.

«Не горюй же, мой родной!
 Ты вѣдь господинъ честной,
 И богатъ, и торовать,
 И пригожь собой на взглядъ:
 Такъ найдешь себѣ другую,
 Раскрасавицу такую,
 Что ни въ сказкѣ сказать,
 Ни перомъ написать.

в с ѣ.

«Прелестна, чудесна, мила, и воздушна!
 Какой голосочникъ! и сколько огня!

м а с к а.

«Однако подь маской, признаться, мнѣ душно....
 Ну что жъ, господа, не узнали меня?

в с ѣ.

«Нѣтъ! нѣтъ! не узнали, хотя бы желали!

МАСКА.

«Такъ это — откроюсь вамъ — а!»

Вы, можетъ-быть, думаете, что это какая-нибудь воздушная Симбирская кухарка? Извините, это — сама княгиня. Мы привели бы еще образчикъ того, какъ ея гости *поддаютъ* маскарладу, но спѣшимъ къ развязкѣ Московской шутки.

Крутицынъ между-тѣмъ узнаетъ въ своей спальнѣ, что племянникъ его задолжалъ двѣнадцать тысячъ, а племянница имѣетъ любовную переписку съ однимъ негодяемъ. Старикъ является въ плафрокъ среди собранія; гости принимаютъ его за маску; ему, пока, нѣтъ нужды разувѣрять ихъ въ этомъ. Нѣкоторые говорятъ, что это известный шутъ, Иванъ Савельичъ, и Крутицынъ идетъ за шуту, Ивана Савельевича. Ему надѣваютъ накладной носъ: въ этомъ домашнемъ костюмѣ, неузнанный ни племянницею ни племянникомъ, онъ поетъ пѣсню княгини, а княгиня при всѣхъ объявляетъ, что всѣ мысли ея «какъ-то въ беспорядкѣ», и что болѣзнь ея зовутъ *любовью*, безъ шутокъ. Услышавъ это, генералъ Крутицынъ, членъ Англійскаго Клуба и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, затягиваетъ вторую пѣсню, и ругаетъ всѣхъ въ своемъ домѣ на голось — *Чѣмъ тебя я огорчила.*

/ Сперва княгиню :

«Такую боль лечить, признаюсь,
Не стоитъ даже и хлопотъ!»

Потомъ племянника :

Тебя лечить пришлось по спинѣ!»

Потомъ одного журналиста :

«Въ тебѣ болѣзней цѣлыхъ двѣ»

Потомъ какую-то вдову:

«Тебѣ, красotka, нуженъ мужъ.»

Попѣвши такимъ образомъ, старикъ рѣшается испытать княгиню и корнета, и приказываетъ слугѣ объявить имъ, что онъ умираетъ въ своей спальнѣ. Княгиня и корнетъ оставляютъ балъ, и бѣгутъ въ спальню проститься. *Добраго* старика трогаетъ такая нѣжность; онъ снимаетъ свой

накладной носъ, гонять гостей вонъ, платить за племянника долгъ и выдаетъ племянницу замужъ за негодяя. Это уже выходитъ за предѣлы шутки. Ежели добрые люди такъ шутятъ въ Москвѣ, что жъ другіе! Оставшіеся гости говорятъ:

ФИНТИЛИШКИНЪ.

«Здѣшній балъ настоящее *собрание любителей*.

ЯКОВЪ НАЗАРЫЧЪ (*пожилой дамъ*).

Я вездѣ вижу только васъ.....

ДАМА.

Какъ! даже въ азбучкѣ?

ЯКОВЪ НАЗАРЫЧЪ.

Опять за шутки! Вѣдь я ужъ не ребенокъ.

ДАМА.

О, да вы другой Джакомо Санназаръ!

ЯКОВЪ НАЗАРЫЧЪ.

Нѣтъ, я Яковъ Назарычъ (*смысьтесь, это каламбуръ*).

НИКАНОРЪ СЕМЕНОВИЧЪ.

Сколько ума! грасы!....

КНЯГЕНЯ.

Что вы напишете объ этомъ водевилѣ?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Разругаю!»

Плохія же Московскія шутки!

Заговоръ противъ себя, или Сонъ въ руку. *Сценическая бездѣлка въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Сочиненіе Гавріила фонъ-Бейера. Шп.-бургъ, въ тип. Вингембера, 1835, въ-8., стр. 56.*

Сонъ въ руку, но книга Г. Гавріила фонъ-Бейера..... изъ рукъ вонъ! Впрочемъ авторъ хотѣлъ написать только «бездѣлку». Для этой бездѣлки онъ обобралъ старую комедію «Романъ на большой дорогѣ», и еще пустился подражать въ характерахъ Грибовдову. Бездѣлка!

Лариза Дмитріевна, дочь Московской помѣщицы Хлопуновой, влюблена въ молодого поэта Лидина. Агата, «фаворитка барыня, воспитывавшаяся съ Ларизой», помогаетъ мѣ. Но рука Ларизы обвѣщена матерью графу Флерову. Любовь, какъ извѣстно, хитра. Лариза говоритъ жениху своему, что знаетъ одного помѣщаннаго поэта, которому —

Т. XIII. — Отд. VI.

4

«По мнѣнью лекарей,
Итъ средства возвратить разсудокъ, какъ рѣшится
Кому-нибудь въ него влюбленной притвориться.»

Лариза проситъ графа позволить ей взять эту роль на себя; графъ соглашается. Увѣдомленный уже обо всемъ, Лидинъ приходитъ, несетъ чепуху, страшаетъ графа. Графъ становится за Ларизу и отвѣчаетъ Лидину ея голосомъ:

«Вы знать хотите,
Люблю ль васъ? Ахъ, люблю! И даже страстно, такъ,
Что *нѣту* словъ! ЛИДИНЪ. Но мой соперникъ? ГРАФЪ. Онъ
дуракъ.»

Нѣту, вмѣсто *нѣтуту*, языкъ графовъ. Между тѣмъ призываетъ госпожа Хлопотунова, которая выдаетъ дочерей своихъ за графовъ и которую —

«Какой-то тамъ пострѣлъ,
Въ толкучемъ, на сорокъ рублей огрѣлъ.»

Но это еще бездѣлка; дѣло впереди. Госпожа Хлопотунова съ изумленіемъ видитъ у себя въ домѣ бѣдняка Лидина Флеровъ, чтобы не разстроить затѣянной комедіи, рекомендуетъ его какъ своего стараго друга, влюбленнаго въ Ларизу, и проситъ соединить ихъ, обещая подарить ему восемь сотъ душъ въ день свадьбы. Госпожа Хлопотунова соглашается. Въ эту минуту попадаетъ въ руки Флерова записка, которою Лариза извѣщала Лидина о своей хитрости. Графъ, прочитавъ ее, говорить:

«Совѣ въ руку: вотъ и диво!
Лариза Дмитревна, вы такъ-то? Хороши!
Такъ знайте жъ, не даю злодѣю ни души.»

Но бездушный Лидинъ только-что получилъ сто тысячъ наслѣдства. Графъ, въ бѣшенствѣ обращаясь къ Ларизѣ, восклицаетъ:

«А васъ, сударыня, повѣрьте, отучу
Отъ этихъ хитростей! Иду, бѣгу, скачу,
Проказы всѣ пушу по городу въ огласку.
Прошу покорнѣйше, сплела какую сказку!
И я повѣрить могъ!... А ГАТА (*убѣгая*). Ахти бѣда, заусить!»

Но графъ только обращается къ дверямъ, и кричитъ: «

реть! Онъ бѣжитъ вонъ и спотыкается. Хлопотунова соединяетъ любовниковъ.

Ума въ этой сценической бездѣлкѣ—самая бездѣлка!

ЧТЕНІЯ ДЛЯ УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ *малолѣтнихъ дѣтей и обогащенія ихъ познаніями.* Составлены Егоромъ Гугелемъ, инспекторомъ классовъ Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Гатчинѣ. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Сп.-бургъ, въ тип. Крайя, 1835, въ 8., стр. XIII и 161.

Полезьа небольшой этой книги утверждена опытомъ, и третье изданіе въ два года есть лучшая похвала ея содержанію, какой только можетъ желать самъ сочинитель.

1. Порядокъ латинскихъ словъ, выведенный изъ сочиненій Цицерона для всего Латинскаго синтаксиса. Новая Цицероновская христоматія, по руководству Х. Брёдера, изданная И Снегиревымъ. Въ пользу учащихся Латинскому языку. Москва, въ тип. Университетской, 1835, въ 8., стр. 239.

2. Грекороссійскій словарь къ Новому Завету, въ пользу юношества. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1835, въ 12., стр. 256.

Христоматія Брёдера пользуется въ учебномъ сословіи весьма лестной извѣстностью. Признаемся, что мы всегда находили въ «открытіи» этого ученаго латиниста нѣсколько яснovidнiя и духа системодѣлія. Замѣчанія его о преимущественномъ, или громчайшемъ, словъ періода весьма основательны: всѣ языки, которые допускаютъ произвольную разстановку словъ, подвергаются въ этомъ отношеніи одинаковому правилу съ Латинскимъ, — языки Семитическіе болѣе всѣхъ другихъ. Но приложеніе этого правила, которому онъ даетъ почти безусловную обширность, мѣшаетъ много произвольнаго, и наша проницательность часто свѣдѣла постигнуть отъѣнка преимущественности въ словъ, на которыя онъ указываетъ. Вообще, на порядокъ словъ Бра (писемъ) и гармонія звуковъ дѣйствуютъ въ такихъ языкахъ еще сильнѣе громчайшаго слова, изъ котораго Брёдеръ дѣлаетъ важнѣйшую часть Латинскаго синтаксиса.

Цель его хрестоматии — познакомить занимающихся Латинским языком с этою «важнѣйшею частію, и вмѣстѣ показать духъ Римскаго слова въ идиотизмахъ конструкціи и отличительныя свойства слога Цицерона, изъ сочиненій котораго онъ вывелъ свое правило о порядкѣ Латинскихъ словъ.» Брѣдеръ проводитъ это правило помощію примѣровъ черезъ всѣ главныя правила Латинскаго словосочиненія. Но преувеличеніе силы и пользы любимаго дѣятеля не мѣшаетъ его сочиненію быть очень хорошею хрестоматіей, и выборъ Г. Снегирева не могъ пасть на лучшее въ своемъ родѣ учебное пособіе.

О Греко-Россійскомъ, или Греко-Русскомъ, словарѣ для книгъ Новаго Завета можно сказать только то, что онъ соответствуетъ своему назначенію, какъ классное пособіе для воспитанниковъ, которые переводятъ Греческій текстъ Новаго Завета подъ руководствомъ учителя: толкованія словъ кратки, правильны и ясны; но такъ какъ это словарь спеціальный, то въ немъ бы слѣдовало быть болѣе идиотизмовъ и примѣчательнѣйшихъ фразъ изъ книги, которую онъ объясняетъ начинающимъ эллинистамъ; въ особенности надобно было обратить вниманіе на слова, выраженія и обороты, принадлежащіе Сиро-Греческому языку, и отличить ихъ отъѣтками отъ чистаго Эллинскаго слова, чтобы воспитанники не принимали за свойства и духъ Греческаго языка особенностей, которыя ему не принадлежатъ. Этимъ улучшеніемъ сочинитель, вѣроятно, обогатитъ второе изданіе.

Ученныя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ. 1835. Книжка II. Казань, в тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 220.

Книжка состоитъ изъ трехъ статей, — математической, зоологической и ориентальной. Въ первой, профессоръ Лобачевскій излагаетъ способъ увѣряться къ исчезанію безконечныхъ строкъ и приближаться къ значенію функций отъ весьма большихъ чиселъ. Статья Г. Эверсманна, писанная въ Латинскомъ языкѣ, есть «прибавленіе» къ Русско-Азіатской зоографіи знаменитаго Палласа. Г. Ковалевскій, въ третьей статьѣ, продолжаетъ свой любопытный опытъ о Буддѣ

ской космогоніи, и будетъ продолжать его въ слѣдующихъ книжкахъ «Записокъ». Трудъ молодого ориенталиста весьма полезенъ: всѣ Русскіе желали бы узнать начала вѣры, которую исповѣдуютъ цѣлыя народы въ нашемъ отечествѣ, и всѣ просвѣщенные читатели были бы въ восторгѣ, если бы сочинители статейъ и книжонокъ о Сибири перестали послѣ этого говорить о религіи Калмыковъ и Бурятковъ, которой они не понимаютъ. Но чтобы трудъ Г. Ковалевскаго могъ произвестъ эти два важныя послѣдствія, онъ бы долженъ былъ облечься въ болѣе изящную форму: къ сожалѣнію, Г. Ковалевскій пишетъ по-Русски Далай-Ламскимъ слогомъ, котораго образцовъ мы не приводимъ, потому что любители могутъ найти его въ первой Русской газетѣ, которая попадетъ въ руки. Зная столько любопытныхъ вещей, которыя онъ могъ бы и имѣть охоту разсказывать, онъ долженъ былъ бы обратить болѣе вниманія на свой языкъ, оставить дурную школу небывалаго Русскаго періода, и преобразовать свою книжную фразу. Нѣтъ ничего легче, какъ хорошо писать по-Русски: стоить только писать впрямъ по-Русски, чисто, совершенно по-Русски; естественными Русскими словами и оборотами, безъ примѣси выраженій, не принадлежащихъ къ языку нашего вѣка. Чистый, естественный, подлинный Русскій языкъ — тотъ, который въ устахъ всей Россіи; и всякій другой языкъ, который съ нимъ не сходенъ, который даже смѣетъ ему противорѣчить, будь онъ книжный, литературный, высокій, ученый или премудрый, есть ни что иное какъ безвкусная выдумка, дурная шутка надъ Русскимъ народомъ, нарѣчіе поддѣльное, ложное, испорченное, *lingua sregia*, словомъ, языкъ Далай-Ламскій. Вотъ самое простое и вѣрное средство писать прекрасно по-Русски: пишите такъ, какъ вы говорите; подслушивайте самихъ себя и пишите; укладывайте слова въ томъ порядкѣ, въ какомъ они выходятъ изъ вашихъ устъ въ бесѣдѣ, — это Русскій порядокъ; незапутывайте мысли лишними словами и натянутыми оборотами, — это первое основаніе изящности; и пуще всего не употребляйте словъ, которыми вы не мыслите, потому что это значить — патажка и отсутствіе вкуса или незнаніе первыхъ его правилъ. Мы нагнемся познакомить публику съ статьями Г. Ковалевскаго

посредствомъ пространнаго извлеченія: онѣ вполне заслуживаютъ этого своимъ содержаніемъ.

Въ «Смѣси» мы нашли извѣстіе, что въ Селенгинскѣ напечатаны уже двѣ книги Моисея Англійскими миссіонерами, которые предприняли издать Ветхій Заветъ въ Монгольскомъ переводѣ; что въ Университетской типографіи напечатана краткая грамматика Монгольскаго книжнаго языка, составленная Г. Ковалевскимъ, и что въ непродолжительномъ времени поступать въ печать двѣ Монгольскія христіанскія, составленныя Гг. Ковалевскимъ и Поповымъ. Всѣ эти извѣстія очень пріятны.

Мы слышали, что приверженцы Русскаго книжнаго языка, которые рѣшились скорѣе погибнуть подъ развалинами риторическаго періода, скорѣе быть засыпаны осколками мертвыхъ словъ и длинныхъ причастій, чѣмъ писать языкомъ своего вѣка, ожидаютъ грамматикъ Монгольскаго книжнаго языка съ большимъ нетерпѣніемъ: они надѣются найти въ немъ сильный аргументъ въ пользу дѣла, которое защищаютъ, и даже извлечь новыя красоты для своего слога.

Лѣтопись факультетовъ на 1835 годъ, изданная въ двухъ книгахъ А. Галичемъ и В. Плаксинимъ. СПб.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1835, въ-8., стр. IV и 237.

Издатели предостерегаютъ въ предисловіи, что это не журналъ, не альманахъ, не справочный словарь, не книга, даже не книга для чтенія, а такъ! — лѣтопись. Лѣтопись есть печатное существо, какъ сказалъ бы Г. Галичь, безполаго пола, книга — скопецъ, принадлежность высокой людскости. Кто хочетъ еще менѣе знать, что это такое, для того издатели прибавляютъ къ заглавію второе слово — «Лѣтопись факультетовъ». Ежели и это слишкомъ ясно, такъ ужъ издатели не знаютъ какъ и быть, чтобъ ихъ не понимали!

Мы угадываемъ, какой смыслъ запрятали они въ названіе «Лѣтописи факультетовъ», но не скажемъ: не должно портить эффекта; отгадывайте сами.

Надобно однако жъ сказать, отложивъ всѣ опредѣленія всторону, что «Лѣтопись факультетовъ» состоитъ изъ статей, которыя издатели, также не зная какъ назвать ихъ,

называютъ «брошюрными» и «дѣльными». Онѣ-то, «въ восходящемъ порядкѣ занимательности и важности», составляютъ автопись факультетовъ. Вся сила здѣсь въ восходящемъ порядкѣ: такъ, книга открывается стихами, — это низшая степень занимательности и важности; подлѣ нихъ, почти на той же ступени, стоятъ критика Г. Плаксина и «Роспись идеаламъ Греческой пластики» Г. Галича. Все это еще очень низко. Но немножко выше вы уже видите «Вступленіе въ исторію театровъ». А вознеситесь еще нѣсколько, и вы узнаете, «Какъ легко испортить прекрасную женскую природу». Далѣе, черезъ голову женской природы, Г. Вознесенскій бросаетъ взглядъ на Исторію; надъ головой «Взгляда», Г. Прррр — ской разыскиваетъ причины различія народовъ, а изъ-за народовъ колоссально возстааетъ «Нѣчто о рыцаряхъ», нѣчто Г. Плаксина. Это уже довольно высоко, потому что рыцари всѣ верховъ на коняхъ. Восходя такимъ образомъ всё выше и выше, вы, черезъ богатство народовъ, черезъ разумъ завѣщаній, черезъ горные промыслы и пчеловодство, достигаете наконецъ до зенита мудрости, до самаго нельзя занимательности и важности, — до «вѣтровъ жаркаго пояса» Г. Брута. Выше и удивительнѣе этого нѣтъ ничего въ мірѣ.

О содержаніи восходящихъ статей много говорить не нужно. Г. Плаксинъ, критикъ, не можетъ отгадать стремленія барона Брамбеуса, которое однако жъ очень ясно: этотъ баронъ не имѣетъ другой цѣли кромѣ Искусства; онъ вполне раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что пора возстановить права живаго, подлиннаго Русскаго языка, попораннаго школьничествомъ и педантствомъ; исторгнуть этотъ прекрасный языкъ изъ рукъ семинаристовъ, и передать его высшимъ сословіямъ, природнымъ хранителямъ изящности и вкуса; возвратить отечественную литературу къ единственному источнику жизни, силы и блеска, — языку современному; ослабить убійственное суевѣріе въ умъ Французовъ, внушить Русскому уму болѣе довѣрія къ себѣ, и утвердить на этомъ краеугольномъ камнѣ самобытность и народность нашей словесности; и снѣ полагаетъ вмѣстѣ съ ними, что должно стремиться къ такой цѣли всеми путями, всеми мѣрами, всеми своими средствами, — насмѣшкою и слезами, повѣстью

и ученою статьею, вводя повсюду живой Русскій языкъ, дѣлая съ нимъ опыты въ различныхъ видахъ, и преслѣдуя свой предметъ сквозь Физику, разсказъ, Геологию, быль, Философію, Статистику, сказку, Исторію, даже сельское хозяйство, потому что въ этихъ опытахъ часто облекаются въ изящныя формы живаго слова между-прочимъ и разсужденія о навозѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя усилія, которыхъ многіе не понимаютъ или нарочно не хотятъ понять, произвели уже кой-какую пользу: вотъ, примѣрно сказать, они очевидно имѣли вліяніе на языкъ Г. Плаксына; мы не говоримъ, чтобы его языкъ былъ очень хорошъ или носилъ на себѣ отпечатокъ художества, — но какая разница съ языкомъ, со слогомъ прежнихъ сочиненій того же автора! Какъ же почтенный критикъ, уступая самъ этому стремленію, не примѣтилъ, куда оно направлено? Мы не оспариваемъ ни чьихъ критическихъ мнѣній и, хотя не согласны во многомъ съ Г. Плаксынымъ, не станемъ противорѣчить его приговорамъ, но что ясно, того не стоитъ труда подвергать сомнѣнію. Если бъ авторъ доказывалъ, что стремленіе это ложно, что должно говорить однимъ варвѣчемъ, а писать другимъ, мы не сказали бъ ни слова: это по крайней-мѣрѣ было бы мнѣніе, частное мнѣніе Г. Плаксына. Развѣ мы говоримъ что-нибудь о томъ, что, по его словамъ, подлѣ бланстательныхъ твореній Марлинскаго «нельзя не указать на Кошея Безсмертнаго, потому что онъ безсмертенъ какъ и Аббадонна?» Такой, видно, у Г. Плаксына вкусъ!

Изъ «Росписи идеаламъ Греческой красоты» явствуетъ, что «въ Церерѣ намекнута материнская горячность къ дочери Прозерпинѣ.»

Г. Вознесенскій, историкъ, знаетъ «государства, которыя славятся литературными произведеніями, а грамматикѣ не имѣютъ». Нельзя ли познакомить и насъ съ этими государствами, которыя славятся литературными произведеніями, а грамматикѣ не имѣютъ?

Таковы «Автописи факультетовъ.»

Жизнеописаніе Александра Андреевича Баранова, главнаго правителя Россійскихъ колоній въ Америкѣ. С.-П.-бургъ, въ тип. Морской, 1835, въ-8., стр. 209.

Исторія жизни А. А. Баранова тѣсно соединена съ исторіею самыхъ Россійскихъ колоній въ Америкѣ. Своимъ умомъ и дарованіями, онъ возвысился, изъ Каргопольскаго купца, на степень главнаго правителя нашихъ Американскихъ владѣній. По прибытіи его туда, колонія на одномъ Кадыакъ и окружающихъ островахъ, уже истощенныхъ бобровыми промыслами, была главнымъ источникомъ богатства компаніи. Барановъ умѣлъ это пересоздать. Современемъ присоединилъ онъ къ владѣніямъ компаніи обитателей полуострова Аляски и часть материка Америки до озера Иламны, окрестности Кенайской Губы и весь берегъ Чугацкаго Залива до устья Мѣдной Рѣки; завелъ селеніе у горы Св. Іліи, въ Якутатъ, и занялъ островъ Ситху, переименованный послѣ въ Островъ Баранова. «Принявъ въ 1791 году небольшую артель въ Трехъ - Святительской гавани острова Кадыака, говоритъ сочинитель, Барановъ оставилъ въ 1818 году главную факторію въ Ситхѣ, постоянныя конторы для управленія дѣлъ въ Кадыакѣ, Уналашкѣ и Россѣ, и отдѣльныя управы промышленности на островахъ Прибылова, въ Кенайскомъ и Чугацкомъ Заливахъ.»

Этотъ предприимчивый человекъ отличался особенною дѣятельностью, твердостью и неподдѣльною добротою сердца. Въ письмахъ своихъ изъ Ситхи въ Петербургъ камергеръ Резановъ уведомлялъ: «Живемъ мы очень тѣсно; по всѣхъ хуже живётъ нашъ пріобрѣтатель этихъ мѣстъ, — въ какой-то дощатой юртѣ, наполненной сыростью дотога, что всякой день плѣсень обтирають, и при здѣшнихъ сильныхъ дождяхъ текущей какъ рѣшето. Чудный человекъ! онъ заботится только о покойномъ помѣщеніи другихъ, но о себѣ самомъ безпеченъ дотога, что однажды я нашелъ кровать его плавающею и спросилъ, не оторвало ли гдѣ вѣтромъ боковую у хранины его доску. — Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ онъ: видно натекло ко мнѣ съ площади, — и продолжалъ свои распоряженія. Я скажу вамъ, милостивый государь, что Г. Барановъ есть весьма оригинальное и притомъ счастливое произведеніе природы. Имя его громко по всему западному берегу до самой Калифорніи. Бостонцы почитаютъ его и уважають, а Американскіе народы, боясь его, изъ самыхъ

дальнихъ мѣстъ предлагаютъ ему свою дружбу. Изъ Кайганъ знаменитый Тоэнь-Кау нынѣшней весною присылалъ своего сына на Бостонскомъ кораблѣ, чтобъ посмотрѣть Баранова и съ нимъ познакомиться. Признаюсь вамъ, что я съ особеннымъ вниманіемъ студирую этого человека.»

Авторъ жизнеописанія, Г. Хлѣбниковъ, который съ 1816 былъ отправленъ въ Америку комиссіонеромъ компаніи и, какъ самъ говоритъ, не готовился быть писателемъ, имѣлъ еще удовольствіе застать Баранова въ живыхъ. Г. Хлѣбниковъ приписываетъ зависти невыгодную молву, которая носилась объ его дѣйствіяхъ, и старается оправдать его отъ всѣхъ обвиненій. Нельзя не упомянуть, что одинъ изъ главныхъ упрековъ, которымъ слава его подвергалась въ Россіи, относилась къ грозному обращенію, если не его лично, такъ по-крайней-мѣрѣ его подчиненныхъ, съ туземцами. Мы не хотимъ разбирать, въ какой степени это обстоятельство согласно съ истинною, но самый страхъ, который онъ распространилъ къ себѣ, повидимому, не противорѣчитъ упреку. Какъ-бы ни было, Барановъ былъ весьма примѣчательный человекъ, и Г. Хлѣбниковъ написалъ объ немъ любопытную книгу.

Путешествіе барона Александра Гумбольдта по Америкѣ, съ геологическими и климатологическими изслѣдованіями Азии. Перевелъ съ Нѣмецкаго Н. Нероновъ. СПб.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1835, въ-8., стр. 151.

Всѣ любители важныхъ и любопытныхъ книгъ пожалуютъ вмѣстѣ съ нами, что Г. Нероновъ издаетъ отрывками это превосходное твореніе, котораго выборъ и переводъ приносятъ ему столько чести. Нельзя ли выпустить его разомъ? Мы обвщали поговорить подробно объ его содержаніи и ожидаемъ съ нетерпѣніемъ остальныхъ частей.

Въ этомъ второмъ отдѣленіи продолжаютъ «Взгляды на природу»: авторъ говоритъ о физиогномикѣ растений, о строеніи и образѣ дѣйствія вулкановъ, и о жизненной силѣ, которую онъ прекрасно осуществляетъ въ образѣ Родосскаго колосса.

Объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. *Сочиненіе Наркиза Атрѣшкова, дѣйствительнаго члена Им-*

ператорскихъ обществъ Вольнаго Экономическаго, Московскаго Сельскаго Хозяйства, и прочихъ. СП.-бургъ, въ тип. Греча, 1835, въ-8, стр. 67.

Авторъ, по извѣстнымъ ему причинамъ, предписалъ себѣ безконечно полезную цѣль—доказать *совершенную невозможность* существованія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Когда мы читали его брошюру,—а надобно знать, хотя мы и не любимъ хвастать нашимъ терпѣніемъ, что мы дѣйствительно ее читали,—намъ казалось, что видимъ передъ собою Французскихъ докторовъ времени Людовика XIV, которые, въ тогахъ, парикахъ и беретахъ, преважно читаютъ диссертациі противъ Гарвея, доказывая целъность и *совершенную невозможность* того, чтобы кровь кружила и обращалась въ жилахъ человѣческихъ. Намъ очень хорошо памяты двѣ Англійскія брошюры, подобныя этой, но гораздо остроумнѣйшія и лучше написанныя, которыя вышли передъ сооруженіемъ желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ: объ онѣ принадлежали отличнѣйшимъ инженерамъ, и единогласно обнаруживали невозможность, бесполезность, даже вредъ предпріятія. Извѣстно какъ сбылись ихъ печальныя предсказанія. Отчего жъ это? Вѣдь брошюры были чрезвычайно умны?.....Видно, оттого, что исполнители предначертанія были еще умнѣе брошюрь. Это не требуетъ даже поясненій. Не надобно думать, чтобы и послѣ такого блистательнаго опыта, чтобы и теперь, средь дивныхъ явленій магическаго превращенія бѣдныхъ прежде уѣздовъ въ цвѣтущіе и дѣятельные отъ увеличивающагося числа желѣзныхъ дорогъ, не было въ Англій людехъ, которые жарко возстаютъ противъ этого рода сообщеній: почти каждый день читаемъ мы въ Англійскихъ журналахъ преострыя статьи, доказывающія его бесполезность и даже пагубныя слѣдствія, и, несмотря на это, новыя дороги устроиваются безпрестанно, новыя благодѣанія изливаются поминутно на промышленность и государство. Вездѣ были и будутъ,—мы говоримъ объ Англій,—вездѣ были и будутъ странныя умы, которые падаютъ Богъ-вѣсть откуда во всякое непонятное для нихъ предпріятіе и ложатся поперегъ его какъ колоды, заваливая собой дорогу къ успѣху: по нимъ проѣдутъ, ихъ раздавать,—они и тутъ еще кри-

чать—«Не пушу! я доказалъ, что это пустое! что это невозможно!» Такъ ужъ создано человечество.

Что касается до Русской брошюрки, которою, сверхъ нашихъ заслугъ, облагодѣтельствовалъ насъ прошлый мѣсяць, то она сама въ себѣ носитъ свой приговоръ. Она весьма справедливо замѣчаетъ, что для рѣшенія пользы желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, нужно непременно имѣть «весьма подробные планы мѣстности проложенія назначаемой дороги (подлинный слогъ рѣченной брошюры), извѣдать на нее дѣйствіе нашего климата, узнать туземныя средства къ производству построенія (тоже слогъ брошюры); наконецъ, и важнѣе всего, имѣть *высшій и вѣрный взглядъ* на положеніе государства и общую пользу, могущую произойти отъ исполненія предполагаемаго предпріятія». Позволимъ себѣ спросить,—имѣеть ли авторъ брошюры что-нибудь изъ всего этого? Мы не сомнѣваемся, что онъ все имѣеть,—и «высшій и вѣрный взглядъ» на положеніе государства, и подробные планы мѣстности, и смѣты туземныхъ средствъ, и поручительство отъ нашего климата, что онъ будетъ дѣйствовать по его указанію; только въ брошюрѣ не находимъ ничего кромѣ избитыхъ возраженій бѣдныхъ противниковъ предмета; возгласовъ, не помѣшавшихъ ни одной дороге устроиться и приносить пользу; старыхъ умствованій тѣхъ мужей, которые во всемъ видятъ однѣ препятствія и не имѣютъ ни той дѣятельности ума, ни той силы генія, которыя, встрѣтивъ преграды, создаютъ вдругъ новые пути къ успѣху, заставляють способы множиться подъ рукою, и со славою побѣждаютъ всѣ сопротивленія. Однимъ словомъ, мы не находимъ въ ней ничего, что бы не было сказано другими тысячу разъ и гораздо лучше. Авторъ сознается, что онъ прежде,—и мы думаемъ, очень недавно,—былъ пламеннымъ приверженцемъ проекта введенія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но что теперь онъ сдѣлался смертельнымъ въ противникомъ: это значить по-Русски, если только мы умѣемъ хорошо переводить, что почтенный сочинитель брошюры прежде не зналъ того, чего онъ былъ приверженцемъ, а не теперь не слишкомъ знаетъ то, чему желѣтельно ему стало противиться. Чтобы доказывать невоз-

возможность желѣзной дороги въ данной мѣстности, само приличіе требуетъ быть практическимъ инженеромъ и механикомъ по этой части, видѣть всѣ желѣзныя дороги въ подлинникѣ, изучить всѣ способы примѣненія ихъ къ различнымъ мѣстоположеніямъ, обозрѣть трудности побѣжденные и невообязательныя, и удостовѣриться, что за этими предѣлами, нѣтъ уже поприща для гегія Механики, что здѣсь Геркулесовы столбы изобрѣтательности ума человеческого. Что такое брошюра изволить говорить о непреодолимыхъ опасностяхъ нѣсколько значительнаго склоненія рельсовъ? Желѣзная дорога въ Аллеганскихъ Горахъ представляетъ страшныя склоны, однако жъ по ней вѣзять въ паровыхъ экипажахъ такъ же удобно какъ въ покойныхъ фаэтонахъ, въ которыхъ мы никогда не вѣзали. Что такое вѣщаетъ авторъ объ ужасныхъ затрудненіяхъ длинной дороги? Люди съ истинными дарованіями не устрашились ихъ: дорога отъ Чарльзтоуна до Огуста въ Сѣверной Америкѣ имѣетъ сто пятьдесятъ семь верстъ съ половиною; въ Пенсильваніи есть четыреста пятьдесятъ семь верстъ желѣзной дороги, связанной городами и рѣками; въ штатахъ Нью-Джерсейскомъ и Делаварскомъ сплошная линія рельсовъ простирается на двадцать шесть верстъ, а новая Блекелейская дорога на сто пять; отъ Бостона до Новаго-Орлеана двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ верстъ, и между-тѣмъ эта огромная линія скоро будетъ вся уложена желѣзными полосами. Склоны тамъ уже не представляютъ опасностей, паровые экипажи легко поворачиваютъ на передкахъ, которымъ въ случаѣ нужды даютъ столько градусовъ уклоненія, сколько требуетъ дуга рельса; отправленія происходятъ съ примѣрною точностью. Авторъ заимствуетъ всѣ свои примѣры и выводы изъ одной Ливерпульской дороги, которая была первымъ опытомъ въ нѣсколько большомъ видѣ и сохранила разные недостатки; да еще изъ дранной дороги между Ліономъ и Сентъ-Этіеномъ, построенной неискусно и плохо управляемой. Не Англію, не Францію, должно принимать въ соображеніе, разсуждая о возможности и пользѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которыми въ этомъ отношеніи наше отечество имѣетъ наиболѣе сходства, по новости края, огромнымъ раз-

стоянїямъ, малому населенію городовъ, нужды все создать, построить, завести, содержанію промышленности къ земледѣлю, и даже по самому климату, потому что морозы доходятъ тамъ иногда до 28° Реомюра. Тамъ-то надобно вѣдѣть и изучать, какія встрѣчены были трудности и неудобства, какія придуманы средства къ ихъ отвращенію, какая польза возникла для начинающаго края. Государство, не лучше населенное нашего, съ промышленностью юною какъ и наша, съ зимою, которая въ сѣверныхъ областяхъ можетъ часто поспорить съ Русскою, народъ въ высочайшей степени расчетливый, жадный и окруженный тысячею средствъ выгодно употребить свои капиталы, имѣютъ до двухъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, оконченныхъ и начатыхъ, и лѣтъ черезъ десять будутъ имѣть ихъ тысячи четыре и болѣе: слѣдственно, есть возможность, удобство и польза заводить такія дороги на большихъ расстоянїяхъ и при обстоятельствахъ, совершенно несходныхъ съ тѣми, какія обезпечили успѣхъ Ливерпуль-Манчестерской линїи. Знакомъ ли автору Американскій Railroad Joint? Нѣтъ? И мнѣ тоже! Такъ лучше не станемъ говорить о желѣзныхъ дорогахъ, потому что мы, видно, оба не знаемъ ихъ, какъ слѣдуетъ, и люди, понимающіе дѣло, будутъ только смѣяться надъ нами.

Авторъ, безъ всякихъ данныхъ опыта и тщательнаго изученїя предмета, выжимая рѣчь Г. Тьера и Французскія брошюры, изданныя людьми, которые умѣютъ только подражать, спорить, а не творить, сочиняетъ себѣ мрачныя предчувствїя и съ удивительною самонадвѣнностью подвергаетъ ихъ ариѳметической оцѣнкѣ. Чтобы дать понятїе о достоинствѣ его ариѳметики, мы скажемъ только, что онъ, исключивъ зимнее время изъ круга дѣйствїй Московско-Петербургской дороги, встѣмъ остальнымъ мѣсяцамъ года приписываетъ по восьми часовъ ночи въ сутки, тогда какъ у насъ болѣе двухъ мѣсяцевъ почти вовсе нѣтъ ночи. Существующій проектъ желѣзной дороги предполагаетъ двести тысячъ путешественниковъ въ годъ между Москвою и Петербургомъ: авторъ, который знаетъ будущность какъ пять пальцевъ, предвѣщаетъ рельсамъ только восемь тысячъ человѣкъ, и, назначивъ всему произвольныя цѣны, до-

ходить до результата, что компания будет иметь ежегодно убытка 23,300,000 рублей ассигнаціями! Смѣшно было бы даже опровергать подобныя грезы, и если есть чему удивиться, такъ это важности, съ которою почтенная брошюра приступаетъ къ вычисленіямъ всѣхъ подробностей предмета, известнаго ей только по наслышкѣ. Оптическіе обманы чиселъ часто удаются, но для этого надобно побольше искусства.

Если бы предметъ не былъ такой важности, мы только улыбнулись бы затѣв брошюры, и даже не считали бы ея въ правѣ удостоиться спасительнаго урока. Если бы авторъ занимался только разборомъ существующаго проекта Московско-Петербургской чугунной дороги, обнаруживалъ его погрѣшности и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ свое знаніе предмета, объемля его во всей полнотѣ, предлагая новые способы примѣненія его къ мѣстности, указывая на лучшія средства распространить и обезпечить его благодѣянія, извлекая изъ трудности незнаемыя механическія силы для побѣжденія самихъ же трудностей, мы даже похвалили бы цѣль сочиненія, хоть бы оно насъ не убѣждало. Но когда видишь, что брошюра вышивается совершенно не въ свое дѣло, толкуетъ наобумъ, употребляетъ всѣ пособія печатной иллюзіи, чтобы ввести другихъ въ заблужденіе, въ которомъ сама добровольно заключилась; что произвольными, ни на чемъ не основанными вычисленіями она старается пролить новый мракъ на вопросъ, и безъ того темный для публики, и утверждаетъ невозможность вещи, не представляя съ своей стороны ни одного изъ условій, которыя провозгласила сама необходимыми для ея обсуждения, тогда уваженіе къ благу отечества возлагаетъ на всякаго долгъ предостеречь читателей на счетъ подобныхъ сочиненьевцевъ. Кто слишкомъ много доказываетъ, тотъ ничего не доказываетъ.

Мы не знаемъ всѣхъ подробностей проекта желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы, и не примемъ на себя смѣлости подавать объ немъ голосъ, хотя столько же низвернемъ средствъ дѣлать вычисленія на-угадъ, сколько и брошюра. Если позволительно непрактику изъяснить общее мнѣніе о предметѣ, то мы бы думали, что Американская система

деревянныхъ рельсовъ едва-ли не приличнѣе была бы для Россіи, и что во всякомъ случаѣ подобная дорога должна непремѣнно проходить черезъ Новгородъ и Тверь. Открытіе столь могущественнаго пути сообщенія могло бы превратить со-временемъ эти два города въ цветущія складочныя мѣста внутренней торговли, въ новыя столицы мануфактурной промышленности, въ Ловелль и Бирминггамъ; небольшіе города и мѣстечки возникли бы еще изъ земли по обѣимъ сторонамъ желѣзной линіи; отъ Петербурга до Москвы быть-можетъ составила бы почти одна улица, какъ отъ Нангасаки до Іеддо, какъ нѣкогда было въ пустынь, прорываемой Сыръ-деръею, гдѣ, по живописному выраженію Киргизца, отъ Андеджана до Ташкенда копка могла пробвжать по крышамъ, и, — какое удобство! — по этому двойному ряду богатыхъ и дѣятельныхъ поселеній паровыя дилижансы развозили бы съ быстротою вѣтра самыя большіе томы «Библіотеки Романовъ», которыхъ страшная тяжесть и теперь уже требуетъ помощи самыхъ сильныхъ двигателей, а занимательность достойна вздѣть только на паряхъ.

Къ несчастію, мы употребили на обзоръ этой злополучной брошюры болѣе времени и мѣста, нежели она заслуживала. Чтобъ вознаградить читателей за продержку ихъ вниманія на такой книжкѣ, мы готовы рассказать имъ, что дѣется въ Англій, гдѣ страсть къ желѣзнымъ дорогамъ доходитъ теперь до высочайшей степени. Тамъ начинаютъ опасаться не желѣзныхъ дорогъ, но слѣдствій, которымъ угрожаютъ спекуляціи акціями на устройство этихъ путей сообщенія. Не менѣе двадцати трехъ новыхъ проектовъ, изъ которыхъ только одинъ не для Англій, а для соединенія Альтопы, Гамбурга и Любека, созрѣли на бумагѣ до того, что уже выданы акціи и пущены въ ходъ на биржѣ. Число акцій этихъ двадцати трехъ предпріятій болѣе четырехъ сотъ тысячъ, а именной капиталъ простирается до пяти сотъ семидесяти пяти милліоновъ рублей. Главныя предположенія суть слѣдующія: большая западная дорога, тридцать тысячъ акцій по двѣ тысячи пяти сотъ рублей; Лондонъ-Бирминггамская, двадцать пять тысячъ акцій того же достоинства; Лондонъ-Соутгамптонская, двадцать пять

тысячъ акцій въ ту же цѣну; Бристоль-Эксетерская, пятнадцать тысячъ акцій по столько же; Лондонъ-Брайтонская, восемнадцать тысячъ акцій по тысячѣ двѣсти пятидесяти рублей. Акція на всѣ эти дороги, изъ которыхъ многія вѣрно никогда не будутъ устроены, уже въ ходу, и почти всѣ выше первоначальной цѣны своей. Прѣжній успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія спекулянтовъ. Никто не отвергаетъ великой пользы всеобщаго соединенія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ. Тѣмъ желательнѣе, чтобъ какое-нибудь несчастіе не переизмѣнило направленія капиталовъ, предназначенныхъ этой вѣтви промышленности. Оттого лучшіе Англійскіе журналы считаютъ долгомъ предостеречь публику на счетъ уловокъ, которыми набиваютъ цѣну на акціи еще не существующихъ дорогъ. При выполненіи многихъ изъ числа теперешнихъ проектовъ, первые акціонеры, подписавшіеся по настоящей цѣнѣ, конечно получаютъ весьма хорошіе проценты, но нѣтъ на какого основанія ожидать прибыли отъ покупки акцій съ преміею. Дорога между Манчестеромъ и Ливерпулемъ безъ-сомнѣнія занимаетъ самую выгодную черту въ государствѣ, однако жъ она никогда не приносила первымъ акціонерамъ болѣе девяти процентовъ, и стало-быть еще менѣе тѣмъ, которые купили акціи свыше первоначальной цѣны: акціи, выпущенныя по двѣ тысячи пяти сотъ рублей, стоятъ теперь четыре тысячи восемь сотъ семьдесятъ пять рублей. Но другія дороги, особенно въ первые годы своего существованія, едва ли дадутъ и половину этого. Не должно думать, чтобъ сумасбродно высокія цѣны многихъ, только-что появившихся акцій происходили отъ совмѣстничества капиталистовъ, которые вездѣ ищутъ только выгоднаго употребленія своихъ денегъ. То, что теперь тамъ происходитъ, просто—фокусничество. Едва замѣтятъ на денежномъ рынкѣ легкое возвышеніе въ какой-нибудь статьѣ, спекулянты тотчасъ бросаются на нее и закупаютъ акціи не для того, чтобъ удерживать ихъ въ своихъ рукахъ, но чтобы на другой же день спустить опять съ выгодой. Лишь-только узнаютъ въ публикѣ, что на такія-то акціи явилось много покупателей, требованіе естественно увеличивается. Кой-кто изъ спеку-

лянтовъ перепродалъ и нажился порядкомъ ; слухъ объ этомъ быстро разнесся, и вотъ всякой хочетъ участвовать въ такомъ прибыльномъ оборотѣ: вдовушки, пасторы, учителя, словомъ каждый, у кого есть что-нибудь въ шкапулкѣ, спѣшатъ достать хоть пару акцій. Тогда цѣна возвышается еще болѣе, и доходить до нелѣпости. Такимъ - то образомъ смѣтливые спекулянты приобрѣтаютъ въ нѣсколько дней тысячи фунтовъ стерлинговъ барыша отъ акцій на такія дороги, которыя едва могутъ устроиться въ два, въ три года и съ трудомъ приносятъ четыре процента на первоначальный капиталъ. Тутъ нѣкоторые принимаются за перо, чтобы осуждать тѣ же самыя дороги ; пишутъ статьи, издаютъ брошюры, всячески доказываютъ бесполезность затѣи, предрѣкая компаніямъ милліоны убытка. Устрашенные покупщики бѣгутъ на биржу, чтобы скорѣе продать свой опасный товаръ, во что бы то ни стало; цѣны быстро понижаются, тѣ самыя спекулянты за бездѣлицу приобрѣтаютъ обезславленные акціи, и начинается опять прежняя исторія, чтобы поднять ихъ цѣну и обогатить другихъ покупателей. Но что всего хуже, какъ скоро мода на этотъ родъ торга распространится въ публикѣ, она обезпечиваетъ мгновенный успѣхъ самымъ нелѣпымъ предположеніямъ: корыстолюбцы выпускаютъ въ свѣтъ такіе планы, въ которыхъ всякой здравомыслящій человекъ видитъ одну плутовскую спекуляцію на кошелки легковѣрныхъ; эти планы обыкновенно останавливаются на программѣ: страстные покупатели нададутъ три, четыре фунта на акцію, а затѣйникамъ больше и не подобно. Они взяли въ карманъ эти три или четыре фунта барыша на каждую акцію, компанія не состоялась, и акціонерамъ выдаютъ обратно деньги по настоящей цѣнѣ акцій. Вотъ меркантильная сторона этихъ предпріятій. Къ счастью, и несмотря на всѣ фокусы, существенная польза дѣла далеко превозмогаетъ вредъ, наносимый неосторожной частію публики. Все королевство скоро будетъ прорѣзано великолѣпными желѣзными дорогами, которыя сообщатъ ему совершенно новую жизнь, и уже сообщили. «Въ Англіи, говоритъ Аугсбургская Газета, развивается теперь такое исполняющее стремленіе по части торговли и промыш-

шлености, передъ которымъ прежнія понятія объ ея внутреннемъ процвѣтаніи, при всемъ своемъ величіи, ничего не значать. Несмотря на сопротивленіе, на краснорѣчивыя статейки враговъ чугуна и пара, каждый день учреждаются новыя компаніи, каждый день наука и гений открываютъ безцѣпныя улучшения, каждое изъ многочисленныхъ объявленій о новыхъ планахъ желѣзныхъ дорогъ можетъ служить доказательствомъ неизмѣримой дѣятельности ума и коммерческаго духа. Такъ напримѣръ въ программѣ дороги для восточныхъ графствъ Эссекса, Соффолка и Норфолка, которой издержки полагаются въ тридцать семь съ половиною милліоновъ рублей, сказано между-прочимъ, что новая дорога должна касаться всѣхъ значительныхъ городовъ въ этихъ трехъ графствахъ, слѣдственно быть важнѣе всякой другой, устроенной или предполагаемой, дороги, служа путемъ сообщенія для трехъ четвертей всей населенности. Большая сѣверная дорога, которая по сметѣ обойдется въ семьдесятъ пять милліоновъ рублей, будетъ соединять Лондонъ съ Йоркомъ и пролегать чрезъ Кембриджъ, Линкольнъ и Сельби. Самую высокой преміей на желѣзно-дорожныя акціи пользуется Лондонъ - Бирмингамская компанія. За ея акціи, выпущенныя по тысячѣ сто двадцати пяти рублей, платили 3 ноября по двѣтысячи триста двадцати пяти рублей».

Опытъ руководства къ познанію природы по наружнымъ ея признакамъ. Введеніе въ фізіогномику человека. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1835, въ-8., стр. 94.

Хотите ли быть фізіогномикомъ? Изучайте Фیزیологію, Анатомію, — всю Медицину; разумѣется, что вы уже хорошо рисуете, имѣете умъ наблюдательный и высокій; но этого все еще мало: вы должны быть прекрасны лицомъ, имѣть прекрасное сложеніе тѣла и самыя раздражительныя чувства; должны быть въ высшей степени добродѣтельны, съ сильнымъ воображеніемъ, съ умѣньемъ проникать въ изгибы человеческого сердца, съ глубокимъ познаніемъ самого себя. Тогда вы будете фізіогномикомъ.

Такъ говоритъ великій фізіогномикъ Лафатеръ. Сочини-

тель брошюрки взял на себя трудъ привести науку великаго физиогномика въ систему, и теперь издаетъ только введение. Лафатеръ, издавая свое твореніе, написалъ къ нему предисловіе, за которое онъ будетъ безсмертенъ: «тотъ, кому моя книга не понравится, говорить добрый Швейцарецъ, можетъ отослать ее мнѣ обратно: я возвращу деньги.» Честный Лафатеръ! Такого предисловія нигде теперь не въ состояніи написать. Осмыслится ли сочинитель брошюры повторить слова своего великаго учителя! Мы не думаемъ. И не советуемъ. Напиши онъ это, мы первые отплатимъ ему ту же минуту «Опытъ руководства къ познанію природы по лицу.»

У насъ есть уже одинъ прекрасный опытъ физиогномики, — именно въ «Картинѣ человека», Г. Галича. Тамъ изложены все основанія и истины этой великой науки; не разрѣшенъ одинъ только носъ, и следовательно настоящій смыслъ носовыхъ платковъ остался вмѣстѣ съ нимъ загадкою для умозрительной Философіи. Если бы авторъ брошюры благоволилъ намъ объяснить только одинъ носъ, мы были бы довольны и уволили бы отъ всей Физиогномики.

Медико-статистическая записка объ Императорскомъ Санктпетербургскомъ Воспитательномъ Домѣ въ теченіе 1830, 1831, 1832 и 1833 годовъ, составленная главнымъ докторомъ онаго, Филиппомъ Дешпомъ. СПб. бургъ, въ тип. Греча, 1835; въ-8., стр. 60.

Брошюрка, заключающая въ себѣ весьма любопытныя свѣдѣнія. Мѣсто не позволяетъ уже въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ говорить объ ней пространнѣе, но мы сдѣлаемъ изъ нея въвлечение для «Смѣси».

О спрямленіи окружности круга. Сочиненіе Николая Навроцкаго, Лейпцигскаго университета доктора, Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ и юнкера ученыхъ обществъ члена и корреспондента. Москва въ тип. Университетской, 1835, въ-8., стр. 8.

Мы испугались заглавія, думая, что дѣло идетъ о кватратурѣ круга; къ счастью, оказалось, что авторъ открылъ

только графическую прямую линію, равную полуокружности круга. Онъ раздѣляетъ кругъ діаметромъ, и черезъ одинъ конецъ діаметра проводить длинный тангенсъ; потомъ, отъ того же конца діаметра беретъ на тангенсъ три радіуса круга менѣе тангенсомъ угла 30° , и крайнюю точку этой длины соединяетъ съ противоположнымъ концемъ діаметра линіею, которая будетъ равна полуокружности круга.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Прошлый мѣсяцъ ознаменовался у насъ новымъ литературнымъ предпріятіемъ, которое должно обратить на себя вниманіе и привлечь живѣйшее участіе всего, что только знаетъ Русской грамоты и любитъ свою родину. О. В. Булгаринъ издаетъ, подъ заглавіемъ «Россия», полную, разсудительную картину нашего необозримаго отечества, изображающую его во всѣхъ отношеніяхъ, историческомъ, статистическомъ, географическомъ, правительственномъ и литературномъ. Обширность программы не позволяетъ намъ входить здѣсь въ ея подробности: можемъ сказать только, что она кажется намъ весьма искуснымъ обзорѣніемъ огромнаго и бесконечно разнообразнаго предмета и подаетъ самое выгодное понятіе о содержаніи творенія, которое состоитъ изъ восьми томовъ и выйдетъ все въ теченіе 1836 года. Это плодъ двадцати-лѣтнихъ изысканій автора, который большую часть вопросовъ, входящихъ въ составъ новой его книги, уже разсматривалъ съ разныхъ сторонъ и съ познаніемъ, талантомъ, въ безчисленныхъ своихъ сочиненіяхъ. Надобно сказать, что приготовленіе Г. Булгарина къ литературному поприщу было собственно историческое и статистическое: эти двѣ части знанія составляли всегда его главное упражненіе, и лѣтъ четырнадцать тому назадъ публика была ему обязана примѣчательнымъ журналомъ, въ которомъ *Исторія и Статистика*

являлись господствующими предметами и который, под именем «Свернаго Архива», долго стоялъ въ челъ нашихъ повременныхъ изданій. Одинъ изъ изумительнѣйшихъ фактовъ, какіе только поражаютъ наблюдателя въ Россіи, это чрезвычайно ускоренная жизнь народная: въ десять лѣтъ публика наша проживаетъ полвѣка; въ послѣдній годъ десяти-лѣтія она уже совсѣмъ не похожа на то, чѣмъ была въ первый; рѣшительное стремленіе, которымъ она теперь одушевлена къ сочиненіямъ важнымъ, было ей вовсе не знакомо въ 1823 году: тогда, для умственныхъ ея потребностей, достаточно было альманаха и поэмы, и самъ Карамзинъ имѣлъ болѣе похвалыщиковъ, которые по наслышкѣ вѣрили его превосходствамъ, чѣмъ настоящихъ читателей. Такое состояніе общества не могло не оказать вліянія на занятія редактора «Свернаго Архива»: видя въ публикѣ явный недостатокъ сочувствія къ роду своего труда, Г. Булгаринъ постепенно уклонился отъ него къ легкой литературѣ, и хотя гибкость его таланта позволила ему занять на новомъ поприщѣ лестное мѣсто любимаго писателя Россіи, хотя путь его по нимъ оставилъ по себѣ блестящій слѣдъ, нельзя однако жъ не поздравить и себя и его съ тѣмъ, что счастливѣйшее направленіе умовъ въ Россіи возвращаетъ его полезной и занимательной отрасли наукъ, преимущественно имъ любимой, и что онъ рѣшился наконецъ примѣнить результатъ своихъ долговременныхъ изысканій и наблюденій въ отечествѣ къ систематической его картинѣ, къ обзору и описанію его во всѣхъ видахъ. Нельзя сомнѣваться, что Г. Булгаринъ отменно способенъ выполнить дѣло, которое такъ близко сердцу Русскихъ и должно безконечно ихъ обрадовать. Наконецъ мы будемъ имѣть книгу, которая покажетъ вполне и намъ и Европѣ, что такое Россія; книгу, достойную великаго предмета, обстоятельную, написанную притомъ «для всѣхъ сословій», и слѣдственно соединяющую въ себѣ съ точностью положительнаго знанія всѣ тѣ качества изящнаго и блистательнаго изложенія, которыя дѣлаютъ вопросъ серьезный доступнымъ и занимательнымъ для всякаго. Мы распространились объ этомъ извѣстнѣ потому, что считаемъ долгомъ подкрѣпить всѣмъ довѣремъ, которымъ

пользуется нашъ журналъ, полезное предпріятіе Г. Булгарина. Должно еще упомянуть, что изданіе этого, въ высокой степени національнаго, творенія сопряжено съ обстоятельствомъ, совершенно новымъ въ нашей литературѣ: на «Россію» Г. Булгарина объявлена *безденежная подписка*. По новости мѣры, которой введенію мы весьма радуемся, потому что она равно обезпечиваетъ и публику отъ неустойки автора и автора отъ разсѣянности его цѣпителей, программа выразилась не довольно точно: дѣло идетъ собственно *о подпискѣ безъ платежа денегъ впередъ*, *subscription sans rien payer d'avance*; въ такихъ случаяхъ печатается обыкновенно столько экземпляровъ, сколько есть покупателей; тѣ, которые желаютъ имѣть книгу, должны подписываться тотчасъ, а деньги вносятъ они по выходѣ сочиненія. Мы увѣрены, что съ этимъ благороднымъ условіемъ, никто не пожалѣетъ чернилъ, чтобы подписаться на сочиненіе,—мы первые.

— Г. Гурьевъ, котораго изобрѣтательности Невскій Проспектъ и Большая Морская, двѣ главныя и самыя многлюдныя улицы Петербурга, одолжены превосходною деревянною мостовою, съ успѣхомъ сопротивляющуюся испанскому давленію, разрушительности мѣстнаго климата и дѣйствию непокойныхъ водъ рѣки, издаетъ книгу «Объ учрежденіи торцевыхъ», то есть, паркетныхъ деревянныхъ, «дорогъ и сухопутныхъ пароходовъ въ Россіи, посредствомъ компаніи». Его сочиненіе, украшенное отличными рисунками на камнѣ, работы Г. Селезнева, котораго литографія обѣщаетъ вскорѣ быть первою въ Петербургѣ, должно познать насъ со всеми подробностями каналовъ, Мекъ-Адамовыхъ шоссе, желѣзныхъ и деревянныхъ дорогъ для пародвижныхъ машинъ въ Англій, Франціи и Америкѣ, и мы съ радостью привѣтствуемъ программу подобнаго труда: при нынѣшней предпріимчивости Русской публики, для ней становится чрезвычайно важнымъ почерпать точныя и основательныя свѣдѣнія о предметѣ пародвижныхъ дорогъ изъ книгъ, писанныхъ людьми практическими, которые посвятили часть своей жизни его изученію и доказали на опытѣ знакомство свое съ его началами, а не изъ брошюръ,

вылетающихъ изъ подъ пера, чуждаго двла, только для того, чтобы вылетѣть и погибнуть. Сочиненіе Г. Гурьева будетъ вмѣствъ программу компаніи, которая намѣревается учредить торцевыя дороги съ сухонутными парходами въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и между прочимъ отъ Петербурга до Ораніенбаума: десять милліоновъ рублей должны составлять основной капиталъ этой спекуляціи, и авторъ ожидаетъ предварительнаго мнѣнія публики о предпріятіи, столь важномъ для Россіи. Мы не сомнѣваемся, что любопытство публики встрѣтитъ его книгу съ полнымъ вниманіемъ, какого заслуживаютъ ея предметъ и предназначеніе. Пора изучить двло серіозно, и имѣть каждому изъ насъ личное убѣжденіе. Книга, по словамъ объявленія, выйдетъ въ январѣ мѣсяцѣ.

— «Дѣтскій журналъ», о котораго переходъ отъ прежнихъ его издателей въ собственность и подъ редакцію Г. Очкина, мы извѣстили въ первой половинѣ нынѣшняго года, продолжаетъ пріобрѣтать лестное довѣріе родителей, доставляя каждый мѣсяцъ новое удовольствіе малолѣтнимъ своимъ читателямъ. Крайняя необходимость этого пособия къ первоначальному воспитанію, при скудости хорошихъ дѣтскихъ книгъ въ нашей литературѣ, и само усердіе редактора, который посвящаетъ свой пріятный талантъ упражненію, столь скромному въ отношеніи къ славѣ, но столь полезному въ сущности, заставляютъ насъ обратиться къ матерямъ семействъ, еще незнакомыхъ съ этимъ милымъ изданіемъ: мы считаемъ обязанностью напомнить ихъ родительской заботливости, во-первыхъ, какого важнаго средства къ образованному занятію времени, любопытства и умственныхъ способностей юнаго возраста, лишаютъ онѣ свое потомство, забывая о существованіи подобнаго журнала; во-вторыхъ, чтобы почтеннѣйше имъ представить, что поддержаніе дальнѣйшихъ его успѣховъ есть общее двло всего сословія женъ-матерей; что онѣ должны приказать своимъ вистолюбивымъ мужьямъ непремѣнно подписаться на него изъ первыхъ выигрышныхъ денегъ. Безъ строгаго приказанія мужа не двлаютъ ничего умнаго, ни полезнаго. Такой нынче вѣкъ!

— Другое известіе, весьма пріятное для читателей газеты, относится къ «Сѣнктпетербургскимъ Ведомостямъ». Съ половины нынѣшняго года эта важная газета чрезвычайно улучшилась подъ рукою новомъ редакціи, которая умѣла придать ей необходимыя качества разнообразія и занимательности. Слышно, что съ будущаго года будутъ предприняты еще другія необходимыя улучшенія, между которыми изящность языка и слога займетъ приличное себѣ мѣсто.

— «Записки Чухица», сочиненіе Ф. В. Булгарина, выйдетъ непремѣнно въ половинѣ декабря.

— Авторъ «Послѣдняго Новика» и «Ледянаго Дома» Г. Лажечниковъ, обѣщаетъ подарить намъ въ скоромъ времени двумя новыми романами, «Бусурманъ» и «Колдунъ на Сухаревой Башнѣ.» Предметъ «Бусурмана» заимствованъ изъ временъ Іоанна III; предметъ «Колдуна» изъ эпохи Петра II.

— Мы узнаемъ, что М. Н. Загоскинъ кончилъ свою большую комедію въ стихахъ, которая вѣроятно будетъ представлена въ Москвѣ прежде, нежели мы ее увидимъ на берегахъ Невы. Это одна изъ первыхъ книжекъ Б. для Ч. на слѣдующій годъ будетъ украшена повѣстью М. Н. Загоскина. Мы надѣемся также получить вскорѣ нѣсколько изъ тѣхъ блистательныхъ вдохновеній, которыя Кавказъ даритъ Марлинскому, — и одному только Марлинскому.

— Недостатокъ хорошихъ словарей дѣлается болѣе и болѣе ощутительнымъ при быстромъ распространеніи науки языковъ древнихъ и новѣйшихъ. Мы можемъ извѣстить, что общество нѣсколькихъ ученыхъ литераторовъ, превосходно знакомыхъ съ предметомъ лексикографическихъ занятій, предположило издать четыре словаря одинаковаго формата, — Русско-Французскій и Французско-Русскій, — Русско-Англійскій и Англійско-Русскій, — Русско-Нѣмецкій и Нѣмецко-Русскій, — и наконецъ Русско-Латинскій и Латинско-Русскій. Словари эти будутъ составлены по образцу и методу лучшихъ иностранныхъ. Программа выйдетъ вънепродол-

жизельномъ времени. Издатели желаютъ назначить самую умеренную цѣну, — по десяти рублей за томъ въ большую 12-ю долю, мелкимъ шрифтомъ, въ три столбца.

— А. Ф. Смирдинъ издалъ своимъ изданиемъ тридцать томовъ «Сочиненій и переводовъ Н. М. Карамзина»: двѣнадцать томовъ заключаютъ въ себя «Исторію Россійскаго Государства»; девять томовъ посвящены разнымъ сочиненіямъ, а въ остальныхъ девяти помѣщаются переводы. Это прекрасное и дешевое изданіе будетъ отнынѣ въ библиотекѣ каждаго Русскаго. Должно еще упомянуть, что тотъ же книгопродавецъ приобрѣлъ собственностью «Атласъ» историческій, хронологическій и географическій, Г. Ахматова, сочиненный нарочно для читателей «Исторіи» Карамзина и превосходно выгравированный на семидесяти большихъ листахъ. Цѣна ему назначена была авторомъ сто рублей, за два тома. Условія покупки позволили А. Ф. Смирдину сдѣлать это необходимое сочиненіе доступнымъ для всѣхъ: онъ назначилъ его въ продажу по пятидесяти рублей; тѣ, которые покупаютъ всѣ «Сочиненія Карамзина», платятъ за «Атласъ» Ахматова еще менѣе, только тридцать пять рублей. Такимъ образомъ, благодаря усердію и предприимчивости Г. Смирдина, Русскій читатель можетъ нынче получить за сто рублей книги, которыя еще недавно стоили до трехъ сотъ двадцати рублей.

VII.

С М Ъ С Ъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Глазба литотритиі съ литотомією.* Споръ о литотритиі, происходившій съ такимъ жаромъ въ Парижской Медицинской Академіи, перенесенъ на апелляцію въ Академію Наукъ и былъ поводомъ къ столь же упорной битвѣ между членами Института, какъ и между рыцарями пилюль и бистурія. Въ 18 Н. этого журнала мы помѣстили исчисленіе главнаго антилитотритора Г. Вельпо, доказывающее какъ дважды два четыре, что литотритиі никуда не годится. Чтобы поразить этого ужаснаго гонителя камнетрениі, одинъ изъ ревностнѣйшихъ литотриторовъ, Г. Сивіаль, собралъ множество свидѣній изъ разныхъ больницъ во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, въ Италіи, касательно успѣха нѣсколькихъ тысячъ операций камнесъченія, сдѣланныхъ по различнымъ способамъ и разными болѣе или менѣе извѣстными хирургами. Этими выводами противопоставилъ онъ тѣ, которые самъ онъ или другіе искусные литотриторы получили посредствомъ камнетрениі съ тѣхъ поръ какъ эта операція достигла нѣкоторой степени совершенства, и изъ сравненія тѣхъ и другихъ Г. Сивіаль доказываетъ тоже какъ дважды два четыре, что изъ числа больныхъ, подвергавшихся камнесъченію, погибла въ это время пятая часть, тогда какъ помощію литотритиі изъ 42 больныхъ 41 всегда выздоравливали.

Г. Дубль, читавшій донесеніе комиссіи о трудѣ Г. Сивіаля, заключилъ его любопытными разсужденіями о томъ, «какъ мало можно полагаться на расчетъ вѣроятностей и статистическія вѣдомости относительно фактовъ Медицины.» Личныя особенности, разнообразіе темпераментовъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, составляющія то, что называется у

мелкого сложнѣемъ; особенно число потерянныхъ фактовъ, столь значительное въ сравненіи съ тѣмъ, которое собираютъ наблюдатели, все это не дозволяетъ, по мнѣнію Г. Дубля, выводить строгихъ заключеній изъ итоговъ, которые часто менѣе зависятъ отъ употребленныхъ способовъ леченія, нежели отъ того или другаго обстоятельства, все не принимаемаго въ расчетъ.

Г. Тенаръ вступился за Г. Сивіала и требовалъ напечатанія его выводовъ въ Запискахъ Академіи. Г. Дубль отвѣчалъ, что Академія не можетъ ручаться за ихъ вѣрность и что притомъ самое обиліе собранныхъ фактовъ препятствуетъ помѣщенію ихъ въ Записки: въ доказательство Г. Дубль представилъ огромную связку бумагъ, которую онъ едва могъ приподнять съ мѣста. Кажется, этотъ матеріальный доводъ сильно подѣйствовалъ на Академію, потому что поручивъ комиссіи вторично рассмотреть документы Г. Сивіала, она сочла нужнымъ присоединить къ ней Г. Либри, который торжественно объявлялъ своимъ сочленамъ, что достоверность толстой связки ему очень подозрительна.

2. Наблюденія Г. д'Орбиньи надъ крылоногими слизняками. Ученый естественспытатель имѣлъ случай видѣть всѣ доселѣ извѣстныя породы этихъ животныхъ, кромѣ многихъ совершенно новыхъ, и на этой-то совокупности фактовъ основываетъ онъ свои общія замѣчанія касательно ихъ исторіи. Крылоногія, по его мнѣнію, должны стоять въ порядкѣ существъ подлѣ ядрожаберныхъ, *pucléobranches*, съ которыми они раздѣляютъ образъ жизни и привычки.

Крылоногія водятся вездѣ, начиная отъ экваторіальныхъ странъ до льдовъ полюса. Они всѣ ночныя или сумеречныя, и авторъ представляетъ совершенно новыя замѣчанія касательно поры и продолжительности ихъ появленія на поверхности воды: цѣлый день находилъ онъ море чистымъ и свѣтлымъ, но лишь только начинало смеркаться, оно мало по малу покрывалось мириадами крылоногихъ, многихъ другихъ слизняковъ, черепокожныхъ и животнорастеній, и недавно-пустынная его поверхность кишѣла роями живыхъ существъ, плававшихъ каждое по-своему.

Авторъ спрашивалъ себя, почему эти животныя, являясь только ночью, при разныхъ степеняхъ темноты и въ определенное для каждой породы время, днемъ исчезаютъ совершенно? Изъ разности часовъ, когда каждая изъ нихъ является на поверхность, и изъ разности напряженій свѣта, которыя повидимому для нихъ необходимы, онъ заключилъ, что каждая живетъ на различной глубинѣ.

Авторъ опровергаетъ мнѣніе Г. Руга, будто крылоногія всплываютъ для того, чтобъ питаться и дышать. Не можетъ быть, чтобъ они всплывали для питанія: они могутъ найти столько жъ корму при началѣ, сколько и при концѣ ночи, — зачѣмъ же имъ пропадать черезъ нѣсколько минутъ по явленіи? Они всплываютъ и не для того, чтобъ дышать: у нихъ нѣтъ дыхательныхъ органовъ кромѣ жабръ, они дышатъ ими цѣлый день подъ водою, — зачѣмъ всплывать имъ каждый вечеръ на поверхность для дышанія? Отвергнувъ это двойное рѣшеніе вопроса, Г. д'Орбиньи объясняетъ его гораздо естественнѣе тѣмъ, что они чувствуютъ потребность искать наверху той степени освѣщенія, которой лишаются въ обычныхъ своихъ жилищахъ отсутствіемъ солнца, и видя себя обманутыми, спѣшатъ болѣе или менѣе воротиться во-свояси, отчего исчезновеніе ихъ бываетъ болѣе или менѣе быстро.

Безглазіе крылоногихъ ничего не доказываетъ противъ наблюденій автора: многія животныя чувствительны къ свѣту, хотя и лишены зрѣнія.

Г. д'Орбиньи замѣтилъ что крылоногія, — по-крайней-мѣрѣ всѣ тѣ, которыхъ онъ наблюдалъ, — никогда не пристають къ берегамъ и постоянно живутъ въ свойственныхъ имъ поясахъ, или пространствахъ, которыя впрочемъ весьма обширны. Изъ представленной имъ таблицы можно видѣть, 1, что изъ двадцати девяти породъ, которыя онъ наблюдалъ, четырнадцать водятся во всѣхъ умѣренныхъ океанахъ, одиннадцать въ Атлантическомъ, и четыре въ Большомъ Океанѣ; 2, что одна изъ нихъ занимаетъ въ этихъ моряхъ полосу въ пятьдесятъ пять градусовъ къ сѣверу и къ югу отъ экватора или почти въ пять тысячъ верстъ около всего земнаго шара, а другія населяютъ полосы меньшія, но тоже весьма обширныя: это распространеніе од-

*

ной породы на такой неизмѣримой поверхности представляють, по мнѣнію Г. д'Орбиньи, одни только морскія животныя; обитатели материковъ ограничены гораздо тѣснѣйшими предѣлами; наконецъ 3, что изъ числа этихъ породъ семнадцать — ночныя и одиннадцать — сумеречныя.

Крылоногія плавають очень красиво, порхая въ водѣ съ чрезвычайной скоростью; они многочисленныя видами и экземплярами въ знойномъ поясѣ, нежели во всѣхъ прочихъ. Въ географическомъ отношеніи, порода сквозянокъ, которая водится въ моряхъ теплыхъ и умеренныхъ, многочисленнѣе экземплярами всѣхъ другихъ породъ вообще.

Г. д'Орбиньи говорятъ въ заключеніе, что крылоногія такъ же общежительны, какъ и головоногія, и что они всплываютъ не только въ тихую погоду, какъ досель думали, но ровню каждую ночь, каково бы ни было время. Ученый путешественникъ чистосердечно признается, что до сихъ поръ наука почти въ совершенной неизвѣстности насчетъ образа ихъ воспроизведенія.

КОМПАНИИ ЗАСТРАХОВАНІЯ НА ЖИЗНЬ. Случай довольно замѣчательный, что первая компанія застрахованія на жизнь образовалась въ Петербургѣ именно въ годъ возвращенія кометы Галлея, великаго проповѣдника этого рода спекуляцій, и который даровалъ имъ первый пособіе математическаго вычисленія. Въ послѣдней нашей книжкѣ, въ статьѣ «Статистика средняго человека», мы объяснили начала всѣхъ этихъ спекуляцій, называемыхъ страховыми компаніями, а въ № 17 (Смѣсь, стр. 15) изложены были новѣйшіе выводы, о среднемъ продолженіи человеческой жизни въ различныхъ возрастахъ, исчисленные Г. Виггльфордомъ по счетнымъ книгамъ Американскихъ страховыхъ компаній; въ другой книжкѣ помѣщены вычисленія доктора Каспера, изъ Берлина, о среднемъ продолженіи жизни въ различныхъ состояніяхъ. Мы просимъ читателей, принимающихъ участіе въ дѣлѣ, перечитать эти статьи, а теперь имъ представимъ историческій очеркъ этого рода коммерческихъ учреждений и нѣкоторыя объ нихъ подробности.

Обычай застрахованій на жизнь укоренился досель толь-

ко въ одной Англіи; не потому, чтобы народы твердой земли не знали ихъ началъ, но по бѣдности однихъ, по вѣтренности, безопасности характера другихъ.

Замѣчательно однако жъ, что ученые твердой земли начали заниматься этимъ предметомъ прежде Англичанъ. Уже въ 1671 году знаменитый Іоаннъ де-Виттъ издалъ сочиненіе на Голландскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *De vardyе de lifrenten*, а соотечественникъ де-Витта, ванъ-Гейденъ, писалъ объ этомъ еще ранѣе. Струкъ съ большимъ успѣхомъ обработывалъ ученый вопросъ предмета въ 1740 году, а Кирсебонъ издалъ объ немъ въ 1748 весьма любопытныя изысканія.

Во Франціи, двое Дюпарсье, Сень-Сиранъ и Дювиляръ производили подобныя изысканія съ 1748 по 1787 годъ; въ Германіи занимались ими Эйлеръ, Зюсмилхъ и Варгентинъ. Но какъ данныя, на которыхъ они основывали свои расчеты, были весьма несовершенны, то выводы ихъ должны были быть очень неудовлетворительны и неспособны къ практическому примѣненію. Такъ какъ эти изысканія не давали ничего вѣрнаго, то ученые вскорѣ ихъ и оставили.

Изъ всѣхъ странъ материка Европы, доселѣ только во Франціи, Нидерландахъ, Даніи и Германіи, пытались ввести обычай застрахованія на жизнь.

Въ 1827 году существовали во Франціи двѣ подобныя компаніи, *Compagnie d'assurances sur la vie* и *Compagnie royale d'assurances*; съ тѣхъ поръ родилось еще нѣсколько. Усилія этихъ обществъ распространить познаніе началъ своихъ оборотовъ, познаніе выгодъ, которыя произошли бы отъ общаго ихъ примѣненія, были весьма дѣятельны, весьма хитры и весьма несчастны. Они публиковали множество объявленій, докладовъ, отчетовъ, изложеній; но все напрасно. По недостатку успѣха, они принуждены были уволить своихъ агентовъ во многихъ большихъ городахъ; да и въ самомъ Парижѣ на эти предпріятія мало обращаютъ вниманія. Это тѣмъ удивительнѣе, что люди, управляющіе компаніями, пользуются общимъ уваженіемъ, а условія застрахованій умеренны: они почти тѣ же какъ въ Англіи,

а между тѣмъ весьма сомнительно, чтобы продолженіе жизни во Франціи было столь же велико, какъ въ Англіи.

Французскія компании старались ввести застрахованія на жизнь въ Италіи, но это совершенно не удалось; подобныя усилія въ Швейцаріи также остались безъ успѣха. Вѣроятно, что Швейцарцы, которые никогда не считались богачами, и нынче не завалены лишними капиталами. Однако, пожизненныя пенсіи, извѣстныя подъ именемъ *vitaligio*, употребительны въ Миланѣ; но онѣ существовали задолго до усилій Французскихъ компаний.

Въ Нидерландахъ, лѣтъ десять тому назадъ, учредились компании застрахованія на жизнь, и правительство считаетъ ихъ столь полезными, что издало законъ для устраненія соперничества иностранныхъ компаний. Но дѣла ихъ такъ неважны, что всѣ три компании вмѣстѣ не могутъ застраховать 75,000 рублей на одного человѣка. Премія ихъ нѣсколько выше Французскихъ. Хотя онѣ еще имѣютъ мало успѣха, но вѣроятно, что воздержный Голландецъ и промышленный Фламандецъ несравненно болѣе расположены принять этотъ обычай, чѣмъ вѣтренные ихъ сосѣди.

Небольшое общество, образовавшееся въ Эльберфельдѣ, въ герцогствѣ Бергскомъ, было въ 1828 году единственнымъ учрежденіемъ этого рода во всей Германіи, не исключая Австріи и Пруссіи. Дѣла его были весьма необширны, но Нѣмцы скорѣе постигнуть выгоды этого обычая, чѣмъ другіе Европейскіе народы; теперь уже существуютъ въ Германіи три такія компании. Между-тѣмъ въ Германіи и Польшѣ нѣредко обращаются къ Англійской компаніи *Alliance*, которая имѣетъ агентовъ почти во всѣхъ большихъ городахъ и пользуется всеобщою довѣренностію по коммерческой извѣстности ея директоровъ.

Въ Даніи есть нѣсколько небольшихъ компаний застрахованія на жизнь; но онѣ весьма мало успѣваютъ, и Датское правительство, подобно Нидерландскому, не позволяетъ иностраннымъ компаниямъ вступать въ соперничество съ ними и пользоваться привилегіями, изъ которыхъ онѣ не извлекаютъ ни какой пользы: это ошибка, которую оба правительства, равно движимыя патріотическими чувствованіями, должны бы исправить какъ можно скорѣе.

Вообще трудно рѣшить, можетъ ли Европа, въ нынѣшнюю эпоху своей исторіи, принять нѣсколько важное участіе въ выгодахъ, представляемыхъ системою застрахованія на жизнь. Надобно нѣсколько поколѣній, чтобы равнодушіе уничтожилось. Спекулянты твердой земли конечно расположены къ этого рода предпріятіямъ, но всеобщія войны, которыя по-несчастію нередки, весьма опасны для ихъ успѣха, и неувѣренность публики въ прочности самихъ компаній можетъ всегда ихъ уничтожить.

Положеніе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ благоприятнѣе для такихъ учреждений; но жители страны новой, гдѣ всегда легче найти употребленіе капиталамъ и доставить выгодное занятіе многочисленному семейству, чѣмъ въ плотно населенныхъ государствахъ стараго свѣта, должны быть менѣе расположены къ застрахованію своей жизни. Поэтому хотя страховыя компаніи и введены въ Соединенныхъ Штатахъ, но онѣ и тамъ не въ цвѣтущемъ состояніи. Преміи ихъ не чрезмѣрно велики, по соображенію смертности, причиняемой желтою лихорадкою.

Послѣ этого бѣлаго очерка застрахованій на жизнь въ разныхъ краяхъ, мы поговоримъ какъ-можно короче объ ихъ происхожденіи и успѣхахъ въ Англіи, гдѣ собственно и надобно изучать ихъ, чтобы знать условія прочности и процвѣтанія подобныхъ компаній.

Люди, старавшіеся тамъ ввести застрахованія на жизнь, должны были бороться съ двумя важными затрудненіями. Первое, только отчасти устраненное, еще существуетъ, и никогда не можетъ быть совершенно уничтожено: оно состояло въ невозможности опредѣлить точнымъ образомъ вѣроятности человеческой жизни, и только послѣдовательные труды многихъ ученыхъ довели до приблизительной вѣрности въ этомъ дѣлѣ. Второе затрудненіе напротивъ почти совершенно устранено: надобно было вывести изъ предполагаемаго продолженія человеческой жизни правила, на которыхъ должны основываться застрахованія на жизнь во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, не нарушая выгодъ ни застрахованныхъ, ни страховщиковъ. На составленіе такихъ таблицъ употреблены труды огромныя, — и смѣтливость, оказанная

при разсмотрѣніи этихъ столь сложныхъ вопросовъ, выше всѣхъ похвалъ.

Докторъ Галлей, въ запискѣ, напечатанной въ Philosophical Transactions 1693, въ первый разъ употребилъ настоящій способъ этихъ вычисленій по таблицамъ смертности, составленнымъ въ Бреславль въ теченіе пяти лѣтъ сряду.

Де-Моавръ, извѣстный судья спора между приверженцами Ньютона и Лейбница объ изобрѣтеніи дифференціального исчисленія, много подвинулъ впередъ работу, такъ счастливо начатую Галлеемъ. Когда наука сдѣлала новые успѣхи, увидѣли, что основная его гипотеза, будто смертность происходитъ въ одинаковой пропорціи во всѣхъ возрастахъ, совершенно ошибочна. Между-тѣмъ изысканія его были весьма полезны, и составленныя имъ формулы для рѣшенія вопросовъ, касающихся до пожизненныхъ пенсій, до пенсій переходящихъ на наследниковъ и на переживающихъ, весьма драгоценны. Первое изданіе его книги о застрахованіяхъ на жизнь вышло въ 1724 году. Въ 1742 вступилъ на это поприще Томасъ Симпсонъ и преемникомъ его былъ Самуэль Додсонъ, котораго труды также заслуживаютъ похвалу.

Докторъ Прайсъ, который писалъ объ этомъ предметѣ уже въ 1769 году, можетъ-быть, болѣе всѣхъ другихъ способствовалъ успѣхамъ науки. Онъ составилъ и издалъ таблицы о смертности въ Нортamptonъ, Норвичъ, Честеръ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швеціи, и по-нимъ вычислялъ таблицы застрахованій на отдѣльныя и соединенныя жизни: онъ и попыткъ весьма уважаются.

За Прайсомъ послѣдовали Морганъ, Бели и Мильнъ, которыхъ полезныя изысканія также должны быть съ честью упомянуты.

Въ 1706 году, при королевѣ Аннѣ, когда еще начала науки были очень плохо понимаемы, составила и получила грамату первая страховая компанія, которая, подъ именемъ «Общества друзей,» Friend Society, существуетъ и понынѣ. Она устроена по системѣ взаимнаго застрахованія подписчиковъ. Само собою разумѣется, что ея дѣйствія не могли быть сначала основаны на точныхъ началахъ, и это доказывается тѣмъ, что всякой подписчикъ, съ двѣнадцати до

сорока лѣтъ былъ равно принимаемъ съ платою пяти фунтовъ стерлинговъ за сто и что ежегодные доходы, за отчисленіе известной суммы, были раздѣляемы по-ровну между наследниками умершихъ въ теченіе года. Наука сдѣлала еще новые успѣхи, и тогда почувствовали нужду опереть эти сдѣлки на началахъ, болѣе разсудительныхъ.

Компаніи Royal Exchange и London assurance Society исходатайствовали себѣ грамматы въ 1720 году. Это не взаимно-страховыя, а владѣльческія компаніи, которыя всѣ свои барыши дѣлятъ между акціонерами.

Въ Англіи существовали только эти три компаніи, когда въ 1720 году основалась Equitable Society. Симпсонъ и Додсонъ, о которыхъ мы уже говорили, были учредителями этого знаменитаго общества взаимнаго застрахованія. Оно начало дѣйствовать на основаніи таблицъ, составленныхъ ими же по предполагаемой смертности въ Лондонѣ. Послѣ пятнадцатилѣтняго опыта, убѣдился, что смертность была исчислена слишкомъ высоко, и принята была другая таблица, вычисленная по смертности въ Нортamptonъ съ прибавкою пятнадцати на сто: компанія придерживается ея и досель. Прибыли этой компаніи были такъ велики, что, несмотря на дивиденды, производимые членамъ каждыя десять лѣтъ, въ кассѣ накопилось двѣнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (300,000,000 рублей). Это огромное и бесполезное накопленіе показываетъ, что директоры дѣйствуютъ очень осторожно. Компанія Equitable Society никогда не застраховываетъ жизни сомнительной.

Съ 1792 по 1807 учредилось около двѣнадцати компаній, которыя за исключеніемъ только «Скалы» и «Предусмотрительной», вмѣющихъ характеръ смѣшанный, суть чисто владѣльческія. Въ компаніяхъ «Скала» и «Предусмотрительная» есть известное число акціонеровъ, которые подписываются на опредѣленный капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя риски общества, но, не присвоивая себѣ всей прибыли, какъ то дѣлаетъ Equitable Society, они раздѣляютъ значительную часть ея застрахованнымъ: эта система снискала себѣ большое расположеніе публики.

Бѣшеная страсть къ безыменнымъ обществамъ, которая надѣлала въ послѣднее время столько несчастій, породила

множество новыхъ компаній: ихъ считалось въ 1830 году до сорока четырехъ; было даже сорокъ девять, но пять закрылись.

Въ отношеніи къ компаніямъ смѣшаннаго характера надобно замѣтить, что въ Англіи обыкновенно двѣ трети прибыли раздѣляются застрахованнымъ и одна треть принадлежитъ акціонерамъ, и это весьма справедливая пропорція: высшая пропорція конечно была бы выгоднѣе для застрахованныхъ, но если ее увеличишь такъ, что владельцамъ акцій совсѣмъ не будетъ выгоды, или по-крайней-мѣрѣ будетъ мало, тогда можно сомнѣваться въ состоятельности компаніи.

Мы думаемъ, что, и въ смѣшанныхъ обществахъ, и въ обществахъ взаимнаго застрахованія, лучше всего, когда раздѣлъ прибылей производится черезъ семь и черезъ пять лѣтъ. Распределение дивиденда въ эпохи, болѣе частыя, нарушаетъ выгоды акціонеровъ, и тѣмъ самымъ подвергаетъ опасности состоятельность заведенія.

Состоятельность компаній, благоразуміе ея начальниковъ и познанія ея директоровъ, вотъ что прежде всего должны принимать въ соображеніе тѣ, которые желаютъ застраховать жизнь свою. Вступая въ сношенія съ такимъ обществомъ, необходимо знать, какъ велики его прибыли, потому что весьма непріятно было бы, плативъ всю жизнь премію, всегда довольно знатительную, видѣть подъ старость, что компанія обанкротилась и что жена ваша или вашъ другъ останутся безъ средствъ пропитанія, на которыя вы надеялись. Сбереженные свои деньги надобно ввѣрять только такимъ обществамъ, которыя уже утверждены на прочныхъ основаніяхъ, богаты капиталами и опытностью и хорошо управляются.

Г. Беббеджъ, опираясь на опытъ Equitable Society, составилъ о продолженіи человѣческой жизни таблицу, выведенную изъ данныхъ, которыя могли бы быть обширнѣе и подробнѣе, однако жъ удовлетворительную. Въ этой таблицѣ процентовъ полагается 5%. Онъ вычислилъ также таблицу прибыли разныхъ компаній: изъ нея видно, что Equitable Society получаетъ 24 на сто прибыли, и это самая большая прибыль, приносимая подобными обществами, не

только въ Англіи, но и во всѣхъ другихъ краяхъ, гдѣ преміи всегда гораздо выше; и надобно замѣтить, что Equitable Society достигла до этого осьмидесяти-лѣтними трудами и постоянными успѣхами, и что она существовала въ обстоятельствахъ чрезвычайно выгодныхъ, которыя возобновиться уже не могутъ. Другія заведенія, по причинѣ соперничества, получаютъ гораздо менѣе. Выгоды и удобства, которыя эти компаніи представляютъ публикѣ, чтобы привлечь ее къ себѣ и добыть практику, неимоверны. Многія изъ нихъ принимали всѣ жизни, какія только приличнымъ образомъ можно было принять, и понынѣ застраховываютъ всякаго, безъ дальняго разбора, какъ скоро нѣтъ видимой болѣзни. Этого мало. Изъ соперничества, застраховывающагося избавляютъ отъ обязанности являться къ директорамъ или агентамъ и принимаютъ свидѣтельства медиковъ и хирурговъ, получаемыя иногда не весьма благородными средствами. Одни компаніи объявляютъ, что онѣ понизили преміи на жизнь женщинъ всѣхъ возрастовъ; другія застраховываютъ жизнь даже беременныхъ. Говорятъ, что теперь всѣ позволяютъ застрахованнымъ жить безъ увеличенія преміи во всѣхъ странахъ Европы, не исключая даже и Турціи. Кто бы это подумалъ? многія не требуютъ прибавочной преміи на случаи путешествія по морю, даже въ самое бурное время года. Послѣдствія столь неосторожныхъ спекуляцій очевидны.

Плутовскія застрахованія сдѣлались въ Англіи, и особенно въ Ирландіи, весьма обыкновенными, и усиливаются ежедневно. Г. Беббеджъ говоритъ только объ одномъ родѣ плутни, — когда, имѣя какую-нибудь скрытную болѣзнь, застраховываютъ жизнь свою въ пользу наследниковъ. Но есть другой родъ обмана, еще болѣе опасный, именно когда застраховываютъ жизнь другаго, зная, что онъ слабого здоровья. Вотъ какъ это дѣлается: застраховывающійся избираетъ кого-нибудь, кто кажется ему приличнымъ для его цѣли; говоритъ ему, что если онъ хочетъ застраховать свою жизнь, то получить не только премію, которую долженъ платить, но еще известную сумму сверхъ этого. Такъ какъ это чистая прибыль для того, къ кому обращаются,

то всегда легко найти людей, которые согласятся на торгъ, столь постыдный. Эти люди добываютъ необходимыя имъ свидѣтельства, и являются для застрахованія сами, что и усыпляетъ подозрѣнiе. Если одна компанія отказывается застраховать, обращаются къ другой, и которая-нибудь на вѣрное согласится. И смерть почти всегда доставляетъ настоящему застрахованному плоды его преступной хитрости.

Кромѣ благоразумія въ управленіи компаній и знанія торго, какія прибыли онѣ дѣйствительно получаютъ, надобно еще, какъ мы сказали, смотрѣть на познанія директоровъ. Англійскимъ, Французскимъ и Германскимъ директорамъ компаній застрахованія на жизнь оказываютъ большое пособіе трудолюбивые ученые. Въ Англіи законъ смертности въ разныхъ возрастахъ основанъ на данныхъ, весьма разнообразныхъ и тщательно собранныхъ. Во Франціи, послѣ таблицъ Дюпарсѣ и Дювилльяра, которыя не дурны, хотъ и не точны, Комитетъ Географическихъ Долготъ дѣлаетъ ежегодно съ 1817 подробные выводы о возрастѣ и промыслѣ умирающихъ во всѣхъ департаментахъ, и несмотря на это, все еще не дошли тамъ даже и до приблизительной вѣрности таблицъ смертности въ Англіи. Въ Германіи, уже лѣтъ двадцать, производятъ весьма дѣятельныя изысканія, и эти данныя могутъ уже руководить директоровъ въ ихъ оборотахъ и вычисленіяхъ. Но по необходимости должно было бы усомниться въ ученыхъ пособіяхъ основателей компаній застрахованія на жизнь въ какомъ-нибудь обширномъ государствѣ, заключающемъ въ себѣ самыя противоположныя климаты, гдѣ еще не предпринято ничего, чтобы открыть и опредѣлять законъ смертности по возрастамъ, занятіямъ и мѣстности. Наше напримѣръ отечество находится въ этомъ именно положеніи. Эта часть статистики у насъ еще не тронута. Между-тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что законъ смертности въ Россіи совсѣмъ не таковъ, какъ въ другихъ краяхъ, и что таблицы Англійскія, Французскія и Нѣмецкія для насъ не годятся. Въ такихъ странахъ компаніи поставляются въ одну изъ двухъ необходимостей, всегда для кого-нибудь невыгодныхъ, — или назначить чрезмѣрно высокія преміи, чтобы излишкомъ возносимой публикою дани покрыть всѣ убытки, могущіе произой-

ти по недостатку данныхъ, или разориться самимъ, назначивъ преміи, сходныя для застраховывающихъ.

Тѣ, которые изучали начала науки, служація основаніемъ застрахованій, могутъ судить о познаніяхъ основателей подобнаго общества по одному масштабу премій, за которыя эти общества выдаютъ капиталы, или производятъ пенсій по смерти застраховавшихся. Въ Англіи и другихъ Европейскихъ странахъ замѣчено, что большая часть вновь учреждающихся компаній застрахованія на жизнь руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ грубѣйшимъ невѣжествомъ. Напримѣръ, вмѣсто того, чтобы получать премію и выдать извѣстный капиталъ по смерти застраховавшаго, онѣ принимаютъ извѣстный капиталъ и обязываются платить пожизненную пенсію, что совершенно противоположно застрахованіямъ на жизнь, потому что, если подобныя сдѣлки основываются на тѣхъ же началахъ, какъ и настоящія застрахованія на жизнь, потеря будетъ для компаніи, а выгода для пенсіонера. Но существо предмета еще такъ мало извѣстно, что когда Англійское правительство составляло свои таблицы пожизненныхъ пенсій, оно совершенно выпустило изъ виду это основное начало, и неудивительно, что понесло убытки, которые простираются уже, какъ говорятъ, до 100,000,000 рублей. Послѣ этого надобно было бы полагать, что по-крайней-мѣрѣ Англійскія компаніи замѣтятъ погрѣшность столь явную и не впадутъ въ нее; но вышло напротивъ. Большая часть продолжаетъ и теперь дѣйствовать точно такъ же, и нѣкоторыя предлагаютъ даже условія выгоднѣе тѣхъ, которыя Англійское правительство постановило своимъ пенсіонерамъ. И вотъ почему эти компаніи сами себя съѣдаютъ, и наконецъ повергаются въ состояніе разслабленія, изъ котораго не могутъ извлечь ихъ самые возбуждательные приемы шарлатанства. Это совершенное отсутствіе науки есть главная причина и хворости всѣхъ компаній застрахованія на жизнь, учредившихся на твердой землѣ Европы со времени послѣдняго мира, и частыхъ смертныхъ случаевъ между заведеніями этого рода, непрерывно раждающимися въ Англіи.

**НОВЫЕ ОПЫТЫ НАДЪ СТОЯНІЕМЪ ВОДЫ ВНУТРИ ЗЕМ-
ЛИ.** Ученый журналъ Edinburgh Philosophical Journal со-

общаетъ, что нѣкто Г. Жиронъ хотѣлъ прорыть артезианскій колодезь въ помѣстьѣ своемъ, на южной сторонѣ Жюры, въ одной милѣ отъ Женевы и въ 297 футахъ надъ уровнемъ озера. Сверлили до 547 футовъ глубины, но напрасно. Отчаяваясь въ успѣхъ, Г. Жиронъ предлагалъ воспользоваться начатыми работами для ученыхъ изслѣдованій. Гг. де-ла-Ривъ и Марсѣ обратились къ любителямъ наукъ и къ правительству, чтобъ получить нужныя пособія, и продолжали сверленіе восемь мѣсяцевъ до глубины 682 футовъ. Отверстіе было около четырехъ съ половиной дюймовъ въ поперечникъ. Вода начинала показываться еще на глубинѣ двадцати футовъ, и замѣчательно, что століе ея было ниже на самой большой глубинѣ отверстія, чѣмъ на половинѣ. Въ 275 футахъ глубины вода стояла на 13 футовъ отъ поверхности, въ 500 футовъ она понизилась до 22, а въ 550 до 55 футовъ. Потомъ она стала подыматься, и на глубинѣ 595 футовъ была на 24 фута 6 дюймовъ отъ поверхности, но на глубинѣ 675 футовъ, она опять понизилась до 55 футовъ 8 дюймовъ. Достигнувъ этой значительной глубины, испытатели придумали средства опредѣлить температуру отверстія на разныхъ глубинахъ. Такъ какъ обыкновенный термометръ не былъ бы для этого достаточенъ, они сдѣлали такой, который самъ отмѣчалъ свои показанія и котораго вѣрность подвергли они самымъ строгимъ испытаніямъ. Слѣдующая таблица показываетъ глубины сверленаго отверстія и соответствующія температуры.

30 футовъ....	8,	4 градусовъ Реомюра
60	8,	5.
100	8,	8.
150	9,	2.
200	9,	5.
250	10,	0.
300	10,	5.
350	10,	9.
400	11,	37.
450	11,	73.
500	12,	20.
550	12,	63.
600	13,	05.
650	13,	50.
680	13,	80.

Отсюда видно, что возрастание температуры, за глубиною ста футовъ отъ поверхности вплоть до 680 футовъ глубины, составляетъ ровно 0, 875 градуса по Реомюру на каждые 100 футовъ. Возрастание это идетъ здѣсь съ удивительной постѣпенностью, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ замѣчены были скачки. Ученые испытатели приписываютъ эту правильность тому старанію, которое было ими употреблено для устранения всякаго повода къ погрѣшностямъ.

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ АЛЬФРЕДА ДО-ВИНЬИ. Авторъ «Стелло» написалъ новую книгу въ родѣ того же Стелло; она издана подъ заглавіемъ *Scrivitudes et grandeur militaire*, и состоитъ изъ трехъ разсказовъ, весьма занимательныхъ, — *La Veillée de Vincennes*, которая была напечатана въ разныхъ журналахъ, и которую, следовательно, всѣ читали; *Laurette* и *La vie et la mort du capitaine Renaud*: изъ послѣдняго мы сообщимъ, на первый случай, нѣсколько отрывковъ. Кажется, что и здѣсь, какъ въ «Стелло», Графъ Альфредъ де-Виньи примѣшалъ къ вымыслу воспоминанія собственной своей юности.

1. Наполеонъ Бонапарте мусульманинъ. Это отрывокъ письма отца капитана Рендъ къ сыну его, служившему въ 1804 году пажемъ при Наполеонѣ.

«Бонапартъ доброй малой, по праву, онъ уже черезъ чуръ шарлатанить. Я боюсь, чтобы онъ не сдѣлался у насъ основателемъ новаго рода фиглярства, — а фиглярства во Франціи и безъ того довольно. Шарлатанство всегда нагло и отвратительно; въ нашемъ вѣкѣ оно такъ барабанило и трудилось на площадяхъ, что пробралось во всѣ состоянія и не сыскать ни одного самаго мелкаго человека, который бы не надувалъ шарлатанствомъ. Лягушекъ, которыя надуваются, чтобы сравняться съ быкомъ, пинче и не перечесть. Примѣчаешь только тѣхъ, которыя лопаются. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы сынъ мой не былъ въ этомъ числѣ.

«Перваго вандемьера VII года, Бонапартъ, членъ Академіи Наукъ, покоривъ Египетъ, былъ въ Каирѣ, и вздумалъ сдѣлать праздникъ въ день установленія республики.

Александрійскій горнизонъ торжествовалъ этотъ день вокругъ Помпеевой Колонны, на которой былъ выставленъ трехъ-цвѣтный флагъ; Клеопатрина Иголка была довольно плохо иллюминирована, и войска Верхняго Египта торжествовали, какъ могли лучше посреди пилоновъ, колоннъ, каріатидъ Оивскихъ, на колѣняхъ Мемнонова колосса, у подножій статуй Тама и Хама. Первый корпусъ маневрировалъ, скакалъ и пускалъ фейерверки въ Канрь. Главнокомандующій пригласилъ на обѣдъ весь свой штабъ, ученыхъ, кяхья-пашу, эмира, членовъ Дивана и агъ; всѣ они помѣстились вокругъ стола на пять сотъ кувертовъ, въ залъ дома, который занималъ онъ на Эль-Бекирской Площади; красная шапка и полулуніе дружески обнимались; національные цвѣта Французскія и Турецкія образовали палатку, и на прекрасныхъ обояхъ являлись рядомъ коранъ и таблица основныхъ законовъ якобинства. Когда гости досыта навѣлись руками цыплятъ и риса, приправленнаго шафраномъ, пастекъ и плодовъ, Бонапартъ, который не говорилъ ни слова, бросилъ на нихъ на всѣхъ бѣглый взглядъ. Добрый Клеберъ, который подлѣ него лежалъ, потому что не могъ подгибать длинныхъ ногъ своихъ подлѣ себя по-Турецки, толкнулъ локтемъ сосѣда своего Абдаллаха Мену, и сказалъ ему своимъ полунѣмецкимъ нарѣчіемъ:

— Гляди, гляди! Али-Бонапарте опять собирается штукарить.

«Онъ называлъ его такимъ образомъ потому, что на праздникъ Магомета главнокомандующій, членъ Академіи Наукъ, былъ въ восточномъ костюмѣ, и когда онъ объявилъ себя покровителемъ всѣхъ религій, по мусульманномъ въдушъ, ему торжественно поднесли титулъ зятя пророка и назвали его Али-Бонапартомъ.

«Клеберъ еще не кончилъ и расправлялъ еще рукою свои длинные свѣтлорусые волосы, какъ маленькой Бонапартъ всталъ, и поднесъ стаканъ къ костлявому своему подбородку и толстоту галстуху и сказалъ голосомъ звонкимъ, чистымъ и отрывистымъ:

— Выпьемъ за трехсотый годъ Французской республики!
«Клеберъ повалился на плечо Мену, и разохотался до

того, что тотъ пролилъ свой стаканъ на сосѣда своего, стараго агу, а Али-Бонапартъ покосился на нихъ, нахмуривъ брови.

«Онъ былъ, конечно, правъ, мой милой, потому что въ присутствіи главнокомандующаго дивизионный генералъ долженъ вести себя пристойно, хотя бы онъ былъ такой молодецъ какъ Клеберъ; но и они были не совсемъ виноваты, потому что Али-Бонапарта, который проповѣдывалъ Туркамъ якобинство, теперь зовутъ императоромъ, и ты у него пажемъ.»

2. *Разговоръ между Наполеономъ и папою Піемъ VII.*

Пажъ Рендъ,—или де-Виньи, что все одно и тоже, — былъ въ кабинетъ Наполеона, безъ него, какъ вдругъ карета остановилась у крыльца, и императоръ взбѣжалъ на лѣстницу, оставивъ кого-то въ каретѣ и повидимому ужасно сердитый. Пажъ едва успѣлъ броситься въ альковъ большой парадной постели, завѣшанной огромнымъ пологомъ.

«Императоръ былъ въ большомъ волненіи; онъ началъ ходить по комнатамъ, какъ человѣкъ, который съ нетерпѣніемъ кого-то ждетъ и въ минуту пробѣжалъ ее три раза во всю длину; потомъ подошелъ къ окну и принялся барабанить маршъ ногами по стеклу. На дворѣ раздался стукъ увѣжающей кареты, онъ пересталъ барабанить, топнулъ раза два или три, какъ человѣкъ, который досадуетъ на медленность другихъ; потомъ поспѣшно подошелъ къ двери и отворилъ ее папѣ.

«Пій VII вошелъ одинъ; Бонапартъ заперъ за нимъ дверь съ проворствомъ тюремщика. Признаюсь, что я жестоко струсилъ, оставшись втроемъ съ такими людьми. Между тѣмъ я стоялъ безмолвно и неподвижно, глядя и слушая съ полнымъ напряженіемъ всѣхъ умственныхъ силъ моихъ.

«Папа былъ высокаго роста; лице у него было длинное, желтое, болѣзненное, но исполненное святаго благородства и безпредѣльной доброты. Черные глаза его были велики и прекрасны; уста полу-раскрыты доброжелательною улыбкою, которой выдавшійся его подбородокъ придавалъ выраженіе чрезвычайно живое и остроумное, улыбкою, въ

которой совсѣмъ не было политической холодности, но являлась христіанская доброта. Блѣлая скуфья прикрывала длинныя черныя его волосы съ просѣдью. Онъ небрежно посылъ на плечахъ длинное полуклоуанье изъ чернаго бархата и платье волочилось у него на ногахъ. Онъ вошелъ медленно, съ тихою, осторожною поступью пожилой женщины. Онъ сѣлъ, потупивъ глаза, на большія Римскія кресла, раззолоченныя и украшенныя орлами, и ждалъ, что скажетъ ему тотъ Италіанецъ.

« О, какая сцена! какая сцена! Я какъ будто теперь ее вижу. Она явила мнѣ не гений этого челоуѣка, но его характеръ; и если умъ его не развивался въ ней, то по крайней мѣрѣ сердце явилось наружу.

« Онъ не переставалъ ходить по комнатѣ съ тѣхъ поръ какъ папа вошелъ; онъ бродилъ вокругъ кресла, какъ осторожный охотникъ, и вдругъ, остановившись передъ нимъ въ неподвижномъ, вытянутомъ положеніи капрала, онъ продолжалъ разговоръ, начатый въ каретѣ, и прерванный приездомъ; разговоръ, который онъ нетерпѣливо желалъ начать снова.

— Опять говорю вамъ, святой отецъ, я не вольнодумецъ и терпѣть не могу идеологовъ и мыслителей. Убѣраю васъ, что, несмотря на моихъ старыхъ философовъ, я стану идти къ обѣднѣ.

« Онъ поспѣшно бросилъ эти слова папѣ, какъ, будто мигнулъ ему въ лице кадиломъ, и остановился, чтобы подождать какое дѣйствіе произведутъ они; онъ думалъ, что довольно безбожныя обстоятельства, предшествовавшія этому неожиданному, прямому признанію, должны придать ему большую цѣну. Папа потупилъ глаза и положилъ обѣ руки на орлиныя головы, украшавшія ручки кресель. Этимъ положеніемъ Римской статуи онъ, казалось, ясно говорилъ: Я заранѣе рѣшился выслушать всѣ безбожныя вещи, какія ему вздумается сказать мнѣ.

Бонапартъ обошелъ кругомъ всей комнаты и вокругъ кресла, стоявшаго посередкѣ, и по взглядамъ, которые бросалъ онъ искоса на стараго первосвященника, я увидѣлъ, что онъ не доволенъ ни собою, ни своимъ противникомъ, и раскаявается въ томъ, что слишкомъ круто приступилъ

къ продолженію разговора. Онъ началъ говорить плавно и связно, прохаживаясь вокругъ комнаты и бросалъ про- ницательные взгляды на зеркала, въ которыхъ отражалось важное лице папы, и на него въ-профиль, но никогда прямо, чтобы не показать излишней заботы о томъ, какое дѣй- ствіе произведутъ слова его.

— Одно обстоятельство лежитъ у меня на сердцѣ, свя- той отецъ, сказалъ онъ: вы соглашаетесь на коронацію, точно какъ будто васъ принуждаютъ къ этому. Вы передо мной какъ будто мученикъ, какъ-будто смиренно предаетесь судьбѣ своей и посвящаете скорбь свою небу. Да поми- луйте, положеніе ваше совсѣмъ не таково: вы вѣдь у меня не въ плѣну; вы свободны какъ воздухъ.

« Пій VII печально улыбнулся и посмотрѣлъ ему въ ли- це. Онъ видѣлъ всю непомерную взыскательность этого деспотическаго характера, которому, какъ и всѣмъ этого рода умамъ, мало было чтобы имъ повиновались, надобно еще, чтобы повиновались какъ-будто сами пламенно жела- ли того, что приказано.

— Да, продолжалъ Бонапартъ съ большою силою: да, вы совершенно свободны; вы можете возвратиться въ Римъ: дорога открыта, никто васъ не держитъ.

« Папа вздохнулъ и, не отвѣчая, поднялъ правую руку и взоры къ небу; потомъ онъ медленно опустилъ покры- тое морщинами чело свое, и принялся смотрѣть на золо- той крестъ, висѣвшій у него на шеѣ.

« Бонапартъ продолжалъ говорить, прохаживаясь уже тише прежняго. Голосъ его сдѣлался пріятнымъ и улыбка ис- полнилась прелести.

— Послушайте, святой отецъ, если бы я не такъ уважалъ санъ вашъ, я бы право сказалъ, что вы немножко небла- годарны. Вы, кажется, совсѣмъ не помните заслугъ, ока- занныхъ вамъ Франціею. Венеціанскій конклавъ, который избралъ васъ въ Папы, чуть-ли не принялъ въ уваженіе Италіанской моей кампаніи и того, что я однажды сказалъ о васъ. Австрія обходилась тогда съ вами не хорошо, и я очень жалѣю объ этомъ. Ваше святѣйшество, помнитса мнѣ, принуждены были возвратиться въ Римъ водою, по-

*

тому что вамъ нельзя было прохзть черезъ Австрійскія владѣнія.

«Онъ остановился, ожидая отвѣта молчаливаго гостя, котораго завлекъ къ себѣ; но Пій VII сдѣлалъ только едва приметное наклоненіе головы и остался какъ бы погруженнымъ въ ушныя, которое не давало ему слушать.

«Бонапартъ подвинулъ ногою стулъ къ креслу папы. Я затрепеталъ, потому что идя за этимъ стуломъ, онъ задѣлъ эпалетомъ за занавѣсь алькова, въ которомъ я скрывался.

— Я, право, жалѣлъ объ этомъ какъ католикъ, продолжалъ онъ. Мнѣ некогда было учиться Богословію; но я имѣю полную вѣру въ могущество Церкви: она одарена удивительной жизненностію, святой отецъ. Вольтеръ, конечно, немножко повредилъ вамъ, но я не люблю Вольтера и выпущу на него одного стараго разстригу. Будьте увѣрены, что вы останетесь девольны имъ. Послушайте, если бъ вы хотѣли, мы бы съ вами могли бы сдѣлать изъ будущности много хорошаго.

«Тутъ онъ принялъ чрезвычайно ласковый видъ юности и невинности.

— Право, я не знаю! какъ ни ищу, а все не вижу, почему бы вамъ не остаться навсегда въ Парижѣ? Я, пожалуй, уступлю вамъ Тюильри, если вы хотите. Ваша монтекавальская комната тамъ готова, ожидаетъ васъ. Я вѣдь тамъ совсѣмъ не живу. Неужели вы не видите, радге, что Парижъ настоящая столица міра? Я бы сталъ дѣлать все, что вы хотите. Что бы обо мнѣ ни толковали, а я право человекъ добрый и сговорчивый. Лишь бы только мнѣ оставили войну и утомительную политику, а съ Церковью дѣлайте вы что хотите. Я буду совершенно вашимъ вѣномъ. Вѣдь это право было бы хорошо; мы бы созывали соборы, какъ Константинъ и Карлъ Великій; я бы открывалъ и закрывалъ; потомъ я отдамъ вамъ въ руки настоящіе ключи міра я, какъ сказано въ Писаніи: Я пришелъ съ мечемъ и оставляю при себѣ мечъ; только буду приносить его вамъ послѣ военной победы, чтобы вы ее благословляли.

«Произнося послѣднія слова, онъ слегка поклонился.

«Папа, который до того былъ неподвиженъ какъ Египетская статуя приподнялъ медленно свою полупонижшую го-

лову, задумчиво улыбнулся, обратилъ глаза къ небу и потомъ, испустивъ тихій вздохъ, сказалъ вполголоса какъ будто въвѣря мысль свою невидимому Ангелу-Хранителю.

— Commediante! .

«Бонапартъ бросился со стула, вскочивъ какъ раненный леопардъ. Настоящій гнѣвъ обуялъ его, одинъ изъ его желчныхъ гнѣвовъ. Онъ началъ ходить по комнатѣ, не говоря ни слова и кусая губы до крови. Онъ уже не кружилъ около своей добычи съ коварными взглядами и осторожною поступью, но ходилъ прямо и твердо, вдоль и поперекъ, крѣпко стучая и звеня шпорами: Комната затряслась, занавѣсы трепетали какъ деревья передъ громомъ; мнѣ казалось, что должно произойти что-нибудь великое и ужасное; мнѣ стало больно въ волосахъ и я невольно взялся за нихъ рукою. Я посмотрѣлъ на папу: онъ и не пошевелился, только сжалъ руками головы орловъ на ручкахъ кресель.

Бомба вдругъ лопнула.

— Комедиантъ! я! я комедиантъ. О, я разыграю вамъ комедию, отъ которыхъ вы все расплатитесь какъ дѣти и бабы. Комедиантъ! О, вы напрасно воображаете, что со мной можно быть холоднымъ наглецомъ! Мой театръ весь мѣръ; играю я въ немъ роль господина и автора; актеры у меня все, и я двигаю васъ всехъ страхомъ какъ проволокою. Комедиантъ! О, надо быть побольше васъ, чтобы осмѣлиться мнѣ апплодировать или освистать меня. Signor Chiaramonti! знаете-ли вы, что вы были бы бѣднымъ деревенскимъ священникомъ, если бъ мнѣ вздумалось. Вы бы играли здѣсь во Франціи жалкую роль, если бъ я не кланялся вамъ съ серьезномъ видомъ. Четыре года назадъ никто не смѣлъ признаться, что онъ христіанинъ: кто жъ тогда, позвольте спросить, думалъ о папѣ! Комедиантъ! Э, господа, вы слишкомъ рано начинаете хозяйничать у насъ. Вы изволите гнѣваться за то, что я не сглуповалъ, не подписалъ, какъ Людовикъ XIV, оужденіе правилъ Галликанской церкви! Но меня вы такъ не поддѣваете. Вы у меня въ рукахъ, я васъ вожу направо и налево, съ юга на сѣверъ, какъ выпускныхъ куколъ; я притворяюсь, будто за что-то васъ считаю, потому что вы представляете старую идею, которую я хочу воскресить, и у васъ не достало ума, что бы увидѣть это и

показывать будто и не замѣчаете. Куда! вамъ все расскажи да растолкуй! васъ надо наткнуть носомъ на вещи, чтобы вы ихъ поняли! Вы и въ самомъ дѣлѣ вздумали, будто я имѣю въ васъ пужду, и вы пріосанились, приподняли голову и закутались въ свои рясы. Да знаете-ли вы, что я вашей рясы не уважаю ни сколько и, что если вы не уйдёте, то я раздеру ее шпорою, какъ Карлъ XII каютанъ визиря?

« Онъ замолчалъ. Я не смѣлъдохнуть. Не слыша болѣе его громоваго голоса, я высунулъ голову, чтобы посмотреть не умеръ-ли бѣдный старикъ со страха: то же спокойствіе въ положеніи, то же спокойствіе на лицѣ. Онъ еще разъ поднялъ глаза къ небу, испустилъ еще вздохъ, горестно улыбнулся и сказалъ.

— Tragediante.

« Бонапартъ былъ въ это время къ концѣ комнаты и стоялъ прислонившись къ камину, вышиною съ него. Онъ бѣгомъ бросился къ старику; я думалъ, что онъ убьетъ его. Но онъ вдругъ остановился, схватилъ со стола Севрскую фарфоровую вазу, на которой были нарисованы замокъ Сентъ Анжъ и Капитолій, ударилъ ее объ каминъ и растопталъ ногами. Потомъ онъ вдругъ сѣлъ и оставался несколько времени въ глубокомъ молчаніи и грозной неподвижности.

« Я отдохнулъ. Я чувствовалъ, что мысль разсудительная снова къ нему возвратилась и что умъ взялъ верхъ надъ кипучею кровью. Онъ сдѣлался печальнымъ, голосъ его сталъ мраченъ и задумчивъ, и съ первыхъ словъ его, я понималъ, что онъ теперь натураленъ и что этотъ протей, побѣжденный двумя словами, является въ настоящемъ своемъ видѣ.

— Несчастная жизнь! сказалъ онъ. — Потомъ, онъ задумался, разорвалъ свою шляпу и помолчавъ съ минуту, началъ, какъ бы пробудившись и говоря самъ съ собою.

— Да, правда, трагическій или комическій, а все актеръ. Для меня все роль, все постыло, давно уже и навсегда. Какая скука! какая низость! Рисоваться, и вѣчно рисоваться! Одной партіи показываться съ-лица, другой съ-боку, какъ имъ хочется. Казаться имъ тѣмъ, что имъ нравится и угадывать все глушья ихъ бредни. Вѣчно держать ихъ между страхомъ и надеждою. Ослѣплять ихъ числами и бюллетен-

нями, блескомъ разстояній и блескомъ именъ. Быть господиномъ всѣхъ ихъ и не знать что съ ними дѣлать. А вѣдь вотъ и все! И послѣ всего этого скучать какъ я скучалъ. Это ужъ слишкомъ. Потому что, право, прибавилъ онъ, положивъ ногу на ногу и растянувшись въ креслахъ, я немилосердо скучаю. Я умираю со скуки какъ скоро сяду. Если бъ мнѣ надо было поохотиться дня три въ Фонтенебло, я бы умеръ съ тоски. Я не могу иначе, я долженъ идти впередъ и гнать другихъ впередъ. Куда? хоть убейте, не знаю. Я говорю съ вами откровенно. У меня плановъ на сорокъ императорскихъ жизней; составляю по плану утромъ и вечеромъ; у меня воображеніе неистощимое; но мнѣ не исполнить и двухъ изъ этихъ плановъ, какъ уже и тѣло и душа у меня изнаются: наша бѣдная лампа горитъ не долго. Правду вамъ сказать, если бы всѣ планы мои исполнились, я не знаю, счастливѣе ли бы сталъ отъ этого свѣтъ; но онъ былъ бы прекраснѣе, надъ нимъ распростиралось бы величественное единство. Я не философъ, и мнѣ кажется, что одинъ только нашъ Флорентійскій секретарь человекъ съ здравымъ смысломъ. Я рѣшительно не понимаю нѣкоторыхъ теорій. Жизнь слишкомъ коротка, чтобы останавливаться. Замышляю и исполняю. И послѣ меня будетъ время объяснять мои дѣйствія, возвышать меня, если я успѣю, унижать, если упаду. За парадоксами дѣло не станеть; во Франціи ихъ всегда вдоволь. Покуда я живъ—они молчатъ, а послѣ смерти моей дѣло другое. Нужды нѣтъ, мое дѣло успѣвать, а я на это мастеръ. Я сочиняю свою Иліаду, въ дѣйствиіи и всякой день.

« Тутъ онъ всталъ съ веселымъ проворствомъ; въ немъ было что-то живое, рѣзвое; въ эту минуту онъ былъ натураленъ; онъ не рисовался какъ впоследствии въ своихъ разговорахъ на островѣ Св. Елены; онъ не старался идеализироваться и составить лице свое такъ, чтобы осуществить прекраснѣйшія мечты философовъ; онъ былъ собою, самимъ собою, вышедшимъ наружу. Онъ подошелъ къ папѣ, сидѣвшему неподвижно и сталъ ходить передъ нимъ. Тутъ, то воспламеняясь, то улыбаясь иронически, онъ началъ опять говорить нѣчто по обыкновенію его и пошлое и высокое, произнося эти слова съ непостижимымъ проворствомъ, быстрымъ выраженіемъ генія легкаго, который ничего не изучал, все угадывалъ.

— Все зависить отъ рожденія, сказалъ онъ. Тѣ, которые явились на свѣтъ голыю, бѣдняками, всегда люди отчаянные. Это обращается въ дѣятельность или въ самоубійство, смотря по характеру людей. Когда у нихъ, какъ у меня, довольно мужества, чтобы хвататься за все, они чортъ знаютъ чего не сдѣлаютъ. Что прикажете! Надобно же какъ-нибудь жить. Налобно найти мѣстечко и продвѣлать себя дѣрку. Я очистилъ себѣ мѣсто, какъ пушечнымъ ядромъ. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые были впереди меня. Одни довольствуются малымъ, другимъ всего мало. Что жъ тутъ станешь дѣлать? Всякой вѣтъ по своему аппетиту, а я вѣчно былъ голоденъ! Изволите видѣть, святой отецъ, въ Тулонѣ мнѣ не на что было купить эпюлетовъ; а на шеѣ у меня была мать, да кой-сколько братьевъ. Теперь все это пристроено и, кажется, довольно порядочно. Жозефина вышла за меня такъ, изъ жалости, а я ее корону на смѣхъ нотаріусу въ Рагидо, который говорилъ, что у меня только и за душой, что одна шпага. Онъ впрочемъ говорилъ правду. Императорская порфира, корона, что жъ это такое? Развѣ это мое? Надѣну на часъ да и довольно. Потомъ снова натану свой мундиръ и на коня. Вѣчно на конѣ! всю жизнь, на конѣ! Мнѣ не просидѣть и дня, не рискуя слетѣть съ кресель. Неужли это завидная жизнь? Что вы скажете?..... Я вамъ говорю, святой отецъ, на свѣтъ только два рода людей: тѣ, у которыхъ что нибудь есть, и тѣ, которые добываютъ. Первые лежать, вторые дѣйствуютъ. Я понималъ это рано и кстати, и оттого я пойду далеко, — вотъ и все. Только два человека достигли до цѣли, начавъ путь въ сорокъ лѣтъ, — Кромвель и Жанъ-Жакъ: если бъ одному дали мызу, а другому тысячу двѣсти франковъ и служанку, они бы не проповѣдывали, не писали. Есть мастера кровельные, красочные, фразочные; я мастеръ батальный. Мое ремесло сраженіе. Тридцати пяти лѣтъ я смастерилъ уже вѣхъ осмнадцать и вѣхъ зовутъ: победы. Надо же мнѣ заплатить за работу. И дать мнѣ за это тронъ, право не много. Притомъ же я вперёдъ буду работать. Погодите, то ли еще будетъ. Вы увидите, что всѣ династіи будутъ начинаться съ моей, хоть я и выскочка. Выскочка, какъ вы святой отецъ, тоже

изъ толпы. Въ этомъ отношеніи мы можемъ подать другъ другу руку.

«Говоря это онъ подошелъ и протянулъ свою бѣлую, рѣзательную руку, къ дряхлой, робкой рукѣ добраго папы, который, можетъ быть тронутый добродушіемъ этого движенія императора, или вспомнивъ собственную судьбу свою и бросивъ горестный взглядъ на будущность христіанскихъ обществъ, тихонько положилъ ему въ руку концы своихъ еще трепещущихъ пальцевъ, съ видомъ бабушки, которая мирится съ ребенкомъ, слишкомъ строго побранивъ его. Между тѣмъ, онъ печально потрясъ головою и изъ прекрасныхъ глазъ его выступила слеза и покатила по его изсохшей, блѣдной щекѣ. Эта слеза показалась мнѣ послѣднимъ прощаньемъ христіанства, который отпускаетъ землю во власть случая и себялюбія.

«Бонапартъ бросилъ бѣглый взглядъ на слезу, вырванную изъ этого бѣднаго сердца, и мнѣ чудилось даже съ одной стороны рта его минутное движеніе, похожее на улыбку торжества. Въ ту минуту эта всемогущая природа показалась мнѣ не столь возвышенною, не столь изящною, какъ природа его святаго противника; это заставило меня покраснѣть подъ занавѣсами, при мысли о моемъ прошломъ энтузіазмѣ; я почувствовалъ какую-то дотошъ незнаемую горечь, увидѣвъ, до какихъ мелочей доходить иногда высочайшее политическое величіе въ холодныхъ хитростяхъ своего тщеславія, въ презрѣнныхъ своихъ плутняхъ и низостяхъ. Я увидѣлъ, что онъ ничего не хотѣлъ отъ своего пленника и только втайнѣ радовался, что не ослабѣлъ въ этомъ свиданіи и, не удерживавшись отъ гнѣва, смялъ своего противника подъ ощущеніями усталости, страха и всѣхъ слабостей, которыя вызываютъ непостижимую слезу на глаза старика. Онъ хотѣлъ, чтобы рѣчь осталась за нимъ и, не прибавивъ ни слова, ушелъ такъ же внезапно, какъ вошелъ. Я не видалъ поклонился ли онъ папѣ; не думаю однако жъ.»

ВСЕОБЩИЙ МОРСКОЙ ЯЗЫКЪ. Подъ этимъ названіемъ капитанъ Датскаго флота Роде сообщилъ знаменитому сирѣ Джону Россу весьма простой и остроумный сводъ сигнала-

ловъ, заключающій въ себѣ полную систему сообщеній между экипажами кораблей разныхъ народовъ и не требующій ни отъ одного изъ нихъ знанія иностраннаго языка. «Выгоды этой системы передъ всѣми другими, говоритъ сэръ Джонъ Россъ въ запискѣ, представленной имъ Британскому Обществу Сопослѣствованія Наукамъ, заключаются въ следующемъ: во-первыхъ, она будетъ самая дешевая, потому что вся издержка ограничивается покупкою сигнальной книги, которая стоитъ всего шестнадцать шиллинговъ: ни флаговъ, ни какихъ другихъ знаковъ покупать не нужно. Во-вторыхъ, для нея достаточно трехъ флаговъ, — какого бы цвѣта они ни были, — которые есть на каждомъ кораблѣ; къ нимъ присовокупаются еще два белые флага, для которыхъ можно употреблять салфетки, или, за неимѣнiемъ ихъ, рубашки, или накопецъ что бы то ни было, способное замѣнить флагъ: всѣ эти потребности можно найти на самома-лейшемъ суднѣ. Помощію такихъ простыхъ и всегда готовыхъ способовъ сообщаете вы, что угодно, чужестранному экипажу, котораго языкъ вамъ вовсе неизвѣстенъ и который не знаетъ также вашего, — и сообщаете въ такихъ обстоятельствахъ, когда крайняя опасность лишаетъ васъ возможности употребить всякое другое средство. Помощію этихъ же способовъ вы и съ берега можете спасти людей отъ вѣрной гибели, указавъ имъ неизвѣстную гавань или заливъ или по-крайней-мѣрѣ мѣсто, гдѣ лучше стать на мель, — словомъ, можете сообщить всякое спасительное извѣстіе бѣдствующему экипажу какого бы то ни было народа, и наоборотъ, экипажъ, потерпѣвшій крушеніе, можетъ потребовать съ берега все, что ему нужно, или хотъ передать послѣднее прощаніе родственникамъ и друзьямъ. Смѣло могу увѣрить Общество, что если бъ въ теченіе сорокалѣтней службы моей на кораблевскомъ флотѣ имѣла въ рукахъ эти сигналы и если бъ они были распространены и обнародованы на разныхъ языкахъ какъ теперь предполагаютъ сдѣлать, я былъ бы свидѣтелемъ спасенія многихъ сотенъ жизней и на многія тысячи собственности.»

Англійскій переводъ съ Датскаго подлинника уже печатается; Французскій также, потому что Французское правительство подписалось на двѣсти экземпляровъ. Нѣмецкій

и Испанскій приготавливаются. Мы увѣрены, что одного этого извѣстiя достаточно, чтобы обратить вниманiе нашихъ моряковъ на открытiе, отъ котораго столь опытные иностранные мореплаватели ожидаютъ такой пользы.

ИНДѢЙСКОЕ СУЕВѢРiЕ. Видѣли вы Oriental Annual на 1856 годъ? Не альманахъ, а чудо! Когда у насъ будутъ такіе альманахи?

Онъ такъ красивъ, такъ милъ, такъ великолѣпенъ, что надобно изъ него что-нибудь выписать.

Не удивительно ли, что Индiя, такъ щедро надѣленная природою, такъ роскошно мѣлемая солнцемъ, назначена быть страною самыхъ мрачныхъ, самыхъ ужасныхъ предразсудковъ и суевѣрiй? Въ числѣ множества другихъ примѣровъ этого страннаго направленiя человѣческаго ума, издатель альманаха, Oriental Annual, рассказываетъ одно происшествiе, котораго, надобно думать, самъ онъ былъ очевидцемъ.

«Передъ выѣздомъ изъ Таижора, говоритъ альманачный авторъ, я былъ свидѣтелемъ одного изъ тѣхъ страшныхъ подвиговъ суевѣрной набожности, которые здѣсь такъ обыкновенны. Рано утромъ ѣхалъ я верхомъ по берегу Кевери, вдругъ вижу, что купа людей, челоуѣкъ шесть, сходятъ по его скату къ самой рѣкѣ. Она тутъ въ нѣсколько сажень глубиною. Остановившись посмотреть, что будетъ, я увидѣлъ, что одинъ изъ этихъ людей готовится войти въ воду. Онъ былъ не самыхъ молодыхъ лѣтъ, однако жъ, сколько можно судить по наружности, въ полномъ цвѣтѣ здоровья. Онъ стоялъ на берегу, и съ обѣихъ сторонъ два брамина привязывали ему по большому глиняному кувшину за плечи. Послѣ этого онъ положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ и вошелъ въ рѣку. Онъ прыгнулъ съ берега въ значительную глубину, но кувшины не дали ему потонуть. Брамины сложили руки на груди и смотрѣли на него молча. Они не трогались съ мѣста ни для его спасенiя, ни для ускоренiя его смерти. Нѣсколько времени плавалъ онъ по рѣкѣ и какъ-будто молился.

« Поверхность воды была гладка какъ зеркало, кромѣ гдѣ возмущалась движенiями его тѣла; она представляла вѣр-

ную эмблему той безчувственности, съ которою жрецы кровожадной вѣры глядѣли на это ужасное самоубійство.

«Несчастный много разъ дѣлалъ усилія зачерпнуть кувшинами воды, чтобъ довершить свое собственное жертвоприношеніе. Увидѣвъ, что не можетъ этого сдѣлать, онъ пустился къ берегу, ухватилъ полуобнаженный корень ближайшаго куста и нагнувшись впередъ, успѣвъ оборотить горло одного кувшина къ теченію и наполнить его водою. Это служило только къ продолженію тягостной, предсмертной борьбы, потому что порожній кувшинъ не пускалъ его ко дну, а другой тянулъ внизъ до такой степени, что страдалецъ начиналъ захлебываться. Среди этихъ бореній онъ однако жъ постоянно всплывалъ на поверхность, но только-что успѣвалъ перевести духъ и тотчасъ опять заливался водою. Это продолжалось нѣсколько минутъ, но бѣднякъ ни разу не покусился выйти на берегъ; напротивъ, рѣшимость его умереть была очевидна до послѣдняго мгновенія. Видя, что страданіе его не скоро кончится, я закричалъ браминамъ, чтобъ они разбили пустой кувшинъ, но эти надменные жрецы не удостоили обратитъ вниманія на мои рѣчи. Наконецъ, одинъ изъ предстоящихъ, видно пожалостливѣй другихъ, бросилъ въ порожній сосудъ камень: несчастный тотчасъ канулъ на дно, и лишь нѣсколько пузырьковъ вскопичило на поверхности воды, которая слила надъ нимъ свои мирныя струи, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда этой ужасной трагедіи суетства.»

ТЕАТРЪ НЫНѢШНЕЙ ВОЙНЫ ВЪ ИСПАНІИ. Попріше теперешней войны въ сѣверной части Испаніи есть гористая полоса, простирающаяся на двѣсти пятьдесятъ верстъ въ длину и отъ девяноста до ста сорока верстъ въ ширину. Оно заключаетъ въ себѣ три Баскскія провинціи, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Бискаіи, и Наварру. Баскскія провинціи отдѣляются отъ остальной части полуострова языкомъ и нравами жителей, — потомковъ, какъ полагають, древнихъ Кельтовъ, которые среди всѣхъ переворотовъ, постигшихъ Испанію, — Римскихъ, Мавританскихъ и Готскихъ, сохранили свое первобытное имя и учрежденія съ незапамятныхъ временъ.

Физическій видъ этихъ провинцій замѣчательнъ. Вѣтви Пиренеевъ, простирающіяся прямо черезъ Бискаію и по всему сѣверу Испаніи, составляютъ огромную цѣпь, которая окапчивается на западъ мысомъ Финистерре; но отразли ея еще пересѣкаютъ страну поперегъ и потомъ совсѣмъ геряются въ моръ. По-этому въ Бискаіи мало ровныхъ плоскостей; она вся въ холмахъ и въ долинахъ и въ значительной высоты представляетъ необъятное пространство горъ, поднимающихся однѣ надъ другими, а еще далѣе снѣзютъ пики въ туманъ. Два горные хребта особенно заслуживаютъ упоминанія, — Сіерра д'Око, между Эбро и Бургосомъ, составляющей южную грань Бискаіи и проходимый только въ тѣснинѣ Панкорво, — и Сіерра де Ордуна, отдѣляющей собственную Бискаію отъ Баскской провинціи Алавы. Последняя цѣпь достигаетъ пяти тысячъ футовъ высоты.

Наварра лежитъ у подошвы Пиренеевъ. Этотъ край вообще похожъ на Бискаію, но въ немъ есть болѣе обширныя долины и даже равнины.

Не смотря на гористое свойство этихъ странъ, ни въ одной части Испаніи нѣтъ такого легкаго и удобнаго сообщенія, по причинѣ дорогъ, которыя принадлежатъ къ разряду лучшихъ въ Европѣ. Это одно изъ числа многихъ доказательствъ промышленности и предприимчивости Бискайцевъ. Имъ надлежало одолѣть горы, разсѣчь утесы, и не смотря на то, они устроили непрерывный путь сообщеній между всеми главными городами и содержать его въ удивительной исправности. Черезъ эти области пролегаютъ три большія дороги. Важнѣйшая та, которая идетъ отъ Французскаго пограничнаго города Сень-Жанъ-де-Люса въ Бургось, черезъ Ирунъ, Астигаррагу, Толозу, Вилла-Франку, Мандрагонъ, Салинасъ, Витторію, и Миранда-де-Эбро. Эта дорога пересѣкаетъ области Гвипускоу и Алаву на пространствѣ слишкомъ двухъ сотъ верстъ. За ней слѣдуетъ большая дорога въ Собственной Бискаіи, идущая между Бильбао и Витторіей на протяженіи шестидесяти верстъ. Она проведена черезъ высокую Сіерру-де-Ордуна и соединяется съ Бургосской дорогой у Витторіи. Последняя хоть и не кратчайшій, но удобнѣйшій путь между Байоной и Бильбао; дорога берегомъ отъ С. Се-

бастьяна опасна. Третья пролегаетъ черезъ Наварру и идетъ въ Аррагонъ, начинаясь у тѣсины Ронсеваль и соединяя Пампелуну съ Туделою.

Но эта часть полуострова отличается характеромъ своихъ жителей еще болѣе чѣмъ неприступностью природы; они не похожи на прочихъ Испанцевъ ни языкомъ, ни нравами, ни обычаями, ни образомъ жизни. Горцы Бискаіи и Наварры крѣпки тѣломъ, смѣлы, дѣятельны, вольны и промышленны. Во всѣ періоды Европейской исторіи обнаруживали они одинъ и тотъ же характеръ. Гверильясы, о которыхъ мы слышимъ почти каждый день, — то же самое племя, которое вырѣзало арріергардъ Карла Великаго въ битвѣ Ронсевальской. Они управляются древними обычаями и привязаны болѣе къ своей семьѣ, чѣмъ къ отечеству. Начало общаго родства вмѣстѣ съ наследственностью старшинъ и связью сельской зависимости сохраняютъ между ними ту подчиненность и тотъ рыцарскій духъ, которыми горная война такъ могущественна. Родственная связь ихъ племенъ и приверженность ихъ къ древнимъ обыкновеніямъ всегда ослабляли между ними власть положительнаго закона, и монархи Испанскіе имѣли довольно ограниченное вліяніе на кланы Бискаіи и на гордыхъ Наваррскихъ бароновъ.

Настоящая побудительная причина нынѣшняго сопротивленія ихъ королевъ есть опасеніе утратить свои преимущества, лишиться своихъ независимыхъ постановленій и исчезнуть съ своей національностью въ конституціонной монархіи, которую затѣяли тамъ такъ нектаги.

Бискаія раздѣляется на три области, или *мериндада*; каждая имѣетъ отдѣльное управленіе, независящее отъ прочихъ. Эти области суть Собственная Бискаія, Гвипускоа, лежащая на берегу моря, и Алава — во внутренности.

Собственная Бискаія, или, какъ называютъ ее туземцы, *П Сеноріо*, въ длину отъ востока къ западу около девяноста верстъ, а въ ширину отъ шестидесяти до семидесяти пяти. *Сьерра де Ордуна* отдѣляетъ ее отъ Алавы. Въ ней сто тридцать три тысячи жителей. Многолюднѣйшая часть Бискаіи — долина между Бильбао и Дураинго, которая была недавно позорищемъ войны. Вся эта долина составляетъ одну ве-

прерывную деревню. Область совершенно усыпана холмами и горами, которыхъ такъ много, что земля кажется волнующимся моремъ. Эти холмы удивительно разнообразны и очертаніемъ и одеждою: одни плосковерхи, другіе обрывисты, одни покрыты лѣсомъ, другіе наги; здѣсь отлогіи бугорки, поросшіи цвѣтущимъ кустарникомъ, тамъ отвѣсная скала, одинокая какъ башня. Изъ горныхъ ущелій вытекаетъ безчисленное множество потоковъ и ручьевъ. Долины усыпаны мысами и деревнями; многіе холмы обработаны до самой вершины. Этотъ край отличается богатымъ разнообразіемъ растительнаго царства, особенно плодовыми деревьями. Въмѣсто елей и сосенъ, которыми покрыты Альпы, Бискайскіе холмы одѣты съ низу до верху яблонами, каштанами, орѣшникомъ и смоковницами; вездѣ ярко пестрѣютъ плоды между роскошнымъ зеленымъ листьемъ. Въ собственной Бискаіи мало родится хлѣба. Это происходитъ отъ свойства почвы, которая, будучи крѣпка и глиниста, не поддается обыкновенному способу паханія и уступаетъ только самой тягостной ручной работѣ. Ее разбиваютъ желѣзными вилами, и множество поселянъ трудятся надъ этимъ по горнымъ скатамъ. Несмотря на неугомимое трудолюбіе Бискайцевъ, они собираютъ хлѣба недостаточно для собственнаго продовольствія и должны покупать значительное количество въ Алавъ. Лучше всего растетъ Турецкая пшеница, которая любитъ легкую и сухую почву и обрабатывается съ большимъ стараніемъ. Она, да бобы съ горохомъ, составляютъ обыкновенную пищу жителей.

Въ окрестностяхъ Бильбао и Ордуны есть виноградники, отъ которыхъ землевладѣтели получаютъ главные свои доходы. Произведеніе этихъ виноградниковъ, вино *чаколи*, чрезвычайно правится Бискайцамъ и даетъ имъ средство къ дешевому развлеченію, которому они предаются безъ всякой мѣры.

Важнѣйшія произведенія Бискаіи шерсть, сырая кожа и желѣзо. Изъ Бильбао всегда вывозилось много шерсти; она крѣпка но не такъ хороша какъ въ южныхъ провинціяхъ. Этотъ гористый край изобилень также крупнымъ скотомъ, и несмотря на грубое состояніе общественности, неблагопріятствующее мануфактурамъ, выдѣлка кожъ нѣко-

гда процвѣтала въ Бильбао; но она давно уже склонилась къ упадку.

Главное произведеніе Собственной Бискаіи и Гвипуской — желѣзные рудники. Отсюда съ давнихъ временъ извлекаютъ Испанцы большую часть своего оружія. Самый обширный рудникъ въ Собственной Бискаіи есть Сомморатро, который даетъ, говорятъ, до восьми сотъ тысячъ центнеровъ руды въ годъ, а изъ каждаго центнера руды выходитъ тридцать пять фунтовъ желѣза. Металлъ здѣсь мягкаго свойства; смѣшанный съ жесткимъ, онъ даетъ сплавъ отличной доброты. Шпагъ и ножей дѣлается въ Бискаіи очень много; но искусство превращать желѣзо въ сталь до сихъ поръ не дается горцамъ, которыхъ чрезвычайная дѣятельность обращена болѣе къ труднымъ, чѣмъ къ утонченнымъ работамъ.

Пристани Бискайскаго Залива, составляющаго сѣверную границу области, наполнены прибрежными и рыболовными судами; которыя даютъ работу множеству людей и воспитываютъ крѣпкую породу матросовъ. Удалие Бискайцы, взросшіе на этомъ бурномъ заливѣ, образуютъ главную силу Испанскаго флота, а рыбныя ловли доставляютъ Бискаіи значительную часть ея внутренняго продовольствія.

Климатъ Бискаіи и вообще всей сѣверной Испаніи быть можетъ самый сырой на свѣтѣ, по причинѣ тумановъ, притягиваемыхъ горами, паровъ, поднимающихся изъ моря и частыхъ дождей, приносимыхъ западными вѣтрами съ Атлантическаго Океана. Ни что не избѣгаетъ здѣсь вліянія сырости: и дерево и желѣзо распадаются отъ нея одинаково; однако жъ здѣшній климатъ не только безвреденъ для здоровья, но почитается однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ въ мірѣ и замѣчателенъ по долгоденствію жителей даже въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ. Лихорадки, свирѣпствующія въ Астуріи, очень малоизвѣстны въ Бискаіи. Здоровость воздуха приписываютъ отчасти морскимъ, отчасти нагорнымъ вѣтрамъ, которые безпрестанно навѣвають свѣжесть съ холодныхъ вершинъ Пиренеевъ, разсѣваютъ пары и не даютъ ни какой заразы собраться въ воздухъ и пасть на землю.

Въ Собственной Бискаіѣ два главные города, Бильбао и Ордуна. Бильбао лежитъ въ тринадцать верстахъ отъ моря на рѣкѣ Ибайзабалъ, которая образуетъ очень удобную пристань, будучи судоходна для большихъ купеческихъ кораблей. Въ городѣ четырнадцать тысячъ жителей. Дома высоки и построены изъ крѣпкаго камня; улицы хорошо вымощены и ровны. Здѣсь много купеческихъ конторъ разныхъ народовъ. По мѣстоположенію своему Бильбао не способенъ къ защитѣ: онъ построенъ низко на сваяхъ и окруженъ высотами и висящими садами, которые украшаютъ его, но вмѣстѣ и ослабляютъ своимъ господствомъ. Онъ управляется думою, или *айюнтаміэнтонъ*, имѣющею большой доходъ отъ разныхъ пошлинъ, которыя взимаются съ товаровъ, привозимыхъ къ порту или въ городъ. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія торговля Бильбао стала ослабѣвать; однако жъ онъ все-таки есть и будетъ не только главнымъ выходомъ для произведеній Баскскихъ провинцій, но и первымъ рынкомъ сѣверной торговли всей Испаніи, особенно торгова съ Англіей. Онъ никогда не имѣлъ сношеній съ Америкой, потому что особенныя преимущества Бискаіи не позволяли ей подвергнуться тѣмъ повинностямъ, которыя были условіемъ Американской торговли. Главный отпускъ состоитъ теперь въ шерсти, желѣзѣ и каштанахъ; привозъ заключается въ шерстяныхъ и бумажныхъ издѣліяхъ. Бильбайцы народъ живой, преданный танцамъ и музыкѣ.

Португалетта — небольшой городокъ съ пристанью на половинѣ дороги между Бильбао и моремъ. Отсюда до Бильбао мѣстоположеніе представляетъ болѣе удобства для защиты, чѣмъ ближайшая окрестность этого города.

Гвипускоа, вторая изъ Бискайскихъ провинцій по ея важности, вообще похожа на Бискаію, но очертакіе морскаго берега здѣсь смѣлѣе и внутреннее мѣстоположеніе еще рѣзче означено. Эта область простирается на полтора ста верствъ въ длину отъ сѣверовостока къ югозападу въ косвенномъ направленіи, и содержитъ сто двадцать семь тысячъ жителей.

Когда въѣдешь въ Испанію чрезъ Гвипускоу, первые виды, которые представляются глазамъ, не имѣютъ можеть-

быть ничего подобного въ цѣлой Европѣ относительно къ картинности мѣсть и къ чрезвычайному разнообразію обыкновенныхъ предметовъ, скопившихся на небольшомъ пространствѣ. Бидассоа, омывающая подошву Пиренеевъ; мысъ и крѣпость С. Себастьянъ; заливъ Пасаджесъ, окруженный горами; городъ Фонтарабіа — какъ на ладоши; съ одной стороны его Переней, съ другой неизгладимый Бискаійскій Заливъ, — все открывается передъ путешественникомъ въ одно и то же мгновеніе. Эти предметы, окружающіе тѣснину, черезъ которую Франція такъ часто наводила полуостровъ своими войсками, связаны съ богатыми историческими воспоминаніемъ и носятъ на себѣ слѣды романтическаго и новѣйшаго ратоборства.

Гвипускоа, подобно Бискаіи, обильнѣе плодами чѣмъ хлѣбомъ. Почва здѣсь — твердая глина, и недостатокъ въ черноземѣ подвергаетъ земледѣліе большой невыгодѣ. Плодоноснѣйшая часть провинціи — Толоская долина. Мѣстоположеніе представляеть ту же картину лѣсистыхъ холмовъ и зеленѣющихъ ложбинъ, испещренную деревнями и обличающую неутомимое трудолюбіе, какъ и въ Бискаіи: здѣшніе поселане той же сильной и крѣпкой породы. Людности больше чѣмъ въ западной части Бискайскаго края. Дорога отъ Бидассон до Салипаса, на разстояніи ста тридцати пяти верстъ, пролегаетъ черезъ нѣсколько значительныхъ городовъ, каковы напримѣръ Толоса съ пятью и Вергара съ четырьмя тысячами жителей: некоторые изъ этихъ городовъ выстроены въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи.

Немаловажная часть Гвипускойскаго населенія состоитъ изъ матросовъ и рыбаковъ. Берегъ изрытъ безчисленнымъ множествомъ пристаней, изъ которыхъ одна принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ въ цѣлой Европѣ и, въ рукахъ болѣе предприимчиваго правительства, могла бы доставить чрезвычайную выгоду: я говорю о Пасаджесѣ, прекрасномъ полукругломъ водоемѣ, лежащемъ подъ защитою С. Себастьянскихъ пушекъ. Ничего или почти ничего не сдѣлано людьми для улучшенія этой естественной пристани. С. Себастьянъ, Гибралтаръ съ вера, есть главный городъ Гвипускон.

Эта область изобилуетъ желѣзомъ и даетъ значительное количество мѣди. Обработка послѣдней, столь существенная для морской державы, дѣлается здѣсь успѣхи. Мѣдные листы для обшивки кораблей и мѣдные котлы дѣлаются въ Гернани и въ Мондрагонѣ. Желѣзная руда въ Гвипусковъ тверже нежели въ Собственной Бискайѣ. Здѣсь дѣлаются якоря, пушки и множество холоднаго оружія. Главные желѣзные заводы — въ Гернани, Салинасъ и Мондрагонѣ. Думаютъ, что знаменитые Толедскіе клинки дѣлались изъ желѣза, добываемаго въ послѣднемъ. Эти кузницы и литейни доставляютъ работу значительной части населенія и разнообразяютъ простую картину горной жизни. Какъ недостатокъ въ черноземъ препятствуетъ земледвію въ этой части Испаніи, такъ скудость въ топливѣ ограничиваетъ мануфактурное производство. Лѣсу безъ-сомнѣнія довольно, но выплавка и ковка желѣза требуетъ такого количества дровъ, что если бы онѣ производились здѣсь въ такомъ же размѣрѣ, какъ въ тѣхъ же краяхъ, гдѣ употребляютъ минеральное топливо, то горы вскорѣ бы обнажились, и вся область стала бы гола какъ ладонь. Лойола родился въ этой провинціи, — Гвипускойскимъ хидалгомъ. Монастырь Св. Игнатія, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Испаніи, лежитъ близъ города Аскоити.

Алава, третья и наименѣе важная по населенію, хотя и обширнѣйшая, изъ Баскскихъ провинцій, составляетъ вершину треугольника, котораго Гвипускоа и Бискаія основаніе. Она и та же цѣпь холмовъ отдѣляетъ ее отъ обвѣхъ провинцій. Она гораздо хлѣбороднѣе ихъ обвѣхъ и, имѣя только шестьдесятъ тысячъ жителей, можетъ снабжать ихъ значительными запасами хлѣба. Край около Витторіи образуетъ довольно обширную низменную и плоскую равнину, орошаемую рѣкой Задоррой; она течетъ въ богатый и плодородный водоемъ Эбро, при которомъ лежитъ городъ Миранда на границѣ Старой Кастиліи. Почва этихъ равнинъ состоитъ изъ богатаго и чрезвычайно плодороднаго чернозема. Кучи деревень, тщательная обработка, чистые домики и сады, наконецъ отличныя дороги, пересѣкающія этотъ округъ, представляютъ для прїѣзжаго съ южной стороны

*

разительную противоположность съ обширными степами и пустынными городами Старой Кастиліи.

Рѣка Эбро, текущая городами Віаной и Логроньо, отдѣляетъ Баскскія провинціи отъ Испаніи.

Испанская Наварра имѣетъ около ста двадцати верстъ въ длину и почти столько же въ ширину. Сиерра-де-Араларъ, горная цѣпь въ двѣ тысячи футовъ вышиною, отдѣляетъ ее отъ Гвипуской и отъ Баскскихъ провинцій. Въ пей двѣсти девяносто тысячъ жителей и, кромѣ главнаго ея города Пампелуны, нѣсколько значительныхъ городовъ, каковы Эстелда, Тудела, Тафалла: каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ отъ шести до семи тысячъ жителей. Пиренейскій хребетъ пересѣкаетъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Гѣсныи ея уже и горные проходы затруднительнѣе Бискайскихъ. Здѣсь, какъ и въ Баскскихъ провинціяхъ, поверхность состоятъ изъ безконечнаго ряда горъ, долинъ, дебрей и потоковъ. Плодоноснѣйшая часть этой области — долина Бастанская, между Пампелуной и Сенъ-Жанъ-де-Люсомъ, вправо отъ Ронсевальской дороги. Наварра производитъ пеньку, ленъ и хлѣбъ въ большомъ изобиліи. Изъ Бастанской долины вытекаетъ Бидассоа.

Не многія страны на земномъ шарѣ были такъ часто позорищемъ войны какъ Наварра. Бывъ перодовымъ постомъ христіанства противъ Мавританской династіи, а послѣ оплотомъ Испаніи противъ Французовъ, злыніи горы видѣли всякаго рода ратоборство; онѣ были свидѣтелями разбитія Пайнима и Паладина и поприщемъ Восточныхъ романовъ и Готескихъ лѣтописей. Эти безконечныя войны оставили очевидные нравственные слѣды въ состояніи и характерѣ народа. Часть срединныхъ горъ Наварры и дебристой границы ея съ Аррагономъ была искони во власти смѣшаннаго племени, которое не имѣетъ определенныхъ гражданскихъ учреждений и живетъ внѣ закона на разбойничьей ногѣ: остатки прежнихъ войнъ, отверженники распущеннаго солдатства, они никогда не сливались съ гражданскимъ обществомъ и цѣлыя столѣтія живутъ вольницами. Эта разсыпная порода людей не облагорожена тѣми прекрасными чертами, которыми отличается характеръ Бискайцевъ; но ихъ переносливістьъ, ихъ умѣнье владѣть

оружіемъ и особенно ихъ знаніе горныхъ путей содѣлывають этихъ удалцевъ неоцѣненнымъ пособіемъ въ войнахъ и въ возмущеніяхъ.

Наварра была послѣднимъ изъ отдѣльныхъ королевствъ, присоединенныхъ къ Испанской монархіи, и требовала всего могущества и хитрости кардинала Хименеса для покоренія ея и для обезпеченія этой победы. Онъ срылъ все укрѣпленія кромѣ Пампелунскихъ и загналъ мятежниковъ въ тѣ естественные предѣлы и укрѣпленія, которыми доселѣ владѣть ихъ потомство. Жители этой области всегда удерживались въ повиновеніи сильнымъ гарнизономъ въ Пампелунѣ. Подобно Бискаіи, Наварра пользовалась собственными законами и правомъ законодательства, — впрочемъ болѣе на словахъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ; потому что государственные чины не созывались съ 1713 года. Эти законы имѣли близкое сходство съ Аррагонскими уставами, *fueros*, которымъ они современны и съ которыми росли вмѣстѣ подъ защитою Пиренейскихъ Горъ. Наваррскіе государственные чины учреждены были по Готескому обычаю; они состояли изъ трехъ сословій, высшаго духовенства, дворянства и выборныхъ горожанъ. Такъ какъ въ другихъ феодальныхъ монархіяхъ, это общество имѣло право совокупно съ королемъ Испанскимъ постановлять и отмѣнять законы и налагать подати.

Наваррцы не Кельтійскаго происхожденія, какъ жители Бискаіи, но помѣсь изъ Каталанцевъ, Аррагонцевъ и Басковъ, и языкъ ихъ составленъ изъ этихъ трехъ языковъ. Слѣды Готевъ и Сарациновъ очевидны въ обычаяхъ и характерѣ туземцевъ. Они не такъ промыслены и не такъ склонны къ мирнымъ искусствамъ, какъ сосѣди ихъ Бискаійцы, отъ которыхъ они рѣшительно отстали въ гражданственности. Кажется, что отпечатокъ среднихъ вѣковъ, когда дикія добродѣтели мужества и смѣлости поставались всего выше, ни въ одной Европейской землѣ не сохранился такъ свѣжъ какъ въ здѣшнемъ краѣ. Безпредѣльное уваженіе къ пасторамъ и монахамъ составляютъ другую отличительную черту его жителей.

Мы постараемся еще сообщить въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ нѣсколько подробностей о законахъ, правахъ,

обычаятъ и образъ жизни тѣхъ замѣчательныхъ племенъ, которыя такъ храбро защищаютъ свою природную независимость отъ проповѣдниковъ искусственной, бумажной свободы.

ИСТОРИЯ ШЕЛКОВЫХЪ ТКАНЕЙ. Докторъ Боурингъ издалъ теперь вполнѣ второе донесеніе свое Англійскому нравительству о торговыхъ сношеніяхъ, существующихъ между Франціею и Великобританіею. Предметъ этого донесенія составляетъ собственно торговля шелкомъ и винами. Но мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобъ сообщить нашимъ читателямъ также краткій историческій обзоръ шелковаго производства.

Китайцамъ, безъ-сомнѣнія, первымъ принадлежитъ открытіе того, что, заключивъ шелковаго червячка въ коконъ, можно превратить этотъ маленькій, ничтожный комочекъ въ полезнѣйшее и прекраснѣйшее издѣліе. Но время открытія относится еще къ мифологическому періоду ихъ исторіи. Китайскія лѣтописи упоминаютъ объ употребленіи шелка за двѣ тысячи семь сотъ лѣтъ до нашей эры и прибавляютъ къ этому довольно невѣроятное обстоятельство, будто шелку было тогда такъ много, что поселяне въ разныхъ областяхъ не носили другаго платья. Мы сказали въ другомъ мѣствѣ, что древнѣйшія ихъ книги были писаны на шелковыхъ тканяхъ.

Торговля шелкомъ была главнымъ звеномъ постоянной связи между восточною и западною частями Азійскаго материка. Ассиріане и Мидійцы долгое время исключительно обладали ею, отчего шелковыя платья у древнѣйшихъ историковъ называются Мидійскими. Но должно быть, что торговля эта шла довольно тихо до временъ Кира, или что начало ея современно его воцаренію въ Персіи. Не только не упоминается о шелкѣ между украшеніями храма Соломонова, но также въ описаніи втораго храма и въ Езекилевомъ исчисленіи главныхъ предметовъ Финикійской торговли. Преемники Кира дѣйствительно поддерживали живую торговлю шелкомъ на восточной границѣ своихъ владѣній и тщательно скрывали всѣ подробности ея отъ чужестранцевъ. Они покупали шелковыя издѣлія за Оксусомъ и прода-

вали ихъ торговымъ городамъ на берегахъ Эгейскаго Моря и Греческимъ островитянамъ. Китайскій товаръ былъ толстъ и грубъ, и потому то, сказываютъ, учредилась на островѣ Косъ важная фабрика, на которой эти ткани распускались и передѣлывались въ болѣе легкія и красивыя: едва ли не вѣроятнѣе, что Косцы получали изъ Китая родъ сырца. Какъ бы то ни было, слава Косскихъ одеждъ до того распространилась, что многіе почитали шелкъ за естественное произведеніе острова. Вслѣдствіе скрытности Персіанъ, Греки долго оставались въ неизвѣстности насчетъ дѣйствительной природы шелка, и онъ обыкновенно слылъ растительнымъ произведеніемъ; но победы Александра отворили Востокъ ученому изслѣдованію, и Аристотель первый составилъ довольно вѣрную исторію шелковаго червя изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ своего царственнаго воспитанника.

Завоеваніе западной Азии сдружило Римъ съ восточнымъ великолѣпьемъ, и шелковыя платья стали предметомъ всеобщихъ исканій; но, несмотря на Аристотелевы извѣстія, Римляне вообще ничего не знали о природѣ шелка, и имѣли самыя неопредѣлительныя понятія о странѣ, его производящей. Виргилій во второй Георгикѣ смѣшиваетъ его съ бумагой, а Плиній говоритъ, что народъ Серійцы, *Seres*, славится «пухомъ лѣсовъ», *lanicio sylvarum mobiles*. Нѣкоторые писатели полагали, что Серійцевъ и страну ихъ, *Regionem Sericam* должно искать на Индѣйскомъ полуостровѣ или въ ближайшемъ его сосѣдствѣ; но эта теорія рѣшительно опровергнута Сень-Мартеномъ и Абелемъ Ремюза. Они говорятъ, что слово *se*, произносимое *серъ* или *серъ* въ областныхъ нарѣчіяхъ, есть теперь и всегда было Китайскимъ названіемъ шелковаго червя, а имя *Sinae*, одна изъ многочисленныхъ формъ, подъ которыми является днѣстія Ципъ, только перемѣнено съ этимъ *серъ* или *Seres*.

О торговѣ шелкомъ между Римлянами и Китайцами мало находимъ мы извѣстій у Западныхъ историковъ, но изъ нѣсколькихъ любопытныхъ подробностей, сохранныхъ Восточными писателями, узнаемъ, что онъ былъ и важень и обширенъ. Китайскія летописи повѣствуютъ, что Азы и другія Скиѣскія племена, жившія къ востоку отъ Каспійскаго Моря препятствовали всеми силами сношеніямъ, ко-

торыя *Ташинь*, то есть, Римляне, хотѣли учредить съ Китаемъ. Онѣ прибавляютъ, что эти затрудненія побудили Римлянъ искать другой дороги, и что они пытались открыть сообщеніе съ Китаемъ черезъ Черное Море и Индѣйскій Океанъ. Римскіе купцы и посланники ѣздили этой дорогою въ царствованіе императора, котораго Китайцы называютъ Ан-топъ, то есть, Марка Аврелія Антонина. Эти подробности, находимыя исключительно у Восточныхъ писателей, поясняютъ причины войнъ и переговоровъ на Востоке, которые занимаютъ столь значительную часть Византійской Исторіи отъ временъ Константина до Юстиниановыхъ.

Въ царствованіе Юстиніана I два монаха, повидимому нарочно затѣмъ посланные, привезли изъ Китая въ Константинополь нѣсколько яичекъ шелкового червя, спрятанныхъ въ пустой трості. Они научили Грековъ, какъ вывести червячковъ, какъ ходить за ними и мотать шелкъ. Юстиніанъ тотчасъ сдѣлалъ монополію изъ этого новаго источника прибыли, но быстрое размноженіе червей скоро освободило отъ нея торговлю. Одно странное обстоятельство, о которомъ едва ли упоминается въ обыкновенныхъ исторіяхъ, даетъ намъ возможность опредѣлить удивительные успѣхи Грековъ въ шелководствѣ. Черви введены были въ Европѣ въ 551 году по Рождествѣ Христовѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Турки, спустившись съ высотъ Алтая близъ истоковъ Иртыша, овладѣли плодородною долиною, называвшеюся Согдомъ, въ древности и въ новѣйшее время, и знаменитою своими большими торговыми городами Бухарою и Самаркандомъ. Согдійцы долго обладали перевозною торговлею между Китаемъ и западною Азіей, но вдругъ спросъ на шелкъ чрезвычайно уменьшился, и они приписывали это совмѣстничеству Персіанъ. Они жаловались на претерпѣнныя потери своему новому властелину Турецкому хакану, который отправилъ пословъ для заключенія торговаго договора съ Персидскимъ царемъ, знаменитымъ Нуширваномъ. Нерасчетливо было бы усиливать могущество новаго государства, основавшагося за Оксусомъ, а сверхъ того Нуширванъ самъ желалъ открыть прямое сообщеніе съ Китаемъ водою, черезъ Персидскій Заливъ. Чтобъ по-

казать презрѣніе свое къ просьбамъ Согдійцевъ, онъ купилъ всѣ ихъ товары и предалъ огню. Послѣ этого хаканъ отправилъ пословъ къ императору Юстиніану II, и, по многотрудномъ путешествіи, въ 571 году они прибыли наконецъ въ Константинополь. Но какъ же они изумились, найдя, что у Византійцевъ много собственнаго шелку и что въ искусствѣ его употребленія они сами не уступаютъ уже Китайцамъ. Съ этихъ поръ перевозная торговля Согдійцевъ рѣшительно упала, и потомъ совершенно уничтожилась около половины десятаго вѣка, когда одинъ изувѣренный бунтовщикъ въ Китаѣ перерезалъ всѣхъ иностранныхъ купцевъ и вырубилъ тутовые деревья, чтобъ вовсе истребить шелкъ, еще привлекаяшій чужеземцевъ въ Поднебесную Имперію.

Лѣтъ около шести сотъ изъ всѣхъ Европейскихъ народовъ одни Греки занимались шелководствомъ; наконецъ Роджеръ I, король Сицилійскій, поманивъ, въ войнѣ съ Византійскою имперіей, нѣсколько человекъ, искусныхъ въ производствѣ и обработкѣ шелка, учредилъ въ Палермѣ факторію, которая вскоре приобрѣла славу. Отсюда эта вѣтвь промышленности распространилась въ Италію, Испанію и Францію; но въ большей части этихъ странъ фабрикацію шелковыхъ издѣлій долгое время почитали гораздо важнѣе производства сыраго матеріала. Франція обязана своимъ нынѣшнимъ превосходствомъ въ этомъ отношеніи патриотическимъ усиліямъ Генриха IV, который завелъ обширныя разсадники тутовыхъ деревьевъ и раздавалъ ихъ безмездно всѣмъ, кто хотѣлъ учреждать плантаціи. Іаковъ I старался водворить шелководство въ Англію; послѣ него подобныя опыты часто повторялись и тамъ, и въ Ирландіи, но успѣхъ никогда не соответствовалъ ожиданіямъ начинателей. Причиною этому должно полагать невѣжество тѣхъ, кому поручались подобныя учрежденія. Нужна постоянная внимательность къ состоянію температуры комнатъ, въ которыхъ содержатся червяки, а рѣдкій Англійскій работникъ въ состояніи управляться съ термометромъ и гигрометромъ. Въ тѣхъ департаментахъ Франціи, гдѣ производится шелкъ, особенно въ Ліонѣ и его окрестностяхъ, начала Физики преподаются въ первоначальныхъ школахъ, и каждый мужикъ умѣетъ наблюдать и устанавливать температуру. Что касает-

ся до выдѣлки шелковыхъ тканей, то нынѣшнимъ совершенствомъ она обязана извѣстнымъ Жакардовымъ станкамъ (Б. для Ч., № 19, Смѣсь).

Англійскія шелковыя фабрики наиболѣе потерпѣли около 1785 года, когда издѣлія ихъ вообще стали замѣняться бумажными. Послѣ того онѣ опять немного ожили съ помощію увеличившихся подвозовъ Индѣйскаго шелку, котораго, вмѣстѣ съ Китайскимъ, въ 1770 году привезено только сто тысячъ фунтовъ, а въ 1831 году уже слишкомъ два милліона. Въ Англію привозится ежегодно на двадцать пять милліоновъ рублей шелковыхъ издѣлій, несмотря на то, что туземныя фабрики вырабатываютъ ихъ на сто семьдесятъ пять милліоновъ. Вывозъ въ теченіе прошлаго года простирался до шестнадцати милліоновъ, что служитъ новымъ доказательствомъ удивительнаго богатства этого края: Франція оставляетъ для внутренняго потребленія только на тридцать милліоновъ шелковыхъ издѣлій, тогда какъ въ Англіи расходится ихъ на сто восемьдесятъ милліоновъ.

ДАМАСКЪ. Англійскіе путешественники, прибывъ на Востокъ, по большей части убѣждаются въ той истинѣ, что честь ихъ неразлучно сопряжена съ ношеніемъ фрака, узкихъ панталонъ и желтой нанковой фуражки набекрень, и не скидаютъ ихъ даже тамъ, гдѣ этотъ парадъ неволью обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Доселѣ они рѣдко показывались въ Дамаскѣ который не отличается фракотерпимостью, и гдѣ война съ собаками, ребятишками и зѣваками за независимость тощихъ брюкъ и «куртки съ хвостомъ», который на глаза Восточныхъ похожъ на чортовъ хвостъ, не всегда обходилась дешево смѣшному управству, турнистовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ Ибрагимъ-паша занялъ Сирію, онъ обезопасилъ глауговъ отъ преслѣдованій Арабскаго любопытства, и они стали развѣзжать по городу во Франкскомъ платьѣ и шляпахъ, которыя особенно противны чалмоносному народу. Въ Дамаскѣ открыты три Англійскія лавки, и консулъ въ *синемъ фракѣ* торжественно въѣхалъ въ городъ со всемъ семействомъ. Благодаря этому «счастливному перезороту», одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Г. Гоггъ, собралъ о Дамаскѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній, кото-

рыя мы сообщаемъ нашимъ читателямъ вмѣстѣ съ историческимъ взглядомъ на этотъ глубоко-древній городъ и съ дополнительными примѣчаніями изъ путешествія Г. Пужула.

Дамаскъ занимаетъ мѣстоположеніе, которое, кажется, сама природа предназначала подъ обширный городъ. Пространная и плодоносная равнина, орошаемая семью рукавами голубой Баради; величественный поясъ горъ, который обхватываетъ эту равнину; свѣтлыя озера, цвѣтушіе кусты, ровный климатъ, выгодное положеніе на большой дорогѣ между срединной и южною Азіей и Европою,—все должно было манить сюда людей, когда исторіи не было еще и въ поминъ. Время основанія города неизвѣстно; не знаютъ даже ничего вѣрнаго насчетъ языка, который далъ ему имя, потому что и Еврейское и Сирійское словопроизводство довольно странны. Арабы увѣряютъ, что здѣсь былъ рай. Они сравнивали Дамаскъ съ перломъ, осыпаннымъ изумрудами, величали его родимымъ пятнышкомъ на щекѣ природы и уподобляли разнообразную и всегдашнюю его зелень блестящему перью райской птицы. За вычетомъ всѣхъ излишествъ, котораго обыкновенно требуетъ Восточная и пербола, нельзя не отдать Дамаску справедливости, что противоположность его орошенныхъ водою и освѣженныхъ деревьями предмѣстій съ нагимъ бесплодіемъ смежной пустыни—дѣйствительно прекрасно: жители сырыхъ странъ сѣвера не могутъ вообразить степени наслажденія, доставаемого водою и тѣнью въ знойномъ климатѣ. Дамаскъ былъ безъ-сомнѣнія цвѣтущимъ городомъ во времена Авраама и однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ въ періодъ Финикійской торговли. Подвластный Израильтяпамъ въ царствованія Давида и Иеровоама, онъ приобрѣлъ независимость только для того, чтобы подпасть желѣзному игу Ассирійцевъ. Съ тѣхъ поръ онъ раздѣлялъ участь съ западною Азіей, повинувшись то Персамъ, то Грекамъ, то Римлянамъ, то Восточнымъ императорамъ. Слава Дамаска стала оживать по завоеваніи его Сарацинами: увидѣвъ этотъ городъ, Арабы воскликнули, что обвщанія Магомета вѣрнымъ исполнены, и привѣтствовали его именемъ одного изъ священнѣйшихъ городовъ Ислама. Онъ часто бывалъ мѣстопребываніемъ Омниадскихъ и Аббасидскихъ халифовъ: здѣсь-то

Аль-Мансуръ содержалъ свой блестящій дворъ и собиралъ вокругъ себя поэтовъ, философовъ и историковъ, которые вознесли Арабскую литературу и ученость на высшую степень ея славы. Въ теченіе втораго крестоваго похода Дамаскъ былъ напрасно осаждаемъ Французскимъ королемъ Людовикомъ VII и императоромъ Конрадомъ: мусульмане приписали это его святости и обладанію спискомъ корана, который былъ обрызганъ Отмановой кровью, когда этотъ халифъ палъ мертвымъ подъ кинжалами убійць. Мы нарочно приводимъ эти обстоятельства, потому что Дамаскинцы всегда ссылаются на нихъ въ оправданіе своего изуверства.

Однако жъ святость Дамаска не подвѣствовала противъ жестокаго Тимуръ-Ленга, который въ 1401 году овладѣлъ городомъ, увѣряя, что, черезъ семь вѣковъ, онъ пришелъ отмстить за четвертаго халифа Алія, погибшаго будто бы вслѣдствіе мятежа Сирійцевъ. Это обвиненіе служило предлогомъ къ всеобщему кровопролитію, въ которомъ были пощажены только потомки той семьи, которая погребла тѣло Пророкова зятя, да еще нѣсколько оружейниковъ, отправленныхъ ханомъ для улучшенія его Самаркандскихъ заводовъ. Огонь превратилъ столицу Сиріи въ безобразную груду развалинъ, и прекрасная Барради потекла въ пустынь. Исторія не сохранила свѣдѣній о постепенномъ возстаніи Дамаска изъ пепла, но съ начала шестнадцатаго столѣтія онъ опять уже почитался столицей Сиріи и святилищемъ исламизма, едва ли уступавшимъ Меккѣ и Мединѣ. На Востокъ его обыкновенно называютъ Эль-Шамъ, то есть, Сирія, какъ-будто бѣ въ одномъ этомъ городѣ заключалась цѣлая область.

Большою частію своего богатства въ новѣйшее время Дамаскъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ служитъ главнымъ мѣстомъ для богомольцевъ, идущихъ въ Мекку, отчего и прозвали его вратами каабы. Этому же должно приписать и ханжество, которымъ столица Сиріи отличается передъ другими городами. Ни въ одной части Турецкихъ владѣній нововведенія султана не возбудили такого ужаса, какъ здѣсь, и какъ на зло правовернымъ каждая новая толпа палльгримовъ приходила съ свѣжими вѣстями о

переминаяхъ. Стража, охраняющая восемнадцать воротъ Дамаска, съ той поры взыскивала строже чѣмъ когда нибудь подать за впускъ христіанина; никто, кромѣ магометанина не смѣлъ вѣзхать въ городъ верхомъ, вооруженный или даже съ бѣлой чалмою на головѣ. Осквернить священные предѣлы города Европейскимъ платьемъ почлось бы за ужаснѣйшее дерзновеніе: отъ этого Г. Пужула, бывшій здѣсь въ 1831 году, ходилъ по городу въ Восточной одеждѣ, но, несмотря на эти предосторожности, на базарѣ уязвили его по языку и засыпали проклятіями.

Планъ Дамаска нѣсколько похожъ на древнюю лиру и имѣетъ около восьми верстѣ въ окружности. Дома и дворцы, построенные частію изъ кирпича, частію изъ камня,—довольно скудной наружности, но, внутри, жилища купцевъ блестятъ всею роскошью Востока. Улицы тѣсны, кромѣ смежныхъ съ домомъ губернатора, но во многихъ есть по сторонамъ дорожки для пѣшеходовъ. Базары вообще лучше Александрійскихъ и Константинопольскихъ.

«Передъ этими рядами мелкихъ лавокъ, говоритъ Г. Гоггъ, вокругъ которыхъ такъ заманчиво разложены товары, видите вы маленькія площадки съ коврами и подушками. Тутъ сидятъ чисто одѣтые хозяева поджавши ноги; товары все такъ близко, что имъ стоять лишь протянуть руку и достать; часто рядомъ съ ними увидите покупателейъ въ такомъ же положеніи съ трубками и кофеемъ,—необходимымъ пособіемъ всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ. Брадобрѣйни отличаются маленькими зеркалами и арабесковой живописью; кофеѣйни и харчевни встрѣчаются иногда въ большемъ размѣрѣ. Нѣкоторые базары обширны, порядочно выстроены, съ высокими крышками, но по большей части они довольно грубо сплочены изъ бревенъ, стары, тѣсны, темны, освѣнены зелеными вѣтвями или пестрыми навѣсами, и безпрестанно освѣжаются водою.»

По Восточному обычаю, у каждаго разряда торгашей свой базаръ. Каравансераи, или постоянные и мѣновые дворы, еще болѣе достойны вниманія. Главный изъ нихъ не ударился бы лицомъ въ грязь даже и въ любомъ Европейскомъ городѣ.

«Все зданіе, подобно Флорентійскому собору, состоитъ

изъ бѣлыхъ камней черезъ рядъ съ черными. Величественные ворота ведутъ въ просторный четверугольный дворъ съ рѣзнымъ «онтаномъ» посреди прекрасной стрельчатой аркады. Острые своды, украшенные выстаканми, оканчиваются наверху купою маленькихъ главъ въ такомъ же приятномъ стилѣ. Эта обширная площадь наполнена росью когонщиковъ, которые полегли около развѣшанныхъ муловъ и верблюдовъ. Снизу, входы въ комнаты и въ кладовыя, а на галерею и въ верхніе поконъ ведетъ лестница. Во многихъ каравансераяхъ съ готовностью показывали намъ отличные образцы Восточныхъ издѣлій, и бѣзлживость хвастъ отнюдь не умалаялась, если мы объявляли, что пришли къ нимъ не для покупки, а только изъ любопытства.

«Шелки и сѣдла, говорить Г. Пужулъ, суть двѣ главныя отрасли Дамасской торговли. Арабы привозаютъ изъ пустыни за сѣдлами и другими кожаными вещами, которыми имъ нужны: этотъ важный и дѣятельный торгъ впрямую никогда не ослабѣетъ. Шелковыя и бумажныя издѣлія, вреные и сухіе плоды вывозятся въ Персію, Турцію, Египеть и Африку (?); караваны ежедневно отправляются въ страны Востока и ежедневно приходятъ. Константинополь, Каиръ и Багдадъ мѣняются произведеніями съ Дамаскомъ; караванъ изъ Мекки ежегодно доставляетъ въ этотъ городъ все сокровища Индіи и Аравіи. Мусульманскіе богомольцы, какъ ни погружены они въ созерцаніе небесныхъ благъ, не забываютъ и мірскаго. Набожные посвятители каабы возвращаются подъ бременемъ кашемировъ, кисеи, кофее, алая и жемчугу.»

Населенность Дамаска полагаали различно, отъ полутреста до четырехъ сотъ тысячъ душъ: меньшее число впрямую ближе къ истинѣ. Г. Пужулъ сообщаетъ любопытную статистическую таблицу, которая составлена по рѣшенію Турецкаго правительства, произведенной незадолго до его паденія, и которая даетъ лучшее понятіе о промышленности этого города, нежели какое бы то ни было общее описаніе.

«Въ Дамаскѣ было тогда 129 кожевенныхъ заводовъ, 47 фабрикъ для набивныхъ тканей, 22 для печатныхъ, 75 красильель для бумажныхъ издѣлій, 120 для шелковыхъ, — все остъ

содержатся Жидами,—748 лавокъ съ штофными матеріями, 211 кладовыхъ съ москотильнымъ товаромъ, 68 табачныхъ обтовыхъмагазиновъ, 72 седельника, 11 палатчиковъ, 47 мѣдниковъ, 50 желѣзниковъ, 54 кузнеца, 70 мѣховщиковъ, 89 позументщиковъ, 140 булочниковъ, 58 мучниковъ, 24 лобазника, 122 кофейни, 32 конфектика, 129 мясниковъ, 124 брадобрва, 19 оружейниковъ, 71 портной, 59 общественныхъ бань, 6 часовщиковъ, 6 переплетчиковъ, 6 бумажно-торговцевъ, 45 лавки съ чубуками, 150 лавочекъ съ табакомъ и кофеемъ, 4 стеклянные завода, 4 мыловарни, 143 ткача; число общественныхъ поваровъ простирается до 500 слишкомъ. Вотъ еще одинъ фактъ, показывающій значительность Дамаскской торговли. Весьма обширная часть города вся занята рабочими людьми, которые только и дѣлаютъ, что ящики подъ разные товары.»

Есть старинная Арабская поговорка — *Шами шуми*, то есть, Дамаскинецъ плутъ; но Г. Пужула слышалъ отъ одного Греческаго купца, который нѣсколько лѣтъ торговалъ съ Дамаскомъ, что тамошніе негоціанты всегда поступали съ нимъ очень честно. Такъ какъ поговорка не могла родиться безъ причины, то свидѣтельство безпристрастнаго Грека вѣроятно надобно понимать въ томъ смыслѣ, что Дамаскинцы никакъ не могли перехитрить его и, чувствуя его превосходство, беззащитно позволяли ему надувать себя.

ДОБЫВАНІЕ КАМЕННАГО УГЛЯ ВО ФРАНЦІИ. Можно себя представить, какъ Франція нуждается въ этомъ матеріалѣ, когда въ теченіе одного 1833 года привезено туда около пятидесяти милліоновъ пудовъ иностраннаго угля, который стоилъ болѣе десяти милліоновъ рублей и заплатилъ болѣе двухъ милліоновъ пошлнны. По показаніямъ Французскихъ журналовъ угольные доми существуютъ въ тридцати двухъ департаментахъ, но доселѣ наибольшее количество угля получалось изъ департаментовъ Луарскаго, Сверхнаго, Сены и Луары, и Авейронскаго: они даютъ около четырехъ пятыхъ всей годовой добычи въ этомъ краѣ. Второй разрядъ составляютъ департаменты Гардскій, Кальвадосскій, Верхне-Сенскій, Верхне-Луарскій Нижне-Рейнскій, Тарнскій и Нижне-Луарскій. Во всѣхъ этихъ департаментахъ есть двѣ-

сти девять угольныхъ копей, изъ которыхъ въ 1833 году разрабатывались только сто сорокъ. Количество угля, добытаго въ томъ же году, равнялось почти ста милліонамъ пудовъ и стоило около пятнадцати милліоновъ рублей намѣсть. Угольные ломни употребляютъ четырнадцать тысячъ работниковъ и сто девяносто паровыхъ машинъ, которыя равносильны четыремъ тысячамъ двумъстамъ лошадей. Въ 1789 году произведеніе копей простиралось только до семнадцати съ половиною милліоновъ пудовъ; въ 1812 оно возрасло до сорока двухъ милліоновъ, а теперь можно полагать его въ сто двадцать милліоновъ пудовъ по крайней мѣрѣ.

ВѢРНОСТЬ КОШЕКЪ. Характеръ собаки стоитъ въ этомъ отношеніи такъ высоко, что состязаться съ нею можетъ рѣдкое другое животное, будь оно четвероногое или двуногое, и нѣтъ женщины съ нѣжнымъ сердцемъ, которая бы не желала, чтобы ея любовникъ былъ по-крайней-мѣрѣ пуделемъ. Нравственность кошекъ нѣсколько сомнительнѣе; но съ помощію Г. Джесси, который уже сочинилъ утрахъ славу очень остроумныхъ рыбъ, мы готовы попытаться сдѣлать самую блистательную репутацію кошкамъ, во что бы то ни стало. Мы вполне полагаемся на ихъ благородство, что онѣ насъ за то не оцарапають, да и не оклеветаютъ своимъ мяуканьемъ. Надобно знать, что у Англичанъ есть одна историческая кошка, — кошка герцога Норфолка. Когда, въ царствованіе королевы Елисаветы, герцогъ былъ заключенъ въ Лондонскую Башню, она отыскала своего хозяина, спустившись къ нему въ печную трубу. Но какъ это — историческое происшествіе, то мы не придаемъ ему особенной цѣны: въ наше время какъ-разъ докажутъ какъ помощію «новаго взгляда» на Естественную Исторію, что это басня или только мнѣ кошечьей вѣрности, какъ бы мы ни утверждали, что это кошечья *быть*: «Быть» значитъ — фактъ.

«Были кошки, говоритъ Г. Джесси, которыя такъ же усердно защищали своихъ хозяевъ какъ и собаки. Одинъ человекъ, присужденный за воровство къ ссылке на поселеніе, сказывалъ мнѣ, что однажды онъ вломился съ двумя това-

рвщами въ какой-то господскій домъ. Когда они стали его обшаривать, пребогшая черная кошка вцѣпилась одному изъ нихъ обѣими лапами въ лице. Мошеникъ признавался послѣ, что отроду не бывалъ въ такомъ страхѣ.

«Одно семейство, жившее въ Ньюкастлѣ, переселилось лѣтомъ на дачу, оставивъ городской домъ подъ смотрѣніемъ двухъ служанокъ. Въ одинъ вечеръ, когда служанки сидѣли вмѣстѣ на кухнѣ, вниманіе ихъ невольпо обратилось на кошку, которая то пойдетъ на чердакъ надъ кухнею, то воротится съ мяуканьемъ. Она повторяла это такъ часто, что служанки рѣшились наконецъ взглянуть, что у ней наверху. Осматривая чердакъ, онѣ нашли спрятавшагося человека: одна изъ нихъ, какъ водится, обмерла отъ страха, другая побѣжала за сосѣдями, а воръ между-тѣмъ выскокчалъ въ слухое окно и ушелъ по смежнымъ крышкамъ.

«Одной дамѣ, жившей въ Глазго, прислали изъ Эдинбурга прекрасную кошку. Она привезена была въ каретѣ и нарочно въ закрытой корзинѣ. Ее тщательно стерегли въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но когда она произвела на свѣтъ двухъ котятъ, за нею перестали присматривать, и она вскорѣ пропала съ своимъ маленькимъ семействомъ. Глазговская дама писала къ пріятельницѣ своей въ Эдинбургъ, оплакивая эту потерю, и объ онѣ были тѣхъ мыслей, что кошка привязалась къ кому-нибудь другому такъ же легко, какъ привязываются иногда мужчины и женщины. Но недвѣи черезъ двѣ по исчезновеніи ея въ Глазговѣ, давно знакомое мму раздалось у дверей прежней ея хозяйки, и здѣсь очутилась она съ обонми котятами, — они въ добромъ здоровьѣ, она — чрезвычайно отошала. Ясно, что ей можно было нести только по одному котенку разомъ. Отъ Глазго до Эдинбурга шестьдесятъ пять верстъ: стало быть, если пронесли немного одного дитеныша, она возвращалась за другимъ и такимъ образомъ тщила ихъ поочередно, то она должна была сдѣлать сто девяносто пять верстъ по-крайней-мѣрѣ. Сверхъ-того ей надлежало принять благоразумную мвру путешествовать только ночью, кромѣ множества другихъ предосторожностей, необходимыхъ для обезопасенія ея котятъ.»

ЗАГОВАРИВАТЕЛЬ И ЗМІИ ВЪ АНГЛІИ. Бѣсѣмъ извѣстно, что этотъ родъ колдовства существуетъ на Востоку. Мы слышали, что и у насъ на Руси есть такіе искусники. За первіишемъ точныхъ свѣдѣній объ нашихъ, возьмемъ изъ любопытной книги Г. Джесси описаніе Англійскихъ чудесниковъ. Слѣдующій анекдотъ сообщенъ былъ автору однимъ землемѣромъ, который имѣлъ въ числѣ своихъ работниковъ человека, хвалящагося умѣньемъ заговаривать змій и обшавшаго показать ему опытъ своего искусства.

«Въ одно ясное весеннее утро, когда мы межесали кустарникъ, этотъ человекъ уронилъ вдругъ цѣпь и вспрыгнулъ на кочку. Черезъ минуту онъ подошелъ къ намъ съ двумя порядочными змѣями, которыя обвивались ему около рукъ. Посмотрѣвъ на нихъ нѣсколько времени съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, онъ сказалъ: «Я, сударь, знаю ихъ такъ же, какъ онѣ сами себя знаютъ». Потомъ онъ предложилъ показать черту ихъ характера, совершенно согласную съ тѣмъ, что сказано о змѣи въ Св. Писаніи, разумѣя подъ этимъ его хитрость.

«Отоспѣвъ къ ближайшей дорогѣ, онъ пустилъ одну изъ змій на голую землю; взялъ тоненькую вѣточку и чуть-чуть потрогалъ ею змѣю по головѣ. Она тотчасъ бросилась на него съ отверзтой пастью; онъ подставилъ ей руку и продолжалъ играть съ нею, повременамъ легонько ударяя ее вѣточкой по головѣ. Тутъ онъ сказалъ, что она притворится мертвою. Это любопытное явленіе послѣдовало очень скоро, и змѣя, казалось, совершенно издохла. Такъ и думали всѣ предстоящіе, но змѣеволокъ утверждалъ, что это притворный сонъ, и что она будетъ недвижима только до тѣхъ поръ, пока на нее смотрять. Когда всѣ отошли шаговъ на двадцать или на тридцать, змѣя быстро уползла въ соседственную чашу. Этотъ человекъ подтверждалъ то обстоятельство, что змѣи, при нападеніи на нихъ, иногда пускаютъ вонъ себя въ защиту. Кажется что онѣ могутъ дѣлать это всегда, когда что-нибудь не по нимъ. Только однажды видѣлъ онъ, какъ змѣя скидывала съ себя кожу: по словамъ его, это напомнило ему человека, надѣвающего рубашку черезъ голову. Змѣя казалась чрезвычайно истощенною, но цвѣтъ и видъ новой кожи были въ полномъ блескѣ красоты.»

ИНДІЙСКІЯ РУГАТЕЛЬНИЦЫ. Миссъ Эмма Робертсъ, сочинительница очень остроумныхъ Scenes and characteristics of Hindostan, описываетъ между прочимъ одно Индѣйское обыкновеніе, которое для нашего утилитарнаго и бранчиваго вѣка должно быть настоящимъ кладомъ. Въ Индіи бранчивость старыхъ бабъ, какъ въ Европѣ бранчивость отвѣтственныхъ критиковъ, употребляется въ дѣло съ самымъ блестящимъ успѣхомъ, составляя особую отрасль народнои промышленности. Надобно знать, что Индѣйскія женщины далеко превосходятъ всѣхъ бабъ въ мірѣ обиліемъ слова и многочисленностью самыхъ выразительныхъ браней, которыми онѣ одождляютъ каждаго, кто нивылъ несчастіе возбудить ихъ гнѣвъ.

«Этотъ родъ дарованія», говоритъ прекрасная миссъ Эмма, «часто употребляется здѣсь въ дѣло такимъ образомъ, который исключительно свойственъ Индіи. Если кто получилъ отъ высшаго себя обиду, подлежащую законному разсмотрѣнію, онъ нерѣдко мститъ своему противнику только тѣмъ, что найметъ на базарѣ двухъ старыхъ бабъ, извѣстныхъ глубокими познаніями въ ругательствахъ, сидѣть у его дверей: эти вѣдьмы обладаютъ цѣлымъ сокровищемъ бранныхъ словъ и расточаютъ ихъ бѣдному хозяину со всевозможнымъ усердіемъ и безъ всякой пощады. Поношенія не ограничиваются имъ однимъ; для большей язвительности они распространяются на все его семейство и особенно на мать: нѣтъ такой мерзости и позора, которыми бы не осыпали ея съ головы до ногъ, не обращая ни какого вниманія, заслуживаетъ ли она этого, единственно въ укоръ ея сыну. Пока эти ругательства достигаютъ только сосѣдскаго уха, они еще довольно безвредны; но если, Боже сохрани, дойдутъ они по адресу, несчастный человекъ погвѣь совершенно. Если кто-нибудь узнаетъ, что онъ ихъ слышалъ, для него все кончено на бѣломъ свѣтѣ. Поэтому для сохраненія своего достоинства, предметъ такого страннаго преслѣдованія прячется въ отдаленнѣйшую комнату своего дома, и цѣлый отрядъ конницы не принудилъ бы другаго къ такому тѣсному заключенію, въ какомъ держать его мощные языки двухъ безотвязныхъ старушеноекъ. Чоки-дары, которые исправляютъ тамъ должность Европейскихъ

*

жандармовъ, не входить въ подобныя дѣла; несчастный плавникъ остается безъ всякой помощи и поневоле долженъ вступить въ переговоры съ тѣмъ, кого обидѣлъ, чтобы избавиться отъ извѣстной бесѣды своихъ мучительницъ».

ВЕЛЛИНИ. Въ то самое время какъ на Петербургскомъ театрѣ дѣлали послѣднія пробы Нормы, доставляющей нынче такое удовольствіе диллетантамъ, сочинитель этой превосходной музыки скончался въ Парижѣ, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду и уже знаменитый. Онъ былъ бы первымъ композиторомъ нашего времени. Онъ дѣлалъ большія успѣхи въ музыкальномъ стилѣ, и воображеніе его еще сохраняло всю свѣжесть юности. Какъ человекъ, онъ отличался своею любезностью и скромностью: написалъ шесть прекрасныхъ оперъ, онъ говорилъ своимъ пріятелямъ, «что онъ еще ребенокъ, ученикъ въ музыкѣ,» и надѣялся произвести современемъ что-нибудь болѣе достойное вниманія. Въ немъ не было ни зависти, ни желчи; онъ усердно рукоплескалъ своимъ современникамъ и имѣлъ только друзей. Парижскія дамы удивлялись его талантамъ, кажется еще болѣе чѣмъ мужчины и нѣкоторыя изъ нихъ написали трогательныя стихи на смерть его.

Беллини родился въ Катанѣ, у подошвы горы Этны, въ 1803 году; отецъ и дѣдъ его были органисты. Первое музыкальное воспитаніе получалъ онъ дома. Одинъ знатный Сициліянецъ, увидѣвъ маленькаго Винченцо, прельстился его смысленостію и счастливыми дарованіями; онъ уговаривалъ отца Беллини послать Винченцо въ Неаполь, чтобы онъ могъ приобрести тамъ познанія, которыхъ въ Сициліи никто не въ состояніи сообщить ему. Этотъ господинъ уничтожилъ даже финансовыя затрудненія, препятствовавшія музыкальному путешествію Беллини. Винченцо учился въ Консерваторіи и пользовался превосходными наставленіями Цингарелли. Тѣсная дружба связывала его съ соучениками его Флоримо и Меркаданте. Впослѣдствіи, когда ему не удавалось самому наблюдать за постановкою своей оперы, онъ поручалъ это Флоримо. Успѣхи Беллини были чрезвычайно быстры и, черезъ нѣсколько лѣтъ

по принятіи его въ музыкальную школу, онъ написалъ небольшую оперу, которая была играна на небольшомъ театрѣ въ самой Консерваторіи.

У Винчепцо не было ни денегъ ни кредита, следовательно новой поэмы для оперы достать ни какой возможности: онъ взялъ libretto, уже напечатанную и положенную на музыку Дженерали за нѣсколько лѣтъ предъ Adelson e Salino. Этотъ опытъ сдѣлалъ большую честь Беллини. Содержатель театра Барбаджа тотчасъ попросилъ его написать большую оперу для театра San Carlo и вскоре послѣ того играна была Bianca Gerlando. Успѣхъ, правда, былъ посредственъ, но этотъ опытъ, исполненный смѣлости, подавалъ большія надежды; молодой композиторъ сдѣлалъ огромный шагъ: съ лавокъ школы онъ перешелъ прямо на первую сцену во всей Италіи. Не быть освистану, подавлену—это было уже много; молчаніе, въ подобномъ случаѣ, есть уже милость, вниманіе признаковъ уваженія, а Беллини аплодировали. Въ слѣдующемъ году, 1827, Барбаджа, который также управлялъ и Миланскимъ театромъ, отправилъ Беллини туда, чтобы написать тамъ оперу; съ нимъ отправился Рубини. Барбаджа доказалъ такимъ образомъ большую довѣренность къ молодому музыканту. Онъ предоставлялъ въ его распоряженіе театръ la Scala; Рубини и госпожа Мерякъ-Лаландъ должны были служить ему исполнителями. Беллини написалъ для этихъ виртуозовъ il Pirata, которая имѣла успѣхъ необычайный. Съ этого времени Беллини занялъ свое мѣсто между знаменитѣйшими Италіянскими музыкантами. Жители Милана удержали любимаго своего музыканта и пѣвцовъ на другой годъ. Straniera еще увеличила славу творца il Pirata. Въ это время, однако жъ прежде представленія Straniera, открытъ былъ большой театръ въ Генуѣ, и прежде всего играна была на немъ возобновленная Bianca Gerlando, въ которой авторъ исправилъ слабыя мѣста; новыя аріи замѣнили разныя каватинны, непонравившіяся Неаполитанской публикѣ. Bianca Gerlando пошла рядомъ съ il Pirata и la Straniera.

Zaira, игранная въ Пармѣ, въ 1829 году, не имѣла успѣха. Беллини вознаграждалъ себя за это въ I Capuletti ed i Montecchi: эта опера была принята въ Венеціи съ востор-

гомъ. Миланцы снова пригласили къ себѣ своего любимого композитора. Беллини написалъ тамъ для Г-жи Пасты *La Somnambula* и *Norma*; Рубини выполнялъ въ первой изъ этихъ оперъ роль тенора; *Pollione* въ *Norme* написанъ для Рейна, тенора сильнаго, но низкаго. Это обстоятельство не позволяло доселѣ давать на Парижскомъ театрѣ *Norme*, лучшаго произведенія Беллини. Онъ хотѣлъ передать эту роль для Рубини, но не успѣлъ окончить своей работы. Иначе было бы говорить что *la Somnambula* и *Norma* приняты были съ энтузіазмомъ. Передъ отъѣздомъ въ Парижъ онъ написалъ въ Венеціи оперу *Beatrice Tenella*, но она не удержалась на сценѣ.

Puritani окончили поприще рано скончавшагося музыканта.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Le Gueux de mer*, *Морской нищій*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Лагранжа и Кормона.

Большой и прекрасный собою донъ Сандоваль, любимецъ Филиппа II,—это говорить мелодрама: мы напротивъ говоримъ, что у Филиппа II не было любимца,—донъ Сандоваль управляетъ Бельгіею отъ имени ужаснаго своего государя. Испанцы полные властелины въ Нидерландахъ; они грабятъ, крадутъ, дѣлаютъ множество глупостей. Таково взаимное положеніе Бельгій и Испаніи при началѣ достопамятной мелодрамы, «*Морской нищій*».

Господина морскаго нищаго зовутъ Винчестеромъ; Винчестеръ равно любитъ свое отечество и свою невесту Элеонору де-Гротгузенъ. Элеонора со своей стороны дѣлитъ привязанность дѣвическаго сердца между нищимъ Винчестеромъ и отцемъ своимъ Г. де-Гротгузеномъ; что впрочемъ не мешаетъ ей выходить замужъ за большаго и прекраснаго собою дона Сандовала, потому что такова воля Г. де-Гротгузена и его величества короля Филиппа. Этотъ Филиппъ II такой тиранъ, что хочетъ выдать Бельгійку за большаго прекраснаго Испанца, дона Сандовала! Свадьбу снаряжаютъ; весь народъ толпится подъ цвѣточными гирляндами, готовясь пировать. И вы думаете, что въ самомъ дѣлѣ Испанецъ Сандоваль женится на Бельгійкѣ Элеонорѣ де-Гротгузенъ? Плохо же вы знаете Гг. Лагранжа и Кормона. Въ

три дѣйствія въ Бельгiи надѣлалось столько ужасовъ, столько безтолковщины, столько глупостей,—это ужь видно всегдашняя судьба Бельгiи, — что наконецъ Бельгiйцы разбиваютъ Испанцевъ, Испанцы уходятъ въ Испанiю, морской нищій убиваетъ дона Сандовала, и Элеонора выходитъ за мужъ за морскаго нищаго. Однимъ словомъ, Испанцу не видать Бельгiйки, какъ своихъ ушей. Хорошій урокъ Филиппу II!

2. *Les Américains en 1781, Американцы въ 1781 году*, драма въ трехъ дѣйствiяхъ, Г. д'Эпаньи.

Избавивъ Бельгiю отъ Испанцевъ, Французскiе драматурги, за немнѣишемъ другихъ занятiй, принялись избавлять Америку отъ Англичанъ въ 1781 году. Въ этомъ году Америка была уже избавлена; но не мѣшаетъ подтвердить избавленiе и въ другой разъ выгнать оттуда злодѣевъ Англичанъ. Эта драма, въ которой есть колонистъ, полковникъ, квакеръ, сумасшедшая, негръ, мулатка и поручикъ, котораго авторъ называетъ змѣей, выкроена изъ новаго романа Купера, «Монникины», въ которомъ авторъ «Шiона» вздумалъ острить. И вы можете вообразить, что выйдетъ, когда Г. Куперъ примется острить, а Г. д'Эпаньи шить драмы. О романъ мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, а о мелодрамѣ можно и помолчать.

3. *Rigoletti, Риголетти*, водевилъ въ одномъ дѣйствiи, Гг. Альбуаза и Жема.

Этотъ Риголетти шутникъ изъ фамилiи Фигаро, одинъ изъ тѣхъ жалкихъ побочныхъ дѣтей, которымъ отецъ не оставилъ ума ни крошки, потому что самъ его много промоталъ. Риголетти честный Италiянецъ, жившiй при дворѣ одного изъ тѣхъ Италiянскихъ принцевъ, которые владѣютъ разными герцогствами въ географiи Г. Скриба. Живъ при дворѣ этого великаго государя, Риголетти имѣлъ счастье обратить на себя милостивое вниманiе сестры его свѣтлости, принцессы Марiи. Риголетти такъ приглянулся Марiи, что она вышла за него за мужъ съ лѣвой руки, хоть онъ былъ и разпочинецъ. Потомъ Принцесса померла и умирая оставила маленькаго своего полу-Принца Альфон-

са на руки любезному его папенькѣ Риголетти. Въмѣстѣ съ тѣмъ она написала трогательное письмо къ брату своему принцу, и отдала это письмо Риголетти для доставленія по-принадлежности.

Лишившись принцессы, Риголетти лишился всего на свѣтѣ. Такъ какъ у него не было ни мѣста, ни почестей, ни званій, ни знатной породы, то дворъ былъ для него недоступенъ. А какъ съ другой стороны онъ непремѣнно хотѣлъ вывести сына своего Альфонса въ люди при дворѣ его дядюшки, то Риголетти, чтобы имѣть доступъ къ принцу, опредѣлился къ нему въ шуты. И вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ Риголетти, изъ родительской нежности, смѣшитъ на свой счетъ весь дворъ. Между тѣмъ Альфонсъ и не догадывается, что онъ сынъ пріятеля своего, шута, а принцъ и не чувствуетъ, что у него есть племянничекъ. Все это знаютъ только шутъ, да публика. Добрый шутъ нашъ утѣшается только тѣмъ, что его сынъ и воспитанникъ Альфонсъ день ото дня хорошеетъ, дѣлается капраломъ, потомъ офицеромъ, потомъ капитаномъ, потомъ маіоромъ, что уже не далеко и отъ полковника.

Альфонсу двадцать лѣтъ; природа и фортуна надѣлили его всѣмъ, что пужію придворному полковнику. Онъ высокъ ростомъ, ходитъ въ вышитомъ платьѣ, посѣтъ белокурый парикъ на головѣ и пламенную любовь въ сердцѣ. Къ несчастію, Альфонсъ, *себѣ неведомо*, соперникъ принца: оба они любятъ благородную и прекрасную, осмнадцатилѣтнюю принцессу Лауру. Но Лаура не любитъ принца, а любитъ Альфонса: это вы и безъ меня знаете.

Риголетти хлопочетъ, чтобы пристроить любезнаго своего сынка и присвоить ему выгодную партію, а Маіоръ Альфонсъ объявляетъ пріятелю своему шуту, что не женится ни на комъ въ свѣтѣ, кромѣ принцессы Лауры. Бѣдный Риголетти въ большомъ затрудненіи.

Въ то же время принцъ отправляетъ Риголетти къ принцессѣ Лаурѣ съ тайнымъ порученіемъ. Новое затрудненіе для бѣднаго Риголетти! Ему хочется услужить Альфонсу и между тѣмъ онъ не смѣетъ ослушаться принца. Къ счастью, въ этой чрезвычайно сложной драмѣ является новый актеръ.

Этотъ новый актеръ воръ, разбойникъ, грабитель, по имени Споліанъ (отъ Латинскаго глагола *spoliare*, обирать). Честный Споліани былъ некогда другомъ Риголетти. Осаждаемый со всѣхъ сторонъ полиціею, Споліани, чтобъ выпутаться изъ бѣды и увернуться отъ висѣлицы, наражается знатнымъ бариномъ и отважно является ко двору просить помощи стариннаго пріятеля своего Риголетти. Къ несчастію, принцъ какъ тутъ: приходитъ и узнаетъ Споліани!

Только въ этой сценѣ начинается проявляться геній Риголетти. Онъ убѣждаетъ принца, что повѣсить Споліани всегда будетъ время, а между тѣмъ не худо было бы употребить таланты этого необыкновеннаго въ своемъ родѣ чело­вѣка: принцъ, окруженный дипломатами всей Европы и самыми скрытными, общаетъ охранную грамоту и кошелекъ золота, если онъ украдетъ всѣ портфели, бумаги, письма, любовныя записки и проч. дипломатическаго корпуса. Споліани съ радостію принимаетъ милостивое предложеніе его свѣтлости. Между тѣмъ весь дипломатическій корпусъ, ведя дамъ, собирается въ танцевальной залѣ. Гости пляшутъ, забавляются, поютъ дипломатически; между тѣмъ Споліани, вѣрный своему слову, усердно посѣщаетъ карманы и забираетъ все, что въ нихъ находитъ: деньги, часы, табакерки, портфели, письма, портреты и проч. Все это, за исключеніемъ только денегъ и драгоценныхъ вещей, принесено, *на основаніи условій*, къ принцу, который тотчасъ, тутъ же, посреди бала, приступаетъ къ полвѣтическимъ разысканіямъ. Изъ бумагъ Австрійскаго *посланника* онъ узнаетъ, что за него хотятъ выдать одну Австрійскую принцессу; изъ бумагъ своей любовницы, что она продаетъ мѣста и почести; между прочимъ въ одномъ портфелѣ находитъ онъ портретъ принцессы Лауры, и на этомъ портретѣ напечатано золотыми буквами имя Альфонса. Друзья мои! не выставляйте никогда вашего имени ни на платкахъ, ни на портфеляхъ.

При видѣ этого портрета принцъ предается ужаснѣйшему бѣшенству. Онъ хочетъ прогнать Альфонса отъ двора. Къ счастью Риголетти слышать это и увѣряетъ добраго принца, что портфель Альфонса былъ у него и что онъ, Риголетти, за недосугомъ положилъ на время въ этотъ пор-

фель портретъ принцессы Лауры, который она посылаетъ Принцу. Добрый Принцъ успокоивается. Онъ говоритъ: *Дворъ мой сюда!* Дворъ является, принцъ, увверенный въ любви Лауры, объявляетъ торжественно всему двору, что она можетъ выбрать себѣ супругомъ, кого ей угодно. Лаура не вѣрить ушамъ своимъ; но между тѣмъ, не обидуясь, подаетъ маленькую свою ручку прекрасному Альфонсу.

Принцъ снова приходитъ въ бышенство. Онъ говоритъ: *Дворъ мой сонъ!*, и дворъ уходитъ ровно и мѣрно, какъ рота солдатъ. Тутъ принцъ принимается за своего несчастнаго шута и объявляетъ ему рѣшительно, что Альфонсъ не женится на Лаурѣ, потому что онъ незаконнорожденный найденышъ, человекъ безъ имени. Риголетти выходитъ изъ терпѣнія; онъ останавливаетъ принца, сбрасываетъ съ себя шутовскую личину, снова дѣлается человекомъ и такъ же рѣшительно объявляетъ, что Альфонсъ, котораго называютъ человекомъ безъ имени, сынъ принцессы, племянникъ принца — вашъ племянникъ, ваша свѣтлость! Бывшій шутъ вынимаетъ изъ кармана письмо, которое, какъ вамъ известно, Принцесса Марія на смертномъ одрѣ написала къ своему брату. Добрый принцъ тронуть до слезъ; онъ прощаетъ Риголетти, и обращаясь къ церемоніймейстеру, говоритъ: *Дворъ мой сюда!* Дворъ снова является, и принцъ, столь же торжественно какъ прѣжде, объявляетъ, что Альфонсъ славной малой, что онъ женится на Лаурѣ и современемъ наследуетъ престолъ принца, своего дяди. Актеры кланяются, занавѣсъ опускается, публика расходится.

Въ этой пьесѣ довольно много веселости и есть немножко ума; только къ несчастію все это слишкомъ длинно.

Для любителей побочныхъ дѣтей Фигаро, вотъ еще два водевиля, жалкихъ и пошлыхъ.

4. Cherubin, *Херубинъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г. Денойѣ.

5. Le fils de Figaro, *Сынъ Фигаро*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г^м.

Вотъ все, что можно сказать объ этихъ двухъ водевиляхъ.

6. *L'Oclogénaïge, Осьмидесятилѣтній старикъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Г. Баяра.

Кто не читалъ прелестнаго романа Г-жи Соуса (Souza) «Адель де-Сенанжъ?» Это устроумная, вѣрная, трогательная картина прежняго Французскаго общества, и почти нравоученіе. Господинъ Сенанжъ старъ; онъ женится на молодой дѣвушкѣ, чтобы избавить ее отъ власти несносной матери. Госпожа Сенанжъ долго любитъ мужа, но потомъ предается одному молодому человѣку, и Г-нъ Сенанжъ, чтобы не препятствовать счастью супруги, которую онъ любитъ страстно, скатывается въ ледникъ на Альпійскихъ горахъ. Если вы читали также книгу, подъ заглавіемъ Jacques, «Яковъ», сочиненія одной госпожи, подъ заглавіемъ Жоржъ-Зандъ, — а я надѣюсь, что вы ее не читали, — вы вѣрно вспомните, что въ Яковъ, гнусной копіи прекрасной этой книги, именно то же. Разность между этими двумя книгами состоитъ только въ разности авторовъ: Г-жа Соуса женщина благовоспитанная, благоправная, уважающая все, что должна уважать женщина, — нравственность и общество; а Г-жѣ Дюдеванъ (Жоржъ-Зандъ тожъ) будетъ принадлежать честь, что она была первою отъ созданія женщинъ неблагопріистой писательницей.

По случаю этого водевиля, извлеченнаго изъ романа Г-жи Соуса, возникъ страшный споръ между Г. Юліемъ Жаненомъ, знаменитымъ критикомъ водевилей, и Г. Баяромъ, знаменитымъ сочинителемъ водевилей. Г. Жаненъ утверждаетъ, что въ романъ «Адель де Сенанжъ» нѣтъ водевиля, Г. Баяръ утверждаетъ, что есть, — и вотъ онъ! Г. Жаненъ говоритъ, что это плохой водевиль. Г. Баяръ отвѣчаетъ: «Какъ вамъ угодно! Мнѣ все равно.» Эта война можетъ имѣть важныя послѣдствія для литературы.

7. *Adélaïde le Poltron, Трусъ Аделаидъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, *вышеръченнаго* Г. Баяра.

За то вотъ пьеска, безъ претензій, заимствованная не изъ печатнаго, а изъ простой, уличной, человѣческой природы; веселый, живой водевиль, который разсмѣшить до слезъ. Рѣчь идетъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, пѣвцѣ по ре-

мелу, трусь по природѣ, но трусь рѣшительномъ, чисто-сердечномъ, какъ Мональдечи Александра Дюма.

Бѣдный Аделандъ, такъ зовутъ нашего Мональдечи, Аделандъ былъ въ театрѣ и ему какъ-то невзначай дали толчокъ ногою въ спину. Но дерзкій, который ударилъ Аделаиду, тотчасъ извинился; слѣдственно, дѣлать нечего. Милосердый Аделандъ простилъ невольное оскорбленіе, и снова началъ жить, любя, труся и призываючи.

Къ несчастію, этотъ толчокъ надвмалъ шуму. Шумъ этотъ дошелъ до ушей Г. Бельтуа, сержанта — майора въ національной гвардіи, бывшаго плотника, храбреца, который подобныя шутокъ не любитъ. А надобно вамъ знать что у Г. Бельтуа есть дочка, Аманда, на которой Аделандъ собирается жениться. Но Г. Бельтуа не хочетъ имѣть зятемъ человека, который получилъ ударъ ногою даромъ, не заплативъ за него. Бѣднаго Аделаида выгоняютъ изъ дома будущаго его тестя. Аманду надобно завоевать мечемъ; дерись, коли хочешь на ней жениться. Si po, po.

Бѣдный Аделандъ въ большомъ горѣ. Онъ любитъ, но труситъ, и трусость его находится въ совершенномъ равновѣсїи съ любовью. У Аманды прекрасныя блестящія глаза, но клинокъ шпаги также жестоко блеститъ! Улыбка Аманды прелестна, но дуло пистолета ужасно страшно. Что дѣлать? на что рѣшиться? Вы можете вообразить, въ какомъ затруднительномъ положенїи находится Г. Аделандъ.

Между тѣмъ нѣкто Г. Лорансенъ, подлець такой же какъ Аделандъ, трусь, вмѣлъ неудовольствіе получить оплеуху отъ неизвѣстнаго и, узнавъ, что Аделаиду достался толчекъ ногою, разсудилъ, что его оплеухъ не худо подраться съ Аделандовымъ толчкомъ. Лорансенъ предлагаетъ Аделаиду сговориться, чтобы прослыть храбрецами. Бѣдный Аделандъ рѣшительно не понимаетъ какъ это можно сдѣлать; онъ принимаетъ Лорансена за дуэлиста и принимается дрожать. Бѣдный Аделандъ!

Лорансенъ видя, что есть на свѣтѣ человекъ, который и его боится, поднимаетъ голову и начинаетъ въ самомъ дѣлѣ оскорблять Аделаиду. Это прелестная сцена Жаке въ Мольерѣ. Аделандъ, осыпанный ругательствами, разобиженный

при тестѣ, при тещѣ, при Амандѣ, при капитанѣ Огюстѣ, выходитъ наконецъ изъ себя; онъ выпиваетъ рюмочку рому, сжимаетъ кулаки.....Fichtre! И вдругъ въ сердцѣ его рождается храбрость. Аделандъ хочетъ драться, драться на шпагахъ, на пистолетахъ, на чемъ угодно. Онъ шумитъ, кричитъ, стучитъ, ругается, чуть не кусается; онъ дерется, и ранить своего противника именно въ то мѣсто, гдѣ самъ получилъ извѣстный ударъ ногою, такъ что обида его естественно омыта кровію. Ясно, что Аделандъ храбрецъ; онъ снова приобретаетъ уваженіе Г-на Бельтуа, Г-жи Бельтуа, капитана Огюста и женится на дѣвицѣ Амандѣ.

Вотъ еще прежній Г. Баяръ.

8. *Les Deux Créoles, Два Креола*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Баяра и Вандербурга.

Креолка Лилія очень любитъ креола Г. Ганри, Г. Ганри тоже очень любитъ Г-жу Лилію; но Г-ну Ганри нужны деньги и онъ женится на другой. Покуда онъ женится и Лилія оплакиваетъ своего любезнаго, она получаетъ изъ Мартиники письмо съ черною печатью. Одинъ родственникъ умеръ и оставилъ ей большое наследство. Поздо; Г. Ганри уже женился: бѣдная Лилія!

Во второмъ дѣйствіи Г. Ганри совсѣмъ несчастливъ, потому что тестъ не далъ ему обещаннаго прилаганаго. Лилія, скрывавшая свое богатство, отдаетъ его Г-ну Ганри; потомъ они обнимаются и, чтобы не измѣнить своему долгу, разлучаются. Лилія увѣжаетъ въ Мартинику; Г. Ганри остается въ своей сварливою и ревнивою женою: который изъ нихъ несчастнѣе?

Глупый сюжетъ, глупый слогъ, глупыя слезы.

9. *M. Potard, ou le Nègre Blanc, ou La bouteille de si-gage*, Г. Потаръ, или бѣлый Негръ, или Бутылка ваксы, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Бразьѣ и Ружемона.

Нѣкто Г. Потаръ, родомъ Французъ, отправляется съ товаромъ въ Америку; но корабль, на которомъ онъ ѣдетъ, разбивается у Северо-Американскихъ береговъ. Товары его погибли, Г. Потаръ нищій. Надобно однако жъ чѣмъ нибудь жить: Г. Потаръ продаетъ свои панталоны, единствен-

ную вещь, оставшуюся у него отъ кораблекрушенія; а продавъ все, что имѣлъ, Г. Потаръ спрашиваетъ себя—что жъ у него остается. У него остается бутылка ваксы. Какой-то фокусникъ, пріятель Потара, научаеъ его сдѣлаться негромъ и въ этомъ качествѣ продаться въ неволю. Ваксу откупаютъ, Потара мажутъ, ваксуютъ, чистятъ и лакируютъ. Потаръ негръ черный и лоснящійся какъ слѣдуетъ быть честному негру. Одинъ колонистъ покупаетъ его за восемь сотъ франковъ; восемь сотъ франковъ за негра не много, а за благо страхъ дорого.

Продавшись негромъ, Потаръ опять становится бывшимъ. Онъ находитъ жену свою, которую считалъ погибшею при кораблекрушеніи. Потаръ самъ дѣлается колонистомъ, un colon, жена его вслѣдъ за нимъ дѣлается колонисткою, une colonne, и, на этомъ основаніи, онъ почитаетъ себя въ правѣ запѣть старую пѣсню:

Ah, qu'on est fier d'être Français,
Quand on regarde la colonne!

Острѣ этого нѣтъ ничего во всемъ водевилѣ.

10. *Paucg Jacques, Бѣдный Жакъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи Гг. Коньяровъ.

Небольшой водевилъ безъ претензій, но исполненный прелести, чувства и занимательности. Бѣдный Жакъ, провинціальный музыкантъ, женится на одной благородной дѣвушкѣ, противъ воли ея родителей и родственниковъ, но эти родители и родственники отнимаютъ у него жену. Она обещала ему непременно возвратиться. И бѣдный Жакъ ждетъ, ждетъ годъ, два, десять, осьмнадцать лѣтъ. Наконецъ, послѣ осьмнадцати-лѣтнихъ ожиданій и страданій является не жена, а дочь Бѣднаго Жака. Вы можете вообразить, какъ онъ счастливъ!

11. *Une heure à la Malmaison, Часъ въ Мальмезонъ*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.

Вотъ въ чемъ дѣло: императрица Жозефина, живя въ Мальмезонѣ, оплакиваетъ не минувшее свое величіе, но минувшую любовь свою. Она оплакиваетъ неблагодарнаго императора, который покинулъ ее для Австрійской принцес-

сы. Жепщины и пажи ея, собравшись вокругъ, молчать и думать, подражая госпожв своей.

Но одинъ изъ этихъ пажей, посмѣлье другихъ, влюбленъ въ императрицу; онъ даетъ ей букетъ, даетъ ей стихи сочиненія, наконецъ даетъ ей поцѣлуй. При звукѣ этого поцѣлуя, императрица въ гнѣвъ оборачивается. Пажъ бросается на колѣна и императрица приказываетъ прогнать его, какъ вдругъ является Г-жа Ленорманъ, и объявляетъ, что этотъ пажъ сынъ императора Наполеона. Г-жа Ленорманъ! Следственно никто не смѣетъ сомнѣваться въ истинѣ этого. Императрица жалуетъ Наполеонова сына въ подпоручики и онъ уѣзжаетъ изъ Мальмезона. Вотъ и все.

Видно, новый законъ о театрахъ не прибавилъ этимъ господамъ ума ни на грошъ. Кстати о новомъ законѣ: драматическая цензура въ Парижѣ запретила пьесу подъ названіемъ: *Le Roi en vacances*. Больше ничего. Это повѣсть.

12. *Madelon Friquet*, *Маделона Фрике*, водевилъ въ одномъ дѣйстви Гг. Ружемона и Дюпети.

Вотъ пьеса, въ которой мало ума и интриги, но она весьма весела и чрезвычайно забавна. Маделона Фрике была толстая, добрая дѣвушка, неутомимая хохотунья; знаменитая танцовщица, Г-жа Гимаръ признавала ее своею пріятельницею, да и сама Г-жа Фрике являлась на двухъ театрахъ: этого уже довольно, чтобы оставить по себѣ имя.

Маделона теперь прачка и собирается выйти за колпачнаго подмастерья, Г. Транкиля; она его очень любитъ, но еще болѣе любитъ одолжать своихъ пріятельницъ. Г-жа Гимаръ, любовница князя Субиза, не почитаетъ себя обязанною сохранять ему вѣрность и однажды приводитъ къ пріятельницѣ своей, Маделонѣ Фрике, полковника Лаферрьерера. Между-тѣмъ, какъ полковникъ и дѣвица Гимаръ заперлись вдвоемъ въ комнату Маделоны, вдругъ является князь Субизъ, вѣт себя отъ бѣшенства. Бѣдные любовники погибли.

Къ счастью Маделона, добрая дѣвушка, готова для пріятельницы пожертвовать своего доброю славою. Она мѣняется ролью съ Г-жею Гимаръ; надѣваетъ ея платье, ея мантлью, ея брилліанты; и когда князь Субизъ выламываетъ дверь, онъ находитъ одну Маделону Фрике. Гимаръ сна-

сена, полковникъ тоже: а Маделона? Бѣдная Маделона погибла; тетка ее прогоняетъ, сосѣдки не хотятъ съ нею знаться, даже женихъ ее подозрѣваетъ; но что нужды? Она довольствуется своею чистою совѣстью, утюгами и веселостью.

Тѣмъ болѣе, что во второмъ дѣйствіи Маделона снова находить все что потеряла: дружбу тетки, уваженіе сосѣдокъ и любовь Г. Транкля, за котораго и выходитъ замужъ, какъ слѣдуетъ въ концѣ водевиля.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. Если бъ Г. Казимиръ Делавинъ не написалъ комедіи *Don Juan d'Autriche*, во Французской словесности за прошлый мѣсяцъ не было бы ничего примѣчательнаго. Время и обиліе предметовъ не позволяли намъ сообщать въ нынѣшней книжкѣ содержаніе его пьесы. Мы пополнимъ этотъ пропускъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

— *Корму* для Времени довольно; мы такъ называли эту сволочь романовъ, которые печатаются только для того, чтобъ быть забытыми при появленіи другой толпы и представленными на пожраніе Времени. Въ этомъ кормѣ попадаются куски вкуснѣе прочихъ, и ихъ то слѣдуетъ хватать. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ поставщиковъ такого провіанта есть безсомнѣнія Г. Мишель Массонъ, прежній сотоварищъ Г. Брюкера, съ которымъ онъ издавалъ романы и повѣсти подъ фирмою Мишель-Ремона. Передъ нами лежатъ два его романа, изданные въ нынѣшнемъ году, *Le secret* и *La lampe de fer*, и мы уже читаемъ въ журналахъ объявленіе о выходѣ третьяго, *Vierge et Martyr*. Первый изъ трехъ, *Le secret*, произведеніе очень посредственное, но второй, *La lampe de fer*, можетъ быть прочитанъ съ большими удовольствіемъ: онъ состоитъ изъ романа подъ заглавіемъ *La voix du sang*, и нѣсколькихъ повѣстей. Первая часть этого романа очень мила, занимательна и хорошо написана; вторая рассказъ безъ цѣли: авторъ хотѣлъ доказать, что дѣти иногда чувствуютъ непреодолимое отвращеніе къ своимъ настоящимъ родителямъ, а пристращаются къ мнимымъ, къ тѣмъ, которые ихъ воспитали, — обстоятельство, котораго не стоило доказывать на трехъ стахъ страницахъ. Но, во всякомъ случаѣ, изъ двухъ сочиненій Г. Массона, одно всегда интересно. Сочинитель «Спальмы», романа, о которомъ мы

уже говорили, Г. Давидъ, издалъ еще другой, подъ заглавиемъ *La duchesse de Presles*. Но любители вкусныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жирныхъ кусковъ ввроятно предпочтутъ ему новое твореніе незабвеннаго Поль-де-Кока, который нарекъ его такъ: *Ni jamais ni toujours (C'est la devise des amours! C'est la devise des amours)*. Читатели Б. для Ч. знаютъ наше мнѣніе о Поль-де-Коке: мы полагаемъ, что онъ самый нравственный изъ нынѣшнихъ Французскихъ романистовъ. О благопристойности мы, на этотъ разъ, не говоримъ ни слова: дѣло идетъ только о нравственности.

— Но сочиненіе, которое заключаетъ въ себѣ очень много любопытнаго и мило разсказаннаго, это записки известной живописицы, Г-жи Лебрень, вышедшія подъ заглавиемъ *Souvenirs*. Г-жа Лебрень много путешествовала, жила почти во всѣхъ Европейскихъ столицахъ, знала и писала съ натуры множество известныхъ лицъ обоего пола. Она вромѣвала кисть на перо, но и перо ея живописуетъ очень хорошо и въ особенности умѣетъ придавать изображеніямъ то сходство съ подлинникомъ, которыми отличались ея портреты.

— Книжная торговля очень страдаетъ во Франціи. Изобрѣтательность книгопродавцевъ даетъ ей сильныя пріемы возбуждательныхъ лекарствъ, но здоровье ея не поправляется. Къ самымъ замѣчательнымъ средствамъ, которыя шарлатанство придумало для привлеченія покупателей въ книжныя лавки, принадлежитъ книготорговля-лотерея. Недавно была объявлена подписка на новое изданіе сочиненій Г. Шатобриана съ премією въ сто тысячъ франковъ: подписчики получаютъ каждый по одному экземпляру сочиненій, и сверхъ того двадцать человекъ изъ нихъ могутъ еще выиграть отъ 50,000 до 5,000 франковъ. Успѣхъ этой приманки побудилъ книгопродавцевъ приспособить ее къ продажѣ всѣхъ прочихъ книгъ. Теперь учреждается компанія, въ которой участвуютъ почти всѣ Парижскіе книгопродавцы: каждый, кто купитъ у нихъ книгъ или журналовъ на $7\frac{1}{2}$ франковъ, получаетъ еще, сверхъ купленныхъ сочиненій, билетъ, который служитъ на двѣнадцать мѣсяцевъ; каждый мѣсяць разыгрывается въ лотерею 5,000 франковъ, раздѣленныхъ на четыре преміи въ 2,000, 1,500, 1,000 и 300 франковъ, слѣд-

ственно каждый билетъ пользуется 48 жеребьями, и можетъ когда-нибудь выиграть одну изъ четырехъ суммъ: если счастье не повезетъ ему, опъ въ правѣ искать утѣшенія себѣ въ горь, читая книгу, которую дали ему вмѣств съ билетомъ. Само собою разумѣется, что всѣ побѣгутъ въ книжныя лавки, не по любви къ книгамъ, но чтобы достать лотерейныхъ билетовъ, и что книжныя лавки тѣмъ самымъ превращаются въ вертепы азардной игры. Сочинители программы этого разбойничьяго союза противъ кармапа самой недостаточной части публики называютъ его «благороднымъ учрежденіемъ», une institution honorable, — и имѣютъ наглость утверждать, что они дѣйствуютъ «въ пользу распространенія вкуса къ чтенію и познанію». Страшно подумать, что до такихъ уловокъ дошла — кто? — литература, которая долго почиталась первою въ Европѣ!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Г-жа Троллопъ, извѣстная пріятельница Сѣверныхъ Американцевъ, написала романъ подъ заглавіемъ Tremordyn Cliff, который удостоивается похвалъ даже отъ закоренѣлыхъ виговъ. Борьба женскаго честолюбія и любви представлена здѣсь со стороны довольно необыкновенной и не безъ искусства; по занимательность второстепенныхъ характеровъ, кажется, слишкомъ пожертвована интересу главнаго лица.

— Г. Куперъ, какъ мы уже говорили, издалъ новый романъ, — по имени The Monnikins. Французскіе журналы его ругаютъ. Надобно знать причину. «Монникины» есть родъ аллегорій, какъ Панта-груэль, какъ Гулливеръ. Г. Куперъ, человекъ очень либеральный, жестоко посмѣялся въ нихъ надъ представительными системами: indeigae, отсюда «разругали». Конечно, аллегоріи Г. Купера могли бь быть веселѣе, остроумнѣе и понятнѣе, но это не препятствуетъ его послѣднему творенію быть хорошею сатирою, а сатиры всегда читаются добрыми людьми. Мы скоро сообщимъ содержаніе этого романа.

— Америкапка миссъ Седжвикъ также подарила Англійскую словесность очень милымъ романомъ, The Linwoods, который должно назвать историческимъ, потому что Вашингтонъ, Патнемъ и губернаторъ Клинтонъ находятся въ

числѣ дѣйствующихъ лицъ. Впрочемъ главное дѣло не въ нихъ, а въ двѣ прекрасныя двушкахъ, чистосердечной Изабеллѣ Ливвудъ и вѣжной Бесси Ли, задумчивой, влюбленной, привлекательной до такой степени, что для нея одной можно прочесть три томика.

— Путешествій вышло по обыкновенію болѣе всего; по ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ особеннаго вниманія. *Scandinavian Sketches* моряка Бретона пахнутъ джиномъ: по крайней-мѣрѣ онъ рассказываетъ такіа чудеса, которыя безъ помощи этого крѣпкаго напитка врядъ-ли могутъ притти въ голову, не говоря ужъ о томъ, что вся его Скандинавія ограничивается одной Норвегіей. Однако жъ надобно признаться, что матросская простота его слога имѣетъ своего рода привлекательность.

— Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ литературѣ прошлаго мѣсяца составляетъ жизнь знаменитаго астронома Флемстида, изданная по его собственнымъ рукописямъ Г. Бея, вице-президентомъ Королевскаго Общества Ученыхъ въ Лондонѣ. Флемстидъ, современникъ Ньютона, былъ съ нимъ въ довольно близкихъ сношеніяхъ, и творецъ теоріи всемірной тяжести искусно пользовался его трудами, не говоря объ этомъ ни слова. «Я неразъ испыталъ его характеръ на себѣ, говоритъ Флемстидъ о Ньютонѣ, и всегда находилъ его коварнымъ, честолюбивымъ, ищущимъ похвалъ и нетерпящимъ противорѣчій. Я замѣтилъ нѣсколько ошибокъ въ четвертой книгѣ его «Началъ»: вмѣсто того, чтобъ сказать мнѣ за то спасибо, онъ на меня сердился и нѣсколько разъ спрашивалъ съ надменностью, зачѣмъ я не заткну себѣ рта.» Преемникъ Ньютона въ Кембриджскомъ университетѣ, Вистонъ, подтверждаетъ это свидѣтельство: по его словамъ, Ньютонъ былъ самый опасливый и подозрительный человекъ на свѣтѣ. Конечно, это не поколеблетъ славы честности и доброты, которую онъ приобрьлъ себѣ въ потомствѣ, но отзывъ такихъ современниковъ какъ Флемстидъ и Вистонъ по-крайней-мѣрѣ заслуживаетъ вниманія будущихъ біографовъ.

— Вслѣдъ за первымъ собраніемъ подлинныхъ документовъ Англійской исторіи, подъ заглавіемъ *Rotuli Litterarum Clausarum*, вышло недавно другое, не менѣе любопытное,

заключающее въ себя *Rotuli Litterarum Patentiſſimi*, которые принадлежатъ къ царствованію короля Іоанна Безземельнаго и имѣютъ всю занимательность современныхъ и досто- вѣрныхъ свидѣтельствъ этой замѣчательной эпохи Англійской исторіи.

— Альманахи выходятъ годъ отъ года ранѣе, быть-можетъ по пословицѣ, кто первый пришелъ, тотъ и пошелъ. Съ декабря мѣсяца, который былъ прежде срокомъ явъ- ленія, мало-по-малу отодвинулись они къ сентябрю. Это настоящая скачка. Нынешній годъ, обогналъ всѣхъ *Oriental Annual*, наполненный самыми любопытными и свѣжими по- дробностями объ Индіи. Мы дали изъ него маленькій отрывокъ въ смѣси, и не ограничились этою выпиской. Выходя съ *Oriental Annual* вышелъ другой альманахъ *The Christian Keersake*, который отсталъ отъ перваго, если не по времени, то по литературной занимательности и по достоинству картинокъ, — этой души всякаго альманаха.

— Любители военныхъ подробностей могутъ найти много любопытнаго въ запискахъ генералъ-лейтенанта Томаса Пиктона, издаваемыхъ Г. Робинсономъ. Пиктонъ погибъ, какъ извѣстно, подъ Ватерлоо: онъ принадлежалъ къ числу отжаблѣвшихъ генераловъ своего времени. По окончаніи Испанской войны онъ удостоился торжественной при- зательности, изъявленной ему парламентомъ въ самыхъ лест- ныхъ выраженіяхъ.

— Мы должны сказать еще о «Философіи Нравственно- сти» Г. Смита, въ которой авторъ, вопреки мнѣнію некото- рыхъ метафизиковъ своего отечества, защищаетъ права разума надъ волею. Основаніе Иевки заключается у него въ двухъ вопросахъ, которые, при всей ихъ разности, были часто смѣшиваемы самыми остроумными писателями: во-первыхъ, какое последнее вѣрило различія между добрымъ и недоб- рымъ, въ обширномъ смыслѣ? Во-вторыхъ, какого свойства та ужасная дѣятельность, которою мы постигаемъ это различіе? Оба вопроса изслѣдованы Г. Смитомъ очень по- дробно, тщательно и остроумно.

— Англійскій, Французскій и Испанскій литераторъ донъ Телесфоро-де-Труэба-и-Косіа умеръ недавно въ Парижѣ. Онъ былъ Испанецъ, воспитанный въ Англии и Франціи.

Его драмы игрались въ одно время въ трехъ государствахъ, и во всѣхъ съ примѣчательнымъ успѣхомъ. Кроме-того онъ написалъ нѣсколько удачныхъ повѣстей и сотрудничествовалъ во многихъ журналахъ, а въ 1834 году воротился въ Испанію.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Г. Эмеренцій Сцевола, пое-вдохнемъ съ большимъ дарованіемъ, написалъ романъ, отличающійся особеннаго рода занимательностью, — занимательностью, которая давить какъ домовая. Авторъ такъ неуто-нино и такъ искусно развиваетъ одну бѣду за другою, что вы не видите конца заключеніямъ и радуетесь отъ души, увидѣвъ по-крайней-мѣрѣ конецъ книги. Леонида, героиня повѣсти, дочь обвѣнчавшаго гугенота въ Лапгедомѣ, еще ребенкомъ оставляетъ втайнѣ вѣрноповѣданіе отца и соединяется бракомъ съ однимъ католикомъ, давъ клятву хранить ненарушимое молчаніе. Умиравшій отецъ отдаетъ ей руку молодому единовѣрцу своему Сентъ-Илеру. Но вскорѣ является первый мужъ Леониды, и Сентъ-Илеръ, уважая старшинство правъ, отпускаетъ ее съ этимъ мужемъ. Проясненія революціи нѣсколько разъ сводятъ и разлучаютъ любовниковъ; наконецъ Леонида теряетъ разсудокъ и умираетъ безпомощная въ старомъ жильѣ своего отца. Въ романѣ много прекрасныхъ сценъ и описаній, но героиня до того жалка, что перестаетъ быть интересною: она плачетъ чистыми чернилами.

— Въ шести небольшихъ рассказахъ, оставшихся по смерти Л. Ахима фонъ-Арнима и недавно изданныхъ въ Берлинѣ, есть поэзія и довольно рѣзкая оригинальность. Если это и поддѣлка, — что очень вѣроятно, тѣмъ болѣе, что на книгѣ нѣтъ имени издателя, — то поддѣлка удачная и лучше бездны неподдѣльныхъ произведеній.

— Адальбертъ фонъ-Шамиссо напечаталъ своего «Петра Шлемиля» третьимъ изданіемъ, въ которомъ выпущены всѣ баллады и пѣсни, помѣщенные во второмъ. Это вѣроятно потому, что онѣ вышли не такъ давно въ Полномъ Собраніи его стихотвореній; однако жъ читатели Петра Шлемиля конечно не будутъ довольны этой переименовкой.

— Только недавно узнали мы о существовании одной любопытной книги, которая вышла однако жъ еще въ прошломъ году. Это первая часть «Исторіи Германцевъ» доктора Галлинга, содержащая въ себѣ исторію Скивоовъ. Авторъ утверждаетъ, что Скивы (Скита) праотцы Германцевъ, и что даже имя ихъ вѣроятно Германское *skytta* (Schütz): до сихъ поръ означаетъ по-Шведски стрѣлка. Подъ именемъ Скивоовъ разумеетъ онъ всю семью народовъ, которую Китайскія лѣтописи издревле помѣщаютъ къ востоку отъ Каспійскаго Моря, и которой генеалогія свидѣтельствуется намъ и этими лѣтописями и Библіею съ такимъ согласіемъ, какого только можно ожидать отъ двухъ отделенныхъ источниковъ. Родоначальникъ этихъ племенъ названъ въ Св. Писаніи Арамомъ, а Плиній говорить, что Персы именовали всѣхъ Скивоовъ Арамеями. Они помышляли своимъ русыхъ соседей въ Туранъ, считали ихъ врагами, подвластными Ариману, — и вотъ вамъ Арамеи, Геродоты Ариаспы, Германцы! Самый Туранъ напоминаетъ автору древняго сѣвернаго бога Тора. Въ числѣ Скивоовъ Китайскія лѣтописи упоминаютъ о племенахъ Кань-куань, или Хакась, и Алань: докторъ Галлингъ узнаетъ въ нихъ Саковъ, Саксовъ, которые древле назывались Хавками, Чауцевъ, и Алановъ, о которыхъ Аммианъ Марцелинъ говоритъ, что они принадлежали къ Массагетамъ. Сюда же Полибій относитъ и Саковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это очень забавно. Мы отдаемъ полную справедливость Скивоо-Германской гипотезѣ Г. Галлинга, однако жъ должны признаться, что Индо-Германская еще забавнѣе. Индо-Германство — настоящая умора. Само собою разумеется, что этимъ мы отнюдь не имѣемъ намеренія унизить комическаго достоинства гипотезы Роксолано-Аорсо-Русской и «поваго взгляда на Русскую исторію»; мы торжественно протестуемъ противъ тѣхъ, которые вздумали бы утверждать, будто мы считаемъ эти Нѣмецкія грезы менѣе способными заставить хохотать людей, знающихъ толкъ въ исторической критикѣ, чѣмъ наши собственные, отечественныя, родныя.

— Въ литературномъ мѣрѣ пронесся слухъ, что скоро выйдетъ третій и послѣдній томъ Нибурова путешествія въ Востокъ. Не мнѣ изъ нашихъ читателей помнить, какого

шуму надѣлало появленіе двухъ первыхъ томовъ за *шестьдесятъ* лѣтъ назадъ. Поэтому надобно объяснить, хоть для новаго поколѣнія, причины, замедлившія до такой степени издавіе послѣдней части. Всѣ приготовленныя для нея гравюры были истреблены большимъ пожаромъ, случившимся въ Копенгагенѣ 1795 года, и авторъ, обезотваженный этимъ несчастіемъ, не могъ собраться съ силами вознаградить тяжкую потерю. Знаменитый сынъ его имѣлъ намѣреніе издать трудъ покойнаго отца, но новый взглядъ на Римскую Исторію безпрерывно отвлекалъ его отъ исполненія этого долга. Наслѣдники передали рукописи Нибура старому его другу, совѣтнику Глойеру, и доктору I. Ольсгаузену, профессору Восточныхъ языковъ въ Кильскомъ университетѣ. И вотъ что даетъ поводъ къ надеждѣ вскорѣ увидѣть ихъ напечатанными.

— Впрочемъ кто-нибудь сглазилъ Германскихъ философовъ. Передъ нами списокъ новыхъ Немецкихъ книгъ за цѣлый мѣсяцъ, и между ними ни одной по части философіи. Впрочемъ, это можетъ-быть отъ кометы.

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

RICHELIEU, MAZARIN, la fronde et le règne de Louis XIV, par *M. Capefigue*. Deuxième livraison. 2 vol.

SOUVENIRS DE MADAME LEBRUN. Tome premier.

MÉMOIRES DE JOHN TANNER, ou Trente années dans les déserts de l'Amérique du Nord, par *E. de Blossville*. 2 vol.

CONFESSIONS DE J. S. QUESNÉ, comprenant une période de cinquante-six ans, depuis 1778 jusqu'en 1826. 3 vol.

VOYAGE DE LUXOR en Egypte, pour transporter de Thèbes à Paris l'un des obélisques de Sésostris, par *M. Verninac de Saint-Maur*, commandant de l'expédition. 1 vol.

DICTIONNAIRE DE PHYSIQUE ET DE CHIMIE, générales, théoretiques et appliquées, par une société de savans et sous la direction de *M. Gilbert*. 3 vol. 4e. par souscription.

ÉPITRE à Cuvier. Conseils à un novateur. La comète de Halley. Poésies par *A. Bignan*. 1 vol.

- MÉLANGES DE LITTÉRATURE orientale et française, par J. Agab
1 vol.
- VIERGE ET MARTYR, roman, par *Michel Masson*. 2 vol.
- LA DUCHESSE DE PRESLES, roman, par *J. A. David*. 2 vol.
- MADAME DE VARENNES, roman, par *Ed. Bergounioux*, auteur de *Charlotte*.
1 vol.
- LA TAVERNIÈRE DE LA CITÉ, roman, par *S. Chaumier*. 1 vol.
- JULES-JOSEPH, pensée intime, par *Alphonse Fresse-Montval*. 2 vol.
- LA FILLE DU PEUPLE et la demoiselle du monde, roman, par *E. L. Guérin*.
2 vol.
- NI JAMAIS NI TOUJOURS. (C'est la devise des amours), roman, par *M. Paul de Kock*. 2 vol.
- L'ORPHELINE DE MORET, roman, par *M. Teste d'Ouet*. 2 vol.

Англійскія.

- THE PHILOSOPHY OF MORALS. By *A. Smith*. 2 vols.
- PHILANTHROPIC ECONOMY, or the philosophy of happiness. By *Mrs. Loudon*. 1 vol.
- THE PATENT ROLLS preserved in the Tower of London. Rotuli litterarum patentium. Edited by *Thomas Duffus Hardy*. 1 vol.
- AN ACCOUNT of the rev. John Flamsteed, the first astronomer royal, compiled from his own Mss. and other authentic documents, etc. By *Francis Baily*, vice-president of the Royal Society.
- MEMOIRS of lieutenant-general Sir Thomas Picton; including his correspondence. By *H. B. Robinson*. 2 vols.
- ITALY AND ITALIAN LITERATURE. By *Charles Herbert*. 1 vol.
- RECORDS OF A ROUTE through France and Italy. By *William Rae Wilson*.
1 vol.
- ITALY AND SWITZERLAND. By *William Thomson*. 1 vol.
- VISIT TO ALEXANDRIA, Damascus, and Jerusalem. By *Edward Hogg*.
1 vol.
- SKETCHES OF BERMUDA. By *Susette Harriet Loyd*. 1 vol.
- SCANDINAVIAN SKETCHES, or a tour in Norway. By lieutenant *Breton R. N.* 1 vol.
- SECOND REPORT on the commercial relations between France and Great Britain: Silkes and Wines. By *J. Bowring*. 1 vol.
- REMARKS ON THE ARCHITECTURE of the Middle Ages, especially in Italy. By *R. Willis*. 1 vol.
- THE CYCLOPAEDIA of anatomy and physiology. Edited by *Robert B. Todd*. Part I
-
- TREMORDYN CLIFF. By *Frances Trollope*. 3 vols.
- THE LINWOODS. By *Miss Sedgwick*. 3 vols.

- THE ORIENTAL ANNUAL. By the rev. *Hobart Caunter*.
 THE CHRISTIAN KEEPSAKE. Fisher, Son and Comp.
 NALA AND DAMAYANTI, and other poems, translated from the Sanscrit.
 By the rev. *H. H. Milman*. 4 vol.
 BOYHOOD, with other poems and translations. By *Charles A. Elton*.
 1 vol.

Нѣмецкія.

- BEITRÄGE ZUR KUNDE des deutschen Rechts, von Dr. *L. M. Riedel*.
 Königsberg.
 DAS ÖSTREICHISCHE FRAUENRECHT. Von *Joseph Linden*. 2 Bde. Wien.
 AUFSÄTZE über Gegenstände der Astronomie und Physik. Für Leser
 aus allen Ständen, von *H. W. Brandes*. Herausg von *C. W. H. Brandes*.
 Leipzig.
 ÜBER COMETEN, deren Bahnen, Grösse, physische Beschaffenheit und
 Bestimmung. Populär dargestellt von Dr. *Ludwig Fel. Ofterdinger*.
 Stuttgart.
 VON DER NATUR oder den Eigenschaften der Flüsse, von dem Ritter
C. Fr. von Wiebeking, Stuttgart.
 DIE FELSSEN-SPRENGUNGEN im Rhein bei Bingen, zur Erweiterung des
 Thalweges im Binger-Loche, von *F. van der Bergh*, königl. preuss.
 Wasserbaumeister. Coblenz.
 LEITFADEN zum Unterrichte in der niedern Mathematik, von *Jul. Weisbach*.
 Leipzig.
 LEHRBUCH der allgemeinen Arithmetik und Algebra, von Dr. *F. Ley*.
 Köln.
 DIE GRUNDSÄTZE nach welchen alle Arten von Dampfmaschinen zu be-
 urtheilen und zu erbauen sind. Ein populäres Hand- und Lehrbuch,
 von *G. A. Verdam*. Aus dem Holländischen von Dr. *Ch. H. Schmidt*.
 Weimar.
 UMRIS PÄDAGOGISCHER VORLESUNGEN. Von *Herbart*. Göttingen.
 WEGWEISER ZUR BILDUNG für Lehrer und die Lehrer werden wollen.
 In Gemeinschaft mit *Bormann, Hentschel, Lüben, Mädler* und *Schubart*
 bearbeitet, und herausgegeben von Dr. *F. W. A. Diesterweg*.
 Essen.
 BIBLISCHE GESCHICHTEN für Schulen, von *Fr. Nösselt*. Breslau.
 BILDUNGS-BIBLIOTHEK für Deutschlands Töchter von einer Gesellschaft
 Gelehrten. In 6 Bänden Herausg. von *G. Eitth*. Augsburg.
 LESEBUCH FÜR HÖHERE TÖCHTERSCHULEN. In drei Curssen, von *Fr.*
Aug. Hoffmann. Halle.

- LEONIDE. Ein Roman, von *Emerentius Scävola*. 4 Bde. Leipzig.
 SECHS ERZÄHLUNGEN. Nachlass von *L. Achim von Arnim*. Berlin.
 T. XIII. — ОТА. VII.

PETER SCHLEMIL'S wundersame Geschichte, mithgetheilt von *Adalbert Chamisso*. 3 Auflage. Nürnberg.

STUNDBILDER oder Deutschlands Arminen und Germanen, in dem Jahren 1830 bis 1833, von *Herm. Forsch.* Hamburg.

LEBEN, THATEN und schreckliches Ende der Brüder Sylvio und Matheo Pellegrini. Eine wahre Begebenheit. Wien.

М О Д Ы

Парижъ. Октябрь.

Парижъ явился въ полномъ блескѣ. Вездѣ блестящія платья, вездѣ золотыя и серебряныя ткани, парчи, штофы, фижмы, великолѣпнѣе и старина. На послѣднихъ празднествахъ въ Версальскомъ дворцѣ, вы увидѣли бы вѣкъ Людовика XV, и даже XIV, въ подлинникѣ. Страсть къ модонамъ временъ прабабушкиныхъ доходить до изступленія. Чѣмъ которая дама глядитъ древнѣе, тѣмъ лучше.

— Ширина юпокъ равняется объему орбиты Галлеевой кометы: для точности мѣры должно сказать, что объемъ этой орбиты заключаетъ въ себѣ 36 разстояній земли отъ солнца. Можно однакожь дѣлать юпки и немножко меньше.

— Общее правило: несмотря на богатство матерій, на золото и серебро, фасонъ долженъ быть очень простъ. Хорошій вкусъ не допускаетъ ни какихъ лишнихъ украшеній. На приложенной картянкѣ изображена талья, самая употребительная: юпки, по ея огромности, не было возможно нарисовать.

— Простота, о которой мы упомянули, особенно примѣчается на шляпкахъ и чепчикахъ. Одно или два пера, закрутыя за ленту, которая опоясываетъ тулью, легкая вѣточка цвѣтковъ и нѣсколько розъ по сторонамъ маленькаго чепчика, немного ленты, вотъ всѣ украшенія. Племя Израилево взяло рѣшительный верхъ въ Парижѣ: все нынче должно быть жидовское, — шляпка à la Juive, лента à la Juif, чепчикъ à la Rébecca, турбанъ à la Rachel, и такъ дѣлѣе. Эта мода такъ могущественна, что мы сами не устояли противъ ея вліянія, и въ нынѣшней книжкѣ Б. для Ч. напечатали длинную статью о жидяхъ. Чтобы сдѣлаться со-

вершенно модными, прекрасныя наши читательницы должны прочесть въ ней хоть объ Ирэдъ. Въ заключеніе, надобно прибавить, что шляпка à la Rachel и чепчикъ à la Rébecca, изъ иллюзіоннаго тюля, находятся на приложенномъ рисункѣ, и суть произведенія мадамъозель Геліодъ*, которая, какъ извѣстно, обладаетъ необыкновеннымъ вкусомъ во всемъ, что касается до шляпокъ, чепчиковъ, турбановъ; сильно чувствуетъ всю ихъ поэзію и судитъ объ нихъ съ надлежащею критикою.

— Турбанъ, изображенный на картинкѣ, называется мусульманскимъ. Этотъ родъ турбана также въ большомъ употребленіи.

— На прически нѣтъ правила: онѣ должны согласоваться съ лицомъ, полнотою тѣла, лѣтами. Тѣ, которыя изображены на картинкѣ, суть самыя милыя изъ новѣйшихъ, и уже выполняются здѣсь, въ Петербургѣ ученымъ профессоромъ волосянаго художества, Лемалемъ, котораго философическая гребенка въ прошедшее лѣто была увѣнчана въ Парижской Академіи Прически за свои творенія. Къ прическамъ этимъ необходимы Французскіе цвѣты: Лемаль привезъ ихъ также изъ Парижа. Не унижая нашей народной промышленности, съ прискорбіемъ надобно признаться, что между этими цвѣтами и здѣшними нѣтъ ни какого сравненія. Даму, которая къ бальной своей прическѣ приколетъ вѣтку Петербургскихъ цвѣтковъ, можно уважать, но проиграть сраженіе можно только противъ головы, убранной Парижскими.

— Въ Парижѣ явился новый родъ плаща, или клока à la Maintenon, но мы не сообщаемъ его ни въ рисунокѣ, ни въ описаніи, потому что онъ не для нашего климата.

— Теперь, говорить ли, или не раздирать сердца и молчать о новыхъ Парижскихъ тканяхъ, лентахъ, матеріяхъ, которыя мы увидимъ только черезъ годъ? Въмѣсто иллюзіоннаго тюля, есть тамъ тюль Арахна, тонкій какъ мысль, съ новымъ фасономъ; вмѣсто кружева, есть кружево кашемировое, одно изъ удивительнѣйшихъ произведеній нашего вѣка; вмѣсто прошлогоднихъ матерій, есть атласъ Роксоланы, для капотовъ и плащей, богатый парчевый ат-

* На Невскомъ проспектѣ, домъ Чаплина.

лась Коринны, атласъ Рахили, божественный атласъ мозжиковый, атласъ хамелеоній, красующійся тысячью цвѣтовъ, гро-де-наплъ съ золотымъ отливомъ, діамантика съ смѣлыми рисунками и яркими цвѣтами, галлсиена, мягкая какъ кашемиръ, пересѣкаемая во всѣхъ направленіяхъ атласными полосами и усѣянная легкими узорами, атласы съ печатными рисунками, золотыми и серебряными, бархатъ Медицейскій, блестящія ленты съ готическимъ рисункомъ, и прочая, и прочая. Наконецъ, вмѣсто модистокъ, есть модисты, и теперь въ Парижѣ говорятъ не *marchande de modes*, но *marchand de modes*: первые модные магазины содержатъ тамъ мужчины, — *Maugibe Bauvais, Herbaut, Baudrant, Hocquet*. Но главная новость въ эту минуту и великолѣпнѣйшая часть наряда, это *Качи*, родъ платка, заимствованный у Американскихъ дикарей. Качи есть квадратный кусокъ бѣлаго кашемира, обшитый кашемировымъ кружевомъ. Выше этого нѣтъ ничего въ мірѣ.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. 1. Свиной вопросъ. Просимъ читателей быть серьезными и внимательными, потому что свиной вопросъ — вопросъ очень важный. Дело идетъ о физиологическо-астрономическихъ опытахъ, предпринятыхъ какимъ-то Г-мъ Паеномъ, на Гренельскомъ Лугу, близъ Парижа, — опытахъ, къ которымъ приглашены были три академика для отвѣдыванія разныхъ сортовъ мяса отъ свиней, выкормленных по новой методѣ свиноводства.

Рѣшеніе этого вопроса требовало величайшей осторожности. Г. Паенъ, человекъ смѣтливый, не удовольствовался своими глубокими свѣдѣніями въ Химіи: онъ призвалъ на помощь тонкія и разборчивыя нѣба академиковъ, всѣ ученые рты, которые пользуются въ гастрономическомъ отношеніи столь же давнею, сколько заслуженною репутаціей. Если Римскій Сенатъ не пренебрегъ заняться изслѣдованіемъ, какой соусъ приличнѣе для вьюшки, то, въ настоящемъ случаѣ, который гораздо поважнѣе, отнюдь не было излишне созвать всѣ отдѣленія Французскаго Института для рѣшенія по голосамъ, какіе именно окороки и сосиски наиболѣе достойны чelовѣчества. Нельзя было придумать ничего надежнѣе этого собранія людей съ умомъ и со вкусомъ, этого вѣбора желудковъ съ дознаннымъ безпристрастіемъ, судилища, въ которомъ засѣдали всѣ ученые «знаменитости» Парижа.

Академія Наукъ, Академія Медицинская и весь врачебный факультетъ отправились въ колбасный магазинъ Г. Паена: Г-ну Мажанди, въ сопровожденіи Гг. Бонафу, Сальвестра, Паранъ-дю-Шамле и другихъ физико-математическихъ и медицинскихъ репутацій, вмѣстѣ со многими посторонними людьми, просвѣщенными многолѣтнимъ жевательнымъ опытомъ, поручено было анализировать свинину въ сосискахъ, колбасахъ, котлетахъ и жареномъ, приготовленныхъ съ особенной разборчивостью для этой интересной экспедиціи.

Въ семь часовъ весь ареопагъ былъ налице; все было готово для великаго испытанія, къ которому каждый приготовился надлежащею діетой, и устраненіемъ всѣхъ суетныхъ помысловъ и наважденій свѣта. Сколько нужно было присутствія духа, чуткости и пронизательности, чтобъ не

попасть въ сѣти, которыя Г. Паепъ нарочно разставилъ ученымъ, желая вѣрнѣе достигнуть свѣтлой истины! Шампанское, романе, эрмитажъ, валь-де-пеньясъ, тинто-ди-рота, — всѣ лучшія вина Французскія, Испанскія и Италіянскія, были употреблены для произведенія оптическаго обмана. Но ученыхъ ничѣмъ не умилостививши, когда представляется имъ случай выказать свои познанія; они выжили вино, и остались по-прежнему строгими критиками. Глубокое безмолвіе царствовало между ними; младшіе выжидали, чтобъ опытная старость произнесла напередъ свое обдуманное мнѣніе.

И нечего удивляться такой благоразумной осторожности. Повторяю вамъ, этотъ вопросъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ: дѣло идетъ о томъ, какія свиньи будутъ господствующими во Франціи, южныя или сѣверныя? будутъ ли похищены у Байонны, у всего южнаго края, у живописныхъ горъ Беарна, гдѣ пасутся такія славныя, жирныя стада свиней, прекраснѣйшая пальма ихъ славы и главнѣйшій источникъ ихъ благосостоянія? Что станется со всеми этими Беарнскими дворянами, которые такъ справедливо гордятся тукомъ своихъ окороковъ, если свиньи Парижскія, эти гордые, падменные, хвастливыя свиньи, прогонятъ, со всѣхъ столовъ, скромныхъ но основательныхъ свиней юга, и если окорока Паена, если свиньи Гренельской равнины, смѣло выставятъ свою лоснящуюся кожу во всѣхъ колбасныхъ лавкахъ обихъ полушарій!

Будущность неисповѣдима; неизвѣстно, что выйдетъ изъ этой великой борьбы, которая возникаетъ между свиньями Грелепа и Байонны; мы еще не знаемъ, одержитъ ли Турецкое пшено и желудъ юга преимущество, надъ физиологическою методою утучненія Г. Паена, или нѣтъ; одво можно сказать съ достовѣрностью, что, по мнѣнію трехъ ученыхъ сословій, въ мірѣ нѣтъ жареной свинины пѣжнѣе, тающе, усладительнѣе и благовоннѣе той, которою Г. Паепъ подчивалъ своихъ почитателей: собраніе въ одинъ голосъ провозгласило ее — безподобною!

Неужли теперь описывать, какимъ образомъ Г. Паепъ воспитывалъ этихъ бѣдныхъ животныхъ для стола съ минуты рожденія ихъ на свѣтъ до самой смерти и до превращенія

въ сосиски, котлеты, колбасы, окороки? Неужли рассказывать, какъ ихъ берутъ отъ кодыбелы, откармливаютъ, чтобы мясо было нежно, утучняютъ такъ, что они наконецъ не могутъ поворотиться съ мѣста, ни подняться съ земли; какъ менѣ чѣмъ въ два мѣсяца вѣсъ ихъ увеличивается болѣе нежели восьмидесятью фунтами; какой приманкой возбуждаютъ въ нихъ аппетитъ до такой степени, что они жирѣютъ на полтора фунта въ сутки, и какъ все это обходится дешевле чѣмъ откормить пулярду? Такія подробности завели бы насъ слишкомъ далеко: довольно будетъ сказать, что свиныя Г-на Паена между прочимъ кормлены были мясомъ кошекъ, крысъ, мышей, собакъ и другихъ плотоядныхъ животныхъ. Теперь не время разсуждать о вліяніи, какое можетъ имѣть родъ корма, и особенно замѣнъ растительнаго животнымъ, на качество мяса, предназначаемыхъ намъ въ пищу. До сихъ поръ казалось, что плотоядныя животныя не годны для нашего стола, но эти новые опыты повидимому убѣждаютъ, что, приготовивъ вареную говядину особеннымъ образомъ, можно сдѣлать ее чрезвычайно пригодною къ корму для травоядныхъ животныхъ и къ сообщенію имъ удивительныхъ свойствъ, физиологическихъ и поваренныхъ. Этотъ важный предметъ вѣроятно будетъ изслѣдованъ Парижскою Врачебною Управой, потому что онъ вполне заслуживаетъ вниманія науки, — и мы обещаемъ возвратиться къ нему при первомъ случаѣ.

2. *Превращеніе газовъ въ жидкости.* Теперь только и говорить въ ученѣмъ свѣтѣ о мнѣномъ открытіи Г-на Тилоріе, которое называютъ открытіемъ единственнымъ, открытіемъ, обогащающимъ науку новымъ фактомъ; которое даетъ намъ небывалаго дѣятеля силы, общааетъ движителя, могущественнѣе паровъ, почти столь же сильнаго какъ порохъ, движителя, котораго нельзя исчислить всѣхъ дѣйствій и предвидѣть всѣхъ приложений, и прочая, и прочая. Словомъ, мы не въ состояніи перечестъ всѣхъ эпитетовъ, которыми Французы, въ своемъ тщеславіи, величаютъ это мнѣное открытіе своего соотечественника, Г-на Тилоріе, извѣстнаго изобрѣтеніемъ гидростатической лампы. Но такъ какъ дѣло идетъ объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ физп-

ческих фактовъ, то мы постараемся объяснить нашимъ читателямъ, изъ-за чего вышелъ весь этотъ шумъ.

Всякому известно, что такое газъ, — вещество, которое, въ естественномъ своемъ состоянiи, находится всегда въ летучемъ или воздухообразномъ видѣ. Легко понять, что это состоянiе, подобно состоянiю всѣхъ другихъ тѣлъ земнаго шара, есть только относительное, зависящее отъ известныхъ условий. Съ измѣненiемъ условий должны измѣниться и различныя состоянiя всѣхъ известныхъ намъ тѣлъ: пусть напримеръ температура нашей атмосферы или самой земли сильно возвысится, тогда тѣла, которыя теперь тверды, могутъ сделаться жидкими, тѣла жидкiя перейдутъ въ состоянiе газа, и такъ далѣе. Свинецъ могъ бы тогда течь, и теперь вода, которая превратилась бы въ легкiй паръ, и даже ртуть вошла бы въ число газовъ нашего воздуха.

Совсѣмъ противоположныя слѣдствiя произойшли бы отъ уменьшенiя теплоты, въ которой мы существуемъ: ртуть окрѣпла бы какъ серебро, вода всегда была бы въ ледяномъ состоянiи, и изъ нея можно было бы строить какъ въ камня; самый воздухъ, при надлежащей степени давленiя и холода, могъ бы потечь жидкостью на поверхности земнаго шара. Если планеты нашей системы—одинакаго состава съ Землею, эти различныя состоянiя тѣла можетъ быть дѣйствительно на нихъ осуществлены, потому что некоторыя планеты, каковы Меркурiй и Венера, гораздо ближе къ солнцу нежели Земля, другiя, каковы Юпитеръ, Сатурнъ и Уранъ, гораздо далѣе отъ этого главнаго источника теплоты.

Такъ, отноудь не удивительно, что человекъ имѣетъ силу измѣнять обыкновенное состоянiе тѣлъ, разнообрази условiя, отъ которыхъ зависитъ это состоянiе. Такимъ образомъ, посредствомъ огня или холода, посредствомъ совокупныхъ дѣйствiй давленiя и охлажденiя, заставляетъ онъ тѣла переходить изъ твердаго состоянiя въ жидкое или въ газообразное; и наоборотъ, посредствомъ огня онъ плавитъ, напримеръ, свинецъ, желѣзо и другiя твердыя вещества; онъ превращаетъ воду и ртуть въ пары; помощью холода замораживаетъ воду, сгущаетъ паръ, приводитъ его въ капельно-жидкое состоянiе.

Эти перемѣны въ состояніяхъ тѣлъ доставляютъ человеку весьма сильныхъ двигателей, которыми онъ увеличиваетъ свои средства и свое могущество. Посланный переходъ воды въ состояніе пара и въ состояніе жидкости, ея чередующееся паротвореніе и сгущеніе, служатъ ему для подъема такъ огромныхъ поршней, для приведенія въ ходъ такъ могучихъ машинъ, которыми закрываются милліоны работниковъ и которыя носятъ его съ такой дивной скоростью по морямъ и по желѣзнымъ дорогамъ.

Внезапное воспламененіе пороха, то есть, мгновенное расширеніе твердаго тѣла, превращающагося въ газъ и слагающагося занять въ нѣсколько сотъ разъ болѣе пространства то, въ которомъ оно заключалось до воспламененія, производитъ страшные толчки, такъ грозно употребляемые человекомъ въ военное время.

Смерть-того, черезъ быстрый переходъ жидкаго тѣла въ газообразность получаютъ искусственные колода, понижающіе термометръ на шестьдесятъ, на восемьдесятъ, даже на сто градусовъ отъ точки замерзанія. Газообразное тѣло не можетъ превратиться въ жидкость, не утративъ огромнаго количества собственной ему теплоты, и также не можетъ перейти въ состояніе газа, не поглотивъ всей теплоты, которую изъ себя освободило. Эту теплоту отнимаетъ оно у всѣхъ тѣлъ, приводимыхъ съ нимъ въ соприкосновеніе: такъ П. Бюсси успѣлъ заморозить ртуть въ стеклянномъ пузырькѣ, направивъ на него струю свѣрнато кислаго газа въ то мгновеніе, какъ этотъ газъ вырвался изъ сосуда, гдѣ его удерживали въ жидкомъ состояніи.

Твердое или жидкое тѣло, мгновенно превращенное въ паръ и потомъ опять сгущенное, или газообразное тѣло, превращенное въ жидкость и всегда готовое быстро воспріять прежнее свое состояніе, составляютъ такимъ образомъ въ рукахъ человека могущественнѣйшихъ двигателей, особыхъ къ произведенію безчисленныхъ работъ по его воли. Что касается до приложенія этихъ средствъ къ потребностямъ и нуждамъ промышленности, то вся тайна здѣсь въ томъ, чтобъ совершать превращенія какъ-можно дешевле и быть надъ ними полнымъ властелиномъ.

Этого достигли мы въ отношеніи къ пороху и особенно

въ отношеніи къ парамъ. Но положимъ, что мы успѣли о-
жидить газъ, который обильно разлитъ въ природѣ, что
мы можемъ удерживать его въ надлежащихъ снарядахъ, у-
правлять его дѣйствиємъ, наконецъ употреблать его для
произведенія тѣхъ правильныхъ и плавныхъ движеній, ко-
торымъ мы движемся въ паровыхъ машинахъ при нынѣш-
немъ ихъ усовершенствованіи, и мы тотчасъ достигнемъ всю
пользу, какую можно будетъ извлечь изъ подобнаго откры-
тія. Не нужно ни огня, ни издержекъ на топливо для пре-
веденія этой силы въ дѣйствіе; стоитъ лишь дать ей сво-
боду, и она устранитъ всякое препятствіе, одолѣетъ всякое
сопротивленіе. Такой дѣятель былъ бы всегда и вездѣ у-
 насъ въ распоряженіи, — вдали отъ лѣсовъ и отъ угольныхъ
копей, среди пустынь и морей, на заводѣ и на фабрикѣ.

Эта великая задача конечно еще далека отъ разрѣшенія.
Между-тѣмъ Г. Тилоріе успѣлъ получить нѣсколько буты-
локъ углекислаго газа въ жидкомъ состояніи; этого газа,
котораго вездѣ такъ много въ природѣ, — въ воздухѣ, ко-
рымъ мы дышимъ, — въ топливѣ, — въ шампанскомъ, которое
мы пьемъ, — въ известковомъ камнѣ, который образуетъ о-
громныя горы; и этотъ успѣхъ есть случай чрезвычайно любо-
пытный и важный. Ученые Французскаго Института тотчасъ
послѣдствовали къ Г. Тилоріе, чтобъ посмотреть на производ-
ство его опытовъ, и, правду сказать, надобно было торже-
ствоваться, потому что такого гостя совсѣмъ неудобно держать
при себѣ: нѣсколько бутылокъ углекислаго газа въ жидкомъ
состояніи достаточны для того, чтобы, при маленькой нео-
сторожности, взорвать цѣлую часть Парижа.

Коммиссія Института, въ которой участвовалъ и Г. Те-
наръ, подтвердила справедливость фактовъ, изложенныхъ Г.
Тилоріе; она удостовѣрилась, что часть этого газа даже отвер-
дѣла; она имѣла случай насладиться страннымъ зрѣлищемъ ку-
ска углекислаго газа, твердаго какъ ледъ, но ускользавшаго
изъ рукъ въ газообразномъ состояніи. Она воспользовалась
этимъ случаемъ для изученія всѣхъ свойствъ газа и замѣ-
тила, что въ нѣкоторой степени онъ не повинуется пра-
вильному закону сгущенія, выведенному Мариоттомъ. Онъ
становится жидкимъ на точкѣ замерзанія, подъ давленіемъ
тридцати шести атмосферъ, и твердѣетъ при температурѣ

ста градусовъ ниже точки замерзанія. Почти не нужно замѣчать, что градусы здѣсь показаны по сотенному, или Цельсіеву, термометру, котораго дѣленія содержатся къ употребительнымъ у насъ Реомюровымъ какъ 5 къ 4.

Этотъ опытъ въ самомъ дѣлѣ очень любопытенъ; но надобно быть тщеславнымъ до чрезвычайности и сверхъ-того немного несправедливымъ, чтобъ дѣлать такой шумъ объ открытіи, которое вовсе не открытіе, и приписывать себѣ честь перваго успѣха, тогда какъ другіе имѣють на него десятикратное право. Не знаемъ, многіе ли изъ нашихъ читателей обращали вниманіе на опыты генерала Перкинса, но дѣло въ томъ, что гораздо прежде Г. Тилоріе, еще въ 1826 году онъ сгущалъ газы и между прочимъ тотъ самый углекислый газъ. Г. Фаредѣ получилъ такой же результатъ въ 1823 году. Такъ какъ и великіе ученые не хотятъ объ этомъ вспомнить, мы изложимъ здѣсь въ немногихъ словахъ опыты генерала Перкинса въ томъ видѣ, въ какомъ сообщали ихъ повременные Англійскіе журналы.

Г. Перкинсъ устроилъ машину, производившую страшное давленіе, около сорока тысячъ фунтовъ на каждый квадратный дюймъ, и первое ея испытаніе увѣчалось открытіемъ, чрезвычайно важнымъ для науки: прежде обыкновенно считали воду несжимаемою; однако жъ подъ тяжестью двухъ тысячъ атмосферъ, двѣнадцать кубическихъ дюймовъ воды сжались въ одиннадцать.

Сгущенная уксусная кислота была подвергнута давленію тысячи ста атмосферъ: она ссверновалась почти совершенно. Давленія пяти сотъ атмосферъ было достаточно для соединенія воды съ одинаковымъ количествомъ воздуха. Нѣсколько сильнѣйшее давленіе превратило воздухъ въ капельную жидкость, но онъ рѣдѣлъ и улетучивался по мѣрѣ уменьшенія сжимающей силы. Подвергая давленію разныя газы, генералъ Перкинсъ сжалъ углекислый газъ въ водообразную жидкость подъ тяжестью тридцати шести атмосферъ, — степень давленія, опредѣляемая и Г. Тилоріе, — а подъ сорока атмосферами углеводородный газъ начиналъ переходить въ капельно-жидкое состояніе; двѣсти тысячъ двухъ сотъ атмосферъ превратило въ жидкость всю его массу.

3. *Обращеніе кометъ около ихъ оси.* До сихъ поръ еще

неизвѣстно, обращаются ли кометы около самихъ себя. Для удостовѣренія въ этомъ, надлежало бы замѣтить на поверхности этихъ тѣлъ какую-нибудь точку, на которой могло бы остановиться вниманіе астронома для наблюденія ея истонзавненій; но мы еще не дошли до этого посредствомъ орудій, которыя доселѣ употребляли. Известно однако жъ, что такимъ образомъ опредѣлено круговращательное движеніе солнца: замѣтили, что темныя пятна, существующія на поверхности этого свѣтила, занимаютъ въ послѣдательномъ порядкѣ разныя точки его диска, и наблюденіе дозволило заключить, что солнце не бездвижно на своей оси, что оно обращается около самого себя.

Г. Араго, наблюдая блаженной памяти Галлеву комету посредствомъ инструментовъ, довольно сильныхъ для того, чтобъ ясно видѣть ея тѣло, освобожденное отъ свѣтисой атмосферы, которою оно окружено, замѣтилъ нѣсколько точекъ, блестящихъ прочей поверхности и расположенныхъ въ видѣ треугольника насупротивъ хвоста. На другой день онѣ уже исчезли и замѣнились другими, которыхъ не было видно наканунѣ: эти новыя свѣтлыя точки, заключающія въ себя отрезокъ круга около ста десяти градусовъ, занимали другую часть кометы. Любопытно было возобновить наблюденіе въ слѣдующіе дни, чтобъ удостовѣриться въ положеніи свѣтисыхъ точекъ, но туманная погода не дозволила этого знаменитому Французскому астроному.

Не достасть еще того, чтобъ эта дрянная, безхвостая комета, прозрачная какъ стаканъ, обращалась на своей оси! Рѣшительно, пришелъ конецъ свѣту.

4. *Температура одинаковыхъ часовъ.* Г. Араго сообщилъ Академіи вѣдомости метеорологическихъ наблюденій, введенныхъ съ большою тщательностью и удивительнымъ постоянствомъ съ часа на часъ въ теченіе цѣлаго года, въ Вестмалін. Этими вѣдомостями обязаны Г-ну советнику Бруцу: изъ его наблюденій, въ которыхъ стояніе термометра записывалось ежечасно, выходитъ, что средняя температура того мѣста, гдѣ они производились, равняется 7 градусамъ,

7 десятыхъ. Любопытно было воспользоваться такою огромною массою фактовъ для опредѣленія часа, въ который наблюденіе даетъ среднюю температуру, такъ, чтобъ одно это наблюденіе могло замѣнять все другія. Въ восемь часовъ утра термометръ показываетъ среднюю температуру въ 7 градусовъ, 7 десятыхъ. Этимъ подтвердилось предположеніе Г-на Араго, что сложность температуръ одинаковыкъ часовъ дня и ночи даетъ, при раздѣленіи ея по-поламъ, среднюю изъ температуру: такъ, напримѣръ, температуры полудни и полдня, часа утра и часа по полудни, двухъ часовъ ночи и двухъ часовъ дня, и такъ далѣе, въ настоящемъ случаѣ составляютъ вмѣстѣ около четырнадцати градусовъ, или около семи для каждаго часа поровнь.

ИСПОЛНИНСКІЙ ПАУКЪ. Пауки растутъ довольно медленно, но рождаются въ совершенномъ состояніи и не претерпѣваютъ ни какого превращенія. Иногда они вылупляются только съ шестью лапками; остальная пара прирастаетъ при первомъ линяннѣ; у нѣкоторыхъ родовъ пауковъ это совершается еще въ коконѣ; у другихъ, они до этого времени сидятъ на спинѣ у матери; но это слѣдствія простаго линянна. Чрезвычайная прожорливость, которою отличается большая часть пауковъ, не позволяетъ имъ жить въ обществѣ, потому что они не щадятъ другъ друга и даже со страхомъ сближаются при совокупленіи: иногда, отъ излишней-ли страсти, или отъ непреоборимаго голода, любовникъ съѣдаетъ свою милую. Между тѣмъ нѣкоторыя породы пауковъ въ это время живутъ въ обществѣ и, повидимому, вмѣстѣ ткуть паутину. Въ Америкѣ и на Мысѣ Доброй Надежды водится паукъ австральскій, яшмово-бурого цвѣта, съ короткими и толстыми членами, которые покрыты рѣдкою шерстью; онъ гоняется за птицами и укушеніе его бываетъ иногда опасно для человека. Докторъ Моретанъ недавно открылъ въ лѣсахъ Австраліи новую породу, еще крупнѣе. Этотъ паукъ бываетъ девяти дюймовъ въ ширину и походитъ на морскаго рака; у него шесть лапъ и шесть глазъ; тѣло его нечистаго сѣраго цвѣта, съ красными полосами и пятнышками; животь рыжеватый.

Этой породы пауки любятъ мѣста сырыя и болотистыя; они живутъ въ старыхъ сплахъ гнилыхъ деревьевъ, въ которыхъ они выкапываютъ себѣ углубленія дюймовъ въ шесть въ діаметрѣ, грубо выложенныя какимъ-то веществомъ, похожимъ на древесную губку. Эти пауки, какъ кажется, живутъ и на сушѣ и въ водѣ. Я неразъ видывалъ, говоритъ Моретанъ, какъ они спускались съ деревьевъ, которыя служили имъ убѣжищемъ, осторожно входили съ болото и погружались до самаго дна, гдѣ оставались иногда не менѣе получаса и выносили оттуда небольшихъ рыбокъ, личинокъ или крупныхъ червей. Я не знаю животнаго отвратительнѣе этого; въ задней части головы находится съ каждой стороны по три глаза, черныхъ въ срединѣ, кровавыхъ по краямъ; отъ нижней части идутъ чрезвычайно сильныя щупальцы, которыми паукъ ломаетъ тростникъ, выдерживаетъ съ корнемъ траву и даже перерѣзываетъ древесныя вѣтки.

ТЕАТРЪ НЫНѢШНЕЙ ВОЙНЫ ВЪ ИСПАНІИ. 2. *Законы, нравы и обычаи Басковъ и Наварцевъ.* Баски, или Васконгады, разселились широко по обѣ стороны Пиренеевъ. Въ южной Франціи живутъ они до самой Гасконьи, которая отъ нихъ и получила свое названіе. Вильгельмъ Гумбольдтъ, разбиравшій нарѣчіе Басковъ, почитаетъ его первобытнымъ языкомъ.

Испанскіе Баски, или Бискайцы,—люди атлетическаго вида. Они не такъ рослы какъ широкоплечи, но сильны, дѣятельны, равно способны къ напряженному труду и къ перенесенію усталости, проворны, смѣтливы и вообще долговѣчны. Въ духѣ промышленности Бискайцы далеко превосходятъ все другія племена, живущія на Пиренейскомъ полуостровѣ. Обладая умомъ, смышленностью, твердымъ духомъ и терпѣніемъ, которые составляютъ лучшія черты Испанскаго характера, они чужды той безпечности, важности и чопорности, которыя портятъ этотъ характеръ. Они гордятся славою предковъ и своими древними преимуществами. Нравъ у нихъ до чрезвычайности живой; духъ независимости и отваги царствуетъ между ними: будучи храбры, воинственны и опыты въ боевомъ дѣлѣ, они въ теченіи

ніе въковъ умѣли поддержать эту независимость и неразъ возставали на утѣснителей ихъ провинціи. Честь и честность у нихъ ненарушима; законы гостепріимства почитаются священными. Энтузіазмъ и романтическая вѣрность, свойственная такому состоянію общества отличаютъ эти горныя племена. Многіе изображали ихъ очень похожими на Ирландцевъ, но общій этимъ двумъ народамъ Кельтійскій характеръ согрѣтъ и закаленъ въ Бискаіѣ знойными лучами южнаго солнца.

До совокупленія всѣхъ областей, составляющихъ Испанскую монархію, каждая изъ нихъ была особеннымъ королевствомъ, имѣла свое законодательство и свое гражданское управленіе. Впослѣдствіи существовали въ нихъ правительствующія областныя судилища,—фуэросы Кастиліи, фуэросы Валенсіи, какъ во Франціи парламенты Руанскій и Бордоскій. Эти мѣстныя собранія, или суды, *fueros*, *cortes*, какъ называли ихъ Испанцы, очень долго удерживались въ силѣ; но императоръ Карлъ V довершилъ ихъ паденіе, приготовленное рѣшительными мѣрами кардинала Хименеса. Письменные памятники ихъ совѣщаній представляютъ самую живую картину древнихъ нравовъ. Старшинство по времени принадлежитъ фуэросамъ въ Хакъ (Жаса), маленькомъ городкѣ на границѣ Наварры съ Аррагономъ. Законы этой маленькой общины были зерномъ, изъ котораго развились потомъ государственныя учрежденія Аррагонскаго королевства.

Грамматы на составленіе общинъ и правительствующихъ судилищъ выдавались христіанскими завоевателями по мѣрѣ исторженія городовъ и областей изъ рукъ ненавистныхъ Мавровъ. Эти грамматы были только возобновленіемъ Готескихъ уставовъ, господствовавшихъ до Сарацинскаго владычества. Но здѣсь представляется особенность Бискайскихъ законовъ, которою они различаются съ постановленіями Аррагона и всѣхъ прочихъ областей Испаніи: фуэросы Бискаіи почитаются установленіемъ народа, который обладалъ полуостровомъ до вторженія Готевъ и сохранилъ въ горахъ чистоту своей крови безъ примѣси завоевателей. Политическое учрежденіе Бискайцевъ имѣетъ много общаго съ Готескою системою властей, но отличается тѣмъ, что ду-

ховенство лишено всякаго прямого вліянія на изданіе законовъ. Вообще этотъ народъ считаетъ себя независимымъ отъ Испанскаго правленія, и общаго монарха признаетъ не королемъ, а только господаремъ Бискаіи. Область имѣетъ свою правительственную юнту, которая состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ городами и сословіями.

Чтобъ объяснить себѣ состояніе тамошняго общества, необходимо принять въ расчетъ раздѣленіе помѣстной собственности, положеніе землевладѣтелей и то примѣчательное вліяніе, какое имѣютъ они на поселянъ. Власть Бискайскихъ господъ, или старшинъ, основана не на богатствѣ и доводахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, не на узаконенныхъ правахъ вассальства, какъ въ прежнихъ феодальныхъ государствахъ, а на стародавнейшій преданіи, на незапамятномъ владѣніи, которое, сильнѣе всякаго закона, укрѣпляетъ за ними все преимущество власти и знатности. Здѣшнимъ мелкимъ помѣщикамъ нечѣмъ больше гордиться кромѣ предковъ и древности происхожденія, и нельзя себѣ представить какое преимущество сопряжено съ этимъ родовымъ отличіемъ. Крутизы Бискаіи и Алавы покрыты обрушенными башнями, развалинами замковъ и горныхъ крѣпостей, съ которыхъ Бискайскіе дворяне постигались некогда Готамъ и Сарацинамъ. Эти памятники связаны со множествомъ преданій; это живые гербы здѣшнихъ гвельфовъ, и обладаніе одной такой развалиной, *casa solar*, доказываетъ древность рода лучше всѣхъ грамматъ на земномъ шарѣ. Хозяинъ развалины почитается чуть не царемъ; самые отдаленные его родственники смотрятъ на него съ подобострастіемъ, какъ на старѣйшину поколѣнія, и всѣми неправдами приплещаются къ нему въ родство хотя по боковымъ линіямъ.

Это состояніе общества и сильное чувство взаимныхъ связей, которымъ оно одушевлено, гораздо проще и древнѣе феодальной системы. Замѣчательно, что даже успѣхи промышленности и торговли ни сколько не поколебали этихъ патриархальныхъ отношеній, и не ослабили естественныхъ узъ, которыми искони связаны между собою всѣ поколѣнія. Бискайскія области освобождены отъ разорительной *месты*, или права, которымъ пользуются владѣтели меринисовъ, пасти стада на чужихъ лугахъ. Не

смотря на то, земледѣліе и вообще сельское хозяйство не процвѣтаетъ здѣсь въ большомъ размѣрѣ, потому что закономъ о неотчуждѣмости и нераздѣльности родовыхъ имѣній, чрезвычайна стѣсняетъ употребленіе капиталовъ.

Послѣ безпредѣльной привязанности къ уставамъ и обычаямъ предковъ, другая отличительная черта Бискайцевъ есть суевѣріе. Сколько Испанія превосходитъ въ этомъ отношеніи другія католическія земли, столько Бискаія превосходитъ всѣ прочія области Испаніи. Нигдѣ самыя пустыя обряды и самыя баснословныя преданія не имѣютъ такой силы и не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ у Бискайцевъ, потому что все это связано съ ихъ народнымъ бытомъ и хранится вмѣстѣ съ другими повѣрьями какъ вѣковая святыня. Тѣмъ не менѣе справедливо, что ученіе католической Церкви сохранилось здѣсь во всей его чистотѣ: благодаря особенностямъ своего нарѣчія, Бискайцы, отдаленные отъ другихъ народовъ, даже и не знаютъ, что такое ересь, и питаютъ къ духовенству и къ монашескимъ орденамъ безпредѣльное уваженіе. Духовные здѣсь не только пастыри, но и друзья частныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нимъ за совѣтами въ горахъ; в народѣ, находя всегда сочувствіе и радушный приѣмъ, охотно повинуются внушеніямъ своихъ наставниковъ. Извѣстно, что когда донъ Карлосъ появился въ Бискаію, тамошнее духовенство тотчасъ успѣло воспламенить жителей въ его пользу, и монахи въ одеждахъ герильасовъ истребили Кристиносозъ въ тѣсныхъ Гипусконъ.

Однако жъ несправедливо было бы думать, что храбрые Бискайцы сражаются только по внушенію духовенства и за права своего вождя; напротивъ, подъ начальствомъ донъ Карлоса, они отстаиваютъ свои древнія преимущества, которымъ либералы угрожаютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что уничтоженіе ихъ необходимо для общаго блага, которое разольется посредствомъ ихъ законовъ. Конечно, бывають случаи, что общаго блага требуетъ частныхъ жертвовацій но когда эта польза существуетъ только во мнѣніи нѣсколькихъ горячихъ головъ, тогда нельзя не пожалѣть о судьбѣ добраго и мужественнаго народа, котораго тысяче-

лѣтній бытъ обрекается въ очистительную жертву этому мнѣнію.

МАСКИ. При наступленіи маскарадовъ, люди, которые обсуживаютъ все съ основательностью и любятъ восходить до начала вещей, не могутъ быть равнодушны къ исторіи этого увеселенія, тѣмъ болѣе, что оно такъ часто имъ надвѣдаетъ. Тѣ, кому извѣстенъ Арабскій языкъ, обладаютъ неизъяснимымъ удовольствіемъ знать, что слово «маска», *масхара*, *масаса*, *масшега*, взято изъ этого языка, на которомъ оно значить — дураченье, дурачество. *Масхарою* Аравтяне называли огромный носъ изъ тѣста, который паяцы налѣпляютъ себѣ на природный, для возбужденія смѣха въ ротозвѣяхъ. Первые маски употреблялись въ Испаніи и Италіи почти съ тою же цѣлію шалунами, во время необузданной веселости карнаваловъ. Въ XIV вѣкѣ бывали уже въ Европѣ собранія маскированныхъ мужчинъ и женщинъ, но страсть къ маскарадамъ, ихъ великолѣпіе и утонченность принадлежатъ къ позднѣйшему времени. Въ XVII столѣтіи масками назывались въ Англіи драматическія интермедіи, смѣсь пантомимы съ разговорными сценами, представленія, въ которыхъ, болѣе или менѣе остроумно, совокупались все очарованія подражательныхъ искусствъ,— поэзія, живопись, музыка, пѣнія, пляски, со всеми чудесами механизма, и это въ ту самую пору, когда превосходнѣйшія творенія Шекспира и его соперниковъ игрались только въ старыхъ сараяхъ и амбарахъ. Шекспиръ писалъ свои пьесы для народа, а маски сочинялись только для придворныхъ представленій. Шекспиръ скромно высылалъ Пролога, необходимое тогда лице, съ просьбою къ публикѣ вообразить себѣ великолѣпный дворецъ вмѣсто испачканнаго пола и считать трехъ фигурантовъ въ лохмотьяхъ за блестящую и многочисленную свиту. Но придворные, люди хорошаго тона, находили истинное наслажденіе только въ маскахъ. Одно такое представленіе становилось до ста тысячъ рублей, а если въ немъ было что-нибудь особенное, то вдвое и втрое дороже.

Маски можно почитать переходомъ отъ *солтій* и *мистерій* среднихъ вѣковъ къ новѣйшимъ театральнымъ произве-

деніямъ. Онѣ блистали уже при пышномъ дворѣ Генриха VIII, но высшей степени великолѣшія достигли при Іаковѣ I, когда королева Анна пригласила, къ участию въ нихъ, красивѣйшихъ собою дамъ и лордовъ своего двора. Будучи родомъ изъ Даніи и плохо разумѣя Англійскіе стихи, она старалась сообщить маскамъ наружную занимательность, и для этого прибѣгала къ помощи другихъ искусствъ. Лордъ Беконъ, постоянный сотрудникъ ея въ театральныхъ затѣяхъ, говоритъ, что маски сочинялись для государей и игрались государями. Людовикъ XIV только подражалъ въ этомъ отношеніи Англійскому двору. Король и королева раздѣляли роли съ знатнѣйшимъ дворянствомъ, и честь быть въ числѣ дѣйствующихъ лицъ цѣнилась такъ высоко, что комитетъ придворныхъ увеселеній, составленный изъ лорда Бекона, юриста Вайтлока и многоученаго Сельдена, однажды совсѣмъ было разстроился по случаю спора, возникшаго между членами насчетъ того, кому итти первому въ свѣтъ какого-то мноолическаго божества. Рѣшились кончить дѣло жребіемъ, и кажется лордъ Беконъ имѣлъ счастье отличиться впереди своихъ уничиженныхъ товарищей. Поэтъ Бенъ Джонсонъ и архитекторъ-декораторъ Иниго Джонсъ поссорились за преимущество участія въ составленіи одной маски и остались врагами до могилы. Подобное явленіе возобновилось недавно во Франціи; но тутъ дѣло шла о мелодрамѣ въ девяти актахъ: девять актовъ въ самой вещи не бездѣлица.

Лучшія маски были Бенъ-Джонсоповы. Здѣсь видите вы не педанта, который писалъ Сяна или Катилину и примѣривалъ каждый шагъ свой къ образцамъ древности и къ неподвижнымъ формамъ готовой системы: въ маскахъ онь человекъ свѣтскій и вмѣстѣ великій лирической поэтъ, разнообразный, легкій, прихотливый и повременамъ исполненный высокаго вдохновенія; здѣсь открывается цѣлый міръ волшебства и фантастическихъ созданій, которыхъ поэзія можетъ стать на ряду съ изящнѣйшими грезами Шекспира въ его «Буря» и его «Снъ въ Ивановскую ночь».

Бенъ-Джонсонъ изобрѣлъ еще анти-маски, или пародіи масокъ, въ которыхъ, для большаго разнообразія, тѣ же предметы являлись наизнанку. Тутъ играли уже артисты

низваго разряда, то есть, настоящие актеры съ присягою камеръ-лакеей. Чтобы дать болѣе опредѣлительное понятие о представленіяхъ этого рода, выпишемъ содержаніе одной или двухъ масокъ придворнаго драматурга.

Первая, подъ заглавіемъ «Черюта», представлена была въ Крещенье 1605 года. Дѣйствіе въ Нигриціи. Заванъсь подымается: вы видите край, поросшій лѣсомъ; ночь; море шумитъ, повременамъ находятъ волны и разбиваются о скалы. Являются шесть тритоновъ, по поясъ въ видѣ людей, но съ голубыми волосами; тѣло ихъ оканчивается рыбьимъ хвостомъ. Они вторятъ звукомъ раковинъ пѣнію двухъ сиренъ. Между ними и сиренами плывутъ два бегемота «естественной величины», на которыхъ ѣдутъ Океанъ и рѣка Нигерь. Океанъ — человекъ какъ и всѣ, только синеватаго цвѣта; на немъ свѣтло-зеленая мантия. Голова у него съ рогами, въ вѣнкѣ изъ разныхъ морскихъ травъ; волосы и борода белые; въ рукъ трезубецъ. Нигерь черенъ какъ арапъ, со включенными волосами, съ голубымъ плащемъ на плечахъ, съ жемчугомъ на лбу, на шеѣ и на рукахъ и въ вѣнкѣ изъ тростнику.

За Океаномъ и Нигеромъ тянутся дѣйствующія лица маски, тавриецъ, — двенадцать черныхъ нимфъ, дочекъ Нигера, сопровождаемыхъ дюжиною дочерей Океана и Фетиды, которыя служатъ имъ дружками: каждое главное лице въ Маскѣ имѣло при себѣ дружку. Сама королева, графиня Бедфордъ, леди Гербертъ и другія знатнѣйшія дамы представляютъ дочерей Нигера. Онѣ являются въ огромной раковинѣ, сдѣланной подъ перламутръ и тихо разсѣкающей волны; по обѣимъ сторонамъ этого корабля плывутъ шесть страшныхъ морскихъ чудовищъ и несутъ на спинѣ двенадцать дружекъ, каждую въ различномъ положеніи. Дочери Нигера — въ лазоревыхъ съ серебромъ туникахъ, и съ жемчугомъ въ волосахъ, а плечи ихъ украшены драгоценными камнями, которые всего лучше блестятъ на черномъ. На дружкахъ зеленая платье съ развѣвающимися шарфами изъ золотой и серебряной ткани; волосы у нихъ распущены, на головахъ вѣнки изъ морскихъ травъ пополамъ съ кораллами.

По окончаніи пѣсни сиренъ и тритоновъ, Океанъ сир-

шивает сына своего Нигера, зачѣмъ онъ такъ далеко на западъ? Тотъ отвѣчаетъ, что его дочеря прочла по-несчастію въ какихъ-то стихахъ, что настоящая красота—блвая; спрашивали оракула, какъ-бы имъ поблвать, и онъ паучилъ ихъ отправиться для этого на одинъ островъ, котораго имя кончится на *таніа*. Разумвется, что дѣло идетъ о Великобританіи: Океанъ пышно расхваливаетъ этотъ островъ, какъ вдругъ для подтвержденія его словъ и для освѣщенія дороги, является Луна, на серебряномъ пирамидальномъ тронѣ; вся въ блвомъ, съ свѣтиломъ на головѣ, отъ котораго тотчасъ становится виднымъ голубое небо, усыпанное звездами. Луна рассказываетъ самыя милыя вещи, сирены и тритоны поютъ хоромъ, и весь чернѣй караванъ радостно пускается къ счастливому острову, гдѣ такъ легко дѣлають черное блвымъ.

Маска Красоты была продолженіемъ, или второю частью, маски Черноты. Къ двѣнадцати дочерамъ Нигера присоединяются еще четыре, которымъ тоже захотѣлось поблвать; Луна наговорила имъ, что страна близны, Англія,—бриллиантъ, достойный блествъ въ перстнѣ вселенной. Когда онъ приближаются къ сѣверу, поэтъ выводитъ имъ навстрѣчу старика Борея въ одеждѣ изъ пожелтввшихъ листьевъ, съ щетинистою бородою, съ крыльями въ ледяныхъ сосулькахъ и съ увядшей, заневѣмой вѣткою въ рукѣ. Январь сидитъ на серебряномъ тронѣ, окруженный всеми мнѣологическими принадлежностями. Разговоръ эгихъ двухъ зимнихъ божествъ составляетъ изложеніе второй части драмы. Вдругъ приходитъ вѣтеръ Волтурнъ въ голубой мантии, волнующейся какъ у Борея; но Волтурнъ гораздо смиреннѣй его на видѣ. На головѣ у него огненный шаръ, — признакъ, что онъ пожаловалъ съ Востока, — лице его черно, крылья пестрвють множествомъ цвѣтовъ: онъ пришелъ доложить, что искомый островъ уже найденъ. И въ самомъ дѣлѣ островъ показывается въ отдаленіи; посреди его тронъ Красоты, въ чудесномъ убранствѣ, съ Коринтскими и Іонійскими колоннами, а промежъ нихъ сидятъ шестнадцать прекрасныхъ Эіонокъ, которыя ужъ успѣли поблвать. Здѣсь все атрибуты красоты олицетворяются въ живыхъ проображеніяхъ: Блескъ въ видѣ малень-

каго генія, одѣтаго въ огненнѣйшей ткани съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ; Ясность въ лазоревой одеждѣ, Радость въ разноцвѣтной, и такъ далѣе. Всего милѣе въ этомъ спектаклѣ была армія Куиндончиковъ, которыхъ представляли прекраснѣйшія собою и знатнѣйшія родомъ дѣти въ королевствѣ. Однако жъ ничто не могло затмить дочерей Нигера: на нихъ было столько драгоценностей, что, по словамъ Бенъ-Джонсона, тронъ, гдѣ онѣ сидѣли, казался лучезарнымъ свѣтломъ. Островъ плавалъ на водѣ; тронъ имѣлъ особенное вращательное движеніе отъ востока къ западу, а глубина сцены представляла совершенное подобіе неба со всеми созвздіями и планетами. Объясняя свое превращеніе, дамы начали танцы; Амуры, Вѣтры, Мѣсяцы, Темза и прочая, вмѣшивались въ балетъ, и онъ такъ понравился королю своей великолѣпной постановкою, что приказано было представить его тутъ же еще разъ, какъ скоро танцовщицы и танцовщицы немножко отдохнули.

Въ другихъ Маскахъ Бенъ-Джонсонъ выводилъ одицетворенія добродѣтелей и пороковъ: здѣсь Истина танцуетъ у него англесъ съ Зablужденіемъ и Тщеславіемъ; тамъ Невѣжество, Подозрѣніе, Легковѣрность отличаются въ видѣ адскихъ вѣдьмъ. Маску Царицъ, въ которой дѣйствуютъ эти вѣдьмы, многіе считали подражаніемъ знаменитымъ Шекспировскимъ сценамъ въ Макбетъ; но это доказываетъ только, что многіе судятъ о Шекспирѣ и Бенъ-Джонсонѣ, не читая ни того ни другаго за недостаткомъ.

По смерти Бенъ-Джонсона, маска рѣшительно стала упадать, несмотря на усилія Ингто Джонса поддержать ее въ первобытномъ блескѣ. Изъ позднѣйшихъ произведеній этого рода известны нѣсколько масокъ Кемпона, Кокусъ Милтона, исполненный поэтъ, и Калисто Кроуна, гдѣ ее очень мало.

Когда поэзія оставила этотъ родъ увеселенія, маскарады мало-по-малу возвратились къ тому, чѣмъ они всегда были въ Италіи, гдѣ главная цѣль маски состояла въ томъ, чтобы предоставить супругамъ, находящимся въ одномъ и томъ же обществѣ, свободу дѣйствовать независимо и не вѣшать одинъ другому.

ЧТО ТАКОЕ ЛОНДОНСКИЙ ЛОРДЪ-МЕРЪ Самый странный остатокъ времени феодалности есть безъ-сомнѣнія Лондонскій голова, или бургомистръ. Званіе лорда мера въ Лондонѣ существуетъ исторически съ тринадцатаго столѣтія. Въ 1214 году Великая Хартія короля Іоанна-Безземельнаго утвердила за гражданами столицы право избирать лорда-мера ежегодно; по первый, котораго они выбрали, — по имени Генри Физъ-Альвинъ, — оставался въ этой должности двадцать три года безъмѣрно. Продолжительное управленіе Физъ-Альвина дало ему средство припорочить власть къ потребностямъ города лучше, нежели могли бы успѣть въ томъ переживные правители.

Каждый кандидатъ на мѣсто лорда-мера долженъ быть свободнымъ членомъ одной изъ двѣнадцати главныхъ корпорацій, или цеховъ, города и побывать прежде въ званіи шерифа; отсюда народная поговорка — «Онъ мѣтитъ въ меры, не бывши шерифомъ», то есть, домогается чего-нибудь не по заслугамъ. Сверхъ-того необходимо, чтобы во время выборовъ кандидатъ отправлялъ должность альдермена въ одной изъ городскихъ частей. Эта постепенность служить доказательствомъ, что онъ довольно богатъ и довольно способенъ для-того, чтобы нести первую городскую обязанность какъ слѣдуетъ.

Избраніе лорда-мера происходитъ въ ратушѣ, Guildhall. Сюда-то стекаются въ Михайловъ день всѣ корпораціи подъ предсѣдательство шерифовъ. Въ кандидаты предлагаются по старшинству альдермены, бывшіе шерифами. Корпораціи даютъ голоса, подымая руку, и два кандидата, которые соберутъ ихъ наиболѣе въ свою пользу, представляются на окончательный выборъ альдерменамъ. Однако жъ приговоръ ихъ всегда вносятъ на утвержденіе кормля или по-крайней-мѣрѣ лорда-канцлера. Съ 1688 года нѣтъ ни одного примѣра, чтобы этотъ выборъ не былъ утвержденъ.

Со времени короля Эдуарда III, Лондонскіе меры пользуются титуломъ «достопочтенныхъ лордовъ». Имъ принадлежитъ почетное мѣсто предъ всеми другими гражданами: въ 1403 году лордъ-меръ ушелъ съ одного обеда, въ сопровожденіи всѣхъ альдерменовъ и шерифовъ, оттого, что

лордъ-казначей Голборнъ, баронъ Ротсенъ, не хотѣлъ уступить ему за столомъ перваго мѣста. Преимущество лорд-мера основывается на совершенной его независимости: ни какаго перемиѣна въ правительствѣ, ни какой перерывъ въ наследованіи престола не могутъ измѣнить его правъ. Въ случаѣ смерти короля, онъ занимаетъ первое мѣсто въ тайномъ совѣтѣ; власть его еще болѣе распространяется въ это время, и входитъ въ свои обыкновенные предѣлы только тогда, когда новый король возьметъ въ руки бразды правленія.

Какъ гражданскій правитель Лондона, лордъ-меръ есть высшая власть, безъ согласія которой ни одинъ актъ корпораций не можетъ имѣть силы. Какъ безсмѣнный коронеръ, то есть, главный свѣдѣственный приставъ по части смертоубійствъ, какъ первенствующій членъ всѣхъ судовъ и всѣхъ комиссій, какъ предсѣдатель на выборахъ альдерменовъ, какъ блюститель рыки Темзы, онъ совокупляетъ въ себя бездну правъ и преимуществъ; наконецъ въ отношеніи къ военной власти онъ равняется лордамъ-наместникамъ графствъ.

Великолѣпіе его одежды соответствуетъ этому высокому званію. Онъ всегда носитъ на шеѣ двойную золотую цѣпь, или богатое ожерелье, изъ драгоценныхъ камней. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ надѣваетъ малиновую бархатную мантию, почти такую же какъ у лорда-канцлера. Обыкновенный его костюмъ, — зимою, мантия изъ тонкаго краснаго сукна съ бархатнымъ капюшономъ, — лѣтомъ голубая, шелковая, обшита на богатомъ меху. Во всѣхъ процессіяхъ, гдѣ пужно его оффиціальное присутствіе, передъ нимъ несутъ мечъ и золотую или серебряную булаву, — отличіе, которымъ не пользуется ни одинъ другой городъ въ Англіи, кромѣ Йорка, гдѣ живетъ архіепископъ. Если онъ пѣшкомъ, пажъ поддерживаетъ шлейфъ длинной его мантии; если ѣдетъ, то ѣдетъ въ парадной каретѣ, украшенной чеканнымъ золотомъ, барельефами и эмблематическою живописью и везомой четверкой лошадей, въ блестящей упряжи.

Особа лорда-мера искони была священна и неприкосновенна; оскорбить его считалось преступленіемъ противъ величества, и за это угрожала смертная казнь. Въ 1399 году Томасъ Гансартъ и Джонъ-Бруверъ вздумали при

одномъ случаѣ силою сопротивляться мѣру и шери-
шить; ихъ взяли, осудили въ ратушѣ на смерть и казнили.
Однако жъ эта строгость раздражила умы и волненію долго
не утихло. Чтобы укротить его навсегда, Эдуардъ III, по
возвращеніи изъ Франціи, постановилъ, что дѣйствія лорда-
мера, какъ перваго сановника въ Лондонѣ и его предста-
вителя, не должны подлежать разбору ни въ какомъ жа-
лобномъ или искамъ, какого бы рода они ни были. Это
значило вручать мерамъ власть неограниченную; однако жъ
ни одинъ изъ нихъ не употребилъ ея во зло; только
уваженіе къ нимъ дошло наконецъ до такой степени, что въ
1479 году нѣкто Ричардъ Байфилдъ подвергся взысканію
пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за то, что дерзнулъ
стать на колѣни близко къ лорду-меру передъ иконой Св.
Эркенвальда, въ которой все стекались тогда молиться по слу-
чаю ужаснаго свирѣпствованія моровой язвы въ Лондонѣ.

Капелланъ, докладчикъ, меченосецъ, егеръ, форшнейдеры,
камеръ-сурьеры и множество другой челяди разныхъ сте-
пеней и званій составляютъ свиту лорда-мера. Въ первое
время у него былъ свой штатный поэтъ и свой шутъ, ко-
торые всегда сопровождали его въ важныхъ церемоніяхъ;
впоследствии и поэты и шуты сами вышли въ люди.

Сначала лордъ-меръ отправлялся въ Вестминстеръ для
присяги королю сухимъ путемъ, но въ 1453 году сиръ
Джонъ Норманъ вздумалъ вѣсть туда водою. Лѣтъ черезъ
пятьдесятъ опять введены были сухопутныя шествія, и со
времени королевы Анны лодки вторично взяли перевѣсъ
надъ каретами. День этой церемоніи представлялъ всгарину
самое странное зрѣлище: важный и торжественный ходъ
окружался чудовищными принадлежностями, пельвыми вы,
думками, потѣхами и оглушительными восклицаніями чер-
ни. При вторичномъ избраніи сиръ Томаса Пилькингтона
въ 1681 году, церемонія, по словамъ штатнаго поэта Тоб-
мена, была истинно чудесна: цѣлый зѣвринецъ собранъ
былъ въ огромныя кѣтки, разставленныя около скверовъ
и по улицамъ. Каждая кѣтка была новымъ ковчегомъ, въ
которомъ заключалось множество разныхъ животныхъ, на-
битыхъ безъ разбору, — медвѣдей, барсовъ, леопардовъ,
олковъ, хищныхъ птицъ, и все это выло, ревѣло, пищало

самымъ ужаснымъ образомъ. Изъ оконъ домовъ бросали въ народъ живыхъ собакъ, кошекъ, кроликовъ и лисицъ; въ за ними кидались, ловили ихъ, и бросали другъ другу въ лице или разбивали объ стѣны; крики зѣвской радости охватывали каждое новое торжество. Фигляры, шашки, дудочки и бубенчики наполняли воздухъ акадами, шипениемъ, восклицаніями. Хоры музыки ходили съ мѣста на мѣсто и останавливались играть вередъ кѣтками дикихъ зѣврей, которые умолкали на минуту, какъ-будто прислушиваясь къ звукамъ, и потомъ принимались за самый адскій аккомпаниментъ. Между - тѣмъ тысяча всадниковъ на рыльяхъ коняхъ и длинный рядъ прекрасныхъ колясокъ прорывались въ волнахъ народа съ кортежемъ лорда-мера посерединѣ и при провѣтальныхъ звукахъ литавръ. Оркестръ начался потомъ въ тавернахъ, и къ вечеру все было пышно; нельзя вообразить себѣ что такое веселье черни, доведенное до изступленія и не знающее ни какихъ предѣловъ. Между-тѣмъ все дѣло обошлось безъ кровопролитія, кромѣ нѣсколькихъ царапинъ со стороны собакъ и кошекъ, которыя пострадали за избраніе лорда-мера. Что касается до мысли, господствовавшей въ утроеніи этого звѣринаго праздника, то поводомъ къ ней было то обстоятельство, что сиръ Томасъ Пильвингтонъ принадлежалъ къ цеху мѣховщиковъ.

Однако жъ не должно думать, чтобъ всѣ празднества по случаю выбора лорда-мера бывали въ такомъ варварскомъ вкусѣ; напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ столько же отличались царскимъ великолѣпіемъ, сколько чувствомъ прелести и разборчивостью. Таковы напримѣръ были праздники, данные при выборѣ сиръ Джона Шортера въ 1687 году.

Церемоніи, говорятъ одинъ современникъ, оставившій подробное ихъ описаніе, раздѣлялись на нѣсколько частей. Одна изъ нихъ посвящена была купеческому флоту. Корабль въ полномъ вооруженіи возвратился будто-бы изъ Норвегіи съ богатымъ грузомъ строеваго лѣса, — этотъ торгомъ преимущественно занимался достопочтенный сиръ Джонъ. Судно было въ сто сорокъ пять футовъ длины и въ сорокъ пять футовъ вышины отъ килы до воротъ, вооруженныхъ двадцатью двумя пушками. Мачты, шарусы, такелажъ, флаги, вымпелы, брѣндъ-вымпелы — все

было въ исправности и свидѣтельствовало о благополучномъ возвращеніи корабля. Лесъ удерживали его въ равновѣсіи на одной изъ обширѣйшихъ Лондонскихъ площадей. На кораблѣ былъ капитанъ съ лейтенантомъ, капониръ, ботсманъ и цѣлая толпа матросовъ, всѣ по мѣстамъ, кто у баттарей, кто у блоковъ, кто на марсѣ, кто на вантахъ; юнги качались на реяхъ, — словомъ, тутъ было все кромѣ моря. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ, матросы въ полосатомъ платьѣ, съ красными кушаками и въ шерстяныхъ красно-бѣло-голубыхъ колпакахъ выстроились на палубѣ. Капитанъ, въ одеждѣ изъ Индѣйскаго шелку, въ шапкѣ съ богатымъ меховымъ околышемъ, ждалъ на кормѣ съ своими сенцерами, пока лордъ-меръ войдетъ на корабль. Вдругъ по свистку ботсмана загремѣли трубы и лютеры, весь экипажъ отдалъ честь, капитанъ вышелъ на встрѣчу своему гостю и произнесъ привѣтствіе, на которое тотъ отвѣчалъ въ нѣсколькихъ словахъ, заглушенныхъ громкими — свистами!

Другая церемонія принадлежала золотыхъ-дѣлъ-мастерскому цеху и не уступала первой въ великолѣпіи. Построили обширную рабочую, гдѣ соединялись всѣ производства этого ремесла; тутъ въ разныхъ отдѣлахъ были кузницы, наковальни, молоты, тигли и другія орудія. Посерединѣ возвышалась площадка съ сѣдалищемъ, которое блестяло все въ пурпуръ и золото; тамъ сидѣлъ представитель Дунстана, древняго патрона золотыхъ дѣлъ мастеровъ. На немъ была тонкая батистовая мантия, а сверху родъ стихаря изъ парчи; на головѣ золотая шапка, украшенная драгоценными камнями; въ лѣвой рукѣ золотой посохъ, а въ правой ювелирскіе щипчики. Позади его, Орсей и Амѣонъ, два городскіе музыканта, играли на Греческой лирѣ разными мелодіями, а передъ нимъ великій султанъ и ханъ Татарскій стояли въ восхищеніи отъ музыки. У подножія Дунстанова трона былъ горнъ, и работникъ раздувалъ въ немъ огонь большимъ мехомъ. Вдругъ и всѣ другіе работники привалились за дѣло, — плавилъ металлы, ковали, жутили, воронили, шлифовали; мѣницъ-вардейцъ пробовалъ серебро и золото; вся фабрикація была въ дѣйствиіи. Лорда-мера попросили къ возвышенному мѣсту; представитель Дунстана поднялся

передъ Его Честью и произнесъ привѣтствіе отъ имени всего цѣла.

Всѣ эти зрѣлища вышли наконецъ изъ обыкновенія, и въ 1760 году городской советъ напросто хотѣлъ воззѣбновать ихъ въ утѣху двору и народу. Но водвореніе лордъ-мера и теперь бываетъ поводомъ къ прекраснымъ церемоніямъ, хотя конечно безъ мнѣологическихъ принадлежностей и безъ мудреныхъ затѣй стараго времени. Около полудня новозбранный лордъ-меръ, его предѣвственникъ, альдермены, шерифы и другіе гражданскіе сановники, отслушаютъ молебствіе въ приходской церкви Св. Лаврентія, отправляются изъ ратуши въ каретахъ къ берегу Темзы. Красный подъемный мостъ ведетъ ихъ на огромную богатоубранную барку, которая нарочно притоплена на этотъ случай: дно устлано мягкими коврами; прозрачный навѣсъ съ золото-шелковой бахромою поддерживается на золоченыхъ стойкахъ; диванъ и множество кресель стоятъ для мера и сопровождающихъ его сановниковъ; національныя цвѣта и гербы города развѣваются на флагахъ и вымпелахъ мачты, утвержденной въ серединѣ, а по четыремъ угламъ навѣса приклонены къ водѣ знамена и хоругви. Всѣ гильдіи и цехи города Лондона садятся на особенныя барки, и длинными рядами открываютъ шествіе по водѣ, приторжественныхъ звукахъ военной музыки, выполняемой лучшими полковыми хорами, какіе только есть въ столицѣ. Многочисленность и порядокъ этихъ судовъ, однородное движеніе весель, разнообразіе ихъ цвѣтовъ и украшеній, праздничный нарядъ моряковъ, которые слыдаютъ за процессіей въ маленькихъ лодкахъ и радостными пѣснями отвѣчаютъ симфоніямъ, несущимся далеко по водѣ; стеченіе народа на мостахъ, на берегу, на самой рѣкѣ, — все оживляется въ этотъ день такимъ веселіемъ, котораго вѣдь не раздѣлять и со стороны. Поровнявшись съ Вестминстеромъ, церемонія выходитъ на берегъ, и древнее аббатство, свидѣтель столькихъ политическихъ событій, принимаетъ въ свои стѣны весь магистратъ и депутатовъ отъ цеховъ. Лордъ-меръ произноситъ громкимъ голосомъ присягу королю и получаетъ отъ него утвержденіе въ своей должности передъ лицомъ высокнхъ бароновъ и благо-

родившихъ лордовъ. После этого кортежъ опять садится на суда и спускается къ мосту Блэк-райерсъ; здѣсь встречается его цехъ оружейниковъ и отправляется впередъ къ ратушѣ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ старшинъ, верхомъ и въ блестящемъ вооруженіи. Прочіе цехи, каждый съ своимъ значкомъ, идутъ за ними пѣшие; лорд-меръ, альдермены и шерифы съ повозомъ гражданскихъ чиновниковъ, при всей формѣ, заключаютъ шествіе въ великолѣпныхъ каретахъ, везомыхъ пляшущими и богато убранными лошадьми.

Въ ратушѣ приготовленъ роскошный обѣдъ насчетъ лорда-мера и шерифовъ; одинъ изъ принцевъ крови, министры, иностранные послы, знатнѣйшее дворянство и граждане удостоиваютъ этотъ пиръ своего присутствія; вечеръ оканчивается большимъ баломъ подъ председательствомъ супруги лорда-мера. Въ старыя годы, кромѣ танцевъ и музыки, шутъ лорда-мера долженъ былъ забавлять гостей выдумками и кривляньемъ: по долгу своего званія онъ былъ обязанъ къ одному очень странному подвигу, который всегда морилъ со смѣху почтенное собраніе. Къ полуночи, на середину большой залы ставили огромную глиняную корчагу, наполненную взбитыми сливками и яйцами. Шутъ, въ курточкѣ изъ разрывнаго атласа, испещренный тысячею цвѣтовъ и покрытый лентами какъ шерстью, разбѣгался какъ-будто для того, чтобъ перепрыгнуть черезъ корчагу, и вдругъ падалъ въ самую середину и расплскивалъ сливки съ яйцами на зрителей. На этотъ-то смѣшпой фарсъ намекаетъ Шекспиръ въ своей комедіи *All's well that ends well*, «Добрый конецъ всему взнецъ», гдѣ Лаеѣ говоритъ Паролю: «Ты нарочно попалъ въ нее (немилость) въ сапогахъ, въ шпорахъ, во всемъ парадѣ, какъ тотъ, знаешь, что прыгаетъ въ сливки».

Между-тѣмъ какъ дворъ, министры, чиновники, дворянство и почетные граждане садятся за большой столъ, всѣ цехи пируютъ каждый въ своей залѣ; веселые виваты раздаются въ длинныхъ переходахъ, вездѣ царствуетъ самое искреннее удовольствіе. Иадержки на водвореніе лорда-мера при королѣ Георгѣ III простирались до четырехъ сотъ двадцати тысячъ рублей: двѣсти пятьдесятъ тысячъ

употреблены были городскимъ обществомъ, а остальное добывалъ самъ лордъ-меръ.

По-настоящему, лорду-меру слѣдовало бы жить въ ратушѣ, но ему выстроили огромный новый домъ, Mansion-House, на концѣ Лондонскаго Моста. Тамъ выслушивають онъ просятелей. Прекрасныя комнаты и двѣ богатыя галлерей назначены для приема гостей, для обѣдовъ и баловъ; но большіе праздники отъ города даются обыкновенно въ ратушѣ. Здѣсь въ 1815 году лордъ-меръ имѣлъ счастье угощать союзныхъ монарховъ; здѣсь бывають всѣ собранія городскихъ корпорацій; здѣсь всѣ муниципальные приказы и суды: однимъ словомъ, ратуша — настоящий дворецъ Лондонскаго гражданства.

ВЕНГЕРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Одинъ Англійскій журналъ сообщаетъ слѣдующее извѣстіе объ этой литературѣ, совершенно незнаемой въ Европѣ, но развивающейся весьма сильно, потому что Венгерцы сдѣлались въ послѣднее время страстными обожателями своего природнаго языка.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія Магары (Magyar) не имѣли литературнаго языка; въ шестнадцатомъ являлись только рифмованныя лѣтописи, подчиненныя мѣрѣ, не совсемъ определенной. Это были попытки народа, еще во младенчествѣ. Семнадцатый вѣкъ былъ плодотворенъ: они произвели нѣсколькихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Зрини (Zrinyi). Онъ былъ до крайности пылокъ. Онъ воспѣвалъ смерть своихъ предковъ, и въ этихъ его произведеніяхъ болѣе страсти, чѣмъ истины; но онъ выкупалъ недостатки прелестными эротическими стихотвореніями, которыя исполнены огни неестественности, хотя повременамъ проскакивають въ нихъ черты дурнаго вкуса. За нимъ послѣдовалъ Лисци (Liszt); онъ описалъ Могачскую кампанію, столь пагубную для Венгерской національности. Его твореніе и понынѣ считается въ числѣ лучшихъ записокъ объ этой войнѣ, потому что оно, болѣе чѣмъ какое-либо другое содержитъ въ себѣ подробностей о происшествіяхъ того времени. Дѣндѣси (Dondösi) написалъ цѣлые четыре тома стихотвореній. Между тѣмъ

муза его была весьма небогата, слогъ надуть и негра-
зительнъ; но онъ много содѣйствовалъ установленію языка
и сообщилъ Венгерской литературѣ большое движеніе. Бе-
ницкій и Кохаръ (Kohari) ввели въ нее еще нѣкоторыя у-
лучшенія и очистили путь для Фалуди, человека новаго по-
колѣнія. Около половины осьнадцатаго столѣтія явился
цѣлый рой писателей, которые подымали между собою какъ
наслѣдство всѣ части литературы. Иосифъ II, для выполне-
нія своихъ обширныхъ плановъ преобразованія, считалъ
нужнымъ ввести во всей имперіи одинаковый языкъ, и
сначала не рѣшался который принять, Славянской или Нѣ-
мецкой, но какъ этотъ вопросъ разсматривали въ Вѣнѣ, то
весьма естественно, что предпочтеніе отдано было Нѣмец-
кому, и его стали вводить повсюду. Эта мѣра могла бы
совершенно уничтожить языкъ Мадяровъ, и вмѣстѣ съ нимъ
ихъ національность, но она произвела противное дѣйстви-
е: Венгерцы, которые не жалуяютъ ничего Нѣмецкаго, вдругъ
воспылали сильною страстью къ своему природному языку,
до того времени почти забытому ими и погребенному
подъ Латынью. Вскорѣ напечатано было собраніе со-
чиненій Реваля; Дугопячъ издалъ свои національные ро-
маны, Казинци (Kazinczy) свои мелкія литературныя статьи.
Театръ также содѣйствовалъ этому движенію, потому что
въ нѣсколько лѣтъ представлено было болѣе трехъ сотъ
новыхъ пьесъ. Между-тѣмъ, изъ всѣхъ отраслей литерату-
ры болѣе прочихъ была воздѣлана въ Венгріи поэзія. Со-
конай Казинци, Дайка и Версеги (Verzeghy) отличались
своими стихотвореніями, и новая школа образовалась подъ
вліяніемъ ихъ генія. Казинци особенно старался о чистотѣ
своего слога, отбрасывалъ всѣ излишнія украшенія и замѣ-
нялъ concetti тихой и любезною философіею. Казинци пер-
вый хорошо позналъ положеніе литературы въ Венгріи.
Единственною цѣлію трудовъ его было усовершенствованіе
языка; для этого онъ самъ занимался переводами лучшихъ
иностранныхъ твореній. Употребляя языкъ, еще неуста-
новившійся, онъ, несмотря на это, борется, и иногда весьма
успѣшно, со всеми трудностями, которыя встрѣчаются при
переводѣ изящныхъ произведеній литературы зрѣлой. Ни ка-
кія препятствія его не устрашали, и посредствомъ труда,

постоянства и таланта, онъ сдѣлался достойнымъ истолкователемъ Шекспира, Лессинга, Мармонтеля, Стерна, Оссиана и Гёте. Казначи съ успѣхомъ писалъ во многихъ родахъ; онъ оставилъ пѣсни, замѣчательныя по своей простотѣ и нѣжности, довольно острыя эпиграммы и легкія посланія. Онъ много писалъ въ журналахъ, но былъ преслѣдуемъ за свои статьи и семь лѣтъ провелъ въ Вѣнскихъ тюрьмахъ. Нынче трудно достать полное собраніе его сочиненій.

Берзеній (Bergzenyi) родился въ 1776 году въ Микль. Жившій въ то время довольно хорошій поэтъ Кисъ покровительствовалъ первымъ его опытамъ. Онъ вскорѣ сдѣлался другомъ Казначи, вступилъ съ нимъ въ переписку, и получилъ разныя милости отъ Венгерскаго правительства. Творенія его были изданы въ трехъ томахъ въ Пестѣ, въ 1813 году. Берзеній особенно хорошо выражаетъ тихія душевныя движенія и сердечныя радости. Его посланіе къ Эрнестинѣ — образецъ нѣжности и чистаго вкуса. Буци (Buczy), слѣдовавшій по стопамъ его, былъ Трансильваецъ. Образовавшись по древней школѣ, онъ заимствовалъ отъ нея чистый вкусъ и изящную нѣжность, которую находилъ только въ древнихъ классикахъ. Всего лучше у этого писателя ода, подъ заглавіемъ «Весна», свѣжая и простая картина предмета, который уже такъ часто былъ обрабатываемъ, смѣсь восточнаго сладострастія съ Скандинавскимъ мистицизмомъ, которыя придаютъ его стихотворенію тысячи блестящихъ отгивковъ. Добрентей оказалъ большія услуги Венгерской литературѣ. Еще въ ранней молодости онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя напечатаны были въ одномъ собраніи, изданномъ на счетъ Венгерскаго общества въ Оденбургѣ, въ 1804 году; онъ путешествовалъ потомъ по разнымъ странамъ Европы и былъ въ дружескихъ связяхъ съ лучшими Венгерскими писателями. Онъ былъ основателемъ Трансильванскаго музея, перевелъ Макбета и написалъ нѣсколько весьма хорошихъ сочиненій. Добрентей—одинъ изъ лучшихъ Венгерскихъ критиковъ; онъ издалъ творенія многихъ національныхъ писателей съ примѣчаніями, доказывающими его чистый вкусъ и ученость.

Колчей (Kolcsy) также Трансильваецъ; онъ родился въ

Со - Деметеръ, въ 1790 году. Онъ много писалъ въ Венгерскихъ журналахъ, и вмѣстѣ съ Семере (Szemere) сочинилъ нѣсколько сатиръ противъ Мондола, которымъ навлекли ему множество непріятелей. Склонный къ насмѣшливости, онъ принялъ на себя, въ ученомъ журналѣ Tudományos gyűjtemeny, критику, и съ большимъ успѣхомъ подвизался на этомъ поприщѣ. Обиженный издателями, онъ основалъ Elet es Literatura, «Жизнь и Литература», литературный журналъ, въ которомъ онъ выказалъ большія познанія и чистый вкусъ. Онъ довольно вѣрно перевелъ нѣкоторыя мѣста изъ Иліады, но у него нѣтъ ничего лучше его переписки съ Добрентеемъ, и только въ ней можно узнать его характеръ и сердце. Семере, о которомъ мы сейчасъ упоминали, писалъ весьма много, но онъ особенно замѣчательнъ по своимъ сонетамъ, которые отличаются чистотою языка и прелестью слога, каковую рѣдко встрѣчаешь, даже у лучшихъ писателей. Его стихотворенія суть обыкновенно лучшія статьи въ журналахъ, въ которыхъ онъ участвуетъ.

Въ Венгріи всѣ знаютъ наизусть Tavaszú Vigatok, «Весенніе цвѣты.» Тольди весьма справедливо говоритъ, что сонеты этого автора такъ же народны какъ трогательныя элегии Грея въ Англіи. Вирага называютъ, и не безъ основанія, Мадярскимъ Горациемъ. Вирагъ почти отождествился съ Римскимъ сатирикомъ; онъ изучалъ, переводилъ его, дѣлалъ на него комментаріи; наконецъ подражалъ ему. Онъ издалъ нѣсколько томовъ стихотвореній и весьма замѣчательную исторію Венгріи, въ которой многое не могло быть напечатано.

Витковичъ — Сербъ, съ двадцати-лѣтняго возраста посвятилъ себя исключительно изученію Мадярскаго языка, и въ послѣднихъ его произведеніяхъ очень видно, что онъ совершенно овладѣлъ имъ. Онъ много писалъ на Сербскомъ языкѣ, но перевелъ на Мадярскій прелестнѣйшія изъ балладъ, которымъ баюкали его въ младенчествѣ. Въ Пестѣ изданъ въ 1817 году, подъ заглавіемъ Meseji es Versei, томъ его прозаическихъ сочиненій и стиховъ.

Сентмиклоши (Szentmiklósy), изъ Эрдо - Гарцы, явился на литературномъ поприщѣ съ нѣсколькими пѣснями, составленными по образцу Фалуди и Авіоса; онъ написалъ

романъ и съ успѣхомъ изучалъ Французскую литературу, которую чрезвычайно полюбилъ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ нѣсколькими Французскими офицерами, жившими въ Эрлау. Онъ много писалъ и еще нынѣ печатаетъ свои стихотворенія во всѣхъ Венгерскихъ журналахъ. Всего лучше у него лирическія стихотворенія.

Я бы долженъ былъ упомянуть еще нѣсколько замѣтельныхъ именъ, Киса, Эндродв, Г-жи Гондосъ (Gondos), но не стану говорить объ нихъ и остановлюсь только на братьяхъ Кисфалуди и Михаилѣ Воросмарти. Кисфалуди происходятъ, какъ говорятъ, отъ фамиліи Цакъ (Csak), одного изъ древнѣйшихъ въ Венгріи домовъ; младшій братъ, Александръ, родился въ Сянгъ въ 1772 году; онъ вступилъ въ службу, участвовалъ въ Италіанской кампаніи, посвятилъ Воклюзскую Долину и захотѣлъ возложить на себя вѣнецъ Петрарки. Въ 1801 году онъ издалъ первый томъ своихъ «Любовныхъ походовъ Гнифея», который принятъ былъ съ восторгомъ. Эти стихотворенія вошли въ моду: изъ гостинныхъ книга его перешла въ уборныя, изъ уборныхъ въ школы; за этимъ произведеніемъ послѣдовали разныя лирическія и драматическія, которыя еще болѣе прославили имя автора. Гнифеи есть собраніе около сотни пѣсней; изъ которыхъ въ однихъ воспѣваются наслажденія, въ другихъ горести любви. Эта книга написана въ духъ Петрарки; въ ней однако жъ не видно, какъ у Италіанцевъ, внезапныхъ переменъ положенія, странной смѣси горестей и радостей. Здѣсь отъѣнки лучше сливаются, и вы постепенно переходите къ различнымъ измѣненіямъ страсти. Александръ Кисфалуди издалъ подлѣ заглавіемъ Regék, записки, въ которыхъ дышитъ Венгерская національность. Его твореніе есть плодъ долговременнаго изученія Исторіи. Авторъ съ большою точностью изображаетъ частныя и публичныя нравы и представляетъ портреты знаменитѣйшихъ лицъ. Это весьма хорошій выборъ матеріаловъ для новѣйшей исторіи Венгріи. Александръ Кисфалуди писалъ также и драмы, историческія и чисто словесныя произведенія, но не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Первые его сочиненія напечатаны были безъ имени автора и его долгое время называли вели-

кимъ незнакомцемъ. Наконецъ въ 1807 году онъ объявилъ свое имя. «Заря» и *Gyula Sycselme*, которыя надвѣвали столько шуму при появленіи своемъ въ «Малярскомъ альманахѣ,» суть также его произведенія.

Карлъ Кисфалуди не столь счастливъ въ драматическомъ родѣ, какъ братъ его въ лирическомъ; онъ также путешествовалъ въ молодости по чужимъ краямъ; по возвращеніи своемъ отдалъ на театрѣ нѣсколько комедій, а потомъ превращалъ въ дѣйствіе нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ происшествій Венгерской исторіи. Нельзя не признать въ немъ творческой силы и таланта, но онъ не довольно обрабатываетъ свои произведенія и пишетъ иногда слишкомъ скоро; онъ весьма хорошо выдерживаетъ характеры, хотя не придаетъ своимъ произведеніямъ печати національности. Карлъ Кисфалуди родился въ Тетѣ, въ 1790 году и сначала былъ въ военной службѣ. Въ 1819 году игралъ его *Tatarok*, «Татары», которые были приняты съ большимъ одобреніемъ, и потомъ его *Ика*, также имѣвшая большой успѣхъ. Онъ сочиняетъ чрезвычайно скоро: говорятъ, что онъ въ десять дней написалъ свою драму въ четырехъ дѣйствіяхъ, *Stibor*, а нѣсколько другихъ столь же важныхъ произведеній, еще скорѣе. Онъ — одинъ изъ основателей «Авроры», журнала, который часто обогащается его произведеніями.

Воросмарти надвѣвалъ много шуму при первомъ своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ; прежде всего издалъ онъ эпическую поэму, которой сюжетъ заимствованъ изъ Венгерскихъ лѣтописей. Другіе прежде его занимались эпическимъ родомъ не безъ успѣха. Добрентей воспѣвалъ Кепермезейское сраженіе, но эта эпопея писана въ прозѣ. Сечели (*Szekely*) сдѣлалъ два неудачные опыта; Цуцоръ (*Czuczor*) двадцати двухъ лѣтъ написалъ уже Арсбургское сраженіе, и впоследствии издалъ *Agadi Gyules*. Онъ былъ единственный достойный соперникъ Воросмарти, но этотъ вскорѣ одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду. Разнообразіе его картинъ, смѣлая кисть доставили ему рѣшительное превосходство; притомъ въ разсказахъ его не замѣтно ни малѣйшаго усилія, и его портреты и характеры всегда отдѣланы превосходно. Воросмарти не захотѣлъ подражать рѣшительному, принятому его предшественниками, кото-

рые употребляли всѣ Тассову октану; онъ доказалъ, что можно отступить отъ проложеннаго пути и не заблудиться; онъ владееть гексаметромъ такъ свободно, что стихъ кажется у него двомъ второстепеннымъ, послушнымъ инструментомъ, доставляющимъ нужные его гению звуки. Читая Воросмарти можно подумать, что одинъ только Мадарскій языкъ способенъ къ классической просодіи. Воросмарти родился въ Ніекъ въ 1800 году; тринадцати лѣтъ, онъ уже писалъ хорошіе Латинскіе стихи, а четырнадцати, Венгерскіе гексаметры. Всю свою молодость провелъ онъ въ изученія Шекспира. Всеобщее вниманіе обратилъ онъ на себя въ 1825 году, когда издалъ своего *Zalan*. Литературное его поприще съ самаго начала составляетъ рядъ блестящихъ успѣховъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Un Mariage raisonnable*, *Разсудительный бракъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи въ прозѣ, Г. Ансело.

Вы знаете театральные нравы. Въ какомъ-нибудь замкѣ, близко или далеко отъ столицы, молодая женщина скучаетъ и смотритъ въ окно, что дѣлается по дорогѣ. Подъ этимъ окномъ проходитъ или проезжаетъ верхомъ молодой человекъ красивой наружности, который явился надалека именно для того, чтобы случайно проехать подъ этимъ окномъ, и котораго зовутъ Г. Детулетомъ, Дервалемъ, Оскаркомъ, или, какъ у Г. Ансело, Артуромъ. Какъ скоро молодая дама начинаетъ скучать и отворяетъ окно, молодой человекъ является. Артуръ де-Линьи является въ замкѣ леди Нельмуръ, — значитъ что леди Нельмуръ скучала.

Не подумайте однако жъ, чтобы леди Нельмуръ была Англичанка: она Француженка, и замокъ ея находится въ окрестностяхъ Парижа. Она была еще очень молода, когда ее отдала за лорда Нельмура, одного изъ прекраснѣйшихъ Англійскихъ денди, страстнаго любителя лошадей, невѣрливаго поствѣтеля клубовъ. Онъ былъ такой прекрасный мужчина, что жестоко надовалъ вдовѣ своею мужеской красотою (само собою разумѣется, что леди Нельмуръ вдова); такой знатный и богатый господинъ, что вдова его получила отвращеніе къ знатности и богатству, блестящему уму

и даже къ себѣ самой, да, къ себѣ самой! потому что лордъ Нельмуръ взялъ ее за красоту, за молодость, за любезность: онъ только это и уважалъ въ ней. У него уже были прекраснѣйшій замокъ, прекраснѣйшія упряжныя лошади, прекраснѣйшій верховой конь чистой крови; ему хотѣлось довершить свою коллекцію и приобрести прекраснѣйшую жену. Къ несчастію, лордъ Нельмуръ умеръ въ тотъ самый день, какъ коллекція его пополнилась.

Леди Нельмуръ, женщина умная, оставшаяся вдовою, захотѣла вступить въ бракъ разсудительный. Разсудительный бракъ состоитъ, по мнѣнію автора, въ томъ, чтобы выйти замужъ за человека, который ходитъ въ черномъ фракѣ, который пріѣзжаетъ къ невѣстѣ въ старой каретѣ, котораго лице печально и непріятно, носъ очень длиненъ, которому покрайней-мѣрѣ сорокъ лѣтъ и котораго зовутъ барономъ Нормономъ. А какъ лордъ Нельмуръ любилъ леди Нельмуръ за ея прелестную талію и прекрасные волосы, то она прячетъ свою талію подъ мантильею, а волосы подъ шляпкою. А какъ имѣніе ея достойно вдовы лорда, то она увѣряетъ всѣхъ, что разорилась: ей хочется чтобы на ней женились по ея уму, ея правиламъ, ея неукоризпенному поведенію. Не знаю, есть ли толкъ въ этихъ требованіяхъ, но знаю то, что баронъ Нормонъ, который хочетъ жениться на женщинѣ нехорошей собою, неловкой и бѣдной, вопреки мнѣнію Г-на Анселò, человекъ безтолковый.

Леди Нельмуръ, слыша, что будущій супругъ ея пріѣхалъ, спѣшитъ надѣтъ перчатки, мантилью и шляпку, какъ другая надѣла бы маску; выходитъ на балконъ и поджидаетъ Г. Нормона, — и неизбежный путешественникъ является. Противъ всѣхъ правилъ комедіи, Г. Анселò тотчасъ сказываетъ его имя: это Г. Артуръ де-Линья, адъютантъ и, что еще лучше, племянникъ маршала.

Г. Артуръ является съ шумомъ и громомъ, какъ адъютантъ Наполеоновскій, три раза обнимаетъ горничную, то есть, два раза болѣе чѣмъ обыкновенно обнимаютъ горничныхъ адъютанты, и вмѣстѣ волочитъ и за леди Нельмуръ и за пріятельницею ея Эммою Мервиль, дѣвушкою, замужнею женщиною или вдовою, которая гоститъ у леди

Нельмуръ и обще съ нею разсуждаетъ о выгодахъ и неудобствахъ разсудительнаго брака.

Г. Артуръ является почти какъ известный Г. Антони, но Г. Антони не позволялъ бы себя выгнать, какъ Г. Артуръ. Тщетно Артуръ уверяетъ, что онъ сбился съ дороги, что онъ хочетъ только укрыться отъ грозы: леди Нельмуръ возражаетъ противъ этого, что замокъ ея стоитъ на большой дорогѣ изъ Парижа въ Фонтенбло, на которой еще никто кромѣ Наполеона не заблуждался, и что, къ счастью, небо ясно, воздухъ чистъ и пріятенъ. Притомъ эти дамы оди въ замкѣ: одна изъ нихъ выходитъ замужъ и ждѣтъ жениха, которому присутствіе молодого человека можетъ не понравиться. Артуръ слишкомъ учтивъ, чтобы не уважить этихъ причинъ; онъ садится на лошадь, и отправляется обратно въ Парижъ.

По отъѣздѣ Артура, леди Нельмуръ задумывается, пріятельница ея Эмма тоже. Леди Нельмуръ говоритъ, что она часто видывала Артура въ Парижѣ; пріятельница ея Эмма тоже. Артуръ вездѣ слѣдовалъ за леди Нельмуръ; Артуръ слѣдовалъ также и за Эммою Мервилъ. Артуръ писалъ къ леди Нельмуръ нѣжныя письма; у Эммы Мервилъ есть тоже письма отъ Артура и тоже очень нѣжныя. Рѣшено, что Г. Артуръ вертопрахъ и негодной молодой человекъ, и положено не говорить болѣе о Г. Артурѣ.

Но Артуръ почти вслѣдъ за тѣмъ снова является; его приводитъ или, лучше сказать, приносятъ Г. Нормонъ, будущій разсудительный мужъ. Дѣло въ томъ, что онъ давнишній пріятель Артура и встрѣтилъ его въ ту минуту, какъ онъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ замка, упалъ съ лошади. Артуръ вывихнулъ себѣ ногу, а женщина благовоспитанная не можетъ не принять молодого человека, который вывихнулъ себѣ ногу и котораго приводитъ или приносятъ будущій супругъ ея.

У Г. Нормона есть вѣрное средство вылечить невывихнутую ногу Артура, и ему страхъ хочется попробовать свое средство; но съ Г. Нормономъ пріѣхалъ его дядя, оди изъ старыхъ Наполеоновскихъ генераловъ, которыхъ авторъ этой комедіи такъ любитъ, потому что они знаютъ все на свѣтѣ. Онъ прозорливо усматриваетъ, что Г. Артуръ, слава Богу,

здоровъ. Генералъ самъ въ старые годы не разъ съ усмѣхомъ употреблялъ вывихи и ушибы, и онъ говоритъ племянницѣ, — что она впрочемъ и безъ него знаетъ, — именно, что Артуръ соперникъ добраго Г. Нормона, и что онъ, говоря словами генерала, хитростью пробрался въ крѣпость.

Дяди, какъ извѣстно, въ комедіяхъ всегда голодны, да и разсудительные мужья одарены превосходнымъ аппетитомъ. Въ свидѣствіе этого, Г. Нормонъ и старый генералъ отправляются завтракать; Эмма Мервиль, хотя и не хозяйка, идетъ угощать ихъ, а леди Нельмуръ остается съ Артуромъ, который сидитъ, положа погу на стулъ.

Тутъ начинается главная сцена. Артуръ говоритъ леди Нельмуръ, что онъ давно ее любитъ; что онъ для нея пробрался въ замокъ; что онъ давно уже слѣдуетъ за нею въ свѣтъ; что онъ не можетъ жить безъ нея, а между-тѣмъ она выходитъ замужъ. Отчаяніе его ужасно, горестъ нестерпима, какъ боль въ ногъ; совсѣмъ тѣмъ онъ разговариваетъ довольно спокойно, и расхаживаетъ не прикрамывая.

На все это леди Нельмуръ отвѣчаетъ письмомъ Артура къ Эммѣ, въ которомъ онъ говоритъ совсѣмъ не то. Онъ утверждаетъ, что леди Нельмуръ носить вѣчно шляпку для того, чтобъ скрыть недостатокъ волосъ; что она ходитъ всегда въ мапиль, потому что кривобока, и что она никогда не снимаетъ перчатокъ, потому что у ней прескверныя руки; что она говоритъ мало, потому что глупа; убѣгаетъ мужчинъ потому что, не надѣясь на себя, боится ихъ. Если это не собственныя слова, по-крайней-мѣрѣ таковъ смыслъ Артурова письма, въ которомъ леди Нельмуръ почерпаетъ свое благоразуміе. Впрочемъ, виновать ли Артуръ, что онъ не угадалъ красоты подъ шляпкою и мапильею, и ума подъ молчаніемъ?

Г. Артуръ не находитъ въ отвѣтъ ни слова; онъ молчитъ, а между тѣмъ леди Нельмуръ повторяетъ его обвиненія и при каждомъ снимаетъ то шляпку, то мапилью, то перчатки, и показываетъ несчастному Артуру прекраснѣйшія волосы, обворожительную талію, прелестнѣйшія ручки и множество красотъ, которыхъ женщина никогда долго не скрываетъ. Немилосердно выказавъ все это, леди

Нельмуръ покидаетъ бѣднаго Артура. Эта сцена очень мила.

Является будущій разсудительный мужъ. Онъ тоже въ большомъ смущеніи. Ему дѣла нѣтъ до того, какіе волосы и какая талія скрываются подъ шляпкою и мантильею Г-жи леди Нельмуръ; но онъ навелъ справки объ ея имѣніи: по приказанію леди Нельмуръ ему сказали, что замокъ ея валится подъ закладными, а земля не приноситъ ни какого дохода. Это хуже рѣдкихъ волосъ и неуклюжей таліи! Г. Нормонъ. въ отчаяніи отъ такого открытія, сообщаетъ его Г. Артуру. Добрый и вѣтреный Артуръ предлагаетъ все свое имѣніе, чтобы освободить помѣстье Г-жи леди Нельмуръ отъ залога. Правда, что у Артура нѣтъ ничего кромѣ долговъ, но леди Нельмуръ, которая, словно горничная, подслушиваетъ у дверей, такъ тронута его предложеніемъ, что тотчасъ протягиваетъ къ Артуру руку и соглашается за него выйти.

Эта комедія замѣчательно невинна; тутъ нѣтъ, конечно, ума Маривѣ и естественности Седена, но есть и умъ и естественность; нравы, правда, не принадлежать ни къ какому времени, дѣйствующія лица не знаютъ сами, чего хотятъ, чего не хотятъ, однако невольно принимаешь участіе въ этихъ добрыхъ людяхъ, хоть они очень странны, и съ удовольствіемъ слушаешь миленькую сцену.

2. Un mariage sous l'Empire, *Бракъ во времена имперіи*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ Гг. Анселдъ и Дюпора.

Этотъ водевилъ выкроенъ изъ весьма известнаго романа Г-жи Софій Гё. Онъ оостонитъ изъ пожилаго государственнаго совѣтника, котораго невеста упрекаетъ въ томъ, что онъ не военный, и молодого полковника, котораго невеста упрекаетъ въ томъ, что онъ не государственный совѣтникъ. Само собою разумется, что въ концѣ пьесы, невеста, которая любитъ военныхъ, выходитъ за полковника, а та, которой по сердцу статскіе, выходитъ за государственнаго совѣтника. Эти комедіи съ двумя интригами рѣдко удаются, и могутъ быть поддержаны только живымъ слогомъ. Авторы хотѣли доказать, что, между столбовымъ дворянствомъ и людьми выслужившимися, любви быть не можетъ. «Бракъ во время

имперіи» не что иное какъ исторія Отгело и Дездемоны, приведенныя въ ничтожныя формы свѣтской и простой жизни, и это въ сотый разъ доказываетъ вамъ, что нѣтъ ничего новаго ни на свѣтѣ, ни въ головѣ Г. Анселю.

3. *La pensionnaire mariée*, *Замужняя пансіонерка*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Скриба и Варнера.

Надобно вамъ знать впередъ что это одно изъ прелестныхъ произведеній Г. Скриба прежняго, когда онъ еще не былъ членомъ Французской Академіи, не писалъ комическихъ оперъ, однимъ словомъ Г. Скриба, автора Женщины лунатика, Дѣвушки нѣвесты, и Первой любви.

Этотъ водевиль заимствованъ изъ романа Г-жи Соуса (Souza), «Адель де-Сенапжъ.» Вы, можетъ-быть, помните, а если забыли, тѣмъ лучше для васъ, что мѣсяца два назадъ Г. Баяръ извлекъ изъ этого же романа водевиль, «Осьмидесяти-лѣтній старикъ.» Вотъ вамъ прекрасный случай сравнить умъ Г. Скриба съ умомъ ученика его Г. Баяра.

И въ той и въ другой пьесѣ рѣчь идетъ объ осьмидесяти-лѣтнемъ старикѣ, который женатъ на шестнадцати-лѣтней дѣвушкѣ. Эта невинная дѣвушка встрѣчается съ молодымъ человекомъ, влюбляется въ него, и такъ далѣе, весь романъ.

Сперва зававъсъ поднимается для Г. Баяра. Старая служанка рассказываетъ, какъ и отчего старый баринъ ея женился на молоденькой. Г. Скрибъ, поступилъ умнѣе: онъ убоился этой старухи. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ свое ремесло, чтобы помѣстить въ одномъ водевилѣ старика и старуху. Въмѣсто Баяровой старухи у него является молоденькая деревенская дѣвушка, хорошенькая хохотунья, племянница сельскаго священника, Марія; въ нее влюбленъ одинъ молодой человекъ и она какъ бабочка порхаетъ въ паркѣ. Вдругъ является другая дѣвушка, миленькая, невинная: это сама Г-жа де-Сенапжъ; она не-хотя, безъ намѣренія, рассказываетъ вамъ, какъ она вышла замужъ; говорить, что у нея много прекраснѣйшихъ платьевъ, много денегъ, чтобы раздавать бѣднымъ, и что она счастлива какъ нельзя болѣе. Изложеніе пьесы у Г. Скриба такъ же мило, легко, пріятно,

какъ у Г. Баяра тяжело и печально въ устахъ старика и старухи.

Какъ скоро старуха Г. Баяра перестаетъ говорить, падается старикъ Г. Баяра. Повѣрите ли? Онъ выходитъ изъ своей спальни; онъ въ шлафрокъ, то есть, онъ старъ, какъ только можетъ быть. Подлѣ этой старой спальни, вы видите спальню молоденькой женщины: такъ вы уже знаете, что эта старость и эта юность, эти восемьдесятъ зимъ и шестнадцать весенъ провели ночь очень близко другъ отъ друга. А это совсѣмъ непріятно знать и не нужно говорить. Г. Скрибъ поступилъ умнѣе: Г. и Г-жа де-Сенажъ пріѣзжаютъ парочно для васъ въ свой прекрасный замокъ; вы даже не знаете; останутся ли они тутъ почевать; вы знаете только то, что съ вечера и до утра будетъ большой балъ. Притомъ у Г. Скриба дѣйствіе происходитъ на чистомъ воздухѣ: онъ помѣстилъ сцену въ паркѣ, подлѣ яснымъ небомъ, подлѣ веселою зеленью; онъ привелъ Г-на и Г-жу Сенажъ въ этотъ паркъ, чтобы даже ни какая догадка не печалила зрителей. Г. Баяръ какъ-можно болѣе сближаетъ супруговъ; Г. Скрибъ окружаетъ ихъ людьми и солнечнымъ сіяніемъ; у Г. Баяра почти свиданіе наединѣ, у Г. Скриба супруги не сходятся никогда; наконецъ старикъ Г. Скриба всегда хорошо одѣтъ, какъ человекъ, который знаетъ, что спальный нарядъ невыгоденъ въ его лѣтахъ; впрочемъ онъ смѣло можетъ имѣть и шлафрокъ, жена никогда его не увидитъ.

Изъ этого вы тотчасъ видите какъ различны водевилы Г. Скриба и Г. Баяра, заимствованные между-тѣмъ изъ одного и того же романа. Чувствованія ихъ дѣйствующихъ лицъ такъ же не одинаковы какъ и все ихъ окружающее. У Г. Баяра Г-жа де-Сенажъ—дѣвочка печальная, довольно дурно воспитанная, которая непрерывно сердится и бранитъ своего бѣднаго мужа. Г. Скрибъ поступилъ умнѣе: Г-жа де-Сенажъ мила, рѣзва, весела, предестная женщина: наивность не есть глупость; она, сама того не зная, любитъ своего любезнаго, но отъ всей души любитъ своего мужа. Она ни на минуту не забываетъ, какъ много обязана ему за его доброту и снисходительность. Г. Баяръ поражаетъ Г. де-Сенажа въ самое сердце; Г. Скрибъ только немножко

тревожить его. Г. Баяръ дѣлаетъ Г-жу де Сенанжъ незначительною; у Г. Скриба она до конца такова, какою содала ее Г-жа Соуса, то есть, добра, проста и естественна. Любовники тоже совершенно неодинаковы въ пьесахъ ученика и учителя. У перваго является внутренний молодой человекъ, который отважно и небрежно ведетъ любовную интригу и останавливается передъ письмомъ, которое онъ распечаталъ. У втораго, молодой человекъ душевно преданный своему благодѣтелю, влюбленный, но ни сколько непроступный. Развязка, одинаковая въ обѣихъ пьесахъ приведена несравненно веселѣе и забавнѣе у Г. Скриба посредствомъ рязвой Маріи, жениха ея Трико, и всѣхъ поселковъ, которыя прибѣгаютъ впору и во-время. Спектакль, конечно, не новый, но здѣсь необходимый, потому что Г. Скрибу нужно было всеми возможными средствами заставить зрителей забыть дряхлость его героя. Нѣтъ, все-таки у Г. Скриба во сто разъ болѣе ума, чѣмъ у Г. Баяра! Пьеса учителя такъ же весела, мила, забавна, занимательна, какъ водевиль ученика скученъ, однообразенъ и несносенъ.

4. *Le Jugement de Salomon*, *Саломоновъ судъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Это одна изъ тѣхъ вещей, которыя называются *vaudeville-folie*, а по-Русски дурачество. Въ самомъ заглавіи вы уже имѣете каламбуръ, потому что оно можетъ относиться и къ Саломону древнему, и къ человеку, которому фамилія Саломонъ. Рѣчь идетъ о честномъ господинѣ Саломонѣ, который отдалъ подъ судъ за то, что по ошибкѣ украдъ двѣ пачки сѣна, предполагая утащить двѣ пачки фланецъ. Пріятель Саломона, занимавшійся пѣкогда тою же отраслью промышленности, старается избавить его отъ бѣды. Онъ выдаетъ себя за молодаго человека, который собирается жениться, крадетъ платѣе жениха и бриліанты невесты, запираетъ судью Саломона въ погребъ, а самъ надѣваетъ судейское платѣе.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Новый романъ Г. Мюшеля Масона, *Vierge et martyre*, — но есть романъ его, еще по-

ны въ этомъ. *Michel le Borgne*, уже четвертый романъ въ нынѣшнемъ году, — отличается тѣми же качествами, какъ почти всѣ его сочиненія, — заманчивостью завязки и дурнымъ слогомъ. Вообще Г. Массонъ весьма искусно поддерживаетъ занимательность разсказа и часто блестятъ сильными положеніями, но сюжеты его убійственно однообразны: онъ избралъ себѣ предметомъ доказать ужасъ прелюбодѣлія, устрашать читательницъ своихъ послѣдствіями слишкомъ обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе страшнаго, преступленія: дѣла его, конечно, весьма похвальна, но начиная съ *Les Intimes* до *Vierge et martyre* — все одна и та же пѣсня, и она становится уже утомительною. Дитя рождается у него въ началѣ книги, иногда до брака, но гораздо чаще въ первый годъ супружества, и въ обоихъ случаяхъ незаконнымъ образомъ. На этотъ разъ великій защитникъ супружеской вѣрности перехитрилъ дѣла. Г. Аржелъ женатъ; Г. Монльё имѣетъ случай способствовать къ приумноженію его семейства дочкою Клементиною; эта дочка растетъ и хорошеетъ дотогу, что когда ей пришла пора выходить замужъ, Г. Аржелъ, который зналъ отношенія къ ней Г-на Монльё, чтобы отомстить ему, принуждаетъ рсчатнаго жениться на ней, и несчастный Г. Монльё, зная также кому она обязана жизнью, отдаетъ ей свою руку. Само собою разумется, что Клементина останется чистою въ супружествѣ, и что она будетъ ужасно тѣмъ мучиться: вотъ отчего она *Vierge et martyre*.

Сочинительница «Наталія», очень милого романа, переведеннаго въ нынѣшнемъ году по-Русски и который приписывали Г-ну Сальванди, издала недавно новое сочиненіе, *Corisande de Mauléon*. Въ немъ можно также узнать присутствіе Г. Сальванди, но второй романъ во многомъ уступаетъ первому.

— Какъ и во всѣхъ прочихъ, въ новомъ романѣ Г. Польде Кока, *Ni jamais ni toujours*, приключаются страшныя бѣдствія съ дѣйствующими лицами повѣсти: они поочередно опрокидываются съ извозничьей каретой въ канаву и падаютъ съ осла прямо на плетень, — при чемъ юпка всегда гдѣ-нибудь зацѣпится. Героини напачаютъ свиданія въ спальнѣ своихъ возлюбленныхъ. Множество сценъ карнака-

туримъ способны разсѣивать в самыя жестокаа критиковъ. Безчисленные читатели и читательницы его романовъ впроятно воображаютъ, что авторъ долженъ быть молодой человекъ съ бладыми лицами и голубыми глазами, который выходитъ на прогулку не раньше девяти часовъ вечера. Ни сколько не бываетъ. Г. Поль-де-Кокъ—примѣрный отецъ семейства, милый и добродушный старикъ съ сѣдыми волосами, который гуляетъ только съ Г-жею Поль-де-Кокъ и своими дочерьми.

Le wagon d'Holbach, Г. Клодона, есть родъ историческаго романа, родъ картины XVIII вѣка, не слишкомъ достойной для этого вѣка, но довольно похваляемой журналами, которые однако жъ упрекаютъ ее въ недостатокъ единства и поэзіи, тучь собственныхъ именъ и безвѣтности слога: Дидердъ здѣсь главное дѣйствующее лице. Другой историческій романъ, въ которомъ также потребление собственныхъ именъ—ужасно, болѣе заслуживаетъ ихъ одобреніе: это—*Laizun*, Г. Поль Мюссѣ.

— Новый томъ поэзіи, который издалъ Г. Викторъ Гюго подъ заглавіемъ *Les chants du crépuscule*, напоминаетъ форму своихъ стихотвореній его *Orientales* и родомъ вдохновенія первыя его оды. Любовь, политика и философія были три его Музы. Между-тѣмъ какъ Франція день ото дня становится хладнокровнѣе и разсудительнѣе, отказываясь въ словесности, и въ политикѣ, отъ возмущеній и мечтательныхъ теорій, этотъ человекъ одинъ остается неизмѣнимымъ: все та же жесткость мысли и формы; ни происшествія, ни общество, ни лѣта не исправили природныхъ влеченій его души, грозной и разрушительной. Его политика—безпорядокъ; его философія—сепсимопизмъ и сомнѣніе; по его любовь—радужный огонь. Между эротическими стихотвореніями этого тома есть пьесы удивительной красоты, хотя и здѣсь можно упрекнуть его въ излишнемъ изобиліи ангеловъ, небесныхъ запаховъ, нищихъ и сиротъ, которые нынче играютъ роль Греческой мифологіи. Въ другихъ стихотвореніяхъ, подлѣ самаго ложнаго направленія мысли, замѣчательны богатство картинъ, живость и блескъ красокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то натянутое и искусственное въ формѣ.

— Г. Мишлѣ, человекъ съ престранною головою, перевелъ и издалъ по-Французки Записки Лютера. Г. Мишлѣ

находить неистощимыя книги для упражненія пера своего въ переводахъ: Вико и Записки Лютера!

— Гг. Баару, Скрибу, Анселю чрезвычайно анлодировали весь прошедшій мѣсяцъ въ Парижѣ; все драматическіе писатели были очень умны и забавны: только одинъ авторъ былъ освястанъ. Это — Молиеръ. «Жоржъ Данденъ» этого беднаго сочинителя два раза сряду подвергся ужасной грозѣ и упалъ совершенно. Ну какъ Молиеру равняться съ Г-нъ Ансело!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Куда дваться отъ политики! Мы еще недавно думали, что можно избѣгнуть этой зарамы по-крайней-мѣрѣ превратившись въ женщину. Умы и эта надежда исчезла: политика проникаетъ и подъ чепцы. Доказательство: Г-жа Лоудонъ написала объ ней прелюбую книгу, хотъ и укрываетъ заветный предметъ подъ двусмысленнымъ заглавіемъ *Philanthropic Economy, or the philosophy of happiness*. Тутъ милыя ея читательницамъ найдутъ длинныя разсужденія о хлѣбныхъ законахъ, о выгодахъ прямыхъ налоговъ передъ непрямими, о законѣ переродства, о церковной реформѣ, словомъ обо всемъ, надъ чѣмъ до-сихъ-поръ звали одни мужья ихъ, по правамъ и привилегіямъ непрекраснаго пола. Русскія помѣщицы особенно должны быть благодарны Г-жѣ Лоудонъ: она доказываетъ очень ясно, что законы, которыми ограниченъ ввозъ иностраннаго, следовательно и Русскаго, хлѣба въ Англію, противны не только здравому смыслу, но и религіи.

— Нынѣшній мѣсяцъ Англійскія дамы рѣшительно издѣлись не за свое дѣло. Вотъ еще одна книга, написанная перомъ женщины и исполненная, — чего бы вы думали? — Метафизики, самой высшей, самой метафизической Метафизики: это *The immaterial system of man*, сочиненіе Г-жи Елизаветы Гонъ. Авторъ принадлежитъ къ школѣ тѣхъ Англійскихъ философовъ, у которыхъ небольшой запасъ положительныхъ сужденій разведенъ цѣлымъ моремъ Германскаго идеализма. Мы думаемъ, что этотъ запасъ и Ничто въ прекратится только тогда, когда составится полная «роспись идеаловъ» по націямъ.

— Лавреатъ Соути издастъ вновь сочиненія знаменитаго

поэте-мизантропа Коупера. Первый томъ заключаетъ въ себя жизнеописание этого страннаго человека. Оно не богато новыми подробностями, но известный биграфическій талантъ автора не изменилъ ему и въ этомъ случаѣ: адлясь та же разборчивость, тотъ же вкусъ, та же чистосердечіе въ разсказѣ, и тотъ же ясный, сильный и изящный слогъ, какими отличаются прежнія его биографіи.

— Г. Генри Ф. Чорли, о которомъ мы говорили за нѣсколько мѣсяцевъ по случаю его Tales of a sea-port town, издавъ теперь новое собраніе повѣстей, подъ заглавіемъ Conti the discarded; with other tales and fancies. Лучшая изъ нихъ Conti и Margaret Sterne; но въ обзвхъ, особенно въ первой, авторъ болѣе заботился о томъ, чтобы сцѣпить побольше случаевъ и положеній, нежели о томъ, чтобы развѣть ихъ.

— Последнее сочиненіе лорда Брума, съ которымъ мы познакомили нашихъ читателей въ предыдущемъ номерѣ Б. для Ч., вызвало противъ себя нѣсколько возраженій. Г. Валлесъ написалъ Observations on Lord Brougham's Natural Theology, Г. Варнеръ Кривіанъ Серчь — Metaphysical gambles. И тотъ, и другой ссылаются доказать старую истину, что ни кто изъ людей, слѣдственно ни самъ лордъ Брумъ, не въ состояніи опредѣлить сущности человеческого духа. Мы однако жъ взяли бы за это опредѣленіе, если бь Гг. Валлесъ и Серчь объяснили намъ, что разумютъ они подь словомъ—сущность.

— Можно рекомендовать не только молодымъ читателямъ, но и всѣмъ любителямъ Естественныхъ Наукъ, не посвященнымъ въ ихъ таинства, книгу Г. Гиттинса The earth, its physical history and most remarkable phenomena. Здѣсь, въ небольшомъ пространствѣ, содержится почти все, что открыто до-сихъ-поръ касательно физическаго строенія земнаго шара и естественныхъ явленій, связанныхъ съ поддержаніемъ органической жизни. Изложеніе просто, ясно, удовлетворительно, безъ формулъ, безъ потугъ краснорѣчія, безъ книжнаго хлама.

— Г. Глегъ, авторъ известнаго романа The Subaltern, написалъ другой, которому Англійскіе журналы не предвѣщаютъ такой известности. Въ Chronicles of Waltham да-

рование Г: Глега къ сожалѣнію вѣлось комментировать законы о бѣдныхъ, изображать смотрителей рабочихъ домовъ и описывать несправедливости, господствующія по нивнымъ лавочкамъ. Есть надежда, что въ романахъ скоро будутъ подбивать обзорамъ фабрикъ, машинъ, живодерень, желѣзныхъ дорогъ, а въ статистическихъ таблицахъ отдѣлять особую графу для любовныхъ дѣлъ каждаго государства.

— Известный эллипсизмъ, Г. Мичель, перевелъ Аристофанову комедію «Осы» и весьма удачно; но, къ крайнему прискорбію вѣтовъ, онъ издалъ ее съ примѣчаніями, въ которыхъ извѣствуетъ весь свой ультра-торизмъ на Аѳинскихъ либераловъ.

— Теперь эпоха самыхъ чудесныхъ Англійскихъ альманаховъ. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ, вышло еще восемь, и по крайней мѣрѣ столько же приготовлялось въ выпускъ. *Landscape Annual*, украшенный изящными вѣтвями Робертса, весь посвященъ исторіи и описанію Андалузскаго Края. *Biblical Keepsake* хорошъ, но уступаетъ прошлогоднему. *The English Annual* съ своими веселыми, гордыми, сентиментальными красавицами и изящными видами дворцовъ, можетъ занять третье мѣсто. За нимъ слѣдуетъ меланхолическій *Friendship's Offering*. Гятовъ *Picturesque Annual*, съ видами Петербурга и Москвы, не уступаетъ въ изящности ни одному изъ предъидущихъ: мы сказали объ немъ подробно въ «Литературной Лѣтописи». Въ *Forget-me-not*, кромѣ изящныхъ картинокъ Лендсера, Генкока и Рольза, есть стихотворныя и прозаическія статьи Миссъ Лендонъ, Мистрисъ Ли, Гоуль, Эттриккаго Пастуха, доктора Боуринга и другихъ. Въ *Historical Keepsake* всего пышнѣе предисловіе. Почти все эти альманахи находятся уже здѣсь въ Петербургѣ, у книгопродавца Диксона. *The Comic Almanack* отличается характеристическими олицетвореніями мѣсяцевъ знаменитаго Крукишенка. Тутъ есть между прочимъ «Годовая вѣдомость замѣчательныхъ происшествій», изъ которой мы выпишемъ нѣсколько строкъ для нашихъ читателей. «*Ноября 15*. Общество покровительства животныхъ имѣло сегодня свое торжественное годичное собраніе, и

большая серебряная медаль присуждена имъ за следующіе великодушные подвиги: Діанѣ Финнъ за то, что она свернула шею нарв. угрей, прежде чѣмъ сдвратъ съ нихъ вѣску; Симону Сооту за то, что онъ варитъ раковъ въ холодной водѣ, и Эранну Гекету за то, что онъ крошитъ треску тулымъ перочиннымъ ножикомъ. Общество опредѣлило большинствомъ голосовъ изъяснить торжественную благодарность Г. Деніелю Дозеру за употребленіе имъ на удочки мертвыхъ червей для притравы, и прочая.

— Говорятъ, что скоро выйдетъ новый романъ Г. Болдвера, подъ заглавіемъ Rienzi.

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ ГЕРМАНИИ. Его высочество герцогъ Павелъ Вильгельмъ Виртембергскій издалъ наконецъ свое первое путешествіе по сѣверной Америкѣ, совершенное въ 1822, 1823 и 1824 годахъ. Литература путешествій приобрѣтаетъ въ этой любопытной книгѣ значительное приращеніе естественно-историческихъ, этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о сѣверозападныхъ краяхъ Америки, и въ особенности о тѣхъ, которые лежатъ у верховья Миссури. Высокій авторъ, въ предисловіи, которое можетъ служить образцемъ скромности, называетъ этотъ трудъ отрывочнымъ извлеченіемъ изъ своего дневника; но читатели найдутъ въ немъ полный и ясный обзоръ разноплеменнаго населенія сѣверозападныхъ штатовъ и вмѣстѣ живую картину ихъ дѣвственной и роскошной природы. Ученыя наблюденія, которыя герцогъ производилъ во время этого путешествія, полагаютъ онъ сдѣлать предметомъ особаго изданія. Къ числу занимательнѣйшихъ частей путешествія принадлежитъ подробный отчетъ принца о пребываніи его на островѣ Кубъ, котораго внутренность затворялась прежде Испанскимъ правительствомъ отъ любопытства чужеземцевъ. Герцогъ воспользовался еще однимъ весьма рѣдкимъ отличіемъ на твердой землѣ Америки: онъ былъ допущенъ въ храмъ Индѣйцевъ Пани и описалъ подробно какъ самое капище, такъ и священные обряды этого народа. Мы непременно сообщимъ его любопытное описаніе въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ Библиотекъ.

— Г. Вильгельмъ Вакернагель возымѣлъ счастливую мысль

составить хронологическое собраніе лучшихъ произведеній Германской литературы и до половины уже привелъ ее въ исполненіе. Первая часть этой обширной хрестоматіи объемяетъ эпоху отъ IV столѣтія до XV, и представляетъ рядъ примѣровъ постепеннаго развитія Нѣмецкаго языка и словесности во всякъ замѣчательныхъ отгвѣткахъ и переходахъ. На девяти стагъ страницъ мелкой печати въ четвертку почтенный издатель уместилъ такое сокровище, какого не имѣетъ въ подобномъ объемѣ ни одна литература, — а цѣна этому сокровищу всего восемь рублей! Вслѣдъ за этой частью выйдеть вторая, которая будетъ содержать въ себѣ одни стихотворенія отъ XV вѣка до нашихъ временъ. Третью, прозаическую, часть Г. Вакарнагель объемяетъ только въ случаѣ благосклоннаго пріема двухъ первыхъ.

— *Novellen und Gedichte* Г. Фисера, вышедшія вторымъ умноженнымъ изданіемъ, носятъ отпечатокъ ума благороднаго и образованнаго. Особливо заслуживаютъ вниманія двѣ повѣсти, которыя сцена на островѣ Явъ.

— Сочинительница новаго историческаго романа *König Christiern II*, Г-жа Агата С^{***}, жестоко провинилась передъ судилищемъ новѣйшихъ романистовъ: ей пришлось въ голову внимательно изучить исторію своего героя прежде чѣмъ вывести его на сцену. Это совсѣмъ наперекоръ правиламъ подражателей Вальтеръ-Скотта: несмотря на то, романъ Г-жи Агаты С^{***} очень недурень.

— Еще одна дама, Г-жа Франциска фонъ-Штенгель, водарила Германскую публику очень занимательнымъ романомъ, или, какъ онъ названъ *Wahrheit und Dichtung*, подъ заглавіемъ Синцендоръ. Надобно знать, что Синцендоръ былъ графъ и Австрійскій гофкаммеръ-президентъ, что у него была очень милая и пригожая дочка Клара и очень бѣдный секретарь, титулярный советникъ, Генрихъ Блумъ. Изъ этого, разумеется, долженъ завязаться романъ, а для развязки призываетъ изъ пѣвца двоюродный братъ Синцендорфа съ страшнымъ богатствомъ. Какъ копнуть страшнаго богатства въ пѣвцу, этого секрета имъ никому не открѣмъ.

— Современная Германская словесность такъ бѣдна комическихкими произведеніями, что всякій призывъ таланта въ

этотъ родъ удостоивается самаго яснаго приѣма. Недавно вышли три комедіи Г. фонъ Плецъ, *Der Cholera mann, Stolz der Geburt und Stolz des Glücks* и *Die Abenteuer einer Neujahrnacht*, которыя могутъ служить тому примѣромъ: послѣдняя, переделанная изъ известной повѣсти Цшокке, выдержала на Берлинскомъ театрѣ около пятидесяти представлений.

— *Neues allgemeines Künstler Lexikon*, издаваемый докторомъ Наглеромъ, общается любителямъ искусствъ и даже записнымъ художникамъ очень хорошую настольную книгу. Еще болѣе вниманія, по своей подробности, заслуживаетъ предпріятіе Г. Шиллинга, который, при содѣйствіи многихъ ученыхъ и музыкантовъ, трудится надъ энциклопедіей всѣхъ музыкальныхъ наукъ, расположенной въ алфавитномъ порядкѣ. О матеріальной полнотѣ этого словаря можно судить по тому, что первый томъ, отъ А до Вq., содержитъ въ себѣ сорокъ семь листовъ печати.

Н О В Ы Я   К Н И Г И .

Французскія.

- ÉTUDES D'HISTOIRE et de philosophie**, par E. S. *Lerminier*, professeur au collège de France. 2 vol.
- HISTOIRE DE LA RÉVOLUTION française**, par M. A. *Thiers*, ministre. 10 vol., par souscription.
- HISTOIRE DE LA MARINE française**, par M. *Eugène Sue*. 8 vol., par livraisons.
- RECHERCHES sur les arts et métiers, les usages de la vie civile et domestique des anciens Egyptiens, suivies de détails sur les mœurs et coutumes des peuples modernes des mêmes contrées**, par M. *Frédéric Caillaud*. 2 vol. in 4.
- HISTOIRE de la vie et des ouvrages de Michel-Ange Buonarroti**, par M. *Quatremère de Quincy*. 1 vol.
- BIOGRAPHIE universelle des musiciens**, par M. *Fétis*. 2 vol.
- MYTHOLOGIE PITTORESQUE de tous les peuples anciens et modernes**, par M. *Odolant-Desnos*. 1 vol. par souscription.
- NEUF ANNÉES A CONSTANTINOPLE**, observations sur la topographie de cette capitale, les mœurs, l'hygiène, la peste, ses variétés, etc., par le docteur *Tardieu*. 2 vol.

- COLLECTION DE PERROQUETS**, pour faire suite à la collection de Le Vaillant, par le docteur *Bourjot-Saint-Hilaire*. Par souscription.
- TRAITÉ COMPLET** de l'anatomie de l'homme, par le docteur *Bourgery* et le dessinateur *Jacob*. 50 livraisons, par souscription.
- LES CHANTS DU CRÉPUSCULE**, poésie diverses, par *M. Victor Hugo*. 1 vol.
- LES PHÉNOMÈNES DE L'UNIVERS**, ou l'existence, la grandeur et les bienfaits de la divinité, considérés dans les merveilles de la créature, poème par *M. Monbrion*. 2 vol.

-
- TABLEAU HISTORIQUE** de la littérature française au XV et XVI siècles, par *M. Charpentier*. 1 vol.
- HISTOIRE DE LA LITTÉRATURE** allemande, depuis les tems les plus reculés jusqu'à nos jours, par *M. Peschier*. 1 vol.
- LE CHEMIN DE TRAVERSE**, par *M. Jules Janin*. 2 vol.
- IL VIVERE**, par *M. Samuel Bach*, libraire. 1 vol.
- LE FESTIN D'HAMBROZ**, roman historique, tiré des annales mauresques, par *M. Pens-Lambert*. 1 vol.
- LE ROI MARGOT**, épisode du tems de la Ligue, par *M. Emile Vanderburch*. 2 vol.
- LA BÉDOUINE**, roman par *M. Poujoulat*. 2 vol.
- SCÈNES** de la vie malheureuse, ou Paris, vallée de larmes, par *M. Paccard*. 2 vol.
- SAGESSE**, ou la Vie d'un étudiant, roman par *M. Arsène de Cey*. 4 vol.

Английскія.

- METAPHYSICAL RAMBLES**. By *Warner Christian Search*. 1 vol.
- OBSERVATIONS** on Lord Brougham's Natural Theology. By *T. Wallace*. 1 vol.
- THE IMMATERIAL SYSTEM** of man, contemplated in accord with the beautiful and the sublime, and in reference to a plan of general education. By *Elizabeth Hope*. 1 vol.
- THE LOSELY MANUSCRIPTS**, illustrative of some of the more minute particulars of English history, biography, and manners, from the reign of Henry VIII to that of James I. Edited by *A. J. Kempe*. 1 vol.
- REMINISCENCES OF NIEBUHR**. By *Francis Lieber*. Author of "The Stranger in America."
- PROCEEDINGS** of the fifth meeting of the British Association. Compiled and published by *M. Hardy*. 1 vol. 4°.
- THE EARTH**, its physical history and most remarkable phenomena. By *W. M. Higgins*. 4 vol.
- AN EXAMINATION** of the ancient orthography of the Jews. Part I. Con-

- taining an inquiry into the origin of alphabetic writing and an essay on Egyptian hieroglyphics. By the rev. *C. W. Wall*. 1 vol.
- ON THE OTHOMI LANGUAGE. (De lingua Othomitorum dissertatio). By *Emanuel Naxera*, of Mexico. Philadelphia. 1 vol.
- THE WASPS of Aristophanes; with notes. By *T. Mitchell*. 1 vol.
- THE POETRY OF LIFE. By *Sarah Stickney*. 2 vols.
- THE WORKS of William Cowper, with a life of the author. By *R. Southey*. Vol. I.
- CONTI THE DISCARDED; with [other tales and fancies. By *Henry F. Chorley*. 3 vols.
- THE CHRONICLES OF WALTHAM. By the author of the Subaltern 3 vols.
- HAROLD DE BURUN; a semi-dramatic poem. By *Henry Austen Driver*. 1 vol.

Нѣмецкія.

- BEDENKEN GEGEN DIE ÖFFENTLICHKEIT der Berathung und Beschlussfassung moralischer Personen, besonders des Staats. Von *Fr. Bernh. Freihert von Seckendorff*. 1 Bd. Glogau.
- ALLGEMEINE GESCHICHTLICHE BETRACHTUNGEN über den Entwicklungsgang des Menschengeschlechts. Von *Jos. A. Kaltschmidt*. 1 Bd. Rotweil.
- DE OTTONIS IV ET PHILIPPI SUEVI CERTAMINIBUS atque Innocentii labore, in sedandam regum contentionem insumto, scripsit *G. H. T. Wichert*. 1 Bd. Regiomontii Pruss.
- PTOLEMAEI NEPHEAESTIONIS novarum historiarum ad variam eruditionem pertinentium excerpta e Photio edidit *Jos. Imm. Gisl. Roulez*. Praefatus est *Frid. Kreuzerus*. 1 Bd. Bruxellis.
- ERSTE REISE nach den nördlichen America in den Jahren 1822 — 1824 von *Paul Wilhelm*, Herzog von Württemberg. Stuttgart.
- DEUTSCHES LEBEBUCH von *Wilhelm Wackernagel*. 1 Theil. Poesie und Prosa vom IV bis zum XV Jahrhundert. Basel.
- SCHOLIA in Homeri Iliadem, quae in codice bibl. Paull. acad. Lips. leguntur post Villoisonum et Imm. Bekkerum, nunc primum ex ipso codice integra edidit ac recensuit *Ludov. Bachmannus* Vol. I. Fasc. I. Lipsiae.
- STRAFRECHTSFÄLLE, bearbeitet von Dr. *Anton Bauer*. 1 Bd. Göttingen.
- DAS PREUSSISCHE MILITAIR-STRAFRECHT wie es besteht, systematisch dargestellt von Dr. *Carl Friccius*. 1 Bd. Berlin.
- NEUES ALLGEMEINES KÜNSTLER-LEXICON. Unter Mitwirkung von Gelehrten, Künstlern, Kunstkennern und Kunstfreunden, bearbeitet von Dr. *G. H. Nagler*. In 6 Bdn. 1—4 Lieferung. München.
- T. XIII. — СТА. VII.

UMRISS EINER THEORIE der bildenden Künste. Von *L. Schorn*. Stuttgart.

ENCYCLOPÄDIE der gesammten musikalischen Wissenschaften, oder Universal-Lexicon der Tonkunst. Bearbeitet von *M. Fink, de la Motte Fouqué*, *Dr. Grossheim*, *Dr. Heinroth*, m. A. und dem Redacteur *Dr. Gustav Schilling*. 1 Bd. Stuttgart.

DER TORPIDE CROUP, die gefahrvollste Art der häutigen Bräune. Ein Beitrag zur näheren Erforschung der Natur des Croups, zur Diagnostic und glücklichen Heilmethode der verschiedenen Arten und zu einer neuen Theorie des., von *Phil. von Hagen*, mit Zusätzen von *L. A. Kraus*. 1 Bd. Göttingen.

DIE HAUTKRANKHEITEN und ihre Behandlung, systematisch beschrieben von *Dr. Ludw. Carl Oberkampff*. 1 Heft. Hannover.

ÜBER DEN GEBRAUCH und die Wirkungen künstlicher und natürlicher Mineralbrunnen. Von *Dr. Aug. Vetter*. Berlin.

ÜBER DIE WIRKUNGEN und den Gebrauch der Bäder, besonders der Seebäder zu Doberan. Von *J. D. W. Sachse*. 1 Bd. Berlin.

NOVA ACTA PHYSICO-MEDICA Academiae Caesareae Leopoldino-Carolinae Naturae Curioforum. Tomi XVII pars prior. Bonnæ.

REISE DURCH TYROL, Oberitalien und Piemont, nach dem südlichen Spanien. Von *D. med. Jos. Wall*.

ENUMERATIO PLANTARUM Africae australis extratropicæ, quæ collectæ, determinatæ et expositæ sunt a *Christ. Fr. Ecklon* und *Carl Zeyher*. Pars I. Hamburgi.

JAHRBUCH für Physiker, Chemiker, Mineralogen, Pharmaceuten, Fabrikanten etc. Enthaltend die Fortschritte der Physik, Chemie etc. im Verlaufe des Jahres 1833. Von *J. F. Hessler*. 1 Abtheil. Grätz.

DIE GÄUBENWETTER, oder Uebersicht aller in den Gruben vorkommenden Gasarten, der Ursachen ihrer Bildung, der Mittel diese zu verhindern, etc. Von *Dr. Alo. Wehrle*. 1 Bd. Wien

DIE FORSTMATHEMATIK mit Anweisung zur Forstvermessung, Holzschätzung und Waldwerthberechnung. Von *G. König*. 1 Bd. Gotha.

NOVELLEN UND GEDICHTE von *J. J. A. Pfyffer*. 3 verm. Ausgabe. 1 Bd. Zürich.

KÖNIG CHRISTIERN II, historischer Roman von *Agathe S**** (Subr?) 3 Bde. Leipzig.

SINNENDORF. Wahrheit und Dichtung von *Franziska von Stengel*. 2 Bd. Carlsruhe.

ALTDEUTSCHE BLÄTTER von *Mor. Haupt* und *Heinrich Hoffmann*. 1 Heft Leipzig.

LUSTSPIELE von *Joh. v. Plötz*. 1 Band. München.

LUSTSPIELE von *J. K. Lenz-Kühne*. 2 Bde.

FRANKFURTER BILDER von *Edward Weirmann*. 1 Bd. Mainz.
 GESCHICHTE eines deutschen Steinmetzen, von *Fried. Beck*. 1 Bd.
 München.

М О Д Ы

Парижъ. Ноябрь.

— Платья чрезвычайно широкія и длинныя продолжают господствовать на званыхъ обѣдахъ и въ церемоніальныхъ визитахъ: замѣчено, что юбки имѣютъ явное направленіе къ хвостамъ, и легко можетъ статься, что еще нынѣшней знаною шлейфы будутъ въ модѣ. Напротивъ, рукава обнаруживаютъ болѣе благоразумія въ своей ширинѣ: нѣкоторые изъ нихъ плотно обтягиваютъ руку у плеча и расширяются только въ верхней ея половинѣ; многія бальныя платья имѣютъ узкіе рукава вверху и широкіе внизу, достигающіе до локтя. Платье, которое изображено на приложенной картинкѣ, можетъ быть названо осьмымъ чудомъ свѣта: ничего девятнадцатый вѣкъ не изобрѣлъ воспитательнѣе и зѣирнѣе: оно сдѣлано изъ шелкового тюля и надѣвается на богатый золотой или серебряный атласъ; блескъ драгоценнаго металла, воздушная легкость тюля и искусственныя цвѣты, приколотыя по всей поверхности блестящаго, туманнаго и цвѣтущаго наряда, дѣлаютъ его истинно райскимъ платьемъ. Другія фигуры картинки представляютъ разные корсажи и головныя уборки, нынче употребительныя въ Парижѣ. Многія платья бывають вышиты шелкомъ въ видѣ передниковъ: въ модномъ магазинѣ Gagelin видны бархатныя капоты, богато вышитыя спереди. Что касается до уборки волосъ, то должно вообще замѣтить, что банты почти исчезли съ головъ, на которыхъ теперь цвѣтутъ вездѣ розы и другіе цвѣтки.

— Турбаны болѣею частію имѣютъ Арабскій фасонъ; складки ихъ перемѣшаны брилльянтовыми застежками и браслетами изъ драгоценныхъ камней. Величина турбановъ и шляпокъ значительно больше прошлогодней. Въ театрахъ видны только турбаны, блондовые чепчики и шляпки съ маленькими полями. Но уже можно предвидѣть паденіе турбановъ. Дамы, принадлежащія ко двору, предпочитаютъ

имъ шляпки съ маленькими полями, *les petits bords*, которыя гораздо лучше идутъ къ лицу; Французскія припессы явились недавно въ такихъ шляпкахъ, и турбаны поколебались даже на тѣхъ головахъ, на которыхъ они, казалось, были неразрушимы и могли пережить столѣтiе. Этого рода шляпки носятъ совершенно на-бекрень, что придаетъ хорошенькой женщинѣ видъ задорливый, который очень милъ. Молодыя дамы убираютъ голову также «Испанскою» резилією, алою, голубою или черною, осыпанною бѣлыми перлами, по Мадридской модѣ: невозможно описать ни какимъ перомъ прелесть, которую сообщаетъ лицу подобная уборка, особенно если она расположена на головѣ рукою шармастера-поэта. Со всѣмъ тѣмъ непостоянство вкуса грозитъ уничтожить и это прекрасное приобрѣтеніе вкуса: чепчики съ гирляндами быстро входятъ въ моду, которую можно уже назвать ужасною. Самые любимые чепчики суть à la Grecque, à la Jardinière и à la Charlotte Corday.

— Величайшую и самаго высокаго стиля новость составляютъ шляпки изъ палеваго неразрѣзнаго бархата съ длиннымъ перомъ, *plume-saule*, и съ бантомъ на цевъ изъ марбутовъ; подъ тульей находятся два букета изъ перьевъ, спавающихся съ блондою. Самые употребительные цвѣта бархатныхъ шляпокъ суть пурпуриновый, зеленый миртовый или черный. Одно большое перо того же цвѣта какъ и шляпка, и такія же ленты, придаютъ имъ видъ благородный и вмѣстѣ съ тѣмъ означаютъ чистый вкусъ дамы. Надобно сказать еще и то, что узорчатая лента совсѣмъ ушла. Лента должна быть широкая и гладкая.

FEB 11 1949

